Государство и общество в России XV – начала XX века

Н. Е. Носов.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

Государство и общество в России XV—начала XX века

Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Государство и общество в России XV—начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Санкт-Петербургский институт истории РАН. — СПб.: Наука, 2007. 603 с.

ISBN 978-5-02-026465-6

Сборник научных статей посвящен памяти выдающегося отечественного историка Н. Е. Носова (1924—1985). Сборник включает в себя научно-биографические материалы о Н. Е. Носове; статьи и публикации, освещающие ключевые проблемы истории дореволюционной России — взаимоотношения власти и общества, история сословий и социальных групп, история государственных учреждений, реформы и контрреформы, вопросы историографии и источниковедения и другие проблемы. Статьи сборника, написанные отечественными и зарубежными историками, дают современный взгляд на исследуемые проблемы, предлагают новые методы и подходы к изучению дискуссионных вопросов.

Издание адресовано историкам, специалистам в области источниковедения и историографии, а также всем интересующимся отечественной историей.

Редакционная коллегия:

Ю. Г. Алексеев, академик *Б. В. Ананьич*, *А. П. Павлов*,
академик *А. А. Фурсенко*, академик *В. Л. Янин*

Редактор-составитель

А. П. Павлов

Рецензенты:

С. В. Лебедев, *П. В. Седов*

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

ТП-II-2007-357
ISBN 978-5-02-026465-6

© Российская академия наук, 2007
© Коллектив авторов, 2007
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2007

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Имя Николая Евгеньевича Носова хорошо известно в исторической науке. Его монографии и статьи принадлежат к лучшим достижениям отечественной историографии. Фундаментальные исследования Н. Е. по проблемам местного управления и становления сословно-представительных учреждений на местах в России XVI в., его идеи о многовариантности путей исторического развития России сохраняют свою научную значимость и актуальность по сей день.

Н. Е. Носов был очень яркой личностью, которая проявилась не только в науке, но и на всем его жизненном пути.

Н. Е. Носов родился 20 мая 1924 г. в Ленинграде в интеллигентной семье. Его отец — Евгений Иванович Носов — был известным юристом, преподаватслем юридического факультета Ленинградского университета, мать — Ольга Николаевна — ученым-метеорологом. В 1941 г. Н. Е. окончил среднюю школу и поступил на учебу в Ленинградский университет. Но заниматься в университете ему не пришлось. Началась война, и Н. Е. был призван на военную службу. Он становится курсантом артиллерийского училища в г. Энгельсе, по окончании которого направляется в действующую армию. Боевой путь молодого артиллерийского офицера начался на Курской дуге. Н. Е. постоянно находился на передовой и был фронтовиком в подлинном смысле этого слова. Он участвовал в форсировании Днепра, в освобождении Венгрии, Чехословакии, Австрии. За боевые заслуги и пролитую в боях с фашистами кровь (получил тяжелое ранение в боях за освобождение Украины) Н. Е. был награжден орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны II степени» и медалями.

В мае 1946 г. Н. Е. был демобилизован и вернулся в родной Ленинград. Возвращение с войны означало для него не отдых, а начало нового труда — труда мирного, труда во имя служения науке. В сентябре 1946 г. Н. Е. возвращается в ЛГУ на исторический факультет. На студенческую скамью он приходит уже человеком, умудренным богатым жизненным опытом. За время учебы в университете Н. Е. зарекомендовал себя как один из лучших, талантливых студентов. Он был старостой и душой студенческого научного общества (так называемого СНО). Студенты даже шутливо обыгрывали сочетания «СНО» и «Носов». Уже в студенческие годы определилась главная тематика научных интересов Н. Е. Дипломную работу он защитил по теме «Губные старосты в Русском государстве в XVI в.». Важнейшую роль в формировании Н. Е. как исследователя сыграли его учителя — Борис Алек-

сандрович Романов и Иван Иванович Смирнов. Своим главным наставником Н. Е. считал Б. А. Романова, от которого он воспринял не только глубокий профессионализм и мастерство работы с историческими источниками, но и сам подход к изучению истории, главным объектом которой, как говорил Б. А., является человек с его жизненными интересами и которая измеряется отнюдь не строгими математическими формулами, «не по логарифмической линейке». Изучение истории как сложного, живого и далеко не однолинейного процесса стало основным принципом научного творчества Н. Е. Носова.

В 1951 г., окончив Ленинградский государственный университет, Н. Е. становится сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР — учреждения, с которым оказалась связана вся его дальнейшая жизнь. Свою научно-исследовательскую работу в стенах ЛОИИ Н. Е. начинал по тематике истории советского общества. По заданию администрации института он принимал участие в написании одного из разделов фундаментального коллективного труда «Очерки истории Ленинграда». Но одновременно он продолжал работать и над темой своих студенческих занятий — историей местного управления Русского государства в XVI в. В 1955 г. Н. Е. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Городовые приказчики и губные старосты Русского государства первой половины XVI века», а спустя два года по теме диссертации вышла его монография «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века» (М.; Л., 1957). Занятия историей местного управления органично вывели его на тему земской реформы Ивана Грозного и становления сословного представительства на местах. По этой теме Н. Е. защитил докторскую диссертацию. Защита диссертации, происходившая на заседании Ученого совета ЛГУ в октябре 1968 г., явилась ярким, заметным событием в научной жизни, настоящим праздником исторической науки. Материалы очень интересной научной дискуссии вокруг работы Н. Е. (выступления официальных оппонентов — Л. В. Черепнина, В. В. Мавродина и А. Л. Шапиро) публикуются в настоящем сборнике. В 1969 г. по теме диссертации была опубликована фундаментальная монография Н. Е. Носова «Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного» (Л., 1969). В последние годы жизни Н. Е. вновь обратился к теме истории сословно-представительных учреждений и местного самоуправления. На 1984—1990 гг. он планировал написание новой монографии «Земское самоуправление в России XVI в.», в которой предполагалось проследить судьбу земской реформы и сословно-представительных учреждений на протяжении XVI в. Безвременная кончина Н. Е. оборвала начатую им большую и интересную работу.

Н. Е. был исследователем весьма широкого диапазона. Им разрабатывались самые разные проблемы социально-экономической, политической и культурной истории России. В поле зрения ученого находилась история различных классов и сословий русского общества — крестьянства, посадских людей и купечества, духовенства, дворянства, боярской аристократии. Значительное место в его исследованиях занимали источниковедческие изыскания, и прежде всего исследования в области актового источниковедения. Большой вклад Н. Е. внес в дело публикации источников по истории

России конца XV—XVII в. Он был одним из организаторов и участников фундаментальной публикации «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.», хронологически продолжавшей академическое издание Судебников XV—XVI вв. (М.; Л., 1952). Совместно с А. И. Копаневым Н. Е. задумывал грандиозное издание актов Севера России XV—XVI вв. Под его руководством группой сотрудников ЛОИИ была проведена огромная археографическая работа по выявлению, копированию и первичной обработке более чем 4000 актов из собраний Соловецкого, Антониево-Сийского, Кирилло-Белозерского и других монастырей Севера России, большая часть которых прежде не публиковалась. В 1988 и 1990 гг. были изданы в двух выпусках акты Соловецкого монастыря за период с 1479 по 1584 г. (всего опубликовано почти 900 актов). Несмотря на то что изданием соловецких актов была осуществлена только часть задуманной работы, выход в свет этого издания явился одним из наиболее крупных и значительных событий в отечественной археографии.

Научно-исследовательская деятельность Н. Е. тесно переплеталась с его большой научно-организационной и общественной работой. С самого начала своего пребывания в ЛОИИ Н. Е. принимал активное участие в общественной жизни института. В 1952—1954 гг. он был секретарем партийной организации ЛОИИ. В 1954—1961 гг. Н. Е. являлся ученым секретарем ЛОИИ. С 1961 г. Н. Е. Носов исполнял обязанности заведующего, а в 1964 г. был утвержден в должности заведующего ЛОИИ. С этого времени на протяжении двух десятилетий, до 1981 г., он являлся руководителем института (сначала в должности заведующего ЛОИИ, а затем заместителя директора Института истории СССР АН СССР по Ленинградскому отделению). В последние годы жизни Н. Е. руководил сектором истории СССР периода феодализма ЛОИИ.

Возглавляя институт на протяжении почти 20 лет, Н. Е. сделал необычайно много для его становления как крупного и авторитетного, признанного как российским, так и международным научным сообществом центра исторической науки. Находясь во главе «идеологического» (по тогдашним понятиям) учреждения, Н. Е. отнюдь не стремился подчинить научную деятельность института решению сиюминутных, конъюнктурных тем. В стенах института активно разрабатывались фундаментальные проблемы как новейшей, так и древней истории России и зарубежных стран, в том числе и такие далекие от «большой политики» темы, как изучение средневековых актов, летописеведение, палеография и т. д. Большой заслугой Н. Е. как руководителя ЛОИИ является то, что в годы его директорства институт продолжал оставаться научным центром, в котором сохранялись лучшие традиции петербургской исторической школы с ее особо бережным отношением к источникам и историческим фактам, а также к трудам предшественников. Отнюдь нелегко доставалась победа в борьбе за развитие советской исторической науки, за сохранение научного потенциала, накопленного предыдущими поколениями, за сохранение лица ЛОИИ как крупнейшего научного учреждения в борьбе против формализма и конъюнктурщины. Н. Е. Носов твердо и принципиально отстаивал свою позицию относительно стратегии развития Института даже тогда, когда приходилось идти на конфликт с «высоким» академическим и партийным начальством.

Велика была роль Н. Е. Носова в укреплении международных связей ЛОИИ, в повышении престижа отечественной исторической науки за рубежом. Он являлся членом Национального комитета историков СССР, входил в состав Исполкома Международной комиссии по истории городов, был в числе организаторов и участников целого ряда международных научных конференций, проходивших в Советском Союзе и за рубежом. Н. Е. приглашался для чтения лекций по русской истории в зарубежные университеты — читал лекции для студентов и преподавателей в Польше (в Варшавском и Краковском университетах) и Великобритании (в Лондонском, Бирмингемском и Ноттингемском университетах). В 1977 г. он был избран почетным членом исторического общества и профессором университета в Турку.

Большой вклад Н. Е. внес в дело популяризации исторических знаний в нашей стране. Он являлся одним из авторов (вместе с А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым) «Очерков истории СССР. Конец XV—начало XVII в.» (Л., 1957), а также ответственным редактором и одним из авторов «Краткой истории СССР» (М.; Л., 1963. Ч. 1.) — изданий, получивших широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом и до сих пор широко востребованных студентами, преподавателями и всеми интересующимися историей России. Н. Е. занимался и педагогической деятельностью. В 1952—1954 гг. он читал общий курс отечественной истории (истории СССР) и вел семинарские занятия в Институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. В начале 70-х гг. он читал спецкурсы и вел практические занятия по русской средневековой истории на историческом факультете ЛГУ. Но большая занятость как руководителя ЛОИИ не давала ему возможности регулярно вести преподавательскую работу. К педагогической деятельности Н. Е. вернулся в последние годы жизни, в начале 80-х гг., работая на условиях штатного совместителя на историческом факультете Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

Николай Евгеньевич Носов скоропостижно скончался 15 марта 1985 г. на 61-м году жизни, в расцвете творческих сил. Вся его жизнь являет собой яркий пример верного и беззаветного служения своему Отечеству и любимому делу — исторической науке.

При составлении настоящего сборника, посвященного памяти Н. Е. Носова, редколлегия руководствовалась, с одной стороны, стремлением дать представление читателю о современном состоянии разработки проблем, которыми в свое время занимался Н. Е. (взаимоотношение власти и общества в дореволюционной России, самодержавие и земство, эволюция Российской государственности, история местного управления, история сословий и социальных групп, проблемы истории русского Севера, историческая генсалогия), а с другой стороны, привлечь к участию в сборнике, по мере возможности, максимально широкий круг его друзей и коллег.

Редколлегия выражает благодарность сотрудникам библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН Л. И. Першиной, А. Ф. Тутовой, Е. З. Панченко, В. Б. Губиной и сотрудникам Архива Санкт-Петербургского института истории РАН Г. А. Победимовой и О. А. Абеленцевой за помощь в работе над сборником.

I. О НИКОЛАЕ ЕВГЕНЬЕВИЧЕ НОСОВЕ

Б. В. Ананьич, А. А. Фурсенко

НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ НОСОВ

Впервые Николай Евгеньевич пришел на исторический факультет Ленинградского университета 1 сентября 1946 г. еще в военной гимнастерке, вскоре после демобилизации из армии, где служил в годы войны в качестве офицера-артиллериста. В семинаре по «Русской Правде», которым руководил профессор Борис Александрович Романов, он с самого начала выделялся своим интересом к истории, аналитическими способностями и полемическим задором. Он был первым из тех, на ком Б. А. остановил свое внимание, включив его в число ближайших учеников.

Отец Н. Е. — Евгений Иванович — был известным юристом, доцентом университета. Он принимал живое участие в делах своего сына и его друзей, щедро давал мудрые советы, связанные даже с выбором специализации. В доме Носовых бывали самые близкие ученики Б. А. К 1948 г. наряду с Николаем Евгеньевичем Р. Ш. Ганелин и А. А. Фурсенко составили тройку «старших» учеников Б. А. Двое «младших», Б. В. Ананьич и В. М. Панеях, присоединились к ним два года спустя. Мы стали регулярно бывать у Б. А. дома. В 1949 г. впервые пригласили на день рождения Б. А. 12 февраля «старших». С 1951 г. на этот день стали приглашать и «младших».

По окончании университета Н. Е. должен был остаться в аспирантуре для подготовки диссертации по русской истории феодального периода. Незадолго до окончания университета внезапно было объявлено о сокращении аспирантских вакансий на историческом факультете. Н. Е. ранее значился в числе рекомендованных в аспирантуру, хотя формального решения кафедры еще не было вынесено. Известие о том, что на аспирантуру в университете нет надежды, его совершенно обескуражило. Это известие совпало с тяжелыми домашними испытаниями: оказалось, что безнадежно болен отец Н. Е.

Иного будущего, чем научная работа, Н. Е. себе не представлял. Казалось, что двери в науку для него навсегда закрылись. Но тут на помощь пришел Б. А. Он позвонил тогдашнему заведующему Ленинградским отделением Института истории Академии наук М. С. Иванову, дал лестную характеристику Н. Е. как перспективному исследователю и просил принять его научным сотрудником, сказав, в частности, что он будет полезен при написании глав о науке и образовании для подготовлявшегося тогда IV тома «Истории Ленинграда».

© Б. В. Ананьич, А. А. Фурсенко, 2007

К просьбе Б. А. присоединился также И. И. Смирнов, в семинаре которого Н. Е. занимался и уже отличился своими неординарными исследовательскими способностями. В сентябре 1951 г. он был зачислен в штат ЛОИИ на должность младшего научного сотрудника. С самого начала Н. Е. стал играть важную роль в общественной жизни коллектива. Вскоре после его прихода в институт он был избран секретарем партбюро.

Запомнился день, когда пришло известие о закрытии ЛОИИ в марте 1953 г. Это произошло вскоре после смерти И. В. Сталина, хотя закрытие ЛОИИ готовилось при его жизни и было неким отголоском «ленинградского дела». Поскольку при ЛОИИ были небольшой архив и ценная библиотека, собранные Н. П. Лихачевым (член-корреспондент Академии наук с 1901 г., академик с 1925 г.) еще в дореволюционные годы, был образован Отдел древних рукописей и актов, при котором находилось около сорока сотрудников. Несколько человек были переведены в Москву и прикреплены к секторам головного института. Оставаясь в Ленинграде, они свою зарплату, а аспиранты стипендию получали по почте из Москвы. Многие видные ученые были уволены под надуманными и ложными предлогами.

Началась долгая борьба за восстановление ЛОИИ. Н. Е. играл в ней активную роль. Приходилось сталкиваться с наследием сталинского времени в партийных органах. Но были там и союзники, как например сотрудник Отдела науки ЦК А. С. Черняев, зав. Отделом Василеостровского райкома, ставший позднее заведующим Отделом Ленинградского обкома Е. Я. Зазерский, секретари райкома А. Я. Кривенко, О. И. Селезнева.

В 1955 г. ЛОИИ было восстановлено. Н. Е. с увлечением занялся административной работой. Он был ученым секретарем, в 1961 г. назначен исполняющим обязанности заведующего, а затем утвержден заведующим ЛОИИ. На этом посту он находился 18 лет.

В годы пребывания Н. Е. на посту заведующего в жизни института произошли заметные перемены. Были восстановлены некоторые из уволенных известных ученых, со временем значительно увеличился штат ЛОИИ.

Институт постоянно подвергался обвинениям в том, что его сотрудники занимались далеким прошлым, историей монастырского хозяйства, российским и европейским средневековьем. Действительно, к началу 1960-х гг. институт оставался маленьким островком, где сохранялись традиции петербургской исторической школы с ее особым, строгим отношением к источнику. Большинство сотрудников института старшего поколения были учениками А. Е. Преснякова, А. С. Лаппо-Данилевского, О. А. Добиаш-Рождественской, И. М. Гревса.

Заслуга Н. Е. состояла прежде всего в том, что он не только как исследователь, но и как администратор остался верен этим традициям и в известной мере был их хранителем.

В конце 1950-х гг. директор Института истории в Москве А. Л. Сидоров и большая группа его учеников и последователей приступили к интенсивному изучению экономического положения России в конце XIX—начале XX в. Архивные документы этого времени хранились преимущественно в Ленинграде. Это позволило администрации ЛОИИ привлечь группу молодых сотрудников к подготовке документальных изданий по истории монополий в нефтяной и металлургической промышленности России, а на их

основе и исследований, посвященных особенностям развития экономики империи накануне первой мировой войны и революции. В научной тематике института появилось новое направление.

В ЛОИИ готовилось многотомное издание «Очерков истории Ленинграда». В конце 1950-х гг. завершалась работа над томами, посвященными периоду революции и советской власти, а позднее началась работа над историей города в годы Отечественной войны. Благодаря этому оказалось возможным принять на работу в ЛОИИ несколько молодых специалистов по этим периодам отечественной истории. В результате сформировалась современная структура института, состоящего из нескольких отделов, занятых изучением разных периодов отечественной истории, и самостоятельного отдела всеобщей истории. Он тоже пополнился новыми сотрудниками, что обеспечило формирование школ по изучению истории США, Италии и Византии.

В 1967 г. ЛОИИ было предоставлено собственное здание и состоялся переезд института в бывший особняк академика Н. П. Лихачева на Петрозаводской улице, д. 7. Нынешним своим состоянием Санкт-Петербургский институт истории во многом обязан Н. Е. Его преемник на посту директора возглавил учреждение с уже сложившейся структурой и научной программой. Она нуждалась только в усовершенствовании.

Был ли Н. Е. искусным администратором своего времени? И да, и нет. Он не умел быть послушным, действовал прямолинейно и с присущей ему настойчивостью. Для Н. Е. институт был его вотчиной, его домом, и он был готов любой ценой отстаивать интересы учреждения. Относительно спокойные годы в жизни ЛОИИ, когда головной институт в Москве возглавляли А. Л. Сидоров или П. В. Волобуев, сменялись периодами острых столкновений с московским начальством, академиком В. М. Хвостовым, академиком А. Л. Нарочницким. Для Н. Е., человека темпераментного, всякие конфликты с вышестоящими администраторами в Москве или недоброжелателями в Ленинграде обходились дорого : требовали немалых затрат нервной энергии и отражались не только на его собственной научной работе, но и на здоровье.

Н. Е. много сделал для развития науки, поддержания престижа ЛОИИ как передового академического учреждения, преобразованного позднее, уже в 2001 г., в самостоятельный Санкт-Петербургский институт истории. Можно без преувеличения сказать, что вклад Н. Е. в развитие института был настолько значителен, что его невозможно переоценить.

Р. Ш. Ганелин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Н. Е. НОСОВЕ

Наши дружеские отношения с Николаем Евгеньевичем продолжались с момента его появления на истфаке и до конца его жизни. Отношения эти были очень близкими, и разговоры, которые мы между собой вели, относились не только к науке и текущим явлениям общественной жизни, но и ко всему на свете. Никогда мы специально не обсуждали между собой этических принципов поведения в той жизни, которую мы все тогда вели. Но так получалось, что принципы эти у нас всегда оказывались общими.

Первый эпизод из наших отношений, который мне сейчас приходит на память, относится к 1951 г. По лекционно-пропагандистским делам я оказался в кабинете секретаря парткома ЛГУ Глебова, на столе у которого я увидел открытку с доносом на отца Н. Е. Евгения Ивановича Носова, по-моему выложенную хозяином кабинета по каким-то соображениям напоказ. В тот же день я сообщил Н. Е. о виденном. Оказалось, что Е. И. Носов уже и без меня знал о доносе. Наших отношений с Н. Е. это не изменило, они и без того были очень близкими. Е. И., к сожалению, через некоторое время после этого скончался, для Н. Е. это было очень большим горем.

Второй эпизод из наших общений относится к 1963 г., и он требует более обстоятельного рассказа. Благодаря случаю нам обоим удалось получить подтверждение до сих пор не до конца ясного, но очень важного события сталинской национальной политики.

Осенью 1943 г. я приехал в Москву из Бийска, куда мы были эвакуированы, с мечтой поступить на открытый незадолго до того факультет международных отношений МГУ. Я опоздал, и о поступлении не могло быть и речи. Но интеллигентская Москва полнилась слухами о том, что евреев туда не берут. Причем потрясснис, этим вызванное, было, как это ни странно, по крайней мере более ощутимым, чем отклики на события 1937 г. или ранние массовые преследования по национальным признакам.

В существующей литературе (В. Г. Костырченко) можно найти сведения о возобновлении в 1942 г. начатой во второй половине 1930-х гг. кампании если не ограничения, то маскировки «еврейского засилья». Веяния этого рода, относившиеся к сфере искусства, содержатся в «Устных рассказах» М. Ромма.[1]

---

[1] *Ромм Михаил.* Устные рассказы. М., 1991. С. 75—76, 133, 145—146, 164, 168—169, 183.

© Р. Ш. Ганелин, 2007

По приезде в Москву я узнал от отца о заседании Политбюро по поводу ограничения роли евреев в общественной жизни. Якобы на заседании с участием Сталина сравнивались проценты евреев среди учащихся университетов и ремесленных училищ, прозвучала и фраза: «О Петре I не должен писать Рабинович» (но официальным биографом А. В. Суворова был вопреки этому И. М. Куперман, много лет писавший под псевдонимом К. Осипов). Отец мой, Ш. И. Ганелин, историк педагогики, оказался обладателем этих сведений благодаря одному из немедленных последствий легендарного заседания. Дело в том, что 29 сентября 1943 г. состоялись выборы в АН СССР. Среди избранных в академики оказался народный комиссар просвещения РСФСР В. П. Потемкин (такого общесоюзного министерства тогда еще не существовало), а в члены-корреспонденты — С. Л. Рубинштейн, брат известного историка Н. Л. Рубинштейна. С. Л. Рубинштейн был ведущим психологом страны, и его избрание в АН СССР было в мире народного образования значительным событием: психология тем самым признавалась академической дисциплиной. Что касается избрания Потемкина, то это было само по себе заурядное событие: он был редактором «Истории дипломатии», первый том которой получил перед войной Сталинскую премию, в Академию он прошел не как «сталинец» (так он с некоторым вызовом называл себя вопреки полагавшемуся «ленинец»). Через несколько дней после избрания в АН он в качестве президента возглавил созданную по указанию Сталина Академию педагогических наук РСФСР. Ее состав не мог быть избран, а утверждался правительством. И вот в нем-то не оказалось С. Л. Рубинштейна, только что ставшего единственным представителем педагогической и психологической науки в так называемой «большой» Академии. В кругу ученых психологов и педагогов это вызвало удивление и возмущение такой силы, что их отзвуки сохранились десятки лет спустя. В 1990-х гг. меня в Москве разыскал ученик С. Л. Рубинштейна директор Института психологии РАН член-корреспондент РАН А. В. Брушлинский, впоследствии трагически погибший, и попросил воспроизвести ему все, что я помнил по этому поводу.

А тогда, в 1943 г., возмущались едва ли не больше всех ученые-педагоги, независимо от национальности, взволнованные слухом о том, что С. Л. Рубинштейна не оказалось в составе Академии педагогических наук РСФСР как еврея. Они-то и обратились к отцу с просьбой попросить разъяснений случившегося у Д. О. Заславского. Один из активных бундовцев и меньшевиков, Заславский, несмотря на фразу Ленина о «гессенах, милюковых и заславских, слюной бешеных собак поливающих революцию», занимал видный пост в редакции «Правды», был самым острым сталинским фельстонистом. В 20-е гг. Заславский жил в Ленинграде, и отец мой был с ним знаком. Он принял отца в редакции «Правды» и объяснил, что как раз в те осенние дни 1943 г. состоялось заседание (кажется, было сказано о заседании Политбюро), на котором Сталин объявил о введении некоторых ограничений для евреев. Здесь не место все это обсуждать, как мы это делали в наших разговорах того времени с Н. Е. и А. А. Фурсенко, связанных с окончанием университета и приемом в аспирантуру, закрытием в 1953 г., а потом восстановлением лишь в 1955 г. ЛОИИ. Скажу только, что при любом обращении к кадровой политике 1950-х гг. фигуриро-

вал рассказанный эпизод 1943 г. Но подтверждений этому не существовало.

И вот однажды в конце 1962 или в начале 1963 г. Н. Е. рассказал, что на совещании в Смольном секретарь ГК КПСС по идеологии Ю. А. Лавриков, очень интеллигентный и умный человек, чуть ли не официально сообщил, вернувшись со встречи Н. С. Хрущева с деятелями литературы и искусства, что, обратившись в своих пространных рассуждениях на различные темы к еврейскому вопросу, Хрущев, в частности, сказал о решении 1943 г., которое, добавил он, никто не отменял.

Как известно, встреч этих было две. Первая состоялась во Дворце приемов на Ленинских горах в декабре 1962 г., вторая, двухдневная, 7 и 8 марта 1963 г., — в Кремле. Воспоминания их участников М. И. Ромма[2] и В. Аксенова (опубликованное им относится ко второму дню кремлевской встречи)[3] не содержат тех хрущевских слов, которым мы с Н. Е. придавали значение. И это несмотря на то, что в записях Ромма находим в словах Хрущева ряд сюжетов, относящихся к еврейскому вопросу, которые могли быть связаны с совещанием 1943 г. М. Ромм — следует это отметить — был тогда, в 1943 г., в курсе происходившего. Однако подчеркиваемая обоими мемуаристами крайняя многословность Н. С. Хрущева препятствовала, по их мнению, фиксации его речей. К тому же в Кремле он обратился с призывом о незаметном выходе из зала к тем из присутствовавших, которых он считал осведомителями иностранной прессы, сообщившими ей о предыдущей встрече. Во всяком случае две-три фразы Лаврикова прозвучали для нас как подтверждение известного факта, произошедшего 20 лет назад. Н. Е., для которого неустранимый кадровый вопрос был помехой в работе, потрясенный совпадением сведений, обсуждал это со мной. Но суть дела была ему давно ясна. Как и Евгению Ивановичу, ему были глубоко чужды убеждения или предрассудки, связанные с тем решением, о котором идет речь. А его интерес к предмету был особенно острым не только по причинам общеполитического характера, но и потому, что «пятый пункт» мешал ему в руководящей работе в ЛОИИ.

---

[2] *Ромм Михаил.* Устные рассказы. С. 123 и сл.

[3] *Аксенов Василий.* Зима тревоги нашей, или Как марксист Никита учил писателей партийной правде // Стрелец: Альманах литературы, искусства и общественно-политической мысли. Париж; Нью-Йорк; Москва. 1991. № 1(65). С. 182—202.

Г. Л. Соболев

ЭТО БЫЛА ЯРКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Николай Евгеньевич Носов был несомненно знаковой фигурой в истории Ленинградского института истории Академии наук СССР, где он сформировался как крупный ученый и проявил себя как талантливый администратор. Это особенно понимается теперь, по прошествии почти 50 лет, когда многое предстает в другом, осмысленном виде. Н. Е. Носов был первым человеком, которого я увидел в ЛОИИ, когда пришел по окончании ЛГУ сдавать свои документы для участия в конкурсе на замещение вакантной должности научно-технического сотрудника (тогда и эта должность была конкурсной). И, признаюсь, он показался тогда мне слишком суровым и важным. Впрочем, ученый секретарь и не должен был вести себя по-другому с выпускниками-соискателями работы, но потом мне не раз приходилось убеждаться в том, что Н. Е. Носов был человеком добрым и открытым. Но прежде всего он был серьезным исследователем, который убедительно отстаивал свою точку зрения, сложившуюся на основе анализа источников. Мне не раз довелось слушать выступления Н. Е. Носова на Ученом совете ЛОИИ, и они всегда привлекали глубиной мысли и своим проблемным характером. Но это касалось не только специальных изысканий в области истории Русского государства феодального периода, но и всех других исторических сюжетов, которыми ему приходилось заниматься в силу самых разных обстоятельств. В период подготовки четвертого том «Очерков истории Ленинграда» из-за отсутствия других специалистов Н. Е. Носову было поручено подготовить главу о народном образовании в Ленинграде в 1917—1941 гг. Я помню, с какой убежденностью он защищал эту главу при обсуждении на редколлегии, когда некоторые из ее членов пытались его уговорить смягчить оценки негативных тенденций в советской педагогике 20—30-х гг. Позднее, когда Н. Е. Носов был уже заведующим ЛОИИ, редакция журнала «Коммунист» обратилась к нему с предложением написать обстоятельную рецензию на «Историю Сибири». Как выяснилось, это только что опубликованное издание предполагалось выдвинуть на Государственную премию СССР, и в качестве научного арбитра было выбрано ЛОИИ. Как человек исключительно ответственный, Н. Е. Носов подошел к этому предложению в высшей степени серьезно и принял его только после того, как редакция согласилась предоставить ему право самому определить соавторов-рецензентов. По приглашению Н. Е. Носова ими стали

© Г. Л. Соболев, 2007

В. С. Дякин, рецензировавший капиталистический период истории Сибири, и Г. Л. Соболев, которому предстояло оценить вклад сибирских специалистов в историю советской Сибири. Подготовив каждый свою часть рецензии, мы неоднократно собирались в кабинете Н. Е. Носова для обсуждения ее принципиальных положений, и, как мне кажется, опубликованная в «Коммунисте» рецензия на «Историю Сибири» даже в сокращенном и отредактированном виде выглядела достойно.

Уже давно подмечено, что организаторские способности людей, если они ими обладают, особенно ярко проявляются в первые годы их работы. И деятельность Н. Е. Носова на посту заведующего ЛОИИ была ярким тому подтверждением. Будучи сам «феодалом», он придавал главное внимание органическому развитию всех подразделений и направлений нашего отделения, пополнению научными кадрами всех секторов, их воспитанию через аспирантуру. Показательно в этом плане сразу же проявившееся у Н. Е. Носова понимание необходимости развивать группу истории советского общества, которая в скором времени стала одним из ведущих секторов. Хотя этот процесс начинался, когда заведующим ЛОИИ был еще М. П. Вяткин, именно Н. Е. Носов активно содействовал развитию исследований по истории России, Петербурга, Петрограда и Ленинграда XIX—XX вв. Именно он был инициатором подготовки силами научных сотрудников ЛОИИ фундаментального труда «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде». К тому времени в ЛОИИ сложился творческий коллектив, которому было по силам решать важные научные проблемы, создавать крупные монографические исследования и обобщающие работы. И тем не менее от руководителя ЛОИИ требовалась не только реалистическая оценка возможностей возглавляемого им коллектива, но и определенная смелость, чтобы выступить с такой инициативой. Дело в том, что двухтомник «Октябрьское вооруженное восстание» был задуман как юбилейное издание к 50-летию Великой Октябрьской революции, подготовкой к которому занимался Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» во главе с академиком И. И. Минцем. Поэтому работа над двухтомником на его завершающей стадии была отмечена попытками со стороны Научного совета «помочь» ленинградским историкам остаться на правильных методологических позициях. И хотя редколлегии двухтомника пришлось пойти на некоторые уступки, вышедшая в 1967 г. книга «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» выгодно отличалась от многих других юбилейных изданий своей научной новизной и стала заметным событием в советской историографии того времени. И в этом была несомненная заслуга Н. Е. Носова, занявшего принципиальную позицию в отстаивании авторской концепции этой новаторской работы. К слову сказать, такая самостоятельность заведующего ЛОИИ находила поддержку и понимание со стороны партийного руководства города, представители которого входили в состав редколлегии наиболее важных (в первую очередь с идеологической точки зрения) коллективных трудов ЛОИИ — «Очерки истории Ленинграда», «Октябрьское вооруженное восстание», «История рабочих Ленинграда». И это было связано с научным авторитетом как коллектива ЛОИИ, так и самого Н. Е. Носова, умело использовавшего его в интересах дела, и прежде

всего в отстаивании творческой независимости ЛОИИ от посягательств дирекции Института истории. Показательно, что «История рабочих Ленинграда» была выдвинута на Государственную премию СССР при активной поддержке обкома партии. Присуждение этой премии ведущим авторам «Истории рабочих Ленинграда» явилось заслуженной победой всего коллектива ЛОИИ и заслугой самого Н. Е. Носова. Вместе с тем эта принципиальность и независимость Н. Е. Носова вызывала раздражение у московской дирекции, которая всячески стремилась ограничить эту самостоятельность и приструнить строптивого заведующего ЛОИИ. К чести Н. Е. Носова, он стоял до конца, хотя это стоило ему сил и здоровья.

В течение целого ряда лет мне довелось едва ли не ежедневно общаться с Н. Е. Носовым в качестве ученого секретаря международной комиссии ЛОИИ по иностранным делам. Это были 60-е годы, когда международные контакты советских историков значительно расширились, но носили они в то время по преимуществу односторонний характер: к нам стали приезжать многие западные историки, а мы их принимали и помогали, содействуя их работе в архивах и библиотеках. Тем не менее и такой характер общения с зарубежными историками представлял для нас несомненный интерес, академическая репутация ЛОИИ и его ведущих специалистов была среди западных историков весьма высокой, и те из них, которые приезжали в СССР, стремились посетить ЛОИИ и встретиться с его учеными. Н. Е. Носов не только не уклонялся от таких встреч (многие в то время еще предпочитали, и не без оснований, проявлять осторожность в таких контактах), но и сам активно в них участвовал. Хотя выступления зарубежных историков на Ученом совете ЛОИИ были еще большой редкостью, встречи с видными западными историками в кабинете Н. Е. Носова, при участии ведущих научных сотрудников ЛОИИ, носили, как правило, неформальный и творческий характер. Неудивительно поэтому, что Н. Е. Носов стал наряду с В. И. Рутенбургом и А. А. Фурсенко одним из самых «выездных» сотрудников ЛОИИ. Этому в значительной степени способствовал и состоявшийся в Ленинграде Международный конгресс по экономической истории, на котором Н. Е. Носов был избран членом исполкома. В результате у него установились тесные контакты со многими зарубежными историками, в особенности с французским ученым Ф. Броделем, видным представителем школы «Анналов». Доклады, с которыми выступал Н. Е. Носов на международных конференциях и коллоквиумах, отличались новизной и широкой постановкой важных вопросов истории России и Западной Европы в их сравнительно-историческом аспекте развития.

Н. Е. Носов был участником Великой Отечественной войны, и поэтому, быть может, он с таким вниманием относился и к развернувшейся в 60-е гг. в ЛОИИ работе по ее изучению. У меня до сих пор в памяти его яркие воспоминания о последних днях войны на юбилейном заседании Ученого совета ЛОИИ. К сожалению, Н. Е. Носов преждевременно ушел из жизни, что, на мой взгляд, связано не в последнюю очередь с неумеренной тратой сил его творческой и неравнодушной натуры. Это была действительно яркая личность, оставившая заметный след и в отечественной исторической науке, и в судьбе ЛОИИ, которое он возглавлял многие годы.

Д. Н. Альшиц

ВСПОМИНАЯ НИКОЛАЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА НОСОВА

Николай Евгеньевич Носов был и остается в своих трудах выдающимся историком.

Расскажу вначале о моей первой с ним встрече. Один из моих учителей, профессор исторического факультета ЛГУ Борис Александрович Романов пригласил меня — в то время сотрудника Отдела рукописей Публичной библиотеки — выступить перед студентами студенческого научного кружка и рассказать им о моем исследовании редакторской работы Ивана Грозного над историей его царствования. Было это в 1948 г., вскоре после защиты мною этой работы в Ленинградском отделении Института истории АН СССР в качестве кандидатской диссертации.

Из выступлений студентов-третьекурсников по моему докладу мне хорошо запомнилось лишь одно. Не только потому, что оно было весьма образным, но и потому, что у меня не раз появлялись поводы вспоминать о нем.

Студент третьего курса Коля Носов начал свою речь с похвалы. Он сравнил мое исследование с хрустальной вазой, красиво выстроенной и ярко сверкающей. Не скрою, я уже успел ощутить приятное чувство, услышав такую похвалу из уст юного историка.

Далее студент Носов заявил дословно следующее: «Стоит, однако, взять в руки молоток и ударить по этой „вазе", как она разобьется на мелкие осколки».

С той поры прошло много лет. Николай Носов стал кандидатом, затем доктором исторических наук, был избран директором Ленинградского отделения Института истории и, главное, стал известным ученым.

Предметом его научного интереса была эпоха Ивана Грозного, точнее — история российской государственности, складывавшейся в то время. Почем знать. Быть может, мой доклад об этом периоде истории повлиял на выбор студентом Носовым именно этой специализации.

Перу Николая Евгеньевича Носова принадлежит выдающийся труд — «Становление сословно-представительных учреждений в России».

Как непосредственный мой коллега Н. Е. Носов, естественно, стал официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации «Опричнина и формирование аппарата власти самодержавия». Кстати сказать, данный вариант названия диссертации посоветовал мне именно Николай Евгеньевич.

© Д. Н. Альшиц, 2007

С искренним чувством благодарности перечитал я сейчас капитальный (на 12 страницах) отзыв официального оппонента Носова на мою диссертацию, содержащий и высокие оценки моей работы, и серьезные замечания концепционного характера.

Я, естественно, защищал свою концепцию (мой ответ оппоненту занял тоже 12 страниц). Позволю себе процитировать окончание своего ответа на его отзыв, поскольку это поможет перейти к вопросу о том, какую исключительную актуальность обрели исследования Николая Евгеньевича в нынешние времена, до которых он сам не дожил: «...я должен поблагодарить его не только за сегодняшнее выступление. В свое время книга Николая Евгеньевича Носова — „Становление сословно-представительных учреждений в России" — натолкнула меня на исследование, которое я сегодня защищаю».

Основная концепция исторического пути развития России, изложенная в названной книге Н. Е. Носова, такова: «Эпоха Ивана Грозного стоит на перепутье. Именно тогда решался вопрос, по какому пути пойдет Россия: по пути подновления феодализма „изданием" крепостничества или по пути буржуазного развития, пути по тому времени более прогрессивному...»[1]

Считаю важным и необходимым подчеркнуть здесь, что именно Николай Евгеньевич Носов впервые поставил и исследовал тему исключительной важности — о корнях и об исторической перспективе взаимоотношений властей и буржуазии в России. Сегодня эта тема приобрела особую актуальность. Надо ли говорить, что, проводя в наше время сверху, решением власть предержащих, строительство в России капитализма, весьма полезно знать опыт истории. Как зарубежный, так и свой, отечественный. К сожалению, однако, в отношении этого прошлого опыта господствуют в наши дни два подхода. Либо полное пренебрежение исторической обусловленностью явлений сегодняшнего дня (по принципу «Я этого не понимаю и даже не понимаю, зачем это надо понимать». Салтыков-Щедрин). Либо псевдонаучные, а чаще самодеятельные попытки дилетантов обслужить с помощью ссылок на «историю» интересы сегодняшней социально-политической конъюнктуры.

Между тем реальная многовековая ПРИгосударственная и ПРОгосударственная история русской буржуазии определила особый характер важнейших событий истории России, особенности и сущность всех русских революций и гражданской войны, особенности и сущность современной истории нашей страны.[2]

Поэтому серьезное научное изучение истории России не может и не будет иметь полноценного научного значения без обращения к капитальным исследованиям выдающегося историка Николая Евгеньевича Носова.

---

[1] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 9.

[2] *Аль Д.* От феодал-социализма к феодал-демократии. Шаги истории России из XX в XXI в. // Империя и либералы. СПб., 2001. С. 149—165; *Альшиц Д. Н.* Противостояние реформ и контрреформ — изначальная, врожденная составляющая истории российской государственности // Власть, общество и реформы в России XVI—начала XX века. СПб., 2004. С. 3—15.

Е. К. Пиотровская

ПОЗДНЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ НИКОЛАЮ ЕВГЕНЬЕВИЧУ

Первая моя встреча с Николаем Евгеньевичем Носовым состоялась в ноябре 1970 г. В Санкт-Петербургском институте истории РАН (тогда ЛОИИ СССР АН СССР) был объявлен конкурс в аспирантуру по ряду редких специальностей, в том числе и по русско-византийским культурным отношениям. Меня, как и многих других выпускников Санкт-Петербургского университета, пригласили принять в нем участие. Встреча состоялась в кабинете директора (Николай Евгеньевич в те годы был заведующим Институтом истории СССР АН СССР по Ленинградскому отделению). Заведующая аспирантурой Ирина Александровна Шишова представила меня Николаю Евгеньевичу. Он внимательно выслушал слова характеристики Ирины Александровны, которые были произнесены в мой адрес. Мне хорошо запомнилось, как он поинтересовался, у кого я занималась в университете, кто был моим дипломным руководителем, кто рецензировал мою работу, посвященную русской редакции Повести об Акире Премудром, и кратко резюмировал, что все это хорошо, но я должна отдавать себе отчет в том, какие сильные выпускники исторического и филологического факультетов будут держать экзамен для поступления в аспирантуру. (Следует заметить, что я не была выпускницей исторического факультета СПбГУ, а училась на вечернем отделении филологического факультета, многие годы работала в музее-квартире Н. А. Некрасова — филиале Всероссийского музея А. С. Пушкина. Однако некоторые курсы лекций на историческом факультете мне довелось слушать). В институте мне приходилось бывать и раньше, когда в доме № 7 по Петрозаводской улице находилось общежитие для аспирантов Академии наук, и позднее, когда институт переехал из здания Академии наук в середине 60-х гг. и в зале заседаний был доклад А. А. Зимина в связи с проблемами текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Это было очень актуально в наши студенческие годы. Проблемы «Слова» подробно излагались в общих и специальных курсах, дискутировались на заседаниях Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома, спецсеминарах ЛГУ и т. д.

Среди претендентов на обучение в аспирантуре института было шесть человек: А. Н. Васильев, В. Н. Плешков (теперь доктор исторических наук, директор нашего института; единственный из нас, уже как соискатель, он сдал раньше все экзамены), М. Т. Пстров, А. Котов, а также выпускница ка-

© Е. К. Пиотровская, 2007

федры средних веков ЛГУ (к сожалению, не смогла вспомнить и установить ее имя и фамилию) и я. Не все мы были знакомы до экзамена друг с другом. Не могу ничего сказать о других, но я очень волновалась и боялась. Конечно же, после слов Николая Евгеньевича хотела забрать свои документы, но Ирина Александровна заметила, что такие же слова он говорил всем. День экзамена был торжественно обставлен. По-моему, за пополнение ЛОИИ переживали все его сотрудники. От своих старших коллег-филологов я слышала, что приема в аспирантуру в институте не было около десяти лет. Комиссия была очень представительной, по сути почти все доктора наук института экзаменовали нас очень серьезно (О. Л. Вайнштейн, А. И. Доватур, В. С. Дякин, Д. П. Каллистов, Е. Э. Липшиц, А. Д. Люблинская, Н. Е. Носов, В. И. Рутенбург, М. Е. Сергеенко, Е. Ч. Скржинская, А. А. Фурсенко, А. Н. Цамутали и другие). В моей жизни это был самый трудный экзамен. И только благодаря строгим и в то же время корректным академическим правилам его проведения держалась и отвечала, как я могу судить теперь, неплохо. Безусловно, способствовали тому и напутственные слова, с которыми к нам обратился председатель комиссии В. И. Рутенбург (в те годы он еще не был членом-корреспондентом АН СССР). График сдачи экзаменов был плотным, через день мы должны были сдавать иностранный язык, а через несколько дней историю КПСС. Поэтому, когда нам объявили, что только трое из нас, получив «отлично», допускаются к следующим этапам экзаменов, Николай Евгеньевич, поздравив, заметил, чтобы мы не очень-то сильно радовались, так как впереди еще будут трудности! Как он был прав! М. Т. Петров получил «хорошо» по иностранному языку, а я — по истории партии. Но все же мы были зачислены в аспирантуру в предпоследний день 1970 г. И все три года обучения в стенах ЛОИИ и в других академических учреждениях чувствовали исключительное внимание к нашим занятиям, работе в архивах и рукописных хранилищах, участию в конференциях и к обязательной тогда общественной работе.

Николай Евгеньевич был строг и в отношении посещения нами заседаний Ученого совета института. Нас приучали к академической дисциплине и вводили в круг широкой научной проблематики ученого мира. Заседания, как правило, вел ученый секретарь Д. И Петрикеев. На моей памяти не было слишком «бурных» заседаний. Но иногда случались. И тогда старшее поколение уже своим фактом присутствия не давало волю страстям. (Видимо, они хорошо помнили, к чему это приводило в 30—50-е гг. XX в.).

Должна заметить, что во время обучения в аспирантуре я не чувствовала и не подозревала, какие сложные взаимоотношения были в коллективе. Возможно, это было связано с тем, что моим научным руководителем была Е. Э. Липшиц, человек в высшей степени порядочный, а также с тем, что такие выдающиеся ученые отечественной науки, как А. И. Доватур, М. Е. Сергеенко, К. Н. Сербина, Е. Ч. Скржинская, Д. П. Каллистов, Н. А. Казакова и другие, занимались с нами, интересовались нашими темами, наблюдали, как мы работали с книгами, как посещали дополнительные занятия философией и языками. Николай Евгеньевич всегда поощрял занятия языками (М. Б. Воробьева, в те годы зав. кафедрой иностранных языков Ленинградского научного центра, родная сестра фронтового друга Николаея Евгенье-

вича Кирилла Борисовича Мартынова, с чьей семьей он был знаком с детства и сохранял дружбу до конца своих дней).

Мы слышали от некоторых коллег старшего поколения, что Николай Евгеньевич был всегда строг со своими подчиненными, что он чрезвычайно консервативен. Но мне запомнились два случая, связанные лично с моей научной судьбой. Первый случай. Незадолго до окончания аспирантуры в 1973 г., перед летними каникулами, мне позвонили из института домой в неприсутственный день и срочно вызвали к директору. Когда я вошла в кабинет к Николаю Евгеньевичу, то кроме него там находилась и Лидия Николаевна Семенова (в те годы секретарь парторганизации). Они оба объяснили мне, что в институте есть возможность принять меня в штат, но для этого я должна срочно обсудить полный текст диссертации, перевестись в заочную аспирантуру и уже в новом качестве, при новых плановых темах и заданиях доделывать свою тему. И хотя я была очень растерянна, твердо заявила, что не могу представить полный текст диссертации. Я действительно дописывала третью главу диссертации, которая была ключевой в вопросе определения времени и места перевода «Летописца вскоре» патриарха Никифора (диссертацию я представила вовремя, в декабре 1973 г.). Николай Евгеньевич и Лидия Николаевна были обескуражены моим ответом, но сказали, что уважают мою принципиальность, хотя я и нарушила их планы. Второй случай. Уже перед самым окончанием аспирантуры, когда было еще не совсем ясно, удастся ли всех аспирантов оставить после окончания срока аспирантуры в институте, я получила приглашение работать в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Елена Эммануиловна сделала мне выговор и напомнила, что меня готовили для ЛОИИ и я всегда должна оставаться, что бы ни случилось, какие бы реорганизации ни происходили, с институтом. Она напомнила мне также, что после попыток закрытия ЛОИИ в начале 50-х гг. она написала заявление на имя Николая Евгеньевича, что при любых административно-бюрократических обстоятельствах она остается в ЛОИИ. Вскоре Николай Евгеньевич был на сессии Академии наук в Москве и там встретился с моим дядей, академиком Б. Б. Пиотровским, которому сказал, что дирекция Института хлопочет об оставлении всех аспирантов в институте и что надо потерпеть, дождаться ставок. И Николай Евгеньевич попросил Бориса Борисовича повлиять на меня. Но я уже к тому времени стала понимать, что свои амбиции надо оставить при себе.

Позднее, когда в 1981 г. Николай Евгеньевич оставил пост заведующего ЛОИИ, очень недолго мне пришлось работать в Секторе истории феодализма, которым он руководил. И здесь я была поражена его преданностью научным проблемам, подготовкой исследований и изданий, которые обсуждались в Секторе и готовились к утверждению на Ученом совете. Так случилось, что в течение летнего периода заканчивалось несколько плановых тем. И сотрудники Сектора не роптали, а приезжали несколько раньше официального присутственного времени (14 часов дня) и очень подробно и долго обсуждали работы. Высказывания часто были совершенно противоположные, нелицеприятные, но все обсуждение проходило исключительно в рамках академических правил. (В те годы также надо было готовить подробные аннотации, развернутые планы-проспекты наших тем, которые могли получить «черные» отзывы в институте в Москве, и т. д.).

И последнее, о чем хотелось бы вспомнить, — об участиии Николая Евгеньевича в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Я слышала и от коллег, и от него самого, что он получил тяжелое ранение и что у него остались невынутыми осколки, которые иногда его сильно беспокоили. Однажды, когда в нашей стране отмечали 35-летие Победы и местком подготовил для торжественного заседания Ученого совета поздравления и подарки ветеранам (а я тогда была членом месткома и занималась, как теперь принято называть, «вопросами культуры»), он подробно рассказывал о своем участии в некоторых военных операциях. По сути он был тем представителем фронтовиков, оставшихся в живых, кто достойно возглавил отечественную науку в послевоенную эпоху. Можно сказать, он очень страстно жил своими идеями и проживал и свою жизнь, и жизни тех, кто не вернулся. Он обладал и стратегическими способностями, необходимыми для развития института. Именно при нем наш Ученый совет получил самостоятельное право защиты диссертаций (и кандидатских, и докторских) по источниковедческой и отечественной (тогда истории СССР) историческим специальностям. Не было только всеобщей истории. При нем прошли защиты более полутора десятка диссертаций на соискание степени доктора исторических наук среди сотрудников нашего института, тем самым были продолжены традиции отечественной исторической школы — ведь его пестовал Б. А. Романов. (Поэтому институт и выжил в трудные годы перестройки). Он придавал огромное значение научным связям, поддерживал контакты с учеными из дальних регионов внутри страны, с отделениями Академии наук (Сибири, Северо-Запада, союзных республик), «бился» за места в аспирантуру (после нашего приема в 1970 г. в институте на протяжении десятилетия были регулярные пополнения). Он поддерживал, сколь это было возможно, международные контакты, издание исторических источников, особенно средневековья (летописей, актового материала), а также материалов нового времени. И, наконец, даже мечтал о реконструкции здания нашего института, надстройке лишнего этажа, о чем однажды поведал на Ученом совете.

Жаль, что ушел он так рано! Когда теперь, спустя 37 лет, я вспоминаю, что Николай Евгеньевич был обеспокоен при моем поступлении в аспирантуру тем, смогу ли я подготовить вовремя диссертацию и защитить ее, то думаю, что я его не подвела. Правда, при жизни он увидел напечатанным только один мой совместный труд с Е. Э. Липшиц и И. П. Медведевым — «Земледельческий закон». Но если бы не его поддержка и участие вместе с моими учителями и старшими коллегами из других академических учреждений и учреждений культуры в моей научной и личной судьбе, я никогда бы не работала в нашем уникальном институте. День экзамена по истории был 22 декабря. В православии это день иконы Божией Матери, именуемой «Нечаянная Радость».

А. Н. Цамутали

Н. Е. НОСОВ И ЕГО СУЖДЕНИЯ О РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Научные интересы Николая Евгеньевича Носова были сосредоточены прежде всего на истории русского средневековья. Свидетельство тому — его монографии «Очерки по истории местного самоуправления Русского государства первой половины XVI в.» (Л., 1957) и «Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного» (Л., 1969), большой раздел «Образование централизованного государства. Русское государство во второй половине XV—XVI в.» в части 1-й «Краткой истории СССР»,[1] публикации источников, статьи. Вместе с тем Н. Е. принимал участие и как ответственный редактор, как член редколлегии и как автор в подготовке исследований и публикаций, выходивших далеко за хронологические рамки его основных занятий. Все это было связано с изучением широкого круга исторической литературы, ее осмыслением, обсуждением с коллегами, в ходе которых Н. Е. делал немало интересных замечаний.

Я познакомился с Н. Е. в 1948 г., когда начал учиться на историческом факультете Ленинградского университета и бывать на заседаниях кружка по истории СССР студенческого научного общества. На заседаниях кружка и на конференциях, устраиваемых студенческим научным обществом, Н. Е. читал доклады и на темы, относившиеся к концу XIX—началу XX в. Он был на 2 курса старше меня и значительно превосходил по возрасту и жизненному опыту. Тем не менее еще в студенческие времена мне приходилось с ним разговаривать на темы, связанные и с историей вообще, и с историографией.

В апреле 1962 г. я начал работать в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, которое незадолго до моего поступления возглавил Н. Е. За годы работы в ЛОИИ я ближе узнал Н. Е. в качестве заведующего ЛОИИ, затем заместителя директора Института истории СССР АН СССР по Ленинградскому отделению, завсдующего отделом истории СССР периода феодализма. Н. Е. занимался очень широким кругом вопросов, был занят многочисленными административными делами и общественными по-

---

[1] Краткая история СССР. Л., 1963. Ч. 1; 2-е изд. Л., 1972; 3-е изд. Л., 1978; 4-е изд. Л., 1983.

© А. Н. Цамутали, 2007

ручениями. Тем не менее когда я вспоминаю свои разговоры с Н. Е., то прежде всего на память приходят его рассуждения об истории, в частности о сложностях, связанных с изучением исторической науки. Н. Е. внимательно следил за новыми историческими трудами, среди которых лишь немногие в то время были посвящены историографическим проблемам. Событием для того времени был, например, выход в свет «Очерков истории исторической науки в СССР», каждый том которых становился предметом обсуждения. К сожалению, я не могу восстановить в памяти все суждения Н. Е., но некоторые из них помню до сих пор.

Отличительной чертой суждений Н. Е. об историографических работах тех лет было острое неприятие, как он считал, излишней политизации взглядов того или иного историка. По мнению Н. Е., некоторые авторы, преувеличивая значение политической позиции историка, без должной объективности оценивали значение конкретного вклада в науку. Н. Е. обращал внимание на то, как звучал заголовок раздела о Н. М. Карамзине, написанного историком И. К. Додоновым: «Дворянская реакция и ее отражение в русской историографии. Н. М. Карамзин».[2] Н. Е., не отрицая влияния политических взглядов на исторические построения историков, вместе с тем настойчиво предостерегал от преувеличения значения этого фактора. Чрезмерную «политизацию» исторических взглядов, более того, их искажение и тенденциозность Н. Е. справедливо усматривал в историографических статьях, появившихся после 1948 г. и написанных в духе «борьбы» с «космополитизмом» и «буржуазным объективизмом». Н. Е. особенно болезненно реагировал на несправедливые нападки на старшее поколение историков петербургской исторической школы — А. Е. Преснякова, М. Д. Приселкова, А. А. Шахматова, уже ушедших из жизни. Он высоко ценил также ставшую объектом необоснованно резкой критики статью С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет».

Крайне критическое освещение взглядов и трудов историков петербургской школы после 1953 г., т. е. после смерти И. В. Сталина, постепенно стало сходить на нет, но в силу известной инерционности элементы этой тенденции сохранялись. Так, в подписанном к печати 20 июня 1955 г. т. 34 второго издания «Большой советской энциклопедии» в статье об А. Е. Пресняковe было сказано, что он — «русский буржуазный историк», труды которого «основаны на изучении широкого круга источников», что он «основное внимание уделял политич[еской] истории, развивая положения т[ак] н[азываемой] „историко-юридической школы”». Сказано было об «исследованиях по летописанию» и о том, что Пресняков «в период революции 1905—07» «обратился к истории русского революционного движения». В конце статьи указывалось, что «после Великой Октябрьской социалистической революции П[ресняков] стремился пересмотреть свои теоретические позиции и активно участвовал в работе советских научных учреждений и высших учебных заведений, однако не сумел освободиться от буржуазно-идеалистич[еской] методологии в исследовании исторического процесса». Рекомендованная в конце статьи литература ограничивалась статьей Л. В. Черепнина «Об исторических взглядах А. Е. Преснякова», опубликованной

---

[2] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 277.

в № 33 «Исторических записок» в 1950 г.[3] Таким образом, в тексте энциклопедической справки критический подход к трудам и взглядам А. Е. Преснякова был смягчен. Однако читателю, пожелавшему более основательно познакомиться с А. Е. Пресняковым, рекомендовалась статья, носившая в значительной мере отрицательную оценку его трудов и взглядов.

В свете вышесказанного я склонен рассматривать подготовку в 1962—1963 гг. и издание в 1963 г. 3-го выпуска «Трудов ЛОИИ» как заметное событие в истории ЛОИИ и в жизни Н. Е. Подготовка 3-го выпуска «Трудов ЛОИИ» началась вскоре после того, как Н. Е. стал исполнять обязанности заведующего ЛОИИ. Ответственным редактором выпуска стал С. Н. Валк. В состав редколлегии вошли Н. Е. и В. А. Петров, в то время заведующий архивом ЛОИИ. Сборник статей, выходивший как 3-й выпуск «Трудов ЛОИИ», был озаглавлен «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР».[4] Среди авторов были как маститые историки С. Н. Валк и В. А. Петров, И. И. Смирнов, М. А. Гуковский, Ш. М. Левин, К. Н. Сербина, Н. А. Казакова, сложившиеся молодые ученые Р. Ш. Ганелин и С. С. Волк, так и только что окончившие аспирантуру или являвшиеся соискателями Ю. Г. Алексеев, Б. В. Ананьич, А. Х. Горфункель, А. Р. Дзенискевич, М. П. Ирошников, В. М. Панеях, Л. Н. Семенова, В. И. Старцев, Ю. С. Токарев, А. Н. Цамутали, И. С. Шаркова. Тематика историографических и источниковедческих исследований охватывала период от русского средневековья до истории советского периода.

Особое место в сборнике заняла публикация сохранившейся в архиве ЛОИИ речи А. Е. Преснякова «С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии», произнесенной в Петрограде 1 июня 1920 г. на публичном заседании «Союза архивных деятелей»,[5] приуроченном к 100-летию со дня рождения С. М. Соловьева. Извлечение из недр архива и публикация статьи Преснякова о С. М. Соловьеве приобретала большой интерес в связи с тем, что с 1959 г. один за другим выходили тома нового издания «Истории России с древнейших времен». Издание это выходило под редакцией Л. В. Черепнина. Им же была написана большая вводная статья «С. М. Соловьев как историк».[6] Каждый том был снабжен комментариями, в составлении которых участвовали молодые тогда историки А. М. Сахаров, С. М. Каштанов, Н. В. Синицына и другие. В обстановке усилившегося интереса к наследию С. М. Соловьева статья (речь) А. Е. Преснякова обретала особый смысл, тем более что в ней была предложена оригинальная трактовка не только выдающейся роли С. М. Соловьева в развитии русской историографии, но и его влияния на В. О. Ключевского и ряд других проблем.

В частности, сопоставление опубликованной статьи А. Е. Преснякова «С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии» с его

---

[3] Пресняков Александр Евгеньевич // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1955. Т. 34. С. 440.

[4] Вопросы историографии и источниковедения истории СССР // Труды ЛОИИ. Л., 1963. Вып. 3.

[5] *Пресняков А. Е.* С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. С. 76—86.

[6] *Черепнин Л. В.* С. М. Соловьев как историк // История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 5—51.

«Речью перед защитой диссертации под заглавием „Образование Великорусского государства"» (Летопись занятий археографической комиссии. Пг., 1920. Вып. 30) и с его же статьей «Ключевский» (Русский исторический журнал. 1922. № 8) позволяет уточнить отношение А. Е. Преснякова к историко-юридической, или государственной, школе. Уделяя большое внимание историко-правовым проблемам, которыми преимущественно занимались представители этой школы, А. Е. Пресняков склонен был критиковать присущее этой школе, связанной прежде всего с именами профессоров Московского университета К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, увлечение теоретическими построениями, зачастую, как он считал, не подкрепленное тщательным изучением исторических источников. Поэтому, наверное, следует А. Е. Преснякова расценивать не как последователя, а как критика этой школы.

Несомненный исторический интерес имеет небольшая по объему, скромно помещенная в разделе «Сообщения» в 3-м выпуске «Трудов ЛОИИ», статья С. Н. Валка «Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского».[7] Выше уже говорилось о том, что в советской историографии конца 1940-х—начала 1950-х гг. имела место тенденциозная критика А. Е. Преснякова и других дореволюционных историков. Не всех столпов петербургской школы коснулась критика на страницах академических журналов и других изданий. В числе тех, до кого не дошла очередь, чьи взгляды и труды не стали еще объектом такого рода критики, был и Н. П. Павлов-Сильванский. Зато на страницах «Большой советской энциклопедии», в т. 31 второго издания, подписанном к печати 5 февраля 1955 г., была напечатана статья о Н. П. Павлове-Сильванском.[8] В короткой энциклопедической скорее справке, чем статье, в частности, было написано: «Пытаясь обосновать стремление русской империалистической буржуазии к упрочению своего положения среди буржуазии других стран, П[авлов]-С[ильванский] доказывал тезис о тождественности русского и западноевропейского историч[еского] процесса». Далее излагалась теория русского феодализма, выдвинутая Н. П. Павловым-Сильванским. Вот против такого рода изложения и трактовки взглядов Н. П. Павлова-Сильванского и выступил С. Н. Валк. В статье С. Н. Валка прямо была названа статья в БСЭ, а приведенную в ней характеристику Павлова-Сильванского он отверг как одну из «ходячих характеристик» и заявил о необходимости «внести бóльшую точность в такое схематическое и упрощенное истолкование взглядов Павлова-Сильванского и в определении его места в русской буржуазной историографии эпохи империализма».[9] Основу статьи С. Н. Валка составила характеристика хранившихся в архиве ЛОИИ рукописей Н. П. Павлова-Сильванского. Первой из рукописей, которую характеризовал С. Н. Валк, была вступительная лекция, прочитанная 21 февраля 1906 г. в Высшей вольной школе и озаглавленная «История и современность». Сопоставляя высказывания, содержащиеся в этой лекции и в других рукописях Н. П. Павлова-Сильванского, С. Н. Валк кратко

---

[7] *Валк С. Н.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. С. 617—626.

[8] Павлов-Сильванский Николай Павлович // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1955. Т. 31. С. 523.

[9] *Валк С. Н.* Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского. С. 626.

очерчивал взгляды этого историка и доказывал, что они отнюдь не соответствовали характеристике, данной автором статьи в БСЭ. Смею утверждать, что выступление С. Н. Валка положило начало объективному подходу к наследию Н. П. Павлова-Сильванского. При подготовке курса лекций по русской историографии периода империализма в главе о Н. П. Павлове-Сильванском со ссылкой на указание С. Н. Валка текст лекции «История и современность» использовал А. Л. Шапиро.[10] С. О. Шмидт и его ученики В. А. Муравьев и С. В. Чирков не только обратились к рукописному наследию Н. П. Павлова-Сильванского, но и многое сделали и для его публикации, и для издания трудов и взглядов выдающегося историка.[11]

Вопрос об оценке взглядов таких историков, как А. Е. Пресняков и Н. П. Павлов-Сильванский, их коллег был предметом обсуждений и споров в начале 1950-х гг. В книге о Б. А. Романове В. М. Панеях — ученик Б. А. Романова, как и Н. Е., — приводил выдержки его писем, адресованных Е. Н. Кушевой и А. Л. Сидорову и написанных в связи с предполагавшимся в 1953 г. в Москве в Институте истории АН СССР обсуждением доклада о кризисе буржуазной историографии. В этих письмах Б. А. Романов ставил под сомнение деление историков на группы и направления, в частности, он писал, что «политические квалификации не вносят ясности в построение доклада».[12] Что же касается того, чего ждет читатель от историографических трудов такого рода, то Б. А. Романов полагал, что читателя «не слишком интересует пространное доказательство тезиса о немарксистском или антимарксистском направлении империалистической науки (что само собой разумеется, стоит только произнести эти слова), а гораздо больше интересуют задачи советской исторической науки — в области археографии, источниковедения и конкретно исторической работы, сферы, в которой он постоянно наталкивается практически на вопрос о „наследии", то есть о его использовании в работе».[13]

Мне представляется, что размышления Н. Е. о том, что следует не преувеличивать значение политических симпатий историка, а искать его конкретный вклад в развитие науки, были близки взглядам Б. А. Романова. Кстати сказать, в тех же письмах Б. А. Романов касался и затронутого выше вопроса об оценке взглядов Н. П. Павлова-Сильванского и места, которое он занимал среди историков. Отвергая деление историков на «монархистов» и «кадетов», Б. А. Романов писал, что учеником «монархиста» Платонова был кадет Н. П. Павлов-Сильванский. Б. А. Романов назвал Н. П. Павлова-Сильванского «заправским учеником Платонова».[14] Определение, дан-

---

[10] *Шапиро А. Л.* Русская историография периода империализма. Л., 1962. С. 76—77.

[11] См., например: *Муравьев В. А.* Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография») // История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 337—364; *Шмидт С. О.* Сочинения Н. П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 587—599; *Чирков С. В.* Н. П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Там же. С. 600—638; Переписка Н. П. Павлова-Сильванского с А. Е. Пресняковым // Там же. С. 544—563.

[12] *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка. Б. А. Романов. СПб., 2000. С. 402.

[13] Там же. С. 403.

[14] Там же. С. 402.

ное Б. А. Романовым Н. П. Павлову-Сильванскому, как «заправскому ученику Платонова», дает повод для размышлений. В историографической литературе справедливо обращается внимание на приверженность историков петербургской школы тщательному и всестороннему изучению источников, обязательно предшествующему формированию выводов и обобщений. Подчеркивая эту важнейшую черту, характеризующую петербургскую историческую школу, не следует забывать о том, что и ее представителям присуща была тенденция к широким обобщениям. Во вступительном слове, произнесенном при защите магистерской диссертации «Древнерусские сказания и повести иностранцев о Смутном времени XVII века как исторический источник», С. Ф. Платонов говорил: «Из нашего университета вместе с навыками научной критики я вынес и стремление к отвлеченным историческим построениям, и веру в то, что плодотворна только та историческая идея, которая идет от широкой исторической идеи и приводит к такой же идее». Исходя из таких соображений, пояснял С. Ф. Платонов, «выбирая эпоху для специальных занятий по русской истории», он «не забывал общей схемы русской историографической жизни и остановился на Смутном времени»,[15] которое являлось «историческим узлом, связующим старую Русь с новой Россией».[16] Рассматривая в свете этого выступления С. Ф. Платонова научное наследие Н. П. Павлова-Сильванского, можно, как мне представляется, предположить, что присущую ему способность выделить из истории России такой «узел», как «русский феодализм», и исследовать его на основе широкого круга исторической литературы и многочисленных источников можно считать одним из оснований для причисления его именно к «заправским ученикам Платонова».

Характерную для Н. Е. Носова и С. Н. Валка заботу об объективном освещении наследия историков петербургской школы я вижу в их обращении к изучению и публикации материалов из архива ЛОИИ—Санкт-Петербургского института истории РАН. Среди такого рода публикаций можно назвать изданную в 2005 г. переписку А. Е. Преснякова с родными: «Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889—1927» (СПб., 2005). Эти материалы дают очень много для характеристики взглядов и биографии А. Е. Преснякова. Вместе с тем они содержат штрихи, уточняющие отношение к Н. П. Павлову-Сильванскому со стороны коллег, прежде всего А. Е. Преснякова и С. Ф. Платонова.

Тяжелым ударом и для А. Е. Преснякова, и для многих других русских историков была смерть Н. П. Павлова-Сильванского. В настоящем небольшом очерке делается скромная попытка воспроизвести некоторые детали, уточняющие обстоятельства, при которых А. Е. Преснякова настигло известие о кончине его коллеги и друга, его непосредственную реакцию на это печальное событие. Восстановить эти детали помогают сохранившиеся, а ныне и изданные письма А. Е. Преснякова к его жене Юлии Петровне.

В письмах к жене, написанных при жизни Н. П. Павлова-Сильванского, он был упомянут дважды. 12 сентября 1906 г. среди других обыденных событий А. Е. Пресняков упоминал о том, что Н. П. Павлов-Сильван-

---

[15] *Платонов С. Ф.* Сочинения. 2-е изд. СПб., 1913. Т. 2. С. XIX.

[16] Там же. С. XX.

ский «сбежал» с Высших женских курсов им. Лесгафта.[17] В другом письме, написанном 18 мая 1908 г., касаясь некоторых сложностей, связанных с подготовкой «Истории Сената», промелькнуло известие о том, что накануне А. Е. Преснякова навестил Н. П. Павлов-Сильванский, сообщивший, что «в Государст[венном] архиве довольно много и очень хорошего материала для той же работы», то есть для работы над «Историей Сената». После разговора с Н. П. Павловым-Сильванским А. Е. Пресняков решил, что «самое важно[е]» для него — «здесь, в Петербурге». Впрочем, он предполагал, что «будущим летом придется много поработать в Москве».[18]

Вернувшись в Петербург к началу занятий в сентябре 1908 г., А. Е. Пресняков писал жене 12 сентября: «Погода в Питере хорошая, а холера все по-прежнему. Умер очень быстро ученик Гревса Карташев».[19]

О смерти от холеры в близком окружении А. Е. Пресняков сообщал и в письме, отправленном через день — 14 сентября. На этот раз речь шла о смерти служившей у С. Ф. Платонова кухарки и ее дочери, последовавшей «в больнице». Тут же А. Е. Пресняков добавлял: «Но вообще холера слабеет».[20]

То же настроение в письме от 18 сентября: «К холере отношусь совсем равнодушно, так как при мало-мальски грамотном и внимательном поведении заболеваний не должно быть...» Вести о смерти от холеры и рассуждения об этой болезни в письмах, написанных в сентябре, были лишь дополнением к известиям о работе А. Е. Преснякова над корректурой диссертации, о лекциях в университете, о житейских мелочах, вроде сообщения о приобретении малиновки, составившей компанию жившему у Пресняковых чижу.

Страшная новость о смерти Н. П. Павлова-Сильванского стала известна А. Е. Преснякову после того, как он отправил письмо от 18 сентября. Как явствует из письма от 19 сентября, он узнал о смерти друга и коллеги, придя в институт, от С. Ф. Платонова, который этим был «совсем расстроен». В этот же день уже «во всех газетах» были некрологи. В «Слове» было «несколько строк», написанных А. Е. Пресняковым. В начале письма, после упоминания о некрологах, А. Е. Пресняков уточнял обстоятельства болезни и дату смерти: «Умер он не 18-го, как Адрианов поставил, а 17-го вечером — в Боткинских бараках. 16-го заболел, 17-го умер. Странное дело, когда слышишь подробности относительно холерной смерти интеллигентов (Карташев, Сильванский), оказывается, что погибли люди, особенно сильно боявшиеся холеры».[21] Первое, о чем пишет А. Е. Пресняков, это о том, что неожиданная смерть Н. П. Павлова-Сильванского, смерть, в которой, по-видимому, заключалось нечто необычное, подчеркивала и неординарность личности Н. П. Павлова-Сильванского, и необычность его судьбы. «Умер человек, так нелепо закончивший жизнь, сложившуюся так странно, нелепо, что она дробила его психику, сбивала его с толку. Есть что-то особенно

---

[17] Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889—1927. СПб., 2005. С. 554.

[18] Там же. С. 585.

[19] Там же. С. 611.

[20] Там же. С. 613.

[21] Там же. С. 615.

тяжкое в том, что конец его жизни как-то вяжется со всем складом его в личном отношении, даже с его характером», — писал А. Е. Пресняков. Сразу после этого А. Е. Пресняков переходил к последствиям, которые повлечет за собой и для него лично, и для науки смерть Павлова-Сильванского. «Это большая потеря», — писал А. Е. Пресняков и тут же обращался к жене: «Ты его недолюбливала». Довольно редко в письмах Преснякова к жене можно найти свидетельство того, что они по-разному относятся к кому-либо из родственников или знакомых. Здесь же речь идет о человеке, очень близком А. Е. Преснякову, и он со всей определенностью пишет жене, что для него смерть Н. П. Павлова-Сильванского — «потеря очень большая». Сразу же он переходит к той близости, которая была у него с покойным в совместном увлечении историей. «Сильванский не увидит моей книги, не будет ее разбирать, говорить о ней. Она так с ним связана. В ней много влияния его работ, его мнений», — пишет А. Е. Пресняков и далее уточняет степень близости своих и Н. П. Павлова-Сильванского научных взглядов: «Мне приходилось очень осторожно писать некоторые места, чтобы не похитить себе его иные мнения, да и то кое-что захватил я неизбежно. Такого сочувствующего целому и строго, горячо разбирающего все детали читателя я другого не найду. На меня точно обрушилось развивать дальше то направление работ, в котором я думал идти с ним и за ним. Я был ближе, чем кто-нибудь, к его мнениям, к его интересам». Далее А. Е. Пресняков упоминал «небольшой пакетик его писем», который «получает теперь особое значение».[22] В письмах, по словам А. Е. Преснякова, «его тревоги, волнения, жажда сочувствия, поддержка в новостях его работ, против которых на первых порах высказывались многие».[23]

21 сентября А. Е. Пресняков сообщает в письме и некоторые подробности своего прощания с Н. П. Павловым-Сильванским: «Вчера утром я пошел на панихиду по Н. П. Павлову-Сильванскому — на Ник[олаевский] вок[зал], — откуда гроб отправили на Преображенское кладбище. Были 3 курсистки, двою[ро]д[ный] брат Н[иколая] П[авловича], какой-то старичок, Боцяновский и я. Больше никого. А на кладбище и мы с Боцем не поехали; пришлось бы, благодаря поездам, полдня потерять». После упоминания о предложении написать некролог для «журнала Министерства народного просвещения» приписка: «после него осталась А. В. Капустина с двумя мальчиками — 6-ти лет и нескольких месяцев, без всяких средств и прав. Хлопочут о них, м[ожет] б[ыть] устроят им пенсию из Литературного фонда и пособия от разных учреждений».[24] По нескольким письмам — от 15 и 16 июня, 15 июля, 3 сентября 1909 г. — можно судить, что в летние месяцы 1909 г. Пресняков успешно работал, читая корректуру книги Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в России».[25]

Друзья и коллеги заботились о сохранении памяти о Н. П. Павлове-Сильванском. Это подтверждает письмо от 15 сентября 1911 г., написанное в начале нового учебного года на Высших женских курсах. Пресняков пишет, что «в пятницу на курсах будет панихида по Павлове-Сильванском, и С[ер-

---

[22] Там же. С. 614.
[23] Там же. С. 615.
[24] Там же. С. 616.
[25] Там же. С. 623, 624, 640, 645.

гея] Ф[едоровича] [Платонова] просили сказать несколько слов о нем — для новых слушательниц».[26]

В письме от 18 сентября 1911 г. после краткого сообщения о том, что в Женском педагогическом институте отслужили панихиду по Павлове-Сильванском, Пресняков писал: «После панихиды Сер[гей] Фед[орович] [Платонов] сказал речь о Сильванском, дал тонкую, внимательную и чуткую, очень простую характеристику его личную; вышло очень искренне, даже тепло. Спасибо ему за это. Грустно было. И у него точно голоса под конец не хватило...»[27]

Представляется, что эти, казалось бы, касающиеся частностей штрихи удачно дополняют отношение к Н. П. Павлову-Сильванскому, в частности С. Ф. Платонова, и дают лишнее подтверждение словам Б. А. Романова, назвавшего его «заправским учеником Платонова».

Вскоре после окончания работы над первым изданием «Краткой истории СССР» была начата подготовка «Краткого очерка истории русской культуры». Н. Е. не входил на этот раз в состав редколлегии, но внимательно следил за работой над этим изданием, тем более что она оказалась связанной с самыми разнообразными трудностями. Оставляя в стороне вопрос о разного вида сложностях, я в данном случае хочу заметить, что во время написания как «Краткой истории СССР», так и «Краткого очерка истории русской культуры» Н. Е., обращая внимание на некоторые общие проблемы отечественной истории, касался и отдельных проблем историографии. Н. Е. очень сетовал, что лишь некоторые общие и тем более специальные курсы, читаемые в высших учебных заведениях Ленинграда, были изданы. Он высоко ценил курс лекций, изданный С. Б. Окунем и охватывавший первую четверть XIX в. По мнению Н. Е., полезным было бы сопоставление курсов, составленных различными авторами. В частности, он вспоминал прослушанный им на историческом факультете Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена курс по истории СССР, который читал В. Н. Бернадский. Н. Е. сопоставлял этот курс с лекциями В. В. Мавродина, отмечая особенности того и другого курсов. Когда речь заходила об освещении в русской историографии истории движения декабристов, то Н. Е. говорил о том, что высоко ценит книги М. В. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов. Исторический очерк, написанный на основании следственного дела» (М., 1906), «Мемуары декабристов (Записки, письма, показания, проекты конституций, извлеченные из следственного дела, с вводной статьей)» (Киев, 1906), «Идеалы декабристов» (М., 1907). Заговорив о трудах М В. Довнар-Запольского, Н. Е. коснулся его книги «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» (Киев, 1901. Т. 1), а затем и труда «История русского народного хозяйства» (Киев, 1911. Т. 1). Последняя из названных книг привлекла внимание М. Н. Покровского, который написал рецензию в журнал «Голос минувшего». На страницах того же журнала М. В. Довнар-Запольский ответил на замечания М. Н. Покровского. Полемику между М. В. Довнар-Запольским и М. Н. Покровским Н. Е. вспоминал в связи с тем, что в начале 1960-х гг.

---

[26] Там же. С. 653—654.

[27] Там же. С. 727.

появились статьи, в которых вновь стало обсуждаться значение работ М. Н. Покровского, сыгравших свою роль в критике, как часто тогда писали, «буржуазно-дворянской историографии». Н. Е. в связи с такого рода определениями направлений в исторической науке вновь говорил, что он против подхода к ним с крайне политизированных позиций. Беседы с ним на эту тему отчасти были вызваны моими занятиями русской историографией. Моя основная плановая работа в 1960-е гг. была связана с участием в коллективных трудах, в числе которых кроме выше названных была глава для 5-го тома «Очерков истории Ленинграда». Параллельно, как заочный аспирант, я завершал работу над кандидатской диссертацией, которая была озаглавлена «Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в.». Н. Е. с интересом относился к моим занятиям, всячески мне помогая. Это выражалось в том, что мне было выделено время на завершение диссертации, а затем и на подготовку ее к печати. Благодаря усилиям Н. Е. Е. М. Жуков, в то время академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР, споспешествовал сохранению моей работы в издательских планах. Дополненный и переработанный текст диссертации в 1971 г. был издан в виде монографии под тем же названием: «Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в.» (Л., 1971. 252 с.). Н. Е. всячески содействовал и моим дальнейшим занятиям историографией. Он способствовал моей работе над монографиями «Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в.» (Л., 1977) и «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (Л., 1986). Будучи внимателен по отношению к моим занятиям историографией, Н. Е. часто разговаривал со мной, в частности о взглядах и трудах тех авторов, которые не были профессиональными историками, но тем не менее оставили заметный след в развитии исторической науки. В конце 1940—1950-х гг. даже имело место чрезмерное преувеличение значения высказываний А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, особенно Н. Г. Чернышевского, касавшихся как всеобщей, так и русской истории.

С Н. Е. не раз приходилось говорить о наличии в русской исторической науке революционно-демократического направления, представленного именами В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова. Он не раз разговаривал на эту тему со мной, в значительной мере из-за того, что моя кандидатская диссертация была посвящена этому направлению. Н. Е. критически относился к появившейся в конце 1940-х гг. тенденции к преувеличению роли этого направления в русской историографии. Вместе с тем он не отрицал его значения, хотя, конечно, на первое место ставил труды профессиональных историков. Во введении к монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о реформе Ивана Грозного» Н. Е. вспоминал, как, будучи студентом исторического факультета Ленинградского университета, занимаясь «на семинариях» его учителей Б. А. Романова и И. И. Смирнова, он «впервые приобщился к исторической науке, выбрал своей специальностью отечественную историю, а областью основных научных занятий историю России XVI в. При этом, писал Н. Е., «одним из вопросов, который уже тогда интересовал» его, «был вопрос о причинах гибели земского строя и утверждения в России самодержавия». Далее, по признанию Н. Е., ему «трудно было

забыть слова А. И. Герцена, сказанные им в его столь известных очерках «О развитии революционных идей в России» по поводу судеб Руси XV—XVI вв., что «необходимость централизации была очевидна, без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства. Мы не думаем все же, что московский абсолютизм был единственным средством спасения России».[28] Комментируя это высказывание А. И. Герцена, Н. Е. писал: «Конечно, А. И. Герцен ошибался, идеализируя роль общинных учреждений в древней Руси, но он был прав, когда отказывался от „тезиса" о прогрессивности царизма и крепостничества, как якобы единственно возможного пути развития России. „Ход истории далеко не так предопределен, как обычно думают", — писал А. И. Герцен».[29]

В связи с тем что Н. Е. в герценовских высказываниях подчеркивал слова о том, что «ход истории далеко не так предопределен, как обычно думают», полагаю возможным сделать следующие замечания. Во-первых, я вижу в этом одно из свидетельств того, что Н. Е. придерживался возможности многовариантного пути исторического развития. В этом он был солидарен с представителями так называемого «нового направления», прежде всего с очень близким ему П. В. Волобуевым, автором монографии «Выбор пути общественного развития: теория, история, современность» (М., 1978). Во-вторых, отмечу, что, обращаясь к А. И. Герцену, Н. Е. выделяет, как мы видим, его слова о том, что «московский абсолютизм» не был «единственным средством спасения России». В этом он противостоял В. Е. Иллерицкому, автору раздела «Исторические взгляды А. И. Герцена» в 1-м томе «Очерков истории исторической науки в СССР». В. Е. Иллерицкий в этом издании, цитируя А. И. Герцена, опускал как раз вторую часть его рассуждений, а именно слова: «Мы не думаем все же, что московский абсолютизм был единственным средством спасения России». Далее В. Е. Иллерицкий писал: «Герцен признавал заслугу московских князей в образовании единого Русского государства и Москву рассматривал в качестве центра собирания русских земель».[30] Как видим, казалось бы, одно и то же высказывание А. И. Герцена приобретало различную тональность в «Очерках истории историографической науки» и в предисловии к монографии Н. Е. «Становление сословно-представительных учреждений в России».

Такая, быть может, мелкая деталь в какой-то степени характеризует Н. Е., который в своих печатных работах был предельно скуп, я бы сказал еще, и осторожен в историографических оценках, в то время как его взгляды в этой области истории были весьма неординарны.

---

[28] *Герцен А. И.* Соч. М., 1956. Т. 3. С. 403—404.

[29] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 7.

[30] Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 399.

А. П. Павлов

Н. Е. НОСОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОБЛЕМ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVI в.

Н. Е. Носов — одна из наиболее крупных и ярких фигур в нашей исторической науке. Без его фундаментальных исследований, его идей сейчас невозможно представить ее дальнейшее развитие. Ему удалось создать свое направление в изучении допетровской Руси, выйти на принципиально новые важные проблемы русской истории допетровского, да и не только допетровского, периода.

Николай Евгеньевич не был кабинетным ученым, эдаким бесстрастным летописцем. Он много повидал на своем веку. Он принадлежал к тому поколению, которое вынесло на своих плечах основную тяжесть войны с фашизмом. И в мирной жизни Н. Е. Носов неизменно находился в «авангарде», занимая всегда активную жизненную позицию в лучшем понимании этого слова. На протяжении почти 20 лет он возглавлял Ленинградское отделение Института истории. Как человек, много занимавшийся административной и общественной работой, Н. Е. Носов особенно остро и тонко ощущал явления современной ему исторической действительности. Человек тонкий, интеллигентный (он был потомственным интеллигентом), Н. Е. глубоко переживал за судьбы своей Родины. В истории допетровской Руси он стремился найти корни, истоки многих проблем современной действительности. Н. Е. Носова очень живо интересовала проблема путей политического развития России — почему страна пошла по тому, а не иному пути развития. Факты и события русской истории далекого XVI в. он как бы пропускал через свою душу, не скрывая при этом своего личного, эмоционального отношения к изучаемым явлениям. Об этом может свидетельствовать уже сам стиль работ Н. Е. — они написаны ярко, эмоционально, страстно, с многочисленными отступлениями, восклицательными знаками и т. д.

Эта черта Н. Е. Носова — человека и ученого — во многом определила особенности его научного творчества и результаты его исторических изысканий. Одним из важнейших результатов творчества Н. Е. явилось то, что он первым в нашей науке поставил и попытался разрешить вопрос о различных тенденциях развития страны в XVI в., в период становления и развития русской государственности. Без этого положения Н. Е. Носова невозможно в полной мере осознать особенности политического развития допетровской — да и всей послепетровской — России, понять суть и динамику эво-

© А. П. Павлов, 2007

люции русского государства. «Результатом многолетних изысканий, раздумий, а главное, сомнений и поисков», как писал сам Н. Е., явилась книга «Становление сословно-представительных учреждений в России» (Л., 1969), которая стала главным итогом его научного творчества.

Огромное внимание на становление Н. Е. Носова как историка оказали его учителя — Б. А. Романов и И. И. Смирнов. Своим главным научным наставником Н. Е. считал Б. А. Романова.[1] Вот что говорил он о своем учителе на заседании, посвященном памяти Б. А. Романова 16 ноября 1957 года: «Тонкий и вдумчивый критик исторических источников, Б. А. всегда стремился к органическому сочетанию в своих работах широких научных обобщений и интерпретаций с их максимально полным источниковедческим обоснованием. Анализ источника никогда не являлся для него самоцелью, а всегда был подчинен задачам восстановления исторического факта, события, процесса. Для него не существовало ни прописных истин, ни готовых решений... всегда и везде он стремился восстановить авторитет источника и только его считал мерилом исторической правды. В этом одна из наиболее притягательных и наиболее сильных черт его творческого метода...» Исторический анализ, продолжает Н. Е., говоря о своем учителе, «по его (Б. А. — *А. П.*) глубокому убеждению невозможно строить на голом рационализме, исключающем всякое иное (художественное) восприятие исторического прошлого. Главный объект истории — человек и его деятельность, а измеряется она, как любил говорить Борис Александрович, отнюдь не по логарифмической линейке... Историк, по его мнению, должен не только осознать, понять изучаемые им явления, но почувствовать сам дух эпохи. Без этого исследователь всегда может впасть в схематизм, а иногда и в вульгаризацию».[2]

Знакомство с исследованиями Н. Е. Носова, общение с ним убеждают, что он являлся достойным последователем заветов своего учителя, продол-

---

[1] О теплом отношении Н. Е. к своему учителю Б. А. Романову и учителю Бориса Александровича — А. Е. Преснякову, а также о давнишних (еще до поступления Н. Е. в университет) тесных отношениях семьи Носовых с Б. А. Романовым, С. Н. Валком и семьей Гревсов свидетельствует письмо Н. Е. Носова Александру Сергеевичу Кану от 29 ноября 1979 г., в котором Н. Е. писал: «...И к Преснякову и к Гревсу я питаю некоторую слабость. К Преснякову потому, что он учитель Б. А. Романова и о нем я так много слышал прекрасных слов, бывая в Романовском доме. А у жены Гревса (она преподавала в женской гимназии на В. О.) училась моя мама, и когда я с братом были еще малышами, то в праздники мы посещали дом Гревсов. Да и мой отец кончал юридический факультет Петербургского университета на год позже Бориса Александровича и Валка и был вхож в их студенческие кружки. После окончания он был оставлен в университете. В эти годы папа и подружился с Борисом Александровичем». — Приношу искреннюю благодарность Е. Н. Носову за возможность ознакомиться с материалами этого письма.

[2] *Носов Н. Е.* Б. А. Романов как педагог: Доклад на совместном заседании ЛОИИ АН СССР и Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом) 16 ноября 1957 г.: Краткое изложение // Исторические записки. М., 1958. Т. 62. С. 288—289; Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. Предисловие. С. 3—7; Романов как педагог: Доклад на совместном заседании ЛОИИ АН СССР и Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), посвященном памяти Б. А. Романова 16 ноября 1957 г. // Исследования по социально-политической истории России... С. 394—397.

жателем лучших традиций петербургской исторической школы. Н. Е. был совершенно чужд однозначного, прямолинейного понимания исторического процесса. Весьма осторожно и критически относился он как к умозрительным социологическим построениям, так и к абстрактному «теоретическому» источниковедению, оторванному от конкретных исторических исследований. В своей статье «Основные научные направления и проблематика ежегодника „Вспомогательные исторические дисциплины"»,[3] ответственным редактором которого Н. Е. являлся на протяжении многих лет, он решительно выступил против распространенного в среде историков мнения о том, что «источниковедение может рассматриваться как теория добывания исторических фактов, а история как теория и методика осмысления исторических фактов». По мнению Н. Е. Носова, «результативность источниковедения не в том, что оно дает в руки исследователей математически точные абсолютные истины, как бы очищенные факты, а в обеспечении... возможности извлечь из анализируемых источников максимум необходимой информации, позволяющей установить реальный ход изучаемых событий», и «только органическая связь источниковедческого и исторического анализов, их взаимное обогащение могут дать наиболее плодотворные научные результаты».

Н. Е. был убежден в том, что история как живой, сложный процесс не поддается описанию жесткими математическими формулами. Историки, говорил он, всегда обречены находить неправильности и отклонения даже там, где прежде все казалось ясным и незыблемым. Однажды я, еще только начав изучать вопрос о составе избирательного земского собора 1598 г., пришел к Н. Е. со своими сомнениями в связи с несовпадениями в перечне и подписях соборной утвержденной грамоты. Ответ Н. Е. стал для меня тогда совершенно неожиданным. «И очень хорошо, — сказал он, — что Вы не нашли полных совпадений. Если бы Вы доложили мне, что у Вас все сошлось, я понял бы, что Вы просто сжульничали». Сказал он это, конечно, с мягким юмором. Я до сих пор помню интонацию его голоса. Мне думается, что здесь очень хорошо проявилась сама творческая манера Н. Е., его мудрость как ученого.

Н. Е. Носову, пожалуй, как никакому другому историку, было свойственно стремление показать всю сложность и многогранность исторического процесса, который, по его мнению, невозможно свести к какой-то одной «генеральной линии». Ему было непонятно, например, почему «московский» путь развития был более «правильным и прогрессивным», чем путь развития русского Севера или Северо-Западного региона. Н. Е. считал, что конечная победа «московского» пути (централизация через усиление приказно-бюрократических начал и подавление предпринимательской инициативы) еще не означала его прогрессивности и фатальной неизбежности.

Стремление Н. Е. Носова рассматривать исторические явления во всей их сложности и многоплановости ярко проявилось в его выступлении в ходе дискуссии о периодизации первой крестьянской войны в России, проходившей на расширенном заседании группы истории СССР ЛОИИ в сентябре 1958 г. по поводу работ И. И. Смирнова и А. А. Зимина. Н. Е. решительно и

---

[3] ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 3—12.

смело по тогдашним временам (подчеркиваю, это был конец 50-х гг.) высказался против однозначного определения событий начала XVII в. только под углом зрения классовой борьбы и крестьянской войны. Впервые в советской историографии им была выдвинута мысль о том, что эти события представляли собой сложный клубок социальных, внутриполитических и межнациональных противоречий и они не могут быть уложены в рамки какого-то одного определения.[4] Лишь в последнее время, спустя несколько десятилетий после выступления Н. Е. Носова, такой взгляд на события Смуты начала XVII в. стал утверждаться в исторической науке благодаря исследованиям А. Л. Станиславского, Р. Г. Скрынникова, Б. Н. Флори и других ученых.

Следуя наставлениям своего учителя Б. А. Романова, Н. Е. стремился изучать историю не только через анализ расстановки различных социальных и политических группировок, но и через судьбы отдельных людей. Большое место в исторических исследованиях Н. Е. Носова занимала генеалогия. На изучение генеалогии Н. Е. постоянно нацеливал и меня, своего ученика. Генеалогия, говорил он, особенно наглядно позволяет проследить «динамику социального процесса, происходившего в той или иной сфере жизни русского общества». Н. Е. Носов был одним из первых в нашей историографии, кто вышел за рамки традиционного изучения дворянской генеалогии (хотя и генеалогией дворянства он занимался весьма успешно и плодотворно) и обратился к генеалогии других слоев общества — купечества, крестьянства. Генеалогические разыскания рассматривались им как важный и надежный метод социальной характеристики не только отдельных лиц, но и определенных общественных групп. Именно благодаря своим исследованиям по генеалогии купцов и промышленников Н. Е. смог прийти к исключительно важному выводу об устойчивости купеческих капиталов на Севере России в XVI в.

По моим представлениям, Н. Е. Носов был начисто лишен какого-либо догматизма и формализма. Он был человеком удивительно свободного, демократического образа мыслей. И это несмотря на то, что он долгие годы руководил «идеологическим», по тогдашним понятиям, учреждением. Для него было чуждо, в отличие от многих других тогдашних историков, деление ученых-предшественников по ранжиру — на «историков-марксистов» и «историков-немарксистов», на «советских» и «буржуазных» историков. Главным критерием значимости того или иного ученого для Н. Е. был его реальный вклад в науку, а не его происхождение или политические взгляды.

Большое внимание в своих исследованиях Н. Е. Носов уделил теме классов и классовой борьбы. Эпиграфом к своему основному труду, монографии «Становление сословно-представительных учреждений», он избрал известное высказывание В. И. Ленина: «Мы всегда учили и учим, что классовая борьба... лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований». Все это может сму-

---

[4] Выступление в дискуссии по докладу И. И. Смирнова «Спорные вопросы борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. (по поводу статьи А. А. Зимина)» на расширенном заседании группы истории СССР ЛОИИ АН СССР. Ленинград, сентябрь 1958 г.: Краткое изложение // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 207—208.

тить современного читателя, привыкшего уже к иной терминологии исторических исследований. Однако если мы внимательно рассмотрим саму суть исторических построений Н. Е. Носова, то убедимся, что никакого узкого, догматического понимания классовой борьбы в работах Н. Е. не содержится. В отличие от общепринятого тогда понимания классовой борьбы как борьбы антагонистических классов (борьбы крестьян против феодалов и т. д.) в работах Н. Е., особенно в последних его исследованиях, в понятие «классовой борьбы» вкладывается иной, более широкий смысл — социально-политической борьбы самых различных общественных сил: не только борьбы социальных низов против социального гнета, но и борьбы внутри сословий, борьбы между верхами и низами служилого сословия, между привилегированными верхами купечества и рядовыми посадскими людьми и т. д. Именно в стремлении учесть в общерусском историческом процессе действие самых различных общественных групп заключается новизна и сильная стороны исследований Н. Е. Носова.

Столь широкое понимание классовой борьбы (этот термин можно было бы заменить каким-нибудь другим без ущерба для смысла) позволило Н. Е выйти на новые, нетрадиционные темы исследования, увидеть тенденции общественно-политического развития, которые ранее оставались не замеченными в исторической литературе. Работы Н. Е. Носова убеждают, что тот традиционный социально-экономический подход, который разрабатывался нашей историографией на протяжении многих десятилетий, отнюдь не утратил своей актуальности и перспективности, несмотря на то что появились и новые направления исторических исследований.

Н. Е. был историком весьма широкого исследовательского диапазона. Трудно, пожалуй, назвать крупную дискуссионную проблему истории допетровской России, которую не затронул бы в своих трудах Н. Е. Носов и по которой бы он не высказал своих оригинальных суждений. Он живо и активно включался в дискуссии по важнейшим вопросам русской средневековой истории, которые ставила историческая наука. Это прежде всего проблема природы черносошного крестьянского землевладения. Здесь Н. Е. проявил себя сторонником и последователем того направления, которое отстаивали один из его учителей — И. И. Смирнов и представители школы И. И. Смирнова (А. И. Копанев и другие), а именно — концепции относительной свободы черносошного крестьянства от феодального государства.

Важные, не утратившие до сих пор своей актуальности выводы Н. Е. сделал в ходе обсуждения на международных симпозиумах проблемы истории русского города. Н. Е. Носову принадлежит большая заслуга в выявлении различных тенденций развития русского города XVI в. — феодально-крепостнической и раннебуржуазной. Без этого вывода Н. Е. Носова, думается, невозможно в полной мере понять ход и направление эволюции городов в московский период.

Н. Е. был одним из первых, кто подверг сомнению и критике традиционное, идущее еще от работ С. Ф. Платонова, противопоставление боярства как исключительно реакционной силы «прогрессивному» дворянству, опоре централизации. Никем и никогда еще не было доказано, отмечал Н. Е. Носов, что дворянство было «прогрессивнее» и «демократичнее» боярства. Напротив того, справедливо отмечал он, именно мелкое дворянское

поместное землевладение явилось оплотом развития крепостничества, которое в конечном итоге вело страну по пути застоя и регресса. Н. Е. были высказаны новые, принципиально важные суждения об опричнине и Смуте, не утратившие актуальности и поныне.

Несмотря на многообразие научных интересов, Н. Е. Носов никогда не «распылялся» в своем творчестве. У него была своя главная, центральная, тема, исследованию которой он посвятил всю свою научную жизнь, — тема местного управления и становления сословно-представительных учреждений в России в XVI в. Надо сказать, что Н. Е. сумел весьма удачно найти свое особое место в историографии большой проблемы становления и развития Русского централизованного государства. До Н. Е. история местного управления была крайне слабо разработана как в дореволюционной, так и (особенно) в советской историографии, а между тем без изучения процессов, происходивших на местах, невозможно в полной мере постигнуть процесс становления и строительства аппарата управления централизованного государства в целом.

В своей первой крупной монографии «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в.» (М.; Л., 1957) (монографии предшествовала его кандидатская диссертация, защищенная по той же теме в 1955 г.) Н. Е. Носов поставил задачу изучить процесс создания новых органов власти на местах, которые отвечали потребностям новой эпохи, удовлетворяли нужды централизации страны. Исследование состояло из двух частей; первая была посвящена изучению истории становления и развития института городовых приказчиков (конец XV—первая половина XVI в.), вторая — губной реформе конца 30-х—40-х гг. XVI в. и становлению института губных старост. Произведенные Н. Е. сплошной просмотр и исследование сохранившихся источников (прежде всего актового материала) позволили ему впервые в историографии дать цельную и всестороннюю характеристику городовых приказчиков и их деятельности как органа государственной власти на местах.

В результате исследования Н. Е. Носов пришел к важному выводу о том, что образование в конце XV—начале XVI в. института городовых приказчиков ознаменовало собой начало той общей перестройки системы местного управления Русского государства, которая осуществлялась в интересах централизации страны и отвечала интересам поднимавшегося дворянского сословия, главной опоры русской централизованной монархии. Этот процесс рассматривался автором как первый важный этап в строительстве аппарата местного управления. Исследование Н. Е. убедительно показало, что городовые приказчики представляли собой первый собственно дворянский орган местного управления, удовлетворявший в своей деятельности в первую очередь потребности местных помещиков. Становление института городовых приказчиков, в руки которых перешли многие важнейшие функции местного управления, изъятые у кормленщиков, Н. Е. связывал с изменением самой социальной базы русской монархии: если ранее, в период раздробленности, основной социально-политической опорой великокняжеской власти было боярство, то теперь главной ее опорой становится поместное уездное дворянство, которое в лице городовых приказчиков получило свой первый сословный орган местного управления.

Губная реформа, изучению которой посвящена вторая глава монографии, рассматривалась Н. Е. Носовым как логическое продолжение предшествующих мероприятий правительства, направленных на дальнейшее укрепление позиций дворянства на местах. Губная реформа, по мнению автора, открывала второй этап в процессе централизации местного управления Русского государства XVI в. — этап, который может быть охарактеризован как переход от низшей формы централизации, основанной на вотчинно-приказной системе, к централизации, построенной на местном сословном представительстве и тем самым представлявшей собою более высокую ступень государственного единства.

Монография Н. Е. Носова «Очерки по истории местного управления», написанная относительно молодым тогда историком, явилась крупным, заметным событием в нашей историографии. И дело не только в том, что эта работа существенно дополнила и конкретизировала наши представления о самом ходе проведения политики централизации на местах, по истории местных учреждений России первой половины и середины XVI в. В этом исследовании были выдвинуты принципиально новые для того времени суждения о различных формах и путях политической централизации на местах. Н. Е. стал одним из первых, кто подошел к пониманию того, что централизация, «построенная на местном сословном представительстве», являлась более высокой ступенью государственного единства, «чем та, первоначальная форма централизации, в основе которой лежала вотчинно-приказная система».

Таким образом, уже первая монография Н. Е. Носова содержала в себе зерно будущей концепции сословно-представительной монархии в России XVI—XVII вв. Правда, автор не развил тогда своих наблюдений относительно эволюции сословно-представительных учреждений в России. Суждения о прохождении Россией стадии сословно-представительной монархии, высказанные некоторыми учеными (например, С. В. Юшковым), решительно отвергались тогда большинством историков (я имею в виду дискуссию о периодизации истории СССР, развернувшуюся на страницах центральных исторических изданий в конце 1940-х гг.). Однако первые важные шаги в становлении новой концепции русской государственности были сделаны.

При написании первой своей монографии Н. Е. еще находился под влиянием господствовавших тогда представлений о «прогрессивности» дворянства и «реакционности» боярства, с которым монархическая власть во имя централизации вела ожесточенную борьбу. В дальнейшем Н. Е. решительно пересмотрел эти свои представления, хотя уже и в рассматриваемой книге он не смог пройти мимо того парадоксального (с точки зрения концепции борьбы боярства и дворянства) факта, что «продворянская» губная реформа начала проводиться в жизнь как раз в годы «боярского правления». Объяснение этому «парадоксу» Н. Е. Носов находил в том, что реформу осуществляли те же самые лица (представители знати и приказные), которые сидели в правительстве еще при Василии III. Можно предположить, однако, что подобные «личностные» объяснения причин проведения «боярским» правительством губной реформы не могли вполне удовлетворить самого Н. Е. Характерно, что спустя всего три года после выхода в свет монографии «Очерки истории местного управления» появилась статья Н. Е. о Боярской

книге 1556 г., в которой традиционное противопоставление боярства и дворянства подвергается решительной критике.[5]

Со второй половины 1950-х гг. наступил новый этап в развитии советской исторической науки, ознаменовавшийся пересмотром многих устоявшихся концепций и схем. Решительному пересмотру подверглись и прежние представления о самой форме государственного строя России XVI—XVII вв. В исторической литературе 30—50-х гг. она рассматривалась как самодержавно-абсолютистская, а политическая история этого периода изучалась преимущественно в плане борьбы самодержавия, опирающегося на мелкое и среднее дворянство, против реакционного боярства. В рамках этой концепции по существу не оставалось места для сословно-представительных учреждений. Положение изменилось после выхода в свет в 1958 г. программной статьи М. Н. Тихомирова о земских соборах.[6] Автор статьи выступил против недооценки в предшествующей литературе роли и значения земских соборов, которые, по его мнению, являлись сословно-представительными учреждениями европейского типа.

Начиная с 60-х гг. данная точка зрения прочно утвердилась в нашей историографии. Изучение проблемы земских соборов и сословно-представительной монархии было продолжено в трудах Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, С. О. Шмидта, Н. И. Павленко, Р. Г. Скрынникова и других ученых. Н. Е. Носов активно включился в обсуждение этих проблем. Его работы шли в том же направлении, что и работы других историков 60-х гг. В то же время Н. Е. избрал свой собственный путь решения проблемы сословно-представительной монархии в России. Эта проблема была им освещена в его второй монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного»; ранее, в 1968 г., эта работа была защищена им в качестве докторской диссертации. Книга посвящена земской реформе, проведенной в 60-х гг. XVI в. правительством так называемой «Избранной Рады». Хронологически она продолжает предыдущее монографическое исследование Н. Е. о губных старостах и городовых приказчиках. Однако исследовательские задачи второй книги Н. Е. значительно шире. Автор ставит в ней общие кардинальные проблемы — проблемы взаимоотношения централизации и сословного представительства, органов местного сословного самоуправления и приказно-бюрократического аппарата самодержавного государства, вопрос о судьбе земства и сословно-представительных учреждений в бурную эпоху Ивана Грозного.

Н. Е. Носовым был сделан значительный шаг вперед в изучении проблем сословно-представительной монархии в России. До него историки главное внимание акцентировали на исследовании деятельности земских соборов. Н. Е. показал процесс становления и развития сословно-представительной монархии на более широком социальном и политическом фоне. Он впервые обратился к специальному монографическому изучению истории становления и эволюции сословно-представительных учреждений на местах, кото-

---

[5] *Носов Н. Е.* Боярская книга 1556 г. (из истории происхождения четвертчиков) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. (Труды ЛОИИ; вып. 2). М.; Л., 1960. С. 191—227.

[6] *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) России XVI в. // Вопросы истории. 1958. № 5.

рые справедливо рассматривались им как фундамент сословно-представительного строя, в то время как земские соборы представляли собой лишь вершину здания сословно-представительной монархии. Автор доказал, что в результате реформ 30—50-х гг. XVI в. произошло оформление органов сословного представительства на местах и самые различные слои русского общества (дворяне, черносошные крестьяне и посадские люди) получили в лице губных и земских старост права сословного самоуправления; становление этих новых органов власти на местах, по мнению Н. Е., было обусловлено и объективно подготовлено всем ходом предшествующего развития Русского государства.

В работе Н. Е. Носова приведены новые убедительные факты, свидетельствующие об интенсивном подъеме экономики России в первой половине и середине XVI в., о высоком уровне развития торговли и частного предпринимательства. Ему удалось показать процесс значительной социальной дифференциации в среде черносошного крестьянства, процесс накопления капиталов и втягивания волостных «богатеев» в торговлю и предпринимательскую деятельность с широким использованием наемной рабочей силы. Особенно убедительны приведенные автором факты, относящиеся к Северу России, где складывались целые династии крупных купцов и промышленников из крестьян. Произведенные Е. Н. Носовым генеалогические изыскания, основанные на сплошном просмотре всего массива северных актов, привели к важному выводу об устойчивости купеческих капиталов на Севере уже в XVI в., что способствовало повышению роли посадской и волостной верхушки в обществе, осознанию ими своих интересов. Главным политическим требованием этой верхушки было предоставление посадам и волостям прав самоуправления. Введение земского самоуправления, по мысли Н. Е., означало уступку нарождавшемуся в России «третьему сословию», с возросшим экономическим развитием которого было вынуждено считаться правительство. В то же время исследователь отметил двойственный, половинчатый характер земской реформы. На последнем ее этапе, в середине 50-х гг., под давлением феодалов правительство свело уступки крестьянам и посадским людям к минимуму. Посадские и волостные миры обязывались не только платить подати в пользу государства, но и уплачивать «кормленный откуп» — своеобразную компенсацию бывшим кормленщикам. Земство, писал Н. Е., как бы откупало право на самоуправление у феодального государства, причем откупало его дорогой ценой.

Наряду с развитием земского самоуправления на посаде и черносошных землях Н. Е. Носов показал и другую важную тенденцию социально-политического развития страны в середине XVI в. — процесс консолидации служилого сословия. Он был одним из первых в нашей историографии, кто поставил под сомнение справедливость традиционной концепции об извечном антагонизме между самодержавием и боярством, о решительном противодействии со стороны боярской знати процессу централизации страны. «На самом деле, — отмечал Н. Е. Носов, — позиция боярства была сложнее и далеко не так отлична от позиции дворянства... Боярство боролось не вообще против всякой централизации, а за такую централизацию, которая более соответствовала бы его социальным и политическим интересам». Н. Е. решительно выступал против распространенного в литературе 30—40-х гг.

положения о «реакционности» боярства и «прогрессивности» дворянства. «Это, конечно, не означает, — говорил он, — что боярство было „демократичнее" дворянства, но объективно, в силу своего экономического положения как сословия крупных земельных собственников, оно было менее заинтересовано и в массовом захвате черносошных земель, и в государственном закрепощении крестьянства, чем мелкое и среднепоместное дворянство».

Обоснованные возражения Н. Е. Носов высказал и относительно распространенной в историографии точки зрения об антибоярской направленности акта отмены кормлений и замены их органами дворянского и крестьянского самоуправления. Тщательный, классический источниковедческий анализ Боярской книги 1556 г., обстоятельное изучение персонального состава записанных в нее лиц — бывших кормленщиков привели Н. Е. к выводу о том, что в качестве кормленщиков выступали не только представители боярства, но и выходцы из дворянства. Отсюда следует весьма важное замечание Н. Е. Носова об отсутствии резких социальных граней между боярством и верхушкой дворянства. Более того, изучение состава правящей верхушки (членов государева двора) позволило автору сделать вывод о том, что столичное дворянство было значительно ближе по своему социальному составу к боярству, чем к широким слоям провинциальных детей боярских. Эти наблюдения и выводы по существу намечали программу дальнейшего изучения истории служилого сословия XVI—XVII вв. по линии исследования его реальной структуры, а не в плане абстрактного противопоставления «боярства» и «дворянства».

Н. Е. Носовым был прослежен процесс консолидации не только правящей верхушки служилого сословия, но и провинциального дворянства, которое в лице губных старост получило свой сословный орган самоуправления. При этом он показал расширение сферы деятельности губных органов по мере развития этого института.

Консолидация служилого сословия, укрепление дворянского бюрократического аппарата в лице приказов, по мысли Н. Е. Носова, способствовали тому, что замена кормлений органами земского самоуправления не привела к торжеству «третьего сословия», к полному удовлетворению чаяний посадской и волостной верхушки. И тем не менее эпоха реформ середины XVI в. не без оснований рассматривалась им как эпоха своеобразного компромисса — пусть и неравного, с засильем феодального элемента — боярства и дворянства с поднимавшимся третьим сословием. В условиях интенсивного экономического подъема и сохранения известного компромисса между сословиями, отмечал Н. Е., дальнейшее развитие земских, сословно-представительных начал могло стать реальным фактом, и Русское государство могло пойти по тому же пути развития, что и страны Западной Европы — по пути развития сословно-представительной монархии с последующим ограничением власти самодержца сословиями. Выявление этой тенденции, существовавшей наряду с другой тенденцией — укреплением неограниченной самодержавной власти, является одним из крупнейших достижений научного творчества Н. Е. Носова. Можно спорить о степени развитости сословно-представительных начал, по поводу определения социально-экономических явлений середины XVI в. как «раннебуржуазных» (или «предбуржуазных»), сама идея Н. Е. о многовариантности, альтерна-

тивности путей развития Русского государства представляется весьма плодотворной и перспективной. И для самого Н. Е. главным было не жесткое «формационное» определение изучаемых явлений, а исследование живого исторического процесса во всем его многообразии.

Причины упадка земских, сословно-представительных начал Н. Е. Носов связывал прежде всего с внешними, политическими факторами и в первую очередь с опричниной, посредством которой в стране была установлена «диктатура дворян-крепостников» и русское самодержавие смогло еще более возвыситься над обществом. Согласно его концепции, опричнина явилась своеобразной реакцией стремившегося к абсолютной власти самодержавия на зачатки сословно-представительного строя, отчетливо проявившиеся в середине XVI в. Такой широкий подход открывал новые горизонты в изучении опричнины, позволял выйти за рамки традиционных взглядов на опричнину как на борьбу централизаторских и антицентрализаторских сил (борьбу против боярства, уделов). Последующие исследования подтвердили правомерность и справедливость такого подхода к изучению опричнины. Б. Н. Флоря показал значительный урон, который нанесла опричнина развитию сословия купечества, верхушка которого (гости и члены гостиной и суконной сотен) в последней четверти XVI в. попала в тесную служебную зависимость от монархии и была оторвана от интересов основной массы посадских людей. Сходные процессы мне удалось проследить и при изучении эволюции дворянства во второй половине XVI в., когда привилегированное столичное дворянство полностью оторвалось в служебном плане от основной массы уездного дворянства.

Все это еще раз убеждает в справедливости идеи Н. Е. Носова о существенной трансформации сословий и сословного строя, происшедшей во второй половине XVI в.: начавшие было утверждаться в середине века сословия постепенно превращаются в служилые чины Московского государства. Конец XVI—начало XVII в. справедливо рассматривалось Н. Е. Носовым как время упадка сословно-представительного строя. Вопреки распространенному в литературе мнению Н. Е. не считал факт развития в первой половине XVII в. земских соборов показателем расцвета сословно-представительного строя (этот взгляд был высказан им в ходе обсуждения доклада Н. И. Павленко «К вопросу о земских соборах XVI в.» на заседании сектора истории СССР периода феодализма ЛОИИ 9 июня 1967 г.). Земские соборы он обоснованно характеризовал лишь как верхушку здания сословно-представительной монархии, которое без прочих корней на местах с неизбежностью должно было прийти в упадок.

Работы Н. Е. Носова убедительно раскрывают особенности процесса централизации России. В отличие от стран Западной Европы, где происходило поступательное развитие сословных прав и сословного представительства, в России сословный строй, нарождавшийся в первой половине и середине XVI в., был подавлен феодальным государством. «После Ивановой опричнины, — писал Е. Н. Носов, — вопрос о путях политического развития Русского государства был окончательно предрешен в пользу абсолютизма». В то же время Н. Е. в отличие от многих других историков не был склонен преувеличивать роль опричнины в русской истории XVI в. «Она не смогла полностью изменить общий ход развития русской государствен-

ности, хотя и привела — это бесспорно — к явному засилью приказного строя над земским», — отмечал Н. Е. Носов. И действительно, как показали исследования А. И. Копанева, В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, традиции самоуправления ярко проявились и в XVII в., в условиях господства воеводской системы управления. Живучесть этих традиций едва ли можно понять без учета работ Н. Е. о начальном этапе становления сословно-представительных учреждений. Заслугой Н. Е. Носова является то, что ему удалось наряду с привычным образом самодержавной и боярской Руси показать и другую Русь — торговую, промышленную, земскую, существование которой являлось бесспорным фактом нашей истории.

В последние годы жизни Н. Е. еще раз обратился к теме местного управления и сословно-представительных учреждений на местах. На 1984—1990 гг. им была запланирована новая монография «Земское самоуправление в России в XVI в.», в которой он намеревался проследить судьбы органов земской власти на протяжении XVI в. По материалам, собранным для первой главы монографии, Н. Е. была написана в 1984 г. статья «Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в.», в которой он еще раз обращается к важной и дискуссионной проблеме времени и причин становления сословно-представительной монархии в России, прослеживает процесс развития сословного представительства на самых различных ступенях социальной лестницы — от Боярской думы как высшего сословного органа русской аристократии до крестьянства. Статья была опубликована уже посмертно, в 1986 г., в 114-м томе «Исторических записок». Безвременная кончина Н. Е. Носова оборвала начатую им большую и интересную работу. И тем не менее Н. Е. удалось сделать в науке чрезвычайно много. Труды Н. Е. заложили прочный фундамент в изучение одной из важнейших проблем русской истории — «самодержавие и земство», наметили новые, нетрадиционные пути ее решения. Им суждена долгая и плодотворная жизнь в историографии. Продолжение исследований в намеченном Н. Е. Носовым русле станет достойным памятником этому замечательному ученому и человеку.

Мне очень повезло, что я встретил Н. Е. и стал его учеником. Он был для меня и навсегда останется мудрым наставником, добрым старшим товарищем. Наши собеседования проходили чаще всего у Н. Е. дома, на Ольгинской улице. До сих пор помню его небольшой уютный кабинет, книжные полки, на которых стояли почтенные издания судебников, актов, монографии с дарственными надписями. Во всем этом ощущался дух петербургской школы, преемственности традиций. Я всегда уходил от Н. Е. в приподнятом настроении, с желанием работать.

М. М. Кром

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Е. НОСОВА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГУБНОЙ РЕФОРМЫ XVI в.

Особое место в творчестве Николая Евгеньевича Носова занимает изучение губной реформы XVI в.: он посвятил этой теме большой раздел своей монографии о местном управлении в России первой половины XVI в. (1957), а также ряд статей и публикаций.

До появления в 1950-х гг. работ Н. Е. Носова в исследовании данной темы преобладал юридический подход. В XIX в. историков права, изучавших губные грамоты, интересовали главным образом отраженные в них процессуальные нормы. Начальная история губных учреждений ввиду недостатка источников излагалась очень схематично; упор делался на изучении деятельности губных старост XVII в.[1] Для историко-юридического подхода очень характерна длительная дискуссия о природе губных учреждений: были ли они для местного населения правом, привилегией или повинностью. Первой точки зрения придерживались И. Д. Беляев и Н. Шалфеев, второй — Б. Н. Чичерин, Н. П. Ретвих и В. Курдиновский.[2] Высказывались и мнения, примиряющие эти две крайние позиции: А. Д. Градовский полагал, что первоначально губные учреждения появились как право и привилегия общин, но тогда они не имели еще общегосударственного значения; по мере их распространения по всей территории государства они превратились из права в повинность и приобрели приказной характер.[3]

До конца XIX в. не предпринималось попыток систематического изучения текста губных грамот; не было даже известно, сколько всего их сохра-

---

[1] *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 449—504; *Курдиновский В.* Губные учреждения Московского государства // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 10. С. 280—318; № 12. С. 309—342; *Ретвих Н. П.* Органы губного управления в XVI и XVII вв. // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1896. Т. 6. С. 259—298.

[2] *Беляев И. Д.* О круговой поруке на Руси // Русская беседа. 1860. Кн. 2. С. 29—31; *Шалфеев Н.* Об уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868. С. 1, 37, 39, 43; *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения... С. 450—451; *Ретвих Н. П.* Термин «губа», определение «губной грамоты», причины возникновения «губного института» и передачи высшей уголовной юрисдикции в руки народа // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. СПб., 1892. Вып. IX. С. 188; *Курдиновский В.* Губные учреждения... С. 290—291.

[3] *Градовский А. Д.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. I. С. 102—109.

© М. М. Кром, 2007

нилось. Впервые такую работу проделал С. А. Шумаков, разделивший найденные к тому времени губные грамоты по содержанию на несколько групп и составивший их сводный текст.[4] Позднее он добавил к этому перечню еще три губных грамоты;[5] всего С. А. Шумакову были известны 12 губных грамот и наказов XVI в., а также две грамоты XVII в.

Что касается вопроса о происхождении губных учреждений в России, то С. А. Шумаков, развивая наблюдения, сделанные предыдущими исследователями, пришел к выводу, что они появились сначала, еще в конце XV—начале XVI в., на землях Новгорода и Пскова, а затем приобрели общерусский характер: к 1539 г., т. е. ко времени выдачи первой известной нам губной грамоты (Белозерской), они встречались, по словам Шумакова, «почти повсеместно». При этом, по мнению исследователя, правительство по существу не вводило новых учреждений, а лишь санкционировало издавна существовавшие в народе обычаи, возложив на местные выборные органы новые обязанности. С изданием в 1555 г. Уставной книги Разбойного приказа создание общегосударственной системы губных учреждений было завершено и выдача новых губных грамот прекратилась.[6]

К началу XX в. мысль о постепенном введении губных учреждений в ответ на просьбы местного населения прочно утвердилась в историографии, хотя исследователи по-разному датировали начало этого процесса: М. Ф. Владимирский-Буданов относил его не к рубежу XV—XVI вв., как С. А. Шумаков, а к 1530-м гг.[7]

Затем в отечественной историографии губной реформы наступил почти полувековой перерыв, что дало основание Джону Кипу написать в 1956 г., что «советские историки уделили до сих пор мало внимания московскому административному устройству».[8] Однако в том же году, когда вышла из печати статья Дж. Кипа, в СССР появилась целая серия публикаций, посвященных губной реформе XVI в.

В первую очередь нужно упомянуть об издании новых источников по истории этой реформы. В 1956 г. в «Записках Отдела рукописей ГБЛ» А. А. Зимин опубликовал три обнаруженные им губные грамоты 1555 г. из Музейного собрания этой библиотеки: населению Владимирского уезда (от 24 сентября), Переяславль-Рязанского уезда (от 21 ноября) и Старой Рязани (от 20 декабря).[9] Одновременно в четвертом томе серийного издания «Памятники русского права» увидели свет еще две ценные архивные наход-

---

[4] *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.

[5] *Шумаков С. А.* Новые губные и земские грамоты // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 10. С. 329—416.

[6] *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. С. 15—17, 40—41.

[7] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. [Перепечатка 6-го изд., 1909 г.]. Ростов н/Д., 1995. С. 208—209.

[8] *Keep J. L. H.* Bandits and the Law in Muscovy // The Slavonic and East European Review. London, 1956. Vol. 34. N 84. P. 201—222; reprinted in: *Keep J. L. H.* Power and the People: Essays on Russian History. New York, 1995. P. 87—107 (цитата — p. 89, note 12).

[9] *Зимин А. А.* Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Зап. Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1956. Вып. 18. С. 210—229.

ки А. А. Зимина — Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. и Медынский губной наказ 25 августа 1555 г.[10] Там же была опубликована найденная Н. Е. Носовым крестоцеловальная запись губных старост 50-х гг. XVI в.[11] Наконец, в том же году вышла статья Н. Е. Носова о центральном правительственном аппарате, осуществлявшем губную реформу,[12] — статья, предварившая публикацию монографии того же автора о местном управлении Русского государства в первой половине XVI в.

Названные публикации ознаменовали собой начало нового и весьма плодотворного этапа в изучении губной реформы. Впечатляющие архивные находки следовали одна за другой: к опубликованным в 1956 г. новым документам вскоре добавились губной наказ 1559 г. Новгородской земле, изданный Н. Е. Носовым, и обнаруженная А. К. Леонтьевым Устюжская губная грамота 1540 г.[13]

Не менее значимым было новое осмысление всего комплекса источников, относящихся к истории губной реформы. Ключевую роль здесь сыграла монография Н. Е. Носова «Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века».

Н. Е. Носов перевел изучение административных преобразований XVI в. из плоскости историко-юридического анализа, доминировавшего в историографии XIX—начала XX в., в русло социально-политической истории. Вместо того чтобы рассматривать дошедшие до нас губные грамоты как некую совокупность правовых норм, он постарался поместить их в контекст определенной эпохи, 30—40-х гг. XVI в., поставил вопросы о том, чьи интересы выражали создаваемые на местах органы сыска, кто руководил губным ведомством в центральном правительственном аппарате, каково было социальное «лицо» губных старост и целовальников. В результате вся проблематика, связанная с данной темой, была полностью переформулирована и приобрела необходимую научную глубину.

Не все положения и выводы книги Н. Е. Носова выглядят сейчас одинаково убедительными; некоторые из них несут на себе отпечаток своего времени, советской историографической традиции 50-х гг., порой излишне прямолинейно трактовавшей роль классовой борьбы в истории. В соответствии с этими представлениями Носов усматривал предпосылки губной реформы в «обострении классовой борьбы в стране» в 30—40-е гг. XVI в., что в условиях кризиса изжившей себя, по мнению ученого, системы наместничьего управления остро ставило перед московским правительством вопрос о ее реорганизации ради защиты интересов господствующего класса.[14]

Стремление видеть в упоминаемых губными грамотами «разбойниках» крестьян и холопов, боровшихся против феодального гнета, было характер-

---

[10] Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 179—185, 356—370.

[11] Там же. С. 186—188.

[12] *Носов Н. Е.* Губная реформа и центральное правительство // Исторические записки. М., 1956. Т. 56. С. 206—234.

[13] *Носов Н. Е.* Губной наказ Новгородской земле 1559 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 212—217; *Леонтьев А. К.* Устюжская губная грамота 1540 г. // Там же. 1960. № 4. С. 218—222.

[14] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. Гл. VI, особенно с. 227, 229, 232, 234.

но для многих советских историков той поры: Н. Е. Носов прямо ссылался на Б. Д. Грекова, считавшего, что за словами губных грамот о людях, державших у себя разбойников, скрывались «движения крестьянские или холопские» наподобие более позднего восстания Хлопка Косолапа.[15] А. Г. Поляк, предваряя публикацию губных и земских грамот в «Памятниках русского права», писал и об обострении классовой борьбы в первой половине XVI в., и о том, что «органы губного управления прежде всего являлись орудием подавления антифеодальных выступлений».[16]

С. М. Каштанов в своей развернутой рецензии на книгу Н. Е. Носова высказал ряд критических замечаний по поводу авторской концепции, однако и для него представлялась несомненной «обусловленность реформы... взрывом классовой борьбы в городе и деревне». «Губная реформа, — отмечал далее рецензент, — была обусловлена в конечном итоге процессом закрепощения крестьянства».[17] Сходные утверждения можно найти и в монографии А. А. Зимина «Реформы Ивана Грозного», изданной в 1960 г.[18]

Сегодня подобный «классовый подход» к изучению губной реформы уже не находит поддержки у современных исследователей и подвергается обоснованной критике.[19] Признавая справедливость такой критики «общих мест» советской историографии, хотелось бы все же заметить, что авторам историографических обзоров следовало бы внимательнее отнестись к особенностям исследовательской позиции критикуемых ими историков и к их творческой эволюции.

На мой взгляд, заслуживает внимания тот факт, что Н. Е. Носов, развивая в своей книге тезис о непосредственной связи роста разбоев с «борьбой крепостного крестьянства против феодальной эксплуатации», счел необходимым в особом примечании привести большую подборку свидетельств источников, говорящих об участии в разбоях детей боярских, т. е. пресловутых «выходцев из господствующего класса».[20] Как добросовестный исследователь, Носов не мог пройти мимо фактов, противоречивших общепринятой тогда концепции. Но еще показательнее последующая эволюция ученого: в монографии о земской реформе лейтмотивом стала уже не классовая борьба (хотя автор и взял в качестве эпиграфа — наподобие «охранной грамоты» — ленинские слова о решающей роли классовой борьбы в судьбе политических преобразований), а становление сословного представительства в России.[21] А в написанной незадолго до смерти статье о «земском устрое-

---

[15] См.: *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. 2-е изд. М., 1954. Кн. II. С. 290.

[16] *Поляк А. Г.* Введение [к разделу «Акты местного управления»] // Памятники русского права. Вып. IV. С. 173, 174.

[17] *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // История СССР. 1959. № 6. С. 144, 146.

[18] См.: *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 255, 286—288.

[19] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. С. 112—113; *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 15.

[20] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления... С. 209, примеч. 5.

[21] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. М., 1969 (эпиграф — с. 5).

нии» в 30—40-х гг. XVI в. Н. Е. Носов пользовался более широким термином «социальная борьба» (вместо «классовой»!) и писал даже об «общеземском характере» губной реформы, при особой роли дворянства в ее проведении.[22] Эта характеристика не столь уж далека от высказанного в свое время С. А. Шумаковым тезиса о «всесословности» губных учреждений[23] — тезиса, который Н. Е. Носов подверг критике в своей первой книге (1957) как раз за отрицание «классовой природы» этих учреждений.[24] Серьезная эволюция взглядов ученого на предмет его занятий в данном случае совершенно несомненна.

Обратимся теперь к тем наблюдениям Н. Е. Носова по поводу проведения губной реформы, которые обеспечили его книге о местном управлении первой половины XVI в. прочное место в золотом фонде отечественной науки.

К числу несомненных творческих удач исследователя можно отнести проведенную им типологию губных грамот в зависимости от социальной специфики местного населения, которому они были адресованы. Особенно убедительно выглядит характеристика грамот, выданных торгово-ремесленным поселениям, — солигалицкой грамоты от 31 августа 1540 г. и Троицкой грамоты от 23 октября 1541 г.[25]

Но, пожалуй, наиболее значимым вкладом Н. Е. Носова в изучение губной реформы стали сделанные им наблюдения над персональным составом лиц, руководивших ее проведением из столицы («бояре, которым разбойные дела приказаны»; дьяки, скреплявшие губные грамоты своими подписями), а также изучение социального лица губных старост 1550-х гг.[26] Собранные исследователем просопографические данные сохраняют свою ценность и по сей день, а сделанные им при этом наблюдения имеют серьезное научное значение. Н. Е. Носов убедительно доказал связь дьяков, подписавших губные грамоты, с дворцовым ведомством,[27] а предпринятый им анализ социального состава губных старост середины XVI в. неоспоримо свидетельствует об их принадлежности к дворянству, «вотчинникам и помещикам средней руки».[28]

Ряд положений, выдвинутых Н. Е. Носовым в его монографии, вызвал длительную научную дискуссию. Полемика продолжалась несколько лет, с конца 1950-х по начало 1960-х гг., и стала заметным явлением в научной жизни той поры. Начало дискуссии было положено большой статьей-рецензией С. М. Каштанова, который, в частности, оспорил один из основных выводов Н. Е. Носова — о повсеместном распространении губных учреждений уже в 1539—1541 гг. По мнению рецензента, основанному на анализе

---

[22] *Носов Н. Е.* Социальная борьба и «земское устроение» в России в 30—40-х годах XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 9): Межвузовский сборник под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 137.

[23] *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. С. 41.

[24] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления... С. 204.

[25] Там же. С. 262—273; см. также: *Носов Н. Е.* Солигалицкая губная грамота // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. VI. С. 220—234.

[26] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления... Гл. VIII, IX.

[27] Там же. С. 320.

[28] Там же. С. 338.

сохранившихся губных грамот, а также актов иных видов (жалованных и указных), первоначально реформа носила локальный характер и охватила лишь северные районы (территорию бывшей Новгородской земли и пограничные с ней уезды); только в 1547—1548 гг. произошло значительное расширение сферы ее действия.[29] С. М. Каштанов оспорил также попытку Н. Е. Носова отодвинуть время начала губной реформы к периоду регентства Елены Глинской.[30]

Ответом на прозвучавшую критику стал доклад, с которым Н. Е. Носов выступил в Ленинградском отделении Института истории 9 июня 1960 г. Текст доклада был затем опубликован в виде большой статьи.[31]

Н. Е. Носов отверг доводы С. М. Каштанова в пользу первоначального ограничения сферы действия губной реформы только северными территориями как неубедительные, так как они основаны на методически ошибочном допущении, будто семь сохранившихся ранних губных грамот 1539—1541 гг. отражают некую «закономерность». Этот пример, по мнению Н. Е. Носова, является частным случаем применяемого С. М. Каштановым подхода к анализу актового материала, когда дошедшие до нас акты прямо или косвенно отождествляются со всей совокупностью некогда выданных документов: остается только произвести территориальное и хронологическое распределение наличных грамот и приступить к их «статистической обработке».[32] В своей статье Н. Е. Носов подробно обосновал вывод об ошибочности подобной методики работы с актами.[33] Он также подверг критике стремление С. М. Каштанова усматривать в каждом отдельном случае выдачи иммунитетной грамоты целенаправленную политическую акцию правительства.[34]

Неубедительным признал Н. Е. Носов и использование его оппонентом жалованных грамот для анализа проведения губной реформы: архаический характер формуляра этих грамот, по мнению ученого, не позволяет делать на их основании выводы о хронологии и территориальном охвате реформы.[35]

В прениях по докладу Н. Е. Носова на упомянутом выше заседании 9 июня 1960 г. выступил А. А. Зимин, высказавшийся в поддержку применяемой С. М. Каштановым методики исследования (позднее текст этого выступления был опубликован в виде статьи). Приемы работы Н. Е. Носова с источниками, напротив, вызвали у А. А. Зимина немало критических замечаний: он указал, в частности, на серьезные пробелы в источниковой базе монографии о местном управлении, на использование автором в ряде случаев «иллюстративного» метода («метода примеров»), полное игнорирование им жалованных грамот при изучении губной реформы и т. п.[36]

---

[29] *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления... С. 141—144, 146.

[30] Там же. С. 147—148.

[31] *Носов Н. Е.* «Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. X. С. 261—348.

[32] Там же. С. 312.

[33] Там же. С. 263—279.

[34] Там же. С. 279—286.

[35] Там же. С. 314—328.

[36] *Зимин А. А.* О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 33—45.

В ответной статье Н. Е. Носов привел аргументы в защиту своей работы от обвинений в использовании «иллюстративного» метода и вновь высказал критические замечания по поводу исследовательских приемов, применяемых С. М. Каштановым.[37]

Как это нередко бывает в дискуссиях крупных ученых, в позиции каждой из споривших сторон можно найти рациональное зерно и сильные аргументы. Трудно не согласиться с Н. Е. Носовым в том, что без постановки вопроса о соотношении между дошедшими до наших дней актовыми источниками и всей совокупностью реально существовавших когда-то грамот любые попытки статистической обработки наличного материала будут оставаться неубедительными. Но вместе с тем сложно что-либо возразить и против необходимости систематизации всех источников, имеющихся в распоряжении исследователей, на чем настаивали С. М. Каштанов и А. А. Зимин. И здесь не обойтись без каталога актов XVI в. по образцу составленного С. М. Каштановым хронологического перечня иммунитетных грамот; такая работа должна быть продолжена и в отношении грамот других видов — правых, наместничьих, губных, разъезжих и т. п.

В споре о применимости жалованных грамот к изучению губной реформы я все-таки поддержал бы позицию С. М. Каштанова и А. А. Зимина: этот вид источников действительно содержит (как я постараюсь показать ниже) ценную информацию, способную пролить новый свет на данную проблему, хотя, конечно, необходимо учесть и попытаться преодолеть трудности, на которые указал Н. Е. Носов (архаичность формуляра и т. д.).

Как уже говорилось, проблемы изучения губной реформы продолжали интерссовать Н. Е. Носова в течение всей его жизни. В монографии о земской реформе он наглядно показал расширение функций губных старост после отмены кормлений в 1555—1556 гг.[38] Позднее он издал специальную статью об Уставной книге Разбойного приказа 1555—1556 гг.,[39] а в посмертно опубликованных работах, отразивших замысел, увы, неосуществленного монографического исследования, Н. Е. Носов рассматривал губную реформу 30—40-х гг. XVI в. как шаг на пути к созданию сословно-представительных учреждений на местах.[40]

Новый этап в изучении местного управления, и в частности губной реформы XVI в., наступил в конце 1980-х—начале 1990-х гг. и продолжается по сей день. Наряду с отечественными учеными живой интерес к этой теме проявляют и зарубежные историки-русисты.[41] Так, Брайан Дэвис в статье

---

[37] *Носов Н. Е.* О статистическом методе в актовом источниковедении (по поводу статьи А. А. Зимина) // Там же. 1962. № 4. С. 41—55.

[38] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 527—537.

[39] *Носов Н. Е.* Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. IV. С. 23—49.

[40] *Носов Н. Е.* 1) Социальная борьба и «земское устроение»... С. 137—140, 144; 2) Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. М., 1986. Т. 114. С. 160—162.

[41] См.: *Davies B. L.* The Town Governors in the Reign of Ivan IV // Russian History. 1987. Vol. 14. Nos. 1—4. P. 77—143; *Stevens C. B.* Banditry and Provincial Order in Sixteenth-Century Russia // Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание = Culture and Identity in Muscovy, 1359—1584 / Ed. by A. M. Kleimola and

о городовых воеводах в годы правления Ивана IV подверг критике традиционную историографическую схему прогрессивной эволюции форм местного управления в России XVI в. (от системы кормлений — к губному и земскому самоуправлению, а далее — к воеводскому управлению); он оспорил широко распространенный в предшествующей научной литературе тезис о направленности губной и земской реформ против наместнической системы; по мнению американского исследователя, во второй половине XVI в. в местном управлении сосуществовали и переплетались различные органы власти: наместники, губные старосты, городовые приказчики и воеводы.[42]

Независимо от Б. Дэвиса к сходным выводам пришли некоторые отечественные исследователи. По мнению Т. И. Пашковой, губная реформа не имела целью ограничение власти кормленщиков: новые структуры местного управления создавались не вместо, а наряду со старыми институтами. Исследовательница видит глубинную причину реформы 30—40-х гг. XVI в. в процессе централизации, в создании единой государственной территории без внутренних границ: если деятельность наместников и волостелей была ограничена рамками их уездов и волостей, то губным старостам вменялось в обязанность преследовать «лихих людей» повсеместно, координируя свои действия с такими же выборными должностными лицами в соседних уездах. Эффективность новых органов по борьбе с разбоями, считает Т. И. Пашкова, должна была быть выше, чем у наместников и волостелей, еще по одной причине: для последних суд являлся правом, а не обязанностью, в то время как губные старосты *обязаны* были заниматься сыском разбойников под страхом наказания.[43]

Развивая эти наблюдения в недавно вышедшей монографии о местном управлении первой половины XVI в.,[44] Т. И. Пашкова поставила вопрос о том, в какой мере преобразования 1530—1540-х гг. могут считаться реформой. По ее мнению (удивительно напоминающему точку зрения С. А. Шумакова, высказанную почти сто лет назад), участие выборных представителей местного населения в сыске разбойников отнюдь не было новшеством: скорее, речь шла о законодательном закреплении ранее сложившегося обычая.[45]

Т. И. Пашковой вторит С. Н. Богатырев, автор новейшего исследования по истории губных органов середины XVI в.: «Губная администрация, — пишет он, — не была ни новшеством „боярского правления" конца 1530-х гг., ни кратковременным заигрыванием с „демократическим" само-

---

G. D. Lenhoff. Moscow, 1997. P. 578—599; *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy // Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present / Ed. by S. Bogatyrev. Helsinki, 2004. P. 59—127.

[42] *Davies B.* L. The Town Governors... P. 77—95.

[43] *Пашкова Т. И.* К вопросу о причинах губной реформы 30—40-х гг. XVI в. // Феодальная Россия. Новые исследования. Сборник научных статей под ред. М. Б. Свердлова. СПб., 1993. С. 30—34.

[44] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). С. 110—118.

[45] Там же. С. 115—116; ср.: *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. С. 39—40. — С оценкой губной реформы, предложенной Т. И. Пашковой, солидаризировался В. Н. Глазьев (*Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке... С. 23—24, 40—41).

управлением на местном уровне. Развитие губных учреждений представляется, скорее, эволюционным процессом, шедшим в течение всей первой половины XVI в., чем радикальной реформой».[46] Основное место в исследовании С. Н. Богатырева занимает анализ социального положения и родственных связей губных старост 50-х гг. XVI в., принадлежавших к среде провинциального дворянства (детей боярских). С. Н. Богатырев подчеркивает роль губных учреждений в интеграции местных дворянских сообществ в общегосударственную политику.[47] Его исследование является прямым продолжением работы, начатой Н. Е. Носовым полвека назад.

Как явствует из предложенного историографического обзора, для нынешнего этапа в изучении губной реформы XVI в. характерна ревизия парадигмы, сложившейся в советской исторической науке 50—60-х гг., прежде всего в работах Н. Е. Носова: 1) безоговорочно отрицается какая-либо связь губных преобразований с пресловутой «классовой», антифеодальной борьбой; 2) оспаривается «антинаместничья направленность» (выражение Н. Е. Носова)[48] института губных старост; 3) введение губных учреждений рассматривается сейчас как постепенный процесс, а не как радикальная реформа конца 30-х—начала 40-х гг. XVI в.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что отход от жесткой схемы классовой борьбы начался еще в работах самого Николая Евгеньевича 1960—1980-х гг., а главное — несмотря на ревизию ряда указанных выше положений, не произошло возврата к формально-юридическому подходу столетней давности: изучение хода и последствий учреждения губного самоуправления по-прежнему ведется в рамках социально-политической истории, контуры которой были намечены в классической монографии Н. Е. Носова 1957 г.

Говоря о дальнейших перспективах исследования данной темы, нужно прежде всего сказать о введении в научный оборот новых источников. Самой ценной находкой последних лет можно считать губную грамоту 1539/40 г. Вельскому стану Важского уезда, обнаруженную Ю. С. Васильевым в Вологодском архиве.[49] Грамота остается пока не опубликованной; исследователям доступно лишь фототипическое воспроизведение начальной части этого документа.[50] Общее число губных грамот XVI в., известных в настоящее время, достигло 19.

Давно ощущается потребность в издании всего комплекса сохранившихся губных грамот на современном археографическом уровне. Вышедшая в 1909 г. книга А. И. Яковлева,[51] которой вынуждены до сих пор пользоваться исследователи, ни в коей мере этим требованиям не отвечает: она содержит перепечатку текстов 12 известных к тому времени губных грамот

---

[46] *Bogatyrev S.* Localism and Integration in Muscovy. P. 84.

[47] Ibid. P. 74—127.

[48] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления... С. 286.

[49] Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260 (кол. столбцов). Оп. 51. Д. 1. Список XVI в. — За информацию о местонахождении этой грамоты я выражаю искреннюю признательность Ю. С. Васильеву и М. С. Черкасовой.

[50] Фотографию лицевой стороны грамоты см.: Государственный архив Вологодской области / Сост. Л. Н. Мясникова, Ю. А. Смирнов. Вологда, 2001. С. 2.

[51] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Изд. под ред. А. И. Яковлева. М., 1909.

XVI—XVII вв., опубликованных в различных изданиях XIX в.[52] Между тем сами публикации, которые А. И. Яковлев, не сверяя с оригиналами, положил в основу своей хрестоматии, подчас были очень невысокого качества. В качестве наиболее вопиющего примера произвольного исправления текста издателями можно привести публикацию текста Каргопольской грамоты 1539 г. в «Дополнениях к Актам историческим...». Как показывает сравнение опубликованного там текста с единственным списком XVI в., хранящимся ныне в Архиве Санкт-Петербургского института истории, издатели ДАИ произвольно «исправили» текст по образцу Белозерской грамоты. Одна из заключительных фраз Каргопольской грамоты заканчивается словами: «... и вы б о том отписывали часа того на Москву к нашему боярину князю Ивану Даниловичю с товарыщи».[53] Издатели ДАИ «дополнили» текст, вставив после имени и отчества князя фамилию — «Пенкову»; А. И. Яковлев переиздал этот испорченный текст без какой-либо критической проверки.[54]

Но губными грамотами не исчерпывается имеющаяся в распоряжении исследователей информация о преобразовании местного управления в первой половине XVI в. Так, К. В. Баранов опубликовал в 1998 г. найденную им указную грамоту Ивана IV начала 1540-х гг. о выборе голов для сыска разбойников в Рузском уезде.[55] Как явствует из этого документа, населению Рузского уезда была дана «уставная грамота о розбойных делех», до нашего времени не сохранившаяся. По мнению К. В. Баранова, опубликованная им грамота «опровергает сложившееся в историографии представление о распространении губной реформы на первом этапе исключительно в северных и северо-западных уездах».[56]

Тем самым подтверждается тезис Н. Е. Носова, который он отстаивал в полемике с С. М. Каштановым, — о неправомерности выводов о территориальном охвате губной реформы на основании случайно сохранившихся нескольких губных грамот конца 30-х—начала 40-х гг. XVI в.[57] Но вместе с тем новонайденная указная грамота в Рузу может служить аргументом в пользу мнения А. А. Зимина и С. М. Каштанова о необходимости учета всех сохранившихся указных и жалованных грамот XVI в. и их использования в изучении губной реформы.[58]

В своей статье 1959 г. С. М. Каштанов упомянул целый ряд подобных грамот, способных пролить новый свет на методы борьбы с разбоями в первой половине XVI в., однако они до сих пор не привлекли к себе внимания исследователей губной реформы; некоторые из них остаются неопубликованными.

Ограничусь здесь несколькими примерами. Среди упомянутых С. М. Каштановым актов фигурирует и жалованная тарханно-несудимая грамота Ва-

---

[52] Там же. С. 51—99.

[53] Архив СПб. ИИ РАН. Кол. 174. Оп. 1. Карт. 1. № 133.

[54] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I. № 31. С. 33; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты... С. 53.

[55] *Баранов К. В.* Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV—начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. № 5. С. 30—31.

[56] Там же. С. 25.

[57] *Носов Н. Е.* «Новое» направление в актовом источниковедении. С. 312.

[58] *Зимин А. А.* О методике актового источниковедения... С. 34—35, 39.

силия III Корнильеву Комельскому монастырю на земли в Комельской волости Вологодского уезда, выданная 18 сентября 1531 г.[59] В статью грамоты об установлении одного срока в году для подачи в великокняжеский суд исков по тяжбе монастырских людей и крестьян с посторонними лицами внесена важная оговорка: «опричь тех людей, что есми своим боярам приказал обыскивати лихих людей, татей и розбойников, и на которых будет слово лихое взмолвят в татьбе и в розбое, ино яз сам, князь велики, по тех людей пошлю, или мой дворецкой. А сужю их яз, князь велики, или мой дворецкой».[60]

С. М. Каштанов ограничился следующим кратким комментарием к процитированной выше грамоте: «Если связывать губную реформу лишь с центральным органом, т. е. с коллегией „бояр, которым разбойные дела приказаны", то ее можно отнести не только к правлению Елены Глинской, но и к времени Василия III».[61] Впоследствии ни сам С. М. Каштанов, ни другие исследователи не возвращались к изучению упомянутой грамоты, и она осталась по существу незамеченной в научной литературе. Такое невнимание к грамоте 1531 г. отчасти, видимо, можно объяснить стойкой историографической традицией, в соответствии с которой исследователи привыкли судить о губной реформе прежде всего по губным грамотам, известным нам только с 1539 г., и видеть суть преобразований во введении на местах выборных органов для преследования разбойников. В соответствии с той же традицией «реформа» представлялась цельным правительственным актом, и поэтому применительно к периоду до 1539 г. ученые могли говорить, самое большее, о ее «предыстории». И даже те исследователи, которые высказывали осторожные гипотезы о существовании еще в конце XV—начале XVI в. каких-то прообразов губных учреждений, вынуждены были ограничиваться общими соображениями, не имеющими серьезной опоры в источниках.[62]

Между тем процитированная выше грамота 1531 г. Корнильеву Комельскому монастырю не только упоминает о «боярах, которым разбойные дела приказаны» за восемь лет до самых ранних известных нам губных грамот, но и содержит указания на методы борьбы с «лихими людьми» в конце правления Василия III: сыском разбойников, судя по этому документу, руководили из Москвы бояре, назначенные государем, а люди, обвиненные («облихованные») в татьбе или разбое, подлежали доставке на суд великого князя или его дворецкого.

Подробнее об этой процедуре централизованного сыска говорится в жалованной грамоте Симонову монастырю от 3 января 1524 г. на владения в Углицком и Бежецком уездах (грамота опубликована в 1983 г. Л. И. Ивиной вместе с другими актами Симонова монастыря): во всех делах, «оприч лихих людей, татей и разбойников», устанавливались два срока в году для

---

[59] Грамота упомянута: *Каштанов С. М.* 1) Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 339. № 277; 2) К проблеме местного управления... С. 145, 148.

[60] ОР РНБ. Ф. 532 (Основное собрание актов и грамот). Оп. 1. Д. 102. Подл., отрывок без начала и конца.

[61] *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления... С. 148.

[62] *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. С. 15, 40—41; *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве... С. 116.

подачи исков против монастырских крестьян и выделялся особый пристав (Шемет Торжнев) для их доставки в великокняжеский суд; «а в лихих делех в татьбах и в разбоех, — гласила далее грамота, — по их крестьан ездят наши недельщики з записьми и на поруку их дают безсрочно».[63]

По наблюдениям С. М. Каштанова, процитированная формула появляется впервые (среди известных нам актов) именно в этой грамоте 1524 г. Впоследствии она получила широкое распространение и встречается (с некоторыми изменениями) в великокняжеских жалованных грамотах, выданных разным монастырям в 1531, 1535, 1547, 1548, 1551 гг.[64] Особенно интересны последние три случая, которые приходятся на время, когда, как принято считать, губная реформа получила уже повсеместное распространение. Конечно, следует учитывать консервативность формуляра жалованных грамот, на что в свое время обращал внимание Н. Е. Носов, но, думается, здесь дело не в этом.

Обращает на себя внимание, что формулировка интересующего нас пункта в грамотах конца 1540-х гг. не является механическим повторением соответствующего текста в грамотах 1524 и 1535 гг. Например, в жалованной грамоте Ивана IV Никольскому Коряжемскому монастырю от 28 января 1547 г. тот же пункт изложен следующим образом: «А опричь тех дел, что есми приказал бояром своим обыскивати лихих людей, татей и розбойников, а каково будет слово лихое взговорят в татбе и в розбое, и яз, царь и великий князь, по тех людей пошлю пристава з записью...»[65] Как видим, «недельщики с записью» из грамоты 1524 г. заменены здесь на «пристава с записью». Но, несмотря на некоторые изменения формулировок, суть распоряжения на протяжении четверти века оставалась одной и той же.

Упомянутая оговорка жалованных грамот о бессрочном сыске «лихих людей», за которыми ездят недельщики или приставы «с записью», на мой взгляд, помогает обнаружить связующее звено между нормами Судебника 1497 г. и содержанием губных грамот. Как известно, в первом Судебнике говорилось о посылке недельщика «по татей» (ст. 34).[66] В дальнейшем функции этих должностных лиц расширились, и в Судебнике 1550 г. речь идет уже о посылке недельщика «имати татей или розбойников» (ст. 53).[67] Очевидно, именно эта ситуация имеется в виду в цитированных выше жалованных грамотах 1524 и 1547 гг., где упоминаются недельщики (или приставы) «с записью», которых отправляет великий князь или дворецкий для задержания и доставки на суд «лихих людей». Но, с другой стороны, не те же ли должностные лица фигурируют в ранних губных грамотах под именем посланных великим князем для сыска разбойников «обыщиков», от которых местным жителям чинятся «великие убытки»?[68]

---

[63] Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. № 18. С. 25—26.

[64] *Каштанов С. М.* К проблеме местного управления... С. 145—146.

[65] Включенный акт в составе жалованной грамоты Ивана IV тому же монастырю от 19 апреля 1583 г.: Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 72. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

[66] Российское законодательство X—XX веков. В 9-ти т. М., 1985. Т. 2. С. 58.

[67] Там же. С. 107.

[68] См., например, начало Белозерской губной грамоты 1539 г.: там же. С. 213—214.

Приведенные выше краткие наблюдения лишь намечают одну из перспективных линий дальнейшего исследования ранней истории губной реформы с использованием жалованных и указных грамот. Несмотря на то что традиция изучения губных учреждений в России насчитывает полтора столетия, многие проблемы по-прежнему остаются нерешенными. Это в особенности относится к ранней истории губной реформы, хронологии и внутренней логике преобразований местного суда и управления в первой половине XVI в.

Наряду с расширением источниковой базы исследования важно учесть и то новое, что привнесено в историографию губной реформы современными учеными. В свете наблюдений Б. Дэвиса, Т. И. Пашковой, В. Н. Глазьева и других историков о постоянном параллелизме московских административных структур XVI—XVII вв.[69] кажется весьма вероятной гипотеза о сосуществовании ко времени издания Судебника 1550 г. нескольких методов борьбы с «лихими людьми»: и традиционного наместничьего суда, и восходящей к Судебнику 1497 г. практики посылки недельщиков («обыщиков») из Москвы, и относительно новой системы выборных губных органов на местах.

Исследование губной реформы XVI в. продолжается. Но при этом отправной точкой дальнейшего научного поиска в этой области по-прежнему остаются труды Николая Евгеньевича Носова.

---

[69] Подробнее о сосуществовании старых и новых органов местного управления и параллелизме их функций в XVI в. см.: *Davies B. L.* The Town Governors... P. 78, 87, 143; *Пашкова Т. И.* Местное управление... С. 76, 86—87, 116—118, 124, 128—129. — О том, что подобная ситуация (чреватая конфликтами между разными органами местной власти) характерна и для XVII в., см.: *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке... С. 24—25, 88—102.

В. Л. Янин

ПАДЕНИЕ НОВГОРОДА

Начало падения новгородской независимости относится к концу 1470 г. 5 ноября (по другой летописной версии — 8 ноября) скончался архиепископ Новгорода и Пскова Иона, а на его место новгородцы избрали Феофила, хиротонисанного в Москве митрополитом Филиппом 15 ноября 1471 г. Однако еще задолго до поставления владыки был приглашен в Новгород князь Михаил Олелькович из Литвы, и новгородцы «держаша его у собе время доволно, чиняще тем грубость государю великому князю».[1]

Тогда же, в конце 1470 г. (когда Феофил еще только был «наречен на владычество»), новгородцы заключили мирный договор с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV, пригласив его на княжение в Новгород.[2] Следует особо отметить, что одним из условий этого договора было сохранение в Новгородской земле православия: «А держати тобе, честному королю, своего наместника на Городище от нашей веры от греческой, от православного хрестьянства»; «А у нас тебе, честны король, веры греческие православные нашеи не отъимати. А где будет нам, Великому Новугороду, любо в своем православном хрестьянстве, ту мы владыку поставим по своеи воли. А римских церквеи тебе, честны король, в Великом Новегороде не ставити, ни по пригородом новгородцким, ни по всеи земли Новогородцкои».

Два одновременных действия — поставление владыки в Москве и приглашение на новгородский стол литовского великого князя — явились отражением крутого общественного противостояния. В московской трактовке это противостояние изложено следующим образом: когда из Москвы вернулся сопровождавший Феофила посол Никита Ларионов и сообщил новгородцам «жалование великого князя, мнози же тамо сущия людие лучшии, посаднице их и тысяцкие и жытии люди, велми о сем ради быша и той наречснный их Феофил. Некотории же от них, посадничи дети Исака Борецкого с матерью своею Марфою и с прочими инеми изменники, научени диаволом, иже горшее бесов быша прелестници на погибель земли своей и себе на пагубу, начаша нелепаа глаголати: „...за короля нам датися и архиепископа поставити от его митрополита, латынина суща”».[3]

---

[1] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. С. 502.
[2] ГВНП. № 77.
[3] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 126.

© В. Л. Янин, 2007

Обращает на себя внимание сознательное извращение сущности пролитовской политики соответствующей части новгородского общества. Дмитрий Исакович Борецкий был одним из новгородских послов к Казимиру IV и, следовательно, противником «латинства». Московская трактовка действий Борецких и их сторонников явно рассчитана на усиление конфликта и поиски убедительных причин готовящейся расправы над Новгородом: «...а нынеча от христианства отступаете к латынству чрез крестное целование».

23 мая 1471 г. Иван III возвестил о своем намерении расправиться с Новгородом: «...отчина моя Новгород Великий отступают от мене за короля, и архиепископа своего поставити им у его митрополита Григория латыняна суща, и яз князь великий дополна иду на них ратию, а целование к ним сложил есми».[4]

20 июня москвичи выступили в поход и спустя месяц достигли Шелони, где и произошел разгром новгородского войска. В поражении Новгорода не последнюю роль сыграло нежелание изверившихся в боярской власти новгородцев воевать против великого князя. Летопись свидетельствует об их насильственном принуждении участвовать в роковой битве: «А новгородские посадници все и тысяцкие, спроста рещи, плотници и гончары и прочии, которой и родився на лошади не бывал, и на мысли котором того не бывало, что руки подняти противу великого князя, всех тех изменники они силою выгнали; котории бо не хотели поити к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку в Волхов метаху».[5] В шелонской битве погибло около 12 тыс. новгородцев и больше 2 тыс. захвачено в плен. 24 июля в Старой Руссе Иван III повелел казнить «за их измену и за отступление» новгородских посадников Дмитрия Исаковича Борецкого, Василия Губу Селезнева и бояр Еремея Сухощока и Киприяна Арзубьева. Многие также были сосланы в Москву, в том числе Василий Казимир, Кузма Григорьев, Яков Федоров, Матфей Селезнев, Кузма Грузов и Федор Тобазин.[6] 11 августа 1471 г. в Коростыне на берегу Ильменя был подписан мир с великим князем,[7] удовлетворившимся 16 тыс. руб. денежной контрибуции с Новгорода.

Следующий акт самоутверждения московского великого князя в Новгороде относится к 1475 г., приняв форму «мирного похода» Ивана III в его «Новгородскую отчину». Поход начался 22 октября, будучи спровоцирован новыми межкончанскими распрями, защиты от которых пострадавшие искали у великого князя. Маршрут движения Ивана III подробно описан в летописи.[8] На многочисленных остановках, начиная от Волочка, великого князя встречали руководители княжеской и боярской администрации, вручавшие ему дорогие подарки и пировавшие с ним. 21 ноября царский поезд достиг Городища, а 25-го к великому князю пришли жители Славковой и Микитиной улиц с жалобой на большую группу бояр, которые, наехав «на тс улицы, людей перебили и переграбили, а животов людских на тысящу рублев взяли, а людей многых до смерти перебили». С аналогичной жалобой вы-

---

[4] Там же. С. 130.
[5] Там же. С. 135.
[6] Там же. С. 138.
[7] ГВНП. № 26—27.
[8] ПСРЛ. Т. 12. С. 158—162.

ступили бояре Полинарьины. После предпринятого княжеской администрацией расследования обвиненные в этих нападениях бояре были закованы в цепи и отправлены в Москву, а великокняжеские пиры продолжались до самого отъезда Ивана III из Новгорода, состоявшегося 26 января 1476 г.[9]

Поводом для дальнейшего обострения событий послужили поездки в Москву дружественных Ивану III посадников. 23 февраля 1476 г. «прииде из Новагорода Великого к великому князю посадник Захариа Овинов, за приставом великого князя, с многими новгородци: иным отвечивати, коих обидел, а на иных искати, а того не бывало от начяла, как и земля их стала и как великиа князи учали быти, от Рюрика на Киеве и на Володимери и до сего великого князя Ивана Васильевичя; но сей в то приведе их». Вскоре после этой поездки состоялась поездка в Москву посадников Василия Микифорова, Ивана Кузмина, «и иные мнози посадници, и мнози и жытьи Новогородци и поселяне приидоша о том же, о обидах искати и отвечивати, такоже и вдови и черници приидоша... и вси приобижении, много их множество».[10] В марте 1477 г. архиепископ Феофил «и весь Великой Новъгород прислали к великому князю Ивану Васильевичю и к сыну его великому князю Ивану Ивановичю послов своих Назара подвойского да Захарию диака вечнаго бити челом и называти себе их „господари", а наперед того, как и земля их стала, того не бывало: никотораго великого князя „господарем" не зывали, но „господином"». В мае того же года «бысть мятежь в Новегороде: сотвориша вече, и пришед, взяша Василия Микифорова и приведоша его на вече и въскричаша: „переветнике, был ты у великаго князя, и целовал еси ему крест на нас". Он же рече им: „целовал есми крест великому князю в том, что ми служити ему правдою и добра ми хотети ему, а не на осподаря своего Великого Новагорода, ни на вас, на свою господу и братию". Они же без милости убиша его, а по обговору Захарии Овина, а потом и того Овина убиша, и з братом с Кузмою, у владыки на дворе; а от того часа возбеснеша, яко пьании, ин иная глаголяше, и к королю паки восхотеша».[11]

Антимосковская по своему духу боярская политика располагала лишь шаткими средствами дипломатии и социальной демагогии. Лишенная поддержки со стороны широких масс новгородского общества, она балансировала на туго натянутом канате дипломатических комбинаций, не будучи в состоянии отыскать более надежную опору. Эта позиция ставила перед боярством неизбежную тактическую проблему. Можно было стремиться к сохранению неизменными сложившихся отношений, продолжая дипломатическую борьбу. Но можно было также совершить попытку добиться военной победы в союзе с Литвой. Обе возможности не могли не вербовать сторонников, активность которых зависела прежде всего от общеполитической конъюнктуры. В определенные моменты, когда обстановка складывалась таким образом, что решительный успех боярства в борьбе с Москвой казался возможным, как это было, например, перед Яжелбицким и Коростынским поражениями, военные лозунги становились выражением общебоярской политики и собирали под военные стяги представителей обоих поли-

---

[9] Там же. С. 163—167.
[10] Там же. С. 169.
[11] Там жс. С. 169—171.

тических направлений. Но в обстановке разочарования после сокрушительных ударов со стороны Москвы внешнеполитическая проблема вновь приобретала дискуссионный характер.

Вряд ли правильным было бы полагать, что крайности антимосковской политики или тяготение к проведению этой политики более умеренными средствами могут служить признаком принадлежности сторонников «литовской» и «московской» ориентации к тем или иным территориальным группировкам бояр. Вопрос об отношении к Москве был настолько важным для всего новгородского боярства и всех житьих, что методы его решения должны были обсуждаться в каждом конце, на каждой улице, они могли восстанавливать сына против отца и брата против брата. Однако кончанское соперничество своими корнями так глубоко уходит в почву внутрибоярских отношений, что попытка поставить вопрос о существовании каких-то определенных центров политических споров по крайней мере оправдана. Орудием распространения политических лозунгов и во второй половине XV в. оставалось кончанское вече, а от характера активности его руководителей во многом зависела политическая характеристика того или иного конца в целом.

Такая попытка была предпринята. Она позволила установить, что наиболее активную антимосковскую позицию занимало боярство Неревского конца, поддержанное прусской и плотницкой группировками, тогда как боярство Славенского конца выражало в целом более умеренные взгляды.[12]

Последняя попытка объединения всех боярских группировок вокруг знамени активной антимосковской борьбы относится к 1477 г. Это объединение, оказавшееся недолговечным, возникло в чрезвычайно сложной обстановке. Та часть боярства, которая испытывала колебания, была терроризирована расправой с Василием Никифоровым и Овиными; некоторые посадники бежали из Новгорода. Архангелогородская летопись сообщает о мерах, которые были предприняты «литовской» группировкой против колебавшихся прусских посадников: «А Луку Федорова да Фефилата Захарьина изымаше, посадили за сторожи, и потом приведоша их на вечье и пожаловаша их и целовали крест, что им хотети добра Новугороду».[13]

Колебания бояр создавали условия, при которых черный люд снова мог проявить свою активность: «И въсколебашася аки пьяни, и бяше в них непословича и многие брани, мнози бо велможи бояре перевет имеаху князю великому и того ради не изволиша в единомыслии быти, и въсташа чернь на бояр, а бояри на чернь».[14]

Заручившись поддержкой митрополита Геронтия и «еже о нем священнаго собора архиепископов и епископов», Иван III 30 сентября 1478 г. посылает в Новгород «складную грамоту», а 9 октября (на память апостола Якова Алфеева) выступает в поход, чтобы новгородцев «за их преступление» «казнить войною». Военная операция была тщательно продумана. Наступление на Новгород осуществлялось широким фронтом. Сам великий князь со своим отрядом от Торжка двигался «меж Яжолбицкие дороги и

---

[12] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 346—349.
[13] Архангелогородская летопись. М., 1819. С. 183.
[14] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 37—38.

Мсты». Отряду царевича Даньяра было предписано идти по другой стороне Мсты. По «своей стороне» Мсты шел отряд князя Даниила Холмского. Справа от великокняжеского отряда проложен маршрут князя Семена Ряполовского, по Демонской дороге — маршрут князя Андрея Васильевича, а между Демонской и Яжелбицкой дорогами — маршрут князей Оболенских. Поход завершился 27 ноября, не встретив какого-либо сопротивления. Своей временной резиденцией Иван III избрал село Лошинского Троицу в Паозерье, поскольку статус древней княжеской резиденции на Городище оставался неопределенным. В Троице вплоть до состоявшегося 17 февраля отъезда великого князя велись переговоры с новгородцами.

Переговоры начались униженной просьбой новгородцев о помиловании и освобождении тех бояр, которые были арестованы великим князем в его первый приезд в Новгород. В этой просьбе было отказано на том основании, что сами новгородцы в свое время на тех бояр «били челом». Заявленное затем желание новгородцев, чтобы «позвов на Москву не было», а все суды вершились бы в Новгороде под руководством княжеского наместника и посадника, встретило следующее разъяснение: «Били есте челом мне, великому князю, ты, нашь богомолец, и наша отчина Великий Новъгород, зовучи нас себе государи, да чтобы есмы пожаловали, указали своей отчине, какову нашему государьству быти в нашей отчине в Великом Новегороде; и яз князь великий то вам сказал, что хотим господарьства на своей отчине Великом Новегороде такова, как наше государьство в Низовской земле на Москве; и вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государьству быти: ино то которое мое государьство?» Получив от новгородцев ответ, что они не знают особенностей московского правления, Иван III разъяснил: «...наше государьство великих князей таково: вечю колоколу во отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а господарьство свое нам держати». Предложенные великим князем уступки были такими, что, как это очевидно, они удовлетворили самые главные желания новгородских землевладельцев: «...а что есте били челом мне, великому князю, чтобы вывода из Новгородские земли не было, да у бояр у Новогородских в вотчины в их земли нам, великим князем, не въступатися, и мы тем свою отчину жалуем: вывода бы не паслися, а в вотчины их не въступаемъся; а суду быти в нашей отчине в Новегороде по старине, как в земле суд стоит».

Надо полагать, что, получив заверения в неприкосновенности своих земельных владений, бояре и житьи люди испытали чувство облегчения, позволившее им пойти на серьезные уступки великому князю, коль скоро они не задевали их личной собственности. В обеспечение своей реальной власти Иван III потребовал, «чтобы наша отчина Великий Новъгород дали нам волости и села, понсже нам, великим князем, господарьство свое держати на своей отчине Великом Новегороде без того нелзе». 1 января 1478 г. «владыка с посадники и с житьими, пришед к великому князю, явили ему волостей: Луки Великие да Ржеву Пустую; он же не взя того». Лукавство новгородцев здесь более чем очевидно: обе эти волости находились в совместном владении Новгорода и Литвы — именно Литва (а не Новгород) получала с них денежный доход.

Получив отказ, новгородцы предложили другой вариант обеспечения княжеской власти передачей десяти волостей: четырех — владычных,

трех — Юрьева монастыря, по одной — Благовещенского монастыря в Демоне и Антониева монастыря, а также волость Тубас и все новоторжские земли. Снова последовал отказ. Великий князь потребовал «половину всех волостей владычных, да и монастырских, да Новоторжские, чьи ни буди». В ответ новгородцы предложили взять половину волостей и земель у шести монастырей — Юрьева и пяти кончанских; что касается остальных, то они «убоги, земель у них мало». Торг закончился тем, что «князь великий пожаловал, у владыки половины волостей не взял, а взял 10 волостей ... да Новотрьжские земли все взял». А от шести предложенных монастырских владений Иван III согласился на половину земель, взяв у Юрьева монастыря 720 обеж, у Аркажа — 333, у Благовещенского — 253, у Никольского Неревского конца — 251, у Антониева — 50 сох (150 обеж), у Михайловского — 97 обеж, что в сумме равно 1804 обжам (600 сохам). Великий князь претендовал на доход с этих земель в 900 гривен (по 7 денег с обжи) в год, однако после уговоров согласился на треть этой суммы (по 7 денег с сохи).

В завершение переговоров великий князь потребовал «о Ярославле дворе, чтоб тот двор ему очистили», на что не получил возражений. Княжеской администрацией была составлена крестоцеловальная грамота, утвержденная печатями новгородского владыки и всех пяти концов, на которой новгородцы поклялись в верности московскому великому князю, передав ему также докончания Новгорода с Литвой. 6 и 7 февраля были арестованы и отправлены в Москву Григорий Киприянов Арзубьев, Марфа Исакова с внуком, Иван Кузмин Савелков, Окинф с сыном Романом, Юрий Репехов и Марк Панфильев; великий князь «жыводы их велел отписати на себя». Оставив в Новгороде двух своих наместников, Иван III вернулся в Москву.

Контрольную поездку в Новгород Иван III предпринял в 1480 г. Эта поездка окончилась плачевно для архиепископа: «Тое же зимы, генваря в 19, поимал князь великий в Новегороде архиепископа новогородского Феофила по коромоле и посла его на Москву, а казну его взя, множество злата и сребра и сосудов его, не хотяше бо той владыка, чтобы Новгород был за великим князем, но за королем или за иным государем; князь бо велики, коли взял впервые Новъгород, тогда отъя у новогородского владыки половину волостей и сел у всех монастырей, про то владыка нелюбие держаше; быша бо те волости первое великих князей, ино они их освоиша, — того же месяца 24, и посадили его в монастыре у Михайлова Чюда; и седел туто полсема лета, ту и преставися».

В научной литературе существует расхожее мнение о том, что окончательная расправа Ивана III с новгородскими боярами и житьими произошла в 1489 г. и была отмщением за покушение на новгородского княжеского наместника Якова Захарьича. Между тем расправа и нарушение договоренности о невыводе новгородских землевладельцев начались пятью годами раньше. Под 1484 г. летопись сообщает: «Тоя же зимы поимал князь великий болших бояр новогородских и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместиа на Москве по городом; а иных бояр, которые коромолу держали от него, тех велел заточити по городом в тюрмы».[15] Решительное продолжение вывода новгородских землевладельцев

---

[15] ПСРЛ. Т. 12. С. 215—216.

действительно относится к 1489 г.: «Тоя же зимы послал князь великий, и привели из Новагорода на Москву болши семи тысящь житиих людей, занеже хотели убити Якова Захариича наместника новогородскаго, и иных многих думцев Яков пересек и перевешал... Тоя же зимы князь велики Иван Васильевичь переведе из Великого Новагорода многых бояр и житьих людей и гостей, всех голов больши 1000, и жаловал их, на Москве давал поместья, и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде в Нижнем, и в Переяславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме, и по иным городом. А в Новъгород в Велики на их поместья послал москвичь лучьших многих гостей и детей боярьских, и из иных городов из Московъския отчины многих детей боярьских и гостей, и жаловал их в Новегороде в Великом».[16]

Представление о масштабах вывода и конкретностях этого процесса дают составленные на рубеже XV—XVI вв. писцовые книги — кадастры, зафиксировавшие как новые, так и старые вотчины во всех новгородских пятинах.

---

[16] Там же. С. 220.

Ю. Г. Алексеев

К ВОПРОСУ О СОСЛОВИЯХ В РОССИИ XV—XVI вв. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОСЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ИВАНА III

Главный труд Николая Евгеньевича Носова посвящен кардинальным сюжетам социально-экономической и социально-политической истории России XVI в., которые предопределили судьбы нашей страны на долгие века.[1]

«Речь идет не только о развитии поместной системы, но и об образовании сословия купцов и промышленников, представлявших в своем лице новую политическую силу русского общества — посадских и волостных богатеев... и об учете влияния всех этих явлений на общую перестройку политических основ Русского централизованного государства как государства уже сословно-представительного типа».[2] Итак, Россия середины XVI в., эпохи земских реформ и кануна опричнины — уже государство сословно-представительного типа. Эта идея лежит в основе всей концепции монографии Н. Е., составляет лейтмотив его «изысканий о земской реформе Ивана Грозного». Вырисовываются очертания двух основных сословий — крупных земельных собственников, представленных боярской думой — «палатой лордов, казалось бы, зарождавшегося в XVI в. русского парламента»,[3] и «назревавшее еще в XV в. объединение посадов и черных волостей».[4]

Представление о существовании сословий в России XVI в. нашло своих оппонентов.

Наиболее четко оппозицию сформулировал Х.-Й. Торке: «...русские посадские и торговые люди не обладали настолько развитыми признаками гражданства, чтобы было уместно определять их терминами сословности. Они не принимали участия в политическом конструировании страны». С точки зрения Х.-Й. Торке, дворянство также не составляло сословия: в отличие от западноевропейского дворянства оно «не черпало свою силу из местных интересов и провинциальных собраний», которые «если не издавали законов, то по крайней мере управляли», осуществляли местное самоуправление, давали князю «обязательство помощи и совета на фоне общего,

---

[1] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. М.; Л., 1969. (Далее — Носов).

[2] Там же. С. 9.

[3] Там же. С. 11.

[4] Там же. С. 12.

© Ю. Г. Алексеев, 2007

обязывающего обе стороны права, в случае нарушения которого со стороны князя создавали для своей корпорации собственное право.[5]

Точку зрения Торке поддержал В. М. Панеях. По его мнению, «сословия в России XVI в. не сложились. Исключение составляла иерархия церковных чинов, которые получили ряд привилегий и сформировались в духовное сословие... следует отвергнуть точку зрения о сословном политическом строе, определяемом как сословно-представительная монархия. Наиболее адекватным... было бы определение политического строя России первой половины XVI в. как самодержавной монархии деспотического типа на том этапе... когда государство не сумело еще стать полностью унитарным, а власть самодержавного правителя была еще в силу неразвитости административного аппарата в центре и на местах слабой, вынужденно опиравшейся на ограниченные элементы самоуправления, считающейся с рядом традиций».[6]

Итак, основной вопрос — существовали ли сословия в России XVI в.? Для ответа на этот вопрос необходимо определить, что же такое «сословие» вообще.

Сословие — это «социально-правовая группа со своим юридическим положением, правами и обязанностями в обществе. В развитом, сложившемся виде к признакам сословия относятся наследственность и относительная замкнутость».[7] «Социальная группа, обладающая закрепленными в обычае или законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями».[8]

Сословия — корпорации, «имевшие свой регламент» (писанный или традиционно передаваемый в устной форме), который «не давался корпорации сверху властью», а «вырабатывался самой этой группой на принципах всеобщего согласия и самоуправления (либо заимствовался ею у другой подобной же корпорации, как например городское право)».[9]

Основываясь на этом последнем определении (А. Я. Гуревича), В. М. Панеях считает: «...если исходить из этой принятой в науке дефиниции, то в XV—XVI вв. сословия в Русском государстве не сложились, хотя постепенно создавались корпорации несословного типа, обширные обязанности которых и весьма ограниченные права определялись великокняжеской, а затем и царской властью».[10]

Перед нами — несколько определений понятия «сословие», имеющих хождение в настоящее время. Всякое определение — условно. Терминология исторических категорий носит с необходимостью условный характер (если только она не содержится в самом источнике, а привносится исследователем в процессе изучения материала). Это полностью относится и к термину «сословие», который русским источникам XV—XVI вв. известен не был. Слово «сословие» употреблялось в древнерусской литературе в церковном смысле: «прииде, честное и святое постник съсловие, приидете, отцы и братия...»[11]

---

[5] *Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // ВИ. 1991. № 11. С. 3—10.
[6] Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 73—74.
[7] Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. Стб. 347.
[8] Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 2001. С. 1129.
[9] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 171.
[10] Власть и реформы... С. 41.
[11] Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 2002. Вып. 26. С. 194.

Наиболее широким, а следовательно, и гибким определением сословия, исходящим из основных, наиболее характерных и постоянных признаков, представляется энциклопедическое определение. Его можно принять в качестве рабочего инструмента. Итак, общий и основной признак сословия — это наличие определенных прав и обязанностей, закрепленных в законе или обычае и передаваемых по наследству. Все другие признаки, в частности те, о которых писал А. Я. Гуревич, носят частный характер — характеризуют не сословие вообще как таковое, а именно данную, конкретную разновидность сословий. А. Я. Гуревич имеет в виду сословие средневековой Западной Европы.

Исходя из принятого нами определения, не можем не прийти к выводу о наличии на Руси во второй половине XV в., по крайней мере, двух сословий — духовенства и служилого сословия.

Права и обязанности духовенства и связанных с ним светских людей определялись принятыми в церкви установлениями, а применительно к России — Уставом князя Владимира, первым опытом российского законодательства.[12]

В исторической реальности эти права и обязанности подвергались определенным модификациям, но сохраняли свою основу, которая была в очередной раз подтверждена в ст. 59 Судебника Ивана III.[13]

Сословие служилых людей складывалось постепенно на протяжении длительного времени, но ко второй половине XV в. выработались некоторые основные признаки этого сословия, определенные, в частности, в межкняжеских докончаниях и в жалованных грамотах князей.[14] Хотя оформление и развитие этого сословия продолжалось и в дальнейшем, можно все же сказать, что место его в системе социально-экономических и социально-политических отношений ко второй половине XV в. в достаточной мере уже определилось.

Наиболее осторожная, приемлемая, на мой взгляд, точка зрения содержится в новейшем коллективном труде: имеющиеся у нас данные позволяют прийти к выводу о незавершенности оформления сословного статуса правящей элиты Русского государства даже к XVIII в.[15] Таким образом, мы имеем дело не со статикой, а с динамикой сословного развития. Для XV в. можно говорить об определенном этапе этого развития.

Создание единого государства не могло не отразиться на процессе развития сословий.

Одна из основных особенностей русских сословий — инициатива государственной (княжеской) власти в процессе их оформления. В отличие от сословий Западной Европы, в частности Франции, характер и объем прав и

---

[12] *Юшков С. В.* Устав князя Владимира // Труды выдающихся юристов. С. В. Юшков. М., 1989. С. 71—335; *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 13—24.

[13] В изданиях Судебника в ст. 59 фактически объединены две статьи рукописи [79] и [80]. См.: *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 366—369.

[14] См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XII—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 97—225.

[15] Правящая элита Русского государства IX—начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006. С. 9.

обязанностей корпораций сословного характера на Руси определялся не самими этими группами в их собственных корпоративных интересах, а государственной властью в интересах целого, т. е. Российского государства, на разных этапах его развития. Таким был и Устав князя Владимира, т. е. русская переработка византийских правил из Номоканона. Такими были и грамоты князей, определявшие статус служилого землевладельческого класса. Можно говорить о сословной политике как составной части государственной политики применительно к изучаемому времени — о сословной политике Ивана III в процессе строительства Российского государства.

Политика по отношению к церковному сословию опиралась на уже богатую многовековую традицию и была направлена на приспособление этой традиции к нуждам нового государства. Суть этой политики — уточнение и ограничение привилегий церковных корпораций, прежде всего в области землевладения и иммунитета.

Принципиальная позиция в отношении Флорентийской унии и установление автокефалии высоко подняли авторитет митрополита Московского и всея Руси во всем православном мире. Но та же автокефалия с необходимостью усилила влияние светской великокняжеской власти на церковные дела и создала новые проблемы.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на остроту, нередко возникавшую в полемике государственной власти с церковными иерархами, фундаментальное положение православной церкви в Российском государстве не подвергалось сомнению. Конфискации (секуляризация) в Новгородской земле носили не принципиальный, а прагматический характер. Они были направлены не против церкви вообще, а против конкретных иерархов и корпораций, в которых великий князь видел оплот новгородского сепаратизма.

Принципиально вопрос о монастырских землях был поставлен на Соборе 1503 г., но речь шла не о конфискации, а о своеобразном «выкупе» земель в казну за ругу («монетизация», выражаясь теперешним термином). Это отнюдь не походило на Реформацию, хотя, без сомнения, усиливало влияние государства на церковь. Но проект не прошел — не был поддержан Собором, а в указном порядке проводить реформу и не думали.

Первое и старейшее сословие русского общества сохранилось без существенных изменений — сословная политика его коснулась мало.

Сохранилось и политическое влияние церковного сословия — все важнейшие вопросы решались на совещаниях («думах», советах) с участием церковных иерархов. Достаточно вспомнить «Советы» весны 1471 и 1477 гг., принимавшие решение о походах на Новгород,[16] и «Совет и думу» в Москве в критические дни Стояния на Угре осенью 1480 г.[17]

Политика по отношению к служилому сословию преследовала те же цели — согласование сословной традиции с интересами складывающегося государства или, точнее, приспособление служилого сословия к выполнению новых административных, военных и политических функций.

В процессе ликвидации уделов происходила перестройка служилой системы во вчерашних княжествах — служилые люди вчерашних удельных

---

[16] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 286, 310.

[17] Там же. 1959. Т. 26. С. 265.

князей либо переходили на службу к великому князю, либо лишались земли и тем самым теряли свое социальное положение и выбывали из сословия.[18]

Важнейшим изменением в статусе служилого сословия «бояр и слуг вольных» княжеских докончаний прежних времен стало фактическое исчезновение права отъезда. Оно исчезло в процессе ликвидации удельной системы и создания единого корпуса служилых людей великого князя — государя всея Руси. В этом отношении показательна укрепленная крестоцеловальная грамота, данная в марте 1474 г. князем Данилой Дмитриевичем Холмским о службе «до живота» своему «господину и осподарю» великому князю и его детям, «а не отъехати ми... к иному ни х кому».[19] Заверенная подписью митрополита Геронтия, эта грамота фактически формулирует новый стиль отношений между высшими представителями служилого сословия и «оспадарем»-государем великим князем — это отношения одностороннего подданства, а не договорной службы.

Существенное значение имела и ликвидация старого вотчинного боярского землевладения в Новгородской земле и создание поместной системы — новой разновидности служилого землевладения с принципиальным усилением роли государства как источника прав на землю, сохраняющего ее под своим контролем.

Важной чертой политики по отношению ко второму сословию было выделение Государева двора как особой служилой корпорации.[20] Этот процесс, впервые заметный в 30-х гг. XV в., в последней четверти этого века достиг полного развития. Выделение Двора имело своим следствием консолидацию служилого города как основной ячейки организации провинциальных детей боярских. В основных чертах структура служилого класса оформилась к середине XVI в.

Существенное значение имело уточнение прав и обязанностей местной администрации, находившейся в руках служилых землевладельцев в качестве наместников и волостелей. Белозерская уставная грамота 1488 г. и Судебник 1497 г. кодифицировали судебно-административные прерогативы местной администрации, законодательно оформив ее связь с волостными мирами.

В политике по отношению к сельскому населению — крестьянству — существенную роль играло отношение великокняжеской власти к черным волостным землям — прямым наследникам древнерусского общинного землевладения.

В политике по отношению к крестьянству существенную роль играл вопрос о черных землях.

Начиная с 80-х гг. отмечается прекращение раздачи черных земель. Тем самым укреплялись и стабилизировались позиции черного волостного

---

[18] Характерны в этом смысле действия ярославского наместника князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского, о которых пишет Ермолинская летопись (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 157—158).

[19] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее — АСВР). М., 1964. Т. III. № 18. С. 34—35.

[20] См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 20—23.

крестьянства в системе землевладения, а следовательно, возрастал удельный вес и значение крестьянских волостных миров. Отражением этого был резкий рост судебных дел по поводу волостной земельной собственности — черные крестьяне начали активно бороться за свои земли.[21] Экономической основой этих явлений был хозяйственный подъем, наступивший с образованием единого государства и установлением политической стабильности, — прекратились княжеские мятежи и вражеские нашествия. Политика сохранения черных земель отразилась и на вновь присоединенной Новгородской земле. Проведенная там аграрная реформа привела к образованию фонда государевых оброчных земель, непосредственно подчиненных великокняжеской администрации, подобно черным землям Средней России. Прекращение раздачи черных земель и создание оброчных земель существенно усиливали роль государственной власти в судебно-административном и податном отношении и тормозили развитие феодального землевладения и зависимости крестьянских общин от феодалов.

Принципиально важное значение имеет статья Судебника 1497 г. «О христианском отказе».[22] Здесь впервые употреблено общее название всего сельского населения. На смену многочисленным и разнообразным обозначениям в источниках XIV—XV вв. (сироты, смерды, изорники, юрьевские и т. п.) статья Судебника впервые вводит термин, объединяющий все свободное сельское население в единое сословие, и формулирует один из основных юридических признаков этого населения — право и условия выхода.

Прежние отдельные частные постановления о крестьянском отказе в жалованных грамотах, выдаваемых князьями по разным поводам, и в местных обычаях (отразившихся, например, в статьях об изорнике Псковской Судной грамоты) сменились единым государственным законом, обязательным для всех сельских жителей, — государственным регулированием отношений между крестьянином и землевладельцем. С этого времени можно говорить о появлении в России нового сословия — крестьян. Это сословие вобрало в себя весь прежний многовековой опыт и традицию сельского населения. В ходе дальнейшей истории Российского государства это сословие, как и другие, будет развиваться и модифицироваться, но уже в определенных сословных рамках и под непосредственным влиянием государственного законодательства.

Если политика Ивана III в отношении сословий духовенства, служилых людей и крестьянства опиралась в большей мере на накопленную традицию, то этого нельзя сказать о политике по отношению к торгово-ремесленному населению городов.

Реформа Дмитрия Донского — ликвидация должности московского тысяцкого (1368 г.) — была принципиально важным шагом на пути превращения городской вечевой общины в тяглую посадскую, управляемую должностными лицами великого князя. Однако эта реформа носила, по-видимому,

---

[21] Сохранились десятки подобных судебных дел. О них см.: *Горский А. Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI века. М., 1974.

[22] Статья 57 печатных изданий Судебника состоит фактически из двух статей рукописи, объединенных киноварным заголовком «О христианском отказе» (*Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 358—363).

прежде всего административно-политический характер и мало влияла на социально-экономическое положение городского населения.

Исследователем, вскрывшим основные черты одной из важнейших реформ Ивана III — городской реформы, был Павел Петрович Смирнов. По его наблюдениям, реформа характеризуется тремя главными чертами. Это, во-первых, резкое сокращение иммунитетного феодального дворовладения в городах; во-вторых, уравнивание городчан и слобожан в податном отношении; в-третьих, предоставление горожанам известных привилегий в торговле в городе и уезде.

Основной общественно-политический результат реформы — оформление новой социальной группы тяглого податного населения Русского государства — посадских людей, противостоящих феодалам с их белыми слободами и в то же время существенно отличающихся от крестьян, живущих в волостях и селах.[23]

Наблюдения и выводы П. П. Смирнова — крупное достижение исторической науки. В своих основных чертах они сохраняют значение до наших дней.

Характерной чертой политики князей первой половины XV в. было предоставление феодалам широких привилегий в области торговли. Так, верейско-белозерский князь Михаил Андреевич дал Кириллову монастырю право посылать «за Белоозеро торговать лете в лодках, и зиме на возех» как самих старцев, так и их людей и наймитов.[24] Расширением этих привилегий была грамота того же князя игумену Кассиану на право беспошлинной торговли монастырским товаром «зиме на возех, а лете в повозках или на телегах» во всем Верейско-Белозерском княжестве.[25] Такие же привилегии в отношении всего Великого княжества Московского дал Кириллову монастырю великий князь Василий Васильевич.[26]

Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь получил от Василия Темного подтверждение своего права беспошлинной торговли «по старине» по всем городам.[27]

В предоставлении торговых привилегий тверские князья не отставали от московских. Великий князь Борис Александрович дал Кириллову монастырю право беспошлинного проезда и торговли во всем своем княжестве.[28] Это право подтвердил и его преемник — великий князь Михаил Борисович.[29]

Со времен митрополита Алексея торговыми льготами по общему правилу пользовались митрополичьи люди: «...кто продаст свое домашнее, тот тамги не даст». Правда, эта привилегия не распространялась на тех, кто «имет прикупом торговати».[30]

---

[23] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века / Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 85—103.

[24] АСВР. М., 1958. Т. II. № 77. С. 48. 1435—1447 гг.

[25] Там же. № 133. С. 79. 1448—1470 гг.

[26] Там же. № 96. С. 57—58. 1435—1447 гг.

[27] Там же. Т. III. № 496. С. 474. 1451—1462 гг.

[28] Там же. Т. II. № 53. С. 35—36. 1425—1434 гг.

[29] Там же. № 203. С. 132. 1461—1475 гг.

[30] Там же. Т. III. № 6. С. 19 (Уставная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана).

Особенности торговой политики в период, непосредственно предшествующий созданию централизованного государства, легче всего проследить по материалам архива Троицкого Сергиева монастыря.

За время княжения Василия Темного Троицкий Сергиев монастырь получил не менее пятидесяти жалованных грамот на свои городские и сельские владения. Более тридцати из них содержат освобождение от мыта, тамги и других торговых пошлин. Торговый иммунитет — обычная черта жалованных грамот того времени. При этом если освобождение от основного прямого налога-дани давалось в большинстве случаев временно,[31] то торговый иммунитет был обычно безоговорочным и бессрочным. Таким полным торговым иммунитетом по жалованным грамотам Василия Темного и других князей, его современников, пользовались Троицкие владения в Бежецком Верхе,[32] Владимирском,[33] Галицком,[34] Дмитровском,[35] Костромском,[36] Переяславском,[37] Ростовском,[38] Суздальском,[39] Углицком[40] уездах. Торговые иммунитеты предоставлялись и светским владельцам: освобождение от мыта, тамги и других торговых пошлин включено в жалованные грамоты Василия Темного переяславским вотчинникам Михаилу Яковлевичу, Марии Андреевне Копниной, Ивану Петелину.[41]

Кроме полных иммунитетов, с безоговорочным и бессрочным освобождением от мыта, тамги и других торговых пошлин, практиковались и частичные иммунитеты — выдача торговых и проезжих льгот. Тверской великий князь Михаил Борисович освободил в своем княжестве от мыта и тамги на пути в Троицкий монастырь из его бежецких и углицких владений два паузка и две лодки,[42] а на пути в Новгород Великий и обратно — паузок с подвозком летом и 100 возов зимой.[43] Князь дмитровский Юрий Васильевич освободил от мыта при проезде через его княжество в Новгородскую землю и обратно монастырский обоз — триста телег летом, триста возов зимой.[44]

Иммунитетная политика в области торговли имела важное социально-политическое значение. Она отражала стремление князей опереться прежде всего на феодалов — светских и церковных. В то же время очевидно, что предоставление широких торговых привилегий феодалам нарушало интересы основной массы торгового населения — жителей города и посада,

---

[31] «А отсидят свой урок, шесть лет, ини потянут в мою дань, великого князя, по силам» (АСВР. М., 1952. Т. 1. № 280. С. 201 (Жалованная грамота 21 апреля 1459 г. на сельца Коростелево и Наволок в Костромском уезде)).

[32] АСВР. Т. I. № 166, 278.

[33] Там же. № 140, 200.

[34] Там же. № 245.

[35] Там же. № 19.

[36] Там же. № 49, 217, 219, 237, 280.

[37] Там же. № 101, 133, 139.

[38] Там же. № 98, 243.

[39] Там же. № 176.

[40] Там же. № 115, 189, 192, 254.

[41] Там же. № 117, 224, 236.

[42] Там же. № 294.

[43] Там же. № 297.

[44] Там же. № 292.

для которых торговая деятельность была существенной необходимостью. Недаром князь Михаил Андреевич, разрешая старцам Кириллова монастыря и их людям и наймитам беспрепятственно торговать с Белоозером, особо оговаривает, что «все горожане о том им не бранят»,[45] — князь предвидит недовольство горожан конкуренцией привилегированных монастырских торговцев.

В первые годы княжения Ивана III торговая иммунитетная политика не претерпела особых изменений. Так, 17 мая 1462 г. великий князь выдал Троицкому монастырю новую жалованную грамоту на село Присеки и другие владения в Бежецком Верхе с подтверждением всех прежних привилегий, в том числе освобождения от мыта, тамги и явки.[46] В других жалованных грамотах троицким игуменам Вассиану (до 1466 г.) и Спиридонию (1467—1474) великий князь подтверждал освобождение от торговых пошлин жителей монастырских владений в Радонеже, Переяславском, Владимирском, Костромском, Суздальском уездах и у Великой Соли.[47] Было подтверждено освобождение троицких товаров от тамги в Галиче.[48] Аналогичные пожалования сделали Троицкому монастырю владельцы уделов — великая княгиня Мария Ярославна, углицкий князь Андрей Большой, дмитровский князь Юрий.[49] Продолжалась выдача широких торговых иммунитетов светским феодалам — полное освобождение от мыта, тагми и «явленого» получил на свои владения в Дмитровском уезде Дмитрий Бобр (от князя Юрия Васильевича).[50] Великий князь дал аналогичное пожалование Федору Киселеву в Муромском уезде и Никите Заболотскому в Дмитровском[51] и подтвердил (ранее 1478 г.) жалованную грамоту своего отца Марии Копниной.[52]

Первый признак новых явлений в торговой политике связан с городом Суздалем. Став великим князем, Иван III подтвердил архимандриту суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Исаакию жалованную грамоту своего отца на беспошлинную торговлю по всем городам без явки суздальскому наместнику.[53] Но уже из жалованной грамоты, выданной архимандриту Иоакиму (1472—1479), мы узнаем, что великий князь «пожаловал суздальцов городских людей: не велел... в городе селским торговцем стояти и на ряду с солью продавати з безмен и в денежник».[54] Если судить по этому упоминанию, между 1464 и 1472—1479 гг. в Суздале была проведена принципиально важная реформа — торговля в городе была узаконена как монопольная привилегия горожан. Более того, тем самым фактически отменялись все прежние торговые пожалования светским и церковным феодалам. Удовлетворяя интересы городского посада, запрет «сельским торговцем»

---

[45] Там же. Т. II. № 77. С. 48.
[46] Там же. Т. I. № 304.
[47] Там же. № 309, 310, 312, 320, 322, 346, 358, 388, 416.
[48] Там же. № 317.
[49] Там же. № 323, 349, 364, 366, 399, 400, 401.
[50] Там же. № 325, 336.
[51] Там же. № 398, 419.
[52] Там же. № 224.
[53] Там же. Т. III. № 496. С. 474. — Подтверждение грамоты состоялось не позднее 1464 г. — последнего года архимандритства Исаакия.
[54] Там же. № 498. С. 475.

«стоять» на городском торге наносил удар прежде всего привилегированным феодалам, чьи люди пользовались торговыми иммунитетами. Неудивительно, что с их стороны пошли челобитья о сохранении прежних льгот. Одно из этих челобитий — спасо-евфимьевского архимандрита Иоакима — имело успех: в виде исключения великий князь разрешил людям из подмонастырских селец «торговати в городе на ряду, как и городским людем».[55]

Как и другие законодательные акты феодального государства, торговая реформа в Суздале нарушалась исключениями в тех или других случаях. Тем не менее ее значение нельзя недооценивать. Она свидетельствует, что не позднее середины 70-х гг. XV в. зарождается новая тенденция в политике в отношении города и посада. Существенная черта этой политики — предоставление горожанам исключительного (или преимущественного) права торговли в их городе.[56]

Но не была ли торговая реформа в Суздале местным, локальным явлением, не связанным с общерусской реальностью? За первые 12 лет княжения Ивана III Троицкий Сергиев монастырь получил около 65 жалованных грамот, полный (в редких случаях — частичный) торговый иммунитет фиксируется в двадцати пяти из них. За следующие тридцать лет монастырские владения получили около 55 жалованных грамот; торговые льготы упоминаются в 11 грамотах. Но дело не только в том, что удельный вес грамот с торговыми льготами уменьшился более чем вдвое (и это — на фоне резкого сокращения числа выданных жалованных грамот вообще). Еще важнее, что полный торговый иммунитет старого типа — безоговорочное и бессрочное освобождение от основных торговых пошлин, мыта и тамги — из всех великокняжеских грамот этого времени содержится только в одной (на с. Ростокино в Московском уезде), да и то в начале периода (1481).[57] Одна грамота с освобождением от мыта и тамги выдана в 1483 г. великой княгиней Марией Ярославной,[58] три — в 1485 г. Иваном Ивановичем Молодым в качестве новопоставленного тверского князя,[59] две — новым дмитровским князем Юрием уже в самом конце периода (1504).[60] Остальные грамоты фиксируют частичные льготы при провозе монастырских товаров. Так, в 1486 г. великий князь дал грамоту на Луковесский мыт для освобождения от мыта и тамги троицкого судна (паузка) с подвозком, следующего через мыт на Белоозеро и обратно.[61] Выдавая жалованные подтвердительные грамоты игуменам Авраамию (1474—1478), Паисию (1478—1482), Макарию (1484—1488), Симону (1490—1495), Серапиону (1495—1506) на троицкие владения в разных уездах, великий князь, в отличие от прошлых лет, ни разу не включает в состав пожалованья основные торговые пошлины — мыт и тамгу. Приведем только два примера. Если в 1462—1466 гг. игумен Вас-

---

[55] Там же.

[56] П. П. Смирнов справедливо отмечает, что подобными указами «устанавливалось за тем или иным городом-посадом монопольное право на рынок» (*Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба... С. 99).

[57] АСВР. Т. I. № 492.

[58] Там же. № 502.

[59] Там же. № 517, 518, 519.

[60] Там же. № 652, 653.

[61] Там же. № 527.

сиан получил тарханную и несудимую грамоту на переяславские села монастыря с полным торговым иммунитетом («тем людям монастырским не надобе им ни мыт, ни тамга»),[62] то игумену Авраамию в грамоте 1478 г., выданной на новое монастырское село в том же Переяславском уезде (полученное от Гр. В. Заболотского), говорится только об освобождении от яма, кормов и суда наместников «опричь душегубства», а торговые пошлины не упоминаются вовсе.[63] В 1467—1474 гг. игумен Спиридоний получил беспошлинную грамоту на село Илемну в Верейском уезде: «...коли пошлют из монастыря старца или слугу в-Ылемну, или христиане их поедут с возы с чем ни буди али на порожне, и мытники мои... мыта на них не емлют, ни иных никоторых пошлин, также коли поедут из-Ылемны с возы или на порожне к Ярославцу или из Ярославца... мыту на них не емлют, ни иных никоторых пошлин».[64] В грамоте, выданной в 1488 г. на то же село игумену Макарию, дается ряд льгот — особность в платежах, освобождение от поборов в пользу местной администрации, несудимость, «опричь одного душегубства», право высылать незваных гостей «беспенно», но об освобождении от торговых пошлин не говорится ничего.[65] Такие же жалованные грамоты получает монастырь в этот период на свои владения в Новоторжском,[66] Дмитровском,[67] Муромском,[68] Бежецком[69] и Можайском[70] уездах. Можно прийти к выводу, что с середины 70-х гг. выдача великокняжеских торговых иммунитетов крупнейшему феодалу — Троицкому монастырю — практически прекратилась, хотя старые иммунитеты продолжали, по-видимому, частично действовать (об этом свидетельствуют подтвердительные подписи на старых жалованных грамотах, предъявленных позднее Василию III). Об отношении великого князя к сохранившимся монастырским торговым привилегиям можно судить по грамоте с прочетом, отправленной 6 декабря 1493 г. юрьевскому наместнику Семену Карповичу в ответ на челобитье троицкого игумена Симона. Оказывается, наместник нарушил старый монастырский иммунитет — со 154 возов, везших монастырское жито из суздальского села Шухобала в монастырь, самовольно взял мыт — полтора рубля и 9 денег (т. е. по 2 деньги с воза). Великий князь велел эти деньги вернуть старцам и впредь мыта с монастырского хлеба не брать, но приписал в грамоте: «А хто поедет с ними их христьянин, или иныи хто со своими житом, а учнут проводити за монастырское жито, и ты бы с тех мыт и все пошлины имал. Да тогда бы если и с монастырского хлеба взял мыт, и они вперед не пролыгаются».[71] Монастырский торговый иммунитет — нежелательное явление, которое Иван III только терпит, подозревая (и, вероятно, не без основания) монастырские власти во всякого рода злоупотреблениях.

---

[62] Там же. № 310. С. 221; № 322. С. 231—232.
[63] Там же. № 455. С. 341—342.
[64] Там же. № 352. С. 258.
[65] Там же. № 534. С. 410—411.
[66] Там же. № 433.
[67] Там же. № 529.
[68] Там же. № 561.
[69] Там же. № 568.
[70] Там же. № 567.
[71] Там же. № 573. С. 453.

В эти же последние десятилетия XV в. торговые иммунитеты перестают, по-видимому, выдаваться светским лицам. В жалованной грамоте 1486 г., полученной Воропаевыми на их сельцо в Коломенском уезде, фиксируется податная особность и широкий судебный иммунитет, но о торговых льготах не говорится ни слова.[72] Аналогичное содержание имеет грамота, выданная в 1497 г. Пильемовым-Сабуровым на их село в Ростовском уезде.[73]

Итак, если судить по наиболее полному из сохранившихся феодальных архивов, около середины 70-х гг. в торговой политике Русского государства наметился отход от прежней практики выдачи и поощрения широких феодальных торговых иммунитетов.

Наши наблюдения можно распространить и на владения другого крупнейшего феодала — митрополичьей кафедры. В 1464 г. Иван III дал митрополиту Филиппу тарханную и несудимую грамоту на все митрополичьи владения во Владимирском уезде, в состав пожалования были включены основные торговые пошлины: мыт и тамга.[74] Тарханные грамоты с освобождением от мыта и тамги получали в 60—70-х гг. митрополичьи владения в Юрьевском, Владимирском, Костромском и некоторых других уездах.[75] Грамота, выданная после 1473 г., дает митрополичьему Благовещенскому монастырю право беспошлинной торговли в Нижнем Новгороде и по р. Суре.[76] Итак, торговые привилегии митрополичьих владений были, по-видимому, в свое время аналогичны троицким. Но в марте 1504 г. выдается целая серия жалованных грамот, фиксирующих владельческие права митрополитов в Московском, Переяславском, Юрьевском, Владимирском, Белозерском и Вологодском уездах.[77] По форме и содержанию все эти грамоты тождественны — перед нами фактически своего рода новый устав митрополичьим землям, заменяющий прежние пожалования. Ни в одной из перечисленных грамот нет никаких торговых льгот.

Таким образом, документы митрополичьего архива в общих чертах подтверждают основной вывод, к которому можно прийти путем изучения троицких актов: реформа в Суздале в 70-х гг. была не случайным явлением, а знаменовала важный этап в торговой политике Ивана III: переход от традиционного поощрения и развития феодальных торговых иммунитетов к их ограничению.

Для характеристики политики Ивана III особое значение имеет Белозерская уставная грамота 1488 г. — один из наиболее замечательных законодательных памятников эпохи. Статья 8 этой грамоты (по принятому в настоящее время делению) устанавливает: «[1] А хто придет из Московские зем-

---

[72] Там же. № 527.

[73] Там же. № 611.

[74] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков (далее — АФЗХ). М., 1951. Ч. 1. № 210. С. 185.

[75] Там же. № 151, 193, 251, 252, 315, 316.

[76] Там же. № 235. С. 205—206.

[77] Там же. № 70. С. 75—76; № 134. С. 123—124; № 150. С. 32; № 224. С. 199—200; № 311. С. 267—268; № 313. С. 269. — К ним примыкает и грамота на земли в Костромском уезде, выданная уже великим князем Василием Ивановичем в 1506 г. (там же. № 262. С. 230).

ли, из Тверские, из Новогородцкие земли, изо всех монастырей Московские земли, и Тверьские, и Новогородцкие земли, из белозерских монастырей, и из Кирилова, из Фарафонтиева, изо всех белозерских монастырей; — торговати им всем на Белеозере житом и всяким товаром, а за озеро им всем торговати не ездити».[78]

Это положение Уставной грамоты фактически отменяет прежние привилегии, дававшиеся, например, тому же Кириллову монастырю на свободную торговлю «за озером». Дальнейший текст подтверждает и конкретизирует: «[2] А по волостям и по монастырям не торговати житом и всяким товаром, опроче одное волости Углы, а на Угле быти торгу по старине.

[3] А кого изымают, хто поедет за озеро, или хто учнет торговати по волостем и по монастырем белозерским, и они с купцы возмут два рубля, рубль наместником, а рубль таможником, а с продавца возьмут два рубля, рубль наместником, а рубль таможником. А что у них будет товару, у купца и у продавца, и тот товар у них емлют таможники на великого князя, а их дают на поруце наместник и таможник, да ставят перед великим князем».

Итак, под страхом жестокого наказания запрещается торговля кому бы то ни было и где бы то ни было, кроме самого Белоозера и волости Углы (километрах в 100 на юго-восток от Белоозера, на р. Шексне). Но делается важное исключение: «[4] А городьским людям белозерьским посажаном за озеро ездити и торговати по старине».

Отменяя все торговые привилегии монастырей и других феодалов, Уставная грамота охраняет и подчеркивает торговые привилегии белозерских горожан: торговля в обширной Белозерской земле превращается в их монополию. Фактическая ликвидация феодальных торговых иммунитетов естественным образом облегчает и стимулирует торговлю горожан — в этом существенная черта городской политики Ивана III, отразившаяся в Уставной грамоте.

Положения Уставной грамоты 1488 г. развиваются и детализируются в грамоте, выданной 21 мая 1497 г. белозерским таможенникам Титу Окишеву, Есипу Тимофееву и Семену Бобру. Грамота подробно говорит о разных видах торговых пошлин с белозерцев и иногородних. Согласно ст. 13, если «белозерец городцкой человек на Белоозере в городе купит товар или продасть, ино с него тамги не имати»[79] — в отличие от всех других продавцов и покупателей белозерец пользуется льготами в своем городе. Впрочем, эта льгота не распространяется на целый ряд товаров (подробно перечисляемых в грамоте), а также на куплю-продажу судов (очевидно, с товарами). От права беспошлинной торговли на Белоозере больше всего, по-видимому, выигрывает городская мелкота, местные ремесленники, торгующие «своим» товаром, т. е., надо полагать, основная масса жителей Белоозера.

Ст. 16 повторяет категорическое запрещение Уставной грамоты торговать где бы то ни было, кроме Белоозера и Углы, а ст. 17 вновь подчеркивает право «городцким людям белозерцем и посажаном за озеро ездити по старине торговати».[80]

---

[78] АСВР. Т. III. № 22. С. 39.
[79] Там же.
[80] Там же.

И Уставная грамота, и грамота таможенникам ставят знак равенства между «городским человеком» и «поезжанином». Обе грамоты имеют в виду прежде всего не феодалов, проживающих в городе, а горожан в собственном смысле этого слова — торгово-ремесленное население города и посада.

Особое значение имеет заключительная статья таможенной грамоты: «А имати им тамга или церковная пошлина, и пятно с великого князя селчян, и с великие княгини селчян, и с митрополичих, и с княжих, и со владычных, и с монастырьских, и з боярьских, из грамотников, и со всех без оминки, чей бы хто ни был».[81] Итак, теперь тамга взымается со всех без исключения, в том числе с феодалов-иммунитетчиков, что особо подчеркнуто в тексте. Таможенная грамота 1497 г. отражает фактическую отмену всех прежних феодальных привилегий в области торговли. Проведенное непосредственно в интересах казенных сборов, это важнейшее мероприятие имеет и крупное социальное значение, объективно оно отвечает интересам торгово-ремесленного населения города и посада, устраняя (или ослабляя) конкуренцию со стороны феодалов.

Сопоставление известного нам содержания пожалования суздальским горожанам с соответствующими положениями белозерских грамот — Уставной и таможенной — позволяет прийти к выводу, что перед нами два варианта и вместе с тем два этапа городской торговой политики Ивана III. В 70-х гг. в Суздале горожане получают право монопольной торговли у себя в городе, чем фактически отменяются торговые иммунитеты феодалов — применительно к городскому торгу. В 80—90-х гг. на Белоозере горожане получают монополию на торговлю в уезде и некоторые льготы на торговлю в самом городе. Феодальные иммунитеты в торговле в обоих случаях — как в городе, так и в уезде — отменяются. В отличие от Суздаля Белоозеро — крупный торговый центр с ежегодным товарооборотом во много десятков тысяч рублей.[82] Такой торг, естественно, не мог стать монополией местных горожан. Правительство пошло на другую меру — отменив торговые иммунитеты, оно уравняло в правах на городском торге горожан с феодалами, дав известную льготу первым и предоставив им преимущественное право на торговлю в уезде. В своей торговой политике правительство Ивана III ориентировалось прежде всего на горожан, а не на феодалов-иммунитетчиков.

Судя по тому, что к 1504 г. от широких торговых иммунитетов митрополичьей кафедры не осталось почти ничего, можно прийти к выводу, что нормы Белозерской таможенной грамоты о взимании тамги «с митрополичьих... и с монастырских... из грамотников, и со всех без оминки» имели отнюдь не только местное значение, а отражали общую тенденцию торговой политики великого князя.

---

[81] Там же. С. 43. — Это заключительное положение таможенной грамоты, не нумерованное в издании АСВР, адресовано, надо думать, белозерским таможенникам, а отнюдь не «городцким людям белозерцем», как считают издатели «Памятников русского права» (далее — ПРП) (под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 178, 226).

[82] Ежегодная сумма тамги, по сведениям таможенной грамоты, достигала 120 руб., а тамга бралась в основном по полуденьге с рубля, т. е. в 1/400 стоимости товара.

В этом же плане следует рассматривать и меры по сосредоточению торговли в определенных местах, назначаемых правительством. Летопись приводит официальное известие, что 25 сентября («на Сергееву память») 1491 г. «князь великий торг перевел от Троицы в городок на Радонеж».[83] Перевод торга от стен монастыря в ремесленно-торговый центр округи, населенный горожанами, имел, по-видимому, важное значение в глазах летописца. Исследователи справедливо усматривают в этой мере шаг в борьбе «против привилегированного положения монастырей на внутреннем рынке» и подчеркивают, что «от переноса торга выигрывал ремесленно-торговый центр — Радонеж».[84]

Перенес Иван III и торг с Холопьего городка на Мологу, о чем он пишет в своей духовной. Уже отсюда видно большое значение, которое придавалось новому торгу. В отличие от Радонежа «тот торг торгуют на Мологе съезжайся» — здесь не сложился местный торгово-ремесленный центр, и на торг приезжают купцы отовсюду. Наследники Ивана III обязываются ни сводить торг, ни запрещать («ни заповеди... не чинят») «к тому торгу ездити».[85] Если от торга на Радонеже выигрывали прежде всего местные посадские люди, то торг на Мологе преследовал интересы более широких слоев купечества. Основанный на новом месте, на великокняжеской земле, торг на Мологе был, надо полагать, с самого начала освобожден от феодальных иммунитетов и приобретал общерусский масштаб. Новый углицкий князь Дмитрий, согласно духовной отца, «емлет пошлины, как было при мне, а лишних пошлин не прибавляет ничего» — новый торг рассматривается не как простое владение углицкого князя, а как важный государственный объект.

Итак, в политике Ивана III по отношению к торговле в городах и уездах можно наметить три основных этапа. На первом этапе — примерно до середины 70-х гг. — торговая политика сохраняет традиционные черты и характеризуется предоставлением и охраной широких феодальных иммунитетов в области торговли. На втором этапе, с середины 70-х гг., иммунитеты феодалов ограничиваются, а горожане получают преимущественное право торговли у себя в городе. На третьем этапе, с конца 80-х гг., феодальные торговые иммунитеты фактически отменяются, торги сводятся в города и горожане получают преимущественное право торговли в уездах.[86]

Конечно, об этапах торговой политики Ивана III можно судить только в самых общих чертах — такова специфика источников. Но необходимо обратить внимание на то важное обстоятельство, что крупные изменения в торговой политике на третьем этапе, в конце 80-х гг., совпали по времени с ревизией иммунитетного дворовладения в городах (изученной П. П. Смирновым). Пересмотр феодальных привилегий в городах и в торговле — взаимосвязанные части большой городской реформы Ивана III, приведшей к существенным социально-экономическим и политическим результатам — к фактическому образованию городского (посадского) сословия в России.

---

[83] ПСРЛ. М., 1962. Т. 27. С. 362.

[84] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. / Отв. ред. А. А. Зимин. М., 1967. С. 19.

[85] ДДГ. № 89. С. 360.

[86] См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2. С. 219—224; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история... С. 12—20, 238, и др.

Существенное значение в политике по отношению к горожанам имеет статья 66 Судебника Ивана III (ст. [93] по рукописи этого памятника). Фактически текст, выделенный киноварным заголовком «О полной грамоте», — самостоятельная глава Судебника, посвященная холопству.

Статья состоит из семи клаузул-параграфов, рассматривающих отдельные сюжеты, связанные с холопством.[87] Согласно клаузуле, соответствующей второму параграфу статьи, «по тиунству и по ключу по сельскому холоп з докладом и без докладу».

В отличие от этого четвертый параграф устанавливает «по городцкому ключю не холоп».

Служба по городскому ключу противопоставляется службе по ключу сельскому.

Большая часть исследователей склонна подчеркивать консервативный характер статьи 66 [93].[88]

Однако постановление о службе по городскому ключу — живая норма, не имеющая аналогов в предыдущем законодательстве и сформулированная в негативно-запретительном виде, т. е. как бы отменяющая существующую до него практику. Буквально это означает, что от холопства освобождается человек, работающий в городском ключе (с городским хозяйством) господина. В городском хозяйстве свои реальные условия, не похожие на работу по сельскому ключу. Положение в городском ключе, освобождающее от холопства, необходимо рассматривать на фоне всей городской политики Ивана III, направленной в целом на формирование городского сословия с его особыми правами и привилегиями. Основной фигурой в городе становится свободный посадский человек, а основной формой отношений — отношения найма. Освобождение служащих по городскому ключу от холопства отвечает именно этой тенденции (хотя нет оснований отрицать возможность наличия холопов и в городском хозяйстве, например старинных холопов и т. п.). Но освобождение посадских людей от холопской зависимости означало усиление их зависимости от государства, превращение их в податное сословие, подчиненное непосредственно государственной власти. Думается, что статья 66 [93] Судебника делает шаг именно в этом направлении.

Подведем некоторые итоги.

Перед нами один из этапов развития сословного строя России. Основная тенденция политики Ивана III — усиление подчинения социальных групп — сословий государственной власти, т. е. интересам строительства единого Российского государства.

Н. Е. Носов был прав, признавая наличие сословий в России конца XV—первой половины XVI в. Однако наши сословия существенно отличались от сословий таких стран Западной Европы, как Франция. Они имели по крайней мере две специфические черты. Во-первых, сословный строй России находился еще на далеко не завершенном этапе своего становления. Во-вторых, и это главное, сословия строились сверху — государственной властью, в интересах не части общества, не самих корпораций-сословий,

---

[87] *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. С. 405.

[88] Там же. С. 405—420.

но прежде всего в интересах целого — Российского государства, обеспечивающего саму возможность существования всех слоев русского общества. Из этого вытекает и третья особенность русских сословий — преобладание обязанностей над правами. Принадлежность к сословию — своего рода служба Отечеству.

Отсюда и невозможность объединения «посадов и черных волостей в борьбе против... феодального государства», в чем Н. Е. Носов видел альтернативный путь развития России.

Отсюда на первый взгляд странное переплетение «земских» и «приказных» начал в жизни русского общества, «в деятельности земских Соборов и боярской думы — этих... наиболее противоречивых институтов». Созданные государством русские сословия не были силой, противостоящей государственной власти, они поддерживали эту власть. В этом их главное отличие от сословий Франции, боровшихся с государством за свои корпоративные права.

В. Д. Назаров

МЕЖДУ МОСКВОЙ И ВИЛЬНО: «ДВОРЯНЕ» НА ЛИСТАХ ПОСОЛЬСКИХ ДОКУМЕНТОВ (конец XV—первая треть XVI в.)*

Сформулированная тема носит на первый взгляд сугубо частный и, скорее, лексикографический, чем собственно исторический, характер. Полагаем, что это не так, и постараемся в том убедить читателя. Доказательства впереди, сейчас же определимся с исходными посылками (за историографией вопроса отсылаем к недавно опубликованным работам).[1] Тезис первый — термин «дворянин/дворяне» на протяжении XII—XVIII вв. претерпел не единожды изменения смыслов и содержательных планов. Тезис второй — на социально и хронологически обусловленные перемены понятия в XII—середине XVI в. исторически накладывались особенности его бытования в источниках разного типа (ситуация меняется во второй половине XVI в. с появлением официальной документации по учету двора). «Дворяне» в нарративах и документальных текстах могли быть по смыслу близкими, но могли и актуализировать разные планы термина. Тезис третий — синтезу и обобщению должна предшествовать серия системных терминологических исследований по разным видам источников, опирающихся на исчерпывающую базу сведений. К сожалению, вплоть до последнего времени историки ограничивались беглыми замечаниями с привлечением отдельных известий о «дворянах» (более или менее объемных, но всегда неполных). Тезис четвертый — «дворянин» суть производное от «двора» в значении социального института привилегированных служилых слоев общества при монархе (князе, великом князе, царе). Эта смысловая зависимость наличествовала в термине «дворянин» всегда, сейчас не суть важно — в ясно различимом виде или же в потенциальном виде, завуалированном иными смыслами. Отсюда необходимость проводить упомянутые системные исследования в контексте эволюции двора в целом.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (грант №06-01-00055а).

[1] Правящая элита Российского государства IX—начала XVIII в. (Очерки истории). СПб., 2006 (разделы М. Б. Свердлова и Л. И. Ивиной); *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV—первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003.

© В. Д. Назаров, 2007

Есть и непосредственный повод обратиться к интересующему нас сюжету. Загадка вот в чем. Мы точно знаем, кем были «дворяне» во второй половине XVI в. и большей части XVII в. В рамках царского двора существовали два статусных чина: «московские (или большие) дворяне» и «выборные дворяне (или выбор из городов)». В первую группу входили по преимуществу представители первостатейной российской знати, титулованной и нетитулованной. К «выборным дворянам» причислялась второстепенная знать и те верхушечные слои уездных детей боярских, которые еще в нее не попали.[2] В любом варианте термин «дворяне» прилагался к знатным и даже аристократическим лицам, занимавшим верхние ступени в иерархии всей совокупности «благородных» привилегированных слоев и групп. Но совсем иных «дворян» зафиксировали тексты XII—XV вв. Летописи XII—XIV вв., акты и грамоты конца XIII—XV в. знакомят нас с княжеским министериалом, совсем незнатным членом низших страт княжеского двора, с судебным приставом в княжеском судебном аппарате и в суде наместника или волостеля.[3] Несомненно, что расстояние между обликами этих социальных групп, определяемых одним понятием, но в разные эпохи, весьма велико. Есть смысл поискать следы столь существенных перемен, случившихся примерно за столетие,[4] в источниках конца XV—середины XVI в. Небольшая, но значимая совокупность известий о «дворянах» сохранилась в документации посольских книг по сношениям России с Великим княжеством Литовским. Выявление заключенной в них информации и ее анализ есть предмет данной статьи.

Несколько предварительных замечаний. Хронология определена двумя обстоятельствами: начальной датой первой уцелевшей посольской книги (октябрь 1487 г.) и датой последней дипломатической миссии в правление Василия III (октябрь 1532—январь 1533 г.). Помимо логики русско-литовских отношений в эти годы период обладает определенным единством с точки зрения истории великокняжеского двора в России. Сами книги представляют приказные (канцелярские) копии с комплексов грамот и памятей, возникших при подготовке дипломатической миссии, в ее ходе и по завершении. Интересующие нас сведения содержат тексты верительных грамот с обозначением статуса лица, направляемого в Великое княжество Литовское (далее — ВКЛ). В редких случаях, когда верительные грамоты по тем или иным причинам отсутствуют, соответствующую информацию можно извлечь из другой документации. Приведенная ниже сводка охватывает время за 1485—1505 и 1517—1533 гг. Лакуна между 1505—1517 гг. (посоль-

---

[2] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 107—109, 113—117, 119—131 и др.

[3] См. подробнее: *Назаров В. Д.* 1) «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978. С. 104—123; 2) «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгородс XIV—XV вв. (в печати). — Нами подготовлена также работа о «дворянах» в летописных памятниках XV—середины XVI в.

[4] Последние упоминания о «дворянах» как судебных приставах и младших чинах княжеского двора датируются третьей четвертью XV в. (*Назаров В. Д.* «Дворянин» в актах и грамотах...). — Первые известия о «московских» и «выборных» «дворянах» относятся к 1550-м—началу 1560-х гг., а первые уцелевшие учетные документы не выходят за рамки 1570—1580-х гг.

ская книга за эти годы утрачена, в период 1514—лета 1517 г. сношений не было) восполняется отчасти «Выпиской из посольских книг», составленной при Иване IV после 1572 г. К сожалению, в кратком компендиуме не уцелели указания на статус дипломатических агентов.[5]

Всего в нашем распоряжении 12 случаев отправки «дворян» в ВКЛ в качестве гонцов или посланников. Приведем их в хронологическом порядке с необходимыми дополнительными сведениями.

1. До 7 октября 1487 г. «Дворянин» (его имя осталось неизвестным) направлен Иваном III к Казимиру, польскому королю и великому князю литовскому, «с отказом» на кн. И. М. Воротынского, «бившего челом в службу» московскому государю (упоминание содержится в деле о приеме королевского посланца — кн. Т. Мосальского).
2. 15 декабря 1489 г. (здесь и далее без специальных оговорок приводится дата верительной грамоты). «Дворянин Григорий» (это Григорий Афанасьев сын Путятин) послан в ВКЛ «с отказом» на кн. Д. Ф. Воротынского.
3. 4 января 1493 г. «Дворянин Дмитрий Давыдов сын Загрязской» (Загряжский) отправлен в ВКЛ в сопровождении Т. Губина с подтверждением «отказа» от службы великому князю литовскому Александру ряда пограничных служилых князей и по поводу грабежа их вотчин с литовской стороны.[6]
4. 2 августа 1494 г. «Дворянин Васка Свитин» должен был сообщить Александру об освобождении из тюрьмы князей Мезецких и о «приезде» кн. С. Р. Мезецкого «служить» Ивану III.
5. Февраль 1498 г. «Дворянин» Иван Иванов сын Телешов направлен в ВКЛ по поводу задержания наместником Киева российского посла (возвращавшегося из Турции) и сопровождавших его русских и иностранных купцов (верительная грамота не сохранилась, уцелсло лишь указание на наименование в ней И. И. Телешова «дворянином»).
6. 5 июля 1498 г. «Дворянин Олешка Голохвастов» (это Александр Яковлев сын Голохвастова) послан к великому князю Александру с речами и списками «обидных дел» о грабежах русских купцов в Смоленске, наездах на пограничные с ВКЛ земли Великого княжества Рязанского и иных конфликтах.[7]
7. 4 июня 1503 г. «Дворянин Ивашка Черница Александров сын Безобразова» отправлен гонцом с «речами» и с «памятью» (грамотой. — *В. Н.*) к русским послам (его статус определен в грамоте от имени Ивана III литовскому наместнику в Смоленске Ст. Петряшковичу).

---

[5] Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. II—V, 1—478, 500—869. — Отрывок выписки за 1505—1514 гг. (она начинается с 1487 г.) опубликован: там же. С. 479—499.

[6] Там же. С. 5, 40, 81—82, 84.

[7] Там же. С. 144; 156; 244; 261—265. — И. Б. Михайлова называет А. Я. Голохвастова «послом» и «отправляет» к нему в качестве гонца «младшего родственника» Григория Казарина (Голохвастова? — *В. Н.*). См.: *Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси... С. 234. — Определение ею дипломатического ранга «Олешки Голохвастова» (именно так он именуется в верительной грамоте) принципиально ошибочно. Документы о поездке А. Голохвастова в ВКЛ не знают ни Гр. (Казарина) Голохвастова, ни об отправке к А. Голохвастову вообще какого-либо гонца.

8. 7 февраля 1505 г. «Дворянин Иван Александров сын» (это Иван Рахманин Александров сын Тилилин) направлен в ВКЛ к королю и великому князю Александру по поводу пограничных конфликтов и к великой княгине Елене (дочери Ивана III) с грамотой, подарками и запрошенными ею предметами (верительная грамота не сохранилась, статус гонца как «дворянина» фигурирует в грамотах к Елене, наместнику в Смоленске, виленскому епископу и виленскому воеводе).[8]
9. Февраль 1524 г. (дата в тексте верительной грамоты отсутствует). «Дворянин Григорий Дмитриев сын Загрязской» (Загряжский; это сын Д. Д. Загряжского, см. № 3 сводки) отправлен по поводу разного рода конфликтов (в том числе со списком «обидных дел»), ему же вменялось получение важной информации (в частности, о польско-турецких отношениях, о судьбе бежавшего в 1521 г. в ВКЛ великого князя Рязанского и т. д.) и сообщение сведений о событиях в России в ответах на вопросы литовской стороны (о характере российско-казанских отношений и о планах Василия III в отношении Казанского ханства, о причинах и масштабах вывода землевладельцев из Смоленской земли и т. п.); ему был придан подьячий И. В. Филиппов.
10. 12 июня 1524 г. «Дворянин Иван Федоров сын Курицына» послан с просьбой о выдаче проезжих грамот через территории ВКЛ и Короны послам Империи в Россию и российским в Империю.[9]
11. 9 апреля 1525 г. «Дворянин Федор Григорьев сын Офонасьева» направлен в ВКЛ в сопровождении подьячего Ф. Филиппова по поводу пограничных «обидных дел» и с запросом на проезжие грамоты послу папы в Россию (при его возвращении) и российскому гонцу к папе; он должен был также изложить российскую позицию о принадлежности ряда пограничных волостей (с отсылкой на соответствующие договора) в том случае, если литовская сторона поднимет эту проблему, и в ответ на возможные вопросы сообщить подготовленную ему информацию об отношениях России с Казанью, Крымом, Османской империей, Ногайской ордой, а также по другим темам.
12. Начало февраля 1529 г. «Дворянин Федор Григорьев сын Офонасьева» послан в связи с новыми пограничными конфликтами, с запросом на проезжие грамоты для «больших» российских послов в Молдавию и возвращающихся молдавских дипломатов, с изложением российской позиции по спорным проблемам (о контроле за условиями содержания пленных, о размежевании и т. п.) и с подготовленной ему информацией о внутреннем и международном положении России в ответ на возможные вопросы.[10]

Сформированную базу данных рассмотрим по следующим параметрам: во-первых, характер дипломатических миссий с точки зрения их задач, продолжительности и численного состава; во-вторых, генеалогический и возрастной состав, социальный статус «дворян» — дипломатических агентов;

[8] Сб. РИО. Т. 35. С. 432—433, 473—477.
[9] Там же. С. 678—682, 687—691.
[10] Там же. С. 692—698, 769—779.

в-третьих, их предшествующая и последующая служебная биография (в тех случаях, когда есть хотя бы отдельные сведения на сей счет). Наша выборка, бесспорно, невелика, и дополнительная информация может быть извлечена из нее при сопоставительном анализе с подборкой сведений о дипломатах с близкими по характеру поручениями, но с иным официальным статусом. Имеем в виду «детей (сыновей) боярских» в роли дипломатических гонцов или же посланников.

Сначала о «качестве» дипломатических командировок «дворян». Это, как правило, краткие поездки (в известных случаях от 1.5 до 3—4 месяцев[11]) одного лица (только в двух случаях «дворянина» сопровождает подьячий,[12] ни разу не упомянуты иные официальные персоны) с поручением сообщить информацию (запрос) чаще по одному, реже по двум сюжетам и доставить полученные ответы, в том числе в письменном виде. Способ передачи — «речи» (дело ограничивалось одним-двумя приемами в начале миссии «дворянина» и в канун его отъезда; текст «речей» фиксировался в выдаваемых ему «памятях»), а также грамоты (верительные, «проезжие на образец» и т. п.) и «списки» (почти исключительно «обидных дел»). Традиционный регламент таких «командировок» никаких переговоров не предусматривал, «дворяне» не обладали соответствующими полномочиями в силу своего статуса и дипломатического ранга. В виде исключения «дворянин» мог заявить российскую позицию в соответствии с выданной ему «памятью» по спорным вопросам (главным образом территориальным), но только если литовская сторона поднимет данную проблему во время приема. Три темы решительно превалировали в «дворянских миссиях»: «отказы» на служилых князей (1487—1500 гг.); запросы на проезжие грамоты через территории ВКЛ российским посольствам и иностранным послам (обычно при возвращении из России); конкретные конфликтные ситуации по земельным и имущественным спорам, как правило, в пограничных районах и городах. Уровень миссии определялся также характером передачи имени посланца в верительных грамотах. Варианты таковы: одно имя (Григорий, из сопутствующих текстов понятно, что это Г. А. Путятин[13]); имя в уменьшительном виде только с фамильным прозвищем («Васка Свитин», «Олешка (Александр) Голохвастов»[14]) или в полном виде («Ивашка Черница Александров сын Безобразова»[15]); имя с отчеством на «-ов» («Иван Александров сын», это И. А. Рахманин Тилилин[16]), развернутое именословие с отчеством на «-ов» (Дмитрий Давыдов сын Загряжского, Григорий Дмитриев сын Загряжского, Иван Федоров сын Курицын, Федор Григорьев сын Афанасьева[17]).

Дипломатических миссий, порученных «детям боярским», было в указанный период более двадцати. По срокам, целям (темам), регламенту они не отличались принципиально от дипломатических поездок «дворян». Больше круг вопросов, с которыми их отправляли в ВКЛ, соответственно объем-

---

[11] Там же. С. 678—683, 688—698, 769—776.
[12] Там же. С. 678, 692 (см. № 9 и 11 сводки).
[13] Там же. С. 40.
[14] Там же. С. 144, 261.
[15] Там же. С. 432—433.
[16] Там же. С. 475—477.
[17] Там же. С. 81, 678, 688, 692, 769.

нее их функции и полномочия. Заметнее существенные различия в другом — в составе миссий и характере именования «детей боярских». Так, «сына боярского» кн. Ф. И. Палецкого сопровождало в 1488 г. четверо детей боярских и подьячий, А. С. Кутузова в 1499 г. — сын боярский из Вязьмы, а И. Г. Мамонова в том же году — и сын боярский, и подьячий, при К. Т. Замыцком в 1504 г. находился толмач, а при Б. Я. Голохвастове в 1529 г. (по первому варианту поездки) — сын боярский.[18] Разница в сравнении с миссиями «дворян» ощутимая.

Так же обстоит дело с передачей имен. В грамотах с «детьми боярскими» никогда не употреблялись уменьшительные имена или только имена. В одном случае налицо дополнительное определение: Б. Я. Голохвастов назван «ближним нашим человеком».[19] В пяти документах указано высокостатусное отчество на «-вич»: в 1488 г. кн. Палецкий именуется «Федором Ивановичем» (правда, фамилия не приведена, но этого и не требовалось из-за его хорошей известности партнерам); в 1492 г. фигурирует Иван Никитич Беклемишев (знаменитый впоследствии Иван Берсень Беклемишев), в 1494 г. — Василий Григорьевич Наумов, в 1496 г. — Михаил Кляпик Степанович Еропкин (фамильное прозвище опять-таки не названо в силу его известности в ВКЛ). Наконец, в 1504 г. в грамоте в Смоленск говорится о Константине Тимофееве сыне Петровича Замыцкого.[20] В двенадцати грамотах приведено полное наименование «сына боярского» с отчеством на «-ов/-ев». Михаил Степанов сын Еропкин назван трижды — в 1488, 1490 (без указания фамилии) и в 1494 гг. (с фамилией, в составе «большого» посольства); Дмитрий Давыдов сын Загряжский фигурирует дважды — в 1497 и в 1500 гг., а Иван Григорьев сын Мамонов — дважды в одном 1499 г. По разу отметились Федор Степанов сын Еропкин в 1490 г. (без указания фамилии, как и его брат), Федор Семенов сын Кутузов (1495 г.), Андрей Семенов сын Кутузов (1499 г.), Борис Яковль сын Голохвастова (1529 г.) и Василий Олферьев сын Нащокина (1532 г.).[21] И только у четырех «детей боярских» в верительных документах указаны имена и фамильные прозвища: Андрей Карамышев (1488 г.), Семен Ступишин (1495 г.), Третьяк Долматов (дважды — в 1495 и 1496 гг.) и Василий Полукаров (1522 г.).[22]

Проведенные сопоставления свидетельствуют о более престижном ранге дипломатических миссий, выполнявшихся или возглавлявшихся «детьми боярскими», по сравнению с «дворянскими». Факты служебной биографии Д. Д. Загряжского подтверждают это: «дворянин» поездки в ВКЛ 1493 г., позднее (в 1497 и 1500 гг.) он направляется туда уже как «сын боярский».[23] Обратные примеры неизвестны.[24]

---

[18] Там же. С. 13, 145, 220, 278—279, 289, 294, 802—804.

[19] Там же. С. 802.

[20] Там же. С. 13, 61, 145, 220, 465. — М. С. Клепик Еропкин фигурирует с отчеством на «-вич» (но снова без фамильного прозвища) в 1503 г. в списке «больших» российских послов в ВКЛ (он был третьим послом. См.: там же. С. 413).

[21] Там же. С. 6, 42, 52, 138, 178—179, 235, 274—275, 278—279, 289, 294, 802, 810.

[22] Там же. С. 18, 174, 201, 213, 611.

[23] Там же. С. 802, 820—822 и др.

[24] Такими нельзя считать факты служебной биографии И. А. Тилилина. В 1494 г. он в качестве одного из «детей боярских» входил в группу лиц, обслуживавших под командой высокостатусной персоны послов ВКЛ. В 1503 г. он состоял в свите «детей бояр-

О возрастном составе позволительны только догадки. С уверенностью можно говорить, что некоторым «дворянам-дипломатам» было не менее 25—30 и более лет. И. Ф. Курицын, сын знаменитейшего дьяка Ф. В. Курицына, родился никак не позднее года смерти отца (тот умер, скорее всего, в конце весны или летом 1500 г.), так что к середине 1524 г. ему было не менее, а скорее заметно более 24 лет. Первая служба И. А. Тилилина относится к 1494 г., «дворянином в командировке» в ВКЛ он был в 1505 г. Еще больший временной разрыв у Г. Д. Загряжского: в 1510/11 г. он ездил с отцом в ВКЛ, «дворянином» же он отправился туда в 1524 г. (через 13 лет). И. И. Телешов как «дворянин-дипломат» посетил ВКЛ в марте 1498 г., а в августе 1502 г. он уже великокняжеский дьяк, выполнявший личное и важное поручение Ивана III (т. е. ему было вряд ли меньше 35—40 лет).[25] Вместе с тем наименование в отдельных случаях «дворян» только по имени (Г. А. Путятин) или в уменьшительной форме («Васька Свитин») говорит, возможно, в пользу их относительной молодости (ок. 18—20 лет). Впрочем, для определенно юных лиц на курьерско-дипломатических назначениях существовал особый термин — «паробок», он редко, но все же встречается на листах посольских книг.

Служебные биографии «дворян-дипломатов» прочно связаны с дворцово-приказной средой, известный нам их карьерный предел — статус великокняжеского дьяка. Этот чин получили И. И. Телешов (не позднее августа 1502 г.), Г. Д. Загряжский (не позднее 1537 г., но, возможно, еще в середине 1530-х гг. он был одним из разрядных дьяков), И. Ф. Курицын (не позднее лета 1540 г.).[26] Федор Григорьев сын Афанасьев был, по нашему мнению, сыном Григория Афанасьева сына Путятина (между упоминанием последнего в качестве «дворянина-дипломата» в ВКЛ в 1489 г. и первым служебным назначением Федора гонцом от Василия III в Смоленск летом 1520 г. почти классическая разница между двумя последовательными поколениями — 31 год) и соответственно входил в немногочисленный, но весьма значимый дьяческий клан Путятиных. Судя по его последней службе в интересующее нас время (в августе 1529 г. он был первым приставом при «больших» литовских послах на Москве, и под его началом помимо приставов и подьячих находились 20 детей боярских недельщиков), дьяческая карьера была для него реальной.[27] Сыном дьяка конца XV—начала XVI в. Алексея

ских» при послах в ВКЛ (там же. С. 134, 413, 426 и др.). Ни в первом, ни во втором случае не было и речи о самостоятельной службе. В 1505 г. «дворянин» И. А. Тилилин выполнял «именную», самостоятельную службу.

[25] Там же. С. 134, 243—245, 335, 339, 473—477, 495, 678.

[26] Там же. С. 335, 339; Разрядная книга (далее — РК). М., 1966. 1475—1598 гг. С. 97; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 189, 278—280 (в гснеалогической таблице на с. 279 старшим сыном Ф. В. Курицына показан Иван, что, скорее всего, является ошибкой; судя по уровню и датам карьер, старшим братом был Афанасий, а Иван младшим); *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. [Т.] 87. С. 237, 245—248, 271—272 (с некоторыми неточностями о Загряжском и др.).

[27] О Путятиных см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 441—442; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. С. 263—265. — В дворовом сыне боярском по списку «литва дворовая» в Юрьеве-Польском «Андрюшке Федорове сыне Путятине» (с пометой «в разбое почернен»), быть может, надо видеть сына Ф. Г. Афанасьева (ТКДТ. С. 155).

(Александра) Безобразова был И. А. Черница Безобразов, записанный в походном списке дворовых 1495 г. в перечне постельников.[28] Для всех этих лиц из дьяческо-приказной среды типичны службы (за вычетом дипломатических миссий) пристава при литовских послах и посланниках как по дороге к Москве от границы и назад, так и в самой столице, на придворных приемах и т. п. (отец и сын Загряжские, Ф. Г. Афанасьев; об И. Ф. Курицыне, И. И. Телешове, Г. А. Путятине таких сведений не сохранилось). Их дети и близкие родственники записаны в Дворовой тетради, а отдельные персоны — в тысячниках 3-й статьи.[29] В клане Голохвастовых дьяков не было, но их тесная связь с двором и дворцовым аппаратом не подлежит сомнению. Службы А. Я. Голохвастова вполне типичны: в 1494 г. (за четыре года до его поездки в ВКЛ как «дворянина» Ивана III) его включили в свиту из пяти детей боярских при главном русском после, кн. В. И. Патрикееве, а уже после своей миссии, в 1501 г., он исполнял должность пристава при после короля Владислава (от Москвы до Дорогобужа).[30] В середине XVI в. были заметны дети Б. Я. Голохвастова. Иные служебные назначения В. Свитина нам неизвестны, службы И. А. Рахманина Тилилина сравнительно многочисленны: он в свите «детей боярских» под началом И. Г. Морозова ездил «поить» литовского посла в ВКЛ (1503 г.), был приставом в 1508/09, 1514—1515 гг. (при турецком после), осенью 1517 г.[31]

Генеалогический состав «дворян-дипломатов» достаточно определен. Среди них практически нет представителей второстепенной нетитулованной знати (из старомосковских или старотверских служилых боярских родов), за одним, притом условным, исключением: Курицыны (как недавно доказано[32])

---

[28] *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. С. 226; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 47; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 26. — О постельниках по походному списку членов двора 1495 г. см.: *Назаров В. Д.* 1) Генеалогический состав постельников Ивана III (по списку двора 1495 г.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 11—13 апреля 2001 г. Материалы конференции. М., 2001. С. 139—146; 2) Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV—XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 575—578, 582—583. — И. Б. Михайлова неточна в изложении сведений об И. А. Чернице Безобразове (*Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси... С. 109—110).

[29] Так, оба сына И. Ф. Курицына записаны дворовыми по Клину, а старший — тысячником 3-й статьи по Клину; трое Загряжских были тысячниками 3-й статьи по Боровску и дворовыми по этому городу; более десяти представителей Безобразовых зафиксированы Дворовой тетрадью, а двое из них включены в состав тысячников 3-й статьи по Вязьме и Дмитрову (ТКДТ, по указателю).

[30] Сб. РИО. Т. 35. С. 138, 307. — К сожалению, в книге И. Б. Михайловой в небольшом разделе о Голохвастовых есть ряд фактических неточностей (*Михайлова И. Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси... С. 233—234; см. выше, примеч. 7).

[31] Сб. РИО. Т. 35. С. 134, 413, 426, 428, 486, 489, 501—502, 547; там же. СПб., 1895. Т. 95. С. 95, 97, 105.

[32] *Булычев А. А.* Потомки «мужа честна» Ратши. Генеалогия дворян Каменских, Курицыных, Волковых-Курицыных. М., 1994; *Агоштон М.* К проблеме о родословии дьяка Федора Курицына // Государев двор в истории России XV—XVII столетий. Материалы Международной научно-практической конференции. 30 октября—1 ноября 2003 г. Александров; Владимир, 2006. С. 139—146.

были старшей линией (Каменские) в младшей ветви потомков Акинфа Великого. Впрочем, в отличие от двух старших ветвей потомки Романа Каменского захудали еще к середине XV в. Так что дьяческая карьера Курицыных была для фамилии едва ли не единственным вариантом придворно-дворцовой карьеры и вертикальной их мобилизации. К поднимающимся фамилиям следует отнести Безобразовых, Голохвастовых, Загряжских, Путятиных, хотя по собственно генеалогическим основаниям они принадлежали к сравнительно обширному слою, включавшему низшие группы великокняжеского двора и верхушку части местных корпораций детей боярских. Еще ниже был генеалогический статус В. Свитина (в Дворовой тетради записаны пятеро Свитиных по перечню «Литвы дворовой» по Медыни, а двое — по Боровску) и И. А. Тилилина.

Существенно иным был генеалогический облик «детей боярских — дипломатов». Их можно разделить на несколько разрядов. Первая группа состояла из представителей фамилий второстепенной по происхождению знати. Это М. С. и Ф. С. Еропкины, К. Т. Замыцкий, А. С. и Ф. С. Кутузовы, И. Г. Мамонов, В. О. Нащокин, кн. Ф. И. Палецкий. Палецкие (младшая линия младшей ветви княжеского дома Стародубских Рюриковичей) во второй трети XVI в. получали уже думные чины, первоклассные воеводские назначения, войдя тем самым в круги первостатейной знати. Остальные лица происходили из фамилий старотверских боярских служилых родов (Нащокин) и старомосковских (все остальные). В годы правления Ивана III и Василия III они и их родственники получали именные назначения. В сформированном при отъезде княжны Елены Ивановны (дочери Ивана III) в ВКЛ ее дворе (она предназначалась в супруги великому князю Литовскому Александру) А. С. Кутузов стал вторым окольничим (1495 г.; двор, а вместе с ним и думный чин Кутузова просуществовали совсем недолго). М. С. Еропкин уже к марту 1503 г. получил должность и чин сокольничего (значимый пост в дворцово-путной сфере). Кн. Палецкий был воеводой еще летом 1502 г.[33]

Вторая группа близка по генеалогическим и служебным характеристикам к выделенной нами верхней страте «дворян-дипломатов». При этом в целом они были несколько успешнее, а их назначения престижнее. Включаем в эту группу И. Н. Берсеня Беклемишева, Б. Я. Голохвастова, В. В. Третьяка Долматова,[34] Д. Д. Загряжского, А. В. Карамышева, В. Г. Наумова, С. Ступишина. Дьяки (отцы и родственники) способствовали заметному карьерному росту некоторых из них (Никита Беклемишев, Василий Долматов, Александр Карамышев). Хотя их прочные позиции в придворно-дворцовой среде были следствием множества факторов. Ан. В. Карамышев во дворе Елены получил пост первого конюшего, И. Н. Беклемишев и В. В. Долматов в компании знатных персон (Ф. А. и М. А. Плещеевы, И. И. Ощерин) ездили «поить» на подворья «больших» послов, литовских и чешского короля, названные лица получали также иные значимые назначения и поруче-

---

[33] Сб. РИО. Т. 35. С. 6, 13, 42, 52, 138, 163—164, 178—179, 220, 274—275, 278—279, 289, 403, 860; РК 1475—1598. С. 34; см. также: *Назаров В. Д.* Нетитулованная знать... С. 579—581.

[34] В литературе нередко смешиваются биографии В. В. Долматовых — отца и сына. Детальный разбор этого сюжета оставляем до следующего случае.

ния.[35] О престижности ряда лиц из обеих обозначенных групп «детей боярских» говорит их именование в верительных грамотах с отчеством на «-вич» (из первой группы — кн. Ф. И. Палецкий, М. С. Кляпик Еропкин, К. Т. Замыцкий, из второй — И. Н. Берсень Беклемишев, В. Г. Наумов). К «всенародству» служилых фамилий провинциальных детей боярских относим В. Полукарова.[36]

Итак, между дипломатическими агентами со статусом «детей боярских» и «дворян» налицо ощутимые различия и определенные сближения. Суммируем отличия. Ранг миссий во главе с «детьми боярскими» выше, они нередко являются миссиями в точном смысле слова (состоят из двух и более лиц), круг поручений немного шире, полномочия больше (они чаще в определенных ситуациях имели право вступать в переговоры), сами главы миссий или «дипломаты-одиночки» были в целом более знатными, более успешными в карьерном плане и более зрелыми по возрасту людьми.

Вместе с тем нет пропасти и даже принципиальной разницы между «детьми боярскими» и «дворянами» в роли дипломатов. Подчеркнем важнейшую особенность: «дворяне» на листах посольских книг появляются только в документах российских миссий в ВКЛ. Помимо приведенных выше персональных примеров укажем на посольство тверского дворецкого М. Ю. Захарьина и дьяка В. В. Долматова в 1511 г.: с послом в ВКЛ отправились пятеро дворян (их имена в «Выписке» отсутствуют).[37] Но источнику неизвестны «дворяне» на разных службах по тому же дипломатическому ведомству внутри России. Иным словами, термин «дети боярские» проявляет прежде всего «благородное» социальное качество персоны (в общей сословной структуре государства), а понятие «дворянин/дворяне» сигнализирует внешнеполитическому партнеру в первую очередь факт принадлежности данного лица к великокняжескому двору. Отсюда известная взаимозаменяемость, а отчасти и взаимная дополняемость этих терминов. Самый выразительный пример с Б. Я. Голохвастовым: «сын боярский, ближний нам человек» в верительной грамоте (в юридически строгом документе, в том числе в отношении статуса дипломата), он именуется далее в «речах» российской стороны (менее юридически обязывающем тексте) «дворянином».[38] И. А. Рахманин Тилилин фигурирует как сын боярский в 1494 и 1503 гг., но в 1505 г. отправлен в ВКЛ «дворянином».[39] «Дворянин» в ВКЛ в 1493 г. Д. Д. Загряжский включен в походный список двора 1495 г. в составе именно «детей боярских» и в таком статусе «командируется» в ВКЛ в 1497 и 1500 гг.

---

[35] Сб. РИО. Т. 35. С. 18, 61, 108, 145, 157, 163—164, 174, 201, 213, 235, 290—291, 802 и др.; РК 1475—1598. С. 17, 33, 35; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV—первой трети XVI в. С. 233—235, 239; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 49, 155—156, 225. — Никита Беклемишев (после кратковременного дьячества) и Александр Карамышев (после службы в уделе кн. Андрея Большого Васильевича) получали в 1490-е гг. престижные административные назначения (*Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. М., 2000. С. 152).

[36] Сб. РИО. Т. 35. С. 611.

[37] Там же. С. 492—493.

[38] Там же. С. 802, 820—822 и др.

[39] См. выше, примеч. 24.

В том же походном списке 1495 г. И. А. Черница Безобразов фигурирует в рядах постельников, а «дворянином» (для миссии в ВКЛ) он становится в 1503 г. К концу периода ощутима тенденция сближения «дворянских» миссий с теми, во главе которых стоят «дети боярские». В середине 1520-х гг. у «дворян» появились подьячие, в отдельных случаях и в определенных ситуациях им позволялось высказывать российскую точку зрения по спорным вопросам, не входившим изначально в порученные им дела и претензии.[40] К тому же в 1520-е гг. происходит некоторая подвижка в персональном составе «дворян-дипломатов»: все они из верхних слоев дворцово-приказной среды (Г. Д. Загряжский, И. Ф. Курицын, Ф. Г. Афанасьев, которого мы причисляем к дьяческой фамилии Путятиных). Наметившиеся подвижки в содержательных планах термина «дворянин/дворяне» еще не означали кардинальных перемен. Искать «дворян» в правление Василия III в статусных, а тем более в высокостатусных стратах двора бесполезно. Со второй трети XV в. в летописных, а отчасти делопроизводственных текстах краткая формула описания двора звучала так: «бояре, князи и дети боярские» (под первыми понимались думные и путно-дворцовые чины; в отдельных случаях и в специфических контекстах к этому перечню добавлялись на последнем месте «дворяне»).

Но как бы то ни было, налицо актуализация понятия «дворянин» в его исконном значении («член княжеского/великокняжеского двора»). Этому несомненно способствовали «литовские» реалии в сношениях России с ВКЛ. Если исключить «большие» посольства, то среди посланников, глав небольших (по составу) миссий, направляемых литовской стороной в Москву, решительно преобладали господарские (великокняжеские) «дворяне». В более чем 20 случаях таких дипломатических акций упомянуто более десятка лиц со статусом «дворянина» (на долю Богдана и Станислава Довгирдов пришлось не менее 11 поездок в Москву). Показательно, что в конце XV в., но особенно начиная с рубежа 1510—1520-х гг. верительные грамоты именуют литовских дипломатов не просто «дворянами», но «панами дворянами». В данных случаях термин «пан» подчеркивал или несомненную знатность происхождения фамилии, или высокое положение представителй рода в эти годы в системе государственного управления и должностей двора. Так, «дворянин наш, пан Василий Хребтович» (1491 г.), ездил от Казимира послом к великому князю Рязанскому еще в 1486 г. Трое Хребтовичей были земскими и дворными подскарбиями (казначеями) в 1488—1504 гг. (двое из них попали в 1508 г. в волну репрессий против сторонников кн. М. Глинского), их сыновья и вдовы присутствуют в «господарской части» описи войска ВКЛ 1528 г.[41] В недалеком будущем они войдут в магнатские слои ВКЛ. Аналогичные уряды в начале XVI в. занимали члены рода Боговитиновичей, как и Хребтовичи, происходившие из элитных слоев древнерусских земель в соста-

---

[40] РК 1475—1598. С. 25—26; РИО. Т. 35. С. 81, 235, 290—291, 678—683, 692—698.

[41] Сб. РИО. Т. 35. С. 53, 56; *Гудавичюс* Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 344, 414—415, 491, 500, 522; Перапіс войска Вялікага княства Літоускага 1528 года. Мінск, 2003. С. 50, 54, 56. — Род происходил из древнерусских земель ВКЛ.

ве ВКЛ.[42] К верхушке полоцкого боярства (шляхты) принадлежали Епи- маховы. Именословие «дворянина нашего Петра Семеновича Епимахова» (1503 г.) вообще уникально: больше никто из литовских «дворян» не именуется с отчеством и тем более с отчеством на «-вич».[43] Довгирды (из этнически собственно литовских родов), ездившие в Москву в 1505—1524 гг., высоко поднялись при Витовте и сохраняли престижные позиции еще в середине XV в. (один из них был виленским воеводой). Позднее их значение заметно ослабло, но в любом случае они входили в верхушечные слои шляхты в Троцком, отчасти Виленском воеводствах, одновременно занимая статусные позиции при дворе.[44] Примерно такого ранга были «дворяне» из Бокеев (1498 г. и др.), Есмановичей (1527 г.).[45] Конечно, в «литовских дворянах» побывали и куда менее значимые лица (В. Дорожкович, Н. Шестаков),[46] но преобладание более знатных и статусных персон очевидно. Итак, литовская практика назначений на пост дипломатического агента в Россию свидетельствует не просто о принадлежности таких лиц к двору монарха, но о знатном их происхождении и значимых позициях (их или близких родственников) при великом князе литовском.

Этот «литовский» опыт несомненно учитывался российской стороной в дипломатических сношениях с ВКЛ (характерно, что термина «дворянин/дворяне» нет в документах по связям с Крымским ханством, Ногайской Ордой). Эта практика возвращала понятию его изначальный, корневой смысл, причем речь шла об исконно древнерусском слове. Более того, наметилась тенденция к экспансии термина «дворянин/дворяне» в рамках структурных слоев двора. Даже не стоявшие высоко «дворяне» и представители дворцово-приказной среды в конце XV—первой трети XVI в. обладали для современников намного более престижным статусом, чем «дворяне-министериалы» князя в XII—XV вв. И что важно: этот смысл термина становится ведущим в приказной посольской документации сношений с ВКЛ (а они были наиболее интенсивными в «западной» внешней политике России), и тем самым он прочнее закреплялся в социально-политическом словаре верхов российского общества. «Дипломат-дворянин» эпохи Ивана III и Василия III уже совсем не равен «дворянину-приставу» и «дворянину-ездоку» актов и грамот XIV—XV вв., дожившему (в единичных примерах) до 1470-х—начала 1480-х гг. Но он еще не «дозрел» до дворян эпохи Ивана IV и Федора Ивановича — до «московских» и «выборных» дворян в разрядных учетных документах и поздних нарративах.

---

[42] Сб. РИО. Т. 35. С. 813; *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен... С. 409, 414, 547; Перапіс войска... С. 148 (главные маетности И. Боговитиновича находились на Волыни).

[43] Сб. РИО. Т. 35. С. 445; Перапіс войска... С. 154.

[44] Сб. РИО. Т. 35. С. 478, 479, 488, 490, 492, 495—499, 608, 674, 683; *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен... С. 274—278, 292—294, 301, 409 и др.; Перапіс войска... С. 92—93.

[45] Сб. РИО. Т. 35. С. 246, 761, 835; *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен... С. 342, 631 и др.; Перапіс войска... С. 53, 74, 112.

[46] Сб. РИО. Т. 35. С. 258 (1498 г.), 596 (1521 г.).

П. В. Чеченков

ПУТИ МОСКОВСКОЙ ПОЛИТИКИ В НИЖЕГОРОДСКОМ КНЯЖЕСТВЕ (первая половина XV в.)

Проблема присоединения Нижегородского великого княжества к Московскому в последнее время привлекла к себе пристальное внимание исследователей. Еще недавно в советской историографии история княжества заканчивалась 1392 г., датой получения ярлыка князем Василием Дмитриевичем на Нижегородское княжение, Муром, Мещеру и Тарусу. Теперь в результате публикации ряда специальных работ прояснена сложная, исполненная драматизма картина подчинения Москвой одного из крупнейших государственных образований Руси. Установлено, что вплоть до середины XV в. шла упорная и ожесточенная борьба за обладание этим стратегически важным регионом между московскими князьями, представителями местной суздальской династии и ордынскими ханами.[1] Вместе с тем основное внимание исследователями было уделено именно военно-политическому противоборству, взаимоотношениям князей и ханов, уточнению хронологии правления Нижним Новгородом, Городцом на Волге и Суздалем. Однако стремление Москвы подчинить себе новые земли не исчерпывалось приобретением ярлыков в Орде, ратными походами и перемириями с суздальскими князьями. Для создания опоры своего властвования необходимо было организовать определенную социальную и военную базу. Некоторые, вероятно не все, пути московской политики в этом регионе отразились в наших источниках, несмотря на крайнюю фрагментарность последних. Прež-

[1] *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV—середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 140—170; *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 35—82; *Пудалов Б. М.* Нижегородское Поволжье в первой трети XV века (Новый источник) // Городецкие чтения. Городец, 2000. Вып. 3. С. 97—102; *Чеченков П. В.* 1) Интеграция нижегородских земель в политическую систему великого княжества Московского в конце XIV—первой половине XV в. // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости — памятника архитектуры XVI в. Нижний Новгород, 2001. С. 45—57; 2) Городецкий удел в конце XIV—начале XV в. // Городецкие чтения. Городец, 2003. Вып. 4. С. 30—41. — Отдельную главу своей монографии посвятил «поглощению» Нижегородского княжества С. А. Фетищев. См.: *Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389—1395 гг. М., 2003. С. 95—132.

© П. В. Чеченков, 2007

де всего здесь исследователю помогает актовый материал, возможности которого для изучения процесса создания единого Русского государства реализованы еще не до конца.

Получение Василием Дмитриевичем ярлыка в 1392 г. стало началом жесткого противостояния с местными Рюриковичами. По-видимому, в скором времени с ними был достигнут временный компромисс. В соответствии с ним данной княжеской династии во главе с Борисом Константиновичем было передано родовое Суздальское княжество, являвшееся одной из составных частей великого княжества Нижегородского.[2] В то же время за представителями суздальской династии были не только их родовые земли, но и отдельные волости на нижегородско-городецкой территории, переданные в держание московским князем. Об этом свидетельствует докончание Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским (около 1401—1402 гг.). Согласно документу, между князьями проводился обмен земель, в том числе вместо Волока Владимир получал «въ оудѣл и в вотчину... Городця с волостми...». При этом оговаривалось: «А чѣм есмь пожаловал князя Ивана Борисович(а), а в то ся князю Володимеру и его дѣтем не въступати».[3] По убедительному предположению Л. В. Черепнина, речь идет об Иване Борисовиче Тугом Луке, младшем сыне Бориса Константиновича.[4]

Известны две данные тарханные несудимые грамоты Даниила Борисовича Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на воды и рыбные ловли в низовьях Клязьмы, где располагалась Гороховецкая волость, «тянувшая» к Нижнему Новгороду.[5] Документы не содержат указаний на время выдачи и датируются условно по упомянутым в них архимандритам: первый около 1394—1404 гг., второй 1405—1415 гг. Оба акта выданы суздальскому монастырю, но не на суздальскую, а на нижегородскую территорию. Притязания Даниила на нижегородский стол в грамотах не просматриваются. Об этом свидетельствует титул князя, не содержащий таких элементов, как «великий» и «нижегородский». Следовательно, так же как и его младший брат, Даниил был пожалован этой землей Василием I.[6] Сложно сказать, сложилась ли такая ситуация еще при Борисе Константиновиче (скончался

---

[2] *Горский А. А.* Судьбы... С. 147—148; *Чеченков П. В.* Интеграция... С. 46.

[3] ДДГ. № 16. С. 43.

[4] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1948. Ч. 1. С. 69.

[5] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 480. С. 465; № 482. С. 467. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 199—231; *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XIV—третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004. С. 29—36.

[6] Обе грамоты Даниила Борисовича выданы на одни и те же угодья, текст полностью совпадает. Различие только в именах архимандритов. Возникает вопрос: почему князю пришлось подтверждать пожалование? Возможно, во владении Даниилом Гороховцом под властью Москвы были перерывы. А. А. Горский предположил, что до 1394 г. Гороховцом владел князь Семен Дмитриевич, двоюродный брат Даниила (*Горский А. А.* Судьбы... С. 152). Такой вариант развития событий не представляется невозможным, однако он не находит себе подтверждения в источниках. Более вероятно выделение Семену во владение земель в Суздальском княжестве. Как показал В. Д. Назаров, остатки княжеских владений суздальских Рюриковичей всех трех ветвей сохранялись здесь вплоть до начала 40-х гг. XV в. (*Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских... С. 63—73).

6 мая 1394 г.) как результат достигнутого с Москвой компромисса или же возникла позже.

Вызывают интерес обстоятельства окончания жизненного пути князя Семена Дмитриевича, который после 1394 г. восемь лет служил ордынским ханам, «поднимая рать на московского великого князя, како бы наити свою вотчину Новгородское княжение». В 1402 г. он «добилъ челомъ» великому князю и получил от него Вятку, где вскоре и скончался.[7] При этом существует предположение о том, что какое-то время Вятка была владетельной частью Нижегородско-Суздальского княжения.[8]

Таким образом, к 1401—1402 гг. фиксируется политика Василия I, направленная на сплочение суздальских Рюриковичей вокруг московского трона. Они получали земли на подвластной им ранее территории Нижегородского края от нового ее суверена и тем самым переходили в ранг служилых князей.

Одновременно обозначилась линия на расчленение территории княжества во владельческом отношении. Издревле связанные друг с другом Городец и Нижний Новгород были разъединены.[9] Первый из них был променян серпуховскому князю, второй оставался за Василием (позднее за его наследником). Отдельные городецкие и нижегородские волости, как указывалось выше, были сохранены за суздальскими Рюриковичами. Согласно первой духовной Василия Дмитриевича, часть нижегородских земель полагалась великой княгине.[10] Передача московским князем значительной территории края своим родственникам обращает на себя внимание как самим фактом, так и характером пожалованных земель. Двоюродному дяде Василия I, сподвижнику Дмитрия Донского Владимиру Андреевичу Серпуховскому отошел Городец с волостями. Обратим внимание на причитавшееся супруге Василия: «...а в Новѣгородѣ в Нижнемъ Алачинские села да Мангачь... из Новагорода половина пошлин новгородскихъ, да Курмышь со всѣм(и) селы, и з бортью, и с путми, и с пошлинами, и со всѣмъ, што к нему потягло, и с Алгашемъ...»[11] Курмыш — это хорошо известный город на Суре. Как видим, он передавался с тянувшей к нему округой. Алгаш можно сопоставить с рекой Алгашкой, правым притоком Суры, впадающим ниже устья Пьяны. Известен также вклад в Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь, состоявший из земель по реке Пьяне, сделанный в первой половине XV в. новокрещенным Юрием Алачиным.[12] При этом Курмыш поста-

---

[7] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 253—254; Пг., 1925. Т. 4. Ч. 1. С. 397—398.

[8] *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских... С. 45—47.

[9] О связи Нижнего Новгорода и Городца см.: *Кучкин В. А.* 1) Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XII—XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974. С. 234—260; 2) Формирование... С. 199—231; *Гусева Т. В.* Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных XII—XIII вв. // Проблемы истории и творческое наследие С. И. Архангельского: Тезисы докладов. Нижний Новгород, 1997. С. 82—84; *Пудалов Б. М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII—первой трети XIII в.). Нижний Новгород, 2003.

[10] ДДГ. № 20. С. 56.

[11] Там же.

[12] *Антонов А. В., Машпафаров А. В.* Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV—начала XVII в. // Русский дипломатарий (далее — РД). М.,

вил «собѣ» в 1374 г. Борис Константинович, а Городцом он владел по крайней мере с 1364 г. Уместно вспомнить и жалованную этого князя, выданную в тяжелейшее для него время (в 1393 г.) Нижегородскому Благовещенскому монастырю на рыболовные угодья по Суре.[13] Отмеченные данные позволяют утверждать, что Василий Дмитриевич стремился установить московское влияние в землях, тесно связанных с последним великим князем нижегородским, путем раздачи их своим ближайшим родственникам.

Ослабление Москвы в результате нашествия Едигея привело к реставрации в Нижнем Новгороде власти суздальских Рюриковичей во главе с князем Даниилом Борисовичем (1409—1415 гг.). В конце второго—начале третьего десятилетия XV в. здесь правил представитель той же династии, но ставленник Москвы, зять Василия Дмитриевича — князь Александр Иванович. Поэтому последние годы правления Василия отмечены активной политикой в нижегородских землях.

Василий Дмитриевич выдал жалованную местному Благовещенскому монастырю, который имел оформленную ранее грамоту Александра Ивановича.[14] Земли, на которые распространялось действие документа, располагались к востоку от Нижнего Новгорода, в том числе в районе Курмыша, где, по-видимому, сильно было влияние нижегородских князей — потомков Бориса Константиновича. Как указывалось, здесь располагались земли Бориса и сам Курмыш — его город, сюда, на восток, за Суру бежал Даниил Борисович в критической ситуации в 1415 г., опасаясь московской рати, наконец, по соседству находились его союзники — мордовско-булгарские князья.[15] Грамота Александра запрещала игумену принимать «тутошних людей становых». Новое пожалование, наоборот, предполагало, что игумен «перезовет людей тутошних старожильцев», и наделяло их трехлетней льготой. Старожильцы освобождались от таких важных податей, как ям и подвода, которые не упоминались предшествующим актом. Переселенцы «из иных княжений, а не из моса отчины из великого княжениа» дополнительно к освобождению от яма, подвод, мыта и тамги получали право не платить костки, восьмничее, весчее, езовое, побережное. Нельзя согласиться с Л. В. Черепниным, который видел в этой грамоте ограничение судебного иммунитета со стороны московских властей, характерное для вновь присоединенных территорий.[16] Судебный иммунитет не претерпел изменений по сравнению с грамотой Александра Ивановича: «опроче душегубства и разбоя с поличным».

2001. Вып. 7. № 17. С. 421; *Максин В. А., Пудалов Б. М.* Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печерского монастыря // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 111—119; *Соколова Н. В.* Еще раз о древнейших актах Нижегородского Печерского монастыря // Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова. Нижний Новгород, 2001. С. 157—159.

[13] ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Вып. 1. Стб. 78, 100; СПб., 1913. Т. 18. С. 103, 116; Акты феодального землевладения и хозяйства (далее — АФЗХ). М., 1951. Ч. 1. № 229. С. 201—202.

[14] АФЗХ. Ч. 1. № 230. С. 202—203; № 234. С. 205; АСЭИ. Т. 3. № 296. С. 323—324.

[15] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 186; т. 18. С. 159—160; М., 1965. Т. 30. С. 128; 2000. Т. 15. С. 485—487.

[16] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 136.

Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь получил 8 февраля 1425 г. жалованную на владение под Гороховцом, упоминавшееся в грамоте Александра Ивановича.[17] В обоих документах речь идет о селениях Васильевского монастыря: в том из них, который был выдан раньше, фигурируют деревни Мачково (Мячково), Старково, Пурпна (Пурхма) на Мещерске и Филипповская, а в более позднем — только Филипповская. К сожалению, нет данных об источниках приобретения всех селений, которые не были включены в грамоту Василия Дмитриевича Московского. Лишь о Старкове известно, что оно было передано неким Василием Елизаровичем, по-видимому местным землевладельцем.[18] Возможно, именно вклады местной знати, сделанные после 1392 г., не были подтверждены московским князем с целью подрыва ее влияния в регионе. Кроме того, грамота Василия Дмитриевича наделяла льготами только «кого архимандрит в той деревни посадит своих людей купленных или кого перевезут людей в ту деревню из-ыных княжений», тогда как Александр Иванович освобождал всех крестьян от писчей белки, яма, подвод, татарского проезда, городового дела и «иных», а дань уплачивалась в форме оброка. Указанные льготы Василий Дмитриевич распространил только на вновь пришедших крестьян. При этом данная категория населения теряла освобождения от важных торгово-проезжих пошлин — мыта и тамги, уплата которых была отменена Александром Ивановичем. Наконец, в отношении судебного иммунитета, ограниченного, как и ранее, только делами о душегубстве и разбое, теперь появилось дополнение о действии только в течение десяти льготных лет, данных вновь заселившимся крестьянам («А волостели мои мещерские и их тиуни в ту десять лет ни всылают к тем людем, купленым и перезваным, ни по что, ни судят их, опроче душегубства и розбоя с поличным; а ведает и судит их архимандрит, или кому прикажет...»).

Сохранились упоминания о жалованных грамотах Василия Дмитриевича местным Печерскому и Николаевскому Амвросиеву Дудину монастырям.[19] Возможно, именно он сделал вклад в первый из указанных монастырей в виде села Юрьевского с деревнями и «полей» Запрудного и Коропова.[20] Две печерские и одна дудинская грамоты Василия II были выданы в подтверждение предшествующих грамот Василия I («по отца своего грамоте великого князя Василья Дмитриевича...»). Дудин монастырь получил пожалование на воды в низовьях Оки, которыми он владел по грамотам нижегородских князей начиная с Константина Васильевича, Печерский — на озера по Волге. При этом только одно из озер Печерского монастыря фигу-

---

[17] АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 435. С. 479—480; № 437. С. 480—481.

[18] Там же. Т. 3. № 483. С. 467.

[19] Во всех случаях время выдачи грамот Василием I этим монастырям неизвестно. Следовательно, они могли быть получены как до нашествия Едигея (конец 1408 г.), так и после смерти Александра Ивановича (около начала 20-х гг. XV в.).

[20] Хотя это могло быть и подтверждение более раннего вклада, а под упомянутым Василием Дмитриевичем мог иметься в виду Василий Кирдяпа. Вклад упомянут в монастырском синодике, в описи монастырского архива 1701 г. и в записи 1598—1601 гг. См.: *Соколова Н. В.* Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древней русской письменности и литературы. Нижний Новгород, 1995. С. 60—61; *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы... С. 419—420.

рирует в акте Семена Дмитриевича, оформленном во времена нижегородской самостоятельности («Колодливое с меньшими озерки»), остальные, возможно, были пожалованы или заново наделены льготами московскими князьями («в Ортемеве луге озеро Святое с ыстоком и с меншими озерцы, и озеро Мелкое»). Этот же монастырь получил грамоту на беспошлинный провоз рыбы по Волге через Плес, Городец, Нижний Новгород, выше и ниже Суры и по Суре.[21]

Таким образом, источники фиксируют стремление Василия Дмитриевича нейтрализовать влияние местного княжеского дома и укрепить на территории Нижегородского княжества собственные позиции. В период его правления основные местные духовные землевладельцы получили подтверждения на свои владения зачастую на более выгодных условиях. В некоторых случаях можно предполагать и приращение монастырской собственности. Менее благосклонным оказалось отношение московского правительства к Спасо-Евфимьеву монастырю. Здесь можно видеть связь с тем, что он располагался в Суздале, вокруг которого вплоть до начала 40-х гг. XV в. сохраняли свои родовые вотчины с объемными владетельными правами местные князья.[22] Следовательно, и влияние последних в этом районе было еще очень велико. Вероятно, поэтому монастырь был не в чести у Москвы, которая на данном этапе ставила задачу закрепить за собой Нижегородский край, а для этого привлечь на свою сторону местных землевладельцев.

В первой половине XV в. был предпринят еще один важный шаг с целью лишить суздальских князей опоры в нижегородских пределах. По-видимому, еще одновременно с получением ярлыка на Нижегородское княжество благодаря митрополиту Киприану Нижний Новгород и Городец были изъяты из-под власти суздальского епископа и включены в митрополичью епархию.[23] Позднее взаимовыгодное сотрудничество московского князя и митрополичьей кафедры в «нижегородском вопросе» было продолжено. Самостоятельный ранее Благовещенский монастырь в это время стал митрополичьим.

Новое положение данной духовной корпорации точно известно для времени Ивана III, который выдал жалованную по формуле: «Се яз князь великий Иван Васильевич, отца своего для Геронтиа митрополита всеа Руси пожаловал есмь монастыря его святого Благовещениа в Новегороде в Нижнем архимандрита и его братью».[24] Но более точное время перехода монастыря к митрополичьему дому неизвестно. С. Б. Веселовский и Л. В. Черепнин сопоставили наиболее позднюю датированную благовещенскую жалованную, выданную на имя архимандрита Малахии от 14 марта 1446 г. (князем Дмитрием Шемякой), с появившейся несколько позднее грамотой Софьи Витовтовны (без даты) на имя того же Малахии, из которой видно, что управление Благовещенским монастырем было соединено с митрополичьим Константино-Еленским монастырем во Владимире. На основании сделанных

---

[21] *Соколова Н. В.* Древнейшие акты... Приложение. № 2, 3. С. 65—66; АСЭИ. Т. 3. № 299. С. 327; № 298. С. 326.

[22] *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских... С. 63—73.

[23] *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986. С. 135.

[24] АФЗХ. Ч. 1. № 235. С. 205.

наблюдений ученые связали изменение в управлении с изменением статуса интересующей нас духовной корпорации, а это в свою очередь — с событиями борьбы за великокняжеский стол при Василии Васильевиче. Подчинение митрополии, по мнению Веселовского и Черепнина, произошло при митрополите Ионе, который «стоял неизменно на стороне великого князя (Василия II) и оказал ему самому и его семье большие услуги».[25]

Однако точных свидетельств в пользу того, что в 1446 г. Благовещенский монастырь не был митрополичьим, нет. Его грамоты, выданные на имя Малахии, действительно не упоминают митрополита, но и грамота Софьи Витовтовны тоже не содержит таких указаний, хотя о том, что Царевоконстантиновский монастырь был митрополичьим, мы знаем по другим документам. То, что при объединении управления Малахия не только не был отстранен, но и стал во главе двух монастырей, указывает на его тесную связь с митрополичьим домом. Об этом же свидетельствует владельческая помета, сделанная в греческой Псалтыри XIV в. Помета называет Малахию «иеромонахом и наместником Владимира Верхней России Московской».[26] Необходимо добавить, что в годы напряженного соперничества между Москвой и суздальскими Рюриковичами за обладание Нижегородским краем настоятели Печерского монастыря менялись, по-видимому, довольно часто, что свидетельствует об участии духовной корпорации в политической жизни.[27] На этом фоне выделяется стабильное положение Малахии во главе Благовещенского монастыря. На имя этого архимандрита выдавали грамоты такие политические противники, как Василий Дмитриевич, Даниил Борисович, Василий Васильевич Темный, Дмитрий Шемяка. Все это заставляет предполагать, что уже в начале правления Малахии Благовещенский монастырь являлся митрополичьим, а переход под руку митрополита произошел до 20 февраля 1423 г. (дата первой достоверной грамоты, упоминающей Малахию[28]) и связан был с противостоянием Василия I и группы князей суздальского дома. Полагаем, что Малахия возглавил Благовещенский монастырь в конце 1410-х—начале 1420-х гг. Грамота Александра Ивановича этому монастырю, выданная около 1417—1418 гг., адресована игумену без указания имени, что может свидетельствовать о периоде «межигуменства». После него, вероятно, и появился Малахия.

В своем исследовании о синодике нижегородских князей Б. М. Пудалов показал тесную связь Благовещенского монастыря с потомками Бориса Константиновича и привел дополнительные доводы в пользу гипотезы о ведении здесь летописания (а не в Печерском монастыре и не Спасо-Преобра-

---

[25] Там же. № 232. С. 203—204; № 200. С. 179; АСЭИ. Т. 3. № 297. С. 324—325; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 343, 376, 389; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. С. 190—191. — Цитата из работы Веселовского.

[26] *Гранстрем Е. Э.* Чернец Малахия Философ // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 69—70.

[27] *Соколова Н. В.* Еще раз о древнейших актах... С. 157—159.

[28] На имя Малахии оформлены данные С. Д. Сюзева (1399 г.) и М. Ф. Изинского (1416—1417 гг.). Однако есть основания считать эти акты фальсифицированными. См.: АФЗХ. Ч. 1. № 245, 246. С. 210—211; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1963. Т. 17.

женском соборе Нижнего Новгорода).[29] Следовательно, добившись перевода Благовещенского монастыря в митрополичьи, Василий I лишал своих противников Борисовичей мощной поддержки, а суздальских Рюриковичей в целом важной идеологической опоры в Нижегородском крае.

К мероприятиям, направленным на закрепление региона в составе московских владений, следует отнести пожалование Василием I, согласно духовной начала 1423 г., своей супруге села Сокольского «со всѣм» и «Кѣржанецъ со всѣм», которые, по всей видимости, «тянули» к Городцу.[30] Серпуховские князья, вероятно, к этому времени уже не владели бывшим Городецким уделом, и новые земли великой княгини должны были способствовать утверждению московского влияния в данном районе. Документ фиксирует процесс расширения собственности великокняжеского семейства на нижегородской территории. Пожалование являлось дополнением к тем селам, которые были даны великим князем ранее («что есмь еи подавал село в Новѣгородѣ») и к собственным приобретениям Софьи Витовтовны («что ее примыслъ»).

Однако, несмотря на усилия Москвы, к началу 1424 г., заручившись ярлыком у хана Улуг-Мухаммеда, в Нижнем Новгороде смог вторично вокняжиться Даниил Борисович. Лишь после его кончины (до марта 1428 г.) Нижний вновь вернулся под власть великого князя московского.[31] На протяжении 30-х гг. XV в. последний полностью сохранял верховную власть над всей территорией Нижегородско-Суздальского княжества.[32] Компромиссы с суздальской династией в отношении правления в Нижнем Новгороде с этого времени были отменены. В остальном правительство Василия Васильевича продолжило курс его отца в плане укрепления позиций Москвы в интересующем нас регионе.

Все здравствовавшие к этому времени представители суздальского дома, по всей видимости, перешли на положение служилых князей московского князя, сохраняя за собой полный суверенитет на принадлежавшие им родовые вотчины в Суздальщине.[33] Известно, что на имя Василия II были переписаны жалованные грамоты его отца Дудину монастырю на воды в низовьях Оки и Печерскому монастырю на рыбные ловли по Волге под Нижним Новгородом и на беспошлинный провоз рыбы по Волге и Суре. Печерский монастырь получил пожалование на село Микульское с деревнями, в районе Нижнего, и на село Рубльское, в районе Курмыша. Они принадлежали старцам еще при Василии Дмитриевиче, но от кого впервые исходило пожалование, неизвестно.[34] Очень щедрую грамоту на село Елен-

---

[29] *Пудалов Б. М.* Синодик нижегородских князей (опыт реконструкции) // Памятники христианской культуры Нижегородского края: Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2001. С. 8—21.

[30] ДДГ. № 22. С. 61. — Подробнее об исторической географии региона см.: *Чеченков И. В.* Нижегородский край в конце XIV—третьей четверти XVI в... С. 37—44.

[31] *Горский А. А.* Судьбы... С. 160—164.

[32] *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских... С. 63.

[33] Там же. С. 61—67.

[34] АСЭИ. Т. 3. № 299. С. 327; *Соколова Н. В.* Древнейшие акты... С. 61. Приложение. № 2, 3. С. 65—66 (о датах № 2, 3 см.: *Соколова Н. В.* Еще раз о древнейших актах... С. 157—159); *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы... № 14, 15, 18. С. 421, 422.

ское и деревню Заборскую «в Новегороде в Нижнем» получил 4 марта 1438 г. митрополичий Благовещенский монастырь.[35] В более ранних документах эти селения не упоминались. Возможно, речь должна идти о новоприобретенных владениях. Из двух обычных вариантов льготного срока для «старожильцев» (3 или 5 лет) в данном документе указан более продолжительный, притом что в выданной ранее грамоте Василия Дмитриевича тому же монастырю срок был три года. Грамота содержит внушительный список повинностей, от которых освобождались как «старожильцы», так и «пришлые». С них не должна была взиматься дань, а также «ни писчаа белка, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни восмничее, ни костки, ни пережное, ни явленое, ни сзорное, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни к становщику не тянут ни в который протор, ни иные никоторые пошлины». Предшествовавшие благовещенские акты гораздо скромнее в отношении льгот «старожильцам». Также расширен и судебный иммунитет, который ограничен лишь делами о душегубстве (ранее — душегубство и разбой). Кроме того, в конце грамоты для «старожильцев» и «пришлых» добавлено пожалование «города им не делати». Оно особенно ярко демонстрирует расположение властей, если учесть порубежное положение края и необходимость поддержания здесь укреплений в боеспособном состоянии.

По-прежнему скупо были пожалованы нижегородские владения Спасо-Евфимьева монастыря. Грамота Василия Васильевича лишь в незначительной части подтвердила льготы, полученные ранее от Александра Ивановича. Сохранился запрет волостелям и мытникам «вступаться» в монастырские воды, «ставится» между монастырских деревень и «наряжать» мыт под монастырем. Дополнительно указывалось на недопустимость проезда кого-либо «непошлою дорогою» через монастырские владения. При этом отсутствовало даже упоминание о пяти деревнях, податные и судебные льготы на которые были включены в грамоту Александра Ивановича (из них только на одну была выдана грамота Василия Дмитриевича).[36]

При Василии Васильевиче началось проникновение на территорию края землевладения Троице-Сергиева монастыря, который на вновь присоединенной территории должен был стать надежной опорой московской династии. Без сомнения, это продвижение поощрялось великокняжеской властью. В 1438/39 г. троицкие старцы получили жалованную данную грамоту на пустошь под Гороховцом. Пожалованные податные льготы были вполне обычны, хотя включали освобождения от основных податей, зато новой вотчине даровалась полная несудимость. В первой половине—середине 40-х гг. XV в. Троицким монастырем были прикуплены в том же районе еще две пустоши с озером. По крайней мере одна из них была «вотчинкой» некого Фролка Митина.[37] Из грамоты Ивана III известно, что Василий II дал к Троице во́ды (заводь, пески, озеро «с истоком») на Волге у самого Нижнего Новгорода.[38] Между 1432 и 1445 гг. монастырь получил от великого князя шесть озер у Гороховца со всем, что к ним «потягло», а это «бериги»,

---

[35] АФЗХ. Ч. 1. № 231. С. 203.

[36] АСЭИ. Т. 2. № 435. С. 479; № 437. С. 480—481; № 439. С. 482.

[37] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 135. С. 104—105; № 168. С. 123.

[38] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. Ч. 5. № 22. С. 381—383.

«пожни» и даже «борти». Отдельной грамотой были даны три озера и «перекопань» в том же районе к троицкой «пустыньке Юрья святого». В обоих случаях новые владения полностью освобождались от любого вмешательства местной администрации.[39]

Вызывает интерес «перекопань на усть-Клязьмы», переданный Троицкому монастырю. Возможно, это то же угодье, что фигурирует в жалованных грамотах Даниила Борисовича Спасо-Евфимьеву монастырю: «...дал... перекопань, что перекопал Юрьи столник, озеро Нефр и Розгонево озеро с-ыстоком, заводь Шуренба, на чим монастырь их седит, омут в Суворши».[40] Упомянутая здесь река Суворощь впадает в Клязьму очень близко от ее устья. При этом неизвестны подтверждения Василия II и его отца Спасо-Евфимьеву монастырю на обладание этими водами. Сохранилась только жалованная Ивана III с прямой цитатой из акта Даниила, но без ссылок на предшествующие грамоты отца.[41] Вероятно, мы имеем дело с временной потерей суздальским монастырем части своих угодий.

До нас дошли тексты документов первой половины XV в. из архива Спасо-Евфимьева монастыря, демонстрирующие многочисленные вклады в эту обитель (или в приписной к ней Васильевский монастырь) землевладельцев из района Гороховца. В одном из актов упомянут и одновременный вклад в Печерский монастырь. Данные о его землевладении также позволяют предполагать, что и он в это время активно получал вклады от нижегородских собственников.[42] Сделанное наблюдение в сочетании со сведениями о притеснении прав Спасо-Евфимьева монастыря в Нижегородском крае и данными о проникновении новых землевладельцев (путем великокняжеских пожалований и покупки вотчин) приводит к выводу о начавшемся разрушении местной поземельной владельческой структуры. Процесс этот, по-видимому, был инициирован и поддерживался великокняжеской властью, которая не без основания видела в нем залог полного подчинения данного региона.

Наше предположение подтверждается одной из статей проекта докончания Василия и Федора Юрьевичей Шуйских с Дмитрием Шемякой. Документ был составлен в 1445 г. в период кратковременного восстановления Улуг-Мухаммедом Нижегородско-Суздальского княжества с Шуйскими во главе. Статья посвящена описанию в общем виде повреждений прежней структуры землевладения княжества, которые, как следует из документа, имели место как на суздальской территории, так и на нижегородско-городецкой. Согласно тексту, вторжение осуществлялось московским великим князем, его служилыми князьями и боярами, которым он для этого выдавал специальные «жалованные на куплю» грамоты, санкционировавшие приобретение определенных размеров вотчин. Такие покупки производились у самих суздальских князей, у их бояр и монастырей.[43]

---

[39] АСЭИ. Т. 1. № 94, 95. С. 77—78.

[40] Там же. Т. 3. № 480. С. 465—466; № 482. С. 467.

[41] Там же. Т. 2. № 482. С. 522.

[42] Там же. Т. 3. № 483—490. С. 467—471; № 493. С. 472—473; *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы... № 6. С. 419; № 12. С. 420—421; № 13, 17. С. 421.

[43] ДДГ. № 40. С. 120; *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских... С. 54—56. — В грамоте приведены и конкретные факты таких неправомерных с точки зрения Шуйских действий, но все они касаются суздальской округи. По мнению В. Д. Назарова,

Еще одним средством утверждения московской великокняжеской власти в Нижнем Новгороде явилось проведение работ по сооружению или восстановлению городской крепости. Об этом свидетельствует жалованная Василия Васильевича Владимирскому Рождественскому монастырю на село Веское в Суздальском уезде, датируемая приблизительно 30-ми гг. XV в. В ней монастырские крестьяне освобождаются и от повинности «рубити... Новагорода Нижнего».[44] По ряду косвенных показателей можно судить, что после сожжения города войсками Едигея нижегородская крепость находилась в необороноспособном состоянии.[45]

Время проведения работ может быть уточнено. Скорее всего, Василий Васильевич озаботился этим вопросом не ранее лета 1436 г., когда наступила передышка в борьбе за московский великокняжеский стол, продлившаяся до 1445 г. Выше упоминалась грамота этого князя Благовещенскому монастырю от 4 марта 1438 г. Она содержит освобождение от городового дела. В дошедших текстах более ранних благовещенских грамот такое освобождение отсутствует. В данном документе оно находится не в общем списке податей, а отдельно в конце документа. Соответственно упоминание городового дела здесь — не просто особенность формуляра, а свидетельство реально шедших строительных работ, затрагивавших интересы монастыря. О внушительных масштабах строительства свидетельствует привлечение крестьян из неблизкой для Нижнего Новгорода суздальской округи. Ясно, что устройство крепости в Нижнем Новгороде и размещение в ней московского гарнизона было делом очень важным в условиях, когда были вполне возможны новые конфликты с суздальскими Рюриковичами, вспышки борьбы за московский великокняжеский стол, осложнения во взаимоотношениях с Золотой Ордой. В такой ситуации большое значение Нижнего Новгорода очевидно. Он был и столь желанной столицей для суздальской династии, и ключевым центром на пути в Орду, и на предыдущих этапах московской княжеской смуты здесь успели побывать как Юрий Дмитриевич Галицкий, так и Василий Васильевич. Поэтому последний из них смог изыскать ресурсы для крепостных работ в этом месте, несмотря на всю сложность своего положения в это время.

Таким образом, приведенные данные показывают, что московские князья в стремлении окончательно решить «нижегородский вопрос» были не только озабочены урегулированием отношений с суздальской династией Рюриковичей, но и проводили расчетливую политику по укреплению своих позиций в регионе. Приемлемым вариантом взаимодействия с князьями был их переход на положение служилых московского суверена. Для подрыва их влияния в своем княжестве его территория расчленялась во владельческом отношении, земли передавались в надежные с точки зрения Москвы руки. При этом в первую очередь Москва дорожила стратегически важным Ниже-

---

это связано с тем, что грамота писалась в Суздале, а в силу обстоятельств составления докончания произвести инвентаризацию подобных акций в Городце и Нижнем Новгороде не было времени.

[44] АСЭИ. Т. 3. № 87. С. 119.

[45] Подробнее см.: *Чеченков П. В.* Нижегородский кремль в XIV—XV вв. // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI в. Материалы второй областной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2002. С. 111—118.

городским краем, стремясь как можно скорее разорвать его связи с бывшими повелителями. Характер источников таков, что наибольшую информацию мы получаем о монастырском землевладении. В отношении местных духовных корпораций московскими князьями практиковалось покровительство и даже такой кардинальный прием, как смена статуса (перевод в митрополичьи). Уроки правления Василия Дмитриевича, когда несколько раз суздальские князья возвращались к власти в Нижнем Новгороде, были усвоены, и при Василии Васильевиче размывание сложившейся структуры землевладения интенсифицировалось. С этим можно связать тот факт, что после Василия I имело место только одно кратковременное восстановление Нижегородского княжества. Василий Васильевич пытался создать не только социальную опору своей власти, но и военную базу для нее. Характерно, что и активная политика в области землевладения в данном регионе, и наращивание военного потенциала Нижнего Новгорода были с еще большим успехом продолжены следующим московским князем — Иваном III.

К. В. Петров

ПРОЦЕДУРА СУДЕБНОГО «ДОКЛАДА» В РУССКОМ ПРАВЕ XV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В РОССИИ

Термин «доклад» («доложити») встречается в актах XV—XVI вв. в двух случаях: во-первых, при совершении сделок — для свидетельства доброй воли сторон на ее совершение;[1] во-вторых, в процессе рассмотрения судебных споров. В настоящей работе будут исследованы «доклад» как процедура, применяемая в процессе судопроизводства и фиксируемая в сохранившихся судебных актах не ранее 1460-х гг.,[2] и ее значение в развитии судебных органов в России.

В отечественной историографии сложились две традиции в понимании процедуры судебного «доклада». В соответствии с первой точкой зрения «доклад» представляет собой перенос рассмотрения дела в более высокую инстанцию. Указанная точка зрения нашла свое отражение в исследованиях В. Б. Кобрина,[3] А. Г. Манькова,[4] Ю. Г. Алексеева[5] и др. Именно она является традиционной в историографии; более того, она определила одно из значений слова «доклад» в Словаре русского языка XI—XVII вв.[6]

---

[1] При совершении сделок без доклада была возможность их оспорить в будущем, указав на насилие со стороны контрагента. Пожалуй, наиболее ранним примером подобного оспаривания является попытка в 1460-х гг. оспорить покупку земли, состоявшуюся в 1450-х гг. Судебное дело рассматривал сам великий князь. См.: Акты Социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее: АСВР) / Подгот. С. Б. Веселовский, С. С. Гадзяцкий, А. И. Андреев, И. А. Голубцов, А. А. Зимин, А. А. Новосельский, Л. В. Черепнин; отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1952. Т. 1. № 259. С. 188—189.

[2] По мнению Н. Л. Дювернуа, процедура судебного доклада фиксируется уже в конце XIV в. (*Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 355).

[3] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 165, 170.

[4] *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. 2-е изд. М., 2003. С. 221.

[5] *Алексеев Ю. Г.* У кормила российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 117.

[6] Раскрывая содержание ст. 98 Судебника 1550 г., И. Я. Фроянов пишет о том, что указанная норма «предусматривала совместное заседание царя и Боярской думы, на котором государь (или кто-нибудь из приказных людей от его имени) произносит до-

© К. В. Петров, 2007

В контексте историографической ситуации, пытаясь обойти вопрос о сущности судебного «доклада», А. Г. Поляк написал лишь о том, что «доклад» — «зародыш апелляционного производства».[7] Указанное мнение вряд ли можно признать справедливым, поскольку «зародыш» апелляционного производства следует видеть в формировании нового судебного органа, т. е. органа (либо должностного лица), компетентного выносить решения по делу, — новой судебной инстанции.

Вторая точка зрения возникла еще в XIX в., но в советское время не пользовалась признанием. Ее разделяли К. Д. Кавелин,[8] Ф. М. Дмитриев,[9] М. Ф. Владимирский-Буданов,[10] Б. И. Сыромятников,[11] С. И. Штамм.[12] Такого же мнения придерживается и автор этих строк.[13] Вот как указанная позиция выражена М. Ф. Владимирским-Будановым: в условиях невозможности личного участия в судебном разбирательстве из-за увеличения территории Московского великого княжества происходит разделение судебного рассмотрения дела на две стадии — первая часть осуществляется судьей

клад по вопросу об издании нового закона». Думается, что термин «государев доклад», упоминаемый в ст. 98 Судебника 1550 г., лишь с большой долей недоразумения можно толковать как доклад, который делает государь Боярской думе. На самом деле «государев доклад» ст. 98 Судебника 1550 г., равно как и «докладной список царя и великаго князя докладу и детей царя и великаго князя докладу» ст. 39 Судебника 1550 г., означает лишь «судьям доложити царя и великого князя» (ст. 100 Судебника 1550 г.). Еще более явственно это видно из ст. 2 главы X Соборного уложения 1649 г. (первые статьи X главы представляют собой переработанный текст начальной части Судебника 1550 г.): «...взносить ис приказов в доклад к государю царю и великому князю... А бояром, и околничим, и думным людем сидеть в полате, и по государеву указу государевы всякие дела делать всем вместе» (Соборное уложение 1649 г.: текст, комментарии. Л., 1987. С. 31). В историографии споры относительно политического смысла ст. 98 Судебника 1550 г. велись лишь по вопросу о том, ограничивает или нет власть царя и великого князя обязательность участия Боярской думы в принятии новых норм Судебника, соучастие бояр в законотворческом процессе наряду с царем и великим князем. Однако предложенное И. Я. Фрояновым понимание слов «государев доклад» сделано впервые (*Фроянов И. Я.* Комментарий к статье 98 Судебника 1550 г. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 153).

[7] *Поляк А. Г.* Историко–правовой обзор [Судебника 1497 г.] // Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 387.

[8] *Кавелин К. Д.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до учреждения о губерниях // Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Этнография и правоведение. СПб., [1904]. Т. 4. Стб. 345—346.

[9] *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного производства. М., 1859. С. 288.

[10] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 8-е изд. Ростов н/Д, 1995. С. 602—603.

[11] *Сыромятников Б. И.* Очерк истории суда в древней и новой России (До издания Свода Законов) // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 84.

[12] *Штамм С. И.* Суд и процесс // Развитие русского права в XV—первой половине XVII в. М., 1986. С. 203.

[13] См.: *Петров К. В.* 1) О становлении приказного управления в Русском государстве в конце XV в. (Комментарий к ст. 2 Судебника 1497 г.) // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 54; 2) Приказная система управления в России в конце XV—XVII в.: формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М.; СПб., 2005. С. 41.

«для следственной части процесса», а вторая — решение дела по существу — осуществляется великим князем после процедуры «доклада».[14]

Разница обеих точек зрения на судебный «процесс» по существу заключается в различном понимании почти современного термина «инстанция». В первом случае под «инстанцией» понимается должностное лицо, которое рассматривает дело вне зависимости от его результата (от вынесения решения по нему). В соответствии со вторым мнением инстанцией является судебный орган (или должностное лицо), который рассматривает дело по существу с момента предъявления требования о защите права до вынесения решения по делу. Указанное понимание термина в принципе соответствует значению этого термина в правоведении.

Представляется, что применение термина «инстанция», характерное для сторонников традиционной позиции, является эвристически не оправданным.[15] Во-первых, молчаливо сконструировав свое понимание термина «инстанция», исследователи тем самым конструируют и особое понимание содержания всей судебной процедуры, поскольку и «доклад», и обжалование судебного решения заинтересованным лицом не различимы. Во-вторых, в этой ситуации нельзя уловить процесс развития судебных органов, основное содержание которого заключается в наделении публичным правом на осуществление правосудия должностных лиц в исторической перспективе. Судебные инстанции как будто бы уже существуют, а должностные лица изначально обладают судебной властью. Молчаливо предполагается, что процесс формирования судов относится к более ранней эпохе. В-третьих, разница в содержании терминов не дает возможности увидеть те общие объективные принципы, которые лежат в основе развития судебной системы как таковой вплоть до наших дней. Если бы не данное обстоятельство, то эмоциональное высказывание В. Б. Кобрина о том, «до чего схожи коллизии средневековья и XIX в.»,[16] можно было бы дополнить указанием на схожесть принципов решения этих коллизий.

Одно из первых упоминаний судебного доклада содержится в судном списке 1462—1473 гг. по делу о земле в Переяславском уезде между слугой Андроном и попом Сидором.[17] Дело было рассмотрено разъездчиком Никитой Васильевичем Беклемишевым в присутствии четырех «добрых людей» (Федки Краковского, Онисима, Еремейки Максимова, Палки Семенова), бывшего («старого») дворского Остани и дворского Мити. Судебное рассмотрение данного дела проходило в два этапа. Первое рассмотрение дела происходило на спорной земле. На данном этапе судья опросил стороны и просил их представить доказательства их прав. Второе рассмотрение дела происходило в «городе» (вероятно, Переяславле). Здесь были исследованы

---

[14] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 8-е изд. С. 602—603. Примеч. 1. — Исследователь считает возможным отличать судей «для следственной части процесса» от «данного судьи», который выносит решение по существу без участия великого князя.

[15] См.: *Петров К. В.* Эвристическая ценность и корректность использования специальных терминов в исторической науке // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 1999. № 2. С. 12—15.

[16] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России ... С. 161.

[17] АСВР. Т. 1. № 326. С. 235—236.

письменные доказательства («докладная на землю») и опрошены свидетели сторон. В заключение, опросив дворских, Н. В. Беклемишев «ялся доложити государя великого князя».[18]

Судя по тексту акта, состоялось еще одно — третье — заседание — перед Ф. М. Челядней, на котором свидетели истца отказались от своих показаний — запись об этом была сделана на акте дьяком Федором.

Наконец, акт содержит запись о том, что Н. В. Беклемишев клал список перед великим князем. При этом истец и его свидетели на рассмотрение дела не явились.

Итак, в данном деле Н. В. Беклемишев собрал возможные доказательства. Однако дело не завершилось вынесением решения. Уже во время второго заседания, проводившегося Н. В. Беклемишевым, истец Андрон заявил о том, что имеет грамоты на спорную землю, указав: «перед тобою, господине, не положу, положу их перед великим князем». Но прежде чем дело было доложено великому князю, состоялось третье заседание с участием Ф. М. Челядни и дьяка Федора, и лишь затем Н. В. Беклемишев положил судный список перед великим князем. В данном случае важно, что в третьем заседании решить дело изначально не предполагалось — Беклемишев «ялся» доложить государю; истец заявил о том, что положит грамоты перед великим князем. Чем же в данном случае вызвана необходимость третьего заседания? Думается, что Н. В. Беклемишев, выполняя обязанности разъездчика, непосредственно, как и дьяк Федор, подчинялся Ф. М. Чслядне, и именно этим объясняется участие Ф. М. Челядни в данном деле. Однако, несмотря на это, «доклад» выступает этапом первоначального рассмотрения дела.

Ю. Г. Алексеев, комментируя разбираемое дело, пишет о близости обстоятельств процесса к делу между троицким ключником и крестьянами, которое судил Иван Харламов.[19] В деле судьи Ивана Харламова, известном лишь в краткой дьячьей записи на купчей-отводной грамоте и состоявшемся, как полагает Ю. Г. Алексеев, в начале княжения Ивана III (начало 1460-х гг.),[20] упоминается судный список, который судья Иван Харламов докладывает Ивану III в присутствии сторон.[21] В деле судьи Н. В. Беклемишева ситуация иная — не все доказательства представлены ему непосредственно, «докладная» находится на руках у ответчика, который представляет ее судье Беклемишеву. Вероятно, что «докладной» назван документ на землю, который был «доложен» и таким образом получил государственную санкцию. Это могла быть разъезжая или меновая грамоты.

Наконец, в рассмотренном выше деле обращает на себя внимание то, что судьей в споре выступал разъездчик Н. В. Беклемишев. В. Б. Кобрин пишет о том, что «в XV—первой трети XVI в. суд и „разъезд" еще не обособи-

---

[18] На данной стадии изучения обстоятельств дела оказалось, что спорная земля является великокняжеской и не принадлежит ни истцу, ни ответчику. Причем дворский, занимающий свой пост («дворское») уже четыре года, не мог ничего сказать о принадлежности земли. На принадлежность земли великому князю указал бывший дворский Останя.

[19] *Алексеев Ю. Г.* У кормила российского государства ... С. 112.

[20] Там же. С. 109.

[21] АСВР. Т. 1. № 20. С. 37.

лись».[22] При этом следует иметь в виду, что слово «разъезд» употреблялось в исследуемый период в двух значениях: во-первых, как разграничение (размежевание) земельных участков («розъехал»); во-вторых, как судебный спор о границах земельных участков. Разъезд (развод) земель, судя по сохранившимся актам, проводился в двух случаях: во-первых, при совершении земельной сделки либо наделении землей; во-вторых, по просьбе заинтересованных лиц. Во втором случае, очевидно, что причинами разъезда был спор о границах земельных участков. В частности, сохранился разводной список великокняжеских и монастырских (Троице-Сергиева монастыря) земель, данный с доклада великому князю Иваном Харламовым. Акт датирован временем между 1462(1478)—1484 гг.[23] Разводная грамота была запечатана печатью И. Харламова, и после этого «истцы» были поставлены перед великим князем, который удостоверился в том, что «разъезд», указанный в акте, действительно имел место.[24]

И, наконец, следует отметить, что в данном деле «доклад» выступает в качестве процедуры, хорошо известной всем участникам процесса, следовательно, более древней, нежели это фиксируется в сохранившихся актах. С другой стороны, отказ истца Андрона «положить грамоты» перед Беклемишевым означает, что последнего Андрон не рассматривал в качестве судьи, который бы мог вынести решение по делу.

Итак, «доклад» как процедура, разделяющая судебный процесс на две стадии, хорошо известна в 1460-е гг. Соответственно можно полагать, что «доклад» мог применяться не только в случаях, когда судебные полномочия осуществлял разъездчик, но и в случаях суда наместника.

Текст жалованных грамот первой половины XV в. содержит формулу о суде наместника:[25] грамота Василия I от июля 1415 г.,[26] грамота князя Андрея Владимировича Радонежского от марта 1411 г.[27] Ю. Г. Алексеев высказал предположение о том, что фиксация в правых грамотах и судных списках формулы «по грамоте великого князя» могла означать осуществление судебных полномочий по кормленной грамоте,[28] т. е. наместником или волостелем. В этом случае несомненно, что «доклад» мог быть использован наместником или волостелем. Думается, указанная традиционная практика отражена в ст. 69 Судебника 1550 г.: «...пришлет наместник или волостель или их тиуни список судной к докладу...»; известна она и по судебным делам первой половины XVI в.[29] Куда более важен вопрос о том, обязатель-

---

[22] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России ... С. 164.

[23] АСВР. Т. 1. № 330. С. 239—240.

[24] Там же. № 643.

[25] Ср.: *Беляев И Д.* О суде наместничьем на Руси в старину (начало) // Юридический журнал. СПб., 1861. № 7. С. 297, 298—304.

[26] АСВР. Т. 1. № 30. С. 41—42.

[27] Там же. № 29. С. 40—41.

[28] *Алексеев Ю. Г.* У кормила российского государства ... С. 118.

[29] *Петров К. В.* Судебные дела об убийствах в средневековой России (первая половина XVI в.): Процедуры и их правовые источники // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. 1. Материалы Международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности. К 500-летию со дня смерти Ивана III (1505—2005)». СПб., 25—26 ноября 2005 г. СПб., 2006. С. 509—537.

ной ли была процедура «доклада». Никаких намеков на этот счет источники не содержат.

С 1449 г. в жалованных грамотах фиксируется упоминание «боярина введенного»: в грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1448/49 г. его еще нет,[30] однако упоминание о нем уже есть в грамоте от 29 июня 1449 г. вдове Василия Копнина и в грамоте от 27 сентября 1450 г. Ивану Петелину.[31] Сам термин «боярин введенный» в источниках упоминается с 1430-х гг.[32]

Очень быстро указанный термин начинает использоваться в жалованных грамотах уделов, например в актах от 15 января 1466 г. и февраля 1471 г. великой княгини Марии Ярославны.[33] Однако использование термина для второй половины XV в. в жалованных грамотах неустойчивое: в одной грамоте 1471 г. князя Юрия Васильевича Дмитровского он есть,[34] в другой его нет.[35] По существу вполне справедливо наблюдение Ю. Г. Алексеева о том, что «судебная практика в удельных княжествах Московского дома в принципе не расходилась с великокняжеской, отличаясь только большей простотой».[36] Весьма близкой была процедура судебного рассмотрения дел церковными судами, включая использование процедуры «доклада».[37]

Наблюдения над текстом актов заставляют предположить, что термином «боярин введенный» обозначалось доверенное лицо, вне зависимости от того, какие административные функции оно выполняло (наместник, сыщик, разъездчик).[38] В. И. Сергеевич,[39] М. А. Дьяконов[40] и другие специалисты[41] считали «бояр введенных» институтом личных представителей великого князя в судебной сфере, осуществлявших, как выразился В. И. Сергеевич, «суд великого князя».

---

[30] АСВР. Т. 1. № 221. С. 156—157.

[31] Там же. № 224. С. 159—160; № 236. С. 166.

[32] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России ... С. 165, 169.

[33] АСВР. Т. 1. № 341. С. 249—250; № 399. С. 291.

[34] Там же. № 401. С. 293—294.

[35] Там же. № 400. С. 292—293.

[36] *Алексеев Ю. Г.* У кормила российского государства ... С. 117.

[37] АСВР. Т. 1. № 396. С. 288 (около 1470—1471 гг.).

[38] *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд ... С. 345—346, 348.

[39] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1896. Т. 2. Вып. 2. С. 395. — В другом месте В. И. Сергеевич писал о «введенном боярине» как о должности, чине (там же. СПб., 1890. Т. 1. С. 362, 363). А. Г. Поляк предлагал рассматривать «введенного боярина» как придворный чин, дававшийся «за выдающиеся заслуги» (*Поляк А. Г.* Историко-правовой обзор. С. 376). А. Е. Пресняков понимал «личный приказ» как «право боярского суда», которым наделялся кормленщик (*Пресняков А. Е.* Московское царство // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 364).

[40] *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 287.

[41] Правда, В. Б. Кобрин полагал, что «бояре введенные», будучи «своего рода приказчиками князя по судебным делам», обладали лишь территориальной юрисдикцией и являлись кормленщиками «с правом боярского суда» (*Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России... С. 168, 170, 174). В. Водов считает, что «бояре введенные» обладали юрисдикцией лишь в рамках дворцового (княжеского) хозяйства (*Vodoff Vl.* Qui étaient les *bojare vvedennye*? // Revue des Études Slaves. 1991. Vol. 63. Fasc. 1. Rus' de Kiev et Russie Moscovite. Culture et société. P. 185—193).

Институт «бояр введенных» сохранялся в XVI в. и, как полагал И. И. Вернер, даже в XVII в.[42] Формула «ино их сужу яз, царь и великий князь, или мой боярин введенный» — не редкость и встречается в актах середины XVI в.[43] Здесь следует отметить, что в средневековом, традиционном обществе форма всегда консервативна, реальная жизнь вносит изменения в рамках заданной «стариной» формы. Думается, что в середине XVI в. в качестве «боярина введенного» выступало уже должностное лицо,[44] например воевода или судья приказа.

Таким образом, суд, который осуществляет разъездчик, охватывается понятием суд «боярина введенного», и для него также характерно использование «доклада» при рассмотрении судебного дела. При этом сохранялись прерогативы князя на вмешательство и вынесение решения по делу. Впрочем, известны случаи вынесения решения без «доклада».[45]

Однако все зависело от возможности судьи вынести решение. Вот как это выражено в поручении городовым приказчикам о суде по земельным делам: «...а в чем будет вам управа учинить не мочно, и вы б суда своего список и обоих исцов прислали к нам в Москву к докладу».[46] Иначе говоря, в случае любых затруднений объективного (например, наличия исключительной подсудности великому князю) либо субъективного (например, при равной убедительности представленных доказательств) характера с помощью процедуры «доклада» решение по делу будет вынесено судьей таким образом, как укажет великий князь, по его «слову». Вот почему следует считать неоправданным жесткое противопоставление, допускавшееся М. Ф. Владимирским-Будановым, «данных судей» для окончательного решения дела и судей «для следственной части процесса» — для подготовки судного списка для «доклада». Пример, приведенный Н. Е. Носовым, показывает, что исход дела для самого судьи зависел от конкретной ситуации.

По существу великий князь лишь помогал судье выйти из данной правовой ситуации, указывая, каким должно быть решение исходя из материалов дела:[47] «велел князь великий судье», «а судье велел» — формулы из судного списка.[48] В другом случае князь великий «велел судье»; список (судный

---

[42] *Вернер И. И.* О времени и причинах образования московских приказов // Учен. зап. Лицея в память цесаревича Николая. М., 1907. Вып. 1. С. 4.

[43] Акты русского государства 1505—1526 гг. М., 1975. № 84. С. 90; № 89. С. 95; № 99. С. 104; № 185. С. 183, и др.

[44] Очень хорошие примеры консерватизма юридических формул см.: *Ковалевский М. М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 65—67.

[45] АСВР. Т. 1. № 485. С. 366.

[46] Цит. по: *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 191.

[47] Данная ситуация не является чем-то необычным, в том числе для современных судебных систем различных стран. Например, в наши дни высший судебный орган Великобритании — Суд Палаты лордов, рассматривая дела по «вопросу права», не выносит судебное решение, а дает указание нижестоящему суду по данному вопросу. Разница с приведенным примером заключается лишь в том, что Суд Палаты лордов формулирует указания суду в порядке пересмотра уже вынесенного судебного решения.

[48] РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 186. Стб. 791.

список. — *К. П.*) подписал дьяк Дурак Мишурин, правая грамота выдана тиуном Григорием Бебериным: «...и по великого князя Ивана Васильевича всеа Руси слову судья...»[49] Тот же вывод следует из правой грамоты времени Ивана III, которая приведена в деле 1519 г.: «...князь великий... да велел Олексею дьяку... нас оправить, а... крестьян обвинити, да и грамоту... правую велел нам в тех землях на... хрестьян дати»;[50] те же формулировки использованы и в правой грамоте 1519 г.[51] Примеры можно умножить и на основании актов второй половины XV в.[52] Печать великого князя прилагается не к правой грамоте, а к списку (судному списку. — *К. П.*), на основании которого судья выдает правую грамоту. Стоит оговориться, что, хотя формально решение выносится судьей, «слово» великого князя носит императивный (обязательный) характер.

Итак, «боярин введенный» осуществляет судебные полномочия и в случаях затруднения прибегает к процедуре «доклада», в результате чего великий князь «помогает» судье вынести решение по делу.

Судебное дело (1462—1473 гг.) по спору о земле в Переяславском уезде между слугой Андроном и попом Сидором, приведенное выше, интересно тем, что в процессе фигурирует еще один персонаж — Ф. М. Челядня. Он ставится в известность относительно существа дела судьей Беклемишевым, который лишь затем «докладывает» дело великому князю. Думается, что Ф. М. Челядня являлся тем лицом, кому подчинялся Беклемишев вне зависимости от обязанности решить данное дело.[53]

1470-е годы — очень и очень многое сходится в это время! Уже в 70-х гг. XV в. формируется орган власти — несколько должностных лиц, отношения между которыми не носят личного характера, как между наместником и его тиуном. Представляется, что это орган власти, который спустя почти полстолетия станет известен под названием «приказ». В ст. 16 Судебника 1497 г. конституируется положение боярина как должности. Норма данной статьи закрепила уже существовавшую к тому времени практику — она известна нам на примере данной грамоты архимандриту Симонова монастыря Феогносту (1494 г.).[54] Указанная практика существовала в середине XVI в.: сохранилась правая грамота нижегородского воеводы, выданная после «доклада» Ивану IV 12 февраля 1555 г.[55]

С 1490-х гг. отмечается рост числа дел, при рассмотрении которых «доклад» делался боярам.[56] Следует обратить внимание на то, что судьи, делав-

---

[49] Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Издал А. Федотов-Чеховской. Киев, 1860. Т. 1. № 45. С. 52.

[50] Акты Суздальского Спасо-Евфимьего монастыря 1506—1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998. № 17. С. 39—42.

[51] Там же. С. 45, 46.

[52] АСВР. Т. 1. № 430. С. 318—320; № 431. С. 320—321; № 524. С. 401—402; № 525. С. 403—404, и др.

[53] См.: *Петров К. В.* Приказная система управления в России ... С. 32—33.

[54] Истец «бил челом» великому князю, который указал боярину князю И Ю. Патрикееву дать судьей В. Ф. Безобразова. «Доклад» последнего был сделан И. Ю. Патрикееву. См.: АСВР. М., 1958. Т. 2. № 409. С. 427—430.

[55] *Антонов А. В.* Правая грамота 1555 г. из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 159—167.

[56] *Алексеев Ю. Г.* У кормила российского государства ..... С. 119—120, 280—281.

шие доклад, — лично свободные; при вынесении решения по делу на основании «доклада» присутствуют дьяки. Все это наталкивает на предположение о том, что в данном случае речь должна идти о тех же самых органах власти — будущих приказах.[57]

Важно отметить, что рассмотрение дела боярином по «докладу» подчиненного ему судьи не лишало его возможности обратиться к великому князю. Этот ретроспективный вывод следует из практики работы приказов второй половины XVI—XVII в., которая нашла свое отражение в ст. 2 главы X Соборного уложения 1649 г.[58]

Ряд статей Новгородской судной грамоты (в редакции 1471 г.) содержит указания на «суд» и «доклад» (ст. 6, 26).[59] Однако термин «суд» в данном контексте следует понимать не как синоним термину «судопроизводство», а в специальном смысле — как отдельную процедуру судопроизводства по одному делу. Указанный вывод подтверждается формулировкой, которая содержится в ст. 6: «...у суда или у доклада или у поля». В данном контексте «поле» употребляется для обозначения процедуры, которая занимает определенное время и проводится по своим определенным правилам, закрепленным в обычае. Следовательно, «суд» и «доклад» следует понимать как судебные процедуры. Иначе говоря, «суд» — рассмотрение дела до начала процедуры «доклада» или без нее.

Итак, «доклад» — первая стадия первоначального рассмотрения дела, возникающая при наступлении определенных обстоятельств. Процедура «доклада» возможна лишь тогда, когда решение еще не вынесено, значит, первоначальное рассмотрение дела еще не окончено.

Представляется, что о двух судебных инстанциях можно говорить в тех случаях, когда иной (второй) судебный орган по жалобе заинтересованного лица либо по собственной инициативе производит новое (повторное) рассмотрение дела уже после вынесения по нему решения.

Рассмотрение института судебного «доклада» как процедуры решения судебного дела в одной инстанции позволяет отметить определенные этапы развития судебной власти, пути и способы формирования судебных органов.

I. В процессе увеличения территории, роста населения и усложнения характера общественных отношений возникает необходимость в оптимизации рассмотрения судебных дел. Указанная необходимость реализуется в поручениях доверенным лицам провести начальную стадию судебного разбирательства, которая заключается в сборе доказательств и подготовке всего дела к тому, чтобы вынести по нему решение. Судебная инстанция одна — князь (великий князь), но сам судебный процесс разделяется на две стадии. Несмотря на то что наместники и волостели осуществляют публич-

---

[57] Там же. С. 121.

[58] Соборное уложение 1649 г.: текст, комментарии. Л., 1987. С. 31. — Думается, не прав А. Г. Маньков, когда, комментируя данную статью, пишет о том, что речь в данной статье идет «о передаче дел, решенных в приказах, но не удовлетворяющих одну из сторон, на суд царя и Боярской думы как апелляционной инстанции» (*Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. 2-е изд. С. 221).

[59] Новгородская судная грамота // Российское законодательство X—XX вв. М., 1984. С. 304, 306.

ные полномочия на определенной территории, «единый источник судебной власти — великий князь — лишь делегировал на время свое право суда другим лицам».[60]

II. Постепенно происходит формирование нового судебного органа в лице «боярина введенного», лица, которому доверены от князя (великого князя) не только подготовка конкретного дела к рассмотрению князем (великим князем), но и вынесение решения по нему. Термином «боярин введенный» обозначается лишь доверенное лицо, вне зависимости от того, какие административные функции оно выполняет.

III. Дальнейшее развитие судебных органов заключается в постоянном наделении бояр введенных и наместников судебной властью вне зависимости от конкретного спора. Это в свою очередь означает формирование содержания того понятия, которое в настоящее время обозначается словами «подсудность» (возможность рассмотрения судебного дела в зависимости от правового положения спорящих лиц, в том числе их места проживания) и «подведомственность» (возможность рассмотрения судебного дела в зависимости от его содержания). Указанный процесс отражается в появлении, с одной стороны, судебных иммунитетных прав подсудности великому князю, с другой стороны, в формировании понятия «права боярского суда».

Следует отметить, что в исторической перспективе все отмеченные выше этапы развития судебной власти происходили параллельно на протяжении по крайней мере XV—первой половины XVI в. Они сменяли друг друга настолько постепенно, что провести границу между ними, исходя из состояния источников, почти невозможно.

Несмотря на отмеченные изменения, на протяжении XIV—первой половины XVI в. сохраняет свое значение представление о том, что «один князь настоящий судья. Всякая другая власть от него берет свою силу». Поэтому все заинтересованные лица «бьют челом» великому князю.[61] Но даже в 1538 г. при рассмотрении судебного дела[62] сохраняются традиционные процессуальные институты почти в том виде, в котором они известным нам по актам второй половины XV в., в том числе процедура судебного «доклада».[63]

Представляется, что, с одной стороны, указанные тенденции были одновременными, а с другой стороны, они последовательно сменяли друг друга. Постепенность, одновременность и непрямолинейный характер процесса становления судебных органов, выражающийся в отсутствии общего правила, общего решения для всех случаев, всех жителей, всей территории — одно из проявлений правового партикуляризма, характерная черта любого средневекового общества.

---

[60] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 8-е изд. С. 602.

[61] *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд ... С. 169.

[62] Сб. РИБ. Т. 2. № 186. Стб. 771—793.

[63] Подробнее см.: *Петров К. В.* Судебные дела об убийствах в средневековой России. С. 509—537.

А. В. Кузьмин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОДА АМИНЕВЫХ
(К изучению истории киличеев в средневековой Руси)

К числу фамилий, чьи предки еще в XIV в. носили татарские прозвища, относится старомосковский служилый род Аминевых. Еще в середине XIX в. известный русский генеалог князь П. В. Долгоруков заметил, что среди Каменских, одной из ветвей потомков легендарного Ратши, есть Иван Юрьевич Аминь. По его мнению, именно этот человек был родоначальником всех носителей фамилии Аминевых.[1] Именно данный вывод нашел отражение у анонимного автора статьи «Аминовы», изданной в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.[2] Отметив несколько новых биографических сведений об Аминевых начала XVI в., к точке зрения князя П. В. Долгорукова позднее присоединился такой авторитетный русский генеалог, как Л. М. Савелов.[3] Таким образом, оба исследователя не обратили внимание на то, что известный по родословцам Иван Юрьевич Аминь жил не во второй половине или конце XV в., а в первой четверти—середине XVI в.

Такое весьма некритичное отношение к источникам, когда объединялись носители одной фамилии, но разных по своему происхождению, было замечено С. Б. Веселовским. Исследователь установил, что «Долгоруков дает совершенно невозможную хронологически цепь потомков И. И. Аминева (сына И. Ю. Аминя. — *А. К.*)», ибо реальный родоначальник фамилии на самом деле жил в XIV в. Проанализировав данные костромских актов XV—XVI вв., где упоминаются местные вотчинники Аминевы, С. Б. Веселовский пришел к двум важным наблюдениям: «Ясно, что этот старый род мелких костромских вотчинников не имеет ничего общего с Курицыными-Каменскими. С другой стороны, Долгоруков не дал никаких доказательств того, что потомки И. Ю. Аминя усвоили фамильное прозвище Аминевых».[4] Не отрицая возможности тюркских корней киличея Аминя, тем не менее исследова-

---

[1] *Долгоруков П.* [*В.*] Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. 3. С. 71.

[2] Аминовы // Энциклопедический словарь / Под ред. И Е. Андреевского; изд.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 1[А]. С. 650—651.

[3] *Савелов Л. М.* Родословные записи. М., 1906. Вып. 1. С. 51.

[4] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 521—522 (примеч. к с. 56).

© А. В. Кузьмин, 2007

тель справедливо заметил, что его прозвище могло быть и греческого происхождения.[5]

Наблюдения указанных выше исследователей без какой-либо критической проверки по источникам частично были упомянуты в работе казанского археолога А. Х. Халикова. Ссылаясь на «Ономастикон» С. Б. Веселовского, с одной стороны, он указал, что Аминевы происходят «от гонца — киличея Аминя, служившего в 1349 году (послан в Орду) у великого князя Семена Гордого»; при этом, с другой стороны, как вероятная им приводится и «вторая версия», т. е. точка зрения князя П. В. Долгорукова и Л. М. Савелова. И это несмотря на то, что ее ошибочность была обстоятельно показана в работе С. Б. Веселовского 1969 г. По мысли А. Х. Халикова, «Тюркское (булгарское?) происхождение подтверждают имена: Аминь, Руслан, Арслан. С ними связана известная тюрко-шведская фамилия „Аминоф"».[6] В другой своей монографии, не разбирая собственно генеалогии шведской ветви данной фамилии, А. Х. Халиков уже без каких-либо ссылок на источники утверждал, что эти Аминевы происходят от «булгар-беженцев» с берегов р. Волги, которые переселились в Скандинавию еще в первой половине XIII в.[7]

Еще одним автором, посвятившим свое исследование роду Аминевых, является датский медиевист Д. Х. Линд. Его работа строится на критическом разборе сведений русских, шведских и финских источников, где упоминаются представители фамилии Аминевых за XV—XVIII вв. Анализ современной историографии вопроса привел исследователя к неутешительному выводу: «Сопоставление различных версий генеалогического древа, восходящего к первому шведскому члену рода — Федору Аминову, просто ошеломляет несовпадениями. Выяснение того, почему так получилось, одновременно и интересно, и поучительно. Опасные ловушки всегда подстерегают генеалога, который плохо владеет исходным материалом и который в своих умозрительных построениях уходит все дальше и дальше от основополагающих исторических источников». Корни данных ошибок, как подчеркивает исследователь, ведут к труду князя П. В. Долгорукова. Поэтому «и Теннис Аминов, полностью принявший схему Долгорукова, и другие генеалоги, помещавшие сокращенную русскую версию, не имели ясного представления о том, что именно сделал Долгоруков, создавая свою пространную русскую схему». Высказанное Д. Х. Линдом мнение относится и к генсалогическим построениям Берндта Германа Аминова, Эльеншерны и Н. Ф. Иконникова.[8]

Д. Х. Линду принадлежит важная заслуга в том, что ему удалось найти документы, которыми пользовались многие исследователи истории рода Аминевых, начиная с князя П. В. Долгорукова. Это — материалы фонда фон Шантца 1720-х гг. и фонда Окерстайна, где «есть роспись, составленная в Лильендале в 1755 г. Хенриком Юханом Аминовым (ум. в 1758)», а

---

[5] *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 13.

[6] *Халиков А. Х.* 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения / Болгар-татар чыгышлы 500 рус фамилиясе. Казань, 1992. № 29. С. 40.

[7] *Халиков А. Х.* Монголы, Татары, Золотая Орда и Болгария. Казань, 1994. С. 56—57.

[8] *Линд Д. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. М., 2000. С. 30—31.

также «версия Хенрика Георга Аминова, датированная 1766 г.». Анализ этих источников позволил Д. Х. Линду показать, каким образом у князя П. В. Долгорукого строился поиск и отбор ряда сведений по истории данной фамилии. В итоге Д. Х. Линд пришел к выводу, что, несмотря на явные хронологические неточности в ряде поколений Аминевых, «***никто*** из последователей Долгорукова не выразил сомнения в методической правильности сделанной им комбинации».[9]

К сожалению, стоит сразу заметить, что родословная роспись рода Аминевых пока не найдена.[10] Даже не удается выяснить, существовала ли вообще ее русская версия. Исследование Д. Х. Линда не оставляет сомнения в том, что по крайней мере шведская ветвь рода имела смутные и весьма путанные представления о череде имен предков и их родственных связях с другими русскими фамилиями. Поэтому для реконструкции родословного древа стоит вновь обратиться к источникам.

Впервые Аминь упоминается в 1348 г. Согласно русским летописям, в ответ на посольство к хану Джанибеку брата великого князя литовского Ольгерда — новогрудского князя Корьяда (Михаила) Гедиминовича Семен Гордый, «погадавъ съ своею братиею съ княземъ Иваномъ и Андреомъ и съ бояры, и посла въ Орду Федора Глебовича да Аминя да Феодора Шубачеева къ царю жаловатися на Олгерда». Аргументы московской стороны оказались настолько убедительными, что «выдалъ царь Корьяда, Михаила и Семена Свислочьского и Аикша киличеевъ князя великаго и его дружину Литву, и далъ посла своего Тотуя, и велевъ выдати Корьяда и его дружину князю великомоу».[11]

В данном случае Аминь исполнил роль одного из великокняжеских киличеев. Данный термин — обрусевшая форма тюркского слова ‘keleci’, т. е. переводчик. Это слово, как показывает анализ содержания кириллических текстов XIV—начала XVI в., получило на Руси более широкий смысл.[12] Киличей — это посол в Орде великого князя со знанием татарского языка.[13] По крайней мере можно точно сказать, что предлагаемый А. Х. Халиковым перевод слова «киличей», как гонец, явно не отвечает ни его изначальной этимологии, ни его функциональному значению. Согласно древнерусским источникам, гонцы в отличие от киличеев не возили в Орду «многие дары».[14]

В зиму 1362/63 г. Аминь выполнил еще одну важную и ответственную миссию. Из Сарая он «привезлъ ⟨...⟩ отъ Мурута ярлыкъ на Москву на ве-

---

[9] Там же. С. 32—36. — Выделено нами.

[10] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996; *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV—начало XVII в. М., 2005 (по указ.).

[11] ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Вып. 1. Стб. 58. Л. 279 об.

[12] Материалы для терминологического словаря древней России / Сост. Г. Е. Кочин; под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1937. С. 142.

[13] *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. Bd. 1. S. 471—472.

[14] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1893. Т. 1: А—К. Стб. 1208; Словарь русского языка XI—XVII вв. / Глав. ред. Ф. П. Филин. М., 1980. Вып. 7 (К — Крагуярь). С. 123.

ликое княжение». Благодаря полученному документу москвичи на законных основаниях «сослали князя Дмитрея Суждальскаго съ великаго княжениа».[15]

К сожалению, по этим двум кратким летописным известиям нельзя в полной мере установить служебное положение Аминя при дворе великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича. Однако можно полагать, что место Аминя было высоким. Об этом косвенно свидетельствуют сведения, сохранившиеся о других киличеях, также находившихся при великокняжеском дворе в Москве. Так, например, точно известно, что ездивший в 1359 г. в Орду «киличей же князя Димитриа Василей Михайлович»[16] был боярином. В конце XIV—начале XV в. вместе с сыновьями Василием и Семеном он был записан для поминания в синодик придворного Успенского собора Московского Кремля.[17] Не менее высоким был статус отправленных в 1381 г. в Орду к хану Тохтамышу великокняжеских киличеев Толбуги и Мокшея. Первый из них — Иван Иванович Фоминский[18] — позднее известен как боярин и воевода великого князя Василия I Дмитриевича, он был одним из крупнейших землевладельцев Волоцкого уезда.[19] Мокшей, второй киличей великого князя Дмитрия Донского, стал родоначальником дворянской фамилии Макшеевых (Мокшеевых), чьи представители в XV в. упоминаются как дети боярские двора великого князя. Одна из ее ветвей — Кобылины-Макшеевы, перейдя на службу в митрополичий дом, в XVI—XVII вв. и здесь «изредка достигали высших чинов двора».[20]

Очевидно, что московский киличей Аминь прожил довольно долгую жизнь и был женат дважды. В договорах 1434 г. между князьями московского дома Василием II Васильевичем и Дмитрием Юрьевичем Шемякой неоднократно фигурирует одно село, которое ранее было взято на свое имя галицко-звенигородским князем Юрием Дмитриевичем «у Семена у Аминева пасынка въ Тростне въ своемъ имяни».[21] Подмосковное село Аминево на р. Сетунке, находившееся к юго-западу от столицы, летом 1572 г. было

---

[15] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73. Л. 290.

[16] *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1965. Т. 5. С. 110.

[17] ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 452; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 28—29.

[18] С таким отчеством воевода Иван Толбуга упоминается в источниках начиная с Софийской I летописи старшего извода, где он ошибочно включен в число погибших 8 сентября 1380 г. в сражении с Мамаевой Ордой на Куликовом поле (ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 466. Л. 398). В более поздних родословных росписях, начиная с середины XVI в., предок дворянского рода Толбузиных был записан в числе потомков князя Константина Юрьевича Березуйского и Фоминского с отчеством «Федорович» (Редкие источники по истории России / Сост. М. Е. Бычкова. М., 1977. Вып. 2. С. 41. Л. 605; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 211—211 об.). Интересно отметить, что муж родной сестры жены И. И. Толбуги Фоминского — московский боярин и воевода Семен Мелик (ум. 8 сентября 1380 г.) — также носил тюркское прозвище. Не мог ли он ранее также исполнять должность великокняжеского киличея в Орде?

[19] *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV—первой половине XVI в. М., 1998. С. 126—135.

[20] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 2: Землевладение митрополичьего дома. С. 423, 425.

[21] ДДГ. № 54. С. 113; № 55. С. 116; № 56. С. 119, и др.

завещано царем Иваном IV Грозным своему сыну и наследнику царевичу Ивану Ивановичу.[22]

Кроме пасынка Семена у Аминя был родной сын Климентий. Согласно данным актов, он владел сельцом Клементьево, деревней Морозцево и поляной на Голузине броде за р. Солоницей в Емецком стане Костромского уезда.[23] Здесь же находилась старинная родовая вотчина Аминевых — село Аминево, числившееся среди поместных начиная с конца XVI в.[24] Как точно установил С. Б. Веселовский, дети Климентия — Иван и Андрей были родоначальниками всех ветвей рода Аминевых.[25] По свидетельству актов владения внуков киличея Аминя находились также под Дмитровом и Солью Галицкой.[26]

Очевидно, именно вследствие исполнения дипломатических поручений великих князей в Орде москвич Аминь получил свое татарское прозвище. Как показано выше, на примере еще одного носителя тюркского прозвища — И. И. Толбуги Фоминского, киличеями могли назначаться даже представители титулованной знати, которые позднее могли выслужить и боярство.[27] Этот факт отражает действительно высокое положение киличеев в Москве. Во второй половине XIV—начале XV в., как показывает анализ сведений летописей и актов, аналогично обстояла ситуация со служебным положением киличеев Тверского великого княжения.[28]

---

[22] Там же. № 104. С. 433—434. — В пояснительных примечаниях к актам И А. Голубцов выводит название данного населенного пункта от владельца из рода Каменских, что, учитывая время жизни И. Ю. Аминя Каменского, выглядит крайне неправдоподобно (ср.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. / Отв. ред. Л. В. Черепнин; сост. И. А. Голубцов. М., 1958. Т. 2. С. 552).

[23] *Шумаков С. А.* Обзор Грамот Коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 58. № 66/5088, под 7068 г.

[24] Подробная опись 272 рукописям конца XVI—до начала XIX ст. Второго (Шевлягинского) собрания «Линевского архива», с приложениями / Сост. И. Н. Селифонтов. СПб., 1892; Архив сельца Корнилова: Документы по землевладению в XVII ст. в одном из уголков Костромской губернии / Предисл. А. Н. Куломзина. СПб., 1913 (по указ.), и др.

[25] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 521—522.

[26] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. / Отв. ред. Б. Д. Греков; сост. С. Б. Веселовский и др. М., 1952. Т. 1. № 523. С. 400; т. 2. № 93. С. 56, и др.

[27] В случае с будущим правителем Мурома князем Федором Глебовичем мы наблюдаем несколько иную ситуацию. В 1348 г. он упоминается первым из трех киличеев великого князя владимирского и московского Семена Ивановича Гордого, которые были отправлены в Орду к хану Джанибеку. Между тем в 1355 г. обширные связи в Орде, очевидно, помогли Федору Глебовичу получить здесь ярлык на Муромское княжение. При этом, несмотря на многолетнее правление, местный князь Юрий Ярославич был выдан с головой на расправу своему более удачливому сопернику. (О тождестве лиц, упоминаемых в летописных статьях 1348 и 1355 гг. под именем Федор Глебович, см.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сборник статей / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1980. С. 52. Примеч. 144.)

[28] *Кузьмин А. В.* 1) Из истории боярства Твери конца XIII—XV в. (Нащокины, Нагие, Собакины, Кореевы, Ельчины) // Первые открытые исторические чтения «Молодая наука»: Сборник статей / Сост. Н. А. Александрова, В. М. Муханов, А. П. Пятнов;

Таким образом, наличие татарских прозвищ у великокняжеских кличеев не является убедительным свидетельством того, что кто-то из них в XIV в. обязательно должен был происходить из числа знатных выходцев из Орды.[29]

науч. ред. В. М. Муханов, А. П. Пятнов. М., 2003. С. 18—27; 2) Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). Ч. 1. С. 148—153.

[29] Аналогичным образом обстоит ситуация и с большинством представителей московских боярских фамилий, где легенды о выезде из какой-либо Орды Джучиева улуса Монгольской империи появляются не ранее второй половины XVI или даже на рубеже XVI—XVII вв. (Об этом см., например, в ст.: *Кузьмин А. В.* Происхождение и эволюция родовой памяти старомосковской боярской фамилии Серкизовых и Старковых по данным родословных книг XVI—XVII вв. (исследование и публикация текстов) // Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М., 2006. С. 752—764.)

Ю. Д. Рыков

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОМ СТАТУСЕ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ В ЭПОХУ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

История древнерусских городов неизменно привлекает к себе пытливое внимание исследователей. В этом плане не является исключением и история городов во времена правления первого русского царя Ивана Васильевича Грозного (1530—1584). Именно в данный исторический период появляются первые массовые систематические кадастровые описания городов Московского царства, содержащие ценные разнообразные сведения по городской истории. Однако далеко не обо всех населенных пунктах Московского царства XVI в. сохранились подобные кадастровые описания, поэтому в отношении этих населенных пунктов, естественно, порой возникают определенные неясности и сомнения: а был ли тот или иной известный населенный пункт собственно городом или он вовсе не обладал городским статусом, а был просто крупным сельским поселением.

Одним из населенных пунктов с не вполне ясным статусом во времена правления царя Ивана Грозного (1533—1584) является широко известное старинное большое дворцовое село Александровская слобода (далее — АС). Данное село располагалось на гористом берегу р. Серой на середине хорошо наезженной дороги от Троице-Сергиева монастыря до г. Переяславля-Залесского. АС нередко называлась также Новой слободой по той причине, что она была устроена неподалеку от старого вотчинного великокняжеского села Старой Слободы, принадлежавшего еще вел. кн. московскому Дмитрию Донскому. В Новой слободе Александровской праправнук Дмитрия Донского вел. кн. московский Василий III учредил свой двор и возвел рядом с ним величественный белокаменный собор во имя Покрова Пресвятой Богородицы, который был освящен 11 декабря 1513 г.[1]

---

[1] ОР РГБ. Ф. 304.I (Собрание Главной библиотеки Троице-Сергиевой Лавры). № 302. Л. 4 об.; см. также: [*Иларий, иером. и Арсений, иером.*]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 2. С. 225. — В начале XVIII в. Покровский собор был переосвящен в Троицкий, и под этим наименованием он существует и поныне (см. об этом: *Яковлева О. А.* Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV (К вопросу о переименовании архитектурных памятников) // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. М., 1956. Т. 7. С. 164—177).

© Ю. Д. Рыков, 2007

С момента построения великокняжеского двора и освящения соборного храма в декабре 1513 г. АС стала любимым дворцовым селом вел. кн. Василия III. В этом селе Василий проживал продолжительное время («осеновал» по выражению летописей) во время своих частых богомольных «объездов» по монастырям Северо-Восточной Руси и во время охотничьих «прохлад».[2]

Отцовскую традицию посещения АС во время северо-восточных монастырских «объездов» позднее поддерживал и московский государь Иван IV Васильевич Грозный в первый период своего правления. Официальные летописи с 1532 по 1563 г. учли 11 посещений Иваном IV АС.[3] Однако на самом деле их было, по всей вероятности, несколько больше с учетом известной неполноты летописных известий.[4]

Начиная с 1565 г. роль АС в жизни Российского государства резко изменяется. Еще 3 декабря 1564 г. царь Иван Васильевич вместе с царицей Марией Темрюковной и сыновьями от первого брака Иваном и Федором со многим царским имуществом и охраной уехал из Москвы в дворцовое село Коломенское. Здесь царь провел из-за распутицы около 2 недель. 17 декабря Иван IV выехал отсюда, не заезжая в столицу, в дворцовое село Тайнинское, а затем в Троице-Сергиев монастырь, где 21 декабря побывал на торжественном молебне в честь Покровителя Москвы св. митрополита Петра. После участия в молебне царь отправился в дворцовую АС, где прочно обосновался до самого начала февраля 1565 г. В начале февраля 1565 г. царь Иван Грозный приехал в Москву, где обнародовал указ об учреждении в стране печально известной опричнины.[5]

С этих пор АС стала играть роль одного из двух важнейших административно-политических и культурных центров Российского царства. Значение Слободы неизмеримо возросло после устройства в ней нового Опричного двора и переезда сюда из Москвы в новопостроенный слободской дворец самого царя Ивана. Важное государственно-политическое значение АС сохранила даже после отмены опричнины в 1572 г. и учреждения особого Двора. Указанное значение Слободы резко упало лишь после отъезда из нее Ивана IV в ноябре 1581 г. из-за внезапной безвременной смерти здесь своего сына царевича Ивана.

Вопрос об изменении статуса дворцовой резиденции царя Ивана Грозного в годы опричнины в исторических исследованиях вплоть до последнего времени специально и глубоко не рассматривался, хотя еще Н. М. Карамзин писал, что после введения опричнины царь Иван «жил большею частию в слободе Александровской, которая сделалась *городом*, украшенным церк-

---

[2] О ранней истории АС до времен царя Ивана IV см.: *Стромилов Н. С.* Александрова слобода: Слобода до Грозного. М., 1884. С. 3—9; *Бочаров Г. Н., Выголов В. П.* Александровская слобода. М., 1970. С. 6; *Куницын М.* [*Н.*] Александровская слобода: (Исторический очерк). Ярославль, 1976. С. 10 и др.

[3] *Куницын М.* [*Н.*] Александровская слобода... С. 10.

[4] Ср.: *Полосин И. И.* Монастырские «объезды» Ивана IV: (Из истории военной политики России) // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 66—67.

[5] См. об этом: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 134—144; *Зимин А. А.* Опричнина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 88—90; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 207—215 и др.

вами, домами, лавками каменными. Тамошний славный храм Богоматери (т. е. Покрова Пресвятой Богородицы. — *Ю. Р.*) сиял снаружи разными цветами, серебром и золотом... Царь жил в больших палатах, обведенных рвом и валом; придворные, государственные, воинские чиновники — в особенных домах».[6] Основанием для такого мнения Н. М. Карамзина послужила «История о великом княжестве Московском» шведского дипломата и хрониста Петра Петрея де Ерлезунда, в которой, в частности, говорилось, что подмосковная АС представляет собой «маленький город и крепость», расположенный к северу от Москвы на расстоянии 8 миль. «Этот город построил жестокий великий князь Иван Васильевич и велел сделать вокруг него сильное укрепление, а внутри поставил пять прекрасных кирпичных церквей.

Город имел такое устройство, что всякому сословию отведено было особенное место для жизни. Самые знатные бояре и придворная челядь, которые во всякое время должны были исправлять свою службу при Дворе, жили поблизости дворца. За ними — думные бояре и другие чиновники. Напротив помещались телохранители. Купцы имели тоже особенные места, отдельные от прочих. В полумиле от *города* великий князь (т. е. царь Иван Грозный. — *Ю. Р.*) велел поставить крепостной караул, чтобы во всю его бытность там под страхом смертной казни никто без его ведома не мог ни выходить из *города*, ни входить в него».[7]

Лишь совсем недавно к вопросу о возможном городском статусе АС и о возможном наличии в этой резиденции царя Ивана Грозного «дворового» Посольского приказа обратился известный московский историк и археограф Б. Н. Морозов. 1 ноября 2003 г. он выступил в г. Александрове Владимирской обл. с очень интересным докладом на Международной научной конференции, посвященной 490-летию устройства Василием III великокняжеской резиденции в АС. Согласно программе конференции, выступление Б. Н. Морозова должно было быть посвящено довольно интригующему вопросу: «Существовал ли в Александровской слободе дворовый Посольский приказ?» Однако содержание доклада Б. Н. Морозова реально оказалось шире, чем было указано в программе, ибо в докладе был поставлен не только вопрос о возможном нахождении в Слободе «дворового» Посольского приказа Ивана Грозного, но и вопрос о вероятном городском статусе царской резиденции на берегу р. Серой. Докладчик заметил, что в современных исторических исследованиях «вопрос об официальном статусе АС в качестве города, кажется, специально не рассматривался», ибо введенный в 1830 г. в научный оборот И. М. Снегиревым текст послесловия печатной Слободской Псалтири с характеристикой Слободы как «нового города» по сути прямо не был использован в историографии. Основанием для постановки темы названного доклада послужили тщательно изученные исследователем материалы столбцового делопроизводства Посольского приказа по сношению с Польшей, вышедшие из стен царского двора в АС. В докладе были рассмотрены новые неизвестные ранее делопроизводственные источники об АС. В числе их были подлинная грамота царя Ивана IV от 13 марта

---

[6] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1821. Т. 9. С. 87.
[7] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 182.

1580 г., отправленная из Слободы в Москву земской Боярской думе во главе с боярином кн. Иваном Федоровичем Мстиславским и дьякам Посольского приказа братьям Андрею Яковлевичу и Василию Яковлевичу Щелкаловым, царская грамота от 15 марта 1580 г., отправленная из Слободы в Себеж воеводе Федору Матвеевичу Булгакову «с товарыщи» о переписке с польско-литовскими воеводами по поводу перемирия, пограничной торговли и обмена пленными и указная грамота Ивана IV от 8 ноября 1580 г., отправленная из Слободы русским послам кн. Дмитрию Петровичу Елецкому и Роману Васильевичу Олферьеву, посланным для ведения переговоров о перемирии с польским королем, с приказанием ехать в Великий Новгород. На основании источниковедческого анализа этих приказных документов Б. Н. Морозовым был сделан вывод, что все они происходят из «дворовой» канцелярии царя Ивана Грозного.

Из этих трех документов Б. Н. Морозов особенно выделил грамоту царя Ивана от 13 марта 1580 г., в которой АС была названа «городом». Докладчик охарактеризовал и другие известные ему исторические источники, подтверждающие городской статус АС в эпоху пребывания в ней царской резиденции. В их числе он назвал верительную грамоту послам кн. Д. П. Елецкому и Р. В. Олферьеву от 3 ноября 1581 г., опасную грамоту на проезд Антонио Поссевино от августа 1580 г. и послесловие печатника Андроника Тимофеева Невежи к изданной им в АС в 1577/78 г. Псалтири. Историк процитировал также не менее убедительное показание шведского посланника начала XVII в. П. Петрея, который в своем историческом сочинении о России, составленном на основе известий других авторов, писал об АС как о маленьком подмосковном городе с крепостью, которая была построена по приказу вел. кн. Ивана Васильевича. Б. Н. Морозов сослался также на мнения известных отечественных историков Н. М. Карамзина, М. Н. Тихомирова и П. А. Садикова, определенно считавших АС городом во времена нахождения там опричной царской резиденции.

Б. Н. Морозов подробно рассмотрел в своем докладе и вопрос, который ему позволили затронуть новонайденные документы «польских столбцов» 1579—1581 гг., о проблеме организации управления страной в годы существования Двора в АС и о роли в ней царской канцелярии. На основе скрупулезного анализа фактов о деятельности этой канцелярии ученый пришел к выводу, что на царскую канцелярию этого времени «ложился контроль не только за важнейшими внешнеполитическими документами, проходящими через Посольский приказ, но и за текущими делами». Докладчик отметил большую роль в деятельности Дворовой канцелярии царя дьяка Андрея Васильевича Щерефединова, который, вероятно, стоял и во главе всего «Дворового» приказа. Б. Н. Морозов констатировал, что находившаяся в АС царская дворовая канцелярия занималась вопросами осуществления внешней политики и посольского дела, однако заметил, что на вопросы, каким был удельный вес этой канцелярии и существовал ли в АС особый «дворовый» Посольский приказ, ответ может дать «только тщательное исследование взаимодействия дворового ведомства (канцелярии) с земским Посольским приказом».

Прозвучавший на данной конференции доклад был доведен Б. Н. Морозовым до стадии научной статьи с несколько видоизмененным названием,

которая затем была представлена оргкомитету конференции для напечатания в специальном сборнике. Тексты новонайденных приказных документов были помещены в данной статье в качестве приложения.[8]

Одновременно с докладом Б. Н. Морозов подготовил для «Археографического ежегодника» и отдельную публикацию вышеуказанной подлинной грамоты Ивана IV от 13 марта 1580 г., поскольку эта царская грамота, по справедливому заключению публикатора, представляла особый научный интерес для историков. Публикацию текста новонайденной грамоты историк и археограф сопроводил интересной вступительной статьей, в которой по сути повторил наблюдения и выводы своего доклада, изданного позднее в виде статьи.[9] Б. Н. Морозов указал, что обнаружил публикуемую грамоту царя Ивана Грозного в комплексе других документов, написанных в АС и отложившихся в столбцах Посольского приказа. Данные материалы привлекли особое внимание Б. Н. Морозова «не только как исторический источник, освещающий в какой-то мере историю знаменитой царской резиденции на ее заключительном этапе, но и как важный палеографический источник — известно, что в это время (1576—1580) при дворе Ивана Грозного работала первая русская провинциальная типография и, по предположению некоторых исследователей, даже создавался грандиозный Лицевой летописный свод».

Грамоты, составленные от имени царя в АС, перемежались в столбце с царскими грамотами, написанными в Москве, Новгороде и Старице, что и дало исследователю основания для вывода о том, что царские грамоты первоначально «отложились в своеобразной походной канцелярии Ивана Грозного», а уже потом «отпуски» данных грамот «были соединены с их подлинниками, которые поступали в московский земский Посольский приказ».[10]

Б. Н. Морозов дал общую характеристику выявленного им нового источника по истории заключительного этапа деятельности царской резиденции в АС. По определению исследователя, содержание этой царской грамоты 1580 г. «вполне рутинно»: оно касается переписки Ивана Грозного с пограничными воеводами в Ливонии об обмене пленными, но важной особенностью окончания данной грамоты является определение места написания ее как *города*, ибо на лицевой стороне документа было указано: «Писан в городе в Слободе лета 7088-го марта в 13 день». Формуляр выходной записи этой грамоты отличается от других обычных рядовых слободских грамот, в конце которых традиционно в соответствии с протоколом дипломатических документов сообщалось: «Писан в Слободе», но не указывался ее городской статус. «Почему именно в этой грамоте, в отличие от других, добавлено слово „в городе", неясно», — заметил Б. Н. Морозов.[11] Публика-

---

[8] *Морозов Б. Н.* Неизвестные документы об Александровской слободе в правление Ивана Грозного (была ли городом Слобода и действовал ли в ней «дворовый» Посольский приказ?) // Государев двор в истории России XV—XVII столетий: Материалы Международной научно-практической конференции. 30 октября—1 ноября 2003 г. Александров / Отв. ред. А. С. Петрухно и В. Д. Назаров. Владимир, 2006. С. 11—26.

[9] *Морозов Б. Н.* Новый документ об Александровской слободе при Иване Грозном: (Была ли городом царская резиденция?) // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 110—115.

[10] Там же. С. 111.

[11] Там же.

цию текста этой грамоты с особой характеристикой АС как города историк сопроводил вступительной статьей, в которой рассмотрел вопрос о статусе АС во времена правления Ивана Грозного.

В обеих вышеназванных опубликованных статьях Б. Н. Морозов кратко охарактеризовал историографию вопроса о городском статусе АС во времена правления Ивана IV в современных исследованиях, посвященных социально-политической истории России эпохи грозного царя, и рассмотрел комплекс известных ему редких свидетельств XVI в. о статусе АС. Историк заметил, что кроме публикуемого им вышеуказанного «недипломатического» документа 1580 г. из столбцов Посольского приказа имеется еще одна более поздняя слободская грамота Ивана Грозного от 3 ноября 1581 г., в которой заключительный текст содержит также определение АС как *города*, но «выходные данные» этого текста расширены «во всех параметрах». Здесь указано: «Писана в государствия нашего Дворе, в городе в Слободе, лета от создания миру 7090 ноября месяца...»[12]

Грамота Ивана IV от 3 ноября 1581 г. входит в состав другого столбца с документами Посольского приказа, связанными с приездом в Россию папского посланника А. Поссевино, и представляет собой верительную грамоту царя Ивана русским послам кн. Д. П. Елецкому и Р. В. Олферьеву, направленным на съезд польских и русских послов для переговоров о мире.[13] Н. П. Лихачев в своей книге, посвященной приезду А. Поссевино в Россию, из вышеуказанного столбца напечатал только начальную часть финального протокола данной верительной грамоты.[14] Полный же текст этой верительной грамоты был воспроизведен в «Протоколах Ям-Запольского перемирия» в латинском переводе А. Поссевино, при этом в «выходных данных» латинского перевода этой грамоты слово «*город*» превратилось в «*крепость*», и поэтому в современном переводе с латинского слова заключительного протокола этой грамоты Л. Н. Годовиковой были воспроизведены так: «Написано в нашем государстве, во дворце крепости Слобода. В году от сотворения мира 7090, месяца ноября...»[15]

Б. Н. Морозов справедливо заметил эту текстологическую разницу и подчеркнул определенную смысловую тождественность таких понятий, поскольку «определение „город" для Москвы» в латинском переводе давали так же как крепость».[16] Как известно, отчет русских послов, участников Ям-Запольских мирных переговоров, был составлен для Посольского приказа в столбцовой форме уже после того, как эти послы вернулись в Москву,[17] однако первичным в верительной грамоте следует все же считать определение Слободы как *города*, а не как *крепости*. Последнее определение

---

[12] Там же. С. 112; *Морозов Б. Н.* Неизвестные документы... С. 13.

[13] *Морозов Б. Н.* 1) Неизвестные документы... С. 13; 2) Новый документ... С. 112.

[14] См.: *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино. СПб., 1903. С. XLIII.

[15] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступит. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой; отв. ред. В. Л. Янин. М., 1983. С. 152.

[16] *Морозов Б. Н.* Новый документ... С. 112, примеч. 9; ср.: *Морозов Б. Н.* Неизвестные документы... С. 13.

[17] См.: *Успенский Ф. И.* Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581—1582 гг. Одесса, 1887. С. 1—84.

появилось в латинском тексте грамоты в результате ее не вполне адекватного перевода с русского языка.

В своих работах Б. Н. Морозов обратил также внимание и на свидетельство еще более раннего времени, где АС названа уже «*новым городом*», подчеркнув при этом, что оно находится в памятнике «вполне официального происхождения».[18] Используя известный «Словарь книжников и книжности Древней Руси», исследователь сослался на послесловие книжного мастера и типографа Андроника Тимофеева сына по прозвищу «Невежа» к книге Псалтири, напечатанной в АС в 1576—1577 гг. Именно здесь в «сведениях о выходе» печатного издания типограф назвал АС «новым градом».[19] На основании этого вполне официального свидетельства Б. Н. Морозов заметил, что именованием Слободы в этом послесловии «*новым градом*» «печатник (или лицо, ему указавшее на необходимость подобного текста) хотел подчеркнуть те принципиальные внутренние и внешние изменения, произошедшие в Слободе за десятилетие ее функционирования как фактически второй — сначала опричной, а затем „дворовой'' столицы Российского государства».[20]

На основе проанализированного исторического материала Б. Н. Морозов пришел к выводу, что царская грамота 1580 г. «является важным документальным подтверждением городского статуса АС — резиденции Ивана Грозного». Этот городской статус «по разным причинам не был окончательно зафиксирован в письменной, в документальной прежде всего, традиции того времени» и «был утрачен, когда царь после смерти сына (Ивана Ивановича. — *Ю. Р.*) в конце 1581 г. перестал посещать Слободу».[21]

Заключительный вывод Б. Н. Морозова о городском статусе АС в опричное и послеопричное время представляется вполне справедливым и обоснованным. Вместе с тем из поля зрения глубокоуважаемого историка и археографа, к сожалению, ускользнуло несколько ценнейших исторических источников, которые проливают новый дополнительный свет для решения поставленного Б. Н. Морозовым вопроса о статусе АС в годы правления царя Ивана Грозного.

Изменения в статусе дворцового села АС действительно имели место во времена первого русского царя. Они были вызваны серьезными внутриполитическими причинами.

Важной предпосылкой официального изменения статуса дворцового села АС послужил переезд сюда в декабре 1564 г. царя Ивана Грозного с семьей и имуществом, а затем, в начале 1565 г., и последующее административно-политическое разделение единого Российского государства по воле царя на опричнину и земщину. Москва стала столицей земщины, и хотя значительная часть ее посадской территории была выделена в опричнину и на московском посаде за рекой Неглинной, между Арбатом и Никитской

---

[18] *Морозов Б. Н.* 1) Неизвестные документы... С. 14; 2) Новый документ... С. 112.

[19] *Сазонова Л. И.* Андроник Тимофеев // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 41.

[20] *Морозов Б. Н.* 1) Неизвестные документы... С. 14; 2) Новый документ... С. 112—113.

[21] *Морозов Б. Н.* 1) Неизвестные документы... С. 15; 2) Новый документ... С. 113.

улицей, был даже построен опричный царский дворец,[22] главный подлинный центр управления опричниной прочно перешел в АС после переезда сюда царя и опричных приказов.

Сохранилось не так уж много летописных исторических источников по начальной истории строительства в АС опричного двора с новым царским дворцом и по истории переезда в него Ивана Грозного.

Из официальной летописи XVI в. известно, что московский опричный двор начал создаваться по приказу царя Ивана Васильевича в 7074 г. от легендарного Сотворения мира,[23] т. е. в период времени между 1 сентября 1565 г. и 31 августа 1566 г. Первоначально этот двор планировалось устроить в московском Кремле, для чего здесь начали было «место чистити, где были хоромы царицы и великие княгини, позади Рожества Пречистые и Лазаря Святаго, и погребы, и ледники, и поварни все и по Курятные ворота; такоже и княже Володимерова двора Ондреевича место принял и митрополича места».[24] Однако в апреле 1566 г. царь Иван передумал устраивать здесь свой опричный двор, вернул кн. Владимиру Андреевичу его бывшее дворовое место, дополнив его «для пространства дворовым местом боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского», и повелел делать новый опричный двор «за городом за Неглимною меж Арбацкие улицы и Никитцкие от полова места, где церкви Великомученик Христов Дмитрий да храм святых апостол Петра и Павла, и ограду камену вкруг двора повелѣ здѣлати».[25]

Из памяти от 11 апреля 1566 г., данной приставам И. П. Новосильцеву и Д. Головину из Посольского приказа, можно узнать, что царь Иван в это время жил «на своем царском дворе», т. е., очевидно, еще в московском Кремле.[26] Вместе с тем в памяти говорилось: «Волен государь, где похочет дворы и хоромы *ставить*, туто *ставит*».[27] Здесь можно видеть действительно намек на начавшееся строительство нового опричного двора на посаде.

Строительство опричного двора в Москве заняло, очевидно, около 8 месяцев, так как царь переехал сюда лишь 12 января 1567 г. В официальной летописи XVI в. об этом сказано так: «Того же лета генваря в неделю царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии перешел на новый свой двор, что за городом (т. е. за Кремлем. — *Ю. Р.*) против Ризположенских ворот».[28]

Обстоятельства и время построения в АС второго опричного двора Ивана Грозного и переезда туда царя в официальной летописи отсутствуют. Ее ведение прекратилось на 1567 г. Однако историки еще со времен публикации книги Посольского приказа о сношениях России с Польшей знали,

---

[22] Об опричном дворе Ивана Грозного в Москве см.: *Забелин И. Е.* Опричный дворец царя Ивана Васильевича // Забелин И. Е. История города Москвы: Неизданные труды. М., 2004. С. 345—354; *Лекомцев М.* Опричный двор Ивана Грозного // Царские и императорские дворцы. М., 1997. С. 81—86; *Володихин Д. М.* Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006. С. 148—149.

[23] ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 401.

[24] Там же. Т. 29. С. 344; т. 13. С. 403.

[25] Там же. Т. 29. С. 350.

[26] *Корецкий В. И.* К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // Летописи и хроники / Отв. ред. В. И. Буганов. Сб. статей. М., 1984. С. 96.

[27] Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 331. — При цитировании текстов источников курсив автора статьи.

[28] ПСРЛ. Т. 29. С. 353.

что в царском наказе русскому посланнику в Польшу Федору Мясоедову от февраля—марта 1569 г. говорилось, что царь Иван «живет в слободе» близ Москвы «для своего прохладу, а государство свое правит на Москве и в слободе».[29]

Более подробные и по сути уникальные сведения о строительстве опричных царских дворов в Москве и АС удалось найти в 1984 г. В. И. Корецкому. Эти ценнейшие сведения были обнаружены В. И. Корецким в тексте летописных отрывков за 1565—1569 гг., помещенных в составе рукописного сборника Музейного собрания РГБ как продолжение Новгородской III летописи. Данные сведения имеют большое научное значения для решения поставленного вопроса о городском статусе АС во времена царствования Ивана Грозного. Однако этот ценнейший исторический источник, к сожалению, совершенно выпал из поля зрения Б. Н. Морозова.

В. И. Корецкий, изучивший тексты этих отрывков, пришел к выводу, что они имеют безусловные переклички и взаимосвязи с введенными ранее в научный оборот Костровским летописцем и другими частными летописцами XVII в., так как они все вместе представляют собой фрагменты более полного, но не дошедшего до нас летописца, составленного «в промежуток времени от 8 февраля до мая 1572 г. современником и очевидцем опричнины, москвичом духовного сана».[30] При этом особой информативностью отличаются сведения летописных отрывков рукописи Музейного собрания, сохранившие ряд подробностей, которые отсутствуют в других летописцах. По сведениям уникальных летописных отрывков за 1565—1569 гг., Иван Грозный «вышел от города Кремъля за город на поле Воздвиженское, оставя двор свой царский и переведяся за Неглинну реку напротив монастыря на Арбацкую улицу на двор тестя своего князь Михайла Васильевича Черкаскаго Темрюковича. И велел на том дворе ставити избы судебныя всем бояром и самим жити судьям наскоре и оградити все новым тыном крепким и высоким. Такоже и бояр ближних и окольничих. И ставити избы судебныя, розыскныя, и губныя, и всякой разряд чинити, сиречь тайные дела разыскивать. И сам государь за ними судьями восхоте смотрети. И судиша боляры тамо мало не весь год. А все царь слушал ушников... а народ свой губил без милости напрасно и много крови проливал без Бога. Он же услышав от многа народа, путем шествующи улицею Арбатом, прислушающих розысков усомнеся. Потом повеле перевестися из Москвы на иное место».[31]

Итак, по сведениям этих отрывков, в новопостроенном московском опричном дворе царь Иван жил «мало не весь год». Осуществляемый Иваном Грозным кровавый, беззаконный произвол в Москве в отношении подданных вызвал антиопричные выступления посада, и царь спонтанно принял решение «перевестися из Москвы на иное место», т. е. в АС. В немалой степени этому кардинальному решению способствовали близкие царские

---

[29] Сб. РИО. Т. 71. С. 591.

[30] *Корецкий В. И.* 1) К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины. С. 108; 2) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. / Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1986. С. 32.

[31] *Корецкий В. И.* К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины. С. 110.

придворные — «ушники», т. е. лица, тайно шепчущие в уши, иначе говоря, наушники или шептуны.[32] В летописных отрывках за 1565—1569 гг. об этом факте сказано далес следующее: «В лето 7074 (1565/66 г. — *Ю. Р.*) они же, ушники, возвестиша царю Ивану Васильевичу, самодержцу всея России, чтобы из Москвы града перевестися подале, народа ради и тайных розысков якобы злых людей от измены, во Александрову слободу, и дабы тамо град каменной был построен, понеже в Москве многократно при пути разыскивать невозможно. Он же, государь, послушав их, повеле бояром, чтобы вскоре построили град и дворец государю, и себе бы домы устроили, и приказные избы, и судебныя столы по чинам, и разрядныя, и губныя, и всему чину приказному, и караулным стрелцам, и заплечным мастерам. Потом привезоша из Москвы столы и скамьи, и потом сами судьи. И изволил сам государь смотрети и расправлял немилостиво, так яро и сказать невозможно: что скажут ушники, и им паче верил и суд безчеловечно производил».[33] В данных летописных известиях современника опричнины содержатся по сути первые упоминания о решении царя Ивана переехать из Москвы в АС и устроить там «*каменный град*» со своей резиденцией, чтобы обезопасить там себя от «многонародных» антиопричных выступлений в Москве.

Таким образом, приказ о построении в АС «каменного града» был отдан царем Иваном уже после его переезда со всей семьей на житье в новый опричный двор «за городом» и после антиопричных волнений народа на Арбате. Стало быть, ключевым моментом для датировки этого царского приказа служит упоминание данного волнения народа в Москве.

Подробно изучавший вопрос об антиопричном выступлении москвичей на Арбате, В. И. Корецкий предположительно связал этот народный протест против опричнины с рассказом Г. Штадена о переезде Ивана Грозного в АС из-за «мятежа». Данный «мятеж» исследователь датировал концом июля 1568 г. и сделал даже попытку конкретно увязать эти антиопричные выступления посадских людей с днем 28 июля 1568 г., когда царь Иван после богослужения в Московском Новодевичьем монастыре шествовал со своей свитой через Арбат в опричный двор. На этой литургии служивший там митрополит Филипп, возможно, и произнес тогда «самую сильную и вызывающую» «третью обличительную речь против опричнины», и посадский народ, собравшийся тогда на Арбате по пути следования царя в опричный двор, будучи возбужден обличительной речью митрополита и ссорой его с царем в монастырском соборе, мог заявить свои антиопричные протесты царю.[34]

Гипотетические построения В. И. Корецкого подверглись решительной критике со стороны Р. Г. Скрынникова, который подчеркнул, что в данном

---

[32] Замечу попутно, что кн. А. М. Курбский также отмечал наличие в близком окружении царя Ивана подобных шептунов-ласкателей еще во времена своего пребывания в России. По мнению кн. Андрея, «шептания» этих лиц сыграли важнейшую роль в перерождении «прежде доброго и нарочитого царя», которое привело в дальнейшем к падению правительства «Избранной рады» и к началу неслыханных гонений и казней царских подданных в Российском царстве (см.: Сб. РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 211—212, 259, 269 и др.; БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 354, 356, 396, 404 и др.).

[33] *Корецкий В. И.* К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины. С. 110.

[34] См.: там же. С. 99—108.

летописном отрывке известие «о происшествии на Арбате» отнесено к первому году действия опричнины, а «хронологическая последовательность рассказа Г. Штадена не может служить датирующим признаком. Что же касается сведений о „мятеже", они совершенно определенно помещены в Записках среди других сведений об учреждении опричнины. Эти сведения явились отражением не гипотетических выступлений посада против опричнины ⟨...⟩, а обращений царя к населению по поводу измены или пособничества изменникам московских бояр и духовенства».[35]

Мне также представляется, что гипотеза В. И. Корецкого о датировке антиопричного арбатского выступления концом 1568 г. не вполне согласуется с историческими фактами. Из комплекса вышеназванных летописных источников известно, что царь с семьей переехал в опричный двор на Арбате 12 января 1567 г. Там он жил и вместе со своими опричными боярами творил жестокую расправу над опальными людьми «мало не весь год», т. е. немногим меньше года. Протестные выступления народа на Арбате, строго говоря, должны были произойти спустя какое-то продолжительное время после царского переезда 12 января 1567 г. в новый опричный двор, устройства здесь судебных изб и начала ведения следственных розысков и судебных исполнений. Царь и опричные бояре вершили свой суд в Москве на опричном дворе около года. Однако это вовсе не означает, что протестные выступления произошли в конце московского периода опричного двора. Они могли произойти и ранее, например в середине года, так как судебно-следственная деятельность опричников могла продолжаться какое-то время и после выслушанных царем протестных выступлений на Арбате. Ведь для обустройства каменного града в АС и нового опричного двора в ней безусловно требовалось какое-то продолжительное время. Правда, в летописных отрывках сказано, что царь повелел опричным боярам строить быстрыми темпами («вскоре») в АС «град и дворец государю, и себе бы домы и устроили и приказные избы».[36] Такое императивное царское требование скорейшего строительства изб на опричном дворе определялось актуальностью стоящих перед царем задач наказания «изменников» и «лиходеев». Как мы знаем, строительство Арбатского опричного двора заняло примерно 8 месяцев.

В нашем распоряжении сейчас имеются достоверные данные, что по крайней мере уже 12 февраля 1568 г. царь Иван пребывал «в *граде* Слободе» и отдавал там свои повеления книжникам местного придворного скриптория при храме Покрова.[37] Стало быть, «*град* Слобода» был построен до 12 февраля 1568 г. Согласно показаниям летописных отрывков 1565—1569 гг., антиопричное выступление народа на Арбате состоялось до построения «*града*» в Слободе. Известно по тем же показаниям, что царь со своими боярами вершил судебную расправу над подданными на опричном дворе в Москве около года. Прикинув чисто логически примерно 6—7 ме-

---

[35] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 321—322.

[36] *Корецкий В. И.* К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины. С. 110.

[37] См. об этом пребывании царя в АС: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 438. № 631 (514), и др.

сяцев на ускоренное построение «каменного града» в АС, мы приходим к предположению о начале строительства каменного Кремля в АС в конце лета—начале осени 1567 г. Стало быть, с учетом этого можно думать, что антиопричное протестное выступление посадских людей на Арбате произошло где-то незадолго до этого срока.

Подробное описание этого слободского опричного двора, окруженного высокой каменной стеной с тремя воротами, оставил немец Генрих Штаден, служивший в опричнине.[38] По его сведениям, АС «срублена» была таким образом: «стены сложены из бревен, врезанных одно в другое и доверху засыпанных землей. Снаружи поверх бревен во избежание пожара выложена стена толщиной в один кирпич — от земли до стрельниц».[39] Согласно показаниям датского посла Якоба Ульфельдта, прибывшего с членами своего посольства в АС 19 августа 1575 г., каменное строительство в царской резиденции к этому времени было полностью завершено. Посол в своих записках сообщал, что утром 20 августа члены его посольства «направились прямо в *крепость*». Движение датских послов в крепость осуществлялось в промежутке между двумя длинными рядами вооруженных царских лучников. «Проехав дальше, мы (члены датского посольства. — *Ю. Р.*) достигли крепости, действительно обширной и выстроенной по-царски из камня, окруженной стеной и рвами, вмещающей три замечательных храма».[40] Изображения Слободской крепости и трех храмов внутри ее хорошо видны на современной гравюре И. Т. де Бри, помещенной в латинском издании книги Я. Ульфельдта 1620 г.

В слободском Кремле кроме каменных палат царского дворца находились каменные храмы и различные хозяйственные деревянные постройки, поставленные на подклеты.[41]

После окончательной постройки в АС Государева опричного двора, окруженного бревенчато-кирпичной стеной, новая резиденция царя приобрела вид настоящего города. Как известно, в XVI в. «городом» называли крепость в отличие от незащищенного посада, в котором жили торгово-ремесленные люди.[42] Такое именование «городом» территории бывшего Государева двора, окруженного в прошлом линией укреплений, сохранилось даже в писцовой книге 20-х гг. XVII в.[43] М. Н. Тихомиров отмечал, что АС в XVI в. была *городом:* она лишь по традиции именовалась слободой, хотя фактически являлась «настоящей крепостью с посадом».[44]

---

[38] *Штаден Генрих.* Записки немца-опричника / Сост. и коммент. С. Ю. Шокарева. М., 2002. С. 66—69.

[39] Там же. С. 23.

[40] *Ульфельдт Якоб.* Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой; ред. пер. В. В. Рыбаков; отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 318.

[41] См.: *Яковлева О. А.* Кремль в Александровской слободе в эпоху Ивана IV... С. 164—177.

[42] *Косточкин В. В.* Древние русские крепости. М., 1964; *Епифанов П. П.* Крепости // Очерки русской культуры XVI века / Под ред. А. В. Арциховского. М., 1976. Ч. 1. Материальная культура. С. 316.

[43] См.: *Стромилов Н. С.* Александрова слобода в XVII в. и ее Успенский девичий монастырь (1612—1699) // Стромилов Н. С. Царевна Марфа, сестра Петра Великого. Владимир, 1883. Разд. 3. С. 4.

[44] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 170.

Государев опричный двор в АС имел особую Боярскую думу, особый штат дворецких, казначеев, дьяков и подьячих и других деятелей государева приказного аппарата. Все нити управления опричным уделом вели отныне в слободские дворцовые палаты царя.

С момента переезда Ивана IV вместе с семьей из Москвы в АС на постоянное жительство последняя становится не только административно-политическим, но и культурным центром. В Москве после переезда царь Иван стал бывать сравнительно редко, в основном он наезжал сюда для приема иностранных послов или для проведения казней. Костровский летописец, восходящий к тому же Летописцу, что и летописные отрывки 1565—1569 гг., сохранил такие известия в обобщенной форме: после построения города и двора в Слободе царь «почал» здесь жить «со всеми боляры своими, а к Москве стал приезжати з боляры своими на время как ему годно...».[45]

Как уже отмечалось в литературе (в том числе и Б. Н. Морозовым), в АС по личному указанию Ивана Грозного была основана новая типография Андроника Невежи Тимофеева сына. Слободская типография была устроена взамен старой московской, которая существовала ранее в столице и где в марте—декабре 1568 г. книжные типографы Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев печатали шрифтом Апостола Ивана Федорова 1564 г. Псалтирь форматом в четвертую долю листа.[46] Эта старая типография Н. Тарасиева и Н. Тимофеева сгорела в грандиозный московский пожар 24 мая 1571 г. после набега крымского хана Девлет-Гирея на Москву.[47] Деревянная Москва тогда практически полностью выгорела, за исключением Кремля и Китай-города.[48] Именно московское издание Псалтири 1568 г. с небольшими изменениями и было воспроизведено вторично в 1576—1577 гг. «в *новом граде*» АС книжным мастером Андроником Невежей Тимофеевым. Как говорилось в послесловии слободского издания Псалтири: «Благодатию и щедротами человеколюбиваго Бога Господа и Спаса нашего Исуса Христа и повелением благочестиваго и Богом венчанного и хоругви правящаго скипетра Великия Росия государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Русии самодержца, и его Богомъ дарованныхъ чадъ: царевича князя Ивана Ивановича и царевича князя Феодора Ивановича, составися штанба, еже есть печатныхъ книгъ дело, Богомъ спасаемомъ и тезоименитом в новомъ граде Слободе в лето седмь тысящъ восемьдесятъ четвертое, июня в 20... ко очищению и исправлению плодовъ правды, и в похвалу истинныя право-

---

[45] *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 226.

[46] См.: *Снегирев И. М.* О первой Псалтири, напечатанной Невежею Тимофеевым и Никифором Тарасиевым при царе Иоанне Васильевиче // Вестник Европы. СПб., 1830. Ч. 172. № 13. С. 57—62; Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. М., 1984. Вып. 19. Типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева / Сост. Ю. А. Лабынцев; под общ. ред. Е. Л. Немировского. С. 5—32; *Сазонова Л. И.* Андроник Тимофеев. С. 40; *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог / Под общ. ред. Л. И. Сазоновой. М., 2003. Кн. 1. С. 332—333. № 42; с. 499—501. № 64.

[47] См.: *Соловьев А. Н.* Государев Печатный двор и Синодальная типография в Москве. М., 1903. С. 13.

[48] О набеге Девлет-Гирея на Москву и о московском пожаре 1571 г. см. подробнее: *Зимин А. А.* Опричнина. С. 271—274; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 424—427.

славныя веры Христовы... Совершена же бысть книга сия в лето седмь тысящъ восьмдесятъ пятого генваря въ 31... труды и тщаниемъ мастера Андроника Тимофеева сына Невежы...»[49] Все это наряду с полным совпадением у издателей московской и слободской Псалтири прозвища и отчества, игравшего в те времена роль фамильного прозвания, говорит в пользу того, что Невежа Тимофеев и Андроник Тимофеев сын по прозвищу «Невежа» — одно и то же лицо.[50]

Впоследствии книжным мастером Андроником Тимофеевым сыном Невежей была напечатана также книга под названием Часовник.[51] К сожалению, это издание известно сейчас в науке только по трем дефектным экземплярам, хранящимся в РНБ, ГИМ и РГБ. Во всех этих экземплярах утрачено, в частности, послесловие книжного мастера А. Тимофеева, традиционное для всех его московских изданий XVI—начала XVII в. Именно по этой причине точная дата печатания новонайденного Часовника современным историкам и книговедам остается пока неизвестной. Первооткрывательница этого нового кириллического издания Т. Н. Каменева на основе сравнительного аналитического изучения шрифта, заставок и ломбардов с привлечением к исследованию бумажных водяных знаков Часовника убедительно доказала, что он несомненно относится к числу изданий Андроника Невежи, вышедших после издания слободской Псалтири. Исследовательница очень осторожно предположила, что новонайденное невежинское издание могло быть напечатано «в АС между 1577—1582 гг. или, может быть, в Москве, вскоре после возвращения (царя в Москву. — *Ю. Р.*)».[52] Вместе с тем Т. Н. Каменева не исключила возможности и того, что данный Часовник мог быть напечатан не в Слободе, а «в Москве в год смерти Грозного (1584)».[53] Тем не менее в библиографическом описании новонайденного экземпляра Часовника

---

[49] Цит. по кн.: *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский Печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1618—1652 гг. От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М., 2001. С. 174.

[50] В отличие от большинства исследователей М. Н. Тихомиров и Ю. А. Лабынцев полагают, что Андроник Невежа и Невежа Тимофеев — это разные лица (см.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 97; Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Вып. 19. С. 11), однако их мнение представляется недостаточно обоснованным и убедительным. Христианские имена и некалендарные прозвища людей Древней Руси нередко корреспондировались друг с другом в источниках, но обычно употреблялись отдельно (см. об этом: *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 4—11). Интересно в этом плане обратить внимание на то, как называет себя А. Тимофеев в послесловии к Псалтири 1602 г. Он пишет, что данная книга напечатана «художеством и труды многогрѣшнаго Андроника Тимофѣева, *зовома* Невежи», т. е. он как бы указывает здесь на то, что его зачастую называют (зовут) не по христианскому имени «Андроник», а просто по прозвищу *Невежей*. О фактах совместного и индивидуального использования христианских имен и прозвищ у людей Древней Руси см. в вышеуказанном словаре Н. М. Тупикова.

[51] См. об этом: *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание московской печати XVI века // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 133—134; *Сазонова Л. И.* Андроник Тимофеев. С. 41; *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта... Кн. 1. С. 502—503. № 67.

[52] *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание... С. 133.

[53] Там же.

исследовательница определила это издание все-таки как *слободское* и датировала его выход периодом времени «между 1577—1580 гг.».[54] Последняя датировка Часовника и определение его как второго известного слободского издания и были усвосны более поздними исследователями.[55]

Нам представляется, что в послесловии к этому новонайденному слободскому Часовнику А. Тимофеева, так же как в послесловии к слободской Псалтири, наряду с указанием точного времени начала и окончания работы над изданием книги содержалось указание на напечатание этой книги в АС, при этом Слобода определялась и здесь как «новый град».

Можно предположить, что отсутствие имени книжного мастера Никифора Тарасиева, вероятного руководителя московской типографии, в послесловиях всех книг, изданных после московской Псалтири 1568 г., говорит о том, что в 1576—1577 гг. Н. Тарасиева, скорее всего, уже не было в живых. Не исключено, что он мог стать одной из многотысячных жертв большого московского пожара 24 июня 1571 г., когда, как известно, и сгорела столичная типография обоих книжных мастеров. Но все это пока, конечно, только логичные предположения, ибо никаких биографических сведений о Н. Тарасиеве мы не имеем.

В своих работах, посвященных статусу АС, Б. Н. Морозов отметил, что при Иване Грозном Слобода была не только центром книгопечатания, но и книгописным центром, в котором, по мнению некоторых исследователей, был предположительно создан грандиозный Лицевой летописный свод.[56] Историк при этом сослался на монографии Б. М. Клосса и А. А. Амосова по истории русского летописания,[57] но углубляться дальше в вопрос о книгописании в АС во времена Грозного он не стал и поэтому прошел совершенно мимо фактов по сути синхронного изготовления в АС в 60—70-х гг. XVI в. годовых комплектов месячных Миней-Четьих, служебных месячных Миней, а также других рукописных книг. В результате досадного недосмотра при изучении вопроса о городском статусе АС в эпоху Ивана Васильевича Грозного Б. Н. Морозов упустил еще несколько весьма ценных исторических источников XVI в., имеющих самое прямое отношение к теме его интересного исследования, ибо в них прямо был отмечен *городской* статус АС.

Прежде всего Б. Н. Морозов не учел очень важные и очень ценные записи писцов рукописных книг, написанных в период действия опричнины *непосредственно* «в *граде*» Слободе в царской книгописной мастерской при соборе Покрова Богородицы. Две такие «говорящие» записи на месячных Минеях-Четьих, писавшихся по повелению Ивана Грозного в АС, были учтены казанскими археографами И. Я. Порфирьевым, А. В. Вадковским и Н. Ф. Красносельцевым в описании рукописей Соловецкого монастыря еще

---

[54] Там же. С. 133—134.

[55] См.: *Сазонова Л. И.* Андроник Тимофеев. С. 41; *Булапин Д. М.* Никифор Тарасиев // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 126; *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта... Кн. 1. С. 502—503. № 67.

[56] *Морозов Б. Н.* 1) Неизвестные документы... С. 12; 2) Новый документ ... С. 111.

[57] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 206—265; *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 194—222.

в 80-х гг. XIX в.,[58] а затем воспроизведены в исследовании Н. Н. Зарубина, посвященном реконструкции библиотеки Ивана Грозного,[59] учтены в статье и монографии М. В. Кукушкиной о монастырских библиотеках Русского Севера,[60] а также в обстоятельных комментариях А. А. Амосова к тексту вышеупомянутого исследования Н. Н. Зарубина.[61] Эти же две записи, а также запись на «конархистной» Минее служебной на август, написанной в АС в 1569 г., учел и воспроизвел Б. М. Клосс в своей монографии, посвященной происхождению Никоновского летописного свода.[62]

Одна из этих слободских рукописей представляет собой Минею-Четью на май на 998 листах in folio, написанную профессиональным книжным полууставом на бумаге XVI в. На л. 998 об. этой рукописи читается писцовая запись: «Помощию всесилнаго Бога, Господа Спаса нашего Исус Христа и Пречистыя его Матере Святыя Богородица, честнаго и славнаго ея Покрова, повелѣнием благовѣрнаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всея Русии самодержца, начата бысть писати сия книга, глаголемая Минея Четиа месецъ мая в градѣ въ Слободѣ в лѣто 7076-е (т. е. в 1568 г. — *Ю. Р.*) февраля 12 день, а совершена бысть сиа книга лѣта 7077-го (т. е. в 1569 г. — *Ю. Р.*) августа въ 15 день».[63]

Вторая слободская Минея-Четья на октябрь на 708 листах in folio, также написана профессиональным книжным полууставом второй половины XVI в. Она, как и предыдущая Минея-Четья, происходит из подмосковной царской книгописной мастерской, что подтверждается почерком, филиграними на бумаге, однотипным формуляром и содержанием «выходной записи» писца, помещенной на последнем листе этой книги, где написано: «Помощию всесилнаго Бога, Господа Спаса нашего Исус Христа и Пречистыя его Матере Святыя Богородица, честнаго и славнаго ея Покрова, повелѣнием благовѣрнаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Иоана Васильевича, всея Роусии самодержца, начата бысть сия книга Минея Четья месецъ октябрь в новом градѣ Слободѣ в лѣто 7070 шестаго

---

[58] См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 2. С. 388—389. № 580 (501); С. 438. № 631 (514).

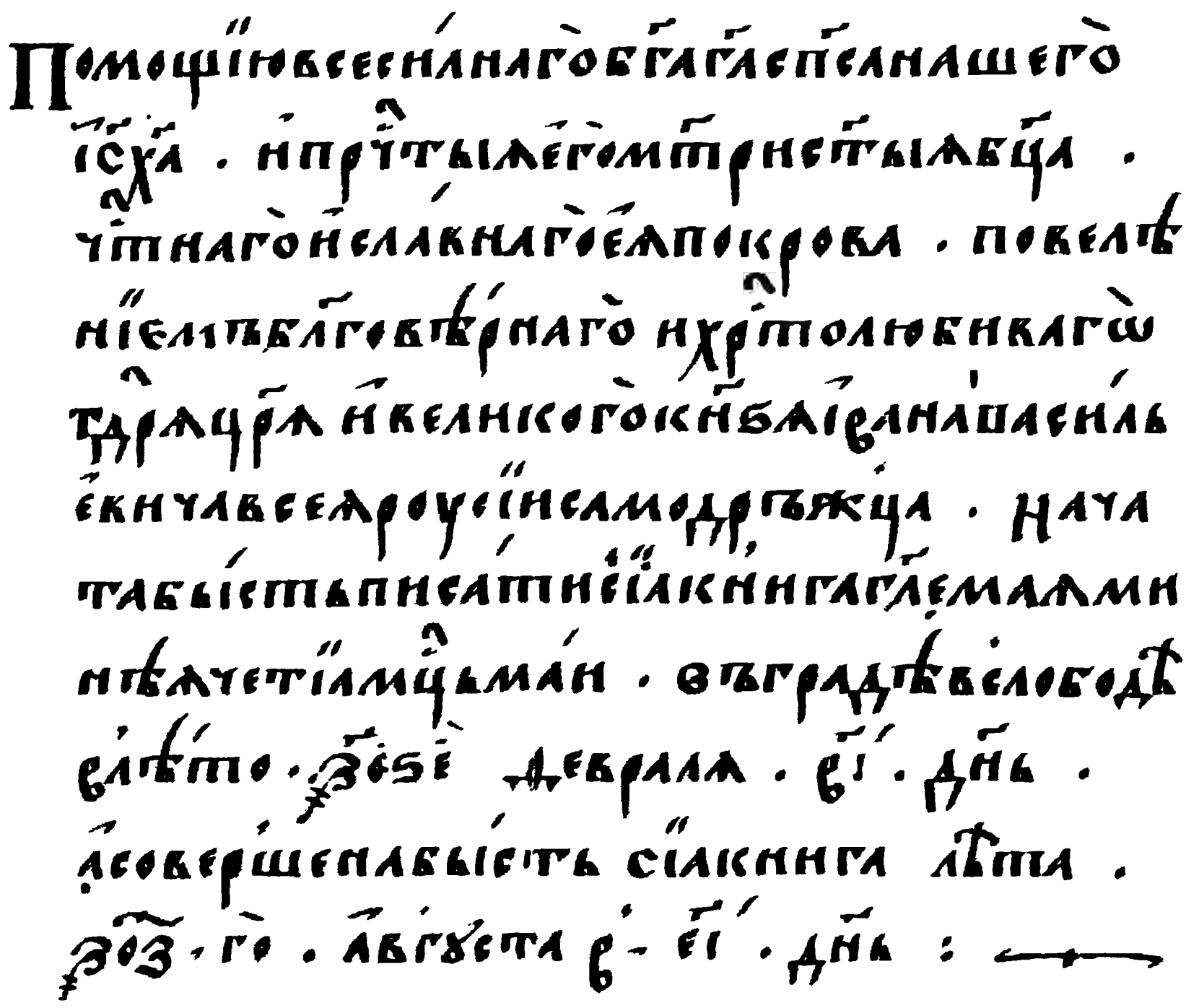
[59] См.: *Зарубин Н. Н.* Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Подгот. текста и коммент. А. А. Амосова; отв. ред. С. О. Шмидт. Л., 1982. С. 42. № 54.

[60] См.: *Кукушкина М. В.* 1) Рукописные книги, подаренные Иваном Грозным в Антониево-Сийский и Соловецкий монастыри // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 392 (слободские Минеи-Четьи здесь названы, правда, ошибочно *служебными* минеями, а время написания Минеи на октябрь неверно определено периодом времени «с 15 февраля 1567 г. по 18 сентября 1568 г.»); 2) Монастырские библиотеки Русского Севера: (Очерки по истории книжной культуры). Л., 1977. С. 75, 155 (здесь слободские Минеи названы уже верно, как «четьи», но обе датированы 1568 г., что является неточностью, ибо в отличие от Минеи-Четьи на май, написанной действительно в 1568 г., Минея-Четья на октябрь писалась в период времени с 15 февраля 1568 г. по 18 сентября 1569 г.).

[61] См.: *Амосов А. А.* Примечания // Зарубин Н. Н. Библиотека Ивана Грозного. С. 42. № 54.

[62] *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 241—244.

[63] ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 514/533. См. также: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 2. С. 438. № 631 (514), и др.



Запись на слободской Минее-Четье на май с указанием о написании рукописи «в граде Слободе» в период времени с 12 февраля 1568 г. по 15 августа 1569 г. (ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 514/533. Л. 998).

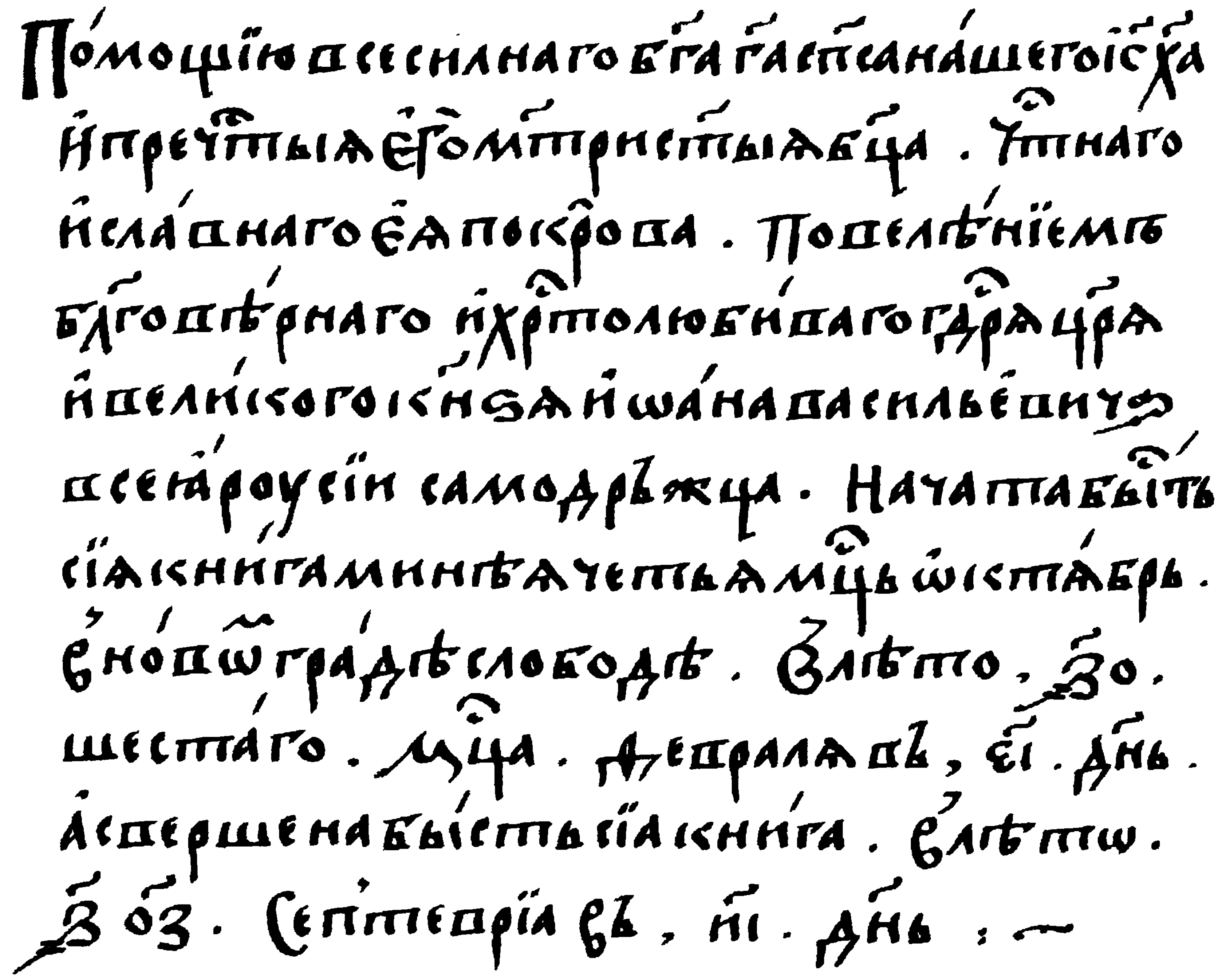
(т. е. в 1568 г. — *Ю. Р.*) месяца февраля 15 день, а совершена бысть сиа книга в лѣто 7077-го (т. е. в 1568 г. — *Ю. Р.*) сентевриа в 18 день».[64]

Слободская «конархистная» служебная Минея на август, написанная в царской книгописной мастерской в АС, представляет собой богослужебную книгу на 391 листе in quarto. В конце этой книги на л. 390 также помещена писцовая «выходная» запись, полностью совпадающая по формуляру с записями двух вышеуказанных Миней-Четьих: «Помощию всесилнаго Бога, Господа Спаса нашего Исус Христа и Пречистыя его Матери Святыя Богородица, честнаго и славнаго ея Покрова, повелѣнием благовѣрнаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Ивана Василиевича, всея Русии самодержца, начята бысть писати сиа книга Минѣя конархистная, мѣсяцъ август в новом градѣ в Слободѣ в лѣто 7070 седмое (т. е. в 1569 г. — *Ю. Р.*) августа въ 4 день, а совершена бысть в лѣто 7070 осмое (т. е. в 1569 г. — *Ю. Р.*) ноемврия в 27 день».[65] В XIX в. эта книга попала какими-то путями

---

[64] ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 501/520. См. также: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 2. С. 388—389. № 620 (501), и др.

[65] ОР РГБ. Ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища). № 332. Л. 390.


Помощїю всесилнаго бга га и спса нашего іса ха.
И пречтыя его мтри пречтыя бца. Чтнаго
и славнаго ея покрова. Повелѣнїем
благовѣрнаго и христолюбиваго гдря цря
и великого князя Иwана Васильевича
всея Русїи самодержца. Начата бысть
сїя книга минѣя четья мць октябрь.
в новом градѣ слободѣ. в лѣто, ӡо.
шестаго. мца. февраля въ, еі. день.
Совершена бысть сїя книга. в лѣто.
ӡоз. Септеврїя въ, иі. день :—

Запись в Минее-Четье на октябрь с указанием о написании рукописи «в новом граде Слободе» в период времени с 15 февраля по 18 сентября 1668 г. (ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 501/520. Л. 712).

в книгохранилище Рогожского старообрядческого кладбища в Москве и была подробно описана И. В. Власовым[66] и Е. И. Усовым.[67] Позднее эту рукописную служебную Минею в составе Рогожского собрания в 60-х гг. прошлого века описал в ОР ГБЛ И. М. Кудрявцев.[68] Через последнее описание Минея служебная на август стала известна и Б. М. Клоссу.[69]

Помимо этих трех слободских книг с удостоверительными «выходными записями» в настоящее время ученым известны еще две служебные Минеи, также писавшиеся «в новом граде» Слободе во времена пребывания там Ивана Грозного. Эти две служебные «конархистные» Минеи посчастливи-

[66] См.: *Власов И.* [*В.*] Описание славяно-российских рукописей и книг церковной печати, с прибавлением каталога греческих книг собрания старообрядческого Рогожского Богаделенного дома и кладбища. М., 1890. Рукопись // ОР РГБ. Ф. 246 (Архив Рогожского кладбища). Карт. 153. Ед. хр. № 3. Описание № 187.

[67] *Усов Е. И.* Каталог библиотеки Рогожского старообрядческого кладбища. Б. м., б. г. Рукопись // ОР РГБ. Дело фонда. № 247. Описание № 286.

[68] *Кудрявцев И. М.*, *Неволин Ю. А.*, *Тихомиров Н. Б.* и др. Собрание Рогожского кладбища. Ф. № 247. М., 1968. Машинопись. С. 232.

[69] *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 243—244.

лось обнаружить в фондах ОР ГИМ и ввести их в 1993 г. в научный оборот известному московскому палеографу Л. М. Костюхиной.[70]

Два названных выше ГИМовских кодекса со слободскими выходными писцовыми записями также остались вне поля зрения Б. Н. Морозова.

Первая из указанных рукописей представляет собой Минею служебную на май in quarto. Книга написана полууставом на бумаге XVI в. После окончания текста Минеи далее помещен чистый лист, а на следующем листе этой рукописи читается писцовая «выходная» запись о написании данной Минеи «конархистной» по «повелѣнию» царя Ивана Васильевича» «в новом градѣ Слободѣ» в течение периода времени между 5 апрелем и 18 июлем 1569 г.[71]

Вторая из этих рукописей представляет собой Минею «конархистную» на июль in quarto, написанную полууставом на бумаге XVI в. На последнем листе этой рукописи читается однотипная писцовая «выходная» запись о написании ее также по «повелѣнию» царя Ивана Васильевича «в новом градѣ Слободѣ» в течение периода времени между 10 февраля и 19 июля 1570 г.[72]

«Выходные записи» писцов в рукописных книгах, написанных в АС по непосредственному повелению Ивана Грозного царскими мастерами книжного письма, не дают никаких оснований для сомнения в их *официальном* происхождении. Книги писались в слободском скриптории повелением самого царя. Одна из слободских рукописных Миней-Четьих сохранила даже позднейшую помету о даче ее Иваном Грозным в Соловецкий монастырь. Все записи книгописцев придворного слободского скриптория явно делались с ведома царя Ивана, причем указание в записях статуса АС как «*нового града*» не подвергалось никаким редакторским замечаниям со стороны царя, а, напротив, как бы высочайше санкционировалось им.

На основании этих записей можно без труда видеть, что уже в 1568—1570 гг. АС носила статус «*нового града*» и это хорошо было известно книжникам придворного слободского скриптория.

С учетом того, что понятие «город» в древнерусском языке равнозначно понятию «крепость»,[73] можно думать, что к 1568 г. крепость в АС была уже воздвигнута. Легко заметить в этой связи, что *именно к этой формулировке* восходит и более позднее определение АС как «нового града» в послесловии Андроника Невежи к изданию Псалтири 1578 г. Печатник А. Тимофеев назвал здесь Слободу «*новым градом*» не по своему субъективному «хотению» и не по чьей-то волевой «подсказке», как это предположил Б. Н. Морозов.[74] Слободской печатник просто объективно *констатировал* обретенный ранее новый официальный *городской* статус царской резиденции на берегу р. Серой в Переяславском уезде.

Однако указанные выше сведения летописных записей и слободских книжников о новом статусе опричной столицы — это еще далеко не все.

---

[70] *Костюхина Л. М.* Русские полууставные почерки в рукописных книгах XVI века: (по материалам ГИМ) // Палеография и кодикология: Сб. статей. М., 1993. С. 277—278.

[71] ГИМ. Синодальное собрание. № 796. Л. 427.

[72] Там же. Собрание Е. В. Барсова. № 1217. Л. 313.

[73] См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Т. 4. С. 90—91.

[74] См.: *Морозов Б. Н.* 1) Неизвестные документы... С. 14; 2) Новый документ... С. 112—113.

Можно привести еще одно, более убедительное официальное свидетельство *личного* признания царем Иваном Грозным *городского* статуса АС. Дело в том, что вне поля зрения Б. Н. Морозова оказались не только вышеуказанные записи слободских книжных мастеров письма, но и одна из *официальных* дипломатических грамот царя Ивана Грозного шведскому королю Юхану III, опубликованная в 1996 г. санкт-петербургской исследовательницей Н. С. Демковой в 50-м томе ТОДРЛ, посвященном 90-летию Д. С. Лихачева.[75] Данное царское послание имеет самое прямое отношение к рассмотрению вопроса о новом городском статусе АС во времена правления Ивана Грозного. Это послание Ивана IV королю Юхану III датировано 7079 г. от легендарного Сотворения мира и сохранилось в составе целой подборки списков дипломатических посланий царя Ивана Грозного, адресованных шведским королям Эрику XIV и Юхану (Иоганну) III.[76] Данная копийная книга с царскими и королевскими грамотами находится в государственном архиве Швеции в Стокгольме и является пока малоизвестной для ряда отечественных историков и литературоведов. К сожалению, эта книга осталась неизвестной также и Б. Н. Морозову.

В архиве Посольского приказа оригиналы данных «шведских» грамот царя Ивана IV или их списки, очевидно, не сохранились. Причины такого обстоятельства могли быть разными. Грамоты могли сгореть во время большого московского пожара 1571 или 1626 гг. или просто-напросто со временем физически обветшать и истлеть. Материалы так называемого «Новгородского изменного дела» 1569/70 г., спасенные во время большого московского пожара 1626 г., через полвека с небольшим были уже физически ветхими. По данным описи Посольского приказа 1626 г., подлинное сыскное Новгородское дело, с которого был списан статейный список, среди спасенных материалов Посольского приказа не было найдено. Опись указывает на плохое состояние уцелевших на тот момент судебно-следственнных материалов этого «дела»: «А приговор и государев (т. е. царя Ивана IV. — *Ю. Р.*) выезд в Китай-город, и список за дьячьею пометою хто как кажнен ветхи гораздо и изодрались. А большой статейной список ветх же».[77] В последующих описях XVII в. эти материалы уже не фигурировали, так как они, очевидно, полностью истлели и утратились к этому времени.

Подобными обстоятельствами может объясняться, конечно, и отсутствие данных материалов среди «Шведских дел» Посольского приказа. Впрочем, не менее, а может быть, и более вероятно то, что материалы русско-шведских дипломатических отношений за 1570—1571 гг. отложились

---

[75] *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III: (По рукописям Шведского государственного архива) // ТОДРЛ. Л., 1996. Т. 50. С. 488—500.

[76] Там же. С. 488—500. — В начале XXI в. по материалам той же копийной книги Шведского государственного архива В. В. Фомин дважды напечатал и прокомментировал еще одну грамоту Ивана IV шведскому королю Юхану III от октября 1571 г., которая была пропущена в публикации Н. С. Демковой (см.: Иван Грозный / Сост. Д. В. Ермашов, С. В. Перевезенцев, В. В. Фомин; под ред. С. В. Перевезенцева. М., 2002. С. 123—131, 257—260; *Царь Иван IV Васильевич Грозный*. Сочинения / Сост. С. В. Перевезенцев. М., 2005. С. 218—239).

[77] ДДГ. Прил. 2. С. 480—481; Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печати В. И Гальцов; отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1977. Ч. 1. С. 257.

лишь в материалах царской канцелярии в АС, являвшейся своеобразным филиальным отделением Посольского приказа,[78] и они, возможно, не были вообще присланы из АС в архив Посольского приказа в Москву. В посольской книге сношений со Швецией за 1558—1584 гг. дипломатические документы за отрезок времени после 10 апреля 1571 г. и до 19 августа в ней не отражены.[79]

Отсутствием текстов данных посланий в российских архивах и объясняется неполнота дипломатической переписки русских и шведских монархов за 70-е гг. XVI в. в дореволюционных отечественных публикациях. Здесь опубликованы лишь послания Ивана IV Юхану (Иоганну) III от 11 августа 1572 г. и от 6 января 1573 г.[80] Нет текстов более ранних грамот Стокгольмского архива и в издании посланий Ивана Грозного, осуществленных покойным Я. С. Лурье в 1951 г. в серии «Литературных памятников». Здесь в основном тексте издания были опубликованы лишь вышеуказанные послания Ивана IV Юхану (Иоганну) III 1572 и 1573 гг.,[81] хотя шведская публикация текстов данных грамот Х. Ернэ 1880 г.[82] была известна маститому «грозноведу» Я. С. Лурье. Он использовал эту публикацию главным образом в выдержках как историко-литературный материал при комментировании двух вышеуказанных царских посланий Юхану III 1572 и 1573 гг., однако текст послания Ивана IV свергнутому шведскому королю Эрику XIV 1571 г. в комментарии к тексту послания царя 1573 г. был воспроизведен полностью по публикации Х. Ернэ.[83] В новых изданиях посланий Ивана Грозного, осуществленных позднее Е. И. Ванеевой, Я. С. Лурье и другими исследователями, корпус дипломатических грамот царя Ивана IV шведскому королю Юхану III, как и в вышеуказанных изданиях Я. С. Лурье, расширен не был.[84] Расширение корпуса шведских дипломатических посланий Ивана IV за 70-е гг. XVI в. связывается лишь с отмеченными выше недавними публикациями Н. С. Демковой и В. В. Фомина.

Сомневаться в официальном происхождении вышеназванных дипломатических посланий царя Ивана IV, адресованных шведским королям и сохранившихся в списках копийной подборки, не приходится. Содержание текстов грамот прекрасно вписывается в общую канву внешнеполитических

---

[78] См.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 85. Примеч. 2; *Морозов Б. Н.* Неизвестные документы... С. 21.

[79] См.: Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 206—207.

[80] См.: ДРВ. СПб., 1790. Ч. 15. С. 77—81 (грамота 1572 г.); ЛЗАК. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. 2. С. 30—47 (две грамоты 1572 и 1573 гг.); Сб. РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 31—52 (грамота 1573 г.); Сб. РИО. Т. 129 (две грамоты 1572 и 1573 гг.).

[81] См.: Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 144—161. См. также недавнее репринтное переиздание этой книги (СПб., 2005).

[82] Ur Brefvexlingen emellan konung Johan III jch Ivan Vasilievitj.verstolpe. Meddeladt at. X. Hjärne // Historiskt Bibliotck. Ut. af Carl Siefverstolpe. Stockholm, 1880. Vol. 7. S. 533—554. Прил. С. 1—8 (на русском языке).

[83] См.: *Лурье Я. С.* Комментарии // Послания Ивана Грозного. С. 616—632.

[84] См.: Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Е. И. Ванеевой; пер. и коммент. Я. С. Лурье // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 116—143, 589—593; Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Е. И. Ванеевой, Ю. Д. Рыкова, Н. В. Савельевой; пер. и коммент. Я. С. Лурье, Т. Р. Руди, С. А. Семячко // БЛДР. Т. 11. С. 110—134, 625—653.

отношений России и Швеции в XVI в. Данные тексты дополняют уже известные исторические факты и содержат много новых ценных сведений. Помимо этого, в них ярко виден индивидуальный авторский «кусательный» стиль Ивана Грозного и его своеобразная «широковещательная и многошумящая» писательская манера.[85] Все эти дипломатические послания Ивана Грозного, сохранившиеся в Шведском государственном архиве, дошли до нашего времени в составе книги копий переписки Юхана III и Ивана IV конца XVI в. Анализ особенностей текста копий данных дипломатических посланий Ивана Грозного привел Н. С. Демкову к выводу о том, что шведский «копиист имел дело со скорописным оригиналом» и что он был, скорее всего, либо выходцем из Северо-Западной Руси, либо поляком.[86]

Дипломатическое послание Ивана IV Юхану III 7079 г., имеющееся в копийной подборке грамот Стокгольмского архива, замечательно не только своим содержанием, но и упоминанием в финальной части своего текста региона АС как места написания. Эта «топографическая привязка» грамоты представляет несомненно большой научный интерес в плане дальнейшего развития темы, поставленной Б. Н. Морозовым, поскольку позволяет пролить новый и важный дополнительный свет на проблему статуса АС в эпоху правления Ивана Грозного. В заключительном протоколе этой «внешнеполитической» грамоты, так же как в финальной части грамот Ивана IV от 13 марта 1580 г. и от 3 ноября 1581 г., читается официальная характеристика АС как *города*: «Писана в нашего царьского двора селех, *града* Слободы, лѣта от создания миру 7079-го».[87]

Точной датировки этого царского дипломатического послания в нашем распоряжении нет. В заголовке грамоты, составленном ее шведским копиистом, читается следующий текст: «Великого князя грамота к великому нашему государю Ягану, королю Свѣскому, пришла, иже писана есть на Рюссии (так! — *Ю. Р.*), в селех *града* Слободы, лѣта от создания миру 7079-го».[88] Как мы видим, заголовок копииста также не дает никаких новых сведений для датировки послания. Переписчик лишь добавил в видоизмененный текст финального протокола грамоты указания на автора грамоты и на имя ее адресата.

Исходя только из года написания грамоты от Сотворения мира по сентябрьскому календарному стилю, отраженному в конце грамоты и в заголовке ее копии, при редукции этой даты на современное летосчисление можно определить, что она охватывает период времени с 1 сентября 1570 г. по 31 августа 1571 г.

Я. С. Лурье в своих комментариях датировал эту грамоту «осенью» 1571 г., но до 1 сентября, так как календарный год кончался 31 августа.[89] Очевидно, Я. С. Лурье при датировке этого послания Ивана IV допустил описку, и под словом «осень» нам следует разуметь «лето». По древне-

---

[85] О них подробнее см. недавнее специальное исследование: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: Теорстические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 218—235.

[86] *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 491.

[87] Там же. С. 498. — Курсив мой.

[88] Там же. С. 496. — Курсив мой.

[89] *Лурье Я. С.* Комментарии. С. 616.

русскому счету годовых природных сезонов период лета начинался с 24 июня до 24 сентября, а осень длилась с 24 сентября до 25 января.[90] В свете древнерусского счета сезонов с учетом сделанной нами поправки становится понятной описка Я. С. Лурье: «*летом* 1571 г., но до 1 сентября», — ибо с этого времени действительно начинался новый календарный 7080 г. Следовательно, с учетом сделанной коррективы можно полагать, что Я. С. Лурье датировал данное послание периодом времени с 24 июня до 1 сентября 1571 г.

В отличие от Я. С. Лурье Н. С. Демкова датирует данную грамоту Ивана IV королю Юхану III более узко — концом лета 1571 г., но при этом исследовательница ошибочно полагает, что эта грамота была написана «примерно в то же время», что и предшествующее ей в стокгольмском копийном сборнике грамот тайное послание Ивана IV бывшему шведскому королю Эрику XIV, заточенному его родным братом Юханом III в финской крепости Або после совершенного в 1567 г. государственного переворота в Швеции. По мнению Н. С. Демковой, это тайное послание царя Ивана, очевидно перехваченное агентами короля Юхана, было «написано до 1 сентября 1571 г.».[91] Однако такая датировка секретного послания Ивана IV Эрику XIV страдает расплывчатостью и явной неточностью. Оба названных Н. С. Демковой царских послания не были написаны в одно и то же время, даже «примерно». Тайное письмо Грозного Эрику было написано на самом деле несколькими месяцами ранее «конца лета 1571 г.».

Ключом для более точной датировки тайной грамоты Ивана IV королю Эрику является ее текст, где среди прочего сказано: «А ныне братъ твой Яганъ (т. е. Юхан. — *Ю. Р.*) к нашему царьскому величеству прислал своих людей Петра Шавридова и толмача Анса с своею грамотою. А ты к нам приказывал с толмачом с Янсомъ, что было твое хотѣнье великое нашему царьскому величеству служити и во всякомъ повиновенье быти». И далее: «С сею грамотою послали есмя к тебѣ толмача Анса, и о всѣх дѣлех к тебѣ словомъ приказали есмя».[92]

Из «Шведских дел», сохранившихся в архиве Посольского приказа, известно, что гонцы Петр Шефридов и толмач Григорий («Гриша») Янс прибыли из Великого Новгорода в Москву в сопровождении сына боярского Угрима Васильева Новосильцева 17 марта 1571 г. Согласно указанию царя Ивана IV от 31 января 1571 г., присланному в Великий Новгород наместнику боярину кн. П. Д. Пронскому, оба шведских гонца ехали в Москву из Новгорода «порознь». Дьяк Посольской избы Андрей Яковлевич Щелкалов, следуя царским указаниям, полученным из АС, также расселил этих шведских гонцов по прибытии в Москву в разных избах сначала на посаде, затем и в самом городе. Основанием для разделения королевских гонцов послужила полученная царем информация из Великого Новгорода, что у гонца Г. Янса имеются особые «речи государскому делу».[93]

---

[90] См.: *Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984. С. 89.

[91] *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 488.

[92] *Лурье Я. С.* Комментарии. С. 625; *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 495, 496.

[93] См.: Сб. РИО. Т. 129. С. 195—196.

Личность толмача шведа Григория Янса (Георга Янсена) была хорошо знакома царю Ивану Васильевичу. Ведь швед Георг Янсен ранее был русским пленником, перешедшим в январе 1559 г. по найму на русскую службу в Посольский приказ. Янс служил по найму переводчиком в Посольской избе, ибо в данном учреждении в это время было мало знатоков шведского языка, а Янсен знал 6 иностранных языков.[94] Швед Георг Янсен был крещен в православие под именем «Григорий». Вначале он жил у печатника И. М. Висковатого, а затем стал толмачом у самого царя Ивана, был пожалован поместьем в Клинском у. и имел свой двор в Москве «на Казенной улице» неподалеку от двора государева дьяка Юрия Степанова сына Башенина.[95] В России Г. Янс женился на дочери московского подьячего Юрия Бернядинова.[96] После предварительного подписания шведским послом Нильсом Гулленшерном в АС 16 февраля 1567 г. русско-шведского договора о военном союзе и дружбе Г. Янс в числе других бывших шведских пленников по просьбе шведского посла был освобожден от несения русской службы в качсстве толмача и уехал в фсврале 1567 г. на свою родину вместе со шведским посольством Н. Гюллершерна.[97]

По личному указу Ивана IV, присланному в Посольскую избу из АС, толмач Г. Янс уже 18 марта 1571 г. был принят дьяком А. Я. Щелкаловым в Посольской избе отдельно от П. Шефридова.[98]

Будучи на приеме в Посольской избе, толмач Г. Янс подробно ответил на расспросы посольского дьяка о себе, о цели приезда королевского посольства и о положении дел в Швеции, а затем подал А. Я. Щелкалову челобитную на имя царя Ивана с изъявлением верной ему преданности и с просьбой принять его вновь на государеву службу, а затем в тот же день подал Щелкалову еще одну челобитную, в которой еще раз подтвердил свое желание перейти на службу царю и вновь сообщил, что у него есть особое дело к государю.[99]

Тексты записанных расспросных речей и обе челобитные Янса по окончании его приема в Посольской избе были отправлены А. Я. Щелкаловым царю в АС.[100]

24 марта 1571 г. царь прислал дьяку А. Я. Щелкалову из АС грамоту с предписанием, чтобы тот принял у себя в Посольской избе шведского гонца П. Шефридова, а толмача Г. Янса в тот же день доставил бы к нему «на подводах» в АС.[101]

---

[94] Там же. С. 196; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. М., 1994. С. 463—464.

[95] Сб. РИО. Т. 129. С. 196; *Хорошкевич А. Л.* Гостеприимство И. М. Висковатого // Иноземцы в России в XVI—XVII веках: Сб. материалов конференций 2002—2004 гг. / Отв. ред. С. П. Орленко; под общей ред. А. К. Левыкина. М., 2006. С. 254—255.

[96] Этот подьячий не учтен в известном справочнике С. Б. Веселовского, но он, очевидно, был близким родичем государева дьяка Никиты Бернядинова (см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII веков. М., 1975. С. 52). А. Л. Хорошкевич предполагаст, что он мог быть даже отцом подьячего Ю. Бернядинова (*Хорошкевич А. Л.* Гостеприимство И. М. Висковатого. С. 257).

[97] См.: Сб. РИО. Т. 129. С. 196; *Хорошкевич А. Л.* Гостеприимство И. М. Висковатого. С. 259.

[98] Сб. РИО. Т. 129. С. 196.

[99] Там же.

[100] Там же. С. 199.

[101] Там же.

26 марта посольский дьяк Щелкалов пунктуально точно исполнил поручение царя. Расспросив шведского гонца П. Шефридова о цели его приезда, Щелкалов в тот же день отправил к царю в АС запись расспросных речей П. Шефридова и перевод с врученной Шефридовым королевской грамоты с Дмитрием Ратаевым. Вместе с Ратаевым на подводах в Слободу уехал и Г. Янс.[102]

После прибытия Г. Янса в Слободу царь Иван Васильевич принял знакомого ему толмача на своем опричном дворе, где Гриша поведал Ивану Грозному тайное устное «послание» бывшего шведского короля Эрика XIV к царю. В этом «послании» содержались сведения о насильственном изгнании с престола короля Эрика его братом Юханом и о тюремном заточении экс-короля в Финской земле в городе Або вместе с женой и детьми. Согласно устной информации Янса, свергнутый после государственного переворота 1568 г. шведский король Эрик якобы выражал желание служить московскому царю и просил его о своем освобождении из абовской тюрьмы путем посылки русского войска в Финскую землю, благо этот «город худ и людей в нем нѣт, только в нем сторожи стерегут короля Ирика человѣк со сто, а он сидит з женою и з дѣтми».[103]

Сколько времени шведский толмач Г. Янс провел в АС, из материалов «Шведских дел» Посольского приказа точно неизвестно, но несомненно, царь Иван в своей слободской Дворовой канцелярии составил тайное ответное послание абовскому узнику — королю Эрику XIV именно после этой встречи с Янсом. В данном послании к низвергнутому шведскому монарху Эрику царь сообщал: «А мы, памятуя твою службу к себѣ, тебя хотимъ жаловати своимъ великимъ жалованьемъ. А за брата твоего, за Яганово (т. е. Юханово. — *Ю. Р.*) непослушанье, и которое он безчестие учинил нашимъ великим послом, боярину нашему Ивану Михайловичу Воронцову с товарищы, за тѣ за всѣ дѣла з Божиею помочью хотим, еже дастъ Богъ на брата на твоего на Ягана, подвиг свой з болшою ратью учинити, на всю Свѣскую землю меч свой послати. А тебя хотим жаловати, какъ будетъ пригожу, и за тебя стояти».[104] Содержание этого письма текстуально перекликается с той устной информацией, которую толмач Янс передал для царя еще во время расспросов в Посольской избе дьяку Щелкалову. Стало быть, толмач их повторил и в устной беседе с царем Иваном в АС.

После состоявшейся конфиденциальной встречи с царем Г. Янс с обязательным соблюдением все той же строгой конспирации отбыл из Слободы на тех же подводах в Москву. По всей вероятности, Янс выехал из Слободы уже 26 марта 1571 г. или, может быть, на следующий день вместе с тем же Д. Ратаевым. Толмачу было передано тайное царское послание для экс-короля Эрика и проведен устный инструктаж. Данное послание было составлено Иваном IV явно «по горячим следам», т. е. вскоре после состоявшегося приема Янса в АС 26 марта 1571 г. Царь писал в этом тайном послании: «С сею грамотою послали есмя к тебе толмача Анса и о всех делах к тебе

---

[102] Там же.

[103] Там же. С. 197. Ср.: *Лурье Я. С.* Комментарии. С. 625; *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 495.

[104] *Лурье Я. С.* Комментарии. С. 625; *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 495.

словом приказали есмя».[105] Сведений о какой-либо повторной встрече Г. Янса с царем после аудиенции 26 марта в АС в нашем распоряжении нет. Указание же «*словом* приказали есмя» говорит в пользу того, что данное послание Ивана IV было составлено, скорее всего, также 26 марта 1571 г., когда Янс получил устный инструктаж от царя. Правда, в финальном протоколе скопированного шведским копиистом текста тайного послания Эрику место составления не указано: здесь лишь читается лаконичная фраза: «Писана, какъ преже».[106] Шведский копиист, давая заголовок этой грамоте, написал: «Грамота великого князя к Ирику-королю писана, бывчи в турмѣ. Дана на Москвы (так! — *Ю. Р.*) лѣта от создания миру 7070 девятаго».[107]

Н. С. Демкова справедливо отметила, что лаконичная концовка тайного письма принадлежит не самому Ивану Грозному, а шведскому копиисту, который произвольно и лапидарно ее пересказал, а текст ее перенес в начало грамоты.[108] Следовательно, тайная грамота Ивана IV Эрику в финальной концовке имела указание на место ее составления *в Москве*. Однако само по себе это указание не может служить прямым указанием того, что царское послание было написано именно в Москве. Грамоты царя Ивана Грозного, которые позднее по указанию царя дьяк А. Я. Щелкалов 8 апреля 1571 г. официально передал в Посольской избе шведским гонцам П. Шефридову и толмачу Г. Янсу перед их отъездом в Швецию, были составлены в АС, но местом их составления в конце текста была обозначена Москва.[109] Число подобных примеров можно значительно увеличить, но, к сожалению, рамки объема настоящей статьи не позволяют нам здесь это сделать.

Следует подчеркнуть, что в «Шведских делах» Посольского приказа факт передачи царем Иваном тайного послания Г. Янсу не отмечен. В посольских книгах записаны лишь сведения о том, что при отправке шведского посольства обратно на родину 8 апреля 1571 г. им были вручены две официальные дипломатические грамоты царя Ивана Грозного на имя короля Юхана III и выдана особая опасная грамота для приезда посла из Швеции.[110] Невнесение секретного текста данного послания в текст шведской посольской книги, вероятно, было обусловлено тайной миссии Г. Янса. Недаром царь Иван, давая строгие инструкции своим приставам, которым было поручено сопровождать шведских гонцов до границы, проявлял нескрываемое особое «береженье» к толмачу Янсу. Царь требовал от приставов, сопровождавших свейских гонцов, *чтобы никто* из членов шведской свиты, включая первого гонца П. Шефридова, *не проведал*, что Гриша был у него в АС.[111]

Такая исключительная «трогательная забота» царя Ивана Грозного в отношении второго шведского гонца была продиктована явным стремлением русского государя надежно сохранить тайну своих конфиденциальных лич-

---

[105] *Лурье Я. С.* Комментарии. С. 625; *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 495.

[106] *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 496.

[107] Там же. С. 495.

[108] Там же. С. 491.

[109] См.: Сб. РИО. Т. 129. С. 201, 203, 204.

[110] Там же. С. 201—204; см. также: *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 490.

[111] Сб. РИО. Т. 129. С. 204—206.

ных переговоров с Г. Янсом в АС. Царь хотел обеспечить наверняка успешное выполнение Янсом возложенной на него секретной царской миссии.

Итак, тайное послание царя Ивана IV шведскому королю Эрику XIV несомненно датируется весной 1571 г., скорее всего 26 марта, но никак не временем около конца лета 1571 г., когда, по мнению Н. С. Демковой, было написано комментируемое ею дипломатическое послание Ивана IV Юхану III из АС. Характерно, что в слободской грамоте Ивана Грозного королю Юхану 1571 г. визит гонцов П. Шефридова и толмача Г. Янса в Москву упоминается в прошедшем и хронологически явно удаленном времени: гонцы прибыли с посланием короля Юхана в Москву не недавно по отношению ко времени составления настоящей слободской грамоты, а «*преже* сего... в марте» 7079 г., т. е. в марте 1571 г.[112] В октябре 1571 г. в ответном послании царя Ивана IV на грамоту короля Юхана III также говорилось, что «преж сего» в марте 1571 г. в Москву приезжали королевские гонцы П. Шефридов и Г. Янс. «И мы к тебе послали честную заповед писмом с твоими людми и ты *долго спутя* (так в публ., следует читать: спустя. — *Ю. Р.*) в осен, аки изумленым обычаем, не ведая своих поведений и отечества, прислал паробка Ирика и с грамотою».[113] Следовательно, о синхронном составлении текстов данного послания Юхану III и секретного послания Эрику XIV говорить никак нельзя.

Содержание дипломатической грамоты царя Ивана IV королю Юхану III, написанной из района сел АС, весьма богатое и интересное. Оно полностью связано с осложнившимися русско-шведскими отношениями второй половины XVI в. Это дипломатическое послание написано царем Иваном IV в ответ на запрос шведского короля, почему посланные им ранее в Россию «послы, Павел, бискуп (т. е. епископ. — *Ю. Р.*) Абовский, с товарищы, у нас сидят, и на их дѣла никоторого отвѣту не учинят». Данный запрос короля доставили с собой в Москву вышеупомянутые нами шведские гонцы П. Шефридов и Г. Янс.

Иван Грозный дает подробный «широковещательный» ответ на королевский запрос, прибегая к историческим экскурсам и «кусательным» словам в связи с кризисными русско-шведскими дипломатическими отношениями. Многие поставленные царем в данной грамоте злободневные темы межгосударственных отношений отражены и развиты и в более поздних посланиях его Юхану III.

В конце своей грамоты Иван Грозный известил короля Юхана, что, несмотря на опасную грамоту, которую он выдал ранее для приезда новых шведских послов (они были вручены, как мы помним, гонцам П. Шефридову и Г. Янсу 8 апреля 1571 г.), об этих послах «по ся места и слуху нѣт». С нескрываемой прямой угрозой войны царь Иван написал королю: «И ты бы ныне прислал своих послов наскорѣ, чтобы послы твои были въ нашего порога величества октября въ первый день. И толко послы твои к тому сроку не будутъ, и мы, взяв твоих первых послов (т. е. послов из посольства епископа Павла Абовского. — *Ю. Р.*), хотимъ своего царьского всличества дворомъ в Свѣскихъ островѣхъ витати. О том и тебя от своих устъ хотимъ

---

[112] *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 495.

[113] *Царь Иван VI Васильевич Грозный.* Сочинения. С. 123.

въспрошати, которымъ обычаемъ такие непотребства в твоей землѣ учинилися? И ты бы, не хотя своей землѣ разоренья, на сее осени прислал послов своих наскоре, по первой нашей жаловалной опасной грамоте».[114]

Указания «*сее осени*» и «*наскоре*» в послании Ивана Грозного Юхану III свидетельствует, что это царское послание действительно составлялось, скорее всего, в августе 1571 г., т. е. в конце лета, но до 1 сентября 1571 г., с которого начинался новый 7072 год по византийскому сентябрьскому летосчислению.

Однако мне представляется, что имеются определенные основания и для более узкой датировки данного дипломатического послания Ивана Грозного Юхану III конца лета 1571 г. Скорее всего, это послание было продиктовано царем и написано в слободской царской канцелярии до 19 августа 1571 г., поскольку царь сообщал Юхану III, что на момент составления отправлясмого им ныне из района Слободы дипломатического послания «про твоих (королевских. — *Ю. Р.*) послов по ся мѣста и слуха нѣт».[115] Между тем из сохранившихся в России «Швсдских дел» Посольского приказа можно узнать, что 19 августа 1571 г. к Ивану IV пришло письменное извещение от дьяков Великого Новгорода о приезде в пограничный город Орешек шведского «гончика Ирика (Эрика. — *Ю. Р.*)». Получив это извещение, царь Иван послал новгородским дьякам приказ прислать гонщика из Орешка в Великий Новгород и держать его там до своего особого государева указа. Согласно такому царскому указу, полученному в Великом Новгороде 2 сентября 1571 г., новгородским дьякам предписывалось отпустить этого «Ирика» из Великого Новгорода в АС.[116] Шведский «гонщик» Эрик прибыл в АС еще до установленного царем срока для прибытия послов 1 октября 1571 г. Гонщик, конечно, не обладал полномочиями посла, но он все же доставил в Россию королевскую грамоту от 17 июля 1571 г., в которой Юхан III отказывался вести переговоры о мире с новгородской наместничьей администрацией, но требовал вести их в Москве непосредственно с царем. В случае несогласия Ивана IV со шведскими условиями король угрожал царю даже войной. В свете получения царем информации из Новгорода 19 июня 1571 г. выражение царского послания Ивана Грозного шведскому королю Юхану 7079 г. — «по ся мѣста и слуха нѣт» — несомненно следует толковать однозначно: данное послание царя Ивана было написано ранее получения в Слободе известия от новгородских дьяков о прибытии в Орешек шведского гонца Эрика, т. е. до 19 августа 1571 г.[117] Царь остался недоволен полученным новым посланием «непослушного» шведского короля, не желавшего вести переговоры о мире через новгородцев. Не дождавшись шведских послов в установленный ранее срок (1 октября 1571 г.), разгневанный царь Иван IV написал после 1 октября 1571 г. новое послание Юхану III, в котором, пересказав королевское послание от 17 июля, отвел ультиматум короля и заявил о своей готовности к войне с ним. Вместе с тем царь еще раз предложил королю прислать для переговоров с новгородцами «своих послов великих людей, которые бы тот наш гнев могли утолити и про-

---

[114] *Деликова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 496—498.
[115] Там же. С. 498.
[116] См.: Сб. РИО. Т. 129. С. 207.
[117] Там же.

меж наших вотчин Великого Новагорода и Вифлянские земли с Свейскою землею миру постановити».[118] Не дождавшись ответа и на это письмо, царь Иван приговорил 10 ноября 1571 г. «идти на непослушника своего на свейского Ягана (Юхана III. — *Ю. Р.*) короля войною за его неисправление».[119] Однако в декабре того же года царь удовлетворил просьбу опального старого шведского посла епископа Павла Абовского и отпустил в Швецию одного человека из состава его посольства — «Онтона Алавѣева» (Тоне Ольсона. — *Ю. Р.*), а также «Ирика»,[120] т. е. того самого гонщика, принятого с королевским посланием от 15 июля в слободской царской резиденции в сентябре 1571 г. и задержанного с обратной отправкой в Швецию.[121] Как известно, полномасштабный поход Ивана IV на Шведское королевство в ноябре 1571 г. не был осуществлен. Этому помешали война в Ливонии с польским королем и угроза набега на Русь крымского хана Девлет-Гирея.[122] Следовательно, рассматриваемое нами слободское послание царя Ивана Грозного Юхану III действительно было написано, скорее всего, в конце лета 1571 г., но не позднее 19 августа 1571 г.

Обращает на себя внимание то, что в финальной концовке рассматриваемой дипломатической грамоты Ивана IV Юхану III 7079 г. содержится указание на написание ее не в самом «*граде*» АС, а «*в селех*» этого «града». Такое конкретизирующее указание явно свидетельствует о том, что грамота была составлена не непосредственно в царском дворце АС, а в близлежащих дворцовых поселениях Слободы.

Еще в догрозненское время около АС действительно существовали различные крупные дворцовые села и тянувшие к ним деревни. Из числа окрестных государевых сел этой поры известны с. Рюменское, располагавшееся в Залесье по дороге из АС в г. Переяславль-Залесский, а также залесское с. Самарово или Самаровское, с. Коведяево, располагавшееся по дороге в Киржачский Благовещенский монастырь, и с. Романовское на р. Киржаче, располагавшееся около этой дороги, с. Богородское на Богане, располагавшееся по дороге к г. Юрьеву-Польскому, а также села Павловское, Артемовское, Петровское и Алексинское на Пекше, расположенные возле этой дороги, Маринкина слободка и с. Слотино в Кинеле, расположенные на дороге из АС к Троице-Сергиеву монастырю, села Суровцово, Тимофеевское и Микульское, расположенные рядом с этой дорогой.[123]

Из писцового описания АС первой трети XVII в. известно, что прежняя АС состояла из «города», «посада» и «слободок». В центральной укрепленной части АС — «городе», или Кремле, — находился прежде «Государев двор» Ивана Грозного.[124] Слободки же представляли собой особые поселки (своеобразные «села»), непосредственно примыкавшие к посаду. Согласно

---

[118] *Царь Иван VI Васильевич Грозный.* Сочинения. С. 131.

[119] Сб. РИО. Т. 129. С. 207.

[120] См.: *Лурье Я. С.* Комментарии. С. 631; *Демкова Н. С.* Грамоты Ивана Грозного... С. 499.

[121] Сб. РИО. Т. 129. С. 207; *Царь Иван VI Васильевич Грозный.* Сочинения. С. 123, 131.

[122] *Лурье Я. С.* Комментарии. С. 618.

[123] См.: *Стромилов Н. С.* Александрова слобода: Слобода до Грозного. С. 41—43.

[124] См.: *Стромилов Н. С.* Александрова слобода в XVII в.... С. 3.

вышеупомянутому писцовому описанию, данные слободки были населены, как правило, служилыми людьми. Часть слободок находилась «под городом в остроге»: это Мамонова слободка,[125] возле которой ранее располагался так называемый «Глинский двор»,[126] и Печатниковая слободка.[127] Другая часть слободок находилась за р. Серой. В числе их были Конюшенная слободка, где ранее при Иване Грозном был «Конюшенный государев двор» площадью свыше 9 десятин земли, слободка Стрелиха, где ранее жили стрельцы, слободка Кокуиха, заселенная ранее немцами, а поэтому называвшаяся также Немецкою слободою, Бобыльская слободка, где в так называемых кельях жили бобыли.[128]

В связи с вышеизложенным можно достаточно обоснованно полагать, что под *селами* «града» Слободы царь Иван имел в виду либо окрестные государевы слободские села, либо так называемые слободки, расположенные в непосредственной близости от опричного Кремля. Именно где-то здесь в конце лета 1571 г. под царским руководством служащими слободской посольской канцелярии и было составлено «многошумящее» и сумбурное послание Ивана IV шведскому королю Юхану III. Указание в финальной концовке грозненского послания шведскому королю на села АС как на места написания данного письма свидетельствует как будто в пользу того, что данное царское послание писалось в разных местах сельской округи АС, т. е. оно составлялось, очевидно, в несколько приемов.

Таким образом, благодаря введению в научный оборот вышеуказанного дипломатического послания царя Ивана IV к королю Юхану III у историков появляется еще одно официальное свидетельство *городского* статуса АС, причем в дипломатическом документе, исходящем непосредственно от имени царя.

В разрядных книгах разных редакций, в том числе в официальном «Государеве разряде» 1598 г., сохранились весьма ценные сведения о назначении на воеводскую службу в Слободе опричников государева полка кн. Федора Ивановича Хворостинина и Игнатия Борисовича Блудова по случаю похода русской армии под руководством царя Ивана Грозного и его сына царевича Ивана из Великого Новгорода весной 1572 г. на шведов.[129] Как из-

---

[125] Топонимическое название данного поселения связано с именами ее бывших владельцев — боярина Григория Андреевича Мамонова и его сына Ивана Мамонова, которые были ближними людьми вел. кн. Василия III (см.: *Стромилов Н. С.* Александрова слобода: Слобода до Грозного. С. 10—12).

[126] Топонимическое название «Глинский двор» указывает на былое дворовое место в АС князей Глинских, бывших кровными родственниками второй жены вел. кн. Василия III Елены Васильевны, урожденной княжны Глинской, доводившейся матерью Ивану IV и его брату Юрию (см.: *Стромилов Н. С.* Александрова слобода: Слобода до Грозного. С. 71—72).

[127] Происхождение топонимии этой слободки АС достаточно прозрачно: оно связано с былым проживанием в ней во времена Ивана Грозного работников Слободской типографии Андроника Невежи Тимофеева, а может быть, и с местом былого нахождения в ней и самого слободского Печатного двора.

[128] См.: *Стромилов Н. С.* Александрова слобода в XVII в.... С. 6—10.

[129] РК 1475—1598 гг. М., 1966. С. 246; РК 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 306; РК 1559—1605 гг. М., 1974. С. 83; РК 1550—1636 гг. М., 1975. С. 196. — Об опричниках Ф. И. Хворостинине и И. Б. Блудове подробнее см.: *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного //АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 26—27, 80—81.

вестно, воеводы назначались Разрядным приказом на службу обычно в крепости, обладавшие городским статусом. Таким же принципом руководствовался и опричный Разрядный приказ, находившийся в АС. Правда, члены государева полка кн. Ф. И. Хворостинин и И. Б. Блудов назначались на воеводские должности лишь на период отсутствия царя в Слободе, но сути дела это не меняет: как уже говорилось выше, воеводское управление в России осуществлялось лишь в укрепленных городах. Следует также попутно заметить, что в разрядной записи АС названа просто Слободой, а именно так (без определения «Александровская») именовалась в упомянутых выше послесловиях книжников и в официальных дипломатических документах АС, когда указывался ее новый городской статус. Поэтому у нас есть вполне определенные основания рассматривать данное сохранившееся известие «Государева разряда» 1598 г. и других разрядных книг с росписью членов государева полка как еще одно дополнительное доказательство *городского* статуса АС в указанное время.

В пользу того, что АС во времена Ивана Грозного обладала *городским* статусом, определенно свидетельствуют и показания современников.

Одним из таких свидетельств может рассматриваться характеристика АС беглого кн. Андрея Михайловича Курбского, которую он дал в своей знаменитой «Истории о великом князе Московском», написанной в любом случае не ранее лета 1573 г.,[130] т. е. в то время, когда в ней продолжал жить царь Иван Грозный. Бывший друг и сподвижник царя Ивана IV, а позднее его непримиримый противник в своей «Истории» лаконично и выразительно заклеймил любимую царем АС как «кровопийственный *град*»,[131] а отнюдь не как «кровопийственное *село*». При этом важно подчеркнуть, что Курбский в «Истории» называл АС «градом» без определения «Александровская». Как мы помним из вышеизложенного, именно так начиная с 1568 г. именовали царский «новый град» в своих послесловиях русские книжники, творившие книги в опричной резиденции Ивана Грозного. Слобода без определения «Александровская» именовалась «градом» и в официальных документах этого времени. О городском статусе Слободы и о бывших там бесчисленных «кровопийственных» казнях князь-эмигрант Курбский писал, по всей вероятности, на основе показаний многих очевидцев, бывавших в России в это время, в том числе польских посланников и московских беглецов, и поэтому его показания следует принимать во внимание при исследовании проблемы статуса АС в период пребывания там царя Ивана.

Папский посол иезуит А. Поссевино, приехавший летом 1581 г. в Россию с целью прекращения Ливонской войны, заключения мира между Ива-

---

[130] О различной датировке этого памятника в современной историографии см.: *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 305—308; *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. Л., 1966. С. 39—43; 2) Царство террора. С. 50—51; *Рыков Ю. Д.* «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 260 (машинопись); *Елисеев С. А.* О времени создания А. М. Курбским «Истории о великом князе Московском» // История СССР. 1984. № 3. С. 151—154; *Auerbach I.* Gedanken zur Entstehung von A. M. Kurbskijs Istorija o velikom kniaze Moskovskom // Canadian-Amerikan Slavic Studies. 1979. V. 13. N 1—2. P. 166—171; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 39—44 и др.

[131] См.: Сб. РИБ. Т. 31. Стб. 308, 316. — Курсив мой.

ном IV и польским королем Стефаном Баторием и последующего привлечения русского государя в антитурецкую лигу, без обиняков свидетельствовал о *городском* статусе АС. В своем трактате под названием «Московия», написанном А. Поссевино около 1581—1582 гг. для римского папы Григория XIII, он со ссылками на мнение иностранных авторов о наиболее значительных русских городах сообщал папе среди прочего: «К *городам* они (иностранные авторы. — *Ю. Р.*) причисляют Ярославль, Александровскую слободу и еще несколько городов подобного рода, хотя их стоило бы называть «*городки*», если бы не то обстоятельство, что они имеют, по местному обычаю, крепости, не заслуживающие пренебрежения».[132] По сведениям А. Поссевино, крепость в АС сложена «из камня и кирпича», как в Москве, Новгороде, Пскове, Порхове, Старице, «отчасти в Ярославле, а также на Белом озере».[133] Папский посол в своем сочинении «Московия» подчеркивал исключительную роль «*городка*» АС в деле книгопечатания в России. Он писал: «Все книги они («московиты». — *Ю. Р.*) сами переписывают, но не печатают, исключая то, что печатается на станке для самого князя (т. е. Ивана IV. — *Ю. Р.*) в *городке*, который называется Александровская слобода, где у государя есть типография. Этот *городок* находится от Москвы на расстоянии 90 итальянских миль, которые московиты называют верстами».[134] Из данного свидетельства можно почерпнуть новые дополнительные сведения о деятельности слободской типографии уже упоминавшегося выше Андроника Невежи Тимофеева сына.

Из научной справочной литературы известно, что кроме вышеназванной Псалтири Андроник Невежа напечатал в АС в 1577—1580 гг. еще одну книгу под названием «Часовник».[135] Каких-либо других слободских изданий XVI в. вплоть до самого последнего времени известно не было. Однако недавно число этих изданий удалось пополнить благодаря счастливой археографической находке виднейшего нашего историка, книговеда и археографа А. А. Турилова, который в давно известной описи церкви Ильи пророка в Ярославле 1651 г. обнаружил свидетельство еще об одном дотоле неизвестном в научном обиходе слободском издании. Здесь в начале описания основного комплекса книжного собрания данной церкви содержится текст с упоминанием этого издания: «Евангелие слободцкие печати, Распятие, и евангелисты, и доска — все обложено серебром басемным».[136] А. А. Турилов высказал предположение, что данное Евангелие было напечатано в АС тем же Андроником Невежей Тимофеевым в промежуток времени между изданными здесь Псалтирью и Часовником, т. е. «между февралем 1577 г.

---

[132] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 43. — Курсив здесь и далее мой.

[133] Там же. С. 44.

[134] Там же. С. 27.

[135] *Сазонова Л. И.* Андроник Невежа. С. 41—42.

[136] *Турилов А. А.* Библиографический сюрприз описи 1651 г. церкви Ильи пророка в Ярославле (свидетельство о неизвестном слободском издании XVI в.) // История и письменная культура Древней и Новой России: Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю. В. Анхимюк. М., 2007 (в печати); см. также: *Гусева А. А.* Необнаруженные издания кирилловского шрифта второй половины XVI в., известные по печатным и рукописным источникам // Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта... Кн. 2. Прил. 3. С. 1205. № 7.

(печатание Псалтири завершено 30 января) и 1580 г.».[137] Исследователь высказал догадку, что, возможно, именно это издание Евангелия использовал около 1580 г. при подготовке незавершенного издания диглотты Василий Тяпинский, ибо он называл это Евангелие московским и «недавно друкованным».[138]

Если исходить из показаний А. Поссевино и времени написания его трактата,[139] то можно определенно полагать, что типография А. Тимофеева существовала в АС и в 1581—1582 гг. Не исключено, что эта государственная «книгопечатня» продолжала находиться здесь и позднее, ибо функционирование новой типографии А. Тимофеева в Москве реально началось лишь в 1587 г.[140] Обустройство этой типографии, вероятно, произошло уже не при Иване IV (он умер в 1584 г.), а при его преемнике царе Федоре I Ивановиче и при первом всероссийском патриархе Иове. Самым ранним изданием возобновленной московской типографии А. Тимофеева явилась Триодь постная, печатание которой началось 20 декабря 1587 г., а закончилось 8 ноября 1589 г.[141] Вслед за этим Андроником Невежей была издана в Москве целая серия старопечатных богослужебных книг на церковно-славянском шрифте: Триодь цветная (1590—1591 гг.), Октоих в двух частях (1592—1594 гг.), Апостол (1596—1597 гг.), Часовник (1598 и 1601 гг.), Минея общая (два издания 1599—1600 гг.), Часовник (1600—1601 гг.), Служебник (1601—1602 гг.) и Псалтирь (1602 г.).[142]

Какие-либо другие слободские книги, кроме Псалтири, Евангелия и Часовника, выпущенные печатным тиснением в «*новом граде*» Слободе при Иване Грозном, сейчас, правда, неизвестны, но они несомненно были. Труд-

---

[137] *Турилов А. А.* Библиографический сюрприз... — В отличие от статьи А. А. Турилова, в списке необнаруженных изданий кирилловского шрифта А. А. Гусевой указана дата выхода данного слободского издания Евангелия — «1577/88 г.» (см.: *Гусева А. А.* Необнаруженные издания кирилловского шрифта... С. 1205. № 7), но, очевидно, здесь допущена просто опечатка, и вместо указанной датировки «1577/88 г.» следует читать «1577/80 г.». В пользу того что указанная в списке датировка — не результат проявленной «осторожности» А. А. Гусевой, а результат опечатки, говорит то, что А. А. Гусева ссылается на статью А. А. Турилова, в которой крайней нижней датой выхода показан 1580 г., а не 1588 г.; кроме того, указание списка на крайнюю нижнюю дату — 1588 г. — вызывает сомнение в обоснованности такого года, ибо следующим за слободским изданием было печатное издание Триоди постной, но оно начало готовиться уже в Москве с 20 декабря 1587 г. (см.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. С. 15. № 9; *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта... Кн. 1. С. 802—804. № 109). А последнее обстоятельство с полной определенностью свидетельствует, что к 20 декабря 1587 г. типографии Андроника Невежи в АС уже не было.

[138] *Турилов А. А.* Библиографический сюрприз...

[139] Как установила Л. Н. Годовикова, трактат А. Поссевино «Московия» был вполне закончен ранее 30 марта 1583 г. (*Годовикова Л. Н.* Комментарии // Поссевино А. Историчсские сочинения о России XVI в. С. 32).

[140] *Сазонова Л. И.* Андроник Невежа. С. 41.

[141] Описание этой книги см.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати... С. 15. № 9; *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта... Т. 1. С. 802—804. № 109.

[142] Описание этих изданий см.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати... С. 15—21. № 10—19; *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта... Т. 2. С. 809—813. № 115; с. 904—906. № 128; с. 1073—1075. № 153; с. 1083—1084. № 162; с. 1089—1092. № 167; с. 1093—1096. № 169.

но представить картину полного производственного бездействия слободской типографии на протяжении ряда лет после выпуска слободского Часовника.

Условная датировка времени печатания этого Часовника 1577—1582 гг. и даже 1577—1580 гг., предложенная Т. Н. Каменевой,[143] чрезвычайно широка. Причина такой широкой датировки заключается в том, что во всех трех ныне известных экземплярах слободского Часовника утрачено послесловие книжного мастера Андроника Невежи с типографскими «выходными данными». Вряд ли слободской Часовник печатался дольше невежинского Часовника 1598 г., который находился в московском типографском производстве с 17 мая по 27 июля 1598 г.,[144] т. е. 2 месяца и 11 дней. Обе эти книги однотипны и примерно одного объема, хотя и напечатаны в разном формате и с разным числом строк на печатной странице. Часовник 1598 г. напечатан в 12-ю долю листа и содержит 248 л. с текстом в количестве 11 строк на странице,[145] а слободской Часовник напечатан в 8-ю долю листа, на каждой странице которого размещено, как правило, 12 строк.[146] Реально от слободского издания сохранилось только 194 л. с текстом.[147] С учетом того что в конце слободского издания должно было находиться послесловие книжного мастера (а таковым предположительно являлся Андроник Тимофеев сын Невежа) и, возможно, полунощница, имеющаяся в московском издании 1598 г. и в экземпляре слободского Часовника из собрания НИО редких книг РГБ в виде рукописной копии текста последней четверти XVII в.,[148] то печатый текст слободского издания должен был насчитывать примерно от 198 до 217 л. Основанием для такого «прогноза» служит тот факт, что в издании 1598 г. послесловие А. Т. Невежи напечатано на 4 л., а полунощница — на 20 л., коэффициент же соотношения текста листа московского печатного издания 1598 г. с текстом листа слободского составляет примерно 0.8 %. Таким образом, слободской Часовник реально мог печататься около двух—двух с половиной месяцев.

Для большей убедительности такого мнения можно использовать также время печатания двух изданий Часовника, осуществленных в 1565 г. русскими первопечатниками Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. По сообщению книжных послесловий, первое издание Часовника печаталось с 8 августа по 25 сентября 1565 г. и содержало 174 л. в 8-ю долю листа, а второе издание — со 2 сентября по 29 октября 1565 г. и содержало 172 л.[149] Таким образом, первое федоровское издание Часовника печаталось

---

[143] *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание... С. 143. — Новейший составитель описания этого Часовника А. А. Гусева принимает второй, более узкий вариант каменевской датировки, т. е. период между 1577 и 1580 гг. (см.: *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта..... Кн. 1. С. 502. № 67).

[144] *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание... С. 144; *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта... Кн. 2. С. 1083—1084. № 162.

[145] *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание... С. 144; *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта... Т. 2. С. 1083. № 162.

[146] *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание... С. 143; *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта... Кн. 1. С. 502. № 67.

[147] *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта... Кн. 1. С. 502. № 67.

[148] *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание... С. 143.

[149] *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати... С. 15. № 8; с. 137. № 1; *Гусева А. А.* Издания книг кирилловского шрифта... Кн. 1. С. 294—295. № 35—36.

на протяжнии 1 месяца и 19 дней, а второе — на протяжении 1 месяца и 28 дней.

Следовательно, когда археографами-книговедами будет обнаружен полный экземпляр слободского Часовника, широкая условная датировка времени его печатания несомненно будет весьма существенно сужена до хронологического диапазона в размере примерно около двух—двух с половиной календарных месяцев. После вычета точного времени издания слободского Часовника из отрезка условного широкого времени его возможного «печатания» между 1577 и 1580 гг. период издательского «бездействия» слободской типографии будет выглядеть чрезвычайно внушительно. Невольно он будет вызывать вполне обоснованные вопросы у исследователей: а был ли реально такой чрезмерно длительный производственный «застой» в деятельности слободской типографии? А может быть, такого «застоя» в деятельности слободской типографии вовсе и не было, ибо она продолжала выпускать какие-то новые издания «для царя» (как свидетельствовал А. Поссевино)? Возможно, эти издания дошли до нашего времени, но нам они пока неизвестны.

Еще Т. Н. Каменева делала резонное предположение о том, что, возможно, «перерыва в книгопечатании не было; в период между деятельностью Невежи в Слободе и выходом Триоди постной 1589 г. были напечатаны пока еще неизвестные нам книги, в которых можно будет найти ломбарды нашего Часовника, до сих пор нигде не обнаруженные. Что какие-либо издания между 1580-ми гг. и 1598 г. существовали, показывает худшее состояние заставок», которые были использованы как в слободском Часовнике, так и в Часовнике 1598 г.[150]

Известный историк книжного дела эпохи Ивана Грозного А. А. Амосов на основании анализа филиграней одного из трех известных сейчас дефектных экземпляров слободского печатного Часовника сделал предположение о том, что «Андроник Невежа начал печатать Часовник не сразу по завершении Псалтири, но через какой-то отрезок времени». По мнению исследователя, «в пользу этого свидетельствуют и наблюдения Т. Н. Каменевой над орнаментированными досками и шрифтовым материалом, в Часовнике более изношенном, чем в Псалтири». Исходя из этого, А. А. Амосов прозорливо допустил реальную возможность находки в будущем новых, «еще не обнаруженных изданий Андроника Невежи, разделяющих по времени Псалтирь и Часовник».[151] Высказаннос А. А. Амосовым предположение стало реальным историческим фактом после недавней замечательной археографической находки А. А. Туриловым прямых сведений о неизвестном слободском Евангелии времени царя Ивана IV, о чем было сказано выше.

Следуя по пути, прозорливо намеченному исследованиями Т. Н. Каменевой и А. А. Амосова, можно действительно думать, что неизвестные невежинские издания могли печататься в слободской типографии в грозненское время и после выхода в свет вышеуказанного Часовника. Упоминавшееся выше свидетельство папского посла А. Поссевино начала 80-х гг. XVI в. о слободской типографии «для государя» говорит о печатании в ней книг

---

[150] *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание... С. 143.

[151] *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. С. 197—198.

как о действующем в это время процессе, а не как о процессе, уже прекратившемся. Поэтому вполне можно надеяться, что в обозримом будущем действительно могут быть обнаружены наряду с упоминаниями и сами новые слободские издания 70-х—начала 80-х гг. XVI в., а также московские издания 80-х гг. XVI в., предшествующие московскому изданию Триоди постной 1589 г.

Б. Н. Морозов отметил некоторую «неустойчивость» определения «*город*» для АС во времена правления царя Ивана IV, поскольку в официальной грамоте папскому посланнику А. Поссевино, написанной в царской канцелярии в Слободе 23 октября 1581 г., городской статус новой столицы не был отражен.[152] Более того, исследователь обратил внимание и на то обстоятельство, что в посольском наказе гонцу в Литву Ф. И. Мясоедову 1569 г. АС была названа не новым городом, а подмосковным *селом* и статус ее как царской опричной столицы не был здесь специально оговорен.[153]

Я могу дополнительно назвать еще один официальный документ 1578 г., в котором новый городской статус АС также не указан. Это русско-датская перемирная грамота 1578 г. на 15 лет, которая имеет следующий дипломатический финальный протокол: «Писана грамота в нашем дворе, в Слободе Московского государства, лета от создания миру семь тысещ восмьдесят шестаго, августа 2-го».[154] Этот факт как будто подкрепляет мнение Б. Н. Морозова о «неустойчивом» городском статусе АС во времена Ивана Грозного. Но это только на первый взгляд. Если мы вновь обратимся к дипломатической переписке Ивана IV с державами иностранными, то обнаружим, к примеру, среди других документов договорную грамоту царя Ивана IV с датским королем Фредериком II, «кому какими городами и местами владеть и в какие не вступаться». В конечном протоколе этого документа указано: «Писана грамота в нашем дворе Можайску Московского государьства, лета от создания мира 7000 семядесятного (т. е. 1562 г. — *Ю. Р.*), августа месяца 7 день».[155] Как мы видим, в данной грамоте *городской* статус Можайска в финальной формуле официального протокола не отражен, но у нас нет и не может быть никаких оснований для суждений о «неустойчивости» городского статуса Можайска, ибо Можайск с давних пор имел статус города и никогда его не утрачивал. Во внутриполитических документах, исходивших от имени Ивана IV из разных государственных учреждений в Москве, городской статус этого города, как правило, вообще не указывался, ибо городской статус столицы в России был всем известен, и поэтому указание на такой статус в официальных документах было излишним. В конечном протоколе таких документов обычно указывалось: «Писан (*или*: писана, писано. — *Ю. Р.*) на Москве...» без указания городского статуса.

Стало быть, можно полагать, что указание на городской статус в официальных грамотах царя Ивана IV не всегда было обязательной нормой финального протокола этих грамот, и поэтому наличие упоминания городского статуса места написания грамоты или его отсутствие в финальном протоколе само по себе еще не может служить достаточным основанием

---

[152] *Морозов Б. Н.* 1) Неизвестные документы... С. 14; 2) Новый документ... С. 112.
[153] *Морозов Б. Н.* 1) Неизвестные документы... С. 13; 2) Новый документ... С. 111.
[154] *Ульфельдт Якоб.* Путешествие в Россию. С. 567.
[155] Там же. С. 518.

для мнения о «неустойчивости» статуса того или иного поселения. Для повышения степени убедительности суждения о «неустойчивости» городского статуса АС, очевидно, следует привлекать более широкий круг источников, и прежде всего внутриполитического характера.

Административно-политическое и культурное значение АС как одного из центров русской государственности действительно резко падает после скорбного отъезда царя Ивана Грозного с телом безвременно скончавшегося сына царевича Ивана Ивановича в ноябре 1581 г. из АС в Москву. Именно с этого времени центр государственной, политической и культурной жизни Российского царства перешел в Москву и оставался здесь вплоть до учреждения царем Петром I в 1712 г. новой столицы России — г. Санкт-Петербурга.

Однако, невзирая на падение административно-политического и культурного значения АС в 1581 г., ее каменные храмы, дворец и крепость, знаменовавшие собой внешне символ *нового* города, хотя и ветшали, но сохранялись вплоть до начала польско-литовской интервенции и наступившего в этой связи тяжелого лихолетья. Еще в годы Смутного времени шведский дипломат и хронист П. Петрей характеризовал АС как маленький *городок* и *крепость*.[156] Как известно, во время польско-литовской интервенции начала XVII столетия обветшавшие городские укрепления АС были захвачены польско-литовскими отрядами под командованием Яна-Петра-Павла Сапеги, осаждавшими Троице-Сергиев монастырь. Крепостные стены АС сгорели тогда в огне пожара.[157]

О былом *городском* статусе села АС, претерпевшего лихолетье Смуты, свидетельствует и уже упоминавшаяся выше писцовая книга Переяславского у. 1627—1630 гг.: «В Переславском уѣздѣ Залѣсском государево дворцовое село: Новая Александровская слобода, а в ней *город* осыпной земляной, по валу кругом 532 сажени, в длину 157 сажен, поперег 98 сажен, а в нем (т. е. в городе. — *Ю. Р.*) храм каменный соборный Покров Пресвятыя Богородицы, в *городе* же в осыпном мѣсто — что бывал Государев двор — предѣл Николая Чудотворца, Живоначальной Троицы, Алексия митрополита, Успения Пресвятыя Богородицы...»[158]

Таким образом, известное самое раннее на текущий момент конкретное именование АС *городом* («градом») датируется 12 февраля 1568 г., и оно связано с реальным существованием в ней к этому времени каменного Кремля и опричного дворца Ивана Грозного. Можно полагать, что в данную пору земляной вал вокруг АС, по всей вероятности, уже был укреплен теми самыми бревенчато-кирпичными стенами, о которых сообщал в своих «Записках» Г. Штаден. Возведенные крепостные стены вокруг царского двора архитектурно и художественно весьма преобразили место пребывания царя Ивана Васильевича, придав АС новый эстетический блеск, и, может быть, данное обстоятельство также сыграло далеко не последнюю роль в деле изменения статуса дворцового села, в деле официального именования его «*новым градом*» России.

---

[156] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. С. 182.
[157] *Бочаров Г. Н., Выголов В. П.* Александровская слобода. С. 42.
[158] *Стромилов Н. С.* Александрова слобода в XVII в. ... С. 4. — Курсив мой.

А. И. Филюшкин

ДИСКУРСЫ НАРВСКОГО ВЗЯТИЯ[1]

Когда Ругодив горел...

Русская поговорка XVII—XVIII вв., обозначающая очень давнее событие

Немецкая часть Нарвы, или собственно так называемая Нарва, состоит по большей части из каменных домов; другая, отделенная рекой, называется Ивангород. В первой все на немецкую стать, а в другой все на русскую. Тут была прежде наша граница — о Петр, Петр!

Н. М. Карамзин.
Письма русского путешественника.

Нарва с раннего средневековья считалась рубежом между цивилизованным Западом и варварским Востоком, к которому в сознании европейцев относилась Московия. При этом Нарва сама несла на себе отпечаток диких нравов своих соседей. Так, француз Губерт Ланге (XVI в.) сближал ее название с племенем нервиев Геродота и, говоря о легенде о превращении нервиев в волков, добавлял, что до сих пор «такое превращение обыкновенно в этих странах».[2] Напротив, Г. Ф. Миллер приводил мнение Далина, будто бы Ингерманландия раньше называлась Ругиею, и поэтому г. Нарва по-русски именовался Ругигород или Ругигард.[3] И хотя ученый сам опровергает эту точку зрения, показательна сама попытка трактовки Нарвы как «города ругиев-русских».

С Нарвой были связаны многие легенды, происхождение которых уходит в глубь веков русско-ливонского противостояния. Но они при этом не-

---

[1] Работа выполнена по проекту AZ 08/SR/04 „Der historische Diskurs um den Livlandkrieg (1558—1583)", поддержанному Gerda Henkel Stiftung. Исследованию «нарвских дискурсов» была также посвящена наша статья, изданная на латышском языке: *Fiļuškins A.* Pardomas par Narvas ienemsanu // Latvijas Kara muzeja gadagramata IV. Riga, 2003. P. 60—71.

[2] *Петров А.* Город Нарва, его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье: 1223—1900. СПб., 1901. С. 26.

[3] *Миллер Г. Ф.* О народах, издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 11.

© А. И. Филюшкин, 2007

сут отпечаток поздних переработок и переосмыслений. Например, сказание об основании Ивангорода, в котором ливонцы заменены на шведов, видимо, относится к XVII или, скорее, даже XVIII в., поскольку миф носит явное сходство с античными преданиями об основании Карфагена. По легенде, русский царь после очередной войны сумел выговорить у шведов кусок земли на берегу р. Наровы. Но шведы согласились поступиться территорией только того размера, который покроет расстеленная конская шкура. Царь приказал порезать шкуру на тонкие ремни и оградил ими большое пространство. Здесь и была построена крепость Ивангород, которую стали звать «Hobuse naha Linn» — «город конской шкуры». Из нее в Нарву был прорыт подземный ход под руслом реки, и в подземелье до сих пор бродят призраки и раздаются голоса.

Интерпретация легенды о подземном ходе содержится в сказании о рыцаре Индрике Беренгаупте, видимо, относящемся к началу XVI в. Русские напали на замок и хотели увести с собой жену ливонца, которая славилась своей красотой. Но рыцарь сам ее убил, чтобы она не досталась врагу. Московиты ушли, уведя с собой сына Беренгаупта. Несчастный решил отомстить — вырыть подземный ход из Нарвы в Ивангород и через него тайно напасть на обидчиков. После религиозных обрядов, по благословению духовенства, в траурном одеянии при пении реквиема Беренгаупт спустился в подземелье, у входа в которое был повешен колокол — в него рыцарь должен был звонить, чтобы его вынули на поверхность. Колокол зазвонил только через 30 лет. Ход был готов. Ливонец тайно сходил в русский город и нашел там своего сына, но тот отказался идти с отцом — юноша вырос в России, он православный, любит боярышню и т. д. Потрясенный отречением сына, Беренгаупт дал ему пощечину и ночью повел войско через подземный ход на Ивангород. Но посредине прохода наровчане столкнулись с отрядом ивангородцев, во главе которого шел сын-отступник. Сын в схватке убил отца, и тут подземелье обрушилось и похоронило оба отряда. До сих пор стража Нарвского замка по ночам слышит вой и рыдания — это страдает душа окаянного отцеубийцы и не находит успокоения.[4]

Нарва не была целью похода русских войск в начале Ливонской войны, в январе 1558 г., хотя татарские и дворянские отряды и действовали в ее окрестностях. Однако именно бассейн р. Наровы был той территорией, в борьбе за которую между русскими и ливонцами десятилетиями, а то и веками копились взаимные претензии, обиды, амбиции. И начавшаяся война давала возможность их безнаказанно выплеснуть. В марте 1558 г. начинаются регулярные стычки жителей Нарвы и Ивангорода. Они быстро приобретают радикальный характер. Перестрелки горожан через р. Нарову превращаются в артиллерийскую дуэль двух крепостей.

От Ивана IV приехал дьяк Шестак Воронин с приказом — бомбардировать Нарву.[5] По свидетельствам ливонских источников, видимо, преувеличенных, ежедневно в Нарву летело до 300 каменных ядер весом до 6.5 пудов! Денег для обороны не было, бургомистр Крумгаузен для найма солдат

---

[4] *Петров А.* Город Нарва... С. 47, 57—59. — Литературный пересказ см.: *Фурман П. Р.* Нарвская легенда. СПб., 1899.

[5] ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 291—292.

даже конфисковал купеческие товары на сумму 8000 марок.[6] Но времени, чтобы истратить эти деньги, у городского главы уже не было.

Видя, что события принимают дурной оборот, нарвцы, видимо, спасая свои торговые дела, в апреле вступают в переговоры сперва с ивангородским воеводой, а затем с Москвой. Посольство выразило готовность выйти из ливонского подданства и присягнуть русскому царю. Примечательно, что горожане Нарвы одновременно послали гонцов с просьбой о принятии в подданство в Москву и в Брюссель, где находился Филипп II, муж английской королевы Марии. Собственно, ничего необычного в этом не было — в это время многие торговые центры гибнущей Ливонии, такие как Рига, Ревель, искали покровительства и подданства у иноземных монархий — Швеции, Дании, Священной Римской империи.

Здесь между дипломатами возникла ситуация взаимного непонимания, вытекавшая из разницы политических культур. Русская сторона трактовала заключенное соглашение следующим образом: «И царь и великий князь ругодивцов ратманов и посадников и буймистров и полатников и всю землю Ливоньскую пожаловал, взял в свое имя и на том дал жаловалную грамоту, какову быти им к государеву жалованию; а Яким и Захар[7] за всю землю Ругодивъскую государю крест целовали, что им служити государю и городы здати и иново государя не искати мимо царя и великого князя». При этом «вас государь пожалует, из домов из ваших не розведет и старины вашие и торгу у вас не порушит, а владеют царя государя воеводы Вышегородом и Ругодивом и всеми землями Ругодивскыми, как маистр и князець[8] у вас владел».[9] В Степенной книге акт принятия Нарвы в подданство трактуется как то, что Иван IV «милость показал и вину отдал и взял на свое имя».

Здесь мы видим полное торжество московского вотчинного дискурса: присоединение земли к Русскому государству есть великая милость для этой земли, «жалование». Он оформляется священной клятвой (крестоцелованием), главное в которой — обещание не искать другого государя. С этого мо-

---

[6] *Петров А.* Город Нарва... С. 67.

[7] Иоаким Крумагаузен и Арндт фон Деден.

[8] Под «князьцем» имеется в виду нарвский фогт. Им в 1558 г. был Эрнст фон Шнеленберг. Под его началом было 30 рыцарей и 150 конных воинов. См.: *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2 (далее — *Рюссов Б.* Ливонская хроника-II). С. 363.

[9] ПСРЛ. Т. 13. С. 293—294. — О жалованой грамоте (привилегии) жителям Нарвы от 1 мая 1558 г. см.: *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326—1690 гг. М., 1893. С. 18. № 50. — В другом издании датских документов Ю. Н. Щербачевым эта грамота датируется 11 мая, днем падения Нарвы. Иван IV выговаривал себе право держать в цитадели гарнизон с воеводой на правах фогта. Более никакого военного постоя в городе не размещать. Убытки, которые воинские люди причинят местным жителям, должны возмещаться. Бургомистры и ратманы сохраняли свою власть, суды, свободу промыслов и торговли. Горожане кроме свободы торговли и передвижения сохранили право заключать браки с жителями германских земель. Отныне ни магистр, ни архиепископ не могли вмешиваться в эти права. Это гарантировала защита, предоставляемая русским царем. По вопросу о вероисповедании подчеркнуто принципиальное невмешательство Москвы в вопросы веры. На этих условиях нарвцы обещали служить Ивану IV и его детям «безо всякой хитрости» и не искать чужой власти (*Щербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории. М., 1915. Вып. I: 1326—1569. С. 41—44. № 24).

мента любой поступок жителей Нарвы, идущий вразрез с волей Ивана Грозного, квалифицировался как ложь и измена, «лукавство». В Ивангород присланы войска, которые должны войти и встать гарнизоном в новом государевом городе — Ругодиве (так русские называли Нарву), поскольку «повеле государь брещи их от маистра». Но русские с возмущением обнаружили измену: жители Нарвы тайно послали за подмогой в Ревель (Колывань). По словам Степенной книги, этот отряд был наголову разбит, чем было достигнуто первое торжество над клятвопреступниками.[10]

На самом деле все было иначе. Нарвцы воспринимали свои обязательства не столь серьезно и считали себя вправе и в дальнейшем выбирать себе господина по своему разумению. Группа горожан не поддержала решение о переходе в подданство Москвы, т. е. с точки зрения русской стороны действительно совершила «измену». В апреле на защиту Нарвы прибыл отряд ревельского командора Зсегафена, присланный орденским коадъютором Г. Кетлером по просьбе горожан, раздумавших подчиняться Москве. Но после небольшой стычки с ивангородскими войсками ревельцы отказались защищать Нарву и ушли в свой город. С фогтом фон Шнелленбергом остались только Зеегафен и несколько солдат. Командор оставил отчет о падении Нарвы, благодаря которому нам известны некоторые подробности драматических событий мая 1558 г.[11]

11 мая в Нарве случился пожар. Согласно большинству источников, загорелся дом парикмахера Кордта Улькена, затем огонь перекинулся на соседние дома. Вместо того чтобы тушить пламя, жители Нарвы, по словам Зеегафена, бросились укрываться от огня в замке, кто не успел — хоронился в крепостном рву. Решив, что начался штурм, пехота построилась на городской площади и заняла позиции у ворот, но, так и не дождавшись нападения противника, от огня и дыма кнехты ушли в замок.

Пожар кинулись тушить ивангородцы и московские войска, спасавшие от огня «свой Ругодив». Через Нарову переправлялись наспех, чуть ли не на выломанных дверях, бревнах и т. д., при этом были «яко ангелом носимы». Через Русские (Водяные) ворота у замка вошли отряды под началом А. Д. Басманова и Д. Ф. Адашева, через Колыванские ворота — отряды И. Бутурлина. Помимо борьбы с огнем московиты сразу же открыли артиллерийский огонь по замку из ливонских орудий, которые они нашли брошенными на городских стенах. Рыцарям же ответного огня организовать не удалось — при первом выстреле на артиллерийской площадке башни Германа орудие взорвалось, нанеся вред всей позиции.

По Зеегафену, переговоры с осажденными в замке горожанами и отрядом рыцарей и кнехтов вел бюргер Бартольд Вестерман от имени воеводы П. П. Заболоцкого. Русские предложили всем, кто хочет, покинуть город с имуществом, которое люди смогут унести в руках. Для тех, кто останется, царь обещает выстроить новые дома. Осажденные ответили: «Отдают только яблоки да ягоды, а не господские и княжеские дома». Дальнейшие переговоры выявили разницу менталитета: ливонцы утверждали, что нападение

---

[10] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 658.

[11] Опубликован: Ergänzende Nachrichten zur Gerschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558. Narva, 1864. S. 22—34. — Русский пересказ см. в книге: *Петров А.* Город Нарва... С. 69—73.

на Нарву незаконно, так как еще не закончились московские переговоры представителей ордена с Иваном IV. Заболоцкий в ответ сказал, что ему нет дела до переговоров, Нарву Бог наказал за грехи и дал ее в руки русским, и они не могут от этого отказаться.

По Ф. Ниенштедту, осажденные в замке защитники послали к коадъютору Г. Кетлеру, который был назначен орденом ответственным за оборону Нарвы. Но Кетлер встал лагерем в трех милях от крепости и ничего не предпринимал.[12] Зеегафен описывает, что защитники спутали с рыцарями подходивший к Нарве отряд русских, и вспыхнувшая было надежда сменилась отчаянием. В цитадели было три бочки пива, немного ржаной муки, вволю сала и масла и пороху на полчаса стрельбы. С такими ресурсами сопротивляться было бесполезно. Начались переговоры о сдаче, ливонцы угрюмо наблюдали их завершение: русский воевода велел принести воды, при всех умылся и торжественно приложился к образу с клятвой, что отпустит гарнизон замка и сдержит все данные обещания. Ночью начался исход из замка, к утру бывшие защитники Нарвы были в лагере Кетлера, где их встретил новый пожар. Уцелевшие кнехты, рыцари, жители Нарвы, не пожелавшие оставаться с московитами, и отряд Кетлера ушли к Везенбергу.

Рассказы Степенной книги и Лицевого свода о взятии Нарвы 11 мая (по Рюссову, 12 мая) содержат идею о божественной легитимации захвата этого города. Господь через образ Николы Чудотворца передает его в руки русским. Ливонец стал варить пиво (сам по себе грех, «пьянственное питие») и на дрова исколол православную икону Св. Николая (святотатство!). Икона ответила огнем, от которого загорелась вся Нарва.

О пожаре Нарвы, предшествующем взятию, упоминает и Б. Рюссов. Он пишет, что загорелось «на Корд Улькене в доме одного цирюльника», но ни о какой иконе не знает и утверждает, что возгорание было «неожиданным».[13] Ф. Ниенштедт трактует ситуацию таким образом: загорелся пожар (причина не названа), и заполыхала вся Нарва, потому что много деревянных построек. «Как только московиты в лагере, лежавшем по ту сторону речки, это заметили, то переправились на лодках и плотах, подобно рою пчел, на другую сторону, взобрались на стены, и так как нельзя же было в одно и то же время и пожар тушить и врага отражать, то жители и убежали в замок, а город предоставили неприятелю».[14]

По русским летописям, увидев пожар, московские воеводы, стоящие под стенами крепости, требуют впустить их в город, чтобы помочь тушить, ведь они уже считают Нарву своей, поэтому это их обязанность! Но ливонцы не пускают чужаков, и тогда русские врываются в город силой. Цитадель («Вышегород») взята «у Бога прошением и правдою», причем «черные люди все добили челом и правду государю дали, что им быти в холопех у царя и великого князя и у его детей во веки»[15] (здесь мы видим противопоставление сопротивляющейся неразумной знати простому люду, более

---

[12] *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1881. Т. 4. С. 15.

[13] *Рюссов Б.* Ливонская хроника-II. С. 362.

[14] *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись. С. 15.

[15] Данная формула, согласно русским источникам, стандартна для присяги ливонцев на верность Ивану IV. Ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 304.

отзывчивому на указания Бога). Прямо на пожарище обнаружены целехонький образ Николы и богородичная икона, т. е. русских воинов в Нарве встретило чудо. Степенная книга уточняет чудесную находку: образ Богородицы с младенцем (Одигитрии) и четыре образа на одной иконе: Св. Николы, Св. Власия, Св. Козьмы и Дамиана.

Далее Лицевой свод приводит аналогию с «казанским взятием» 1552 г. Иван IV совершает в честь победы торжественный молебен, город освящается специально посланными из Новгородской епархии священниками. В Нарве ставится несколько православных церквей, и крестным ходом крепость «обновляется» от латинян и «люторов» и утверждается в непорочной христианской вере. Заметим также, что Нарва пала в день праздника «Обновления Царяграда». Русский царь выступает и справедливым заступником за своих новых подданных: весь полон отпущен, мало того, велено сыскать по другим землям, где еще есть пленные нарвцы, и всех отпустить.[16]

Чудотворные образы из Нарвы 9 августа 1558 г. перевезли в Москву, где они были торжественно встречены царем с сыновьями, женами царя и царевичей и высшими церковными иерархами. Встреча сопровождалась молебном с водосвятием, хождением с образами и обедней.[17] В самой Нарве были построены православные церкви — Воскресенская и Пречистой Божьей матери, освящать их ездил новгородский архимандрит Варфоломей.[18]

В XVII в. данная легенда о взятии Нарвы получила свое развитие. Она была внесена в Мазуринский летописец.[19] В Новгородской Погодинской летописи она изложена следующим образом (напротив этого текста на поле помета: «Зри чудо»): «В лето 7066. Царь и великий князь Иоанн Василиевичь всея России посла в немецкую землю под Ругодив воеводу князя Алексея Даниловича (Басманова. — *А. Ф.*) со многою силою. Немцы же тогда ругающеся в Иване городе, вергоша в поварне во огонь под котел варяше пиво образ Пречистыя Богородицы, и другий Николаа Чудотворца со иными святыми (NB: сжигаемых икон стало больше. — *А. Ф.*). И абые изыде велик пламень, и от того пламене загореся весь град Ругодов и погоре до остатка. Видев же воевода пожар во граде, начат приступати ко граду. И тако взят бысть град Ругодив октябриа в 1 день (на самом деле 11 мая. — *А. Ф.*). Образы же обретоша в пепель невредимы от огня и принесоша в великий Новъград, и срете я архиепископ Пимен со кресты на Голыневе и на том месте поставиша монастырь и братию собраша».[20] Краткое изложение этой легенды есть и в летописной компиляции XVIII в. из Новгородской Уваровской и Новгородской Забелинской летописей.[21]

По-видимому, в XVIII в. в церквах Ивангорода были написаны чудотворные иконы, якобы уцелевшие при пожаре Нарвы 1558 г.: в Преображенском соборе — образ Св. Николая, а в церкви Успения Богородицы — образ Одигитрии. На кивоте Богородичной иконы в XVIII—XIX вв. была прикреплена медная табличка, на которой излагалась вымышленная исто-

---

[16] ПСРЛ. Т. 13. С. 295—296; Т. 21. Ч. 2. С. 658—659.
[17] ПСРЛ. Т. 13. С. 305; Т. 21. Ч. 2. С. 659.
[18] *Петров А.* Город Нарва... С. 85.
[19] ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 135.
[20] ОР РНБ. Погодинское собр. № 1411. Л. 243.
[21] Там же. F. IV. 857. Л. 268 об.

рия образа: «1192 года, мая 13 дня, написан сей кивот к образу Одигитрии Богородицы Тихвинская, повелением ивангородца ругодивского жителя Герасима Кондратьева сына Нечаева, православным христианом на поклонение... писал многогрешный изограф Гри Васин Шанин».[22] Тем самым время создания главной нарвской православной святыни было отнесено к XII в. — когда Нарвы даже еще не было.

Н. Е. Андреев сообщил, что в 1937 г. данные чудотворные иконы отождествлялись с двумя образами: иконой Св. Николая, хранившейся в Нарве в Преображенском соборе, и иконой Богоматери в церкви Ивангорода. Первая икона безусловно относилась к XVII в., и ее связь с легендой является мифической. Зато ивангородский образ Богоматери относится к концу XV—началу XVI в. и носит следы повреждения огнем, что, по мнению Н. Андреева, возможно, подтверждает легенду.[23]

С «Нарвским взятием» было связано Сказание «Обретение честнаго иже во Святых телеси отца нашего Никиты епископа Великого Новаграда чудотворца», сохранившееся в Троицком списке Минеи XVII в. в статье от 30 апреля.[24] В нем сказано, что вскоре после смерти Никиты Иван IV «брань творяше» «против богомерзкаго языка латиньска же наречется Ливонская земля». И в 1558 г. послал войска к Ругодиву. При взятии Нарвы Господь явил чудо, как «во граде Эфесе Бог чудодействовал со святыми седьми отроки, скрывал в горе Нохлии от богомерзкого беззаконного царя Декия». Отроки просидели в горе много лет и вышли из нее при царе Феодосии, «на обличение еретикам блядующим», утверждающим, что якобы не бывает воскресения из мертвых. «Сице подобно сему бысть и зде во царствии россискиа земля». Сперва Русь восприняла учение апостола Павла, но затем отдельные «нетвердые» земли поколебались ересью (византийские «василевсы» Феодосий и Артемий, возлюбившие латынь).

Найдя место «Нарвскому чуду» среди аналогий в мировой истории, древнерусский книжник приступил собственно к изложению событий. Новгородцу Ивану явился во сне епископ Никита «в своем подобии» и велел идти в Софию, обрести там свои мощи. Аналогичное видение было и архиепископу Пимену, когда он в Св. Софии молился за победу войск Ивана Грозного под Нарвой. Во время службы Пимен задремал, и к нему тоже явился Никита со словами: «Мир те, брату возлюбленне» — и также наказал искать мощи. Пимен собрал освященный собор, по его решению вскрыли гробницу Никиты и обрели его нетленное тело. Был устроен светлый праздник.

И паки в тои ж день егда обретошася мощи святого приидоша рустии полцы ко граду Ругодеву якож и выше рех апреля в 30 день суботный. Видеша мнози от латын иже во граде и в полцех русских человека ездяща на коне по брегу реки Наровы в ризах святительских и оу него ж несть брады, погоняюще латыни от русских полков в руце же имуща

---

[22] *Петров А.* Город Нарва... С. 73—74, 379.

[23] *Andreyev N.* The Pskov-Pechery Monastery in the Sixteenth-Century // Andreyev N. Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine Inheritance. London, 1970. P. 328—329. Footnote 44.

[24] ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). № 673. Л. 370 об.—374 об.

жезл с крестом. Мнози же от православных сие видение поведаша елицы обретошася во время взятия града Ругодива в полцех русских являюща и побеждающа латыни.

И поведаша в Новеграде пришедше к раце святого, зряще образ Святого Никиты чюдотворца, яко сицевым образом являшеся Святый в земли латыньстей пред градом Ругодивом. То же видение поведаше по взятии Ругодевъском латынин, именем Иван Ней. Сии был в старейшина того града Ругодива. И ины мнози сие поведаша, дивящеся, бога прославляюще и величающе прославляющему своя оугодники.

Архиепископ торжество сотворяет светло тогда, по обьретение честного телеси иже во Святых отца нашего Никиты, и поставляет трапезы многы и оучреждает нищих и священники и иноки. И бысть радость велия во всем Новеграде, яко такоевое бесценное сокровище, скровенное в земли от многих лет, явил Бог. И оттоле оуставиша праздновати обретение честнаго телеси Святого блаженнаго отца нашего Никиты месяца апреля в 30 день, на память Святого апостола Иакова брата Святого Иоанна Богослова.[25]

Таким образом, Россия трактовала значение взятия Нарвы в духовных категориях, сравнивала его с высокими историческими аналогиями, видела в торжестве над «латинами» прежде всего сакральный смысл, победу православной веры благодаря подвигам ее святителей. Для этого даже были сочинены специальные «чудеса» новоявленных Святых и обретенных в пожарище икон. Все это говорит о том, что первоначально Ливонскую войну собирались внести в глобальный контекст истории прославления перед Богом Святорусского Царства в рамках идеологем Степенной книги. Правда, остается открытым вопрос, почему была предпринята попытка написания комплекса текстов, несущих в себе данную семантику, только в отношении двух событий войны — взятия Нарвы в 1558 г. и Полоцка в 1563 г. Из остальных событий «священной войны» явно не получилось, что, как мы видим, понимали и современники.

Ливония же осмыслила потерю Нарвы в традиционных для европейского средневековья категориях. Во-первых, возникла легенда об измене нарвских бургомистров — якобы Иоаким Крумгаузен, собираясь в Ивангород для переговоров с русскими, агитировал своих родственников поджечь город. С 11 мая в городе начались пожары, возможно, вызванные поджогами, которые никто не тушил. А когда Кетлер предложил прислать солдат для борьбы с огнем, второй бургомистр — Герман фон Мюлен — отправил их назад со словами, что помощь не нужна. В результате, мол, и возник знаменитый крупный нарвский пожар, который привел к падению города.

Изменой ливонцы были склонны объяснять многие свои потери в первые годы войны. Одновременно возникает второй дискурс: «Нарва — источник богатства и экономического процветания русских, их прорыв на европейские рынки». Победы Ивана Грозного ливонцы были склонны считать следствием экономической помощи, которую царь получал от западных купцов через балтийскую торговлю. Уже Г. Кетлер писал императору Свя-

---

[25] ОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). № 673. Л. 373 об.—374 об.

щенной Римской империи, обращаясь с просьбой о помощи: «Нарва, которою владеют русские, — это глаз Ливонии, и ее необходимо отвоевать, ибо без Нарвы русские, лишившиеся главной опоры, не страшны». Француз Губерт Ланге писал Кальвину 26 августа 1558 г.: «Иван IV взял Нарву, это самая удобная гавань на Балтийском море. Русский царь не успокоится, пока не упрочит свое могущество. Он вдохновлен победами над татарами, которых перебил в битвах 300—400 тыс., и возит с собой трех пленных татарских царей». «Если в Европе чье-либо могущество должно возвеличиваться, это будет Россия».[26] И симптомом этого как раз является взятие русскими Нарвы, их выход на Балтийские просторы.

Особым явлением, порожденным войной, был расцвет на Балтийском море пиратства. В основном это было каперство, т. е. разные воюющие стороны нанимали морских разбойников, чтобы они безобразничали на коммуникациях противника. Каперство было порождено изменением торговой конъюнктуры — с началом войны Любек перенес торговлю с Восточной Европой из Ревеля, постоянно подвергавшегося военной опасности, в Нарву, экономическая жизнь в которой под прикрытием русской армии отличалась стабильностью и предсказуемостью. Рюссов красочно описывает, как «ревельские купцы и бюргеры стаивали в розовом саду на валах и с большой тоской и печалью смотрели, как корабли неслись мимо Ревеля в Нарву... в то время город Ревель был печальным городом, не знавшим ни конца, ни меры своему несчастию». Выход из положения был найден очень простой: бюргеры сбросились и наняли пиратский флот, которому поручили сделать маршрут из Любека в Нарву смертельно опасным для немецких торговых кораблей.[27]

На основе этих свидетельств, а также анализа данных о балтийской торговле в исследовательской литературе возник дискурс «нарвского плавания» как судьбоносного для экономики России. В. Кирхнер вообще считал «русскую Нарву» и через нее Московию главным центром балтийской и одним из центров мировой торговли во второй половине XVI в.[28] Подобные выводы звучали во многих работах, посвященных изучению истории и экономики Балтийского региона.[29] Этот тезис проник и в российскую публицистику имперского времени — для нее было характерно отстаивание идеи, что «по-

---

[26] *Петров А.* Город Нарва... С. 80—81, 83.

[27] *Рюссов Б.* Ливонская хроника-II. С. 383—384.

[28] *Kirchner W.* The Rise of Baltic Question. Newark; Delaware, 1954. P. 11—17.

[29] *Svensson S.* Den merkantia bakgrunden till Rysslands antal Livländska Ordensstaten. Lund, 1951. S. 5—29; *Зутис Я. Я.* К вопросу о Ливонской политике Ивана IV // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. 9. № 2. С. 133—143; *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954. С. 20—31; *Donnert E.* Der Livändische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livändische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558—1583. Berlin, 1963. S. 8—45; *Angermann N.* Studien zur Livländpolitik Ivan Groznyj's. Marburg, 1972. S. 3—24; *Rasmussen K.* Die Livländische Krise 1554—1561. Kobenhavn, 1973. S. 20—21; *Attman A.* The Russian and Polish Markets in International Trade: 1500—1650. Göteborg, 1973. P. 12—26; *Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550—1558 // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. T. 25. S. 577—617; *Платонов С. Ф.* Москва и запад в XVI—XVII веках. Л., 1925. С. 23—24; *Хорошкевич А. Л.* Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1993. С. 3; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. М., 1994. С. 195, etc.

сле суровой рыцарской опеки господство русское было для Нарвы цветущим временем ее истории».[30]

Эффективность торговли московитов через Нарву часто приводили в доказательство того, что война была затеяна Россией ради прорыва к Балтийскому морю — вот Московия прорвалась и, видите, каких успехов в международной торговле сразу добилась, и как на нее ополчились за это все европейские державы! В доказательство ученые обычно ссылаются на германские документы. Действительно, Шпейерский депутационстаг 1560 г. запретил торговать с Россией всем немецким городам. 26 ноября 1561 г. вышел указ императора Фердинанда о запрете «Нарвского плавания», причем Вена одновременно обратилась к Дании, Швеции, Англии, Нидерландам и Любеку издать аналогичные распоряжения. Швеция решила вопрос по своему: Эрик XIV в 1561 г. захватил Ревель и начал борьбу против Нарвы, стремясь перевести в свой новый форпост балтийскую торговлю. Когда это не получилось, в мае 1562 г. шведский военный флот перекрыл Нарвский фарватер и объявил о начале каперской войны против любой державы, которая попробует торговать с Россией.

В ответ ганзейские моряки стали топить шведских купцов, торгующих с Северной Германией. Священная Римская империя отменила для Любека запрет торговли с Россией (кроме военных товаров). Как только решение о запрете торговли было кассировано, сама Ганза стала лидером по продаже в Москву вооружения. Любек обвинялся в поставках Ивану IV военных наемников. Летом 1563 г. этот город заключил с Данией военный союз против Швеции и объявил ей войну за свободу балтийской торговли. К альянсу пытались привлечь и Польшу, но она отказалась, не желая делиться с Данией сферой влияния в Ливонии.

По меткому замечанию Г. В. Форстена, «ради русской торговли ганзейцы готовы были все поставить на карту, только бы вернуть себе торговлю в России; она была их жизненным нервом, без нее вся Ганза должна была пасть». При этом Любек считал виновником войны Ливонский орден: «Русский царь никогда бы не начал войны, раз бы он достиг свободного плавания по морю для своих подданных».[31]

Последний тезис получил особое развитие в сочинениях Вейта Сента из Любека (1567). Он писал, что германским городам и княжествам надо искать дружбы с Россией. Иван IV — прекрасный, цивилизованный правитель, который хочет посылать русских учиться в европейские университеты. Ему как передовому государю было тяжело чувствовать себя отрезанным от общения с Западом. Поэтому он всего лишь хотел, чтобы ливонцы выделили ему торговый пункт на Балтике. А они не оценили его порыва, и тогда царь вынужден был захватить у них Нарву и Дерпт. Этим воспользовались враги Германии — Франция, Англия, Нидерланды, которые стали торговать с Московией, а немецкие купцы оказались в проигрышном положении. Необходимо срочно и самыми решительными мерами добиваться союза с Россией, тем более что русский рынок — бездонен, подданные Ива-

---

[30] *Ругодивцев.* Город Нарва: Краткий очерк. СПб., 1873. С. 6.

[31] Цит. по: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях: (1544—1648). СПб., 1893. Т. I: Борьба из-за Ливонии. С. 148, 155.

на IV — талантливы и восприимчивы ко всему передовому, а московские девицы — самые красивые.[32]

С 1568 г., после свержения в Швеции Юханом III Эрика XIV ситуация на Балтике меняется. Во-первых, нарастает польско-шведское сближение, антимосковская политика этих стран в регионе делается сходной. Во-вторых, свою борьбу за господство на Балтике активизирует Польша. В 1569 г. Сигизмунд II обратился к датскому королю Фридриху II с просьбой прекратить торговать с Россией и начать торговать с Польшей — «ради общей пользы христианства». Он писал: «Раз русские научатся морскому делу, они захватят в свои руки господство на Балтийском море и будут препятствовать свободному плаванию на нем; они не будут спокойно пользоваться плодами своей морской торговли, а — как варвары — начнут захватывать все корабли, какие только завидят».

6 апреля 1569 г. в Кракове вышел «открытый лист» к европейским державам с требованием: немедленно порвать торговые отношения с Россией и не поставлять ей вооружение и боеприпасы. В море выходят «королевские спекуляторы» — польские пираты, в чью задачу входило разрушить нарвские торговые коммуникации.

С 1570 г. борьбу с ними начинают «корсары Ивана Грозного» — нанятые в Дании каперы Карстен Роде, Клаус Тоде и Ганс Дитмерскен. Их деятельность вызвала беспокойство немецких городов: Данциг писал Любеку, что «никогда раньше не было слышно о появлении московитов на море».[33] Изменение позиции Германии в отношении «нарвского плавания» отразилось в крайне любопытном «Diskurs»'е («Рассуждении») «о страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности Германской империи и всех прилежащих королевств и земель, как скоро московит утвердится в Ливонии и на Балтийском море».

Сочинение распространялось на Шпейерском рейхстаге, открытом Максимилианом II 13 июля 1570 г. Оно заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, так как в наиболее развернутом виде содержит обоснование «дискурса о прорыве к морю».

Согласно документу, отношения Запада с варварами издавна запрещались под страхом высоких штрафов и даже казней, и это было правильно. Такие ограничения сдерживали агрессию диких народов против цивилизованных стран. Теперь же Франция, Англия, Шотландия, некоторые немецкие и голландские города везут в Московию оружие и боеприпасы, в особенности соль, без которой Иван Грозный давно запросил бы мира. Сношения с Веной, Лондоном, Амстердамом вдохновляют русского царя и внушают ему мысль о его величии и непобедимости.

Угроза утверждения русских на Балтике вполне реальна — Иван Грозный ведет успешную войну в Ливонии, Россия изобилует лесом для строительства кораблей и населением, из которого можно набрать множество матросов, русские — «крепки, сильны и отважны и, наверное, будут отличные мореходы».

---

[32] Подробнее см.: там же. С. 468—477.

[33] *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Вып. 2. № 8. С. 17—21.

Поэтому московитов надо искусственно сдерживать в развитии, чтобы они не могли избавится от экономической зависимости от европейских рынков. Нет оправдания тем, кто неразумно нарушает этот принцип и торгует с Россией. «Сильный подрыв будет нанесен всем прибалтийским городам и государствам, как скоро московский царь завяжет самостоятельные торговые отношения с Европой на своих кораблях». Последствия ожидаются катастрофические: русские до сих пор даже не умели ткать настоящие ткани, а теперь научатся производить их самостоятельно и перестанут покупать, что вызовет захирение западной экономики. Инфляция, безработица, утрата значения торговых путей, падение роли немецких ярмарок — вот самое малое, что в таком случае ждет Европу.

Не надо рассчитывать на симпатии Грозного к немцам — он отправит их на войну с турками, а германские города заселит переселенцами из Московии. Как можно вообще связываться с тем, «в ком нет ни истинной религии, ни чести, ни воспитания»? А возможный союз Ивана IV с Турцией грозит Европе совершенной гибелью. Выход только один — немедленный полный запрет торговли с Московией с одновременным разрешением ганзейским купцам торговать в Ливонии.[34]

Вышеприведенные высказывания подчеркивают, что понималось под «борьбой Московии за выход к морю». Средневековые немецкие авторы этого дискурса исходили из собственной логики. Для существования их городов и государств была необходима морская торговля. На месте Руси они обязательно бы стремились к захвату побережий, портов, фарватеров и факторий. Они не мыслили своего существования без цивилизованного европейского мира и считали, что все должны обязательно хотеть стать его частью.[35] Других причин войны они просто не могли себе представить. Таким образом, Ивану IV были приписаны принципы европейской политики.[36]

Почему-то считается, что захват Нарвы, находящейся через реку от Ивангорода (несколько сотен метров!), давал русским негоциантам принципиально новые возможности и путь на балтийские просторы. Но, заняв прибалтийские порты в начале войны, Россия ими воспользовалась паразитически. Объем балтийской торговли России в годы «Нарвского плавания» действительно вырос в несколько раз. Но ведь торговая инициатива при этом полностью принадлежала английским, голландским, немецким торговым кампаниям. Московия просто «эксплуатировала ситуацию». Она даже не пыталась при этом закрепиться на море. Ведь не велось никакого строительства собственного военно-морского флота! Вместо него использовались иностранные наемники, датские пираты-каперы.

---

[34] Там же. 1889. Вып. 1. № 10. С. 16—19.

[35] В этой связи примечательно высказывание Г. В. Форстена в отношении взглядов Вейта Сента. Московский царь, варвар, под их пером «преобразовывается в мягкого, поддающегося культуре монарха, все честолюбие которого состоит в единственном желании войти в непосредственные сношения с Европою» (*Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... С. 476).

[36] Подробнее см.: *Филюшкин А. И.* Дискурсы Ливонской войны // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001. № 4. С. 43—80.

Потеря русскими Нарвы также сопровождалась возникновением политических мифов. 6 сентября 1581 г. после кровопролитного штурма Нарва была взята шведами. По легенде, в городе погибло 7000 русских. За это, по русской версии, шведы были наказаны Богом: возвращаясь с переговоров, где был подписан Плюсский мир, Понтус Делагарди велел на радостях стрелять из пушек. От первого же залпа судно развалилось, и шведского полководца, покорителя Нарвы, не смогли выловить из воды. Когда о его смерти сообщили русским, они удовлетворенно заметили: «Сказываете вы, что Понтус Делагарди умер. А сталось то Божьим изволением и милостью Николы чудотворца», того самого, чью икону в 1558 г. обрели во взятой Нарве.[37]

Тема «Нарвского взятия» приобрела особое звучание в XVIII в., когда поражением русских под Нарвой началась Северная война (1700—1721). Значение этого события понималось и в России, и в Европе. В 1701 г. в г. Фрейштандте (Силезия) был издан памфлет «Секретные письма замечательных людей о любопытных предметах политического и ученого мира». Часть из них посвящалась теме Нарвского сражения 1700 г. В 20-м письме говорилось: «Московиты... переступили границы, обозначенные самим Богом их государству... роковою границею представляется Лифляндия и Ливония для Московского государства... [здесь] московские монархи в течение двух столетий не могли приобрести ни одной мили» — ни московский тиран Иван Васильевич, ни Алексей Михайлович. В 22-м письме сравнивалась оборона Нарвы в 1700 г. и осада Вены турками, причем шведская крепость именовалась «оплотом христианства против московитов». В 24-м письме образ Нарвской баталии 1700 г. предлагалось сделать нарицательным: «...и впредь, если захотят изобразить несчастную осаду, то будут называть ее нарвскою, а про потерпевшего поражение будут говорить, что с ним случилось то же, что с московитами под Нарвой».[38]

«Нарвская конфузия» 1700 г. считалась Петром и его окружением толчком к последовавшим реформам в армии и преобразованиям всей России. Этот тезис был закреплен в историографии петровских реформ.[39] Однако стоит отметить, что ни в европейской, ни в российской идеологии XVIII в. не произошло ярко выраженного рифмования Нарвского взятия 1558 г., потери Нарвы в 1581 г. с поражением под Нарвой 1700 г. и взятием города в 1704 г. Нарва воспринималась как некогда потерянный исконно русский город, но имя Ивана Грозного при этом не звучало.

Развитие темы «русской Нарвы» с XVIII в. носило сугубо общий характер.[40] Например, во дворце Петра I в Нарве была аллегория, на ней Ливония изображалась в виде женщины, которую русский царь освобождает от оков.[41] В кантах 1704 г. на взятие Нарвы ее сравнивают с античной Троей, но отнюдь не с Ругодивом Ивана Грозного. Пожалуй, свидетельств об обра-

---

[37] *Петров А.* Город Нарва... С. 105, 111—112.

[38] Там же. С. 255—256.

[39] Подробнее см.: *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989. 73—93.

[40] Ср.: *Таплин Н. М.* Краткое извлечение из хроники г. Нарвы и главные исторические события этого города с его основания. СПб., 1886; *Случевский К.* Нарва: Ее былое и настоящее. СПб., 1890.

[41] *Фурман П. Р.* Нарвская легенда. С. 9.

щении к памяти Ливонской войны относительно Нарвы в петровскую эпоху немного. Например, Петр называл город «Ругодевом», но это, собственно, обращение к старинному названию, не обязательно связанное с завоеваниями Ивана Грозного. В Нарвском дворце Петра хранилась коллекция каменных ядер, которыми войска Ивана IV в 1558 г. обстреливали Нарву, но неясно, насколько для российского царя было важно, что это ядра из 1558 г., а не «древние русские ядра вообще».[42] В дальнейшем тема «Нарвского взятия» представляла собой в основном историографический и музейный интерес.

---

[42] *Петров А.* Город Нарва... С. 307, 345, 348.

А. Л. Хорошкевич

НОВГОРОДСКИЙ ПУТЬ К СТУДЕНОМУ (ЛЕДОВОМУ) МОРЮ: ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «ЗАПИСКАМ О МОСКОВИИ» Г. ШТАДЕНА[1]

Среди тех регионов, к истории которых проявил интерес Н. Е. Носов, находился не только европейский Север России, но и Карелия и Кольский полуостров. На территории последнего произошел один из многочисленных трагических «эпизодов» опричного погрома. О нем рассказал голландский купец Симон ван Салинген, который неоднократно посещал Карелию, Белое море и знал эти места не понаслышке. Его сообщение, написанное в 1591 г. и описывающее события 60-х гг. XVI в., хорошо известно в историографии.[2]

Не меньший интерес представляют записки опричника и бытописателя опричнины Г. Штадена, изданные впервые в 1925 г. И. И. Полосиным с помощью Д. Н. Егорова,[3] а впоследствии дважды — в 1930 и 1964 гг. — переизданного Фр. фон Эпштейном на языке подлинника. Автор грандиозного проекта завоевания России, от полета фантазии которого дух захватывает даже сегодня (после всех злоключений XX в. родины Штадена Германии и обреченной быть жертвой его фантазий России), для осуществления своего «гениального» замысла рекомендовал несколько путей безопасного вторжения в Россию. Один из них — по Кольскому полуострову. Ориентируясь на движение будущих армад с запада на восток, Штаден в таком же направлении и описывал самые северные территории Российского царства: Печенга, о-в Кильдин, Кола (как и Печенга, река и поселение в ее устье в Баренцевом море), р. Черная, Терский нос. Два последних пункта на север-

---

[1] Автору очень бы хотелось посвятить памяти Н. Е. Носова статью, тема которой примыкала бы к сюжетам, разрабатывавшимся самим Николаем Евгеньевичем. Однако ничего более близкого в географическом и хронологическом плане, чем самый дальний север, в моем «хозяйстве» не обнаружилось.

[2] Впервые оно было опубликовано Бюшингом в 1773 г., а переведено на русский А. М. Филипповым в 1901 г. (*А. М. Филиппов.* Русские в Лапландии в XVI веке: сообщение Симона ван Салингена. [de Ao] 1591 // Литературный вестник. 1901. Т. I. Кн. III. С. 295—311). См. также: *Тищенко А. В.* К истории Колы и Печенги в XVI веке: несколько слов о роли Колы в торговле Русского Севера в XVI веке // Тищенко А. В. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916. С. 1—42.

[3] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. И. И. Полосина. Л., 1925.

© А. Л. Хорошкевич, 2007

ном побережье Кольского полуострова вызывали разногласия. Это р. Черная, которую искали среди рек, впадавших в Мурманское море (Ледовитый океан), и идентифицировали то с р. Вороньей (И. И. Полосин[4]), то с р. Варзиной, впадающей в океан у мыса Черный, расположенного между Семью островами и Святым носом (С. Ю. Шокарев[5]). Не исключено, что речь идет о реке, от слияния которой с р. Елеть образуется р. Кереть, впадающая с юга в северную часть Кандалакшской губы Белого моря. Р. Черная, не замерзающая даже зимой,[6] системой озер связана с территорией южной Карелии и, возможно, использовалась в средние века как порубежный центр общения с карелами.[7] Каким образом Штаден перенес р. Черную на север, понять трудно, если не видеть в этом ошибку переписчика.

Второй пункт в описании Штадена северо-восточного побережья Кольского полуострова, который нуждается в уточнении, — это Терский нос. Ни И. И. Полосин, ни С. Ю. Шокарев не откомментировали этот топоним. Его на основании исследований Огородникова и Михова Фр. фон Эпштейн поместил на юго-востоке Кольского полуострова.[8] Действительно, юго-восточное побережье Кольского полуострова вплоть до XX в. носило название Терского берега,[9] однако ничего похожего на «нос», т. е. полуостров с резко выраженным острым окончанием, далеко выступающим в море, там нет, если не считать мыса, в XIX в. носившего название «Гоголиха». Кроме него Терским носом можно было бы считать Святой нос, располагающийся на 40° в. д. на северо-восточном побережье Кольского полуострова, плавание у которого «среди страшных сувоев»[10] было очень затруднено. Впрочем, оно и у мыса Гоголиха было не легче.

Ошибка исследователей (предшественников Эпштейна и его самого) связана с тем, что все они были твердо убеждены в том, что путь от устья Онеги и Двины проходил по Белому морю прямо на север и северо-запад, огибал Кольский полуостров с востока и северо-востока. Для этого мнения, конечно, были основания. А. М. Курбский, излагая злоключения и подвиги Феодорита, писал, что тот в начале жизни «поиде аж на Соловецкий остров, в монастырь, иже лежит на Ледовом море», а в конце — уже по возвра-

---

[4] Там же. С. 126. — Фр. фон Эпштейн сомневался в подобной идентификации и указал вариант другой рукописи — Pergovolok, но своего мнения не высказал (Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / Hrsg. von Fr. von Epstein. 2erw. Auflage. Hamburg. 1964. S. 118).

[5] *Штаден Г.* Записки немца-опричника / Сост. и коммент. С. Ю. Шокарева. М., 2002. С. 129—130.

[6] *Островский Д. Н.* Путеводитель по северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая земля. Печора). СПб., 1898. С. 77.

[7] Реки Черную и Верхнюю издатель актов Соловецкого монастыря И. З. Либерзон относит к району Неноксы (Акты социально-экономической истории севера России конца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг., Л., 1988 (далее — АСМ). С. 25. № 20, 37; с. 25, 33. 1511, 1519 гг.).

[8] *Epstein Fr. von.* Anm.1. S. 133 // Heinrich von Staden... S. 133.

[9] В актах Соловецкого монастыря речь идет о Терском наволоке (АСМ. № 3, 9 (1484—1502 гг.)).

[10] *Знаменский П. В.* Повесть о преподобном Варлааме Керетском // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1893. Т. 55. С. XV. — Сувой — встречное течение от приливов, ударов о мыс и т. д. (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV. С. 353).

щении из Стамбула в середине 50-х гг. — дважды добирался до «Дикие Лопи».[11] Путь его в изложении Курбского проходил по рекам от Вологды до Колмогор, затем по великой реке Двине до моря, «а морем до Печенги другую двести миль, яже нарицаются Мурманская земля, иде же живет Лопский язык; тамо же и Кола, река великая в море впадает».[12] Таким образом получается, что от устья Двины до устья Колы Феодорит путешествовал по морю, причем по тому же самому, на котором стоит Соловецкий остров, т. е. по Ледовитому, или «Ледовому». Разницы между океаном и Белым морем Курбский не улавливал. Однако длина маршрута — больше 1000 км по Белому и Баренцеву морям — несколько превышает путь от Вологды до Холмогор, длину которого Курбский приравнивал к тем же 200 милям, что и длину морского пути до Печенги (впрочем, не исключено, что Курбский имел в виду немецкие мили, равные 5 верстам). Есть и другое основание для сомнения в выводе из описания морского путешествия Феодорита у Курбского. Восточное побережье Кольского полуострова (Терский берег), на севере примыкающее к северо-восточному — Мурманскому берегу и на юго-востоке к Кандалакшскому берегу, начиная с залива у Святого Носа и кончая устьем р. Варзуги, почти лишено удобных бухт.[13] Да и те заливы, которые имеются, Лумбовский, Кочковский, Орловский, до середины XX в. почти не сопровождались сколько-нибудь значительными поселениями (исключение составлял погост Поной на одноименной реке[14]). Вряд ли они были и в средневековье, тем более что почти все эти названия бухт явно русского происхождения, т. е. более позднего времени, нежели местные финно-угорского происхождения. Горло Белого моря было малоблагоприятно для плавания небольших судов, зависевших от направления ветра, преимущественно северо-западного и северо-восточного,[15] и с трудом преодолевавших сильное течение и большую разницу приливов и отливов.[16] Русские поморы пользовались парусными ладьями, но с южного побережья Белого моря на север шли обычно на веслах, даже в XVII в.[17] Одна из подобных ладей XVI в. описана Ст. Бэрроу — это «двадцативесельная ладья, в которой было 24 человека».[18]

---

[11] *Курбский А. М.* История о великом князе московском // Сб. РИБ. СПб., 1914. Т. XXXI. Стб. 324.

[12] Там же. Стб. 342.

[13] *Островский Д. Н.* Карта Кольского полуострова // Островский Д. Н. Путеводитель по северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора). СПб., 1898. К стр. 86.

[14] *Дергачев Н.* Русская Лапландия. Статистические, географические и этнографические очерки. Архангельск, 1877. С. 46.

[15] В особенности интенсивны были ветры этого направления в летние месяцы, в июле и августе (*Ульрих Фр.* Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношении. СПб., 1877. Приложения. Табл. 1. С. 3—4).

[16] *Островский Д. Н.* Путеводитель по северу России... С. 91.

[17] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 244.

[18] *Бэрроу С.* Плавание в направлении реки Оби и открытия, сделанные шкипером Стифеном Бэрроу, командиром пинассы под названием «Серчсрифт» («Searchthrift») // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 100.

От устья Двины до Печенги существовал другой комбинированный путь — морем и реками. На это указывает описание Кольского полуострова Штаденом. Последний пункт на северо-востоке полуострова у него — это Терский нос. Затем автор неожиданно «перескакивает» к р. Кандалакше, в устье которой находилось одноименное поселение, связанное с г. Колой относительно удобным речно-озерным путем. По нему и спускались к Коле русские ладьи, увиденные англичанами в 1556 г. Пока в течение 12 дней, с 10 по 22 июня 1556 г., корабль Ст. Бэрроу стоял в устье р. Колы, англичане «ежедневно видели, как по ней спускалось вниз много русских ладей, экипаж которых состоял минимально из 24 человек, доходя на больших до 30». Все они двигались к Печоре «на ловлю семги и моржей».[19] Правда, описанию ладей Ст. Бэрроу несколько противоречит его же собственное указание о «маленьких лодках», которому вторит другой англичанин, Артур Эдвард, автор дорожника 1567 г. «Путь в маленьких судах вдоль берега от св. Николая до Вардегуза».[20]

После Кандалакши Штаден перечисляет реки, впадающие в Кандалакшскую губу Белого моря на южной стороне Кольского полуострова, причем называет их не с востока на запад, что было бы естественно, если бы Штаден следовал движению кораблей из Баренцева в Белое море (со всеми губами этого моря). Он же называет сначала Умбу, а затем Варзугу, а за это получает упрек последнего российского издателя своих записок С. Ю. Шокарева в «нарушении логической последовательности».[21] Тот же упрек автору записок можно было бы адресовать и в связи с описанием южного побережья Кандалакшской губы. И здесь Штаден за точку отсчета берет Кандалакшу и двигается вдоль побережья с севера на юго-восток: Кереть, Кемь, Шуя, Соловки, Сума, Нименга, Онега, Двина.

В связи с описанием северных земель и морских путей Штаден упоминает Симона ван Салингена. Автор записки 1591 г. рассказывает о неудачной попытке его соотечественника Корнелиуса К. де Мейера проникнуть в Москву в 1566 г. Тот добрался только до Новгорода, где его задержали под предлогом неуважения к русскому государю — неполного написания титула царя в грамоте Нидерландских штатов, и К. де Мейер был вынужден вернуться из Новгорода в Колу. Вторую попытку де Мейер и ван Салинген предпринимали вместе; одевшись в русское платье, они «взяли несколько человек русской прислуги и с одной лодкой направились в Кандалакшу».[22] Интересно знать, каким путем. Салинген об этом не пишет, как о само собой разумеющемся. Из цитированной фразы ясно, что это не был парусник, а именно лодка, что заставляет думать скорее о речном пути, чем о морском. В таком случае это путь вверх по р. Кола,[23] озерам Мурд-озеро, Пул-озеро, Кол-озеро, оз. Имандра, Пин-озеро, вниз по рекам Кандалакше или Ниве.[24]

---

[19] *Бэрроу Ст.* Плавание в направлении реки Оби... С. 101.

[20] *Тищенко А. В.* К истории Колы и Печенги в XVI веке... С. 9.

[21] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 130. Комм. 26.

[22] *Филиппов А. М.* Русские в Лапландии в XVI веке... С. 300.

[23] Впрочем, р. Кола загромождена порогами, поэтому доступна лишь для мелко сидящих судов (*Филиппов А. М.* Русские в Лапландии в XVI веке... С. 307—308).

[24] Таким путем передвигались — в основном по воде и на небольших (около 4 верст) участках по суше — и в конце XIX в. (*Энгельгардт А. П.* Русский север: пу-

Оттуда голландцы отправились «на другой [лодке] через Кереть, Кемь, Шую, Онегу» и «каргопольским трактом» добрались до Москвы. Снова не попав к царю, занятому организацией опричных бесчиний, голландцы разъехались. К. де Мсйер направился через Новгород в Нарву, а Салинген «почтовым трактом» вернулся в Колу. Видимо, почтовый тракт проходил через Каргополь—Онегу вдоль южного берега Кандалакшской губы, а далее от Кандалакши до Колы. Путь от устья Двины А. Эдвард описывает так: р. Ненокса, Унская губа, Лобшанга, Усть-Наволок,[25] Соловецкий монастырь, Кандалакша, Усть-Кола, Zhemaker, Поган-Наволок, Цып-Наволок и Кегора.[26]

И в «Описании Московии» Штадена, и в «Сообщении» Симона ван Салингена, и в дорожнике А. Эдварда направление движения от Кандалакши одинаковое — они упоминают почти одни и те же пункты, хотя число их у Штадена несколько больше, чем у Салингена. Последний складывал свои товары (материи, перец, оловянные изделия) в Коле, а потом доставлял их новгородским купцам (торговцам воском, льном, кожей и юфтью) в Суму и Шую. Не исключено, что Соловки, Сума, Нименга у Штадена появились в результате его собственного опыта плавания и торговли на Белом море. Этот же путь оставался наиболее известным и в XVIII, и в XIX вв., несмотря на успехи кораблестроения на протяжении этого времени.[27]

Что же касается самих этих пунктов на южном побережье Кандалакшской губы, то все они принадлежат к древнейшим поселениям на Белом море. Они служили опорными пунктами русской — новгородской и московской — колонизации на пути к Мурманской (в новгородской терминологии) Корельской земле, Лопи Лешей и Дикой (в московской терминологии), вошедшей в состав Княжества всея Руси вместе с Новгородской землей в 70-е гг. XV в.[28] Емь и сумь упоминаются в XIII в. в качестве союзников свеи (шведов)[29] и противников новгородцев, которые во главе с Александром Невским дали им решительный отпор. Еще раньше то же проделал кн. Ярослав с емью.[30] Активное освоение Кандалакшской губы приходится на начало XV в. Земли и воды на реках Сороке и Выге и ловища на море стали предметом купли-продажи уже во втором десятилетии.[31] К середине XV столетия обнаружились конфликты с карелами на Выге, тем более что владения новгородцев распространились на берегах рек Шуи, Кеми «с верховьем» и Кильбостров и Соловецкие острова, т. е. продвинулись на север.[32] Возможно, процесс освоения «Поморья»[33] ускорило основание Соловецкого монастыря в 30-е гг. XV в.

тевые записки. СПб., 1897. С. 70—78). Путь свыше 200 верст путники преодолевали в малых карбасах с низкой осадкой за 3 дня, несмотря на пороги, встречавшиеся, например, на Мурд-озере (*Дергачев Н.* Русская Лапландия... С. 75—77).

[25] Наволок — коса, мыс (*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 96).

[26] *Тищенко А. В.* К истории Колы и Печенги в XVI веке... С. 9.

[27] *Гелп К. П.* Выдающийся памятник поморского мореплавания. Л., 1980.

[28] ДДГ. № 89. С. 357 (1504 г.).

[29] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 77, 81, 291, 308, 447 (1240, 1256 гг.).

[30] Там же. С. 65 (1226, 1227 гг.).

[31] ГВНП. № 286, 287. С. 288—289 (1419—1420 г.); № 293. С. 292—293 (около 1456 г.).

[32] Там же. № 290, 291. С. 290—291 (1447, 1448—1458 гг.).

[33] Речь идет о Кандалакшской губе Белого моря (там же. № 296. С. 294—295).

Однако этот монастырь не был единственным в рассматриваемом нами регионе — Кольско-Корельском—Северо-Двинском. В источниках, повествующих о событиях середины XVI в., встречаются упоминания и о других монастырях, например об основанных Феодоритом в Коле (известном по рассказу кн. А. М. Курбского) и Трифоном (1495—1583) в 1553 г.[34] Троицком Печенгском монастыре, разоренном шведами в 1591 г.[35]

Наиболее загадочным оказывается Спасский монастырь на р. Полной, основание которого предание начала XV столетия связывает с новгородцами. Действительно, монастырь Спаса упоминается в «Рукописании Магнуша», фундаментально исследованном А. Накадзавой.[36] Автор убедительно датировал этот памятник 1411—1413 гг. и проследил его эволюцию на протяжении XV—XVIII вв. Единственное, что можно поставить ему в упрек, — это игнорирование одного из указаний «Рукописания» о том, что корабль Магнуша потерпел крушение («удари на мене потоп опять, корабль мои и люди мои потопи ветром» на пути к Мурманской земле, куда короля вез его сын Сакун), и отказ видеть в наименовании реки реальный гидроним (в связи с этим в публикации Полная река воспроизводится с маленькой буквы). Далее в «Рукописании» читаем: «И принесе мя Бог под манастырь Святаго Спаса в Полную реку, и сняша мя с доски черньци».[37] Естественно в связи с этим искать место спасения Магнуша в районе Мурманского побережья. Здесь действительно есть р. Полная, бассейн которой, согласно договору с Данией 1573 г., был передан соседнему государству. Границей русско-датских владений в Северной Норвегии стала служить р. Паз.[38] Исходя из датировки «Рукописания», данной А. Накадзавой, можно полагать, что к 1410 г. монастырь уже существовал и служил опорным пунктом новгородской колонизации севера Скандинавского полуострова, начавшейся еще в XIII столетии,[39] с одной стороны, и противовесом Соловецкому монастырю, с середины XV в. выступавшему в таком же качестве по отношению к «московским» колонизационным потокам, — с другой. Показательно, что в житии Зосимы и Савватия старца Германа, очевидно первичной редакции жизнеописания святых, говорится о том, что ангелы прогнали приезжих и местных («болярстих рабов») рыболовов с того места, где позднее была поставлена обитель.[40] Недружелюбна по отношению к новому монастырю была и боярыня Марфа Борецкая, выгнавшая его строителя Зосиму со словами: «вотчину нашу отъемлет», что в основном соответст-

---

[34] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 275.

[35] Житие Преподобного Трифона Печенгского // Православный собеседник. Казань, 1859. Апрель. С. 59—119.

[36] *Накадзава А.* Рукописание Магнуша. Исследование и тексты. СПб., 2003.

[37] Там же. С. 120.

[38] *Филиппов А. М.* Русские в Лапландии в XVI веке... С. 303.

[39] Стоит только упомянуть «волость» Тре (Терь, Тир, Тирг), фигурирующую во всех новгородско-княжеских докончаниях XIII—XV вв. (ГВНП. № 1 (с. 9), 2 (с. 11), 3 (с. 12), 6 (с. 15), 7 (с. 17), 9 (с. 20), 14 (с. 27), 15 (с. 29), 19 (с. 25), 22 (с. 40), 26 (с. 47)), и споры новгородской и московской сторон из-за Терской стороны уже на рубеже XIII—XIV вв. (ГВНП. № 83. С. 142).

[40] *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв.: по житиям святых. М., 1966. С. 30, 193.

вовало действительности.[41] Монастырь в 1468 г. в соответствии с грамотой архиепископа Ионы, посадника Ивана Лукинича и степенного тысяцкого Трифона Юрьевича получил все острова (числом около 100) с землею и ловищами, тонями и пожнями, в ней содержалось предписание «бояром новгородчкым, ни корельскым детем, ни иному никому ж в те островы не вступатися...».[42] После окончательной потери Великим Новгородом независимости сама боярыня с сыном Федором в 1471—1475 гг. на помин души родителей, мужа и детей дала монастырю грамоту на владение двумя луками земли на р. Суме с деревнями, пожнями, ловищами и озерами.[43]

Возвращаясь к рассмотрению свидетельств Штадена и его голландского и английского современников, можно сделать вывод, что сообщаемые авторами записок XVI в. сведения о географии Карелии и Кольского полуострова проливают некоторый свет на историю новгородской колонизации этого региона, пути проникновения новгородцев в него и их конкуренцию с датчанами, норвежцами и москвичами.

---

41 Там же. С. 197—198; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства Новгорода и Новгородской земли в XIV—XV вв. М., 1955. С. 154, 280; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

42 ГВНП. № 96. С. 151—152; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 252—253.

43 ГВНП. № 307. С. 300; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 257—258.

Ю. В. Анхимюк

РОСПИСИ КАЗАНСКОГО ЗИМНЕГО ПОХОДА В РАЗРЯДНОЙ КНИГЕ ОР РНБ. Q.IV.53[1]

Публикуемые ниже росписи являются вставками в текст «Государева разряда» за 1556—1585 гг. и известны нам лишь по одному списку РНБ второй половины XVII в., обозначаемому как Библиотечный III.[2] В годовой статье за 7092 г. текст разряда зимнего казанского похода следует «Государеву разряду» до окончания полковой росписи воевод. Затем изъявительное наклонение текста меняется на повелительное и начинаются подробные росписи этого похода с указанием количества служилых людей с воеводами, корпоративной принадлежности детей боярских. Они составлены в преддверии похода на луговую черемису, боярский приговор о котором состоялся 7 ноября 1583 г.[3] Именно в последние годы правления Ивана Грозного и по вступлении на престол его сына царя Федора Ивановича ежегодно отряжались значительные военные силы на усмирение периодически восставших «казанских людей», черемисы горной и луговой. В 1580-е гг. началось строительство системы городов-крепостей в Поволжье. Волнения татар и черемисов начались в 1581 г. и не прекращались до 1585 г.[4] Закончившаяся Ливонская война позволила отрядить для похода значительные военные силы с участием детей боярских центральных и западных уездов Московского государства.

Интерполяции в текст «Государева разряда» сделаны неизвестным составителем частной разрядной книги, но сам текст росписей, на наш взгляд, несомненно официального происхождения.[5] Как известно, делопроизводство приказов — центральных органов власти Русского государства за XVI—начало XVII в. почти не сохранилось после разорения Смуты и московского пожара 1626 г. В полной мере это относится и к архиву Разрядного приказа.[6] Научная ценность публикуемых росписей состоит прежде всего в том,

---

[1] Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ «Государевы разряды» 1556—1605 гг., проект № 04-01-00491а.

[2] ОР РНБ. F. IV. 322. Л. 582 об.—591.

[3] Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 340.

[4] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны. М., 1986. С. 84, 128.

[5] *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV—начало XVII века. М., 2005. С. 292—293.

[6] Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 3.

© Ю. В. Анхимюк, 2007

что до 1613 г. (год начала ведения так называемых книг разрядных «подлинников») сохранились единичные документы этой разновидности, вошедшие главным образом в состав разрядных книг. Укажем на записные книги двух грандиозных походов с участием царя времен Ливонской войны — Полоцкого 1563 г. и Ливонского 1577 г. Первая дошла до нас в подлиннике, вывезенном в свое время поляками из Москвы и включенном ими в состав книг Литовской метрики.[7] Вторая — в составе частных компилятивных разрядных книг, в частности в Разрядной книге 1475—1605 г.[8] и в «Государевом разряде» редакции 1585 г. (росписи: «А где которым людем збиратися и на который срок, и тому роспись; А которому городу у которого воеводы... по списку писатца в приезд, и тому роспись»).

Полковые росписи и роспись воевод во Пскове за май 1580 г. с наказами большим воеводам ратей, посланных против войск польского короля Стефана Батория, сохранились в архиве Разрядного приказа. Они представлены черновиками росписей и наказов, посланных воеводам, и помимо собственно росписей воевод по полкам содержат сведения о корпоративной принадлежности детей боярских у каждого воеводы, их количестве, где или у кого брать их списки, о наличии отрядов стрельцов, казаков, инородцев и их количестве в полках.

Фрагмент росписи сбора детей боярских дворовых в ноябрьский казанский поход 1549 г. оказался в тексте Разрядной книги 1487—1577 гг.[9]

Б. Н. Флоря справедливо отмечает важность подлинных документов Разряда XVI в., сопоставимых с соответствующими записями разрядных книг. Это позволяет составить более полное представление о степени и характере переработки исходного материала в известных нам разновидностях разрядных книг с записями за XVI в.[10]

В нашем случае сопоставление публикуемых росписей с текстами «Государева разряда» и зависимых от него компилятивных частных разрядных книг подтверждает ранее установившееся мнение об исключении из разрядных книг XVI—начала XVII в. сведений первоисточника, не имеющих непосредственного местнического значения и не касающихся представителей Государева двора. Из росписи сбора служилых людей удалены записи по каждому из воевод пяти полков с перечнем дворянских городовых корпораций, представители которых составляли их отряды, стрельцов с указанием города, имен голов и численности в каждом полку, казаков (из украинных городов конных, черкас рязанских), татар (нагайских с Романова, царевичевых Мустафалеевых да Атрасналеевых, царева двора и городецких, кадомских и цненских с мордвою, темниковских с мордвою, арзамасских и алаторских) с их головами и численностью.

---

[7] Книга Полоцкого похода 1563 г. / Подгот. текста, статья и указатели К. В. Петрова. СПб., 2004; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 119—154.

[8] Разрядная книга 1475—1605. М., 1982. Т. II. Ч. III. С.458—482.

[9] *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги... С. 214.

[10] Документы походного архива воеводы кн. В. Д. Хилкова (1580 г.) / Подгот. к печати Б. Н. Флоря // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. М.; Варшава, 1998. С. 203—204.

Роспись похода по полкам из Нижнего Новгорода исключает те же сведения, а также имена воевод, у которых следует взять списки дворян и детей боярских. Любопытно, но, как явствует из текста росписи, каждый из воевод пяти полков должен был, как правило, обращаться за этими документами к воеводе другого полка, и наоборот. Их как бы «мешали», видимо для контроля друг за другом. Иногда помечено, что список людей такого-то воеводы послан в Муром или просто: «послать в Муром». В полку левой руки нашей росписи добавились немцы нижегородские — 34 человека и стрельцы арзамасские — 100 человек. В Чебоксарах к рати должны были присоединиться дети боярские, стрельцы, калужские, коломенские и тульские черкасы, немцы казанские конные, литва конная и пешая, татары. После росписей ждавших войско в Козьмодемьянском остроге и Чебоксарах помещена роспись схода по полкам с этими казанскими, свияжскими и чебоксарскими людьми.

Завершает подборку роспись дворян, посланных в города собирать тамошних детей боярских.

Естественно возникает вопрос, откуда эти документы могли попасть в частную разрядную книгу. В свое время В. И. Буганов высказал предположение о существовании около 20 разрядных книг больших походов, главным образом царских.[11] На наш взгляд, здесь мы все же имеем дело не с документами разрядного шатра главного воеводы, а с росписями Разрядного приказа, составленными до похода. Некоторые назначения еще не определены, отсутствует описание хода военных действий. Количество детей боярских по каждой городовой корпорации не указано, как это обычно бывает в такого рода росписях. Эти показатели обильно компенсируются данными по служилым приборным людям, казакам, наемникам и инородческим отрядам. Особенно любопытно присутствие в рати различных категорий «немцев» и «литвы» из поволжских городов, а также украинных казаков, служащих по московским городам. Публикуемые документы, таким образом, являются еще и ценными источниками для изучения состава вооруженных сил России конца царствования Ивана Грозного.

Их текст передается в соответствии с современными правилами издания документов XVI—XVII вв. Перед ним мы помещаем археографическое описание рукописи, в которой они содержатся.

Библиотечный III список (ОР РНБ. F. IV. 322). Разряды за 6984—7113 гг.

70-е годы XVII в. (б. зн.: голова шута III типа (по Клепикову) с контрамаркой «P_L», типа — Дианова-Костюхина, № 346 — 1675 г.; бумага защитных листов с литерами «АГ» и вензелем Гончаровых, — Клепиков 1959, № 18 — 1756—1766 г.). Скоропись. 764 л. (LI+713; л. I—III, XLIX—LI — переплетные; л. IV—XLVIII — чистые). 1°. Переплет — картон в коже с золотым тиснением по корешку: «Летописец с... году». Обрез крашеный.

Содержание: Разряды свадеб и памяти из «Государева разряда» 1556 г. Л. 1—11 об.

РК за 1476—1605 гг. Озаглавлена подобно «Государеву разряду»: «Книга розрядная, а в ней писаны походы вел. кн. Ивана Васильевича в. Р., и

---

[11] *Буганов В. И.* Источники разрядных книг последней четверти XV—начала XVII в. // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 224.

вел. кн. Василия Ивановича... и царя Бориса посылки... писан в лете 7058 году» (л. 12). Первая годовая статья за 6951 г. представляет собой заимствования из летописей об отражении набега царевича Мустафы (л. 12 об.). Далее, начиная с 6984 г., идет текст «Государева разряда», многие годовые статьи которого дефектны, с частными добавлениями в начале или конце. За 7080-е годы в механической компиляции присутствуют чтения разрядной книги с росписями «Государева полка» и больших царских походов, отразившейся также в списках *Львовском*, *Шереметевском II*, *Дашковском* и др. Текст «Государева разряда» в составе годовой статьи за 7090 г. имеет интересную вставку, документ явно официального происхождения о переговорах в Москве с литовскими послами паном Яном Збаражским о выкупе и обмене пленных с 16 июня по 17 июля, об обмене пленными на границе 13 сентября следующего 7091 г. (л. 558—559 об.). С 7093 по 7105 г. включительно текст годовых статей близок к чтениям *Собакинского I* списка. Разряды или совпадают, или имеются добавления, или разряды *Библиотечного III* представляют один из компонентов годовых статей *Собакинского I*. С 7109 г. чтения близки к тексту *Яковлевского*, *Академического X*, а также *Воронцовского V* и *Миллеровского II* списков.

(Л. 582 об.). А збиратись воеводам и с ними людям по местом:

В Муроме болшова полку околничему и воеводе Федору Васильевичю Шереметеву да воеводе Володимеру Васильевичю Головину.

Да правые руки околничему и воеводе князю Дмитрею Ивановичю Хворостинину да воеводе Михаилу Андреевичю Безднину.

А с ними збиратись: в Муроме дворяне выборные и дети боярские суздальцы, володимерцы, мещеряне, муромцы, (л. 583) коломничи, резанцы, кошіряне, торушане, олексинцы, смоляне, беляне, дорогобужане, Ярославца Малово, медынцы.

Да стрельцов московских з двема головами с Леонтьем Лодыженским да с Ываном с Кобылиным 1000 человек.

Да из украинных городов казаков конных з двема головами с Ываном с Хотянцовым да с Федором с Писаревым 600 человек.

Черкас резанских 100 человек.

Нагайских с Романова татар 100 человек, голова у них Федор Ловчиков.

Царевичевых Мустафалеевых да Атрасналеевых 50 человек, а голова у них Иван Иванов сын Леонтьев.

Царева двора и городецких 300 человек, а голова у них Семен Малцов.

Кадомских и цненских с мордвою 500 человек (л. 583 об.), а голова у них Иван Хохлов да Ондрей Татьянин.

Темниковских с мордвою 400 человек, а голова у них Конъстянтин Наумов.

Арзамасских и алатарских — 300 человек, голова у них Смирной Мотовилов.

В Елатьме збиратися с людьми передового полку воеводам Михаилу Глебовичю Салтыкову да князю Ивану Борятинскому. А с ними збиратися козличи, белевцы, перемышляне, лихвинцы, туляне, рославцы, брянчане, болховичи, орляне, мещяне, одоевцы, новосильцы, колужане, воротынцы, серпьяне и мошинъцы, мещане, пловляне, ряшане, карачевцы.

В Юрь(ев)це Повольском збиратись сторожевого полку воеводе Ефиму Вахромеевичю Бутурлину да Ондрею Давыдову.

А с ними збиратись детем боярским Ярослав(ля) болшаго, вологжане, романовцы, углечане, Бежецкова Верху, кашинцы.

На Балахне левые руки воеводам князь Меркур Щербатой, Арътемей Колтовской готов в Казани.

А ко князю Меркуру збиратися: костромичи, галечане, лушане, гороховцы, Юрьева Польскова, ростовцы, пошехонцы, клиняне, дмитровцы, новоторжцы.

А как окольничей Федор Васильевич Шереметев да князь Дмитрей Иванович Хворостинин с товарыщи придут в Нижней, и из Нижнева воеводам и с ними людем ити по полком:

В большом полку с окольничим и воеводою с Федором Васильевичем Шереметевым дворяне выборные да дети боярские дорогобуженя, смоляне по списком, а списки посланы в Муром, да туляне, серпьяне и мошинцы — тем списки взяти у Михаила Салтыкова, как будут в сходе. Да алатырцы, да арзамасцы — взяти им списки в Нижнем у дьяка у Посника (л. 584 об.) у Шипилова.

С воеводою с Володимером Васильевичем Головиным дворяне выборные да дети боярские беляне, мещеряне, коломничи по списком, а списки посланы в Муром, да мещаняне — взяти им список у Михаила Салтыкова как в сход будут; да кашинцы — а списки взяти у Ефима Бутурлина.

Да в большом же полку быти з головою с Ываном Кобылиным московских стрельцов 500 человек, да из украинных городов казаков конных з головою с Ываном с Хотяинцовым 300 человек, черкас резанских 100 человек.

Татар царева двора и городецких 300 человек, а голова у них Семен Мальцов.

Царевых Мустафалесвых да Арасланалеевых 50 человек, а голова у них Иван Левонтьев.

Ногайских с Романова — 100 человек, а голова у них Григорей Григорьев сын Ловчиков.

В правой руке с окольничим и воеводою со князем (л. 585) Дмитреем Ивановичем Хворостининым дворяне выборные да дети боярские резанцы, медынцы по списком, а списки посланы в Муром; да воротынцы, да болховичи, а списки взяти у Михаила Салтыкова.

С воеводою с Михаилом Ондреевичем Безниным дворяне выборные да дети боярские суздальцы, муромцы по списком, а списки посланы в Муром; да козличи, а список взять у Михаила Салтыкова; да клиняне, а список взяти у князя Меркура Щербатово.

Да в правой же руке казаков конных из украинных городов з головою с Федором с Писаревым 300 человек.

Да татар кадомских и цненских 500 человек, а головы у них Иван Хохлов да Ондрей Татьянин.

В передовом полку с воеводою с Михаилом Глебовичем Салътыковым дворяне выборные и дети боярские коширяне по списком, а списки посланы в Муром; да Ярославля Болшово (л. 585 об.), а список взяти у Ефима Бутурлина.

С воеводою со князем Иваном Борятинским дворяне выборные (и) дети боярские олексинцы, тарушане по спискам, а списки посланы в Муром; да калужане, да белевцы — списки им взять у Михаила у Салтыкова; да романовцы, да углечане — списки взяти у Ефима Бутурлина.

Да в передовом же полку з головою с Левонтьем с Лодыженским московъских стрельцов 500 человек да татар арзамаских 310 человек, а голова у них Смирной Мотовилов.

В сторожевом полку с воеводою с Ефимом Бутурлиным дворяне выборные да дети боярские костромичи Юрьева Повольскова, лушане — списки взяти им у князя Меркура Щербатова; лихвинцы, брянченя, рословцы — списки възять у Михаила у Салтыкова; Бежецкова Верху — списки готов у нево, Ярославца Малово — список послать в Муром.

С Ондреем з Давыдовым дворяне выборные (л. 586) и дети боярские пловляне и соловляне, ряшене. А списки взять у Михаила у Салтыкова; галичане — список взять им у князя у Меркура Щербатова; нижегородцы — список послан в Муром.

Да в сторожевом полку татар темниковских и с мордвою 400 человек, голова у них Костянтин Наумов.

В левой руке с воеводою со князем Меркуром Щербатым дворяне выборные и дети боярские володимерцы, список их послан в Муром; вологжане — список взяти у Ефима Бутурлина; орляне, одоевцы, мецняне, новосильцы, перемышляне, карачевцы — списки взяти им у Михаила у Салтыкова; гороховцы, ростовцы, переславцы, пошехонцы, дмитровцы, новоторжцы — списки им готовы у него.

Да в левой же руке немец нижегородцких 34 человека, стрельцов арзамаских 100 человек.

А как придут воеводы в Кузмодемьянеск-острог, в Кузмодемьянском остроге готово людей: дети боярские тверичи (л. 586 об.), стрельцов московских з головою с Ываном с Колеминым 500 человек, татар горних 1000 человек.

А в Чебоксаре готово людей дети боярские чебоксарские жильцы: мещеряне, лушане, которые не збежали, кокшаские помещики.

Черкас колужских 50 человек.

Литвы пешие 200 человек.

Татар чебоксарских 1000 человек, кокшаских 100 человек.

Да в Чебоксаре ж из Свияжсково будет людей: дети боярские галичане, которые не збежали. Свияжския жильцы, стрельцов конных свияжских 100 человек, татар свияжских 1000 человек.

Да в Чебоксаре ж ис Казани будет готово дети боярские суздальцы, Юрьева-Польскова, ростовцы, переславцы, Ярославля Большаго, пошехонцы, кашинцы, костромичи, которые не збсжали, да казанские жильцы.

(Л. 587 об.). Да литовских конных людей 435 человек.

Немец казанских конных 50 человек.

Стрельцов конных 100 человек.

Черкас коломенских 50 человек.

Стрельцов московских з головою с Федором с Мясоедовым 500 человек.

Ржевских стрельцов з головою с Федором з Гурьевым 500 человек.

Татар казанских 1100 человек.

А как сойдутца воеводы с чебоксарскими, и свияжскими, и с казанскими людьми, и тогды с воеводами быти людям по полком:

В большом полку с окольничим и воеводою с Федором Васильевичем Шереметевым дворяне выборные, да туляне, да дорогобужане, да смольняне, да серпьяне и мошинъцы, арзамасцы, алатырцы. А списки готовы у нево.

Да с Федором (л. 587) же Микифор Чепчюгов, а с ним казанские жильцы.

С воеводою с Володимером Васильевичем Головиным дворяне выборные да дети боярские беляне, мещеряне, коломничи, мещане да кашинцы по списком, а списки готовы у него.

Да в большом же полку литовских людей конных и с Казани голов 235 человек.

Немец нижегородцких 34 человека.

Казанских немец 50 человек.

Да татар: казанских 1200 человек, а голова у них Иван Чепчюгов.

Свияжских — 1000 человек, а голова у них Ондрей Киреев да князь Тугуш Девлет-Батыев.

Да стрельцов московских з головою с Федором Мясоедовым 500 человек.

Литовских пеших людей з головою 200 человек.

(Л. 588). В правой руке с окольничим и воеводою со князем Дмитреем Ивановичем Хворостининым дворяне выборные да дети боярские резанцы, воротынцы, медынъцы, болховичи по списком, списки готовы у нево; да брянчане — взять у Ефима Бутурлина.

С воеводою с Михаилом Ондреевичем Безниным дворяне выборные да дети боярские суздальцы, козличи, клиняне по списком, а списки готовы у нево; да свияжския помесщики, а список им взять в Чебоксаре у Микифора у Чепчюгова.

Да в правой же руке литовских людей конных ис Казани з головою 100 человек.

Да татар Кузмодемьянъсково острогу горских 1000 человек з головою.

Да из Чебоксари и ис Кокшаги татар 1100 человек, а головы у них Замятня Безстужев, да Савин Онучин, да Мамлей Мальцов.

(Л. 588 об.).

Резанских черкас 100 человек, а голова у них Иван Иванов сын Ракитин.

Да стрельцов московских з головою с Ываном с Кобылиным 500 человек.

Да ис Казани стрельцов конных с сотником 100 человек с Семейкою с Ызносковым.

В передовом полку с воеводою с Михаилом Глебовичем Салтыковым дворяне выборные да дети боярские коширяне, да Ярославля Большог(о). А списки у нег(о) готовы. Да чебоксарские помесщики, а списки взять в Чебоксаре у Микифора у Чепчюгова.

С воеводою со князем Иваном Борятинским дворяне выборные да дети боярские олексинцы, тарушане, колужане, белевцы, романовцы, списки готовы у него, да володимерцы, а список взять в Чебоксарех у Микифора у Чепчюгова.

Да в передовом же полку литовских людей конных ис Казани з головою 100 человек.

Черкас колужских 50 человек, а голова у них Посол Янышев сын Кондырев.

Тульских черкас 50 человек, а голова у них Третьяк Протасов.

Да [та]тар нагайских с Романова 100 человек, а голова у них Григорей Григорьев сын Ловчиков.

Царевичевых Мустофалеевых да Расланалеевых 50 человек, а головы у них Иван Иванов сын Левонтьев.

Царева двора и городецких 300 человек, а голова у них Семен Мальцов.

Арзамаских и алатарских татар 300 человек, а голова у них Смирной Мотовилов.

Стрельцов московских з головою с Леонтьем Лодыженским 500 человек.

В сторожевом полку с воеводою с Ефимом Бутурлиным дворяне выборные да дети (л. 389) боярские костромичи, Юрьева Повольскова, Бежецкова Верху, лущане по списком, а списки готовы у нево, да муромцы, а список взять у Михаила у Безнина.

С Ондреем Давыдовым дворяне выборные, да дети боярские пловляне и соловляне, галичане, ряшене по списком, а списки готовы у нево, да рославцы, а списки взять у Ефима Бутурлина, да углечане, список взять у князя Ивана Борятинского, да дмитровцы, список взять у князя Меркура Щербатово.

Да в сторожевом же полку татар кадомских и цненских 500 человек, головы у них Иван Хохлов да Ондрей Татьянин.

Да стрельцов ржевских з головою с Федором з Гурьевым 500 человек.

Да казаков из украинных городов з головою с Федором с Писаревым 300 человек.

В левой руке со князем Меркуром Олександровичем (л. 590) Щербатым дворяне выборные да дети боярские вологжане, гороховцы, орляне, одоевцы, ростовцы по списком, а списки у него готовы, да тверичи, а список взять в Кузьмодемьянском остроге, да нижегородцы, а список взять у Ондрея Давыдова.

С Ортемьем Колтовским дворяне выборные, да дети боярские мещане, новосильцы, перемышляне, переславцы, пошехонцы, карачевцы, новоторжцы, а списки взять у князя Меркура Щербатово.

Да в левой же руке татар темниковских 400 человек, голова у них Костентин Наумов.

Да стрельцов московских з головою с Ываном с Колеминым 500 человек.

Свияжских стрельцов с сотником 100 человек.

Да казаков конных из украинных городов с Ываном с Хотяинцовым 300 человек.

Которым збиратися в Муроме (л. 590) володимерцов велено собрать Замятне Иванову сыну Лыкову, а с ним володимерцы Микита Марков, Иван Офонасьев сын Козынской. А отвезщи Замятне володимерцов в Муром, ехать к Москве.

Мещерян велено собрать Олексею Тимофееву сыну Петрову, с ним мещеряне Игнатей Любовников, Микита Башкин.

В Муром Григорей Федоров сын Елизаров, да с ним муромец Офонассй Давыдов сын Борисов.

На Коломну Василей Яковлев сын Измайлов, с ним коломничи Розгильдей Любучанинов да Наум Пестов.[12]

На Резань князь Иван княжь Михайлов сын Щербатой, с ним резанцы князь Семен княжь Семенов сын Гагарин, Данило Григорьев сын Колтовской, Прокофей Петров сын Ляпунов.

На Коширу Ондрей Батрак Иванов сын Вельяминов, с ним коширяне Степан Колтовской да Роман Козлов сын Уваров.

(Л. 591). В Торусу Елисей Федоров сын Плещеев, с ним тарушенин Олферей Корсак.

В Олексин Олексей Писемской, с ним Иван Лодыженской.

Смольнян велено воеводам смоленским и дьяком послать в Муром з головами.

На Белую Василей Волынской, с ним беляне Семен Темиров да Григорей Еропкин. А отвезши белян, ехать к Москве.

Дорогобужан велено отвесть Ивану Неелову.

Ярославца Малово велено отвести Ивану Белкину да Булату Поливанову.

Медынцов велено отвести князю Петру Селеховскому.

ОР РНБ. F. IV. 322.

---

[12] Испр., в рукописи Песпев. Имеется в виду Наум Афонасьевич Пестов (см.: Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 444).

Б. Н. Флоря

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ (XVI—XVII вв.)

Система управления в средневековых древнерусских княжествах была принципиально такой же, как и в ряде других стран средневековой Европы, — правитель передавал отдельные владения, находившиеся под его властью, — города или волости, во временное управление своим приближенным, людям, занимавшим видные посты в составе княжеского двора. Эти люди были одновременно и влиятельными местными землевладельцами. Как приближенные князя эти люди представляли интересы назначившего и прославшего их центра, как влиятельные местные землевладельцы — интересы верхов местного общества. Такая система управления обеспечивала определенный баланс интересов и центра, и провинции.

Вопрос о ее реорганизации неизбежно должен был встать на повестку дня с объединением отдельных княжеств вокруг единого политического центра. В двух государствах, поглотивших отдельные, ранее самостоятельные княжества, Великом княжестве Московском и Великом княжестве Литовском, были найдены разные решения этого вопроса.

В Великом княжестве Литовском важные политические посты — наместников и воевод — занимали политически благонадежные с точки зрения правителя люди (первоначально по преимуществу из среды литовской знати), все другие административные должности могли занимать только местные землевладельцы. Это их право было зафиксировано в жалованных грамотах — «привилеях» отдельным землям, вошедшим в состав Великого княжества Литовского.[1] В Великом княжестве Московском развитие пошло по другому пути. В Судебнике 1550 г. сохранились упоминания об «уложениях» Ивана III и Василия III, гарантировавших ряду присоединенных территорий сохранение земельной собственности в кругу местных землевладельцев,[2] но сохранения за ними монополии на местные административные должности центральная власть не гарантировала.

В последние десятилетия XV—начале XVI в. в Русском государстве сложилась такая система управления, по правилам которой получавший в управ-

---

[1] См., например, в привилее Киевской земле: «а городки и волости Киевские Киян-ном держати, а иному никому». *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910. С. 354.

[2] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 5. С. 32.

© Б. Н. Флоря, 2007

ление волость или посад сын боярский не имел собственных владений на данной территории.[3] К этому следует добавить, что само управление территорий давалось тому или иному лицу на сравнительно краткие сроки — не более 3 лет.[4] Исключением были наместничества в наиболее крупных пограничных городах — здесь сроки могли быть более продолжительными. Сами того не зная, московские правители и их советники воспроизводили порядок, сложившийся в первом средневековом государстве с сильной центральной властью — Сицилийском королевстве Фридриха II. Мотивы принятых решений были в обоих случаях идентичными. Присланный центром для управления человек, не связанный с местным обществом, должен был стать идеальным исполнителем принятых в центре решений.

Такая система управления, при которой баланс интересов решительно смещался в сторону центра, обладала с точки зрения носителей центральной власти и определенными негативными сторонами. Хорошо известно, что в средневековом обществе передача территории в управление определенному лицу была формой вознаграждения за службу и управитель получал право «кормиться» с переданного ему владения. В условиях, когда между управляющим лицом и местным обществом не было каких-либо прочных связей, возникала опасность, что он станет рассматривать местное общество только как объект своего обогащения и своими злоупотреблениями приведет к социальным конфликтам и нарушению стабильности в обществе.

Ряд мер, предпринятых центральной властью, должен был ослабить или исключить такие негативные последствия. Так, наместники, управлявшие городами, и волостели, управлявшие волостями, и их слуги не имели права сами собирать «кормы» с населения, а размеры этих «кормов» точно определялись в выданных населению «уставных грамотах»;[5] так как в руках носителей власти на местах сосредоточивались и административные, и судебные функции, в «уставных грамотах» указывалось, что в суде наместника должны участвовать «лучшие люди» из числа местного населения[6] и, наконец, после его смещения с должности наместника или волостеля можно было жаловаться в великокняжеский суд в Москву.

В бурные годы малолетства Ивана IV всех этих мер оказалось недостаточно. Относящиеся к этому времени свидетельства документов, высказывания публицистов, летописные известия рисуют яркую картину злоупотреблений, совершавшихся носителями власти на местах, — здесь и произвольное повышение размеров «кормов», и новые не санкционированные традицией поборы, и принуждение ремесленников к бесплатной работе для удовлетворения их нужд. Особое негодование современников вызывала их деятельность в качестве судей — они искусственно возбуждали судебные дела против состоятельных людей, чтобы обложить их большими штра-

---

[3] Это хорошо видно из собранных Н. Е. Носовым сведений о местоположении земельных владений детей боярских и отдававшихся им в управление территорий. См.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 423—482.

[4] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000. С. 41.

[5] Там же. С. 44, 48.

[6] Там же. С. 104.

фами или конфисковать их имущество. Как записал псковский летописец, «быша наместники на Пскове сверепи, аки львове, и люди его аки звери дивии до крестьян... и разбегошася добрые люди по иным городам, а игумены честные из монастырей избегоша». Уже такого рода явления должны были обеспокоить центральную власть.[7] Действия наместников и волостелей стали сталкиваться с открытым отпором населения. Как отмечено в официальной летописи царствования Ивана IV, в ответ на действия наместников «градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем».[8] Это должно было вызвать еще более сильное беспокойство власти.

Издавая в 1550 г. новый свод законов — «Судебник», правительство молодого Ивана IV стремилось сохранить традиционную систему управления, установив для отношений между администрацией и населением все более детальные нормы и введя строгие санкции за их нарушение. Однако давление общества оказалось настолько сильным, что к середине 50-х гг. старая традиционная система управления была ликвидирована и власть на местах перешла в руки выборных представителей местного населения — в крестьянских волостях и в городах в руки земских старост и земских судей (таким образом, реформа сопровождалась на этих территориях разделением административных и судебных функций), на территориях, где преобладало дворянское землевладение, серьезно расширились функции выборных представителей дворянства — губных старост. Конечно, центральная власть стремилась подчинить эти органы местной власти руководству и надзору центральных государственных органов — приказов, но тем не менее следует констатировать, что в середине XVI в. произошли очень существенные перемены в характере отношений центра и провинции — власть на местах перешла в руки представителей местного сословного самоуправления.[9]

Перемены, правда, не охватили всей территории страны. На пограничных территориях военно-административное управление находилось в руках воевод — присылавшихся из центра представителей власти. Начиная с 1570—1580-х гг. получает все более широкое распространение практика назначения воевод во внутренние районы страны.[10] Это означало восстановление старой системы управления, даже в более невыгодном для населения варианте, так как на воевод, новых носителей административной власти в городе и прилегающем к нему уезде, не распространялись те ограничительные меры, которые касались в более раннее время наместников и волостелей. Соотношение сил между центром и провинцией снова стало меняться в пользу центра. В стране, пережившей опричнину, эти перемены не наталкивались на серьезное сопротивление.

---

[7] Наиболее яркие характеристики злоупотреблений представителей власти на местах имеются в псковской летописи (Псковские летописи. М; Л., 1941. Вып. 1. С. 110; М., 1955. Вып. 2. С. 229—230).

[8] ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, 1-я пол. С. 267.

[9] Земской реформе 50-х гг. XVI в. и ее ближайшим последствиям посвящено капитальное исследование Н. Е. Носова «Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного» (Л., 1969).

[10] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 239 и след.

В годы Смуты, когда и географический центр страны, и окраины оказались в состоянии войны, воеводское управление распространилось повсеместно, но характер этого института в годы переживавшихся страной потрясений заметно изменился.

Так, в лагере, во главе которого стоял Лжедмитрий II, воеводами — представителями власти в городах становились популярные предводители местных дворянских корпораций, получавшие у Самозванца думные чины. Так, луцкий помещик Федор Плещеев стал воеводой Великих Лук и боярином. Теперь в состав правительства стали входить люди, представлявшие в нем объединения местных землевладельцев.[11] Аналогичная тенденция, хотя и в более слабой форме, может быть прослежена и в лагере Василия Шуйского. Здесь наиболее ярким примером может служить Прокопий Ляпунов, предводитель одной из самых крупных корпораций России того времени — рязанской, рязанский воевода и думный дворянин.[12] Хотя и в эти годы воевод (особенно в лагере Шуйского) неоднократно присылали из центра, при их назначении существенную роль начали играть «челобитья» со стороны местного населения.[13]

В те же годы наблюдается резкое усиление органов самоуправления в городах. В таком крупном центре, как Псков, в течение ряда лет вообще не было воевод, и единственным органом власти были дьяк и выборные посадские люди.[14]

С прекращением Смуты государственной власти удалось добиться того, что воеводское управление утвердилось именно в нужном для центра варианте — воеводы не были связаны с местным обществом, присылались из центра и должны были проводить его политику на местах. Так как воеводы по своей общественной роли не отличались от администраторов более раннего времени и также получали свои должности как вознаграждение за службу, новая система управления обладала пороками старой. Участники псковского восстания 1650 г. в «большой челобитной», адресованной царю, жаловались на то, что псковский воевода Никифор Собакин принуждает горожан делать на себя бесплатную работу так же, как псковские наместники в первой половине XVI в.[15] Особые нарекания, как и ранее, вызывали судебные решения представителей власти на местах.

Это вызывало недовольство не только крестьян и посадского населения, но и широких кругов провинциального дворянства. Именно в челобитной детей боярских разных городов, поданной на земском соборе 1642 г., читаем о представителях дворянской верхушки, что они, «будучи в твоих государевых городех у твоих государевых дел, отяжелели и обогатели боль-

---

[11] *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 91.

[12] Там же. С. 178–179.

[13] См.: *Флоря Б. Н.* О приговоре Первого ополчения // Исторические заметки. М., 2005. Т. 8 (126). С. 109.

[14] См. в Псковской 3-й летописи: «...в те лета смутные воевод не было во Пскове, един был дияк Иван Леонтеевич Луговской да посадцкие люди даны ему в помочь и с теми людьми всякие дела и ратные и земские росправы чинил» (Псковские летописи. Вып. 2. С. 276).

[15] *Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 года. М.; Л., 1935. С. 73—74.

шим богатством».[16] Вместе с тем более разнообразные и богатые по содержанию источники первой половины XVII в. позволяют установить, что острую критику провинциального общества вызывала деятельность не только представителей власти на местах, но и центральных государственных органов — приказов, расположенных в столице государства — Москве. Неслучайно в дворянских челобитных, поданных на соборе 1642 г., читаем о дьяках и подьячих, которые, «обогатев многим богатеством, неправедным своим мздоимством и покупили многия вотчины и домы свои сстроили многие, палаты каменные».[17] Наиболее обстоятельной критике подверглись поступки «приказных людей» в челобитной, поданной царю Алексею Михайловичу в дни московского восстания 1648 г. Здесь читаем о дьяках, которые «никово никуды в приказ даром не отпустят и никакова государева жалованья даром не дадут». Их деятельность служит образцом для поведения представителей власти на местах — «всему великому мздоиманью Москва корень».[18] Но, пожалуй, наиболее ярко отношение провинциального общества к московским порядкам выражено в одной из дворянских челобитных, поданных на соборе 1642 г. Собор, как известно, был собран для обсуждения мер, необходимых для защиты южных границ России от Османской империи и Крыма. Именно, имея это в виду, составители челобитной писали: «...разорены мы, холопи твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и неправедных судов».[19] Важно, что представители провинциального общества не ограничивались критикой злоупотреблений и требованием наказания неправедных судей. Они предлагали существенно изменить всю систему управления.

Участники псковского восстания 1650 г. в своей челобитной царю предлагали вернуться к порядкам первой половины XVI в., когда наместники должны были вершить суд вместе с «лучшими людьми: воеводы должны... во всяких делех расправы чинить з земскими старосты и с выборными людьми по правде, а не по мзде и не по посулом».[20] В дворянской челобитной 1637 г. выдвигались более радикальные решения. Здесь читаем: «И вели, государь, выбрать в городех из дворян и из земских людей и вели, государь, нас, холопей твоих, судить в городех по твоему государеву указу и по своей, государеве, уложенной судебной книге».[21] Институт воевод, таким образом, мог сохраниться, но в их ведении остались бы только административно-военные функции, а суд перешел бы в руки выборных представителей местных дворян и горожан, которые должны были бы вершить суд на основе нового, специально составленного свода законов.

В челобитной «всего мира», поданной царю Алексею Михайловичу в июне 1648 г., также выражается пожелание, чтобы организацию справедли-

---

[16] Акты, относящиеся к истории земских соборов / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1920. С. 55.

[17] Там же.

[18] Материалы по истории СССР. М., 1989. Вып. 3. С. 149.

[19] Акты, относящиеся к истории земских соборов. С. 58.

[20] *Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 года. С. 74.

[21] *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1915. Кн. 3. С. 39.

вого суда «положил бы государь на всяких чинов мирских людей, а мирские люди выберут в суди меж себя праведных и расудительных великих людей». В ней говорилось о необходимости созыва земского собора, от членов которого царь узнал бы об истинном положении дел — «от каких продаж и от насилства стонут и плачут».[22]

Пороки сложившейся системы управления стали одной из причин серьезного внутриполитического кризиса — волны восстаний, прокатившейся в 1648 г. по Москве и другим городам России. В их ходе часто именно присылавшиеся из центра администраторы, наживавшиеся за счет местного общества, становились жертвой восставших.

Уже 16 июня 1648 г. был созван земский собор, который принял решение о создании нового свода законов — Уложения. Тем самым удовлетворялось одно из главных требований недовольных. Знакомство с этим памятником права — Соборным уложением 1649 г. — показывает, что, сделав многое для уточнения процедуры судопроизводства, установив суровые санкции за нарушение администраторами правовых норм, составители памятника оставили в неприкосновенности саму систему управления, основанную на том, что представители власти на местах присылаются из центра и никак не связаны с местным населением.

Государственная власть категорически отвергала не только передачу выборным представителям дворянства или горожан каких-либо функций управления, но и какое-либо их участие в управлении вместе с воеводами. Показателен в этом плане ответ царя на просьбу псковичей допустить земских старост и «выборных людей» к участию в воеводском суде: «Николи не бывало, что мужикам з бояры и с околничими и воеводы у расправных дел быти, и впредь того не будет».[23] В поисках выхода из кризиса правительство молодого царя Алексея пошло по тому же пути, что и правительство молодого царя Ивана при издании «Судебника» 1550 г., — удовлетворив ряд конкретных требований представителей сословий, сохранить систему управления, подчиненную центру, не связанную с местным обществом и ему не подконтрольную. В середине XVII в. государственной власти удалось добиться достижения этой цели.

---

[22] Материалы по истории СССР. Вып. 3. С. 149—150.

[23] *Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 года. С. 81.

С. Н. Кистерев

ТАМОЖЕННЫЕ ПРАВИЛА В БЕЛОЗЕРСКОМ КРАЕ В СЕРЕДИНЕ XVI—НАЧАЛЕ XVII в.

Общим местом в исследованиях по истории таможенного управления в России с конца XV до середины XVII в. остается тезис о многообразии и противоречивости положений местных нормативных актов, призванных регулировать сборы таможенных пошлин. Основанием для этого является проводимое отдельными исследователями сравнение установлений, относящихся к различным территориям и в разное время выданных от великокняжеского или царского имени грамот. При этом часто отмечается, что данные региональные особенности восходят к старине, к отдаленному времени феодальной раздробленности. Однако обычно не предпринимается попыток отследить влияние этой старины на конкретные правительственные акты от времени правления Ивана III до издания тарифа 1653 г. В связи с этим кажется важным постараться путем привлечения текстов таможенных уставов относительно близко расположенных географически или исторически связанных друг с другом поселений определить степень отличия действовавших в них правил таможенных сборов. Не менее привлекательно сравнение таких правил для городских пунктов, с одной стороны, и сельских таможен — с другой.

В качестве объекта изучения выберем уставные грамоты Белозерского края с 1551 по 1602 г. Наиболее ранней из них является Белозерский устав,[1] а наиболее поздней — грамота 1602 г. вотчинной волости Кирилло-Белозерского монастыря Волочек Словенский.[2]

Как видно из предшествующего тексту грамоты заголовка «Список с уставные грамоты Пошехонского у. с. Семеновского», сбор пошлин на Словенском Волочке предполагалось проводить точно так же, как это делалось в другой вотчине Кирилло-Белозерского монастыря — с. Семеновском Пошехонского у. В пользу этого говорит выражение «слово в слово», указыва-

---

[1] Архив СПб. ИИ РАН. Кол. 12. Оп. 1. Карт. 1. № 662. — Найдена П. М. Строевым летом 1830 г., вероятно в июне, во время посещения Кирилло-Белозерского монастыря (*Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 211). Впервые напечатано: ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 230.

[2] Архив СПб. ИИ РАН. Кол. 12. Оп. 2. № 47. Л. 3—4. Список XVII в. Впервые напечатан: ААЭ. Т. 2. № 21.II. Используемая нами публикация: РИБ. Пг., 1917. Т. 35. С. 28—30. № 24б.

© С. Н. Кистерев, 2007

ющее, что текст не содержит существенных для своего содержания изменений. Из этого вовсе не следует, что он полностью совпадал с текстом настоящей уставной грамоты с. Семеновского, хотя различия между ними пока не определены.

История появления грамоты Волочку Словенскому описана в грамоте царя Бориса Годунова за приписью дьяка Ивана Салманова[3] 3 ноября 1602 г. Согласно этому документу, в 1601/02 г. игумен Кириллова монастыря Иоасаф пожаловался, что во время проведения торгов вблизи монастыря на праздники Успения богородицы, Введеньев день и день памяти Кирилла Белозерского туда приезжали белозерские кабацкие целовальники с продажным питьем, реализация которого приводила к возникновению драк между его потребителями и даже случаям грабежей на окрестных дорогах. Жалоба поступила к таможенному голове Ивану Погорскому, из чего можно заключить, что он же исполнял обязанности и кабацкого головы. Погорский переправил игуменскую челобитную по инстанции, в результате чего грамотой из приказа Большого Прихода за приписью дьяка Василия Нелюбова Сукова[4] проведение торгов около монастыря было запрещено. Однако позднее — 25 июля того же года — игумен Иоасаф обратился с прошением об организации торга в Словенском Волочке с тем, чтобы собираемые на нем таможенные пошлины шли в пользу монастырской казны. Ответом на просьбу игумена стала грамота от 25 июля 1602 г., подписанная тем же Василием Нелюбовым.[5] Эта новая грамота сохранилась, и из ее содержания более явственно проступает суть просьбы игумена об учреждении торга.

Вместо того чтобы навести порядок с реализацией хмельных напитков и принять меры по охране общественной безопасности, приказные деятели решили дело самым радикальным образом, полностью уничтожив околомонастырский торг.[6] Естественно, это не могло не нанести ущерба местным жителям и монастырскому хозяйству. Монастырская вотчина Волочек Словенский[7] находилась в серьезном удалении от ближайших городов, рынки которых были бы способны удовлетворять потребности ее населения, игуменское челобитье определяет расстояние от нее до Вологды в 80 верст, а до Белоозера — в 60. Ближе не располагался ни один из торжков, отчего ре-

---

[3] О нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 460—461.

[4] О нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 500—501.

[5] РИБ. Т. 35. С. 30—31. № 25.

[6] Игумен Иоасаф получил уведомление о запрещении торга вблизи монастыря грамотой 13 июля 1602 г.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 229. Подлинник документа: ОР РНБ. ОСАГ. Оп. 1. № 258. — Примечательно, что еще жалованной грамотой царя Федора Ивановича 30 ноября 1596 г. право сбора таможенных пошлин на околомонастырском торге было передано властям Кирилло-Белозерского монастыря (ОР РНБ. СПбДА. AII/47. Л. 214 об.—218). Д. А. Тебекину документ был известен лишь по упоминанию в грамоте 31 октября 1699 г. (*Тебекин Д. А.* Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг. // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 232. № 298). Грамота имела подтверждения Бориса Годунова 11 апреля 1599 г. и Василия Шуйского 7 июля 1606 г. Как соотносилось последнее подтверждение с грамотой, подписанной Василием Нелюбовым в 1602 г., остается неясным.

[7] О формировании этой части владений Кирилло-Белозерского монастыря во второй половине XVI в. см.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 115—117.

ализация произведенных во владениях монастыря продуктов и приобретение необходимых товаров оказались крайне затрудненными после закрытия торга по распоряжению московских властей, незнакомых с местными условиями и мало ими интересующихся. Игумен и просил дозволить проведение еженедельного торга в волости «в неделовой день воскресенье Христово». Власти решили удовлетворить это прошение, и белозерскому воеводе Гавриле Потапьевичу Викентьеву было послано соответствующее распоряжение. При этом указывалось на обязанность торговцев уплачивать в монастырскую казну торговые пошлины в соответствии с уставной таможенной грамотой, за что игумен должен был уплачивать в казну государеву по два рубля в год.[8]

Таким образом появился на свет список с уставной таможенной грамоты с. Семеновского Пошехонского у., предназначенный к использованию совсем в другой местности — в волости Волочек Словенский.

Рассмотрим элементы сходства и различия в нормах взимания пошлин по импровизированной уставной таможенной грамоте 1602 г. и ближайшей к ней в хронологическом отношении такой же грамоте Белоозеру 1551 г.

Волочская грамота предписывает брать с прибывшего на торг жителя Белозерского у. пошлину в размере двух денег с рубля товарной оценки, тогда как документ 1551 г. устанавливает норму сбора по полуденьге с рубля вне зависимости, является ли прибывший торговец городским или сельским жителем. Налицо четырехкратное превышение пошлинных сборов в монастырской вотчине. Более того, на Белоозере предусматривался еще платеж приезжим по полуденьге с саней «за церковную пошлину, что емлют на Москве». Грамота 1602 г. такого побора вообще не знает.

Покупка «на лавку» жителем Белозерского у. меда, икры, соли, рыбы или бочки сельдей, по уставу Волочка Словенского, была связана с необходимостью уплаты по полуденьге «с одного» рубля, белозерская грамота говорит о платеже «с рубля по полуденьге порядного». В данном случае можно было бы предположить, что норма платежа и его сущность совпадали и в обоих вариантах речь шла о порядном, если бы следующий пункт устава 1551 г. не предписывал сбор «с одного... по полуденьге» при покупке белозерским горожанином тех же товаров в значительных объемах — мех, пошев или рогозина соли, бочка или кадь рыбы, бочка сельдей. Следовательно, по обоим документам совпадали нормы пошлин при закупках «крупным» оптом.

Доставка мяса связывалась с обязанностью уплаты полуденьги с каждого стяга, к которому приравнивались 10 полтей мяса, 10 баранов, 20 гусей, столько же зайцев, 30 утят или сыров, тысяча яиц. Белозерский документ также приравнивает к стягу мяса по тридцати тетеревов или поросят, чего нет в тексте 1602 г. В целом же можно говорить о принципиальном тождестве предписаний обоих уставов.

Пригон коров в 1551 г. стоил по полуденьге с головы, в 1602 г. та же цена установлена за пригон головы «скота рогатого». Разницы нет.

Городской или уездный житель Белоозера, привозивший на местный торг лук, чеснок, орехи, яблоки, мак, золу или деготь, по уставу 1551 г. пла-

---

[8] РИБ. Т. 35. С. 27—28. № 24а.

тил с воза или саней по деньге, его коллега по уставу 1602 г. вносил в монастырскую казну столько же, хотя особо при этом и не оговаривалось, что он был жителем Белозерского края, и в документе просто констатировалось «хто привезет».

Экспорт из города по уставу 1551 г. или из монастырского села по грамоте 1602 г. бочки или кади рыбы, меха, рогозины или пошева соли стоил одинаково по полуденьге с рубля товарной цены.

Оба документа в равной степени предписывают явку всеми торговцами своих товаров таможенным властям ранее выгрузки с возов или саней, в противном случае речь шла о серьезном нарушении таможенных правил, наказанием за которое являлось взимание штрафа в размере 30 алтын без гривны при цене товара в рубль или двух рублей при цене товара свыше той же двухрублевой суммы. Зато при стоимости товара менее одного рубля или в пределах от рубля до двух рублей устав 1551 г. предполагал выплату штрафа путем производства соответствующего перерасчета, как будто протаможье составляло один рубль, но документ 1602 г. настаивал на расчете исходя из протаможья в два рубля. Можно думать, что при выдаче последней грамоты текст был просто скопирован с протографа, регулировавшего сбор пошлин в с. Семеновском, а в этом протографе в свое время была допущена ошибка, в последующем не исправленная, обязывающая за мелкое нарушение платить наравне с нарушением крупным.

Померное с насыпных товаров (пшеницы, ржи, ячменя, солода, конопли, гречихи, гороха, заспа, толокна, репы, хмеля, сухой рыбы и с вандышей) в обоих случаях собиралось по деньге с четырех четвертей. Особенностью белозерского документа является упоминание рыбы «хохолков», о которой волочская грамота умалчивает, в свою очередь уточняя, что имеется в виду именно московская четверть. Тамга с «жита», т. е. любого хлебного товара, не взималась, о чем говорят оба текста.

Продажа двух или трех возов жита без измерения таможенниками или употребления нестандартной меры влекла штраф в два рубля, делившихся в 1551 г. между наместником и померщиками, а в 1602 г. — между померщиками и царской казной. Такая же незаконная продажа четырех московских четвертей жита, по Белозерской грамоте, приводила к рублевому штрафу, тогда как волочский документ такого казуса вовсе не знает. Такие же действия при объеме товара от осьмины до четырех четвертей, по раннему уставу, влекли штраф в соответствии с произведенным перерасчетом, но продажа без меры менее осьмины жита с измерением не сопрягалась и от сбора померного освобождалась в обоих случаях.

Москвичи, жители всех московских городов, Тверской и Новгородской земель в 1551 г. обязывались к уплате тамги «по старине с рубля по алтыну», к которому добавлялось по полуденьге за церковную пошлину и за гостиное, «што на Москве емлют». В 1602 г. все жители Московского государства платили с рубля же только по четыре деньги.

Последний пункт волочской грамоты уравнивал в правах всех торговцев вне зависимости от наличия у некоторых из них тарханных грамот. Тамгу и померное предписывалось брать с любого из них в соответствии с нормами этого документа, и одновременно запрещалось взимание каких-либо иных сборов. В 1551 г. на Белоозере номенклатура пошлин была шире, а перечис-

ление обязанных их платить торговых людей пространнее за счет специального упоминания царевых, царицыных, митрополичьих, владычных, княжих, боярских, монастырских и даже грамотчиков, каковым и мог оказаться любой из названных ранее. Здесь опять же правила, устанавливаемые обеими грамотами, тождественны.

Обратимся к тем пунктам устава 1551 г., аналогов которым не нашлось в волочском документе. Прежде всего стоит упомянуть наставление пошлинникам честно выполнять свои обязанности и не искать при этом собственной корысти. Само по себе уместное в любом из подобных случаев, это наставление оказалось за рамками текста 1602 г. по той причине, что сборщики пошлин в Волочке Словенском были подведомственны монастырю и назначались монастырскими же властями. Соответственно и забота об их деловой чистоплотности лежала на игумене и братии, но никак не на представителях центрального правительственного аппарата, создававших устав 1602 г.

Не нашло места в грамоте 1602 г. и указание на обязанность пошлинников сдавать полученные при сборах деньги казначеям. Естественно, монастырские пошлинники должны были все деньги отдавать в монастырскую казну, из которой затем платился двухрублевый оброк в приказ Большого прихода.

Одно из положений устава 1551 г. было посвящено прибывавшим на Белоозеро служилым людям, одни из которых приезжали без товаров и потому не должны были платить никаких пошлин, другие же принуждались к уплате, так как занимались торговлей.

Не нашли отражения в волочском документе положения о платеже пошлин при покупке холопов и лошадей. Если первое не являлось актуальным в условиях торга в населенных крестьянами монастырских владениях, то второе относительно собственно монастырского хозяйства составляло прерогативу монастырских властей в соответствии с установлениями жалованной грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю 11 марта 1577 г., имеющей подтверждения царей Федора Ивановича и Бориса Годунова.[9] Естественно, не упоминала грамота 1602 г. о возможности продажи лошадей без уплаты пятна и о штрафе за такое нарушение правил торговли.

Специфическое условие белозерского документа, освобождающее белозерского горожанина от уплаты тамги при совершении сделок купли-продажи в границах города Белоозера, не могло быть актуальным для жителей Волочка Словенского и их гостей. Равным образом это касалось и пункта о продаже речных судов, если бы занимались этим делом местные белозерские или приезжие торговые люди. Волочек Словенский находился на старинном пути в той его части, где суда перетаскивались волоком по суше. Подобное условие не способствовало ни строительству здесь новых судов, ни продаже достигших переволоки старых.

Особые пункты в 1551 г. запрещали торговлю приезжих из Московской, Тверской и Новгородской земель и изо всех белозерских монастырей, включая Кириллов и Ферапонтов, «за озером» и где-либо в волостях Бело-

---

[9] *Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 286. № 73.

зерского у., кроме волости Углы, разрешая такую деятельность только белозерским посадским людям. Естественным образом эти положения не могли читаться в грамоте Бориса Годунова 1602 г., как не могло там же быть записано и указание о взимании хоженого наместничьим приставом, содержащееся в Белозерском уставе.

Не имело смысла писать в грамоте, действие которой ограничивалось пределами конкретной монастырской вотчины, о правилах взимания пошлин на гостиных дворах или штрафов за отказ от уплаты этих пошлин за отсутствием самих гостиных дворов.[10] По этой причине значительная часть положений устава 1551 г. не имеет аналогов в тексте 1602 г.

Таким образом, отсутствие в грамоте о торге в Волочке Словенском в 1602 г. целого ряда норм, регулирующих сбор торговых пошлин в Белоозере в 1551 г., объясняется тем, что они не находили бы применения в условиях проведения коммерческой деятельности в монастырском селе в начале XVII в. Почти все положения, актуальные для этой деятельности в 1602 г., аккуратно перенесены в новый текст и принципиально совпадают с установлениями Белозерской таможенной грамоты 1551 г. Если не считать отмеченной вероятной ошибки при изложении правил взимания померного с жита, то единственными существенными отличиями остаются четырехкратное превышение пошлинных окладов в монастырской вотчине с приезжих из Белозерского у. торговых людей и сбор «за церковную пошлину, что емлют на Москве». Тогда как последнее находит объяснение в общих изменениях системы таможенных пошлин, произошедших в течение второй половины XVI в., то первое было, видимо, вызвано стремлением предоставить более льготные условия торговли в монастырских владениях монастырским же крестьянам путем повышения размера пошлины для сторонних торговцев, хотя они были такими же жителями Белозерского у.

Для подтверждения наших выводов обратимся к тексту другого подписанного все тем же дьяком Василием Нелюбовым сыном Суковым документа — уставной таможенной грамоты с. Семеновскому в Пошехонском у. 15 марта 1598 г., ставшей образцом для устава Волочку Словенскому 1602 г.[11]

---

[10] В Белоозере было два гостиных двора (*Барашкова В. С.* Торговые связи Белозерского края в XVI—начале XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 26).

[11] Грамота обнаружена в ходе проведения работы по подготовке публикации актов Кирилло-Белозерского монастыря, проводимой С. В. Стрельниковым и автором этих строк, в хорошо известном сборнике копий «государевых» грамот этого монастыря, созданном в XVII в. (ОР РНБ. СПбДА. AII/47). Другой ее список содержится в не менее известной копийной книге монастырских актов (ОР РНБ. СПбДА. AI/17). Его тексту Г. П. Енин присвоил заголовок «Жалованная грамота ц. Бориса Федоровича Годунова из приказа Большого прихода за приписью дьяка Василия Нелюбова иг. Кирилло-Белозерского м-ря Корнилию о переносе по его челобитью торжка из поместья кн. Ивана Вадбальского с. Кодобоя в монастырское с. Семеновское в Пошехонье» (*Енин Г. П.* Описание документов XIV—XVII вв. в копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 1994. № 794).

Сравнение текстов документа по обоим спискам показывает, что между ними имеются разночтения, однако список AI/17 сохранил текст отчасти точнее и полнее, к примеру, только в нем имеется запись о справке подьячего. По этой причине этот

Из содержания этого нового документа явствует, что существовавшие ранее в Пошехонском у. три торжка были сведены воедино в поместье князя Ивана Вадбальского в с. Кодобое на условиях уплаты князем шестирублевого оброка в царскую казну. Монастырские власти обвинили помещика в том, что жители принадлежавших обители сел Семеновского, Скарповского и Тутановского в результате стали подвергаться со стороны людей землевладельца побоям и грабежу, а таможенные пошлины с них, как и с других торговых людей, взимались с нарушением требований уставной грамоты. Одновременно игумен и братия указывали, что в прежнее время торг располагался в первом из перечисленных монастырских сел, и эту старину монахи просили восстановить, переведя его из Кодобоя в Семеновское. Эта просьба была исполнена, а для регулирования сбора таможенных пошлин в грамоте были прописаны соответствующие нормы.

Поскольку устав Волочку Словенскому был в целом списан с устава с. Семеновскому, отметим лишь отличия в их содержании.

Первым из них является отсутствие в пункте о привозе к месту торговли стяга мяса приравнивания последнего тридцати сырам. Выглядевший достаточно странным такой пропуск вполне мог бы быть объяснен гаплографической ошибкой автора списка документа в составе книги копий, столкнувшегося со множественным повторением выражения «стяг же мяса». Однако в другой копийной книге, также сохранившей текст семеновского устава, слова «тритцать сыров стяг же мяса» отсутствуют, что позволяет считать отсутствующими их и в подлиннике грамоты.

После пункта о доставке на торг крупных партий рыбы или соли, содержащегося и в уставе Волочку Словенскому, в семеновской грамоте читается предписание о взимании пошлин со служилых людей только в том случае, если они занимаются торговлей, которое совпадает с соответствующим местом в Белозерской грамоте 1551 г., но отсутствует в волочском документе.

В статье волочского устава, трактующей правила явки торговыми людьми своих товаров, имеется запрет предварительной выгрузки из телег или саней, но семеновская грамота дополняет его запретом выносить товар из судна, что читается и в тексте 1551 г. Вполне вероятно, что сохранение запрета в семеновском уставе объясняется местным ландшафтом, включающим в себя и относительно крупные реки, пригодные для судоходства.

Если устав 1602 г. предписывает брать тамгу и померное со всех торговых людей, включая тарханщиков, то семеновская грамота этих последних не упоминает, что еще не означает различного подхода к данной категории торговцев, если учитывать, что в волочском документе говорилось вообще

список выбран в качестве основного при публикации тскста грамоты. К сожалению, документ остался не известным А. Т. Николаевой, составившей в свос время псречень всех известных уставных таможенных грамот (*Николаева А. Т.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // ИЗ. М., 1950. Т. 31. С. 264—266).

Село Семеновское в 1565/66 г. было куплено монастырем за 500 руб. у князей Ухтомских, ранее уже отдававших свои владения в заклад будущему покупателю (РГАДА. Ф. 281. ГКЭ по Пошехонью № 7/9685; 17/9695; 20/9698; 21/9699; *Енин Г. П.* Описание документов XIV—XVII вв. в копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря... 1950. № 765, 787; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. С. 166—167).

о «всяких торговых людях», что не давало повода исключать из их числа обладателей тарханных грамот.

В завершающей статье семеновского устава специально оговаривается обязанность уплаты семеновскими крестьянами семирублевого оброка в приказе Большого прихода ежегодно 1 марта. Аналогичного пункта в волочском уставе нет, но указание на платеж двухрублевого оброка с волочского торга содержится в других распорядительных документах, поэтому данное различие двух грамот не может рассматриваться как принципиальное.

Сравнение текстов уставов 1598 и 1602 гг. показывает, что отличия последнего из них от Белозерской грамоты 1551 г., кроме пункта о служилых людях, полностью повторяются в первом. Размеры взимаемого штрафа за нарушение таможенных правил в обоих документах — 1598 и 1602 гг. — одинаковы, что подтверждает ранее высказанное мнение, будто предполагаемая ошибка, обязывающая к уплате за меньшее преступление большего штрафа, была перенесена в волочский устав из семеновского. И если заголовок грамоты Волочку Словенскому «Список с уставные грамоты Пошехонского уезда села Семеновского слово в слово» не совсем отражает реальное состояние дела, то по существу нормы сельских уставов принципиально совпадают. В то же время необходимо заметить, что отмеченные отличия между ними носят не случайный характер, но обусловлены всякий раз спецификой работы служащих приказного аппарата или местными особенностями географического или юридического плана.

Причины же отличия содержания и объема установлений сельских уставов от Белозерского 1551 г. обозначены ранее и одинаково значимы для них обоих.[12]

На основании сделанных наблюдений при сравнении Белозерской и волочской грамот можно сделать вывод о тождестве норм взимания таможенных пошлин на территории Белозерского у. в целом вне зависимости от статуса или владельческой принадлежности населенного пункта, в котором их сбор производился. Важным в этом отношении был лишь объем льгот, предоставляемых центральными властями местным торговым людям.

Практическое совпадение положений волочской и семеновской грамот и тем самым полное соответствие записанных во второй из них норм предписаниям Белозерского устава позволяет говорить, с одной стороны, о неизменности норм сбора таможенных пошлин на протяжении всей второй половины XVI и начала XVII в., а с другой — об отсутствии различий в рамках более широкого региона, обнимающего Белозерский и Пошехонский уезды, вместе некогда входивших в состав территории Белозерского княжества.[13]

1598 г. марта 15. — Уставная грамота сбора таможенных пошлин в с. Семеновском Пошехонского у.

(л. 195) Список з государевы грамоты на семеновской торжек.

Лета 7106-го марта в 15 день.

---

[12] В частности, освобождение семеновских сельчан от уплаты пятна обусловлено жалованной грамотой 9 марта 1577 г. (*Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в. С. 282. № 72).

[13] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 313.

Бил[14] челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии Пречистые богородицы Кирилова монастыря игумен Корнилей з братьею, а сказали, в Пошехонском де[15] уезде были истари три торшки,[16] торжек в Матфеевском,[17] да торжек на Новом, да торжек на Кодобое, и ныне[18] де те три торшки[19] все сведены в один торжек в[20] князь[21] Иваново поместье Вадбалского в село на Кодобой, а таможенные[22] де пошлины[23] с того торшку[24] князь Иван платит[25] только шесть рублев, а их де Кирилова монастыря крестьян[26] села Семеновского и Карповского[27] и Тутановского на том торжку[28] князь Иван с своими людьми бьет и грабит, и от его де насильства их монастырьским крестьяном[29] чинятца теснота и убытки великие, и таможенные[30] де пошлины[31] у торговых людей со всяких товаров емлют не по государеве уставной грамоте. А преж де сего тот торжек бывал в их монастырьской вотчине в селе[32] Семеновском. И государь бы царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии его, игумена, пожаловал, велел тот торжек ис Кодобоя перевести в их монастырьскую вотчину в село в Семеновское для того, что преж сего в том[33] селе (л. 195 об.) в[34] Семеновском торг бывал же.

И государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии Кирилова монастыря игумена Корнилья з братьею[35] пожаловал, велел им из[36] села[37] Кодобоя перевести в их монастырьское село в Семеновское, а в Кодобое впредь торгу не быти. А сьезжатися торговым людем со всякими товары в село в Семеновское и торговати и таможенные[38] пошлины збирать по уставной грамоте.

Хто привезет в[39] село Семеновское Пошехонского[40] уезда товар свои, и таможенником[41] у них имати со всякого товару с рубля по две деньги.

---

[14] В СПбДА. AII/47 далее: нам.
[15] В СПбДА. I/17 нет.
[16] В СПбДА. AII/47: торжки.
[17] В СПбДА. AII/47: Матвеевском.
[18] В СПбДА. AII/47: нынече.
[19] В СПбДА. AII/47: торжки.
[20] В СПбДА. AII/47: во.
[21] В СПбДА. AII/47: князя.
[22] В СПбДА. AII/47: таможные.
[23] В СПбДА. AII/47: пошлны.
[24] В СПбДА. AII/47: торжку.
[25] В СПбДА. I/17 исправлено на: платил.
[26] В СПбДА. AII/47: хрестьян.
[27] В СПбДА. AII/47: Скарповского.
[28] В СПбДА. AII/47: торшку.
[29] В СПбДА. AII/47: хрестьяном.
[30] В СПбДА. AII/47: таможные.
[31] В СПбДА. AI/17: пошлны.
[32] В СПбДА. AII/47 далее: в.
[33] В СПбДА. AII/47 далее: их.
[34] В СПбДА. AII/47 нет.
[35] В СПбДА. AII/47 слов «Кирилова монастыря игумена Корнилья з братьею» нет.
[36] В СПбДА. AII/47: ис.
[37] В СПбДА. AII/47 далее: ис.
[38] В СПбДА. AII/47: таможные.
[39] В СПбДА. AII/47 далее: то.
[40] В СПбДА. AII/47: Пошохонъского.
[41] В СПбДА. AII/47: таможником.

А которые торговые люди села Семеновского ис Пошехонсково уезда купит[42] себе на лавку мед, или икру, или рыбу, или соль, или бочку сельдей, и таможенником[43] имати с того с одного по полуденьге.

А хто привезет Пошехонсково уезда и тутошного села Семеновского стяг мяса, и таможником имать с[44] стяга по полуденьге; а десять полотъ стяг же мяса, а десять боранов стяг же мяса, дватцать гусей стяг же мяса, дватцать зайцов стяг же мяса, тритцать утят стяг же мяса, тысеча яиц стяг же мяса.

А хто пригонят[45] на торг скот рогатой, и с того имати по полуденьге.

А хто привезет (л. 196) лук и[46] чеснок, орехи, яблоки, мак, золу, лен, деготь,[47] и им имати с воза и с[48] саней по деньге.

А повезет хто ис села Семеновского бочку рыбы, или кадь рыбы, или мех соли, или рогозину соли, или пошев соли, и таможенником[49] имати у них со всего с того по полуденьге.

А служивой которой поедет без товару, и[50] с того пошлин не имать. А учнет служивой человек каким товаром торговать, и с его товару таможенные пошлины по тому ж имать,[51] как и с торгового человека.

А торговым людем всем всякие товары свои являти таможенником,[52] не складывая с телеги, и с саней, и[53] ис[54] судна не вынося; а хто, не явя таможенником,[55] сложит товар свой с воза, или[56] с телеги, или с[57] судна вынесет, и он то протамжил, и тому человеку товар его ему назад, а с него протаможья[58] взять два рубля: рубль в государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии казну, а другой рубль[59] таможенником.[60]

А хто протаможит[61] своего товару на рубль, ино товар его ему назад, а с него протаможья тритцать алтын без гривны.

А хто протаможит[62] товару своего больше[63] рубля, а дву рублев меньши, или меньши рубля, (л. 196 об.) ино товар ему назад, а с него протаможья имати по росчету против дву рублев, колько доведетца.

---

[42] В СПбДА. AII/47: купити.
[43] В СПбДА. AII/47: таможником.
[44] В СПбДА. AII/47 нет.
[45] В СПбДА. AII/47: пригонит.
[46] В СПбДА. AII/47 нет.
[47] В СПбДА. AII/47: дегодь.
[48] В СПбДА. AII/47 нет.
[49] В СПбДА. AII/47: таможником.
[50] В СПбДА. AII/47 далее: им.
[51] В СПбДА. AII/47 нет.
[52] В СПбДА. AII/47: таможником.
[53] В СПбДА. I/17 нет.
[54] В СПбДА. AII/47: из.
[55] В СПбДА. AII/47: таможником.
[56] В СПбДА. AII/47: и.
[57] В СПбДА. AII/47: из.
[58] В СПбДА. AII/47: протажья.
[59] В СПбДА. AII/47 нет.
[60] В СПбДА. AII/47: таможником.
[61] В СПбДА. AII/47: протамжит.
[62] В СПбДА. AII/47: протамжит.
[63] В СПбДА. AII/47: больши.

А померное[64] имати со пшеницы, и со ржи, и с овса, и с ячмени, и с солоду, и с конопель, и з гречи,[65] и з гороху, и з заспы, и с толокна, и с репы, и с хмелю, и с рыбы с сухия,[66] и с вандышев имать с продавца с четырех четвертей[67] московских деньга;[68] а будет больши или меньше[69] четырех четвертей,[70] и им имать померное по росчету; а тамги им з жита не имать.

А хто продаст всякого жита воза два или три без меры, или хто купит не в их пятенную меру, ино с него заповедь два рубля: рубль в государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии казну, а другой рубль померщиком.

А будет хто продаст всякого хлеба меньши осмины, и оне того померщиком не являют и померного не платят.

А с москвитина и всех городов и станов и волостей Московского государьства имати тамги[71] по четыре деньги с рубля.

А имати им тамга и померное со всех людей, чей хто ни буди, как в ней писано. А платить с того торшку[72] семеновским крестьяном[73] в государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии казну в Большей приход по семи рублев на год на срок марта в 1 день.

К сей грамоте государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии велел печать свою приложить.

А позади грамоты:[74] подписал[75] государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии дияк Василей Нелюбов.

Справка подьячево Ивана Симанова.[76]

РНБ. СПбДА. AI/17. Л. 195—196 об. Список XVII в.

РНБ. СПбДА. AII/47. Л. 246 об.—249 об. Другой список XVII в.

---

[64] В СПбДА. AII/47: померные.
[65] В СПбДА. AII/47: гречих.
[66] В СПбДА. AII/47: сухие.
[67] В СПбДА. AII/47: чети.
[68] В СПбДА. AII/47: даньга.
[69] В СПбДА. AII/47: меньши или больши.
[70] В СПбДА. AII/47: чети.
[71] В СПбДА. AII/47: тамга.
[72] В СПбДА. AII/47: торжку.
[73] В СПбДА. AII/47: хрестьяном.
[74] В СПбДА. AII/47 слов «а позади грамоты» нет.
[75] В СПбДА. AII/47: а подписал.
[76] В СПбДА. AII/47 записи о справке нет.

М. С. Черкасова

К ИЗУЧЕНИЮ ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СТРУКТУР НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XVI—НАЧАЛЕ XVIII в.

Одним из плодотворных путей углубленного анализа ряда проблем истории феодальной Руси (форм управления, собственности, эксплуатации) может быть сопоставление государственных и церковных структур. Их генетическую близость и взаимное «уподобление» отмечал Д. Е. Гневашев в содержательной статье о чиновно-служилом дворе Вологодского архиепископа в XVII в.[1] В плане трансформации полюдья в систему кормлений интересный опыт такого сопоставления предпринял В. Д. Назаров. Он обратил внимание специалистов на ретроспективные возможности «нетрадиционных актовых источников» — жалованных грамот церковных иерархов XV—XVI вв. Они были адресованы, как правило, церковным причтам некоторых сел и содержали целостный комплекс терминов и понятий, отражающий архаичные порядки управления и финансов эпохи полюдья.[2] Считая свои наблюдения предварительными, В. Д. Назаров подчеркнул, что они нуждаются в многосторонней проверке путем расширения соответствующей источниковой базы.

Такое расширение возможно благодаря более внимательному прочтению уже введенных в научный оборот княжеских и царских иммунитетных актов, а также обработке малоизвестной делопроизводственной документации XVII в. (приходо-расходные, окладные книги и наказные грамоты архиереев своим детям боярским). С разной степенью полноты и детализации в них нашли отражение состав должностных лиц архиереев, подвижные и стационарные способы осуществления ими своих прерогатив и их территориальное распространение, номенклатура взимаемых поборов. В предлагае-

---

[1] *Гневашев Д. Е.* Двор вологодского архиепископа в XVII в. // Региональные аспекты исторического пути православия: Архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. С. 139—149.

[2] *Назаров В. Д.* Полюдье и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной земельной собственности и государственной эксплуатации. (Ранний и развитой феодализм). Чтения, посвященные памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988. Вып. 1. С. 165—170.

© М. С. Черкасова, 2007

мой статье анализируются некоторые актовые источники и делопроизводственная документация по Вологодской епархии и Ростовской митрополии, относящиеся к севернорусским уездам (Вологодскому, Устюжскому, Сольвычегодскому, Яренскому).

Владычные объезды и налогообложение.

Присутствие в грамоте пермско-вологодского архиепископа Алексея 1539 г. Кирилло-Белозерскому монастырю термина «*заезщики*» и налоговых сборов — «*конюховое*», «*поварское*», «*казенные алтыни*», «*полюдная пшеница*» — указывает на специализацию функций и налоговых отчислений участникам владычного «поезда» при посещении («заезде») приходов. В данном случае речь идет о сельских церквах в пределах кирилловских вотчин в Кубенской и Сямской волостях, на которые распространялось действие разбираемой грамоты. Такие порядки существовали и в Масленской волости (Окологородняя десятина), где располагалось с. Усово Кириллова монастыря, причт которого был освобожден от архиерейских взиманий по аналогичной грамоте вологодского епископа Киприана 1547 г.[3] Терминология названных грамот находит параллель в рядной крестьян Робичинской волости о повинностях и дарах около 1460 г. (состав участников архимандричьего «поезда» и дифференцированное отчисление каждому из них доли взиманий).[4]

Архаический набор налогов в архиерейскую казну обнаружен нами в окладной книге городских и сельских приходов г. Великого Устюга и Устюжского у. 1625 г. Книга была составлена по приказу Ростовского митрополита Варлама устюжским десятильником Г. В. Чубаровым и имеет позднейшие приписки за 1628—1636 гг. В ней помимо основного сбора — церковной дани — по каждому сельскому приходу отмечены коммутированные выплаты: 1) за объезд десятильника; 2) за его корм и пошлины; 3) за корм и пошлины доводчику; 4) за взносы «людям» (скорее всего, людям десятильника); 5) за объезд доводчика.[5] Денежные единицы, в которых взимались поборы, названы по-разному: дань, за корм десятильнику и его людям — белами, остальное — алтынами и деньгами. В книге указан общий оклад церковной дани по Устюгу и уезду — 4775 бел, а из пометы в ее оригинале следует, что бела приравнивалась к одной деньге.[6] Если это так, то оклад церковной дани с городских и сельских приходов составлял 23.8 руб. По-видимому, «писчая белка» тоже являла собой 1 деньгу. Любопытно, что размер самой дани в белах по каждому приходу в окладной книге 1625 г. и сопоставимой с ней более поздней («зборной») 1682 г. книге совершенно совпадает. Общее увеличение обложения приходов достигалось в конце XVII в. за счет коммутации отдельных поборов 1620-х гг. — кутейного, кормовых и пошлин десятильнику и доводчику, людских и писчей белки, объединявшихся в 1682 г. в комплекс «денежных доходов».

Упоминаемые в окладной книге 1625 г. взимания за объезд десятильника и доводчика ретроспективно отражают существовавшие когда-то в Ростов-

---

[3] Сб. РИБ. Пг., 1915. Т. XXXП (Архив П. Строева. Т. 1). № 167.

[4] ГВНП. № 115.

[5] Сб. РИБ. СПб., 1894. Т. XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. Стб. 888—916.

[6] Там же. Стб. 910.

ской епархии порядки, аналогичные древнерусскому полюдью. Оно может пониматься не столько как непосредственно объезд определенной территории с целью сбора дани, осуществления административно-судебных, организационно-хозяйственных функций, сколько как корм, причитающийся его участникам («людям»). Использование такой денежной единицы, как «белы», усиливает ощущение архаики, отразившейся в окладной книге 1625 г. Для района Устюга сравнительно раннее упоминание «бел» находим в Двинской уставной грамоте 1397 г.[7] Находим «белы» и в жалованной оброчной грамоте ростовского архиепископа Кирилла причту Афанасьевской церкви в Сольвычегодске 1535 г. Ею устанавливался оброк в архиерейскую казну на Рождество Христово пол-30 бел, десятильнику 5 бел, доводчику 2 белки.[8]

Размеры десятинничьего «*объезда*» в окладной книге 1625 г. сильно варьируют (от 2 до 20 алтын), коррелируя, вероятно, с населенностью приходов и реальным расстоянием между ними и г.Устюгом, где сидел десятильник ростовского митрополита. Например, с отдаленных приходов Вилегодской волости и Лальского острога платилось по 17—20 алт. объезда и по 130—160 бел дани.[9] Это максимальные показатели изучаемой книги. В отношении погостов Вилегодской волости (Ильинского, Покровского, Никольского и на Усть-Виляди), а также Лузской Пермицы можно предположить, что по делам гражданского управления они были приданы к Устюгу при Иване III, хотя исторически тяготели к Пермской епископии, входя в район Вычегды, где развернулась миссионерская деятельность Стсфана Пермского. «Присуд устюжский» и какая-то «устюжская жалованная грамота» фигурируют в актах Ивана III начала 1480-х гг. (одна — жителям Перми Вычегодской, другая — пермскому епископу Филофею).[10] Вероятно, одновременно с этим произошла их передача по делам церковным в ведение Ростовской архиепископии.

Возвращаясь к окладной книге Ростовского митрополита 1625 г., заметим, что в ней отразилась практика замены различных поборов и взносов единообразным денежным оброком, оформляемая специальными митрополичьими грамотами и напоминающая аналогичную практику выдачи княжеских и царских жалованных оброчных грамот. Такая замена известна и по некоторым митрополичьим грамотам конца XV в.[11] В окладной книге 1625 г. подобные грамоты упомянуты применительно к устюжским монастырям: Михайло-Архангельскому, Иоанно-Предтеченскому, Троице-Гледенскому, Двинскому Телегову. Платеж с некоторых приходов также был переведен на оброк «за дань и все пошлины» в год.

Отголоском архаичной системы взиманий может служить терминология и более позднего источника — «зборной книги церковной дани» по Устюгу

---

[7] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 7 (далее — АСЭИ).

[8] *Черкасова М. С.* Актовые источники в составе некоторых «историко-статистических описаний» церковных приходов севера. Приложение. № 1 // Важский край. Источниковедение. История. Культура. Исследования и материалы. Вельск, 2006. Вып. 3. С. 165.

[9] РИБ. Т. XIV. Ч. 2. Стб. 900—901.

[10] АСЭИ. Т. 3. № 291, 291а.

[11] Там же. № 246.

и Устюжскому у. от 8 апреля 1682 г. (накануне выведения этой территории из-под юрисдикции Ростовского митрополита и образования самостоятельной Устюжской епархии). Книга была составлена выборным поповским старостой попом Варварской церкви г. Устюга Андреем. В ней по некоторым приходам встречается такое взимание, как «казначейские деньги».[12] По ряду других приходов указан комплексный сбор «за убылую Белозерскую десятину и *подъездных* и казначейских» столько-то алтын/денег (Белоозеро было выведено из-под церковной юрисдикции Ростовского митрополита и передано Вологодскому епископу в 1658 г.). Упоминание подъездных денег ведет к тому далекому времени, когда архиереи приезжали в подчиненные им приходы, или это указание на самый взнос в пользу архиепископа. На происходившую в XVII в. коммутацию архиерейской ренты с приходов дополнительно указывает такой побор, как «кормовые деньги» (без детализации, чьими они были — десятильника или доводчика).

В «зборной книге» 1682 г. имеется специальный раздел — «книги десятилнич почестным денгам». Судя по формуляру записей в нем, сами попы с крылошанами определяли величину десятильничьего почестья («Пятницкие попы Иван да Алексей положили десятилнич почести 4 гривны»). Размер этого взноса также очень варьирует, и заметна прямо пропорциональная зависимость от общей величины оклада церковной дани, по-прежнему выраженной в «белах». Из одной устюжской приходо-расходной книги 1681 г. следует, что выплата «почестья» самому митрополиту и лицам его администрации производилась в Ростове поповскими старостами, привозившими в архиерейскую казну различные собранные ими деньги. При этом размеры почестья каждому лицу зависели от занимаемого им ранга: казначею, дьяку, приказному, первому подьячему, второму подьячему.[13]

Владычные наместники.

Несомненный интерес представляет институт владычного *наместника*, сигнализирующий о переходе от объездной (или ее элементов) к стационарной системе архиерейского управления. Раннее упоминание его мы находим в жалованной грамоте на имя игумена Ризоположенского Комельского монастыря Арсения Сахарусова 1543 г.[14] Согласно ей, «*архиепископлевы* наместники, праведчики, доводчики и *заезщики*» действовали наряду с великокняжескими наместниками, волостелями, доводчиками, праведчиками. Судебные прерогативы двух инстанций сформулированы в позитивной форме и на паритетных началах, а в действительности их разграничение зависело от характера дела — относилось ли оно к уголовной или чисто церковной (=духовной) юрисдикции. «Явка» владычному наместнику или десятильнику требовалась при переходе сельских попов от одной церкви к другой.[15] В данном случае «явка» напоминает «явленную куницу» ряда

---

[12] ОР РНБ. Общество любителей древней письменности (далее — ОЛДП). Q.752. — Подлинность книги удостоверяется скрепой Успенского соборного протопопа Максима и самого составителя — попа Андрея.

[13] РИБ. СПб., 1890. Т. XII. Стб. 541.

[14] *Суворов Н.* Описание Арсениева-Комельского монастыря Вологодской епархии. Вологда, 1870. С. 30—32.

[15] Сб. РИБ. Пг., 1915. Т. XXXII. № 197.

архиерейских актов, происходящих из разных епархий. Сближено употребление терминов «наместники и волостели вологодские» и «владычные десятильники» в жалованной грамоте вел. кн. Ивана Васильевича Корнильево-Комельскому монастырю 1538 г.[16] Если гражданские агенты судили население иммунитетных вотчин по наиболее тяжким уголовным преступлениям (душегубству, татьбе и разбою), то владычные десятильники — по делам духовным.

Однако последовательного употребления терминологической пары — «архиепископли наместники и тиуны» — в актовых источниках XVI—XVII вв. не прослеживается. В этом отношении показательны подтвержде-

ния названной выше грамоты Аресеньево-Комельскому (Ризоположенскому) монастырю 1543 г. Если при подписании ее 23 июня 1550 г. (дьяк Роман Казаков) порядок суда был точно повторен, как в грамоте 1543 г., то в подписи 31 мая 1551 г. (дьяк Юрий Сидоров) упоминался суд царского «богомольца» владыки Пермского и Вологодского (без имени) «с тиуны» только над строителем или игуменом, но не над крестьянами. При подписаниях в 1592 г. (дьяк Никита Румяной) и 1617 г. (дьяк Иван Болотников) положение о владычном суде вообще отсутствовало. При подтверждении в 1621 г. (дьяк Семен Головин) появилась статья о беспошлинной явке данной грамоты вологодским *воеводам*, приказным людям и волостелям, а также «архиепископлю *наместнику*... и они с нее не дают ничего».[17] Известная по широкому кругу источников, «явка» в данном случае отражает платный характер предъявления предшествующих актов различным агентам светских или церковных властей.[18]

Указания на «архиепископлих наместников» нет в грамотах другим вологодским монастырям, расположенным в Комельской же волости. Например, в общей жалованной грамоте царя Михаила Федоровича Спасо-Печенскому монастырю 1614 г. беспошлинная явка документа настоятелем предусматривалась лишь вологодскому наместнику, комельскому волостелю и их тиунам.[19] В грамоте тому же монастырю 1621 г. в статье о беспошлинной явке грамот фигурируют вологодские *воеводы*, дьяки, приказные всякие люди, а в пригородах — *наместники*, волостели, пошлинники и откупщики.[20]

По-разному было сформулировано положение о духовном суде местного архиерея над игуменами, братией и зависимым крестьянством в грамотах вологодским монастырям первой четверти XVII в. При всех несущественных различиях грамот (они приведены ниже) показательна последовательность в фиксации духовного суда. В грамоте Николо-Катромского монастыря (1621 г.) монахов, крестьян и слуг «судит богомолец наш Вологодский архиепископ Корнилий»; в грамотах Спасо-Рабангского, Сямского Богородице-Рождественского (1624 г.) и Антоньевой Введенской пустыни (1625 г.) «судит богомолец наш архиепископ Вологодский и Велико-

---

[16] *Амвросий.* История российской иерархии. М., 1812. Ч. IV. С. 706.

[17] *Суворов Н.* Описание... С. 33—35. — Публикация Суворова изобилует сильными искажениями фамилий дьяков и другими неточностями.

[18] *Назаров В. Д.* Полюдье и система кормлений... С. 163—164.

[19] ГАВО. Ф. 496 (Вологодская консистория). Оп. 1. Кн. 1483. Л. 30.

[20] Там же. Л. 34.

пермский (без имени. — *М. Ч.*)»; так же в грамоте Сямженского Евфимьева монастыря (1624 г.), но с добавлением «по правилом святых отец»; в грамоте Александро-Куштского монастыря (1623 г.) с добавлением «по соборному уложению»; в грамоте Николо-Подольного монастыря 1617 г. «богомолец наш владыка Вологодский», а в грамоте 1629 г. «судит богомолец наш архиепископ Вологодской и Великопермский» (имя тоже не указано); у Успенского Песочного (1624 г.) такой статьи вообще не было.[21]

Налоговые взимания «заезд» и «подъезд», полагающиеся лицам архиерейской администрации, фигурируют в грамотах не только церковных иерархов, но и царей, например в грамоте Михаила Федоровича о невмешательстве вологодского воеводы В. М. Бутурлина и дьяка Т. Агеева в духовные дела 1620 г.[22] «Заезд», «заезщичьи пошлины» фигурируют и в иммунитетных грамотах ростовских архиереев XVI в.[23] Митрополичьи заезщики (наряду с десятильниками и «всякими пошлинниками») не должны были въезжать в вотчины Корнильево-Комельского монастыря, согласно грамоте Василия III 1529 г.[24] В иммунитетных актах новгородских иерархов 1579 и 1583 гг. «заезд» фигурирует среди прочих пошлин церковного причта десятильникам (корма и дара). Архиерейские заезщики вместе с недельщиками и десятильниками давали на поруку и бессрочно доставляли в духовный суд тех попов, кто нарушал каноническое право при венчании (в роду, племени, сватовстве и кумовстве).[25]

В некоторых царских актах и приходо-расходных книгах первой четверти XVII в. употреблялся термин «*сиделые десятильники*». Такое определение встречаем в упомянутой выше указной царской грамоте 1620 г.[26] «Сидели» они в городах обширной Вологодской епархии — Яренске, Пустозерске, Усть-Выми, Чердыни, Соли Камской. По именам в приходо-расходных книгах фигурируют десятильники в отдаленной восточной (по отношению к Вологде как епархиальному центру) Вожемской десятине: Первой Патрикеев (1627 г.) и Андрей Палицын (1632 г.). П. Патрикеев собрал и направил в архиерейскую казну 20 руб., а А. Палицын — 90 руб. церковной дани и всяких доходов. «Сиделым» десятильником еще в одной далекой десятине Вологодской епархии — Перми Великой (с городами Чердынь и Соль Камская) — в те же годы являлся Сидор Аврамьев.[27]

Примечательно, что из царских актов после 1620 г. термин «наместники», обозначающий глав кормленной системы владыки, почти исчезает

---

[21] *Саввантов П.* Описание Успенской Семигородней пустыни и упраздненного Николаевского Катромского монастыря. СПб., 1856. С. 43; *Суворов Н.* Сямский Богородице-Рождественский монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1896. С. 4; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 1483. Л. 3 об., 9 об., 14; Ф. 512 (Спасо-Прилуцкий монастырь). Оп. 1. Кн. 25. Л. 9; ОР РНБ. Основное собрание рукописей книг (далее — ОСРК). F.I—788. Л. 7, 265 об.

[22] *Бычков И. А.* Вологодские акты // ЛЗАК за 1864 г. СПб., 1865. Вып. 3. С. 10—11.

[23] Сб. РИБ. Т. XXXII. № 148, 262—265; ОР РНБ. ОСРК. Q.-II. 113а. Л. 629 об., 633 (грамота митрополита Антония 1572 г.), 643 об. (опубл.: Сб. РИБ. Т. XXXII. № 286), 649; *Назаров В. Д.* Полюдье и система кормлений... С. 163.

[24] *Амвросий.* История российской иерархии. С. 717 (пересказ в грамоте 1618 г.).

[25] ОР РНБ. ОСРК. Q.-II. 113а. Л. 631; РИБ. Т. XXXII. № 307.

[26] ЛЗАК за 1864 г. СПб., 1865. Вып. 3. С. 10.

[27] ГАВО. Ф. 948 (Вологодский архиерейский дом). Оп. 1. Кн. 3. Л. 2, 135 об.

одновременно с его заметным упоминанием в приходо-расходных книгах архиереев. Одно из поздних упоминаний наместника встречается в указной грамоте архиепископа Маркелла на Устюг своему наместнику Даниле Столбицкому о церковном благочинии 1651 г.[28] Этот факт сам по себе примечателен, поскольку Устюг до 1682 г. в церковном отношении подчинялся Ростову. Конкретные же наместники вологодской кафедры поименно известны как раз в 1620-е гг. по Усть-Выми. В этом древнейшем центре Пермско-Вологодской епархии, основанном еще Стефаном Пермским в конце XIV в., наместничество было двойное — в приходо-расходных книгах фигурируют как одновременно функционирующие два «*старых наместника*» Петр Озеров и Никифор Александров, а после них — братья Борис Исакович и Глеб Исакович Патрикеевы. Приведем параллель с двойным наместничеством в Вологде, правда более раннего времени: оно отмечено в 1489/90 г. в указной с прочетом грамоте Ивана III наместникам Г. В. Заболоцкому и И. Г. Морозову.[29]

Возможно, что предшественники усть-вымских наместников в XVI в. назывались «приказчиками», и это термины тождественные, только хронологически разведенные. В 1554 г. владычный приказчик на Усть-Выми получал 3 деньги «заезда» с причта Ильинской церкви в Глотовой слободке далекой Мезени.[30] Именно такой размер «заезда» был определен еще в уставной договорной грамоте Василия I с митрополитом Киприаном. Полагаем, что приведенными данными об архиерейских и митрополичьих наместниках пессимистическое мнение Д. Е. Гневашева о том, что «скудость источников не позволяет должным образом осветить интереснейший институт архиерейских наместников в исторической динамике»,[31] несколько скорректировано.

Сведения о составе административно-судебного и хозяйственного аппарата вологодского владыки и специализированном получении его агентами поборов позволяют расширить анализ номенклатуры налоговых отчислений в архиерейскую казну. Согласно сотной 1586 г., с вотчинного села Никольского в Вилегодской волости (район Сольвычегодска) собирались соколиный оброк, казначеевы, дьячьи и подьячии пошлины.[32] В сложившемся виде об институте казначея, дьяков и подьячих Вологодского архиерейского дома известно в XVII в. применительно к двум делопроизводственным приказам — Судном (он же духовный и росправный) и Казенном. Годовой оклад подьячих составлял 3—4 руб. Указание упомянутой выше сотной 1586 г. на соколиный оброк можно истолковать как свидетельство «*сокольничего пути*» в рамках архиерейской (по аналогии с княжескими) вотчины и существование соответствующего должностного лица, которому данное ведомство подчинялось. В любом случае мысль В. Д. Назарова о специализации («ди-

---

[28] *Черкасова М. С.* Актовые источники... С. 166.

[29] АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 279.

[30] *Михайлов М. И.* Описание Усть-Выма. Вологда, 1851. С. 328—329.

[31] *Гневашев Д. Е.* Двор вологодского архиепископа в XVII в. С. 142.

[32] *Шумаков С.* Сольвычегодские сотницы 7094 г. М., 1905. С. 9; *Андреев А. И.* Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии Академии наук СССР // ЛЗАК за 1927—1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 237—238. № 46; ВГИАХМЗ. Сектор письменных источников. Ф.1 (Вологодский архиерейский дом). Оп. 2. № 66.

версификации») отдельных групп, участвовавших в организации и осуществлении полюдья в ходе динамической эволюции этого социального института, в свете приведенных фактов, на наш взгляд, получает дополнительное подтверждение.[33]

Поскольку в перечень архиерейских взиманий, фиксируемых в окладных и приходных книгах, входила «*соборная гривна дворецкого*»,[34] казалось бы, и такой слуга высокого ранга имел место в составе приказных людей владыки. Выше упоминалась сравнительно ранняя для Вологодской епархии жалованная грамота пермского епископа Алексея 1539 г., в которой среди прочих взиманий была отмечена «*соборная куница*». Возможно, именно она генетически предшествовала «соборной гривне дворецкого» окладных книг XVII в. Правильнее указанную пошлину называть «сборной гривной», «зборным» или «збором», поскольку сроком ее взимания было Зборное воскресенье (после первой недели Великого поста — в феврале или марте). Согласно уставной договорной грамоте Василия I и митрополита Киприана (1392 или 1404 гг.), «зборное» с церкви составляло 6 алтын. Другими сроками взимания церковной дани и пошлин в грамотах иерархов являлись обычно Петров день («петровское») и Рождество Христово («рождественское»).[35]

Часть должностных лиц кафедры являлась монахами, а часть — светскими людьми. В приходо-расходной книге 1620/21 г. названы *чашник* старец Филарет, *казначей* старец Васьян Болдинский, *дьяк* Судного приказа Иван Задонский и *конюший* Антипа Данилов.[36] Среди получателей денежного жалованья в приходо-расходной книге 1627/28 г. фигурируют: ризничие Тихон и Серапион (оклад 5 руб.), чашники Прокофий и Филипп, житник старец Варлам, крестовый священник Антоний и около 50 дворовых детей боярских (все — светские).[37] Сведения о вологодских поместьях архиерейских служилых людей по писцовой книге 1628—1630 гг. представлены в статье Д. Е. Гневашева.[38]

Если в компетенцию старцев-казначеев и казенных дьяков входили учетно-контрольные функции в отношении денежных средств кафедры, в том числе и выплат *денежного* жалованья ее слугам, то житничные старцы помимо исполнения чисто хозяйственных функций в вотчинных селах кафедры выплачивали годовое *хлебное* жалованье тем же слугам. Повторяющаяся информация о чашниках заставляет предполагать даже такую их обязанность, как продажа «пивных дробин» на городском рынке и внесение вырученных денег в архиерейскую казну.[39]

Владычные тиуны.

Нормативные стороны функционирования отдельных административно-судебных институтов Вологодской епархии полнее всего были разработаны применительно к тиунству владычных детей боярских. В ходе описа-

---

[33] *Назаров В. Д.* Полюдье и система кормлений... С. 164.

[34] ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Кн. 3. Л. 12 (1620 г.); кн. 6. Л. 37 об. (1627/28 г.).

[35] *Назаров В. Д.* Полюдье и система кормлений... С. 166—167.

[36] ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Кн. 3. Л. 119 об., 121 об., 134 об.

[37] Там же. Кн. 6. Л. 276—294.

[38] *Гневашев Д. Е.* Двор вологодского архиепископа в XVII в. С. 149. Приложение 1 (данные относятся к Засодимской волости Заозерской половины уезда).

[39] ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Кн. 5. Л. 4, 14 об. (1626/27 г.).

ния коллекции Гранкова в ОР РГБ Ю. В. Анхимюк выявил уникальную жалованную тарханно-несудимую грамоту вологодского архиепископа Варлама (I) своим детям боярским Д. В. Брянкову, Т. Алексееву и Н. А. Ряполовскому на дворы в Николо-Владычной слободе с правом их заселения и судебно-податными полномочиями над пришедшими туда жить крестьянами 1583 г.[40] На наш взгляд, она представляет собой редкий тип жалованной слободской грамоты, причем не на сельскую, а на городскую слободу. Последняя находилась на левобережной стороне города и, судя по писцовым и переписным книгам XVII в., была плотно населена архиерейскими крестьянами и бобылями торгово-ремесленного профиля. В грамоте 1583 г. упоминаются *тиуны и слободские приказчики*, не имевшие судебных и налоговых прав в отношении населения иммунитетных дворов — на сбор дани, оброка, праздничных взносов. Следовательно, во всех остальных случаях, когда речь не шла об иммунитетных пожалованиях внутри кафедры, тиуны осуществляли судебно-финансовые права в полной мере. Остановимся на этом подробнее.

В XVII в. в канцелярии вологодских архиереев оформлялись жалованные грамоты детям боярским на их «тиунство». Последнее включало право на сбор различных пошлин — суда, пересуда, явочных, похоронных, выводных, новоженных. В сентябре 1628 г. архиепископ Варлаам (II) выдал жалованную грамоту своему сыну боярскому Поснику Пудову (происходил из посадских людей) на тиунство в Вологде на посаде, в архиерейской Николо-Владычной слободе и во всем Вологодском уезде, «как было то наше жалованье тиунство за прежними нашими детьми боярскими». Некоторые из предшествовавших П. И. Пудову тиунов известны поименно — это Григорий Мешаев и Андрей Палицын, упомянутые в приходо-расходной книге 1621 г. с окладом 2 руб.[41] В 1632 г. А. Палицын являлся уже Вожемским десятильником и в таком качестве внес в архиерейскую казну 90 руб.[42]

Размер судебных пошлин П. И. Пудова, собираемых с церковных причетников и торгового населения архиерейской слободы на посаде, определялся в жалованной грамоте 1628 г. в соответствии с нормами Царского Судебника 1550 г. — «с рубля по гривне, и пересуд, и правой десяток».[43] Прерогативы П. И. Пудова распространялись не только на торгово-ремесленных слобожан, но и их «подворников» и «захребетников», насельников монастырей-«особняков», «белых» монастырей, церковных причетников и даже нищих. Праздничные взимания П. И. Пудова с последних составляли по алтыну на три срока — Рождество Христово, Велик день и Петров день. П. И. Пудову предписывалось давать «с того нашего жалованья» в архиерейскую

[40] Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1996. Вып. 3. Указатель. Т. 1. С. 410. См. публ.: *Черкасова М. С.* К вопросу об архиве Вологодско-Пермской епархии в XVI—начале XVII в. // Двинская земля. Материалы III Стефановских чтений. Котлас, 2004. Вып. 3. С. 213.

[41] АСЭИ. Т. 3. № 6; ГАВО. Ф. 948 (Вологодский архиерейский дом). Оп. 1. Кн. 3. Л. 7, 170.

[42] Там же. Л. 2—5 об. — Андрей Степанович Палицын предположительно отнесен Д. Е. Гневашевым к 1646 г. (*Гневашев Д. Е.* Двор вологодского архиепископа в XVII в. С. 142). Наши сведения фиксируют его уже в 1620-е гг.

[43] Старая Вологда. XII—начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. С. 132—133. № 150.

казну своеобразный «откуп» — 40 руб. Срок действия тиунских полномочий Пудова ограничивался годом — с 1 сентября (Семенова дня Летопроводца) 1628 г. до 1 сентября 1629 г. В 1624 г. П. И. Пудов назван сыном боярским, которому было поручено произвести опись Горнего Успенского девичьего монастыря.[44] Судя по приписке на обороте грамоты 1628 г., сделанной в ноябре 1640 г., П. И. Пудов вновь был назначен тиуном, а 40-рублевый взнос в архиерейскую казну с него был снят, как и с прочих тиунов. В 1644 г. он, поименованный как «дворовый сын боярский», был с пятью «товарищи» занят другим делом — закупал продукты к архиерейскому столу.[45]

Что касается «судных пошлин» и «правого десятка», то систематические записи об их взимании имеются в «приемной пошлинной книге» по г. Яренску и Яренскому у. за 1690 г. Если размеры «судных пошлин» зависели от тяжести дела, то «правый десяток», нередко упоминаемый в актах XV— XVI вв., являлся фиксированным — 7 алт. 2 ден.[46]

В январе 1648 г. архиерейский дьяк Данила Столбицкий получил наказную грамоту от владыки Маркелла о сборе праздничных тиунских взносов с церковных причетников в Окологородней и Заозерской половинах уезда.[47] Из наказа ясно, что и до Д. Столбицкого тиуны должны были действовать на основе подобных грамот, только теперь размер собираемых ими пошлин дифференцировался в зависимости от положения облагаемого лица — церковные дьячки и работные люди-бобыли, живущие своими дворами, платили по 1 алт. на праздник, пономари и просвирни — по 4 ден., трапезники — по 2 ден. Наказом 1648 г. освобождались от праздничных и «покелейных» выплат нищие и мирские люди, кормящиеся Христовым именем. Предусматривались и брачные сборы: размер выводной куницы был точно такой же, как и в жалованной грамоте П. И. Пудову 1628 г. (гривна с девки), а новоженного несколько больше — 2 алт. 2 ден.

Сбор тиунских денег являлся для церковной «общественности» всемерно публичным мероприятием, поскольку Д. Столбицкому предписывалось осуществлять его в присутствии «понятых тутошних» окольных попов и дьячков, фиксировать собранные суммы в специальных книгах («порознь по статьям»), к которым приходское духовенство должно прикладывать свои руки, а затем доставлять такие книги архиерею. Из наказа очевиден объездной характер деятельности Д. Столбицкого: он мог брать по две подводы «с санми и с хомуты и с проводники» в приходах (см. Приложение № 1). На обороте наказа имеется запись о том, что собранные Д. Столбицким деньги были отданы владычному стряпчему в Москву «в жалованье» (сумма не указывалась).

В отношении *стряпчих* известны любопытные подорожные грамоты, выдаваемые архиереями. В них указывалось, какому сыну боярскому на смену и кого посылает архиерей для «московской стряпни», на скольких

---

[44] Вологодские епархиальные ведомости. Часть неоф. 1872. С. 101—102.

[45] ВГИАХМЗ. Ф. 13 (Семейный архив Н. и И. Суворовых). Оп. 1. Л. 29 об., 30 (выписки из приходо-расходной книги 1644 г.).

[46] ОР РНБ. ОСРК. Q. 755.

[47] По наблюдениям Д. Е. Гневашева, дьяческая служба Данилы Петровича Столбицкого продолжалась свыше 32 лет (*Гневашев Д. Е.* Двор вологодского архиепископа в XVII в. С. 143).

«домовых казенных подводах» и в сопровождении скольких слуг. В подорожных содержалась просьба архиерея ко всем воеводам и приказным людям городов, через которые пролегал путь до Москвы, «пропущать его детей боярских без задержания».[48]

Поповские старосты.

Институт поповских старост был связан с функционированием тяглой организации приходского духовенства. Фраза «ни к старосте поповскому с тяглыми попами не тянут...» известна по митрополичьим грамотам с конца XV в.[49] В жалованной грамоте Ивана III Перми Вычегодской 1484/85 г. фигурируют поповские старосты (выбираемые миром), которые сами собирали с волостных людей церковную дань и отдавали ее десятильнику.[50] По Вологодской епархии институт поповских старост отразился в комплексе окладных и приходо-расходных книг XVII в. В них фиксировался размер церковной дани и других пошлин, выплачиваемых приходским духовенством в зависимости от размеров своих приходов (количества крестьянских, бобыльских и всяких «жилецких» дворов и «венцов» в них).[51] Одновременно владычными старцами-казначеями и дьяками составлялись и годовые приходо-расходные книги, регистрировавшие поступление в казну дани, наряду с другими приходными разделами.

Поповские старосты и десятские были ответственны за денежные поступления в пределах своих «третей» в городе и узде. Таковых в г. Вологде было в разное время четыре или три — Успенская, Богословская, Владимирская и Мироносицкая. Поповскими старостами являлись обычно священники наиболее крупной церкви в конкретной «трети», а десятскими — приданные им в помощь церковные диаконы. В приходо-расходной книге от 12 декабря 1620 г. отмечен одновременный взнос поповских старост: с 9 храмов Успенской трети, с 10 храмов Богословской трети и с 11 храмов Мироносицкой трети.[52] Иногда десятские привлекались к составлению окладных книг вместе с представителями выборных земских людей — посадских старост.[53]

Судя по припискам к упоминавшейся выше окладной книге Ростовского митрополита Варлама 1625 г., поповские старосты и десятские г. Устюга дозирали и облагали новые храмы города и обширного уезда церковной данью «в правду, чего стоит» (в зависимости от количества дворов в приходе), объездом, писчей белкой, другими пошлинами. Иногда именно поповскими старостами храм мог быть «новообложен», и с него платился единообразный денежный оброк «за дань и все пошлины».[54] Производилось это поповскими старостами иногда при содействии владычных детей боярских, и всегда по митрополичьим грамотам.[55]

---

[48] Старая Вологда... С. 138. № 158.
[49] АСЭИ. Т. 3. № 246.
[50] Там же. № 291а.
[51] ОР РНБ. ОСРК. Q.-II. 107. Л. 6 об. (например, 244 двора и 384 венца в них).
[52] ГАВО. Ф.948. Оп.1. Кн. 3. Л. 20.
[53] ОР РНБ. ОСРК. Q.-105. Л.1—4 об. (окладная книга 1627/28 г.).
[54] РИБ. Т. XIV. Ч. 2. Стб. 913—914.
[55] Там же. Стб. 914—915.

В Коллекции столбцов ГАВО удалось обнаружить несколько фрагментов первичных «данных памятей», например поповского старосты архангельского попа Григория и десятского никольского попа Артемия по Владимирской трети г. Вологды 1646 г.[56] Такие росписи-памяти являлись основой для составления окладных книг церковной дани. Особое значение им как нетрадиционным источникам по исторической демографии придает то обстоятельство, что в них по каждому приходу фиксировалось количество дворов, что позволяет сравнить полноту и итоги учета населения в близких по времени государственных переписных книгах. Для более позднего времени (1670, 1674 гг.) известны наказные памяти архиереев поповским старостам и десятским по сбору церковной дани с перечнями подлежащих обложению храмов и указанием количества дворов в приходах.[57] В таких памятях отмечался также и норматив собираемой дани — по 7 денег с каждого приходского двора «да в расход по денге». В 1680-е гг. в памяти начинают включаться сведения о сборе «полоняником на выкуп» по полугривне со двора каждого церковного причетника. Собранные «неоплошно и с великим радением» десятина (она же церковная дань) и полоняничные деньги поповские старосты и десятские должны были доставить в архиерейский Казенный приказ.[58]

Поповские старосты и десятские на основе архиерейских указов проводили ревизии городских монастырей и церквей. Подписи поповского старосты священника Мироносицкой церкви Филимона и десятского — диакона церкви Иоанна Предтечи Ипата стояли на описной книге Воздвиженского монастыря на Верхнем посаде 1636 г.[59] Описную книгу церквей Иоанна Златоуста и Николы на Горе (также на Верхнем посаде) составили в 1645 г. десятский пятницкий диакон Петр и владычный сын боярский Карп Бебехов.[60]

В плане историко-культурном интересна и такая обязанность поповских старост, как надзор над благочестием горожан. В 1690-е гг. они следили за выполнением архиерейского указа, запрещающего посадским людям иметь в своих дворах качели «ради бездельной игры и соблазну в народе».[61]

Заказчики.

В пределах обширного Вологодского уезда функционирование церковно-территориальных структур было связано также с институтом поповских *заказчиков*. Их функции внедрялись в такую важную сферу повседневной жизни городского и сельского населения, как семья и брак, его заключение, расторжение, отражая тем самым надзор над состоянием семьи и нравственности в обществе, регулирующую роль церкви и церковного права в этой сфере. «Заказом» в документации Вологодской архиерейской кафедры называлась совокупность из 8—10 приходских храмов, находившихся под управлением назначаемых архиереем на определенный срок священников.

---

[56] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 500. Л. 2.

[57] Старая Вологда... С. 137—138. № 156 (Успенская треть), 157 (Мироносицкая треть).

[58] Там же. С. 141. № 161.

[59] ГАВО. Ф. 1260 (Коллекция столбцов XVI—XVII вв.). Оп. 1. № 208.

[60] Там же. № 501.

[61] Старая Вологда... С. 142. № 162.

В Вологодской епархии поповским старостам в городе соответствовали заказчики в уезде, а в Устюжской епархии поповские старосты назывались «заказными попами». Судя по «приемной книге венечных и пенных пошлинных денег заказных поповских старост» г. Яренска и Яренского у. за 1690 г., их первичной документацией являлись «заручные книги», на основе которых собранные за свадьбы деньги вносились в архиерейскую казну.[62]

Развивая территориально-административное понятие *заказа*, подчеркнем, что, судя по венечным разделам приходных книг вологодских архиереев, он обычно совпадал с волостью. В 1620-е гг. известны следующие заказчики Вологодского у.: Верхвологодской волости — архангельский поп Варфоломей, Комельской волости — никольский поп Сергей, Лежского Волока — спасский поп Иван, Масленской волости — никольский поп Иван, Оларевской слободы — никольский поп Стефан, волости-села Старого Никольского — никольский поп Никифор, группы сел Сухонского Поречья — борисоглебский поп Антон, Сямской волости — архангельский поп Мина. В наиболее крупных волостях, имеющих сложную владельческую структуру или какие-то особенности прежней истории, могли действовать два заказчика. Например, в Авнежской волости в один и тот же год (1621 г.) в одной и той же приходо-расходной книге упоминается никольский поп Иосиф Попугай, а «в Малютинском поместье Скуратова» (8 приходов) — ильинский поп Козьма.[63] То же и в Уфтюжской волости, где одновременно отмечено два заказчика — трифоновский поп Федор (для одной группы приходов) и спасский поп Василий (для другой их группы).[64]

В плане сопоставления административно-территориальных единиц гражданского и церковного управления считаем показательным существование заказчиков в пределах некоторых «третей», на которые делилась Заозерская половина уезда (Воскресенская, Сямженская), а также третей, на которые делились волости, например Тошня (Пуркаловская, Верховская, Васильевская трети). Монастырские вотчины ведались своими игуменами, которые в записях о сдаче венечных пошлин также именовались заказчиками. В вотчине Сямженского Спасо-Евфимьева монастыря заказчиком был и венечные пошлины платил игумен и он же поп Гурий.[65]

Выплата венечных пошлин производилась заказчиками на основании своих «заказных грамот» или памятей «такого-то года», а также специальных записных книг или росписей. Названные источники можно также считать первичными при изучении комплекса брачной документации XVII в. При получении венечного сбора за определенный период (полгода или «великий мясоед») заказчик со стороны архиепископа мог быть пожалован частью сбора «за проесть и волокиту». Аналогично мог поступить владыка и в отношении вносимой в его казну церковной дани, пожаловав часть ее священнику.[66] Подобные ремарки изредка встречаются на полях венечных разделов приходо-расходных книг.

---

[62] ОР РНБ. ОЛДП. Q. 755. — Книга не имеет последовательной полистной нумерации.

[63] ГАВО. Ф. 883 (Суворовы). Оп. 1. Кн. 12. Л. 75, 85об., 126.

[64] Там же. Л. 39 об., 247.

[65] Там же. Ф. 948. Оп. 1. Кн. 2. Л. 40.

[66] Там же. Кн. 3. Л. 24.

Непосредственно текст архиерейского наказа заказчику (1675 г.) был приведен в одной старой публикации. Владыка Симон предписывал попу Ивану Михееву выдавать приходским священникам венечные памяти и при этом следить: 1) за соблюдением ими норм канонического права, запрещающим вступление в брак в кровном и духовном родстве и свойстве; 2) за размерами взимаемых венечных пошлин (за каждый новый брак выше, чем за предыдущий); 3) не допускать четвертого брака, «отнюдь молитвить не велеть»); 4) контролировать сбор новоженных алтынов и выводных кунниц при вступлении в брак детей и членов церковного причта; 5) не допускать утайки собираемых венечных и прочих пошлин, вести их учет в приходных книгах и доставлять в Казенный приказ владыки; 6) не допускать общего бесчинства и беззакония в приходах и 7) следить за единогласным пением во время службы.[67]

Церковные старосты.

Органическую включенность посадской и крестьянской общины в вертикаль церковно-административной системы показывают выборные лица: церковные старосты, трапезники, скудельники и сборщики. П. С. Стефанович называет старост выборной приходской должностью.[68] Согласно «зборной» книге г. Яренска и Яренского у. 1690 г., в Устюжской епархии в конце XVII в. практиковались одновременные взносы церковных и земских податей с каждого прихода. Церковную дань и пошлины вносили «поп с причетники». Церковные же старосты выплачивали фиксированный сбор «ницим московских богаделен на прекормление 3 алт. 2 ден. и отвозу 2 деньги», а земские старосты или целовальники платили земский оброк с данного села, слободки или погоста.[69] Эта книга отразила «збор» приказного духовных дел Устюжской епархии, игумена Спасского Сойгинского монастыря Варлама и была скреплена его рукой.

В качестве церковных старост городских церквей Вологды в XVII—начале XVIII в. известны наиболее состоятельные и авторитетные члены приходов, а ими были обычно представители верхних слоев посадских людей и купечества. Так, купцы Рыбниковы являлись старостами церкви Димитрия Прилуцкого на Наволоке, член гостиной сотни Алексей Щелкунов — церкви Жен Мироносиц, Осип Сумкин — церкви Михаила Архангела, Илья Пудов — Трехсвятительской церкви. Староста церкви Федора Стратилата Иван Свешников в своей «скаске» переписчикам Вологды в 1711/12 г. сообщал, что он по своему обещанию и на собственные средства построил возле храма три амбара в «одной связи ради пополнения церковных треб, а кладут в те амбары иногородцы не по ряде, кто что даст по желанию в церковь ладонном, воском, вином, а иные и денгами».

Именно церковные старосты сообщали переписчикам в период проведения переписи 1711/12 г. о документах на владение данным храмом недвижимостью (дворами, дворовыми местами, земельными и огородными

---

[67] Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вологда, 1908. Вып. 12. С. 18. № 16.

[68] *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. М., 2002. С. 271—278.

[69] ОР РНБ. ОЛДП. Q. 755.

участками, амбарами, лавками, другими торговыми помещениями) и способах ее использования церковью в целом или отдельными представителями причта (попом, дьяконом, пономарем, просвирницей). Полагаем, это подчеркивало контролирующую роль приходской общины в лице церковных старост над торгово-экономической деятельностью своих храмов.

Возглавляемые церковными старостами сообщества иногда назывались «сорочане» (от слова «сорок» — совокупность нескольких приходов, типа позднейшего благочиния, а иногда отдельно взятый приход). Так, *Никольские сорочане* (приходская община церкви Николы на Горе) во главе со старостой Марком Колесовым в 1705 г. дали принадлежащее их храму «косебное место» в аренду посадскому человеку В. Сычугову.[70] Церковные старосты от имени приходской общины могли обращаться к архиерею с просьбой выдать антиминс на вновь построенный или обновленный храм.[71] Удалось найти одну челобитную 1666 г., в которой поименно названные церковный староста и *сотский* от лица всех прихожан жалуются архиерею на неподобающее поведение своего попа.[72]

Трапезники организовывали церковно-приходские пиры и братчины, а также, возможно, поминовение умерших, а скудельники погребали умерших членов прихода (в том числе и безродных нищих) и были сторожами на приходских кладбищах.

Зборщики.

Про церковных «зборщиков» Н. Д. Зольникова пишет, что они собирали подаяние на нужды своего храма за пределами прихода.[73] В переписной книге Вологды 1711/12 г. это лицо собирает наемную («кортомную») плату с оброчных дворов и келий церкви Царя Константина. Такой способ использования церковной собственности практиковался приходской общиной в отношении нищих, вдов, солдаток, отдельных посадских людей и бобылей, а вырученные средства шли на «всякое церковное строение» в данном приходе. В отношении прав собственности в документах употребляются формулы: владеют «поп с товарищи» или «староста с прихожаны».

Вместе с тем сборщиков можно считать низшим звеном финансового аппарата архиерейской кафедры по дополнительному обложению приходских церквей. «Зборщики» иногда фигурируют в приходо-расходных книгах как ответственные за уплату монастырскими крестьянами-«белоземцами» огородного и всякого «архиепископля зделья».[74] Земли вокруг городских храмов являлись собственностью кафедры, а группы келей и избушек на них, населенные архиерейскими крестьянами, бобылями, вдовами, нищими, назывались «белыми местами» и «монастырями». «Белыми» эти подцер-

---

[70] ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Кн. 37. С. 140.

[71] Старая Вологда... С. 143. № 164.

[72] Сборник актов Северного края XVII—XVIII вв. / Сост. И. Суворов. Вологда, 1925. № 67.

[73] *Зольникова Н. Д.* Приходская община Сибири в XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 146.

[74] ГАВО. Ф. 993. Оп. 1. Кн. 11. Л. 3 («зборщик Варварского монастыря»), 3 об. («зборщик Алексеевского монастыря»); ф. 948. Оп. 1. Кн. 7. Л. 204 («зборщики Алексеевского монастыря в 1632 г. заплатили 5 руб.»).

ковные земли считались в силу внутрикафедрального освобождения от тягла и обложения облегченным оброком. В приходо-расходной книге 1632 г. записан суммарный взнос заказчиков «беломесных крестьян розных монастырей» — 39 руб. из положенных по окладу 50 руб.[75]

Отношения между двумя общностями — попом с причетниками и старостой с прихожанами — не всегда были гармоничными. В документации Вологодского архиерейского дома можно найти немало свидетельств о конфликтах между ними на повседневно-бытовой и хозяйственной почве.[76]

ПРИЛОЖЕНИЕ

1648 г. января 11. — Наказная память архиепископа Вологодского и Великопермского Маркелла своему дьяку Данилу Столбицкому о сборе тиунских праздничных доходов с церковных причетников Вологодского уезда.

Лета 7156 января в 11 де великий господин преосвященный Маркел, архиепископ Вологодцкий и Великопермский, указал дьяку своему Данилу Столбицкому ехать в Вологодцкой уезд в Первую, в Окологородную, и в Заозерскую половину во все станы, и волости, и монастырские вотчины к приходам для того. Ведомо нам учинилось, что прежние тиуны ездили в Вологодцком уезде и збирали свои тиунские доходы у приходов против жаловалных грамот с церковных дьячков и с пономарей и с просфирей, с трапезников и з бобылей, кои живут на церковных землях, з двора и келей в год на три празника, на праздник по алтыну и с нищих старцов, и стариц, и з бедных людей имали покелейных денег по алтыну ж.

И мы, великий господин, преосвященный Маркел, архиепископ Вологодцкий и Великопермский, по своему святительскому разсмотрению всего Вологодцкого уезду дьячком, и пономарем, и просфирням, и трапезником, и церковным бобылям в празничных денгах указ учинили, велели ныне имать в год на три празника з дьячка по алтыну на праздник, с пономаря по четыре денги, с просфирни тож (стб. 2), с трапезника на праздник по две денги, с церковного бобыля, которой работной человек, живет своим двором, на праздник по алтыну, а с келей старцов и стариц и со всяких нищих и мирских людей, которые кормятся Христовым имянем, и с тех празничных и покелейных денег имать не велел.

И Данилу Столбицкому имати с собою понятых тутошных и околных попов и дьячков, да при тех понятых во всем Вологоцком уезде и в монастырьских вотчинах по приходом по сему нашему наказу имать тиунские доходы празничные на Рожество Христово, на Велик день, на Петров день, на все три праздники в году з дьячка три алтына, с пономаря два алтына, с просфирни тож, с трапезника алтын, з бобыля, которой кормитца работою, три алтына, а с келей старцов и стариц и с нищих и со всяких бедных людей празничных и покелейных денег отнюд не имати.

---

[75] ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Кн. 7. Л. 199.

[76] Там же. Ф. 1260. Оп. 1. № 1286.

А у которых церквей дьячки и пономари или трапезничают, и на тех людях имати тиунские доходы против церковного доходу сполна, а у которых попов дети и племянники дьячат и пономарят и трапезничают, и с тех имати тиунские доходы по тому ж.

А у которых церквей Данило дьячков и пономарей и просфирниц и трапезников не изъедет, или попы их дома не учнут сказывать, и Данилу те доходы имати на попех, а новичные пошлины, кто у церкви дьячок и пономар и просфирня в нынешнем во 156 году после тиунского объезду вново, и с тех имати новишного з дьячка по гривне, с пономаря и с просфирни (стб. 3) по два алтына, а с трапезника имати новишного вполы алтын, а им давати печати писмяные.

А кто дьячку и пономарю и всего церковного причету, кто живет на церковной земле, сына или брата или племянника женят, и с тех новоженного имати по два алтына по две денги. А кто дочь или сестру или племянницу с церковные земли выдасть замуж, и с них имати выводные куницы з девки по гривне.

А собрав те тиунские доходы, велеть писать в книги порознь по статьям, да к тем книгам велеть коемуждо попу своево приходу х своей статье руки свои приложить, да те книги и денги привесть на Вологду и подать нам, великому преосвященному Маркелу, архиепископу Вологодцкому и Великопермскому.

А подводы ему, Данилу, имати в Вологодцком уезде по приходом у попов и у церковных причетников под себя две подводы с санми и с хомуты и с проводники.

К сему наказу великий господин преосвященный Маркел архиепископ Вологодцкий и Великопермский велел печать свою приложить.

На об.1-го стб. 157 сентября в де великий господин преосвященный Маркел, архиеписоп Вологодцкий и Великопермский, по сему наказу у дьяка своево Данила Столбицкого збору ево тиунские доходные денги по ево, Даниловым, книгам, что он збирал в прошлом во 156 году Вологодцкого уезду Первые и Окологородные половины, с церковных причетников взял все сполна и отдал своему сыну боярскому Ивану Попугаеву за московскую стряпню в жалованье.

Дьяк Иван Бебехов.

ГАВО. Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 1. № 706 (подлинник с черной печатью).

Итак, мы проследили некоторые административно-территориальные структуры и институты, функционировавшие в северных епархиях (Вологодской, Устюжской). Налицо явное «уподобление», терминологическая и содержательная близость должностных лиц в системе государственного и церковного управления (наместники, тиуны, доводчики; дьяки, казначеи, конюшие, чашники). В терминологии изученной документации (прежде всего окладной книге Ностовской митрополии 1625 г., в некоторых актах) были выявлены явно архаические элементы, ретроспективно отразившие порядки древнерусского полюдья. И после утверждения кормленной системы порядки эти в пережиточном виде продолжали существовать. За-

служивает отдельного, более подробного рассмотрения эволюция совокупности налогов и сборов в рамках епархиального управления, но и на данном этапе исследования очевидны ее коммутация и унификация, усиление тяжести обложения при сохранении традиционности отдельных ее элементов. Все это было аналогично более широкому процессу эволюции государственно-централизованной и сеньориальной ренты в России XVI—XVII вв. Зримое участие в осуществлении епархиального управления имели общинные институты в лице церковных старост, трапезников, сборщиков, тесное переплетение приходских и общинных (земских) форм жизни. Особенно характерным оно считается на севере (традиционная триада: община—приход—волость). Было также обращено внимание на виды делопроизводственной документации, возникавшей в результате осуществления соответствующими должностными лицами своих функций: приходо-расходных, сборных и окладных книг.

В. В. Шапошник

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ДУХОВЕНСТВО ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ОПРИЧНИНЫ (1572—1575 гг.)

После отмены опричнины положение в России было тяжелым: переселения, опричные мероприятия, эпидемии, голод и крымские нашествия дестабилизировали экономическую ситуацию в стране. Кроме того, постоянные опалы и казни, вся обстановка неуверенности в завтрашнем дне привели к тому, что в 60-е гг. огромное количество земель поступило во владение церковных учреждений, в первую очередь монастырей. Исследователями установлено, что вотчинное землевладение в годы опричнины пережило настоящую катастрофу. По оценке С. Б. Веселовского, во второй половине правления Ивана Грозного монастыри приобрели земельных владений не меньше, чем за предшествующие сто лет. С 1569 г. количество вкладов принимает огромные размеры. Хотя данные, приводимые этим ученым в различных работах, несколько отличаются, тем не менее основной вывод — о «катастрофе» вотчинного землевладения — не подлежит сомнению. Также очевидно, что создавшаяся в стране ситуация обогатила в первую очередь крупнейшие обители, на долю которых приходилось 99 % вкладов.[1] На материалах Кирилло-Белозерского монастыря к подобным результатам пришел А. И. Копанев. Согласно его исследованиям, почти все вотчинные земли Белозерского края были поглощены монастырями, чему в немалой степени способствовала политическая обстановка 60—70-х гг.[2] М. С. Черкасова, изучая землевладение Троицкого монастыря, установила, что до 1584 г. путем вкладов эта обитель получила 125 земельных владений и 48 тыс. руб. С 60-х гг. рост монастырских владений принял «болезненно-лихорадочный, неестественно-учащенный, не управляемый никем и ничем» характер. Причем вопреки запретительным Приговорам 1562 и 1572 г. почти треть завещанных Троице земель являлась княжескими вотчинами.[3] Лишь выводы А. А. Зими-

---

[1] *Веселовский С. Б.* 1) Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века // Исторические записки. 1941. № 10. С. 101—114; 2) Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 95—97.

[2] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 140—152, 201.

[3] *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 130—155, 161, 198.

© В. В. Шапошник, 2007

на, полученные на основании изучения истории землевладения Иосифова монастыря, несколько расходятся с данными С. Б. Веселовского. Согласно исследованию А. А. Зимина, рост количества сделок на землю в этой обители наблюдается в 1567—1569 гг., а затем количество вкладов начинает значительно снижаться. Причем наибольшее количество вкладчиков — это неименитые вотчинники Рузского и Волоцкого уездов, которые не пострадали серьезно от опричных репрессий и переселений. Рост вкладов в 1567—1569 гг. А. А. Зимин связывает в первую очередь с голодом этих лет, когда погибло много мелких феодалов. Сам историк объясняет различие своих выводов с выводами С. Б. Веселовского спецификой используемого материала (Веселовский использовал в основном акты Троицкого монастыря).[4] Следует заметить, что выводы С. Б. Веселовского подтверждены исследованиями и других ученых (А. И. Копанева, М. С. Черкасовой). Различие определяется, скорее всего, спецификой Иосифова монастыря, вблизи которого не было крупного княжеско-боярского землевладения.

В такой ситуации правительство решило предпринять меры, направленные к ограничению роста церковных владений. 9 октября 1572 г. «по государеву цареву и великого князя приказу» митрополит Антоний, архиепископы, епископы, Освященный собор и «все бояря» во главе с князем И. Ф. Мстиславским приняли следующие решения, относящиеся к монастырскому землевладению. Во-первых, в большие монастыри, «где вотчины много», запрещалось делать земельные вклады, даже если в завещании содержался подобный пункт, то землю все равно нельзя было записывать в Поместной избе. Вотчину следовало передавать родственникам покойного, «служилым людям», чтоб «в службе убытка не было и земля б из службы не выходила». Во-вторых, отныне наследникам запрещалось выкупать уже попавшие в обители земли. В-третьих, в небольшие маловотчинные монастыри вклады допускались, но лишь с ведома и одобрения самого царя и бояр.[5]

Некоторые исследователи считают, что Приговор 1572 г. был составлен и одобрен духовенством под прямым нажимом государственной власти, которая заботилась о военной годности своих слуг.[6] Однако, по мнению С. В. Рождественского, запретительные меры правительства очень мало продвинули вперед дело, так как касались только родовых вотчин высшего служилого класса и не отвергали обычая земельных вкладов, лишь ограничивали область его применения.[7] Часть историков пришла к выводу, что Приговор имеет антибоярскую направленность: княжата строго ограничивались в распоряжении своими вотчинами, наследование допускалось только самыми близкими родственниками. Запретом вкладов в крупные монастыри пра-

---

[4] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 176—183; см. также: *Тихомиров М. Н.* Монастырь-вотчинник XVI века // Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 129.

[5] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 37. С. 56.

[6] *Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 2. С. 125—126; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. М., 1991. Т. 1. С. 448; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 122.

[7] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение... С. 114.

вительство пресекало попытки служилых людей укрыться за духовным феодалом в надежде, что их минует вихрь опричнины. П. А. Садиков полагает, что земельные законы очень «ревниво» соблюдались властью по отношению к князьям-вотчинникам.[8] Сходное мнение высказал и И. И. Смирнов.[9] С. О. Шмидт считает, что основная линия политики Грозного была направлена против светских феодалов. Когда же к началу 70-х гг. княжеско-боярские группы были ослаблены, начинается наступление верховной власти против привилегий (прежде всего экономических) церковных феодалов, завершившееся в приговорах о монастырском землевладении.[10] В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов находят, что Приговор 1572 г. восстановил более или менее свободное обращение вотчин внутри рода, наследование близкими родственниками теперь осуществлялось без санкции царя. Таким образом, этот указ соотносится не с законодательством 1562 г., в котором княжеское землевладение было подвергнуто ограничениям, а с нормами закона 1551 г. Следовательно, законодательство 1572 г. не имеет выраженной антикняжеской направленности.[11] По мнению Р. Г. Скрынникова, в Приговоре проводилась политика ограничения крупного княжеско-боярского землевладения в пользу казны и ограничения земельных богатств Церкви. Исследователь вступает в полемику с В. Б. Кобриным, считая, что Приговор был направлен против княжат и бояр и подтверждал не нормы 1551 г., а постановления кануна опричнины. Тем самым царь стремился продемонстрировать, что возврата к прошлому нет.[12] Р. Г. Скрынников обращает внимание на ухудшение отношений между царем и духовенством накануне принятия Приговора 1572 г. Он пишет: «Разгром новгородской церкви, ограбление местных монастырей и казнь лиц духовного звания ухудшили взаимоотношения между царем и церковниками. Все это привело к тому, что власти вернулись к политике ограничения податных привилегий монастырей. Сразу после отмены опричнины власти издали 9 октября 1572 г. указ...»[13]

По нашему мнению, с подобной трактовкой появления земельного законодательства согласиться нельзя. У Грозного были конфликты с отдельными представителями Церкви, но не с церковной организацией в целом. После «дела» митрополита Филиппа неизвестно никаких протестов со стороны высшего духовенства против политики, проводившейся царем. Иерархи доказали свою лояльность, осудив Пимена и дав разрешение на вступление в четвертый брак. Может быть, государь знал тем не менее о каком-либо скрытом недовольстве духовенства? Однако до нас подобные сведения не дошли. Очевидно, что меры, принятые в 1572 г., вызывались не личным конфликтом Грозного с Церковью, а интересами государства, как это и зафиксировано в Приговоре: «...чтоб земля из службы не выходила».

---

[8] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 52.

[9] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 447.

[10] *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 235—236.

[11] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 86—89; *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 190.

[12] *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. Л., 1966. С. 183—184; 2) Царство террора. СПб., 1992. С. 462—463.

[13] *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси в XIV—XVI вв. Подвижники Русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 339.

Мнение о том, что Приговор был написан под диктовку правительства, видимо, не совсем справедливо. Ведь наряду с запретом давать земли в крупные монастыри вводился и запрет на выкуп вотчин. Следовательно, наличный земельный фонд обителей не мог уменьшиться. Крупные монастыри уже к 1572 г. обладали значительными земельными богатствами и теперь могли спокойно приступить к освоению недавно приобретенных земель. Недовольны новым законодательством могли бы быть мелкие обители, но как раз им-то и разрешалось увеличивать земельные владения путем принятия вкладов, правда поставленных, согласно Приговору, под жесткий контроль государственной власти. Видимо, монастырские власти если и имели основание быть недовольными действиями правительства, то это недовольство относилось к упущенным возможностям, а не к реальным потерям.

Что же касается митрополита и епископов, то их материальные интересы Приговор вообще не затрагивал. Еще С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что духовенство делилось на две части, интересы которых во многом не совпадали. Иерархи были заняты управлением епархиями, получали за счет этого большие доходы и мало интересовались землей и сельским хозяйством.[14] Сведения о доходах епископов и митрополита приводят в своих сочинениях побывавшие в России иностранцы.[15] В таких условиях давление царя на Освященный собор могло быть и не очень значительным — никаких серьезных негативных последствий для благосостояния как черного, так и белого духовенства Приговор 1572 г. иметь не мог. Представляется, что данное законодательство было направлено в будущее, антимонастырские тенденции если и были в нем, то крайне незначительные. Видимо, основной целью документа в части, посвященной монастырскому землевладению, было стремление сохранить сложившееся к осени 1572 г. положение и не допустить в будущем уменьшения светского сектора землевладения.

Согласие Освященного собора на одобрение Приговора было вызвано не тем, что «иосифляне» составляли к этому времени его меньшинство,[16] а тем, что в нем не было посягательств на материальные интересы духовенства.

Что же касается того, как земельное законодательство претворялось в жизнь, то исследователи считают, что постановления 1572 г. не имели серьезного практического значения — земельные богатства крупных монастырей продолжали увеличиваться, в том числе и за счет княжеских вотчин, хотя имеются и следы применения Приговора.[17]

В литературе существует мнение, что после отмены опричнины и принятия Приговора 1572 г. отношения Грозного с духовенством испортились. Показателем этого считается Послание царя в Кирилло-Белозерский монастырь, датируемое сентябрем 1573 г. По словам В. И. Корецкого, в начале 70-х гг. правительство меняет свою политику в отношении Церкви. Это связано с противоречиями между церковными землевладельцами и помещиками.

---

[14] *Веселовский С. Б.* 1) Монастырское землевладение... С. 112; 2) Феодальное землевладение... Т. 1. С. 100—101.

[15] *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 107; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 21.

[16] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина... С. 314.

[17] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 129; *Черкасова М. С.* Землевладение... С. 145—146, 198.

Послание Грозного имело не только антибоярскую, но и антимонастырскую направленность.[18] На основании актовых материалов С. М. Каштанов пришел к выводу о том, что в конце 1572—1573 гг. иммунитет большинства духовных феодалов, особенно крупных монастырей центра, переживал кризис.[19] По мнению Р. Г. Скрынникова, попытки ограничить земельные владения монастырей вызвали сильный ропот недовольного духовенства.[20] Об осложнении отношений с ближайшим к царю духовенством писал и Б. Н. Флоря.[21]

Однако, как уже отмечалось выше, Приговор 1572 г. был направлен на будущее, и менее чем через год его негативные последствия для крупнейших монастырей едва ли могли проявиться столь явно, что вызвали «сильный ропот духовенства». Обратимся теперь к тексту Послания,[22] к той его части, где речь идет о монастырях. Что касается Кириллова монастыря, то Грозный упрекает монахов за послабления для некоторых высокопоставленных постриженников и за вражду, которая вспыхнула между бывшими боярами (Шереметевым и Собакиным). Царь считает, что подобное «послабление иноческому житию плача и скорби достойно».[23] На основании критики Иваном монастырских порядков, расшатанных боярами, А. А. Зимин в одной из своих ранних работ писал даже, что монастырь поддерживал враждебное отношение к Грозному в кругах боярства.[24] Подобному категоричному заключению противоречит факт огромных вкладов (более 28 тыс. руб.), которые были сделаны царем в обитель преп. Кирилла.[25] Стал бы Грозный давать деньги монастырю, который поддерживал «враждебное отношение» к нему среди бояр? Видимо, нет.

Кроме Белозерской в Послании царя упоминается еще ряд других обителей: в Симонове, по словам автора, только одеждой монахи, а все делается, как у мирских людей. То же самое было и в Чудовом монастыре, до того как архимандритом стал Левкий. При нем монастырь сравнялся с великими обителями, почти не уступая им в чистоте монашеской жизни. Крайне нелестная оценка была дана Троице: монахи впали в простое житие, и это видно всем, имеющим разум. Здесь иссякло благочестие, монастырь оскудел, никто в нем не постригается и никто ничего не дает. Исследователи обратили внимание на то, что Грозный в данном случае впадает в противоречие: во-первых, он сам запретил вклады в крупные монастыри, и, во-вторых, светские лица беспрерывно отдавали земли и деньги вопреки царским законам.[26] Интересно то, что одним из лиц, виновных в плачевном состоянии Троице-Сергиева монастыря, Иван Васильевич считает Иоасафа — бывшего митрополита, хотя всего десять лет назад по его собственному распо-

---

[18] *Корецкий В. И.* 1) Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 34; 2) Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 74, 80—81.

[19] *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 204.

[20] *Скрынников Р. Г.* 1) Опричный террор. Л., 1969. С. 184; 2) Царство террора. С. 463.

[21] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 286.

[22] Послания Ивана Грозного // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 144—169.

[23] Там же. С. 150.

[24] Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII в. М., 1955. С. 318.

[25] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина... С. 132.

[26] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 184; *Черкасова М. С.* Землевладение... С. 157—158.

ряжению был установлен корм «по Асафе митрополите».[27] С особой язвительностью царь высказался в адрес Сторожевского монастыря: «...до чего допили? Тово и затворити монастыря некому, по трапезе трава растет». Высокой оценки правителя удостоились лишь несколько северных обителей: Дионисия Глушицкого и Александра Свирского.[28]

На первый взгляд действительно кажется, что Послание имеет яркую антимонастырскую направленность. Причем критикуются, по словам Р. Г. Скрынникова, бывшие любимцы — Кириллов, Симонов, Чудов и другие монастыри.[29] Следует заметить, что при упоминании Чудова монастыря Грозный пишет о непорядках в нем в прошедшем времени, т. е. они существовали до времен архимандрита Левкия. Жесткая оценка Троицы связана, возможно, с судьбой архимандрита Памвы, который осенью 1569 г. за неизвестные прегрешения был сослан в Новгород. Симоновым монастырем руководил Иов, будущий первый русский патриарх. Он неоднократно сопровождал царя в поездках,[30] что говорит о несомненной личной близости к монарху.

Изображение неприглядной картины монастырских порядков не было какой-то новостью. Например, в материалах Стоглавого собора 1551 г. можно найти достаточно указаний на это. Новым было то, что царь обвинял в расстройстве правильной иноческой жизни не столько самих монахов, а бояр: «А бояре к вам пришед свои любострастные уставы ввели: ино то не они у вас постриглися, вы у них постриглися, не вы им учители и законоположители, они вам учители и законоположители». Именно бояре губят все благочестие: старший Шереметев — Троицу, Иона Шереметев, Хабаров и Собакин — Кириллов. Грозный возмущен тем, что современные ему постриженники различаются по своему происхождению, а это противоречит всему смыслу монашеской жизни: иноки равны. Это «ныне бояре по всем монастырям то испразнили своим любострастием». Если царь за что и критикует монахов, то за чрезмерное стремление к богатствам: «Не глаголи никто же студныя сия глаголы, яко „только нам з бояры не знатся — ино монастырь без даяния оскудеет”... святии мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распрстранялися: благочестием монастыри стоят и неоскудны бывают». В конце Послания Грозный задает неожиданный вопрос: не потому ли монахи заступаются за Шереметева, что его братия до сих пор ссылается с Крымом, наводит мусульман на христиан?[31]

По нашему мнению, основной пафос Послания направлен не против монастырей, а против бояр, по вине которых и происходят все непорядки в обителях. Особый гнев царя вызывает то, что, «смутив» мир, они «смущают» и черное духовенство, которое должно быть примером для светских лиц. Даже стяжательство монахов не сильно беспокоит Грозного — для него расширение монастырей является совершенно нормальным. Ведь также происходило и при святых основателях обителей. Единственное, что раздражает монарха, — так это «гонка» иноков за вкладами; вкладчики (в том числе и

---

[27] *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. 1879. Кн. 2. С. 47.

[28] Послания Ивана Грозного. С. 150, 152, 156, 164.

[29] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 463.

[30] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 114.

[31] Послания Ивана Грозного. С. 150, 156, 162, 164, 168.

бояре) должны сами «гоняться» за наиболее «благочестивыми» монастырями. Очевидно, что в данном случае Иван Васильевич упускает из вида свое собственное законодательство, запрещающее новые земельные дачи в крупные обители. Видимо, если и можно говорить об антимонастырском характере Послания, то с большой натяжкой, основной гнев царя направлен против бояр. Таким образом, данный источник не может служить бесспорным доказательством значительного охлаждения Грозного к своим богомольцам.

Согласно некоторым источникам, в 1573 г. опала постигла архиепископа Леонида. Имеются три свидетельства: Новгородская летопись, Пискаревский летописец и сочинение А. М. Курбского. Новгородская летопись упоминает о том, что Леонид был на владычестве два года, затем поехал в Москву на Собор и повелением царя Ивана «удавлен бысть казнью у Пречистой на площади».[32] В Пискаревском летописце указывается на казнь не названного по имени «владыки наугородцкого» и большой группы других лиц. Под тем же годом рассказывается о поставлении Семиона Бекбулатовича.[33] Наконец, в «Истории о великом князе Московском» Курбский пишет о поставлении нового (после Пимена) архиепископа и его участи: «...но аки по дву летех и того повелел убити со двема опаты, сиреч игумены великими, або архимандриты».[34] Эти известия давно смущали исследователей, так как, согласно другим источникам, архиепископ Леонид попал в опалу лишь в 1575 г.[35] Кроме того, В. И. Корецкому удалось доказать, что еще 14 августа 1575 г. Леонид реально управлял своей епархией: этим числом датируется его жалованная грамота, выданная дворецкому князю Солнцеву.[36]

Противоречивость документов привела к тому, что историки по разному пытались объяснить ход событий. Так, С. Б. Веселовский, вступая в явное противоречие с приведенными им же самим данными, в одном месте пишет о казни Леонида в 1573 г. и его погребении в октябре 1575 г., а в другом — указывает, что в мае 1574 г. тот же Леонид пожаловал своему боярину Василию Григорьеву Фомину поместье.[37] По мнению А. А. Зимина, свидетельства трех независимых друг от друга источников об опале Леонида в 1573 г. требуют объяснения. Он считает, что архиепископ Новгорода был осужден дважды, причем первый раз именно в 1573 г. Однако тогда казнь не состоялась. А. А. Зимин пишет, что после первого осуждения Леонид даже недолго провел в заключении и вскоре получил обратно свою епархию и поэтому имел возможность выдавать грамоты, которые упоминают С. Б. Веселовский и В. И. Корецкий.[38] Доводы А. А. Зимина о двукратном осуждении ар-

---

[32] Новгородские летописи. С. 345.

[33] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 192.

[34] *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 366.

[35] Псковские летописи. М., 1955. Ч. 2. С. 262; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 199; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 239; Новгородские летописи. С. 148.

[36] *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 35.

[37] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 407, 414.

[38] *Зимин А. А.* 1) Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4. С. 150—154; 2) В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 32—34, 253. Примеч. 129.

хиепископа выглядят недостаточно убедительно, поскольку Иван Грозный был не тот правитель, который мог приговорить человека к смерти и спустя некоторое время вернуть ему свое расположение и управление крупнейшей русской епархией. Но самое главное состоит в том, что ни один источник ни слова не говорит о том, что Леонид был осужден два раза. Речь идет о единственной опале и казни будь то в 1573 или 1575 г.

По другому пути для объяснения противоречия источников пошел Р. Г. Скрынников. По его мнению, сведения об опале архиепископа в 1573 г. лишены достоверности, так как основаны на слухах и опровергаются другими свидетельствами.[39] Видимо, Р. Г. Скрынников прав: в Пискаревском летописце явная ошибка в определении года событий (казни всех лиц, поименованных в летописце, и поставление Симеона произошли в 1575 г.). Очевидна и недостоверность известия А. М. Курбского: находясь за рубежом, он писал по слухам, которые доходили в Литву, а они далеко не всегда соответствовали действительности. К тому же, согласно новейшему исследованию, беглый князь составил свое сочинение уже в конце жизни — между 1579 и 1581 гг. Это следует из того, что в «Истории» видна зависимость от переводов, выполненных к концу 70-х гг.[40] Новгородская же летопись является поздним источником, и ошибка в ней не может вызывать особого удивления.

Очевидно, что никакого осуждения Леонида в 1573 г. не было. Вместе с тем есть основания считать, что к середине 70-х гг. отношения Грозного с духовенством переживали определенный кризис. Но связан он был не с Приговором 1572 г., а с общим ухудшением экономической ситуации в стране, с необходимостью изыскивать средства на продолжение бесконечной Ливонской войны. Вполне вероятно, что царь пришел к выводу, что крупные монастыри, как наиболее устойчивые хозяйственные организмы, могут принять на себя достаточно большую часть расходов на продолжение военных действий. Правительство действовало осторожно. Е. И. Колычева считает, что открытого нарушения податных привилегий в первой половине 70-х гг. стремились избегать. Вместо этого вводились новые поборы, не предусмотренные в тарханных грамотах, и всевозможные натуральные повинности.[41] В источниках имеются и указания на изъятие средств у крупнейшего в стране Троицкого монастыря. Подразумеваем «Отписные ризные книги 83-го года». В них были записаны денежные суммы и драгоценности, поступившие от различных вкладчиков, среди которых упоминаются великий князь Василий Иванович, Елена Глинская, сам Грозный.[42] Возможно, подобные акции по пополнению казны проводились в 1574—1575 гг. не только с помощью Сергиевой обители. О такой практике писал, например, Флетчер.[43] Все это могло вызвать определенное недовольство духовенства, о котором стало известно царю.

---

[39] *Скрынников Р. Г.* 1) Россия после опричнины. Л., 1975. С. 15; 2) Государство и церковь на Руси... С. 336—337; 3) Царство террора. С. 492; 4) Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 145; 5) Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX—XVII вв. СПб., 2000. С. 310—311.

[40] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 44.

[41] *Колычева Е. И.* Аграрный строй... С. 137.

[42] *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 34; *Черкасова М. С.* Землевладение... С. 158.

[43] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 66.

Внешнеполитические акции польского правительства также давали Грозному почву для сомнений в лояльности церковных иерархов. В описи архива Посольского приказа сохранилось упоминание о грамоте короля Стефана и панов-рад к митрополиту Антонию и боярам от 7082 г. (сентябрь 1573—август 1574 г.).[44] Очевидно, в описи ошибка: в этом году королем Речи Посполитой мог быть только Генрих Анжуйский, провозглашенный в мае 1573 г. и бежавший во Францию в июне 1574 г.[45] Царь еще в конце жизни митрополита Макария требовал от польско-литовской дипломатии отказаться от практики привлечения архиереев к переговорам.[46] Может быть, именно с этим и связано загадочное «сыскное дело про Московского митрополита Антония да про Крутицкого владыку Тарасия, 83-го и 84-го году»?[47] По упоминанию в описи трудно определить, к какому именно времени относится это дело: крайние даты — сентябрь 1574—август 1576 г. Характерно, что епископ Крутицкий был единственным из иерархов, постоянно проживающих в Москве, и ближайшим помощником митрополита в деле управления Церковью.[48] Здесь же упоминается и письмо Андрея Щелкалова Грозному о том, что «Крутицкий митрополит пьет, а в город не выезжает, а Симоновский архимандрит, не хотя быть в архимандритах и умысля, причастился бес патрахели, а сказал, что ... беспамятством».[49]

Одним словом, к середине 70-х гг. сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, часть черного духовенства имела основание быть недовольной проводившейся финансовой политикой, а с другой — царь, зная о недовольстве монахов, мог подозревать по каким-то неизвестным нам причинам и некоторых иерархов в недостаточной лояльности. Конечно, возможные противоречия с духовенством были далеко не единственной проблемой, стоявшей перед Грозным в это время. Ухудшение экономической ситуации в стране,[50] Ливонская война, борьба за влияние на царя придворных группировок при общеизвестной подозрительности монарха неизбежно вели в перспективе к решительным действиям.[51] Создавшееся положение не могло продолжаться долго, и выход из кризиса был осуществлен в 1575 г. с помощью очередного отречения от власти и поставления на престол Симеона Бекбулатовича с титулом великого князя всея Руси.

---

[44] Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 93.

[45] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в. М., 1978. С. 92—93.

[46] *Шапошник В. В.* К вопросу о церковных соборах 50-х гг. XVI в. «Дела» Башкина, Артемия и Висковатого // Клио. СПб., 1998. № 2 (5). С. 145.

[47] Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 258.

[48] *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 360.

[49] Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 316.

[50] По сообщению датского посла Ульфельда, «негде во всей России мы видели... на всех местах, в которых мы въезжали на двор, домы были пустые, и людей и скота не было в них, так что едва поверить мог я, чтоб нашлось... государство, не разоренное неприятелем, которое в больший беспорядок приведено бы было, нежели сие государство» (*Барсов Е. В.* Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. М., 1889. С. 25).

[51] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 7—22; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 472—480.

Морин Перри

ИЗБРАННЫЙ ЦАРЬ И ПРИРОЖДЕННЫЕ ГОСУДАРИ: МИХАИЛ РОМАНОВ И ЕГО СОПЕРНИКИ

Смутное время в России было кризисом не только социальным и экономическим, но и политическим, и прежде всего кризисом политической легитимности. После смерти царя Федора Ивановича в 1598 г. Лжедмитрий I ловко воспользовался широким недовольством жителей южной границы страны политикой избранного царя Бориса Годунова. Самозванец называл себя царевичем Дмитрием Углицким, младшим сыном царя Ивана IV Грозного, и потомком старой династии, пресекшейся в 1598 г. В 1605 г., после смерти Бориса Годунова и убийства его сына Федора, самозванец стал царем Дмитрием. Вслед за этим началась сложная цепь событий: низложение и убийство самозванца; вступление на престол Василия Шуйского; появление новых самозванных потомков Ивана Грозного, включая Лжедмитриев II и III, и интервенция Польши и Швеции в русскую гражданскую войну.

Часто думается, что Смутное время завершилось избранием на царство Михаила Романова в 1613 г. и что его возведением на трон Московское государство вышло из 15-летнего кризиса политической легитимности. Но во время избрания Михаила Федоровича оставались три претендента на престол, которые недавно находили горячую поддержку у значительных социальных групп: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп и малолетний «царевич» Иван Дмитриевич, сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II. Сторонники этих претендентов продолжали выдвигать их притязания на престол долгое время после избрания Михаила Федоровича царем. Как обосновывали они свои права? В этой статье я собираюсь исследовать идейные основания претензий на московский престол не только Михаила Романова и его трех соперников 1613 г., но также тех новых самозванцев, которые появились в 1630-х и 1640-х гг. Таким исследованием я надеюсь пояснить представления людей первой половины XVII в. о легитимности царя.

Михаил Романов.

Прежде всего, конечно, Михаил Федорович был избранным царем. В грамоте к новому царю в Кострому в феврале 1613 г. московские послы во главе с архиепископом рязанским Феодоритом обьяснили, что избрание царя не являлось новизной: после пресечения старой династии в 1598 г. «были изб-

© Морин Перри, 2007

ранные Государи»[1] — Борис Годунов и Василий Шуйский. Но Михаил Федорович в первую очередь отказался от престола, напоминая делегатам о печальной судьбе династий первых двух выбранных царей: «Московскаго Государства всяких чинов люди... прежним Московским Государем... не прямо служили, как... Царя Федора Ивановича не стало, и после его Государя выбрали на Московское Государство... Царя... Бориса Федоровича всеа Русии и крест ему целовали, что было ему и детем его служити... и судом Божиим Царя Бориса не стало, и на Московском Государстве учинился... сын его Государь Царь ... Федор Борисович всеа Русии, и, крест ему целовав, Московскаго Государства всяких чинов люди, ему изменили». Потом, после убийства Лжедмитрия I, русские «выбрали на государство Государя Царя... Василия Ивановича всеа Русии и, крест ему целовав, изменили ж».[2] На эти возражения архиепископ Феодорит ответил, что Шуйского неправильно избрали («Царя Василия выбрали на государство не многие люди»), в то время как Михаила Федоровича «обрали всею землею». К тому же, «Царь Борис сел на государство своим хотением, изведчи государской корень Царевича Дмитрея», но Михаила Федоровича избрали «по изволению ... Бога и пречистыя Его Богоматери и всех святых, не его государевым хотением».[3]

Идея о том, что истинные цари вступили на престол не «своим хотением», была тесно связанна с представлениями не только об избрании царя «всею землею», но также о «Богоизбранности» прямого государя. По наказу архиепископу Феодориту от Земского собора, послы, отправленные в Кострому, должны были уговорить Михаила Федоровича принять престол такими словами: «Такое великое Божие дело сделалось не от людей и не его государским хотением, по избранию Бог учинил его Государя Государем Царем и Великим Князем всеа Русии».[4] В своей грамоте в Москву от 23 марта 1613 г. Михаил Федорович писал о своем вступлении на престол: «А сделалось то волею Божею и Московского Государства всех вас и всяких чинов людей хотением, а нашего на то произволения и хотения не было».[5] Действительно, Михаил Романов не искал своего избрания на царский престол. Он не участвовал в Земском соборе февраля 1613 г. и не играл никакой роли в предвыборной борьбе. По контрасту с троекратным отказом Бориса Годунова от престола в 1598 г., нежелание шестнадцатилетнего Михаила Федоровича в 1613 г. казалось искренним. Явное отсутствие личной амбиции со стороны молодого Романова укрепило впечатление, что он принял престол в соответствии с Божьей волей и под давлением молений народа. Тем самым, по представлениям человека начала XVII в., он показал себя достойным царского титула.

Во многих источниках о вступлении Михаила Федоровича на престол «Богоизбранность» царя является вполне совместимой с избранием его

---

[1] Дворцовые разряды (далее — ДР). СПб., 1850. Т. I: 1612—1628 гг. Стб. 18.
[2] Там же. Стб. 56—57.
[3] Там же. Стб. 59—60.
[4] Там же. Стб. 44.
[5] Там же. Стб. 77. — См. грамоту того же числа старицы Марфы Ивановны: «...а сделалось то все волею Божею и Московскаго Государства всех вас избранием и хотением, а моего сына Михаила на то изволения и хотения никакого не было» (там же. Стб. 87).

Земским собором.[6] В грамотах весны 1613 г. мы находим устойчивое словосочетание о созыве избирательного собора для того, чтобы «обрать ... кого Бог даст и кого всею землею оберут».[7] Потом на соборе «по милости всемогущаго Бога и по избранию всех людей... обрали» Михаила Федоровича.[8] Кажется, сам Бог сначала избрал Михаила царем, а потом заставил («вложил в сердца») русских людей выбрать его голосованием. По наказу архиепископу Феодориту, например, тот должен был объяснить Михаилу Федоровичу, что «Бог учинил его Государя Государем Царем и Великим Князем всеа Русии [и] в сердца вложил всяким людем... что быть... ему Государю Михаилу Федоровичю».[9] И в грамоте в города от 25 февраля 1613 г. бояре объявили, что «Бог его Государя на такой великой царской престол изобрал, мимо всех людей, по своей неизреченной милости, и всем людем о его царском обирании Бог в сердца вложил едину мысль и утверждение».[10] В одном списке Дворцовых разрядов об избрании Михаила на престол рассказано таким же образом: «Всещедрый и всемилосердый Господь Бог вложи в сердцы Московскому Государству, и отверзают уста своя вси народи, и вопиют великими гласы единодушно: да будет на Московском Государстве... Государем... Михайло Федорович». И этот рассказ продолжается: «И не от человек, но Богом избранный Великий государь Царь и Великий Князь Михайло Федоровичь всеа Русии».[11]

Подобные высказывания о том, что Михаил Федорович избран «не от человек, но Богом», мы находим и в некоторых повествовательных источниках, например в «Новом летописце»: русские люди «начаша думати, како бы им изобрати государя на Московское государство праведна, чтоб дан был от Бога, а не от человек».[12] И у Афанасия Палицына читаем: «не от человек, но воистину от бога избран великий сей царь и государь».[13] Относительно этой фразы Палицына Б. А. Успенский заметил, что «это понимается не в том смысле, что избранием на Земском соборе руководила воля Божия, а в том, что Михаил Федорович был еще „прежде рождениа его от бога избранный и из чрева матерня помазанный", и Земский собор лишь как бы угадал это предначертание».[14]

Есть, однако, другое возможное указание Божьей воли, кроме голосования на Земском соборе: избрание жребием. В Новгороде традиция избрания архиепископа по жребию существовала более трех веков, с 1156 по 1483 г., и такое избрание истолковывалось как доказательство Богоизбранности.[15]

---

[6] См. слова Пискаревского летописца: «Глас убо божий, глас народа!» (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 219).

[7] ДР. Т. I. Стб. 20; см. также стб. 26, 34, 40.

[8] Там же. Стб. 22, 28, 36, 42, 71—72, 82.

[9] Там же. Стб. 44.

[10] Там же. Стб. 51.

[11] Там же. Стб. 66—68, примеч. 8.

[12] ПСРЛ. М., 2000. Т. 14. С. 128, ст. 328.

[13] Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 233.

[14] *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 204; см.: Сказание Авраамия Палицына... С. 238.

[15] *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998. С. 286—303. — «Избрание жребием осмыслялось как проявление Божьей воли; соответствен-

Кажется, что разговоры о выборе царя путем жребия велись в Москве в 1613 г. Три русских пленника, захваченных шведами, показали в Новгороде в 1614 г., что «некоторые говорили, что надо... бросить жребий между тремя лицами: князем Дмитрием Трубецким, князем Иваном Голицыным и Михаилом Романовым».[16]

«Повесть о Земском соборе 1613 года» рассказывает о том, что бояре хотели бросить жребий, чтобы решить, кто из восьми претендентов будет царем, но казаки воспротивились этому, потому что все кандидаты были ненавистными им боярами: «Казаки же утвержая боляр: „Толико ли ис тех вельмож по вашему умышлению изобран будет?" Боляра же глаголеша: „Да ис тех изберем и жеребьяем, да кому бог подаст". Атаман же казачей глагола на соборе: „Князи и боляра и все московские вельможи, но не по божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго"».[17] По мнению казаков, избрание царя «из вельмож боярских»,[18] даже путем жребия, не могло быть настоящим проявлением Божьей воли.

Почему Земский собор 1613 г. сделал выбор в пользу Михаила Романова? Прежде всего он был и русским, и православным. Члены собора решили «на Московское Государство обрати Государя из Московских родов, кого Государя Бог даст».[19] Они исключили кандидатуру польского королевича Владислава, шведского принца Карла-Филиппа и других иностранных претендентов не только потому, что они не были «из Московских родов», но и потому, что они не были настоящими христианами. В окружной грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича, отправленной во все города и уезды 25 февраля 1613 г., было написано, что участники собора «многое время мыслили, чтобы Литовскаго и Свийскаго короля и их детей, и иных Немецких вер и некоторых государств иноязычных некрестьянской веры Греческаго закона на Владимерское и на Московское Государство не обирати».[20]

По сравнению с другими русскими и православными кандидатами, решающим преимуществом Михаила Романова было его родство со старой династией Рюриковичей.[21] (Следует отметить, что оба предыдущих избранных царя также были связаны со старой династией: Борис Годунов был шурином царя Федора Ивановича, а Шуйские были потомками Рюрика). Современные документы называют Михаила Федоровича племянником царя Федора Ивановича,[22] несмотря на то что в действительности он был

но выражение „Богом избранный" или „Богом назнамен(ов)анный" применительно к новгородскому владыке свидетельствует о том, что соответствующее лицо было избрано жребием» (там же. С. 290). В Москве в 1642 г. патриарх Иосиф был выбран жребием (там же. С. 100, 303—305).

[16] Цит. по: *Станиславский А. Л., Морозов Б. Н.* Повесть о Земском соборе 1613 года // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 92; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 87.

[17] *Станиславский А. Л., Морозов Б. Н.* Повесть о Земском соборе 1613 года. С. 95.

[18] Там же. С. 95.

[19] ДР. Т. I. Стб. 20, 27, 34—35, 40, 71, 80—81.

[20] Там же. Стб. 47—48.

[21] *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 31.

[22] ДР. Т. I. Стб. 14, 15, 21, 28, 35—36, 41—42, 49, 82; см. «единокровок» (там же. Стб. 67—68).

более отдаленным родственником последнего отпрыска пресекшейся династии: внучатым племянником Анастасии Романовой, первой жены царя Ивана IV Грозного.

Скоро возникла легенда о том, что сам царь Федор Иванович считал Михаила Романова своим близким родственником и видел в нем своего преемника. Автор «Повести о победах Московского государства» рассказывает: «Во 106 (1598) году тогда той благочестивый государь издалеча провиде духом от бога избраннаго сего благочестиваго царя, еще тогда сущу ему быти во младенчестве, и повеле государь пред себя принести богоизбраннаго сего царя и великаго князя Михаила Феодоровича. Благочестивый же государь царь и великий князь Феодор Иоаннович возложив руце свои на него и рече: „Сей есть наследник царскаго корени нашего, о сем бо царство Московское утвердится, и непоколебимо будет, и многою славою прославится. Сему бо предаю царство и величество свое по своем исходе своему ближнему сроднику". Сие же слово тайно рек и отпусти его. Сам же предаде блаженную свою душу в руце божии».[23] Как правильно замечает Г. П. Енин, цель этой легенды — доказать законность избрания Михаила Романова царем.[24]

В других похожих рассказах умирающий царь Федор Иванович передал престол не самому Михаилу Федоровичу, а его отцу Федору Никитичу Романову. В 1614 г. русские пленники в Новгороде рассказали, что во время избирательного земского собора «казаки будто бы повторили боярам легенду о том, что царь Федор Иванович, умирая, завещал престол Федору Никитичу Романову».[25] Следует отметить, однако, что «легенда» о передаче умирающим царем Федором престола Федору Никитичу Романову не являлась просто ретроспективным оправданием избрания Михаила Федоровича царем в 1613 г. Еще в 1598 г., в разгар избирательной борьбы, оршанский староста Андрей Сапега написал Христофору Радзивиллу, что царь Федор якобы считал Федора Никитича более достойным кандидатом на престол, чем Борис Годунов.[26] Правда, этот слух не соответствовал действительности.[27] Но вполне возможно, что русские люди вспоминали о нем в ходе новой избирательной кампании 1613 г.

Во всяком случае мы находим варианты этого слуха в разных русских повествовательных источниках первой половины XVII в. По «Хронографу 1617 года», царь Федор «благословил же и приказал быти по себе на престоле Московъскаго государьства Русьскиа земли братаничу своему по ма-

---

[23] Повесть о победах Московского государства / Изд. подг. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 35—36.

[24] Там же. С. 115—116.

[25] *Станиславский А. Л., Морозов Б. Н.* Повесть о Земском соборе 1613 года. С. 92; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России... С. 89.

[26] Из Львовского архива князя Сапеги // Русский архив. 1910. № 11. С. 340. — Иностранцы, писавшие до 1613 г., также приводят варианты этой легенды о Федоре Никитиче. См.: Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976. С. 81; *Massa I.* A Short History of the Beginnings and Origins of these Present Wars in Moscow under the Reign of Various Sovereigns down to the Year 1610. Trans. and ed. G. Edward Orchard. Toronto, 1982. P. 37.

[27] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 58—59.

тери Феодору Никитичю Романову, племяннику родному благоверныя царицы и великия княгини Анастасии, матери своея». Потом, в марте 1613 г., московское посольство в Кострому просило Марфу Ивановну, мать Михаила Федоровича, благословить своего сына на царство: «К ея же ногама вси припадающе, и со слезами биша челом и просиша у нея, дабы благословила сына своего на престоле царствия Московъскаго государьства, еже быти ему царем сродственаго его ради союза царских искр и по благословению, еже отцу его благоверному болярину Феодору Никитичу блаженныя памяти царем и великим князем Феодором Ивановичем».[28] Другой вариант этой лсгенды находится в одной Псковской летописи: «Его же отцу Феодору Никитичю брат по матери блаженныя памяти царь Феодор Иванович яко же пророчествуя и провидя, яко от семени его воцаритися имать в Руси на Московском государстве и вознесет рог царства християнского паки на прежнее: и вдаде ему жезл свои царскои, видя бо себе единого последняго сына царска роду скончевающася, а по нем иного не остающася, ему же бы предати царство; аще и раба своего виде возвысящася и воцарюющася, но на время се бысть того ради вдаде сему Феодору жезл свои на управление царству своему, прозря душевныма очима хотящая быти последи, еже и сами ныне зрим збывшееся».[29]

Авторы большинства русских повествовательных рассказов о том, что царь Федор Иванович благословил на царство Федора Никитича Романова, обращают внимание читателей на близкое родство Романовых со старой династией. Но в других вариантах легенды нет ни слова об этой родственной связи, а царь Федор просто завещает царство Федору Никитичу как вотчину. В «Повести о Земском соборе 1613 года», после жалобы казаков на то, что бояре избирают царя «по самовластию», речь атамана продолжается: «...по божии воли и по благословению благовернаго и благочестиваго, и христолюбиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Росии князю Феодору Никитичю Романову. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович».[30]

Итак, вступление на престол Михаила Федоровича было легитимизировано разными способами. Во-первых, его правильно избрали «всею землею» на Земском соборе. Во-вторых, он был предназначен Богом (конечно, было трудно приводить конкретные доказательства этого предначер-

---

[28] Из хронографа 1617 года // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI—начало XVII века. М., 1987. С. 322, 356.

[29] Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 130. — Тема пророчества находится также у Авраамия Палицына, который пишет, что «волхвы и звездочетцы» предсказали Борису Годунову, «яко от рода Никитичев Романовых востати имать скипетродержец Российскому государству», а именно поэтому Борис преследовал этот род (Сказание Авраамия Палицына. С. 238).

[30] *Станиславский А. Л., Морозов Б. Н.* Повесть о Земском соборе 1613 года. С. 95. — По Петрею, умирающий царь Федор «передал скипетр свой Никите Романовичу, который был его ближайшим другом» (Реляция Петра Петрея... С. 81).

тания). В-третьих, молодой Романов являлся отпрыском одного из православных «Московских родов». И наконец, он был преемником старой династии по родственной связи Романовых с Иваном Грозным и по благословению на царство своего рода, якобы полученному от царя Федора Ивановича.

Шведский и польский королевичи.

Избирательный собор 1613 г. отверг кандидатуры шведского принца Карла-Филиппа и польского королевича Владислава на русский престол, но шведы и поляки продолжали настаивать на их претензии. Как обосновывались их права на трон?

Вопрос о приглашении одного из сыновей шведского короля Карла IX на московский престол был поднят уже весной 1611 г. первым земским ополчением. Летом 1611 г., после захвата Новгорода, шведский военачальник Якоб Делагарди заключил договор с новгородцами о призвании царем в Новгород одного из шведских королевичей. В 1612 г. руководитель второго ополчения князь Д. М. Пожарский не согласился на приглашение королевича Карла-Филиппа от имени «всей земли», пока шведский принц не принял православия.[31] (Его старший брат, Густав Адольф, стал шведским королем после смерти отца в октябре 1611 г.). После избрания Михаила Романова на русский престол, однако, шведы утверждали, что Карл-Филипп был избран царем не только новгородцами, но и всем русским государством, и ссылались на свои договоры с представителями второго ополчения в Ярославле летом 1612 г.[32] На предварительных мирных переговорах в Деринe в январе 1616 г. Делагарди напоминал русским, что новгородцы целовали крест Карлу-Филиппу, и утверждал, что «не только что Новгород с пригородами за королевичем Филиппом, выбран он и на все Владимирское и Московское государства».[33] Но по условиям Столбовского мирного договора 1617 г. Карл-Филипп отказался от своих притязаний на Новгород и другие русские земли.

Владислав отрекся от царского титула только в 1634 г. по условиям Поляновского мирного договора. Тогда он уже стал избранным польским королем после смерти своего отца Сигизмунда III в 1632 г. В 1613—1634 гг. Владислав обосновывал свои претензии на русский престол тем, что русские якобы избрали его «всей землей» в 1610 г. и утвердили его избрание крестным целованием и договором с гетманом Станиславом Жолкевским. В окружной грамоте о своих правах на московский престол от 15 декабря 1616 г. «Царь и Великий Князь Владислав Жигимонтович всеа Русии» напоминал своим русским подданным, что они «выбрали на Московское государьство нас Великого Государя Королевича Владислава... и крест нам Великому Государю целовали всею землею, и с гетманом Желковским, воеводою Киевским... укрепилися, что быти нам Государем Царем и Вели-

---

[31] *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переиздание. М., 1939. С. 139—144.

[32] ДАИ. СПб., 1846. Т. II. № 5. С. 9 (7 авг. 1613 г.); № 11. С. 26 (12 янв. 1614 г.); № 12. С. 29 (25 янв. 1614 г.); № 20. С. 42 (авг. 1614 г.).

[33] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. С. 81—82.

ким Князем... всеа Русии»[34] и что они «свободною волею, всею землею, нас Великого Государя... обрали собе Царем и Великим Князем всеа Русии».[35]

Подобно Михаилу Романову, шведские и польские принцы и их сторонники утверждали, что они были избраны на московский престол не только русскими людьми, но и Богом. Новгородские уполномоченные в июле 1613 г. пригласили Карла-Филиппа «на богодарованный свой престол»,[36] и королевич Владислав писал в своей окружной грамоте 1616 г., что Московское государство было «от Бога данное» ему.[37] Правда, эти слова, вероятно, являются просто пустыми фразами; в этих документах нет никаких доказательств божьего предначертания ни польского, ни шведского претендентов.

Земский собор 1613 г. отверг польских и шведских кандидатов не только потому, что они не были «из Московских родов», но и потому, что Речь Посполитая и Швеция причиняли столько вреда стране во время Смуты. Собор решил «Литовскаго и Свийскаго короля и их детей за их многие неправды... на Московское Государство не обирать».[38] И в окружной грамоте в города от 25 февраля 1613 г. члены собора писали, что они «о государском обирании многое время мыслили, чтобы Литовскаго и Свийскаго короля и их детей... не обирати... потому что Полскаго и Немецкаго короля видели к себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение, как Литовский король Московское Государство разорил, а Свийский король Великий Новгород взял обманом, за крестным же целованием».[39]

С точки зрения поляков и шведов, однако, дело было совсем наоборот: главные беды Смутного времени проистекали от избрания русскими, после смерти царя Федора Ивановича, «неприроженных» государей из московских боярских родов. В своей окружной грамоте от 15 декабря 1616 г. королевич Владислав писал русским сословиям: «Ведомо вам, как судбами Божиими в Московском государьстве прироженный корень Великих Государей Росийских извелся, и по них не по своей мере из боярских родов на Царской престол посягати не устрашилися, какие от них были беды и напасти и гонение, и в вас было воздыхание и плач».[40] Именно поэтому, по мнению Владислава, русские решили после свержения Василия Шуйского избирать нового царя не «из Московских родов», но из иностранных правящих династий: «...вы все всяких чинов люди всего Московского государьства, поразумев то, что не от Царьского корени Государю быть трудно, земля

---

[34] АИ. СПб., 1841. Т. III: 1613—1645 гг. № . 72. С. 67; см.: *Hirschberg A.* Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. S. 367 («...y s panom z Hetmanom Zełkowskim, s Woiewodoiu kiiewskim, zapismi ukrepilis, czto byti nam Hospodarem, Carem y Wielikim Kniaziem Moskowskim y wsieia Rusi...»). — Грамоты 1617—1618 гг. из лагеря Владислава, опубликованные Гиршбергом, написаны по-русски, но латинскими буквами и с польской орфографией.

[35] АИ. Т. III. № 72. С. 67; см.: *Hirschberg A.* Polska a Moskwa... S. 368.

[36] ДАИ. Т. II. № 4. С. 7; № 11. С. 24 (12 янв. 1614 г.); № 15. С. 35 (11 марта 1614 г.).

[37] АИ. Т. III. № 72. С. 67; см.: *Hirschberg A.* Polska a Moskwa... S. 368, 370, 373 («ot Boha iemu Hospodaru naznaczenoie»).

[38] ДР. Т. I. Стб. 13.

[39] Там же. Стб. 47—48.

[40] АИ. Т. III. № 72. С. 67; см.: *Hirschberg A.* Polska a Moskwa... S. 367, 372, 380.

вся будет в межусобице, целовали есте меж собя крест, что вперед из Московских родов на государьство не избирати, а выбирати бы из иных государьств от Царского корени».[41] Итак, они выбрали своим царем королевича Владислава, который считал себя «прародителей наших и предков по степени Росийских государей».[42]

Шведский дипломат Петр Петрей также рассказывал в своей «Истории» о том, что после низложения Шуйского русские решили, что иностранный королевич предпочтительнее отечественного кандидата на престол. В. И. Бутурлин, посол отправленный в Новгород в апреле 1611 г. от Ляпуновского ополчения, якобы сообщил Делагарди, «что все русские сословия знают по опыту, что им нет счастья в их туземных великих князьях; а так как он предлагает им никого другого, то некого лучше желать им в государи и великие князья себе, кроме одного из сыновей его королевского величества Карла IX».[43] К этому рассказу, заимствованному у Петрея, шведский королевский историограф Юхан Видекинд добавил объяснение, что (по латинской редакции его книги) отечественный государь был бы «не в силах и справиться с соперничеством местных вельмож» или (по шведскому тексту) «никто из вельмож не согласится признать другого достойным этого высокого сана».[44] Именно по таким соображениям, конечно, избрание государя из иностранного царствующего дома было обычным делом в ранней новой Европе, например в Польше, где шведский принц Сигизмунд был избран королем в 1587 г.

Итак, мы видим, что и Карл-Филипп, и Владислав считали, что они были выбраны на богодаренный им московский престол «всей землей». Тот факт, что они не были «из Московских родов», они выдвигали скорее как преимущество, чем наоборот: они стояли вне и выше споров русских бояр; к тому же оба они были королевскими сыновьями, и вступление того или другого на русский престол повысило бы международный престиж страны.[45]

Михаил Романов, как мы видели, выдавал себя за преемника старой династии Рюриковичей, но его шведский и польский противники оспаривали эту претензию, считая его неприрожденным (неприродным) государем. В 1615 г. в споре о титулах во время мирных договоров шведы писали русским уполномоченным: «Даем вам знать, что вы наполнены прежнею спесью и не подумаете, каков наш король родством против вашего великого князя: наш король прирожденный королевский сын, а ваш великий князь не царский сын и не наследник Российскому государству; тотчас после смерти царя Федора не посадили его на престол, а после Дмитриевой смерти взяли Василия Ивановича Шуйского, потом королевича польского». В ответ

---

[41] АИ. Т. III. № 72. С. 67; см.: *Hirschberg A.* Polska a Moskwa... S. 367 («...celowali iestic posle Szuyskoho miez sebia krest...»), 372—273 («nie od pryrodnoho Hospodarskoho koreni... ot Hospodarskaho koreni...»), 380.

[42] АИ. Т. III. № 72. С. 67; см.: *Hirschberg A.* Polska a Moskwa... S. 367 («yz pretkow po stiepieni praroditieley naszych rosiyskich Hospodarey, po otce y po matiery»), 368, 375.

[43] *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском // Масса И., Петрей П. О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 363.

[44] *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 168.

[45] Оба они молчали о своем личном принятии православия, но обещали русским сохранение их стародавней веры (АИ. Т. III. № 72. С. 68; ДАИ. Т. II. № 12. С. 32).

на это русские послы сердито писали шведам: «И вы такие непригожие воровские слова про помазанников божиих оставьте».[46]

Поляки также обращали внимание русских на то, что Михаил Романов — не царский сын. В своих грамотах 1617—1618 гг. Владислав называл его «Филаретовым сыном», сыном митрополита Ростовского.[47] В 1610 г. молодой стольник Михаил Романов целовал крест на верность королевичу Владиславу, и поэтому поляки считали его не только неприрожденным царем, но и холопом Владислава, изменником и даже своего рода самозванцем. В окружной грамоте по городам 1617 г. Владислав писал, что «Михайло, Филаретов сын, холоп наш, забыв свое крестное целование, назвался на Москве государем (Hospodarem), чего и слышать не годно и от пограничных государств (Hospodarstw) смех и укоризна».[48] И в грамоте русским казакам от 10 августа 1617 г. польский королевич писал: «А ныне изменник наш Михалко, Федоров сын Романов, целовав нам крест... теперь изменил, а называется Царем Московским, чего и слышать не годно».[49] Сторонники Владислава считали Михаила Федоровича только последним в длинном списке вождей и правителей, избранных русскими после целования креста Владиславу: его русские подданные якобы «изменили и, будучи под Москвою, колько себе государей (Hospodarey) обрали: Королевича шведского, Иваша Заруцкого, Проню Ляпунова, Митю Пожарского, Матюшку Дьякого [Лжедмитрия III] и того детину, кой назывался сыном Расстригиным (Rostrelhinym) [«царевича» Ивана Дмитриевича, сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II]. А потом выбрали меж себя своего брата Михаила Романова, на государство (Hospodarstwo) посадили».[50]

Самозванцы.

Нецарское происхождение Михаила Романова являлось его ахиллесовой пятой на международной арене, позволяя его внешним врагам оспаривать его легитимность как правителя. Внутри России представление о Михаиле Федоровиче как неприрожденном царе провоцировало появление новых самозванцев.

Земский собор 1613 г. отверг кандидатуру не только шведского и польского королевичей, но и Марины Мнишек с ее сыном «царевичем» Иваном Дмитриевичем.[51] В 1610 г., после бегства Лжедмитрия II из Тушина, Марина утверждала свое право на московский престол, напоминая о своем венчании на царство и присяге русских признавать ее наследницей царю Дмитрию. В письме Королю Сигизмунду от 15 января 1610 г. Марина писала: «Если счастие лишило меня всего, то осталось при мне, однако, право мое

---

[46] *Соловьев С. М.* История России... Кн. V. С. 78—79. — Русские уполномоченные приводили примеры из библейской и античной истории, что Бог избирал знаменитых царей не от царского корня (там же. С. 79). Новый летописец также приводил пример из священной истории, сравнивая избрание Михаила Федоровича с избранием израильского царя Саула, данного Богом евреям (ПСРЛ. Т. 14. С. 129, ст. 330).

[47] *Hirschberg A.* Polska a Moskwa... S. 366 («Michałku, Fiłaretowu synu rostowskoho Mitropolita»).

[48] Там же. С. 368.

[49] Там же. С. 370.

[50] Там же. С. 381.

[51] ДР. Т. I. Стб. 13.

на престол московский, утвержденное моею коронациею, признанием меня истинною и законною наследницею, признанием, скрепленным двойною присягою всех сословий и провинций Московского государства».[52] После рождения своего сына Ивана в январе 1611 г. Марина с атаманом Иваном Заруцким выдвигали претензии этого ребенка («Воренка») на престол как предполагаемого сына царя Дмитрия и внука Ивана Грозного. Кандидатуру малолетнего «царевича» поддерживало много казаков под Москвой в 1612 г. «Воренка» казнили в 1614 г., но самозванцы Иван Дмитриевич Луба и Иван Вергун (Вергуненок), называвшиеся царевичем Иваном Дмитриевичем, тем самым также выдавали себя за преемников старой династии московских государей.

С конца 1630-х гг. два самозванца называли себя сыновьями царя Василия Шуйского. Некоторые ученые выражали удивление, что эти лже-царевичи выбрали имя непопулярного рода Шуйских.[53] Но они, кажется, не заметили, что в 1635 г., после заключения Поляновского мирного договора, тело царя Василия Шуйского было возвращено из Польши в Москву и торжественно похоронено в кремлевском Архангельском соборе.[54] Это событие должно было напомнить русским о роде Шуйских, и не случайно, наверное, первый самозванный сын царя Василия, «царевич» Семен, объявился в Польше в 1639 г.

Второй мнимый сын царя Василия, самозванец Тимофей Акундинов (Анкудинов, Акиндинов, Анкидинов), выдававший себя с 1644 г. за царевича Ивана Васильевича Шуйского, утверждал преимущества рода Шуйских как старших Рюриковичей и бранил Романовых как выскочек. В Константинополе в 1648 г. Акундинов вручил русским дипломатам свой «Извет», в котором он назвался «природным истинным царевичем».[55] В стихотворной декларации, являющейся частью этого извета, Акундинов напоминал «природных государей давность» и обращался к столичному городу Москве:

Тех древних своих княжат уставы отверзаешь,
а новых выродков, мнимых князей, приямляешь
и их, наскокателей, почитаешь и обогощаешь,
а чужими бедами отнюдь ся не наказуешь.

---

[52] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. IV. С. 560; см. также: *Козляков В. Н.* Марина Мнишек. М., 2005. С. 227—229.

[53] *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 76; *Дубовик В.* Самозванцы. «Сыновья» Шуйского и их судьба // Родина. 2005. № 11. С. 31.

[54] *Соловьев С. М.* История России... Т. V. С. 183—185; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 174—176. — Любопытно, что в Валахии в 1650 г. русский старец Арсений Суханов говорил послам Богдана Хмельницкого, покровительствующего лже-Шуйскому Тимофею Акундинову, «что на Москве у царя Василья Ивановича детей не было, а в Польше был пострижен во иноческий образ и жил чистое житие, и тело его привезено к Москве цело и нетленно за его доброе житие» (Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. II: 1648—1651 годы. С. 184.) Этим, кажется, Суханов хотел сказать, что побочный сын не мог родиться у царя Василия в Польше.

[55] *Дубовик В. В.* Об особенностях цитации в текстах Тимофея Акиндинова // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2003. № 2. С. 95. — Благодарю О. Г. Усенко, который любезно прислал мне электронную копию этой статьи.

Самозванец особенно сурово осуждал патриарха Филарета, который «царствовать ж устроил сына своего митрополитанского».[56]

Многие самозванцы оправдывали свои претензии на русский престол показом «царских знаков» на теле как доказательства своего царского происхождения. В Западной Европе такие знаки якобы были у членов царствующих династий. Габсбургские князья, например, носили на спине знак в форме золотого креста.[57] В России, насколько я знаю, правящие члены рода Рюриковичей никогда не показывали таких отметин, но самозванцы, с легкой руки Лжедмитрия I, часто доказывали свое право на престол с помощью царских знаков.[58] Самозванец Ивашко Вергуненок, например, выдавший себя в Кафе в 1640-х гг. за «царевича» Ивана Дмитриевича, «сделал себе признак: дал русской женщине денег, чтоб она выжгла ему между плечами половину месяца да звезду, и то пятно многим полонеником он, Вергуненок, показывал и говорил, будто он царский сын».[59]

Царские знаки также показывали оба мнимых сына царя Василия Шуйского. В 1639 г. первый из них пришел в Польшу, где жил в работниках у священника. Через неделю, как позднее установило следствие, проведенное московским правительством, «тот поп увидел у тово вора на спине герб, а по руски пятно напятнано, и отвел ево в монастырь к архимариту Илецу, и архимаритъ, осмотря у того вора пятна, отвел ево к подскарбею корунному Яну Миколаю Даниловичу». Данилович допросил попова работника, который назвался князем Семеном Шуйским, сыном царя Василия Ивановича: «...а пятно де у нево на спине, то знак, будто он царскои сын».[60] Через несколько месяцев этот самозванец появился в Молдавии, где он показал свои царские отметины молдавскому господарю Василию Лупу. В грамоте царю Михаилу Федоровичу Лупу описал эти знаки: «...не вем, кииим образом свои хрьбет назнаменовал литерами повъсюду и пишет теми словеси Симеон Шуиски Васильевич, сън великаго кнеза и царе московскаго Василие Ивановича, и сут назнаменати кръсти и звезди».[61] Русский посол Богдан Дубровский, отправленный в Молдавию для того, чтобы провести расследование об этом самозванце, должен был допросить его: «хто ему

---

[56] Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 87—90. — В. В. Дубовик датирует эти вирши 1648 г., а не 1646 г., как у А. М. Панченко (*Дубовик В. В.* Об особенностях цитации... С. 87, 93).

[57] *Bercé Y.-M.* Le roi caché. Sauveurs et imposteurs. Mythes politiques populaires dans l'Europe moderne. Paris, 1990. P. 379—381.

[58] *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. С. 31, 227; *Успенский Б. А.* Царь и самозванец... С. 205—206; *Усенко О. Г.* 1) Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 54; 2) Психология социального протеста в России XVII—XVIII вв. Тверь, 1997. Ч. III. С. 42; *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 106—107. — О царских знаках у Лжедмитриев I и II см.: *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 67—68, 69, 165.

[59] *Соловьев С. М.* История России... Кн. V. С. 464.

[60] *Дубовик В.* Самозванцы... С. 31; см. также: *Соловьев С. М.* История России... Кн. V. С. 249.

[61] Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVII в. Документы и материалы в трех томах. М., 1968. Т. II: 1633—1673. № 10. С. 39.

на хрепте кресты и звезды и подпись накладывал и для чево то делано и каково для умышленья». Дубровскому также предписывалось казнить самозванца, «голову отрезать и кожу с хрепта содрать, на котором месте кладены признаки», и привезти их в Москву.[62] Кажется, этот приказ был выполнен. В Турции в 1646 г. лже-царевич Иван Васильевич Шуйский, Тимофей Акундинов, показал те же отметины на своем теле, как у его покойного «брата», злодейски убитого по приказу царя Михаила Федоровича.[63]

История лже-Семена Шуйского ярко показывает, что русское правительство очень серьезно относилось к «царским знакам». Это видно также в деле самозванца Ивана Дмитриевича Лубы, называвшего себя «царевичем» Иваном, сыном Марины Мнишек. В 1643 г. русские послы в Польшу должны были жаловаться панам рады: «Да государь же ваш Владислав король больше 15 лет держит в Бресте Литовском в иезуитском монастыре вора, которому лет 30, на спине у него между плечами также герб, и сказывается Расстригин сын».[64] Поляки объявили русским уполномоченным: «Вы нам говорили, будто у Лубы на спине между плечами воровское пятно; если у него такой знак есть, что он царский сын, то мы за него не постоим, отдадим его вам». Выяснилось, однако, что у Лубы нет никакого герба или пятна (и что поляки уже знают об этом).[65]

Замечательно, что царские знаки имели значение не только для простого народа, но и для русского правительства; его уполномоченные должны были упорно расследовать все случаи таких отметин. Правда, вполне возможно, что русские власти относились так серьезно к «царским знакам» только потому, что они убедились на опыте Смутного времени, что народ страстно верит в них.

Таким образом, мы видим, что в царствование Михаила Федоровича самозванцы выдавали себя за сыновей царей из старой династии Рюриковичей («царя» Дмитрия Ивановича, царя Василия Шуйского) и тем самым поставили под вопрос законность избранного царя Михаила Романова. «Царские знаки», которые демонстрировали эти самозванцы, якобы свидетельствовали об их отмеченности и избранности Богом.[66] В отличие от других претендентов на русский престол они приводили конкретные доказательства своего божественного предназначения и царского происхождения.

Несмотря на то что польский и шведский претенденты являлись королевскими сыновьями, они не получали поддержку от русского народа после вступления Михаила Федоровича на престол. Самым опасным моментом являлся поход королевича Владислава на Москву в 1617—1618 гг., но даже русские казаки не присоединились к польским войскам претендента-католика. Выбор самозванцами 1630—1640-х гг. имен сыновей прежних царей показывал, что представление о легитимности «прирожденных» русских

---

[62] *Лукин П. В.* Народные представления... С. 107.
[63] *Дубовик В.* Самозванцы... С. 33.
[64] *Соловьев С. М.* История России... Кн. V. С. 249.
[65] Там же. С. 252.
[66] *Успенский Б. А.* Царь и самозванец... С. 205—206.

государей оставалось в силе; но эти самозванцы, объявившиеся за границей, не ставили под серьезную угрозу права Михаила Федоровича на московский престол.

Михаил Федорович был избранным, не «прирожденным» царем, но его сторонники и советники, пережившие Смуту, прекрасно знали, что принцип престолонаследия, основанный на родстве, был самым важным залогом легитимности русского правителя в начале XVII в. Видимо, именно поэтому они с самого начала царствования Михаила Федоровича выдавали его за племянника царя Федора Ивановича и преемника старой династии. Легенды о благословении на царство царем Федором Ивановичем боярина Федора Никитича Романова и его потомков гарантировали право Михаила Федоровича на престол и обеспечивали устойчивость новой династии. Михаил Романов не был царским сыном, но он стал отцом и дедом царей. С 1645 г. его преемник Алексей Михайлович был уже прирожденным русским государем, «от царского корня».[67]

---

[67] Вспомните слова умирающего Бориса Годунова — первого избранного царя — царевичу Федору Борисовичу в опере М. П. Мусоргского:

Ты царствовать по праву будешь,
Как мой наследник, как сын мой первородный.

А. В. Морохин

К ИСТОРИИ ПЕРВОГО БРАКА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

Сведения о первом браке царя Михаила Федоровича с княжной Марией Владимировной Долгоруковой весьма немногочисленны. Заключенный в сентябре 1624 г. брак закончился спустя три с половиной месяца неожиданной смертью молодой царицы. Недостаток источников во многом объясняет тот факт, что большинство исследователей биографии первого Романова и истории его царствования лишь констатировали первый брак Михаила Федоровича, не приводя при этом каких-то деталей и подробностей.[1] Исключение составляет работа А. А. Милорадович, построенная на опубликованных материалах.[2] Однако вне поля зрения автора оказался целый ряд источников, который помог бы более подробно осветить историю первого брака царя Михаила Федоровича.

Женитьбе предшествовала несостоявшаяся свадьба Михаила Федоровича с Марией Ивановной Хлоповой, которую нарекли царской невестой, но вскоре признали к «государевой радости непрочной». В итоге долгих разбирательств, когда были вскрыты интриги родственников матери царя — братьев Салтыковых, Хлопову царь «взять за себя не изволили». Историю с этим несостоявшимся браком рассматривают, по справедливому замечанию В. Н. Козлякова, как «своеобразную „модель" для понимания первых лет царствования Михаила Федоровича».[3] В этой же традиции рассматривается и брак царя с княжной Долгоруковой, который отразил борьбу

---

[1] *Берх В.* Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832. Ч. 1. С. 143; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1990. Т. 9. Кн. 5. С. 122; *Иловайский Д. И.* История России. Новая династия. М., 1996. С. 278; *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 25; *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 149—150; *Скрынников Р. Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 256—257, и др.

[2] *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна // Русский архив, 1897. № 9. С. 5—32.

[3] История несостоявшегося брака Михаила Федоровича с М. И. Хлоповой известна во многом благодаря источникам, опубликованным в XIX в., на которых и построены работы историков, занимавшихся изучением этого вопроса. См.: *Рихтер В.* История медицины в России. М., 1820. Ч. 2. С. 120—123; *Васенко П. Г., Платонов С. Ф., Тураева-Церетели Е. Ф.* Начало династии Романовых. СПб., 1912. С. 194—196; *Преображенский А. А., Морозова Л. Е., Демидова Н. Ф.* Первые Романовы на российском престоле. М., 2000. С. 109—112; *Морозова Л. Е.* Смута: ее герои, участники, жертвы. М., 2004. С. 498—500, 503—505. — Некоторые новые соображения о деле М. И. Хлоповой были высказаны В. Н. Козляковым и Р. Г. Скрынниковым (*Козляков В. Н.* Михаил Федорович. С. 144—148; *Скрынников Р. Г.* Михаил Романов. С. 252—256).

© А. В. Морохин, 2007

за влияние на Михаила Федоровича, развернувшуюся между его ближайшими родственниками.

Мария Долгорукова принадлежала к младшей и сильно разросшейся ветви древнего княжеского рода Оболенских, выдвинувшихся в опричнину и имевших родственные связи со многими знатными фамилиями.[4] Отец Марии, князь Владимир Тимофесвич Долгоруков, начал свою службу еще при Иване Грозном. В разрядных записях 1587/88 г. В. Т. Долгоруков значится воеводой в Пронске.[5] На протяжении всей своей долгой службы Владимир Тимофеевич не отличился какими-то особыми заслугами перед государством. В 1591 г. в ходе войны со Швецией князь был разбит шведами под Гдовом и попал в плен.[6] Вернувшись из плена, В. Т. Долгоруков был отправлен на Кавказ ставить города Койсу и Терки.[7] При царе Борисе Годунове горцы, обратившись за помощью к Турции, «государевых людей побиша, воеводы же утекли не со многими людьми». При этом Койсу, где Долгоруков был воеводой, было приказано сжечь.[8] Карьера князя круто пошла в гору при царе Василии Шуйском. Связано это было, видимо, с удачной женитьбой В. Т. Долгорукова на царской родственнице Марии Васильевне Барбашиной-Шуйской. Свадьба состоялась, по предположению А. А. Милорадович, в 1607 г.[9] Уже в конце 1606—начале 1607 г. В. Т. Долгоруков был пожалован из дворян московских в бояре.[10] Это была большая честь для захудалого князя. Долгоруков получает большой поместный оклад — 1100 четей, часто бывает за столом у царя. На царской свадьбе Владимиру Тимофеевичу в числе немногих было доверено стоять «у постели», что свидетельствовало о большом доверии к нему со стороны царя.[11] Василий Шуйский доверял Долгорукову важные поручения. Так, в 1608 г. князь по указу царя брал деньги из Иосифова монастыря в «государеву казну».[12] 15 марта 1608 г. В. Т. Долгоруков в числе немногих бояр был приглашен на царский обед, во время которого «заместничал» с князем М. Ф. Кашиным и «бил челом государю». В разрядных записях отмечается также, что князь Василий «князь Володимера от стола отпустил и седеть ему не велел».[13] После местничества с князем М. Ф. Кашиным имя В. Т. Долгорукова исчезает из всех разрядов до июля—августа 1608 г. По предположению И. О. Тю-

---

[4] О роде князей Долгоруковых см.: Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840; Фамильные заметки князя Алексея Долгорукова. СПб., 1853; Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1869; *Казанцев В. С.* Древнерусский род князей Долгоруковых и его сиятельство князь Владимир Андреевич Долгоруков, московский генерал-губернатор. М., 1891.

[5] Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 397, 430.

[6] Там же. С. 460; *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV—начало XVII в. М., 2005. С. 380.

[7] Новый летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 45—46; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 2003. Т. 4. Ч. 2. С. 55.

[8] ПСРЛ. Т. 14. С. 58.

[9] *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна. С. 6.

[10] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1906. С. 92.

[11] Там же. С. 95—160.

[12] *Зимин А. А.* К истории восстания Болотникова // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 382.

[13] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время... С. 159.

мснцева, вследствие местнического конфликта Долгоруков попал в опалу и был выслан из Москвы.[14] Необходимо также отметить, что местничество Долгорукова с князем Кашиным было не единственным. Впервые Владимир Тимофеевич вступил в спор «о местах» еще в 1591 г. Позднее, в 1610 г., князь местничался с Вельяминовым, в 1613 г. — с князем Д. М. Пожарским. В 1614/15 г. Долгоруков «бил челом» на Г. В. Хлопова — дядю несостоявшейся жены царя Михаила.[15]

После высылки из Москвы В. Т. Долгоруков значится воеводой «на Коломне», где он вновь на короткое время попал в плен к А. Лисовскому. В бою под Медвежьим бродом А. Лисовский был разбит, и Владимир Тимофеевич вновь получил свободу.[16] Царь Василий поручает В. Т. Долгорукову ответственную миссию — сопроводить до границы с Речью Посполитой семейство Юрия Мнишка.[17] Однако и здесь князь не смог зарекомендовать себя незаурядными способностями — позволил отряду тушинцев перехватить Мнишков и доставить их к Лжедмитрию II. Сам В. Т. Долгоруков «не с великими людьми прииде к Москве». Неудачное сопровождение Мнишков создало государству серьезную проблему, с которой носители высшей власти были вынуждены бороться вплоть до 1614—1615 гг. Для самого же боярина В. Т. Долгорукова это была, пожалуй, самая неудачная служба.[18] После этого князь находился «у ратных дел» в Пскове и Новгороде.[19] Весной 1612 г. В. Т. Долгоруков примыкает ко Второму нижегородскому ополчению князя Д. И. Пожарского, где он упоминается одним из старших бояр и входит в «Совет всея земли».[20] После утверждения на российском престоле новой династии В. Т. Долгоруков отправляется в Нижний Новгород для принятия присяги у населения.[21] Первые годы царствования Михаила Федоровича князь находился на воеводстве в «понизовых городах» — Нижнем Новгороде, а затем Казани.[22] Вернувшись в Москву,

---

[14] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 209.

[15] *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 101, 139, 141. — Челобитную В. Т. Долгорукова на Г. В. Хлопова см. также: Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 35, 74.

[16] Новый летописец. С. 80—81.

[17] Там же. С. 81; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время... С. 14, 48, 95—96; Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 10.

[18] *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. С. 149.

[19] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время... С. 18, 105, 125, 189; Псковские летописи // ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 137; Сб. РИО. М., 1913. Т. 142. С. 114.

[20] ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 202, 212; см. также: *Любомиров П. Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 172; *Морозова Л. Е.* Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 107.

[21] Дворцовые разряды (далее — ДР). СПб., 1850. Т. 1. Стб. 1086; *Иванов П. И.* Описание Государственного разрядного архива. М., 1842. С. 141—142.

[22] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время... С. 109; Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 196; Разрядная книга 123 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских (далее — Временник МОИДР). М., 1849. Кн. 1. С. 54; Разрядная книга 124 года // Временник МОИДР. М., 1849. Кн. 2. С. 76; Разрядная книга 125 года // Там же. Кн. 3. С. 133; ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 90. С. 124; см. также: *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 86.

В. Т. Долгоруков занимает должность судьи Судного Патриаршего приказа, заседает в Боярской думе. С 1622 г. князь считается патриаршим боярином. Это позволило некоторым современным исследователям утверждать, что В. Т. Долгоруков входил в ближайшее окружение вернувшегося в 1619 г. из польского плена отца царя — патриарха Филарета. Близость к патриарху и явилась основной причиной избрания дочери В. Т. Долгорукова царской невестой.[23] Однако подобные утверждения противоречат данным источников, которые свидетельствуют, что инициатором выбора новой царской невесты была мать царя, «великая старица» Марфа Ивановна, и именно она предложила кандидатуру Марии Долгоруковой. Марфа Иванова, по свидетельству летописца, «увеща... поняти... дщерь князя Владимира Долгорукого Марью; он же благочестивый царь, аще и не хотя... матере не преслушав, поят вторую царицу Марью».[24] Вмешательство Марфы в семейные дела сына не было тайной и для простого народа. «Одна де тамо мутит государева матушка, — говорил, характеризуя царский брак, тюремный сторож Василий Ермолин, — не велит на Хлоповой жениться».[25]

Сведения о том, как происходили выборы новой царской невесты, отсутствуют в русских источниках. Однако свет на картину выборов проливают шведские дипломатические документы. В них говорится, что мать царя «повелела собрать по всей стране нескольких красивых девиц, из которых нашли наиболее подходящею невестой дочь Владимира Долгорукого».[26] Чем могла мотивировать свой выбор «великая старица»? В отличие от рядовых дворян Хлоповых Долгоруковы являлись знатными потомками черниговских князей. Князь В. Т. Долгоруков, по донесениям шведского дипломата, значился в числе наиболее знатных русских бояр.[27] Такой брак, как отмечает Р. Г. Скрынников, «более соответствовал ожиданиям подданных».[28] Немаловажную роль могло играть и то обстоятельство, что мать невесты являлась родственницей Василия Шуйского — лица, ранее занимавшего российский престол. Сам князь В. Т. Долгоруков был весьма лоялен к «великой старице» и даже входил в ее ближайший круг. «Чего хочешь достигнуть от матери великого князя, — писал шведский дипломат, — должно быть сделано Сицким, Черкасским, Лыковым и тестем великого князя Долгоруким».[29] Кажется возможным также предположить,

---

[23] *Морозова Л. Е.* Смута... С. 508; *Морозова Л. Е., Демкин А. В.* Дворцовые тайны. Царицы и царевны XVII века. М., 2004. С. 175.

[24] Псковские летописи. С. 133.

[25] *Новомбергский М. Я.* Слово и дело государевы. Процессы до создания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. М., 2004. Т. 1. С. 40. — Утверждение об инициативе Марфы в выборе новой невесты разделяет подавляющее большинство исследователей. См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. II. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 2001 (далее — *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.). С. 24; *Хрущев И. П.* Ксения Ивановна Романова. 2-е изд. СПб., 1882. С. 61; *Бахрушин С. В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 90.

[26] Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее — Действия НГУАК). Нижний Новгород, 1913. Т. 14. С. 20.

[27] Там же.

[28] *Скрынников Р. Г.* Михаил Романов. С. 256.

[29] Действия НГУАК. Т. 14. С. 20.

что В. Т. Долгоруков был во враждебных отношениях с Хлоповыми, подав в 1616 г., как уже отмечалось, челобитную о «местех» с Г. В. Хлоповым. Это событие могло сделать знатного, но совершенно бездарного боярина союзником матери царя, которая, как известно, всячески противилась браку сына с М. Хлоповой.

Что касается патриарха Филарета, то он, потерпев неудачу в поисках невесты для сына за границей, видимо, согласился с ее выбором. По крайней мере кандидатура новой царской невесты была им одобрена.[30]

После этого начинается подготовка к «государевой радости», которой руководит сама Марфа. Как свидетельствуют расходные книги, по мере приближения дня царской свадьбы оживляется деятельность Мастерской палаты. 9 сентября 1624 г. «к государевой радости отпущено в Верх в Мастерскую полату бархат турецкой золотой по червчатой земле... отлас по белой земле травы золоты... Того ж дни к государевой к его царской радости отпущено к великой иноке старице Марфе Ивановне в Вознесенской девич монастырь 20 аршин отласу жолтого... 20 аршин отласу белого... 20 аршин отласу ценинного... 10 аршин отласу малинового... 10 аршин отласу темноалого... 10 аршин алого немецкого... 10 аршин отласу красноалого... 10 аршин отласу зеленаго... 10 аршин отласу светлозеленого... камки куфтерю червчатого травного... 10 аршин камки кармазину мелкотравного по рублю...». 10 сентября в Вознесенский монастырь были отправлены «серебра волоченного золоченого 99 золотника... Того ж дни в Мастерскую полату отпущено на шубу русскую 10 аршин и без чети бархату по червчатой земле золото с серебром... Сентября 11 в Верх к боярыне Марье Головиной отпущено полфунта бумаги хлопчатой битой... Сентября 13 к его царской радости, к двум свечам, сделаны кошелки в бархате золотом, по нем травы шолк червчат... да к тем же кошелкам на шлеи тово ж бархату пошло 3 аршина без чети... В государинины новые хоромы на двери и на окна отпущена половинка сукна багрецу червчатого в мере 19 с половиною аршин. Сентября 17 в Верх в государынины новые хоромы на обтирку аршин сукна лятчины лазоревой... Отпущено в государев сенник для его царской радости четыре сорока соболей... и те сороки отнесены к государыне к великой старице иноке Марфе Ивановне в монастырь... Сентября 18 в государеву в новую мыленку к двери и к окнам и под крюки и под жиковины 12 аршин сукна настрафилю червчатого... Того ж дни на государево и государыни... на обручальное место 22 аршина бархату кармазину черленого... да на приступ к тому ж обручальному месту бархату червленого гладкого ж 8 с четвертью аршин... Того ж дни на государево и государыни... подножейцо 6 аршин камки куфтерю червчатого...».[31] Одновременно готовился и гардероб молодой царице. Те же расходные книги отметили взятые 11 сентября «18 золотников золота волоченного да 32 золотника серебра волоченного... А взято то

---

[30] Мазуринский летописец // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 159.

[31] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. III. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях: Материалы. М., 2003 (далее — *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI—XVII ст.: Материалы). С. 639—640, 690. — По подсчетам А. А. Милорадович, на подготовку к свадьбе пошло 280 аршин различных тканей. См.: *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна. С. 8.

золото и серебро к Государевым к царицы и великой княгини Марии Володимеровны башмачком на строчение». 16 сентября было указано дать «торговым людем... за три бобра черные по 7 рублев... А взяты те бобры царицы и великия княгини на накладные ожерелья и на пухи, к каптурам да к шапочкам».[32]

Марфа Ивановна занималась и формированием двора молодой царицы, служить которой дворовыми боярынями были назначены две вдовы княгини Долгоруковы — Татьяна Степановна и Прасковья. В их назначении сыграло роль родство боярынь с молодой царицей.[33] 15 сентября «великая старица» распорядилась выдать боярыням жалованье: Татьяне Степановне — 30 руб., Прасковье — 28 руб.[34] Двором царицы руководил другой ее родственник — князь Богдан Долгоруков.

«Государева радость» состоялась 19 сентября 1624 г. Накануне был подробно разработан свадебный церемониал. 14 сентября царь, «советовав с отцом своим... святейшим патриархом... указал быть на своей государевой радости... без мест, и впред тем никому не считаться и в случаи не принимать».[35] На свадьбе «в отца место» сидел дядя царя, брат патриарха Филарета боярин Иван Никитич Романов. Роль тысяцкого исполнял боярин Иван Борисович Черкасский. В дружках у царя были князья Д. М. Черкасский и Д. М. Пожарский «со княгинями». Дружками «з царицыну сторону» были боярин М. Б. Шеин и князь Р. П. Пожарский «з женами». Мать царицы боярыня Марья Васильевна «сидела выше боярынь, сидящих под матерью».[36]

Уже на следующий день после свадьбы, как отмечают разрядные записи, «царицына выходу и чину... не было, потому что... в то время царица ... не помогла».[37] Новый летописец отмечал: «...и бысть государыня больна от радости до Крещения Господня».[38] Несмотря на болезнь царицы, свадебные торжества продолжались на следующий день в Грановитой палате. В этот же день, 20 сентября, «в Верх к государыне» были отправлены три пары соболей «да трои золотых угорских».[39] А. А. Милорадович объясняла этот факт посылки соболей царице тем, что именно соболя считались в то время главным средством от порчи и сглаза, которым «придают свойства талисмана».[40] 23 сентября царь отправился на богомолье в Троице-Сергиеву лавру «к Сергиеве памяти».[41] По стране рассылались грамоты о царском бракосочетании с приложением возглашения царских имен на ектениях.[42] Ми-

---

[32] *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1877. Вып. 1. С. 241.

[33] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. Т. 2. С. 389.

[34] *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. С. 241; см. также: ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. № 545. Л. 127.

[35] ДР. Т. 1. Стб. 629—630.

[36] Там же. Стб. 631—633. — Описание свадьбы см.: ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 137—144.

[37] ДР. Т. 1. Стб. 633, 644.

[38] Новый летописец. С. 151.

[39] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: Материалы. С. 640.

[40] *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна. С. 24.

[41] ДР. Т. 1. Стб. 633, 644.

[42] ААЭ. Т. 3. № 156. С. 221—222, № 157. С. 222—224; СГГД. М., 1822. Ч. 3. № 67. С. 270—271; № 68. С. 272—273.

хаил Федорович отправил в Тихвин бывшей жене Ивана Грозного Дарье Колтовской свадебные дары — «жалованье, каравай и сыр да обрусец да ширинку».[43] Как видно, болезнь царицы не нарушила привычного уклада жизни двора. Объяснить это можно тем, что недомогание Марии Владимировны поначалу, надо полагать, не носило серьезного характера. Косвенно подтверждают это и расходные книги. Так, 28 сентября было дано «царицыну сыну боярскому Ивану Григорьеву две гривны. А он на те деньги купил в ряду в Царицыно золотое зеркало стекло хрустальное».[44] Царица могла позволить себе заниматься собственным обиходом, а значит, чувствовала себя вполне сносно. 18 октября в хоромы к Марии Владимировне были даны 100 руб.[45] В течение октября царица не покидала покоев. 4 ноября в Верх были отпущены «кисея тонкая... поллитры золота... 87 золотников шолку бурского всяких цветов».[46] Как отмечала А. А. Милорадович, кисеи понадобились царице, видимо, на рубашку или полотенце, а шелк — для золотой вышивки, что опять же свидетельствует о том, что царица, даже если не была в состоянии заняться традиционным для женщин XVII в. занятием — вышиванием в пяльцах, но чувствовала себя настолько бодро, что могла заняться подборкой шелков и указать узор.[47] Тогда же, в ноябре, царице была выстроена «новая избушечка»,[48] которую вряд ли стали бы строить для тяжелобольного человека.[49] 14 ноября в Верх к царице были вновь отпущены «54 портища тафт виницеек широких разных цветов... сорок портиц... шесть косячков тафт немецких зеленых».[50] Видимо, Мария Владимировна продолжала заниматься рукоделием. Одновременно царица занималась и делами. Так, 24 ноября царь указал выдать «государева жалованья комнатным Оносье да Татьяне по тафте немецкой по зеленой». Получив жалованье, женщины «били челом» царице, «чтоб их государыня пожаловала, велела им дати по тафте по смирной, и у них же те немецкие тафты в Государеву казну на Казенный двор взяты, и в то место дано по пять аршин тафты виницейки».[51] 9 декабря в Верх вновь были отпущены «полтора аршина бархату травного».[52] В тот же день для царицы в Жемчужном ряду было куплено ползолотника жемчуга.[53] Все эти приготовления делались для подготовки выхода царицы, который, по неизвестным причинам, остался незафиксированным в разрядах. Факт этого выхода царицы Марии Владимировны подтверждается памятью в Казенный приказ от 18 декабря 1624 г. о даче

---

[43] СГГД. Ч. 3. № 69. С. 274.

[44] *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. С. 242.

[45] Там же.

[46] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: Материалы. С. 642.

[47] *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна. С. 28.

[48] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: Материалы. С. 642.

[49] *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна. С. 28.

[50] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: Материалы. С. 642.

[51] Там же. С. 533.

[52] Там же. С. 642.

[53] *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. С. 242.

жалованья «царицынским столнишником сыну боярскому Архипу Гаврилову да стельцом Ивашку Остафьеву да Лазорку Василеву по сукну по доброму... за царицынской выход».[54] С середины декабря болезнь царицы принимает серьезный оборот. В донесении шведского дипломата отмечается, что Мария Владимировна «заболела смертельно перед моим отъездом из Москвы за две недели до Рождества».[55] Ухудшение состояния здоровья царицы отразилось и в других источниках. Так, 17 декабря мастера Давид Омельянов и Остафий Иванов «окладывали серебром» икону Казанской Божьей матери, принесенную «от царицы из хором».[56] Распоряжение об этом, надо полагать, поступило от самой Марии Владимировны.[57] Несмотря на болезнь, царица, видимо, иногда вставала с постели. Это объясняет купленный 30 декабря «войлок ордынской на Царицыно подножье».[58] 1 января 1625 г. английский купец Фабиан Ульянов «с товарищи» поднесли царице по случаю Нового года кубок.[59] 3 января дьякон церкви Рождества Пречистыя Богородицы, «что у Государя на сенех», Никита «кликал на вечери в хоромех у Государыни... многолетье».[60] На следующий день в покои к царице были вновь посланы 4 сорока соболей,[61] которые, надо полагать, пытались использовать «от сглазу». Однако ничего не помогло. В ночь с 6 на 7 января, «на Крещение Господне», царица Мария Владимировна скончалась.[62] Более точное время смерти царицы позволяет уточнить надпись на могильной плите в Вознесенском монастыре, которая сообщает, что царица умерла «во 9 часу нощи ко 7 числу».[63] Дальнейшие мероприятия, зафиксированные в расходных книгах, были связаны с погребением царицы, которое состоялось 8 января. Церемонией похорон руководили Богдан Долгоруков и дьякон Василий Семенов. Накануне было отпущено аршин и шесть вершков камки куфтерю белого,[64] которым, видимо, было покрыто лицо и тело умершей.[65] Различные материалы пошли на устроение гробницы царицы.[66] 9 января на гробницу «под покровец» было отправлено 4 аршина сукна.[67] 13 января на гробницу вновь был отпущен «аршин сукна аглинского червчатого».[68] 22 января «великая старица» приказала мастеру Козьме Титову

---

[54] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 1037. Л. 1.

[55] Действия НГУАК. Т. 14. С. 20.

[56] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: Материалы. С. 691.

[57] *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна. С. 29.

[58] Там же. С. 30.

[59] Дополнения к дворцовым разрядам (далее — ДДР). М., 1882. Ч. 1. С. 400.

[60] Там же. С. 401.

[61] Там же. С. 402.

[62] ДР. Т. 1. Стб. 658.

[63] *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 135.

[64] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: Материалы. С. 643.

[65] *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна. С. 31.

[66] Захоронение М. В. Долгоруковой в Вознесенском женском монастыре находилось «за левым столпом подле западных дверей на левой стороне у стены». См.: ДРВ. 2-е изд. М., 1789. Ч. 11. С. 239.

[67] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: Материалы. С. 643.

[68] Там же.

сделать из серебра «по гробу блаженные памяти царице... на покров крест с дробницами».[69] Другой мастер, Ждан Оврамьев, «вырезал на гробнице... наружные слова и покрыл золотом, а поля навел лазоревою краскою». Эту же работу делал и подмастерье Иван Неверов.[70] Мастеру Кузьме Титову было поручено «на покров» гробницы сделать позолоту.[71] В начале апреля в Вознесенском монастыре делали «на гроб пелену».[72] После смерти царицы при дворе целый месяц не было никаких официальных приемов. Прибывших в феврале послов от крымского хана Магмет-Гирея и персидского шаха Аббаса принимали не в царских палатах, а «на дворе, в Золотой Полате».[73]

Летописцы по-разному отметили смерть царицы. Некоторые лишь фиксировали факт смерти, указывая, что Мария Владимировна «была за ним, великим государем, немногое время».[74] Другие летописцы явно намекали на насильственную смерть, говоря, что царица была «испорчена».[75] В Никифоровском списке летописца 1619—1691 гг. таинственные обстоятельства кончины молодой царицы даются более подробно. В тексте говорится, что «по ненависти вражеской порчею отравою прекратилася жизнь ея».[76] Третьи, отражая мнение той части общества, которая считала недопустимой женитьбу царя «мимо Хлоповой», видели в браке Михаила Федоровича с княжной Долгоруковой, «сотворшаго по насилию», грех: «И зрите же божия счад сотворшаго по насилию: преставижеся по трех месяцех царица, и паки царю скорбь велия бысть, тако же отцу его и матери».[77] Современники-летописцы пытались найти виновников смерти царицы: «...а все то зло сотворися от злых чаровников и зверообразных человек, не хотящих видети христианского покою и тишины, и гнушахуся своего государя, и гордяхуся, не хотящее в покорении и в послушании пребывати, и не боящееся отнюдь, понеже милостив бе и любяше и миловаше их и вся подаваше им, яже они прошаху, и своевольни беша».[78] В. Н. Татищев объяснял смерть М. В. Долгоруковой тем, что «на первой ночи явилась на ней подучая болезнь или иная какая противность», вследствие чего «оной брак назавтрее никакой надлежащей радости не показал, и оная, почитай, надлежащего почтения не имея, вскоре умре и погребена».[79]

---

[69] Там же. С. 691.

[70] ДДР. Ч. 1. С. 403.

[71] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: Материалы. С. 692.

[72] *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. С. 244.

[73] ДДР. Ч. 1. С. 406.

[74] Материалы по истории СССР. М., 1955. Ч. 2. С. 151; см. также: *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 315, 367, 391, 427; Памятники русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909. С. 139; *Шмидт С. О.* Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники. М., 1974. С. 352.

[75] Новый летописец. С. 151; см. также: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 159, 180.

[76] *Богданов А. П.* Редакции летописца 1619—1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 141.

[77] Псковские летописи. С. 133.

[78] Там же.

[79] *Татищев В. Н.* История Российская // Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 7. С. 160, 167; подлинник см.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 46. Ед. хр. 8. Л. 12.

Ценность всех летописных свидетельств заключается в том, что все они, в большей или меньшей степени, отразили борьбу за влияние на молодого царя, которая после свадьбы Михаила Федоровича вступила в новую фазу.

Свадьба царя 19 сентября, несмотря на указ «быть без мест», была омрачена вновь вспыхнувшими спорами «о местех». Недовольство со стороны многих бояр вызвало назначение первым «сидячим боярином» у царя князя И. И. Шуйского, с которым местничался первый «сидячий боярин» царицы Д. Т. Трубецкой. Своим местом на свадьбе был недоволен и князь И. В. Голицын, считавший, что ему «меньше бояр князь Ивана Ивановича Шуйского да князь Дмитрея Тимофеевича Трубецкого бытии не вместно». В итоге И. В. Голицын «государева указу не послушал, по той росписи быть не хотел» и на свадьбу не явился. За этот дерзкий поступок Михаил Федорович «на него положил... свою государеву опалу» и указал отправить боярина в ссылку в Пермь Великую. Князя Д. Т. Трубецкого также наказали, отправив воеводой в Тобольск.[80]

На свадебной церемонии из многочисленного клана Долгоруковых присутствовали лишь родители невесты и окольничий Данило Иванович Долгоруков с женой. Немногочисленность Долгоруковых не помешала новой царской родне вступить в конфликт с влиятельным боярином Федором Ивановичем Шереметевым. Последний вместе с царским тестем участвовал в свадебном обряде — «слали отласы: постельничей к подклету». После окончания церемонии Владимир Тимофеевич «бил челом» царю на Ф. И Шереметева «недружбою». Другой Долгоруков, Данило Иванович, вступил с тем же Шереметевым в местнический спор.[81] Историки, обратив внимание на конфликт царского тестя с Ф. И. Шереметевым в день царской свадьбы,[82] так и не смогли выявить его причины.[83] Между тем Ф. И. Шереметев был одной из самых влиятельных фигур при дворе и ближайшим сторонником патриарха Филарета. Об этом прямо говорят в своих донесениях шведские дипломаты.[84] Именно Ф. И. Шереметеву адресовал свои письма Филарет, когда был в плену и давал советы по поводу избрания в России нового монарха.[85] Неслучайным видится и то, что Федор Иванович встречал на границе возвращавшегося из польского плена Филарета.[86] По мнению Л. Е. Морозовой, Ф. И. Шереметев являлся смертельным врагом молодой царицы и главным виновником ее смерти. Влиятельный боярин желал видеть женой царя свою дочь Елену, а из-за ссоры с тестем Михаила Федоровича «мог опасаться его мести в будущем». Царица «скорее всего... стала чахнуть от какого-то медленнодействующего яда, например мышьяка, подмешанного в белила или румяна».[87] Однако история с отравлением моло-

---

[80] ДР. Т. 1. Стб. 633, 640—642.

[81] Там же. Стб. 643, 1221.

[82] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 242. Примеч. 1.

[83] См.: *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. СПб., 1883. Кн. 3. С. 28.

[84] Действия НГУАК. Т. 14. С. 22.

[85] ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 120—121; см. также: *Вовина В. Г.* Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов) // Вопросы истории. 1991. № 2. С. 63.

[86] Подробнее о Ф. И. Шереметеве см.: *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. СПб., 1882—1883. Кн. 2, 3; *Морозова Л. Е.* Россия на пути из Смуты. С. 250—254.

[87] *Морозова Л. Е.* Смута... С. 508; *Морозова Л. Е., Демкин А. В.* Дворцовые тайны. Царицы и царевны XVII века. С. 175.

дой царицы кажется не вполне убедительной. Источники не зафиксировали никаких разбирательств и расследований причин смерти Марии Владимировны. Известный историк А. Я. Пресняков сомневался в насильственной смерти царицы, отметив, что разговоры о ее «порче» стали распространяться «под свежим впечатлением дела Хлоповой».[88] Виновники того, что брак вследствие болезни царицы «надлежащей радости не показал», стали ближайшие родственники Марии Владимировны.

Вступив в конфликт с Шереметевым, Долгоруковы, видимо, рассчитывали на поддержку со стороны «великой старицы» и на свой статус новой царской родни. Однако они явно переоценили свои возможности. Царь, видимо не без влияния патриарха, занял в конфликте своих новых родственников с Шереметевым сторону последнего. По указу Михаила Федоровича Д. И. Долгоруков «за бесчестье Федорово» был даже ненадолго посажен в тюрьму.[89] Челобитье Владимира Тимофеевича также, видимо, вызвало недовольство царя. Примечательно, что после свадьбы дочери Владимир Тимофеевич не присутствовал на царских «столах». Он появлялся при дворе уже после смерти дочери, 17 мая и 5 июня 1625 г.[90] Эти факты противоречат утверждению, что князь после января 1625 г., убитый горем, удалился от двора и умер в 1633 г. в полном забвении.[91]

После смерти Марии Владимировны ее родственники удаляются от двора. В первую очередь это коснулось боярынь Татьяны Степановны и Прасковьи Долгоруковых, которые удалились в Вознесенский монастырь. Уже в мае 1625 г. вместо них в Верху было указано жить вдовам Е. Бутурлиной и А. Коркодиновой.[92] В опалу попал и боярин Владимир Тимофеевич, который уже с 1626 г. значится в разрядах воеводой в Вологде, где оставался до октября 1628 г.[93] Более точное время появления боярина в Вологде указывают сохранившиеся документы. В них отмечается, что Долгоруков уже в феврале 1626 г. был в городе и принимал дела от своего предшественника П. В. Волынского.[94] Чуть позднее, в 1630 г., В. Т. Долгоруков оказывается в Сибири.[95] Сохранившиеся боярские списки отмечают смерть князя в 1633 г.[96]

Марию Владимировну Долгорукову в царской семье постарались поскорее забыть. Даже вещи, принадлежащие покойной царице, отправлялись на переделку. Так, 1 сентября 1626 г., накануне свадьбы Михаила Федорови-

---

[88] *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. С. 25.

[89] ДР. Т. 1. Стб. 656—657.

[90] Там же. Стб. 683, 702—703.

[91] *Казанцев В. С.* Древнерусский род князей Долгоруковых... С. 15; Русский Биографический словарь. Т. «Дабелов — Дядьковский». СПб., 1905. С. 529. — Впервые на несоответствие этого утверждения с данными источников обратила внимание А. А. Милорадович. См.: *Милорадович А. А.* Царица Мария Владимировна. С. 32.

[92] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 389.

[93] ДР. Т. 1. Стб. 846; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 47.

[94] *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI—начала XVII в. М., 1999. Вып. 3. С. 158, 160, 161, 162; см. также: *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. СПб., 1906. Вып. 1. С. 42, 43, и др.

[95] *Скрынников Р. Г.* Михаил Романов. С. 240.

[96] ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Кн. 20. С. 95—96.

ча с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, «великая старица» Марфа распорядилась сделать ризы из царицынской «шубки столовой».[97] Новые царские родственники — Стрешневы — оказались более скромными. В течение оставшихся лет царствования Михаила Федоровича они находились в тени венценосных родственников.

Первый брак Михаила Федоровича ярко продемонстрировал борьбу за власть, развернувшуюся при дворе молодого царя после возвращения из польского плена его отца. Патриарх Филарет смог оттеснить от сына прежних «сильных людей» и сосредоточить в своих руках всю реальную власть в государстве.

---

[97] *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. С. 164.

И. О. Тюменцев

ЗАРОЖДЕНИЕ ЗЕМСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАМОСКОВЬЕ И ПОМОРЬЕ В 1608—1609 гг.

В конце ноября 1608 г. в Замосковье и Поморье вспыхнуло народное восстание против тушинцев, которое радикально изменило ситуацию в стране. Впоследствии официальные летописцы и русские писатели из бояр и дворян не любили вспоминать в своих сочинениях о событиях тех дней и заслугу разгрома тушинцев в Замосковье приписывали исключительно М. В. Скопину и Ф. И. Шереметеву.[1] Д. Бутурлин, а вслед за ним Н. И. Костомаров и С. М. Соловьев первыми из русских историков обратили внимание на народное движение против тушинцев в Замосковье и Поморье в конце 1608—начале 1609 г. и пришли к выводу, что оно сыграло важную роль в победе правительственных войск над приверженцами самозванца и восстановлении в стране государственного порядка.[2] С. Ф. Платонов уточнил и развил наблюдения предшественников. Он установил, что отряды народного ополчения против тушинцев в основном состояли из посадских и черносошных крестьян Замосковья и Поморья. Если бы местные миры, по мнению историка, были предоставлены одним собственным силам, то они вряд ли бы добились успеха. Но, опираясь на центры сопротивления тушинцам в Новгороде Великом и Нижнем Новгороде, они смогли победить и сыграть важную роль в разгроме правительственными силами тушинцев в Замосковье.[3] В советской историографии, в которой движение Лжедмитрия II обычно рассматривалось в качестве скрытой иностранной интервенции, восстание народа против тушинцев трактовалось исключительно как национально-освободительное или освободительное.[4] Вывод о том, что дви-

---

[1] Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 84—94; *Шаховской С. И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси конца XVI—начала XVII в. М., 1987. С. 392—400 и др.

[2] *Бутурлин Д.* История Смутного времени. СПб., 1841. Ч. 2. С. 201—204; *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Костомаров Н. И. Собр. соч. СПб., 1904. Кн. 2. С. 354—361; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. М., 1989. Кн. IV. С. 503—515.

[3] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 253—263.

[4] *Генкин Л. Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль, 1939; *Рубинштейн Н. Л.* Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды ГИМ. 1948. Т. 20. С. 47—84;

© И. О. Тюменцев, 2007

жение Лжедмитрия II не было скрытой интервенцией Речи Посполитой против России, заставляет отнестись к гипотезе о национально-освободительном характере восстания в Замосковском крае и Поморье с большой осторожностью. Необходимо отметить, что явно недостаточно исследован вопрос влияния народного движения в Замосковье и Поморье на расстановку сил в Тушине. Все эти вопросы свидетельствуют о том, что тема нуждается в дополнительном изучении.

Проведенные в советской историографии специальные исследования по социально-экономической истории Поморья и прилегающих к нему уездов Замосковья подтвердили вывод С. Ф. Платонова о том, что здесь в силу природных условий хозяйствования преобладали тягловые посадские и крестьянские миры, а вотчины и поместья духовенства, бояр и дворян не имели такого распространения и значения, как в центральных уездах страны.[5] Крепкие, не разъединенные различными владельческими формами хозяйства местные миры, столкнувшись с тушинскими порядками, быстро разобрались, что их ждет в ближайшем будущем, и выступили против врагов.[6] С. М. Соловьев и С. Ф. Платонов, ссылаясь на свидетельства Нового летописца и документы архива Соликамского уездного суда, отметили, что земцы поднялись против тушинцев одновременно в нескольких местах.[7] П. Г. Любомиров склонялся к мысли, что непосредственным поводом для народного движения в Поволжье стали победы над тушинцами нижегородцев.[8] Н. И. Костомаров, Л. Б. Генкин, а недавно Ю. С. Васильев, опираясь на данные отписок галичан, пришли к выводу, что именно они являлись зачинателями движения против приверженцев самозванца.[9] И. С. Шепелев подчеркивал, что народ взялся за оружие стихийно, не по сигналу из Москвы, «одновременно и даже ранее» побед нижегородцев и взрыв народного возмущения сразу же охватил значительную территорию.[10] Материалы Соликамского и Сапежинского архивов помогают уточнить обстоятельства зарождения антитушинского движения в Замосковье и Поморье.

Анализ переписки между поморскими городами в ноябре—декабре 1608 г. показывает, что земцы Замосковья и Поморья, загнанные в тупик тушинскими порядками, начали искать выход из положения, жадно собирая любую информацию о том, что происходило в стране. Они готовы были ухватиться за любую мало-мальски правдоподобную весть об успехах правительственных сил, зачастую выдавая желаемое за действительное. В ноябре 1608 г. М. В. Скопин-Шуйский сидел в осаде, не успев толком провес-

---

Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в России в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 522; *Васильев Ю. С.* Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском севере в начале XVII в. Вологда, 1985.

[5] *Васильев Ю. С.* Борьба с польско-шведской интервенцией... С. 12—50.

[6] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 304; *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 371.

[7] *Соловьев С. М.* История России... С. 508—509; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 248.

[8] *Любомиров П. Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 35—36.

[9] *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 357; *Генкин Л. Б.* Ярославский край... С. 88; *Васильев Ю. С.* Борьба с польско-шведской интервенцией... С. 53.

[10] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 333.

ти переговоры о найме шведов, Ф. И. Шереметев только добрался до Казани, а по Поморью уже поползли слухи, что галичане и тотемцы получили царскую грамоту, в которой будто бы сообщалось, что царский племянник вместе со шведами, новгородцами и псковичами разгромил Тушино, а Ф. И. Шереметев со всей понизовой силой, татарами, мордвой и черемисой «давно прошел Нижний Новгород» и находится на подступах к Москве.[11] Отписки вологжан устюжанам дают основание предположить, что источниками недостоверных слухов о полном разгроме тушинцев под Москвой послужили удачные для правительственных сил бои у Троице-Сергиева монастыря и под Москвой на Филиппово заговение 11 (21) ноября 1608 г.[12] В действительности галичане, как видно из их отписок, никаких царских грамот вплоть до 1 (11) января 1609 г. не получали.[13] В первых числах ноября 1608 г. они принесли присягу Вору, и их посольство 9 (19) ноября побывало у Я. Сапеги в лагере у Троицы.[14] Ситуация в городе, судя по рассказу галицких властей в мартовской отписке царю Василию, резко изменилась к середине ноября, а уже 23 ноября (3 декабря) 1608 г., после распространения слухов о разгроме тушинцев М. В. Скопиным и Ф. И. Шереметевым, отряды местного ополчения выступили в поход против тушинцев.[15] Это свидетельство полностью подтверждается данными записи дневника Я. Сапеги за 4 (14) декабря 1609 г., в которой прямо говорится, что первыми в лагеря у Троицы пришли известия о восстании в Галиче, а сообщил гетману об этом костромской воевода кн. Д. В. Горбатый-Мосальский.[16] Из отписки устюжан вычегодцам следует, что они получили 29 ноября (9 декабря) 1608 г. известие о восстании против тушинцев в Тотьме. Если учесть, что вести между Тотьмой и Устюгом в то время шли 2—3 дня, то можно установить, что восстание там произошло около 26—27 ноября (6—7 января) 1608 г. Примечательно, что от посланника тотемцев М. Седлова устюжане узнали, что ко времени его отъезда против тушинцев вместе с галичанами уже выступили костромичи.[17] Эти данные полностью подтверждает донесение Д. Х. Кругзатти Я. Сапеге от 29 ноября (9 декабря) 1608 г. Наемник сообщил, что причиной восстания в Галиче и Костроме явились беспорядки, учиненные солдатами и их слугами. Поверенный гетмана заявил, что зачинщиком бунта будто бы является «искариот» — воевода кн. Д. В. Горбатый-Мосальский,

---

[11] Отписка устюжан вычегодцам 27 ноября (7 декабря) 1608 г. о ситуации в Замосковье // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 89. С. 182.

[12] Отписка вологжан устюжанам во второй половине декабря 1609 г. о ситуации в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 94. 2. С. 191.

[13] Грамота В. Шуйского галичанам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 90. С. 183—184; Отписка галичан тотемцам в конце октября 1608 г. // Там же. № 91. С. 185; Отписка галичан В. Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. о боях с тушинцами // АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 177. С. 204—205.

[14] Отписка ярославского воеводы кн. Ф. П. Борятинского Я. Сапеге 1 (11) ноября 1608 г. об отправке к нему посольства галичан // Сборник кн. Хилкова (далее — СХ). СПб., 1879. № 12—14. С. 25; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611 // *Hirschberg A.* Polska a Moskwa w pierwszej połowie weku XVII. Lwów, 1901. S. 197.

[15] Отписка галичан В. Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. о боях с тушинцами // АИ. Т. 2. № 177. С. 205—206.

[16] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 197.

[17] Отписка устюжан вычегодцам 30 ноября (10) декабря 1609 г. о восстании против тушинцев в Галиче и Тотьме // ААЭ. Т. 2. № 89. С. 182.

и убеждал своего хозяина ни в коем случае не присылать сюда иноземных солдат, так как они немедленно будут убиты.[18] Известие о причастности воеводы кн. Д. В. Горбатого-Мосальского к восстанию не подтверждается русскими источниками. Ветеран тушинского движения был захвачен костромичами, подвергнут пыткам и казнен.[19] Вологодцы, по данным отписки городовых приказчиков, восстали против тушинцев 29 ноября (9 января) 1608 г.[20] Известия о свержении власти тушинцев в Костроме и Вологде Я. Сапега получил через три дня после вестей о восстании в Галиче — 7(17) декабря 1608 г.[21] Приведенные факты подтверждают вывод Н. И. Костомарова, Л. Б. Генкина и Ю. С. Васильева, что движение против тушинцев началось в Галиче. Но нельзя не заметить, что стоило галичанам взяться за оружие, как буквально через несколько дней восстали вологодцы, кинешемцы, шуяне, лушане, костромичи.[22] Это наблюдение свидетельствует о правоте И. С. Шепелева, пришедшего к выводу о том, что движение против тушинцев зародилось стихийно, без каких-либо распоряжений из Москвы или Новгорода Великого.

Нижегородский мир, как свидетельствуют тексты посланий архимандрита Иоиля и отписок нижегородских воевод, вплоть до начала декабря 1608 г., ожидая помощи от боярина Ф. И. Шереметева, придерживался выжидательной тактики и в открытую борьбу с тушинцами не вступал. Тем не менее времени он зря не терял. Сопоставление текстов отписки архимандрита Иоиля и отписки нижегородских воевод обнаруживает тот факт, что местный гарнизон был усилен отрядами «волных охочих новоприборных казаков и посадских всяких людей». Только прибытие в город 1 (11) декабря 1608 г. посланного Ф. И. Шереметевым отряда «дворян и детей боярских, и татар и башкирцев, и стрелцов и казаков, и всяких ратных людей» под командованием голов Андрея Микулина и Богдана Износкова позволило нижегородцам начать боевые действия против тушинцев.[23] 2 (12) декабря 1608 г. воевода А. С. Алябьев наголову разбил тушинский отряд, приближавшийся из Балахны, и выбил врагов из этого города.[24] 5 (15) декабря 1608 г. вое-

---

[18] Письмо Д. Х. Крузатти Я. Сапеге 29 ноября (9 декабря) 1608 г. о восстании в Костроме // Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (далее — BPAU PAN). Ms. 345. № 64.

[19] Отписка вологодских воевод Н. М. Пушкина и Р. Воронова устюжанам в декабре 1608 г. о событиях в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 192.

[20] Отписка вологодских городовых приказчиков Т. Лягушкина с товарищами тотемцам 29 ноября (9 декабря) 1608 г. о восстании против тушинцев в Вологде // Там же. № 91. 2. С. 185—186.

[21] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 197.

[22] Отписка нижегородского воеводы кн. А. А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 104.2. С. 203—206; Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге с известием о поражении тушинцев у Нижнего Новгорода и восстании в Шуе // АИ. Т. 2. № 351.1. С. 418; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 161, 197.

[23] Отписка владимирского воеводы М. И. Вельяминова Я. Сапеге после 7 (17) декабря 1608 г. о действиях Ф. И. Шереметьева // СХ. № 12.26; Похвальная грамота царя В. Шуйского голове Андрею Микулину 27 мая (6 июня) 1609 г. // АИ. Т. 2. № 223. С. 262—263.

[24] Отписка нижегородских воевод муромцам 11 (21) декабря 1608 г. с убеждением присягнуть на верность В. Шуйскому// АИ. № 113. С. 141—142; Отписка нижегород-

вода рассеял другой вражеский отряд, состоявший из «изменников» — детей боярских нижегородцев, арзамасцев, алатырцев, татар и черемисы.[25] 10 (20) декабря 1608 г. пытавшиеся собраться с силами тушинцы вновь были разбиты А. С. Алябьевым в с. Ворсме.[26] Развивая успех, он нанес поражение противнику у Павлова Посада и освободил его 11 (21) декабря 1608 г.[27] Приведенные данные свидетельствуют о том, что нижегородцы выступили против тушинцев много позже галичан, вологодцев и костромичей. Их действия в отличие от походов поморцев носили ярко выраженный оборонительный характер. По своей сути это были контрудары, направленные на то, чтобы не допустить осады тушинцами Нижнего Новгорода. Все эти наблюдения подтверждают следующее: нижегородцы вопреки мнению П. Г. Любомирова не были зачинателями народного движения против тушинцев в Замосковье и Поморье. Тем не менее после его начала они стали одной из главных сил в этом движении.

Успех галичан, вологжан, костромичей, нижегородцев и др. способствовал дальнейшему распространению движения. В борьбу с тушинцами вступили муромцы, пошехонцы, романовцы, угличане, ярославцы, белозерцы, жители Устюжины Железнопольской и др.[28] Восставших поддержало население Устюга Великого и других городов Поморья, которые никогда не признавали власть Лжедмитрия II и занимали выжидательную позицию.[29] Отряды ополченцев появились в Суздальском, Владимирском, Дмитровском уездах.[30] К середине декабря движение против тушинцев охватило Кашин, Бежецкий Верх, Новгородские пятины.[31]

ского воеводы кн. А. А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами в Замосковье // ААЭ. Т. 2. № 104.2. С. 203—206; Отписка муромских воевод Н. Плещеева и К. Навалкина Лжедмитрию II и Я. Сапеге после 7 (17) декабря 1608 г. о разгроме тушинцев у Нижнего Новгорода // СХ. № 12.25.

[25] Наказная память нижегородского воеводы А. Алябьева 10 (20) декабря 1608 г. крестьянам стародубских сел с убеждением сохранять верность Василию Шуйскому // АИ. Т. 2. № 112. С. 141; Отписка нижегородских воевод муромцам... (там же. С. 141—142); Отписка нижегородского воеводы кн. А. А. Репнина пермичам... (ААЭ. Т. 2. № 104. С. 203—206).

[25] АИ. Т. 2. № 113. С. 142.

[27] Там же.

[28] Отписка нижегородского воеводы кн. А. А. Репнина пермичам... С. 203—206; Отписка нижегородского воеводы кн. А. А. Репнина муромцам 11 (21) декабря 1608 г. о боях с тушинцами в Замосковье // АИ. Т. 2. № 113. С. 141—142; Отписки суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге с известием о поражении тушинцев у Нижнего Новгорода и восстании в Шуе // Там же. № 351. С. 418—419; Отписка владимирского воеводы М. И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) декабря о восстании против тушинцев в Ярополческой волости и Гороховце // АИ. Т. 2. № 116. С. 144—145; Отписка сына боярского А. Бедова Я. Сапеге о восстании против тушинцев в Пошехонье // ДАИ. Т. 1. № 158. С. 276—277; *Буссов К.* Московская хроника 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 155.

[29] Отписка пермичей сольвычегодцам 15 (25) декабря 1608 г. // АИ. Т. 2. № 115. С. 144.

[30] Отписка владимирского воеводы М. И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) декабря о восстании против тушинцев в Ярополческой волости и Гороховце // АИ. Т. 2. № 116. С. 144—145; Отписки суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге с известием о поражении тушинцев у Нижнего Новгорода и восстании в Шуе // Там же. № 351. С. 418—419; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 198.

[31] Отписка кн. М. В. Скопина-Шуйского жителям поморских и замосковных городов в декабре 1608 г. о скором прибытии шведского наемного войска // ААЭ. Т. 2. № 95. С. 192.

В начале декабря Ф. И. Шереметев, вероятно получив известия о событиях в Галиче, Костроме, Нижнем Новгороде, попытался выполнить приказ Василия Шуйского «идти к Москве наспех». Он вышел ратью из Казани 5 (15) декабря 1608 г., 12 (22) декабря 1608 г. миновал Свияжск[32] и 22 декабря 1608 г. (1 января 1609 г.) нанес поражение тушинцам, осаждавшим Чебоксары.[33] Дальнейшее продвижение правительственного войска было остановлено нападением тушинских отрядов на Свияжск, что грозило отрезать Ф. Шереметева от его основной базы — Казани. Воевода был вынужден с частью сил вернуться назад к Свияжску и 1 (11) января 1609 г. нанес поражение осаждавшим город чебоксарским, кокшайским, алатырским «воровским людям», мордве и черемисе.[34] Взаимодействие между правительственными силами в Нижнем Новгороде и Казани было восстановлено, но Ф. И. Шереметев был вынужден на время отказаться от планов похода к Москве и вместе с казанскими воеводами боярами В. П. Морозовым и Б. Я. Бельским заняться организацией карательных акций для восстановления власти В. Шуйского в Казанском крае. Командиры правительственных отрядов получили инструкции «приводити во всех деревнях к шерти татар и черемису», «а в коих волостях не учнут шертовати, и... те волости воевать, черемису и татар побивати, и жон их и детей в полон имати, и животы грабити, и деревни жечь».[35]

В конце декабря 1608 г. полковник Кернозицкий неожиданно снял осаду города и отступил к Старой Руссе. Ю. Видекинд, видимо опираясь на рассказ П. Петрея, пришел к заключению, что тушинский полковник был якобы напуган вестями о прибытии к новгородскому рубежу шведского наемного войска.[36] Иную версию событий содержат документы архива Соликамского уездного суда и Новый летописец. В середине декабря 1608 г. устюжане получили ноябрьскую грамоту от М. В. Скопина-Шуйского, в которой сообщалось, что десятитысячное шведское наемное войско будто бы уже прибыло к русским рубежам и что он планирует направить его часть Тихвинской дорогой, по-видимому в помощь жителям Поморья.[37] В декабрьской грамоте М. В. Скопина-Шуйского по-прежнему говорилось о прибытии на Орехов ский рубеж десятитысячного наемного войска, но это сообщение явно отодвинулось на второй план. На первое место воевода поместил рассказ дворян Бежецкой пятины об успешных действиях ополченцев Поморских и Тверских городов против тушинцев. Примечательно, что об отправке части наемников Тихвинской дорогой он уже не упоминает.[38]

---

[32] *Веселовский С. Б.* Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). М., 1915. № 394. С. 519—520.

[33] Отписка вятского воеводы кн. М. Ухтомского кайгородцам в начале января 1609 г. о боях Ф. И. Шереметева с тушинцами // АИ. Т. 2. № 145.2. С. 168.

[34] Там же; Отписка вятского воеводы кн. М. Ухтомского устюжанам в середине января 1609 г. о боях Ф. И. Шереметева с тушинцами // ААЭ. Т. 2. № 100. С. 198.

[35] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2. № 230.5. Стб. 672—673.

[36] Там же. Стб. 59—60.

[37] Отписка кн. М. В. Скопина-Шуйского устюжанам в ноябре 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 94. С. 190—192.

[38] Отписка кн. М. В. Скопина-Шуйского вологжанам после 21 декабря 1608 г. // Там же. № 95. С. 192—193.

Сопоставление обеих отписок новгородского воеводы не оставляет сомнений в том, что именно восстание жителей Поморских городов, Бежецкого Верха, Городецка и Новгородских пятин, а не обещанное им прибытие шведского наемного войска резко изменило соотношение сил между тушинцами и правительственными отрядами в Новгородской земле. Авторы Нового летописца полностью подтверждают этот вывод. Они прямо говорят, что отступление Кернозицкого было напрямую связано с продвижением к Новгороду Великому отрядов С. Горихвостова из Тихвина и Е. Резакова из Заонежских погостов. Эти отряды, по словам летописцев, состояли из «всяких людей», т. е. являлись отрядами земского ополчения.[39] Выводы С. Ф. Платонова о том, что восстание жителей Поморских и Замосковных городов вряд ли достигло бы успеха без помощи М. В. Скопина, Ф. И. Шереметева, устюжан и нижегородцев, как видно из приведенных данных, нуждаются в уточнении.[40] Прежде чем найти опору в этих центрах сопротивления правительственных сил тушинцам, восставшие жители Поморья и Замосковья выручили правительственные войска из крайне затруднительного, почти безвыходного положения, помогли собраться с силами для того, чтобы продолжить борьбу.

Документы архива Соликамского уездного суда позволяют выяснить характер зародившегося движения. Галичане в своей отписке царю подчеркнули, что костяк их отрядов составляли даточные посадские, крестьяне и дворяне.[41] Устюжане в своей отписке вычегодцам полностью подтвердили эти данные. Они сообщили, что в Галиче и Костроме против тушинцев поднялись «служилые люди и всякие волостные и дворцовых сел крестьяне».[42] Местную администрацию в Костроме возглавил стольник Б. М. Салтыков.[43] В Вологде инициативу выступления против тушинцев взяли на себя посадские земские целовальники Т. Лягушкин с товарищами, посадские и волостные «лутчие люди».[44] Воевода Н. Пушкин и дьяк Р. Воронов возглавили местную администрацию уже после свержения тушинцев, когда их выпустили из тюрьмы.[45] В Пошехонье в движении против тушинцев приняли участие князья, дети боярские и «волостные многое люди».[46] В Юрьевце Поволжском движение, по данным Нового летописца, возглавил сытник Федор Красный-Бобарыкин, в Решме — крестьянин Гришка Лапша, на Балахне — Иван Кувшинников, в Городце — Федор Нагавицын, на Холую — Илья Деньгин.[47] Приведенные данные свидетельствуют о том, что в движе-

---

[39] Новый летописец. С. 85—86.

[40] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 253—263.

[41] Отписка галичан Василию Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 177. С. 204—205.

[42] Отписка устюжан вычегодцам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. // Там же. № 89. С. 182.

[43] Отписка вологодцев устюжанам во второй половине декабря 1608 г. // Там же. № 94.2. С. 192.

[44] Отписка вологодцев тотмичам 29—30 ноября (9—10) декабря 1608 г. // Там же. № 91.2. С. 185.

[45] Отписка вологодцев устюжанам во второй половине декабря 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 94.2. С. 191—192.

[46] Там же.

[47] Новый летописец. С. 86.

нии против тушинцев принимали активное участие все слои населения Поморья: посадские, крестьяне, служилые люди, духовенство. Оно проходило под лозунгом восстановления власти царя В. Шуйского. Посадские, дворяне и крестьяне повсеместно смещали тушинских воевод и дьяков, возвращали должности прежним руководителям администрации, отказавшимся от сотрудничества с тушинцами, создавали отряды ополчений.[48] В источниках не сохранились данные о расправах посадских и крестьян над дворянами и богатыми купцами. Наоборот, имеются факты, свидетельствующие о стремлении восставших привлечь на свою сторону дворян и использовать их опыт и средства для борьбы с врагами.[49] Репрессиям подверглись только наемники и представители тушинской администрации.[50] Приведенные факты позволяют прийти к выводу, что народные выступления не носили антифеодального характера. Зародившееся в Поморье движение было направлено против «воровского» тушинского режима за восстановление государственного порядка, поэтому его, по нашему мнению, можно оценить как земское.

Восставшие, как показывает переписка между городами, восприняли содержавшиеся в грамотах Василия Шуйского оценки движения Лжедмитрия II как организованного «Литвою», чтобы уничтожить Православие.[51] Они старательно подчеркивали, что, по полученным у тушинцев сведениям, «вор Дмитрий взят из Стародуба, а взяла его Литва».[52] Сообщая о боях с тушинцами, они использовали формулу «богоотступники Литовские люди и русские изменники» и рассказывали о поругании иноверцами православных храмов и икон.[53] Призывы к борьбе с иноверцами явно преследовали цель объединения всего русского мира под знаменами Православия в движении за восстановление государственного порядка.

Мемуаристы свидетельствуют о том, что руководители движения самозванца поначалу не поняли смысла событий в Замосковье и Поморье. Они решили, что по-прежнему имеют дело с шайками разбойников, которые состояли из их беглых слуг и русских уголовников.[54] Я. Сапега отправил против них полк Я. Стравинского, а Р. Ружинский роту Б. Ланцкоронского.[55] Падение Костромы и восстание в Ярославле показали всю опасность происходящего и заставили тушинские власти принять дополнительные ме-

---

[48] Отписка вологодцев тотмичам 29—30 ноября (9—10) декабря 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 91.2. С. 185; Отписка нижегородского воеводы кн. А. А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами у Нижнего Новгорода // Там же. № 104.2. С. 203—206; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 177; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 197.

[49] Отписка вологодцев устюжанам во второй половине декабря 1608 г. С. 192.

[50] Там же; Отписка нижегородского воеводы кн. А. А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами у Нижнего Новгорода. С. 203—206; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 197, 351.

[51] Грамоты В. Шуйского галичанам 30 ноября (10 декабря) 1608 г. и устюжанам 23 декабря (2 января) 1608 г. // ААЭ. Т. 2. № 90, 93. С. 183—184, 188—189.

[52] Расспросные речи тушинцев в Тотьме // Там же. № 91. С. 186.

[53] Отписка вычегодцев пермичам 20 (30) января 1609 г. о сборе ополчения против тушинцев // Там же. № 102. С. 200.

[54] *Рожнятовский А.* Дневник М. Мнишек. СПб., 1995. С. 129; *Marchocki M.* Historya wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 45.

[55] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 197; *Marchocki M.* Hystorya... S. 45; *Рожнятовский А.* Дневник М. Мнишек. С. 129—130.

ры. Р. Ружинский и Я. П. Сапега выслали против повстанцев крупные карательные отряды. Полковник А. Лисовский, Э. Стравинский и Б. Ланцкоронский с 2 тыс. казаков и 608 наемниками двинулись на Ярославль, Кострому и Вологду,[56] ротмистр Казаковский со своими людьми — на Устюжину Железнопольскую,[57] суздальский воевода Ф. К. Плещеев и ротмистр А. Соболевский с дворянами и наемниками — на Шую, Лух и Кинешму,[58] кн. С. Вяземский с русскими дворянами и казаками — на Нижний Новгород.[59] Плохо вооруженные, необученные, не имевшие единого руководства отряды земских ополчений не смогли выдержать ударов хорошо оснащенных тушинских полков и рот, состоявших в основном из профессиональных воинов. Около 11 (21) декабря 1608 г. А. Лисовский и его солдаты подавили народное восстание против тушинцев в Ярославле,[60] ротмистр А. Соболевский и суздальский воевода Ф. К. Плещеев разбили земцев у Шуи, а Э. Стравинский — у Соли Великой.[61] Два дня спустя 23 декабря (2 января) 1608 г. А. Лисовский и Э. Стравинский разгромили ополченцев у с. Данилова.[62] Затем каратели 28 декабря (7 января) 1608 г. захватили Кострому, а 3 (13) января 1609 г. — Галич.[63] Каратели огнем и мечом прошли по приволжским уездам Замосковного края и Поморья. Посадские и крестьяне этих уездов были вынуждены вновь целовать крест Лжедмитрию II и выплатить его воинам громадную денежную контрибуцию — откупной налог по 150 руб. с сохи.[64] В качестве главной ударной силы наемники использовали ветеранов повстанческого движения, которые искренне верили, что творят благое дело, уничтожая врагов «доброго царя Дмитрия». Их безжалостность поражала даже наемников, которые, по словам А. Палицына, заявляли: «Внимаем себе братие, что сии русаки друг другу содевают; нам же что будет от них?»[65] Террор против мирного населения окончательно превратил посадских и крестьян Поморья и Замосковья в непримиримых врагов тушинцев. Сторонникам Лжедмитрия II удалось сбить первую, стихийную волну народных выступлений. Однако их победа не была полной и окончательной. Жители Вологды, Устюжны Железнопольской, Устюга Великого и других городов и уездов Поморья смогли отразить нападение карателей.[66] Нижего-

---

[56] Расспросные речи Т. И. Ленкова в Соль Вычегодске 22 января (1 февраля) 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 103. С. 203; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 197—198; *Буссов К.* Московская хроника... С. 155; *Marchocki M.* Hystorya... S. 45.

[57] Повесть об Устюжне Железнопольской // РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 798—799.

[58] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге в середине декабря 1608 г. о разгроме «изменников» у Шуи // АИ. Т. 2. № 110. С. 139—140.

[59] Отписка муромского воеводы Н. Ю. Плещеева Я. Сапеге 8 (18) января 1609 г. о разгроме тушинцев у Нижнего Новгорода // Там же. № 131. С. 155.

[60] *Буссов К.* Московская хроника... С. 155.

[61] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 199; Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге в середине декабря 1608 г. о разгроме повстанцев у Шуи // АИ. Т. 2. № 110. С. 139—140.

[62] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 199; *Буссов К.* Московская хроника... С. 155.

[63] Отписки вологжан устюжанам после 12 (24) января 1609 г. о взятии тушинцами Костромы и Галича // ААЭ. Т. 2. № 97—98. С. 194—195; Отписка галичан царю Василию Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 177. С. 206.

[64] Отписка галичан царю Василию Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. С. 206.

[65] *Палицын А.* Сказание. М.; Л., 1955. С. 268.

[66] Повесть об Устюжне Железнопольской. Стб. 798—799.

родцы в бою у своего города 11 (21) января 1609 г. наголову разгромили отряд кн. С. Вяземского и отбросили тушинцев к Мурому и Владимиру.[67]

Изучая историю восстания против тушинцев в Замосковье и Поморье, исследователи не придали значения показаниям документальных источников о том, что в критический для земского дела момент посадских и крестьян предали городовые дворянские корпорации. Источники свидетельствуют о следующем: в боях с земцами на стороне тушинцев приняли участие владимирские, суздальские, юрьевские, лушские, ярославские, переяславские дворяне.[68] Костромские и галицкие дети боярские, по словам посадских и крестьян, в решающий момент перешли на сторону тушинцев и помогли им захватить Кострому. Стремясь продемонстрировать свою преданность «царю Дмитрию», они расправлялись с недавними товарищами по оружию с особой жестокостью.[69] В январе 1609 г. вологжане жаловались устюжанам, что «Костромичи, и Ярославцы, и Романовские тотарове, и Пошехонцы дети боярские» собираются напасть на их город.[70] Позиция, занятая значительной частью дворян, поддержавших карательные акции тушинцев против посадских и крестьян, грозила привести к глубокому социальному конфликту среди земцев Замосковья и Поморья. Гражданская война в России могла перейти в новую классовую фазу. Но этого не произошло.

Документальные источники показывают, что карательные акции тушинцев против земцев лишь на время задержали развитие земского движения. Не успели тушинские отряды вернуться в свои лагеря, как посадские и крестьяне вновь взялись за оружие. В первых числах февраля 1609 г. Ф. Бобарыкин и земцы из Юревца Поволжского и соседних городов и волостей разгромили тушинского воеводу Ф. К. Плещеева и суздальских дворян у с. Дунилова под Шуей и создали реальную угрозу захвата Суздаля.[71] Я. Сапега срочно отправил в Суздаль значительные подкрепления — роты наемников М. Соболевского, Я. Жичевского, размещенные в Суздальском у., усилен-

---

[67] Отписка владимирского воеводы М. И. Вельяминова Я. Сапеге 11 (21) января 1609 г. с известием о разгроме тушинцев у Нижнего Новгорода // АИ. Т. 2 № 134. С. 156—157; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 201; *Любомиров П. Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. С. 36.

[68] Отписка владимирского воеводы М. И. Вельяминова Я. Сапеге 16 (26) декабря 1608 г. о действиях нижегородцев // АИ. Т. 2. № 116. С. 144—145; Отписки суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге в первой половине декабря 1608 г. о боях с земцами у Шуи // Там же. № 110, 351. С. 139—140, 418—419; Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева юрьевскому воеводе Ф. М. Болотникову 11 (21) февраля 1609 г. о боях с земцами // Там же. № 153. С. 177; List Jnikowskiego do J. Sapiehi 28 listopada (8 grudzenia) 1608 r. // Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины (далее — ОР ЛНБ НАНУ). Ф. 103. Оп. 1. № 58.

[69] Отписка вологжан устюжанам 12 (22) января 1609 г. о захвате тушинцами Костромы // ААЭ. Т. 2. № 97. С. 194; Отписка галичан Василию Шуйскому 15 (25) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 177. С. 204—205.

[70] Отписка вологжан к устюжанам в январе 1609 г. об угрозе похода тушинцев на Вологду и с просьбой о помощи // ААЭ. Т. 2. № 98. С. 195.

[71] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева юрьевскому восводе Ф. М. Болотникову 11 (21) февраля 1609 г. о своем поражении у с. Дунилова и об опасности захвата Суздаля // АИ. Т. 2. № 153. С. 177—178; Отписка юрьевского восводы Ф. М. Болотникова Я. Сапеге 17 (27) февраля 1609 г. об угрозе захвата Суздаля приверженцами Василия Шуйского // СХ. № 12.61. С. 67—69; Новый летописец. С. 87; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 205—206.

ные присланными из лагеря у Троицы ротами И. Мирского, Дзевелтовского, суздальскими и лушскими дворянами. Тушинские отряды нанесли поражение ополченцам Ф. Бобарыкина 17 (27) февраля 1609 г. и отбросили их от Суздаля. Победа не была полной и окончательной. Наемники, по их словам, из-за больших снегов не смогли на конях преследовать противника, и много «мужиков» смогло уйти от погони на лыжах.[72] Развивая достигнутый успех, тушинские отряды в марте 1609 г. разгромили ополченцев в Шуе, разорили Плес, Лух и Холуй.[73]

Почти одновременно пришли тревожные для тушинцев вести из Костромы, в которой, по словам ярославского воеводы кн. Ф. П. Барятинского, «опять заворовались мужики».[74] Вскоре Я. Сапега узнал, что костромские и галицкие дворяне, предавшие ополченцев в декабре 1608 г., сполна заплатили за свою измену. Посадские и крестьяне устроили им в Костроме кровавую баню. Около 200 дворян вместе с семьями были утоплены в Волге. Казни подверглось также протушински настроенное духовенство. Остатки тушинского гарнизона заперлись в Ипатьевском монастыре.[75] События в Костроме явились чрезвычайно опасной для земского движения вспышкой социальной борьбы. Расправы сильно напугали дворян, что не могло не сказаться на развертывании земского движения в Замосковье и Поморье. Посланные в Кострому ротмистр Сума и ростовский воевода И. Ф. Наумов 3 (13) марта 1608 г. во второй раз отбили город у земцев.[76] Но уже 12 (22) марта 1609 г. костромской воевода Н. Вельяминов сообщил Я. Сапеге, что вновь сидит в осаде от «вологодских и поморских мужиков», и просил срочной помощи.[77] Полковник С. Тышкевич был вынужден идти на помощь тушинцам к Костроме с новыми подкреплениями и дать еще одно сражение ополченцам у стен города. Тушинская группировка в Костроме достигла 1 тыс. человек.[78]

Тем временем ухудшилась обстановка в районе Романова. 3 (13) марта 1609 г. отряды земского ополчения из Каргополя, Белоозера, Устюга и др.

---

[72] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге от 20 февраля (2 марта) 1609 г. о взятии Плеса // СХ. № 12.42. С. 49; Отписка юрьевского воеводы Ф. М. Болотникова Я. Сапеге 17 (27) февраля 1608 г. о разгроме ополченцев у Суздаля // СХ. № 12.61. С. 67—69; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 207.

[73] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге от 20 февраля (2 марта) 1609 г. о взятии Плеса. С. 49; Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге 6 (16) марта 1609 г. о захвате Холуя // АИ. Т. 2. № 170; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 206—209.

[74] Отписка ярославского воеводы кн. Ф. П. Барятинского Я. Сапеге 5 (15) февраля 1609 г. о восстании в Костромском уезде // АИ. Т. 2. № 155. С. 178—179.

[75] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 209.

[76] Отписка ярославского воеводы кн. Ф. П. Барятинского Я. Сапеге 3 (13) марта 1609 г. о захвате приверженцами В. Шуйского Романова и Костромы // АИ. Т. 2. № 163. С. 193; Отписка ростовского воеводы И. Ф. Наумова Я. Сапеге 3 (13) марта 1609 г. о захвате приверженцами В. Шуйского Костромы // СХ. № 12.44. С. 50—51; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 208—209.

[77] Отписка костромского воеводы Н. Д. Вельяминова Я. Сапеге 12 (22) марта 1609 г. о нападении «изменников» на Кострому и с просьбой о помощи // АИ. Т. 2. № 172. С. 199.

[78] Отписка ярославца Е. Козьмина Я. Сапеге 12 (22) марта 1609 г. // Там же. № 173. С. 199—200; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 208—210.

во главе с И. Трусовым выбили тушинцев из Романова.[79] Примечательно следующее: убеждая местных князей, детей боярских, служилых татар и посадских целовать крест Василию Шуйскому, головы сочли необходимым опровергнуть «слухи» о том, что ополченцы будто бы дворян и детей боярских побивают, и призвали романовцев радеть о земском деле. Эти объяснения, по-видимому, понадобились земцам после кровавых костромских событий. Отряды ополчения из других городов сочли необходимым откреститься от действий своих товарищей из Костромы и Галича.[80] Полковник С. Тышкевич с ярославскими дворянами был вынужден вернуться из-под Костромы. После кровопролитного боя 8 (18) марта 1609 г. ему удалось отбить Романов у земцев.[81] Но не успел он уйти на помощь тушинцам к Костроме, как ополченцы опять захватили Романов, Пошехонье, Мологу, Соль Рыбную.[82] В конце марта—начале апреля 1609 г. создалась реальная угроза захвата Углича.[83]

В конце февраля—начале марта 1609 г. Я. Сапега получил известие, что правительственные войска осадили Арзамас.[84] Затем, 17 (27) марта 1609 г., гетман узнал, что помогавшие Ф. И. Шереметеву ногайцы захватили и сожгли Шацк. Отряды татар, мордвы, черемисы, осаждавшие Ф. И. Шереметева в Чебоксарах, оказались в чрезвычайно затруднительном положении и были вынуждены отступить.[85]

Тушинцы несомненно обладали военным преимуществом перед не подготовленными в военном отношении, наспех сколоченными отрядами ополчений. Земцы терпели поражение за поражением, их убивали, грабили, сжигали деревни и села, но каждый раз они вновь собирались с силами и наносили удары по противнику с невиданным ожесточением и упорством. Города переходили из рук в руки, тушинским гетманам приходилось бросать в бой все новые и новые отряды наемников, казаков и дворян, но выиграть войну с народом они уже не могли.

Весной 1609 г. отношение основной массы дворян к движению Лжедмитрия II начало меняться. Первоначальные иллюзии, что верная служба самозванцу поможет спасти вотчины и поместья от конфискаций и разграбления и позволит повысить денежные и земельные оклады, развеялись как дым. Тушинские загонщики, несмотря на все запреты, разоряли вотчины и

---

[79] Отписка ярославского воеводы кн. Ф. П. Барятинского Я. Сапеге 3 (13) марта 1609 г. о захвате приверженцами В. Шуйского Романова и Костромы. № 163. С. 193; Отписка ратных голов Л. Трусова с товарищи романовцам с призывом целовать крест В. Шуйскому // АИ. Т. 2. № 150. С. 175—176; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 208.

[80] Отписка ратных голов Л. Трусова с товарищи романовцам с призывом целовать крест В. Шуйскому // АИ. Т. 2. № 150. С. 175—176.

[81] Отписка ярославца Е. Козьмина Я. Сапеге 12 (22) марта 1609 г. // АИ. Т. 2. № 173. С. 199—200; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 210.

[82] Отписка Ф. Палицына устюжанам 16 (26) марта 1609 г. // ААЭ. Т. 2. № 113. С. 215—216.

[83] Отписка угличского воеводы М. Ловчикова Я. Сапеге 31 марта (9 апреля) 1609 г. об угрозе захвата земцами Углича // АИ. Т. 2. № 183. С. 213—214; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 213.

[84] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 207—208.

[85] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 211.

поместья дворян и бояр точно так же, как дворцовые и черные волости. Самих служилых людей тушинцы безжалостно бросали в бой против своих врагов, ни в грош не ставя их жизни и не обращая внимания на заслуги.[86] Городовые дети боярские за несколько месяцев властвования приверженцев самозванца смогли убедиться, что большая часть собираемых в стране налогов идет на жалование наемникам, а конфискованные вотчины и поместья «изменников», черные и дворцовые земли раздаются отнюдь не по заслугам главным образом фаворитам самозванца.[87] Последней каплей, переполнившей чашу терпения служилых людей, явилось проведенное по приказу Лжедмитрия II в апреле—мае 1609 г. изъятие у тушинских бояр и дворян всех ранее розданных им дворцовых земель в Переяславском и Суздальском уездах. Оно показало, что щедрые тушинские пожалования ровным счетом ничего не стоят.[88] Весной 1609 г. дворяне, как и тягловые слои населения Замосковья и Поморья, почувствовали себя загнанными в угол. К тому времени присланные царем В. Шуйским, воеводами М. В. Скопиным-Шуйским и Ф. И. Шереметевым в восставшие города и уезды Поморья головы сделали все возможное, чтобы не допустить повторения костромских событий, и в конечном счете сумели уладить конфликт между дворянами, посадскими и крестьянами.[89]

В марте—апреле 1609 г. в ходе боев земцев с тушинцами наступил явный перелом. 18 (28) марта 1609 г. муромцы — дворяне, посадские и крестьяне — целовали крест царю Василию.[90] 27 марта (6 апреля) 1609 г. владимирцы — дворяне, посадские и крестьяне, — получив помощь из Нижнего Новгорода и Мурома, поднялись против тушинцев.[91] Вместе с ними целовали крест Василию Шуйскому и многие дворяне из Юрьева Польского.[92] Назревал переворот и в Суздале, который архиепископ Галактион, суздальские и луховские дворяне, по-видимому, хотели осуществить, как только к городу подойдут отряды из Владимира, но присланный Я. Сапегой полковник А. Лисовский с 3 тыс. казаков и Я. Стравинский с несколькими хоругвями пятигорцев упредили заговорщиков и жестоко с ними распра-

---

[86] *Палицын А.* Сказание. С. 267—268.

[87] Nowiny z Moskwy w lutym 1609 r. // ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 168. Л. 540.

[88] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 15 (25) марта 1609 г. об отправке сытников в дворцовые села Переяславского уезда // АИ. Т. 2. № 198. С. 229—230; Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) мая 1609 г. об отправке сытников в дворцовые села Суздальского уезда // СХ. № 12.62. С. 69.

[89] Грамота царя В. Шуйского вологжанам 20 февраля (2 марта) 1609 г. о назначении голов в отряды ополчения // ААЭ. Т. 2. № 107. С. 208; Отписка нижегородского воеводы кн. А. А. Репнина пермичам в конце декабря 1608 г. о боях с тушинцами // Там же. № 104.2. С. 203-—206; Отписка воевод поморского ополчения Иль-мурзе Юсупову и романовцам 9 (19) февраля 1609 г. с предложением целовать крест В. Шуйскому // АИ. Т. 2. № 150. С. 175—176.

[90] Отписка владимирского воеводы М. И. Вельяминова Лжедмитрию II 18 (28) марта 1609 г. об «измене» Мурома // СХ. № 12.48. С. 55—56; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 212.

[91] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге 27 марта (6 апреля) 1609 г. об «измене» Владимира // СХ. № 12.56. С. 62—64; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 213; Новый летописец. С. 87.

[92] Отписка юрьевского воеводы Ф. М. Болотникова Я. Сапеге в мае 1609 г. с просьбой о помощи // АИ. Т. 2. № 215. С. 253—254.

вились.[93] В Суздале к отряду А. Лисовского и Я. Стравинского присоединились Ф. К. Плещеев и А. Посовецкий с местными дворянами. Тушинцы подошли к Владимиру 3 (13) апреля 1609 г. в тот момент, когда нижегородские, казанские и владимирские ратники вышли из города, намереваясь наступать на Суздаль. Нападение тушинцев было полной неожиданностью для ополченцев. Они были смяты, не успев развернуться в боевые порядки. Часть земцев укрылась в городе, многие погибли, большинство же было рассеяно. Одержав победу, тушинцы предложили владимирцам сдаться, но те ответили отказом, прекрасно зная, что их ждет. Владимир в то время представлял собой первоклассную крепость, и его можно было оборонять довольно длительное время. Неделю провели тушинцы у города, пытаясь найти способ овладения городом.[94]

Временные успехи тушинцев не могли существенно изменить ситуацию в Замосковье, так как 7—8 (17—18) марта 1609 г. против тушинцев выступили жители крупного города Ярославля.

Об обстоятельствах перехода ярославцев на сторону правительственных сил исследователи главным образом судят по отписке земского воеводы Н. Вышеславцева в Вологду. Записи дневника Я. Сапеги подтверждают и уточняют его рассказ. Источники свидетельствуют, что к апрелю 1609 г. в Ярославле, как и в Суздале, созрел заговор, в котором приняли участие воевода И. И. Волынский, дьяк Т. Копнин и местные дворяне. Получив известие о приближении к городу отрядов земских ополчений, С. Тышкевич вышел из Ярославля навстречу противнику, рассчитывая разгромить их в поле, где конница наемников имела преимущества над плохо вооруженными пешими ополченцами. Бой произошел у с. Егорьевского 7 (17) апреля 1609 г. Лихо атаковав противника, наемники начали одерживать верх, когда совершенно неожиданно для них на сторону ополченцев перешли ярославские дворяне. Это решило исход боя. Тушинский отряд был разгромлен наголову. С. Тышкевич смог пробиться из окружения с немногими людьми.[95]

Получив известия о разгроме С. Тышкевича в бою у с. Егорьевского и о приближении к городу отрядов ополчения, посадские Ярославля 8 (18) апреля 1609 г. отказались повиноваться тушинским воеводам и принесли присягу царю Василию Шуйскому. Полковник С. Тышкевич, «боярин» кн. Ф. П. Барятинский с десятью человеками, а также ротмистр Стрела, захвативший И. И. Волынского, едва выбрались живыми из города. Большин-

---

[93] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге о походе тушинцев к Владимиру // АИ. Т. 2. № 195. С. 225—226; Обыскное дело дворянина Г. Аргамакова и его дворников // Архив СПб. ИИ РАН. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 250, 301—302; Челобитная дворянина Г. Аргамакова Я. Сапеге (апрель 1609 г.) с просьбой заступиться за него // Stokholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Ryska brev. (далее — SRSRB). E. 8610(2). № 104; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 210, 229.

[94] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге о походе тушинцев к Владимиру // АИ. Т. 2. № 195. С. 225—226; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 215, 217.

[95] Отписка воеводы Н. Вышеславцева в Вологду о разгроме тушинцев в Ярославле // ААЭ. Т. 2. № 11. С. 220; *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 386—388.

ство их солдат и слуг были схвачены или убиты.[96] Гетману пришлось срочно направить к городу полк Я. Микулинского, перебросить туда же из-под Владимира отряд А. Лисовского.[97] Лжедмитрий II и Р. Ружинский отправили к Ярославлю А. Ружинского, Й. Будилу и И. Ф. Наумова с дворянами.[98] Продвижение тушинских отрядов на Ярославль, по всей видимости, было задержано массовым народным движением в Ростовском, Юрьевском, Переяславском и Московском уездах. Сапежинцам понадобилось время для того, чтобы остановить волну народных выступлений, вызванную восстаниями в Ярославле и Владимире, и подготовить Ростов, Юрьев и Переяславль к обороне на случай нового наступления противника.[99] За две недели передышки ярославцы смогли получить крупные подкрепления, артиллерию и боевые запасы из Поморских городов.[100] По данным ярославских воевод, вместе с ними сели в осаду дворяне и дети боярские: вологжане, пошехонцы, ярославцы, костромичи, галичане, ростовцы, романовцы, ярославцы, посадские, уездные и всякие жилецкие люди.[101]

Попав в лагерь Я. Сапеги, «боярин» И. В. Волынский решительно отверг выдвинутые против него обвинсния в измене и поклялся, что если его отпустят в Ярославль, то он непременно убедит жителей вновь принести присягу Лжедмитрию II. Ему удалось убедить Я. Сапегу направить его в восставший против тушинцев город. Бывший ярославский воевода уехал не один. Его сопровождал немец И. Шмидт. Этот человек, как установил Л. Б. Генкин, осел в городе задолго до начала Смуты и сыграл не последнюю роль в организации присяги ярославцев Лжедмитрию II.[102] Во время первой попытки отрядов ополчений захватить город в декабре 1608 г. И. Шмидт выручил из беды осевшего в Ярославле купца нидерландца Даниэля Эйлофа и его дочерей, ссудив им денег для выкупа из плена.[103] По дороге в Ярославль И. Шмидт написал Яну Сапеге письмо, в котором сообщил о ситуации в Ярославле и Ростове и о своих планах.[104] Посланец не

---

[96] Отписка ростовского воеводы М. И. Колодкина-Плещеева Я. Сапеге 9 (19) апреля 1609 г. о восстании в Ярославле // СХ. № 12.58. С. 65; Письмо И. Шмидта Я. Сапеге 12 (22) апреля 1609 г. // BPAU PAN, Ms. 360. Л. 609. Прил. № 2; *Будила Й.* История Ложного Дмитрия // РИБ. СПб., 1872. Т. 1. С. 151; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 216—217.

[97] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 216—217.

[98] Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге об организации обороны Ростова от ярославцев // СХ. № 12.60. С. 66—67; *Будила Й.* История Ложного Дмитрия. Стб. 151.

[99] Отписка ростовского воеводы М. И. Колодкина-Плещеева Я. Сапеге 8 (18) мая 1609 г. о невозможности послать гонца из-за действий «изменников» // СХ. № 12.58. С. 65; Отписка юрьевского воеводы Ф. М. Болотникова Я. Сапеге с просьбой о помощи // АИ. Т. 2. № 215. С. 253—254.

[100] Отписка вологжан вычегодцам в мае 1609 г. о сражении с тушинцами в Ярославле // ААЭ. Т. 2. № 118. С. 223.

[101] Отписка ярославских воевод Н. Вышеславцева с товарищами вычегодцам в мае 1609 г. о боях с тушинцами у Ярославля // Там же. № 123.1. С. 229.

[102] *Генкин Л. Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 70. — Утверждение К. Буссова, что он был вторым воеводой Ярославля, не подтверждается другими источниками (Московская хроника... С. 155).

[103] *Буссов К.* Московская хроника... С. 155, 157, 287, 290—291.

[104] ААЭ. Т. 2. № 178, 188.

смог выполнить поручения гетмана, так как сразу же после появления в Ярославле был выдан Даниэлем Эйлофом и, возможно, И. И. Волынским, схвачен ярославцами и вскоре казнен. Его, по данным К. Буссова, бросили в кипящий котел, а затем опрокинули содержимое на головы штурмовавших город тушинцев.[105]

Бои за Ярославль начались 30 апреля (10 мая) 1609 г. и с короткими перерывами длились почти весь май. Укрепления города были деревянными, только Спасо-Ефимиев монастырь имел каменные стены. Первый приступ 30 апреля 1609 г. защитники успешно отбили. На следующий день, 1 (11) мая 1609 г., тушинцам удалось зажечь посад. Предатель открыл ворота города. Тушинцы ворвались на улицы ярославского посада и устроили там резню. Горожане и поморские ратники с боем отступили в кремль и Спасо-Ефимиев монастырь. Посад был разграблен и сожжен. Все последующие попытки тушинцев захватить кремль и Спасо-Ефимиев монастырь не увенчались успехом.[106]

Тем временем отряды земских ополчений возобновили наступление из Владимира на Суздаль и из Мурома на Касимов.[107] Я. Сапега и полковники поняли, что у них уже не хватает сил для остановки нарастающего натиска земских ополчений, и созвали общевойсковое собрание — генеральное коло. Посовещавшись, наемники решили, что у них остался единственный выход — пополнить свои ряды, вызвав из деревень приставов и слуг.[108] Реализация этой вынужденной меры положила начало разрушению созданных наемниками параллельных структур местного управления. Иноземные солдаты утратили контроль над ситуацией в замосковных волостях. Тушинский режим начал разрушаться в провинции.

Несмотря на принятые меры, во Владимир удалось направить только 300 конных и 200 пеших воинов.[109] В Касимов из Тушина срочно перебросили местных татар, которые разгромили муромского воеводу Алябьева, чем вызвали замешательство в Муроме и Владимире.[110] Но не надолго: 14 (24) июня 1609 г. владимирцы попытались вновь захватить Суздаль и опять потерпели поражение. На следующий день ротмистр Сума и воевода Ф. К. Плещеев, преследуя противника, напали на Владимир и зажгли его посад. Бóльшая часть города выгорела дотла, а множество жителей погибло под тушинскими саблями. Однако на требование врагов сдаться защитники города, засевшие в кремле, ответили категорическим отказом.[111] С большим

---

[105] Там же.

[106] Отписка ярославских воевод С. Гагарина с товарищи вычегодцам в мае 1609 г. о боях с тушинцами и просьбой о помощи // ААЭ. Т. 2. № 123.2. С. 228—230; *Будила Й.* История Ложного Дмитрия. Стб. 151—155; *Буссов К.* Московская хроника... С. 158; Отписка ростовского воеводы И. Ф. Наумова Я. Сапеге в мае 1609 г. о военных действиях у Ярославля // АИ. Т. 2. № 228. С. 268—269; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 219.

[107] Отписка юрьевского воеводы Ф. М. Болотникова Я. Сапеге 11 (21) мая 1609 г. с просьбой о помощи против владимирцев // АИ. Т. 2. № 215. С. 253—254; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 219.

[108] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 218—219.

[109] Ibid.

[110] Ibid. S. 221.

[111] Отписка суздальского воеводы Ф. К. Плещеева Я. Сапеге 14 (26) июня 1609 г. о боях с «изменниками» // АИ. Т. 2. № 235. С. 277; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 228—229.

трудом тушинцам удалось остановить наступление земцев на востоке Замосковья.

Иначе для тушинцев развивались события на севере Замосковья. 15 (25) апреля 1609 г. угличане открыли ворота города отрядам ополчений и встретили кашинских дворян и поморских ратников хлебом-солью.[112] Подошедший к городу 4 (14) мая тушинский отряд из Калязина монастыря был наголову разбит в бою 21 (31) мая 1609 г.[113] 16 (26) апреля 1609 г. костромской воевода «боярин» Н. Д. Вельяминов сообщил Яну Сапеге о приближении к городу новых отрядов ополчения и опять просил помощи.[114] 1 (10) мая 1609 г., как следует из отписки Н. Д. Вельяминова, Ипатьевский монастырь осадил отряд Д. Жеребцова, который состоял из детей боярских: костромичей, галичан, нижегородских и сибирских стрельцов, галицких, унженских, парфеньевских и судайских казаков.[115] Примечательно, что и здесь местные дворяне выступили вместе с посадскими и крестьянами против тушинцев. Н. Д. Вельяминов, по его словам, храбро сражался против «государевых изменников» и нанес им тяжелое поражение. Однако, как видно из того же письма и из записей дневника Я. Сапеги, результаты его «ратных подвигов» были весьма скромными. Ополченцы, приступили к планомерной осаде хорошо укрепленного Ипатьевского монастыря.[116] В начале июня 1609 г. полки А. Лисовского, Й. Будилы, Пузелевского и «окольничего» И. Ф. Наумова были вынуждены отказаться от безуспешных попыток захватить Ярославль и выступили на выручку тушинцам в Костроме.[117]

Анализ хода боев тушинцев и земцев в Замосковье и Поморье показывает, что благодаря переходу на сторону земцев основной массы дворян Мурома, Владимира, Ярославля, Пошехонья и Углича весной 1609 г. инициатива полностью перешла в руки отрядов земского ополчения. Они еще до прихода правительственных войск нанесли ряд крупных поражений тушинцам и освободили такие важные центры Замосковья, как Ярославль, Владимир, Углич, Романов, Пошехонье, Муром и др. Однако кровавые расправы в Костроме и Галиче, по-видимому, не прошли бесследно. Бельский летописец подметил любопытную деталь: весной 1609 г. многие дворяне, вероятно напуганные происшедшим, не решились участвовать в земском движении со своими городами и «почали из городов приезжати к Москве к царь Василию Ивановичу всея Русии и в Великий Новгород к племяннику его ко князь Михаилу Васильевичу Скопину».[118] Эти данные находят подтверждение в польском источнике. В начале мая 1609 г. в Речи Посполитой были получены сведения о массовых отъездах дворян из Тушина в Москву. По данным письма В. Рудницкого архиепископу Ш. Рудницкому, к

---

[112] *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 217.

[113] Отписка углицких воевод Б. Ногина с товарищи В. Шуйскому после 2 (12) июня 1609 г. о боях с тушинцами // СХ. № 33. С. 106—110.

[114] Отписка костромского воеводы Н. Д. Вельяминова Я. Сапеге 1 (12) мая 1609 г. о нападении «изменников» на Кострому и с просьбой о помощи // АИ. Т. 2. № 205. С. 237—238.

[115] Там же.

[116] Там же; *Sapieha J. P.* Dziennik 1608—1611. S. 220.

[117] Ibid. S. 222.

[118] Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 250.

В. И. Шуйскому будто бы отъехало 4 тыс. дворян и детей боярских.[119] Весной 1609 г. В. И. Шуйский, получив подкрепление, смог перегруппировать свои полки в Москве и нанес ощутимые удары по противнику в июне—июле 1609 г.[120]

Проведенный анализ характера движения против тушинцев в Замосковье и Поморье позволяет прийти к выводу, что оно было земским, а не освободительным или антифеодальным. Только в Костроме и Галиче зимой 1608/09 г. борьба посадских и крестьян с тушинцами переросла в открытый социальный конфликт, который, однако, довольно быстро удалось погасить. Земское движение проходило под лозунгами изгнания «иноверцев» и уничтожения их приспешников, за восстановление власти законного царя Василия Шуйского. Выступление народа спасло царя Василия Шуйского и его сторонников от окончательного разгрома. Ополченцы помогли царским воеводам кн. М. В. Скопину-Шуйскому и Ф. И. Шереметеву отбить натиск тушинских отрядов, создали благоприятные условия для воссоздания правительственных войск и еще до их перехода в наступление освободили Поморье и значительную часть Замосковья и Новгородской земли от врагов. Земцы отвлекли на себя значительные силы приверженцев самозванца, что помогло защитникам Москвы, Коломны, Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей выстоять. Начавшийся в конце 1608 г. переход на сторону Василия Шуйского посадских и крестьян, а весной 1609 г. дворян свидетельствовал, что «воровской» режим вступил в полосу глубокого кризиса задолго до распада Тушинского лагеря.

---

[119] List S. Rudnickiego do B. Wojny 9 (19) maja 1609 г. // ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5998/III Л. 364.

[120] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 15—16.

Н. В. Рыбалко

ПРИКАЗНАЯ СЛУЖБА ДЬЯКОВ И ПОДЬЯЧИХ В ГОРОДАХ ПЕРИОДА ЦАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО

К началу XVII в. управление территориями, входившими в состав Российского государства, представляло собой систему отношений между центральными ведомствами — московскими приказами — и местными учреждениями — приказными и воеводскими избами городов. Наряду с воеводами, городовыми приказчиками, губными старостами важным составляющим звеном местного управления были дьяки и подьячие. Источники позволяют говорить о достаточно разнообразном характере службы чиновников на местах. Часть дьяков и подьячих так и оставалась в приказных и воеводских избах в течение всей своей жизни, для других это стало ступенькой в служебной карьере для получения более престижного места в каком-то из московских приказов. Часто приказные служащие Москвы отправлялись в город с конкретным заданием — провести сыск по поручению Сыскного приказа или организовать описание земель в соответствии с деятельностью Поместного приказа. Из-за недостаточно хорошей сохранности документов местных архивов восстановить работу приказных и воеводских изб возможно лишь частично, имея в распоряжении порой только единичные свидетельства. Но именно эти чудом уцелевшие документы дают нам чрезвычайно важную информацию, которая позволяет реконструировать как биографии служащих, так и деятельность всей системы центрального и местного управления Московского государства. Особенно интересно проследить, кто и как осуществлял местное управление в период фактического двоевластия, когда на престоле в Москве находился законный царь Василий Шуйский, а в Тушино Лжедмитрий II создал альтернативное правительство — свой Государев двор и приказы.

Алатырь. Известно только об одном алатырском подьячем — Василии Яковлеве сыне Ларионове. Он от «Вора» в Калуге получил грамоту на поместье в Арзамасе в 1610 г.[1]

Арзамас. О деятельности Арзамасской приказной избы начала XVII в. сохранился комплекс источников, опубликованный С. Б. Веселовским. Главным образом это документы, отражающие мероприятия Поместного

[1] Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.) / Под ред. С. Б. Веселовского // Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг. М., 1915. Вып. 4. № 279. С. 368.

© Н. В. Рыбалко, 2007

приказа, — отдельные и межевые книги, а также наказы и грамоты практически за все царствования периода Смуты.

Документы царствования Василия Шуйского свидетельствуют о том, что в Арзамасской избе после 1606 г. продолжали оставаться служившие еще при Борисе Годунове городовой приказчик Юмшан Лобанов и подьячий Федор Баранов — за приписью Ф. Баранова 30 июля 1606 г. и за печатью Ивана Старого Милюкова составлены отдельные книги поместий Осипа, Трофима, Романа Ермоловых.[2] Ю. Лобанову 18 ноября 1607 г. дана наказная память от арзамасского воеводы за приписью подьячего Вериги Ковернева об отделе поместий служилым татарам Б. Алтышеву с товарищами.[3] Верига Ковернев известен как подьячий, помощник воеводы Т. М. Лазарева, им из Новгородского Разряда 2 июня 1607 г. был дан указ отписать у Плакиды Панова за его воровство поместье в Арзамасском уезде и отдать дьяку Андрею Иванову.[4] На это также пришла грамота из Поместного приказа в марте 1608 г.[5] Отдельные книги поместий с подлинными книгами правил подьячий Ивашко Иванов 15 марта 1608 г.[6]

С ноября 1608 г. жители Арзамаса принесли присягу Лжедмитрию II и под его властью находились вплоть до лета 1610 г.

Подьячий Верига Ковернев был пожалован дьячеством и упоминается в этом чине уже в феврале 1609 г.[7] Кроме того, с ноября 1609 г. и до мая 1610 г. в Арзамасе служил еще один дьяк — Иван Микулин, на его имя приходили грамоты от самозванца из Поместного приказа и Приказа Казанского и Мещерского дворца об отделе поместий.[8]

Архангельск (на Двине). Дьяком в Архангельске или, как часто упоминается в грамотах, «на Двине» со времени правления Лжедмитрия I служил дьяк Николай Никитич Новокщенов.[9] По всей видимости, он был помощником воеводы князя Д. Г. Бельского. Им обоим на Двину адресовались грамоты из Новгородской чети от 17 сентября 1606 г. с разрешением Соловецкому монастырю владеть купленным Богдановским белым двором у Архангельска,[10] от 1606/07 г. — о покупке игуменом Соловецкого монастыря Антонием в монастырь пороха и свинца,[11] из Посольского приказа от 4 марта 1607 г. — об освобождении и отсылке «свейского немчина», задержанного в Сумском остроге,[12] 30 апреля 1607 г. Н. Новокщенов и

---

[2] Там же. № 208. С. 285.
[3] Там же. № 224. С. 319.
[4] Там же. № 223. С. 316.
[5] Там же. № 230. С. 326.
[6] Там же. № 231. С. 327.
[7] Там же. № 242. С. 341.
[8] Там же. № 243—246. С. 343—345 и др.
[9] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 367; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 63.
[10] *Гневушев А. М.* Акты времени правления царя В. Шуйского (1606—1610 гг.) // Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг. М., 1915. Вып. 2. № 11. С. 14—15 (далее — *Гневушев А. М.* Акты Шуйского).
[11] Соловецкий монастырь. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 г.) // Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1880. № 2473. С. 67.
[12] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 77. С. 95.

Д. Г. Бельский составили отписку об отдаче «задержанному немчине» грамоты.[13] Вскоре Н. Н. Новокщенов был переведен на службу в Поместный приказ.

По сведениям, собранным А. П. Барсуковым, в 1608—1609 гг. на Двине служил дьяк Илья Иванович Уваров, 10 января 1609 г. он был «казнен утоплением в Двине»,[14] по всей видимости за поддержку самозванцу. С 1610 г. по 29 июля 1613 г. дьяком был Путило Григорьев, он же Путило Григорьевич Булыгин.[15] Путило Григорьев значится в перечне дьяков по приказам Боярского списка 1610/11 г.[16] Он оставался на Двине и в 1612 г.[17]

Предположительно в чине подьячего в 1610—1611 гг. на Двине служил Меркулий Панфильевич Любученинов, вместе с Алексеем Федоровичем Загряжским были писцами.[18]

Астрахань. В 1604/05 г. в Астрахань прибыл на службу дьяк Афанасий Карпов,[19] служил там и в 1605/06 г. в царствование Лжедмитрия I. 20 января 1606 г. дьяку Афанасию Карпову в Астрахань из Посольского приказа от Ивана Грамотина был отправлен наказ «сыскать животы» литвина Ромашки, напрасно названного «лазунником», и прислать роспись в Москву.[20]

Дьяк Афанасий Карпов снова получил назначение в Астрахань в 1606 г. от царя Василия Шуйского.[21] В одной из редакций разрядов указан как Афанасий Власьев Карпов.[22] По наблюдению С. Б. Веселовского, это один и тот же человек. Однако, вероятнее всего, это разные люди. Об Афанасии Власьеве известно, что он после воцарения Василия Шуйского был удален в Уфу,[23] а при Владиславе в 1611 г. добился возвращения своего поместья и привилегий.[24] Что же касается Афанасия Карпова, то в Новом летописце содержатся сведения о том, что «в Астрахани мелкие многие люди, которые стояху за правду, дьяка Афанасия Карпова убиша».[25] После чего, очевидно,

---

[13] Там же. № 80. С. 103.

[14] *Барсуков А. П.* Списки... С. 63.

[15] Там же. С. 64.

[16] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Боярский список. Л. 14; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; Боярский список 1610/11 г. // ЧОИДР. М., 1909. Кн. 3. С. 85 (далее — БС 1610/11 г.).

[17] ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 205. С. 349—350 (в книге ошибочно 259—260); АИ. Т. 2 (1598—1613 гг.). СПб., 1841. № 338. С. 403; Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства (далее — АЮ). СПб., 1838. № 26. С. 64—67; Акты времени междуцарствия (1610 г., 17 июля—1613 г.) // Смутное время Московского государства, 1604—1613 гг. М., 1915. Вып. 3. С. 51, 57 (далее — АВМ).

[18] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 309.

[19] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.) // ЧОИДР. М., 1907. Кн. 2, 3. С. 69.

[20] *Белокуров С. А.* 1578—1613 гг. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1 // ЧОИДР. М., 1888. Кн. 3. № 25. С. 515—516.

[21] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 85.

[22] Там же. С. 69, 85, 205.

[23] Там же. С. 76, 84.

[24] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 98.

[25] Новый летописец // Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 85.

было сделано новое назначение, и в 1606 г. в Астрахань отправились дьяки Григорий Иванович Клобуков и Лука Талызин.[26]

Основные сведения о служащих Астрахани получены из текстов разрядных книг. Астрахань, будучи пограничным городом-крепостью, имела воеводскую избу, и дьяки отправлялись в этот город на воеводство, как правило, на непродолжительный срок — 2—3 года, что соответствовало воеводской практике начала XVII в. Службу несли одновременно два воеводы.

Белоозеро. В правление В. Шуйского на Белоозере известны два подьячих — Второй Ильин, был там 11 июля 1607 г.,[27] и Михаил Светиков. 11 декабря 1608 г. с Иваном Воейковым они писали с Белоозера в Вологду о воровских таборах.[28] Об этом документе упоминается также в отписке, составленной после 12 декабря 1608 г. из Вологды на Устюг.[29]

Верхотурье. По разысканиям Н. Н. Оглоблина, с 1593 по 1642 г. на Верхотурье служил подьячий Василий Игнатьев.[30]

Вологда. В правление В. Шуйского на Вологде служил дьяк Рахманин Макарьев Воронов. 15 января 1607 г. по указу царя Василия он осуществлял сбор податей в государеву казну с монастырской отчины по памяти властям Прилуцкого монастыря.[31] 22 августа 1607 г. ему и воеводе дана указная грамота из Новгородской чети о пожаловании Глушицкого монастыря рыбными ловлями по р. Сухоне и монастырским двором.[32] Сохранились платежные «по губным и другим делам» Вологды, по которым дьяк Р. Воронов собирал в царскую казну оброк и пошлины. Это платежные за справой подьячего Федьки Панова от 11 июня 1607 г.,[33] от 23 декабря 1607 г. — в оброчных деньгах и пошлинах за мельничные места и рыбные ловли,[34] от 1 июня 1608 г. — в деньгах на содержание ратных людей;[35] за справой подьячего Мити Боталова от 4 июля 1608 г.,[36] от 23 июля 1608 г.,[37] от 14 августа 1608 г.[38] По справе подьячего Федьки Панова 11 сентября 1608 г. по указу царя Василия воевода Н. Пушкин и дьяк Р. Воронов взяли с вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря деньги на жалованье польским и литовским людям, присланным из Ярославля с Я. Зайцевым и дьяком Иваном Леонтьевым.[39]

Согласно исследованию И. С. Шепелева, жители Вологды освободили из тюрьмы Р. Воронова 16 декабря 1606 г. и восстановили на свое место.

---

[26] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 85.
[27] Архив П. М. Строева. В 2-х т. Пг., 1917. Т. 2. С. 136.
[28] ААЭ. Т. 2. № 94(2). С. 191.
[29] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 25. С. 28.
[30] *Оглоблин Н. Н.* Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1894. Ч. 295. С. 122.
[31] АЮ. № 336. С. 361.
[32] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 18. С. 21—23.
[33] АЮ. № 223 (I). С. 239; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 136.
[34] АЮ. № 208 (II). С. 218.
[35] АЮ. № 215 (II). С. 228; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 153.
[36] АЮ. № 215 (III). С. 229; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 155.
[37] АЮ. № 215 (IV). С. 229.
[38] АЮ. № 215 (V). С. 229; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 158.
[39] АЮ. № 216 (VI). С. 231—232; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 159.

В этом историк основывается на показаниях И. Массы, но делает оговорку, что полностью доверять этому источнику нельзя: сомнение у исследователя вызвал факт, что восстановлены в должности дьяки были несколькими днями позже, чем освобождены.[40] Однако дата 16 декабря 1606 г. приведена И. С. Шепелевым ошибочно. События, о которых идет речь, а именно прибытие в Вологду тушинского ставленника Ф. И. Нащокина взамен посаженным в тюрьму дьяка Р. Воронова и воеводы Н. М. Пушкина, как сообщает в своем сочинении И. Масса, произошли «еще до осады Москвы в 1609 г., когда Вологда впервые перешла на сторону Дмитрия». «Воеводу Никиту Михайловича Пушкина и дьяка Рахманина Макарьевича Воронова отрешили от должности и бесчеловечно и немилоссрдно обращались с ними без всякой вины, и заточили их в темницу по воле народа, который всегда злобен, неразумен, держит нос по ветру невзирая на клятвы, которые они приносили. И из главного лагеря мятежников был прислан в Вологду правителем Ф. И. Нащокин, большой негодяй и низкого происхождения. Три дня спустя прибыл на место дьяка Иван Веригин Ковернев, и он намеревался запечатать все купеческие товары, но владельцы не допустили его до этого и отстранили, поскольку не хотели ему повиноваться, — И. Ковернев запечатывал товары с намерением конфисковать. В то же время несколько поляков были освобождены из-под стражи в окрестностях Вологды, напали на окрестных крестьян, ограбили. Крестьяне пришли жаловаться в Вологду. Вологжане раскаивались в том, что перешли к Дмитрию и присягнули ему, и начали размышлять о своем непостоянстве и дьяка Воронова, которого они перед тем отрешили от должности. Человека старого и доброго, Р. Воронова, вернули на свое место и держали все вместе совет, как бы снова перейти на сторону Москвы и истребить всех дмитриевцев и поляков, в том числе освободили воеводу Пушкина».[41]

Известна отписка дьяка Р. Воронова с Вологды в Устюг Великий о том, что костромичи и ярославцы «вору», который называется царевичем Дмитрием, крест целовали.[42] Согласно отписке воеводы Лжедмитрия II князя Ф. П. Борятинского Яну Сапеге от ноября 1608 г., 30 октября 1608 г. он писал на Вологду к воеводе Н. Пушкину и дьяку Рахманину Воронову с веленисм целовать крест царю Дмитрию, а 5 ноября они сообщили с Вологды, что «к вологодскому архиепископу с грамотой ходили, читали ее всем людям и крест государю целовали».[43]

У историков эта ситуация вызвала противоречивые мнения, когда, с одной стороны, И. Масса свидетельствовал о том, что Р. Воронов и Н. Пушкин были посажены в тюрьму, а жители Вологды целовали крест самозванцу, а с другой — имеются грамоты, подтверждающие непосредственное участие дьяка и воеводы в принсснии присяги Лжедмитрию II. К справедливому выводу пришел в своем исследовании И. О. Тюменцев. По его мснию, арест Р. Воронова и Н. Пушкина произошел после принятия присяги, когда незадолго до восстания против тушинцев в город приехали послан-

---

[40] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государствс в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 344.

[41] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начала XVII века. М., 1937. С. 176.

[42] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 47. Л. 105.

[43] Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879. № 12 (XII). С. 23.

ные самозванцем Ф. И. Нащокин и дьяк И. В. Ковернев и между старыми и новыми воеводами вспыхнул острый конфликт.[44]

Воеводы из разных городов собрались в поход на помощь Москве, в том числе из Вологды. 16 декабря 1608 г. о ратном деле на Устюг писали Н. Пушкин и дьяк Р. Воронов,[45] и с Устюга с ратными людьми пришел подьячий Шестак Копнин.[46] После 12 декабря 1608 г. дьяк Р. Воронов писал из Вологды в Устюг о том, что «московские люди многих литовских людей побили и до таборов догнали».[47] Воеводе Н. Пушкину и Р. Воронову по грамотам царя Василия велено было иметь постоянное сношение с Поморскими и другими городами по государевым ратным делам (от 20 февраля 1609 г.[48]) и отдать именные списки ратных людей Вологды прибывшим из Москвы Ф. Полтеву да Г. Свиньину, и ходить с ратными людьми на воровских людей (от 28 февраля 1609 г.).[49]

Таким образом, события, описываемые И. Массой, с заточением Р. Воронова и Н. Пушкина в тюрьму могли произойти между 5 ноября и 12 декабря 1608 г.

Дьяк Рахманин Воронов был на Вологде и позже — 24 апреля 1609 г.[50] 15 мая 1609 г. ему и воеводе Н. Пушкину была адресована грамота царя Василия об объявлении царского прощения вологодцам в вине их, с обещанием жалованья, льгот и беспошлинной торговли.[51] 17 июня 1609 г. Р. Воронов и Н. Пушкин сообщали о принесении вины другими городами.[52] Им же в Вологду о победах над литовскими людьми писали 2 июля 1609 г. из Новгородского Разряда,[53] а в отписке в Сольвычегодск от 12 августа 1609 г. они извещали о взятии Твери князем Шуйским.[54] С этого момента дьяк Рахманин Воронов и воевода Н. Пушкин перестают упоминаться в источниках. В Боярском списке 1610/11 г. Р. Воронов уже значится в «дьяках по приказам» с пометой «на Устюге», зачеркнуто — «на Вологде».[55]

С 12 августа 1609 г. до января 1610 г. о деятельности Вологодской приказной избы ничего неизвестно, а 14 января 1610 г. дьяками на Вологде уже служили Петр Григорьевич Желябужский и Нелюб Суколенов, воеводой был князь С. С. Вадбальский. Об их отписке в Устюг о текущих событиях упоминается в других документах устюжского воеводы в Пермь[56] и на Верхотурье.[57]

---

[44] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. СПб., 1999. С. 242—243.

[45] ААЭ. Т. 2. № 94 (1). С. 190.

[46] Там же. № 94 (2). С. 190.

[47] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 25. С. 28.

[48] АИ. Т. 2. № 157. С. 180.

[49] СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 175. С. 355.

[50] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 67. Л. 129.

[51] СГГД. Ч. 2. № 181. С. 363.

[52] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 79. Л. 146.

[53] Там же. № 88. Л. 162.

[54] АИ. Т. 2. № 253 (II). С. 300.

[55] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 15; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

[56] АИ. Т. 2. № 276 (II). С. 334.

[57] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 110. Л. 196.

По платежной от 9 мая 1610 г. в кормовых деньгах и других пошлинах, согласно указу царя Василия, с Вологды от князя Семена Вадбальского да от Нелюба Суколенова и Петра Желябужского взяты деньги на наем и на корм ратным людям.[58] Нелюб Семенович Суколенов также известен в качестве воеводы на Вологде в мае—июне 1610 г.[59] До того как служащие были переведены на Вологду, дьяк П. Желябужский служил в Галицкой чети, а Суколенов Нелюб Семенович в августе 1609 г. известен в качестве пристава у шведских послов.[60] Дьяк Петр Григорьевич Желябужский оставался на Вологде и осенью 1610 г.,[61] и в 1612 г.[62]

Вязьма. В 1607 г. на Вязьму были посланы подьячие Юрий Дуров и Василий Мартемьянов по поводу встречи и проводов польских послов.[63]

Вятка. Известен только один вятский подьячий — Василий Иванов, был там в 1604 г.[64] и до 1610 г. Ему 22 августа 1606 г. из Новгородской чети дана грамота царя Василия по челобитью Троицкого с реки Холуницы монастыря о захвате крестьянами Сырьянской волости монастырских угодий по р. Соленой с указанием написать об этом отписку.[65] 1 апреля 1609 г. он вместе с князем Михаилом Ухтомским написал отписку из Хлынова в Чердынь о посылке государевыми изменниками в городки ратных людей и что в некоторых городах еще сидят изменники государевы.[66] Подьячему В. Иванову и воеводе князю М. Ухтомскому на Вятку 12 апреля 1609 г. отправлена грамота царя Василия о немедленной высылке на Верхотурье хлебных запасов на жалованье служилым людям и 13 человек плотников для судового дела.[67] Их отписка с Вятки на Устюг от 1 декабря 1609 г. упоминается в другой отписке из Соли Вычегодской в Чердынь.[68] Вятский подьячий В. Иванов 21 декабря 1609 г. сообщил о бегстве государевых изменников из Котельнича в Яранск, как только прослышали о сборе государевых людей.[69] О нем также имеется упоминание в отписке с Устюга 1610 г., в которой говорится, что на Вятку с Вологды писали о гибели «вора» и распрях среди русских и литовских людей.[70] Подьячий Василий Иванов был на Вятке 2 февраля 1610 г., а впоследствии казнен.[71]

Уже ранее 3 августа на Вятке появился новый подьячий — Иван Федотович Поздеев — в памяти из Чердына от 3 августа 1610 г. кайгородскому земскому судье сохранилось упоминание о его отписке с Вятки.[72] Был на

---

[58] АЮ. № 216 (IX). С. 233; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 183.
[59] АЮ. № 216 (XI). С. 233.
[60] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 91. С. 117.
[61] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 257; АВМ. С. 5.
[62] Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 253; Местнический справочник XVII века / Издан Ю. В. Татищевым. Вильна, 1910. С. 27.
[63] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 166, 319.
[64] *Шепелев И. В.* Освободительная и классовая борьба... С. 269.
[65] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 8. С. 12.
[66] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 63. Л. 125.
[67] Сборник кн. Хилкова. № 27. С. 99.
[68] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 102. Л. 185.
[69] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 269.
[70] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 110. Л. 196.
[71] *Барсуков А. П.* Списки... С. 57.
[72] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 114. Л. 202.

Вятке 7 августа, 17 сентября 1610 г.[73] В январе 1611 г. им составлена отписка к пермичам с приложением крестоцеловальной записи о признании царем Вятской и Казанской земель второго самозванца[74] — в Вятке еще не было известно об убийстве Лжедмитрия II.

Ивангород. В 1609—1610 гг. в Ивангороде служил дьяк А. Андронников.[75] Согласно Боярскому списку, в 1610/11 г. там был дьяк Михаил Милославский.[76]

Казань. На службе в Казани в 1605/06 г. были дьяки Иван Зубов и Калистрат Зубов.[77] Создается впечатление, что речь идет об одном человеке — Иване Зубове. 25 ноября 1605 г. имеется упоминание об отписке из Казани боярина воеводы С. А. Волосского, князя М. Туренина да дьяка Ивана Зубова о приезде из Астрахани грузинского царевича Панкратия.[78] За приписями дьяков Афанасия Евдокимова и Ивана Зубова по справе подьячего Ивана Трусова, по указу царя Василия и от боярина и воеводы С. А. Волосского, князя М. С. Туренина 13 июля 1606 г. в Казанский уезд дана ввозная грамота М. Бруткову на деревни.[79] По всей видимости, дьяки Иван Зубов и Афанасий Евдокимов были в Казани не более года.

Разрядные записи сообщают также о том, что в Казани в июне 1605 г. продолжал оставаться дьяк Петр Иванович Микулин.[80] В следующем году его сменили два новых дьяка: Степан Яковлевич Дичков и Никанор Михайлович Шульгин — после 19 мая 1606 г., в 1607/08 г., в 1608/09 г.[81]

Это же подтверждает актовый материал и позволяет проследить их карьеру дальше. Сохранилась отписка дьяков С. Я. Дичкова и Н. М. Шульгина из Казани в Хлынов после 1 марта 1609 г. о победе государевых изменников в Свияжском уезде.[82] Об их отписке из Казани в Хлынов от 1 апреля 1609 г. упоминается в отписке из Хлынова в Чердынь, что в некоторых городах еще сидят изменники государевы.[83] За приписью тех же дьяков в 1609 г. дана отписка из Казани в Вятку о воровских людях в Яранске.[84] 12 апреля 1609 г. дьякам Н. Шульгину и С. Дичкову в Казань дана грамота царя Василия с увещанием пребывать верными царю и не слушать воровских русских и литовских людей, и убеждать в том же татар, чувашей и черемису.[85] Тем же дьякам в Казань, а также боярам и воеводам В. П. Морозову и Б. Я. Бельскому дана грамота царя Василия из Посольского приказа от 23 марта 1610 г. с указанием разузнать о правах, обы-

---

[73] АВМ. С. 1, 2.
[74] ААЭ. Т. 2. № 170. С. 291.
[75] *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 554.
[76] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 14; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.
[77] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 241.
[78] *Белокуров С. А.* 1578—1613 гг. Сношения России с Кавказом... № 27. С. 523.
[79] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 3. С. 4.
[80] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 202.
[81] Там же. С. 86, 92, 97.
[82] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 62. Л. 123.
[83] Там же. № 63. Л. 125.
[84] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 27. С. 31.
[85] Сборник кн. Хилкова. № 21. С. 92.

чаях и вере нагайских людей, живущих в Казани, и отписать об этом в приказ.[86]

Дьяк Никанор Шульгин значится также в Боярском списке 1610/11 г. с пометой «в Казани».[87]

Дьяки Н. М. Шульгин и С. Я. Дичков продолжали оставаться в Казани и в период Междуцарствия. По грамоте от 30 августа 1610 г. из Приказа Казанского и Мещерского дворца велено было С. Я. Дичкову и Н. М. Шульгину привести к присяге Владиславу «весь народ казанский» и явиться в приказ в Москву.[88] Однако этот указ не был исполнен, и в январе 1611 г. дьяки Н. М. Шульгин и С. Я. Дичков писали в грамоте из Казани в Хлынов «об учинении присяги от всех жителей Казанских второму Самозванцу 9 января 1611 г. и о крайнем там утеснении от поляков».[89] В Казань, как и во многие другие города, информация о смерти Лжедмитрия II поступила с большим опозданием.

Калуга. Калуга в период Смуты становится одним из центров, где развиваются события, связанные с деятельностью второго самозванца. Там Лжедмитрий II организовал свою вторую резиденцию после бегства из Тушино с жалкими остатками тушинской администрации. О деятельности приказной избы до 1610 г. ничего неизвестно. После смерти «Тушинского вора» в 1611 г. в Калугу был послан на службу дьяк Томило Бровцын с думным дворянином Иваном Пушкиным,[90] его фамилия значится в Боярском списке 1610/11 г. также с пометой «в Калуге».[91]

Каргополь. Подьячим в 1608 г. служил Иван Озерецкой.[92] 11 декабря 1608 г. он писал на Вологду из Каргополя о приезде к ним из Заонежья торговых людей.[93] В 1609 г. он был переведен в Ярославль.

Коломна. Предположительно в Коломне служил дьяк Петр Микулин — он упомянут в разрядных записях как дворцовый в походе царя Василия под Тулу в мае 1607 г.[94] Он же значится в Боярском списке 1610/11 г. в перечне дьяков с зачеркнутой пометой «в Володимире».[95] По всей видимости, Петр Микулин был полковым дьяком царя Василия, но, когда служил в Коломне, перешел на службу к Лжедмитрию II.

В Боярском списке 1610/11 г. с пометой «на Коломне» записан дьяк Степан Звягин.[96] Это подтверждается актами. 3 февраля 1611 г. Гонсевский посылал к нему лист, чтобы служил Владиславу и «не приставал к Смуте».[97]

---

[86] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 98. С. 233.

[87] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Боярский список. Л. 14; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

[88] ААЭ. Т. 2. № 165. С. 282.

[89] СГГД. Ч. 2. № 224. С. 490; ААЭ. Т. 2. № 170. С. 291.

[90] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 217, 257.

[91] БС 1610/11 г. С. 85.

[92] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 383.

[93] ААЭ. Т. 2. № 94 (2). С. 192.

[94] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 87, 144.

[95] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Боярский список. Л. 13; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5; БС 1610/11 г. С. 85.

[96] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 15; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 86.

[97] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 193.

Позже, по всей видимости, он был сменен дьяком Тимофеем Игнатьевичем Агеевым.[98]

В источниках упоминается об одном подьячем периода правления В. Шуйского — по царскому указу в 1609/10 г. было учинено жалование коломенскому подьячему Бажену Федорову.[99]

Кольский острог. Имя дьяка Василия Мартемьянова содержится в выписке о писцах и воеводах, бывших в Кольском остроге и в Кайгородке в 7116—7190 гг. (1607/08—1681/82 гг.). Указано, что он с писцом Алаем Михайловым писал посад и уезд Кольского острога с 1607/08 г. по 1609/10 г.[100] Они же были писцами Кольского острога в 1610/11 г.[101]

Известны книги письма и дозору писцов Алая Михайлова и подьячего Нечая Кренева 1608/09 г. на четверть Керецкие волости, бывшую во владении Соловецкого монастыря.[102]

Сохранились писцовые книги Алексея Толстого и подьячего Ивана Махонина Керецкой волости 1606/07 г.[103] 22 марта А. Толстой да подьячий И. Махонин из Кольского острога прислали государю отписку, что 27 ноября 1606 г. по указу царя Василия от них для крестного целования послан сотник стрелецкий Т. Грязев.[104]

Корела. По данным разрядных записей, в 1597/98 г. для сыскного дела в Корелу был послан дьяк Третьяк Репьев,[105] с окольничим Д. И. Вельяминовым он был там на воеводстве в 1597/98 г.,[106] 26 октября 1598 г.,[107] в сентябре 1599 г.,[108] в 1600 г.,[109] в 1600/01 г.[110] Данных, где находился Т. Репьев

---

98 Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. 2. Акты Иосифо-Волоколамского монастыря / Подгот. к печати А. А. Зимин. М., 1956. С. 282.

99 *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617 гг.). Разрядные столбцы 122—124 гг. сыска денежных окладов // Смутное время Московского государства. М., 1912. Вып. 9. С. 304.

100 *Белокуров С. А.* Материалы для русской истории. М., 1880. С. 184; Выписка о писцах и воеводах, бывших в Кольском остроге и в Кайгородке в 116—190 гг. // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 1. С. 184.

101 *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 319.

102 Соловецкий монастырь. Библиотека и архив Соловецкого монастыря... № 1973. С. 55; Грамоты Кольского уезда XVI—XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2. № 143. Стб. 169.

103 Соловецкий монастырь. Библиотека и архив Соловецкого монастыря... № 1972. С. 55; Грамоты Кольского уезда... № 142. Стб. 465.

104 *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 78. С. 97.

105 Разрядная книга 1550—1636 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина, отв. ред. В. И. Буганов. М., 1976. Вып. 2 (далее — РК 1550—1636). С. 133.

106 Разрядная книга 1475—1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина, под ред. В. И. Буганова. М., 1994. Т. 4. Ч. 1 (далее — РК 1475—1605). С. 11; РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 130. Ч. 2. № 1 (разрядная книга 1598—-1604 гг.). Л. 34.

107 Разрядные книги 1598—1638 гг. / Сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, отв. ред. В. И. Буганов. М., 1974 (далее — РК 1598—1638). С. 53; РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 159. Ч. 2 (разрядная книга 1598—1636 гг.). Л. 37 об.; Портф. 130. Ч. 2. № 1 (разрядная книга 1598—1604 гг.). Л. 62.

108 РК 1475—1605 гг. С. 78; РК 1598—1638. С. 81; РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 159. Ч. 2 (разрядная книга 1598—1636 гг.). Л. 66; Портф. 130. Ч. 2. № 1 (разрядная книга 1598—1604 гг.). Л. 72 об.

109 РК 1475—1605 гг. С. 93; РК 1550—1636. С. 175.

110 РК 1598—1638. С. 111; РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 130. Ч. 2. № 1 (разрядная книга 1598—1604 гг.). Л. 88 об.

в следующие 3 года, нет, но снова разрядные записи сообщают о его службе в Кореле в 1605/06 г.[111] и после 19 мая 1606 г.[112]

Дьяком в Кореле в царствование Василия Ивановича служил Корнила Иевлев. За его приписью 26 сентября 1606 г. выдан список с подорожных грамот пушкарю Ивану Степанову.[113] 9 марта 1607 г. в Корелу боярину и воеводе В. М. Мосальскому, да В. И. Белеутову, да голове Ш. Н. Муравьеву, да дьяку Корниле Иевлеву из Посольского приказа дана государева грамота о посылке разведчиков в Выборг с целью выведать, кто избран в Швеции на королевский престол.[114] За приписью К. Иевлева 15 июня 1607 г. государю отправлена отписка о приезде шведского гонца и добытых у него сведениях.[115] 20 июня 1607 г. дьяку Корниле Иевлеву и Ш. Муравьеву велено было присутствовать на съезде русских и шведских послов.[116]

По соглашению о военной помощи, предоставленной России со стороны Швеции, территория Корелы переходила к Швеции. В 1609/10 г. дьяк Никита Дмитриев с И. М. Пушкиным были посланы сдавать Корелу шведам.[117] В Боярском списке в перечне дьяков Никита Дмитриев значится с пометой «в Кореле».[118]

В качестве второго воеводы известен Аврамов Василий Тихонович,[119] в 1610 г. — дьяк при приеме казанского царевича.[120]

Кострома. Согласно данным разрядных записей, в 1610 г. в Костроме был дьяк Андрей Романович Подлесов.[121]

Новгород Великий. Здесь находилась одна из самых больших приказных городовых изб. Со времени правления Лжедмитрия I «в Великом Новгороде велено быть Василию Васильевичу Оладьину и Ефиму Григорьевичу Телепневу».[122] В апреле 1606 г. из Новгородской чети дьякам В. Оладьину и Е. Телепневу была дана грамота с указанием составить книги о новгородских ямах.[123] Те же дьяки упоминаются в доездных об объявлении указов и постановлений: 8 апреля 1606 г. по их указу в Деревскую пятину приезжал губной целовальник.[124] Е. Телепнев был в Великом Новгороде также после 19 мая 1606 г. и в 1607/08 г.[125]

Источником для выяснения персонального состава Новгородской приказной избы периода правления В. Шуйского служат дошедшие до нас в весьма ограниченном количестве, но сохранившиеся не в пример другим городам, десятни денежной раздачи пятин Великого Новгорода.

---

[111] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 84, 140.
[112] Там же. С. 84.
[113] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 53 (46). С. 64.
[114] Там же. № 75. С. 92.
[115] Там же. № 82. С. 106—108.
[116] Там же. № 83. С. 108.
[117] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 153.
[118] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 13; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11. С. 85.
[119] СГГД. Ч. 2. № 191. С. 378.
[120] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 9.
[121] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 106.
[122] Там же. С. 69, 72, 205.
[123] ААЭ. Т. 2. № 42. С. 98; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 113.
[124] АЮ. № 365 (1). С. 389; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 69.
[125] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 74, 84, 93.

В 1605/06 г. дьяки В. В. Оладьин и Е. Г. Телепнев по указу из Новгородского разряда производили верстание и выдачу жалования дворянам и детям боярским торопчанам и холмичам[126] и в Обонежской пятине.[127] Известно несколько новгородских десятен Торопца 1606 г., а у верстанья были дьяки Василий Васильевич Оладьин и Ефим Григорьевич Телепнев — по указу из Новгородского разряда.[128] Вполне возможно, что верстание было начато еще в период правления Лжедмитрия I, а завершено при Василии Шуйском, поскольку работа велась с боярином и воеводой князем М. П. Катыревым-Ростовским, а значит до сентября 1606 г., пока он был жив. Десятню верстальную Бежецкой пятины 24 ноября 1607 г. привез в Новгородский разряд в Москву новгородский подьячий Смирной Васильев.[129]

Информация о верстании в Великом Новгороде содержится и в платежных книгах. В книге пятин Великого Новгорода указано, что дьяки Е. Г. Телепнев и В. В. Оладьин верстали и давали жалованье в 1606 г.[130] Вместе с Е. Г. Телепневым в 1607 г. приписал платежные книги Вотской пятины подьячий Илларион Лазарев.[131] О том, что подьячие Ларион Лазарев и Родион Бабин были дозорщиками Водлозерской волости в 1606/07 г., упоминается в грамоте из Новгородской чети от 22 февраля 1611 г.[132]

Согласно платежной книге рядков Деревской пятины 1607 г., до взятия шведами Великого Новгорода дьяком там был Тимофеев Иван Кол. Вместе с Е. Г. Телепневым они подписали эту платежную.[133] До этого момента дьяк Иван Кол Тимофеев в разрядных записях значился «у наряду» с воеводами под Калугой в 1606/07 г.[134] и в мае 1607 г. участвовал в походе царя Василия под Тулу.[135] По сообщениям А. П. Барсукова, дьяки И. Тимофеев и Е. Телепнев были в Новгороде в марте 1608 г.[136] В представлении Ивана Тимофеева Василий Шуйский был «нечестив» и «скотолепен», царствовал «во блуде и пьянстве». Как предположил И. С. Шепелев, резко отрицательное отношение Тимофеева к Шуйскому объясняется, видимо, тем, что царь его отправил из Москвы в Новгород, где он играл второстепенную роль, первое же место в делопроизводстве Новгородской приказной избы при-

---

[126] Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова, Д. Я. Самоквасова. В 3-х т. СПб., 1890. Т. 1 (1571—1634 гг.). № 43. С. 77 (далее — АМГ).

[127] *Сторожев В. Н.* Опись десятен XVI и XVII вв. Б. м. и б. г. № 175; Столбцы Поместного приказа // Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 268.

[128] РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 305. Десятня 1606 г. Обонежской пятины В. Новгорода. 126 л.; кн. 121. Десятня 1606 г. Деревской пятины В. Новгорода. 202 л.; кн. 130. Десятня 1606 г. Бежецкой пятины В. Новгорода. 210 л.; кн. 122. Десятня 1606 г. верстальная новокрещенов и татар четырех пятин В. Новгорода. 45 л.; кн. 60. Десятня 1606 г. Торопецкая. 160 л.; АМГ. Т. 1. № 43. С. 77.

[129] РГАДА. Ф. 210. Кн. 122. Л. 1.

[130] *Сторожев В. Н.* Опись десятен... № 178.

[131] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. В 2-х т. М., 1909. Т. 2 (XVI—XVII вв.). № 69. С. 527.

[132] Сборник кн. Хилкова. № 47. С. 132.

[133] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал... № 71. С. 529.

[134] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 86, 88.

[135] Там же. С. 86, 88.

[136] *Барсуков А. П.* Списки... С. 152.

надлежало Ефиму Телепневу.[137] Иван Тимофеев во Временнике называл Е. Г. Телепнева в 1609 г. «наушником царя» и относился к нему недоброжелательно.[138] Согласно сведениям Нового летописца и Временника И. Тимофеева, дьяк Е. Телепнев с воеводой и окольничим М. И. Татищевым, запятнав себя многочисленными злоупотреблениями, испугались народной расправы над ними и, взяв казну, тайно покинули Новгород 8 сентября 1608 г. Вместе с ними в Ивангород дожидаться прибытия шведского вспомогательного войска отправился М. В. Скопин-Шуйский, которого убедили в необходимости принятия помощи Швеции. Положительного результата из этого предприятия не вышло, поскольку в гарнизоне крепости Ивангорода еще до их прибытия целовали крест самозванцу, то же произошло в нескольких близлежащих населенных пунктах.[139] Именно переговоры со шведами и вести о приглашении наемного войска в Россию явились главной причиной, подтолкнувшей гарнизоны новгородских пригородов и сельских жителей пятин вслед за псковичами в октябре 1608 г. присягнуть самозванцу.[140] Под его властью Великий Новгород находился до конца декабря 1608 г.

В 1608 г. состоялась распродажа оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михаила Татищева. Для распродажи в Новгородской приказной избе дьяком Семеном Головиным, подьячими Жданом Медведевым и Одинцом Ивановым была составлена опись.[141]

Как видно из договора, заключенного между боярином князем М. Скопин-Шуйским и шведским генералом Христиерном Соле в Колязине монастыре 17 августа 1609 г., из Торжка в Колязин должны были немедленно прибыть шведские вспомогательные войска, а Корелу обязались взамен этому передать шведам. Для совершения акта передачи в Корелу 21 августа 1609 г. был направлен новгородский дьяк Е. Г. Телепнев.[142] Подтверждение его посылки содержится в договорной взаимной записи князя М. Скопин-Шуйского со шведским секретарем Карлом Олусоном от 27 августа 1609 г.[143] Е. Г. Телепнев и Ф. Чулков в августе 1609 г. писали из Колязина монастыря, что они стоят в Ладоге, «а в Корелу не поехали для того, что корельские посадские и уездные люди в Кореле заперлись».[144]

2 января 1610 г. дьяк Е. Г. Телепнев участвовал в походе против тушинцев с И. Ододуровым и немецкой ратью, а также боярином воеводой князем М. В. Скопин-Шуйским.[145] Иван Тимофеев был в это время в Новгороде, и

---

[137] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 149.

[138] Там же. С. 149.

[139] Временник Ивана Тимофеева / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 128—131; Новый летописец // Временник ОИДР. М., 1853. Кн. 17. С. 84—85.

[140] *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 207.

[141] Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 г. // Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 8. С. 16—18.

[142] СГГД. Ч. 2. № 188. С. 374.

[143] Там же. № 189. С. 376—377; *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен, сочинена князь Михайлом Щербатовым. В 7-ми т. СПб., 1790—1791. Т. 7. Ч. 3. № 36. С. 165—166.

[144] СГГД. Ч. 2. № 190. С. 378.

[145] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 112. Л. 200; *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 68. С. 80.

3 января 1610 г. по его наказу и приписи подьячего Улана Собакина Б. Д. Сиротин взял с вотчины Важицкого монастыря деньги в государеву казну.[146]

И. Тимофеев значится в перечне дьяков по приказам Боярского списка 1610/11 г. с пометой «в Новгороде»,[147] а фамилия Е. Г. Телепнева зачеркнута в одной из редакций списка, а в другой отсутствует совсем.[148]

Разрядные книги позволяют выявить еще двух новгородских дьяков — Корнилу Иевлева и Чулка Бартенева. К. Иевлев отмечен на службе с 1605/06 г. до 1610 г.[149] За приписью дьяка Корнилы Иевлева 26 сентября 1606 г. даны списки с подорожных с Москвы и других городов пушкарю И. Степанову.[150] К. Иевлев и Ч. Бартенев упоминаются как новгородские дьяки в судебном деле 1610 г. крестьян дворцовой волости Обонежской пятины с властями Александровского Свирского монастыря, о котором говорится в указной грамоте в Новгород боярину и воеводе князю И. Н. Большому Одоевскому.[151] Дьяк Чулок Бартенев служил в Новгороде в мае 1610 г.[152] Корнило Иевлев записан в перечне дьяков по приказам Боярского списка 1610/11 г. с пометой «в Новгороде».[153]

О подьячем Одинце Иванове содержится упоминание в грамоте Я. Делагарди и князя И. Одоевского от 22 июня 1612 г., что Иванов Одинец в 1608/09 г. собирал подати в Водлозерской волости Великого Новгорода.[154]

О дьяке Семене Владимировиче Головине известно по делопроизводственным документам 1609 г. Согласно платежной в кормовых деньгах и других пошлинах 27 марта 1609 г., по справе подьячего Андрея Белова он взял в государеву казну корм.[155] Его подпись имеется на грамотах С. В. Головина от 3 апреля 1609 г.[156] и 13 апреля 1609 г.[157] Из отписки от 29 апреля 1609 г. князя М. В. Шуйского ясно, что дьяк С. В. Головин вместе с воеводой Семеном Головиным 3 апреля 1609 г. был отпущен в Москву на помощь царю.[158] Семен Головин значится также в Боярском списке 1610/11 г. в перечне дьяков по приказам.[159]

Еще одним дьяком в Новгороде был Яков Демидов. 13 января 1610 г. он привез в Пермь отписку князя М. Шуйского за приписью подьячего Василия Тимофеева, составленную в декабре 1609 г., о немедленном сборе

---

146 АЮ. № 214 (VIII). С. 227; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 172, 173.

147 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Л. 14; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

148 БС 1610/11 г. С. 84.

149 *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 74, 84, 140, 184.

150 *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 53 (46). С. 64.

151 *Анпилогов Г. И.* Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967. С. 446, 450.

152 *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 42; *Барсуков А. П.* Списки... С. 152.

153 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 14; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

154 Сборник кн. Хилкова. № 48. С. 133.

155 АЮ. № 216 (VII). С. 232; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 160.

156 АЮ. № 216 (VIII). С. 232.

157 Там же. № 216 (IX). С. 232.

158 ААЭ. Т. 2. № 115 (2). С. 219.

159 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 15; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

с Пермского уезда по 50 руб. с сохи на наем немецких ратных людей.[160] 12 июля 1610 г. дьяк Я. Демидов вместе с В. Бутурлиным были взяты в плен «панами и иноземцами» в сражении, проигранном Дмитрием Шуйским.[161] Его имя есть в перечне дьяков в Боярском списке 1610/11 г.[162]

Писцом в Великом Новгороде был подьячий Андрей Евстафьевич Горохов — в 1606/07 г. с Василием Овцыным он описывал посад.[163] Известна также составленная им и В. Ларионовым писцовая книга Яранского уезда, которая была доставлена в Новгородскую четверть 17 августа 1608 г.[164]

Подьячему Великого Новгорода Немиру Ручкину 13 марта 1607 г. была выдана подорожная до Оштинского стана и до Москвы по приказу князя А. П. Куракина.[165]

Новгородский подьячий Емельян Евсеев 21 февраля 1610 г. составил отдельную выпись П. Н. Мансурову на деревни Верховского стана в Бежецком верху.[166]

По всей видимости, новгородским подьячим был Данило Суховецкий — 18 февраля 1607 г. он привез в Москву десятню верстанья дворян, детей боярских новиков новгородцев Вотской пятины.[167]

Подьячим съезжей избы Великого Новгорода в 1605/06—1606/07 гг. служил Василий Федоров Частого.[168]

Помимо приказной избы в Новгороде функционировали и другие учреждения. На протяжении всей Смуты имеются свидетельства о функционировании Дворцового приказа. Дворцовым дьяком в Великом Новгороде в царствование Василия Ивановича был Семен Михайлович Лутохин, согласно челобитной игумена Александровой пустыни Свирского монастыря царю Василию Шуйскому.[169]

При новгородском митрополите служил митрополичий дьяк Степан Спячий. Известен в 1599 г.,[170] также его припись и дьяка Ивана Жиглова имеются на поместной грамоте новгородского митрополита Исидора Софийского сыну боярскому Девятому Саблину от 3 декабря 1607 г.[171] Степан Спячий также приписал митрополичью поместную грамоту от 8 апреля 1609 г. детям боярским С. Левскому, Андрею и Ивану Ржевским с их матерью и сестрами.[172] 21 января 1611 г. за его же приписью дана поместная грамота

---

[160] ААЭ. Т. 2. № 152. С. 267.

[161] Поход Сигизмунда III в Россию (1609—1610 гг.) // Сб. РИБ. СПб., 1872. Т. 1: Памятники, относящиеся к Смутному времени. Стб. 624.

[162] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Боярский список. Л. 17.

[163] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 126.

[164] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 103. С. 267.

[165] Там же. № 53 (2). С. 60.

[166] Акты служилых землевладельцев XV—начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. Т. 2. № 261. С. 134—235; *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII века. М., 1996. С. 228.

[167] *Сторожев В. Н.* Опись десятен... № 174.

[168] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 561.

[169] *Анпилогов Г. Н.* Новые документы... С. 453.

[170] АИ. Т. 2. № 25. С. 24.

[171] Там же. № 83. С. 113.

[172] Там же. № 191. С. 222.

новгородского митрополита Исидора вдове Софийского сына боярского И. Жиглова.[173]

Таким образом, Великий Новгород, один из крупнейших городов Московского государства, административно подчиняясь Москве, имел более разветвленную систему приказных учреждений, что говорит о большом объеме административной работы и необходимости специализации. В Новгороде имелось обширное дворцовое хозяйство, которым управлял отдельный Дворцовый приказ. При новгородском митрополите служили митрополичьи дьяки, они хорошо знали приказное делопроизводство и вели документацию в соответствии со сложившейся на тот момент традицией.

Нижний Новгород. В правление Василия Шуйского по сравнению с предыдущим периодом в приказной избе Нижнего Новгорода сидели новые люди. Филимон Михайлович Озеров упоминается дьяком Нижнего Новгорода в царской тарханной грамоте царя Василия от 19 августа 1606 г. «о переписании старых жалованных грамот», данной из Приказа Большого прихода нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам.[174] По разысканиям С. Б. Веселовского, дьяк Ф. Озеров при царе Василии по Уложению пожалован с сыном Кондратом за Московское осадное сидение вотчиной, его оклад составил 700 четей, а сына — 350 четей.[175]

В 1607 г. в дьячьей избе Ф. Озерова сменил дьяк Василий Юдин, ему и воеводе князю А. Репнину в Нижний Новгород 13 марта 1607 г. была адресована указная грамота из Поместного приказа об отдаче на оброк Троице-Сергиеву монастырю дер. Игумново.[176] По сведениям Нижегородских платежниц, дьяк В. Юдин собирал оброк в Нижнем Новгороде в 1607/08—1611/12 гг.[177]

В Расходной книге денежного стола Разрядного приказа есть упоминание о нижегородских подьячих Нижнего Новгорода — Романе Данилове и Денисе Лукине, они вместе с приставом сыном боярским А. Башмаковым 30 июля 1607 г. были отправлены на три недели в Псков с кормом для тюремных сидельцев.[178]

С 1608 г. на воеводство в Нижний был определен Андрей Семенович Алябьев, в прошлом дьяк Галицкой четверти, участник похода царя Василия под Тулу в мае 1607 г.[179] 10 декабря 1608 г. по указу царя Василия А. Алябьев дал память старостам, целовальникам и крестьянам старорусских сел о присылке к нему челобитчиков с повинною государю.[180] В отписке вятчан к пермичам от 26 января 1609 г. говорится о поражении воеводою А. Алябьевым «мятежников балахонских, арзамасских и алатырских», о «раскаянии шуян, костромичей, галичан и вологжан».[181] Но уже в отпис-

---

[173] Там же. № 315. С. 373.

[174] Там же. № 69. С. 87.

[175] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 384.

[176] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 16. С. 19.

[177] Нижегородские платежницы 7116 г. и 7120 г. / Под ред. С. Б. Веселовского // Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг. М., 1910. Вып. 7. С. 80, 138, 238.

[178] Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 300.

[179] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 87, 91, 118, 144, 158.

[180] АИ. Т. 2. № 112. С. 141.

[181] ААЭ. Т. 2. № 104. С. 204.

ке Ф. Плещеева и А. Просовецкого из Владимира от 27 марта 1609 г. он назван изменником — сообщается о прибытии под Владимир из Нижнего Новгорода воров «Андрюшки Алябьева да Федьки Левашова с понизовыми людьми».[182] Воевода А. Алябьев значится в перечне дворян Боярского списка 1610/11 г. с пометой «на Балахне» (зачеркнуто — «в Нижнем»).[183]

С конца ноября 1608 г. в делопроизводственных документах Нижегородской приказной избы начинает упоминаться имя дьяка царя Василия — Василия Семенова, служившего ранее в Приказе Нового Земского двора. О нем известно по отписке архимандрита Нижегородского Вознесенского монастыря Иоиля игумену Луховской Тихоновы пустыни Ионе о несогласии нижегородцев покориться самозванцу.[184] Припись дьяка В. Семенова имеется на отписке нижегородцев, приложенной к отписке вятчан к пермичам от 26 января 1609 г. о поражении мятежников.[185] Дьяку В. Семенову, а также нижегородским воеводам, «людям царя Василия», была адресована отписка пермичей о готовности всей Пермской земли служить государю, написанная в феврале 1609 г.[186] 1 марта 1609 г. он вместе с воеводами составил отписку о текущих событиях из Нижнего Новгорода на Вятку, о ней упоминается в отписке из Казани в Хлынов на Вятку.[187] В Нижний Новгород воеводам и дьяку В. Семенову были адресованы грамоты: от 13 апреля 1609 г. из Новгородской чети о выдаче годового оклада жалованья за многие службы астраханским, московским, ряжским и рязанским стрельцам и казакам,[188] от 15 апреля 1609 г. с указанием выдать сибирскому царевичу Алею пищу и платье,[189] от 15 апреля 1609 г. о немедленной отсылке в разные города царских грамот с приказанием отпустить стрельцов немедленно с провожатыми к Ф. И. Шереметеву и в понизовые города.[190]

Иногда в местной администрации случались и произволы. Известна челобитная слуги боярина Ф. И. Шереметева Индрика царю Василию от 26 октября 1609 г., где Индрик во всех подробностях описал случившиеся с ним события. 17 октября в Нижнем Новгороде произошел всполох от воровских людей. У крестьянина Индрика — Ивашки Худопера — стрельцы отобрали 2 зипуна. Индрик пожаловался властям. Сыскать зипуны было поручено стрелецкому сотнику Баиму Калзакову, «а он, сыскав, с теми же стрельцами зипуны пропил». Индрик написал челобитье дьяку Василию [Семенову], а тот «его не выслушал и стал говорить Баиму, не умел де он холопа того Индрика надвое перерезать. Да он же, Василий [Семенов], учал в соборе государя моего Федора Ивановича Шереметева матерны лаять перед князем Александром Андреевичем. И Василий приказал сотнику стре-

---

[182] Сборник кн. Хилкова. № 12 (LVI). С. 63.

[183] Боярский список 1610/11 г. // ЧОИДР. М., 1909. Кн. 3. С. 91.

[184] Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения. 1611—1612 гг. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник XI. Н. Новгород, 1912. С. 5.

[185] ААЭ. Т. 2. № 104. С. 204.

[186] Памятники истории нижегородского движения... С. 25—26.

[187] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 62. Л. 123.

[188] Сборник кн. Хилкова. № 28. С. 100.

[189] Памятники истории нижегородского движения... С. 27.

[190] Сборник кн. Хилкова. № 30. С. 103.

лецкому того Индрика и иных холопов Федора Шереметева или крестьян грабить до нога и убить до смерти».[191] Таким образом, перед нами одно из нередких, как видим, свидетельств произволов в приказных избах городов, с большей вероятностью возможных в условиях кризиса, когда с ослаблением центральной власти ее представители на местах чувствовали себя вольными поступать «по своему разумению».

Василий Семенов значится в перечне дьяков по приказам Боярского списка 1610/11 г. с пометой «в Нижнем Новгороде».[192] Он был там в 1612 г.[193] и с 3 января 1613 г.[194]

Нижегородские платежницы позволяют установить, что в Нижнем Новгороде служили дьяки: Иван Григорьев — в 1607/08—1611/12 гг. собирал оброк в Нижегородском уезде;[195] Петр Иванович Микулин — в 1609/10—1611/12 гг.;[196] снова в документах встречается имя Филимона Михайловича Озерова — в 1611/12 г. собирал оброк.[197]

Площадными подьячими в 1607/08—1611/12 гг. были Никита Михайлов,[198] Михалка Немиров,[199] Ефимка Семенов,[200] Константин Чижов,[201] Петр Головин.[202] В 1607/08—1611/12 гг. известны справные подьячие: Федор Русинов,[203] Наум Терентьев,[204] Василий Ураков.[205]

Пермь. По восшествии на престол Василия Шуйского делопроизводством Пермской приказной избы продолжали заниматься воевода князь С. Ю. Вяземский и подьячий Иван Федоров. Отписки на их имя поступали преимущественно из Новгородской четверти с извещением о свержении самозванца и воцарении нового государя от 20 мая 1606 г.,[206] от 2 июня 1606 г.,[207] от 6 июня 1606 г.;[208] об учинении суда и управы над чердынцами, кайгородцами и людьми Усолья Камского от мая 1606 г.;[209] об устрое-

---

[191] ААЭ. Т. 2. № 142. С. 257—258.

[192] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 15; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; Боярский список 1610/11 г. С. 85.

[193] Нижегородские платежницы... С. 137, 138, 151, 173, 235, 241 и др.; Выписка из приходной книги Нижегородского уезда о сборе денег на жалование ратным людям, отправившимся с кн. Д. М. Пожарским для освобождения Москвы в 1612 г. // Временник ОИДР. М., 1853. Кн. 17. С. 1; *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 107.

[194] Арзамасские поместные акты... № 361. С. 466; Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. В 2-х т. / Собрал и ред. С. Б. Веселовский // ЧОИДР. М., 1913. Т. 1 (1587—1627 гг.). Кн. 2—4. № 74. С. 99.

[195] Нижегородские платежницы... С. 60, 114, 215.

[196] Там же. С. 169.

[197] Там же. С. 138.

[198] Там же. С. 91, 239.

[199] Там же. С. 91, 93, 239, 240.

[200] Там же. С. 91, 239.

[201] Там же. С. 67, 228, 240.

[202] Там же. С. 153, 165.

[203] Там же. С. 90, 238, 242.

[204] Там же. С. 242.

[205] Там же. С. 152, 236.

[206] ААЭ. Т. 2. № 44. С. 103.

[207] СГГД. Ч. 2. № 147. С. 308—315.

[208] ААЭ. Т. 2. № 48. С. 106.

[209] Там же. № 46. С. 103.

нии соликамского яма от 11 июля 1606 г.;[210] об исследовании дела по жалобам о порче будто бы людей посредством икоты от 14 и16 июля 1606 г.;[211] с сообщением о новых возмущениях в государстве, произведенных другим Лжедмитрием, от 9 декабря 1606 г.;[212] из Приказа Казанского и Мещерского дворца — о дозволении вышерским вогуличам взносить ясак в Пермь с предоставлением им права на торговлю от 27 февраля 1607 г.[213]

Смена местного управления в Перми произошла между мартом 1607 г. и январем 1608 г. Известно, что с 11 января 1608 г. подьячий Иван Федоров уже находился на службе в Галицкой четверти, а 15 мая 1608 г. в Перми воеводой был Федор Акинфов, подьячим — Наум Романов. Этот факт отражен в отписке из Верхотурья в Туринск от 29 мая 1608 г. о взятии у воров Костромы и других городов. Там содержится упоминание об отписке в Пермь из Соли Вычегодской от 15 мая 1608 г.[214] На своих местах они оставались до начала 1610 г. Из Москвы поступали распоряжения: из Новгородской четверти — о сибирских хлебных запасах от 11 августа 1608 г.;[215] о немедленной присылке в Москву пермских казенных доходов от 7 сентября 1608 г.;[216] о сборе с Пермской земли хлебных запасов, об отправлении оных в Сибирские города на жалованье служилым людям и о посылке в Верхотурье плотников для судового дела от 19 января 1609 г.;[217] из Приказа Казанского и Мещерского дворца — о призыве «охочих пашенных людей» для переселения в Пелымский уезд от 6 августа 1609 г.[218] Известна челобитная соликамцев от 2—3 июня 1609 г. и их отписка к пермскому воеводе Ф. Акинфову о «присылке казенных денег на содержание ратных людей».[219]

Таким образом, Пермская земля была в управлении Новгородской четверти и Приказе Казанского и Мещерского дворца, как и другие города Сибири и Средней Волги.

В то время когда многие города переходили на сторону Лжедмитрия II, из Перми от подьячего Н. Романова и воеводы Ф. Акинфова в Москву поступали отписки о верности царю Василию пермских приказных людей и о посылке ратных людей ему на помощь. Такая отписка была дана после 1 января 1609 г.,[220] после 10 января 1609 г.[221] В феврале 1609 г. подьячий Н. Романов и Ф. Акинфов сообщили об этом в отписке нижегородцам.[222] 1 марта 1609 г. в Чердынь был дан указ об отводе ратных людей Чердынских и других Пермских городов к царю Василию Ивановичу на помощь.[223] В отписке из Хлынова в Чердынь сообщается, что в некоторых городах еще си-

---

[210] Там же. № 54. С. 124; № 55. С. 124—125; № 56. С. 126.
[211] АИ. Т. 2. № 66. С. 82.
[212] СГГД. Ч. 2. № 151. С. 319; Памятники истории нижегородского движения... С. 1.
[213] АИ. Т. 2. № 76. С. 101.
[214] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 55. С. 66.
[215] АИ. Т. 2. № 91. С. 121—122.
[216] ААЭ. Т. 2. № 87. С. 179.
[217] Там же. № 101. С. 198—199.
[218] АИ. Т. 2. № 251. С. 298.
[219] Там же. № 230 (2). С. 271.
[220] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 26. С. 30.
[221] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 52. Л. 110.
[222] Памятники истории нижегородского движения... С. 25—26.
[223] СГГД. Ч. 2. № 176. С. 356.

дят изменники государевы.[224] В отписке Степана Годунова есть упоминание о том, что Ф. Акинфов и Н. Романов писали из Перми 22 мая 1609 г.[225] Об их отписке из Перми от 1 декабря 1609 г. о текущих событиях известно по отписке из Соли Вычегодской в Чердынь.[226]

Делопроизводственные материалы Пермской приказной избы позволяют выявить довольно интересные сведения о взаимоотношениях воеводы и подьячего. Между Ф. Акинфовым и Н. Романовым, очевидно, происходили некоторые разногласия, о которых стало известно в Москве. 24 августа 1608 г. в Пермь подьячему Науму Романову из Новгородской чети была дана царская грамота о прекращении его ссор с Федором Акинфовым и о невершении им никаких дел без общего согласия с четвертными дьяками.[227]

Курьезный инцидент произошел в октябре 1608 г. В пермской казне была произведена кража 300 руб. таможенных сборов. По донесению Матюшки Карпова и по указу царя Василия виновных в краже — голову и целовальников Авдея Паломожного, Семена Новикова и Алексея Дубровина — следовало заключить в тюрьму, а Матюшку Карпова посадить кабацким подьячим в Соликамске. Однако воевода Ф. Акинфов и подьячий Н. Романов сделали по-своему: в тюрьму посадили Матюшку, а сами взяли взятку. Царь приказал Матюшку выпустить.[228]

15 февраля 1610 г. в Пермь были посланы Василием Шуйским дьяк Иван Елизарович Викентьев и подьячий Третьяк Микитин для организации вывоза хлеба из Перми жителями с наказом в Яренск, но посыльные задание не выполнили. Получив взятку от властей Яренска, они выехали в Сибирь, а в Москву отправили Григория Чирикова с отпиской, в которой говорилось, что с Выми будто бы приезжали за хлебом в Пермь, но пермские воеводы не разрешили везти его. Как показал И. С. Шепелев, сделка царских подьячих с властями Яренского уезда раскрывается припиской на обороте памяти дьяка И. Викентьева. Приписка гласит: «Ивану Елизаровичу и подьячему дал по чести на вино 3 алт. 1 гр. 2 ден., чтоб они поехали в Сибирь, и на Пыледи не застаивались, и людей с Вычегды и с Выми не собирали. А сказали им (воеводы в Сибири), что с Выми о запасном деле послали к Москве Григория Чирикова и явки дали, что нам пермичи запас везти не дали».[229]

Перед нами примеры самоуправства в местной приказной администрации, когда дела вполне могли вершиться с помощью взятки в обход царским указаниям из Москвы. В городах приказные служащие чувствовали свободу и безнаказанность в своих действиях.

В июле 1610 г. в Перми служил подьячий Пятой Филатов. Ему и воеводе И. И. Чемоданову и всем пермских пригородов посадским людям даны грамоты от бояр, окольничих и приказных людей и всяких других служащих о сведении царя Василия с престола[230] (20 июля 1610 г.), с увещанием

---

[224] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 63. Л. 125.
[225] Там же. № 70. Л. 134.
[226] Там же. № 102. Л. 185.
[227] ААЭ. Т. 2. № 86. С. 178.
[228] АИ. Т. 2. № 97. С. 130.
[229] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 139.
[230] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 2. № 116. Л. 5.

не признавать самозванца и оберегать государство от поляков.[231] От их имени из Чердыни 3 августа 1610 г. дана память кайгородскому земскому судье И. Данилову и всей земли людям, где шла речь о государевом ратном деле.[232] 7 августа 1610 г. за приписью подьячего Пятого Филатова дана из Перми отписка на Вятку о сборе ратных людей для «защиты вятской земли от мятежников».[233] Ему же и воеводе в Пермь 19 августа 1610 г. адресована окружная грамота от князя Ф. И. Мстиславского и бояр об избрании в Москве на Российский престол государем польского королевича Владислава и об учинении ему присяги.[234]

Псков. Согласно разрядным записям, в 1605/06 г. в Пскове служил дьяк Иван Васильев (1-й).[235] Оставался там и после воцарения Василия Шуйского в 1606—1607/08 гг.[236] Туда же в 1606 г. был отправлен дьяк Иван Тарасьевич Грамотин, где пробыл до 1608 г.[237] В нагайских делах имеется грамота от 29 мая 1606 г. за его приписью, по которой прислано на жалованье платье.[238] Его фамилия содержится в росписи подарков, поднесенных думными чинами, торговыми гостями, русскими и иностранными торговыми людьми Василию Шуйскому в 1606—1608 гг. И. Т. Грамотин поднес кубок серебряный с золоченой покрышкой и сорок соболей.[239]

1—2 сентября 1608 г. псковский мир, как показывает исследование И. О. Тюменцева, оказался перед выбором и раскололся, что было вызвано появлением у ворот города новгородско-шведского и тушинского отрядов. «Худые людишки» открыли ворота войску самозванца, после чего в Пскове учинили присягу и крестное целование Лжедмитрию II. Однако вплоть до псковского пожара 15 мая 1609 г. власть тушинцев в городе была далеко не безграничной — они вынуждены были считаться с настроениями широких слоев псковского мира.[240]

Псковский дьяк И. Т. Грамотин в 1607 г. взял себе лучшие поместья и перешел на сторону Лжедмитрия II, известен в 1609 г. в администрации Тушинского лагеря.[241]

В 1608/09 г. в Псков были назначены воеводами поляки, в том числе дьяк Крик Тенкин, но вскоре они вернулись в Тушино. После этого в Псков прибыли воевода А. Жировой-Засекин и дьяк Иван Леонтьевич Луговской, «добрый муж в разуме и сединах».[242] В июне 1609 г. от имени царя Дмитрия наместник князь А. Жировой-Засекин, думный дьяк Иван Леонтьевич Луговской и дьяк Афанасий Истомин составили грамоту Дерптскому держав-

---

[231] ААЭ. Т. 2. № 162. С. 277—278.
[232] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 114. Л. 202.
[233] ААЭ. Т. 2. № 163. С. 278.
[234] СГГД. Ч. 2. № 202. С. 438; ААЭ. Т. 2. № 164. С. 279.
[235] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 84.
[236] Там же. С. 84, 150.
[237] Там же. С. 84, 96.
[238] Акты времени Лжедмитрия I (1604—1606 гг.) // Смутное время Московского государства, 1604—1613 гг. / Под ред. Н. В. Рождественского. М., 1918. Вып. 1. Нагайские дела. С. 145, 146.
[239] РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Ч. 1. № 142. Л. 9.
[240] *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 202.
[241] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 150.
[242] *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 548.

цу Бормовскому о присылке вспомогательного войска по найму для нападения на новгородцев, отложившихся от самозванца.[243] И. Л. Луговской оставался думным дьяком также в 1610 г., возможно, переехал в Калугу.[244]

После бегства Лжедмитрия II в Калугу в январе 1610 г. думный дьяк И. Т. Грамотин «почал прежде всех служить Сигизмунду» и, по всей видимости, снова отправился на службу в Псков. Псков оставался за Лжедмитрием II до конца 1610 г.,[245] но еще 10 июня 1610 г. окольничему и воеводе В. П. Морозову, князю Ф. А. Звенигородскому, а также дьякам И. Т. Грамотину и А. И. Рубцову дана грамота царя Василия с извещением о свершившемся в Москве государственном перевороте и об изобличении расстриги в измене вере и отечеству.[246]

Антип Рубцов указан также в Боярском списке 1610/11 г. в «дьяках по приказам» без каких-либо помет.[247]

По всей видимости, в Пскове какое-то время служил дьяк Клементий Третьяк Григорьевич Корсаков. Его фамилия значится в Боярском списке 1610/11 г. в перечне «дьяков по приказам» с пометой «в Пскове», но зачеркнута,[248] а записана в том же списке в перечне «дворян в Ярославле».[249] Кроме того, об этом человеке известно, что в 1608 г. он в чине дьяка присутствовал на встрече послов в Москве.[250]

Романов. В Романове в 1610/11 г. служил дьяк Иван Ефанов.[251]

Ростов. Площадным дьяком в Ростове был Тимофей Семенов. 5 мая 1609 г. он переметнулся на сторону повстанцев. Об этом сообщается в отписке из Ярославля к Соли Вычегодской от 8 мая 1609 г., что государевы изменники и литовские люди осадили Ярославль, но потерпели поражение и встали у города в ожидании подкрепления.[252]

Рязань. Здесь дьяком служил Степан Леонтьевич Пустошкин. 30 декабря 1609 г. ему в Рязань и боярину и воеводе князю Ф. Долгорукому была адресована грамота царя Василия Ивановича с извещением о том, что Тушинский вор пропал безвестно, и с приказом прислать в Москву человек триста детей боярских.[253] Он указан на Рязани в разрядных записях,[254] фамилия также стоит в Боярском списке 1610/11 г., в перечне дьяков по приказам также с пометой «в Рязани».[255]

---

[243] АИ. Т. 2. № 238. С. 280.

[244] *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 548.

[245] Там же. С. 515.

[246] *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С. 303.

[247] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Боярский список. Л. 15; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

[248] БС 1610/11 г. С. 84.

[249] Там же. С. 94.

[250] Дьяк на Москве при встрече послов (см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 264).

[251] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 107.

[252] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 36. С. 39.

[253] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества // Собрал и издал А. Юшков. М., 1898. Ч. 1. № 286. С. 305; *Антонов А. В.* Родословные росписи... С. 225.

[254] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 104.

[255] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Боярский список. Л. 14; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

Свияжск. В ноябре—декабре 1608 г. Свияжск находился под властью самозванца, а в 1609 г. туда был отправлен думный дьяк Московкого разряда Тимофей Андреевич Витовтов. 12 апреля 1609 г. ему дана государева грамота с похвалой за верную службу и с известиями о положении дел в Москве и других городах.[256] В Боярском списке 1610/11 г. помета «в Свияжске» против его фамилии стоит первой в перечне «дьяков по приказам» Боярского списка 1610/11 г.[257]

Смоленск. Документы, сохранившиеся от периода правления Василия Шуйского, показывают, что дьяками в Смоленске были: Семен Ефимьев — 8 июня 1606 г.[258] (известен также на службе в Приказе Казанского и Мещерского дворца), Андрей Дмитриевич Бунаков — 29 мая 1606 г.[259] (по всей видимости, служил при царе Василии также в Посольском приказе), его брат Иван Бунаков — с 8 июня 1606 г. и, по всей видимости, непрерывно до 1610 г. — 12 сентября 1608 г.,[260] 24 октября 1608 г., 11 ноября 1608 г.,[261] а также указан в перечне дьяков по приказам с пометой «в Смоленске» в Боярском списке 1610/11 г.[262]

На службе в Смоленске некоторое время находился дьяк Никон Алексеев. В накладных воеводских памятях смоленским посадским старостам и объездным головам по наблюдению за благочинием, по преследованию кормчества и охране города, посадов и слобод от пожара, составленных в апреле 1608 г., в дьячьей избе были воеводы М. Б. Шеин, П. И. Горчаков и дьяки Никон Алексеев и Иван Бунаков.[263] Дьякам Н. Алексееву и И. Бунакову в Разряд в Смоленск 17 августа 1608 г. адресованы расспросные речи смоленского нарядчика Р. Романчинкова, посылаемого воеводами на литовскую границу для вестей.[264] На имя дьяка Н. Алексеева и воевод в Смоленск с 4 апреля 1609 г. до 22 октября 1609 г. писали все грамоты, донесения, челобитные.[265]

О персональном штате подьячих Смоленска известно из сохранившегося практически уникального для периода Смуты документа — росписи окладного жалованья смоленским подьячим от 1 мая 1610 г., штат был достаточно большой. По указу царя Василия Ивановича и по приказу бояр и воевод М. Б. Шеина, князя П. И. Горчакова жалованье на 1609/10 г. получили подьячие: Большого денежного стола — Василий Тараканов, а также

---

[256] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 32. С. 36.

[257] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 5; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 12; БС 1610/11 г. С. 84.

[258] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 179.

[259] Там же. С. 73.

[260] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 41; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 73.

[261] Памятники обороны Смоленска (1609—1611 гг.) // ЧОИДР. М., 1912. Кн. 1. № 1—3. С. 1—3.

[262] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 14; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

[263] АИ. Т. 2. № 349 (1). С. 410. — У А. П. Барсукова сноска неточная: *Барсуков А. П.* Списки... С. 209.

[264] АИ. Т. 2. № 92. С. 123.

[265] Памятники обороны Смоленска... № 11—61, 236. С. 9—45, 165; АИ. Т. 2. № 209. С. 241—242.

Степан Трофимов сын Сбродов, Иван Давыдов, Иван Обрезков, Петр Нешихов, Безсон Харитонов, Семен Тутихин, Феодосий Юрьев, Карп Фомин, Иван Стюре.[266]

Вполне возможно, что смоленский подьячий Василий Тараканов в прошлом был дьяком Казенного двора и в этом чине упоминается в Боярском списке 1588/89 г.,[267] а потом разжалован. Сведения о его дьяческой карьере прерываются как раз в 1609/10 г.,[268] а его волости 21 сентября 1610 г. переданы Соловецкому Степану Михайловичу за верную службу.[269]

Кроме этой росписи имена тех же подьячих мы встречаем и в других документах Смоленской приказной избы. По досмотру подьячего Степана Трофимова Сбродова выданы дрова М. Н. Тихонову.[270] Подьячий Фомин Карп 16 ноября 1609 г. получил распоряжение о сборе по росписи с поповских дворов и зарытии палых лошадей.[271] 5 декабря 1609 г. ему же дана память о сборе даточных людей.[272] Смоленскому подьячему Ивану Давыдову и В. Ф. Бестужеву от воевод М. П. Шеина и П. И. Горчакова 13 июня 1610 г. дана память о раздаче хлеба по росписи служилым людям дорогобужанам, их женам и матерям.[273]

В подьяческом чине в Смоленске служили Дмитрий Голубцов, Зубцов Павел, Первуша Лучанин. Все трое названы рядовыми Воскресенской сотни в списке посадских людей Смоленска, которым надлежало быть в августе 1609 г. «для осадного времени с самопалы, и с копьи, и с бердыши, и с топорки, и со всякими ратными бои». Дмитрий Голубцов был с самопалом, Павел Зубцов — с копьем, Первуша Лучанин — также с копьем.[274]

Имя подьячего Ивана Тимофеева встречается в списке нетчиков, не явившихся на службу на стены Смоленска, от 2 ноября 1609 г.[275]

20 декабря 1609 г. в Смоленске был подьячий Данила Иконник. При найме на службу Орешка Романов сказал, что «пошел деи он ночевать вслух за подьячего за Данила Иконника».[276]

В 1610 г. известны подьячие Борис Чемесов и Семен Игумнов. Сохранился отрывок дела о присвоении наследства. В челобитной один смолянин Иван поведал, что подьячий Семен Игумнов с Иваном Гребенниковым «из изустной памяти его жены выскребли деньги и рож», а перед стрелецким головой сказали, что изустная утерялась. Голова велел иск доправить, а стрелецкому подьячему Борису Чемесову в отпись написать, что отпуще-

---

[266] АИ. Т. 2. № 238. С. 342.

[267] Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 107.

[268] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 506.

[269] *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. // ЧОИДР. М., 1911. Кн. 4. С. 77.

[270] Памятники обороны Смоленска... № 114. С. 66—67.

[271] Там же. № 81. С. 46.

[272] Там же. № 88. С. 48.

[273] *Готье Ю.* Смоленские акты из семейного архива гр. Брахе. М., 1898. Стб. 21. С. 23; Памятники обороны Смоленска... № 247. С. 210.

[274] Памятники обороны Смоленска... № 234. С. 158—165.

[275] Там же. № 60. С. 35.

[276] Там же. № 92. С. 50.

но тому Ивану и жене его за береженье и за похороны, и за поминки, что жену поминали.[277]

В донесении о побегах значится площадный подьячий Герасим Григорьев.[278] После 14 сентября 1609 г. челобитную царю Василию написал смолянин, посадский человек площадный подьячий Иван Васильев сын Бутрин о том, чтобы в Каменном городе у пятницких ворот иметь местечко с избишкой для осадного времени.[279]

Таким образом, на службе в Смоленской приказной избе в период правления Василия Шуйского известны четыре дьяка: Алексеев Никон, Бунаков Андрей, Бунаков Иван, Ефимьев Семен и 19 подьячих.

Кроме приказной избы в начале XVII в. в Смоленске функционировал еще ряд приказных учреждений — сведения о них содержатся в документах периода правления Василия Шуйского.

Сохранилось дворцовое учреждение — Смоленский дворцовый приказ. Из служащих приказа известны подьячие Ждан Кузьмин и Иван Максимов — записаны в росписи окладного жалованья смоленским подьячим от 1 мая 1610 г.[280]

В Смоленском разрядном приказе, согласно той же росписи окладного жалованья, служили подьячие Орех Алексеев, Василий Меньшой Ильин, Кузьма Ульянов, Яков Петров.[281]

Подьячие О. Алексеев, К. Ульянов, Я. Петров 30 декабря 1609 г. дали из Разряда записку для Судного приказа по делу о краже хлеба и гречихи у вдовы Марфы Богдановской жены Щелина.[282]

В мае 1610 г., согласно росписи хлебной раздачи, по приговору бояр и воевод М. Б. Шеина и князя П. И. Горчакова смоленскому подьячему Якову Петрову дана память с указанием выдать из хлеба Ф. М. Ефимьева дорогобужанам дворянам и детям боярским.[283] В росписях хлебных раздач от 17 декабря 1609 г. житничным подьячим в раздаче хлеба брянчанам дворянам да детям боярским назван Василий Ильин,[284] и он же упоминается 13 августа 1610 г. в росписи хлебной раздачи вязмичам и дорогобужанам.[285]

В Смоленском судном приказе был подьячий Евдоким Ломейков — по росписи окладного жалованья смоленским подьячим от 1 мая 1610 г.[286]

В Таможенной избе Смоленска в правление Василия Шуйского подьячим был Лукьян Михайлов. В отрывках расспросных речей боярину и воеводе М. Б. Шеину и князю П. И. Горчакову сообщается, что 2 ноября 1609 г. он привел «незнаема человека, которого поймал на своей стороне», — Федьку Карпова сына Ржевитина.[287]

---

[277] Там же. № 99. С. 54.
[278] Там же. № 194. С. 114—115.
[279] Там же. № 45. С. 29.
[280] АИ. Т. 2. № 238. С. 342.
[281] Там же. № 238. С. 342.
[282] Памятники обороны Смоленска... № 98. С. 53.
[283] Там же. № 256. С. 222.
[284] Там же. № 241. С. 184.
[285] Там же. № 249. С. 213.
[286] АИ. Т. 2. № 238. С. 342.
[287] Памятники обороны Смоленска... № 61. С. 36.

Таким образом, в Смоленске ввиду его сравнительно больших размеров и отдаленности от Москвы в эпоху Смутного времени продолжали функционировать не только Смоленская приказная изба, но и система приказных учреждений, деливших между собой функции по управлению городом и его уездом.

Сольвычегодск. Известен подьячий Григорий Рукавов. 1 декабря 1609 г. он составил отписку в Чердынь Федору Петровичу да Науму Романовичу от воевод Соли Вычегодской, старост, целовальников и крестьян.[288] Был там же 17 сентября 1610 г., а подьячий Гаврила Богданов — 17 февраля 1611 г.[289]

Соль Галицкая. 15 марта 1609 г. в Соли Галицкой служил площадный подьячий Григорьев Федор.[290]

Суздаль. В феврале 1608 г. в Суздале на службе находился подьячий Исайя Байкашин.[291]

Тверь. В 1608 г. там служил дьяк Федор Михайлов.[292] Однако в отписке бельского воеводы Б. Собакина о пойманных мужиках с грамотами от самозванца сообщается, что 3 августа 1608 г. писали к ним из Твери Осип Хрипунов да Андрей Михайлов о перехвате людей с воровскими грамотами.[293] Вероятно, в справочнике А. П. Барсукова допущена опечатка.

С 1607/08 г. в Твери был подьячий Первушка Федоров. Об этом упоминается в его челобитной от 1 августа 1614 г. царю Михаилу Романову о жаловании его окладом[294] (служил до 1613 г.).

Тобольск. По восшествии на московский престол Василия Шуйского в Тобольске на службе находился дьяк Филипп Федорович Голенищев. О нем имеются упоминания в разрядных записях 1606 г.[295] После 14 июля 1606 г. он вместе с Р. Троекуровым, И. Внуковым составил отписку из Тобольска в Кацкий острог с сообщением об убиении расстриги и воцарении Василия Шуйского и о необходимости приведения ко кресту служилых людей.[296] Поскольку в документах времени правления Лжедмитрия I Ф. Голенищев не упоминается, а в Тобольске известен с начала правления Василия Шуйского, можно сделать предположение, что в Тобольск он был отправлен по инициативе самозванца. Дьяк Ф. Голенищев служил в Тобольске до 1608 г.,[297] а затем переведен в Приказ Большого дворца в Москву.

На службе в Тобольске находился также дьяк Нечай Федоров. Из Москвы он вместе с воеводами князем И. П. Буйносовым-Ростовским и Н. М. Плещеевым был перевсден зимой 1608 г.,[298] а точнее 19 февраля 1608 г.[299] В 1608 г. он писал отписку в Пермь о том, что «служилые вся-

---

[288] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 102. Л. 185.
[289] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 55.
[290] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 355.
[291] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 41.
[292] *Барсуков А. П.* Списки... С. 229, 230.
[293] АИ. Т. 2. № 90. С. 121.
[294] *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени... С. 270.
[295] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 85, 156, 241.
[296] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 54. С. 65.
[297] *Барсуков А. П.* Списки... С. 235.
[298] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 168.
[299] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 543.

кие люди бьют челом о денежном и хлебном жаловании без престани, а дати им нечего, денег и хлеба на 117 г. с Руси не прислано, а в казне (сибирской) денег и в житницах хлебных запасов нет».[300]

За приписью дьяка Нечая Федорова Чередова 28 августа 1609 г. из Тобольска дана проезжая грамота торговым людям из Сибири в Россию.[301] Имя Н. Федорова есть в Боярском списке 1610/11 г. в перечне дьяков царя Василия с пометой «в Сибири».[302] Он продолжал служить в Тобольске до 1613 г.[303] 10 июня 1612 г. ему в Сибирь, в Тобольск, дана окружная грамота Д. Пожарского о происшествиях в Великом Новгороде и о присылке к нему в ополчение выборных от всякого чина людей с полномочием для совета, избирать ли на Российское царство шведского королевича Карла Филиппа.[304]

Кроме того, в отписке из Сургута в острог от 6 января 1610 г. упоминается о тобольском подьячем Ефиме Денисове — что приехал в Тобольск из Переяславля из полков от государева боярина и воеводы князя М. В. Шуйского тобольского города подьячий Ефим Денисов и сказывал о хлебных сибирских запасах.[305]

Томск. И. С. Шепелев в своем исследовании приводит отписку томского воеводы Василия Волынского царю Василию Шуйскому от января 1609 г., в которой сообщается о насилии приказных и служилых людей над жителями Сибири. Томские приказные головы М. Ржевской и С. Бартенев вместе с подьячим Кирилкой Федоровым безнаказанно притесняли служилых людей: не выплачивали своевременно и полностью им жалованье, занимались вымогательством и брали взятки, посылали за ясаком только тех казаков и стрельцов, которые обещали им посулы, «да в посулах же на них служилых людей емлют кабалы рублев по десяти—двадцати».[306]

Углич. Подьячим в Угличе служил Патрикей Насонов. За его приписью и от князя И. Г. Звенигородского 26 ноября 1606 г. дана проезжая грамота угличскому губному старосте крестьянину И. Тихонову от Углича до Устюжны.[307] В 1610 г. П. Насонов уже был в Приказе Большого прихода.

Устюг. Подьячим в Устюге служил Шестак Мелентьев Копнин. В отписке от 4 декабря 1608 г. устюжан к вычегодцам говорится об отпуске к Устюгу и к Тотьме ратных людей во главе с подьячим Ш. М. Копниным, которые вышли 3 декабря.[308] В отписке из Вологды в Устюг о разных вестях о воровских силах сообщается, что подьячий Ш. М. Копнин 11 декабря 1608 г. пришел на Вологду с Устюга с ратными людьми на сбор.[309] Он оставался на Устюге и в 1609 г. с воеводой Иваном Стрешневым, согласно спис-

---

[300] *Барсуков А. П.* Списки... С. 235.

[301] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. В 3-х т. / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1857—1884. Т. 3. № 295. С. 74—76.

[302] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 15; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 86.

[303] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 406.

[304] СГГД. Ч. 2. № 282. С. 598.

[305] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 94. Л. 176.

[306] *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 153.

[307] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 53 (29). С. 62.

[308] ААЭ. Т. 2. № 91. С. 184—185.

[309] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 25. С. 28; ААЭ. Т. 2. № 94 (2). С. 190.

ку с устюжской грамоты к соликамцам о том, что чинят литовцы.[310] На имя подьячего Ш. Копнина в Устюг дана царская грамота от 12 апреля 1609 г. о посылке в сибирские города хлебного жалованья, материалов, необходимых для постройки стругов, и плотников.[311]

Согласно сведениям, собранным А. П. Барсуковым, Ш. Копнин был на Устюге с 1606 по 1610 г.[312] Исследователь называет также дьяка Богдана Ильина — со 2 мая 1610 г. по 9 апреля 1611 г.[313]

Площадным подьячим на Устюге был Пятой Григорьев в 1607/08 г.,[314] и в марте 1609 г. его подпись имеется на отписке из Устюга в Пермь о немедленном сборе ратных людей на государеву службу, с приложением отписки князя М. В. Шуйского.[315]

2 мая 1610 г. в Устюжском у. служил подьячий Рахманин Болдырев.[316]

На Устюг с Вологды был переведен дьяк Рахманин Воронов. Его фамилия значится в перечне дьяков по приказам в Боярском списке 1610/11 г. с пометой «на Устюге».[317]

В январе 1609 г. на Устюге был дьяк Постник Дмитриев,[318] в мае 1610—апреле 1611 г. — дьяк Богдан Ильин.[319]

Устюжна. 14 октября 1606 г. в Устюжну с воеводами князем М. И. Шаховским и И. Д. Унковским послан подьячий Истома Обрезков и был там до 19 декабря 1606 г. Им были выданы списки с подорожных из Москвы и других городов.[320]

Уфа. С приходом к власти Василия Шуйского в Уфу был удален дьяк Афанасий Иванов Власьев наряду с заподозренными ранее в измене князьями В. М. Рубцом-Мосальским, М. Г. Салтыковым, Б. Я. Бельским, М. И. Татищевым, которым также было дано воеводство по городам.[321] А. Власьев был возвращен в Москву только при Сигизмунде.[322] Его фамилия находится в росписи думных и других чинов, преподнесших подарки царю Василию где-то в 1606—1608 гг. А. Власьев преподнес крест золотой изумрудный из жемчуга и кубок «серебрян золочен».[323]

Холмогоры (на Двине). В Колмогорском (Холмогорском) городе с 1608/09 г. по 5 июля 1610 г. дьяком служил Никифор Емельянов.[324] Упоминания о его службе в «Колмогорском городе» 5 июля 1610 г. вместе с кня-

---

310 Памятники истории нижегородского движения... С. 41.

311 *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 35. С. 39.

312 *Барсуков А. П.* Списки... С. 260.

313 Там же. С. 260.

314 Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 265.

315 ААЭ. Т. 2. № 112. С. 215.

316 *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 96, 241; Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 177.

317 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 15; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

318 *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 355.

319 АВМ. С. 4; *Барсуков А. П.* Списки... С. 260.

320 *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 53 (18, 20). С. 61—62.

321 *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 84.

322 Там же. С. 96—97, 241.

323 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Ч. 1. № 142. Л. 14.

324 *Барсуков А. П.* Списки... С. 64.

зем А. Д. Ростовским имеются в правой грамоте Николаевскому монастырю от 30 ноября 1610 г. на беспрепятственное владение рыбными ловлями в устье р. Двины.[325] В Боярском списке 1610/11 г. дьяк Никифор Емельянов написан с пометой «на Двине».[326]

Ярославль. В правление Василия Шуйского дьяком в Ярославле служил Иван Леонтьев, согласно платежным в кормовых деньгах и других пошлинах, 11 сентября 1608 г. по указу царя Василия с ним и с приставом Я. Зайцевым из Ярославля в Вологду было прислано жалованье польским и литовским людям.[327] Позже известен как меновый дьяк у самозванца.

Князь и воевода Ф. П. Барятинский в октябре 1608 г. организовал присягу ярославцев Лжедмитрию II, и Ярославль несколько месяцев — до апреля 1609 г. — находился под властью самозванца. За это время известно о службе дьяков Третьяка Копнина и Богдана Сутупова. 23 марта 1609 г. они и князь Ф. Барятинский отправили письмо гетману Яну Сапеге с жалобой на Ивана Волынского, который ссорит их с Литвой и поляками.[328] Нужно отметить, что Богдан Сутупов был против воцарения Василия Шуйского и известен как один из инициаторов появления второго самозванца наряду с дворянами М. А. Молчановым, Г. П. Шаховским и И. Е. Михневым.[329] Некоторое время, по всей видимости, Б. Сутупов вел двойную игру — его фамилия значится в Росписи подарков царю Василию думных и других чинов в 1606—1608 гг.[330] Однако в других источниках нет упоминаний о приказной службе Б. Сутупова в приказах В. Шуйского.

В начале апреля 1609 г. в Ярославле вспыхнуло восстание. В отписке Н. Вышеславцева в Вологду сообщается о том, что после освобождения Ярославля от «воров» 8 апреля 1609 г. «князь Барятинский да Богдан Сутупов побежали с остальными ворами, а взяли с собой, связав, Ивана Волынского да Третьяка Копнина, а они во всем государю прямили».[331] Таким образом, обнаруживается некоторое противоречие показаний источников о приверженности дьяка Трстьяка Копнина. С одной стороны, он поддерживал политику самозванца, проводимую в Ярославле Б. Сутуповым и Ф. Барятинским, с другой — его насильно забрали при отступлении «в таборы». Это, по всей видимости, говорит о не вполне устойчивых политических позициях дьяка Т. Копнина. Б. Сутупов позже был с самозванцем в Коломне — факт отмечен в ряде грамот 1610 г. Лжедмитрия II.

С 8 апреля в течение всего мая 1609 г. в Ярославле шла оборона города от войск самозванца. В это время известно о подьячем Иване Озерецком, ранее служившем в Каргополе. 13 апреля 1609 г. он составил отписку келарю старцу Авраамию с жалобой на притеснение от воевод и бояр и с просьбой быть созаступником. В своей отписке он поясняет: «А ныне в Ярославле государевы воеводы Никита Вышеславцев да Овсей Резанов и дво-

---

[325] АЮ. № 25. С. 62.

[326] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 15; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

[327] АЮ. № 216 (VI). С. 232.

[328] Сборник кн. Хилкова. № 12 (LI). С. 58.

[329] *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 1—584.

[330] РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Т. 1. № 142. Л. 11.

[331] ААЭ. Т. 2. № 115 (III). С. 220; *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 55. С. 67.

ряне и дети боярские города наложили на меня тягость не по моей мере и для царского величества пишут меня воеводы собою во всех делах диким именем. А я, государь, того дикого имени добре обегаю, потому что еще и подьячества прямого не дорос».[332] Судя по этой отписке, И. Озерецкий был помощником воеводы. В записке из Вологды в Устюг он указан головой у ратных людей, в 1609 г. пришел с Ларионом Трусовым из Романова в Ярославль.[333] Упоминания о нем встречаются в грамотах из Москвы лета 1609 г.: подьячему Ивану Озерецкому и воеводам в Ярославль адресована грамота царя Василия Ивановича о разных победах над литовскими людьми от 18 июня 1609 г.[334] О подьячем И. Озерецком упоминается также в памяти пермского воеводы Ф. Акинфова от 24 августа 1609 г. солика́мскому старосте Елисееву о присылке денежных сборов на жалованье царскому войску. Иван Озерецкой вместе с другими писал из Ярославля приказ выслать туда денежные доходы.[335] Служил в Ярославле по февраль 1611 г.[336]

В 1610 г. в Ярославль был переведен дьяк Анфиноген Федорович Голенищев.[337] Фамилия А. Голенищева имеется в Боярском списке 1610/11 г. в перечне «дьяков по приказам» с пометой «в Ярославле».[338]

В 1610/11 г. дозорщиком Ярославской посадской слободки был подьячий Шарап Павлов.

Таким образом, с разной степенью полноты удалось собрать сведения о службе дьяков и подьячих 38 городов Московского государства периода правления Василия Шуйского. Наиболее полно сохранились архивные комплексы делопроизводства Великого Новгорода, Смоленска, Нижнего Новгорода, Арзамаса, Вологды, Казани, Перми. Практически все сведения о городовой службе, содержащиеся в документах официального делопроизводства Разрядного приказа — разрядных книгах и боярских списках, сопоставляются с актовым материалом, что дает возможность увидеть, как в действительности осуществлялось взаимодействие центрального и местного аппарата управления в государстве.

В городах дьяки и подьячие несли службу в приказных и воеводских избах. Только 2 города, не считая столицы, имели дополнительно специализированные учреждения — Великий Новгород и Смоленск. В Великом Новгороде функционировали Дворцовый и Судный приказы, в Смоленске — Дворцовый, Судный, Разрядный, Сыскной приказы и Таможенная изба. Таможни имелись и в других пограничных городах (Новгороде, Каргополе и др.), однако документов, характеризующих таможенную службу за период Смуты, не сохранилось.

Городовое воеводство в начале XVII в. было основным звеном местного управления — практически в каждый крупный город воевода назначался

---

[332] Сборник кн. Хилкова. № 29. С. 101.
[333] *Гневушев А. М.* Акты Шуйского. № 25. С. 29.
[334] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 1. Портф. 133. Ч. 1. № 80. Л. 147.
[335] АИ. Т. 2. № 256. С. 304.
[336] *Любомиров П. Г.* Очерки истории... С. 289.
[337] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 120.
[338] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 1066. Ст. 3. Л. 13; ф. 199. Портф. 130. Ч. 1. Д. 8. Л. 5 об.; БС 1610/11 г. С. 85.

из представителей княжеско-боярских родов, срок службы определялся в среднем 2—3 годами. Как показывает практика, нередко на воеводство получали назначение и дьяки. Но чаще всего дьяки и подьячие служили вместе с воеводой и были его помощниками. Встречаются примеры управления на местах воеводы с подьячим без дьяка (Белоозеро, Вятка) или городового приказчика с подьячим (Арзамас).

Назначение на службу происходило по государеву указу — как дьяков, так и подьячих. Иногда дьяк сажал с собой своих подьячих, но если не было официальных документов, это расценивали как произвол. В городах на одном и том же месте дьяки редко служили на протяжении всей жизни, хотя и такое случалось. Часто с приходом нового государя производились и новые назначения как в центре, так и на местах. Перевод на службу в приказы в Москву несомненно считался повышением по карьерной лестнице. Но могло быть и обратное в случае опалы. Тем не менее человек, попавший на приказную службу, уже не менял, как правило, род занятий, а менял лишь учреждения.

В царствование Василия Шуйского кризис в управлении городами обострился. С развитием в стране смуты и беспорядков в городах часто имели место случаи неподчинения указам царя и самоуправства дьяков местной администрации, например в Арзамасе, Астрахани, Вологде, Нижнем Новгороде, Перми, Томске. С созданием альтернативного правительства в Тушино, к осени 1608 г. и с началом первого массового перехода представителей московского дворянства и людей других служилых чинов на сторону самозванца, многие города принесли присягу «царю Дмитрию». Кризис выражался в том, что представители местной администрации отказывались выполнять распоряжения правительства Василия Шуйского. Но и Лжедмитрию II нужны были прежде всего новые вооруженные люди для пополнения войска и средства для его содержания. Именно за этим самозванец обращался к жителям городов. Нестабильная сложная ситуация заставляла города снова переходить на сторону Василия Шуйского.

Таким образом, кризис центральной власти в правление Василия Шуйского способствовал росту бюрократии на местах. Чувствуя свою безнаказанность, а вместе с тем и отсутствие поддержки и в случае необходимости помощи из Москвы, чиновники решали большинство вопросов по своему усмотрению, с выгодой и меньшими проблемами для себя. Однако дьяки и подьячие продолжали при этом выполнять свои должностные обязанности, вели делопроизводственную документацию в приказных и воеводских избах, не переставали ощущать себя частью уже давно сложившейся и постоянно эволюционирующей системы местного управления Московского государства.

З. А. Тимошенкова

ДОЗОРНАЯ КНИГА СТАРОЙ РУССЫ 1611 г.

Перепись г. Старой Руссы проводилась в августе 119 (1611) г. по наказу боярина и большого ратного восводы Якова Пунтосовича Делагарди и боярина и воеводы князя И. Н. Большого-Одоевского за приписью дьяков Семена Лутохина и Ондрея Лысцова и была произведена Лукой Ивановичем Милославским и Антоном Силычем Выповским, которым были приданы дворцовый подьячий Микифор Коптев и торговый человек Семен Иванович Власов.[1] Приправочными книгами для них служил Список с дозорных книг Алексея Безобразова «с товарищи»[2] 115 (1606/07) г. за приписью дьяка Третьяка Копнина, которые они получили, прибыв в Старую Руссу, у Воина Новокрещенова и дьяка Третьяка Копнина. В программу описания входили дозор и описание «старорусского посаду дворов и во дворах людей, и лавок, и варниц, и огородов, и садов, и нив... А сколко в Старой Русе на посаде дворов и в них людей, и лавок, и огородов, и садов, и нив, и тому дозорные книги». В проведении дозора участвовали Варлам — игумен Спасского монастыря, Пимин — игумен Никольского Косина монастыря, черный поп Иона из Никольского Кречева монастыря, 10 священников церквей и монастырей старорусского посада и 62 представителя посадских людей города (в том числе 2 старосты и 3 целовальника).

Дозор был вызван необходимостью учета ущерба, нанесенного в 117 (1609) г. приходом литовцев под Старую Руссу.

Описание начинается с площади у церкви Бориса и Глеба, против которой находились «государева изба судная,[3] а позади той избы государев лубничин двор, шили на нем на государеву сол лукошки», изба таможен-

---

[1] Оригинал писцовой книги хранится в Швеции — Riksarkivet, Stokgolm, Ockupationsarkivet fran Novgorod, serie 1: 63. Л. 4—207. В Санкт-Петербурге в Институте истории хранится микрофильм с нее — Архив СПб. ИИ РАН, м/ф № 383.

[2] Вместе с А. Безобразовым дозор производил Воин Трескин. См.: *Селин А. А.* Дозорные описания Старой Руссы и Старорусского уезда в 1611—1612 гг. // Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI—XX вв. СПб., 2004. С. 57. — В перечне С. Б. Веселовского отсутствуют сведения о службе Воина Ивановича Трескина за 1604—1620 гг. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 521—522).

[3] «В Петрове улице против судной избы» отмечено 2 места дворовых приказных людей.

© З. А. Тимошенкова, 2007

ная, 9 амбаров («а в них продавали государеву соль»), 5 житниц («сыпали в них государев хлеб»).[4] Все постройки были сожжены «литовскими людьми» в 117 (1609) г. Поскольку дозорная книга А. Безобразова была также приправочной и при описании Старой Руссы в 1625 г., то некоторые дополнения к облику города 1606/07 г. содержатся в тексте писцовой книги А. Чоглокова. В ней указано, что на р. Порусьи у церкви Григорья Святого стояла баня, которую «сожгли литовские люди в 117 г.» (размер банного места 5 × 5 саженей).[5]

Дозор производился по улицам, поэтому довольно много указаний на их названия и иногда особенности прохождения. Пометки писцов содержат указания на занятия старорушан. «Розсылщиками» служили Богдан Подольский, Михаил Лизунов, Посничко. Богоявленский дьячок Михаил «сидел у городовых дел в подьячих». Федот Окулов «обнищал, просит милыстыню, а сын его Тренка пишет на площади». Писцы также указывают на дворы, принадлежавшие новгородским и старорусским гостям, сообщают об их местонахождении и судьбе. На Петрове улице («от р. Порусьи по правой стороне») стояли дворы гостей Офонки Максимова сына Мухина (живет в Новгороде), Ивана Харламова[6] с сыновьями, Якова Солодырева (умер, его 2 сына жили из позема в чужом дворе), Лариона Федоровича Крутецкого (убит литовскими людьми). В переулке к Петрове улице располагались дворы гостя Ивана Скопина с сыном Сенькой, Степана Драчева (умер, дети Кирилл и Филипп живут в пог. Черенчицы). Но со Старой Руссой связи у них сохранились, так как дети Драчева владеют двором «в Середке улице», ранее принадлежавшим Федору Жернокову. Гость Исак Драчев живет в Новгороде. Гость Исак Михайлов обнищал, просит милыстыню, а его сын Данилка живет в Новгороде. Двор гостя Мартемьяна Григорьева сожжен, а Тимофей Павлов из своего двора «сошел беззвестно». Ремесленные специальности указаны для 253 жителей Старой Руссы. Это трубные варничные мастера — самая квалифицированная часть работников на соляном промысле (4 человека), варничные варцы (77), цренник, водолей, лубошей (7), серебряник, кузнецы (25), замочник, судоплаты (3), игольница, ведерник, плотники (6), оконщик, щетник, щепетильники (5), сапожники (15), кожевник, швецы (портные мастера) (12), шапочник, рукавичники (2), красильник, горшечники (2), мельцы (мельники) (7), хлебники (4), колачники (7), пирожники (5), шпанники (пекли оладьи) (2), луковник, квашенник, квасник, кисельник, мясники (40), молодожники (специалисты по приготовлению солода и солодовых напитков) (2), винокуры (2), рыбники (5), рыбный ловец, скотник, рудомет, пастухи (6), перевощики (4), извощики (2), воще-

ники (2), свечники (3), иконники (2), скоморохи (5), дудолады (2), «весе-

---

[4] В персулке к Петрове улице было место дворовое, «что был ямской двор».

[5] ОР РНБ. F IV. Кн. 288. Л. 138.

[6] По данным В. А. Варенцова, Иван Харламов (родоначальник династии) в период шведской оккупации Новгорода выехал в Колывань. После Столбовского мира возвратился в Новгород. Он также сообщает, что жалованная грамота ему на имя гостя датируется 30 апреля 1620 г. На протяжении XVII—XVIII вв. эта династия была связана со Старой Руссой и соляным промыслом. Оброчили они также рыбные ловли и пожни. См.: *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. Вологда. 1989. С. 50—51, 87. — Их двор зафиксирован и описанием 1625 г. В торге им принадлежал амбар.

лый мастер Мишка Бубен» и «вдова Досадка лекариха».[7] Многие из них к 1611 г. были убиты, «сошли беззвестно» в другие города, деревни Старорусского у., обнищали.

Описание (благодаря ссылкам на письмо О. Безобразова) позволяет установить состояние Старорусского посада в 1606—1607 гг.[8] (табл.1).

Таблица 1

Старая Русса по описанию А. Безобразова «с товарищи» 1606/07 г.

Дворы					Пустые тяглые места дворовые и запустевшие от литовских людей
нетяглые «опричь государева кабацкого и лубошейного двора»	тяглые посадские		пустые тяглые и вдов и одиноких людей	пустые подьячих, розсылщиков, попов, дьяков, пономарей и Спасского монастыря служних	
	дворов	людей			
91	351	373	460[a]	37	443

Примечание. [a] В том числе 25 дворов «вдовьих и одиноких».

Следует отметить, что ссылки на дозор 1606/07 г. содержатся и в писцовой книге Старой Руссы А. Чоглокова 1625 г. В Рукописном отделе РНБ хранится неполный ее текст в копии XVIIIв. В XIXв. один из списков книги хранился в городской думе города. Возможно, именно он до Великой Отечественной войны находился в краеведческом музее Старой Руссы. Опираясь на ссылки в книге 1625 г., краеведы и исследователи, обращавшиеся к ним, называют разное число дворов (на самом деле дворов и дворовых мест), зафиксированных в Руссе описанием 1606/07 г. В. В. (за этими инициалами скрыл свое имя автор статьи) писал, что их было 1173.5, а Г. С. Рабинович — 1482.[9] По моим подсчетам, основанным на данных, содержащихся в описании 1611 г., дозором 1606/07 г. было зафиксировано 1382 двора и дворовых мест. Конечно в дозорной книге 1611 г. содержатся только те сведения из предшествующего описания, которые необходимы были для ответов по программе дозора. Здесь нет данных о количестве варниц. В то же время в писцовой книге 1625 г. упоминается о 174 варницах, действовавших в 1606/07 г. В период шведской оккупации все они прекратили работу, и шведы испытывали большие трудности в снабжении войск солью.

В период с 1606/07 по 1611 г. запустели и превратились в дворовые места («дворы сожгли литовские люди во 117 г.») 214 дворов (табл. 2). По-

---

[7] Сравни со списком ремесленных специальностей старорушан по писцовой книге 1625 г. См.: *Рабинович Г. С.* Город соли — Старая Русса в конце XVI—середине XVIII века. Л., 1973. С. 63.

[8] До «литовского разорения» 1581 г. в Руссе было 1254 тяглых двора. См.: *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1919. Т. I. Вып. II. С. 22—23.

[9] *В. В.* Старая Русса в первых годах XVII столетия // Северный архив. 1927. Ч. 28. № 13; *Рабинович Г. С.* Город соли — Старая Русса в конце XVI—середине XVIII века. С. 14.

Таблица 2

Старая Русса по дозору 1611 г.

Живущие, записанные живущими по письму А. Безобразова «с товарищи»		Старые пустоты, дворы написаны А. Безобразовым «в пусте»				Местожительство посадских тяглых людей, которые разошлись с посада, «а впредь им подати платить мочно»		Всего			
тяглые	«платити для бедности нечем»	«ныне в них старых жильцов и которые дворы сожгли литовские люди, а подати им вперед платить мочно»		«в пустых дворах живут старые жильцы, вдовы, бедные и одинокие люди»[a]		деревни Старорусского у.	Новгород	тяглых		нетяглых и тяглых людей дворовых мест старой и новой пустоты	
дворы	в них людей	дворы	в них людей	дворы	в них людей	дворы	в них людей	дворов	в них людей	всего	из них пашут в огороде, старорусские монастыри, попы и посадские люди
104	112	18	18	30.5	32	21	21	27	14	134.5	185	1168.5	18

[a] «и те люди по розпросу бедные от одинокие от злых да от воровских и от литовских людей».

садских людей «побито от литовских и от воровских людей и померло и сошло беззвестно» 149 человек. Сожжены были и 244 двора, отмеченные в 1606/07 г. как пустые.

За этот период в Старой Руссе сократилось и число нетяглых дворов — с 91 до 30 (табл. 3).

Таблица 3

Нетяглые дворы в Старой Руссе в 1611 г.

Количество	Принадлежность
2	старорусских приказных людей
8	поповы
4	церковных дьяков
1	пономаря
1	звонца
3	проскурни
2	лубошеев, которые шьют лукошки на государеву соль
1	сторожа судной избы
1	посадский, взят в разряд
1	монастырский
3	подьячих
2	розсылщиков
1	кабацкий винокурный

Примечание. Кроме того, в Спасской слободке был служний двор.

Описание позволяет достаточно детально проследить не только природу пустых мест, но и судьбу их владельцев. В основном уцелевшие старорушане ушли в Новгород и ближайшис к Старой Руссе погосты. По скаске старосты и посадских людей, в Новгороде осело 14 человек рушан, которые в состоянии нести тягло. В Старорусском же уезде, по их словам, таких было 27 человек. Сенка Бологижин жил на своих оброчных рыбных ловлях. Он же с братом Григорием оброчил 10 дворовых мест на Богородицкой улице (85 × 40 саженей). За ним же был сад в дер. Рогачево Петровского пог. (144 × 134 саженей). В описании 1625 г. помечено, что он убит «немецкими людьми» в 122(1613/14) г. Однако, согласно актовому материалу, его деятельность продолжалась и в последующие годы. Иван Никитин (пирожник) умер в Новгороде в тюрьме, егорьевский дьячок живет в Ивангороде. В Псков сошли ильинский поп Марк Девятка Иванов, Русин (скоморох), Пятка Степанов (мясник), Влас (кузнец). Подьячего Федота Кожаринова взяли в Псков воровские люди, а жена его живет в Новгороде. Вдова Ненилка, жена Бориса Лосева, «съехала с казаками на Великие Луки». Троицкий поп «в 116 году съехал к Москве с чудотворным образом Пречистой Богородицы».

Двор Июдки Иванова на Троицкой улице «за переулком к Порусьи» взяли «на разряд» приказные люди. Двор Сеньки Заплестина взял за долги Иван Харламов. Сам Сенька живет в соседнем дворс, принадлежавшем ра-

нее нищему Мишке Иванову, который умер. В купленном дворе Григория Лухина, который в момент описания жил в Звадском рядке, «жили приезжие люди».

Несмотря на урон, нанесенный Руссе в 1609 г., все же отмечено и оживление, выразившееся в первую очерсдь в строительстве лавок и шалашей. Так, на площади перед церковью Троицы на земле Вяжицкого монастыря «два места дворовых Михалки Сапожника и Томилка Хохотова, а ныне на тех местах и по улице против дворов поставлены после литовских людей ново лавки и шалаши. Торгуют в них всякими съестными товары». Всего было поставлено 6 лавок и 13 шалашей.

На р. Порусьи «на берегу против варниц поставлены все ново» — государев кабацкий двор («против нсго амбар запасной») и двор винокуренный. Пока не был восстановлен сще таможенный двор, но таможенныс цсловальники пошлины принимали «сидя» в бывшем дворе Трофима Пахомова, который располагался в переулке подле площади, на земле Вяжицкого монастыря.

Описание позволяет установить, гдс проживал воевода и служащис воеводской избы. Так, воевода Воин Новокрещенов «стоял» во дворе приказного Трстьяка Якушкина «по Троицкой улице за Троицой по правой стороне на юрьевской земле». «Направо в переулок к Порусью реке идучи к Ильи Пророку» стоял двор подьячего Иева Остафьева (земля под двором Варваринского монастыря — «дача монастырю из Новгорода», Богородицкая и государева). «Назад от того же переулка к Рогову концу по правой стороне в пустом дворе Овсея сапожника (стоял на государеве земле) живет подьячий Михаил Нефедьев (владеет по купчей)».[10] По заулку к Ильинской улице по купчей владел двором, ранее принадлежавшим Ивану Степанову Свечнику (стоит на государевой земле), подьячий Олексей Степанов.

На многих пустых дворовых местах были разведены огороды и сады. Крупным оброчником был Степан Бачихин. 17 мест дворовых старой пустоты пахал Марчко (варец). Оброчные сады были разведены и в ближайших к Руссе погостах, но в большинстве своем они к 1625 г. уже не сохранились, «высохли».

Некоторые старорушане за счет пустых мест расширили свои дворы. Так, дети Михея Григорьева, который «утонул как ехал в Корелу с государевым хлебом», Ларка, Калинка и Фадейка пригородили к своему двору запустевшее место Ивана Масленника. Ямской охотник Иван Шпанник владел двором съехавшего к Москве троицкого попа и пятью дворовыми местами рядом с ним. Площадной подьячий Якуш Сидоров владел «по даче приказных людей» дворовым местом умершего церковного дьячка. На этой же улице еще одним местом дворовым он владел по купчей. Рядом располагался и его собственный двор. Место дворовое Ондрона и Ивана Кривоносовых с огородом и садом по их душам было завещано в Спасский монастырь, а затем было продано игуменом этого монастыря Варламом с братией посадскому человеку Микитке Луковникову. К Михаилу Лизуно-

---

[10] С. Б. Веселовский указывает на М. Нефедьева — подьячего Новой чсти с окладом 25 руб., который в 1625/26 г. взят по государеву указу в подьячие на Казенный двор (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 364).

ву, который женился на вдове Бориса Онисимова, перешло его дворовое место с огородом и садом.

Новый дозор заметно снизил общую сумму платежей со Старорусского посада (табл. 4). Снижение платежей связано с запустением по сравнению с письмом А. Безобразова в Русе 217.5 двора (в другом месте и по нашим подсчетам 216), а также тем, что «многие посадские люди от воровских и от литовских людей побиты и розошлись беззвестно, а иные померли, а которые остались живы, и те многие остались одинокие и обнищали».

Таблица 4

Платежи старорусских посадских людей в 1607—1611 гг.

Вид платежей	Сумма	
	1606/07 г.	1611 г.
«За наместничий доход и их пошлинников оброку и оброчных и пищальных денег и тепловые и подклеточные и писцовые пошлины»	278 р. 2.5 к.	139 р. 2.25 к.
Позем с дворов, стоявших на государевой земле	16 р. 75.5 к.	5 р. 83.5 к.[a]

[a] «и которые дворовые места паханы».

Сверх государевых денежных доходов посадские люди платили с своих дворов в новгородские и старорусские монастыри «по их монастырским окладам и по церквам попам» позем, так как «в Русе на посаде исстари многие дворы стоят на монастырских и на церковных землях».

Однако платежи старорусских посадских людей значительно возрастали за счет чрезвычайных сборов, кормов для шведских солдат. События зимы и весны 1612 г. вновь резко ухудшили положение города. В феврале Русу разграбил Лисовский. Старорушане ставили острог и дворы для вновь прибывшего на постой контингента ратных людей.[11] Это привело к челобитным о новом дозоре посада и уезда. Власти вынуждены были до его проведения в июле принять решение о сложении трети платежей с посада и уезда[12] (табл. 5).

Таблица 5

Платежи со Старой Руссы и уезда за 1613 г.

Время	Сборщики	Вид платежей	Размер платежей	
			город	уезд
7/ II	Сувор Дичков, Яким Степанов	со Старорусского уезда погостов оброчных денег 2/3 оклада	—	147 р. 50 к.
9/ II	Сенка Алексеев	оброчные деньги с посада	40 р.	—
		обежный оброк с погостов	—	227 р.

[11] *Селин А. А.* Дозорные описания Старой Руссы и Старорусского уезда в 1611—1612 гг. С. 58—59.

[12] Там же.

По Столбовскому миру Старая Русса с уездом и ряд других территорий были возвращены России. Хозяйство города было расстроено совершенно. На посаде Старой Руссы к 1618 г. не осталось ни одного живущего двора.[13] Однако освобождение от налогов, предпринятое правительством для возрождения экономики края, способствовало возвращению на посад специалистов по солеварению и возрождению промысла, и в 1625 г. уже было 8 действующих варниц.[14]

---

[13] *Тимошенкова З. А.* Новгородские крестьяне в период шведской интервенции в XVII в. // Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974. Ч. 2. С. 24.

[14] *Рабинович Г. С.* Город соли — Старая Русса в конце XVI—середине XVIII века. С. 34.

В. А. Аракчеев

ДВОРОВЫЕ И ЗАДВОРНЫЕ ЛЮДИ: К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕРМИНОЛОГИИ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1640—1670-х гг.

В современной науке существует развитая исследовательская традиция в изучении писцовых книг. В то же время переписные книги 1640—1670-х гг. изучены не столь обстоятельно. Первой монографией, где история крепостного населения России подверглась систематической разработке, стали «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве» М. А. Дьяконова. Ученый выделил несколько разрядов сельского населения, дав детальное описание их правового и хозяйственного положения.

Дьяконов разошелся с Ключевским в трактовке крестьянской старины, которая, как он считал, возникла не под влиянием кабальной старины, а из «общей идеи о праве господина и землевладельца на потомство зависимых от него крестьян и людей».[1] Правовое положение задворных людей Дьяконов также был склонен оценивать иначе, чем Ключевский. В составе задворных людей Дьяконов выделил кроме кабальных другие категории холопов, а также выходцев и полоняников. Исследователь произвел выборочный подсчет удельного веса задворных людей по переписным книгам.[2]

В историографии середины XX в. изучение переписных книг занимало периферийное положение. А. Г. Маньков изучал лишь задачи переписей, а Я. Е. Водарского интересовали проблемы полноты учета населения.[3] В 1970—1980-х гг. появился цикл работ, вышедших из круга авторов «Аграрной истории Северо-Запада России». Их неоспоримая ценность заключается в том, что в результате статистической обработки данных писцовых и переписных книг были получены надежные выводы о структуре зависимого населения крупного региона. Особое место занимают работы В. М. Воробьева, посвященные изучению холопства в поместьях Северо-Запада в XVII в.[4] Изучив переписные книги 1646, 1678 и 1710 гг., автор полу-

---

[1] *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898. С. 74.

[2] Там же. С. 249—269.

[3] *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России второй половины XVII в. М.; Л., 1962; *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII—начале XVIII в. М., 1977.

[4] *Воробьев В. М.* Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII—начала XVIII в.? // История СССР. 1983. № 4. С. 113—123.

© В. А. Аракчеев, 2007

чил впечатляющие данные о количестве холопов в составе зависимого населения новгородских поместий, о структуре сельского холопства.

По его данным, на протяжении XVII в. удельный вес холопьих дворов составлял 14—26 % всех дворов зависимого населения новгородских поместий, а наиболее многочисленной из категорий сельского холопства были старинные холопы, которые в совокупности с приданными, купленными, женатыми на холопках и пленниками составляли 50—60 % всего холопьего населения поместий. Кроме того, В. М. Воробьев проанализировал динамику соотношения дворового и задворного холопства, а также размещение холопьих дворов в пределах поместий. По его данным, лишь 7.5 % всех помещичьих холопов имели свою запашку, а потому «нет оснований говорить о каком-либо массовом характере слияния холопства с крестьянством. Подавляющее большинство холопов независимо от того, где они жили — в господских или в отдельных дворах, обрабатывали барскую пашню, получая за свой труд месячину».[5]

Таким образом, концепция исследователей, работавших с новгородскими переписными книгами, содержит вывод о том, что дворовые и задворные люди, находившиеся в особой форме зависимости от землевладельцев, были холопами. Такой подход вступает в разительное противоречие с результатами исследований М. А. Дьяконова и некоторых других ученых. Очевидно, что в структуре наших знаний по данному вопросу имеются пробелы, восполнение которых упирается в разработку источниковедческих аспектов темы. Поэтому статистической обработке данных переписных книг должен предшествовать источниковедческий анализ их сведений. Определения «дворовые» и «задворные» люди фигурируют в научных текстах на правах термина, но в источниках XVII в. нет однозначного определения таких понятий, как дворовый, деловой или задворный человек.

Необходимым предварительным этапом всякой работы по социальной истории должно быть исследование терминов, применяемых в языке для обозначения социальных статусов. Метаязык науки ни в коем случае не должен копировать источник, и создание новых терминов (таких, например, как «крепостной крестьянин») является важной прерогативой научного знания. В то же время, как считает В. Д. Назаров, «представление эпохи о самой себе, отражающееся в совокупности социальных терминов», не всегда адекватно «словесному ученому аппарату, которым общество той эпохи описывается исследователями».[6]

Словосочетание «крепостной крестьянин» в отечественной исторической литературе приобрело права термина и активно используется в исследованиях как по истории России XVIII—XIX вв., так и по истории XVI—XVII вв. Общеизвестно, однако, что российское законодательство XVI—XVII вв., в том числе Соборное Уложение 1649 г., такого термина не знало. «Крепостными» людьми в допетровской Руси именовались исключительно

---

[5] *Воробьев В. М.* Холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII—начала XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 16—17.

[6] *Назаров В. Д.* Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III 1495 г. // Российское государство в XIV—XVII вв.: Сборник статей, посвященный Ю. Г. Алексееву. СПб., 2002. С. 568.

люди, на владение которыми имелись «крепости» — чаще всего кабальные записи.

Но если терминология исторических источников, совпадая лексически с научной терминологией, отличается от нее содержательно, появляется настоятельная необходимость уточнить значение терминов в языке современников и в языке науки. В свое время эту работу попытался проделать М. А. Дьяконов, но он использовал источники иллюстративно, не проводя систематического анализа терминологии. Однако никакие иллюстративные, произвольно выбранные примеры ничего доказать не могут — нужна именно совокупность источников, которая достаточно представительно отражала бы и социальный статус населения, и методы его классификации переписчиками.

В нашем исследовании использованы переписные книги 1646 и 1678 гг., относящиеся к таким уездам, как Московский, Пошехонский, Можайский, Вяземский, Великолукский, Пусторжевский, Дедиловский, Суздальский, Псковский. Такая совокупность источников обладает определенными преимуществами, поскольку здесь представлены и уезды Замосковного края с крупным светским вотчинным землевладением, и уезды Северо-Запада России, характеризовавшиеся полным отсутствием светских вотчин и высоким удельным весом (до 40 % в Псковской земле) церковного землевладения. Крепостное население учитывалось не с одинаковой полнотой во всех кадастрах. Причиной этого являлись различия в методах учета населения переписчиками. Так, перед переписчиками Пошехонского уезда в 1646 г. и уездов псковских пригородов в 1678 г. не ставилась задача полной регистрации крепостных людей, и цифры переписных книг по этим территориям не отражали реального положения вещей.[7]

Поуездный обзор результатов исследования переписных книг мы начнем с Вязьмы. В переписной книге Вяземского уезда 1678 г. никакой определенности в наименовании дворовых и задворных людей не было, термин «крепостные люди» по отношению к ним тоже не употреблялся. Термин «деловые люди» использовался чрезвычайно широко. Он применялся к людям, жившим во дворе помещика («во дворе деловые люди»), к людям, жившим в отдельном дворе («во дворе деловые полонные люди»).[8] Наконец, термины «деловой» и «задворный» могли совмещаться: «да задворных деловых людей во дворе...»[9] Определенно можно сказать лишь то, что термин «деловой человек» противопоставлялся в книге термину «служилый человек», обозначавшему холопа-послужильца.[10]

Для переписных книг Московского уезда 1646 г. было характерно смешение терминов «деловые», «задворные» и «кабальные люди». Так, в вотчине Н. И. Одоевского в Горетове стану были зафиксированы 2 двора деловых людей, 1 двор задворного делового человека и 5 дворов кабальных людей, среди которых названы кузнец, сокольники, конюх, псарь.[11] В поместье Я. К. Черкасского в стане Манатьине и Коровине были описаны

---

[7] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 12577. Л. 48, 1227; № 8501. Л. 21, 582 об.
[8] Там же. № 14247. Л. 29 об.
[9] Там же. Л. 40 об.
[10] Там же. Л. 35 об.
[11] Там же. № 9809. Л. 230.

27 дворов задворных кабальных людей.[12] Изредка термин «деловой человек» обозначал человека, жившего во дворе помещика, как например в вотчине Н. И. Романова в Ратуеве стану, где был отмечен «двор боярской, а во дворе деловых людей...».[13]

Термин «дворовые люди» был более определенным. Понятия «дворовые» и «крепостные люди» чаще всего обозначают людей, живших во дворе землевладельца: «двор боярской, а в нем живут всякие дворовые люди», «двор конюшей, да двор скотцкой, а в нем живут всякие крепостные люди».[14] Но иногда дворовые люди могли поселяться и в отдельных дворах. Интересный случай был зафиксирован в вотчине М. Н. Беглецова в дер. Лупаново, где 3 вновь поставленных двора стояли пустыми: «а в новых де дворех жить крестьяном ли, или дворовым, или задворным людем, того не ведают».[15]

Очевидно, что нечеткая терминология переписных книг дает основания прежде всего не для отождествления понятий, а, скорее, для выявления противоположных понятий. Можно выделить несколько таких противоположных парных терминов. Переписчики противопоставляли, во-первых, дворовых и задворных людей, во-вторых, «крепостных» и «старинных» людей и в большинстве случаев дворовых и деловых людей. Ясно, что два противоположных ряда понятий формируются исходя из разных критериев.

Дворовые, задворные и деловые люди различались главным образом по месту своего проживания — во дворе землевладельца или в отдельном дворе. С большой долей уверенности можно сказать, что переписчики отождествляли деловых и задворных людей. В то же время термины «крепостные» и «старинные» люди обозначали разные формы зависимости человека, описывая его правовое положение и зависимость «по крепостям» или «по старине».

С иной ситуацией мы сталкиваемся при исследовании переписных книг Московского уезда 1678 г. Переписчики не выработали четкого критерия, отличающего дворовых, деловых и задворных людей. Деловые люди были зафиксированы как во дворах вотчинников, так и за двором. Но главная особенность переписной книги состоит в том, что дворовые люди жили как во владельческом дворе, так и за двором, а задворные люди фиксировались как за двором, так и во владельческом дворе. Так, в поместье стольника Еропкина в Замыцкой волости в помещичьем дворе в деревне Репниково были отмечены 6 деловых людей, «да за двором дворовые же деловые люди живут».[16] Дворовый человек, таким образом, по мнению переписчиков, не обязательно должен был жить во владельческом дворе, он вполне мог иметь свой двор.

В описании вотчины боярина Куракина сельца Одинцово был отмечен «двор боярский», но дворня жила в собственных дворах. «В том же сельце дворы сокольников, и хлебников, и поваренных людей, и конюхов, и псарей, а задворных людей нет».[17] В поданной переписчикам сказке сочли

---

[12] Там же. Л. 311 об.
[13] Там же. Л. 509.
[14] Там же. Л. 311 об., 332.
[15] Там же. Л. 325.
[16] Там же. № 9811. Л. 561.
[17] Там же. Л. 568 об.

нужным отметить именно факт отсутствия задворных людей в вотчине. В вотчине боярина Голицына в с. Ерино дворовые люди также жили за двором. Кроме них в собственных дворах жили деловые люди овчинники и рыбаки, а также коновал, конюхи, псарь, кузнец.[18] В итоге в описании вотчины отмечены 11 дворов дворовых людей и 5 дворов деловых людей.

Форма передачи сведений о крепостном населении зависела от сказки, содержавшей первичную информацию и подававшейся от землевладельца. Во всех описаниях вотчин боярина Одоевского поселения дворовых людей именуются слободками. В с. Богородцком стоял «двор боярской», где были отмечены 8 человек, но кроме него стояла «слободка дворовых людей», где в 5 дворах жили кабальные люди, а в 3 — задворные.[19] В с. Вешнякове также была отмечена «слободка дворовых людей, насчитывавшая 20 дворов, в двух из которых жили задворные люди, а в 18 — кабальные. В вотчине князя Черкасского в стане Манатьине, Быкове и Коровине переписчики зафиксировали 78 дворов «кабальных дворовых людей».[20]

Но в конечном итоге описания северной половины Московского уезда «по сю сторону Москвы-реки» все эти «дворовые люди» оказались в числе «кабальных». В итогах же дается и своего рода классификация крепостного населения, представляющая огромный интерес. «На вотчинниковых дворех дворовых и деловых 556 семей, людей 926 человек, поваров и приспешников 19 семей, людей 39 человек, 11 дворов поваров, людей в них 27 человек, 162 двора кабальных, людей в них 341 человек, 24 двора конюхов, людей в них 40 человек, 17 дворов дворовых, людей в них 50 человек, 144 двора задворных, людей в них 466 человек, 70 дворов деловых, людей в них 242 человека. Обоего кабальных, и конюхов, и дворовых, и задворных, и деловых 417 дворов, людей в них 1139 человек. Сокольников, и конюхов, и псарей, и стольников 22 двора».[21]

Не подтверждается источниками и ставшее аксиомой суждение о том, что дворовые люди в отличие от задворных получали месячину. В описании вотчины боярина Хитрово в с. Братцеве был отмечен боярский двор, «а во дворе и около двора живут служивые крепосные кабальные люди и конюхи. Да в том же селе Братцеве задворные деловые люди крепосные русские и иноземцы» общим числом 37 человек. В ремарке переписчиков отмечено: «А что в селе Братцеве крепосные деловые люди руские и иноземцы, и на мелницах мелники, и в Копнине муковозы, и они едят хлеб боярской месячину».[22]

С другой стороны, задворные люди нередко фиксировались во владельческих дворах. Так, в вотчине думного дворянина Толстого с. Яковлевском помимо «двора вотчинникова» был отмечен «двор скоцкой, а во дворе крепостные старинные задворные люди».[23] Вышеотмеченные особенности учета крепостных людей в переписных книгах приводят к вполне определенному выводу. Задворные люди противопоставляются не только конюхам,

---

[18] Там же. Л. 520.
[19] Там же. Л. 473 об.
[20] Там же. № 9813. Л. 333 об.
[21] Там же. Л. 550.
[22] Там же. Л. 21 об.—23.
[23] Там же. № 9811. Л. 309.

дворовым и деловым людям, проживавшим в отдельных дворах, но и кабальным. Следовательно, статус задворного человека определялся не только исходя из его хозяйственного положения, но и зависел от формы закрепощения.

Несколько иная картина наблюдается на Северо-Западе России, и прежде всего в Великолукском и Пусторжевском уездах. В отличие от других известных нам кадастров переписные книги этих уездов, за исключением книги 1678 г. по Ржеве Пустой, имеют уникальную структуру. Первые части этих книг содержат сведения о крестьянском и бобыльском населении поместий, а во вторых разделах книг содержится информация о холопах и близких к ним разрядах несвободного населения. Приведем тексты заголовков разделов этих книг: 1) «Книги Пусторжевскому уезду дворян, и детей боярских, и вдов, и недорослей дворовым их старинным, и крепостным, и кабальным, и задворным людем с детьми и с братьями и с племянники»;[24] 2) «Книги Луцкого уезду переписи и дозору князь Дмитрея Трофимовича Сеитова да подьячего Офонасья Березина 154 и 155 году дворян, и детей боярских, и вдов, и недорослей дворовым, кабальным, крепостным и задворным людем»;[25] 3) «Книги Луцкого уезду переписи и дозору Степана Алексеевича Сумарокова да подьячего Соколова 186 году дворян, и детей боярских, и вдов, и недорослей дворовым, кабальным и крепостным задворным их людем».[26] В заголовках категории несвободного населения перечислены произвольно и бессистемно, казалось бы, подтверждая наблюдения, полученные на материалах других уездов. Но сами переписчики были склонны считать всех учтенных во вторых разделах своих книг людей холопами, поскольку эти разделы переписчики однажды назвали «холопьими книгами»: «...в деревне живут люди ево дворовые, и те ево люди описаны в холопьих книгах, а крестьян и бобылей в том сельце и в деревне нет».[27]

Рассмотрим признаки, долженствующие характеризовать категории несвободного населения. Переписчикам, так же как и составителям «сказок», было свойственно представление о месячине как о неотъемлемой принадлежности дворовых людей, хотя на практике месячина заменялась пашней, как в пусторжевском имении Н. И. Ширяева в 1678 г.: «...деревня, что была пустошь Пришвино, а на ней посажены дворовые люди, а пашня тем людем дана вместо месечины».[28] Таким образом, понимая, что дворовый человек должен получать месячину и что пашня лишь компенсирует ее отсутствие, переписчики в данном случае твердо придерживались устоявшихся представлений и не отнесли посаженных на пашню «людей» к числу «задворных».

Как выясняется из исследования переписной книги Великолукского уезда 1678 г., одним из устойчивых критериев для отнесения зависимых людей к числу дворовых было их проживание в селе или сельце, во дворе или рядом с двором помещика. В связи с ростом населения уезда и освоением пустошей к 1670-м гг. этот критерий начал ощутимо размываться, и

---

[24] Там же. № 8561. Переписная книга 1646 г. Л. 161.
[25] Там же. № 8393. Л. 1011.
[26] Там же. № 8394. Л. 610.
[27] Там же. № 8561. Л. 155.
[28] Там же. № 8176. Л. 225.

в переписных книгах дворовые люди фиксируются и в деревнях. В сельце Бор Большой великолукского поместья Г. И. и К. И. Креницыных размещались 5 семей дворовых людей в помещичьем дворе и 5 «люцких» дворов, в которых жили задворные люди. Однако в дер. Скорняки были зафиксированы 2 людских двора, где жили «дворовые люди старинные, выпущены из сельца для тесноты; по допросу помещиков — люди старинные, живут по старине».[29] Очевидно, что способы учета несвободных людей зависели от того, чье определение — помещика, приказчика или переписчика — оказывалось решающим.

Сопоставим категориальные характеристики зависимых людей в актах и переписных книгах. Еще М. А. Дьяконов обстоятельно проанализировал опубликованную им духовную пусторжевского помещика Ковери Ларионова сына Пушечникова от 1 декабря 1688 г. Исследователь отметил, что хозяйственное положение 12 семей дворовых людей, о которых идет речь в духовной, свидетельствует об их по крайней мере частичной хозяйственной самостоятельности. И действительно, в завещании выделены три группы дворовых людей, из которых четыре семьи живут в «усадище», обладают скотом (подаренными господином телятами и лошадьми) и имеют «собинные нивы на пашню». Три семьи «месечных людей», т. е. получавших месячину, также обладают необходимыми ресурсами для собственного хозяйства: «лошадь и весь завод его, и всякая скотина, и всякой его ж хлеб стоячей и молоченой и засевной с тех нив, что у меня, Ковери, даны в сельце Мяхкове им». И разумеется, вполне самостоятельны 5 семей «пашенных людей, которые живут по деревням».[30]

Поместье Пушечникова с наличным составом несвободного населения было зафиксировано в переписной книге Пусторжевского уезда 1678 г. В сельце Махново («Мяхково тож») были поименно перечислены 36 человек «дворовых людей старинных крепостных и выходцев и полоняников из-за литовского рубежа». Имена 9 из них известны и из духовной 1688 г., но никаких признаков хозяйственной самостоятельности дворовых в переписной книге нет. Даже 5 человек, которые в 1688 г., будучи «пашенными людьми», «жили по деревням», в переписной книге числятся в помещичьей усадьбе. Из этого сопоставления следуют два вывода. Во-первых, система учета несвободного населения в переписных книгах основывалась на «сказках», подававшихся помещиками и их приказчиками, как правило заинтересованными в том, чтобы не давать избыточной информации фискальным органам. Во-вторых, состояние несвободного населения в XVII в. существенно изменялось.

На терминологическую неопределенность оказывало влияние и значительное многообразие источников пополнения холопства. Численность холопов стремительно росла в 1650—1670-х гг. исключительно по причине стремительного притока полоняников. Удельный вес пленных в числе холопьего населения некоторых поместий превышал 10 %. Среди пленных абсолютно преобладали «литовские и польские полоняники», но встреча-

---

[29] Там же. № 8394. Л. 679.

[30] *Дьяконов М. А.* Сельское населсние Московского государства в XVI—XVII вв. СПб., 1898. С. 290—292, 338—340.

лись и люди «немецкого полону», привезенные из-под Риги или из Курляндии. Однако рост численности холопов в третьей четверти XVII в. был вызван не только внешними обстоятельствами — успешными войнами 1654—1667 гг., но и общим ростом населения страны и, кроме того, интенсивными миграциями. Открытость западной границы приводила не только к бегству крестьян и холопов, но и к притоку «вольных» людей из-за рубежа.

С этими обстоятельствами связан феномен известных еще М. А. Дьяконову ссудных записей на задворных людей. Исследование материалов Дедиловской и Псковской приказных изб подтверждает, что во второй половине XVII в. задворные люди закрепощались особым способом, без кабалы. В материалах Дедиловской приказной избы за 1680-е гг. сохранились десятки «сказок» о записи вольных людей, не бывавших «в службе великих государей и в тягле», в задворные люди «с судною записью».[31] Таким образом, задворные люди в Дедиловском уезде — это особая категория крепостного населения, чья зависимость не была холопской.

Исследование переписных книг, относящихся к уездам центра и Северо-Запада, убеждает в том, что не все люди, обозначенные в переписных книгах как дворовые и задворные, были холопами. Почему же дворовые и задворные люди, не находившиеся в холопской зависимости, фиксировались отдельно от крестьян? В данном случае мы сталкиваемся с особыми формами зависимости сельского населения от землевладельцев, которые в науке пока не получили четкого терминологического определения. В переписных книгах для обозначения дворовых и задворных людей используются термины «деловые люди», «слуги», «разночинцы», «крепостные люди».

Именно последнее определение наиболее точно выражает суть дела, и именно его — *«крепостные люди»* — целесообразно использовать как термин для обозначения той части населения вотчины, которая изначально находилась под юрисдикцией землевладельца и до 1679 г. не платила налогов государству. Крестьяне и социально сливавшиеся с ними бобыли стали крепостными в полном смысле слова только в конце XVII—первой четверти XVIII в. Таким образом, исследование переписных книг 1640—1670-х гг. обнаруживает изменчивость, текучесть их терминологии, что является зримым подтверждением глубоких социальных изменений в русском обществе середины XVII столетия.

---

[31] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. № 699, 704, 740, 741.

Л. А. Тимошина

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ XVI И XVII ГЛАВ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ В ПРИКАЗНОЙ ПРАКТИКЕ 80-х гг. XVII в.

Исследование любого законодательного памятника, в том числе и Соборного Уложения 1649 г., предполагает его «теоретическое» (условно назовем его формально-юридическое) изучение, когда основное внимание уделяется возникновению и развитию отдельных правовых норм, их источников, связи с предшествующим законодательством, группировке отдельных статей по видам правонарушений и т. д., и «практическое» (условно назовем его конкретно-историческое), главной задачей которого является выделение особенностей применения норм кодекса в повседневной административной и судебной деятельности приказных и других учреждений государственного управления. И если в первом случае литература, посвященная Уложению, достаточно обширна,[1] то конкретных наблюдений об использовании отдельных статей памятника на практике в отечественной историографии почти не существует, хотя вряд ли стоит сколько-нибудь подробно доказывать, что только соединение этих двух подходов в сочетании с историей подготовки и распространения его печатных изданий может дать всестороннюю картину истории возникновения и бытования кодекса.

---

[1] *Строев В.* Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833; *Кавелин К.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до учреждения о губерниях. М., 1844 (*Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1); *Владимирский-Буданов М. Ф.* 1) Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича // Сборник государственных знаний. СПб., 1877. Т. 4. Раздел 2. С. 3—38; 2) Новые открытия в истории Уложения царя Алексея Михайловича // Университетские известия. Киев, 1880. № 7. Отд. 2. С. 7—27; *Верховский К.* Источники Уложения царя Алексея Михайловича // Юридический вестник. 1889. Т. 3. С. 379—380; *Веселовский С. Б.* Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. М., 1913; *Тарановский Ф. В.* 1) Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича // Тарановский Ф. В. История русского права. М., 2004. С. 111—128 (Журнал Министерства юстиции. 1914. Сентябрь. С. 87—109); 2) Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича // Тарановский С. Ф. История русского права. М., 2004. С. 129—176; *Софроненко К. А.* Соборное Уложение 1649 года — кодекс русского феодального права. М., 1958; *Юшков С. В.* История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 277—278; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. М., 1980. С. 58—258, и др.

© Л. А. Тимошина, 2007

Весьма перспективным источником для изучения этого «практического» аспекта являются материалы приказного делопроизводства, где содержатся постоянные отсылки к нормам Уложения как со стороны приказных чиновников, так и челобитчиков или тяжущихся сторон, стремившихся подкрепить правомерность своих требований ссылками на основной законодательный кодекс государства, что позволяет выявить трактовку отдельных статей памятника современниками и тем самым расширить и дополнить существующие в литературе комментарии.

В 1693 г. в Новгородском приказе почти одновременно разбирались два дела по челобитным крестьян отхожих волостей Яренского у.[2] о земельных владениях, связанные с различными аспектами межличностных отношений, возникающих в процессе перехода земельных угодий от одного владельца к другому.[3]

В феврале этого года в приказ была подана челобитная жителя Усть-Сысольских волостей Епифана Карпова с жалобой на зятя, Якова Щелкунова. Суть дела заключалась в следующем: «в прошлых годех», не менее чем за 10 лет, как следует из контекста челобитной, до описываемых событий, Е. Карпов ушел в «сибирские городы для соболиного промыслишка»,[4] оста-

---

[2] Об отхожих волостях Яренского у. см.: *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1913. Т. 1. С. 17—18; Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 129—130; *Лашук Л. П.* Формирование народности коми. М., 1972. С. 104—138; *Мацук М. А.* Крестьяне Коми края в конце XVI—XVII в. Феодальная эксплуатация. М., 1990. С. 15—18, и др.

[3] В настоящее время оба дела находятся в едином столбце, сформированном в Новгородском приказе по административно-территориальному («Дела по Яренску и Яренскому уезду») и хронологическому (октябрь 1692—август 1693 г.) принципам (РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 3. № 4223. Л. 91—98, 183—207), не подвергшемуся, к счастью, расформированию ни в конце XVIII—начале XIX в., ни во второй половине XX в. и сохранившему тем самым свой первоначальный вид, позволяющий не только получать конкретные сведения о делах, разбиравшихся в приказе, но и изучать историю делопроизводства этого учреждения. В 1982 г. Н. П. Воскобойниковой был сделан обзор материалов Новгородской четверти (приказа) по истории северного крестьянства (*Воскобойникова Н. П.* Обзор материалов по истории северного крестьянства в фонде Новгородской четверти ЦГАДА // Проблемы истории крестьянства европейской части России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1982. С. 3—19), где данный столбец учтен не был.

[4] О постоянной на протяжении XVII в., и особенно во второй половине столетия, практике отхода поморских крестьян, в большинстве своем жителей именно Яренского у., в Сибирь на пушные промыслы или «для торгов» см.: *Устюгов Н. В.* К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. 1961. № 6. С. 60—79; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский уезд). М., 1964. С. 143—144; *Колесников П. А.* Северная деревня в XV—первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 237—250; *Оборин В. А.* 1) Миграции местного населения и их роль в освоении Урала в XVI—XVII веках // История СССР. 1974. № 4. С. 63—77; 2) Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в XVI—XVII вв. // Аграрные отношения и история крестьянства европейского Севера России (до 1917 года). Сыктывкар, 1981. С. 80—86; *Мацук М. А.* К вопросу о соотношении бегства и отхода черносошного крестьянства европейского Севера России в XVII в. (на материалах Яренского уезда) // Аграрный строй в феодальной России XV—начала XVIII в. М., 1986. С. 121—138, и др. — В используемом столбце имеется дело декабря 1692 г. яренского посадского человека Андрея Иванова с. Курсина на дядю, Селивана Федорова с. Курсина, о разделе их общего двора в Яренске

вив в деревне свою мать Софью и «семьишку». Во время его пребывания в Сибири Софья приняла во двор мужа своей внучки и соответственно дочери Е. Карпова Прасковьи Я. Щелкунова с тем условием, что этот последний обязуется, «живя на той моей вотчине, отца моего (т. е. отца Епифана Карпова. — *Л. Т.*) статках ... ее, матерь мою, и семьишку мою поить и кормить и всячески упокоить и тягла платить», а взамен Я. Щелкунов после возвращения из Сибири основного владельца двора должен был получить «за службу» по 5 руб. за каждый год. На протяжении 9 лет муж Прасковьи Карповой жил в деревне и пользовался всеми пашенными и сенокосными угодьями и скотом, снимая ежегодно по 15 и больше четвертей хлеба и ставя по 200 копен сена на год и «и детей своих на той вотчине воскормил и на ноги вызнял». Однако по возвращении Е. Карпова его зять отказался покинуть двор и отдать имущество до получения причитающихся ему 45 руб. «выслуженных денег». Яренский крестьянин в свою очередь не хотел выплачивать требуемую сумму, исходя из духовной матери Софьи, засвидетельствованной в Устюге в архиерейском разряде, где указывалось, что «он, зять Якушко, по записи не поил, и не кормил, и не упокоил, и з двора выбивал», и просил в принудительном порядке заставить Я. Щелкунова уйти с двора, вернув захваченное имущество. В подтверждение правоты своих притязаний Е. Карпов сослался на 17 главу Соборного Уложения: «А в... Соборном Уложенье в 17 главе напечатано, что вдовам никаких родовых и выслуженных вотчин не продавать и не закладывать и приданные и по душам никуда не писать».[5]

15 февраля 1693 г. дьяк Новгородского приказа Василий Бобинин поставил на его челобитной помету: «201-го февраля в 15 день выписать». В соответствии с поступившим распоряжением приказной подьячий,[6] во-первых, написал изложение челобитной Я. Карпова; во-вторых, сделал выписи из яренских писцовых книг 1627/28—1628/29 гг. О. Хлопова о деревне, «что был починок Гудниковский» на р. Курье, где жил крестьянин Карьпунка Семенов, имея 2 чети середней земли и 20 копен сена, и переписных книг 1677/78 г. И. Елчанинова о деревне Гудниковской[7] с жившей там Софьей, вдовой К. Семенова; в-третьих, переписал две статьи из двух глав Соборного Уложения: «А в государеве указе и в Соборном Уложенье в 16 главе в 10 статье напечатано: Будет вдовы или девки учнут прожиточ-

---

в связи с денежными расчетами по сибирской пушной торговле, причем А. И. Курсин пробыл в Сибири шесть лет — с 1660/61 по 1666/67 г. (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 4223. Л. 14—17).

[5] РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 3. № 4223. Л. 91.

[6] Весь текст этого дела в составе столбца, за исключением приговора, написан почерком одного и того же подьячего, имя которого установить, к сожалению, не удается.

[7] В писцовой книге 1620-х гг. и в переписной 1670-х гг. в дер. Гудниковской отмечен всего один двор — Карпа Семенова, а затем его вдовы Софьи; следовательно, в данном случае (а таких примеров немало) деревня равна двору, что еще раз подтверждает правоту мнения А. И. Копанева о полисемантичности этого термина: и отдельный двор, и поселение из ряда дворов — взгляд, недостаточно, с нашей точки зрения, усвоенный в современной историографии. Данную терминологическую особенность источников надо обязательно учитывать при проведении статистических подсчетов, в частности при выяснении средней дворности северной деревни, общего количества деревень и т. д.

ные свои поместья здавать кому-нибудь за то, что тем людем, кому они те свои поместья здадут, кормить и замуж выдать, и им на тех людей, кому они те свои поместья здадут, в том, что их тем людем кормить и замуж выдать, имати записи за руками. А будет которая вдова или девка, здав свое поместье, учнут государю бити челом, что те люди, кому они те свои поместья здадут, не кормят их и замуж не выдают и ис тех их прожиточных поместей выбивают, и по тому их челобитью указ учинить, прожиточные их вдовины и девкины поместья взяв, отдать тем вдовам и девкам на прожиток по прежнему. А которые они записи дали, и те записи не в записи.

Да в 17 главе во 12 де статье напечатано: У которых вотчинников в прошлых годех до 136-го год матери и жены во вдовах, а вотчинами тех вотчинников владеют те вдовы, а прожиточных поместей за теми вдовами нет, и у тех вдов тех вотчин до их живота не отъимать, а им тех вотчин никакими обычаи не продавать и не заложить, ни по душе не отдать».[8]

Не касаясь в данный момент сути и значения этих статей (об этом см. ниже), отметим два «внешних» обстоятельства. Первое заключается в использовании и челобитчиком, и подьячим слова «напечатано» в отношении процитированного текста памятника, что свидетельствует, с одной стороны, о достаточно хорошем знакомстве самого сысольского крестьянина с кодексом, а с другой — об использовании в приказе одного из двух изданий кодекса — первого (готовилось на Московском печатном дворе с 7 апреля по 20 мая 1649 г., продавалось с 14 июня по 7 августа этого же года) или второго (подготовка с 27 августа по 21 декабря 1649 г., продажа с 3 января 1650 г. до лета 1651 г.).[9]

В литературе существует мнение, что с выходом второго, исправленного и уточненного, издания Уложения, который и «был принят в юридической практике XVII в.», первое издание было признано недействительным.[10] Сравнение использованной подьячим терминологии («напечатано») с данными приходных книг о продаже Уложения доказывает, что в Новгородском приказе использовалось именно первое издание, так как в приходной книге 1649 г. зафиксирована продажа кодекса служащим Новгородской четверти (некоторое количество книг могло поступить бесплатно из числа 44 переплетенных на Печатном Дворе экземпляров). Что же касается приходной книги 1649/50—1652/53 гг., то в ней при абсолютном преобладании экземпляров, поступивших в свободную продажу (1173 книги из тиража в 1200 экземпляров[11]), покупка Уложения в Новгородскую четверть не отмечена. Следовательно, материалы анализируемого дела еще раз подтверждают мнение М. Ф. Владимирского-Буданова, которое мы полностью разде-

---

[8] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 4223. Л. 92—94.

[9] Подробнее см.: *Тимошина Л. А.* Старопечатные издания Уложения 1649 года и приказные учреждения середины XVII века // Федоровские чтения. 2005. М., 2005. С. 296—304.

[10] *Ивина Л. И.* Уложение 1649 г. и его издания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 14. С. 166; Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 12, 13.

[11] Подробнее см.: *Тимошина Л. А.* Приходная книга Приказа книжного печатного дела 1649/50—1652/53 гг. // Очерки феодальной России. М., 2006. Вып. 10. С. 207—247. — Бесплатную раздачу составили книги царю, патриарху, на жалованье служащим Печатного Двора и кавычный экземпляр.

ляем, о том, что экземпляры двух изданий памятника были равнозначны «и действовали одинаково».[12]

Второе, что обращает на себя внимание, — точная, без ошибок, за исключением отдельных, очень незначительных разночтений, передача подьячим текста Уложения,[13] свидетельствующая о высоком качестве работы приказных служителей и редком допущении ими, если это не являлось сознательным актом, ошибок.[14]

Через две недели после челобитной и сделанной по ней выписи, 1 марта 1693 г., думный дьяк Е. И. Украинцев вынес приговор[15] о посылке в Сысольские волости к земским судейкам памяти: «...буде после вдовы Софьицы, Карповской жены, челобитчика Елисейковой матери духовная осталась, и та духовная свидетельствована до ево, Елисейкова, приходу из сибирских городов назад, и мать ево, Елисейкова, в той духовной написала, что зять их, Якушко Щолкунов, которого она с снохою своею принела в дом после ево, Елисейка, к дочери ево, Елисейковой, ее, вдову, и сноху ее

---

[12] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Новые открытия в истории Уложения царя Алексея Михайловича // Университетские известия. Киев, 1880. № 2. Отд. III. С. 26—27.

[13] Ср. (разночтения в тексте печатного издания выделены курсивом, замены букв или слов даны в круглых скобках): «*А* будет вдовы или девки учнут прожиточные(я) свои поместья здавать кому ни будь за то, что тем людем, кому они те свои поместья здадут, кормить и замуж выдать, и им на тех людей, кому они те свои помсстья здадут, в том, что их тем людем кормить и замуж выдать, имати записи за руками. А будет которая вдова или девка, здав свое поместье, учнут государю бити челом, что те люди, кому они те свои поместья здадут, не кормят их и замуж не выдают и ис тех их прожиточных поместей выбивают, и по тому их челобитью указ учинить, прожиточные их вдовины и девкины поместья взяв, отдать тем вдовам и девкам на прожиток по прежнему. А которые они записи дали, и те записи не в записи» (Соборное Уложение 1649 года. Глава XVI. Ст. 10. С. 75). «*А* у которых вотчинников в прошлых *же* годех до 136-го году остались матери и жены во вдовах, а вотчинами тех вотчинников владеют те вдовы, а прожиточных поместей за теми вдовами нет, и у тех вдов тех вотчин до их живота не отъимать, а им тех вотчин никакими обычаи не продать *и* не (ни) заложить, ни по душе не отдать» (там же. Глава XVII. Ст. 12).

[14] О высоком качестве работы приказных служителей мы уже писали ранее, при разборе судебного дела гостя И. Д. Панкратьева и крестьянина Д. Брединина в 1687 г. (*Тимошина Л. А.* Судебное дело гостя И. Д. Панкратьсва и крестьянина Тотемского уезда Д. Брединина 1687 г. // Очерки феодальной России. М., 2005. Вып. 9. С. 224—227).

[15] Представляется, что двухнедельный разрыв между челобитной и приговором в такого рода делах, заключающихся в рассмотрении обращений отдельных лиц с теми или иными просьбами и принятии по ним решений, но не включающих элементов спора между двумя сторонами, т. е. не судебными, был достаточно обычным, необходимым для подготовки ряда приказных сопроводительных документов (выписи по челобитной, из писцовых книг, Соборного Уложения) и представления дела, которое являлось безусловно не единственным, высшему должностному лицу — думному дьяку с «товарыщи». В иных случаях, при возможности вынесения решения без коллегиального приговора, только по помете дьяка, этот срок мог сокращаться до 1—7 дней (подробнее см.: *Тимошина Л. А.* Судебное дело гостя И. Д. Панкратьева... С. 187), однако в случае возникновения судебных разбирательств с участием двух тяжущихся сторон и привлечением ими различного рода доказательств (подробнее о видах судебных доказательств см.: *Пахман С.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 154—208) для подтверждения правоты своей позиции сроки между подачей челобитной и вынесением окончательно приговора могли растягиваться и на несколько месяцев, и на несколько лет.

не поил и не кормил и з двора збивал, а в записи, какову она, вдова, и з снохою своею, с Елисейковою женою, ему, Якушку, дали, написали, что ему, Якушку, пожитками отца ево, Елисейкова, их, мать ево, Елисейкову, и жену поить и кормить и всячески покоить, велеть в том указ учить по Уложенью, ото всего ему, Якушку, отказать».[16]

Таким образом, исходя из постановлений основного государственного законодательного памятника, дело было решено в пользу Е. Карпова, и 14 марта этого же года земскому судейке Фоме Холопову «с товарыщи» было направлено за приписью дьяка Алексея Никитина[17] соответствующее распоряжение.[18]

Почти сразу после отсылки памяти судейкам, 16 марта 1693 г., в приказ поступила еще одна челобитная от крестьян отхожей волости Глотовой слободки дер. Разворовой братьев Михаила и Никиты Арефьевых детей Жилиных, трактующая ситуацию, в чем-то похожую на предыдущую. В 1685/86 г. их брат Антроп Арефин с. Жилин принял к себе во двор вместо сына «на скот, и на живот, и на землю, и на пожню, и на двор со всякими угодьи и с рыбными ловли» крестьянина этой же деревни Афанасия Акилина с условием, что если у самого А. Жилина или его приемного сына родятся наследники мужского пола, то именно они будут владеть указанной деревней со всеми угодьями, а дочери получат как приданое по 2 руб. К началу 1690-х гг. оба участника договора умерли без потомков-мужчин, но у А. Акилина осталась жена Анна Федорова с двумя дочерьми, которая в 1691/92 г. «била челом вам, великим государем, на Москве в Новгороцком приказе» и получила разрешение владеть дер. Разворовою, утаив заключенное ее мужем соглашение. Братья М. и Н. Жилины просили вернуть им деревню по родственной близости и по условию договора между А. Жилиным и А. Акилиным, а взамен обязались «до возрасту ево Афонасьевых дочерей поить и кормить... и выдать их по записи с приданым».[19] На обороте челобитной имеется стандартная помета, выполненная дьяком А. Никитиным: «выписать».

В результате последовавшего распоряжения были сделаны несколько более обширные, чем прежде, выписи: из челобитной вдовы Анны Федоровой от 3 марта 1692 г., из которой следовало, что по записи ее муж Афанасий после смерти Антропа Жилина должен был владеть «вечно» «вотчинной землей, скотом и животом», а его родственникам «никому ни до чего дела нет». Афанасий Акилин умер в сентябре 1691 г., завещав жене Анне в духовной всю свою «выслуженную вотчину». При челобитной вдова представила список с духовной и получила желаемое: по грамоте к земским судейкам от 15 марта 1692 г. дер. Разворова была отдана по духовной вдове Анне с дочерьми.

Затем подьячий изложил челобитную братьев Жилиных и к ней приложил список с подлинной записи между А. Жилиным и А. Акилиным, из ко-

---

[16] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 4223. Л. 94—95.

[17] По данным С. Б. Веселовского, А. Никитин работал в Новгородском приказе до 31 января 1693 г. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 368). Дело Е. Карпова позволяет несколько уточнить эту дату.

[18] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 4223. Л. 96—98.

[19] Там же. Л. 183.

торого следовало, что первый из упомянутых лиц действительно принял на двор второго и отдал ему во владенье все свое движимое и недвижимое имущество с условием, что А. Акилин будет жить во дворе А. Жилина до его смерти, а после, как душеприказчик, раздаст деньги в ряд указанных церквей и закажет два сорокоуста. Что же касается вотчины, дер. Разворовой, то по условию записи в случае рождения у Антропа сына или сыновей деревня делится пополам между ними и Афанасием Акилиным; если же Антроп умрет без наследников мужского пола, а у Афанасия останутся сыновья, то они, помимо ближайших родственников А. Жилина, безраздельно получат все владения; в случае же, если и у приемыша будут только дочери, то им дадут в качестве приданого по 2 руб., «а до деревни им ни до чего же дела нет». Таким образом, челобитчики, Михаил и Никита Жилины, были, с одной стороны, правы, утверждая, что дочери А. Акилина не имеют никаких прав на имущество их покойного отца, а с другой — в записи дальнейшая судьба вотчины в случае отсутствия у приемыша сыновей прямо определена не была, что давало некоторую возможность вдове Анне выдвигать свои претензии.

После списка с записи в этом деле, как и в предыдущем, следует выпись из печатного текста Уложения, на этот раз из той же XVII главы, но из других статей — 1-й и 2-й: «В 1-й статье. Буде кого не станет, а после ево останетца жена бездетна, да после ж того останутца братья родные и двоюродные и род, и те вотчины давать в род того умершаго, кого не станет, братьям родным и двоюродным и в род, кто кому ближе. А женам тех умерших, которые останутца бездетны, давать им из животов их четверть да приданое. А до родовых и до выслуженых вотчин им дела нет, опричь купленых вотчин. А которые вотчинники померли, а вотчины их после их по духовным и по даным их даны их племянницам и внучатом и правнучатом девкам, и тем вотчинам быть за ними по родству. Во 2-й статье. У которых вотчинников после их останутца дочери их и сестры замужем и об вотчинах их учнут бить челом по родству челобитчики, тех умерших дочери и сестры, которые замужем, в вотчину же, и им чинить указ по Уложенью, а оне тем вотчинам вотчичи. А после которых умерших учнут бити челом о вотчинах после отцов своих сыновья и дочери, и те вотчины давать сыновьям, а дочерям вотчин з братьею жеребьев не давать, покамест братьа их живи, а как братьи их не станет, и дочери тем вотчинам вотчичи».[20]

Воспроизведение статей было в целом таким же точным, как и в предыдущем деле, наличие несколько большего количества орфографических разночтений в отдельных словах («ево», «останетца» и другие — у подьячего, «его», «останется» — в печатном тексте) свидетельствует, скорее всего, об особенностях происхождения и условиях обучения подьячих, ведших эти дела.[21] Однако здесь стоит дополнительно отметить как еще одну харак-

---

[20] Там же. Л. 193—194.

[21] Текст второго дела (л. 183—207) братьев Жилиных и вдовы А. Акилина (за исключением челобитных, списка с приемной записи и приговоров) написан двумя подьячими: л. 184—188, 190—197, 205—207, включающие выпись по делу с цитатами из Соборного Уложения и отпуск памятей земским судейкам от 24 марта и 31 июля 1693 г., — первым подьячим, л. 200—204, память им же от 27 марта 1693 г. — рукой второго подьячего (этот же подьячий писал отпуски грамот и в целом ряде дру-

терную черту работы московских подьячих осознанную редакторскую работу с текстом памятника. При передаче текста ст. 1 была, во-первых, опущена довольно пространная преамбула, содержащая отсылку к указу («статейному списку») царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича от 3 декабря 1627 г.,[22] который послужил источником данной статьи, но не имел прямого отношения к рассматриваемому делу. Во-вторых, для лучшего уяснения текста в самом начале статьи было вставлено слово «буде», никоим образом не изменяющее ее общего смысла,[23] а из ст. 2 была взята только ее начальная часть, содержащая интересующую приказных конкретную юридическую норму, и опять-таки проигнорировав довольно значительный фрагмент с изложением предшествующих указов.

24 марта 1693 г. думный дьяк Е. Украинцев, выслушав выпись по делу, приговорил вернуть дер. Разворову «по родству» братьям умершего Антропа Арефина Михаилу и Никите с условием для этих последних поить и кор-

---

гих дел из этого столбца, например л. 100—101, 147—148 и др.). К сожалению, установить имена этих трех приказных служителей не удается. Справным подьячим в обоих делах выступал один и тот же человек — Александр Феофанов, выполнявший такие же функции и в большинстве других дел этого столбца (у С. Б. Веселовского он отмечен как подьячий Новгородского приказа, с единственной датой — 21 марта 1699 г. См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 546); приговор в первом деле (л. 94—95) и приговор во втором деле от 24 марта 1693 г. (л. 194) написаны дьяком А. Никитиным, приговор от 22 июля 1693 г. — дьяком В. Бобининым. Таким образом, даже поверхностный палеографический анализ двух дел позволяет обратить внимание на организацию работы в приказе и выделить нескольких приказных служителей, занимавшихся делами именно этого региона.

[22] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века. Тексты / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер, под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. № 161 (далее — ЗАРГ).

[23] Ср.: «*В прошлом во 136-м году блаженные памяти великии государь царь и великии князь Михаило Феодоровичь всея Руси и отец ево государев блаженные же памяти великии государь святейший Филарет Никитичь патриарх Московскии и всея Руси указали о родовых и с выслуженных вотчинах по правилом святых апостол и святых отец*: Буде (в тексте Уложения нет) кого не станет, а после его (ево) останетца жена безъдетна (бездетна), да после того же (ж того) останутся (останутца) братья родные и двоюродные и род, и те вотчины давать в род того умершаго, кого не станет, братьям родным и двоюродным и в род, кто кому ближе. А женам тех умерших, которые останутся (останутца) бездетны, давать им из животов их четверть да приданое. А до родовых и до выслуженых вотчин им дела нет, опричь купленых вотчин. А которые вотчинники померли, а вотчины их после их по духовным и по даным их даны их племянницам и внучатам (внучатом) и правнучатам (правнучатом) девкам, и тем вотчинам быть за ними по родству» (Соборное Уложение 1649 года. Глава XVII. Ст. 1. С. 83); «*А* у которых вотчинников после их останутся (останутца) дочери их и сестры замужем и об вотчинах их учнут бить челом по родству челобитчики, тех умерших дочери и сестры, которые замужем, в вотчину же, и им чинить указ по Уложенью, а оне тем вотчинам вотчичи. А после которых умерших учнут бить (бити) челом о вотчинах после отцов своих сыновья и дочери, и те вотчины давать сыновьям, и (а) дочерям вотчин з братьею жеребьев не давать покамест братья (братьа) их живы (живи), а давать дочерям после отцов их ис поместей на прожиток по указу. А как братьи их не станет, и дочери тем вотчинам вотчичи» (Соборное Уложение 1649 года. Глава XVII. Ст. 1. С. 83). Позволим себе в одном случае не согласиться с расстановкой знаков препинания публикаторами текста Уложения («...учнут бить челом по родству челобитчики тех умерших, дочери и сестры...), нарушающих, с нашей точки зрения, смысл фразы и проставить их по своему усмотрению.

мить дочерей приемыша А. Акилина и выдать их замуж, а вдове Анне Акилиной во владении этой деревней отказать.

Основанием для вынесения подобного решения послужили два обстоятельства. Первое — ложное челобитье вдовы А. Акилиной по духовной мужа, «а не против записи, какову Антропко дал мужу ее», где было четко записано лишение родившихся у приемыша дочерей права владения деревней. Второе — нормы Уложения, в соответствии с которыми «велено родовые вотчины после умерших в род того умершаго, кого не станет, братьям родными двоюродным, кому ближе, а женам тех умерших до тех вотчин дела нет».[24]

На основании приговора земским судейкам Глотовой слободки была послана память об отведении дер. Разворовой братьям Жилиным, однако выполнение этого решения на месте вызвало некоторые трудности. Как писали в Москву земские судейки 16 июля 1693 г., они трижды ходили в деревню «для отводу и отказу того двора и животов и всего владенья Мишке да Никитке Арефиным», но вдова Анна их на двор не пустила, «а на дворе у нее стоят свойственные люди и хлебоядцы с ружьем и з дубьем, учинилась тому их государскому указу она, вдова, непослушна».[25] На следующий день, 17 июля, М. и Н. Арефины дети Жилины подали еще одну челобитную с просьбой выдать им «владенную» память, а к земским судейкам послать еще одну память с прочетом с прежнего отпуска.[26] 22 июля 1693 г. тот же думный дьяк Е. Украинцев подтвердил предыдущий приговор об отказе дер. Разворовой братьям Жилиным и распорядился отправить в Глотову слободку вторую память.[27] К сожалению, дальнейших сведений о ходе выполнения распоряжения центрального приказа в деле не имеется.

Изложенные выше дела, показывающие применение норм Соборного Уложения на практике, в деятельности одного из основных приказных учреждений второй половины XVII в. позволяют сделать ряд наблюдений,

---

[24] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 4223. Л. 194.

[25] Там же. Л. 197.

[26] Там же. Л. 198.

[27] Там же. Л. 199. — Стоит обратить внимание на хронологию указанных документов. По выражению подьячего «июля в 16 день писали ... Глотовы слободки земской и приписные судейки Ивашко Леонтьев с товарыщи», а уже на следующий день, 17 июля, братья Жилины подали челобитную. Совершенно очевидно, что в течение одного дня отписка из Яренска никак не могла поступить в Москву и подьячий бесспорно имел в виду не дату написания отписки на месте, а ее поступления в приказ. При сопоставлении этих дат становится также понятно, что челобитчики хорошо знали о привозе в Москву этого важного для них документа, а источником сведений могли служить или сами приказные служители, или, что представляется более вероятным, лицо, привезшее отписку из их родных мест. Заметим попутно, что челобитные Жилиных, поданные непосредственно в Новгородский приказ в марте и июле 1693 г., свидетельствуют об их пребывании в столице в течение по крайней мере четырех месяцев, когда они должны были где-то или у кого-то жить. Возможно, что именно в этом месте остановился и посыльный от земских судеек из Глотовой слободы. В целом же постоянные свидетельства приказных документов о регулярных и отнюдь не единичных приездах крестьян из далеких северных уездов в Москву заставляют задаться вопросами как об организационных основах таких поездок, так и об уровне интенсивности связей столицы с отдаленными окраинами и отражения дальности расстояний в сознании людей того времени.

касающихся как трактовки отдельных глав и статей этого памятника, так и непосредственно связанных с ней вопросов юридического положения отдельных категорий населения Русского государства этого периода, в частности черносошного крестьянства.

Первое и основное, что бросается в глаза при анализе дел Е. Карпова и братьев Н. и М. Жилиных, — это использование в ходе разбирательства и решения ряда статей двух глав Соборного Уложения: ст. 10-й XVI главы «О поместных землях» и ст. 1, 2 и 12-й XVII главы «О вотчинах».

В отечественной историографии среди всех 25 глав памятника две указанные главы всегда занимали особое место как законоположения, трактующие один из основных вопросов развития социально-экономического строя — вопрос о видах земельной собственности,[28] основной смысл которых все без исключения исследователи видели в защите «основы феодального строя, утверждении и укреплении основного права-привилегии господствующего класса — монопольного права владения землей и трудом крепостных крестьян»,[29] а также в правовом сближении поместного и вотчинного землевладения[30] и соответственно относили к характеристике юридического положения только две группы населения: светских феодальных землевладельцев — помещиков и вотчинников.

Та же самая, может быть даже более ярко выраженная, тенденция наблюдается и при характеристике отдельных, использованных в анализируемых делах, статей Уложения. Комментируя содержание ст. 10-й XVI главы, основанной на указе 1620—1622 гг.,[31] которая защищала права вдов и незамужних девок при сдаче прожиточных поместий третьим лицам, берущим

---

[28] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 398—399; Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1. С. 325—327 (глава «Право и суд», авторы И. Д. Мартысевич, В. С. Шульгин); Российское законодательство X—XX веков. Акты земских соборов. М., 1985. Т. 3. С. 78—80. — Наиболее ярким выражением такого подхода является монография А. Г. Манькова, где рассмотрение целостного и созданного по определенной логике памятника (см.: *Тарановский Ф. В.* Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича. С. 111—128) начинается с его середины, с XVI главы, и продолжается XVII главой в соответствии с априорно созданным делением содержания Уложения на отдельные тематические рубрики — класс феодалов, феодально-зависимые люди, государственный и политический строй и т. д. (*Маньков А. Г.* Уложение 1649 года... С. 58—92).

[29] Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. С. 325.

[30] *Сташевский Е. Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 17; *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. М., 1937. С. 256; *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 55; *Сахаров А. М.* Об эволюции феодальной собственности на землю в Российском государстве XVI века // История СССР. 1978. № 4. С. 25; *Преображенский А. А.* Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII—начала XIX века // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 47—49; *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 169; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года... С. 77—80, и др.

[31] Текст указа см.: ЗАРГ. Тексты. № 110. С. 108. — При описании поисковых данных указной книги Поместного приказа, в составе которой находится указ, была допущена ошибка — Центральный государственный архив древних актов. Ф. 1209, Древлехранилище. № 4703. Правильно: Центральный государственный архив древних актов. Ф. 1209, Поместный приказ.

за это на себя определенные обязательства по их содержанию, Г. В. Абрамович, отметив ее «глубокий социальный смысл», писал: «Прожиточные поместья, находясь во владении лиц, не обязанных нести военную службу, как бы выпадали из сферы служилого землевладения, и защита законом их владельческих прав и интересов против посягательств со стороны служилых землевладельцев явилась крупным шагом на пути превращения поместья из формы материального обеспечения служилого человека в одну из разновидностей феодальной земельной собственности привилегированного класса-сословия».[32] Точно так же в отношении ст. 1, 2 и 12-й XVII главы, входящих в блок статей, регулирующих различные вопросы наследования родовых и выслуженных вотчин, историки писали о служилых родах, различных формах пожалования вотчин и переходе их к наследникам, количестве вотчин и т. д.[33] Общий итог этим исследованиям был подведен А. Г. Маньковым: «И в данном случае (речь идет о ст. 1—15-й XVII главы. — *Л. Т.*) законодатель, с одной стороны, преследовал цель удержать все виды купленных вотчин в собственности рода вотчинника и тем самым предупредить выход вотчин из службы, а с другой — рассматривал их как средство обеспечения класса феодалов в целом».[34]

Дела Е. Карпова и братьев Жилиных дают возможность иной, более широкой трактовки содержания как этих статей, так и обеих глав памятника в целом и распространения его по крайней мере еще на одну группу населения Русского государства — черносошных крестьян. При этом следует обратить внимание на ряд обстоятельств.

Прежде всего статьи XVI и XVII глав Уложения одновременно использовались и фигурантом дела Е. Карповым (что еще раз показывает широкое распространение и неплохое в целом знание текста кодекса представителями самых разных общественных слоев), и приказными служителями: в первом случае — для подтверждения правоты высказанных в адрес Я. Щелкунова претензий, во втором — для юридического обоснования решения по делу — приговора. Следовательно, и частное лицо, и официальные инстанции одинаково расценивали эти статьи, трактующие различные вопросы землевладения как вполне применимые к такой категории земель, как черносошные. Правда, здесь стоит учитывать два момента. Во-первых, Е. Карпов в своей челобитной просто указал подходящую с его точки зрения к обстоятельствам дела главу — XVII, не отметив номера конкретной статьи, хотя и изложив ее содержание. Приказные же служители, знакомые с текстом памятника бесспорно гораздо лучше сысольского крестьянина, не могли не заметить, что случай, подобный казусу Е. Карпова, трактуется не в XVII, а в XVI главе в 10-й статье, и поэтому в первую очередь воспро-

---

[32] Соборное Уложение 1649 года. Комментарии. С. 257; см. также: *Тарановский Ф. В.* Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. С. 131—132.

[33] *Лаппо-Данилевский А. С.* Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI—XVII вв. // Историческое обозрение. СПб., 1891. Т. 3. С. 109—133; *Сташевский Е. Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 7—17; *Тарановский Ф. В.* Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. С. 135; Соборное Уложение 1649 года. Комментарии. С. 270—272, 275.

[34] *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года... С. 86.

извели именно этот текст. Что же касается указанной самим челобитчиком главы о вотчинных землях, то в приказе, основываясь на изложении в челобитной, правильно определили статью — 12, но, сознавая, что по общему смыслу эта статья весьма далека от ситуации, описанной в челобитной, поместили ее на втором месте.

Во-вторых, применение норм главы о поместных землях к черносошному крестьянину никоим образом не свидетельствует о приравнивании его, крестьянина, в юридическом отношении к помещику. В данном случае основное значение для приказных чинов бесспорно имело простое сходство жизненных обстоятельств — сдача земли вдовами или девками по записи третьему лицу с условием выполнения им определенных обязательств,[35] никак не затрагивающее различий юридического положения этих двух категорий населения.[36]

---

[35] Подобные случаи сдачи земель или приема зятя в семью на определенных условиях в среде черносошного крестьянства были самым обычным явлением (см.: *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913. С. 61—66; *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 155—156). Тем интереснее применение приказными служителями норм XVI главы в такого рода деле.

[36] Стоит сказать, что, к сожалению, в отечественной историографии довольно часто встречаются случаи именно такого подхода, когда на основании неких отдельных норм, имеющих отношение к совершенно конкретным ситуациям, делаются далеко идущие выводы. О том, что «в Уложении черные крестьяне уже совершенно смешиваются с дворцовыми», писал Б. Н. Чичерин (*Чичерин Б. Н.* Обзор исторического развития сельской общины в России // Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 39). З. А. Огризко на основании ст. 235-й X главы Уложения писала о «решительном» сближении дворцовых земель с черносошными (*Огризко З. А.* Влияние феодально-крепостнической системы на развитие хозяйства черносошных крестьян в XVII веке // Вопросы аграрной истории. Материал научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства европейского Севера СССР. Вологда, 1968. Вып. 1. С. 440), впоследствии это положение со ссылкой на работу З. А. Огризко было повторено в коллективной статье о черносошном землевладении (*Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 19). Между тем в указанной статье регламентируется всего лишь разрешение пограничных поземельных споров между различными категориями владельцев — дворцовыми и черносошными крестьянами, с одной стороны, и духовными и светскими владельцами поместий и вотчин — с другой. Исходя же из логики построений З. А. Огризко, мы можем точно так же говорить о «сближении», допустим, бояр Романовых, монахов любых монастырей и мелких помещиков где-нибудь на засечной черте.

Заметим попутно, что сами названия глав Соборного Уложения четко указывают на объект приложения декларируемых в них норм и с этой точки зрения делятся на две группы: главы, посвященные отдельным группам населения (глава V «О денежных мастерех...», XI «Суд о крестьянех», XIX «О посадских людех», XX «Суд о холопех», XXIII «О стрелцах»), и главы, трактующие правовые нормы в отношении отдельных действий, явлений, форм собственности и т. д., возможность применения которых распространялась на различные слои русского общества (XV «О вершенных делах», XVI «О поместных землях», XVII «О вотчинах», XVIII «О печатных пошлинах» и др.). В частности, нормы XVII главы безусловно использовались и в отношении такой группы, как гости, владевшие подчас довольно большими земельными угодьями (о землевладении гостей см.: *Голикова Н. Б.* Формы землевладения и землепользования гостей и гостиной сотни в конце XVI—XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 23—55).

В-третьих, не следует думать, что дела Е. Карпова и братьев Жилиных со ссылками на указанные главы Уложения представляли собой какое-то исключение в приказном делопроизводстве. Известно довольно большое количество дел по челобитным или судебных дел с подобным цитированием этого же юридического памятника: в 1678 г. в судебном деле гостей И. Д. Панкратьева, О. И. Филатьева и крестьян Яренского у. Седрочевых были приведены выписки из 34-й и 35-й статей XVII главы.[37] М. А. Островская, рассматривая право родового выкупа у черносошных крестьян, сослалась на ряд примеров с использованием Уложения: в 1669 г. крестьяне Сольвычегодского у. Окологородной волости били челом на сноху, продавшую их родовые деревни Строгановым, и просили отдать отчужденные вотчины им на выкуп, в доклад были выписаны 27-я и 30-я ст. этой же главы; в 1679 г. разбиралось дело по поводу того, как бездетная вдова распорядилась вотчиной своего умершего мужа, истец сослался на Уложение, указывая, что бездетным вдовам родовых и купленных вотчин продавать и закладывать не велено, а ответчик (владелец отчужденной вотчины) на основании тех же ст. 2-й и 6-й XVII главы Уложения утверждал, что бездетной вдове «в купленной вотчине вольно».[38]

Таким образом, многочисленные случаи оценки положения черносошных земель с юридической точки зрения современниками событий, людьми XVII в., как вотчинных, по нашему мнению, чрезвычайно важны и обязательно должны учитываться в ведущейся уже более полутора столетий дискуссии о характере черносошного землевладения.[39]

Применение в материалах приказного делопроизводства глав о поместном и вотчинном землевладении из Соборного Уложения в отноше-

---

[37] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 833. Л. 38.

[38] *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. С. 100, 102. — Правда, приведя примеры этих дел, М. А. Островская не соотнесла ссылки именно на гл. XVII о вотчинном землевладении с юридическим положением черносошных крестьян в целом.

[39] Литература, посвященная этому сюжету, огромна, и вряд ли целесообразно приводить хотя бы основные исследования в рамках данной, тематически ограниченной статьи, поэтому укажем только на некоторые работы, содержащие необходимую библиографию: *Колесников П. А.* 1) Хозяйственное освоение европейского Севера в досоветской историографии // Хозяйство северного крестьянства в XVII—начале XX века. Сыктывкар, 1987. С. 5—14; 2) История европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпох в дореволюционной и советской историографии // Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства европейского Севера СССР. Вологда, 1968. Вып. 1. С. 465—500; *Александров В. А.* Общинное землевладение в феодальной России (Основные историографические аспекты вопроса) // История СССР. 1983. № 6. С. 89—106; *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 62—90.

Не решаясь никоим образом высказывать свои соображения по столь сложному вопросу, заметим, что в целом мы разделяем точку зрения Н. Е. Носова (*Носов Н. Е.* О двух тенденциях развития фсодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 45, 57, 58, 65—67) и А. И. Копанева (*Копанев А. И.* 1) Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Там же. С. 117, 124—125; 2) Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 45—63, и др.) на характер черносошного землевладения, и приведенные выше материалы дел Новгородского приказа, на наш взгляд, подтверждают в какой-то степени ее справедливость.

нии крестьянства Русского Севера имеет и большое источниковедческое значение. Рассматривая правовой статус и правовые аспекты владения землей черносошных крестьян, исследователи чаще всего или сразу дистанцируются от выяснения этих вопросов по отношению к населению северных уездов,[40] или говорят о нормах «государственного»[41] или «обычного»[42] права в самой общей форме. Что же касается нескольких, специально посвященных законодательству о черносошных крестьянах, работ, то на них следует остановиться чуть подробнее, чтобы охарактеризовать используемую авторами источниковую базу.

А. И. Копанев, рассматривая законодательство XVI—XVII вв., проанализировал нормы общегосударственных Судебников 1497 и 1550 гг., двинского Судебника царя Федора Ивановича 1589 г. и ряда указов XVII в. (1623—1625, 1649, 1690 гг.). Ссылки на Соборное Уложение в данной работе отсутствуют.[43] В специальном разделе монографии о правовом положении черносошного крестьянства Севера историк обращает внимание на ряд соответствующих указов XVII в. и на несколько статей XI главы (ст. 1, 2, 3, 12—18).[44]

П. А. Колесников в небольшой статье о государственном законодательстве по крестьянскому вопросу провел статистическую обработку указов и постановлений за 1650—1860 гг., содержащихся в первом и втором собраниях ПСЗ, подсчитав их общее количество, распределение по отдельным периодам, различным категориям крестьянства, по характеру и содержанию, но не провел никакого конкретно-исторического анализа ни одного из постановлений, включая Соборное Уложение 1649 г.[45] В целом проделанная историком работа вряд ли вносит хоть какой-либо заметный вклад в проблему изучения правовых основ положения крестьян, так как взятые в полном отрыве от конкретно-исторической обстановки, без проведения сравнительного анализа с законодательством по другим социальным груп-

---

[40] П. И. Беляев, в частности, писал: «Настоящая работа будет касаться лишь частно-владельческих крестьян. Основные черты крестьянского права сложились именно в их отношениях к господам. История же государственных крестьян по отношению к крепостному праву занимает особое место» (*Беляев П. И.* Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 8. С. 139).

[41] О подчинении, начиная с XVI в., черносошных крестьян «государственным правовым нормам» писал П. А. Колесников, правда не приводя при этом никаких конкретных данных из законодательных актов этого или последующего столетий (*Колесников П. А.* Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. Проблемы истории русской общины. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 15).

[42] «Землепользование сельских общин и их членов — крестьян-тяглецов, допускавшееся феодальными владельцами или государством в определенных ими пределах, поддерживалось „обычаем", воплощавшемся в целую систему норм неписаного права» (*Александров В. А.* Общинное землевладение в феодальной России (Основные историографические аспекты вопроса) // История СССР. 1983. № 6. С. 89).

[43] *Копанев А. И.* Законодательство о черном крестьянском землевладении XVI—XVII вв. // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 125—132.

[44] *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 56—66.

[45] *Колесников П. А.* Государственное законодательство по крестьянскому вопросу (1650—1860 гг.) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 7—24.

пам населения России в указанных хронологических рамках все математические выкладки остаются лишь простым набором цифр, не позволяющим делать хоть какие-нибудь заключения о тенденциях развития юридического положения различных категорий крестьян и политики правительств в этой области.

В ряде работ (З. А. Огризко, Д. И. Раскин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро[46]) используются отдельные статьи Соборного Уложения — ст. 231, 235, 239 X главы о порче межи, порядке сыска про спорные земли различной владельческой принадлежности, о разграничении сенных покосов, бортных ухожеев и рыбных ловель опять-таки на разных землях и ст. 24-я XVII главы о раздаче «дворцовых сел» и «черных волостей» помещикам и вотчинникам.[47]

А. Г. Маньков, поместивший в своей монографии, посвященной Соборному Уложению, довольно обширный специальный параграф «Крестьяне» в разделе «Феодально-зависимые люди», указал, что о крестьянах «говорится в той или иной мере в 17 из 25 глав Уложения», но далее почти исключительно использовал материал только XI главы «Суд о крестьянех», ссылаясь в отдельных случаях в отношении помещичьих крестьян на XVI главу памятника. Что же касается черносошных крестьян, то исследователь уделил им чрезвычайно мало места, обратив внимание в основном на 1-ю статью XI главы о прикреплении черносошных крестьян к их наделам.[48]

И наконец, в последней по времени выхода работе Е. Н. Швейковской о черносошном крестьянстве, в разделе о его правовом статусе, нормы Уложения упоминаются вскользь (ст. 1 и 32 XI главы) с указанием, что «специально посвященная Уложению монография А. Г. Манькова „Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России" (Л., 1980) и раздел в книге А. И. Копанева „Крестьяне русского (так! — *Л. Т.*) Севера в XVII в." (Л., 1984) в целом характеризуют правовое положение черносошных кресть-

---

[46] *Огризко З. А.* Влияние феодально-крепостнической системы на развитие хозяйства черносошных крестьян в XVII веке. С. 439—440; *Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. С. 19.

[47] Совершенно непонятно обращение З. А. Огризко (повторенное в коллективной статье Д. И. Раскина и др.) к 28-й ст. XVII главы: «Вместе с тем Уложение, допуская получение крестьянами (даже владельческими) земель на оброк (гл. XVII, ст. 28-я), совершенно исключало крестьян из числа возможных покупщиков, ставя таким образом предел расширению крестьянского хозяйства» (*Огризко З. А.* Влияние феодально-крепостнической системы на развитие хозяйства черносошных крестьян в XVII веке. С. 440). В данной статье речь идет о возможном внесении в купчие или закладные условий выкупа новых вотчинных строений (Соборное Уложение 1649 года. Текст. С. 88); никакие, ни частновладельческие, ни черносошные, крестьяне, как равным образом никакие другие категории населения, в тексте данной статьи не упоминаются.

[48] *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года... С. 96. — В заключение этого раздела исследователь писал о прикреплении черносошных крестьян уже не к наделам, а к волостным общинам (там же. С. 109). На допущенную непоследовательность совершенно справедливо обратили внимание А. И. Копанев (*Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 56—57) и Е. Н. Швейковская (*Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России... С. 92).

ян»,[49] основное же внимание уделяется различным указам 30—40-х гг. XVII в.[50]

В целом даже столь краткий обзор литературы, трактующей различные вопросы правового положения черносошного крестьянства на основании норм основного законодательного памятника середины XVII в. и последующего времени, показывает, что в различных исследованиях применяются чаще всего те статьи (как правило, одни и те же) Уложения, в тексте которых непосредственно используются выражения «черносошные крестьяне», «черные волости», «государева земля» (идентичное, по мнению авторов, понятию «черносошная земля»). Такой подход представляется естественным, если исходить только из текста кодекса, никак не связывая его с историческими реалиями XVII в. Однако привлечение материалов приказного делопроизводства показывает возможность гораздо более широкой трактовки заключенных в нем законоположений, которые на первый взгляд действительно не имеют никакого отношения к вопросам правового положения черносошного крестьянства. Таким образом, возвращаясь к началу статьи, подчеркнем, что полное и адекватное изучение любого законодательного памятника, в том числе и Соборного Уложения, никак не должно исходить только из него самого и ограничиваться исключительно текстом самого кодекса, необходимо привлечение дополнительных документальных материалов, позволяющих выявить все нюансы применения законодательства на практике и тем самым установить истинный смысл и значение отдельных, включенных в него положений. Для XVII в. такими материалами являются прежде всего многочисленные и достаточно хорошо сохранившиеся дела по челобитным и судебные дела, дальнейшее изучение которых позволит использовать другие статьи и главы Уложения и особенности их реального толкования современниками.

---

[49] *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России... С. 91. Прим. 84. — Вряд ли можно согласиться с высказанной автором оценкой степени изученности установлений Соборного Уложения в отношении черносошного крестьянства в указанных работах, так как основное внимание в них, как было показано выше, уделялось или иным законодательным памятникам, или правовому положению частновладельческих крестьян.

[50] Там же. С. 91—97.

М. О. Акишин

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО И БОРЬБА С РАЗБОЯМИ В РОССИИ

В XVI—XVIII вв. разбои имели настолько широкий размах, что требовались общегосударственные меры для противодействия им. Первым таким опытом стала губная реформа 30—50-х гг. XVI в. Ее исследователь Н. Е. Носов, изучив криминогенную ситуацию в России XVI в., доказал, что разбои были обусловлены «общей перестройкой феодального землевладения». В них участвовали не только выходцы из тяглых сословий, но и служилые люди «по отечеству»; сформировалась особая преступная этика, включавшая пережитки языческих верований (колдовство, участие в разбоях скоморохов). Для борьбы с разбоями потребовалась государственная реформа, включившая создание боярской коллегии по разбойным делам (в будущем — Разбойный приказ) и местных выборных дворянских органов — губных старост.[1] Созданная на выборных началах система губных органов в конце XVII в. исчерпала себя.[2]

На смену древнерусской государственности пришло полицейское государство раннего нового времени. Петр Великий, проводя преобразование государственного и общественного строя Московской Руси, ориентировался на господствовавшую в Западной Европе теорию просвещенного деспотизма, допускавшую во имя общего блага самую широкую регламентацию жизни подданных.[3] Бóльшая часть царствования Петра Великого прошла в условиях Северной войны, поэтому его преобразования администрации носили несколько поверхностный характер. Наиболее полно теории полицейского государства были реализованы только в период коллежской и про-

---

[1] *Носов Н. Е.* 1) Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 201—367; 2) Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 527—537; 3) Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. // ВИД. Л., 1983. Вып. XIV. С. 23—49.

[2] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 36—37; *Маньков А. Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 187—189; *Глазьев Н. В.* Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 141—165.

[3] *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М., 1902. С. 1—25.

© М. О. Акишин, 2007

винциальной реформ 1718 г. Противоречия в проведении государственной реформы отразились на противодействии уголовной преступности. Изучение проблемы противодействия разбоям в России в конце XVII—начале XVIII в. предполагает решение ряда задач: анализ уголовно-правовых и процессуальных норм, определявших борьбу с разбоями; исследование криминогенной обстановки в России; эволюция методов противодействия разбоям в связи с основными этапами государственной реформы.

Понятие «разбой» в уголовном праве России.

Уголовно-правовые и процессуальные нормы, позволявшие проводить квалификацию действий «лихих людей», и новая форма процесса — «розыск» сформировались в XVI—XVII вв. в указах Разбойному приказу и губных грамотах. Наиболее полное законодательное закрепление они получили в Соборном Уложении 1649 г. Разбой относился к имущественным преступлениям. Его квалифицирующими признаками были применение насилия против личности с использованием оружия или орудий нападения. Законодатель исходил из предположения, что обычно разбой являлся групповым нападением. Уложение различало разбойные нападения на жилище, поселение и ограбление в пути.

Пойманный на первом разбое наказывался кнутом, ему отрезали правое ухо и заключали в тюрьму на три года. Имущество разбойника отдавалось истцам в погашение иска. Из тюрьмы таких лиц посылали в кандалах на работы. По окончании тюремного заключения они отсылались в украинные города, «на какое дело пригодится», предварительно вручив письменное свидетельство, заверенное дьяком, об отбытии заключения. Убийства, совершенные при первом разбое, наказывались смертной казнью. Повинный во втором разбое также наказывался смертной казнью.

В Уложении ставилась цель лишить преступников убежища: «...а татем бы и разбойником нигде пристанища не было», поэтому была широко разработана тема «поноровки» и попустительства разбоям. Наиболее опасными считались организация «станов и приездов» (постоянного и временного убежища), «привод» и «поноровка» разбойникам. Укрывательство влекло наказание, аналогичное тому, которое устанавливалось разбойникам. Предусматривалась «поноровка» и со стороны местной власти (отпуск разбойника за «посул»), что каралось штрафом до 50 руб. За недоносительство о разбоях назначалась пеня в пользу государя. Уложение различало укрывательство преступников и укрывательство краденых вещей. Виновные в последнем возмещали иски пострадавшим, а сами отдавались «на чистые поруки с записью». Если же порук не было, заключались в тюрьму. За покупку разбойной рухляди без поруки взималась выть. Купленное же «за чистое с порукою» взысканию не подлежало.[4]

Нормативной основой противодействия уголовной прсступности в начале XVIII в. оставалось законодательство, сформировавшееся в XVII в. В именных указах 1714 и 1719 гг. Сснату, приказам, губернаторам и другим «судьям» предписывалось: «...всякие дела делать и вершить все по Уложенью, а по новоуказным статьям и сепаратным указом отнюдь не делать».

---

[4] *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 223—224.

Применять «новоуказные статьи» разрешалось только в том случае, если они издавались в дополнение к Уложению 1649 г. или восполняли пробелы в законодательстве.[5] В указах 1703 и 1704 гг. наказания в отношении разбоев несколько смягчались: смертная казнь предусматривалась только за убийство в разбое и для совершивших три разбоя, иных разбойников предписывалось «бить кнутом и, запятнав новыми пятнами, послать вечно в каторгу».[6] Разбойники продолжали относиться к особо опасным уголовным преступникам. Например, именным указом 1721 г. об амнистии специально оговаривалось, что он не распространяется на «смертоубийц и разбойников».[7]

Новации в развитие уголовного права и процесса России были внесены в военном законодательстве Петра I. Крупнейшим его актом стал «Артикул воинский». К имущественным преступлениям в «Артикуле воинском» относились грабеж и кража (эти понятия вытесняли старые — разбой и татьба). Грабеж относился к особо тяжким преступлениям, караемым смертной казнью. В арт. 182 предписывалось: «Никто бы, ниже офицер, рейтар или салдат же дерзал никакого б человека, его величества подданного или нет, грабить и насиловать, или что у него силою отнимать, хотя на улице, в походе чрез землю, или в обозе, городех, крепостях и деревнях, под наказанием на теле и смертию». Умышленное убийство, совершенное в разбое с корыстными мотивами, каралось квалифицированной смертной казнью путем колесования (арт. 185). В 1700—1715 гг. была проведена реформа военно-процессуального права, получившая окончательное закрепление в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб». Розыскной процесс в военном законодательстве получил дальнейшее развитие и достиг своей крайней, инквизиционной формы. Ее характерными чертами были отделение военного суда от администрации, законодательное закрепление формальной теории доказательств, усиление значения пытки в связи с признанием наибольшей доказательной силой собственного признания обвиняемого.[8]

Социальные условия роста разбоев в России.

Социальная обусловленность распространения разбоев в России XVIII в. привлекает внимание историков уже в течение двух столетий. С. М. Соловьев причину разбоев видел в желании антиобщественных элементов «жить на счет своих, вести постоянную войну со своими, обходиться с ними, как с врагами». Ученый считал, что в разбоях участвовали дворяне, беглые солдаты и рекруты.[9] Н. А. и Н. Н. Фирсовы впервые заявили об обусловленности крестьянского бегства и разбоев крепостным правом.[10]

---

[5] Доклады и приговоры. СПб., 1888. Т. IV. Кн. 1. С. 300, 426—427; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. I. С. 40—42; ПСЗ. Т. VI. № 3376, 3435.

[6] ПСЗ. Т. III. № 1924; т. IV. № 1957.

[7] Там же. Т. VI. № 3842.

[8] Законодательство Петра I. М., 1997. С. 751—791, 824—841.

[9] *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. VIII. Т. 15—16. С. 84—85, 319—320, 494—495; кн. IX. Т. 17—18. С. 476.

[10] *Фирсов Н. А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. С. 113—114; *Фирсов Н. Н.* Вопрос о беглых и разбойниках, поднятый в комиссии для составления проекта нового Уложения (1767 г.). Казань, 1890.

Ю. В. Готье писал, что в XVIII в. обострился «вопрос об общественной безопасности. Ее нарушали, с одной стороны, шайки, организуемые разбойниками-дворянами, которые пользовались своим господствующим положением и фактической безнаказанностью, с другой — группы, состоящие чаще всего из крестьян и беглых солдат». Выступления крестьян и беглых солдат «в виде разбойничьих отрядов», по его мнению, «были не чем иным, как открытым проявлением классовой борьбы...».[11]

Советская историография в изучении истории народных масс исходила из основного положения марксизма-ленинизма о решающей роли классовой борьбы в развитии антагонистических формаций. Проблемы уголовного права и борьбы с преступностью были чрезвычайно идеологизированы. Считалось, что преступность — явление классовое, исторически преходящее, обусловленное несовершенством социальных отношений. Так, В. Ю. Гессен доказывал, что бегство тяглых слоев населения, разбои и воровство 1720—1730-х гг. были следствием усиления крепостного гнета, беглые крестьяне нападали на помещичьи вотчины, за официальной квалификацией «разбой» скрывается «антифеодальный протест крепостного крестьянства».[12] Еще далее в своих выводах пошла П. К. Алефиренко. Разбои помещичьих крестьян 30—50-х гг. XVIII в. она рассматривала как одну из форм классовой борьбы, «стихийное партизанское движение», направленное против феодально-крепостнических отношений.[13]

Специальные исследования крестьянского побега противоречат тезису о массовом участии беглых крестьян в разбоях. Н. В. Козлова проанализировала данные о 1322 беглых крестьянах, расселившихся в Среднем Поволжье в первой половине XVIII в. Она доказала, что основной причиной побега была «скудость» жизни на прежнем месте, вызванная малоземельем, стихийными бедствиями (неурожаи, пожары и пр.) и фискальным гнетом. Более двух третей бежавших уходили со своими семьями. На новом месте крестьяне работали «из найма» в деревне или городе, заводили собственное хозяйство (иногда весьма зажиточное). Местные жители были заинтересованы в труде беглецов и облегчении за их счет фискальной нагрузки на общину. Случаев участия беглых в «разбоях» Н. В. Козлова не выявила.[14]

Изучение жизни беглецов на Урале и в Сибири подтверждает это наблюдение. Во время становления уральской металлургии на заводы сбежалась масса беглых старообрядцев. Заводская администрация, испытывая недостаток в рабочей силе, с охотой принимала пришлое население. В 1725—1727 гг. горный командир В. Геннин фактически легализовал это заводское население. В 1735 г. новый горный командир В. Н. Татищев провел их перепись. В казенном ведомстве (Екатеринбург, дер. Шарташская и Становская) было учтено 409 старообрядцев, на Верхне-Тагильском и Черноисто-

---

[11] *Готье Ю. В.* История областного управлсния в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1941. Т. II. С. 104.

[12] *Гессен В. Ю.* Нападения беглых крестьян на помещичьи вотчины в 20—30-х гг. XVIII в. // Вопросы истории. 1954, № 12. С. 103—110.

[13] *Алефиренко П. К.* Крестьянскос движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х гг. XVIII в. М., 1958. С. 136 и др.

[14] *Козлова Н. В.* Побеги крестьян в России в первой трети XVIII в. (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983. С. 73—127.

чинском заводах А. Демидова — 1905 староверов. Большинство из них жили своими дворами и занимали прочные позиции в местном обществе. Попытка Татищева выселить их с Урала и привлечь к ответственности за бегство и старообрядческое вероисповедание закончилась полным провалом. Никаких сведений об участии старообрядцев в разбоях нет.[15]

Массовое крестьянское бегство в Сибирь в начале XVIII в. также не вело к участию беглых в разбоях. Беглецы стремились воссоздать свое земледельческое хозяйство на сибирских землях, крестьянские общины и государственная администрация были заинтересованы в новых налогоплательщиках, поэтому стремились легализовать пришлых путем причисления к старожильцам. Известна единственная попытка разорвать этот коррумпированный круг. В 1713 г. приказчик Ишимских слобод С. Немтинов донес губернским властям, что во время переписи 1710 г. крестьяне Коркиной слободы утаили 411 дворов из 499, в Орлове-городище — 150 из 296, в Абатской слободе — 228 из 264. Этот донос вызвал мощнейший бунт, для подавления которого был привлечен драгунский полк. Судом действия зачинщиков были квалифицированы не как разбой, а как «скоп» и «заговор», т.е. антигосударственное преступление.[16]

Таким образом, при констатации факта распространения разбоев в конце XVII—XVIII в. вопрос о социальных условиях, их порождавших, и сама оценка разбоев в историографии являются дискуссионными. Разрешить эти проблемы позволяет обращение к воспоминаниям современников, которые оставили целый ряд свидетельств о причинах и характере разбоев в царствование Петра I. Прежде всего они свидетельствовали о существовании профессиональной преступности в крупных городах. Австрийский дипломат О. Плейер писал, что в городах живут «люди праздношатающиеся и ни у каких господ не занимаются службой, а только сидят, пьянствуют, играют в кабаках и полпивных». Когда им не хватало средств, они пускались «в грабежи и убийства, делают все небезопаснее улицы и дороги».[17] Х. Ф. Вебер писал, что в начале XVIII в. «бедного люду и безбожной сволочи, которая ничего не делает от лени, в Москве такая бездна, и всевозможные уголовные происшествия так часты, что, чуть только наступают сумерки, никто по своей охоте не выходит из дому без надежных проводников».[18]

Свидетельства иностранцев подкрепляются фактическим материалом. Так, 20 ноября 1696 г. разбойники в Москве обокрали дьяка Г. Кузьмина. Обвиняемых — дворовых людей К. Шамшина и «иных всяких разных чи-

---

[15] *Акишин М. О.* В. Геннин и староверы Урала (к вопросу о роли вольнонаемного труда в становлении металлургии в начале XVIII в.) // Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала. Тюмень, 1995. С. 46—62; *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 67—108.

[16] *Акишин М. О., Шашков А. Т.* Фискальный гнет Петровской эпохи и сибирское крестьянство (к вопросу о достоверности переписей конца XVII—начала XVIII в.) // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI—XX вв. Новосибирск, 1998. С. 96—111.

[17] *Плейер О.-А.* О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 400.

[18] *Вебер Х. Ф.* Записки о Петре Великом и его царствовании // Русский архив. М., 1872. Вып. 6. Стб. 1359.

нов» — удалось поймать уже «на третий день». В Стрелецком приказе о них провели розыск, под пыткой они повинились в краже, за что были повешены. В московских разбоях участвовали дворяне. В марте 1695 г. «по язычной молвке» в Стрелецком приказе проводился розыск о стольниках Шереметевых, князе И. Ухтомском, Л. и Г. Ползиковых. Обвинения были настолько серьезны, что их даже подвергали пыткам. Но за обвиняемых заступился боярин П. В. Шереметев, и подследственные были выпущены на поруки, а доносители И. Зверев «с товарищи» — казнены. В июне 1695 г. в Стрелецком приказе пытали дворовых стольника Т. К. Кутузова по обвинению в избиении государева слесаря и грабеже у него двух пистолей. С пытки они показали, что бил слесаря и отобрал у него пистоли сам Кутузов.[19]

Разбойники терроризировали не только города, но и сельскую местность. О. Плейер социальной средой, из которой в конце XVII—начале XVIII в. появлялись воры и разбойники, считал многочисленную боярскую дворню. По его наблюдениям, каждый боярин содержал «у себя по разным деревням большую толпу бесполезных обжор в качестве многочисленных слуг и рабов». Число дворовых достигало «до 500 и более» человек, из которых только десятерых боярин «разом... имеет на глазах у себя», а остальные живут на скудном пропитании, обворовывая «своих господ» и их крестьян.[20]

Организаторами разбойничьих шаек были дворяне. По свидетельству И. Желябужского, в 1688 г. спальник (впоследствии лейб-гвардии майор) князь Я. И. Лобанов-Ростовский и стряпчий И. А. Микулин со своей дворней «ездили на разбой по Троицкой дороге, к Красной Сосне» и ограбили государевых крестьян, отвозивших государеву казну. Два крестьянина были убиты, казну разбойники взяли себе. По розыску Лобанов-Ростовский был «взят с двора и привезен... к Красному крыльцу в простых санишках», «бит кнутом», у него конфисковали 400 дворов крестьян; Микулин «бит кнутом на площади нещадно», сослан в Томск с конфискацией вотчин и поместий; казначея и калмыка Лобанова-Ростовского, участвовавших в разбое, повесили. В 1696 г. в Семеновской съезжей избе проводился розыск о разбойном нападении мещевских помещиков Д. Г. Лабодонского и С. Десятого на двор крестьянина помещика Г. Бордукова. Во время этого налета крестьянина и его «женку резали и пытали». В том же году бил челом в Стрелецком приказе дворянин Тарбеев на стольников В. Толстого и С. Карандеева «в том, что они стояли под дорогою и его резали». В апреле 1697 г. в Стрелецком приказе проводился розыск об алаторском помещике А. Ф. Зубове и его дворовых в «смертном убойстве посадских людей алаторцев».[21]

Социальной основой для насилий в сельской местности была борьба за землю. В них были вовлечены и вотчинники, и помещики, и церковные власти, и их крепостные крестьяне. Собственные интересы в этих конфликтах отстаивали дворцовые и «черносошные» крестьяне. Так, в конце XVII—начале XVIII в. в Муромском у. развивался конфликт крестьян с. Дубровы Троице-Сергиева монастыря и с. Ляхова, вотчины боярина И. Б. Троеку-

---

[19] Рождение империи / Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. М., 1997. С. 277, 281, 305.

[20] *Плейер О.-А.* О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 400.

[21] Рождение империи... С. 268, 300, 305, 306, 319—320.

рова. Крестьяне Троекурова «завладели многою монастырскою землею без крепостей... и троицких крестьян... бьют и грабят». В 1682/83 г. по «полюбовной» спорная земля была размежевана, но с 1691/92 г. крестьяне с. Ляхова вновь захватили монастырскую землю, уничтожив межевые знаки. В 1709 г. Троекуров умер, а его поместья унаследовали снохи. После этого ляховские крестьяне, «собрався многолюдством с копьями и со многим ружьем», монастырских крестьян «перебили». В 1714 г. произошел очередной бой, во время которого было убито два ляховских крестьянина. Комендант Мурома П. Вердеревский, проведя «розыск» по этому делу, приговорил перевести две семьи троицких крестьян на жительство в с. Ляхове и дал на них крепости наследницам Троекурова. Нижегородский вице-губернатор С. И. Путятин подтвердил приговор. Разгневанные власти Троице-Сергиева монастыря оспорили приговор в Сенате. Но сенаторы поручили продолжить расследование этого дела все тому же Путятину.[22]

В той же Нижегородской губернии конфликт из-за спорной земли между дворцовыми крестьянами Дрюковской волости и монастырскими крестьянами Троицкого Макарьевского Желтоводского монастыря также дошел до разбоев и убийств. В мае 1714 г. монастырские крестьяне Е. Булатов «с товарищи» напали на Дрюковскую волость, пограбили дворцовых крестьян и сожгли починок Бутакова. Для расследования этого дела выезжал монастырский подьячий с солдатами, но его встретили старец Ерофей, староста Д. Федоров, священник «со многими людьми, с огневыми ружьями и с копьями». Подьячий бежал из монастырской вотчины. В ноябре 1714 г. монастырские крестьяне вновь, «собравшись многолюдством с огненными ружьями, и с копьями, и с луками, воровски, днем» напали на дворцовых крестьян, избили «озорничеством» пятерых, двоих «увезли с собою», ограбили их и «на речке Бортной починок Гусев выжгли». Затем монастырские крестьяне, «человек с 40», пришли в починок Клыков, избили крестьян «и св. иконы, и всякую крестьянскую рухлядь, и пожитки побрали грабежом». Сенаторы дважды, 9 и 21 февраля 1715 г., выносили приговоры о поручении нижегородскому вице-губернатору С. И. Путятину провести «розыск» по этой челобитной.[23]

В конфликтах светских землевладельцев большую роль играл служебный статус одной из сторон. В феврале 1707 г. в усадьбу А. И. Свечина, находившуюся в Костромском у., приехали разбойники «и дом... разбили и многие пожитки... пограбили». В 1708 г. по этому делу начался розыск, были взяты «за караул» два дворцовых крестьянина, у жен которых изъяли поличное — ворованные пожитки. На пытках они показали, что в разбое участвовали крестьяне князя И. А. Голицына, но арестовать последних не удалось: крестьяне знатного помещика «указу чинились сильны и оговоренных крестьян к розыску не отдали». В 1709 г. А. И. Свечин умер, и дело о разбойном нападении на его усадьбу фактически заглохло. Однако в 1711 г. его сын Федор был взят на службу в элитную бомбардирскую роту Преображенского полка, а в 1715 г. определен в морской флот. Приближенный к царю бомбардир в 1715 г. бил челом в Сенате об окончании

---

[22] Доклады и приговоры. СПб., 1892. Т. V. Кн. 1. С. 31—33.

[23] Там же. С. 112—113, 184.

«розыска». Сенаторы не могли не пойти ему навстречу и приговором от 10 февраля 1715 г. передали дело для «розыска» в Московскую губернскую канцелярию.[24]

Гораздо более печально земельный спор закончился для П. Г. Мякинина, 70-летнего старика, дважды раненного на государевой службе, и его дочерей Ирины, Прасковьи и Пелагеи. В августе 1711 г. в его дом ворвался Т. Квашнин-Самарин с посыльными, они избили старика и его дочерей, а затем ограбили. В 1714 г. Пелагея от имени всей семьи обратилась с иском в Петербургскую губернскую канцелярию, но судьей по ее делу оказался обидчик — сам Т. Квашнин-Самарин. При приказных людях он бранил ее и ее отца матом, а затем сказал: «...напрасно де я его, вора, до смерти не убил». В 1715 г. Пелагея вновь подала доношение в Сенат, которое позволяет объяснить, почему жаловаться Мякинины стали только через три года после нападения на них. Пелагея сообщала, что в 1711 г. по приказу петербургского вице-губернатора Я. Римского-Корсакова она была взята «под караул» в приказную палату, скована и допрошена дьяком М. Г. Гуляевым. Во время допроса дьяк велел ее «бить сторожам Федору Васильеву с товарищи плетьми». При этой пытке присутствовали дьяк Д. Якимов, дворяне П. и Р. Васильевы «и другие посторонние всяких чинов люди». Дворянку «тем боем» не только «изувечили», но и «обесчестили». «Не стерпя такого мучения», Мякинина подписала текст допроса, «а что в том допросе написали, того ей не объявили».

Доношения Мякининой рисуют картину вопиющего произвола: государственный чиновник грабит усадьбу своего соседа-помещика, избивает старика и его дочерей-дворянок, а затем в нарушение закона и приказного обычая берет за караул дворянку и пытает ее. Однако с этим произволом, видимо, не смог справиться даже Сенат. По доношениям Мякининой сенаторы приговорили передать ее челобитья для «указа» петербургскому губернатору А. Д. Меншикову. Трудно представить, чтобы непосредственный начальник и покровитель Т. Квашнина-Самарина и дьяка М. Г. Гуляева вынес справедливый приговор по этому делу.[25]

Криминогенную обстановку обострило формирование регулярной армии. Из армии бежали рекруты и солдаты. Дезертирство приобрело большие масштабы. В 1705 г. из партии в 2277 рекрутов бежало 895, в 1707 г. из партии в 1756 — 171. В 1708 г. из одной партии в 3646 рекрутов бежало 356, а из другой партии в 8087 рекрутов — 632. В 1710 г. из одной партии в 5715 рекрутов, направляемых в Ригу, бежало 1669, а из другой в 10 192 рекрутов — 1359. В том же году из 1770 рекрутов, направляемых во флот, бежало 1166. В феврале 1712 г. в московском гарнизоне числилось 1300 рекрутов, уже к 11 марта 450 из них бежало. В 1715 г. из 1341 рекрута, следовавших из Нижегородской губернии в Петербург, бежали 526 и три провожатых их солдата. В январе 1716 г. из 200 рекрутов, направленных из Московской губернии в Ригу, бежало 15.[26]

---

[24] Там же. С. 117—118.

[25] Там же. С. 105—106, 118—119.

[26] *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 29; Доклады и приговоры. СПб., 1880. Т. I. С. 203; 1882. Т. II. Кн. 1. С. 154; 1897. Т. V. Кн. 2. С. 87—88, 1006—1008.

В отдельных случаях рекруты объединялись и вступали в бой со своими сопровождающими. В июне 1712 г. отряд провожатых во главе с капитаном Н. Брандусом сопровождал из Москвы в Ригу партию рекрутов. Дорога до Вязьмы проходила через лес, чем воспользовались рекруты: 16 июня в 8 часов «в урочище» «из строю бежали 298 человек в лес по обе стороны дороги». Провожатые солдаты попытались их остановить, но «беглецы с ними дрались ножами и дубьем». В результате удалось поймать только 38 беглых, 4 солдата провожатых «пропали безвестно».[27]

Бегство рекрутов принципиально отличалось от бегства крестьян: если бегство крестьян расценивалось как правонарушение, то бегство рекрутов — как тяжкое воинское преступление. Петр I требовал самых серьезных мер для пресечения побегов. В 1701 г. он приказал беглых рекрутов вешать по жребию и ссылать на каторгу.[28] Указом от 19 января 1705 г. объявлялось, что из каждых трех бежавших и пойманных рекрутов одного будут вешать, а двух других бить кнутом и ссылать на вечную каторгу. Явившиеся добровольно должны быть наказаны кнутом и сосланы в Азов и Петербург на пять лет, после чего возвращены в полки. В дальнейшем этот указ неоднократно подтверждался.[29]

Бежавшие со службы дезертиры знали о грозящей им каре, поэтому, даже пытаясь вернуться домой, вели себя в побеге крайне дерзко. В 1704 г. беглые солдаты тоболянин Е. Иванов, тюменец А. Колов и костромич Терентьев избрали оригинальный способ для возвращения домой. Они распустили слух о том, что сам Петр I собирается отправиться в Сибирь. Один из беглых солдат выдавал себя за «полковника Семена Ивановича» («полковника Пройдошина»), «крестника» «ближнего боярина» Б. П. Шереметева, отправленного для подготовки «государева шествия». Дезертиры проследовали через Ярославль, Ростов, Шуйский ям, Тотьму, Устюг Великий, Верхотурье, Тюмень. На протяжении всего пути они требовали и получали от местных властей подводы, деньги и продовольствие. Только опытный тюменский воевода О. Тухачевский сумел разоблачить самозванцев. Дезертиры были отосланы в Преображенский приказ.[30]

Некоторым дезертирам удавалось добраться до своего дома и длительное время скрываться от властей, но жили они в постоянном страхе перед разоблачением. В апреле 1715 г. солдат Н. Дохтуров подал в Сенат челобитье об убийстве своего отца и брата. Он писал, что в 1705 г. вместе со своими односельчанами с. Троицкого Московского уезда был записан в солдаты. Его односельчане Ф. Матвеев, Е. Матвеев, Г. Силанов, М. Власов и Г. Тимофеев бежали с военной службы «и ныне живут в домах своих» в с. Троицком. Крестьяне Осип и Роман, отец и брат Дохтурова, стали им говорить: «Что вы из полку бежали?» Беглые солдаты убили крестьян. Дохтуров просил провести розыск об убийстве и учинить «по артикулу воинского суд государев». Получив челобитную, сенаторы 7 сентября 1715 г. при-

---

[27] Доклады и приговоры. 1883. Т. II. Кн. 2. С. 117.

[28] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. С. 37.

[29] ПСЗ. Т. IV. № 2019, 2031 и 2062.

[30] *Оглоблин Н. Н.* Тревога о «государевом шествии» в Сибирь в 1704 г. // Русская старина. СПб., 1891, сентябрь. С. 609—616.

говорили послать московскому губернатору указ о поимке беглых солдат и проведении розыска об убийстве.[31]

Разбойниками становились и дворяне, бежавшие с военной службы. В течение двух десятилетий Подмосковье терроризировали банды знатных вотчинников Михаила и Федора Полуэхтовых. В 1704—1705 гг. Михаил с бандой из своих дворовых разбойничал во Владимирском у.: они отобрали у дьячка Никольской церкви лошадь с санями, быка и корову; у священника Покровской церкви угнали лошадей и взяли денег и домашнего скарба на 30 руб. В 1705 г. банда уже разбойничала «на Елатомской дороге» Казанского у., где Полуэхтов со своими дворовыми отобрал несколько лошадей у Кульмамета и Мамея Деушевых.

В 1707 г. Полуэхтовых поверстали в драгуны и направили служить в армию Б. П. Шереметева. Тяготы военной службы не прельстили братьев, и вскоре они бежали. Беглые дворяне занялись разбоями. В Подмосковье Михаил вновь сколотил банду из своих дворовых. Позднее М. Любимов, Е. Кузмин «с товарищи», дворовые Полуэхтова, винились в разбойном нападении на дом помещика И. Барсукова «и в грабеже животов на 2685 руб. 26 алт.». Столь масштабные бандитские нападения вскоре превратили разбойников в убийц. И. Никифоров «с товарищами», дворовые Полуэхтова, убили крестьянина И. Чюбарова, принадлежавшего помещику И. Петрову. В 1710 г. по этим делам проводился «розыск» в Ижорской канцелярии, и выяснилось, что дворовые совершили убийство с ведома М. Полуэхтова.

После разоблачения дворянину-разбойнику терять было нечего: он совершил кражу денег из Ижорской канцелярии и бежал со своим дворовым И. Симоновым. Вскоре Полуэхтова поймали и доставили в Военный приказ, откуда вновь отослали в Ижорскую канцелярию. Но еще по пути, около Спасских ворот Кремля, Полуэхтов «закричал караул и сказал за собой государево дело», почему его повезли на Потешный двор в с. Преображенское. Во время этого переезда он вновь сумел бежать.

В 1710 и 1711 гг. Татьяна, жена М. Полуэхтова, била челом на мужа в Разрядном, Поместном, Духовном и Земском приказах о том, что ее муж — «разоритель, вор, плут и прелюбодей» — бросил ее с 8-летним сыном, «завладел приданными ея деньгами, жемчужным низанным, платьем и серебряною посудою», крепостными крестьянами и женился на другой женщине. Она же была «заперта... многое время, в самые зимние студеные морозы, в скотной студеной избе», а затем с сыном стала «скитаться по чужим дворам и кормиться нищетою». В 1712 г. братья Полуэхтовы вновь были пойманы, и по приговору Сената их дело было поручено расследовать московскому губернатору М. Г. Ромодановскому.[32]

Но Полуэхтовым, видимо, вновь удалось бежать. В октябре 1715 г. князь М. Оболенский бил челом в Сенате, что 25 августа на его вотчину — с. Архангельское Боровского у. — «приезжали многолюдством воровские... люди и дом его грабили и людей его и крестьян били смертным боем и грабили ж». Среди разбойников крестьяне узнали братьев Полуэхтовых. По этому челобитью сенаторы 14 октября 1715 г. приговорили послать мо-

---

[31] Доклады и приговоры. Т. V. Кн. 2. С. 834.

[32] Там же. Т. II. Кн. 1. С. 204—205.

сковскому губернатору указ о поимке Полуэхтовых и высылке в Петербург «к росправным делам».[33]

Таким образом, в начале XVIII в. разбои в России были общенациональным бедствием. В предшествовавшей историографии их рост связывался с крестьянскими побегами, что не подтверждается исследованиями крестьянского побега и состава разбойничьих шаек. На новом месте жительства крестьянин стремился воспроизвести свое земледельческое хозяйство, а участие беглых крестьян в разбоях — исключительное явление. Увеличение числа разбоев объясняется ростом городов, порождавшим городскую бедноту и преступность, борьбой за землю в сельской местности. Организаторами разбойничьих шаек обычно были дворяне, защищенные от уголовного преследования своим статусом и имевшие необходимые военные навыки. Создание регулярной армии и флота породило новую проблему — отбросы русской нации, дезертиры, становились разбойниками.

Борьба с разбоями в первые годы Северной войны.

В XVII в. специализированных полицейских органов в Московском государстве не было. В Москве и Московском уезде поимкой воров и разбойников ведали Земский и Стрелецкий приказы. Организация охраны общественного порядка в столице определялась именным указом от 2 апреля 1695 г. Как и прежде, вся столица была разбита на сотни и слободы, в которых избирались старосты, десятники и «всякие урядники». В каждой слободе предписывалось «по проезжим улицам и по переулкам и где перекрестки поставить караулы», в черных слободах — из посадских людей, в стрелецких — из стрельцов. Караульщиков предписывалось назначать с десяти дворов по человеку «с ружьем, с копьи, с бердыши, с рогатины». Караульщики должны были ловить беглых, пресекать воровство и разбои, наблюдать за правилами противопожарной безопасности. За караулами должны были надзирать объезжие головы, назначаемые из служилых «по отечеству» Разрядным приказом, а в стрелецких слободах — полковники.[34]

Подавление стрелецкого бунта 1698 г. привело к «скасованию» московских стрелецких полков и ликвидации Стрелецкого приказа. Полицейскую деятельность на территории Москвы стал осуществлять приводной стол «Потешного» двора Преображенского приказа, т. е. к охране порядка в столице были привлечены солдаты Преображенского и Семеновского полков.[35] В связи с постоянным пребыванием этих полков на театрах военных действий эти функции вскоре были переданы гарнизонным частям. В июне 1707 г. Петр I приказал князю Ф. Ю. Ромодановскому передать караулы в Кремле и Китай-городе в ведение московского коменданта.[36]

Передача борьбы с разбоями в ведение славившегося своей жестокостью Ф. Ю. Ромодановского только частично решило проблему. Разбои в столице продолжались. Согласно «Дневным запискам» И. Желябужского, 1 июля 1699 г. «за разбой и за смертное убивство» в Москве «на Болоте» был казнен стольник князь И. Б. Шейдяков. В 1702 г. по челобитной гостя

---

[33] Там же. Т. V. Кн. 2. С. 933—934.

[34] ПСЗ. Т. III. № 1509.

[35] *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 16 и др.

[36] Русский архив. Год третий (1865). С. 41.

И. Ф. Коломлетина «в разбойном деле» проводился розыск в Преображенском о прапорщике О. Р. Камынине, московских дворянах А. и В. Баскаковых и А. И. Жехове. В ходе следствия они подвергались пыткам.[37]

Для укрепления общественного порядка в столице предпринимались чрезвычайные меры. 10 февраля 1698 г. в Москве был введен комендантский час: «...кликали бирюч по площади и по крестцам, чтоб всяких чинов люди по ночам, в третьем часу ночи, не ездили, а кто станет в тех ночных часах ездить, и с тех брать по указу со всякого человека, и с лошадей, и с саней по 2 деньги». Вводились ограничения в использовании огнестрельного и холодного оружия. В 1700 г. в Москве и других городах «всяким чинов людям» было запрещено иметь остроконечные ножи, в ножевом ряду запрещалось изготавливать такие ножи и продавать. Объяснялась эта мера тем, что многие люди в дороге, на съездах, на сходках и в домах своих в пьяных ссорах и драках такими ножами друг друга убивают, а воры с такими ножами ходят по ночам и людей грабят и режут. Ослушников указа ждали наказание кнутом и ссылка.[38]

Еще одной мерой, направленной на борьбу с «воровством», было искоренение нищенства. В декабре 1705 г. боярин И. А. Мусин-Пушкин по государеву указу приказал ловить нищих в Москве и деньги, сколько у них сыщется, брать поимщикам себе, а их приводить в Монастырский приказ, где чинить им наказание. Тех, кто подавал милостыню нищим, приказывалось также доставлять в Монастырский приказ, где с них брать штраф. Монастырскому приказу придавался подьячий с солдатами и приставами для инспектирования московских улиц.[39]

В связи с ликвидацией в 1702 г. Приказа сыскных дел и губных старост противодействие разбоям в городах и уездах оказалось в компетенции воевод. В городах в исполнении полицейских функций участвовали представители населения, частью назначавшиеся, частью избиравшиеся: объезжие головы из служилых людей, следившие за порядком и пожаробезопасностью; ярыжки, поддерживавшие порядок в торговых местах; решеточные приказчики и сторожа, дежурившие по ночам у рогаток. В сельской местности полицейские функции возлагались на помещиков и их вотчинную администрацию, в дворцовых и черносошных землях — на выборную крестьянскую администрацию, в землях «иноверцев» — на их князцов и старшин.[40]

Собственными силами местные власти были не в состоянии справиться с разбоями, поэтому по их запросам в XVII в. из центра страны направлялись сыщики. Создание регулярной армии позволило направлять для борьбы с разбоями регулярные воинские команды во главе с офицерами. Так, в 1702 г. для поимки банды разбойников, терроризировавшей Галицкий и Костромской уезды, был отправлен с ротой солдат капитан Рогульский. Ему удалось захватить «знаменитых» разбойников. Ядром банды оказались 10 местных помещиков — З. Полозов, Н. Сытин, П. Сипягин, И. Соло-

---

[37] Рождение империи... С. 317, 331.

[38] Там же. С. 314; ПСЗ. Т. III. № 1695; т. IV. № 1758.

[39] РГАДА. Ф. 237. Д. 1458; *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. VIII. Т. 15—16. С. 319.

[40] *Сизиков М. И.* Полицейское законодательство // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 606—607.

губов, Н. Жданов, В. Полозов-Куля, И. и Д. Захаровы, С. и П. Шишкины. Они нападали со своими дворовыми на деревни, убивали мужчин, насиловали женщин, а дома их сжигали.[41]

11 июля 1707 г. бояре по памятям из Разряда, отпискам из Углича и Твери приговорили послать из Судного приказа «сыщика» стольника князя В. Мещерского на Углич, в Тверь, в Ярославль, в Пошехонье, в Торжок, Бежецкий Верх и другие уезды для поимки и «розыска» о разбойниках, убийцах и зажигателях. Из памяти и отписок бояре узнали, что в этих уездах «воровские люди», собравшись «многолюдством», много сел и деревень пожгли, много домов разорили. Ржевский помещик лейб-драгунского полка поручик И. Н. Шишков доносил в 1711 г., что «в прошлых годех деревню его, сельцо Скрылево Ржевского уезда С.-Петербургской губернии, разбойники, приехав ночью, пожгли и крестьян пограбили». Только через несколько лет часть разбойников была поймана «сыщиком» И. Федоровым. Оказалось, что разбойники — жители г. Старицы Смоленской губернии. Во время «розыска» они показали, что в этом разбое участвовали также разбойники из Ржевского уезда.[42] Из этих показаний следует, что бандиты из Смоленской и Московской губерний объединились для нападения на крупное поместье в С.-Петербургской губернии. Такую акцию могли организовать только профессионалы.

Майор А. И. Безобразов сообщал, что в 1709 г. его сельцо Хорошилово Старицкого уезда подверглось нападению. Разбойники в ночное время захватили его усадьбу, «разбили дом, мучили его сына и пограбили пожитки и лошадей без остатка». Через несколько лет эти разбойники были пойманы в Волоке-Ламском «сыщиком» полковником Ф. Ю. Козиным, они и их «товарищи», участвовавшие в разбое, — жители Тверского уезда С.-Петербургской губернии. В этом эпизоде вновь выясняется, что жители Твери совершали разбои в очень далекой от их места жительства местности.[43]

В 1710 г. из Монастырского приказа боярам сообщили, что разбойник Г. Старченок с 60 «товарищами» приезжал днем в вотчину Ипатьевского монастыря, с. Колщево, с ружьями, шпагами, копьями и бердышами. Въехав на монастырский двор, разбойники велели приказчику купить в кабаке вина и пьянствовали до ночи. Приказчика, старосту и сторожей «били и мучили», крестьян заперли по дворам. Ограбив с. Колщево, разбойники уехали. Затем, банда Старченка «разбила» вотчину Вздвиженского монастыря, с. Покотцкое. В последнем случае разбойники совершали откровенно садистские поступки: они топили печи и загоняли туда крестьян, жгли их огнем, «баб и девок» «ругали ругательски» (издевались и насиловали). Испуганные помещики и вотчинники бежали в Кострому, и разбойники за полтора месяца отогнали у монастырских крестьян 300 лошадей, не считая пограбленных пожитков.[44]

Следует отметить, что в начале XVIII в. законодатель допустил серьезную ошибку, которая крайне отрицательно сказалась на организации

---

[41] ПСЗ. Т. IV. № 1890; РГАДА. Ф. 371. Преображенский приказ, 1702 г. Д. 9. Л. 30—32; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VIII. Т. 15—16. С. 84—85.

[42] Доклады и приговоры. Т. I. С. 270.

[43] Там же.

[44] РГАДА. Ф. 237. Д. 3099; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VIII. Т. 15—16. С. 320.

борьбы с разбоями. Именным указом от 4 сентября 1707 г. повелевалось запретить подавать челобитья по делам о военнослужащих, их поместных и вотчинных делах всем, кто «живут в своих домах». Тех же, «кто на Москве побьет челом» по делам военнослужащих, приказывалось «высылать в армию под военный суд». Учитывая, что основная масса дворян-помещиков служила в это время в армии, от ответственности по уголовным и гражданским делам было освобождено значительное число дворян из семей военнослужащих и большинство их крепостных крестьян. Только через несколько месяцев по докладу Ближней канцелярии Петр I несколько скорректировал эту абсурдную процессуальную норму. Именным указом от 17 декабря 1707 г. было разрешено бить челом в местные и центральные государственные органы на военнослужащих «и на людей их и на крестьян», но только по особо опасным уголовным преступлениям: «в розбоях и татебных и в смертных убивствах».[45]

Эта непродуманная мера крайне негативно повлияла на противодействие преступности во внутренних областях Российского государства. В 1711 г. лейб-гвардии поручик С. Буженинов обратился к смоленскому губернатору П. С. Салтыкову с требованием освободить из-под следствия и ареста в приказной избе Вязьмы «людей и крестьян» его брата М. Буженинова, находившегося «на службе в армии». Испуганный этим требованием ближний боярин решил перенести ответственность на вышестоящий орган и донес в 1712 г. в Сенат, что люди и крестьяне Буженинова находятся под арестом по обвинению дворовых людей дьяков Н. Румянцева и А. Замыцкого «в убивственных и разбойных делах». Сенаторы тоже, видимо, опасались гнева царского приближенного и затребовали справки по всему законодательству о поместьях и вотчинах военнослужащих. Только получив текст именного указа от 17 декабря 1707 г., сенаторы повелели губернатору и ближнему боярину П. С. Салтыкову провести «розыск» о тех людях Бужениновых, «которые по тем делам приличились в смертных убийствах».[46]

Губернская реформа 1711 г. и борьба с разбоями.

В 1708—1711 гг. Петр I осуществил первую общегосударственную реформу. При ее проведении была выстроена властная вертикаль, отвечавшая за внутреннее положение в стране, в том числе за противодействие разбоям. Общая организация борьбы с разбоями была поручена высшему органу государственной власти — Сенату. На уровне вновь создаваемых губерний эти вопросы попали в компетенцию губернаторам и их помощникам обер-ландрихтерам, на уровне уездов — комендантам и ландратам.

Серьезные институциональные новации в поддержание правопорядка были внесены в Петербурге: согласно учениям европейских камералистов, столица должна подавать пример всему государству.[47] В 1710-х гг. царь и губернская канцелярия назначают в различные районы Петербурга на должности «надзирателей» за благочинием офицеров и царедворцев, в распоряжение которых поступали подьячие и воинские команды. Для под-

---

[45] Доклады и приговоры. Т. II. Кн. 1. С. 13—14.

[46] Там же. С. 13—14.

[47] *Андриевский И. Е.* Полицейское право. 2-е изд. СПб., 1874. Т. I. С. 56—60; *Сизиков М. И.* Полицейское законодательство. С. 608.

держания порядка в городе полицейские опирались на мирских выборных. Так, в 1716 г. были проведены перепись населения Адмиралтейского острова и выборы жителей (от десяти дворов — ефрейтора, от пятидесяти — капрала, от ста — сержанта) для несения караульной службы, тушения пожаров и т. д. Компетенция «надзирателей» за благочинием определялась в специальных инструкциях и включала надзор за противопожарными мерами, городским строительством и чистотой, пресечением незаконной торговли вином и табаком, драк и грабежей на улицах.[48]

Новации в поддержание правопорядка были внесены при создании Московской губернии. 23 января 1712 г. московским губернатором был назначен боярин М. Г. Ромодановский, вице-губернатором — В. Ершов. Борьба с разбоями на территории Москвы и губернии попала в ведение губернатора. Земский приказ стал структурным подразделением Московской губернской канцелярии. 6 марта 1711 г. приводной стол был вновь передан в Преображенский приказ, т.е. «розыскные дела» на территории Москвы оказались в ведении Ф. Ю. Ромодановского. Значение гарнизонных регулярных частей в поддержании правопорядка в столице не уменьшилось. 11 марта 1712 г. Сенат приговорил о прикомандировании к Московской губернской канцелярии «для караула и посылок в провожатых за рекрутами, за лошадьми и за всякими припасы» 500 солдат, «в том числе 100 человеком конным». С 1712 г. объезжие головы на Москве и в губернии переходят в подчинение Московской гарнизонной канцелярии.[49]

Именным указом от 21 января 1712 г. в Москве была ужесточена борьба с нищенством. Петр I «указал... нищим по миру на Москве мужеска и женска полу и робятам и старцам и старицам милостыни не просить и по мостам не сидеть, а быть им в богадельнах по прежнему». Нищих предписывалось «ловить и приводить в Монастырской приказ, а в Монастырском приказе, чиня наказанье, отсылать в богаделны и в монастыри». В случае побега из богадельни (т. е. рецидива), «тех ловя потому ж, в Монастырском приказе учиняя жестокое наказанье, отсылать в прежние места».[50]

Эти чрезвычайные меры объясняются ростом преступности в старой столице. В 1711 г. датский посланник Ю. Юль писал: «Разбойники представляют в Москве истинное бедствие. Выйти вечером на улицу — значит подвергнуть свою жизнь опасности. Зимою без уличных убийств и грабежей не проходит ни одной ночи. Утром на улицах находят трупы ограбленных. Возле (самого) моего подворья и в (ближайших) его окрестностях за время трехмесячного пребывания моего в Москве убито 16 человек, несмотря на то что я часто высылал стражу, чтоб подстеречь этих злодеев».[51]

В 1711 г. в Москве, «близко Яузы реки в ручье», нападению «воровских людей» подвергся переводчик Посольской канцелярии, будущий вице-канцлер А. И. Остерман. Несмотря на то что известного дипломата сопровождал

---

[48] *Агеева О. Г.* Чиновники-полицейские Петербурга 1711—1718 годов (до создания полиции) // Петровское время в лицах: Материалы научной конференции. 2004 г. СПб., 2004. С. 3—7.

[49] ПСЗ. Т. IV. № 1787, 2332, 2537, 2604; Доклады и приговоры. Т. II. Кн. 1. С. 37—38, 154.

[50] Доклады и приговоры. Т. II. Кн. 1. С. 37.

[51] Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. С. 238, 376.

офицер и несколько солдат, Остерман был жестоко избит и ограблен.[52] Свидетелем этого инцидента оказались Ю. Юль и его секретарь Р. Эребо. Последний писал, что 9 февраля 1711 г. «вечером Остерман... подбежал простоволосый к нашим воротам и стал в них стучаться... Придя в себя, он сказал, что бывший с ним барон Ф. фон Виллемовский, один из старших царских морских капитанов, остался (во власти) разбойников. Взяв с собой часть наших людей при оружии, я тотчас выбежал (на улицу)... Несчастного барона я нашел почти (совсем) раздетого в канаве стоящим на голове; нашел шпаги Виллемовского и Остермана и еще кое-что из их вещей. Возле Виллемовского лежало двое тяжелораненых, едва живых морских солдат... Несколько дней спустя (Виллемовский) умер в нашем доме от (полученных) ран». По замечанию Ю. Юля, при осмотре Виллемовского фельдшером выяснилось, что «он получил семь смертельных ран в голову». Хоронили его сам Петр I и морские офицеры.[53] Посетивший Москву в июле 1718 г. генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев горестно извещал царского секретаря А. В. Макарова: «Москва так состоит, как вертеп разбойничь, все пусто, только воров множитца, и беспрестанно казнят...»[54]

В новой столице страны — Петербурге — также достаточно быстро появилась профессиональная преступность, отчасти она была связана с московской. 7 ноября 1714 г. в съемную «фатеру» к сенатскому провиантскому подрядчику К. Дохторову пришли грабители. Они «изрубили топором и ножем изрезали» его служанку, «ларец... окованной разбили» и выкрали из него 2100 руб. денег. Дохтуров подал челобитную петербургскому коменданту, в которой высказал подозрение на плотника Г. Яковлева, занимавшего прежде этот двор. Петербургская полиция быстро его поймала и обнаружила у него поличное. Во время «розыска» «с пытки» вор «винился» в том, что «с ним... на воровстве в товарищах были» москвичи, и изъявил готовность опознать их. Под караулом Яковлев был отослан в Москву для поимки членов шайки. В Москве обнаружили его подельника — Ф. Иванова, у которого также изъяли поличное.[55]

Криминогенная обстановка в провинции была чрезвычайно острой, справиться с разбоями местные власти не могли, что усугублялось их коррумпированностью. В 1710-х гг. нередки были случаи, когда представители администрации вступали в прямой сговор с разбойниками. В 1711 г. в Преображенский приказ был доставлен «для допроса и очных ставок» бывший владимирский комендант А. Языков «по делу об отпуске им из тюрьмы, за взятки, воров и убийц». В 1713 г. по фискальскому доносу под следствие попал комендант Пронска Л. Савинов, обвинявшийся в том, что в 1711 г., «призвав к себе, принял города Скопина волостных дворцовых беглых крестьян и беглых салдат и рекрут и побрал на них жилые записи на свое и сына своего... имена и держит в Пронском же уезде в своих вотчинах». В столичном Петербурге в 1714 г. от должности «надзирателя» за благо-

---

[52] Явочное челобитье А. И. Остермана 1711 г. // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. № 3. С. 303.

[53] Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. С. 237, 238, 376.

[54] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 38. Л. 83; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VIII. Т. 15—16. С. 495.

[55] Доклады и приговоры. СПб., 1891. Т. IV. Кн. 2. С. 1230; т. V. Кн. 2. С. 588—589.

чинием был отставлен капитан К. Драгневич, который ведал надсмотром за незаконной продажей вина и табака и был уличен в неправомерном отпуске на свободу пойманных преступников.[56]

В 1713 г. в Преображенском приказе велось следствие об укрывательстве от службы и о «воровстве» дворян П. и С. Уколовых. На «розыске» дворяне «во многих воровствах винились», но награбленного не выдали. В январе 1714 г. в Сенат поступило фискальское доношение. В нем сообщалось, что награбленное Уколовыми скрывает в своей вотчине в Брянском уезде их зять И. О. Безобразов, состоящий фискалом Киевской губернии. 25 января 1714 г. для выемки «воровских животов» в вотчину Безобразова из Сената был послан подьячий с двумя солдатами. Вернувшись, подьячий докладывал, что при понятых осмотрел и переписал во дворе Безобразова «воровские пожитки».[57]

В этих условиях единственной надеждой обывателей была высшая власть. 28 февраля 1710 г. с коллективным челобитьем к Петру I обратились «клинские, волоцкие и можайские помещики и вотчинники». Они писали, что в 1709 и 1710 гг. в Подмосковье от «беглых солдат и драгун и корел» умножились разбои: «...приезжают разбойники многолюдством со всяким боевым ружьем в домы их, в села и деревни, и разбивают и пожигают многия села и деревни днем и ночью, и побивают многих людей до смерти, и животы их и людей их и крестьян берут без остатка, и баб и девок увозят с собою для ругательства, и лошадей берут, а достальных лошадей и скотину побивают до смерти и хлеб из житниц на улицу высыпают для разорения».

Эти заявления имели совершенно определенную основу. 17 февраля 1710 г., «днем», приехали в с. Мясищево Старицкого у. «воры и разбойники». Они сожгли усадьбу стольника В. М. Изъединова; его тетку «жгли огнем и мучили»; пять крестьян убили; дворовых, крестьян, «баб и девок били смертным боем и кололи рогатинами»; взяли с собой часть крестьян и все пограбленные пожитки. В июле 1710 г. банда разбойников совершила нападение на с. Обувково Старицкого у. Захватив четырех крестьян, работавших в поле, разбойники переломали им руки и ноги, а затем, привязав к дереву, расстреляли троих из фузей, а четвертого оставили умирать в поле. В декабре 1710 г. «воры пришли многолюдством» в дер. Заболотье Клинского у. Владелец Заболотья поручик С. А. Спиридонов писал в Сенат, что разбойники «трех человек крестьян и одну крестьянку жгли и мучили... а крестьянские пожитки побрали без остатку».[58]

В ответ на челобитье помещиков и вотчинников Подмосковья из Приказа земских дел 30 ноября 1710 г. в Клин, на Волок-Ламский и в Можайск был послан полковник Ф. Ю. Козин с воинской командой в 90 солдат. Следует отметить, что вопрос о материальном обеспечении солдат не был продуман. В мае 1711 г. выяснилось, что они с марта 1710 г. не получали жалованья. По доношению самого «сыщика», к июню 1711 г. из 90 солдат его

---

[56] Там же. Т. I. С. 215; СПб., 1888. Т. III. Кн. 2. С. 672; *Агеева О. Г.* Чиновники-полицейские Петербурга... С. 6.

[57] Доклады и приговоры. Т. IV. Кн. 1. С. 56, 64—65, 154—155.

[58] ПСЗ. Т. IV. № 2310; Доклады и приговоры. Т. I. С. 75—76, 382—383.

команды 21 человек «бежал с голоду». Только 5 июня 1711 г. сенаторы распорядились выдать им жалованье из средств московского гарнизона.[59]

Полномочия «сыщика» определялись наказом Земского приказа. В соответствии с ним он должен был исполнять свои обязанности «по указу великого государя и по Уложенью и по грацким законам». Ему поручалось провести «розыск» об уже пойманных разбойниках и собрать «сказки» у жителей уезда с целью выявить «становища воровских людей». Узнав о «воровском стане», полковник должен был «приходить тайно» и над разбойниками «всякий промысел чинить». Имущество пойманных разбойников повелевалось переписать и опечатать, а о них самих проводить «розыски» с применением пытки. Полковник получал право «казнить смертью» убийц, а о других ворах и разбойниках писать в Земский приказ. Территория деятельности «сыщика» включала всю Московскую губернию, и только о разбойниках, живших в других губерниях, он должен был писать местным властям.[60]

С 1711 г. координацию борьбы с разбоями взял на себя Сенат.[61] По приговору сенаторов от 14 мая 1711 г. для помощи полковнику Ф. Козину на Волок-Ламский, в Клин и Можайск был послан капитан А. Македонский с драгунами. По Переяславской дороге борьбу с разбоями должен был вести поручик Т. Геев (Деев) с драгунами. Оружие для своих воинских команд офицеры должны были получить в Военном приказе, лошадей — в Монастырском. Сенат подтвердил полномочие «сыщиков» не только захватывать разбойников, но и проводить о них «розыски» с применением пыток и казнить убийц в соответствии с Уложением 1649 г.

Вскоре Деев доносил в Сенат о своих успехах. 2 июня в лесах Ростовского у. он нашел «воровской стан». Во время боя с разбойниками был убит драгун князь Ф. Кудашев, два разбойника ранены и двое захвачены в плен. Плененными «ворами» оказались Иван Семенов Воробей и Степанида Максимова. На пытке они показали, что их сыновья, родственники и односельчане уже давно прячутся по лесам, «ездят и розбивают в разные места», а сами они занимаются перепродажей краденого в Переяславле-Залесском, Рязани «и в иных местах». Максимова донесла, что «сын ея Данило и Тимофей Никитин делали медныя деньги». В следующие дни в лесах удалось поймать еще 13 крестьян-разбойников (в том числе 7 женщин). При допросе А. Федорова выяснилось, что он и «отец его с молода воровал». Мария Дмитриева на допросе помимо фактов участия односельчан в разбоях подтвердила, что «Данило-де Меркурьев и Тимофей Микитин делали в домах своих медные деньги». Поручик переписал имущество разбойников, отправил 11 из пойманных (в том числе 3 женщины) под караулом в Переяславль и продолжил сыск разбойников.[62]

Однако действия «сыщика» вызвали недовольство администрации «Дома святейшего патриарха». Патриарший стряпчий Л. Владыкин писал в Сенат, что крестьяне разоряются из-за содержания 60 драгунов, поручик

---

[59] Доклады и приговоры. Т. I. С. 130, 222.
[60] ПСЗ. Т. V. № 2310, 2373, 2403; Доклады и приговоры. Т. I. С. 76—79.
[61] ПСЗ. Т. V. № 2439.
[62] Доклады и приговоры. Т. I. С. 79, 134—136.

Т. Деев (Геев) ведет розыски по делам «прошлых лет» и взял многих бурмистров и старост «под караул». В результате «учинилась многая пустота, а в сборе податей остановка». Сенаторы приговором от 17 июля 1711 г. потребовали от Деева «из патриаршей... волости выехать вон»; самому розысков не вести, а пойманных разбойников отсылать к ростовскому коменданту.[63]

Действия воинских команд имели относительный успех: бóльшая часть разбойников просто перешла в другие части Московской губернии. Чрезвычайно опасна из-за нападений разбойников стала Новгородская дорога на Москву. По сведениям Сената, «по той дороге являютца воровские люди и проезжим чинят грабеж и убийства». Для искоренения разбойников сенаторы 22 мая 1712 г. приговорили послать до Твери и Торжка из московского гарнизона 100 конных солдат с капитаном и писать к петербургскому губернатору А. Д. Меншикову, «чтобы из Новагорода для поимки таковых же воров послать 100 или 200 человек по разным дорогам».[64]

В 1713 г. подполковник лейб-гвардии Преображенского полка и генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков сообщал в Сенат о нападениях в 1712 и 1713 гг. разбойников на его вотчину в Можайском у. В 1712 г. разбойники пришли в с. Никольское: «дом его разбили и собранныя с крестьян на многие государевы подати, также и оброчные деньги разбоем взяли, в том его доме прикащика Никифора Давыдова разбили ж, животы его, деньги и платье все без остатка взяли ж и многих крестьян... побили до смерти и переранили, и деревни жгли». В мае и июне 1713 г. более 100 разбойников вновь пришли в его вотчину, «учинили на пустошах станы, и в тех волостях многих крестьян разбивают, и деревни и людей жгут и побивают до смерти». По челобитью Долгорукова в Сенате 15 июня и 6 июля 1713 г. приговорили: по Можайской дороге послать майора Д. Бибикова и с ним 60 человек драгун «для истребления воров».[65]

Прибыв на место, Бибиков выяснил, что разбойники «били и огнем жгли» приказчика, земского дьячка и трех крестьян, «да трех человек крестьян убили до смерти». Банда разорила имение Голицына, захватила «оброчных и прикащиковых и земскаго дьячка и крестьянских денег, и что платья и всякой рухляди и жемчугу взято по цене 3971 руб. 10 алт. 4 ден.». Затем разбойники ушли в дер. Лапшину, вотчину Е. Усова, где разделили награбленное и обобрали местных крестьян. «Сыщику» удалось захватить только одного разбойника П. Ромашенко и часть награбленного на 627 руб. Сенат 30 сентября 1713 г. повелел Бибикову с захваченным разбойником, розыскным делом «и со всяким взятым разбойничим скарбом» прибыть в Москву, а в Можайском уезде остаться капитану П. Аксакову с 62 драгунами для «сыска воров и разбойников».[66]

Разбои умножились и в Петербургской губернии. Об этом губернатору князю А. Д. Меншикову сообщали коменданты Тверского, Белозерского, Пошехонского, Старорусского уездов и Устюжны-Железопольской. В част-

---

[63] Там же. С. 178—179.

[64] Там же. С. 316.

[65] Там же. 1887. Т. III. Кн. 1. С. 413—414; 1888. Т. III. Кн. 2. С. 467.

[66] Там же. 1888. Т. III. Кн. 2. С. 803—804; РГАДА. Ф. 248. Кн. 26. Л. 1007—1010 об.; кн. 64. Л. 1120—1180.

ности, тверской комендант И. Кокошкин доносил: «...хвалятся-де разбойники прийти в Тверь, ради разорения...» 14 апреля и 10 июня 1711 г. Меншиков писал в Сенат, что из-за разбоев в Ярославской провинции в денежных и иных сборах, в наборах рекрутов «великая чинится остановка». 25 июня 1711 г. сенаторы приговорили для борьбы с разбоями ярославскому обер-коменданту набрать в местный гарнизон «даточных» служилых людей. Уже 28 июня обер-коменданту удалось набрать «с тверскаго архиерейского дома и из детей боярских» 50 человек в драгуны. По приговору Сената оружие они должны были получить в Твери, порох и свинец — из Москвы, из Артиллерийского приказа. Ярославскому обер-коменданту удалось достичь некоторых успехов в борьбе с «ворами»: он захватил фальшивомонетчиков с их инструментами для изготовления серебряных денег и отослал для «розыска» на Денежный двор.[67]

Наспех набранная команда ни по численности, ни по обученности, ни по вооружению не смогла противостоять всей массе разбойников. Положение вскоре усугубилось. В июле 1711 г. в районе г. Клин произошло чрезвычайное событие: из Москвы в Петербург следовала партия рекрутов с провожатыми и полковником А. Л. Грузинцевым, но из нее сначала бежало 65 человек, а затем, в лесу, оставшиеся 75 рекрутов «учинили бунт, вынув ножи», и разбежались вместе с частью сопровождавших их солдат. Полковнику все же удалось захватить одного из беглых, и тот в допросе показал, что у рекрутов был «заговор» и действовали они по строго обдуманному плану. В результате в Ярославской провинции появилось еще около 150 беглых солдат и рекрутов, вооруженных огнестрельным и холодным оружием.[68]

В мае 1712 г. ярославский обер-комендант сообщал в Сенат, что «в Тверском уезде ходят великия воровския станицы разбойников, человек по сто и больше, с ружьем, и села и деревни разоряют без остатка, и дворян и крестьян жгут и мучат и убивают до смерти, и город Тверь хвалятся разорить и разграбить». Попытки местных дворян дать отпор разбойникам заканчивались для них печально: «дворянина Бежецкого Верху Василия Шектицкого с сыном воры убили, груди у них вспороли, сала вырезали и дом его разорили». В 1712 г. «воры и разбойники... человек с 90 и больши» днем напали на усадьбу помещика Ф. Огарева в с. Воеводино Старицкого у., «пограбили... деньги и пожитки», «да в тех же числах убили полковника Казина да капитана Новокщенова». Ярославский обер-комендант и тверской комендант с разбойниками справиться не могли, «потому что в Твери присланных служилых людей нет, а тверские стрельцы посланы провожатыми за рекрутами», в Ярославле же осталось только 108 солдат, которые «частию в посылке в С.-Петербург с денежною казною и рекрутами, а остальные в Ярославле на караулах». Получив это шокирующее доношение, сенаторы приговорили послать в Тверь и Торжок «салдат 500 человек и с ними камандира из полуполковников или из маеоров, человека добра с афицеры» для искоренения разбоев.[69]

---

[67] Доклады и приговоры. Т. I. С. 156—157, 166, 181.
[68] Там же. С. 323.
[69] Там же. Т. II. Кн. 2. С. 306—307; т. IV. Кн. 2. С. 790.

Разбои происходили и в Рижской губернии. Датчанин Р. Эребо, проживавший в 1712 г. с дипломатическим поручением в Прибалтике, писал: «В Риге я подвергался также большой опасности, (когда ходил) вечером по улицам, ибо там множество разбойников; впрочем, слава Богу, я ни разу не подвергся их нападению, хотя грабили они людей всякий вечер и даже однажды три раза кряду на моих глазах обобрали одного человека, прежде чем он успел вернуться домой, пройдя несколько улиц».[70]

Крайне неблагоприятная криминогенная ситуация сложилась в Смоленской губернии. В августе 1711 г. из Москвы в Смоленск на встречу с Петром I выехал вице-губернатор В. С. Ершов. Отправляясь на встречу, управитель Москвы заранее извинялся за возможное опоздание и писал, что ему могут помешать «большие разбойническия артели... которыя ныне около Вязмы и повсюду зело тяжки суть».[71] Видимо, в связи с этой очевидной угрозой состоялся указ Сената о борьбе с разбоями. Разбойников предписывалось вешать без суда в тех местах, где их ловили. Для поимки беглых рекрутов, увеличивавших число разбойников, повелевалось сделать заставы от Москвы до Смоленска.[72] В 1714 г. в Сенате вновь обсуждали проблемы Смоленской губернии. По данным сенаторов, «в Смоленском и в других уездах, вблизи около польскаго рубежа, живут и не служат крестьяне отдаточные в рекруты и кроющиеся от службы разных чинов люди, беглые ж и гулящие и отставные и поповы и причетниковы дети». Для их «сыска» по приговору Сената от 30 июня 1714 г. был послан специальный офицер с воинской командой.[73]

Государственная реформа 1720-х гг. и противодействие разбоям.

В 1717—1722 гг. была проведена новая государственная реформа, которая привела к учреждению коллегий и серьезным новациям в местном управлении. Координация противодействию преступности осталась функцией Сената на уровне высшей власти, губернаторов и провинциальных воевод — в провинции. В столицах были учреждены специализированные полицейские органы. В 1718 г. в С.-Петербурге была создана Главная полицмейстерская канцелярия, государственный орган, подчиненный непосредственно монарху и Сенату. В 1722 г. Петр I учредил регулярную полицию в Москве во главе с обер-полицмейстером, подчиненным петербургскому генерал-полицмейстеру. Помимо регулярных полицейских чинов в Петербурге и в Москве к несению полицейской службы было привлечено местное население.[74]

За общественный порядок в губерниях и провинциях ответственность несли губернаторы и провинциальные воеводы. В «Инструкции или наказе воеводам» 1719 г. предписывалось: «...попечение иметь, чтоб земская полиция царского величества правость и высокость ни в чем от подданных,

---

[70] Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. С. 384.

[71] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 13. Л. 516 об.; *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. СПб., 1897. С. 113.

[72] ПСЗ. Т. IV. № 2373, 2374.

[73] Доклады и приговоры. Т. V. Кн. 1. С. 167.

[74] *Сизиков М. И.* Полицейское законодательство. С. 609—632.

ниже от посторонних не была нарушена» (ст. 12), «чтоб никому насилия и грабежа чинено не было, а воровство б и всякие разбои и преступления весьма б были прекращены и по достоинству наказаны» (ст. 13).[75] Поддержание общественного порядка в городах возлагалось на магистраты, избиравшиеся купцами и посадскими людьми. Административную власть в уезде (дистрикте) осуществляли земские комиссары, к их обязанностям относились поимка беглых и противодействие разбойникам. Суд над разбойниками входил в юрисдикцию Юстиц-коллегии и надворных судов.

Реформа государственного аппарата не привела к серьезному улучшению криминогенной ситуации в России. Даже учреждение полиции не привело к искоренению разбоев в столицах. Полицмейстерская канцелярия доносила Сенату, что после реорганизации в городе стало безопаснее, однако «татьбы, грабежи и драки бывают, не только ночью, но и днем».[76] Голландский резидент писал об опасности из-за воровства и разбоев жизни в Петербурге. По его сведениям, только в конце 1722 г. за один день в новой столице России были публично казнены 24 разбойника: их вешали, колесовали, подцепляли на крюк за ребра. Но жестокие казни не прекращали зла.[77]

Еще напряженнее положение было в провинции. В 1719 г. в Юстиц-коллегию поступили ведомости о разбойниках из Новгородского, Можайского и Мещевского уездов. В этих местах шайки объединяли до 100—200 человек. Разбойники скакали по уездам на конях, хорошо вооруженные, и действовали «регулярным порядком». Эти банды не только нападали в дневное время на многолюдные деревни, но и ограбили крупный Георгиевский монастырь близ Мещевска. Затем разбойники ворвались в сам Мещевск, напали на тюрьму и выпустили из нее пойманных своих товарищей.[78]

В Орловской провинции шайка разбойников, вероятно из беглых солдат, создала для себя целую базу, устроенную по образцу военного укрепленного лагеря. Захваченный очевидец на допросе показал, что «в Лихвинском уезде близь большой московской дороги, верстах в восьми от села, в лесу... живут воры и разбойники Г. И. Сиротка с товарищи, 101 человек, с ружьем, в драгунском мундире... Построен у них двор, огорожен забором. И на том дворе две избы... одна рубленая наружи, а другая земляная. А на том их воровском дворе имеется караул в день и в ночь у земляной избы, в которой он, Сиротка, живет: у дверей по два, да у ворот по три человека с фузеи и шпаги... А ездят оные разбойники разбивать от помянутой московской дороги в дальния места».[79]

Для противодействия разбоям законодатель обратился к оправдавшему уже себя средству — армии. Одним из важнейших законодательных актов провинциальной реформы стала Инструкция полевых и гарнизонных команд офицеров от 24 декабря 1719 г., по сути являвшаяся своеобразным кодексом по делам о беглых, ворах и разбойниках.[80] Согласно инструкции, воинские команды направлялись в провинции для поимки беглых и искоренения

---

[75] Законодательство Петра I. М., 1997. С. 431.
[76] *Сизиков М. И.* Полицейское законодательство. С. 611.
[77] *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. IX. Т. 17—18. С. 476.
[78] ПСЗ. Т. V. № 3415.
[79] Цит. по: *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого... С. 95.
[80] ПСЗ. Т. V. № 3476.

разбоев. Сами сыщики предостерегались от злоупотреблений своими полномочиями: командиру следовало поступать «как честным и добрым офицерам надлежит... и над командою своею накрепко смотреть и ни до каких своевольств не допускать». Перед отправкой приносилась присяга о том, что офицеры и солдаты будут «поступать истиною, никому не маня и не посягая ни для чего, и никаких излишностей... не употреблять».

Размещение команд, их продовольственное и фуражное снабжение были обязанностью губернаторов и воевод. Прибыв в назначенную провинцию, командир должен был «публиковать везде... е.ц.в. печатный указ» (инструкцию) и начинать сыск беглых воров и разбойников, а также их укрывателей. В этом ему должны были помогать государственные власти и все жители провинции. Если же выяснится, что кто-либо из них укрывал беглых и помогал разбойникам, следовало брать его «под караул» и вести «розыск». Если среди укрывателей был священник, следовало требовать лишения его священства, а затем также брать под караул и «розыскивать как простым».

Воинская команда проводила «сыск и поимку» беглых рекрутов, драгун, солдат и матросов. После поимки о них проводился «розыск» с целью выяснить, не участвовал ли кто-либо из них в разбоях. Если выяснялось, что беглый был «на разбоях, тех колесовать (понеже такие сугубо зло учинили... учиненную пред Богом присягу преступили, е.ц.в. неверными и всему государству злодеями учинились)», прочим беглым наказание назначалось «по Воинскому артикулу». Если беглые рекруты и солдаты являлись к «сыщикам» сами, их следовало «без наказания отправлять за провожатыми в Военную коллегию». Команде также предоставлялось право задерживать проезжих без паспортов и выяснять их личности.

Главной обязанностью воинской команды было выявление и уничтожение «многолюдных и вооруженных станиц» разбойников. Сведения о разбойничьих станицах команда получала от местных жителей, за особо ценные сведения им даже давалось «награждение из... пожитков» пойманных воров (по 5 руб. за человека). Обнаружив разбойничью станицу, команда должна была вступить с ней в бой. Если собственных сил не хватало, следовало «к своей команде брать тутошних помещиков и людей их, також прикащиков, старост и крестьян с огненным и студеным всяким ружьем». Причем во время боя следовало «домогаться их, воров, живых получить, а особливо воровских атаманов».

Командир воинской команды обладал правом проведения следствия и суда над пойманными разбойниками и их укрывателями. Но осуществлял эти действия он только совместно с комиссаром, представленным от местных властей. Пойманных разбойников следовало «разыскивать и спрашивать, где на разбоях были, и что где разбоем взяли, и какия смертныя убивства и мучения чинили, а паче допытываться о том, у кого пристают, кому воровские пожитки продают или отдают, с кем знаются, и не ведают ли других воровских станиц». Оговоренные брались под караул и также попадали под «розыск».

По окончании «розыска» разбойникам, «становщикам и прочим, кто тому прилучится», выносился приговор в соответствии с Артикулом воинским 1715 г. Офицер имел право «вящших воров и разбойников, а особли-

во тех, кои чинили смертныя убивства и мучения, вешать за ребра». Укрывателей разбойников также ждала смертная казнь: укрывателя-помещика следовало повесить, приказчиков, старост и выборных — «колесовать». В случае, если приказчик или староста не знал, что их крестьяне укрывали разбойников, их все равно ждало наказание: «бить кнутом без всякия пощады». Судебно-следственные действия воинских команд фиксировались письменно: «Всему, что ни будет чиниться, иметь журнал или поденную обстоятельную записку и о всем к своим вышним рапортовать, також и к тутошнему правлению сообщать». Конфискованные воровские пожитки должны были описываться и находиться под охраной у воинской команды «до указа».

Наиболее известной из воинских команд, противодействовавших разбоям, стала Канцелярия розыскных дел ротмистра Е. В. Реткина, образованная зимой 1720/21 г. Делопроизводство канцелярии вели подьячие, предоставлявшиеся провинциальными властями. При канцелярии состояла воинская команда, которая в необходимых случаях пополнялась солдатами из расквартированных в провинции полков. Так, при подавлении волнений в Тамбовской вотчине генерал-майора У. А. Синявина в 1728 г. в дополнение к 14 драгунам Канцелярии было придано две драгунские роты Нижегородского и Псковского полков. Дислокация Канцелярии постоянно менялась в связи с обнаружением и уничтожением разбойничьих «станов». Первоначально она действовала в Петербургской и Московской губерниях (в 1721 г. — в Старице, в 1722 г. — в Вышнем Волочке, в 1723 г. — в Тульской провинции), во второй половине 1720-х гг. — в Белгородской и Воронежской губерниях.

Канцелярия действовала достаточно эффективно. В 1722 г. сенаторы констатировали, что в Подмосковье умножились «великие разбои», и запросили у вице-губернатора И. Л. Воейкова отчета о мерах, которые он применяет к их искоренению. Воейков отвечал, что по Можайской и другим дорогам для искоренения «воров и разбойников» посланы воинские команды, но во многие места послать некого, так как имеющиеся в наличии драгуны стары, дряхлы и лошадей не имеют.[81] Но уже в 1724 г. граф А. А. Матвеев писал А. В. Макарову: «Здесь все состоит благополучно, и хотя я при многотрудных делах здешних и непрестанных хлопотах обращаюсь, однако ж и дороги здешние от воров и разбойников неоплошно очищаю, из которых в малое время число многое поймано и скорые экзекуции им уже учинены без продолжения времени по местам тех же дорог. И в недавних числах разбойничий атаман прозванием Карпаш пойман, а нигде не пытан, который по Можайке, на Татарке и по иным разным дорогам много лет уже разбивал, но которому надеюся и до большего впредь их компании того сонмища добраться».[82]

Борьба с разбоями в ведомстве Уральских горных заводов велась под контролем горного командира генерал-майора В. Генина и была достаточно эффективной. В 1722 г. девять беглых солдат-разбойников убили

---

[81] *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. IX. Т. 17—18. С. 476.

[82] РГАДА. Р. IX (Кабинет Петра I). Отд. II. Кн. 67. Л. 611—619; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. IX. Т. 17—18. С. 457.

в Верхотурском у. тобольского дворянина М. Маслова с женой «и пожитки их разграбили». В том же году разбойников удалось поймать: четырех на заводах Демидовых, а пятерых — в Белослудской слободе.[83] В 1724 г. на Егошихинском заводе были пойманы три разбойника из большой банды. Эта банда «ходила вниз по Каме-реке и разбивали струга с хлебными припасами, крестьян в домех грабили и жгли на огне, також господ баронов Строгановых белевского приказчика убили, и груд, и сало из нутра вынели». Разбойники были пойманы во время осуществления дерзкого плана: ограбить Егошихинский завод, а его управителей «и караульщиков прибить». Уже в апреле 1725 г. они были «колесованы... на Егошихинском заводе».[84] Другая часть этой банды была позднее поймана на заводе Демидовых.[85]

Опыт противодействия разбойникам в провинции со стороны чрезвычайных судебно-следственных органов был признан эффективным. Именным указом от 26 июня 1724 г. на драгунские и солдатские полки, размещенные в провинции, на постоянной основе возлагались задачи поддержания общественного порядка. В частности, полковнику и офицерам предписывалось «смотреть и проведывать накрепко того, чтоб... разбойников не было, а где явятся, тех ловить и отсылать в указные места».[86]

Воинские команды суд над пойманными разбойниками осуществляли на основании «Краткого изображения процессов или судебных тяжб». На Урале «розыски» о разбойниках проводились военными «кригсрехтами». В 1723 г. со строительства Екатеринбурга бежали солдаты пехотного полка, посланные для строительства завода из Тобольска. О пойманных солдатах вел следствие военный «кригсрехт» под председательством майора И. Брикхаузена. Во время следствия выяснилось, что один из беглых участвовал в разбоях: солдат Ф. Жеравцев, подговоривший четырех однополчан бежать «на разбой» в Нижний Новгород, оказался «старым вором» — грабителем и убийцей. На основании п. 95 гл. XII Артикула воинского «кригсрехт» приговорил к смерти через повешение 13 беглых солдат (двум из них «для тезоименитства ея величества» приговоры были смягчены), девять беглых были «биты кнутом», у них вырезали ноздри и сослали на галеры; 21 беглого «гоняли шпицрутенами через полк» по нескольку раз.[87]

Понятие «разбой» в законодательстве XVI—начала XVIII в. было чрезвычайно широким и покрывало целый ряд составов преступлений в современном уголовном праве — грабеж, нанесение телесных повреждений, убийство, бандитизм и т.д. Эти опасные уголовные преступления были общенациональным бедствием в царствование Петра Великого. Их причины коренились и в процессе урбанизации, порождающем городскую бедноту и преступность, и в борьбе за землю в сельской местности, и в крепостном

---

[83] РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1685. Л. 5 об.

[84] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 74. Л. 49.

[85] *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. № 50. С. 228, 427.

[86] Законодательство Петра I. С. 664.

[87] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21а. Л. 147—271.

праве. Разбойничьи шайки были хорошо вооружены, организация основывалась на нормах воинской дисциплины. Их организаторами обычно были дворяне или дезертиры с военной службы.

Координацию борьбы с разбоями в начале XVIII в. осуществлял на уровне высшей власти Сенат, на местах — губернаторы, провинциальные воеводы, коменданты и земские комиссары. Параллельно формируются военизированные органы, специализировавшиеся на поддержании правопорядка. Первоначально посылка воинских команд для пресечения разбоев носила чрезвычайный характер. В 1720-х гг. в столицах учреждаются постоянные полицейские органы, а противодействие разбоям в провинции поручается гарнизонным воинским частям. Именно по этому пути противодействия разбоям пошли преемники Петра Великого.

С. В. Черников

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА ЭПОХИ РЕФОРМ ПЕТРА ВЕЛИКОГО: СОСТАВ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Несмотря на то что эпоха правления Петра I до сих пор остается в историографии одним из самых востребованных периодов, специальных работ, раскрывающих состав петровской элиты, сравнительно немного. Среди них следует особо отметить исследования Дж. ЛеДонна (о родственных связях внутри правящей верхушки страны),[1] Р. Крамми (о ближайшем окружении реформатора в 1689—1700 гг.), П. Бушковича и Е. В. Анисимова.[2] Более позднему времени посвящены труды Б. Михан-Уотерс (о «генералитете» 1730 г.)[3] и С. М. Троицкого (о составе чиновничества середины 1750-х гг.).[4]

Основной целью нашей работы является анализ персонального состава и социальной структуры российской элиты первой четверти XVIII в. — времени реформ Петра Великого, периода модернизации, затронувшей в той или иной степени все стороны общественной жизни страны.

Идеологическим обоснованием реформы правящей верхушки России стал новый, светский, рационалистический образ власти, базирующийся на принципе ее полезности для «общего блага» и заботы о подданных. С этой точки зрения отношения между монархом и элитой должны были основы-

---

[1] *LeDonne J.* 1) Ruling Families in the Russian Political Order, 1689—1825 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1987. Vol. 28. N 3—4. P. 233—322; 2) The Evolution of the Governor's Office, 1727—1764 // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol. 12. N 1. P. 86—115; 3) Appointments to the Russian Senate, 1762—1796 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1975. Vol. 16. N 1. P. 27—56.

[2] *Crummey R.* Peter and the Boyar Aristocracy, 1689—1700 // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. N 2. P. 274—287; см. также: *Bushkovitch P.* Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725. Cambridge, 2001; *Анисимов Е. В.* Верхи русского общества начала Петровской эпохи // Правящая элита Русского государства IX—начала XVIII в. (очерки истории). СПб., 2006. С. 470—497.

[3] *Meehan-Waters B.* 1) Autocracy and aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick; New Jersey, 1982; 2) Social and career characteristics of the administrative elite, 1689—1761 // Russian officialdom: the bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century. Chapel Hill, 1980. P. 76—105; 3) The Russian Aristocracy and the Reforms of Peter the Great // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. N 2. P. 288—302.

[4] *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. — См. также недавно опубликованную работу: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века (эволюция бюрократической системы). М., 2007.

© С. В. Черников, 2007

ваться не на наследственном праве или личном договоре, а на обязанности служить высшей ценности — интересам государства. Принцип «годности», по мнению Петра I, являлся всеобъемлющим и распространялся как на дворянство, так и на самого императора.[5]

Попытка перехода от традиционной организации управления к «регулярному» государству изменила состав российской элиты и ее властный статус. Однако предпосылки данного процесса были заложены еще в предшествующий период. Это можно проследить на примере эволюции Боярской думы и государева двора XVII в.

В Боярскую думу, выполнявшую функции законосовещательного органа власти при государе, входили представители высшего слоя российского служилого класса. Таким образом, определение думных людей как правящей элиты страны[6] (по крайней мере до последней четверти XVII столетия) вполне правомерно. В царствование Михаила Федоровича новые назначения в Боярскую думу осуществлялись в первую очередь для восполнения естественной убыли думных людей, а общая их численность находилась на среднем уровне в 35 человек. При царе Алексее Михайловиче кадровая политика в отношении московской элиты изменяется и начинается постепенное расширение Боярской думы (с 1655 г. — до 70 и более лиц). В последней четверти XVII в. этот процесс становится еще более стремительным: при Федоре Алексеевиче Дума выросла до 100 человек, при Софье — до 150, а в начале царствования Петра I — до 165 человек. Максимум был достигнут в 1691 г. — 168 думных людей. Самые масштабные раздачи чинов происходили в год восшествия на престол каждого нового государя. В 1676 г. думными людьми стали 30 человек, в 1682 г. — 44, в 1689 г. — 19. При Петре I с 1694 г. пожалования в Думу практически прекращаются (в 1695 г. — 1 человек, в 1696 г. — 2, в 1701 г. — 1, в 1710 г. — 3, в 1711 — 2, в 1712 — 4 человека). Результатом этой политики было неуклонное уменьшение состава Думы в 1691—1713 гг. Численность думных людей за указанный период упала со 168 до 40 человек.[7]

Наряду с расширением Боярской думы в течение XVII в. произошли качественные перемены в ее составе. В правление Алексея Михайловича в Думу начинают проникать представители новых незнатных фамилий. Во второй половине XVII века они преобладали в двух нижних думных чинах, а в 70-х—начале 80-х гг. доля «новых людей» достигла половины от общего состава Думы. В 60—70-х гг. неродословные служилые люди стали попадать в чины боярина и окольничего. При Федоре, Софье и Петре этот процесс активизировался. Однако даже в данный период они не смогли оттеснить от власти родовитую аристократию.[8] Исследования Р. Крамми, А. П. Павлова,

---

[5] *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. I. С. 97, 119.

[6] *Crummey R.* Aristocrats and Servitors: the Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton, 1983. P. 12—33.

[7] *Poe M.* The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki, 2004. Vol. 2. P. 42, 50, 52; см. также: *Crummey R.* Aristocrats... P. 22—24.

[8] *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 160—161, 166—167, 173, 174—181; *Седов П. В.* Социально-политическая борьба в России в 70—80-х годах XVII века и отмена местничества: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 7; *Кошелева О. Е.* Боярство в на-

И. Ю. Айрапетян, О. Е. Кошелевой, П. В. Седова, М. По[9] не подтверждают распространенного в историографии со времен В. О. Ключевского тезиса об упадке боярства и его «растворении в служилой дворянской массе».[10]

Необходимо подчеркнуть, что все вышеперечисленные изменения в составе российской элиты отражали характер эволюции государева двора в целом.

В конце XVI столетия двор насчитывал без членов Боярской думы и дьяков около 1100 человек. К 1626 г. численность этих чинов увеличилась втрое — до 3400 человек. В 1630 г. общее число членов государева двора достигло почти 4000. В 1642—1643 гг. за счет вывода (в начале 1630-х гг.) из состава государева двора патриарших стольников и выборных дворян общая его численность снизилась до 3200 лиц, а к середине века двор насчитывал около 3900 членов. Таким образом, за вторую четверть XVII столетия государев двор увеличился незначительно.[11]

Активное расширение двора начинается с середины 1670-х гг., а резкий скачок в этом процессе произошел только в 1680-х гг. В 1676 г. высшие московские чины (без жильцов) насчитывали 3179 человек (623 стольника и комнатных стольников, 1020 стряпчих, 1536 дворян московских), а в 1681 г. — 4204 лица (1074 стольника и комнатных стольников, 709 стряпчих, 2421 дворянин московский). Вместе с жильцами двор 1681 г. включал в себя более 7000 членов. Рост двора продолжился и впоследствии. В частности, число стольников в конце XVII столетия достигло 2500 человек.[12] В период реформ Петра количество лиц, носивших «старые чины», постепенно снижается. Так, в «росписке», данной стольнику С. А. Колычеву для смотра 1720 г., числилось 3985 лиц «московского чина» (920 стольников, 564 стряпчих, 503 московских дворянина, 1998 жильцов).[13]

В течение всего XVII столетия происходило постепенное снижение удельного веса представителей знатных фамилий в составе государева двора. В конце XVI—начале XVII в. практически все бояре и окольничие, 91 % стольников, 76 % дворян московских и около 60 % стряпчих происходили из аристократических княжеских и старомосковских боярских родов. К 1620-м гг. доля знати среди стольников составляла уже 65 %, среди дворян московских — 22.5 %, а среди стряпчих — 16 %. В середине века в числе стольников было 47 % знати, а в 80-х гг. — менее 1/3. В составе дворян мо-

---

чальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 16—18.

[9] *Айрапетян И. Ю.* 1) Стольники как одна из категорий феодальной аристократии в 80-х гг. XVII в. (по материалам боярских списков) // Вестник МГУ. История. 1980. № 6. С. 67—80; 2) Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Кошелева О. Е.* Боярство в начальный период... ; *Павлов А. П.* Государев двор в истории России XVII века // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 2000. Bd 56. S. 227—242; *Седов П. В.* Социально-политическая борьба...; *Crummey R.* Aristocrats...; *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. — Важным этапом в изучении состава российской элиты стала публикация в 2006 г. коллективного труда: Правящая элита Русского государства IX—начала XVIII в. (очерки истории). СПб., 2006.

[10] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси // Ключевский В. О. О государственности в России. М., 2003. С. 316, 430—431; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 158.

[11] *Павлов А. П.* Государев двор в истории России XVII века. S. 231, 234—236.

[12] Там же. S. 235—236.

[13] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 4. Л. 176—176 об.

сковских — соответственно 18 и 8 %. В чине стряпчего аристократического происхождения в середине века были 10% лиц, а в конце столетия — 7.5 %.[14]

Непосредственные причины увеличения количественного состава государева двора еще до конца неясны. Важнейшими факторами здесь, по всей видимости, являлись политическая и социальная дестабилизация в годы Смуты, стремление каждого последующего монарха расширить свою опору в составе двора, необходимость поощрения тех лиц, которые способствовали утверждению на престоле новой династии. Активное участие служилого «города» в событиях начала XVII в. позволило войти в состав двора части верхушки провинциального дворянства. Однако в какой мере расширение «московского списка» было вызвано реальными нуждами госаппарата и армии? Какова роль в данном процессе родственных и патронажно-клиентских связей? Обозначенные вопросы требуют специального исследования. Но уже сейчас можно отметить, что численность столичного дворянства после Смуты превышала потребности как центральных, так и местных учреждений. В этот период московские чины начинают служить «по половинам». Одна часть была занята на службе (как в Москве, так и в регионах), другая находилась «в отпуске».[15] В целом столичное дворянство в первой половине XVII в. привлекалось к несению общегосударственных служб в незначительной степени. По данным на 1626 и 1650 гг., здесь было задействовано от 10 до 26% стольников и дворян московских. К 1679—1681 гг., несмотря на значительный рост численности дворянства, записанного в полковую службу, от 37 до 65 % стольников, стряпчих и дворян московских не имело постоянных поручений.[16] Однако даже в этих условиях московские чины не стали замкнутой корпорацией, полностью отделенной от верхушки служилого «города». Представители этого слоя непрерывно пополняли «московский список». Так, по данным А. П. Павлова, с 1620-х гг. до середины XVII в. произошла почти полная смена состава «выбора». Процесс расширения государева двора за счет лучших представителей выборного дворянства имел место по крайней мере до середины 1670-х гг.[17]

В последней четверти XVII в. стремительному росту двора способствовала еще одна причина — слабость царствующих лиц и борьба за власть кланов Нарышкиных и Милославских, стремившихся укрепить свое положение за счет введения в Думу и государев двор все новых и новых сторонников.[18] В конечном счете, как считал А. А. Новосельский, это приводит к оседанию «излишнего контингента» из числа жильцов, дворян московских, стряпчих и части стольников по городам.[19]

Но для предмета нашего исследования более важными являются следующие моменты. Во-первых, масштабное расширение состава Думы и государе-

---

[14] *Павлов А. П.* Государев двор в истории России XVII века. S. 228, 232, 236.

[15] *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 76—77, 84.

[16] Подсчитано по: *Павлов А. П.* Государев двор в истории России XVII века. S. 231, 235, 239; Правящая элита Русского государства ... С. 437—439.

[17] *Павлов А. П.* Государев двор в истории России XVII века. S. 230, 238.

[18] О массовых пожалованиях в стольники в 1682—1683 и 1689 гг. см.: *Айрапетян И. Ю.* Стольники... С. 69—71.

[19] Очерки истории СССР... С. 154.

ва двора способствовало увеличению кадрового резерва в период, предшествовавший Петровским реформам. Верховная власть в 1-й четверти XVIII в. получила достаточно широкие возможности для выбора кандидатур при назначении на высшие административные и воснные посты. Вследствие этого, как будет видно из последующего анализа, Петр Великий не испытывал необходимости привлекать в массовом порядке людей из других социальных слоев. Отметим, что уже в конце XVII столетия новый царь ориентировался в первую очередь на людей из традиционной элиты Московского государства — членов Думы и на высшие чины государева двора. По подсчетам Р. Крамми, ближайшее окружение Петра I в 1689—1700 гг. было аристократичнее по происхождению, чем Боярская дума этого периода.[20] Во-вторых, активное проникновение в состав Боярской думы представителей неродовитых фамилий, фактический переход властных функций от Думы к более узкому кругу людей, а также отмена местничества облегчили для Петра I проведение реформы, основное содержание которой заключалось в окончательном отказе от принципа служебно-родового старшинства в пользу служебного.

Перейдем к анализу состава элиты эпохи петровских реформ (1701—1725). К этому слою нами были отнесены следующие категории лиц.[21]

1. Члены «консилии министров» (по данным на 1707—1708 гг.) — 22 человека.[22]
2. Все сенаторы за 1711—1725 гг.,[23] а также высшие сенатские чины[24] (всего 33 человека).

---

[20] *Crummey R.* Peter... P. 279—281.

[21] Основными источниками для выявления лиц, входивших в состав петровской элиты, послужили: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., М.; Л., 1887—2003. Т. 1—13; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880—1901. Т. I—VI; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911. СПб., 1911. Т. 5. С. 109—161; Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 387—403, 550—551; Русский биографический словарь. В 25-ти т. (далее — РБС). М., 1896—1918; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1; *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 415—467; *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762 гг. Рязань, 2003. С. 509—540; *Токарев Н. Я.* Ближняя канцелярия при Петре Великом и ея дела // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. Отд. II. С. 43—101; *LeDonne J.* Ruling Families... P. 233—322.

[22] Ф. М. Апраксин, И. И. Бутурлин, кн. Г. И. и М. А. Волконские, кн. М. П. Гагарин, кн. Б. А. Голицын, М. А. Головин, кн. Л. Ф. Долгоруков, Л. А. Домнин, Н. М. Зотов, А. И. Иванов, А. Т. Лихачев, кн. П. Л. Львов, И. А. Мусин-Пушкин, Г. А. Племянников, кн. П. И. Прозоровский, кн. Ф. Ю. Ромодановский, А. П. Салтыков, Т. Н. Стрешнев, П. С. Хитрово, кн. П. И. Хованский, кн. М. А. Черкасский. За исключением царевича Алексея.

[23] Гр. П. М. и Ф. М. Апраксины, В. А. Апухтин, гр. Я. В. Брюс, А. А. Вейде, кн. Г. И. Волконский, кн. Д. М. и П. А. Голицыны, гр. А. Г. и Г. И. Головкины, кн. В. Л., Г. Ф., М. В. и Я. Ф. Долгоруковы, кн. Д. К. Кантемир, гр. А. А. Матвеев, Н. П. Мельницкий, кн. А. Д. Меншиков, гр. И. А. Мусин-Пушкин, Г. А. Племянников, кн. А. И. Репнин, М. М. Самарин, Т. Н. Стрешнев, гр. П. А. Толстой, бар. П. П. Шафиров.

[24] Генеральный ревизор Сената В. Н. Зотов, генерал-прокурор П. И. Ягужинский, обер-прокуроры Г. Г. Скорняков-Писарев и И. И. Бибиков, генерал-фискал А. А. Мяки-

3. Президенты и вице-президенты коллегий (1717—1725 гг.),[25] руководители других центральных государственных учреждений: Кабинета Петра I, Тайной, Медицинской, Главной дворцовой, Петербургской полицмейстерской канцелярий, Канцелярии от строений, Преображенского, Монастырского, Ямского приказов[26] (40 человек).
4. Высшая губернская администрация (1708—1725 гг.) — губернаторы, вице-губернаторы, а также лица, фактически управлявшие губерниями[27] (36 человек).
5. Генералитет (всего 98 человек).[28] К генералитету относились военные и морские чины, упоминаемые в 1—5-м классах Табели о рангах.[29]

нин, герольдмейстеры С. А. Колычев и И. Н. Плещеев, генерал-рекетмейстер В. К. Павлов. Обер-секретари и обер-фискал Сената (6—7-й классы Табели о рангах) в этот перечень не вошли.

[25] Гр. П. М. и Ф. М. Апраксины, И. И. Бибиков, Г. И. Бреверн, гр. Я. В. Брюс, И. И. Бутурлин, А. А. Вейде, С. Л. Вельяминов, кн. Д. М. Голицын, гр. Г. И. Головкин, кн. А. Г. и Я. Ф. Долгоруковы, И. И. Исаев, С. А. Колычев, Г. И. Кошелев, К. И. Крюйс, Ф. С. Мануков, гр. А. А. Матвеев, кн. А. Д. Меншиков, гр. И. А. Мусин-Пушкин, бар. М. Нирод, В. Я. Новосильцев, бар. А. И. Остерман, А. Л. Плещеев, кн. А. И. Репнин, М. А. Сухотин, гр. П. А. Толстой, кн. Ю. Ю. Трубецкой, бар. П. П. Шафиров, Шмидт.

[26] И. Л. Блюментрост, А. И. Дашков, А. М. Девиер, А. Н. Елагин, А. В. Макаров, гр. И. А. Мусин-Пушкин, М. Д. Олсуфьев, кн. И. Ф. и Ф. Ю. Ромодановские, У. А. Сенявин, В. Ф. Стремоухов, гр. П. А. Толстой.

[27] Гр. П. М. и Ф. М. Апраксины, И. Л. и П. Л. Воейковы, А. П. Волынский, кн. В. И. и М. П. Гагарины, кн. Д. М. и П. А. Голицыны, кн. А. Г. и М. В. Долгоруковы, В. С. Ершов, А. П. и П. В. Измайловы, П. В. Кикин, С. Т. Клокачев, С. А. Колычев, Н. А. Кудрявцев, А. А. Курбатов, П. Е. Лодыженский, кн. А. Д. Меншиков, К. А. Нарышкин, А. И. Панин, А. К. Петров-Солово, кн. А. И. Репнин, В. А. и Ю. А. Ржевские, Я. Н. Римский-Корсаков, кн. И. Ф. и М. Г. Ромодановские, А. П. и П. С. Салтыковы, Т. Н. Стрешнев, И. А. Толстой, кн. И. Ю. Трубецкой, кн. А. М. Черкасский.

[28] Бар. Л.-Н. Аларт, Э. Альфендель, гр. Ф. М. Апраксин, Ф. Н. Балк, Беркгольц, И. И. Бибиков, Г.-И. Бон, кн. И. Ф. Борятинский, Р. Х. Боур, И. Ф. Боцис, А. де Брильи, Р. В. и гр. Я. В. Брюсы, Бук, И. И. Бутурлин, Буш, А. А. Вейде, И.-Б. Вейсбах, С. Л. Вельяминов, А. Ветерани, Д. Вильстер, И. Л. Воейков, М. Я. Волков, кн. А. Г. и Г. С. Волконские, В. И. Геннин, А. А. Гешев, И. Я. Гинтер, Ф. Н. Глебов, П. С. Глебовской, кн. М. М. и П. М. Голицыны, А. А. и И. М. Головины, бар. Г. Гольц, Т. Гордон, М. П. Гослер, К. Гохмут, В. В. Делдин, И. И. Дмитриев-Мамонов, кн. В. В. и Я. Ф. Долгоруковы, И. Я. Дюпре, М. Х. Змаевич, В. Н. Зотов, Иваницкий, П. В. Измайлов, Ф. Кантакузен, В. Д. Корчмин, Г. С. Кропотов, К. И. Крюйс, А. де Кулон, кн. Б. И. Куракин, В. Я. Левашев, М. И. Леонтьев, П. П. Ласси, П. Б. Лефорт, И. М. Лихарев, М. А. Матюшкин, кн. А. Д. Меншиков, кн. С. Ф. Мещерский, Б.-Х. Миних, И. В. Панин, Я. В. Полонский, В. И. Порошин, Г. Пфлуг, А. Рейс, бар. К.-Э. Ренне, кн. А. И. Репнин, Х.-Ф. фон дер Ропп, А. И. Румянцев, С. А. Салтыков, Т. Сандерс, И. А. и Н. А. Сенявины, П. И. Сиверс, Ф. М. Скляев, Г. Г. Скорняков-Писарев, С. И. Сукин, кн. И. Ю. и Ю. Ю. Трубецкие, А. И. Ушаков, И. А. Фамендин, Ю. И. Фаминцын, Я. Фангофт, Ф. Г. Чекин, А. Г. Чернцов, Г. П. Чернышев, Л. С. Чириков, В. Шелтинг, В. П., гр. Б. П., М. Б. Шереметевы, Штаф, И. М. Шувалов, кн. Г. Д. Юсупов, П. И. Ягужинский, П. И. Яковлев. Привлечены данные только за 1713 г. и первую половину 1720-х гг. Отметим, что вопрос о численности иностранцев в составе российского генералитета (особенно в начальный период Северной войны) требует, на наш взгляд, отдельного исследования.

[29] Нередко исследователи из числа генералитета ошибочно исключают чины 5-го класса (бригадиров). См.: *Meehan-Waters B.* Autocracy... P. 23; *Кружкин И. В.* Эпоха «дворских бурь»... С. 184.

Важным источником по составу правящей элиты России также является переписка государя за 1701—1713 гг. Статистическая обработка «Писем и бумаг Петра Великого» (к настоящему времени опубликовано 13 томов) позволила выявить 57 наиболее активных корреспондентов реформатора. К их числу отнесены все лица, получившие от Петра I или отправившие на имя царя 25 и более писем.[30]

В общей сложности нами было учтено 187 человек, из которых являлись русскими — 132 (71 %), а иноземцами — 55 (29 %). Подчеркнем, что здесь и далее в работе речь идет не о национальной принадлежности (поскольку российская элита всегда была полиэтничной), а о месте рождения и конфессиональном статусе. К иноземцам мы относим лиц, родившихся за пределами России. Потомки выходцев из других государств, проживавшие на территории России уже в XVII в., считаются русскими только в случае наличия сведений о их переходе в православие до начала царствования Петра I.[31]

В составе гражданской администрации подавляющее большинство чиновников были русскими (85 из 96 человек, т. е. 89 %), и только 11 % составляли иностранцы. Преобладание русских прослеживается по всем категориям учреждений. В состав «консилии министров» и высшей губернской администрации входили только русские (соответственно 22 и 36 человек). В Сенате было лишь 4 иностранца (12 %), а в коллегиях и других высших центральных учреждениях — 9 (23 %). Причины этого заключаются в том, что иностранцы чаще всего приглашались в Россию в качестве специалистов по военному делу, технике, медицине, юриспруденции и зачастую играли важную роль в перечисленных областях, способствуя проведению реформ и модернизации страны. Однако весьма незначительная часть выходцев из-за рубежа смогла закрепиться в составе российской элиты или оказывала влияние на внутриполитическую жизнь (Остерманы, Ягужинские, Брюсы, Кантемиры, Б.-Х. Миних, А. М. Дивиер и некоторые другие).[32]

Ситуация в военной сфере была существенно иной. В генеральских чинах (в армии и на флоте), по нашим данным, было 55 % русских (54 из 98 человек) и 45 % иностранцев. Карьера военного в целом была более типична для иностранцев (80 % случаев), чем для русских (41 %). Из среды иноземцев, в частности, вышли такие известные российские военачальники, как Л.-Н. Аларт, Ф. Н. Балк, Р. Х. Боур (Бауэр), Я. В. и Р. В. Брюсы, А. А. Вейде, П. П. Ласси, Б.-Х. Миних и др. В высших военно-морских чинах в петровское время преобладали выходцы из других стран. Русскими

---

[30] Также учтены письма и донесения других лиц, которые подверглись правке или имеют пометки рукой государя, верительные грамоты российским дипломатам, подписанные Петром I. Из подсчетов исключена переписка Петра с женой, дочерьми, сыном Алексеем, а также лицами, не состоявшими на российской службе.

[31] По этой причине сын крещеного еврея из Смоленска П. П. Шафиров считается русским, а П. И. Ягужинский, сын лютеранского органиста, перешедший в православие в начале XVIII в., — иноземцем. Родившиеся в России протестанты И. Л. Блюментрост, Я. В. и Р. В. Брюсы отнесены к категории иноземцев (РБС. Т. Бетанкур—Бякстер. С. 100—102, 413—414, 416—419; т. Чаадаев—Швитков. С. 553; т. Яблоновский—Фомин. С. 7—8).

[32] См. также: *Meehan-Waters B.* 1) Autocracy... P. 29; 2) Social ... P. 83.

были генерал-адмирал гр. Ф. М. Апраксин, контр-адмирал Н. А. Сенявин, капитан-командоры И. А. Сенявин, Ф. М. Скляев. Среди иноземцев — адмирал К. И. Крюйс, вице-адмиралы М. Х. Змаевич, П. И. Сиверс, Д. Вильстер, контр-адмиралы (шаутбейнахты) И. Ф. Боцис, Т. Сандерс, Я. Фангофт, капитан-командоры Т. Гордон, М. П. Гослер, А. Рейс, В. Шелтинг.[33]

Как уже отмечалось, около 2/3 всей элиты 1-й четверти XVIII в. составляли русские (132 человека из 93 родов). Рассмотрим состав и происхождение лиц, входивших в эту категорию, подробнее.

В первую очередь следует определиться с употреблением широко распространенного в историографии термина «боярская аристократия» (боярская знать). Это понятие является достаточно условным, но в целом требует выявления тех родов, которые из поколения в поколение занимали в Боярской думе высшие чины бояр и окольничих.[34] Кроме того, определение круга аристократических фамилий, как показал А. П. Павлов, связано с анализом происхождения, древности рода, его места в «Государеве родословце», связей с Думой, реального служебно-местнического положения членов рода. Но даже в этом случае границы между «первостепенной знатью» и теми родовитыми фамилиями, которые составляли ближайшее окружение «аристократического ядра» служилого класса, остаются весьма нечеткими.[35]

С практической точки зрения применительно к исследуемой в данной работе проблеме в качестве боярских, аристократических (**первая группа**) нами выделяются те фамилии, члены которых служили в чинах боярина и окольничего до 1613 г. и смогли сохранить это высокое положение при Романовых. Из общего списка русских фамилий (93 рода), представители которых входили в элиту петровского периода, указанным критериям отвечают только 18: рюриковичи кн. Репнины, кн. Долгоруковы, кн. Ромодановские, гедиминовичи кн. Голицыны, кн. Куракины, кн. Трубецкие, кабардинские кн. Черкасские и ряд нетитулованных родов — Бутурлины, Вельяминовы, Волынские, Головины, Измайловы, Колычевы, Плещеевы, Ржевские, Салтыковы, Сукины, Шереметевы.[36] В данный перечень нами

---

[33] См. также: *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. Л., 1994. С. 432.

[34] *Crummey R.* 1) Peter... P. 276; 2) Aristocrats... P. 14.

[35] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 14—18.

[36] Классификация по группам выполнена на основании следующих работ: *Зимин А. А.* 1) Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 41—87; 2) Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988; *Кобрин Б. В.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 16—91; *Веселовский С. Б.* 1) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; 2) Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Водарский Я. Е.* Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 70—107; *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153—193; *Станиславский А. Л.* Труды...; *Crummey R.* Aristocrats...; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба ...; *Богатырев С. Н.* Ближняя Дума в третей четверти XVI в. // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 119—133; АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 94—112; АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 64—81; *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualiscd Consultation in Muscovite Political Culture, 1350s—1570s. Helsinki, 2000; *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 1—2.

вносятся следующие изменения: исключены Измайловы, Ржевские и Сукины (итого — 15 фамилий).

Ржевские добились окольничества только в начале XVII столетия. При Романовых два представителя рода также получили этот чин (в 1677 и 1683 гг.). Однако в обоих случаях пожалование происходило из чина думного дворянина,[37] что говорит о недостаточно высоком, даже по меркам 2-й половины XVII в., положении фамилии. Следует отметить, что пожалование непосредственно в чины боярина и окольничего в период после 1613 г. является абсолютно типичным для остальных фамилий в приведенном списке.[38]

Измайловы и Сукины имели своих представителей в высших думных чинах как до, так и после 1613 г. В начале 1560-х гг. окольничим, а затем боярином стал Ф. И. Сукин, а в 1661 г. окольничество получил О. И. Сукин. Потомки рязанских бояр Измайловы достигли высших думных чинов достаточно поздно, только в эпоху Смуты (А. В. Измайлов, окольничий с 1606 г.). При Романовых чин окольничего получили еще два представителя этого рода (С. А. Измайлов в 1654 г. и М. П. Измайлов в 1682 г.).[39] Однако Измайловы и Сукины не были занесены в «Государев родословец», и это не позволяет нам отнести их к категории аристократии.[40]

Из 15 боярских фамилий в правящую верхушку в первой четверти XVIII в. входило 39 человек. 10 родов, т. е. 67 %, имели в правящей элите в 1701—1725 гг. более одного представителя: Бутурлины, Плещеевы, кн. Трубецкие, кн. Черкасские — двух, Шереметевы и кн. Ромодановские — трех, Головины и Салтыковы — четырех, кн. Голицыны — пять, а кн. Долгоруковы — семь человек. Всего 34 человека (или 87 %) от общего состава первой группы.

Во **вторую группу** включены те фамилии из петровской элиты, которые достигли любого из четырех думных чинов с 1613 г. (времени избрания на престол Михаила Федоровича) до 1689 г. (начала правления Петра I[41]). Это Апраксины, кн. Борятинские, кн. Волконские, Глебовы, Головкины, Дашковы, Домнины, Зотовы, Ивановы, Леонтьевы, Лихаревы, Лихачевы, Лодыженские, кн. Львовы, Матвеевы, Матюшкины, Мусины-Пушкины, Нарышкины, Павловы, Панины, кн. Прозоровские, Самарины, Сухотины, Толстые, Хитрово, кн. Хованские, Чириковы. Кроме того, сюда отнесены Ржевские, Измайловы, Сукины, Яковлевы и Стрешневы. Яковлевы имели своих представителей в высших думных чинах до 1613 г., но они не могут быть причислены к «боярской аристократии», поскольку при Романовых добились только чинов думного дворянина (в 1680 и 1685 гг.).[42] Стрешневы

---

[37] *Станиславский А. Л.* Труды... С. 306; *Crummey R.* Aristocrats... P. 196, 201; *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 262.

[38] Единственное исключение составлял П. В. Бутурлин, который в 1712 г. был пожалован в окольничие из думных дворян (*Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 241).

[39] *Зимин А. А.* Состав... С. 70; *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 1. P. 171, 189, 267; vol. 2. P. 247; *Crummey R.* Aristocrats... P. 180.

[40] См. также: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба ... С. 17.

[41] До 7 сентября 1689 г.

[42] *Зимин А. А.* Состав... С. 87; *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 246; *Crummey R.* Aristocrats... P. 202, 207.

вошли в Думу в начале XVII в. (думный дворянин И. Ф. Стрешнев[43]), однако до 1613 г. ни один член фамилии не служил в окольничих или боярах. Это не позволило, исходя из определенных нами критериев, отнести Стрешневых к первой группе наиболсе родовитых фамилий. Таким образом, по второй группе в общей сложности насчитывается 32 рода, делегировавших в состав петровской элиты 42 человека.

Из 32 фамилий только 8 (25%) имели в первой четверти XVIII в. в высших армейских чинах и на важнейших государственных должностях более одного представителя: Апраксины, Головкины, Зотовы, Измайловы, Панины, Ржевские и Толстые — двух, кн. Волконские — четырех. Следует заметить, что в целом по группе отсутствует четкая взаимосвязь между временем получения первого думного чина представителем той или иной фамилии и количеством лиц из этой фамилии в петровской элите.[44]

Состав второй группы весьма неоднороден. При его анализе необходимо обратить внимание на следующие аспекты. Во-первых, на социальное происхождение представителей фамилии (из московского[45] или городового дворянства). Важно, что боярские книги 1627 и 1629 гг. дают возможность примерно установить долю членов рода, находившихся в составе «выбора», и, следовательно, проследить принадлежность фамилии к городовым служилым корпорациям.[46] Выборное дворянство в этот период формально рассматривалось в качестве низшего чина государева двора и одновременно являлось верхушкой служилого «города». Однако в начале 30-х гг. XVII в. «выбор» перестает учитываться в боярских списках и утрачивает связь с государевым двором.[47] К верхушке городового дворянства мы относим те роды, члены которых встречаются в городовых чинах чаще, чем в столичных. В противном случае род считается принадлежащим к «московскому списку». Во-вторых, необходимо учесть расширение круга фамилий, входивших в Боярскую думу при Алексее Михайловиче, и особенно в последней четверти столетия. Таким образом, существенно не только каких думных чинов смогли достичь члены того или иного рода, но и в какое время. Общие данные относительно времени получения первого думного чина в 1613—1689 гг.[48] лицами из 2-й группы фамилий сведены в табл. 1.

---

[43] *Станиславский А. Л.* Труды... С. 305; *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 150.

[44] Коэффициент линейной корреляции между этими рядами данных равен (–) 0.2.

[45] Приказные дьяки являлись особым (по характеру службы, социальному происхождению и способам комплектования) слоем служилых людей. Тем не менее в конце XVI—XVII в. они традиционно относились к московским чинам. См.: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба ... С. 237; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 82; Правящая элита Русского государства... С. 350.

[46] См.: *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853.

[47] *Павлов А. П.* Государев двор в истории России... S. 231; *Станиславский А. Л.* Труды... С. 18, 97.

[48] *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 239—271.

Таблица 1

Время получения первого думного чина при Романовых (2-я группа)

Период	Фамилий		Лиц	
	абс.	%	абс.	%
1613—1645 гг.	7	22	11	26
1645—1676 гг.	11	34	14	33
1676—1682 гг.	5	16	5	12
1682—1689 гг.	9	28	12	29
Всего за 1613—1689 гг.	32	100	42	100
в том числе за 1676—1689 гг.	14	44	17	40

Таким образом, 7 фамилий (22 %) — кн. Волконские, кн. Львовы, кн. Прозоровские, кн. Хованские, а также дворяне Лихачевы, Стрешневы и Измайловы[49] — смогли получить первый думный чин в царствование Михаила Федоровича. Ивановы, Леонтьевы, Матвеевы, Матюшкины, Нарышкины, Панины, Ржевские, Сукины, Толстые, Хитрово и кн. Борятинские добились думных чинов при Алексее Михайловиче (11 фамилий, 34 %). Пять фамилий (16 %) — Дашковы, Лихаревы, Лодыженские, Чириковы и Яковлевы — вошли в Думу при царе Федоре Алексеевиче; девять фамилий (28 %) — Апраксины, Глебовы, Головкины, Домнины, Зотовы, Мусины-Пушкины, Павловы, Самарины, Сухотины — в период регентства Софьи. В чины окольничего и боярина в 1613—1689 гг. были пожалованы члены 21 рода из 32 (66 %). В основном это фамилии, попавшие в Думу сравнительно рано — в правление Михаила Федоровича (7 из 7) и Алексея Михайловича (9 из 11).

Исходя из данных в табл. 1, можно сделать вывод, что наибольшее представительство в верхних эшелонах власти (из состава 2-й группы) при Петре имело дворянство (40 % лиц), вошедшее в Думу в течение достаточно непродолжительного времени (1676—1689 гг., т. е. за 13 лет). Потомков служилых людей, получивших думные чины при двух первых Романовых, было меньше — 26 и 33 % соответственно. Это неудивительно, поскольку придворная борьба Нарышкиных и Милославских, развернувшаяся после смерти Алексея Михайловича, открыла двери в Думу многим неродовитым фамилиям.

Рассмотрим происхождение тех фамилий, которые отнесены во вторую группу. Четыре рода имели дьяческие корни (Домнины, Зотовы, Ивановы, Матвеевы).[50] В конце XVII столетия Л. А. Домнин (1689 г.), Н. М. Зотов (1682 г.), А. И. Иванов (1688 г.) вошли в Думу в чине думных дьяков.[51] Отец окольничего гр. Андрея Артамоновича Матвеева — боярин Артамон Сергеевич — начинал свою карьеру в жильцах, а дед в 1620—1640-х гг.

---

[49] А. В. Измайлов был пожалован в окольничие в 1606 г. и сохранил этот чин после избрания Михаил Федоровича на царство (*Poe M.* The Russian Elite... Vol. 1. P. 85).

[50] В дьяках служили отдельные члены родов Апраксиных, Леонтьевых, Матюшкиных, Павловых, Ушаковых, Чириковых и Яковлевых (*Иванов П. И.* Алфавитный указатель... С. 9—10, 227—229, 257, 311—312, 457—459, 493—494).

[51] *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 243, 247, 271.

был дьяком.[52] Ивановы встречаются в дьяках на всем протяжении XVII в.[53] Домнины и Зотовы впервые упоминаются в боярских книгах с 70-х гг. XVII в.[54] В более раннее время представители рода Домниных служили в жильцах (1643 г.) и в «выборе» по Вологде.[55]

Головкины входят в состав московского дворянства достаточно поздно и появляются в боярских книгах только с 1670-х гг.[56]

Еще шесть фамилий были в первой трети XVII столетия прочно связаны с верхушкой служилого «города». Так, Нарышкины в 1627—1629 гг. упоминаются как «выборные дворяне» в 100 % случаев. То же можно сказать о Хитрово (91 %), Сухотиных (91 %), Толстых (63 %), Яковлевых (55 %), Павловых (50 %). В 1643 г. из жильцов на службу с «городом» переводились Павловы (3 из 3 человек), Толстые (3 из 5), Яковлевы (3 из 5).[57] Также интересно, что будущий тесть государя Алексея Михайловича К. П. Нарышкин в начале 40-х гг. XVII в. не имел ни поместий, ни вотчин, начинал свою службу в жильцах, а его отец П. И. Нарышкин являлся городовым дворянином.[58]

Следовательно, представители 9 фамилий из 32 (т.е. 28 %) в конце 20-х гг. либо вообще не входили в состав московского списка, либо большинство их членов являлось выходцами из верхушки городового дворянства (Головкины, Домнины, Зотовы, Нарышкины, Павловы, Сухотины, Толстые, Хитрово, Яковлевы).

В «выборе» также служили Лихаревы (42 % упоминаний фамилии в боярских книгах 1627—1629 гг.), Дашковы (30 %), Лодыженские (21 %), Чириковы (15 %), Глебовы (9 %), кн. Волконские (8 %), Измайловы (5 %), Ржевские (4 %). На наш взгляд, все приведенные цифры необходимо рассматривать как заниженные, поскольку сведения о генеалогическом составе городового дворянства XVII в. практически еще не введены в научный оборот, а боярские книги и боярские списки этого времени не содержат полных перечней выборного дворянства.[59]

В 20—30-х гг. XVII в. в «выборе» по Козельску служили Панины, а среди дворовых детей боярских по Новгороду встречаются Матюшкины и Мусины-Пушкины.[60] По материалам жилецкого разбора 1643 г. перевод «из житья» в городовые дворяне отмечен у представителей следующих фамилий: Лихаревы (4 из 6 человек), Измайловы (2 из 3), Чириковы (2 из 7), Апраксины (1 из 1), Матюшкины (1 из 4), Мусины-Пушкины (1 из 3), Ржевские (1 из 3).[61]

---

[52] *Павлов А. П.* Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002. С. 312—313, 377; *Иванов П. И.* Алфавитный указатель... С. 256.

[53] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба... С. 236; *Иванов П. И.* Алфавитный указатель... С. 158—159.

[54] *Иванов П. И.* Алфавитный указатель... С. 118, 154, 158—159.

[55] *Павлов А. П.* Ценный источник... С. 345.

[56] *Иванов П. И.* Алфавитный указатель... С. 95.

[57] *Павлов А. П.* Ценный источник... С. 392, 415—416, 433.

[58] Там же. С. 334; РБС. Т. Нааке—Николай. С. 89.

[59] *Павлов А. П.* Государев двор в истории России... S. 231.

[60] См.: *Павлов А. П.* Ценный источник... С. 337, 344, 373—374, 378, 383, 384, 392, 403, 412, 415—416, 419, 420, 424, 433.

[61] Там же. С. 325, 356—357, 373—374, 378, 383, 403, 424.

Таким образом, члены еще 12 фамилий второй группы (38%) имели в 20—40-х гг. XVII в. родственников в среде городового дворянства (Апраксины, кн. Волконские, Глебовы, Дашковы, Измайловы, Лихаревы, Лодыженские, Матюшкины, Мусины-Пушкины, Панины, Чириковы, Ржевские). Хотя, видимо, уже к середине столетия большинство (или значительная часть) представителей этих родов несло службу по московскому списку.

В **третью группу** выделены те фамилии из петровской элиты 1701—1725 гг., представители которых были дворянами или принадлежали к верхушке приказных служителей (дьяки), но не входили в Боярскую думу до начала правления Петра I. Это Апухтины, Бартеневы, Бибиковы, Виниусы,[62] Воейковы, Волковы, кн. Гагарины, Глебовские, Дмитриевы-Мамоновы (Дмитриевы), Елагины, Ершовы,[63] Кикины, Клокачевы, Корчмины, Кошелевы, Кропотовы, Кудрявцевы, Левашевы, Мануковы, Мельницкие, кн. Мещерские, Мякинины, Новосильцевы, Олсуфьевы, Петровы-Солово (Петровы), Племянниковы, Полонские, Порошины, Римские-Корсаковы (Корсаковы), Румянцевы, Сенявины, Скорняковы-Писаревы, Стремоуховы, Ушаковы,[64] Фамендины, Чекины, Чернцовы, Чернышевы, Шуваловы, кн. Юсуповы. Всего 40 фамилий, из которых в правящую верхушку при Петре I вошло 45 лиц. Только четыре рода (10 %) имели в генеральских рангах и на высших государственных должностях более одного человека: Воейковы, кн. Гагарины и Кикины — двух, Сенявины — трех. Из вышеперечисленных фамилий к категории дьяческих можно отнести Кудрявцевых и Мануковых. Значительная часть представителей рода Волковых также служила в дьяках.[65]

Из 40 фамилий 11 — Виниусы, Ершовы, Корчмины, Мануковы, Мельницкие, Полонские, Стремоуховы, Фамендины, Чекины, Чернцовы, Шуваловы — начинают появляться в чинах государева двора (без учета состава жильцов) лишь в 1660—1690-х гг.[66] Из этих родов, по данным на 1643 г., в жильцах были только Полонские (1 человек, отец — городовой дворянин) и Шуваловы (1 человек, по итогам разбора переведен в городовые дворяне; отец — стремянной конюх).[67] Глебовские и Олсуфьевы в конце столетия, по всей видимости, еще были городовыми дворянами.[68]

Согласно боярским книгам 1627—1629 гг., в составе выборного дворянства находилась бóльшая часть членов фамилий Кропотовых (100 % упоминаний), Порошиных (100 %), Кикиных (100 %), Елагиных (83 %), Апухтиных (75 %), Скорняковых-Писаревых (71 %), Кошелевых (67 %), Чернышевых (67 %) и Румянцевых (50 %).[69] В 1643 г. отмечается перевод «из житья»

---

[62] В Думе с 1695 г. (А. А. Виниус). См.: *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 269.

[63] В Думе с 1692 г. (В. С. Ершов). См.: *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 244.

[64] В Думе с 1711 г. (П. А. Ушаков). См.: *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 269.

[65] *Иванов П. И.* Алфавитный указатель... С. 73, 74, 216, 254. — В дьяках также упоминаются отдельные члены родов Дмитриевых, Петровых, Порошиных, Румянцевых, Чернцовых, Чернышевых, Ушаковых (там же. С. 115, 319, 334, 360, 429—430, 456—457).

[66] Там же. С. 66, 133, 209, 254, 259, 330, 391, 430, 451, 456, 480.

[67] Ранее Г. М. Полонский служил в патриарших стольниках (*Павлов А. П.* Ценный источник... С. 397, 430, 435).

[68] РБС. Т. Герберский—Гогелоэ. С. 341; т. Обезьянинов—Очкин. С. 238—239.

[69] *Иванов П. И.* Алфавитный указатель... С. 127, 181, 210—211, 214, 306—308, 334, 360, 378, 456—457.

в городовые дворяне у Апухтиных (2 из 7 человек), Кошелевых (1 из 1), Порошиных (1 из 3), Румянцевых (2 из 2).[70]

Таким образом, представители 22 из 40 фамилий (55%) в конце 20-х гг. XVII в. или не являлись членами государева двора, или в своем большинстве служили с «городом» (Апухтины, Виниусы, Глебовские, Елагины, Ершовы, Кикины, Корчмины, Кошелевы, Кропотовы, Мануковы, Мельницкие, Олсуфьевы, Полонские, Порошины, Румянцевы, Скорняковы-Писаревы, Стремоуховы, Фамендины, Чекины, Чернцовы, Чернышевы, Шуваловы). Значительная часть перечисленных родов начинает входить в состав московского списка только во второй половине столетия.

В выборном дворянстве в конце 20-х гг. XVII в. также служили Дмитриевы (40 % случаев упоминания фамилии в боярских книгах 1627—1629 гг.), Воейковы (39 %), Волковы (36 %), Левашевы (36 %), Корсаковы (33 %), Новосильцевы (31 %), Племянниковы (18 %), Ушаковы (18 %), кн. Мещерские (12 %) и кн. Гагарины (7 %).[71] По итогам жилецкого разбора 1643 г. переводились в городовые дворяне Бартеневы (2 из 4 человек), Бибиковы (1 из 2), Корсаковы (1 из 6), Кудрявцевы (1 из 2), Левашевы (1 из 2), Мякинины (1 из 2), Ушаковы (2 из 2).[72]

Следовательно, 14 из 40 (35 %) фамилий московского списка в 20—40-х гг. XVII в. имели родственников в среде городового дворянства (Бартеневы, Бибиковы, Воейковы, Волковы, Дмитриевы, кн. Гагарины, Корсаковы, Кудрявцевы, Левашевы, кн. Мещерские, Мякинины, Новосильцевы, Племянниковы, Ушаковы).

Четвертая группа самая малочисленная. Сюда нами отнесены недворяне: Исаевы, Курбатовы, Макаровы, кн. Меншиковы, Скляевы и Шафировы (6 родов). Из их числа в петровскую элиту 1701—1725 гг. вошло только 6 человек. И. И. Исаев, занимавший с 1723 г. пост президента Главного магистрата, был московским купцом.[73] Архангельский вице-губернатор и «прибыльщик» А. А. Курбатов до начала своей карьеры являлся крепостным Б. П. Шереметева.[74] Кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров был сыном вологодского подьячего.[75] О предках светлейшего князя А. Д. Меншикова нет точных сведений, однако историки обычно сходятся на версии о его «низком» происхождении.[76] Лучший русский кораблестроитель петровского времени капитан-командор Ф. М. Скляев, весьма вероятно, также не являлся дворянином.[77] Вице-канцлер бар. П. П. Шафиров был сыном крещеного еврея из Смоленска.[78]

---

[70] *Павлов А. П.* Ценный источник... С. 368, 390, 398, 404.

[71] *Иванов П. И.* Алфавитный указатель... С. 73—74, 86—87, 115, 208—209, 225—226, 261—263, 294—295, 321—322, 335, 355, 429—430.

[72] *Павлов А. П.* Ценный источник... С. 326—327, 330, 368, 370, 373, 383—384, 419.

[73] РБС. Т. Ибак—Ключарев. С. 140; *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 59—60.

[74] РБС. Т. Кнаппе—Кюхельбекер. С. 583.

[75] *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 281; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм... С. 320.

[76] *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 11—13.

[77] РБС. Т. Сабанеев—Смыслов. С. 559—560.

[78] РБС. Т. Чаадаев—Швитков. С. 553.

Общие данные относительно представительства четырех вышеперечисленных групп в элите Петра I (1701—1725 гг.) сведены в табл. 2.

Таблица 2

Русские фамилии в составе правящей элиты 1701—1725 гг.

Группа	Всего в составе элиты 1701—1725 гг.			В том числе по фамилиям, имевшим в составе элиты 1701—1725 гг. более одного представителя	
	фамилий*	лиц*	в среднем лиц из одной фамилии	фамилий**	лиц**
I	15 (16 %)	39 (30 %)	2.6	10 (67 %)	34 (87 %)
II	32 (34 %)	42 (32 %)	1.3	8 (25 %)	18 (43 %)
III	40 (43 %)	45 (34 %)	1.1	4 (10 %)	9 (20 %)
IV	6 (6 %)	6 (5 %)	1.0	0 (0 %)	0 (0 %)
Всего	93 (100 %)	132 (100 %)	1.4	22 (24 %)	61 (46 %)

* В скобках указана доля от общего числа фамилий и лиц во всех четырех группах.
** В скобках указана доля от числа фамилий и лиц в данной группе.

Как видим, практически все русские фамилии, имевшие своих членов на высших государственных постах и в генеральских чинах в 1701—1725 гг., были в конце XVII в. дворянскими (I—III группы, 94 % родов). Выходцы из низов (IV группа) находились в абсолютном меньшинстве. Если рассмотреть карьерный рост этих 87 дворянских фамилий в 30—80-е гг. XVII в., окажется, что к столичному дворянству в конце 20-х гг. относилось 56 родов (15 — из первой группы, 23 — из второй, 18 — из третьей). Остальные — 31 фамилия (9 — из второй группы, 22 — из третьей) — в данный период или вообще не входили в состав «московского списка», или по преимуществу служили с «городом». Следовательно, существенная часть петровской элиты рекрутировалась из слоев, которые при первом Романове составляли верхушку городового дворянства, а в последующее время поднялись до столичных чинов.

При Петре Великом лица из достаточно узкого круга аристократии (I группа) являлись значительно более востребованными для службы на высших государственных должностях по сравнению с представителями других слоев дворянства (II—III группы), а тем более с выходцами из низших слоев общества (IV группа). Родовитые боярские кланы (1/6 от общего числа всех русских фамилий) дали около трети всех представителей (без учета иноземцев) правящей верхушки эпохи Петровских реформ. Из них 10 родов имели в составе элиты от двух до семи членов.

«Кадровая политика» Петра преимущественно ориентировалась на традиционную элиту Московского государства: 81 человек (61 %) происходил из 47 фамилий (51 %), сидевших в Боярской думе в XVI—конце XVII в. (I—II группы). Наиболее широкое представительство в правящих структурах петровского времени имели кн. Долгоруковы (7 человек), кн. Голицыны (5), Головины (4), Салтыковы (4), кн. Волконские (4).

Для сравнения отметим, что в 1689—1700 гг. 89 % лиц (без учета иноземцев) из ближайшего окружения царя были выходцами из круга боярской знати и тех родов, которые имели своих представителей в Боярской думе XVII в.[79] Таким образом, за время петровского правления в руководстве страны произошло снижение доли тех людей (с 89 до 61 %), которые генетически были связаны с думными чинами XVI—XVII вв.

Табл. 3 иллюстрирует соотношение представителей четырех групп русских фамилий в руководстве различных центральных и губернских учреждений, а также в генералитете 1701—1725 гг.

Таблица 3

Социальное происхождение руководства высшей гражданской администрации и генералитета 1701—1725 гг. (%)

Высшая гражданская администрация и генералитет	I гр.	II гр.	I и II гр.	III гр.	IV гр.
«Консилия министров»	32	59	91	9	0
Сенат и его учреждения	31	41	72	21	7
В том числе сенаторы	32	45	77	14	9
Коллегии и другие центр. учреждения	35	26	61	26	13
Губернская администрация	36	31	67	28	6
Генералитет	30	26	56	41	4

Представленные показатели свидетельствуют, что наиболее знатной по составу была «консилия министров», работавшая в Москве до 1711 г. (91 % лиц из I и II групп). Этот совет включал в себя руководителей важнейших приказов, канцелярий и осуществлял координацию работы центрального и местного аппарата в условиях войны. Фактически «консилия министров» была создана по образцу боярских комиссий XVII в., функционировавших во время отсутствия государя в столице.[80]

В новых органах власти, появившихся в результате реформ Петра Великого, также преобладали потомки боярских фамилий и тех родов, которые сидели в Думе в XVII столетии. Однако по сравнению с элитой 1689—1700 гг. и «советом министров» 1707—1708 гг. их состав был менее родовитым (61—72 % лиц из I и II групп). Самым аристократичным являлся состав сенаторов (77 %).

Весьма информативным источником, позволяющим раскрыть состав правящей элиты России первой четверти XVIII в., является переписка царя. Эти материалы уже использовались выше в совокупности с другими данными. Однако особый характер источника требует более подробного его рассмотрения.

Подсчеты по фундаментальному изданию «Письма и бумаги Петра Великого» (1701—1713 гг.) дают такую картину. Среди лиц, которые вели наиболее интенсивный обмен письмами с государем, были следующие (57 че-

---

[79] Для подсчетов использовался список, составленный Р. Крамми. Лиц русского происхождения в нем насчитывается 46 человек (*Crummey R.* Peter... P. 279).

[80] *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования... С. 22—28.

ловек; расположены в порядке убывания объема корреспонденции): более 600 писем — кн. А. Д. Меншиков (686) и гр. Б. П. Шереметев (654); более 400 — гр. Ф. М. Апраксин (439), более 200 — кн. А. Н. Репнин (277), Т. Н. Стрешнев (257) и гр. Г. И. Головкин (231). Получателями или отправителями от 100 до 200 писем являлись: кн. Ф. Ю. Ромодановский, Р. Х. Боур, кн. В. В. Долгоруков, гр. Ф. А. Головин, бар. П. П. Шафиров, К. А. Нарышкин, кн. М. П. Гагарин, кн. Б. И. Куракин, кн. Г. Ф. Долгоруков, А. В. Кикин, кн. М. М. Голицын, П. С. Салтыков, гр. И. А. Мусин-Пушкин, М. Б. Кирхен, П. М. Апраксин; от 50 до 99 писем — А. И. Иванов, кн. Д. М. Голицын, кн. В. Л. Долгоруков, К. И. Крюйс, А. А. Курбатов, Я. В. Брюс, И. А. Толстой, кн. П. А. Голицын, А. И. Ушаков, Ф. М. Скляев, Ф. Н. Балк, бар. Г. Огильви, от 25 до 49 писем — бар. Л.-Н. Аларт, В. Д. Корчмин, В. Н. Зотов, бар. Г. Гольц, Н. А. Кудрявцов, Ф. Н. Глебов, Р. В. Брюс, Ф. О. Бартенев, С. А. Колычев, М. Б. Шереметев, бар. К.-Э. Ренне, А. А. Матвеев, Г. Г. Скорняков-Писарев, А. А. Вейде, Н. Г. Верден, Ф. С. Салтыков, А. А. Виниус, Н. М. Зотов, кн. Б. А. Голицын, Я. В. Полонский, бар. И.-Х. Урбих, Я. Н. Римский-Корсаков, Н. А. Сенявин, П. И. Яковлев.

В первую очередь следует обратить внимание, что фамилии (особенно в верхней части списка) в целом подтверждают общепринятое мнение об окружении государя-реформатора. Здесь мы видим первых лиц начала XVIII в.: «всесильного» кн. А. Д. Меншикова, генерал-фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева, генерал-адмирала гр. Ф. М. Апраксина, генерала кн. А. И. Репнина, главу Разряда и управляющего Московской губернией боярина Т. Н. Стрешнева, канцлера гр. Г. И. Головкина, судью Преображенского приказа кн. Ф. Ю. Ромодановского и ряд других широко известных персон петровского царствования. Это, кстати, убеждает, что утрата какой-то части переписки Петра Великого не ведет к существенному искажению нашего представления о составе петровской элиты.

Тем не менее необходимо учитывать особенности источника. Значительные объемы переписки с государем действительно демонстрируют большой вес того или иного лица в правительственной среде первой четверти XVIII в. и внимание Петра к его деятельности. Однако обратное утверждение будет не всегда верно — ряду влиятельных людей не требовалась частая переписка с Петром I, так как они находились вместе с ним в Петербурге или сопровождали царя во многих поездках (например, А. В. Макаров, Н. М. Зотов). Таким образом, адекватная интерпретация сведений, содержащихся в приведенном перечне, возможна только во взаимосвязи с другими источниками.

Статистическая обработка всего списка дает следующие результаты.

Семь фамилий имели среди корреспондентов Петра I двух и более лиц. Это выходцы из боярской аристократии кн. Голицыны (4 человека), кн. Долгоруковы (3), Салтыковы (2), Шереметевы (2). Представители двух фамилий попали в Боярскую думу только в конце XVII в. — Апраксины (2 человека) и Зотовы (2). Из иноземцев происходили Брюсы (2 человека). Всего в списке насчитывается 13 иноземцев (23 %) из 12 фамилий (26 %). Количество писем по этой группе — 832 из 6361, т. е. 13 % от общего объема корреспонденции.

Далее обратимся к русским фамилиям и осуществим классификацию по четырем группам, как это делалось ранее. Полученные итоги представлены в табл. 4.

Таблица 4

Переписка Петра I, 1701—1713 гг.

Группа	Фамилий		Лиц		Писем	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
I	9	26	16	36	2328	42
II	11	31	13	30	1627	29
III	11	31	11	25	600	11
IV	4	11	4	9	974	18
Всего	35	100	44	100	5529	100

Если судить по информации о числе адресатов и писем в каждой из групп, то окажется, что в целом при формировании ближайшего окружения царя степень знатности, родовитости, социальный статус человека играли достаточно существенную роль. Несомненно, что деловые качества той или иной персоны как администратора или военачальника являлись первостепенными при назначении на высокую должность (иногда в совокупности с фаворитизмом). Однако подбор кандидатов (как уже было показано выше) осуществлялся по преимуществу из привычной для государя среды — родовой аристократии, думных людей и верхушки столичного дворянства. Так, 42% корреспонденции — это переписка Петра с высшими должностными лицами и военными, выходцами из узкого круга боярской аристократии (I группа). Адресатами или отправителями около 3/4 писем были члены фамилий, сидевших в Думе в XVI—XVII вв. (I и II группы).

Данные, содержащиеся в табл. 2—4, приводят нас к однозначному выводу. Главной целью Петра I было сделать уже существующую элиту более эффективной и квалифицированной, а не заменить ее представителями более низких слоев общества. Основными методами разрешения указанной задачи стали обязательные государственная служба и обучение. Формальная монополия боярской знати в сфере власти была ликвидирована, вышла из практического применения старая лестница чинов, исчез и сам орган, ее олицетворявший, — Боярская дума. Однако люди остались теми же, и потомки аристократических родов в новых условиях «конкурентной борьбы» за высшие государственные должности имели существенное преимущество перед менее знатными фамилиями, а тем более перед представителями непривилегированных социальных групп. Традиции управления государством, крупные состояния, родственные связи (в том числе с царствующим домом), а с начала XVIII в. и новый, европейский, уровень образования — все это давало возможность выходцам из старой элиты московского периода успешно занимать первые места в чиновной иерархии.

Подчеркнем, что в эпоху кардинальных реформ российского общества Петру I мешала не старая элита как таковая. Препятствием являлся нерациональный (исходя из новых задач, стоявших перед государством) прин-

цип ее комплектования, базирующийся на приоритете родовитости перед личными заслугами.

Необходимость перемен стала очевидна уже в конце XVII столетия. В середине 70—80-х гг. Дума превращается в инструмент борьбы между различными придворными кланами. Реальное управление страной сосредоточивается в руках достаточно небольшой группы людей (как из состава Боярской думы, так и извне), формировавшейся в соответствии с личными предпочтениями государя и принципом «служебной годности». Активное расширение государева двора и Боярской думы в последней четверти столетия, их пополнение «новичками» продемонстрировали архаичность местнических традиций и старого подхода к чинопроизводству. Появление большого количества неродовитых людей привело к тому, что последние отказывались признавать местническое превосходство знати. Полная отмена местничества стала важнейшим фактом в истории служилого класса.[81]

По всей вероятности, именно эти факторы позволили царю сравнительно легко, без видимого сопротивления, создать новую систему высших государственных учреждений. Тем более что преобладающая часть кадров была унаследована от предыдущих структур — Боярской думы и государева двора.

В рамках новой складывающейся служилой иерархии «низкое происхождение» способного человека, попавшего в поле зрения Петра, не было препятствием для возвышения и успешной карьеры (по крайней мере формально). Наиболее ярким примером является А. Д. Меншиков, фактически ставший вторым по значимости лицом в стране: объем его переписки с государем был самым обширным. Однако таких людей среди приближенных царя встречается очень мало, хотя подчас они играли весьма важную роль.

Как видим, в петровское время имела место интеграция представителей новых фамилий в состав традиционной элиты. Полного и безусловного контроля старых боярских родов над государственным аппаратом или тем более противоположного процесса — вытеснения аристократических кланов из правящей верхушки страны — не было. Поэтому изменения в составе высшего чиновного слоя России точнее всего можно охарактеризовать терминами «преемственность» и «эволюция».

Отметим также, что для первой четверти XVIII в. нет оснований преувеличивать противостояние «боярских фамилий» и представителей «новой элиты». Более того, многие «новички» приобретали необходимых покровителей и с течением времени вступали в брачные союзы с выходцами из тех семей, которые уже находились у власти. Так, А. И. Остерман состоял в браке с дочерью стольника И. Р. Стрешнева — Марфой. Первой женой П. И. Ягужинского была А. Ф. Хитрово, а второй — дочь канцлера Г. И. Головкина — Анна. Дети Ягужинского заключили браки с членами семей Головиных, Лопухиных, кн. Гагариных, Ефимовских и Апраксиных. Благодаря удачным брачным союзам своих дочерей П. П. Шафиров породнился с кн. Гагариными, кн. Долгоруковыми, кн. Хованскими, Головиными и Салтыковыми. Сын вице-канцлера И. П. Шафиров был женат на дочери столь-

---

[81] *Седов П. В.* Социально-политическая борьба... С. 5—6, 10.

ника — Е. А. Измайловой. А. Д. Меншиков женился на представительнице рода Арсеньевых.[82]

Вообще родственные и патронажные связи являлись важными факторами, влиявшими на положение представителей элиты и процесс ее обновления. Работы Дж. ЛеДонна подтверждают, что назначения на высшие государственные посты в значительной степени зависели от расстановки сил в ходе межклановой борьбы. Придворные «партии» формировались вокруг конкретных лиц, а не политических идей и программ.[83]

Оценивая изменения, которые произошли в составе и структуре российской элиты в правление Петра I, нельзя не обратить внимание на характер взаимоотношений верховной власти и того слоя, который составлял ближайшее окружение государя.

Российская аристократия начала трансформироваться в служилую еще задолго до петровского царствования. Во второй половине XVI в. произошло уравнение службы с поместья и вотчины. Верхушка государева двора утратила значительную часть родового землевладения. Основным типом собственности для этого круга лиц постепенно становится жалованная вотчина. Земельные переселения периода опричнины и «особого двора» Ивана IV разрушили традиционные связи аристократии с уездным дворянством. Новый тип структуры государева двора (чиновный) поставил столичное дворянство в еще большую зависимость от верховной власти и отделил вошедших в состав «московского списка» от городовых служилых корпораций.[84]

Американский исследователь Р. Крамми точно подметил, что положение российской аристократии XVII в. причудливым образом сочетало в себе черты, свойственные элитам западноевропейских и восточных стран.[85] Как и на Западе, она доминировала в землевладельческой сфере, сохраняла прочные родственные связи и наследственность своего статуса (точнее, преимущественное право на получение высоких думных чинов, которое основывалось на традиции). С восточными элитами ее сближали обязательная государственная служба, слабое политическое и экономическое влияние в регионах, личная и имущественная зависимость от верховной власти, недостаток корпоративных прав и привилегий.

Интересные данные, касающиеся положения членов Боярской думы в XVII в., содержит недавно опубликованная работа М. По. Автор попытался количественно продемонстрировать степень воздействия на карьеру думного человека таких «врожденных» факторов (по терминологии М. По), как принадлежность к титулованной фамилии, наличие родственников в Думе до 1613 г. и при Романовых. Оказалось, что в совокупности все это предо-

---

[82] РБС. Т. Обезьянинов—Очкин. С. 406; т. Чаадаев—Швитков. С. 552, 561; т. Яблоновский—Фомин. С. 8, 24, 25; *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 1. С. 83, 276, 278—279, 327; кн. 2. С. 68, 86—87, 186.

[83] *LeDonne J.* Ruling Families... P. 233—251; см. также: *Crummey R.* Aristocrats... P. 82—106, 167.

[84] *Павлов А. П.* 1) Государев двор и политическая борьба... С. 200—203; 2) Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 89—104.

[85] *Crummey R.* Aristocrats... P. 168—174.

пределяло дальнейший рост по чиновной лестнице не более чем на 30 %.[86] Но главный вывод автором сделан не был. Мало вероятно, что при пожаловании в высшие думные чины представители таких княжеских фамилий, как Воротынские, Голицыны, Куракины, Одоевские, Трубецкие, Черкасские, на оставшиеся 70 % зависели от выгодного брака или патронажных связей. Неучтенным и важнейшим, на наш взгляд, фактором, определявшим судьбу любого служилого человека, оставалась верховная власть.

При Петре процесс превращения аристократии (уже как органической части дворянства) в служилый класс получил свое логическое завершение. Системообразующими элементами этого типа взаимоотношений самодержавия и элиты стали обязательная служба, необходимость получения образования и закон о единонаследии. В 1722 г. была издана Табель о рангах. В соответствии с законодательным актом карьера любого дворянина зависела от его служебной «годности» и личных заслуг перед монархом. Родовитость, «отечество» перестали быть основой иерархии внутри правящей верхушки, а самодержавная власть получила еще большую свободу при выдвижении и перемещениях должностных лиц. В результате Петровских реформ также усилились личная и имущественная зависимость российской элиты от монарха.

По этой причине вряд ли можно согласиться с тезисом, что итогом кадровой политики Петра I стало «укрепление влияния старомосковских боярских семей».[87] Напротив, усилилось самодержавие, сумевшее в конце XVII—первой четверти XVIII в. устранить последние препятствия, стоявшие на пути полного контроля абсолютизма над традиционной элитой московского периода. Ее модернизация, обучение, а также расширение правящего слоя за счет выходцев из других групп служилого класса, иностранных специалистов и отдельных представителей низов общества позволили Петру I сформировать социальную опору для подготовки и реализации своих реформаторских замыслов.*

---

[86] *Poe M.* The Russian Elite... Vol. 2. P. 239—271.

[87] *Hosking G.* Russia and the Russians: A History. Cambridge, 2003. P. 205.

* Автор благодарит А. П. Павлова и А. В. Жуковскую за ценные советы и замечания по тексту данной работы.

А. И. Раздорский

ИЗ ИСТОРИИ ОБЛАСТНОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

(Административно-территориальный статус Курска и Обояни в 1708—1719 гг.)

В общих работах по истории административно-территориального деления России обычно отмечается, что провинции, на которые делились губернии в XVIII в., впервые были учреждены в ходе областной реформы Петра I в 1719 г.[1] В курской исторической и краеведческой литературе об административно-территориальном статусе Курска и Обояни в первой половине XVIII в. говорится, что эти города в 1708 г. вошли в состав Киевской губернии, в 1719 г. были включены в состав Белгородской провинции Киевской губернии, а в 1727 г. причислены к новообразованной Белгородской губернии.[2] Однако имеются факты, указывающие на то, что провинции в России существовали еще до 1719 г., а Курск и Обоянь в период между 1708 и 1719 гг. являлись центрами Курской и Обоянской провинций Киевской губернии.

Канцелярия Курской провинции упоминается в книге таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. В указанном источнике отмечено, что в 1717 и 1718 гг. из этого учреждения на Курский кружечный двор дважды присылались партии черкасского табака-конфиската («пенного табака»).[3] Курская и Обоянская провинции упоминаются наряду с другими провинциями Киевской губернии (Белгородской, Белевской, Брянской, Карачевской, Ливенской, Орловской, Севской и Старооскольской) в «Ведении из Киевской губернии от 1 августа 1718 года о жалованье».[4] В историографии приведены данные о численности стрельцов в Курской провинции в 1718 г.[5] Наконец, в Российском государственном архиве древних

---

[1] См., например: *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 67; *Тархов С. А.* Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет [Электронный ресурс] // География: электрон. версия газ. 2001. № 15. (Спец. вып.). URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200101502> (13.03.2006).

[2] См., например: Курск: Очерки истории города. 3-е изд. Воронеж, 1975. С. 59, 268.

[3] РГАДА. Ф. 273 (Камер-коллегия). Оп. 1. Ч. 8. Кн. 32772. Л. 616 об.—617, 620 об.

[4] См.: *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708—1719 г.) М., 1876. С. 24.

[5] *Рабинович М. Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII века // Исторические записки. М., 1955. Т. 53. С. 273—305; то же [Электронный ресурс] // Oderint dum probent:

© А. И. Раздорский, 2007

актов в Москве сохранился комплекс делопроизводственной документации канцелярии обер-коменданта Курской провинции, входящий в состав фонда № 1043 («Канцелярия Курской провинции, земский комиссар, провинциальный фискал, полковой двор»).[6]

Первые провинции в России были учреждены именным указом от 27 октября 1699 г. «О составлении купцами, как и в других государствах, торговых компаний, о расписании городов по торговым делам на провинции...».[7] Они имели значение не государственных административно-территориальных единиц, а торгово-административных округов. Во главе их были поставлены провинциальные бурмистры, находившиеся в ведении Бурмистерской палаты (позднее Ратуши). Известно, что статус провинциальных городов в 1699 г. получили Новгород, Псков и Астрахань, определение же других центров провинций было передано на «усмотрение общества».[8] К сожалению, полный перечень городов, ставших центрами торговых провинций, неизвестен. Можно только предположить, что на роль таких центров могли претендовать прежде всего те города, которые имели наибольшее торговое значение, в том числе, вероятно, и Курск, который в XVII в. относился к числу важнейших торговых центров на юге страны.[9]

Первая российская губерния — Ингерманландская — фактически была образована в 1706 г.,[10] а именным указом от 18 декабря 1708 г. вся территория страны официально была разделена на восемь губерний (Азовскую, Архангелогородскую, Ингерманландскую (с 1710 г. С.-Петербургская), Казанскую, Киевскую, Московскую, Сибирскую и Смоленскую), между которыми были распределены существовавшие до этого уезды.[11] Но в течение всего 1709 г. продолжала действовать прежняя уездная система административно-территориального деления. Вновь назначенным губернским правителям был дан год, чтобы войти в курс дела по управлению вверенными им территориями, а также собрать сведения о доходах, подлежащих взиманию в их губерниях. Новый порядок деления страны на губернии был введен в действие только с 1710 г.[12]

Управление такими огромными регионами, какими являлись учрежденные в 1708 г. губернии, было делом весьма непростым. Поэтому вскоре после образования губерний в составе некоторых из них возникли новые осо-

---

[веб-журн.]. 2004. URL: <http://www.milhist.ru/index.hph?pageid=art.php&releascnum=1&articlenum=28&skinnum=3&skinnum2=0> (13.03.2006). В 1718 г. в Курске и Курской провинции числилось 99 стрельцов, в том числе 62 годных к службе.

[6] См.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель в т. 4. М., 1997. Т. 3. Ч. 1. С. 242.

[7] ПСЗ. Т. 3. № 1706. С. 653—654.

[8] *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 16.

[9] О торговом значении Курска в XVII в. см.: *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 285—289.

[10] *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 18—19; см. об этом также: *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 264.

[11] ПСЗ. Т. 4. № 2218. С. 436—438.

[12] *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 26—27; *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России... С. 279—280.

бые административно-территориальные единицы — провинции, занявшие промежуточное иерархическое положение между губернией и уездом.[13] Общего указа о введении провинциального деления издано не было. Провинции, объединявшие в себе, как правило, несколько уездов, учреждались не на основании законов (именных указов) и даже не официальными правительственными распоряжениями (сенатскими указами), а чисто административным порядком, т. е., по-видимому, нарезались по своему усмотрению губернаторами. Поэтому установить точную дату образования той или иной провинции, а также ее территорию довольно затруднительно. Согласно предположению П. Н. Мрочек-Дроздовского, при учреждении провинций власти пользовались уже существовавшими территориальными единицами, т. е. торговыми провинциями 1699 г.[14]

Во главе провинций 1708—1719 гг. стояли обер-коменданты, назначавшиеся на эту должность именными или сенатскими указами.[15] В их ведении находились вопросы административного, военного, полицейского и финансового управления и суда на подведомственных территориях. При обер-комендантах действовали канцелярии, выполнявшие посредствующие функции между высшими (губернскими канцеляриями) и низшими (до 1715 г. комендантскими, а в 1715—1719 гг. ландратскими канцеляриями) местными учреждениями общего управления. Но о подчиненности канцелярий обер-комендантов губернским канцеляриям и подчиненности им в свою очередь комендантских и ландратских канцелярий с уверенностью говорить нельзя, поскольку в 1710-е гг. принцип иерархии разных учреждений впервые начал вводиться в местное управление и положение в нем структур среднего звена было наименее устойчивым. Численность, подведомственность, структура и порядок делопроизводства канцелярий обер-комендантов не были как-либо регламентированы. Неопределенность характерна и для компетенции этих органов. Главное место в их деятельности занимали сбор налогов, борьба с бегством, контроль за исполнением повинностей лицами разных сословий, охрана прав владения, набор рекрутов и работных людей, учет населения, принятие мер по донесениям фискалов о должностных злоупотреблениях.[16]

---

[13] Известно, что помимо указанных провинций Киевской губернии в период между 1708 и 1719 гг. в составе С.-Петербургской губернии существовали Ярославская и Псковская провинции; в Московской — Серпуховская, Владимирская, Ростовская, Звенигородская, Калужская, Костромская и Каширская; в Азовской — Воронежская и Тамбовская; в Казанской — Нижегородская и Симбирская; в Архангелогородской — Галицкая и Устюжская. Смоленская губерния вошла в 1713 г. в состав вновь образованной Рижской губернии в качестве провинции (см.: *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 23—24; *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719—27 гг. М., 1902. С. 48; Российский государственный архив древних актов. Т. 3. Ч. 1. С. 241). В литературе в отношении провинций 1708—1719 гг. встречается определение «протопровинции».

[14] *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 25.

[15] Там же. С. 47—48.

[16] *Бабич М. В.* Канцелярия обер-коменданта провинции // Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церкововного и ведомственного деления (конец XV века—февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 2: Д—К. М., 1999. С. 212—213.

Провинции 1708—1719 гг. являлись еще не вполне сложившимися государственными административно-территориальными единицами, поэтому в одних губерниях (например, в Московской) весь штат провинциального управления был укомплектован полностью, а в других губерниях провинции существовали лишь номинально, без соответствующего правительственного персонала. Известны случаи (относящиеся к Киевской губернии), когда провинциями управляли не обер-коменданты, а ландраты.[17]

По именному указу от 28 января 1715 г. было введено разделение губерний на ландратские доли — территории, насчитывающие по 5536 тяглых дворов (при необходимости от этой цифры допускались отступления в ту или другую сторону).[18] По своему административному значению доли были равны уездам, но территориально в большинстве случаев с ними не совпадали. Во главе долей были поставлены ландраты со своими канцеляриями, подчиненные губернскому ландратскому совету под председательством губернатора.[19] При этом вмешиваться в посадские дела ландратам запрещалось (управление городом и суд над городскими обывателями были предоставлены бурмистрам). Названный указ предусматривал упразднение должности гражданских обер-комендантов и ликвидацию провинций, но на деле этого не произошло.[20] Это подтверждается, в частности, тем, что провинции (в том числе Курская и Обоянская) продолжают упоминаться в правительственных документах и после 1715 г.

Указ 1715 г. о разделении страны на доли формально упразднял старую уездную систему. Но фактически уезды продолжали существовать и после этого. В 1719 г. в ходе провинциальной реформы доли были ликвидированы, а вместо них введены новые административно-территориальные единицы — дистрикты, возглавлявшиеся земскими комиссарами.[21] Но и дистрик-

---

[17] *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 49, 64.

[18] ПСЗ. Т. 5. № 2879. С. 138—140; *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого... С. 48—49. — В качестве условной счетной единицы для определения платежеспособности губерний при составлении бюджета доли были введены 14 октября 1710 г. (см.: ПСЗ. Т. 4. № 2305. С. 580; *Бельдова М. В.* Доля // Государственность России... Кн. 2. С. 57).

[19] В РГАДА сохранились комплексы документов Белгородской, Белевской, Брянской, Карачевской, Корочанской, Кромской, Обоянской, Орловской, Путивльской, Рыльской и Старооскольской ландратских канцелярий Киевской губернии (Российский государственный архив древних актов. Т. 3. Ч. 1. С. 243—266). Сведений о существовании Курской доли в нашем распоряжении не имеется.

[20] *Бабич М. В.* Канцелярия обер-коменданта провинции. С. 213.

[21] *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого... С. 140. — Изначально дистрикты нарезались исходя из нормального числа в 2000 тяглых дворов в каждом. При этом в одних случаях уезд мог дробиться на несколько дистриктов, в других, наоборот, два небольших уезда соединялись в один дистрикт, иногда же уезд территориально совпадал с дистриктом. В 1724—1727 гг. параллельно существовали и так называемые «полковые» дистрикты, представлявшие собой округа, в которых собиралась подушная подать на определенную воинскую часть (поэтому количество таких дистриктов соответствовало числу полков армии). «Полковые» дистрикты по территории были обычно больше «земских». Земские комиссары, стоявшие во главе последних, бессрочно назначались на этот пост Камер-коллегией. В «полковых» же дистриктах с 1724 г. действовали «комиссары от земли», избиравшиеся уездными землевладельцами на определенный срок и ответственные перед ними за сбор подушной подати (там же. С. 424—426, 443). Вопрос о составе и границах «земских» и «полко-

ты не заменили собой уезд. «Старинное, вековое деление — уезд, — писал по этому поводу М. М. Богословский, — обнаруживает необыкновенную живучесть и оказывает сопротивление всем рациональным операциям, которые производила над ним реформа, стремясь сохранить свою неприкосновенность и в очень большом числе случаев только переименовываясь в новую областную единицу».[22] Курский уезд, например, постоянно фигурирует в различных источниках 1715—1727 гг., в том числе в документах канцелярии обер-коменданта Курской провинции, в книге таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г., в переписной книге Курска 1723 г.[23]

Государственное строительство в России в 1708—1719 гг. находилось в стадии интенсивного реформирования, происходившего к тому же в условиях военного времени. Поэтому неудивительно, что иерархия, функции, структура и компетенция различных органов государственной власти в этот переходный период еще не были четко определены, а состав административно-территориальных единиц и границы между ними не отличались стабильностью.[24]

Курская провинция была образована в 1712 г. В «Описании Курского наместничества» С. И. Ларионова сказано, что «в 1712 году учреждена была в Курске губернская канцелярия, отделенная от Киевской губернии по способности, за отдалением многих городов от Киева».[25] Нет сомнений, что речь здесь идет именно о провинциальной канцелярии. В период становления новой административно-территориальной системы в наименовании ее отдельных единиц еще не было выработано четкого порядка, и провинции иногда могли называть губерниями. Так, Воронежская провинция Азовской губернии в документах нередко именовалась «губернией».[26]

С. И. Ларионов указывает, что в 1712—1714 гг. в Курскую провинциальную («губернскую») канцелярию входили «комендант» (обер-комендант?) полковник Григорий Алексеевич Калтовской[27] и «из Орла воевода» стольник Логин Михайлович Щербачев. При них в дьяках в 1712 г. состоял Ва-

---

вых» дистриктов Белгородской провинции в 1719—1727 гг. требует отдельной разработки.

[22] Там же. С. 146—147.

[23] В 1727 г. в ходе очередной административно-территориальной реформы уезды были восстановлены, а дистрикты упразднены. Во главе уездов были вновь поставлены воеводы (см.: *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1: Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. М., 1913. С. 27—30, 69, 103—105).

[24] Орел, приписанный в 1708 г. к Киевской губернии, в 1713 г. числился в составе Смоленской губернии (см.: *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 23).

[25] *Ларионов С. И.* Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 26; то же // Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. [Курск, б. г.]. С. 14 5-й паг.

[26] *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 24—25.

[27] В «Российской родословной книге», изданной П. В. Долгоруковым, в родословной росписи Колтовских числится Григорий Алексеевич Колтовской. Любопытно, что его дед Дмитрий Федорович Колтовской в 1631 г. являлся курским воевой (см.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 133, 135—136).

силий Овсянников, а в 1713—1714 гг. — Аверкий Леонтьев. Комиссаром «у сборов» в 1712 г. был Леонтий Иванов сын Рудин.[28] «Городовое правление» в Курске в 1713—1714 гг. осуществлял «стольник и обер-комиссар» Иван Иванович Вельяминов-Зернов (в 1710 г. он проводил подворную перепись населения Курска), комиссаром «у сборов» в это время был Максим Петров сын Каменев. В 1715 г. во главе курского городового правления также находился Вельяминов-Зернов, получивший к этому времени статус «черниговского коменданта» (как это географическое определение сочеталось с местом его службы в Курске, непонятно). В том же году его сменил на этой должности думный дворянин Семен Протасьевич Неплюев, который «перепись делал» (участвовал в составлении ландратских книг?[29]). В 1716—1718 гг. «правление города» осуществлял Иван Григорьевич Долженков, комиссаром («у сборов»?) был Федор Афанасьевич Бехтеев. В 1719 г. в качестве городского правителя фигурирует упоминавшийся выше Максим Каменев (он подавал сказки 1-й ревизии по Курску).[30]

Таким образом, судя по приведенным С. И. Ларионовым данным, во главе Курской провинции в 1712—1714 гг. стоял Г. А. Калтовской. При этом непосредственное управление городом в 1713—1719 гг. находилось в заведовании особого «городового правителя». Статус и административная подчиненность последнего не совсем ясны.[31] Можно предположить, что по своим функциям он соответствовал должности коменданта, занимавшего по отношению к начальнику провинции, т. е. обер-коменданту, младшее положение. Кто именно возглавлял Курскую провинцию в 1715—1719 гг., С. И. Ларионов не сообщает. Возможно, у него не было сведений на этот счет (в его труде имеются, например, лакуны в списке курских воевод XVII в.). Но наиболее вероятно, на наш взгляд, что в этот период должности обер-коменданта Курской провинции и курского городового правителя были объединены между собой.[32] Причинами такого положения могла быть и ощущавшаяся в это время нехватка соответствующих кадров (обер-комендантами были люди военные), а также стремление государства сэкономить денежные средства на жалованье должностным лицам путем сокращения их численности.

Время учреждения Обоянской провинции и состав возглавлявших ее должностных лиц пока остаются, к сожалению, невыясненными.

Неизвестен нам также и точный территориальный состав Курской и Обоянской провинций. Пределы Курской провинции ограничивались, судя

---

[28] В 1714 г. он числится среди ландратов Киевской губернии, назначенных по сенатскому указу (*Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 61).

[29] Так называемая «ландратская» перепись проводилась в течение 1716—1717 гг. (*Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России... С. 407).

[30] *Ларионов С. И.* Описание Курского наместничества... С. 26—27.

[31] Точно известно, что под «городовыми правителями» имеются в виду не бурмистры. В 1717 г. курским бурмистром являлся Родион Петров сын Ветчинкин, а в 1719 г. — Иван Алексеев сын Даншин (РГАДА. Ф. 273 (Камер-коллегия). Оп. 1. Ч. 8. Кн. 32772. Л. 385 об., 618 об.).

[32] «Городские правители» существовали в Курске и после 1719 г.: с 1719(?) по 1722 г. на этой должности находился Меркул Дементьевич Позняков. С 1722 по 1727 г. правителей не было и город находился в ведении Курского надворного суда (*Ларионов С. И.* Описание Курского наместничества... С. 14—15).

по всему, территорией лишь самого Курского уезда, т. е. фактически ему был просто придан более высокий провинциальный статус без приписки к нему других прилегающих уездов, как это происходило в случае с большинством других провинций. Об этом косвенным образом свидетельствует тот факт, что в названиях документов, числящихся в описи указанного выше архивного фонда канцелярии Курской провинции, упоминается исключительно Курский уезд.[33] Близлежащие к Курску города, существовавшие в начале XVIII в., по своему географическому положению едва ли могли принадлежать к Курской провинции. Обоянь и Старый Оскол сами являлись провинциальными центрами. Рыльск относился, скорее всего, к Севской провинции (именно к ней он был приписан после провинциальной реформы 1719 г.). Кромы, видимо, входили в состав Орловской провинции. Из городов, которые гипотетически могли принадлежать к Обоянской провинции, можно указать, пожалуй, только Суджу (более южные города, расположенные близ Белгородской черты или лежащие на ней, наверняка были причислены к Белгородской провинции). Но, скорее всего, Обоянская провинция, как и Курская, ограничивалась территорией только самого Обоянского уезда.

Именным указом от 29 мая 1719 г. было введено новое административно-территориальное устройство государства: Россия подразделялась на 11 губерний, включавших в свою очередь 50 провинций. Курск и Обоянь вошли в состав Белгородской провинции Киевской губернии.[34] Прежние провинции, существовавшие в 1708—1719 гг., в том числе Курская и Обоянская, были ликвидированы. В Киевской губернии вместо 10 провинций, существовавших в 1718 г., осталось только четыре: Киевская, Белгородская, Орловская и Севская.

Почему Курск не удержал статуса провинциального центра? Ведь он в рассматриваемое время относился к числу крупнейших городов страны и был больше Белгорода.[35] Главная причина видится в том, что при выборе новых провинциальных центров пограничной Киевской губернии правительство ориентировалось прежде всего на военно-административное значение городов, а главным военно-административным центром на юге Великороссии еще с XVII в. был не Курск, а Белгород — главный город Белгородской черты и центр Белгородского разряда.[36]

---

[33] Судя по описи этого фонда в его состав входили преимущественно частные дела о беглых крестьянах, о спорных землях, об убийствах, избиениях, кражах, грабежах, оскорблениях и т. п. Отдельных дел, содержащих, например, роспись территорий, входящих в состав Курской провинции, или списки ее должностных лиц, в описи не зафиксировано.

[34] ПСЗ. Т. 5. № 3380. С. 701—710. — О количестве провинций см.: *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого... С. 50.

[35] В росписи провинций 1719 г. отмечено, что в Курске было 7211 дворов, а в Белгороде только 2728 (ПСЗ. Т. 5. № 3380. С. 705). По данным первой ревизии 1719—1722 гг., в Курске числилось 2554 жителя мужского пола, что ставило его в один ряд с такими крупными городскими центрами, как например Новгород и Вологда. По численности посадского населения он занимал в это время 15-е место в стране. Ко второй ревизии 1744—1745 гг. число жителей мужского пола в Курске возросло до 3282, и он по этому показателю вошел в десятку крупнейших городов Российской империи (см.: *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 89, 90, 103).

[36] По-видимому, эти же соображения были приняты во внимание и при выборе города для основания новой архиерейской кафедры на юге страны в 1660-е гг. Как изве-

Правда, в 1719 г. Курск, утратив значение провинциального центра, приобрел статус главного центра судебной власти всей Киевской губернии. В городе был учрежден надворный суд — гофгерихт, подведомственный Юстиц-коллегии.[37] Но статусом этим Курск пользовался недолго: с учреждением в 1727 г. Белгородской губернии Курский надворный суд был упразднен и город в административном плане превратился в рядовой уездный центр, которым он и являлся вплоть до учреждения Курского наместничества в 1779 г.

История административного статуса и территориальной принадлежности Курска, Обояни и других городов нынешнего Курского края (Рыльска, Суджи) в переходный период 1708—1719 гг., а также структура и функции местных органов власти и личный состав их должностных лиц требуют дальнейшего изучения. Данная актуальная и перспективная тема[38] вполне может стать предметом специального монографического (в том числе диссертационного) исследования.[39] При этом наиболее значимые результаты могут быть достигнуты в ходе разработки различных архивных материалов, сосредоточенных в РГАДА, и прежде всего — сенатских дел этого периода.

стно, она была открыта в 1667 г. в Белгороде. В 1681 г. планировалось также открыть архиерейскую кафедру в Курске, но это предложение не было реализовано (см.: АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 111).

[37] *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого... С. 186. — Помимо Курска надворные суды были учреждены в Петербурге, Москве, Казани, Ярославле, Воронеже, Нижнем Новгороде, Смоленске, Тобольске, Енисейске и Риге.

[38] Ее актуальность очевидна особенно сегодня в связи с обсуждением проектов нового административно-территориального деления Российской Федерации.

[39] См., например, подобные исследования по другим регионам: *Данченко В. Г.* Губернская реформа Петра I на Северо-Западе России: (Административное управление Санкт-Петербургской губернией): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; *Комолов Н. А.* 1) Формирование Азовской губернии и деятельность высших губернских администраторов в 10—20-е годы XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998; 2) Средние и низшие административно-территориальные единицы Азовской губернии в 1710—1720-е гг. // Из истории Воронежского края: Сб. ст. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 65—76; *Юркин И. Н.* Трансформация административного деления Тульского края в 1708—1719 гг. как компонент процесса его становления в качестве региона // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем: Материалы VII Регион. науч. конф. по ист. демографии и ист. географии, посвящ. 75-летию проф. В. П. Загоровского (1925—1994). Воронеж, 2000. С. 132—135; то же [Электронный ресурс] // Тульский государственный университет: [офиц. сайт]. Тула, [б. г.]. URL: <http://main.tsu.tula.ru/faculty/person/Yurkin/works/shtud/119.htm> (01.12.07).

С. Н. Искюль

НА ПУТИ К СОСЛОВНОМУ РАСКРЕПОЩЕНИЮ
(манифест от 18 февраля 1762 г.)*

В письме к одному из друзей в 1803 г., живописуя московские окрестности, в особенности Люберцы, Н. М. Карамзин писал: «Петр III, будучи Великим Князем, желал иметь в Люберцах сельской дом; но его не успели достроить, и заготовленные материалы, отвезенные в Москву, послужили для строения Воспитательнаго Дому. *Я, как Руской и дворянин, желал видеть место, которое понравилось Петру III. Он подписал два указа, славные и безсмертные...*» (выделено нами. — *С. И.*).[1]

Современники Карамзина не нуждались в пояснениях; для них, людей образованных и в большинстве своем дворян, и так было ясно, какие указы имеются в виду: речь идет о манифестах о вольности дворянства и об уничтожении Тайной розыскных дел канцелярии.

18 января 1762 г. «Санктпетербургские ведомости» сообщили:

«Вчерашняго числа Его Императорское Величество, Всемилостивейший наш Государь, прибыв в Правительствующий Сенат с многочисленною придворною свитою в 10 часов по полуночи, высочайше соизволил во время своего во оном Сенате присутствия собственною своею рукою подписать многие указы и как Российскому дворянству, так и всему народу оказать неизреченные знаки Высокомонаршей своей милости, о которых впредь обстоятельно объявлено будет».

Сенат находился в то время на Васильевском острове, в здании Двенадцати коллегий, точнее — в первом его от набережной Невы отделении. После заседания Петр III проследовал через весь корпус, туда, где помещался Священный Синод. Там император был встречен членами Синода во главе с преосвященным Димитрием, произнесшим по этому случаю одну из своих выдающихся речей:

«Светлеется сие священное место, радуется духовное сие собрание; веселыми и доброжелательными сердцами и устнами исходит во сретение дражайшего гостю, начальнику и главе своей вопиет: благословен грядый

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках Конкурса российско-французских совместных проектов Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции 2007 г.

[1] *Карамзин Н. М.* Сочинения. СПб., 1848. Т. 1. С. 451.

© С. Н. Искюль, 2007

во имя Господне; гряди, глагословенная главо, к членам твоим и сяди на место деда твоего Петра Великаго, собрание сие основавшаго и утвердившаго; восприими суд и правду, ибо честь царева суд любит; буди столп и утверждение церкви христовой; понуди делатели на жатву; поостри их к ревности, да со страхом делают дело господне; устраши противящихся церковной власти; устраши уничижающих церковной власти; устраши уничижающих духовное сие правительство; устраши клеветников, недовольных судом духовным, да мы тобою подкрепляемы верно Богу и тебе послужим, с радостию сие творяще, а не воздыхающе; а дело наше со словом твоим действительно будет, ибо и слово твое сильно, и меч твой страшен. Умудряет и удивляет тебе Господь в делах воинских и гражданских! Да умудрит и в делах церковных, как благочестивых монархов: Константина, Феодосия и Юстиниана и деда твоего Петра, и делом, и славою великих, усердно собрание сие желает, и крайняго судию своего в судилище священном поздравляет».

Слова архиепископа Новгородского могут показаться несколько подобострастными по отношению к присутствовавшему государю, но, во-первых, это была принятая в то время форма обращения, а во-вторых, по сути они оказались справедливыми, ибо Петр Феодорович свершил выдающееся деяние. По словам историка, впервые занявшегося изучением царствования Петра III, «этот государь, имя и дела которого *так умышленно были доселе помрачаемы* (курсив наш. — *С. И.*), совершил, так или иначе, дело бессмертное: он сделал громадный шаг к освобождению *рабов российских*; он освободил передовое сословие русского народа от зависимости, совершенно равной крепостному состоянию».[2] Для того времени это и на самом деле было так: будучи высшим государственным и ближайшим к престолу сословием, дворянство в течение долгого времени не было сословием привилегированным, а владение крестьянами (исключительно дворянская привилегия только с 1743 г.) было позволено дворянам только для того, чтобы сделать возможной их обязательную службу государю.

Существует курьезная версия появления этого важнейшего указа Петра III. О ней впервые рассказал князь М. М. Щербатов в своей записке «О повреждении нравов в России» со слов бывшего секретаря императора Дмитрия Васильевича Волкова: «Петр Третий, дабы скрыть от Граф[ини] Елиз[аветы] Романовны, что он в сию ночь будет веселиться с новопривозною (Еленой Степановной Чоглоковой, впоследствии княгиней Куракиной. — *С. И.*), сказал при ней Волкову, что имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известнаго им важнаго дела в разсуждении благоустройства Государства. Ночь пришла, Государь пошел веселиться с Княгиней Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтрему какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с датской собакою. Волков, не зная ни причины, ни намерсния Государскаго, не знал о чем писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкия вытвержения Государю от Графа Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства, седши написал манифест о сем. — По утру его из за-

---

[2] *Семевский М.* Шесть месяцев из русской истории. Очерк царствования Петра III. 1761—1762 гг. // Отечественные записки. 1867. № 8. С. 762—763.

ключения выпустили, и манифест был Государем апробован и обнародован».[3]

То, что эта «версия» абсолютно несправедлива и бездоказательна, очевидно, если принять во внимание вышеприведенные обстоятельства появления манифеста, но это еще не все. Надо иметь в виду, что записка Щербатова писалась в эпоху правления Екатерины II, и в некоторых из своих скандальных разоблачений он явно склонен был распространиться и на предшествующее царствование. Историк воспользовался тем, что абсолютно ложно передавал ему бывший секретарь императора, не участвовавший в составлении манифеста о вольности дворянства, но после низложения Петра III, желая сохранить свое положение, отчетливо понимавший, чего от него ждут (и поэтому заинтересованный создать неблагоприятное впечатление о поступках свергнутого императора). Таким образом, «рассказ Щербатова более жолчен, чем правдоподобен».[4] Характерно, что «версия» Щербатова сначала была включена в «Курс русской истории» В. О. Ключевского, но при подготовке части IV своего курса историк опустил всякое упоминание о ней.

В своих скандальных мемуарах известный генеалог князь Петр Владимирович Долгоруков там, где он пишет о семействе Корфов, останавливается на характеристике генерал-аншефа и генерал-губернатора «Кёнигсбергской провинции» России барона Николая Андреевича Корфа: «Это был человек порядочный, честный, неподкупный, вполне любезный и прекрасного сердца, хотя наделенный несколько изрядной живостью характера и подверженный приступам неистовства, особенно когда бывал под винными парами, что с ним случалось довольно часто. Любимец Петра III, этого великого поклонника бутылки, он оказал российскому дворянству услугу, за которую ему следовало бы поставить памятник: это он убедил Петра III избавить дворянство от телесных наказаний и позволить дворянам уходить со службы в отставку по собственному желанию». Однако, как и во многих других случаях, Долгоруков не приводит ни одного доказательства этой версии.

В примечаниях П. В. Долгоруков приводит и другую, анекдотичную, версию появления манифеста. Оказывается, права российского дворянства были выиграны у Петра III его любимцем, бароном Николаем Андреевичем Корфом, на бильярде.[5] Автор мемуаров справедливо опровергает достоверность этого анекдота.

Александр Сергеевич Пушкин, живо интересовавшийся отечественной историей и всерьез относившийся к своим «историографическим» опытам, которые позволили ему документально представить себе картину российской истории екатерининского царствования, в наброске «О дворянстве», отбрасывая всякие сомнения как безосновательные, писал: «Петр III — *истинная причина дворянской грамоты*».[6] Поэту едва ли были известны за-

---

[3] «О повреждении нравов в России» князя Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. С. 77—78.

[4] *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 192.

[5] *Dolgoroukoff.* Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow. Genève, 1867. T. I. P. 415.

[6] *Пушкин А. С.* Собрание сочинений / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. V. С. 433.

писки академика Якоба Штелина, но подтверждение своей догадке он мог найти именно там: ученый вспоминал, что, еще будучи наследником, Петр Феодорович «часто говорил» о необходимости закрепления прав и привилегий дворянства, а также о необходимости принятия других мер, в частности по упразднению Тайной розыскных дел канцелярии.[7]

Одна из причин появления этого знаменательного указа, по мнению одного из последних исследователей истории дворянства дореволюционной России барона С. А. Корфа, состояла в следующем: «Стремление дворянства освободиться от обязательной службы было давно известно правительству — воспользоваться именно этой мыслью для приобретения симпатий целого сословия и было, надо полагать, единственной целью Петра III».[8] На самом же деле речь шла о приведении к согласию интересов земле- и душевладельцев с интересами государства. Разумеется, к этому присоединяется и ряд иных объяснений, из которых главные, очевидно, состоят в необходимости сокращения армии в связи с завершением Семилетней войны, что давало правительству возможность упорядочить финансово-хозяйственные отношения внутри страны и рост российского служилого чиновничества, который ко второй половине XVIII в. позволял отказаться от обременительной для дворянства обязанности.

Объявленный Сенату 17 января, манифест явился в окончательно отредактированном виде из-под пера генерал-прокурора и генерал-кригскомиссара А. И. Глебова 18 февраля 1762 г.:

«Безсмертныя славы, премудрый Монарх, Любезный Государь Дед Наш, Петр Великий, и Император Всероссийский, какую тягость и коликие труды принужден был сносить единственно для благополучия и пользы отечества своего, возводя Россию к совершенному познанию, как военных, гражданских, так и политических дел, тому не только вся Европа, но и большая часть света неложный свидетель.

Но как к возстановлению сего нужно было, в наипервых, яко главный в Государстве Член, благородное Дворянство, приучить и показать, сколь есть велики преимущества просвещенных Держав в благоденствии рода человеческаго против безчисленных народов, погруженных в глубине невежеств; то по сему в тогдашнее же время самая крайность настояла Российскому Дворянству, оказывая отличные свои к ним знаки милости, повелел вступать в военныя и гражданския службы, и сверх того обучать благородное юношество, не только разным свободным наукам, но и многим полезным художествам, посылая оных в Европейския Государства и для того ж самаго учреждая и внутрь России разныя училища, дабы с наивящею поспешностию достигнуть желаемаго плода.

Правда, что таковыя учреждении, хотя в начале частию казались тягостными и несносными для Дворянства, лишаться покоя, отлучаться домов, продолжать против воли своей самим военную и другия службы, и детей своих в оныя записывать, от которой некоторые укрывались, под-

---

[7] *Штелин Я.* Записки о Петре Третьем, императоре Всероссийском // ЧОИДР. М., 1866. Кн. IV. Отд. 5. С. 98.

[8] *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие. 1762—1855 гг. СПб., 1906. С. 4.

вергая себя за то не только штрафам, но лишались имений своих, как нерадивые о своем и потомков своих добре».

Отдавая затем должное умножению наук и просвещения при Петре Великом и особенно при Елизавете Петровне, император отмечал, что *«всяк истинный сын отечества своего признать должен, что последовали от того неисчетныя пользы, истреблена грубость в нерадивых о пользе общей, переменилось невежество в здравый разсудок, полезное знание и прилежность к службе умножило в военном деле искусных и храбрых Генералов, в гражданских и политических делах поставило сведующих и годных людей к делу, одним словом заключить, благороднyя мысли вкоренили в сердца всех истинных России патриотов безпредельную к Нам верность и любовь, великое усердие и отменную к службе Нашей ревность, а потому и не находим Мы той необходимости, в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была.*

Поэтому ⟨...⟩ *из Высочайшей Нашей Императорской милости, отныне впредь на вечныя времена и в потомственные роды жалуем Мы всему Российскому благородному Дворянству вольность и свободу».*

Продолжение же «службы государевой» дворянству предлагалось на следующих условиях.

«...Все находящиеся в разных Наших службах Дворяне могут оную продолжать, сколь долго пожелают и их состояние им дозволит, однако ж военные ни во время компании, ни пред начинатием оной за три месяца о увольнении из службы или абшида (нем. — отпуск) *просить да не дерзают, но по окончании как внутрь, так и вне Государства; состоящие в военной службе могут просить у командующих над ними о увольнении из службы или отставки и ожидать резолюции; состоящие во всяких Наших службах, в первых осьми классах, от Нашей Всевысочайшей конфирмации, а прочие чины получают определение по Департаментам, до которых оные принадлежат.*

... Всех служащих Дворян за добропорядочную и безпорочную Нам службу награждать при отставке по одному рангу, если в прежнем чине, с которым к отставке идет, больше года состоял, то таковых, кои от всех дел увольнения просить будут; а кои из военной в статскую службу пожелают вступить и ваканции будут, то и таковым, по разсмотрении определяя, награждении чинить, если три года в одном ранге состоял, то есть в том, с которым идет к статской или другой какой Нашей службе.

... Кто ж, будучи в отставке некоторое время или после военной находяся в статской и других Наших службах, пожелает паки вступить в военную службу, таковые приняты будут, естьли их к тому достоинствы окажутся, теми ж чинами, в каковых они состоят, с переименованием военных чинов, но старшинством младшими пред всеми теми, кои с ними, когда они из военной службы уволены, в одних рангах состояли ⟨...⟩

...Кто ж, будучи уволен из Нашей службы, пожелает отъехать в другия Европейския Государства, таким давать Нашей Иностранной Коллегии надлежащие паспорты безпрепятственно с таковым обязательством, что куда нужда востребует, то б находящиеся Дворяне вне Государства Нашего явились в своем отечестве, когда только о том учинено будет надлежащее обнародование, то всякой в таком случае повинен со всевоз-

можной скоростию волю Нашу исполнить, под штрафом секвестра его имения».

Пожалуй, это была единственная до некоторой степени стеснительная для российского дворянства статья манифеста.

Но далее в манифесте говорилось:

«...Продолжающие службу, кроме Нашей, у прочих Европейских Государей Российские Дворяне могут, возвратясь в отечество свое, по желаниям и способности вступить на ваканции в Нашу службу ⟨...⟩

... А как по сему Нашему Всемилостивейшему установлению никто уже из Дворян Российских неволею службу продолжать не будет, ниже к каким-либо земским делам от Наших учрежденных правительств употребится, разве особливая надобность востребует, но то не инаково, как за подписанием Нашей собственной руки Именным указом повелено будет ⟨...⟩

... Хотя сим Нашим Всемилостивейшим узаконением все благородные Российские Дворяне, навсегда вольностию пользоваться будут, но Наше к ним отеческое попечение еще далее простирается, и о малолетных их детях, коих отныне повелеваем для единственного только сведения объявлять в 12 лет от рождения их в Герольдии, в Губерниях, Провинциях и городах, где кому выгоднее и способнее, причем от родителей ⟨...⟩ брать известии, чему они до двенадцатилетнего возраста обучены, и где далее науки продолжать желают, внутрь ли Нашего Государства у учрежденных на иждивении Нашем разных училищах, или в прочих Европейских Державах, или в домах своих чрез искусных и знающих учителей ⟨...⟩; однакож, чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному Дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким Нашим гневом ⟨...⟩», и для того те из дворян, у кого не более 1000 душ крестьян, должны «объявлять» своих детей в Шляхетный Кадетский корпус, по выходе из которого каждый волен пойти или не пойти служить.

В заключение манифест провозглашал следующее:

«⟨...⟩ *Мы, Нашим Императорским словом, наиторжественнейшим образом утверждаем, навсегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах, и нижепоследующие по Нас законные Наши Наследники в отмену сего в чем-либо поступить* [не] *могут* («не» — весьма существенный пропуск, который меняет весь смысл, допущен и в опубликованном в 1762 г. тексте манифеста, и в публикации манифеста в «Полном собрании законов...»), *ибо сохранение сего Нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением Самодержавнаго Всероссийскаго Престола; напротиву ж того Мы надеемся, что все благородное Российское Дворянство, чувствуя толикия Наши к ним и потомкам Щедроты, по своей к Нам всеподданнической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностию и желанием в оную вступать, и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать, неменьше и детей своих с прилежностию и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели, но только как сами в лености и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какия полезныя науки не употребят, тех Мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать* (уничижительно относить-

ся. — *С. И.*), *всем Нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем, и ниже ко Двору Нашему приезд, или в публичных собраниях и торжествах терпимы будут* (т. е. подвергнуть таковых моральному осуждению. — *С. И.*)».[9]

Таким образом, обретя свободу служить или не служить, дворяне получили такие права, которых не имели другие сословия. Если при вступлении на престол Петра III дворянские обязанности и права, лежавшие на «чашах» государственных весов, были уравновешены, то после манифеста чаша с дворянскими привилегиями перетянула: обязанностей почти не оказалось, остались одни права. Дворяне могли поступать на службу в иностранные государства, были избавлены лично от всяких податей, телесных наказаний, не могли быть лишены дворянства, чести, имущества и жизни иначе, как по суду, где заседали равные им, и с Высочайшего утверждения. Наконец, дворянство получило возможность, которой раньше было в большинстве своем лишено: те, кто хотел, могли оставить обязательную службу и переселиться в поместья, где практически заниматься своим хозяйством и крестьянами. Отныне правительство могло рассчитывать, что собственные интересы заставят землевладельцев заботиться о своих крестьянах и об их хозяйстве, поддерживая в них способность нести налоговое бремя; нерадение об этом могло иметь печальные последствия для помещика, который был ответственен перед государством за податные платежи своих крестьян. Весьма немаловажно и то, что обретенное значительное положение и привилегии российского дворянства оказали благотворное влияние на рост самосознания российской аристократии и ее вклад в развитие культуры.

Британский посланник в Петербурге Роберт Кейт доносил по этому поводу своему двору: «...Отныне дворянство российское свободно и во всем уравнивается с дворянством всей Европы, в том числе и касательно военной службы, в каковую может вступать по собственному своему желанию без какого-либо принуждения; однако службы в державах иностранных разрешаются только по дозволению самого императора. Нетрудно представить, с каким удивлением и восторгом воспринята была неожиданная сия милость и сколь удовольствованы они, сделавшись вдруг из рабов свободными, то есть воистину благородными людьми».[10]

Без всякого преувеличения можно утверждать, что дарование свободы российскому дворянскому сословию открыло новую страницу в истории России. При московских царях, когда собственно и началось закрепощение российского общества, рабами государя и государства стали в первую очередь бояре, а за ними и городские люди, и крестьяне. Для того чтобы «слуги государевы» могли все свои силы отдавать службе, их наделяли землями, а население стали прикреплять к земле. Одно закрепощение неизбежно влекло за собой другое, и если в начале XVIII в. русское общество делилось на господ, «служивших службы», и на людей, плативших подати, причем и те и другие одинаково были закрепощены: кто своей службой, а кто повинностями, то с 1762 г. общество стало делиться на свободных и крепостных.

---

[9] ПСЗ. Т. XV. № 11444.

[10] *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке / Пер. с фр., примеч. Д. В. Соловьева, предисл. С. Н. Искюля. СПб., 2005. С. 200.

Иными словами, до освобождения Петром III дворян от обязательной государственной службы исключительное право на поземельную собственность вне городов и крепостное право не имели значения привилегии: право уравновешивалось обязанностью, ибо оно соответствовало служилому тяглу.[11] Таким образом, Петр III, сняв с дворянства обязанность служить, даровал этому сословию помимо имущественных привилегий, коими дворянство было облечено с 1746 г., еще и личные привилегии, и с этих пор российское дворянство могло считаться в полном смысле слова сословием привилегированным.[12] С этого времени начался процесс обретения свободы, а российское общество сделало первый шаг на долгом и мучительном пути к освобождению от крепостных пут.

Велик был восторг в среде дворянского сословия. Граф Иван Григорьевич Чернышев сообщал обер-камергеру Ивану Ивановичу Шувалову из Вены:

«Благодеяния нашего августейшего монарха приводят в восторг всех; он начинает осыпать нас ими прежде, нежели имел он случай зреть все наше рвение к нему, к драгоценной крови Петра Великаго! Я восхищен этим милосердием: никогда монарх так замечательно и широко не обнаружил онаго. Любезные дворяне, не употребляйте во зло это милосердие и покажите всей вселенной, что если милостивый монарх ваш снял с вас оковы, тем не менее вы сами навек связуете себя другими, гораздо сильнейшими, узами верноподданнического долга и признательности.

Нет, повторяю, никогда и ни один монарх не заканчивал своего царствования столь славно, как начал оное неподражаемый наш Петр».[13]

«Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества, — писал знаменитый А. Т. Болотов. — Все вспрыгались почти от радости и, благодаря государя, благославляли ту минуту, в которую угодно было ему подписать указ сей. Но было чему и радоваться. До того времени все российское дворянство связано было по рукам и по ногам; оно обязано было всенеминуемо служить, и дети их, вступая в военную службу в самой еще юности своей, принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь и до самой своей старости, или по крайней мере до того, покуда сделаются калеками или за действительными болезнями более служить не в состоянии. Словом, всеобщая радость о том была неописанная, а какое действие в моей душе произвела сия драгоценная бумажка, того не могу уже я никак выразить. Я сам себя почти не вспомнил от неописанного удовольствия и не верил почти глазам своим при читании оной...»[14]

В Петербурге Правительствующий Сенат в полном составе отправился во дворец и по случаю подписания манифеста просил, по предложению генерал-прокурора А. И. Глебова, государева соизволения на сооружение благодарным дворянством золотой статуи императора. Петр III благодарил сенаторов, но на предложение отозвался так: «Сенат может дать золоту луч-

---

[11] *Евреинов Г. А.* Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898. С. 23.

[12] *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 502.

[13] Русский Архив. 1869. Стб. 1822.

[14] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков // Библиотека для чтения. 1860. Т. 150. Отд. I. С. 35—36.

шее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных».[15]

Московское дворянство также выразило чувства признательности и энтузиазма. 6 марта 1762 г. все находившиеся в то время в Москве представители дворянства, генералитет, начальствующие присутственных мест и их члены съехались к зданию московской сенатской конторы и просили сенаторов допустить их в присутствие «для принесения нижайшего и рабского всеподданнического своего Его Величеству благодарения». Общие чувства выразил тайный советник и «канцелярии конфискации главный судья» Петр Панкратьевич Сумароков, находившийся в отдаленном родстве со знаменитым драматургом А. С. Сумароковым:

«Превосходит силы наши словами изъяснить, с коликою благодарностью мы, всеподданнейшие рабы Его Императорскаго Величества, чувствуем в вернейших сердцах наших изливаемое Его Величества на нас и на потомков наших отеческое милосердие. Вольность, нам всемилостивейше пожалованная, чем больше нас в радостное восхищение приводит, тем больше побуждает и обязует всю жизнь нашу с рабским усердием посвящать к службе Его Величества и все наши силы употреблять, чтобы соответствовать полезным всему обществу намерениям и высочайшей милости толь премудраго, толь великодушнаго, толь щедраго монарха, любезнейшаго отца и государя нашего.

Всемогущий Бог да утвердит его императорский престол, да услышит все желания сердца его, да благословит все его намерения и славные предприятия, и да сохранит вседражайшее его здравие на неисчисленные лета».[16]

Вслед за речью Сумарокова собравшиеся представители московского дворянства, предводительствуемые сенаторами графом И. Л. Воронцовым, князем И. В. Одоевским и тогдашним московским губернатором А. Г. Жеребцовым, направились в Успенский собор Кремля, где был отслужен молебен с коленопреклонением. По окончании молебна с благодарственным словом к императору снова обратился П. П. Сумароков. Как сообщалось затем, «радость, сопряженная с удовольствием всего многочисленнаго при том бывшаго дворянства, у каждаго на лице изъяснялась, и все, с полным искреннейшаго благодарения сердцем, высочайшую монаршую к ним щедроту и благоволение прославляли».[17]

Нелицемерная признательность дворянства монарху отразилась и в «Оде всепресветлейшему, державнейшему, великому и милосердному государю, истинному отцу подданных, Императору Петру Феодоровичу, самодержцу Всероссийскому», написанной Алексеем Андреевичем Ржевским. В подзаголовке ее значится: «Приносится в знак благодарности за безпримерное и милосердное пожалованье вольностью российских дворян».

⟨...⟩ Дивяся я не знаю,
Щедроту пев его,
Монарха ль воспеваю,
Отца ли своего? ⟨...⟩

---

[15] *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853. T. V. S. 245.
[16] Московские ведомости. 1762. № 20.
[17] Там жс. 1762. № 23.

Ты вольность даровавши,
Всех вольность погубил,
И всем свободу давши,
Всех ныне нас пленил: ⟨...⟩

Твой лавр во век не свянет,
Доколь блистати станет
На землю солнца свет,
И не падет вселенна.
Век слава не падет
Тобой приобретенна.

Веков услышать круги,
Как нами ты владел:
Всех награждал заслуги;
Зло истреблять радел,
Покою ты чуждался,
И только лишь старался
Возставить век драгой,
И пользу утвердити.
Коль щастливо тобой,
Мы начинаем жити![18]

Литератор и переводчик Сергей Савич Волчков, посвящая Петру III один из своих переводов — «Истинной христианин и честной человек, то есть соединение должностей християнских с должностьми жития гражданскаго. Издана сия книга французским абатом (игумен) *Бель-гардом*, на российской язык переведена *Сергеем Волчковым*, с апробациею и дозволением Святейшаго Правительствующаго Синода. Первым тиснением напечатана при сенате 1762 года» — и находя разительное сходство между российским императором и царем ветхозаветного Израиля Давидом, писал, между прочим, следующее:

«...Ваше Императорское Величество наследную державу государя деда своего, Императора Петра Великаго, в преславнейший день рождества сына Божия, на тридесять-четверном году Богом хранимой жизни своей, непостижимо чудесною силою небеснаго царя от всесильной десницы господней восприявши, вожделеннейшие всей империи вашей дни, тем христианским милосердием и кротким правосудием начать изволили ⟨...⟩

С нас довольно, всемилостивейший государь, того чуднаго примера высокой Вашего Императорскаго Величества монаршей мудрости и безприкладнаго великодушия: что ваше величество любезному и верноподданнейшему своему дворянству ту дражайшую свободу даровать благоволили, которой оно от начала России не имело. Хотя б благородное и честнейшее российское шляхетство не только золотую, но если б и брильянтовую статуу вашего императорскаго величества на жемчужном подножии, в безсмертной знак приснодолжнейшей своей благодарности поставило, однако не умирающая память в сердцах переменяющихся родов российскаго дворянства долее и крспче всех статуй пребудет ⟨...⟩»

---

[18] Цит. по: *Семевский М. И.* Шесть месяцев из русской истории... // Отечественные записки. 1867. № 9. С. 64.

Посвящение книги при пожеланиях долгого и счастливого царствования заканчивалось такими примечательными словами:

«С сим, августейший император! преискренним желанием бедной, без мала сорок лет, вашему императорскому величеству шестому монарху и всемилостивейшему государю своему всем усердием служащей, но в непрерывной нищете пресмыкающейся, сирой дворянин, с семерыми детьми (из того числа трое сыновей все в службе) самого себя и с робятишки своими, к монаршим, вашего императорскаго величества, стопам всераболепно повергает, вашего императорскаго величества всеподданнейший, всеуниженный раб, коллежской советник Сергей Волчков. Маия дня 1762 года».

С переворотом, который имел место в том же достопамятном 1762 г., на российский престол вступила Екатерина II. Вероятно, подтверждение «правосилия» в полной мере манифеста о вольности дворянства должно было явиться актом, вполне отвечающим логике перемены царствования и нового правления, но этого не произошло. В записке Н. И. Панину императрица писала: «Я запамятовала давеча вам сказать, что не много роптания меж дворянства о неконфирмации их вольности и надлежит о том не позабыть приступ сделать».[19] Таковой приступ был сделан 11 февраля 1763 г., когда именным указом императрица учредила Комиссию о вольности дворянства с тем, чтобы «учредить такие статьи, которые бы наивящше поощрили ⟨...⟩ честолюбие к пользе и службе нашей и нашаго любезнаго отечества».[20] Однако деятельность Комиссии была непродолжительной, ибо не получила высочайшего одобрения и через несколько месяцев в том же 1763 г. была распущена.[21]

В дальнейшем «вольности дворянства Российского» обсуждались на заседаниях «Комиссии о сочинении нового Уложения», где деятельнейшим их защитником неизменно и красноречиво выступал князь М. М. Щербатов, однако и этот совещательный орган тоже со временем был распущен, а деятельность Комиссии закончилась ничем, ибо ее решения не имели законодательной силы. Таким образом, манифест Петра III не был подтвержден, но отменить его было невозможно даже короновавшейся императрице, и им должны были руководствоваться в повседневной сословной жизни дворянства.

Вместо подтверждения манифеста 23 года спустя после его появления появилась екатерининская «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», свод дворянских привилегий, оформленный законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 г.

Согласно «Грамоте», дворянство резко отделялось от других сословий, объявлялось свободным от обязательной государственной службы, от уплаты податей. Дворянство нельзя было подвергнуть телесному наказанию. Судить дворянина мог только дворянский суд. Лишь дворяне имели право владеть землей и крепостными крестьянами, они также владели недрами в сво-

---

[19] Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 233.

[20] ПСЗ. Т. XVI. № 11751. С. 157.

[21] См.: *Троицкий С. М.* Комиссия о вольности дворянства 1763 г. (К вопросу о борьбе дворянства с абсолютизмом за свои сословные права) // Россия в XVIII веке. Сборник статей и публикаций. М., 1982. С. 140—192.

их имениях, могли заниматься торговлей и устраивать заводы, дома их были свободны от постоя войск, имения не подлежали конфискации. Дворянство получило право на самоуправление, составляло «дворянское общество», органом которого являлось дворянское собрание, созываемое каждые три года в губернии и уезде, избиравшее губернских и уездных предводителей дворянства, судебных заседателей и капитан-исправников, возглавлявших уездную администрацию. «Грамота» призвана была упрочить положение дворянства, закрепить его привилегии и содействовать большей консолидации господствующего класса. Действие Грамоты, естественно, распространялось на дворянство Прибалтийских губерний, а также на Малороссию и Белоруссию.

Вместе с тем не без каких бы то ни было оснований можно утверждать, что дарование дворянских привилегий через пожалование особой «Грамоты» через столько лет сделано было императрицей помимо иных соображений исключительно для того, чтобы в глазах дворянства приписать это важнейшее деяние сословного освобождения первого сословия российского общества себе. Не случаен в этой связи факт исчезновения «Камер-фурьерских журналов» за 1762 г., которые фиксировали пребывание, передвижение и церемониальную сторону жизни высочайших особ по дням и часам. Скорее всего, «Журналы» утрачены безвозвратно, и А. С. Мыльников вполне обоснованно делает предположение, что архивное «изъятие» журналов было произведено по распоряжению Екатерины вскоре после ее воцарения, так как «содержали нежелательные для нее сведения».[22] Сделано это было и для того, чтобы «замолчать» государственную деятельность Петра III и стереть из памяти всякое упоминание о законотворчестве «бывшего императора».

Безусловно, в наиболее существенных отношениях «Грамота» Екатерины II шла в развитие «Манифеста» Петра III, но при этом в ней, естественно, ни единым словом не упоминалось о том, что дворянство российское фактически уже получило многоразличные права и вольности и что начало этому освобождению положено было в предыдущее царствование.

---

[22] *Мыльников А. С.* Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 61.

М. М. Сафонов

ВОКРУГ МИХАЙЛОВСКОГО ЗАМКА
(К истории дворцового переворота 1801 г.)

Михайловский замок — один из крупнейших памятников отечественного зодчества. Вместе с тем это наименее изученный памятник Петербурга.

Двухвековая история Михайловского замка вобрала в себя множество разнообразных фактов, имен и событий. Однако самой известной страницей этой истории является дворцовый переворот, произошедший в стенах замка в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Именно эти события стали ключевыми в сложной биографии памятника и сделали его в исторической памяти прежде всего местом убийства императора Павла I, отодвинув на второй план жизнь дворца как историко-культурного феномена. Однако и подлинные обстоятельства убийства Павла до сих пор неясны в полной мере, как и сама история архитектурного ансамбля Михайловского замка. Трудно найти в истории русского зодчества явление столь же парадоксальное, как Михайловский замок. В своем образном строе он воплотил идеи святости и незыблемости монархической власти, а остался печальным памятником того, как эти идеи были опровергнуты самими членами семьи императора.[1]

Впрочем, «одним из самых сложных вопросов заговора является степень причастности к нему членов императорской фамилии».[2] Старший сын монарха, наследник Александр, дал согласие на переворот и стал императором.[3] Супруга Павла, императрица Мария Федоровна, после убийства мужа предприняла неудачную попытку захватить освободившийся престол.[4] Что же касается любимого сына царя, великого князя цесаревича Константина, то его роль в этих событиях до сих пор оставалась не совсем ясной.

---

[1] Михайловский замок: Замысел и воплощение. Архитектурная графика XVIII—XIX веков. Каталог. СПб., 2000. С. 16, 17.

[2] *Кальницкая Е. Я.* Михайловский замок: хроника трагедии // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 2001. С. 34, 38.

[3] *Сафонов М. М.* 1) «Наши руки обагрились кровью не из корысти» (В. М. Яшвиль — участник дворцового переворота 11 марта 1801 года) // Грузино-российские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 232. (Далее — В. М. Яшвиль); 2) Убийство Павла I: Намеренно или случайно // Ваш тайный советник. 2000. № 11. С. 38—40.

[4] *Сафонов М. М.* 1) В. М. Яшвиль. С. 237; 2) «Ich will regieren» (Императрица Мария Федоровна 11 марта 1801 г.) // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII—XIX века): Биографический аспект. СПб., 2005. С. 84—88; 3) «Я хочу царствовать» // Вечерний Петербург. 2000. 23 марта.

© М. М. Сафонов, 2007

Великий князь Константин и убийство Павла I.

Вот как сам цесаревич рассказывал об этой ночи французскому эмигранту на русской службе А. Ф. Ланжерону: «Я ничего не подозревал и спал, как спят в 20 лет. Платон Зубов пьяный вошел ко мне в комнату, подняв шум. (Это было уже через час после кончины моего отца). Зубов грубо сдергивает с меня одеяло и дерзко кричит: „Ну, вставайте, идите к императору Александру; он вас ждет". Можете себе представить, как я был удивлен и даже испуган этими словами. Я смотрю на Зубова: я был еще в полусне и думал, что мне все это приснилось. Платон грубо тащит меня за руку и подымает с постели: я надеваю панталоны, сюртук, натягиваю сапоги и машинально следую за Зубовым. Я имел, однако, предосторожность захватить с собой мою польскую саблю, ту самую, что подарил мне князь Любомирский в Ровно; я взял ее с целью защищаться, ибо не мог себе представить, что такое произошло».[5]

Н. Я. Эйдельман, автор наиболее обстоятельного исследования мартовских событий, назвал великого князя Константина единственным «незамешанным членом царской семьи».[6] Правда, писатель заметил, что «нужен особый талант, чтобы заснуть в ночь переворота», но все же простодушно верил в то, что, когда разыгрывалась драма, цесаревич «спал, как сурок, и ничего не знал». В самом деле, нужен особый талант, чтобы поверить в то, что цесаревич мог спать, как спят в 20 лет, когда убивали его отца.

Стоит только вдуматься в ход мартовских событий, обстоятельно описанных предшественниками Н. Я. Эйдельмана, как легенда о богатырском сне цесаревича рассыпается в прах.[7]

Константин Павлович был шефом Конногвардейского полка. 11 марта 1801 г. караул в прихожей перед кабинетом императора в Михайловском замке был наряжен от этого полка.[8] Караул состоял из двадцати четырех рядовых, трех унтер-офицеров и одного трубача, дежурным по караулу был корнет Андреевский. Командовал эскадроном, от которого был наряжен караул, полковник Н. А. Саблуков, не состоявший в заговоре против Павла. Этот караул представлял самую большую опасность для заговорщиков, которые намеревались ночью проникнуть в кабинет царя, служивший ему опочивальней. Нейтрализация этого караула была одной из самых трудных задач руководителя конспирации военного губернатора П. А. Палена.

В 10 ч утра 11 марта на плац-параде адъютант Конного полка поручик Ушаков сообщил Саблукову, что «*по именному приказанию великого князя Константина Павловича* (курсив Н. А. Саблукова. — *М. С.*)» он назначается дежурным по полку. Это было вопиющим нарушением военной дисциплины, так как на полковника, эскадрон которого стоял в карауле, никогда не

---

[5] Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 189—190. (Далее — Цареубийство).

[6] *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 328.

[7] *Карнович Е. П.* Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. С. 79—81; *Пичета В.* Великий князь Константин Павлович и княгиня Елсна Любомирская // Голос минувшего. 1913 Кн. 7. С. 237; *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. СПб., 1914. С. 587—588, 590— 592, 610—611.

[8] О месте расположения этого караула см. соображения В. А. Семенова: *Асварищ М. Б., Кальницкая Е. Я., Пучков В. В., Семенов В. А., Французов В. Е., Хайкина Л. В.* Михайловский замок. СПб., 2001. С. 183. (Далее — Михайловский замок).

возлагалось никаких других обязанностей. Как ни был раздражен Саблуков, он не мог не исполнить приказания шефа полка Константина. Так из караула около спальни Павла был удален преданный царю начальник.

Когда в 8 ч вечера Саблуков явился в Михайловский замок сдать рапорт Константину, находившемуся под домашним арестом, он сразу же погрузился в атмосферу ожидания каких-то важных событий. У большого подъезда камер-лакей собственных его высочества апартаментов, знакомый Саблукова, предложил ему не ходить к цесаревичу, так как лакей был обязан тотчас донести об этом государю. Доверенный камердинер Константина Рутковский с удивлением спросил Саблукова, зачем он сюда пришел, и только после того как полковник объяснил, что он дежурный, отпер дверь. Саблуков отрапортовал цесаревичу о состоянии полка. Тотчас же явился Павел. Константин стоял перед ним навытяжку, при этом руки его «бились по карманам», как будто он оказался перед медведем. После его ухода Константин сказал Александру, который находился тут же: «Ну, братец, что вы скажете о моих?» Александр спросил Саблукова: «Так вы ничего не знаете?» — «Ничего, — ответил полковник, — кроме того, что я дежурный не в очередь». — «*Я так приказал*», — сказал Константин» (курсив мой. — *М. С.*). В передней Рутковский, подавая Константину стакан воды, увидел в ней перышко и произнес загадочную фразу, бросая его на пол: «Сегодня оно плавает, а завтра потонет».

После полуночи в казармы Конного полка к Саблукову прибыл ездовой от Константина и передал ему записку, написанную «весьма спешно и взволнованным почерком: „Собрать тотчас весь полк верхом, как можно скорее, с полной амуницией, но без поклажи и ждать моих приказаний"». (Еще в начале XX в. эта записка хранилась в распоряжении английских издателей журнала «Fraser's Magazine», опубликовавших мемуары Саблукова). Записка была написана примерно в 11 ч 30 м. На словах ездовой передал, что великий князь велел сообщить, что дворец окружен войсками и чтобы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами.[9]

Едва ли можно усомниться теперь в том, что Константин не только бодрствовал в ту ночь, но энергично действовал, пожалуй, даже более активно, чем его старший брат Александр, против своего отца. Легенда же о полном неведении Константина — это басня, сочиненная им самим, чтобы скрыть свою подлинную роль в трагедии отцеубийства.[10]

Последний документ Павла I.

В Российском государственном военно-историческом архиве сохранился документ, который проливает некоторый свет на события той мартовской ночи 1801 г. Документ хранится в фонде Военно-ученого архива Главного штаба и представляет собой рескрипт императора Павла I на имя цесаревича Константина. Бумага имеет пометку: «В Михайловском замке марта 11 дня 1801 года». Примечательность этого документа состоит в том, что это рескрипт, который император составил незадолго перед своей смертью. Очевидно, что это последний документ Павла I. Рескрипт гласит: «Констан-

---

[9] Цареубийство. С. 75—81.

[10] *Сафонов М. М.* Стоит ли бить яйца для такого омлета // Вечерний Петербург. 2001. 3 марта.

тин Павлович! Повелеваю вам с вверенным вашему высочеству лейб-Гвардии Конным полком выступить сего марта 23 часа и следовать одному эскадрону в Царское Село, одному в Петергоф, одному в Гатчино и двум в Павловское, где и содержать караулы до смены их кирасирским Ромадановским полком. По прибытии же онаго собраться всему полку, вам вверенному, в Павловске. Пребываю вам благосклонным. Павел».[11]

Поставив свою подпись под этой бумагой, Павел тем самым подписал себе смертный приговор. Конногвардейский полк был в стороне от заговора, охватившего другие гвардейские части. По сути дела, караул Конногвардейского полка — это была единственная верная стража, которая могла помешать заговорщикам проникнуть в спальню царя. Подписав рескрипт шефу полка, Павел удалял единственную свою защиту не только из собственной резиденции, но вообще из пределов города.

Согласно воспоминаниям Н. А. Саблукова, ровно в девять часов вечера в казармы Конного полка явился фельдъегерь (это было по тем временам плохим предзнаменованием) и передал приказ императора немедленно явиться во дворец. Когда Саблуков предстал перед своим караулом в Михайловском замке, внезапно появился император. Он сказал полковнику по-французски: «Вы — якобинцы». Несколько озадаченный этими словами Саблуков ответил: «Да, мой государь». Павел возразил: «Да не Вы, а Ваш полк». Полковник попытался не согласиться: «Пусть буду я, но относительно полка Вы ошибаетесь». Павел ответил по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караул!» Саблуков скомандовал: «По отделениям, направо, марш». Император, продолжая разговор по-русски, еще раз сказал, что конногвардейцы — якобинцы. Полковник вновь попытался отвергнуть это обвинение. Но царь еще раз заметил, что лучше знает, и прибавил, что он велел выслать полк из города и расквартировать его по пригородам.[12]

Рескрипт Константину Павловичу полностью подтверждает достоверность рассказа Саблукова и ставит ряд вопросов.

«Якобинцы» — это самое тяжелое обвинение в устах Павла. С одной стороны, очевидно, что кто-то из руководителей заговора, скорее всего петербургский военный губернатор П. А. Пален, сумел внушить царю настолько сильное подозрение против Конной гвардии и его второго сына Константина, что доверчивый Павел проникся убеждением: единственное спасение заключается в том, чтобы удалить людей, которых он еще недавно считал преданными себе. К сожалению, мы никогда не узнаем о том, как была осуществлена эта комбинация.

С другой стороны, как знать, может, Павел действительно имел серьезные основания выслать полк Констанина из Петербурга, ведь его шеф действительно тайно дейстовал против отца: утром удалил Саблукова из Михайловского замка, а вечером приказал собрать полк с боевыми патронами.

На следующий день после переворота начальник конногвардейского караула Андреевский из штандарт-юнкеров был произведен в корнеты. А поручик Ушаков, передавший приказ цесаревича Саблукову заступить на

---

[11] РГВИА, ф. ВУА, № 16680, л. 1; *Сафонов М. М.* Последний документ Павла I // Известия. 2001. 26 марта.

[12] Цареубийство. С. 78—80.

должность дежурного по полку, стал ротмистром.[13] (Немецкий поэт В. Гёте, составивший интересное описание мартовских событий, назвал ротмистра Ушакова единственным заговорщиком из Конной гвардии).[14] Если вклад Ушакова в убийство императора очевиден, то что же такого выдающегося на этом поприще совершил Андреевский? Это осталось загадкой. Но просто так новым чином не в очередь не награждали.

Место конногвардейского караула заняли два камер-гусара, которые не смогли защитить царя.

Уже после убийства Павла Константин 14 марта 1801 г. написал Елене Любомирской: «Моего отца нет в живых. Мой обожаемый брат император... весь Петербург как бы снова родился, а Россия, мое дорогое отечество, свободно дышит грудью».[15]

Но как же заговорщики проникли в Михайловский замок?

Алексей или Александр Аргамаков?

Сын родной сестры создателя «Недоросля» Д. И. Фонвизина Феклы сыграл роковую роль в жизни императора Павла I, которого драматург почти что боготворил, когда тот был еще наследником престола. Заговорщикам ни за что не удалось бы проникнуть в спальню царя, если бы не Аргамаков. Он обладал правом входить в личные апартаменты императора в любое время. По его требованию камер-гусары, охранявшие личные покои царя, открыли двери, и заговорщики проникли в опочивальню Павла.

О каком Аргамакове идет речь и почему он имел право входить к императору в любое время дня и ночи?

Генерал Л. Л. Бенигсен, возглавлявший отряд заговорщиков, ворвавшихся в спальню Павла, назвал Аргамакова в своих воспоминаниях «полковым адъютантом императора».[16] Однако звучит это довольно странно: либо адъютант полка, либо адъютант царя, но ни в коем случае не «полковой адъютант императора». Драматург А. Коцебу называл Аргамакова «флигель-адъютантом».[17] Мемуаристы определяют Аргамакова различно. Э. Ведель именует этого человека «дежурным адъютантом царя».[18] А. Ланжерон называет его «адъютантом Преображенского полка»,[19] Н. А. Саблуков — «адъютантом гренадерского батальона Преображенского полка».[20] Наконец, А. А. Чарторыйский определяют его должность как «плац-адъютант замка».[21]

«Александр Васильевич Аргамаков», «преображенский полковой адъютант», «капитан», писал Н. Я. Эйдельман.[22]

---

[13] Санкт-Петербургские ведомости. 1801. 15 марта.

[14] *Дурылин С.* Русские писатели у Гёте в Веймаре // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4—6. С. 127—129.

[15] Цит. по: *Пичета В.* Великий князь Константин Павлович и княгиня Елена Любомирская // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 237.

[16] Цареубийство. С. 146.

[17] Там же. С. 381.

[18] Там же. С. 146.

[19] Там же. С. 187.

[20] Там же. С. 86.

[21] Там же. С. 272.

[22] *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. С. 310, 296, 306.

Обратимся к приказам по Преображенскому полку. Из них выясняется, что в марте 1801 г. в Преображенском полку служили два брата Аргамаковы, оба — в чине поручика. И тот и другой имели одни и те же инициалы — «А. В.». Оба состояли в заговоре против Павла и являлись адъютантами. Только один из них — Александр Аргамаков 1-й — с 29 сентября 1800 г. был адъютантом Преображенского полка,[23] а другой — Алексей Аргамаков 2-й — с 16 февраля 1800 г. являлся адъютантом батальона генерал-лейтенанта Талызина,[24] т. е. лейб-гренадерского батальона, привилегированного подразделения, которое всегда несло караул в Михайловском замке. Павел собирался сделать это подразделение своей «лейб-компанией», иначе говоря, превратить в «исключительную стражу, охраняющую его особу».

Когда современники называли Алексея Аргамакова «адъютантом государя», они имели в виду именно адъютанта лейб-гренадерского батальона, человека, у которого были совершенно особые функции. «В замке, — вспоминал другой племянник автора «Недоросля» декабрист М. А. Фонвизин, — гарнизонная служба отправлялась, как в осажденной крепости, со всей военной точностью. После пробития вечерней зари весьма немногие доверснные особы, известные швейцару и дворцовым сторожам, допускались в замок по малому подъемному мостику, который опускался только для них. В числе этих немногих был адъютант лейб-батальона Преображенского полка Аргамаков, исправлявший должность плац-адъютанта замка. Он был обязан доносить лично императору о всяком чрезвычайном происшествии в городе, как-то о пожаре и т. д. Павел доверял Аргамакову, и даже ночью он мог входить в царскую спальню. Мостик... для пешеходов всегда опускался по его требованию. Через это Аргамаков сделался самым важным пособником заговора».[25]

В 1819 г. известный писатель Г. Цшокке в издаваемых им в Арау «Исторических материалах нашего времени» обнародовал на немецком языке анонимную французскую рукопись «К истории заговора против Павла I и воцарения Александра I», автором которой, по-видимому, был все тот же Бенигсен. Здесь о роли Аргамакова в ночном походе рассказывалось буквально следующее: «Зубов и Бенигсен отправились вслед за... Аргамаковым... Он их провел по лестнице, которая прямо вела в прихожую, где находились на часах у императора два гусара и также один лакей. Проходя по коридору, через который надо было достигнуть двери, они были остановлены часовым, который им закричал: „Остановись там, кто идет?" Бенигсен ему отвечал: „Замолчи несчастный, ты видишь, куда мы идем". Часовой, поняв, о чем идет речь, наморщив брови, закричал: „Рунд проходи"... После этого происшествия Аргамаков продолжал идти с наивеличайшей поспешностью и тихонько постучал в дверь комнаты камердинера. Этот, не отворяя, спросил, что ему надобно. „Я иду докладывать рапорт свой". — „Что разве глупы вы, теперь только полночь". — „Что ты говоришь, уже шесть часов утра. Отворяй скорее или в противном случае ты навлечешь на меня большую неприятность от государя". Камердинер отворил наконец,

---

[23] Копии высочайших е. и. в. приказов, отданных в С.-Петербурге 1800 года. СПб., 1800. С. 231.

[24] Там же. С. 53.

[25] Цареубийство. С. 208.

но, увидя вошедших в комнату семь или восемь человек с обнаженными шпагами в руках, спрятался в угол комнаты. Один из гусар, более смелый, хотевший с храбростью сопротивляться, получил сабельный удар и тотчас же повалился... другой бежал. Таким образом, Зубов и Бенигсен проникли в спальню императора...»[26]

А. Коцебу утверждал, что во время переговоров с императором Аргамаков первый ударил Павла в висок рукояткой пистолета, а потом все ринулись на упавшего на пол царя. В. М. Яшвиль и В. А. Мансуров накинули ему на шею шарф и начали душить.[27] Это единственное свидетельство того, что руки Аргамакова обагрились царской кровью.[28] Но оно не подтверждается другими источниками и, видимо, всецело находится на совести мемуариста. Но от этого вина племянника Дениса Фонвизина в убийстве Павла ничуть не меньше. Однако, очевидно, первый удар царю нанес другой человек.[29]

Из дневника К. И. Остен-Сакена.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в фонде историка Н. К. Шильдера, сохранилась выписка из дневника барона К. И. фон-дер Остен-Сакена, бывшего воспитателя великого князя Константина. В дневнике зафиксирован подлинный рассказ цесаревича о том, как убивали его отца. Запись сделана 15 апреля 1801 года.[30] Это одно из самых ранних письменных свидетельств об убийстве императора. Кроме того, ценность этого документа заключается еще и в том, что он исходит от члена императорской фамилии, активного участника дворцового переворота,[31] члены же царской семьи, как известно, предпочитали не высказываться на этот счет.

Цесаревич приехал в гости к бывшему своему ментору и рассказал, как все произошло. По словам Константина, «революционеры» воспользовались тем, что Павел, подражая Фридриху II во всем, что касалось военных дел, узнал, что прусский король в случае, если ночью возникнет пожар, отдавал приказ адъютанту гвардейского полка стучать в дверь, и приказал делать то же самое. «Князь Зубов и 5 других лиц: генерал-майор Бенигсен, полковники артиллерии князь Яшвиль, Татаринов, граф Николай Зубов, адъютант Лешер де Герцфельдт вошли в спальню императора. Князь Зубов объявил Павлу, что он арестован и больше не император. Павел спросил, по чьему приказу. „По приказу нации, недовольной его правлением", — ответил Зубов. Павел умолял сохранить ему жизнь и обещал исправиться.

---

[26] Zur Geschichte der Verschwörung gegen Paul I. und der Tronbesteingung Alexanders I. // Überlieferungen zur Geschichte unserer Zeit. Gesammelt von Heirich Zschokke. Aarau, 1819. Juli—Dezember. S. 348.

[27] Цареубийство. С. 384.

[28] *Сафонов М. М.* 1) Наши руки обагрились кровью не из корысти: сегодня мы можем точно назвать имена убийц Павла I // Смена. 2002. 11 марта; 2) Кто убил императора Павла I // Секрстные материалы. 2002. № 21 (91).

[29] *Сафонов М. М.* Племянник Фонвизина — убийца Павла I? // Санкт-Петербургские вcдомости. 2001. 24 марта.

[30] *Сафонов М. М.* Циничный омлет российской истории // Коммерсант. 2001. 12 марта.

[31] *Сафонов М. М.* Кто убил Павла I // Секретные материалы. 2002. № 21 (91).

Но эти лица опасались последствий, к тому же для смелости они изрядно выпили. Князь Зубов сказал им слова известной поговорки: „Нельзя сделать омлет, не разбив яйца". Князь Яшвиль первым нанес императору сильный удар по голове, от которого он потерял сознание. Остальные убийцы добили царя, задушив его».[32]

Сам Константин не был в опочивальне, когда произошло убийство. Но рассказ его примечателен тем, что цесаревич называет имя еще одного человека из числа убийц Павла, которое ранее не было известно: Loscher de Hertzfeldt. Имена П. А. и Н. А. Зубовых, Л. Л. Бенигсена, В. М. Яшвиля и И. М. Татаринова фигурируют в большинстве рассказов о мартовских событиях. Но Лешер фон Герцфельдт (так писалось это имя в русской транскрипции) среди цареубийц здесь появляется впервые. Между тем нет никаких сомнений в том, что отставленный от службы Лейб-Кирасирского полка подполковник Герцфельдт принимал участие в кровавой бойне в спальне императора. За ночной «подвиг» на следующий день после переворота отставной подполковник был вновь принят в службы и произведен в чин полковника. Об этом 15 марта 1801 г. сообщили «Санкт-Петербургские ведомости».[33] А ведь, кроме Остен-Сакена, никто из мемуаристов не упоминает о том, что этот человек находился в императорской спальне в ту роковую ночь.

В рассказе Константина есть еще одна очень важная деталь, позволяющая по-новому взглянуть на то, что произошло. Согласно цесаревичу, Платон Зубов произносит фразу об омлете, которая призывает к активным действиям. Ранее считалось, что этими сакраментальными словами глава конспирации военный губернатор П. А. Пален напутствовал заговорщиков, когда они только отправлялись в Михайловский замок.[34] Лидер тем самым как бы давал санкцию на кровь и убийство. Теперь же выясняется, что эти слова, служащие призывом для колеблющихся конспираторов, произнес в спальне последний фаворит Екатерины II. Вместе с тем хотя запись Остен-Сакена, к сожалению, излишне лаконична, она выгодно отличается от свидетельств других мемуаристов знанием конкретных деталей, правда, чины Л. Л. Бенигсена и В. М. Яшвиля названы неверно. Однако никоим образом нельзя полагаться на нее полностью. Рассказ Константина проникнут враждебностью к отцу, которого он не только смертельно боялся, но и ненавидел. В интерпретации цесаревича прослеживается та же закономерность, что и во всех сочинениях, авторы которых были враждебно настроены к Павлу: великий князь сообщает, что царь в конце концов был готов пойти на уступки и просил пощады. Но этому предшествовало отчаянное сопротивление, о котором Константин, впрочем как и другие заговорщики, по понятным причинам предпочитал не вспоминать.[35]

Запись Остен-Сакена вносит существенные уточнения в традиционные представления о том, что произошло в опочивальне царя. Несомненно, Платон Зубов был главным действующим лицом. Не случайно же он выступил в роли оратора. Именно он призвал заговорщиков к решительным дейст-

---

[32] ОР РНБ. Ф. 859. К. 22. № 14. Л. 96—97.
[33] Санкт-петербургские ведомости. 1801. 15 марта.
[34] Михайловский замок... С. 186.
[35] В. М. Яшвиль. С. 240—241.

виям. В. М. Яшвиль, а вовсе не Николай Зубов, как гласила молва, нанес сильный удар императору, сбивший его с ног. Что касается Л. Л. Бенигсена, то он, по-видимому, был в числе «les autres assassins», т. е. прочих убийц. Но он не играл никакой первенствующей роли, и если даже он вышел из спальни или отвернулся в момент убийства, это никак не повлияло на развитие событий. Хотя Бенигсен не наносил первого удара царю, он также ответственен за все произошедшее, как и Яшвиль, который сбил императора с ног.[36]

Дневник Остен-Сакена позволяет по-иному поставить вопрос о распределении вины непосредственных участников и вносит существенные уточнения в традиционные представления о том, что произошло в Михайловском замке, прежде чем он стал «пустынным памятником тирана, забвенью брошенным дворцом».

---

[36] Правда, Н. А. Саблуков пишет, что после того как царь получил удар в висок и упал, «француз камердинер Зубова вскочил с ногами на живот императора» (Цареубийство. С. 88). Остен-Сакен же называет де Герцфельдта «адъютантом». Не исключено, что «адъютант» с французской фамилией мог трансформироваться в устной традиции во «француза камердинера», присутствие которого в спальне более чем сомнительно.

В. Г. Чернуха

ПРОБЛЕМА МЕСТНОЙ РЕФОРМЫ: ЗАПИСКА П. А. ВАЛУЕВА «О ГУБЕРНСКОМ УПРАВЛЕНИИ» (февраль 1868 г.)

Проблема местного управления — давняя болевая точка Российской империи. Еще в московский период существования России ее пытались решить так, чтобы великие князья имели возможность успешно управлять из центра расширяющейся территориально и растущей демографически страной. Время от времени верховная власть России находила какой-либо приемлемый для себя вариант реформирования местной власти, вариант, который давал временную отсрочку.

Одним из таких этапов было правление Ивана IV, осуществившего ряд преобразований системы местной власти, земскую реформу, которой занимался Н. Е. Носов. Он попытался выяснить, не имела ли эта реформа шанса на развитие России по пути самоуправления.[1] С точки зрения Н. Е. Носова, введение выборного института губных старост, ограничения и частичная ликвидация власти «кормленщиков» — наместников царских давали России шанс постепенного упрочения общественного самоуправления за счет «самодержавства». Местная власть в России была ареной борьбы двух начал: управления и самоуправления, самодержавия и общества. И если Иван IV взялся за реформу местного управления в момент, когда перед великим князем московским стояла проблема выбора пути и он в конце концов избрал путь централизации и концентрации власти, то его преемники, уже не Рюриковичи, а Романовы, оказывались перед необходимостью постоянно возвращаться к формам организации местного управления, колеблясь между мечтанием о создании процветающей, успешно работающей губернии и уезда, и реальным, непреодолимым стремлением к абсолютной власти.

В очередной раз проблема местной реформы встала во всей полноте перед верховной властью и ее администрацией в пору «великих реформ». И на этот случай власти пришлось гадать, как совместить улучшение положения дел на местах с сохранением наследственной абсолютной власти — самодержавия. В перечне крупнейших буржуазного толка преобразований

---

[1] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

© В. Г. Чернуха, 2007

1860-х гг. и ныне значится как очень важная местная, земская реформа. Она носила противоречивый характер, являясь компромиссом между двумя диаметрально противоположными правительственными задачами: ограждением прав самодержавия и одновременно развитием общественной самодеятельности. Последнее вытекало из общего характера реформ и сводилось прежде всего к мысли о снижении недовольства поместного дворянства, лишенного 19 февраля 1861 г. своих крепостных. Испытывая сильное и постоянное давление поместного дворянства с 1859 г. в форме требований о допущении его к делам государственного управления, российский император и его министры должны были решить и задачу какой-либо уступки их притязаниям, смягчения отношений с первым сословием страны. В итоге в земской реформе была реализована идея допущения дворянства не к законодательству, не к важнейшим вопросам политики, а к местным делам хозяйственного характера. Политические притязания дворянства правительство Александра II задумало направить на местное благоустройство, на повседневное совершенствование дорог, сельского хозяйства, образования, медицины, пенитенциарных строений и пр. Бессословное земство (в основу его учреждения был положен не сословный, а имущественный (недвижимость) ценз) получало право трудиться на местах, но было сильно ограничено во влиянии. И тем не менее оно создало прецедент, противопоставив бюрократический вариант местного управления самоуправлению, а полицейское государство — правовому.

Настоящая статья имеет целью обратить внимание историков на малоизвестный документ, принадлежащий перу министра внутренних дел (1861—1868 гг.) П. А. Валуева,[2] подводящий некоторый теоретический итог этого нового феномена российской жизни XIX в., когда стало возможным либо развивать общественные институты сверху донизу, пытаясь предотвратить неизбежный «бунт», либо поддерживать автократизм, наращивая архаичные полицейские меры подавления общественной активности.

Записка П. А. Валуева озаглавлена «О губернском управлении» и помечена 12 января 1868 г. Она была написана накануне отставки министра и после некоторого опыта проведения не всех, но подавляющего большинства реформ 1860-х гг.

П. А. Валуев принадлежал к тому правительственному меньшинству, которое восприняло поражение в Крымской войне как недвусмысленное предупреждение о том, что единовластие не может обеспечить успешного развития России как державы, отвечающей вызовам времени. Поэтому он и понимал земскую реформу лишь как часть общегосударственной. Земства, по его мысли, должны были дать депутатов в высший законодательный орган Российской империи — Государственный совет. Когда после неоднократных его попыток воздействовать на Александра II его проект был в ноябре 1863 г. окончательно отвергнут, он отчаялся, смотрел на будущее России пессимистично, неоднократно сталкивался с оппозиционностью земства и видел в ней неотвратимую угрозу революционных насилий. Но, с другой стороны, чувствуя себя министром императора, ничем не ограниченного, и будучи заинтересован, как и все другие высокопоставленные деятели, в со-

---

[2] РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 297. Л. 1—21.

хранении своего «портфеля», он повседневно занимался — по долгу службы — «осаживанием» земцев, преследованием печати и общественного движения. И более или менее послушно выполнял «высочайшие повеления». Как идеолог он понимал необходимость продолжения и радикализации реформ, как министр — нуждался в инструментах единовластия, действуя через центральный и местный бюрократический аппарат.

Его всеподданнейшая записка начинается рассуждением о том, что главной особенностью, достоянием и дорогостоящим достижением истории России является сильное государство, а на местах — долго выстраивавшаяся губернская власть. Последнюю П. А. Валуев рассматривает прежде всего как власть губернатора, «хозяина губернии». Записка ставит задачей рассмотреть и оценить влияние проведенных к 1868 г. реформ на объем власти поставленного монархом от себя своего представителя — губернатора.

Министр внутренних дел искренно клянется в своей приверженности реформам, участником обсуждения и утверждения которых он являлся, но при этом признает, что каждое из этих преобразований сокращало объем власти губернатора. «Губернатор, — напоминает П. А. Валуев, — есть представитель Верховного начала самодержавия, поставленный в пределах губернии Высочайшей волею „хозяин" губернии, ответственный не перед тем или другим министром, но перед Верховным правительством (372 ст. Губернского учреждения), т. е. прямо и непосредственно перед лицом Государя (ст. 683 Губернского учреждения). В руках губернатора как представителя монархического начала соединялись все без исключения нити местной администрации».[3]

Реформы Валуев называет «коренными» преобразованиями, которые в итоге привели к значительному ограничению круга ведомства губернатора, а, следовательно, к уменьшению его «влияния и власти».[4] Министр перечисляет почти все проведенные реформы и показывает, как происходило это ограничение прерогатив губернатора: крестьянская реформа оборвала связи губернатора с дворянством, реформа откупов с переводом их в акциз отобрала у начальников губерний возможность влиять на состав откупщиков и поступление от последних денег в казну, а акцизные чиновники подчинены Министерству финансов. Мировые посредники, внесшие свой вклад в обеспечение мирного проведения отмены крепостного права (это П. А. Валуев старательно подчеркивает), независимы от губернатора, они уже являлись представителями другой, общественной, стороны, напоминает министр.

Всячески подчеркивая закономерность и успешность проведенных реформ, министр показывает, что они автоматически подрывали традиционную систему самодержавной власти: государство опирается на губернаторов, которых проведенные реформы лишили власти, причем реформы необходимые.

О земской реформе в записке сказано следующее: «С 1 января 1864 г. образовались земские учреждения: к ним частью уже отошли, и могут еще более отойти со временем, дела и заботы о пользах и нуждах губернии как

---

[3] Там же. Л. 2—2 об.

[4] Там же. Л. 3 об.

особой земской единицы, не административной, но экономической — народное продовольствие и земские повинности, благотворительность и страхование имущества, элементарные училища и пути сообщения. Земские учреждения еще не окрепли, еще не научились справляться с многообразными, возложенными на них обязанностями, но тем не менее уже ныне значительно сократилось прямое влияние начальника губернии на быт крестьянства, а следовательно, и его ответственность за ход дел, вверенных земскому самоуправлению. Пост его становится более наблюдательным, чем распорядительным».[5] Новые суды дополнили этот процесс.

Министр вынужден признать, что уже ныне в общественном мнении господствуют симпатии к принципу выборности, самоуправления, что административная власть как власть бюрократии подвергается сильной критике и считается неэффективной, явно уступающей более динамичной и осведомленной, выборной, общественной власти. П. А. Валуев особенно акцентирует внимание на критику в адрес российской полиции, деятельность которой обычно характеризуется не только «пренебрежительно», но даже еще и с «оскорбительным оттенком».[6]

Записка оказалась своего рода политическим завещанием, ибо вскоре (в апреле 1868 г.) П. А. Валуев получил отставку, хотя и обставленную довольно почетно, но все же в глазах коллег и образованного общества обоснованную, так как он не принял мер к оказанию помощи ныне «освобожденным» крестьянам двух десятков российских губерний, подвергшихся неурожаю. Записка производит двойственное впечатление, выставляя в виде потерпевшей стороны губернатора, полицию и самую самодержавную власть, их возможности оказались ограничены реформами, против необходимости которых министр не возражает. «Я далек от мысли, — заключает он, — чтобы следовало уничтожить сословные собрания, закрыть ученые или промышленные общества, поколебать новые суды и наложить печать безмолвия на прессу».[7]

Записка могла быть написана и как оправдание первого (1861—1863 гг.) периода его деятельности, когда он настойчиво пытался осуществить реформу Государственного совета, где бы находилась и депутатская палата, включая общественный элемент, и как предупреждение монарху: сохранение самодержавия несовместимо с развитием самоуправления, с его точки зрения явно неизбежным, коль скоро он заговорил и о возможном расширении прав и деятельности земства. Этот документ чрезвычайно напоминает знаменитую записку С. Ю. Витте «Самодержавие и земство», также отстраненно констатировавшую в конце XIX в. (1898—1899 гг.) несовместимость двух начал: абсолютизма и самоуправления.[8]

Записка П. А. Валуева является ранним предупреждением об этом. Как министр внутренних дел он с первых же дней реформ вообще, а земской и судебных преобразований в особенности понял это, как и предсказал, что сопротивление, как тогда говорили, «ходу вещей» — дело беспо-

---

[5] Там же. Л. 7—7 об.

[6] Там же. Л. 14.

[7] Там же. Л. 18—18 об.

[8] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 100—109.

лезное. Его записка в полной мере это показывает. Уже в 1880—1881 гг. российская верховная власть и российские министры вынуждены были заняться проблемой реформы государственного правления (проект М. Т. Лорис-Меликова) и одновременно местной реформой (комиссия М. С. Каханова), которая должна была снять на местном уровне противостояние выборных и назначенных учреждений и лиц.

Известный кризис, вызванный попыткой П. А. Столыпина распространить на западные губернии России земские учреждения, как и ранее проведенные (в 1890 и 1892 гг.) Александром III реформы земского и городского самоуправления, которые подчеркнуто усилили значение сословного начала самоуправления, свидетельствовали как о слабости самодержавия, пытавшегося удержать свои прерогативы, так и об ограниченности возможностей общественного самоуправления.

После цареубийства 1881 г., позволившего императору Александру III воспользоваться общим шоком, чтобы не только провозгласить верность абсолютизму, но еще и оправдать ее лозунгом «народного самодержавия»,[9] как справедливо считал В. С. Дякин, в условиях безнадежного отставания, надвигающейся революции царизм не соглашался даже на осуществление незавершенной программы буржуазных преобразований 1860-х гг. Проявлением этого неразрешимого противоречия оказались и бесплодные споры всего пореформенного времени о совместимости царизма с самоуправлением, одной из тем которых оказались теории государственного и общественного самоуправления. Первая, оберегая самодержавие, говорила о том, что самоуправление вполне может стать частью государственного управления. Те, кому казалась очевидной неизбежность в конце концов перехода к правовому государству, отличительной чертой которого является принцип самоуправляющегося общества с парламентским устройством, ответственной административной властью перед законодательной, придерживались теории общественного самоуправления.[10]

В споре двух разнонаправленных начал в правительственных кругах получала государственную поддержку идея особого пути развития России, рассчитанная на психологию широких, не развращенных образованием народных масс, на их терпение и безразличие к политике.

В конце XVI в., как показал А. П. Павлов, российские цари все же предпочитали решать все вопросы с помощью служилой верхушки, чинов государева двора.[11] На протяжении последующих XVII—XX вв. — даже в пору колебаний — интересы правящей верхушки обретали форму предпочтения большей ценности государственности, нежели российской общественности.

---

[9] От самодержавия к Советской России. М., 2006. С. 347—352.

[10] Петербургская городская дума: 1846—1918. СПб., 2005. С. 5; *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х—начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 181—219.

[11] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 252.

Н. С. Андреева

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: «ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС»*

«Остзейский вопрос» как проблему внутренней политики впервые подняла публицистика в 60-х гг. XIX в.[1] Появление «остзейского» вопроса вместе с рядом прочих «инородческих вопросов» — украинским, мусульманским, финляндским и т. д. — стало следствием польского восстания 1863 г. Оно вызвало особый интерес прессы и общества к проблемам в национальных регионах Российской империи.

На постановку «остзейского вопроса» повлияли и другие факторы, в частности проведение «великих реформ» в России и усиление национального движения прибалтийских народов. Они выдвинули вопрос о необходимости преобразований в Остзейских губерниях. Осложнившаяся после образования Германской империи внешнеполитическая обстановка также требовала принять в этих губерниях определенные меры с тем, чтобы обеспечить безопасность государства.

Обсуждение «остзейского вопроса» в прессе привлекло к нему внимание правительства и в итоге привело к реформам 70-х и 80—90-х гг. XIX в. в Прибалтике. Они сократили административную автономию Прибалтийских губерний и способствовали унификации государственного управления. Хотя эти реформы существенно урезали компетенцию рыцарств (дворянских организаций) — изъяли из нее контроль за судом, полицией и сельскими школами, но полностью ее не ликвидировали. Рыцарства в начале XX в. сохранили свою автономию, а также продолжали руководить земским делом и управлять лютеранской церковью губерний и империи (некоторые из ее высших должностей замещали представители прибалтийского дворянства).[2] Таким образом, реформы конца XIX в. полностью не решили «остзейского вопроса».

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках Конкурса российско-французских совместных проектов Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции 2007 г.

[1] Под «остзейским вопросом» прежде всего понимались взаимоотношения центральной власти и национальной окраины, пользовавшейся особым статусом в составе государства. Кроме того, это понятие включало в себя комплекс «вопросов» — аграрный, земский, церковный, административный и т. д., которые требовалось решить в Прибалтийских губерниях с помощью реформ.

[2] *Зайончковский П. А.* Судебные и административные преобразования в Прибалтике // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX вв.

© Н. С. Андреева, 2007

Несмотря на это, внимание в обществе к нему на некоторое время ослабло. С началом же революции 1905—1907 гг. «остзейский вопрос» вновь приобрел актуальность. Размах революционного движения в Прибалтийских губерниях придавал особую остроту этому «вопросу» и требовал от правительства принять срочные меры для восстановления порядка в крае. Одни репрессии не могли надолго гарантировать социальную стабильность, поэтому правительство решило провести в Прибалтике ряд назревших реформ.

К их числу Совет министров 26 ноября 1905 г. отнес земскую, церковную, школьную реформы, а также меры по улучшению быта крестьян. По указу 28 ноября 1905 г. предварительной разработкой проектов этих преобразований занималось Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе. Разработанные им в период с 12 июня 1906 г. по 29 сентября 1907 г. проекты реформ поступили в Министерство внутренних дел, которое использовало их при подготовке своих законопроектов для Прибалтики.[3]

В центре внимания правительства в 1907—1914 гг. находились аграрный вопрос и реформа сельского евангелическо-лютеранского прихода в Прибалтийских губерниях. Между тем для Государственной думы «остзейский вопрос» не был проблемой первостепенной важности. В этой связи ее роль в решении этого «вопроса» свелась главным образом к рассмотрению правительственных законопроектов.

Министр внутренних дел А. А. Макаров 7 декабря 1911 г. внес в III Думу законопроект «Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви, о преобразовании церковно-приходских учреждений и об изменении порядка избрания пасторов в Лифляндской и Эстляндской губерниях».[4] Однако работа над ним началась только в IV Думе, после того как этот законопроект 10 декабря 1912 г. поступил в ее комиссию по вероисповедным вопросам.

Там он обсуждался с февраля по 18 июня 1913 г. при широком участии заинтересованных проблемой депутатов. Свой окончательный доклад по законопроекту комиссия представила 23 июня 1913 г.[5] В целом она внесла в

Л., 1972. С. 47; см. также: *Андреева Н. С.* «Остзейский вопрос» во внутренней политике российского правительства (начало XX в.) // Cahiers du Monde Russe. 2002. N 43/1. P. 67—102.

[3] РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 283. Л. 39 об.; ф. 1276. Оп. 5. Д. 125. Л. 1 об.; ср.: Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин, 1955. С. 612.

[4] В Прибалтийских губерниях действовало право патроната, которым преимущественно пользовалось прибалтийско-немецкое дворянство. Оно представляло собой совокупность прав и обязанностей определенного лица (владельца вотчины или казны — в казенных патронатах) в отношении церкви. Наиболее важным из них являлось так называемое право представления, т. е. право предлагать высшей духовной власти кандидата на место проповедника. Это право вызывало серьезное недовольство эстонцев и латышей, так как оно устраняло их от выборов пастора.

Проект 7 декабря 1911 г. передавал выборы проповедника приходу в лице церковного совета. Его членов — церковных старшин избирали сами прихожане, причем их право голоса ограничивал имущественный ценз. От повинностей в пользу лютеранского духовенства освобождались казенные имущества и частные, принадлежавшие лицам иных исповеданий (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1041. Л. 37—37 об., 36).

[5] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1041. Л. 41, 47; д. 1090. Л. 173.

него ряд поправок, сделав некоторые уступки, с одной стороны, латышскому и эстонскому населению и, с другой — прибалтийско-немецкому дворянству.

Комиссия, в частности, понизила образовательный ценз для церковного попечителя (он являлся главным распорядителем по всем церковным делам в приходе) и его помощника с шести классов среднего учебного заведения до полного курса высшего начального училища, как того хотели представители крестьян в Совещании при временном прибалтийском генерал-губернаторе. Вместе с тем церковный совет лишился возможности избирать большинством в две трети голосов попечителя, не отвечавшего этому цензу.[6]

В интересах прибалтийско-немецкого дворянства комиссия высказалась против освобождения имущества казны от церковных повинностей. Свое решение она обосновала тем, что государственные земли несли их длительное время, даже несмотря на закон 14 мая 1886 г., освободивший от этих повинностей лиц нелютеранского вероисповедания.[7]

Эта поправка отрицательно повлияла на дальнейшую судьбу законопроекта. Департамент духовных дел иностранных исповеданий считал принципиальным вопрос об уплате казной повинностей в пользу лютеранской церкви. Как отмечалось в его справке 10 марта 1913 г. о рассмотрении законопроекта в вероисповедной комиссии, признание за казной обязанности нести эти повинности стало бы «крайне опасным и нежелательным прецедентом», которым могли воспользоваться другие неправославные церковные организации.[8]

По мнению департамента, эта поправка дважды прошла в комиссии по причине того, что на ее заседаниях отсутствовали представители правых и умеренных партий. Из 33 членов вероисповедной комиссии в этих заседаниях участвовало только 11, причем все они, за исключением двух, принадлежали к иноверцам и к левым думским фракциям. Правые же не интересовались этим законопроектом из-за его местного характера.[9]

После того как проект закона 13 ноября 1913 г. одобрила финансовая комиссия, он был представлен на рассмотрение общего собрания Думы, но затем снят с очереди. Вероятно, на этом настоял департамент духовных дел, недовольный поправкой вероисповедной комиссии, привлекавшей казенные земли к платежу повинностей в пользу лютеранской церкви. Так, в черновом варианте справки департамента 10 марта 1913 г. предлагалось отозвать законопроект из-за несоответствия этой поправки «государственным интересам».[10]

В результате проект приходской реформы пролежал в Думе два года и 23 декабря 1915 г. его отозвало Министерство внутренних дел. Оно намеревалось переработать этот проект с учетом изменившейся политической ситуации и распространить его действие также на Курляндию.[11] Между тем

---

[6] Там же. Д. 1041. Л. 44.

[7] Там же. Д. 1091. Л. 177 об.

[8] Там же. Д. 984. Л. 275.

[9] Там же. Л. 275—275 об.

[10] Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1090. Л. 173 об.; д. 984. Л. 275 об.; ф. 1278. Оп. 6. Д. 142. Л. 113.

[11] Там же. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 142. Л. 164—164 об.; ср. *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905—1917 гг. Таллин, 1987. С. 246.

февральская революция 1917 г. прервала подготовку реформы и не позволила этим планам осуществиться.

Схожая судьба была у двух других законопроектов — «О продаже крестьянской земли в пасторатских имениях Прибалтийских губерний» и «Об обращении квотных и шестидольных земель в Лифляндской губернии в разряд крестьянских земель».[12] Министерство внутренних дел внесло их в Думу соответственно — 9 января и 20 марта 1914 г. Два года эти проекты законов пролежали в думских комиссиях и 14 марта 1916 г. были отозваны, также в связи с намерением Министерства внутренних дел переработать их на новых принципах.[13]

Между тем благоприятнее сложились обстоятельства для законопроектов, внесенных в Думу 20 марта 1909 г. Министерством внутренних дел, — «О выкупе крестьянской земли в имениях, всемилостивейше пожалованных дворянским обществам Прибалтийских губерний» — и 13 октября 1910 г. Министерством юстиции — «О разрешении владельцам фидеикомиссных земских имений в губерниях прибалтийских отчуждать входящие в состав сих имений крестьянские земельные участки, а также земли квотные и шестидольные». Эти законопроекты позволяли крестьянам — арендаторам земельных участков в имениях дворянских обществ и в фидеикомиссах[14] выкупать арендованные участки в собственность.

Дума обсудила оба проекта закона в заседаниях 14 и 15 марта 1912 г., причем ее депутаты в целом не проявили к ним особого интереса. В прениях по этим законопроектам участвовали, за исключением докладчиков земельной и финансовой комиссий М. А. Искрицкого и Н. И. Шидловского, только прибалтийские депутаты — представители остзейского дворянства октябристы Г. Е. фон Фелькерзам, А. О. фон Шиллинг, Г. Ф. Розен, которым оппонировали кадет А. Я. Террас, социал-демократ А. И. Предкальн и прогрессист Э. Ф. Карлсберг.

В ходе обсуждения этих законопроектов представители прибалтийско-немецкого дворянства пытались изменить их в своих интересах. Однако эстонские и латышские депутаты высказались против предложений дворянства, не поддержали их и представители ведомств — товарищи минист-

---

[12] Законопроект «О продаже крестьянской земли в пасторатских имениях Прибалтийских губерний» Министерство внутренних дел впервые внесло в Думу 20 марта 1909 г. В связи с тем что Дума не успела его рассмотреть, этот законопроект 9 января 1914 г. внесли в нее повторно. Он позволял крестьянам-арендаторам в пасторатских имениях приобретать состоявшие в их пользовании участки отрезных, а также повинностных и арендных крестьянских земель.

Проект закона «Об обращении квотных и шестидольных земель в Лифляндской губернии в разряд крестьянских земель» предусматривал перевод в разряд крестьянских той части квотных и шестидольных (т.е. отрезных) земель, которая сдавалась в аренду крестьянам. Отрезные земли, занятые различными промышленными и иными хозяйственными предприятиями помещиков, не подпадали под действие закона.

[13] Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1916. Сессия четвертая. Ч. III. Пг., 1916. Стб. 3269.

[14] Фидеикомисс (от лат. fideicommissum, от fides — вера, доверие, добросовестность и committo — поручаю) — родовое имущество, отчуждавшееся и передававшееся по наследству в особом порядке. В данном случае — форма наследования дворянской земельной собственности, при которой она переходила по наследству к старшему наследнику полностью (дробить и отчуждать части из ее состава запрещалось).

ров внутренних дел А. И. Лыкошин и юстиции А. Г. Гасман. В итоге Дума приняла оба законопроекта с незначительными поправками, а затем их одобрил Государственный совет. Соответствующие законы вступили в силу — 6 июня 1912 г. о выкупе крестьянских земель в имениях дворянских обществ Прибалтийских губерний и 25 июня того же года о разрешении владельцам фидеикомиссных имений отчуждать из их состава крестьянские земельные участки, а также квотные и шестидольные земли.[15]

Эти законы несколько расширили фонд крестьянских земель в Прибалтийских губерниях, но полностью решить аграрный вопрос не могли. Они снимали законодательный запрет на продажу крестьянских земель из состава фидеикомиссов и имений рыцарства и, таким образом, способствовали формированию крестьянской собственности на землю.

Прибалтийские депутаты со своей стороны неоднократно выступали с законодательной инициативой по «остзейскому вопросу», но в большинстве случаев она не имела успеха.

Особое внимание они уделили проблеме квотных и шестидольных земель. Так, в 1909 г. на рассмотрение Думы поступило два законодательных предположения: 4 февраля проект октябристов А. Ф. фон Мейендорфа и А. О. фон Шиллинга (проект «34-х») «О дополнении ст. 2 Высочайшего указа 18 февраля 1893 г. о квотных и шестидольных землях» и 18 декабря проект кадетов А. Я. Терраса и М. Шульценберга (проект «36-ти») «Об обращении квотных и шестидольных земель в Прибалтийских губерниях к их законному назначению».[16]

Составители проекта «34-х» предлагали отменить вторую часть указа 18 февраля 1893 г., приостановившую продажу отрезных земель, в то время как проект «36-ти» решал вопрос радикальнее. Он предусматривал продажу квотных и шестидольных земель крестьянам в течение трех лет. Непроданные за это время отрезные земли отчуждались принудительно по оценке регуляционных комитетов.[17]

Оба законопректа поступили в земельную комиссию Думы: 26 мая 1909 г. («34-х») и 22 февраля 1910 г. («36-ти»). В то же время Совет министров затребовал на проект «36-ти» отзывы министерств внутренних дел, юстиции, финансов и Главного управления землеустройства земледелия. Эти ведомства оценили его отрицательно. Кроме того, Министерство внутренних дел уже разрабатывало соответствующий законопроект. Учитывая все эти обстоятельства, Совет министров 2 марта 1910 г. отклонил проект «36-ти».[18]

---

[15] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Ч. III. СПб., 1912. Стб. 1302, 1318, 1166, 1229; Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1907—1912 гг. Ч. II. Законодательная деятельность. СПб., 1912. С. 250.

[16] Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1907—1912 гг. СПб., 1912. Ч. I. С. 360—361; *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия... С. 189.

[17] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия вторая 1908—1909 гг. № 199. С. 3; то же. Сессия третья 1909—1910 гг. СПб., 1910. Т. I. № 140. С. 17.

[18] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 351. Л. 11—12, 65; Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты 1909 г. Сессия третья. Ч. I. СПб., 1910. Стб. 3777; ср.: *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия... С. 190.

Несмотря на это, в IV Думе вновь был поднят вопрос о квотных и шестидольных землях в Прибалтийских губерниях. Лифляндские депутаты прогрессист И. П. Залит и кадет И. М. Рамот внесли в нее 28 мая 1913 г. при поддержке своих фракций проект «60-ти» «Об обращении квотных и шестидольных земель в Лифляндской и Эстляндской губернии к законному их назначению», близкий к проекту «36-ти». По тем же причинам правительство снова не поддержало думскую инициативу в этом вопросе.[19] Вместе с тем неоднократное обращение Государственной думы к проблеме квотных и шестидольных земель заставило Министерство внутренних дел ускорить работу над упоминавшимся выше законопроектом 20 марта 1914 г.

Наряду с этой проблемой серьезное внимание прибалтийские депутаты уделяли школьному вопросу в Прибалтике, хотя и по нему никаких существенных результатов в Думе достичь не удалось, причем во многом также из-за позиции Совета министров.

Как и думские законопроекты о квотных и шестидольных землях, он не поддержал проект закона «О введении в частных учебных заведениях Прибалтийского края по ведомству Министерства финансов и Главного управления землеустройства и земледелия преподавания на местных языках», внесенный в Думу 29 марта 1910 г. А. Я. Террасом и М. Шульценбергом.[20]

Совет министров 1 июля 1910 г. отклонил этот проект закона. Мотивом при этом послужило его несоответствие проекту правил о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, который 27 апреля 1910 г. одобрил Совет министров.[21]

Тот же законопроект под несколько измененным названием (вместо «по ведомству Министерства финансов» значилось «по ведомству Министерства торговли и промышленности») был повторно внесен в IV Думу 1 февраля 1913 г. за подписью 45 депутатов при поддержке кадетов, трудовиков и прогрессистов. Однако Совет министров 21 марта 1913 г. отклонил и этот проект.

На его решение повлияли отзывы министра просвещения Л. А. Кассо 2 марта 1913 г. и Главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина 9 марта 1913 г. по проекту «45-ти». Л. А. Кассо считал необходимым согласовать его с упоминавшимся проектом правил для частных учебных заведений Министерства народного просвещения. На основании этого проекта правил Главное управление землеустройства и земледелия разработало законопроект о подведомственных ему частных учебных

---

[19] РГИА. Ф. 1291. Оп. 64. Д. 502. Л. 83; ф. 1276. Оп. 5. Д. 405. Л. 101 об.; ф. 1405. Оп. 543. Д. 885. Л. 359, 366.

[20] В Прибалтийских губерниях по закону 19 февраля 1906 г. разрешалось преподавать на местных языках только в частных учебных заведениях, подчиненных Министерству народного просвещения. Законопроект 29 марта 1910 г. распространял действие этого закона и на учебные заведения, подведомственные Министерству финансов и Главному управлению землеустройства и земледелия. См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Сессия третья. Ч. III. СПб., 1910. Стб. 2129.

[21] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911—1912 гг. СПб., 1912. Т. III. С. 3; РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 632. Л. 13—13 об.; Особые журналы Совета министров Российской империи 1910 г. М., 2001. С. 193.

заведениях. В отличие от проекта «45-ти», рассчитанного только на Прибалтику, ведомственный проект устанавливал общие правила для всех национальных регионов государства. В связи с этим А. В. Кривошеин высказался в пользу проекта своего ведомства.[22]

В результате вопрос о преподавании на национальных языках в частных учебных заведениях Главного управления землеустройства и земледелия не был законодательно урегулирован. Несмотря на это, Главное управление по соглашению с Министерством внутренних дел само разрешало в частном порядке открывать в Прибалтийских губерниях такие учебные заведения с преподаванием на местных языках.[23]

В отличие от приведенных выше законопроектов правительство поддержало думскую инициативу по преобразованию земской дорожной повинности в Прибалтике (она была натуральной и поэтому особенно тяжелой для крестьян). Министерство внутренних дел 7 февраля 1914 г. взяло на себя разработку проекта «102-х» «Об изменении и дополнении узаконений по дорожной повинности в Курляндской и Лифляндской губернии», внесенного 28 мая 1913 г. в Думу прогрессистом Я. Ю. Гольдманом и кадетом И. М. Рамотом.[24] Однако министерский законопроект не был выработан.

Непросто обстоял вопрос с введением земского самоуправления в Прибалтийских губерниях. Национальная оппозиция требовала провести в крае земскую реформу — лишить сословные организации прибалтийско-немецкого дворянства земских функций и передать их специально создававшейся системе органов. К участию в них предполагалось допустить различные социальные слои местного населения. Правительство со своей стороны признавало эти требования справедливыми и обещало ввести земство в Прибалтике. Об этом намерении, в частности, заявляли в правительственных декларациях 6 марта 1907 г. П. А. Столыпин и 5 декабря 1912 г. В. Н. Коковцов.

Наибольшую активность в отношении земской реформы в Прибалтийских губерниях проявила социал-демократическая фракция. 19 ноября 1908 г. она внесла в Думу проект «32-х» «Об организации местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права» и 16 февраля 1912 г., при поддержке трудовиков проект «О введении земского самоуправления в Прибалтийских губерниях: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской».[25]

Совет министров отклонил эти проекты, причем проект «32-х» дважды — 23 декабря 1908 г. и 8 марта 1912 г. Его не устраивало радикальное

---

[22] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 632. Л. 9, 13 об.—14.

[23] *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX—начало XX в.). СПб., 1998. С. 315, 317—318.

[24] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая 1912—1913 гг. СПб., 1913. Вып. IV. № 391; Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 566—567.

[25] *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906—1911 гг. М., 1991. С. 55; Государственная дума. Второй созыв: Стенографические отчеты 1907 г. Сессия вторая. Т. 1. СПб., 1907. Стб. 112; Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1912—1913 гг. Сссия первая. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 264; РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 21. Л. 11—11 об.

решение земского вопроса в Прибалтике, предложенное социал-демократической фракцией. Совет министров разделял мнение министра внутренних дел А. А. Макарова о том, что основу намеченного преобразования должно составить общероссийское земское Положение 12 июня 1890 г.[26]

С началом первой мировой войны Дума вновь обратилась к вопросу о земской реформе в Прибалтийских губерниях. Прогрессисты И. П. Залит и Я. Ю. Гольдман внесли в нее 24 марта 1916 г. «Законодательное предположение о введении земских учреждений в Прибалтийском крае» за подписью 93 депутатов. Совет министров 20 мая 1916 г. признал этот проект приемлемым, но решил отложить подготовку земской реформы до окончания войны.

Между тем ее скорейшего проведения добивались эстонские и латышские депутаты Думы, в особенности Я. Ю. Гольдман. Принимая во внимание их точку зрения, а также события в Польше, управляющий Министерством внутренних дел А. Д. Протопопов в секретном отношении 9 ноября 1916 г. председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру предложил повторно рассмотреть вопрос о земской реформе. В итоге Совет министров, обсудив этот вопрос еще раз, 23 ноября 1916 г. поручил Министерству внутренних дел подготовить соответствующий законопроект.[27] Но времени на его разработку и тем более на реализацию самого преобразования уже не оставалось.

Безусловную поддержку правительства встретил проект «205-ти» об отмене особых привилегий собственников дворянских вотчин[28] в Прибалтике, внесенный в Думу 1.08.1915 г. Эти привилегии затрудняли экономическое развитие Прибалтийских губерний и осложняли межнациональные отношения в них.

Сперва проект «205-ти» рассмотрела 21 августа 1915 г. думская комиссия по борьбе с немецким засильем и признала такой закон желательным.

---

[26] А. А. Макаров. Заключение на законодательное предположение «О введении земского самоуправления в Прибалтийских губерниях: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской». 15 марта 1912 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 21. Л. 11 об.—12.

[27] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 60. Л. 52—53, 54; *Карьяхярм Т.* Попытки реформ местного управления в Прибалтике в 1914—1916 гг. // Россия и Балтия. Эпоха перемен (1914—1924). М., 2002. С. 57.

[28] Содержание этих привилегий определяли статьи 883 и 892 «Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских».

Ст. 883: «Особые права, присвояемые собственнику дворянской вотчины в Лифляндии, Эстляндии и на острове Эзеле, независимо от его звания, суть: 1. Право винокурения, пивоварения и продажи пива и съестных припасов, а также право заводить и содержать корчмы и шинки, согласно с действующими о том постановлениями. 2. Право учреждать в пределах имения местечки и открывать, установленным для сего порядком, рынки и ярмарки. 3. Право именоваться и подписываться владельцем того имения». Ст. 892: «Права, принадлежащие собственнику дворянской вотчины в Курляндии, независимо от его звания суть: 1. Право рыбной ловли, охоты и вообще звериной ловли на землях, и в лесах, и водах имения. 2. Право винокурения и пивоварения, а также право заводить и содержать корчмы и шинки для продажи пива и других напитков и съестных припасов, соответственно действующим о том постановлениям. 3. Право заводить в пределах имения фабрики и учреждать ярмарки, установленным на то порядком». Цит. по: Свод гражданских узаконении губерний Прибалтийских. Продолжение 1912 г. СПб., б.г. С. 21—22.

После этого, 25 сентября 1915 г., законопроект обсудил Совет министров. По его решению правительство взяло разработку проекта на себя.

Законопроект выработало Особое совещание под председательством товарища министра юстиции А. Н. Веревкина, образованное 11 ноября 1915 г. при Министерстве юстиции. На его подготовку у совещания ушло чуть меньше месяца (оно работало с 12 января по 6 февраля 1916 г.).[29]

Разработанный Особым совещанием проект закона «Об отмене особых поземельных прав владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях» ликвидировал особые права собственников дворянских вотчин, которые присваивались всем землевладельцам независимо от их сословия. Они становились неотъемлемой частью земельного участка и не могли ни устраняться, ни ограничиваться посредством частно-правовых соглашений.[30]

В целом совещание пошло дальше мер, намеченных проектом «205-ти», и высказалось также за отмену права совозмездного отчуждения крестьянской земли (ст. 204 Положения о крестьянах Эстляндской губернии и ст. 42 Положения о крестьянах Лифляндской губернии).[31] По решению большинства членов совещания особые привилегии отменялись без компенсации их бывшим собственникам.[32]

Совет министров рассмотрел этот законопроект в заседаниях 17 и 24 июня 1916 г. Ввиду перерыва в занятиях Думы соответствующий закон был принят в порядке ст. 87 Основных государственных законов и вступил в силу 10 июля 1916 г.[33]

Таким образом, из всех предложенных Думой законопроектов по «остзейскому вопросу» только на основании проекта «205-ти» был принят закон об отмене особых привилегий собственников дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях. Остальные думские законопроекты не получили законодательного утверждения по разным причинам. Некоторые из них отклонил Совет министров, поскольку посчитал эти проекты слишком радикальными или уже были подготовлсны аналогичные им правительственные законопроекты. Имелись также случаи, когда правительство, взяв на себя разработку законодательных предположений Думы, не выработало соответствующих законопроектов.

---

[29] РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 973. Л. 62 об.; ф. 1282. Оп. 2. Д. 1243. Л. 43; ф. 1405. Оп. 532. Д. 147. Л. 299 об.; Государственная дума: Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия IV. 3 сентября 1915—20 июня 1916 г. Пг., 1916. С. 216.

[30] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1028. Л. 111—111 об.

[31] Эти статьи предоставляли помещику, в собственности которого ранее находился проданный участок, права его совозмездного отчуждения или присоединения в необходимых случаях: для нужд мелиорации, прокладки путей сообщения и т. д. См.: Положение о крестьянах Эстляндской губернии 5 июля 1856 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1857. Т. XXXI. № 30693; Положение о крестьянах Лифляндской губернии 13 ноября 1860 г. // Там же. СПб., 1862. Т. XXXV. № 36312.

[32] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1028. Л. 74, 112.

[33] Там же. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 147. Л. 524—524 об., 527. — Американский историк Э. Лор ошибочно считает, что были отменены все привилегии прибалтийских немцев. В действительности отменялись только особые привилегии собственников дворянских вотчин. См.: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. Cambridge; London, 2003. P. 167, 226.

Вместе с тем инициатива правительства по «остзейскому вопросу» не всегда находила поддержку в Думе. Правительственные законопроекты надолго оседали в ее комиссиях и в итоге нередко оставались нерассмотренными, причем не только из-за загруженности Думы, но и потому, что она в целом не придавала особой важности прибалтийским проблемам.

Характерной в этом отношении была позиция кадетской фракции. Ее руководство отклонило предложение прибалтийских депутатов включить требования по «остзейскому вопросу» в программу фракции. Оно считало, что прежде всего следует решать общегосударственные, а не местные проблемы национальных регионов. Между тем без поддержки фракции прибалтийским кадетам не всегда удавалось собрать необходимое количество подписей под своим законопроектом для его внесения в Думу. По этой причине некоторые из их законодательных предположений в нее не попали.

Решение «остзейского вопроса» в Думе во многом осложнило слабое представление о ситуации в Прибалтике у большинства ее депутатов.[34] Однако главная проблема все же заключалась в том, что между правительством и Думой не было взаимопонимания по этому «вопросу». В итоге наряду с другими национальными «вопросами» Российской империи он так и остался нерешенным.

---

[34] *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912—1917) // Историк и современник. Берлин, 1922. № 2. С. 21; *Милюков П.* Воспоминания. М., 2001. С. 303.

В. Н. Гинев

ВОПРОС О ВОЛОСТНОМ ЗЕМСТВЕ В IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.

(Разработка законопроекта в думской комиссии по местному самоуправлению)

Почти сразу же после земской реформы 1864 г., по которой земства вводились только на губернском и уездном уровне, причем далеко не повсеместно, в либеральном обществе возникло настоятельное желание об «увенчании здания», т.е. создания постоянно действующего общероссийского земского органа. Несколько позднее в тех же либеральных кругах возникла идея подвести под это здание «фундамент» в виде всесословных волостных земств. Но если верноподданнические просьбы об учреждении Земского собора или чего-либо ему подобного вызывали резкое неприятие царя и соответственно правительства, то к предложениям, касающимся реформирования устройства волости, отношение властей было иное: после нескольких десятилетий обсуждений в правительственных комиссиях и в прессе они дошли до стадии законопроектов, правительственных и думских.

Первый такой законопроект был внесен во II Думу П. А. Столыпиным, но Дума не успела его рассмотреть. Откорректированный в правительстве, он рассматривался III Государственной думой, сначала в комиссии по местному самоуправлению, затем прошел три чтения в общих заседаниях Думы и, наконец, 13 мая 1911 г. был принят в думском варианте (несколько отличном от правительственного) и передан в Государственный совет, где после долгих проволочек 20 мая 1914 г. его отклонили большинством в пять голосов.

Положение о волостном земстве было утверждено только Временным правительством 21 мая 1917 г., уже в совершенно другой политической обстановке. Но что происходило с вопросом о волостном земстве между маем 1914 и маем 1917 гг.?

Если о борьбе вокруг этой проблемы в начале XX в. до провала законопроекта III Думы в Государственном совете с большей или меньшей подробностью писали П. Н. Зырянов и В. С. Дякин,[1] то о трехгодичном периоде после мая 1914 г. о судьбе волостного земства почти ничего неизвестно. Только во втором томе вышедшего в 2005 г. коллективного труда по исто-

[1] *Зырянов П. Н.* Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. 1969. № 6; *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство (провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики правительства. Л., 1972.

© В. Н. Гинев, 2007

рии земства в России позиции правительства посвящено несколько страниц, причем раскрывается содержание всего одного циркуляра Министерства внутренних дел и кратко говорится об его обсуждении в уездных земских собраниях. Об обсуждении вопроса о волостном земстве в IV Государственной думе лишь упомянуто.[2]

Отвергнутый Государственным советом законопроект о волостном земстве пролежал в думской канцелярии без всякого движения больше года. Но положение изменилось, когда в августе 1915 г. в Думе был образован так называемый «Прогрессивный блок» «в составе кадетов, прогрессистов, октябристов, центра и части националистов».[3] На одном из совещаний в процессе формирования блока была достигнута договоренность добиваться от правительства соглашения с Думой на проведение «программы законодательных работ», в частности «изменения Земского положения 1890 года» и «введения волостного земства».[4]

Во исполнение этого плана «Законодательное предположение о волостном земском управлении», разработанное и в свое время принятое большинством III Государственной думы, было реанимировано и 11 августа 1915 г. вновь внесено теперь уже в Государственную думу четвертого созыва в виде «законодательного предположения», подписанного 86 членами Думы. По фамилиям подписавших выявлена партийно-фракционная принадлежность 74 человек. Среди них больше всего кадетов (39), далее идут члены фракции прогрессистов (17), фракции земцев-октябристов (6), думской группы «Союза 17 октября» (3), по одному подписавшемуся от групп мусульманской и белорусско-литовско-польской, польского коло, один беспартийный и пять от «независимой группы».[5]

В Думе было зачитано следующее обращение подписавшихся:

«Мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Государственной думе признать желательным проект закона о волостном земском управлении, принятый третьею Государственной думой и передать его для разработки в комиссию по местному самоуправлению». Далее следовали подлинные подписи 86 членов Думы и в качестве приложения типографский текст 181 статьи проекта закона.[6] Он, по утверждению докладчика от думской комиссии по местному самоуправлению В. И. Стемпковского, «есть слово в слово, буква в букву перепечатка того законопроекта, который почти пять лет тому назад был одобрен Государственной думой трстьего созыва».[7]

21 августа секретариат Думы переслал законопроект в канцелярию председателя Совета министров и еще нескольким министрам.[8] По сущест-

---

[2] Земское самоуправление в России. 1864—1918. М., 2005. Кн. 2. С. 249—257.

[3] Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 563.

[4] Красный архив. 1932. № 1—2. С. 136.

[5] Перечень фамилий 86 членов Государственной думы, внесших 11 августа 1915 г. законопроект о волостном управлении // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 829. Л. 33; Список членов Государственной думы по партийным группировкам // Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Указатель к стенографическим отчетам. Заседания 19 июля 1915 г.—20 июня 1916 г. Пг., 1916. С. 19—24.

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 829. Л. 2—27.

[7] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Стенографический отчет. Пг., 1916. Стб. 2628.

[8] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 829. Л. 43—52.

вовавшим правилам правительство должно было как-то отреагировать на эти документы в течении месяца. Но 3 сентября царским указом занятия Думы были прерваны на неопределенный срок. Вновь работа Думы возобновилась только 9 февраля 1916 г. Таким образом, более пяти месяцев законопроект о волостном земстве пролежал без движения. Но уже 3 марта 1916 г. в Думе опять был поставлен вопрос о его «желательности», и этому вопросу была посвящена большая часть пленарного заседания.

Представлял законопроект от группы 86 подписавших член фракции земцев-октябристов В. И. Стемпковский. Он обосновал важность законопроекта необходимостью ликвидировать сословные перегородки между всеми жителями волости, оставить в прошлом сословную обособленность крестьянства и тем самым преодолеть «рознь между интеллигентными классами и деревней». Говорил он и о несправедливости положения, когда все расходы по хозяйственным и административным нуждам волости падают только на крестьян. Если бы мелкая земская единица уже существовала, то это существенным образом помогло бы работе органов уездного земства на нужды армии и помощь инвалидам. «А при окончании войны ⟨...⟩, — по мнению Стемпковского, — работа мелкой земской единицы почти безгранична», поэтому «нам нужно с этим делом спешить». Он даже предложил миновать стадию обсуждения законопроекта в думской комиссии и рассматривать его сразу на пленарных заседаниях: «Раз мы имеем законченную работу третьей Думы, ⟨...⟩ нет никакой надобности передавать вопрос в комиссию. Я предлагаю признать его желательным и, памятуя уроки прошлого, дружно, не останавливаясь, может быть, на детальной обрисовке фасада здания, скорее приняться за работу и скорее провести в жизнь эту необходимейшую меру для будущей нашей работы после войны».[9]

Однако это предложение, несмотря на «рукоплескания в центре, слева и в левой части правой», не было принято. Причина заключалась как раз в желании ряда фракций детально поработать не только над «фасадом здания» законопроекта, но и над его внутренним содержанием. Это ясно проявилось в выступлении следующего оратора кадета П. П. Гронского.

Энергично поддержав законопроект в принципе («целый ряд земских функций только тогда может исполняться полно и в достаточной степени удовлетворительно, если будет существовать мелкая земская единица»), сказав о нетерпимости существующего порядка, когда «крестьянство несет в себе все тяготы волостного обложения», Гронский заявил, что со многими положениями законопроекта, принятого III Думой (добавлю от себя: в том числе и кадетскими голосами. — *В. Г.*), который вновь намечают принять, кадетская фракция не согласна и намерена отстаивать свою точку зрения именно в предстоящей думской комиссии. В частности, противоречит кадетской партийной программе и демократическим убеждениям кадетов «куриальная система выборов» и общая система надзора «за деятельностью волостного земского управления». В III Думе кадеты, по словам Гронского, пошли на компромисс, поскольку важен был сам факт создания мелкой земской единицы, и принятый III Думой законопроект являлся «блестящим образчиком так называемой блоковой программы», но сейчас кадеты еще будут о

---

[9] Государственная дума. Четвертый созыв. Сссия IV. Стб. 2629—2632.

нем «говорить в комиссии». Однако при этом желательно, «чтобы комиссия по мере возможности быстро прошла эту стадию обсуждения реформы».[10]

Не касаясь существа законопроекта, за желательность скорейшего рассмотрения его в комиссии и в общем собрании Думы высказался представитель русской национальной фракции.[11] Против того, чтобы, отвлекаясь от проблем, вызванных войной, «заниматься таким вздором», как волостное земство, возразил Марков 2-й, вызвав «рукоплескания справа».[12]

Особо следует сказать о позиции правительства. После отклонения третьедумского законопроекта о волостном земстве в Государственном совете в мае 1914 г. вопрос о нем в правительстве не поднимался вплоть до августа 1915 г., пока в IV Думе не было поставлено на повестку дня обсуждение «законодательного предположения» 86-ти депутатов. Но перерыв в заседаниях Думы вновь отложил обсуждение законопроекта на несколько месяцев — до начала марта 1916 г. На заседании Думы 3 марта 1916 г., когда стало ясно, что Дума большинством голосов выскажется за «желательность» обсуждения законопроекта о волостном земстве, присутствовавший на заседании управляющий земским отделом Министерства внутренних дел А. Н. Неверов взял слово и заявил от имени министерства, что «министерство принимает на себя разработку законопроекта о мелкой земской единице, приступит к разработке немедленно, примет все меры к скорейшему окончанию этого законопроекта и внесет его во всяком случае не позже начала осенней сессии в законодательные палаты».[13] Товарищ министра кн. В. М. Волконский к этому добавил в ответ на «недоумение и сожаление» члена Думы Маркова-2, что министерство «находит возможным отвлекать своих агентов» от военных проблем: «Министерство ⟨...⟩ именно для борьбы и для войны ⟨...⟩ принимает на себя разработку законопроекта, приступая к нему немедленно».[14]

Подоплека выступлений представителей Министерства внутренних дел в Думе ясна. Правительство не удовлетворял законопроект о волостном земстве, принятый в свое время III Думой, поэтому оно хотело противопоставить думскому законопроекту свой проект, правительственный. Конечно, думцы могли осенью пытаться вносить в него поправки, но важно было, какой из проектов ляжет в основу обсуждения в Думе.

Очевидно, думцы это понимали. В. И. Стемпковский вежливо отклонил предложение А. Н. Неверова. По его мнению, целесообразней «для ускорения дела ⟨...⟩, не дожидаясь внесения правительственного законопроекта, передать рассматриваемый нами проект в комиссию, для того чтобы сейчас началась там работа по этому вопросу». А «правительство будет всегда в состоянии при рассмотрении его здесь вносить те поправки, которые оно сочтет нужным». Менее дипломатично высказался член Думы П. П. Гронский, еще в первом своем выступлении подчеркивавший, что вопрос о волостном земстве рассматривается «по инициативе самой Думы». Он заявил, что предложение Министерства внутренних дел перенести начало обсуж-

---

[10] Там же. Стб. 2632—2638.
[11] Там же. Стб. 2640.
[12] Там же. Стб. 2642.
[13] Там же. Стб. 2640—2641.
[14] Там же. Стб. 2643.

дения законопроекта на сентябрь означает его отсрочку до греческих календ.[15] В итоге в тот же день, 3 марта 1916 г., Государственная дума приняла решение о передаче законодательного предположения 86 своих членов в комиссию по местному самоуправлению.[16]

Комиссия в количестве 66 членов Думы посвятила обсуждению законопроекта «О волостном земском управлении» шесть заседаний: 20, 21, 24, 25, 27 мая и 4 июня 1916 г. В составе комиссии работали по 11 человек из фракций правых и кадетов, по 9 из фракций земцев-октябристов и русской национальной, трое из группы националистов-прогрессистов, семеро из фракции прогрессистов, восемь из партии центра, два социал-демократа, по одному от трудовиков и еще нескольких небольших фракций. Председателем комиссии был избран земец-октябрист Н. Н. Шидловский 2-й.[17] Наиболее активно при обсуждении вели себя октябристы, немного уступали им кадеты, прогрессисты и националисты, проявили себя и правые, пытаясь повлиять своими аргументами на членов комиссии, но в основном безуспешно. Выступлений представителей мелких фракций журналы комиссии не зафиксировали. Вообще по журналам заседаний комиссии нельзя узнать, каким именно большинством принимались или отклонялись те или иные предложения. Но суть и тематика дискуссий ясна.

Едва начались прения, как фракция правых выставила от себя оратором крестьянина-землевладельца К. Е. Городилова, который заявил, что «с точки зрения крестьянства» «введение волостного земства ⟨...⟩ представляется преждевременным, так как народ еще не созрел, чтобы управляться самому». Ему возразили кадеты А. М. Александров и П. А. Леванидов, не поддержал и присутствовавший на заседании управляющий земским отделом Министерства внутренних дел А. Н. Неверов.[18] В дальнейшем, однако, споры комиссии развернулись не по вопросу о том, созрел или не созрел простой народ для самоуправления. В комиссии столкнулись две концепции реформы волостного земского управления — правительственная и партий, составивших в Думе «прогрессивный блок», хотя и в последнем порой имели место разногласия по отдельным конкретным статьям проекта Положения.

Позицию «прогрессивного блока» представил октябрист В. И. Стемпковский. Во-первых, в ведение волостного земства должны были входить функции как хозяйственные, так и административно-полицейские. Во-вторых, надо было создать такие условия деятельности волостной земской управы и волостного земского собрания, при которых вмешательство местной администрации в земские дела стало бы минимальным. Стемпковский, очевидно, не считал в отличие от марта 1916 г., что законопроект, принятый III Думой, совершенен и не требует обсуждения в комиссии. Напротив, теперь он желал «всего пересмотра проекта закона, выработанного Государственной думой III созыва».[19]

---

[15] Там же. Стб. 2641.

[16] Там же. Стб. 2643.

[17] Комиссия по местному самоуправлению (фамилии членов по состоянию на 20 мая 1916 г.). РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 247—248; Список членов Государственной думы по партийным группировкам. Пг., 1916. С. 19—24.

[18] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 239 об.

[19] Там же. Л. 238 об., 239.

Против основных тезисов Стемпковского решительно возразил представитель Министерства внутренних дел А. Н. Неверов. С точки зрения правительства «хозяйственные функции и чисто административные с преображением волости должны быть расчленены и возложены на различные органы, построенные на различных началах». Основываясь на априорной убежденности, что волости в ее существующих размерах будет трудно путем самообложения обеспечить свои хозяйственные нужды, Неверов считал необходимым увеличить ее территорию в 5—6 раз, вместе с этим в какой-то степени увеличивалась и численность облагаемого населения волости. Но волость как административную единицу предлагалось сохранить в прежних пределах, а «лица, стоящие во главе волостной администрации, будут назначаться правительственною властью и считаться ее агентами на общем основании». Надо отдать должное авторитарной, как сказали бы сейчас, откровенности обоснования этого намерения правительства. «Для устойчивого хода управления, — полагал Неверов, — необходимы независимость и известная обособленность от населения лиц, обладающих административными полномочиями, между тем лица, состоящие на службе по выборам, находятся под значительным влиянием избирателей».[20]

Несколько человек из русской национальной фракции вместе с одним правым и одним земцем-октябристом поддержали представителя правительства. Вначале они попытались затянуть обсуждение, заявив, что «обнаружившееся коренное разногласие между взглядами на дело правительства и составителями проекта исключают ⟨...⟩ всякую возможность ускоренного рассмотрения законопроекта». Затем высказались в поддержку правительственной идеи увеличить территорию земской волости, показав себя тем самым сторонниками разделения хозяйственных и административных функций на низшем земском уровне.[21] Уже упоминавшийся крестьянин Городилов из фракции правых в другой день заседания комиссии при рассмотрении статьи об обязанностях председателя волостной земской управы по существу возражал против того, чтобы тот выполнял некоторые полицейские действия, сказав, что их до́лжно возложить на «особое лицо, вполнс в них сведущее и опытное». Он немедленно получил поддержку присутствующего на заседании представителя министерства, усмотревшего в прениях шаг «в направлении, которое заняло в этом вопросе правительство».[22] Победило, однако, мнение кадетов и октябристов, которые полагали, что «передача административных дел лицу, стоящему вне управы», нецелесообразно для земского управления. Соответствующая статья проекта Положения о волостном земском управлении (№ 81) возлагала эти обязанности «на одного из членов коллегии волостной земской управы, по указанию последней». Сохранение за волостным земством административных функций поддержала и фракция прогрессистов.[23]

---

[20] Там же. Л. 239 об.—240 об.

[21] Там же. Л. 240 об., 243, 243 об., 244.

[22] Там жс. Л. 259 об., 260.

[23] Там же. Л. 240 об., 259 об.; Сравнительное изложение проскта Положения о волостном земском управлении ⟨...⟩ в редакции, установленной комиссией по местному самоуправлению, и в редакции, одобренной Государственною думою III созыва // При-

Стремление усилить роль земского элемента в проекте Положения о волостном земском управлении и наряду с этим уменьшить влияние на деятельность волостного земства органов местной государственной власти явственно прослеживалось также и при обсуждении статей Положения, трактующих об организации надзора за земской волостной управой и волостным земским собранием.

На первом заседании комиссии по местному самоуправлению 20 мая основной разработчик предложений по внесению изменений в Положение, принятое III Думой, земец-октябрист землевладелец Воронсжской губернии, почетный член Задонской уездной управы и почетный мировой судья В. И. Стемпковский высказал неудовлетворение деятельностью существующей крестьянской волости и объяснил это тем, что «выборные лица волостного управления поставлены административною службою и условиями несения ее в крайне подчиненное положение к правительственной власти». Отсюда следовал вывод: «Стало быть, необходимо выборных лиц волостного самоуправления, не лишая их административных функций, поставить тем не менее в положение, которое исключало бы возможность подобному вышеуказанному отношению». Третьедумский законопроект о волостном земском управлении не исправил эту ситуацию. В нем (ст. 156) надзор за волостным земством возлагался на «особое присутствие уездного съезда». Председателем этого органа являлся уездный предводитель дворянства, членами — «председатель уездной земской управы ⟨...⟩ два члена уездного земского собрания, избираемые сим собранием на трехлетний срок, уездный член окружного суда, товарищ прокурора окружного суда, податной инспектор и земский начальник того участка, коего касается обсуждаемый вопрос». Стемпковский находил такой состав неприемлемым. «Следует признать, что конструкция органов надзора, одобренная Государственной думою III созыва, едва ли теперь может быть найдена вполне удовлетворительною». В заседании 25 мая он разъяснил причину своего негативного отношения к «особому присутствию»: «Намеченный проектом Государственной думы III созыва состав особого присутствия уездного съезда, органа, коему вверяется надзор за волостными земскими учреждениями, не удовлетворителен, т. к. в нем прсобладают лица по назначению от правительства». По его мнению, «надзор за волостными земскими учреждениями должен быть возложен на особое, самостоятельное учреждение — уездное судебно-административное присутствие». Предлагался состав этого нового присутствия. Председателем должно было стать лицо судебного ведомства — председатель уездного съезда мировых судей, членами — председатель уездной земской управы, член уездной земской управы по ее выбору, один из мировых судей и непременный член присутствия, избираемый уездным собранием на три года.[24]

При обсуждении состава органа надзора за волостным земством было высказано категорическое мнение (кадетом и двумя прогрессистами) о недопустимости включения в уездное судебно-административное присутствие

ложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1916. С. 68.

[24] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 238 об., 239, 266, 266 об.; Сравнительное изложение... Приложения к стенографическим отчстам... С. 87.

земского начальника, это «опасно и нежелательно». Со стороны правых тут же раздался голос в поддержку этой одиозной фигуры: «Земский начальник по знанию местных условий и своей подготовленности к решению вопросов, вверяемых ведомству уездных судебно-административных присутствий, окажется полезным работником в составе этого присутствия». Как ни странно, это мнение поддержал и земец-октябрист В. И. Стемпковский, предложивший включать земского начальника в надзорный орган в тех губерниях, где еще не был введен в действие закон 1912 г. о реформе местного суда. Однако в тексте соответствующей статьи (№ 149) проекта Положения о волостном земском управлении, представленном комиссией в общее заседание Думы, прямое упоминание о земском начальнике отсутствовало. Вероятно, об этом была достигнута договоренность в «рабочем порядке», вне официальных заседаний думской комиссии.[25] Земский начальник был также удален из ст. 97-й третьедумского проекта Положения, где ему давалось право утверждать назначение волостных сотских. В новой редакции этой статьи (ставшей 92-й) волостные сотские назначались и увольнялись председателем волостной земской управы, без чьего бы то ни было утверждения.[26]

Комиссия по местному самоуправлению IV Думы во всех статьях третьедумского варианта Положения о земском волостном правлении, где фигурировало «особое присутствие уездного съезда», последовательно заменила его на «уездное судебно-административное присутствие».

Таким образом, надзор за деятельностью волостных земских учреждений должно было осуществлять не особое присутствие уездного съезда (очевидно, этот орган вообще подлежал упразднению), а уездное судебно-административное присутствие в указанном выше составе. В свою очередь контроль за законностью действий самого уездного судебно-административного присутствия предлагалось возложить не на губернское судебно-административное присутствие, а на особое отделение окружного суда по земским делам.[27]

Уездное судебно-административное присутствие заменило собой особое присутствие уездного съезда также в получении докладов о результатах выборов в волостное земское собрание и жалоб на их неправильное производство, в принятии решения об отмене результатов выборов; именно оно, по предложению большинства комиссии по земскому самоуправлению, должно было решать спорные вопросы между председателем волостной земской управы и остальными членами той же управы, выносить им взыскания, контролировать и утверждать волостные финансовые сметы и раскладки, отменять «незаконные» постановления волостных земских собраний, производить ревизии «волостных земских управ и всех подведомственных волостному земству учреждений и должностных лиц».[28]

---

[25] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 267 об., 268; Положение о волостном земском управлении // Приложения к стенографическим отчетам... С. 32.

[26] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 267, 267 об.; Сравнительное изложение... // Приложения к стенографическим отчетам... С. 71—72.

[27] Сравнительное изложение... С. 42 (статьи 8, 9 третьедумского законопроекта и 9, 10 — принятые комиссией IV Думы).

[28] Там же. С. 42, 49, 50, 69, 70, 73, 84, 85, 90, 91 (статьи 8, 9, 29, 31, 32, 84, 88, 137—143, 157, 159—161, 167—169 третьедумского законопроекта и соответствующие

Проектируемый контроль судебно-административного присутствия над волостными выборами считался думской комиссией настолько действенным, что не требовалось какого бы то ни было утверждения избранных волостным земским собранием председателя и членов волостной земской управы. (В законопроекте, принятым III Думой, они утверждались особым присутствием уездного съезда).[29]

Наряду с уездным судебно-административным присутствием большие права по контролю за деятельностью учреждаемого волостного земства получали уездная земская управа и уездное земское собрание. Управа назначала сроки выборов в волостное земское собрание и делала «все прочие распоряжения по производству выборов». Уездное земское собрание утверждало уровень обложения на нужды волости, которое предлагало волостное земское собрание. В этих частях статьи проекта комиссии IV Думы повторяли соответствующие статьи третьедумского законопроекта.[30] По существу они устанавливали контроль уездного земства не только над законностью, но и над целесообразностью постановлений волостного земства.

Представляя результаты работы комиссии по местному самоуправлению общему собранию IV Думы, В. И. Стемпковский обосновал финансовый надзор уездного земства над волостным тем, что «источники средств не разграничены». «Волостному земству предоставлено облагать те же предметы, что и уездному», поэтому пока такой порядок не изменен, «едва ли возможно устранить такой суровый контроль над сметами волостных земств».[31] Поскольку крестьяне и до этого несли денежные и натуральные волостные повинности, октябрист-земец Стемпковский, высказывая опасения по поводу возможных в будущем непосильных дополнительных волостных сборов, на деле заботился об интересах дворян и других имущих обитателях проектируемой всесословной волости, до того в пользу волости не облагавшихся.

Заботой об обеспечении влияния дворянской и прочей имущей прослойки в общесословной земской волости было продиктовано и сохранение куриальной системы выборов. В этом кадетская часть думской комиссии (а потом и думская фракция кадетов в целом) поступились принципами ради сохранения блока с октябристами. В журнале заседания комиссии от 21 мая 1916 г. записано: «Члены комиссии В. А. Ржевский, С. Т. Варун-Секрет и К. К. Черносвитов 1-й от имени фракций прогрессистов, земцев-октябристов и народной свободы заявили, что означенные фракции отнюдь не считают выработанный Государственною думою III созыва порядок избрания волостных гласных целесообразным и совершенным, усматривая в нем ряд крупных недостатков. Придавая, однако, весьма существенное значение скорейшему осуществлению настоящего законопроекта в его целом, в видах укрепления тыла, названные фракции отказались от мысли вносить

им статьи 9, 10, 27, 28, 29, 88, 92, 145—150, 162, 164—166, 174—176 проекта, принятого комиссией IVДумы).

[29] Там же. С. 63, статьи 66, 70; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 254.

[30] Сравнительное изложение... С. 32, статья 34 (соответственно ст. 38), с. 84—85, статьи 136—139 (соответственно ст. 143—146).

[31] Доклад по законодательному предложению 86 членов Государственной думы о волостном земском управлении. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия IV. Вып. V. Пг., 1916. С. 5.

в избирательный порядок проекта какие-либо изменения по существу». В своем докладе в Думе В. И. Стемпковский утверждал, что «и при этой системе выборов в волостных земских собраниях численного перевеса имущественные классы не будут иметь», но этим будет обеспечено необходимое «присутствие в волостных собраниях культурных элементов». «В противном случае они могут не попасть туда по слепому недоразумению».[32]

Несмотря на сохранение куриальной системы выборов и ряда других положений третьедумского законопроекта о волостном земском управлении, его откорректированный вариант, вышедший из комиссии IV Думы, оказался в целом более оппозиционно-либеральным. В нем был усилен земский элемент и ослаблен административный. Комиссия игнорировала предложение представителя Министерства внутренних дел Неверова о создании вместо одной всесословной волости с административно-хозяйственными функциями двух местных единиц — административной волости в существующих пространственных границах с назначенной правительством волостной администрацией и «участкового земства», большего по площади в 5—6 раз и только с хозяйственным кругом деятельности. В докладе В. И. Стемпковского общему собранию IV Думы это подчеркивалось: «Выслушав заявление представителя правительства, комиссия в дальнейшем не внесла каких-либо изменений, соответствующих этому заявлению».[33]

Было существенно ограничено участие назначенных от правительства лиц в надзорном органе — уездном судебно-административном присутствии. Ему в проекте комиссии «дана обширная власть». Поэтому «предоставить такой контроль единоличной власти назначенного правительством чиновника представлялось, понятно, совершенно невозможным. Это значило бы поставить новое волостное земское управление в то же положение, в каком находится волость в настоящее время. При таком надзоре реформа в сущности свелась бы к нулю». В результате «из пяти членов коллегии только председатель присутствия является лицом, служащим по назначению правительственной власти».[34]

Руководство министерства быстро поняло бесполезность участия в работе комиссии и понизило уровень своего представительства в ней. Если на первом заседании присутствовали управляющий земским отделом министерства, его помощник и делопроизводитель, то затем были откомандированы в комиссию только помощник и делопроизводитель, а иногда один делопроизводитель. На последнем заседании от Министерства внутренних дел вообще никого не было.[35] На одном из заседаний помощник управляющего земским отделом министерства пояснил, что его ведомство, «расходясь с рассматриваемым законопроектом во взгляде на цели и способы преобразования волостного управления, готово, однако, принять участие в работах комиссии в целях содействия к всестороннему освещению обсуждаемых вопросов».[36] Но в действительности роль представителей министерства свелась к функции наблюдателей.

---

[32] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 250; Доклад ... С. 4.
[33] Доклад ... С. 2.
[34] Там же. С. 6.
[35] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 238, 249, 259, 266, 276, 290.
[36] Там же. Л. 260.

На последнем заседании 4 июня 1916 г. комиссия по местному самоуправлению обсудила остававшиеся несогласованными некоторые статьи Положения, приняла его в целом, поручив окончательную редакцию президиуму, и избрала докладчиком по законопроекту в общем собрании Государственной думы В. И. Стемпковского. Однако в весеннюю сессию Дума не стала рассматривать подготовленный комиссией законопроект; осенняя сессия открылась только 1 ноября, а первое обсуждение вопроса о реформе волостного управления состоялось еще спустя месяц — 5 декабря 1916 г.

Между тем правительство, не дожидаясь открытия осенней думской сессии, сделало свой ход, намереваясь, очевидно, перехватить инициативу в подготовке реформы волостного управления. 26 сентября Министерство внутренних дел разослало председателям уездных земских управ письмо, в котором излагало свой проект реформы и просило прислать на него отзыв.[37]

Правительство отказалось от категорических возражений против придания волостному земскому собранию некоторых административно-полицейских функций, но вместе с тем высказало ряд принципиальных несогласий с проектом думской комиссии по местному самоуправлению, представленном в Думу. В частности, предлагалось повысить избирательный ценз, обязательно утверждать председателя и членов волостного земского собрания, причем главой утверждающей инстанции должен был быть уездный предводитель дворянства, в составе надзорного органа сохранялся земский начальник (последний пункт смягчался неопределенным обещанием изменить его статус).[38]

Оппозиционные газеты раскритиковали правительственный проект, а обращение министерства к уездным земствам расценили как намерение по крайней мере оттянуть начало обсуждения законопроекта в Думе.

Думские прения начались со вступительного доклада В. И. Стемпковского, отдельные положения которого приводились выше. Представители фракций «прогрессивного блока» защищали проект комиссии, слева и справа проект подвергся жесткой критике. «Левые» (социал-демократы и трудовики) разоблачали куриальную систему выборов и дворянский надзор за волостным земством со стороны уездных земских структур. «Правые» говорили о преждевременности реформы и ее чрезмерной демократичности. Те и другие, каждые со своих позиций, находили представленный проект реформы вредным.

IV Дума обсуждала законопроект о волостном земском управлении в общем виде на четырех заседаниях: 5, 8, 9 и 13 декабря 1916 г. Чем бы закончилось это обсуждение в Думе и к чему бы привел новый виток противостояния Думы и правительства по этому вопросу, истории осталось неизвестным. К постатейному обсуждению проекта члены Думы перейти не успели, их отвлекли более животрепещущие проблемы — положение на фронте и в тылу. Все это было прервано февральскими событиями 1917 г.

---

[37] Земское самоуправление в России. М., 2005. Кн. 2. С. 250—252.

[38] Доклад председателя Совета министров А. Ф. Трепова Николаю II от 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 12, 12 об.

Т. М. Китанина

ЗЕМСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИНФРАСТРУКТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Столыпинская аграрная реформа 1906 г. законодательно предусмотрела коренную инфраструктурную перестройку российской деревни, одним из ведущих направлений которой являлась агрономическая, агротехническая, кредитная и просветительская помощь крестьянскому хозяйству. Усилия земств с целью повышения производительности крестьянского сельскохозяйственного производства и улучшения быта крестьян логично вписывались в это направление и предопределили комплекс разносторонних мер, охвативших наиболее важные стороны жизнедеятельности земледельца.

Создание штата губернских и уездных земских агрономов, руководствовавшихся в практических действиях специально разработанными программами подъема производства, основание складов сельскохозяйственной техники, обеспечение крестьянского населения районированными семенами и приобщение его к новым земледельческим культурам, оказание помощи земледелию минеральными удобрениями, организация сельскохозяйственных выставок, опытных полей и станций, как и широкая просветительская деятельность земств, способствовали развитию инициативы и предприимчивости, усиливали восприимчивость крестьянства к аграрным нововведениям.

Темпы инфраструктурного строительства деревни заметно оживились в предвоенные годы, что несомненно стимулировалось ростом основных показателей сельскохозяйственного производства. Одновременно поступательное движение инфраструктурных преобразований приобрело качественно новые очертания.

Оценивая характер принципиальных изменений в инфраструктуре деревни и побудительные к тому причины, необходимо обратить внимание на либерализацию решения земельного вопроса, т.е. прежде всего на освобождение реформой надельной земли. Правительство П. А. Столыпина, по-видимому, это понимало, законодательно связав оба процесса — товарности надела и инфраструктурного строительства деревни. На эту логическую связь впервые в отечественной историографии в 1922 г. обратил внимание Б. Д. Бруцкус, известный экономист, статистик и агроном, аргументируя свой вывод сдерживающими началами общинного землепользования: раз-

© Т. М. Китанина, 2007

дробленностью крестьянских наделов, чересполосицей, отсутствием свободной обработки земли, принудительностью севооборота и т. д.[1]

Другим важнейшим фактором, влиявшим на качественные изменения инфраструктурных аграрных преобразований, их масштабы и содержание являлась благоприятная для России экономическая конъюнктура предвоенных лет. Политика ускоренного промышленного развития «догоняющего типа», ставшая с последней трети XIX в. приоритетной в правительственном экономическом курсе, привела накануне войны к относительно высоким для России показателям: среднегодовой вклад в промышленность в 1909—1913 гг. составил 380 млн руб., т. е. в 2.5 раза превышал сумму аналогичных вложений в период промышленного подъема 1890-х гг., среднегодовой прирост промышленной продукции достиг 8.8 %.[2]

Воздействие индустриализации на характер инфраструктурных преобразований в целом и на отдельные стороны процесса в особенности, как, к примеру, обеспечение деревни сельскохозяйственными орудиями и машинами, вполне очевидно. В отличие от крестьянской реформы 1861 г. с ее мизерными вложениями в землеустройство и прочие сферы столыпинские аграрные нововведения потребовали огромных денежных затрат.

Вопрос о финансовых источниках индустриализации и прежде всего о том, в какой степени выбор приоритетного промышленного направления в правительственном экономическом курсе задевал интересы сельского хозяйства, давно поставлен в отечественной историографии, но все еще далек от разрешения. Важнейшими, но не единственными, показателями для определения соотношения экономических возможностей эволюции промышленного и аграрного секторов могут являться, во-первых, уровень налогообложения отраслей и, во-вторых, финансовый вклад государства в их развитие.

В экономической литературе 1920-х гг. приводятся данные, которыми оперируют и некоторые современные исследователи:[3] 1890-х гг. налогообложение дохода с реализации единицы сельскохозяйственной продукции составляло 17—18 денежных единиц (руб., коп.), что в 3—4 раза превышало налогообложение дохода с реализации единицы промышленной продукции — от 3 до 6 денежных единиц (без учета низкого в России налога с основного капитала промышленных предприятий — 0.15 % по «Промысловому положению» 1898 г.).

Аналогичными цифрами оперирует Н. Д. Кондратьев в докладе на заседании Президиума Госплана СССР 4 июля 1925 г. Он утверждает, что имела место «конфискация значительных средств крестьянского населения» в виде налогообложения в среднем до 17.6 % «условно-чистого дохода крестьянских хозяйств». Тому способствовали и высокие арендные цены.[4]

---

[1] *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пб., 1922. С. 7,8.

[2] История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. М., 1968. Т. 6. С. 260.

[3] *Бобович И. М.* Экономическая история России 1861—1914. СПб. 1997. С. 47, 48, 92 и др.

[4] *Кондратьев Н. Д.* Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Доклад на пленарном заседании Президиума Госплана СССР 4 июля 1925 г. // Николай Дмитриевич Кондратьев. Особое мнение. М., 1993. Кн. I. С. 346—348.

Даже учитывая время составления доклада, нельзя не обратить внимание на высокий уровень налогового обложения деревни.

Однако в отечественной историографии имеет место и другая точка зрения. По подсчетам крупнейшего историка-аграрника А. М. Анфимова прямые налоги с дохода крестьянских хозяйств составляли в 1901 г. 6 %. Разногласия в оценках призывают к более глубокому осмыслению налоговых потерь крестьянского хозяйства и аграрного сектора в целом.

Уточнений требует и второй фактор — вклад государственных средств в развитие аграрных отраслей. Такие данные приводит П. А. Столыпин как «сельскохозяйственную помощь населению», они значительно уступают аналогичным показателям западноевропейских стран. По его данным, затраты государства из расчета на одну десятину посева в Венгрии и Норвегии составляли 2 руб., в Пруссии — 1 руб. 33 коп., в Бельгии — 1 руб., в Европейской России на 1909 г. — лишь 9 коп.[5]

Реальные масштабы инфраструктурных изменений в российской деревне предвоенного периода определялись не только и не исключительно законодательством аграрной реформы 1906 г., давшим сильный первоначальный импульс, они корректировались благоприятной экономической конъюнктурой, переходом России в иную хозяйственную фазу развития — монополистический капитализм. Этот переход был связан с накоплением капиталов и, что важно для страны вывозящей, с высоким уровнем мировых хлебных цен, а также с совокупностью ряда других благоприятных условий. Вместе с тем определить степень зависимости масштаба и содержания инфраструктурных изменений от того или другого фактора практически невозможно, по крайней мере на данном этапе исследования.

Характер инфраструктурных изменений предвоенных лет свидетельствовал о том, что в их основе лежали земские начинания. Движение инфраструктурного строительства развивалось в направлении, ранее обозначенном земской деятельностью. Следовательно, земские инициативы, к которым государство многие десятилетия относилось индифферентно, ограничиваясь целевой финансовой поддержкой отдельных предприятий земской общественности (по меньшей мере до «огосударствления» земств контрреформой 1890 г.), в ходе столыпинских преобразований деревни приобрели качественно новое значение, став курсом государственной политики.

В инфраструктурном строительстве этого периода огромная роль принадлежала крестьянской самодеятельности в форме кооперации всех видов. Видимо, законодательство Столыпина преследовало еще одну цель — направить дремавшие в крестьянстве силы на решение созидательных задач. В известной степени это удалось. Но в то же время энергия крестьянства была направлена не столько на создание индивидуального хозяйства — важнейшую цель реформы, сколько на коллективную, кооперативную деятельность, что отвечало самой природе, менталитету российского крестьянства.

Важнейшее направление инфраструктурного строительства российской деревни было связано с развитием сельскохозяйственного кредита —

---

[5] Из записки председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1910. С. 162.

с проблемой, достаточно изученной в отечественной литературе. Напомню лишь, что организаторами его стали два социально разных, но тесно взаимодействовавших института — государство и кредитная кооперация в лице главным образом кредитных товариществ. Отмечая безусловную роль в становлении кредитной кооперации крестьянской самодеятельности, не следует игнорировать и поддержку государства, принявшего участие в создании основных капиталов кредитных товариществ на начальном этапе становления кооперативного движения. Именно с целью развития кооперативов этого типа в составе Государственного банка был создан специальный отдел по их финансированию. К началу первой мировой войны государственные вклады в кредитные товарищества составляли порядка 30 % всех их балансовых средств, без учета государственных займов.

В предвоенные годы наблюдался исключительно быстрый рост кредитных товариществ: в 1905 г. численность их не превышала 1680, в 1914 г. достигла 14 586, объединив более 9.5 млн домохозяев. По темпам роста кредитной кооперации в этот период Россия заняла одно из ведущих мест в мире.[6] В масштабе страны на счетах кредитных кооперативов в то же время (июль 1914 г.), согласно публикации «Вестника сельского хозяйства», находилось более 250 млн руб. государственных ассигнований. До 1916 г. по количеству кооперативов и численности входивших в них членов именно кредитная кооперация прочно удерживала первенство среди всех видов кооперативных объединений, «являясь абсолютным лидером».[7] Ссылаясь на материалы Рязанской губернии, В. В. Страхов пришел к выводу, что почти 99 % членов кредитных товариществ принадлежало к крестьянскому сословию.[8] Аналогичная или близкая к тому картина наблюдалась и в других губерниях среднерусской полосы. По сведениям историка кооперативного движения М. Л. Хейсина, накануне войны (1912 г.) кредитные товарищества обслуживали 47 % крестьянских хозяйств.[9]

Кредитная кооперация объединяла преимущественно средние и мелкие крестьянские хозяйства. О социальной направленности ее целей свидетельствует важный факт — вступление в кредитные товарищества, по меньшей мере в ряде регионов, не требовало первоначального, т. е. вступительного, взноса. Крестьянским хозяйствам предоставлялись ссуды, как правило, до 300 руб. под обычный банковский процент того времени — 6—9 %. Бóльшая часть ссуд бралась крестьянами для приобретения сельскохозяйственных орудий, кормов, минеральных удобрений, для строительных целей. Ссуды на покупку и аренду земли наблюдались значительно реже, но был

---

[6] *Бобович И. М.* Экономичсская история... С. 97.

[7] *Лубков А. В.* О социально-политической роли российского кооперативного движения в 1914—1917 гг. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 268, 270, 271.

[8] *Страхов В. В.* Влияние кредитной кооперации на агрикультуру и промыслы крестьянского хозяйства (по материалам рязанской деревни предвоенной поры) // Неземледельческая деятельность крестьян и особснности российского социума. XXX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Тула. 19—23 сентября 2006 г. М., 2006. С. 72.

[9] *Ефременко А. В.* Оппозиция «огораживанию» крестьянской общины: агрономический аспект // Земское самоуправление в России. 1864—1918. М., 2005. Кн. 2 (1905—1918). С. 68.

виден их очевидный рост. Усилению экономических основ крестьянского хозяйства способствовали правительственный указ 6 октября 1906 г., отменивший ограничения предпринимательской деятельности крестьян, и предшествующее ему постановление 1904 г., разрешившее выдачу ссуд для развития производственных операций.

Вместе с тем, отмечая несомненную роль мелкого кредита в ускорении темпов инфраструктурной перестройки деревни, известный знаток кооперации А. И. Чупров «доказывал необходимость наряду с земскими складами создавать союзы и федерации сельских товариществ и банков, которые смогут выполнять весь спектр экономических функций и в то же время осуществлять регулирование денежных рынков, „способствуя уравнению временных колебаний спроса и предложений капиталов"». По его мнению, «деятельность местных учреждений должна быть координирована и иметь связь с общим денежным рынком...».[10]

Агрономические и агротехнические улучшения в российской деревне были предусмотрены законодательством столыпинской реформы. Эти виды помощи сельскому хозяйству осуществлялись, с одной стороны, государством через Ученый комитет Главного управления землеустройства и земледелия и ряд его отделов, с другой — земским самоуправлением.

На начальном этапе инфраструктурной реконструкции российской деревни функции государства и земств оказались четко разграничены. В сфере государственного влияния находилось общее организационное, финансовое и научное руководство агрономической и агротехнической помощью: создание крупных опытных сельскохозяйственных станций (в 1912 г. право их организации было передано губернским земствам),[11] подготовка технических кадров высшей квалификации, целевые финансовые операции и т. д. Земствам отводилась «низовая» практическая работа, связанная с повседневной помощью крестьянскому хозяйству: создание сети прокатных пунктов сельскохозяйственной техники, практической агрономии, образцовых крестьянских хозяйств и показательных опытных полей, селекция растений, организация выставок продуктов аграрных отраслей и зерноочистительных пунктов, снабжение крестьянских хозяйств улучшенным районированным семенным фондом и т. д. В компетенции земств оказалась и просветительская работа: чтение лекций, организация специальных курсов по распространению сельскохозяйственных знаний.

А. В. Чаянов отмечал: «Земские и правительственные органы, отвечая запросам времени, необычайно широко развивают свою „экономическую деятельность" и создают целый ряд институтов, содействующих сельскохозяйственному прогрессу деревни. Земские сельскохозяйственные склады, земская участковая агрономия, институт специалистов, касса мелкого кредита, кооперативный, инструкторский и инспекторский персонал и прочие

---

[10] *Фигуровская Н. К.* А. И. Чупров о проблеме развития кооперации и ее будущем // Кооперация. Страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. М., 2006. Т. 1. Кн. 3. Часть первая. С. 341.

[11] См.: *Елина О. Ю.* Земство, центральное правительство и агрономия: страсти вокруг урожаев // Власть и наука. Ученые и власть. 1880-е—начало 1920-х годов. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 2003. С. 312.

начинания ввели в деревню целые кадры новых интеллигентных работников».[12] Комментируя это и другие высказывания крупнейшего аграрника, Э. М. Щагин подчеркивает, что в работах А. В. Чаянова «деятельность властных структур и общественности (в данном случае земства) не противопоставляется, а расценивается одинаково положительно».[13]

К 1913 г. в 14 губерниях Европейской России агрономическая помощь была сосредоточена исключительно в ведении земств; в 12 губерниях наблюдался процесс постепенной передачи агрономических функций «местным общественным силам»; в ряде губерний происходил территориальный раздел практических функций между государством и земством.[14]

К началу 1914 г. в 47 губерниях действовали 1558 уездных и участковых агрономов, происходило приближение научных достижений к повседневной крестьянской практике.[15] По признанию земских деятелей, участковой агрономии принадлежала исключительная роль в интенсификации производства крестьянских хозяйств.

Значительную агрономическую помощь индивидуальным хозяйствам оказывали землеустроительные комиссии, приступившие к агрономической деятельности в середине 1909 г. Исследователь В. И. Ромашова, опираясь на документальные источники, приходит к следующему наблюдению: «Практическая работа в среде хуторян вскоре убедила земское руководство, что целесообразнее агрономическую работу в районах землеустройства всецело сосредоточить в руках земских органов, объединив земскую агрономическую организацию с правительственной». И далее: «Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) приняло на себя обязанность финансировать все мероприятия земств в районах землеустройства в случае объединения агрономических служб — земской и землеустроительной комиссии — и передачи агрономических функций в уездах всецело в руки земства. С этого момента начался уникальный процесс объединения земской и правительственной агрономических организаций исключительно с целью успешной реализации столыпинского аграрного законодательства, направленного на насаждение и укрепление крестьянских единоличных хозяйств хуторского и отрубного типа на надельных землях».[16]

В материалах, сопровождавших всеподданнейший доклад 1910 г. П. А. Столыпина, содержатся свидетельства о росте в предвоенные годы государственных ассигнований на агрономическую помощь крестьянскому хо-

---

[12] Цит. по: *Щагин Э. М.* А. В. Чаянов об агрикультурных сдвигах в крестьянском хозяйстве в предреволюционной России // Аграрные технологии в России IX—XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 185.

[13] Там же.

[14] Агрономическая помощь правительственных и земских организаций отрубным и хуторским хозяйствам России 1913 г. // Аграрные преобразования П. А. Столыпина и земство. Сборник докладов / Сост. В. И. Ромашова. Великий Новгород, 2004. С. 96, 97. Док. № 22.

[15] Там же. С. 97.

[16] *Ромашова В. И.* Земство и столыпинская аграрная реформа // П. А. Столыпин: аграрное реформирование России. Российская научно-практическая конференция. 28—29 сентября 1999 года. Материалы докладов и выступлений. Великий Новгород, 1999. С. 23, 24.

зяйству: в 1909 г. общая сумма расходов не превышала полумиллиона рублей, в 1911 г. — почти достигла 4 млн руб. Часть государственных средств в обязательном порядке, целенаправленно передавалась на поддержку участковой агрономии.[17]

Несомненный интерес представляют документальные свидетельства с мест о попытках агрономической службы земств наладить непосредственные деловые контакты с крестьянской кооперацией. Процесс взаимодействия кооперативных сил и земского движения, усилившийся в годы первой мировой войны и принимавший порой самые неожиданные формы, показателен, однако все еще слабо освещен в отечественной историографии.

Значительно возросли затраты государства, земств и городских управ на народное образование, в том числе на распространение сельскохозяйственных знаний.

По сведениям, стекавшимся в Департамент земледелия, накануне войны затраты на образование ежегодно выражались в сумме 300 млн руб., более чем в семь раз превышая аналогичный показатель середины 1890-х гг. По данным того же источника, в 1906 г. в крестьянских сельскохозяйственных школах и на курсах обучалось 48 тыс. человек, в начале 1914 г. — 1600 тыс. Вместе с тем в реформируемые губернии активно проникали внешкольные формы распространения сельскохозяйственных знаний: беседы, консультации агрономов, лекции, краткосрочные курсы.

Просветительская деятельность в районах землеустройства сочеталась с практической агрономией и содействовала укреплению экономических основ крестьянского хозяйства: повышению агрикультуры, производительности крестьянского земледелия, усилению его технологической базы. Положительные результаты инфраструктурного переустройства деревни проявились в первую очередь в индивидуальном хозяйстве — на хуторской и отрубной земле.[18] По сведениям В. Г. Тюкавкина, к концу февраля 1916 г. совместными усилиями землеустроительных комиссий и Крестьянского поземельного банка было создано «около 2 млн единоличных крестьянских хозяйств на хуторских и отрубных участках».[19] Следует учесть, однако, что в пределах Европейской России большинство вышедших из общины крестьян уходило на отруба, а не на хутора.

В результате инфраструктурных преобразований, способствовавших интенсификации производства, повышению урожайности и производительности труда, наблюдался существенный прирост доли аграрного сектора в национальном доходе.

Заметно изменилось в предвоенные годы и соотношение динамики сельскохозяйственного производства и динамики занятого в нем сельского на-

---

[17] Из записки председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием... С. 160.

[18] *Ковалев Д. В.* Аграрная реформа П. А. Столыпина и технологический прогресс в крестьянском земледелии столичных губерний России (социально-правовые аспекты) // Материалы 28-й сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 215, 216.

[19] *Тюкавкин В. Г.* Зажиточное русское крестьянство Европейской России в период столыпинской аграрной реформы: новые условия развития и типичные черты // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 185.

селения. Согласно подсчетам Н. Д. Кондратьева и данным ведомственных статистических публикаций, с конца XIX в. и по 1914 г. население возросло в масштабе страны на 14 %, доля аграрного сектора в национальном доходе — на 40 % с лишним, перевозки сельскохозяйственных грузов, означавшие рост товарности, увеличились также на 40 %. Соотношение показателей свидетельствует о том, что для России начала XX в. рост производительности и товарности сельского хозяйства все еще напрямую зависел от роста деревенского населения и его профессионально-аграрной занятости. Однако связь эта становилась все более относительной.[20]

Существенное опережение экономических показателей сельского хозяйства (и в особенности его интенсивно развивавшихся отраслей) по сравнению с показателями демографическими свидетельствовало, что с ускорением индустриализации и научно-технического прогресса дальнейшее увеличение сельскохозяйственного производства все более зависело от качества и объема агротехнической помощи деревне как со стороны земств, так и государства. Это был наиболее рациональный путь повышения производительности аграрного сектора при одновременном снижении доли занятого в нем населения.

---

[20] *Бобович И. М., Китанина Т. М.* Занятость и производительность аграрного сектора: основные тенденции начала XX века //Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX—XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. М., 1998. С. 89—91.

В. А. Нардова

ПРОБЛЕМА ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ (ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ 37 ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ВЛАСТЬ). 1913—1916 гг.

К началу XX в. в числе важнейших реформ, давно ожидавших своего решения, оставалась реформа местного управления и самоуправления. Принятое в 1892 г. новое Городовое положение не сняло проблемы рациональной организации управления в городах, но в то же время в известной мере даже увеличило несоответствие между возросшей ролью органов самоуправления в жизни городов и правовой базой, регулирующей их деятельность. Активизация движения городской общественности за пересмотр Городового положения в предреволюционный и особенно в период подъема революции 1905—1907 гг. вынудила правительство предпринять реальные шаги по подготовке городской реформы (разработка министерством П. А. Столыпина «Основных положений преобразования земских и городских учреждений»[1]). Однако с отступлением революции всякая деятельность в этом направлении сошла на нет, несмотря на то что необходимость реформы самому правительству была очевидна. В статье рассматривается отношение правительства к вопросу реформирования городского общественного управления в 1913—начале 1916 г. в связи с внесением в Государственную думу законодательного предположения о городской реформе. Законодательное предположение о реформе Городового положения 1892 г., подписанное 37 депутатами Думы, было внесено 27 февраля 1913 г.[2]

Основные положения документа заключались в следующем.

1. Расширение компетенции органов общественного управления. Распространение ее на все дела местной общественной жизни, включая заботу о личной и общественной безопасности. (Иначе говоря, речь шла о создании муниципальной полиции).

2. Самостоятельность органов самоуправления в пределах предоставленных полномочий. Ограничение права надзора правительственной адми-

---

[1] *Нардова В. А.* Правительственная программа преобразования городского самоуправления и городская общественность. 1905—1907 гг. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 313—326.

[2] Из 37 депутатов, поставивших подпись, 35 принадлежали к кадетской партии, один примыкал к ним, один был беспартийным.

© В. А. Нардова, 2007

нистрации наблюдением исключительно за законностью действий городских дум.

3. Возложение окончательного разрешения разногласий между общественным управлением и административной властью на судебные органы.

4. Децентрализация общественного управления в больших городах с населением свыше 100 тыс. жителей, учреждение наряду с городской думой участковых советов с состоящими при них исполнительными органами.

5. Избрание особого председателя распорядительного органа как в городской, так и участковых думах. (По Городовому положению 1892 г. в распорядительном и исполнительном органах председательствовал городской голова).

6. Упразднение порядка утверждения администрацией лиц, избранных на должности по городскому общественному управлению, а также замещающих их по найму.

7. Наделение избирательным правом всех горожан независимо от пола, национальности, вероисповедания, достигших 21-летнего возраста и проживающих в городе до момента выборов 6 месяцев или же уплачивающих какой-либо налог за имущество, находившееся в городе. Лишались избирательного права некоторые категории «опороченных», чины армии и флота, состоящие на действительной службе, и лица, входящие в состав органов надзора за городским управлением.[3] Фактически речь шла о всеобщем избирательном праве.

Законодательное предположение о городской реформе из канцелярии Государственной думы поступило к председателю Совета министров В. Н. Коковцову и было передано им на заключение министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Свой отзыв министр сообщил в письме на имя Коковцова от 11 апреля 1913 г. Маклаков признавал, что действующее Городовое положение «не соответствует современным условиям жизни и хозяйства большинства наших городов и в особенности более крупных». Поэтому, писал он, реформа городского общественного управления является «вполне своевременной». Однако, по его убеждению, городская реформа не может «идти вразрез с теми началами, на коих исторически развивается наше местное общественное самоуправление, и во всяком случае не должна противоречить идее государственности». Министр «не отрицал» необходимости в расширении компетенции городского общественного управления «в соответствии с развитием местной общественной жизни и ростом культурных потребностей городского населения», но полагал, что расширение компетенции невозможно без строгого разграничения сфер влияния между общественным управлением и государством. Он считал, что хозяйственная сторона управления отдельными отраслями местной жизни «принципиально» может быть поручена «всецело» городскому обществу, хотя и под контролем власти, но административное заведование теми же отраслями «в известных случаях» следует оставить в распоряжении государства. Так, вопросы личной и общественной безопасности городского населения должны

---

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 678. Л. 8—9; Четвертая Государственная дума. Сессия первая. Фракция народной свободы в период 15 ноября 1912—25 июня 1913. Отчет о деятельности фракции. СПб., 1913. Ч. III. С. 52—56.

быть отнесены «всецело» к ведению администрации, а потому проектируемое членами Государственной думы создание муниципальной полиции «не может быть признано приемлемым». В равной мере «неприемлемыми» признавались наделение городского общественного управления независимостью от администрации и передача разногласий между органами надзора и общественным управлением на окончательное разрешение судебной власти. Подобная постановка вопроса, писал Маклаков, противоречит природе отношений, существующих между общественными учреждениями и правительственной властью. Городовое положение 1892 г., воспроизведя основные начала земского положения 1890 г., имело в виду установить такой порядок, при котором правительственные учреждения заведовали бы городскими делами «совокупно» с общественным управлением и «наравне с последним» способствовали бы правильному и успешному ходу дел городского хозяйства. Но такое «единение» общественного управления и правительственной власти, говорилось в отзыве, предполагает предоставление администрации возможности не только предварять отступление дум от законного пути (контроль за законностью), но и направлять их действия, если они не согласны с интересами государства и местного населения, на надлежащий путь (контроль за правильностью и целесообразностью). Маклаков утверждал, что, хотя действующее Городовое положение наделило администрацию правом контроля за целесообразностью действий городских дум, оно не обеспечило ее реальными средствами для реализации этого права. Нужны такие меры надзора, которые «вооружили бы государственную власть действительными способами восстановления нарушенного порядка в делах городского управления и удержания последнего в рамках деятельности, согласованной с видами правительства». По тем же основаниям Министерство внутренних дел не нашло возможным поддержать проектируемую 37 депутатами Думы правовую норму, рассматривающую городское общественное управление и администрацию в качестве сторон, споры которых разрешаются судебной властью.

Министерство категорически отвергло предложение о проведении городских выборов на основе всеобщего избирательного права, как идущего вразрез с тем началом, на котором «исторически развивалось городское представительство», т. е. с имущественно-налоговым цензом. Это начало, по убеждению Маклакова, должно оставаться «неприкосновенным», и речь может идти лишь о расширении круга избирателей, причем с одновременным установлением такой системы выборов, при которой городское управление и хозяйство будут находиться в руках «наиболее благонамеренной и уравновешенной части населения». Понятно, что имелась в виду разрядная (куриальная) система выборов.

Полное неприятие министра встретило предложение о комплектовании состава должностных лиц общественного управления без участия в этом правительственной власти. Аргументируя свою позицию, Маклаков писал: «Коль скоро в основу устройства городских учреждений законодателем была положена мысль, что дело городское есть дело не частное, но государственное, в котором решающий голос принадлежит правительству... то и устранение правительственной власти при замещении должностей по городскому управлению и тем более вольнонаемных служащих противоречи-

ло бы основным началам законодательства и самому характеру городских общественных управлений».

Оценивая законодательное предположение 37 членов Думы в целом как «совершенно неприемлемое», Маклаков считал, что министерство не может принять на себя разработку проекта городской реформы на намеченных в законодательном предположении основаниях.[4]

Совет министров (на заседании 2 мая) полностью согласился с заключением министра внутренних дел о неприемлемости законодательного предположения и полагал, что в таком смысле представителю ведомства и надлежит высказаться при обсуждении в Государственной думе настоящего законодательного предположения.[5]

Мнение Министерства внутренних дел о законодательном предположении до сведения депутатов доведено не было. Однако содержание письма министра внутренних дел председателю Совета министров стало достоянием прессы. 12 мая 1913 г. в газете «Новое время» была опубликована статья под названием «Правительство и реформа Городового положения», в которой с незначительными купюрами излагалось письмо Н. А. Маклакова В. Н. Коковцову. Резюмируя заявления министра о допустимых пределах реформирования городского самоуправления, газета писала: признается «необходимым сохранение и в будущем строе государственной жизни лежащих в основе Городового положения 11 июня 1892 г. начал единения общественного управления и правительственной власти с предоставлением последней руководящего значения».[6]

Главным управлением по делам местного хозяйства была немедленно подготовлена справка для министра с информацией о воспроизведении «Новым временем» его письма на имя председателя Совета министров. В справке указывалось, что переписка по данному вопросу «хранилась в секретном порядке и никому сообщаема не была».[7] В ближайшие дни письмо министра внутренних дел появилось на страницах московских газет «Русские ведомости» и «Раннее утро». Комментируя высказывания Маклакова, «Русские ведомости» приходили к неутешительному выводу о перспективах городской реформы: «От будущего правительственного законопроекта... ждать русским городам в настоящее время, очевидно, нечего».[8] Статья в газете «Раннее утро» была озаглавлена: «Отвергнутая реформа».[9]

8 мая 1913 г. законодательное предположение о городской реформе было поставлено на обсуждение Общего собрания Государственной думы. По предложению октябристов, поддержанных правыми, вопрос о желательности реформы был передан на заключение Комиссии по городским делам. Против предположения октябристов выступили депутаты от кадетской фракции Думы М. М. Новиков и Л. А. Велихов. Последний отметил,

---

[4] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 26. Л. 8—9; ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167а. Л. 76. (Справка Главного управления по делам местного хозяйства к заседанию Совета министров, назначенному на 2 мая 1913 г.).

[5] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 26. Л. 10.

[6] Новое время. 1913. 12 мая.

[7] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1911. Д. 150. Ч. 1. Л. 40.

[8] Русские ведомости. 1913. 14 мая.

[9] Раннее утро. 1913. 15 мая.

что передача законодательного предположения в Комиссию является обычной тактикой октябристов в тех случаях, когда они хотят провалить какое-либо неприятное для них начинание. Свое выступление он закончил словами: «Так ставьте ваши тормозы, но знайте, что тысячи русских городов этого Союзу 17 октября не забудут».[10]

К рассмотрению законодательного предположения Комиссия приступила только в ноябре 1913 г. (заседания 20 и 27 ноября). Докладчиком был городской голова г. Твери октябрист М. И. Арефьев. В итоге обсуждения доклада Комиссия пришла к заключению, что проведение городской реформы является не только «желательным, но и необходимым». Основная часть предложений 37 депутатов, кроме предложения о всеобщем избирательном праве, была Комиссией поддержана (о расширении компетенции, об особом председателе распорядительного органа, об упразднении порядка утверждения избранных должностных лиц административной властью, о недопустимости контроля за целесообразностью думских постановлений и др.). Совершенно неприемлемым для большинства членов Комиссии оказалось предложение всеобщего избирательного права. В конечном счете Комиссия в общем виде приняла положение о необходимости расширения избирательных прав на городских выборах. Было отклонено предложение о судебном порядке разрешения разногласий между общественным управлением и администрацией. Предложение о децентрализации общественного управления было принято, но с поправкой предоставить право образования участковых советов городам с населением более 200 тыс. человек (вместо 100 тыс.). Были внесены и некоторые другие поправки и уточнения.[11] В январе 1914 г. доклад Комиссии был препровожден председателю Государственной думы М. В. Родзянко.

После 1907 г., когда были подготовлены и внесены в Совет министров «Главные начала преобразования городского и земского самоуправления», всякая работа над реформой Городового положения Министерством внутренних дел была фактически прекращена. Между тем необходимость реформы с каждым годом ощущалась все острее. Не случайно проблема реформирования общественного управления в городах становится предметом обсуждения самых разных общественных организаций и учреждений. Вопрос о городской реформе поднимается на городских съездах, на заседаниях городских дум, обсуждается в печати, на партийных конференциях, в научных обществах, на частных совещаниях, созванных по инициативе редакций ряда газет и журналов, и пр.

Широкое общественное внимание к проблеме городской реформы и прежде всего внесение законодательного предположения в Государственную думу заставило правительство предпринять некоторые шаги по реанимированию своей деятельности в этом направлении. В июле 1913 г. губернаторам, начальникам областей и градоначальникам было направлено циркулярное распоряжение Главного управления по делам местного хозяйства. В нем констатировалось, что за последние десятилетия в условиях город-

---

[10] IV Государственная дума. Сессия первая. Фракция народной свободы в период 15 ноября 1912—25 июля 1913. Отчет о деятельности фракции. СПб., 1913. Ч. I. С. 48—49.

[11] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 561. Л. 1, 6—12.

ской жизни наблюдаются значительные изменения, поставившие перед общественными управлениями городов ряд хозяйственных и культурных задач первостепенной важности. Действующее Городовое положение, изданное более 20 лет тому назад, в некоторых своих частях уже не отвечает современным условиям жизни российских городов, в особенности более крупных. «Ввиду этого, — говорилось в циркуляре, — пересмотр упомянутого положения признан правительством неотложной задачей». Одним из важных направлений реформы назывался закон о городских выборах. Для его разработки министерство запросило детальные сведения о составе населения городов: об имущественной состоятельности жителей, роде занятий (отношение к государственной, общественной службе, к свободным профессиям, к занятию торговлей и промышленностью), об уровне образования, национальном составе и т. д. Для представления указанных сведений были установлены сроки: для губерний Европейской России и Кавказа — до ноября, для Западной Сибири и Степных областей — до декабря текущего года, для Восточной Сибири — до января 1914 г.[12] Вслед за тем были затребованы дополнительные сведения: о порядке и способе проведения выборов городских гласных, о порядке действий исполнительных органов и их составе, о числе и составе городских избирателей и об участии их в городских выборах, об издании городскими думами обязательных постановлений, о числе евреев, внесенных в особые избирательные списки, с указанием рода и размера ценза (для 15 губерний черты еврейской оседлости).[13]

В начале 1914 г. вопрос о возобновлении работ по реформированию городского самоуправления инициирует управляющий Отделом городского хозяйства Министерства внутренних дел К. А. Невиандт, назначенный на эту должность в середине 1913 г.[14] Составленная Отделом справка начиналась со слов: «Давно стоящая перед Министерством внутренних дел зада-

---

[12] Там же. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167а. Л. 7, 9—14.

[13] Там же. 1911. Д. 67б. Л. 347—352.

[14] К. А. Невиандт — потомственный дворянин, землевладелец Полтавской губернии (владел 413 дес. земли). В 1912 г. был избран в IV Государственную думу от общего собрания выборщиков Полтавской губернии. Входил во фракцию русских националистов и умеренно правых. Избран в комиссии бюджетную, земельную (тов. председателя), сельскохозяйственную. Выступал по поводу декларации Совета министров. Был докладчиком по проекту государственной росписи по смете отдела земельных улучшений. В июле 1913 г. сложил депутатские полномочия в связи с назначением на должность управляющего Городским отделом Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. Своим назначением, по-видимому, был обязан Главноуправляющему земледелием и землеустройством А. В. Кривошеину, с которым был связан по службе в качестве непременного члена Саратовской губернской землеустроительной комиссии (1906—1912 гг.). При рекомендации его на этот пост Кривошеиным могла учитываться принадлежность К. А. Невиандта к местной общественности: наряду с государственной службой в землеустроительной комиссии он состоял гласным саратовского уездного и губернского земства и гласным городской думы. Следует также иметь в виду, что возглавивший в декабре 1912 г. Министерство внутренних дел Н. А. Маклаков в 1906—1909 гг. был управляющим Полтавской казенной палатой и периодически исполнял временно должность полтавского губернатора (Государственная дума Российской империи. 1906—1917. М., 2006. Т. 1. С. 418—419; Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия I. Справочник. СПб., 1913; Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 732—737; ч. III. Стб. 1596—1603.

ча — пересмотреть действующее Городовое положение 1892 г. — принимает в последнее время характер спешности и неотложности». В справке отмечалось, что широкие круги населения, начиная от городских общественных деятелей и кончая членами законодательных учреждений, настоятельно требуют от правительства пересмотра Городового положения, считая его тормозом рационального развития городского хозяйства и эффективной деятельности городского самоуправления. Со своей стороны Невиандт находил требования общественности оправданными: некоторые нормы закона 1892 г. к настоящему времени утратили свое значение, другие оказались в прямом противоречии с новыми условиями и требованиями городской жизни. Он считал, что к пересмотру Городового положения следует приступить «безотлагательно». По его мнению, подготовительные работы наиболее целесообразно было бы возложить на чиновников Отдела городского хозяйства, которые по роду их служебной деятельности постоянно сталкиваются с применением действующего законодательства на практике. При этом Невиандт отмечал не только их профессиональный опыт, но и «любовное отношение к делу и высокий к нему интерес», о чем, как указывалось в справке, свидетельствовала готовность чиновников Отдела посвящать проектируемым трудам значительное количество неслужебного времени. Работу предлагалось организовать в форме совещаний, на которых детальному критическому анализу подвергались бы все статьи Городового положения 1892 г.[15]

Совещание под председательством К. А. Невиандта приступило к работе в феврале 1914 г.[16] На первом заседании (5 февраля) председателем была определена задача Совещания: пересмотр статей Городового положения с целью привести их в соответствие «с современными условиями и потребностями местной жизни». Рекомендовалось принимать во внимание как поступившие в Отдел городского хозяйства в разное время ходатайства городских дум, так и недостатки, выяснившиеся в течение 22-летнего периода применения Отделом названного Положения. Вместе с тем было заявлено, что Совещание не должно считать себя связанным исключительно «техническим» редактированием отдельных статей Городового положения. Председатель указал на «желательность возможно полного освещения общих положений с точки зрения правильности и неправильности таковых положений, а равно соответствия их историческим началам, положенным в основу действующего закона».[17] Из материалов Совещания[18] видно, что его участники неоднократно обращались к обсуждению основополагающих принципов организации городского самоуправления: его места в системе органов государственной власти, предела самостоятельности и организации надзора за органами общественного управления, избирательного права и др. Дис-

---

[15] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167а. Л. 80—82.

[16] К участию в работе Совещания были привлечены чиновники особых поручений V класса Д. И. Каллистов, В. К. Булгаков, VI класса С. Н. Хрущов, делопроизводители и их помощники В. Ф. Осмоловский, А. К. Клостерман, Н. П. Татищев, Г. А. Зиновьев, Л. В. Александровский, В. Э. Бауэр, Н. А. Денисов.

[17] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167б. Л. 44.

[18] Ход заседаний в 1914 г. оформлялся в виде «журналов» и «протоколов», в 1915 г. составлялись только протоколы.

куссия вокруг этих проблем велась и при рассмотрении Совещанием конкретных статей Городового положения, и на его специальных заседаниях. В 1914 г. несколько заседаний было посвящено обсуждению разработанных министерством Столыпина «Основных положений преобразования земских и городских учреждений» (1907 г.) и доклада Комиссии по городским делам Государственной думы по поводу законодательного предположения 37 членов Думы о городской реформе.

Доклад Комиссии обсуждался на двух заседаниях — 9 и 17 декабря 1914 г. (журналы № 7, 8).[19] Совещанием было решено учитывать только те положения законодательного предположения, которые были поддержаны Комиссией по городским делам.

Остановимся на соображениях, высказанных Совещанием по основным пунктам доклада Комиссии.

О расширении компетенции городского управления. В журнале Совещания отмечено, что Комиссия выразила неудовлетворенность сформулированным в ст. 1-й Городового положения (далее — ГП) определением компетенции городского самоуправления — «ведение дел о местных пользах и нуждах». Комиссия находила, что ввиду значительного усложнения городских потребностей, компетенция должна быть «существенно расширена и простираться на все дела местной общественной жизни, включая... заботу о личной и общественной безопасности». Совещание не нашло, однако, в докладе Комиссии убедительных доводов, подтверждающих необходимость изменения ст. 1 ГП. Вместе с тем оно признало нужным еще раз подвергнуть пересмотру ст. 2-ю, в которой перечислялись предметы ведения городского общественного управления, с целью расширения его компетенции.

Об ограничении надзора правительственной власти за деятельностью городского управления. В своем докладе Комиссия по городским делам поддержала заявление 37 членов Думы о необходимости ограничить надзор исключительно рамками законности и высказалась за восстановление ст. 5-й ГП 1870 г., согласно которой городское общественное управление «в пределах предоставленной ему власти действует самостоятельно». Наряду с этим было выражено пожелание, чтобы Губернское по земским и городским делам присутствие было образовано в более независимом от администрации составе. Мнения членов Совещания по данному вопросу разделились. Н. С. Хрущов и другие настаивали на сохранении надзора как за законностью, так и правильностью (целесообразностью) действий общественного управления. По мнению же В. Э. Бауэра, почти за 50-летний период действия Городовых положений 1870 и 1892 гг. городские управления настолько развились, что это позволяет освободить их от правительственного контроля за соответствием их деятельности местным пользам и нуждам. Трудно предположить, заявил он, что выборные лица сознательно могли бы принимать решения, явно нарушающие интересы местного населения. К тому же он находил, что надзор правительственных учреждений

---

[19] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167б. Л. 401—414. — По отдельным пунктам доклада комиссии в указанных журналах помещено развернутое мнение Совещания, по другим дана отсылка на его заключение при обсуждении «Главных начал...» или конкретных статей Городового положения. В таком случае нами приведена ссылка на соответствующие журналы или протоколы Совещания.

слишком слаб и, не достигая цели, лишь вызывает раздражение общественных управлений. Вместе с тем Бауэр допускал, что постановления дум могут идти вразрез с «пользами и нуждами общегосударственного характера». Чтобы исключить такого рода нарушения, он предлагал дополнить перечень дел, подлежащих утверждению правительственной администрации. После обмена мнений ст. 11-я первоначально была принята в формулировке, на которой настаивал Хрущов: «Надзор за законностью и правильностью деятельности городского общественного управления возлагается на губернатора...» Но при последующем обращении к вопросу о надзоре Совещание пришло к выводу, что контроль за целесообразностью может быть безболезненно исключен.

По данным Главного управления по делам местного хозяйства, за 22 года действия Городового положения 1892 г. было лишь 65 случаев отмены постановлений городских дум «по их нецелесообразности». Причем большая часть отмен касалась нарушений интересов местного населения, несоблюдение интересов государства было «явлением крайне редким и исключительным». Поэтому Совещание не видело практической надобности в том, чтобы удерживать в Городовом положении такую «экстраординарную меру, как отмена постановлений дум по нарушению ими интересов государственных», тем более что почти всегда они могли быть отменены «по их незаконности». При принятии постановлений, касающихся местных интересов, было решено возложить ответственность на сами думы. В случае признания губернатором постановлений «нецелесообразными» предлагалось передавать их на повторное обсуждение дум. Причем постановление должно было рассматриваться квалифицированным большинством, а решение приниматься абсолютным большинством и тайным голосованием.

Что касается пожелания об образовании Губернского присутствия в более независимом от администрации составе, то замена губернатора на посту председателя Присутствия каким-либо иным лицом была признана невозможной прежде всего потому, что в его руках сосредоточен весь надзор за деятельностью земских и городских учреждений. В качестве уступки допускалось увеличение представительства от общественных органов. При обсуждении дел, касающихся уездного города, на заседании мог бы присутствовать городской голова уездного города, а при обсуждении дел губернского города — второй член от думы губернского города.[20]

О расширении избирательного права. Расширение избирательного права Совещание признало «желательным и необходимым». Большинство членов Совещания высказалось за понижение избирательного ценза по владению недвижимостью. Не исключалась возможность предоставления избирательного права всем владельцам недвижимой собственности, но непременно при условии изменения избирательной системы. Предлагалось вернуться к разрядной (куриальной) системе, которая действовала по Городовому положению 1870 г.[21] «Система эта при своей гибкости, — записано в журнале

---

[20] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167б. Л. 179—180, 184, 369—371; оп. 5. 1905. Д. 18в. Л. 85—89.

[21] При разрядной системе список избирателей, расположенных в порядке убывания уплачиваемых налогов, делился на 3 количественно неравные части (разряды), но с одинаковой суммой платежей в городскую казну. На этом основании каждый

заседания, — обладает свойством дать самое широкое избирательное право и в то же время предоставить прочные гарантии существующим основам городского хозяйства». Утверждалось, что при наличии разрядной системы нет оснований опасаться демократизации общественного управления.

Совещание высказалось также за наделение избирательным правом лиц, не обладающих недвижимой собственностью и снимающих квартиры («квартиронанимателей»), но полагало, что необходимо установить такой ценз, который не позволил бы этой категории избирателей получить перевес над избирателями домовладельцами и торговопромышленниками. Как известно, вопрос о предоставлении избирательного права квартиронанимателям обсуждался при подготовке Городовых положений и 1870, и 1892 гг. Однако по политическим мотивам — боязнь ввести в состав избирателей неблагонадежный элемент в лице демократической интеллигенции — правительство на это не решилось. Из всех российских городов квартиронаниматели пользовались избирательным правом только в Петербурге (по Положению 1903 г.). В столице был установлен высокий квартирный ценз, устранивший демократическую часть квартиронанимателей из числа избирателей.

Во время дискуссии о разрядной системе выборов возник вопрос об избирательном праве для лиц, занимающихся торгово-промышленной деятельностью. По закону 1892 г. физическим и юридическим лицам (общества, товарищества, компании) избирательное право предоставлялось на основании выборки промысловых свидетельств, стоимость недвижимого имущества торгово-промышленных предприятий в расчет не принималась. Большинство членов Совещания настаивало на сохранении действующего правила, категорически возражало против расширения избирательного права для этой категории лиц за счет владения ими недвижимым имуществом. Высказывалось опасение, что в противном случае первый разряд городских избирателей, особенно в крупных городах, будет состоять исключительно из представителей торгово-промышленных обществ и товариществ. Отмечалось также, что интересы торговцев и промышленников часто не совпадают с интересами города и даже противоречат им, поэтому вряд ли стоит предоставлять им возможность значительно влиять на ход городских дел.

Подводя итог дискуссии по этому вопросу, председатель Совещания К. А. Невиандт прежде всего выразил сомнение в целесообразности чрезмерного расширения круга избирателей за счет владельцев недвижимой собственности. Он считал, что к этому вопросу следует подходить с особой осторожностью, если мы хотим привлечь к управлению городским хозяйством «наиболее культурные и уравновешенные силы». По его мнению, широкое допущение к городским выборам малообеспеченных и малокультурных слоев городского населения, даже при установлении трехразрядной системы, является «весьма рискованным».

разряд имел право избирать в городскую думу одинаковое число гласных. Это создавало неравномерность представительства от избирателей, относящихся к разным разрядам. Так, на столичных выборах 1885 г. мог пройти в думу 1 депутат от 2.4 избирателей первого разряда, от 8.4 второго и от 181.3 третьего разряда (*Нардова В. А.* Городскос самоуправление в России в 60-х—начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 75).

Что касается торгово-промышленных элементов, то, по мнению председателя, это «по большей части — полезные деятели в городском управлении и в общем являются сторонниками культурных начинаний, а потому безусловно должны быть признаны желательными участниками в руководительстве городским хозяйством».

При голосовании вопрос о предоставлении избирательного права всем владельцам недвижимой собственности, обложенной налогом в пользу города, был решен отрицательно: пять против четырех при двух воздержавшихся. Было поставлено на голосование и не получило поддержки предложение о введении образовательного ценза (за семь, против четыре).[22]

Децентрализация городского управления. Предложение комиссии об образовании в крупных городах с населением не менее 200 тыс. человек наряду с городскими думами и управами участковых советов и управ Совещание сочло «вполне уместным и целесообразным». Оно полагало, что к компетенции участковых советов могут быть отнесены дела, касающиеся нужд и потребностей жителей отдельных участков, такие как приемные покои, аптеки, богадельни, приюты и т. п. В ведении дум останутся наиболее важные дела, затрагивающие интересы всего городского населения: среднее и высшее образование, предприятия по устройству электрического освещения, водопровода, канализации, трамваев, телефонов, составление «обязательных» для городских жителей постановлений, выработка правил для оценки городских имуществ, займы и т. д. Кроме того, Совещанием было выдвинуто малопонятное предложение об использовании участковых советов для производства выборов в городские думы: «...избиратели каждого данного участка в городе избирают гласных для участкового совета, а совет в свою очередь избирает из своей среды гласных в городскую думу».[23]

Об утверждении должностных лиц городского общественного управления. В докладе Комиссии, как и в законодательном предположении, было выдвинуто требование об отказе от утверждения должностных лиц общественного управления и присвоения им прав государственной службы. Такую постановку вопроса Совещание считало неприемлемым. Утверждение кандидатов на ответственные должности по городскому управлению не может не быть обязательным, так как органы городского общественного управления входят в систему государственных учреждений и наряду с делами местного общественного характера выполняют многие государственные задачи, возложенные на них законом. Вместе с тем, признавая «известную самостоятельность городского управления и некоторую обособленность его от правительственных учреждений», Совещание находило целесообразным придерживаться «разумной необходимости» и ограничиться утверждением лишь основных должностей: городского головы, городского секретаря и членов управы.[24]

Что касается присвоения должностным лицам прав государственной службы, то Совещание полагало, что, «хотя учреждения городского общественного управления, как и учреждения земские, не могут считаться учреж-

---

[22] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167б. Л. 393—397; оп. 5. 1905. Д. 18в. Л. 90—99, 208—209, 216—224.

[23] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913. Д. 167б. Л. 407—408.

[24] Там же. Л. 375—376, 409.

дениями правительственными (выделено в документе. — *В. Н.*) в тесном смысле этого слова, тем не менее они являются несомненно учреждениями государственными (выделено в документе. — *В. Н.*), выполняют задачи государственного управления, на них возложенные», а должностные лица считаются государственными служащими. На этом основании Совещанием был даже поставлен вопрос о «возможности и целесообразности» предоставления должностным лицам общественной службы некоторых прав, относящихся к правительственной службе: права на пенсию от казны и на награждение орденами соответственно классам их должностей. «Для придания большего значения» должностным лицам класс некоторых должностей предлагалось повысить. В этом смысле рекомендовалось пересмотреть ст. 121 ГП.[25]

Мнение членов Совещания по пунктам доклада Комиссии, имеющим менее принципиальное значение, будст рассмотрено при изложении последующих документов, исходящих от Министерства внутренних дел.

К началу января 1915 г. Совещанием были рассмотрены первые 55 статей Городового положения (из 154). Согласно Справке, составленной для начальника Главного управления по делам местного хозяйства, пересмотр всего Городового положения предполагалось закончить к середине августа—началу сентября 1915 г., с тем чтобы в ноябре—декабре проект реформы мог быть представлен в Совет по делам местного хозяйства и в начале 1916 г. внесен в Государственную думу.[26]

Итак, возобновив после длительного перерыва (1907—1913 гг.) работу над городской реформой, Министерство внутренних дел в течение года существенно продвинулось в деле подготовки нового городового положения. Удивляет то обстоятельство, что информировать общественность о работе Совещания, даже в самых общих чертах, министерство не находило нужным. Однако некоторые сведения о предложениях, обсуждавшихся на его заседаниях, все же вышли за стены чиновничьих кабинетов и стали предметом обсуждения прессы. В отдельных случаях министерство вынуждено было даже принять меры для опровержения якобы «недостоверных» слухов, как например о возможности роспуска городской думы и замены общественного управления «казенным».[27]

Между тем в самой Думе продвижение законодательного предположения о городской реформе практически застопорилось.

Напомним, что доклад Комиссии по городским делам с заключением о «желательности» реформы был вручен председателю Государственной думы еще в январе 1914 г. Однако около двух лет он пролежал без всякого движения,[28] и лишь к концу лета 1915 г. определилась дата его обсуждения на Об-

---

[25] Там же. Л. 409—414.

[26] Там же. Л. 415.

[27] Там же. Д. 167а. Л. 93 (Текст распоряжения о подготовке проекта с опровержением сведений, помещенных в газетах «Русские ведомости» 1914 г. 7 и 8 марта, «Речь» 1914 г. 8 марта, «Петербургский курьер» 1914 г. 9 марта). Опровержение было реализовано через газету «Русское слово» (1914. 9 марта).

[28] Следует, правда, иметь в виду, что в 1914 г. после начала войны Дума заседала всего 1 день, в 1915 г. до середины лета — 3 дня и, возобновив занятия 19 июля, уже 3 сентября была распущена до 9 февраля 1916 г.

щем собрании Государственной думы — 3 сентября 1915 г.[29] Но и этот срок оказался отодвинутым еще на полгода. 1 сентября управляющий Министерством внутренних дел Н. Б. Щербатов, в июне 1915 г. сменивший Н. А. Маклакова, направил председателю Государственной думы М. В. Родзянко письмо с просьбой отложить обсуждение законодательного предположения о городской реформе до рассмотрения Советом министров представления министерства по этому вопросу.[30]

Одновременно им было подготовлено письмо на имя председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. В нем указывалось, что внесенное в Думу в 1913 г. законодательное предположение о городской реформе министром внутренних дел Н. А. Маклаковым было признано «неприемлемым», с чем согласился тогда и Совет министров. При этом было упомянуто, что ответа на законодательное предположение со стороны правительства Государственной думе до сего времени не дано. Министр писал, что в связи с намеченным обсуждением в Думе вопроса о городской реформе он посчитал нужным ознакомиться с законодательным предположением и со своей стороны нашел его «в известных частях приемлемым». Свои объяснения по законодательному предположению, говорилось далее, он собирается высказать Думе, но предварительно намерен представить «на одобрение» Совета министров «Записку», содержащую соображения министерства по поводу законодательного предположения. Щербатов просил Горемыкина оказать содействие к скорейшему рассмотрению вносимой им «Записки».[31] Надо полагать, что письмо отправлено не было,[32] поскольку отпала необходимость в спешном рассмотрении «Записки»: 3 сентября 1915 г. занятия Государственной думы были прерваны, а две недели спустя Щербатов был отстранен от занимаемой им должности. В нашем распоряжении не имеется текста «Записки» с автографом Щербатова. Однако есть основания считать, что «Записка», представленная в Совет министров в феврале 1916 г. его преемником А. Н. Хвостовым, была тем самым документом, который Отдел городского хозяйства Министерства внутренних дел подготовил к сентябрю 1915 г. (Содержание «Записки» будет рассмотрено ниже).

Но независимо от содержания «Записки», о которой упоминал Щербатов, его письмо Горемыкину свидетельствует о готовности Министерства внутренних дел пересмотреть позицию полного неприятия думского законодательного предположения о городской реформе. Возможно, некоторое значение имела частичная корректировка законодательного предположения Комиссией по городским делам (отклонение ею всеобщего избирательного права и пр.), но решающую роль безусловно сыграла политическая обстановка, сложившаяся в стране летом 1915 г.: катастрофическое поражение на фронте, дезорганизация управления в тылу, нарастание протестного движения, обострение отношений с Думой, падение авторитета власти и т. д. В условиях назревания политического кризиса царь был вынужден сместить наиболее непопулярных министров. На посту министра внутренних дел Н. А. Маклакова сменил Н. Б. Щербатов, член Государственного сове-

---

[29] РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1911. Д. 148б. Л. 316.

[30] Там же. Л. 317.

[31] Там же. Л. 320—321.

[32] Отпуск письма не имеет номера, не проставлено число.

та, избранный от земства Самарской губернии, т. е. человек в некотором смысле представлявший общественные учреждения. И хотя Щербатов в Государственном совете примыкал к правым, в Совете министров он оказался на стороне тех, кто стоял за сотрудничество с представительными учреждениями. Внесение Думой на обсуждение Общего собрания (на 3 сентября) законодательного предположения волей-неволей заставило Щербатова обратиться к этой проблеме.

Причастность Щербатова к выборным учреждениям, несмотря на его правые взгляды, в известной мере предопределяла его негативное отношение к ряду законодательных норм, регулирующих деятельность городских и земских учреждений: к формам надзора за их деятельностью, необходимости утверждения выборных должностных лиц и т. д. Поэтому вполне объяснимо его заявление о частичной «приемлемости» законодательного предположения.

Перерыв в работе Думы и отставка Щербатова отодвинули намеченное им выступление в Государственной думе с объяснениями по поводу законодательного предположения о городской реформе. Однако этот вопрос в силу многих обстоятельств не мог откладываться до бесконечности.

На открывшейся 9 февраля 1916 г. сессии Государственной думы в декларации, с которой выступил премьер-министр Б. В. Штюрмер, было заявлено, что правительство поручило министру внутренних дел «принять к разработке» три законопроекта, внесенных по инициативе Государственной думы, и в их числе об общей реформе Городового положения.[33] Уже 18 февраля министр внутренних дел А. Н. Хвостов представил в Совет министров «Записку по законодательному предположению 37 членов Государственной думы о реформе Городового положения 11 июня 1892 г.».[34] На ней стоял гриф: «Весьма срочно». Такая оперативность вполне понятна: на 3 марта было назначено обсуждение законодательного предположения о городской реформе на Общем собрании Государственной думы.

В «Записке» были изложены соображения Министерства внутренних дел по основным положениям реформы, выдвинутым как в законодательном предположении, так и в докладе думской Комиссии по городским делам. Выводы министерства в значительной мере базировались на оценке названных документов Совещанием под председательством К. А. Невиандта. В отдельных случаях наблюдается буквальное повторение аргументации, приведенной в журналах Совещания. Тем не менее представляется необходимым дать развернутое изложение содержания «Записки», поскольку она является официальным документом, отражающим позицию Министерства внутренних дел по принципиальным вопросам готовящейся городской реформы.

Рассмотрим мнение министерства по главным пунктам реформы, содержащимся в думских документах.

---

[33] Государственная дума. IV созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты. 1916. IIг., 1916. Стб. 1224.

[34] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 26. Л. 16—44. — Повторю свое предположение, что «Записка», поданная Хвостовым, была подготовлена Отделом городского хозяйства Министерства внутренних дел при его предшественнике в конце лета 1915 г.

О расширении компетенции городского общественного управления. Обратившись к вопросу о пределах компетенции городских дум, министр отметил значительное усложнение в последнее время деятельности органов общественного управления. Помимо выполнения разных обязанностей общегосударственного значения (содержание полиции, расквартирование войск и пр.) городскому управлению приходится создавать обширные предприятия в области городского благоустройства (водопроводы, канализация, трамваи, электрическое освещение и т. д.), заботиться о разностороннем культурном развитии населения, принимать меры в санитарной и других областях местной жизни, изыскивать источники городских финансов (учреждение городских банков, ломбардов, доходных предприятий). При таком положении дел министр находил «вполне понятным» высказанное в законодательном предположении пожелание о предоставлении городским думам возможности «ведать все дела местной общественной жизни». «Это пожелание, — говорится в «Записке», — и должно быть принято к руководству при пересмотре Городового положения в целях возможно большего расширения компетенции городского общественного управления, с тем, однако, что полиция безопасности в подлинном смысле должна по-прежнему оставаться учреждением правительственным».[35]

Об ограничении надзора правительственной власти за деятельностью городского управления. В Записке констатировалось, что надзор за деятельностью городского общественного управления по действующему законодательству осуществляется в трех направлениях: в отношении законности действий городского управления, целесообразности действий в области местных интересов и соответствия их интересам общегосударственным. Было отмечено, что необходимость надзора за законностью действий городского общественного управления признается как в законодательном предположении 37 членов, так и в докладе Комиссии по городским делам, но в обоих документах отвергается контроль за целесообразностью действий городских дум. Министр полагал, что такой вид контроля из общероссийского Городового положения действительно следует упразднить, тем более что он уже исключен из проекта Городового положения для городов губерний Царства польского, выработанного Министерством внутренних дел и одобренного Государственной думой. Вместе с тем, по мнению министра, могут встретиться случаи, когда требуется оградить государственные интересы от действий дум, формально не являющихся нарушением закона. В качестве примера были названы возможные мероприятия общественного управления по благоустройству города, планируемые вблизи императорских дворцов, или связанные с чествованием выдающихся государственных и общественных деятелей. Для подобных случаев, считал министр, за правительством должно быть сохранено право отмены постановлений «по их несоответствию общегосударственным интересам».

Министр не поддержал предложение Комиссии по городским делам об образовании губернского по городским и земским делам присутствия в более независимом от местной администрации составе, в частности исключил возможность замены губернатора в качестве председателя присутствия ка-

---

[35] Там же. Л. 21—22.

ким-либо иным лицом. Необходимость сохранения поста председателя за губернатором аргументировалась тем, что в губернии он является представителем высшей правительственной власти, в его лице по закону сосредоточивается надзор за всеми находящимися в губернии административными учреждениями гражданского ведомства и должностными лицами, ему принадлежит председательство во всех губернских установлениях.[36] «Интересы единства деятельности администрации, связанные с самой сущностью государственных задач, — говорилось в «Записке», — требуют, чтобы председательство в губернском по земским и городским делам присутствии принадлежало губернатору, а не другому какому-либо лицу». Однако, считая нужным продемонстрировать готовность правительства пойти на определенные уступки общественности, министр предложил заменить в составе присутствия прокурора окружного суда на судью по выбору общего собрания.[37]

О децентрализации городского управления. Министр высказался в пользу децентрализации общественного управления. В «Записке» отмечалось, что жизнь больших городов, бюджеты которых нынче достигают нескольких миллионов рублей (в Петербурге и Москве 50 и 60 млн руб.), настолько усложнилась, что существующие органы городского управления «не в состоянии уже в надлежащей мере справляться с удовлетворением потребностей всего городского населения». При этом особенно страдают окраины. Децентрализация управления приблизит «выборный элемент» к отдельным частям города и обеспечит окраины «необходимым призором». В качестве возможного способа децентрализации предлагалось, как и в законодательном предположении, разделение города на участки с образованием в каждом из них участковой думы и управы, компетенция которых будет ограничена пределами и интересами данного участка. На участковую думу предлагалось возложить также функцию избрания гласных в городскую думу. Но это предложение было сформулировано весьма неопределенно: «участковые думы избирали бы гласных в общегородскую думу».[38]

О расширении городского избирательного права. Соображения Министерства по поводу расширения избирательного права сводились к следующему. Постулировалось, что «наиболее правильным построением городского общественного управления должно почитаться такое, при котором, по возможности, все группы населения были бы в этом управлении представлены». По действующему Городовому положению избирательным правом пользуются только домовладельцы и владельцы торгово-промышленных заведений «высших категорий». Значительная часть населения, включая «культурный слой» (представители государственных и общественных заведений, лица свободных профессий), совершенно отстранена от участия в городском управлении. Такое положение в условиях изменившейся за последнее время городской жизни министр находил особенно «несообразным». Кроме того, было обращено внимание на то, что сборы с недвижимых имуществ, с торговли и промыслов (будучи ограничены законом) со-

---

[36] Свод законов Российской империи. Общ. губ. учр. Ст. 271, по продолжению 1906 г. ст. 264—266.

[37] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 26. Л. 22—25.

[38] Там же. Л. 25—26.

ставляют в настоящее время в большинстве случаев незначительную часть городских доходов. При таком положении дел министерство не видело «достаточных оснований для того, чтобы придавать исключительное значение в городском представительстве домовладельцам и торговопромышленникам». Наоборот, говорилось в «Записке», необходимо привлечь к участию в общественном управлении остальную часть городского населения путем предоставления избирательных прав лицам, снимающим квартиры. Министр считал, что круг городских избирателей может быть расширен также за счет более мелких домовладельцев и предпринимателей при условии возвращения к разрядной системе выборов 1870 г. При этом, учитывая негативное отношение общественности к куриальной системе, министр допускал возможность внесения некоторых поправок в правила 1870 г. в целях более равномерного и справедливого распределения числа гласных между разрядами избирателей.

В «Записке» был затронут вопрос об участии в выборах евреев и женщин. По Городовому положению 1892 г. число гласных из нехристиан не должно было превышать 1/5 от общего числа гласных. Евреи вообще не допускались к участию в избирательных собраниях и к занятию выборных городских должностей. В черте еврейской оседлости евреи назначались в состав гласных Губернским присутствием в количестве не свыше 1/10 общего количества гласных думы. По заключению министра, «такое исключительное ограничение для евреев в деле участия в городском общественном управлении представлялось бы соответственным в настоящее время устранить, и им надлежало бы предоставить участие в выборах городских гласных наравне с нехристианами». Вопрос о том, следует ли евреям избирать гласных по особой курии или включить их в общий состав избирателей, предлагалось обсудить в дальнейшем. Что касается избирательных прав для женщин, то министр предлагал воздержаться от предоставления им права непосредственного участия в выборах.[39]

О председательствовании в городской думе. Министр считал целесообразным в виде общего правила председательствование в думе сохранить за городским головой, но допускал, что в более крупных городах думы могут решать этот вопрос по своему усмотрению. При этом было отмечено, что наличие в Петербургской думе особого председателя не создало для городской деятельности условий более благоприятных, чем в Москве, где председателем думы был городской голова.[40]

Об условиях для избрания на должность городского головы и членов управы. Комиссия по городским делам находила полезным допустить к избранию на должность городского головы лиц не только из числа избирателей города, но и горожан, не обладающих избирательным цензом. Министерство признало желательным расширение условий для избрания городского головы и других руководителей общественного управления, указывая на трудности в подыскании кандидатов на руководящие должности (нехватка образованных, профессионально подготовленных людей). Однако министерство не находило возможным пренебречь основным условием выборной

---

[39] Там же. Л. 26—30.

[40] Там же. Л. 30—31.

службы — наличием имущественного ценза. Предлагалось допускать к избранию на эти должности лиц, обладающих имущественным цензом в другом городе при условии его соответствия размеру ценза в данном городе.[41]

Об утверждении должностных лиц городского общественного управления. Излагая свою позицию по данному вопросу, министр отметил, что действующий порядок утверждения должностных лиц правительственной властью «находит основание в признании государственного значения за деятельностью городских дум». «Должностные лица городского управления призываются к исполнению обязанностей не только по удовлетворению местных общественных потребностей, но и по выполнению некоторых весьма важных потребностей общегосударственного характера». К числу последних были отнесены: расквартирование войск, народное образование, оказание населению медицинской помощи и др. Правительственная власть не может безразлично относиться к тому, на кого эти обязанности будут возложены. Вместе с тем министр выразил обеспокоенность тем, что осуществление властью дискреционного права далеко не всегда приводит на практике к желательным результатам. По признанию министра, неутверждение должностных лиц, как правило, происходит не по причине их служебного несоответствия, а по причине исповедания политических взглядов, не отвечающих, по мнению власти, государственным интересам и задачам. В «Записке» обращалось внимание на «вредные последствия» широкого применения дискреционного права: неутверждение должностного лица, выражающее недоверие к нему со стороны правительственной власти, перебрасывало его из «категории пассивно настроенных против правительственной власти обывателей в разряд активно противодействующей оппозиции, и такое лицо вступало в борьбу с правительственной властью при всяких подходящих для того обстоятельствах». Но особая опасность заключалась в том, что выражение недоверия затрагивало не только отдельных кандидатов, не удостоившихся утверждения, но и значительный круг избирателей, голосовавших за данное лицо. «В результате, — говорилось в «Записке», — образуются два лагеря: правительственный и общественный — оппозиционно настроенный, и между этими двумя лагерями обнаруживаются все большие и большие расхождения».

Выход из этого «ненормального» положения министр видел в ограничении перечня должностей, подлежащих утверждению административной властью. Предлагалось вернуться к Городовому положению 1870 г., по которому требовалось утверждение только городских голов и их заместителей.

Таким образом, Министерство внутренних дел выразило готовность частично удовлетворить требование об отказе от утверждения должностных лиц. Было заявлено также о возможности при пересмотре Городового положения исключить правило, по которому определение на городскую службу по найму происходит с согласия губернатора. Министр посчитал возможным согласиться и на предложсние Комиссии о привлечении должностных лиц городского общественного управления к ответственности в судебном порядке.[42]

---

[41] Там же. Л. 32—33.

[42] Там жс. Л. 37—40.

О присвоении должностным лицам городского общественного управления прав государственной службы. Рассматривая органы общественного управления как «безусловно государственные учреждения», министр отметил, что «государственная служба в широком смысле слова слагается из двух различных систем: службы государственно-правительственной и государственно-общественной. Между этими двумя системами государственной службы есть существенное различие: должностные лица правительственной службы получают назначение от правительства, а общественной службы — от избравшего их местного общества». Министерство признало не вполне точной формулировку ст. 121 Городового положения, на основании которой должностные лица городского общественного управления «считаются состоящими на государственной службе». Следует считать их состоящими не вообще на государственной службе, а на государственно-общественной. В таком смысле министр и предлагал изменить соответствующую статью Городового положения.[43]

В соответствии с изложенными соображениями министр был намерен дать «разъяснения» по законодательному предположению о городской реформе в Государственной думе и заявить, что к пересмотру действующего Городового положения министерство уже приступило и рассчитывает внести проект нового городового положения в Государственную думу не позднее 15 октября 1916 г.

Совет министров (в заседании 26 февраля) «не встретил препятствий» к тому, чтобы при рассмотрении законодательного предположения в Государственной думе представитель министерства сделал заявление о согласии ведомства принять на себя разработку законопроекта. По существу изложенных в Записке соображений было высказано следующее.

1. Предлагалось не упоминать в числе предметов ведения городского общественного управления попечение об общественной и личной безопасности или же со всей определенностью оговорить, что полиция безопасности должна оставаться правительственным учреждением.

2. Рекомендовалось оставить без изменения установленные Городовым положением правила о евреях вплоть до общего пересмотра действующих узаконений о евреях.

3. Совет министров посчитал возможным предоставить лицам женского пола право непосредственного участия в выборах наряду с мужчинами.

4. По мнению Совета министров, следовало сохранить в составе губернского по земским и городским делам присутствия прокурора окружного суда, не заменяя его, как это было намечено министерством, одним из членов окружного суда.

5. Наконец, Совет министров полагал, что за правительственной властью должна быть обеспечена возможность устранять лиц, состоящих на городской общественной службе, в случае несоответствия их деятельности общегосударственным интересам.[44]

С учетом рекомендаций Совета министров был подготовлен проект «Ответа на законодательное предположение 37 членов Государственной

---

[43] Там же. Л. 40—42.

[44] Там же. Ф. 1288. Оп. 5. 1911. Д. 148. Л. 239.

думы о желательности реформы Городового положения». При выработке текста документа имелось в виду акцентировать внимание на готовности правительства учесть основные пожелания думцев и по возможности их удовлетворить. Министерство «идет навстречу» предложению о расширении компетенции городского общественного управления. По вопросу о расширении избирательного права «идет на расширении круга избирателей» путем понижения размера ценза и привлечения к выборам квартиронанимателей. При этом Министерство внутренних дел считает возможным предоставить лицам женского пола право непосредственного участия в городских выборах. «По наиболее существенному вопросу о надзоре за городским общественным управлением» министр внутренних дел «не встречает препятствий» отказаться от надзора за целесообразностью. По вопросу о децентрализации городского управления министр «не преминет» включить в проект Городового положения правила о разделении городов на участки и т. д.

Вместе с тем были четко обозначены те принципиальные установки, которыми правительство не собиралось поступаться: полиция безопасности должна оставаться правительственным учреждением; в основу избирательного права должен быть положен имущественно-налоговый ценз; система выборов должна строиться на куриальной основе; утверждение властью руководителей городского общественного управления (городского головы и его товарищей) должно оставаться обязательным.[45] Текст «Ответа» получил одобрение председателя Совета министров и был озвучен при рассмотрении законодательного предположения на пленарном заседании Государственной думы 3 марта 1916 г.

Докладчиком от Комиссии по городским делам на заседании выступал председатель комиссии М. И. Арефьев. Объяснения от Министерства внутренних дел давал начальник Главного управления по делам местного хозяйства А. А. Евтифеев. (Его выступление фактически полностью соответствовало тексту «Ответа»). Он сообщил, что вопрос о городской реформе составляет очередную задачу ведомства, работы по этому вопросу уже производятся, и со стороны правительства «не встречается препятствий» к тому, чтобы Министерство внутренних дел приняло на себя разработку законопроекта о реформе Городового положения. Подчеркивалось, что министерство разделяет главнейшие положения реформы, выдвинутые в законодательном предположении и поддержанные Комиссией по городским делам, и т. д. Завершая свое выступление Евтифеев заявил, что проект Городового положения правительство внесет в Государственную думу не позднее начала осенней сессии.[46]

Выступившие в прениях депутаты от кадетской фракции проявили скептицизм в отношении обещаний министерства. «Министерство внутренних дел, — сказал Л. А. Велихов, — делает вид, что согласно с некоторыми нашими предложениями, и обещает внести в Государственную думу проект Городового положения не позже 15 октября. Но ко всем этим обещаниям

---

[45] Там же. Л. 300—303.

[46] Государственная дума. IV созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты. 1916. Стб. 2659—2661.

мы привыкли и знаем им цену... Сегодняшние обещания Министерства внутренних дел — это со времени Манифеста 17 октября тринадцатая по счету городовая сулиха».[47] Он внес предложение параллельно с работой над проектом правительственных чиновников приступить к разработке проекта силами Комиссии по городским делам.

На голосование было поставлено два предложения: 1) признать желательным законодательное предположение с теми изменениями, которые внесла комиссия, и 2) поручить комиссии разработать в возможно непродолжительное время соответствующий проект нового Городового положения. Оба предложения были приняты.[48]

Итак, прошло 3 года, прежде чем последовала реакция правительства на законодательное предположение 37 депутатов Думы. Министерство взяло на себя разработку проекта, частично признав выдвинутые в законодательном предположении пожелания. Но сразу же возникла нестандартная ситуация: Государственная дума принимает решение — одновременно приступить к разработке проекта собственными силами.

1916 год должен был решить судьбу городской реформы. Решил ли?

---

[47] Там же. Стб. 2667—2668.

[48] Там же. Стб. 2679.

V. ИСТОРИОГРАФИЯ

В. М. Панеях

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ ГРЕКОВ И БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

Б. Д. Греков (1882—1953) и Б. А. Романов (1889—1957) были учеными-историками одного поколения, хотя их жизненные и творческие пути, исторические школы, в традициях которых они проходили обучение, существенно различались. На протяжении двух десятилетий они были связаны профессионально и частично совместной работой по подготовке важных документальных изданий. В течение более пятнадцати лет Б. А. Романов, работая по заказам Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ) и затем в его штате, находился в подчинении Б. Д. Грекова, который был директором Института истории.

Бóльшую часть своего студенчества (с 1901 по 1905 г.) Б. Д. Греков провел на историко-филологическом факультете Варшавского университета, где он специализировался по истории средних веков главным образом под руководством известного ученого-медиевиста Д. М. Петрушевского, остававшегося для него непререкаемым авторитетом до кончины учителя в 1942 г. В связи с временным закрытием Варшавского университета в 1905 г. Б. Д. Греков по рекомендации Д. М. Петрушевского перевелся в Московский университет к М. К. Любавскому, который перепоручил его А. А. Кизеветтеру, и закончил его в 1907 г., получив диплом первой степени. После этого он вернулся в Варшавский университет, который принял решение об оставлении Б. Д. Грекова для подготовки к магистерскому званию и прикомандировании его к Петербургскому университету, где он закрепился и впоследствии сдал магистерские испытания.

Его учителя в Варшаве и Москве были яркими представителями киевской и московской исторических школ. Так, Д. М. Петрушевский, будучи учеником знаменитого украинского историка И. В. Лучицкого, окончил Киевский университет, а также занимался в семинарии П. Г. Виноградова в Московском университете; М. К. Любавский и А. А. Кизеветтер были учениками В. О. Ключевского.[1]

В сентябре 1907 г., когда Б. Д. Греков приехал в Петербург, Б. А. Романов готовился к занятиям на втором курсе Петербургского университета. До этого он прослушал общий курс по русской истории, который ежегодно

---

[1] Биографические сведения, относящиеся к Б. Д. Грекову, почерпнуты из книги: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 19—25.

© В. М. Панеях, 2007

читал знаменитый историк С. Ф. Платонов, курс по методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского, ставшего к этому времени академиком, и еще несколько курсов, читавшихся на историко-филологическом факультете. С начала 1907/08 учебного года Б. А. Романов записался на специальный лекционный курс и семинарий приглашенного в университет в качестве приват-доцента А. Е. Преснякова. Это послужило отправной точкой, с которой началось их сближение, приведшее к тому, что Б. А. Романов на всю последующую жизнь стал считать себя его учеником.[2]

В семинарии А. Е. Преснякова, темой которого были русские летописи, Б. А. Романов за несколько месяцев подготовил доклад «Сословия Киевской Руси». Выступление прошло блестяще, и руководитель семинария предложил студенту второго года обучения переработать доклад в статью, которая под новым названием — «Смердий конь и смерд (в летописи и Русской правде)» — вскоре была опубликована в авторитетном академической журнале «Известия Отделения русского языка и словесности»,[3] выходившем под редакцией ставшего к этому времени знаменитым академика А. А. Шахматова. Б. А. Романов с года публикации этой статьи отсчитывал свой путь в науке. Она сразу же обратила на себя внимание ученых, о чем свидетельствует то, что на нее откликнулся специальной рецензией М. С. Грушевский.[4]

Вероятно, именно в это время произошло знакомство Б. Д. Грекова, также только что опубликовавшего свою первую научную статью, с Б. А. Романовым. Намек на это находим в предисловии Б. А. Романова к вышедшей в свет в 1947 г. книге «Люди и нравы древней Руси», где автор отметил, что Б. Д. Греков вспомнил в конце 30-х гг. о первых работах Б. А. Романова «в области русских древностей».[5] Они несомненно встречались в Петербургском университете, где Б. Д. Греков посещал семинарий А. С. Лаппо-Данилевского и готовился к магистерским испытаниям, а Б. А. Романов до 1911 г. завершал свое профессиональное образование и получал диплом первой степени в 1912 г.

Б. А. Романов в университете кроме работы под руководством А. Е. Преснякова в течение трех лет посещал семинарий С. Ф. Платонова, один год — семинарий А. С. Лаппо-Данилевского по дипломатике русских актов, С. В. Рождественского (русская история), И. М. Гревса (средневековая история Западной Европы) и Э. Д. Гримма (история древнего Рима). Все эти профессора Петербургского университета были яркими представителями петербургской исторической школы, в традициях которой и воспитывался Б. А. Романов. В отличие от него Б. Д. Греков свои первые шаги в науке делал под влиянием других школ.[6]

---

[2] См.: *Панеях В. М.* Учитель и ученик: Александр Евгеньевич Пресняков и Борис Александрович Романов // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 395—609.

[3] *Романов Б. А.* Смердий конь и смерд (в летописи и Русской правде) // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1908. Т. 13.

[4] Записки наукового товариства імени Шевченка. Львів. 1909. Т. 89. Кн. 3. С. 184—185.

[5] *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.). Л., 1947. С. 13.

[6] О существенных различиях между петербургской и московской школами см.: *Пресняков А. Е.* 1) Образование Великорусского государства XIII—XV столетий. Пг.,

Впрочем, в Петербурге он резко изменил сферу своих профессиональных интересов: вместо европейских средних веков он стал писать магистерское исследование по древней Руси, одновременно ведя преподавательскую работу в Коммерческом училище и по рекомендации С. Ф. Платонова в Высших женских курсах, где в 1916 г. он стал профессором, а также в других учебных заведениях. Кроме того, в 1913 г. он был утвержден в должности сотрудника Археографической комиссии.[7] В Петербурге Б. Д. Грекову стал покровительствовать С. Ф. Платонов, у которого он бывал на еженедельных «средах». В 1914 г. была издана его книга, посвященная исследованию организации и внутренних отношений вотчины Новгородского дома святой Софии,[8] которая не утратила интерес и почти через сто лет. Эта книга была успешно защищена Б. Д. Грековым в конце 1914 г. в качестве магистерской диссертации.

После окончания университета судьба Б. А. Романова сложилась менее удачно, чем у Б. Д. Грекова. Он хотя был оставлен для подготовки к научной деятельности, но без стипендии. Б. А. Романов так же, как и его учитель А. Е. Пресняков, был обескуражен этой неудачей и объяснял впоследствии это тем, что С. Ф. Платонов, возглавлявший кафедру русской истории, оставлял со стипендией только своих непосредственных учеников, а приват-доцент А. Е. Пресняков не имел такого права.[9] Таким образом, Б. А. Романов оказался перед необходимостью приступить к преподаванию в гимназиях, где он получил часы по рекомендации А. Е. Преснякова. В 1915 г. он был приглашен на работу в Смольный институт. Это сказалось и на ходе магистерских испытаний: Б. А. Романов успешно сдал только один экзамен — по истории церкви. При этом, несмотря на возможную обиду Б. А. Романова на С. Ф. Платонова, сложившаяся еще в студенческие годы, по его словам, «глубокая, хотя и своеобразная личная связь» Б. А. Романова и его ближайших университетских друзей — Б. В. Александрова, П. Г. Любомирова и С. В. Чернова с С. Ф. Платоновым, называвшим эту группу своей «дружиной», которой, как вспоминали в 1918 г. Б. А. Романов и Б. В. Александров, он верит «как себе»,[10] сохранилась и в послеуниверситетские го-

---

1918. С. 25—26; 2) Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 5—6; *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. С. 161—162; *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского государственного университета. Секция исторических наук. Л., 1948; *Чирков С. В.* Археография и школы в русской исторической науке конца XIX—начала XX в. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 21—27; *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105—113.

[7] *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 36.

[8] *Греков Б. Д.* Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1. (Записки историко-филологического факультета С.-Петербрургского университета. Ч. 120).

[9] *Панеях В. М.* 1) Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 34—35; 2) Еще раз об оставлении Б. А. Романова при Петербургском университете для подготовки к ученой степени // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б. В. Ананьича. СПб., 2003. С. 314—319.

[10] *Беляев С. Г.* С. Ф. Платонов, Б. В. Александров, Б. А. Романов и петроградские архивы в 1918 г. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков: Сборник статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 92.

ды. Они, помимо того что встречались в университете, часто бывали у С. Ф. Платонова дома, в том числе на еженедельных «средах», где пересекались пути Б. Д. Грекова и Б. А. Романова. До женитьбы Б. А. Романова в 1914 г. его в семье Платоновых даже считали возможным женихом одной из дочерей. Впрочем, Б. Д. Греков тоже был одним из желанных женихов, хотя женитьбы не состоялись.

Осенью 1916 г. Б. Д. Греков дал согласие переехать в Пермь, где открылось Отделение Петроградского университета и где ему была обещана должность профессора.[11] В самом конце 1918 г. подобное же приглашение получил Б. А. Романов, рекомендацию которому написал С. Ф. Платонов. Но он не имел возможности сразу же воспользоваться им и остался в Петрограде.[12] Но даже если бы Б. А. Романов поехал в Пермь, он не встретился бы там с Б. Д. Грековым, так как последний бежал из города, опасаясь вероятности оказаться в числе заложников у красных войск, освободивших Пермь от колчаковцев, и уехал в Крым, находившийся под властью белых, где стал профессором Таврического университета.[13]

Вернулся Б. Д. Греков в Петроград в 1921 г. и по приглашению С. Ф. Платонова, ставшего к этому времени академиком и председателем Археографической комиссии, вновь был зачислен на работу в это научное учреждение, вошедшее с 1922 г. в состав Академии наук. Здесь он вскоре был назначен на пост заместителя ученого секретаря. Кроме этого, Б. Д. Греков начал преподавание в Петроградском университете и некоторое время по совместительству работал в Центрархиве.

Для Б. А. Романова же Центрархив (Главархив), куда его позвали на работу С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков, был основным местом приложения его сил, и к середине 20-х гг. он стал одним из ведущих и авторитетнейших его сотрудников; с 1919 г. он в порядке совместительства стал преподавать в университете. Таким образом, Б. Д. Греков и Б. А. Романов впервые с момента их знакомства стали сослуживцами по Петроградскому (Ленинградскому) университету. Но в Археографическую комиссию С. Ф. Платонов Б. А. Романова не позвал, да он и не стремился туда попасть. Это было связано с тем, что его собственный исследовательский интерес в результате обработки материалов архива Министерства финансов переместился с древней и средневековой истории России в сторону новой и новейшей истории страны. Эта переориентация была также связана с выходом в свет в конце 1921 г. первого тома «Воспоминаний» С. Ю. Витте, охватившего период с 1894 по 1905 г., и с выводом, к которому он пришел, что наложенные на эти «Воспоминания» изученные и находящиеся в его распоряжении архивные материалы коренным образом противоречили выстраеваемой Витте концепции происхождения русско-японской войны.[14] Именно в конце 1921 г. Б. А. Романов принял решение серьезно заняться этой проблемой, и в течение 1922—1924 гг. была опубликована серия его статей, объединен-

---

[11] *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 43.

[12] *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка... С. 50—51.

[13] *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 56.

[14] См.: *Ананьич Б. В.* Мемуары С. Ю. Витте в творческой судьбе Б. А. Романова // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С. 30—40.

ных общей целью дать документальный комментарий к «Воспоминаниям» С. Ю. Витте,[15] а в 1928 г. вышло его большое исследование, посвященное анализу внешней политики самодержавия в эпоху империализма.[16]

Новаторское направление в творчестве Б. А. Романова встретило настороженное отношение со стороны его старших коллег и прежде всего С. Ф. Платонова. Для них эта проблематика оказалась неприемлемой. «Это была „современность", „политика", все что угодно, но только не история», — отмечал Б. А. Романов в речи на докторской защите в феврале 1941 г., излагая аргументацию тех, кто отрицательно отнесся к исследованию недавнего прошлого.[17] Само собой разумеется, что с этой тематикой тогда не могло быть и речи о работе в структурах Академии наук.

Б. Д. Греков же, напротив, органично и успешно вписался в деятельность Археографической комиссии. В 20-х гг. он продолжил исследование хозяйства вотчины Новгородское дома святой Софии и опубликовал в Летописи занятий Археографической комиссии вторую часть книги, первая часть которой была защищена ранее в качестве магистерской диссертации.[18] Некоторые историки, и я в их числе, считают, что эта работа была вершинным достижением в творчестве историка.

Пути Б. Д. Грекова и Б. А. Романова не совпадали в 20-х гг. потому, что Б. Д. Греков остался в стороне от складывавшегося в то время в Петербурге—Ленинграде своеобразного направления в исторической науке, опиравшегося на петербургские исторические традиции, но в то же время расширившего хронологические рамки исследований и перешедшего к занятиям историей XIX—XX вв. Кроме того, оказал влияние и еще один, субъективный, фактор: Б. Д. Греков тесно сотрудничал в Археографической комиссии с С. Ф. Платоновым и вообще находился в орбите его влияния, а взаимоотношения Б. А. Романова с С. Ф. Платоновым утратили былую доверительность и характеризовались временами взаимным раздражением, временами — новым сближением, а в конце 1928—начале 1929 г. серьезно обострились из-за позиции С. Ф. Платонова, приведшей к неизбранию в 1929 г. А. Е. Преснякова в число академиков.

Поэтому мне представляется неточным утверждение Н. А. Горской, которая основывалась на устном сообщении сына Б. Д. Грекова Игоря Борисовича, пересказавшего ей слова отца, что в 1927—1928 гг. «он оказался несколько оттеснен от С. Ф. Платонова, вокруг которого группировались другие его способные и честолюбивые ученики (А. И. Андреев и Б. А. Романов)».[19] Но А. И. Андреев был учеником А. С. Лаппо-Данилевского, а

---

[15] См.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка... С. 74—80.

[16] *Романов Б. А.* Россия в Маньчжурии (1892—1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

[17] Речь Б. А. Романова на защите докторской диссертации. 22 февраля 1941 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 75. Л. 2, 5.

[18] *Греков Б. Д.* 1) Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. 1. Софийский двор в городе Новгороде // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг. Л., 1926. Вып. 33; 2) Очерки истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. 2. Собственное сельское хозяйство // Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34).

[19] *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 87.

Б. А. Романов — А. Е. Преснякова. Кроме того, С. Ф. Платонов и Б. А. Романов работали в различных учреждениях и их исследовательские интересы не совпадали. Пожалуй, можно согласиться только с тем, что А. И. Андреев, занимавший ключевой пост ученого секретаря Археографической комиссии, чьим помощником был Б. Д. Греков, используя свою близость к С. Ф. Платонову и свое служебное положение, вел себя по отношению к своему заместителю Б. Д. Грекову неэтично, о чем мне рассказывал С. Н. Валк.

Вскоре, в конце 1929—начале 1930 г. наступление партийно-советских властей при посредстве карательных органов (ОГПУ) на Академию наук переросло в репрессии. Они начались в конце октября 1929 г. с ареста А. И. Андреева и достигли своего апогея, когда были арестованы академики-историки, прежде всего ленинградцы, С. Ф. Платонов, затем Н. П. Лихачев и Е. В. Тарле, а через полгода московский академик М. К. Любавский и ряд других москвичей. Вместе с ними аресту подверглись более 150 человек.

Б. А. Романов был арестован в ночь с 12 на 13 января 1930 г., на следующий день после С. Ф. Платонова. Б. А. Романова, казалось бы, все это начавшееся сфабрикованное «Академическое дело» не могло коснуться никаким образом. Разнузданная кампания в печати против Академии не имела к нему никакого отношения. Он не работал в ее учреждениях и не был связан с нею какими-либо интересами. Более того, он незадолго до этого отверг (не в первый раз) предложение С. Ф. Платонова возглавить Архив АН СССР. В официальных органах печати в 1929 г. одна за другой появились положительные рецензии на его книгу «Россия в Маньчжурии». Несмотря на это, Б. А. Романов провел 13 месяцев в следственной тюрьме в тяжелейших условиях, и в феврале 1931 г. ему было сообщено о постановлении «тройки» Полномочного представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе о заключении его в концлагерь сроком на 5 лет по пресловутой ст. 58, пункт 11 Уголовного кодекса РСФСР. Лишь реабилитационное дело 1957 г. изложило мотивы этого приговора: «Б. А. Романов обвинялся в том, что являлся членом контрреволюционной монархической организации, ставившей себе целью свержение Советской власти и установление в СССР путем склонения иностранных государств к вооруженному вмешательству конституционно-монархического строя».[20]

Б. Д. Греков был тоже арестован, но гораздо позже — 6 сентября 1930 г., и обвинен, как и другие историки, в том, что он является членом контррево-

---

[20] Об «Академическом деле» 1929—1931 гг. см.: *Перченок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 203—208; Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. СПб., 1998; *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929—1931 гг.». Вып. 1) // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995; *Штакельберг Н. С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Предисловие, послесловие и публикация Б. В. Ананьича // Там же; *Панеях В. М.* К спорам об «Академическом деле» 1929—1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время: Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова. М., 2003. С. 303—319. — О следственном «деле» Б. А. Романова см.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка... С. 126—143.

люционной монархической организации, возглавляемой акад. С. Ф. Платоновым.[21]

К этому времени Б. Д. Греков успел занять пост ученого секретаря Археографической комиссии, освободившийся после ареста А. И. Андреева, и стал сотрудничать с новым его руководством в лице вначале академика П. Н. Сакулина, сменившего отстраненного партийными властями от руководства ею С. Ф. Платонова еще до его ареста, с новым заместителем председателя, выпускником Института красной профессуры С. Г. Томсинским, наконец, с избранным в апреле 1930 г. председателем Комиссии крупным партийно-советским функционером, главой так называемой марксистско-ленинской исторической школы М. Н. Покровским.

В первом (и единственном) протоколе допроса Б. Д. Грекова содержатся данные, позволяющие высказать предположение о причинах благоприятного для него завершения следствия. Ключевыми, как мне представляется, были сообщения Б. Д. Грекова, зафиксированные в этом протоколе, о том, что он кроме основной работы в Археографической комиссии по совместительству преподавал в Ленинградском университете и в Комакадемии; с 1924 или 1925 г. «был приглашен (М. М. Цвибаком) в Ленинградское отделение Центрархива»; в 1929 г. (осенью) «получил приглашение заменить умершего проф. Преснякова по преподаванию в Институте красной профессуры, но ввиду перегруженности не мог взять этой работы»; так как в 1929 г. Б. Д. Греков ушел из Центрархива «по перегруженностью работой», он «месяц спустя после получения приглашения от Института красной профессуры написал М. Н. Покровскому о появившейся возможности принять предложение», но «получил ответ, что работа» ему «будет предоставлена после преобразования Академии наук». Реформа Академии была направлена на ее большевизацию и, в частности, на перестройку работы Археографической комиссии путем организации на ее основе Историко-археографического института.

Нетрудно заметить, что Б. Д. Греков концентрировал внимание следователя на том, что во всех учреждениях, в которых он работал до ареста, его руководителями были либо сам М. Н. Покровский (Центрархив, Комакадемия, Археографическая комиссия), либо его соратники (Цвибак, Томсинский), а также на его приглашении преподавать в Институте красной профессуры, директором которого был тот же М. Н. Покровский. Эти обстоятельства, возможно, и привели к тому, что 11 октября 1930 г. следователь, ведший дело Б. Д. Грекова, постановил «освободить его из-под стражи под подписку о невыезде», а 7 февраля 1931 г. накануне вынесения первых приговоров по «Академическому делу» (в том числе Б. А. Романову) подписки о невыезде, данные Б. Д. Грековым и рядом других подследственных (в том числе А. А. Введенским, Ю. Г. Оксманом, В. И. Срезневским, А. А. Шиловым, всего 24 человеками), были аннулированы. Это постановление было 10 июля 1931 г. продублировано, а в число освобожденных оказались включенными еще 19 подследственных (всего 43 человека), в том числе известный историк А. Ю. Якубовский.

---

[21] См.: *Панеях В. М.* О следственном деле Б. Д. Грекова // Отечественная история. 2001. № 4. С. 208—211.

Таким образом, после пятинедельного следствия Б. Д. Греков был освобожден из тюрьмы, но, конечно, никогда не забывал об этом, понимая, что в любой момент возможны новые аресты и тяжелые приговоры. Он никогда не забывал, в частности, о том, что в Симферополе торжественно приветствовал Врангеля. Трудно представить, что этот эпизод прошел мимо следователей ОГПУ, но, как и по другим сфабрикованным делам, отнюдь не все следственные действия фиксировались в протоколах, более того, некоторые записи допросов уничтожались.[22] Впрочем, некоторые коллеги Б. Д. Грекова об этом не забывали.[23]

Вопреки крымскому эпизоду, задуманная М. Н. Покровским реорганизация Археографической комиссии в Историко-археографический институт АН СССР прошла для Б. Д. Грекова удачно, и он был назначен ученым секретарем нового научного института. Одновременно он стал работать в Государственной академии истории материальной культуры, где заведовал вначале кафедрой истории феодализма в России (XV—XVII вв.), а затем кафедрой раннего феодализма.[24] Здесь, следуя указаниям «классиков марксизма-ленинизма», в жарких дебатах шла работа над выработкой концепции истории российского феодализма, и Б. Д. Греков в этом играл одну из ведущих ролей. В результате была опубликована серия его работ, в которых обосновывался вывод о развитии в России не рабства, а феодализма, в том числе «Очерки по истории феодализма в России»,[25] переработанные впоследствии в многократно переиздававшуюся книгу «Киевская Русь».

С критикой приемов работы Б. Д. Грекова резко выступил тогда один из ближайших друзей Б. А. Романова С. В. Чернов, который обвинил автора в потребительском отношении к источникам, впервые введя в оборот этот термин.[26] Для представителя петербургской исторической школы, ученика А. Е. Преснякова, манера работы Б. Д. Грекова с источниками была совершенно неприемлемой. Он имел в виду критику его учителем представителей московской исторической школы и усматривал в работах Б. Д. Грекова склонность к следованию этому направлению. С. В. Чернов назвал его последним византийцем на кафедре русской истории Ленинградского университета.[27]

Б. А. Романову, освобожденному из лагеря «по зачету рабочих дней» в августе 1933 г., было, конечно, не до этих дискуссий. На постоянную работу его никуда не принимали, поэтому он стремился получить заказы на внутреннее рецензирование, литературную работу. Намерение ГАИМКа принять его в штат не было реализовано. Правда, ему были заказаны несколько внутренних отзывов о работах, подготовленных в этой академии. Б. А. Романов, в частности, написал рецензии на сборник статей «Древняя Русь», на книги Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского. Но его внутренняя ре-

---

[22] См. об этом: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. С. XXXIX.

[23] *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 82, 86.

[24] Там же. С. 98.

[25] Известия ГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 72.

[26] Там же. Вып. 86. С. 111—113.

[27] *Андреева Т. В., Смирнова Т. Г.* «Жизнь моя вообще, конечно, сокрушена 1928 годом» (Письмо С. В. Чернова П. В. Любомирову) // Деятели русской культуры XIX—XX веков. Исторические очерки. СПб., 1996. Вып. III. С. 196—303.

цензия на рукопись работы А. Н. Насонова «Монголы и Русь» привела к конфликту с Б. Д. Грековым. Об этой работе проявлял заботу Д. М. Петрушевский, в связи с чем и сам Б. Д. Греков стремился содействовать ее изданию и написал положительный отзыв. Однако отзыв Б. А. Романова вошел с ним в противоречие, вследствие чего Б. Д. Греков посчитал его несправедливым. Б. А. Романов же, у которого с А. Н. Насоновым были давние товарищеские отношения, утверждал, как написал Б. Д. Греков, «будто он не хотел опорочить работу, а лишь имел намерение указать на ее недочеты в целях переработки (чего, однако, не видно из его резкого отзыва)».[28] Б. Д. Греков привлек для разрешения этой коллизии специалиста по Золотой Орде А. Ю. Якубовского, который со своей стороны предложил сделать ряд дополнений и по просьбе Б. Д. Грекова «говорил с Романовым», но, очевидно, безуспешно, поскольку, как написал раздраженно Б. Д. Греков, «разговор с этим последним, как всякий разговор с ним, труден для расшифровки, потому что Б. А. Романов очень витиеват, и у меня возникает вопрос, понимает ли он сам то, что говорит своему собеседнику, настолько он сложно и запутанно излагает свои мысли».[29] Не этим ли конфликтом объясняется отказ ГАИМКа дать поручение Б. А. Романову подготовить ряд сборников документов?

В середине 30-х гг. биографии Б. Д. Грекова и Б. А. Романова развивались в разных направлениях. В 1934 г. Б. Д. Греков стал членом-корреспондентом АН СССР, а в 1935 г. — академиком. Этот беспрецедентный взлет пока не объяснен, в том числе его биографом Н. А. Горской. Я полагаю, что дело было в том, что концепция российского феодализма Б. Д. Грекова была официально признана, и власть решила в условиях, когда концепции М. Н. Покровского начали подвергаться пересмотру, а в начале 1936 г. окончательно дискредитированы и многие его ученики и последователи, связанные со старой партийной номенклатурой, подверглись репрессиям, поручить Б. Д. Грекову руководство исторической наукой. Учитывалось при этом, что его прошлое, подмоченное приветствием Врангелю, позволяло партии легко управлять им.

И действительно, после снятия С. Г. Томсинского (впоследствии расстрелянного) и назначения директором проживавшего в Москве В. П. Волгина фактическим руководителем Историко-археографического института стал Б. Д. Греков. Когда же в марте 1936 г. в Москве был создан Институт истории АН СССР, а в Ленинграде посредством слияния Историко-археографического института, Института книги, документа и письма и Института истории Ленинградского отделения Комакадемии образовалось его Ленинградское отделение, во главе него был назначен Б. Д. Греков. После же ареста директора Института истории АН СССР партийного академика Н. М. Лукина он занял в 1938 г. и этот пост.

Б. А. Романов же, напротив, оставался безработным, не имеющим даже ученой степени — ни кандидата, ни доктора исторических наук. Над ним, как бывшим репрессированным, постоянно висела угроза высылки, которая

---

[28] Переписка Б. Д. Грекова с Д. М. Петрушевским (Б. Д. Греков—Д. М. Петрушевскому. 30 ноября 1934 г.) // Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. С. 234.

[29] Там же.

и осуществилась с началом советско-финляндской войны в ноябре 1939 г., и он был выслан на 101-й км (в Окуловку, тогда Новгородской области). Еще до этого, в 1935 г., когда Б. А. Романов обратился к Б. Д. Грекову с просьбой предоставить ему какую-либо работу, постоянную или временную, в Историко-археографическом институте, ему было сообщено, как он написал П. Г. Любомирову, что получен отказ в допуске его к занятиям в архиве и это отнимает «почву для каких-либо негоциаций с историческим институтом Академии, работа которого связана исключительно с архивом».[30]

Прошло немногим более одного года, и в январе 1937 г., когда появилась необходимость пополнить ЛОИИ и Институт истории АН СССР квалифицированными кадрами, Б. Д. Греков представил к зачислению в Ленинградское отделение А. И. Андреева, И. Р. Бенешевича, М. Д. Приселкова, т. е. ряд ученых, репрессированных по тому же «Академическому делу», что и Б. А. Романов. Более того, на заседании дирекции института в Москве были названы еще несколько человек (С. В. Бахрушин, В. Н. Пичета, А. И. Яковлев, Е. В. Тарле), получивших приговоры по этому же делу,[31] но Б. А. Романова не оказалось ни среди первых, ни среди вторых. Вероятно, Б. Д. Греков не забыл еще о конфликте между ним и Б. А. Романовым из-за работы А. Н. Насонова. Но, когда он запланировал осуществление грандиозного проекта, задуманного еще в конце 20-х гг., но не реализованного тогда из-за начавшегося «Академического дела», — подготовить комментированное академическое издание Правды Русской, оказалось, что профессионально подготовленных для этой работы ученых мало. Правда, критическое издание текста этого памятника было осуществлено и вышло в свет в 1940 г.[32] Одновременно Б. Д. Греков создал из сотрудников ЛОИИ группу ученых, в которую вошли Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Н. Ф. Лавров, Г. Е. Кочин и которой была поручена подготовка историографических комментариев для второго тома этого издания. И тут ему стало понятно, что необходим еще один специалист по истории Киевской Руси, и Б. Д. Греков принял решение привлечь с марта 1937 г. Б. А. Романова,[33] но не в штат ЛОИИ, а по договору, тем более что данный проект не был связан с архивом. Сам Б. А. Романов впоследствии вспоминал, что Б. Д. Греков, привлекая его к этой работе, тем самым поставил его «пред искушением вернуться к давно покинутой ⟨...⟩ тематике, однако же в ином плане и с применением иных приемов исследования».[34] Конечно, Б. Д. Греков учитывал не только студенческий опыт Б. А. Романова, но и наверняка успех его недавних внутренних отзывов-исследований по интерпретации русских средневековых источников для ГАИМКа. Эти комментарии имели целью, как написал Б. Д. Греков в предисловии ко второму тому Правды Русской, «помочь современному исследователю ориентироваться по возможности полно во всей обширной и трудно доступной литературе, связанной с изучением

---

[30] Б. А. Романов—П. Г. Любомирову. 12 октября 1935 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 470. Д. 234. Л. 37.

[31] *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 117.

[32] Правда Русская. Тексты / Подгот. к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин; под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940.

[33] *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. Л., 1947. С. 13.

[34] Там же. С. 13—14.

Правды».[35] Первичное редактирование комментариев было тогда же поручено Н. Ф. Лаврову.

Творческая работа составителей комментариев, по замыслу Б. Д. Грекова, была введена в жесткие рамки. Их задача на первом этапе состояла всего только в том, чтобы расположить в хронологическом порядке мнения исследователей о каждой статье Правды Русской. Конечно, и это требовало не только доскональное знания исторической и историко-правовой литературы, но и глубокого понимания структуры памятника, обладания широкой эрудицией, необходимой для оценки социальных, политических и бытовых реалий, отраженных в нем.

Как скоро стало ясно, Б. Д. Греков не ошибся, поручив эту работу Б. А. Романову, которому он доверил комментирование не только наибольшего числа статей, но и самых важных, отражающих социальные отношения и политический строй Киевской Руси. Из 43 статей Краткой Правды им было откомментировано 23 статьи, а из 121 статьи Пространной Правды — 52 статьи.

Б. А. Романов был очень увлечен этой работой, но ему трудно было смириться с ограничениями на выражение собственных мнений. Б. Д. Греков согласился с ним и предложил подготовить в предварительном порядке издание учебного пособия Правды Русской. Б. А. Романов, как и ряд других участников работы, составил для него комментарии, освещающие не только литературу вопроса, но и собственные интерпретации статей. В 1938 г. с Б. А. Романовым был заключен договор, и, отложив на некоторое время работу над комментариями для академического издания, он приступил к решению этой новой задачи. И в 1940 г. под редакцией Б. Д. Грекова это издание вышло в свет.[36] Само собой разумеется, Б. А. Романов был рад этому, как и Б. Д. Греков. Получив из Ленинграда по почте эту книгу, он написал именно Б. А. Романову (хотя в подготовке учебного пособия принимали участие и другие авторы комментариев) любезное письмо, связав это издание с дальнейшей работой над академическим изданием Правды Русской: «От души желаю Вам дальнейшего успеха. Связываю его с успехом нашего общего дела, которое хотелось бы довести до победного конца ⟨...⟩ Комментарий хорош — только слишком конденсирован и потому для студентов трудноват. Но зато есть над чем думать ⟨...⟩ Шлю Вам самые добрые пожелания».[37] Помнится, Б. А. Романов в 1948/49 учебном году вел просеминар на первом курсе Ленинградского университета именно по этому учебному пособию, и ни мне, ни моим однокурсникам не показались комментарии сложными. Второй том издания Правды Русской (историографические комментарии) Б. Д. Греков предполагал сдать в издательство уже осенью 1940 г.,[38] но к этому времени работа над ним еще не была завершена, и он вышел в свет после войны.

---

[35] Правда Русская. Комментарии / Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 7.

[36] Правда Русская. Учебное издание / Отв. ред. Б. Д. Греков. Л., 1940.

[37] Б. Д. Греков—Б. А. Романову. Ранее 12 октября 1940 г. (по штампу получения в Ленинграде) // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 225. Л. 2.

[38] Б. Д. Греков—Д. М. Петрушевскому. 15 мая 1940 г. (Переписка Б. Д. Грекова с Д. М. Петрушевским) // *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 247.

В 1939 г. параллельно с этими поручениями Б. А. Романов сдал в Институт истории книгу о русско-японской войне, которую он начал готовить вскоре после освобождения из лагеря и, преодолевая сопротивление партийных историков, завершил работу над ней к концу 30-х гг. Само собой разумеется, что без решения директора института Б. Д. Грекова об ее издании нечего было и думать. В 1938 г. на заседании Ученого совета исторического факультета Ленинградского университета Б. А. Романову была присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (по совокупности научных работ), и Б. Д. Греков не только написал положительный отзыв, но и, приехав из Москвы в Ленинград, выступил на защите наряду с Е. В. Тарле, В. В. Струве и С. Н. Валком.

Кроме работы по договорам с Институтом истории Б. А. Романов в 1939 г. возобновил контакты с сотрудниками Института истории материальной культуры, образованного на базе закрытого ГАИМКа. В этом учреждении ему была заказана для готовящегося первого тома коллективного труда «История русской культуры» глава, посвященная быту и нравам домонгольской Руси. Она быстро стала перерастать в отдельную книгу, которую институт тоже собирался издать. Но вскоре выяснилось, что Б. А. Романов с этой книгой вступил на заповедную территорию, которая находилась в сфере интересов Б. Д. Грекова. Об этом он написал в конце мая 1941 г. Н. Л. Рубинштейну: «Моя книга „Люди и нравы...” натолкнулась на такой византийский отзыв Б. Д. (Грекова. — *В. П.*), который рискует похоронить ее. Впечатление такое, что он хочет оградить свою опришнину, „ать никто не вступается в нее”. А отзыв такой: книга „оригинальна и интересна”, но есть „выводы”, с которыми я согласиться не могу (мало ли что!), и „формулировки”, которые требуют „замены”. А какой замены и какие формулировки — не пишет. Издательство и вернуло мою рукопись с просьбой — вступить лично в переговоры с Б. Д.! Но что бы осталось от „оригинальности” книги, если бы выводы и формулировки обратились в „грековские” ⟨...⟩ Таковы тернистые пути современной нам историографии! Вы думаете, что Б. Д. делает вывод, что книгу не надо печатать? Ничуть. Наоборот: ее „следует печатать”. Вот уж легкость движений, которой могла бы позавидовать любая Лепешинская-Уланова!».[39] Нетрудно заметить, что византийство Б. Д. Грекова было отмечено в разной связи и С. В. Черновым, и Б. А. Романовым.

Конечно, без одобрения академика Б. Д. Грекова, ставшего неформальной главой советской исторической науки и издавшего книгу «Киевская Русь», которая была официально признана марксистским трудом, невозможно тогда было опубликовать работу, концептуально противоречащую его воззрениям. Так вновь стало тлеть взаимное недовольство этих двух историков.

Впрочем, это не помешало им продолжать сотрудничество: Б. Д. Греков одобрил завершенные Б. А. Романовым комментарии к Правде Русской и содействовал продвижению его книги о русско-японской войне в печать. Более того, он посоветовал Б. А. Романову представить рукопись этой книги к защите в качестве докторской диссертации и председательствовал на засе-

---

[39] Б. А. Романов—Н. Л. Рубинштейну. 31 мая 1941 г. // ОР РГБ. Ф. 521. Картон 26. Д. 39. Л. 7.

дании Ученого совета Института истории во время защиты в Москве в феврале 1941 г. Одновременно Б. Д. Греков опубликовал в двух томах «Исторических записок», ответственным редактором которых он был, две большие статьи, являющиеся главами той же еще неопубликованной книги.[40]

Что же касается книг Б. А. Романова и коллективных трудов, в которых он участвовал, то они были изданы только после войны. Разумеется, работы Б. Д. Грекова публиковались и до, и во время войны без всяких препятствий. В этом выражалось разное их положение в науке — директора института, академика и безработного исследователя. Но после присвоения Б. А. Романову докторской степени его дела начали выправляться: вначале накануне войны решением Академии наук ему было присвоено звание старшего научного сотрудника, а вскоре после начала войны ИИМК принял его в свой штат. Симптоматично, что Б. Д. Греков не пригласил Б. А. Романова в Институт истории (и его Ленинградское отделение), хотя появилось разрешение партийных властей предоставить ему наконец постоянную работу и еще полностью не завершилась подготовка комментариев к академическому изданию Правды Русской.

В связи с начавшейся войной Институт истории во главе с Б. Д. Грековым был эвакуирован из Москвы в Ташкент. Часть сотрудников ЛОИИ отправилась туда же, но Б. А. Романов остался в Ленинграде в одиночестве, так как детей у него не было, а жену, врача, мобилизовали в армию. Лишь 6 ноября 1941 г. Б. А. Романова в составе группы других докторов наук в условиях наступившего жестокого голода вывезли из Ленинграда; после двух месяцев скитаний он прибыл в Ташкент и влился в состав так называемого Московского отделения ИИМКа, там была и группа ленинградских археологов.

Здесь летом 1942 г. Б. А. Романов получил повестку из местного органа НКВД с сообщением о запрете проживания в крупных городах и предстоящем выселении на 101-й км, а затем вторую повестку о выезде в 10-дневный срок. «Сидение на эшафоте, — писал он А. И. Андрееву, — длилось ⟨...⟩ 40 дней». Когда нужно было «идти расписываться в получении ⟨...⟩ формального предписания», на этом последнем этапе в дело вмешался Б. Д. Греков, и благодаря этому «отпала необходимость» являться за предписанием и выезжать из Ташкента.[41] Этот благородный поступок Б. Д. Грекова, по-видимому, спас жизнь Б. А. Романову, обессиленному блокадным голодом осени 1941 г.

Это был не единственный и не первый случай, когда Б. Д. Греков попытался вступиться за коллег, которые стали объектами репрессий органами НКВД. Так, в 1937 г. в ЛОИИ во время напряженного заседания, на котором проработке, обычно предшествовавшей аресту, подвергся известный историк В. Н. Кашин, он выступил в его защиту.[42] А его жену, К. Н. Серби-

---

[40] *Романов Б. А.* 1) Дипломатическое развязывание русско-японской войны 1904—1905 гг. // Исторические записки. 1940. Т. 8. С. 37—67; 2) Происхождение англо-японского договора 1902 г. // Там же. 1941. Т. 10. С. 40—65.

[41] Б. А. Романов—А. И. Андрееву. 9 августа 1942 г. // Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 296. Л. 15—16 об.

[42] *Ганелин Р. Ш.* «Что вы делаете со мной!»: Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб., 2006. С. 137—141.

ну, тоже работавшую в ЛОИИ, арестовали и отправили в лагерь, где отбывали сроки жены «врагов народа». Б. Д. Греков ходатайствовал за нее перед генеральным прокурором А. Я. Вышинским и добился ее вызволения, возвращения в Ленинград и восстановления на работе.

Из эвакуации Б. Д. Греков вернулся в Москву в середине 1943 г. вместе с большинством работников Института истории. Ленинградцы вынуждены были дожидаться снятия блокады. Б. А. Романов был среди первых, кто возвратился летом 1944 г. в родной город. Незадолго до этого, еще в Ташкенте, он добился перевода из ИИМКа в Институт истории, что, возможно, было санкционировано Б. Д. Грековым. Приехав в Ленинград, он вошел в коллектив ЛОИИ и одновременно приступил к преподаванию на историческом факультете университета.

Б. Д. Греков в конце войны и в послевоенный период интенсивно работал над новым большим исследованием — «Крестьяне на Руси»,[43] вышедшим в свет в 1946 г. Б. А. Романов прежде всего стремился опубликовать написанные до войны исследования. Уже по приезде в Ленинград он получил сообщение от Б. Д. Грекова о том, что его книга о дипломатической истории русско-японской войны включена в план изданий, и приступил к подготовке ее к сдаче в издательство. В университете начались хлопоты об опубликовании книги «Люди и нравы древней Руси». Наконец, стало известно, что Б. Д. Греков хочет печатать комментарии к Правде Русской чуть ли не в 1945 г., и Б. А. Романов срочно занялся редактированием своих разделов. Но Б. Д. Греков вскоре неожиданно поручил ему провести редакционную подготовку комментариев для второго тома Правды Русской в целом, которую до войны выполнял Н. Ф. Лавров, скончавшийся во время блокады.

Эта работа была сопряжена с очень большими трудностями. Во-первых, комментарии оказались не полностью готовыми; во-вторых, война унесла жизнь двоих (Б. В. Александрова и Н. Ф. Лаврова) из пяти участников этой работы; в-третьих, сложности возникали в связи с необходимостью изложить высказывания об отдельных частях памятника не только историков прошлого, но и современных исследователей, соблюдая точность и соразмерность частей. Б. А. Романову приходилось вести редактирование комментариев покойных авторов, согласовывать правку с коллегами, отсекать с его точки зрения лишние фрагменты, проверять цитаты, делать перекрестные ссылки, разрабатывать концепцию указателей, самому готовить к ним словники и их составлять.

Коллеги Б. А. Романова и прежде всего он сам не были удовлетворены тем, что строго историографический характер комментариев не позволял высказывать собственные суждения, приводить цитаты из источников. Б. Д. Греков, часто приезжавший в Ленинград, на созванном для обсуждения этой работы совещании согласился с предложенным Б. А. Романовым компромиссом — в виде исключения разрешить комментаторам приводить в конце каждого постатейного комментария свои собственные точки зрения, отмечая их сокращенно инициалами, взятыми в квадратные скобки.

Уже в феврале 1946 г. эта работа была в основном завершена, и Б. А. Романов сообщил об этом Б. Д. Грекову, выразив желание привезти том в Мо-

---

[43] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1946.

скву прежде всего для ознакомления ответственного редактора, которым стал Б. Д. Греков, и авторов, чьи исследования стали материалами комментариев. В письме к Б. Д. Грекову Б. А. Романов сформулировал точку зрения комментаторов по поводу адресата готовящихся комментариев: они думали не столько о поучении, сколько о справочно-библиотечном снабжении и исходили при этом из бытовой доступности советской литературы и из недоступности в провинции досоветской литературы. Б. Д. Греков ответил любезным письмом: «Будем все мы рады повидаться с Вами. Приезжайте!».[44]

Когда после просмотра Б. Д. Грековым всего тома он был сдан в издательство Академии наук (ныне «Наука»), расположенное в Ленинграде, между ним и Б. А. Романовым был согласован порядок прохождения гранок и верстok. Важную роль в работе над этим ответственным заданием сыграли и издательские редакторы. Б. А. Романов регулярно посылал Б. Д. Грекову письма-отчеты о проделанной работе. «Давно не переживал такого подъема и бодрости в работе, — писал Б. А. Романов Б. Д. Грекову 16—17 февраля 1947 г., — и очень хотелось бы довести ее до благополучного конца и к намеченному сроку». Б. Д. Грекову было трудно поспевать за ленинградскими коллегами, так как у него 1946 год был очень напряженным из-за корректур книги «Крестьяне на Руси». К началу лета 1947 г. все корректуры комментариев к Правде Русской были Б. А. Романовым тщательно прочитаны и Б. Д. Грековым просмотрены, а уже в августе второй том этого академического издания, содержащий постатейные историографические комментарии объемом в 55 печ. листов, был подписан к печати и вскоре вышел в свет.[45]

Подводя итоги напряженной и ответственной работы и оценивая степень своего участия в этом научном издании, Б. А. Романов отмечал, что он сам прокомментировал более 70 % статей Правды Русской и провел труднейшую работу по редактированию всего тома. Это дало ему основание отмечать в письмах к коллегам: «Если есть» в только что вышедшей работе «чья-либо кровь и чей-либо пот (и нервы), то это мои кровь и пот и мои нервы, хотя тому и нет внешнего следа в книге»;[46] «это, по совести, мое детище и никого другого. Остальные участники, но не отцы».[47] Впрочем, в кратком предисловии Б. Д. Грекова упоминается, что Б. А. Романов провел редактирование тома. Вероятно, он полагал, что его роль в этом издании заслуживает не только такого лапидарного упоминания. По существу в качестве ответственного редактора или соредактора справедливо было бы назвать именно Б. А. Романова.

1947 год был для Б. А. Романова успешным не только из-за издания этого труда, но и потому, что были подготовлены к печати и вышли в свет еще две книги, в основном написанные еще до войны, — «Люди и нравы древ-

---

[44] Б. Д. Греков—Б. А. Романову. 10 января 1946 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 225. Л. 3 об.

[45] Правда Русская. Комментарии / Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. В. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов; под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. Т. 2.

[46] Б. А. Романов—Н. Л. Рубинштейну. 23 ноября 1947 г. // ОР РГБ. Ф. 521. Картон 26. Д. 39. Л. 29.

[47] Б. А. Романов—И. В. Егорову (без даты) // ОР РНБ. Ф. 273. Д. 126. Л. 58.

ней Руси» и «Очерки дипломатической истории русско-японской войны». Первую из них, как и в 1941 г., пытался не допустить к изданию Б. Д. Греков. Но ее приняло к печати издательство Ленинградского университета, и Б. Д. Греков специально приезжал в Ленинград уговаривать декана исторического факультета В. В. Мавродина воспрепятствовать ее выходу в свет. Об этом мне рассказывал сам В. В. Мавродин, а И. Я. Фроянову в дополнение к этому он сказал, что, по словам Б. Д. Грекова, книга Б. А. Романова — не исследование, а художественное произведение, подобное «Декамерону» Боккаччо. И все же она вышла в свет и оказалась, с одной стороны, работой, в наибольшей степени отразившей творческий облик автора и его неразрывную связь с характерологическими особенностями его личности, а с другой — причиной очень больших неприятностей у Б. А. Романова как в ЛОИИ, так и в университете.

На фоне продолжившихся после войны перманентных идеологических кампаний книга Б. А. Романова могла стать и стала объектом заушательской критики. Не помогла и предусмотрительная ссылка на Б. Д. Грекова в предисловии к книге, работы которого избавили автора «от необходимости в какой-то форме ставить и пересматривать вопрос об общественной формации, в недрах которой развивались те „люди" и те „нравы", которые являются предметом ⟨...⟩ изучения».[48] Ведь содержание работы в значительной мере противоречило этому упреждающему заявлению,[49] почему Б. Д. Греков и пытался препятствовать ее выпуску в свет.

Начавшаяся весной 1949 г. идеологическая истерия вокруг этой книги была подстегнута тем, что ответственный работник ЦК ВКП(б) Удальцов осудил ее и спросил заведующего ЛОИИ: «Это у вас там Романов написал порнографическую книгу?» Б. А. Романов сопоставил это высказывание о «Людях и нравах...» со словами Б. Д. Грекова, сказанными В. В. Мавродину. Для Удальцова упоминание о «Декомероне» в контексте этой книги прозвучало, как видно, также в разговоре Б. Д. Грекова с ним и преломилось таким образом, что он назвал ее порнографической. Общая обстановка, усилившиеся проработки исследований историков, недовольство Б. Д. Грекова книгой — все это привело к тому, что ее автор стал объектом травли на двух заседаниях в ЛОИИ в апреле 1949 г., на которых прозвучали предельно резкие выступления И. И. Смирнова.[50] Правда, Б. Д. Греков воспрепятствовал публикации рецензии И. И. Смирнова, как, впрочем, и положительной рецензии Д. С. Лихачева.

Но еще до этого, в 1947 г., как только вышли в свет комментарии к Правде Русской и две книги Б. А. Романова, Б. Д. Греков принял решение продолжить комментированное издание законодательных актов в виде серии «Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII веков». Первой публикацией этой серии должно было стать издание Судебников XV—XVI вв. На совещании при участии Б. Д. Грекова

---

[48] *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. С. 4.

[49] См. об этом: *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб., 1996. С. 17.

[50] Подробно см.: *Панеях В. М.* «Люди и нравы древней Руси» Бориса Александровича Романова: судьба книги // Труды Отдела древнерусской литературы [Института русской литературы (Пушкинского дома)]. СПб., 1996. Т. 50. С. 837.

было решено по предложению Б. А. Романова готовить комментарии в отличие от Правды Русской исследовательские и реальные. Роли в конечном счете Б. Д. Греков распределил таким образом: подготовка текстов — Л. В. Черепнин (Судебник 1497 г.), Р. Б. Мюллер (Судебник 1550 г.), А. И. Копанев (Судебник 1589 г.); комментарии — Л. В. Черепнин (Судебник 1497 г.), Б. А. Романов (Судебник 1550 г.), А. И. Копанев (Судебник 1589 г.). Ответственным редактором Б. Д. Греков назначил И. И. Смирнова.

Но вскоре после начала работы вскрылись принципиальные разногласия между Б. А. Романовым и И. И. Смирновым в вопросе о социальной направленности реформ 50-х гг. XVI в., и И. И. Смирнов категорически отказался от редактирования комментария, подготавливаемого Б. А. Романовым. Тогда, не желая углублять конфликт, руководство ЛОИИ по предложению Б. Д. Грекова приняло решение назначить редактором комментария к Судебнику 1550 г. С. Н. Валка, оставив редактором комментариев к Судебникам 1497 г. и 1589 г. И. И. Смирнова, и просить Б. Д. Грекова возглавить издание в качестве ответственного редактора. В таком виде оно и вышло в свет в 1952 г.

В этом же году, 21 апреля, отмечался 70-летний юбилей Б. Д. Грекова, и Б. А. Романов, приглашенный участвовать в издаваемом в связи с этой датой сборнике статей, хотел, как всегда, написать что-либо оригинальное и озаглавил свою статью так: «Новеллы о сельском попе и полном холопе в Судебнике Ивана Грозного». Но редколлегия настояла на изменении заглавия, и статья вышла под названием «О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного».[51] Не имея возможности (по болезни) приехать в Москву на чествование Б. Д. Грекова, Б. А. Романов направил ему прочувствованное поздравительное письмо: «Ваш юбилей застает меня в постели, и я не могу, к большому огорчению, приехать в Москву и принять участие в его праздновании — в рядах „стариков", Ваших современников-ленинградцев. О ровесниках не приходится говорить — их нет и в Москве ⟨...⟩ так бы хотелось видеть Вас в должной торжественной обстановке в этот день, вроде как на смотру всех советских историков, строй которых Вы держите, с великим искусством и тактом, вот уже более полутора десятков лет. Нелегкое это дело. Но несли и вынесли Вы этот труд, не сгибая спины и не сбиваясь с шагу, — точно это и не был труд! Вы не представляете себе, каким капиталом признания, уважения и доверия обладаете Вы на сегодняшний день в результате этой затраты сил. Сначала меня удивило, как наряду с этим Вы упорно — масштабно и с успехом — продолжали вести и большую личную работу в науке. А теперь я думаю, что именно она была источником живительной силы, которая помогала Вам ровно держаться на том большом поле боя в любое время года и при любой погоде ⟨...⟩ Но в итогах к юбилею, сверх того, за Вами у меня числится много невиданного, вернее незаметного, добра, которое Вы улучали время и возможность делать среди и под прикрытием деловой будничной суеты. Это превратилось у Вас в потребность, удовлетворение которой значительно пополняло

---

[51] *Романов Б. А.* О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952. С. 14—145.

все тот же источник живительной силы с другого края».[52] Это поздравительное письмо свидетельствовало о том, что, несмотря на разность школ, характеров, вкусов, положений на служебной лестнице, взаимные обиды в их отношениях, перевешивало все же осознание ценности общего дела и взаимной готовности Б. А. Романова взвалить на себя по просьбе Б. Д. Грекова, казалось бы, непомерную по объему работу, а Б. Д. Грекова — прийти на помощь в напряженные или даже опасные моменты.

Однако, конечно же, Б. Д. Греков в условиях тоталитарного режима не был всесильным даже в пределах того института, которым он руководил. Этот торжественный юбилей[53] причудливо сочетался с нападками, начавшимися еще в 1949 г. на XIX съезде КПСС и продолжавшимися до 1953 г., на историческую науку вообще, Институт истории и в особенности на его Ленинградское отделение.[54] Б. Д. Греков к концу 1952 г. фактически был отстранен от целого ряда распорядительных функций в институте, в начале 1953 г. тяжело заболел, а вскоре был освобожден с поста директора Института истории.

Б. А. Романов написал 8 апреля 1953 г. в связи с закатом «эпохи Грекова» многолетней его сотруднице Е. Н. Кушевой: «Начался новый период в судьбе Института истории, да и исторической науки. Выражение „засилье грековской школы", думаю, надо переводить не дословно, смысл в том, что Б. Д., делая свое дело в области древностей, делая его успешно, поддерживал и кадры, которые несли работу в этой сфере, а что касается времен новых, то, не мешая, умывал руки и предоставлял другим (кому?) делать это дело (и оно, конечно, не клеилось). Это умывание рук приводило и приводит в бешенство. И немудрено. Политика „невмешательства" не может почитаться у нас нейтральной. И вот результат! Но все же это явление не местное, а всесоюзное. По-видимому, тут тоже потребуется некий сдвиг. А пока он не произошел, придется пройти болезненную зону переходного периода».[55]

И действительно, 20 апреля 1953 г. было принято решение об упразднении Ленинградского отделения Института истории,[56] первым директором которого был Б. Д. Греков. Вскоре, 8 сентября 1953 г., он скончался. Б. А. Романов пережил его менее чем на четыре года и умер 18 июля 1957 г.

---

[52] Б. А. Романов—Б. Д. Грекову. 21 апреля 1952 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 158. Л. 1—4 (машинописный отпуск).

[53] См. о нем: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 180—182.

[54] См.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка... С. 314—340; *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. С. 176—180.

[55] Б. А. Романов—Е. Н. Кушевой. 8 апреля 1953 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 173. Л. 77.

[56] См.: *Панеях В. М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР // ВИ. 1993. № 10. С. 19—27.

А. М. Дубровский, С. И. Науменко

И. И. ЛЮБИМЕНКО: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Старшей современницей Н. Е. Носова была ленинградский историк доктор исторических наук Инна Ивановна Любименко (1878—1959 гг.). К сожалению, в настоящее время она почти забыта. Между тем ее перу принадлежат две монографии и более тридцати статей на тему истории русско-английских отношений в XVI—XVII вв. Эти отношения были главной темой в научной работе И. И. Любименко. Такая тема обычно предъявляет к исследователю высокие требования — основательное знание иностранных языков, глубокую осведомленность в истории как России, так и Англии. Как писала ее племянница М. Ман-Лот, «Любименко принадлежала к замечательно образованному поколению, в котором употребление иностранных языков считалось само собой разумеющимся, что позволяло ей писать свои работы на французском и на английском языках так же хорошо, как на своем родном».[1]

Кроме занятий основной темой Любименко участвовала в ряде коллективных работ, таких как «История Академии наук СССР», «Очерки по истории Ленинграда», «Английская буржуазная революция XVII в.». Ее творческая деятельность в науке получила высокую оценку современников. «Она была одной из лучших представительниц старой русской интеллигенции, отдавшей все свои силы, способности и знания советской науке», — так сказал о ней в день ее смерти в 1959 г. директор архива АН СССР Г. А. Князев.[2] Исследование архива Любименко показало, что ее научное творчество не исчерпывается опубликованными работами, а многие важные факты из жизни этого человека остаются до сих пор неизвестными исследователям истории отечественной науки.

О Любименко написано очень немного. При жизни историка вышел ряд рецензий на ее работы, причем некоторые из них были написаны иностранными специалистами и опубликованы во Франции, Англии, Германии, Дании.[3] В 1946 г. в газете «Ленинградская правда» была помещена небольшая

---

[1] *Mahn-Lot M.* Inna Luibimcnko (1879—1959) // Revue historique. Paris, 1961. T. CCXXVI. P. 281.

[2] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Оп 1. Д. 208. Л. 1.

[3] Там же. Д. 223.

© А. М. Дубровский, С. И. Науменко, 2007

статья С. Драбкиной «Доктор исторических наук».[4] Автор статьи обращала внимание современников на выдающиеся научные заслуги Любименко и на признание этих заслуг иностранными учеными, скептически настроенными к женскому труду в науке. Автор отметила, что за рубежом «журналисты писали в своих отчетах о выступлении русской женщины на конгрессе историков, как о крупной сенсации».[5]

В 1959—1960 гг. в СССР и во Франции были опубликованы некрологи о смерти Любименко.[6] В том же году С. Н. Валк опубликовал статью, в которой дал краткий обзор ее научных трудов.[7] При этом Валк был вынужден умолчать о тех или иных событиях в жизни Любименко. Порой он просто не знал достаточно подробно о важных деталях ее жизни и деятельности. Поэтому статья Валка оказывается лишь первой попыткой в освещении творческого пути Любименко. Естественно, нет оснований упрекать автора в отсутствии объективности. Статья была написана в то время, когда еще существовала строгая цензура, когда о многих фактах и эпизодах личной жизни и научных творческих изысканий приходилось молчать. Безусловно, С. Н. Валк находился под воздействием той эпохи, в которой жил. Поэтому жизнь и творчество Любименко так и остаются не изученными в достаточной степени. Между тем ее архивный фонд дает основания для более подробного изучения ее личной и творческой жизни.

В С.-Петербургском филиале архива РАН находится фонд И. И. Любименко (ф. 885), содержащий неопубликованные научные труды, личные документы, дневники и воспоминания, фотографии, мемуары, письма и поздравительные телеграммы к юбилеям, среди которых такие адресаты, как Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин, С. И. Вавилов, С. Ф. Платонов, С. И. Архангельский. До сих пор эти источники никем не исследованы. В частности, интереснейшими источниками, хранящимися в фонде и пока неизвестными исследователям, являются мемуары Инны Ивановны, охватывающие годы ее детства и молодости до 1905 г., а также ее дневники. Ознакомление с этими мемуарами позволяет найти ответы на многие вопросы, связанные с формированием личности Любименко и выбором ею будущей профессии, становлением ее как историка, особенностями профессиональной техники исследования.

Творческий путь Любименко можно разделить на четыре периода. Первый период — это время определения будущей профессии и первые шаги на поприще науки. Этот период охватывает время от учебы в гимназии до написания докторской диссертации в 1908 г. Второй период творческого пути Любименко связан с началом работы над темой русско-английских отношений. Он продолжался с 1908 приблизительно до 1917 г. Третий период включает время с 1917 г. до второй половины 1930-х гг. Четвертый период — со второй половины 1930-х гг. до 1959 г. Судя по архивным мате-

---

[4] Вырезка их газеты обнаружена в Архиве РАН: ф. 7 (Комиссия по истории АН СССР). Оп. 3. Д. 61. Л. 62 (личное дело И. И. Любименко).

[5] Там же.

[6] Вечерний Ленинград. Отдел информации и объявлений Лениздата. 1959. 19 января. Объявление о смерти И. И. Любименко.

[7] *Валк С. Н.* Инна Ивановна Любименко // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.; Л., 1960. С. 483—487.

риалам — он был довольно плодотворным в научном плане. Это незаметно, если принять во внимание только опубликованные работы Любименко; большинство ее работ, написанных в это время, осталось в рукописях.

Уже самые ранние биографические сведения о Любименко могут быть уточнены при исследовании архивных материалов. В своих мемуарах она писала, что родилась 6/18 апреля 1878 г. в казенной квартире Лесного института в Петербурге. Однако из метрических записей видно, что датой рождения Любименко следует считать 1 апреля 1878 г., а 6 апреля этого же года является датой ее крещения.[8] Здесь следует отметить некоторую неточность и в статье С. Н. Валка, который указал 1879 г. рождения. Тот факт, что год ее рождения действительно 1878-й, подтверждается и поздравительными телеграммами к 70-летнему и 80-летнему юбилеям Любименко.[9]

В метрическом свидетельстве отцом Любименко назван первый муж матери библиотекарь С. Н. Степанов. На самом деле ее настоящим отцом был профессор Лесного института Иван Парфентьевич Бородин, выдающийся ботаник.[10] С первым мужем мать развелась через три года после рождения девочки, оформив после этого свой брак с Бородиным. Кроме Инны в семье было еще трое детей. Мать Инны Ивановны Александра Григорьевна Перетц была незаурядной, яркой личностью, известной в литературных кругах России второй половины XIX в. как общественная деятельница, выступавшая за эмансипацию женщин. Александра Григорьевна получила хорошее образование. Она закончила частный французский пансион, а с 1878 по 1892 г. училась на Высших женских курсах, на отделении словесности. В молодости она была литературным работником. В своих мемуарах Любименко отзывалась о матери чаще всего отрицательно, с осуждением некоторых ее поступков: «Все полезные старания в характере и взглядах матери терялись из-за ее крайней нетерпимости, истеричности, несправедливости и взбалмошных отношений к окружающим, создавали в доме тяжелую и нервную для детей обстановку».[11] В одном отношении Любименко положительно оценивала мать: она придавала огромное значение образованию детей, вкладывая в него значительную часть бюджета семьи. В семье много внимания уделялось обучению детей иностранным языкам, музыке. Для преподавания предметов на дом приглашались учителя, иногда даже профессора. Например, профессор А. С. Домогаров занимался с девочкой математикой. Мать сама преподавала детям русский язык, иногда иностранные языки, отец — естественные науки. Как вспоминала Любименко, отец мало вмешивался в воспитание детей и на все смотрел глазами жены, не смея ей перечить вследствие ее болезненности, истерик, обмороков. «Отца мы любили, и жалели, и обижались на него, а иногда и осуждали его за слабость», — писала Инна Ивановна.[12] Из мемуаров видно, как в девочке, наблюдающей за тем, что происходило в семье, в которой всем распоряжалась мать по своему усмотрению и капризу, очень рано и сильно развивается чувство справедливости. Под воздействием домашней обстановки

---

[8] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Оп. 1 Д. 37. Л. 140—145.
[9] Там же. Д. 207.
[10] См.: *Монойленко К. В.* Иван Парфентьевич Бородин. М., 2005.
[11] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 218. Л. 4.
[12] Там же. Л. 6.

в ее душе начинает развиваться стремление к самостоятельности, к тому, чтобы уйти от тяготившей ее обстановки.

Интерес к своей будущей профессии историка Любименко приобрела в одной из лучших частных гимназий княгини Оболенской, в которую она поступила в 1891 г. Немаловажную роль, как писала в своих мемуарах Инна Ивановна, в выборе будущей профессии сыграл известный ученый профессор Г. В. Форстен, преподававший историю в гимназии. «Ни у кого не работали так много и напряженно, но и так охотно, как у него», — вспоминала она.[13] Лучшим ученицам позволялось по субботам бывать у него дома, где собирались студенты, доценты, профессора. Как видно из мемуаров, Любименко была среди лучших учениц Форстена. В его доме она видела произведения искусства, привезенные из многочисленных путешествий по Западу и Востоку, художественные альбомы, и это производило на нее сильное, незабываемое впечатление.

Помимо истории юную гимназистку очень привлекала математика, и долгое время в ее душе шла борьба, связанная с дальнейшим продолжением образования. В 1894 г. она закончила седьмой класс гимназии с золотой медалью. В те времена седьмой класс был выпускным, а восьмой класс не обязательным — педагогическим. В своих мемуарах Любименко отмечала, что «педагогическая часть в нем была поставлена очень слабо, научное преподавание хорошо».[14] В восьмом классе необходимо было выбрать специализацию. «История и математика интересовали меня в одинаковой мере, и поэтому я решила взять обе столь разные специальности», — писала Любименко.[15] Видимо, с ранних лет у будущего исследователя ясно проявлялись аналитический склад и четкость мышления, что и выражалось в склонности к столь разным учебным предметам.

В 1895 г. Любименко закончила последний, восьмой, класс гимназии. И теперь перед ней встал вопрос о выборе будущей профессии. В мемуарах Любименко писала: «В этой бессознательной борьбе историка и математика верх одержал Г. В. Форстен».[16] Время выбора будущей профессии совпало с переменами в личной жизни. Ее помолвили с человеком на десять лет старше ее, разочарованным в жизни и видевшим в молодой девушке источник, который должен был помочь вернуть ему веру в себя и жизнь. Как быстро показало время, эта помолвка была неудачной. Брак не состоялся. Любименко разорвала помолвку. Ей надо было найти выход из сложившегося психологического тупика, в котором она себя ощущала, и этот выход она нашла в продолжении образования. В 1897 г. она поступила на Высшие женские курсы (Бестужевские), на историко-филологическое отделение. Здесь преподавал Форстен, что, может быть, и определило выбор места учебы.

Для поступления требовалось предоставить более десятка различных бумаг, которых у нее не было. Единственным имеющимся документом был диплом об окончании гимназии. Но тем не менее она подала прошение о зачислении на курсы, в два дня собрала все документы и настояла в приемной

---

[13] Там же. Л. 17.
[14] Там же. Л. 19.
[15] Там же. Л. 20
[16] Там же. Л. 22.

комиссии на том, чтобы их приняли. По словам Любименко, это был ее первый самостоятельный поступок, потребовавший энергии, решительности, умения преодолевать трудности. Два года — с 1897 по 1899 г. — она училась на курсах. В это время произошло ее сближение с будущим мужем Владимиром Николаевичем Любименко (впоследствии он — известный ботаник, действительный член АН УССР). В мемуарах Любименко вспоминала: «В этом романе было довольно много романтичного. Он был, по-видимому, впервые захвачен большой любовью, но тяжелое материальное положение всей его семьи (братьев и сестер) и довольно отрицательное отношение к нашему браку моих родителей осложняли все дела».[17] Домашние не признали эту новую «влюбленность». Особенно категорично была настроена мать, обрушив на дочь бурю упреков и истерик. Но к этому времени многое изменилось, и вместо прежней покорной, застенчивой девушки мать увидела перед собой человека с твердым характером, решительного, готового бороться за свое счастье. Родителям пришлось уступить, и в 1899 г. Инна Ивановна вышла замуж за В. Н. Любименко. В январе 1899 г. она по настоянию мужа ушла с Высших курсов.

Вскоре на нее обрушилось несчастье. Ее единственный ребенок умер, когда ему было всего пять месяцев. Потеряв ребенка, она отказалась от возможности нового материнства. В основе принятого решения лежало понимание того, что совместить науку и материнство было в то время трудно. «...Меня определенно больше тянуло к науке», — признавалась она.[18] После смерти ребенка прежняя жизнь казалась ей совершенно невыносимой, и она вновь возвратилась на курсы. В 1904 г. Инна Ивановна окончила курсы и была оставлена по рекомендации И. М. Гревса при кафедре средних веков. В это время определилась сфера ее интересов — западноевропейское средневековье.

В дневнике она писала: «Я стремилась к научной карьере, а осуществить ее можно было, лишь получив степень в иностранном университете».[19] Осенью 1905 г. по совету Гревса она направилась во Францию и продолжила свои занятия в «Практической школс высших наук», «Школе хартий» и в Сорбонне. В это время ее научным руководителем был выдающийся французский медиевист Ш. Бемон. Таким образом, во Франции Любименко прошла прекрасную научную школу исторического исследования.

В 1908 г. Любименко защитила диссертацию на степень доктора словесных наук, написав большую монографию, которая представляла собой историко-биографический очерк о Жане Бретанском, графе Ричмондском (Jean de Bretagne comte de Richmond. Sa vie et son activité cn Angleterre, en Ecosse et cn France (1266—1334). Lille, 1908). Герой исследования Любименко был бретонцем по рождению, но англичанином по образованию и привязанностям. Он сыграл видную политическую роль в правление английских королей Эдуардов I, II и III — был членом парламента и королевского совета. Важнейшей сквозной линией в монографии проходила история военно-политических взаимоотношений между Англией и Францией,

---

[17] Там же. Л. 25.
[18] Там же. Л. 29.
[19] Там же. Л. 32.

так как Жан Бретанский принимал активное участие в их развитии. Поскольку автор диссертации должна была изучить взаимоотношения Франции, Англии, Шотландии в конце XIII—начале XIV в., то во время работы над темой она не только трудилась во французских архивах, но и выезжала в Англию, собирала материалы для своей диссертации там. Это обстоятельство оказало влияние на ее дальнейшую творческую жизнь.

Диссертация получила высокую оценку среди западных ученых. В архиве сохранились рецензии на нее, напечатанные в различных изданиях во Франции, Англии, Германии, Дании. Успех молодого историка был огромный. Рецензенты были склонны считать, что «мадам Любименко заслужила место среди континентальных исследователей франко-британской средневековой истории».[20]

Написанием диссертации закончился первый период творческого пути Любименко, когда она окончательно и сознательно утвердилась в своем стремлении стать ученым. Любименко прониклась страстным желанием продолжить работу. В ноябре 1908 г. в письме А. С. Лаппо-Данилевскому она писала о своем стремлении работать над темой англо-русских отношений: «В данный момент я сильно заинтересовалась этой новой темой, о которой, может быть, Вы помните, говорила с Вами, об англо-русских отношениях. Вы тогда отнеслись к ней довольно одобрительно, и в Москве я имела удовольствие беседовать по этому поводу с профессором Виноградовым, который дал мне интересные сведения о существовании архива, касающегося данного вопроса, в Лондоне».[21]

Как отметил Валк, избранная Любименко тема оказалась политически актуальной потому, что в 1907 г. между Россией и Англией был заключен договор, который послужил началом сближения двух государств. Начавшееся сближение выдвигало на первый план в науке вопрос о систематической разработке истории контактов между обеими странами. На Западе после подписания соглашения интерес к России резко возрос. Любименко задумала исследовать отношения между Россией и Англией от древности до последнего времени.

Для восстановления картины начального периода в истории русско-английских отношений Любименко в первую очередь пришлось искать сведения в общих сочинениях по истории торговли. Среди них следует отметить работы И. Х. Гамеля («Начало торговых и политических сношений между Англией и Россией», «Англичане в России в XVI—XVII вв.»), а также работы Ю. В. Толстого («Первые сношения Англии с Россией», «Англия и ее виды на Россию», «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией»). Из других работ, по мнению Любименко, интересный материал содержится в трудах Н. И. Костомарова «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» и В. О. Ключевского «Сказание иностранцев о Московском государстве». В целом же материалы, известные историкам, были небогаты.

Любименко выяснила, что в Англии давно ничего не публиковалось по интересовавшей ее теме: «Материалы по путешествиям англичан в Россию,

---

[20] Там же. Д. 223. Стр. 199—200.

[21] Там же. Ф. 113. Оп. 3. Д. 230. Л. 1.

их многочисленные заметки и описания нашего отечества были собраны и напечатаны еще в последних годах XVI века в обширном труде Гаклюита об английских путешествиях. Но никто из позднейших и английских историков не использовал собранных им богатых материалов, а потому не будет преувеличенным сказать, что с XVII века до наших дней изучение англо-русских отношений не сделало в Англии крупного шага вперед».[22]

Еще готовясь к диссертации, Любименко начала работу в Лондонском государственном архиве. Там она обнаружила источники по истории русско-английских отношений, которые пока не были никем востребованы. В частности, это материалы, находящиеся в лондонских архивах Public Record Office и British Museum, в Оксфордском архиве Бодлеянской библиотеки, где сохранилось несколько оригиналов писем русских царей к английской королеве Елизавете. До Октябрьской революции Любименко ежегодно выезжала для работы в Англию, собирая обширные сведения.

Как впоследствии стало ясно для Любименко, из всех русских архивохранилищ именно Архив Министерства иностранных дел оказался не беднее английских по количеству сохранившихся в нем рукописей. Поэтому в России он стал для нее основным местом сбора материалов.

В 1912 г. во Франции Любименко опубликовала свою первую статью о русско-английских отношениях «Английские торговцы в России в XVI в.».[23] В этом же году после предварительного напечатания нескольких журнальных статей в России она издала первый выпуск «Истории торговых сношений России с Англией», который охватывал время от начала этих сношений при Иване Грозном и кончая годами царствования Бориса Годунова.[24] В этой работе Любименко разносторонне и обстоятельно осветила вопросы организации Московской компании, ее привилегии, торговую деятельность, отношения к ней московского правительства, значение деятельности компании для Англии и России, неудачи компании в связи с внутренними неустройствами и конкуренцией купеческих групп. По мнению автора, появление такой компании имело огромное значение для России, которая в будущем много позаимствовала у иностранцев. В написанном к работе заключении, отмечая важность для России зарождающихся отношений с Англией, Любименко писала, что «вокруг русских царей создавалась атмосфера западных влияний, которую впоследствии юный царь-преобразователь искал в Немецкой слободе, откуда он вынес свое жадное стремление к европейскому просвещению, где сложилось в нем твердое решение создать из России могучее европейское государство».[25] Как отметил Валк, работа Любименко представляла ценность и для экономической истории самой Англии, так как автор смогла доказать, что первой компанией акционерного типа была не Ост-Индская компания начала XVII в., а именно возникшая за полвека до нее Московская компания.[26]

---

[22] *Любименко И. И.* Английская торговая компания в России в XVI в. // Историческое обозрение. СПб., 1911. № 11. С. 1.

[23] О факте опубликования этой работы см.: *Mahn-Lot M.* Inna Luibimenko (1879—1959). P. 281.

[24] *Любименко И. И.* История торговых сношений России с Англией. XVI век. Юрьев, 1912. Вып. I.

[25] Там же. С. 135.

[26] *Валк С. Н.* Инна Ивановна Любименко. С. 483—487.

Уже первая ее работа в этом направлении вызвала отклики в научной среде. Этому труду были посвящены две работы Н. Борецкого-Бергфельда — статья и рецензия на книгу И. И. Любименко «История торговых сношений России с Англией», напечатанные в газетах.[27] В своей рецензии на работу Инны Ивановны Борецкий-Бергфельд писал в 1912 г.: «Со времени появления в семидесятых годах прошлого столетия работ Юрия Толстого и Гамеля, в которых впервые этот вопрос был освещен на основании опубликованных новых документов, данная тема не привлекала больше к себе внимания наших историков».[28]

В 1913 г. Инна Ивановна на Лондонском Международном историческом конгрессе прочла доклад о переписке королевы Елизаветы с русскими царями, и присутствующим английским историкам показалось невероятным, что такое значительное количество интереснейших исторических документов оставалось для них до сих пор неизвестным. Она оказалась единственной женщиной историком, которая осмелилась выступить на таком авторитетном научном собрании. В том же году она опубликовала три письма Елизаветы в сборнике своего учителя Бемонта в Париже.[29]

Закончив свой главный научный труд «История торговых сношений России с Англией», Любименко на протяжении 1914—1916 гг. написала еще ряд работ, посвященных истории русско-английских отношений. В 1914 г. в «Научном историческом журнале» была напечатана ее статья «Английский проект 1612 года о подчинении Русского Севера протекторату короля Иакова I».[30] В «Журнале Министерства народного просвещения» в 1915 г. была напечатана статья «Переписка и дипломатические сношения первых Романовых с первыми Стюартами». А в 1916 г. были опубликованы три статьи Любименко на тему русско-английских отношений: в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» появилась статья «Первая попытка заключения англо-русского союза», в журнале Министерства народного просвещения — статья «Торговые сношения России с Англией при первых Романовых», а в «Исторических известиях», издаваемых Историческим обществом при Московском университете, появилась еще одна статья, также посвященная истории русско-английских отношений, — «Проекты англо-русского союза в XVI—XVII вв.». Статьи содержали в себе очень интересные сведения, которые были взяты из не изученных никем архивных документов по истории русско-английских отношений периода Смутного времени и периода правления английского короля Якова I, а также времени правления первых Романовых. В частности, Любименко сделала интересное открытие о плане английского протектората над Московией, разработанном в 1612 г., в период Смутного времени. Две копии письма с секретным предложением, исходившим от английских шпионов, живших в России, хранились в Англии, в Public Record Office и Британском музее. Поскольку до Любимен-

---

[27] Вырезанные из газет, эти работы обнаружены в архивном фонде И. И. Любименко (СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Д. 224. Л. 1—3).

[28] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Д. 224. Л. 3.

[29] О факте опубликования этой работы см.: *Mahn-Lot M.* Inna Luibimenko (1879—1959). P. 281.

[30] *Любименко И. И.* Английский проект 1612 г. о подчинении русского Севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал. 1914. Т. II. С. 1—16.

ко никто не обнаружил оригинала с таким предложением, то можно было сомневаться в подлинности этих копий. Любименко обнаружила и изучила неизвестные источники, которые подтвердили достоверность этих копий и самого предложения.

Итак, во второй период своей творческой деятельности Любименко, несмотря на все жизненные трудности, утверждается как ученый, признанный как в России, так и на Западе. Она вошла в ту плеяду российских историков, которые получили признание за рубежом еще до Октябрьской революции. У себя на родине она установила научные контакты с такими известными архивистами и исследователями, как С. А. Белокуров, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев, В. И. Срезневский и др., на Западе — с французскими и английскими историками. В их числе были, в частности, директор лондонского архива Холл, Сэлисбери, Карр, Пуул и др., а также живший в Англии П. Г. Виноградов. В своих мемуарах Инна Ивановна вспоминала, что на Западе к женщине, которая училась в университете, относились подозрительно, считая что «замужняя женщина не должна посещать университет, если она не какой-нибудь урод, опасающийся, что муж ее бросит».[31] Несмотря на утвердившееся мнение, Любименко настолько потрясла профессорскую среду своей эрудицией, умением с немцами говорить по-немецки, с англичанами по-английски, с французами по-французски, что заставила изменить мнение этой среды о месте и возможностях женщины в науке.

События, последовавшие после Октябрьской революции, нарушили налаженный образ жизни семьи Любименко. В своих дневниках Инна Ивановна писала: «Ломается вся Россия и ломается также моя жизнь. Такое огромное и сложное страдание во мне сейчас, и так трудно, почти невозможно бороться с ним. Кругом все ломается и рушится, сотрясаются все основы гражданственности, законности. В каждом деле, учреждении, с которым соприкасаемся, идет какая-то ломка изнутри, гибнут наши школы, в которые я вложила частицу своей души».[32] Далее из дневников Любименко видно, что в это время она, как и многие другие историки «старой школы», была настроена пессимистически в отношении будущего России: «Трудно сейчас жить в этом хаосе разрушений, который грозит оставить голого россиянина на голой России. Лично я жду самого худшего».[33] В первые — самые трудные для «старой интеллигенции» — послереволюционные годы необходимо было как-то найти средства для жизни. Поэтому, подобно другим, Любименко стала сотрудничать в ряде советских учреждений, берясь за любую работу, на которую была способна. Изменения, происходившие в стране, в жизни самой Любименко, ознамсновали собой новый период ее творческого пути, который был связан с началом преподавательской деятельности в школах Петроградского района (здесь она преподавала английский язык и географию), Археологическом институте (читала курс об английских архивах). С 1921 по 1923 г. Любименко преподавала по совместительству в Географическом институте, где читала курс «История ранних

---

[31] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 218. Л. 35.
[32] Там же. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л. 310.
[33] Там же. Л. 320.

путешествий иностранцев в России». По командировке этого института в 1922 г. она ездила во Францию для изучения постановки географического образования.

В 1921 г. Инна Ивановна поступила в качестве архивиста в Ленинградское отделение Главархива, где проработала с небольшим перерывом до 1926 г. Устройству ее в Центрархив способствовал С. Ф. Платонов. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в фонде Платонова, сохранилось несколько писем Любименко, адресованных Платонову.[34] Как справедливо утверждал С. Н. Валк, предметом ее исследовательских занятий в Главархиве оказалась широко задуманная библиографическая работа в области архивоведения. На долю Любименко выпало составление иностранной части этой библиографии. Огромная картотека, включающая около 1500 карточек, была результатом ее работы. В 1925 г. она снова побывала за границей, куда была командирована Центрархивом для осмотра архивов и закупки литературы. О своей поездке за границу Инна Ивановна вспоминала в своих дневниках: «Научная моя работа в условиях нынешнего социализма становится почти бессмысленной, т. к. история признана ненужной, а очень важно было бы сохранить связь с Европой, где я еще могу напечатать. Я была на Интернациональном конгрессе в Брюсселе, делала там доклад, оставила две статьи для напечатания во Франции, две — в Англии, прочла по-французски 6 лекций в Сорбонне, которые имели несомненный успех. В Англии меня хотели в случае возобновления отношений сделать почетным доктором Лондонского университета».[35] Она побывала в Германии, Франции, Англии, Латвии. В статье С. Н. Валк указывал, что в одном из нидерландских архивных журналов — «Nederlandsch Archivenblad» — Любименко познакомила западных читателей с новой организацией архивного дела в России. Видимо, Любименко в своей работе выразила точку зрения, совпадавшую с официальным пониманием состояния архивного дела. По-другому она писать не могла. Сохранившиеся в архивном фонде материалы показывают, что на самом деле Любименко смотрела на состояние отечественных архивов по-иному. В письме С. Ф. Платонову от 20 декабря 1925 г. она писала: «...Архив я готова покинуть в любое время, и если получение нового места затянется, все равно уйду, не дождавшись его, так как уже очень больно смотреть на разрушение всего, что когда-то было создано знающими людьми, и участвовать, хотя бы и пассивно, в таком деле, особенно после того как я посетила ряд архивов в Германии, Франции, Англии и ознакомилась там с постановкой дела».[36]

В 1926 г. она по сокращению штатов ушла из архива и работала на дому. Можно предположить, что упомянутое сокращение штатов было не случайным. Вероятно, стремление Любименко работать за границей не было поддержано властями. Об этом свидетельствует одна интересная запись, сделанная ею в дневнике в 1929 г.: «В конце концов, думаю, правительство не так слепо, чтобы не разобраться в том, что я абсолютно лояльный человек, что работа моя за границей советской власти только на поль-

---

[34] ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 3436.
[35] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л. 339.
[36] ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3436.

зу, по[д?]нимая ее престиж, эмигрантские же круги мне всегда были абсолютно чужды».[37] В 1930 г. Любименко работала по договору для Археографического института Академии наук, а в 1932 г. поступила в Институт истории науки и техники Академии наук, где работала ученым специалистом сначала на договорных условиях, а впоследствии ученым секретарем АН СССР до 1936 г.

В эти годы Любименко продолжала исследовательскую работу. И хотя С. Н. Валк утверждал, что ее главная научная деятельность после революции протекала в сфере архивного строительства, все же есть основания говорить, что тема русско-английских отношений продолжала занимать важное место в научной деятельности Любименко. В 1922 г. она написала статью «Английская политика Бориса Годунова». Статья была написана для сборника в честь С. Ф. Платонова но, к сожалению, она так и осталась неопубликованной. В 1923 г. Любименко выехала в Бельгию, где в Брюсселе на Международном конгрессе исторических наук она выступила с докладом на тему «Проекты англо-русского союза в XVI—XVII вв.». Как показали материалы архивного фонда (и что было неизвестно ранее), в 1928 г. Любименко смогла выехать за рубеж, в Англию. Там она выступила с докладом в Королевском историческом обществе на тему «Англо-русские связи в период первой английской революции». Тогда же эта работа была опубликована в издании английского Королевского исторического общества.[38] Кроме этих работ с 1909 по 1928 г. Любименко опубликовала за рубежом — в Англии и во Франции — ряд работ о русско-английских отношениях, почти все они были опубликованы на русском языке.[39]

В 1933 г. во Франции была опубликована монография Любименко «Торговые и политические отношения Англии и России до Петра Великого».[40] Судя по тому, что в своем дневнике 27 января 1929 г. Любименко писала о возможном выходе ее книги в Париже («в Париже в этом году должна печататься моя книга»), можно предположить, что она вывезла рукопись за границу в 1928 г. Это был итог ее работы по излюбленной теме за пятнадцать лет. В книгу вошел материал опубликованной в 1912 г. предыдущей работы об англо-русских отношениях в XVI в. (первые восемь глав из семнадцати). Сюда же автор включила в качестве глав свои статьи, написанные и опубликованные главным образом в 1920-х гг., о русско-английских отношениях во время Смуты, об англо-русской переписке во время правления Михаила, о проекте военного англо-русского союза, о Московской компании английских купцов в правление первых Романовых, о деятельности других иностранцев в России и их конкуренции с англичанами, об отношениях России с Англией во время английской революции, об экспедиции с целью открытия пути в Китай, о русско-английских отношениях во время реставрации Стюартов, о торговле после Реставрации.

---

[37] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л. 340.

[38] См. библиографию трудов И. И. Любименко в кн.: *Lubimenko I.* Les relations commerciales et politiques de L'Angletterre avec la Russe avant Pierre le Grand. Paris, 1933. P. XIII.

[39] Там же. P. XIII—XIV.

[40] *Валк С. Н.* Инна Ивановна Любименко. С. 485.

Изданная в 1912 г. ее книга по истории русско-английских отношений в XVI в. была названа автором первым выпуском, за которым должны были последовать следующие. Через двадцать лет, потеряв надежду на реализацию своего плана в полном виде, Любименко решила собрать весь материал в одной книге, выполнив намеченный план хотя бы частично.

Как известно, в 1930-е гг. произошел поворот в партийно-государственной политике по отношению к историческому образованию и «старым» (дореволюционной подготовки) кадрам историков. В связи с этим в 1935 г. Любименко получила степень доктора исторических наук без защиты диссертации. С середины 30-х гг. XX в. начался последний период творческого пути Любименко, связанный с работой в Институте истории науки и техники, а после перевода его в Москву — в Архиве Академии наук и в Институте истории Академии наук.

С 1 января 1936 г. Любименко приступила к работе в качестве старшего научного сотрудника Комиссии по истории Академии наук. В Институте истории она работала по актуальной для того времени теме — история народов СССР. Во второй половине 1930-х гг. основным предметом занятий Любименко являлась история Академии наук. Итогом ее огромного труда явилось составленное ею описание «ученой корреспонденции» Академии наук за 1766—1782 гг. «Эта работа Инны Ивановны ввела в оборот ценнейший материал по истории русской науки XVIII в., в частности по истории знаменитых экспедиций того времени, например Палласа, Гмелина, Гильденштедта», — писал С. Н. Валк.[41]

Работая в Ленинградском отделении архива Академии наук (1936 г.), Любименко продолжала заниматься историей англо-русских отношений. Ее архивный фонд показывает, что ряд трудов, созданных в 1930-е гг., остался в рукописном виде и до сих пор не опубликован. Это приготовленный ею для Историко-археографического института сборник источников по истории англо-русских отношений. В его состав вошли документы, не только уже известные в печати, но и неопубликованные, архивные, хранящиеся как в России, так и в архивах Великобритании.

В 1937 г. в личной жизни Инны Ивановны происходит тяжелейшая трагедия. Умер ее муж. В своем дневнике Любименко вспоминала, что именно работа помогла ей пережить такое тяжелейшее горе: «В сущности со смерти Димы я все время жила в работе, и это помогало мне держать в порядке мои нервы. Для меня сейчас это чрезвычайно существенно, так как показало мне, что удар меня не сломил».[42] После смерти мужа Любименко четыре месяца работала над двумя темами по истории народов СССР: рынок и внешние сношения при Грозном и история науки при Екатерине II.

Заключение договора СССР с Германией накануне второй мировой войны вызвало у Любименко тяжелые раздумья. «Как-то странно, что мы остаемся в стороне, в то время как фашисты собираются бомбардировать мирные города. Мы будем с ними торговать и поддерживать их существование.

---

[41] Там же. С. 487.

[42] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л. 346—347.

Работа — она сейчас кажется какой-то ненужной по сравнению с политическим положением Европы».[43]

Великая Отечественная война застала Любименко в Ленинграде. Знающие ее люди удивлялись ее трудоспособности и выдержанности даже в страшные дни голодной блокады в зиму 1941/42 г. Жила она тогда на Аптекарском острове в Ботаническом саду и преодолевала путь до Архива или до Дома ученых во всякую погоду, при всяких условиях, нередко под обстрелом. В оккупированной части Франции находилась ее родная сестра Мирра и племянницы. После смерти мужа для Любименко это были самые близкие люди. «Она и в те страшные дни несла в себе какую-то большую волевую энергию. Она была одна из тех женщин, которые отстояли Ленинград своей стойкостью, организованностью», — вспоминал директор Архива Академии наук Г. А. Князев.[44] По устным воспоминаниям соседки Любименко по дому Ильинской, она была полна уверенности в победе и эту уверенность внушала окружающим ее в то страшное время людям. Своим примером она учила преодолевать трудности и убеждала в скорой победе народа и освобождении страны от врага. Годы с 1942-го по 1944-й Любименко провела в Ташкенте.

Война не остановила научной работы историка. В 1941 г. Комиссия по истории Академии наук поручила Любименко составить хронологию важных фактов по истории научной и научно-организационной жизни Академии наук с 1900 по 1917 г. По окончании этой работы она продолжила составление хронологии с 1918 по 1930 г. Одновременно Любименко продолжала работу над темой англо-русских отношений. Она написала более четырнадцати статей и докладов, посвященных этой тематике. Среди них «Сношения России с Англией в первой половине XVIII века» (статья написана в 1940 г.), «Русско-английские экономические сношения в царствование Петра I» (статья написана в 1940 г.), «Об истории англо-русских отношений» (краткий конспект лекций 1941 г.), «К 200-летию заключения первого англо-русского союзного договора» (статья и тезисы доклада 1942 г.), «Англо-русские сношения со времени „великого посольства и до Полтавы (1697—1709 гг.)"» (тезисы доклада 1942 г.), «Англо-русские торговые сношения с начала царствования Петра I до заключения торгового тракта 1734 г.» (тезисы доклада 1943 г.), «Англо-русские отношения в эпоху Северной войны» (статья и тезисы доклада 1948 г.). Из них была опубликована только статья «Планы английской интервенции в Россию в начале XVII столетия».[45]

Материалы этих трудов в последующем легли в основу ее монографии «Россия и Англия в первой половине XVIII века». Эта работа была продолжением двух более ранних монографий Любименко, посвященных русско-английским отношениям в XVI и XVII вв. Книга до сих пор остается неопубликованной. В послевоенной обстановке политико-идеологической кампании борьбы с космополитизмом, преклонением перед Западом работа на тему истории русско-английских отношений была сочтена неуместной.

---

[43] Там же. Л. 355.

[44] Там жс. Д. 208. Л. 3.

[45] *Любименко И. И.* Планы английской интервенции в Россию в начале XVII столетия // Советская наука. 1941. № 2. С. 12—27.

В архивном фонде сохранились три рецензии, написанные на эту монографию. Они принадлежат С. А. Фейгиной, Л. А. Никифорову, С. И. Архангельскому. Как Фейгина, так и Никифоров отозвались о работе Любименко критически. Последний прямо указывал на то, что Любименко преувеличивала влияние английских ученых на русскую науку, это в 1940-е гг. звучало как грозное обвинение автору.

Сохранившаяся в архивном фонде переписка Любименко с А. И. Андреевым раскрывает историю создания ее последнего большого труда о русско-английских отношениях в XVIII в. Работа по своему объему насчитывает несколько более 30 печатных листов. Она основана на материалах ЦГАДА, Архива внешней политики, архива ЛОИИ. Среди них — неизвестные до той поры историкам донесения русских послов и резидентов при иностранных дворах, их переписка с рядом правительственных лиц России, дипломатическая переписка (в копиях) русских императоров с иностранными монархами. В отличие от работ известного исследователя Л. А. Никифорова, посвященных русско-английским отношениям в XVIII в., в книге Любименко шире использованы материалы из фондов Воронцовых, Ф. Н. Куракина, а также из переписки А. Кантемира с российским правительством (его реляции из Лондона). Если Л. А. Никифоров ограничился изучением русско-английских отношений до смерти Петра I, то Любименко провела исследование темы до 1756 г.

В 1952 г. Инна Ивановна ушла из Института истории, по ее выражению, «в отставку». Именно эти слова привел Валк в своей статье. На деле все обстояло несколько иначе. Судя по устным воспоминаниям бывшего сотрудника Архива Академии наук Ю. А. Виноградова, Любименко не ушла, а была уволена «за аполитичность взглядов». Ю. А. Виноградов вспоминает, что Инна Ивановна была человеком глубоких убеждений и достоинства, главным ориентиром для своих научных изысканий она считала исторический источник, а поэтому не считала нужным в своих работах ссылаться на сочинения классиков марксизма-ленинизма, тем более у нее не было доказательств, что Ленин об истории англо-русских отношений знал больше, чем она. Таким образом, в институте она была «белой вороной», но тем не менее среди сослуживцев она пользовалась авторитетом и уважением, так как великолепно и в совершенстве знала историческую действительность, которой она занималась. Как предполагает Ю. А. Виноградов, поводом для служебных неприятностей могла послужить и ее переписка с сестрой Миррой, оставшейся во Франции.

Судя по материалам архивного фонда, уход Любименко из института не оторвал ее от участия в его текущей жизни. Она выступала в качестве оппонента на защите кандидатских и докторских диссертаций, являлась консультантом для молодежи, не только ленинградской, к ней за советом обращалась молодежь из других городов Советского Союза. Будучи добрейшей души человеком, она просто приходила в архив и помогала тем, кто работал в читальном зале и не знал иностранного языка.

В 1958 г., в день ее 80-летнего юбилея, Е. А. Пешкова в своем письме-поздравлении написала: «Дорогая Инна Ивановна, сердечно поздравляем Вас с днем рождения. 80 лет! Это такая дата, когда можно гордиться. Да и вообще, дорогая, Вы имеете право гордиться и на многих смотреть

свысока. Ваша жизнь прожита интересно, плодотворно, разумно и достойна большого уважения...»[46]

Инна Ивановна Любименко умерла 14 января 1959 г. в Ленинграде на 81-м году жизни и похоронена в Ленинграде на Богословском кладбище.

Обнаруженные в архивном фонде творческие рукописи Любименко показывают, что в настоящее время известны далеко не все ее труды. Еще необходимо понять ценность неопубликованных ее работ и, быть может, приступить к их опубликованию. Предстоит еще определить ее подлинный вклад в науку, воссоздать обстоятельную и заново осмысленную биографию этого историка.

---

[46] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 885. Д. 207. Л. 4.

С. О. Шмидт

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА

Михаил Николаевич Тихомиров вплотную занялся сочинением мемуаров накануне своего семидесятилетия. В личном фонде его, находящемся в Архиве РАН, выявлено лишь 5 листов воспоминаний о детстве, датируемых 1940-ми гг. (автограф), но хранятся и машинописные тексты трех редакций «Воспоминаний» (первая редакция — 320 л., вторая — 338 л., третья — 343 л.), и фрагменты первой редакции (конец 1962—начало 1963 г.) и второй редакции (позднее апреля 1963 г.) с разночтениями. Фрагменты «Воспоминаний» третьей редакции 1964 г. записаны М. Н. Тихомировым на магнитную пленку — из шести записей три о пребывании в Коммерческом училище в Петербурге («Коммерческое училище», «Преподаватели Коммерческого училища», «Окончание Коммерческого училища»).[1] Можно предположить, что он хотел наговорить и последующий текст. Но с января 1965 г. здоровье М. Н. Тихомирова стало сильно ухудшаться, а 2 сентября 1965 г. он скончался.

Автографов мемуаров не обнаружено. Вероятно, в связи с резким ухудшением зрения ученый диктовал текст референту или приглашенной машинистке. Этим, видимо, обусловлена разговорная манера изложения, особо ощутимая в первых редакциях. К тексту мемуаров уже обращались исследователи. Первой и в наибольшей мере была Е. В. Чистякова,[2] моя однокурсница по истфаку МГУ, участница семинара первокурсников 1939/40 учебного года. Она использовала мемуары (и главу о Коммерческом училище тоже) и в книге 1987 г. «Михаил Николаевич Тихомиров», вышедшей в академической серии «Научные биографии», и в своих статьях.

В разделе «Коммерческое училище» в машинописи третьей редакции 50 машинописных страниц.[3] С подробностями описывается время пребыва-

---

[1] См.: Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание / Сост. И. П. Староверова (Академия наук СССР. Труды Архива. Вып. 25). М., 1974. С. 54 (№ 471—481).

[2] О ней см.: Россия XVII века и мир: К 80-летию доктора исторических наук профессора Елены Викторовны Чистяковой. М., 2001.— На с. 5—17 моя статья «Любимая ученица Тихомирова».

[3] АРАН. Ф. 693 (М. Н. Тихомиров). Оп. 2. Д. 40. Л. 63—112. — Далее ссылки на номера листов дела даны в тексте статьи.

© С. О. Шмидт, 2007

ния в училище, излагаются обстоятельства, обусловившие обучение мальчика москвича в отрыве от родных («на мое несчастье» — по определению мемуариста, л. 63) в петербургском училище, характеризуется обстановка в доме петербургского знакомого его отца, доверенного морозовской фирмы старообрядца А. М. Колчина, где юноша «нашел себе как бы вторую семью» (л. 93).

В данном сообщении внимание сосредоточено на том, что относится к впечатлениям о Коммерческом училище, тем более что история его становится темой и диссертационных работ.[4] Но эти страницы «Воспоминаний» представляют самостоятельный интерес при изучении становления личности М. Н. Тихомирова и для исследования особенностей мемуарного жанра, в частности специфики мемуаров историков. Отмечу также, что присущая научным трудам М. Н. Тихомирова приметливость к деталям и умение подойти к ним в плане выявления общего и особенного показательны и для этого сочинения. Очевидно и то, что наблюдения тех лет в истоках формирования представлений последующих десятилетий о педагогической практике — методике преподавания, организации педагогического процесса, взаимоотношениях учащих и учащихся, а описание времени пребывания в Коммерческом училище — это не только сохраненное в памяти, но и осмысленное опытнейшим педагогом, преподавателем и в средней, и в высшей школе.

М. Н. Тихомиров очутился девятилетним мальчиком в 1902 г. в училище потому, что это был «начальственный дар», от которого его отец, служащий конторы Никольской мануфактуры С. Т. Морозова, не смел отказаться — там именно тогда открылась вакансия на стипендию директора-распорядителя фирмы И. А. Колесникова, окончившего когда-то это училище. И мальчику, «привыкшему к ласке и к семье» (л. 91), было там нелегко, особенно первые годы.

Приводим некоторые места из описания училища, образа жизни учащихся, преподавателей, которые могут оказаться небезынтересными для изучающих Санкт-Петербург начала XX в., а также его преподавательскую среду.

«Санкт-Петербургское, впоследствии Императорское Санкт-Петербургское коммерческое училище, стояло в Чернышевом переулке. Помещалось оно в длинном здании, уходившем далеко в глубь двора от улицы, на которую был обращен лишь фасад. Здание тогда было трехэтажным. Теперь над ним надстроили еще два этажа.

С одной стороны к зданию примыкал большой сад, теперь наполовину уничтоженный, а тогда прекрасный и старинный, с большими липовыми деревьями, с прекрасной площадкой. Сад этот продолжался и дальше за училищем. Позади училища в саду стояли большие ивы, которые чудесно цвели весной своими желтыми пахучими цветами.

С другой стороны находился мощеный двор, там тогда стоял трехэтажный дом с квартирами для классных наставников. Квартирки были неболь-

---

[4] См.: *Хуциева В. В.* История Санкт-Петербургского коммерческого училища: роль в становлении российского коммерсанта (1772—1920-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003 (Российский педагогический университет им. А. И. Герцена, научный руководитель профессор И. В. Алексеева).

шие, примерно в три комнаты. Еще дальше в глубине двора располагались хозяйственные постройки: баня, прачечная и прочее.

Передняя часть дома, выходившая в Чернышев переулок, имела всего два этажа. Посредине внизу находился вестибюль, с левой стороны, по направлению к саду, помещалась большая квартира директора училища с верандой и особым садиком. По другой стороне тоже внизу располагалась канцелярия. Во втором этаже слева размещался музей, к сожалению, очень слабо использованный при занятиях; центральную часть второго этажа и правую сторону занимала церковь и примыкавший к ней большой актовый зал. Актовый зал отделялся от церкви занавесью, которую поднимали во время церковных служб, но, как правило, небольшое количество богомольцев вмещалось и в маленькой церкви» (л. 67—68).

«В церкви стоял резной деревянный иконостас, устроенный в виде шатровой церкви. Актовый зал представлял собою обширное двухсветное помещение; у самой дальней наружной стены тянулся большой стол, покрытый зеленой скатертью. Над ним висел огромный портрет Екатерины II как Фелицы, тот самый знаменитый портрет Боровиковского, который висит теперь в Русском музее. На другой стороне у стены стоял бронзовый бюст Акинфия Прокопьевича Демидова, основавшего на свои средства училище в 1774 году...

На стенах висели мраморные доски с высеченными на них золотыми буквами именами золотых медалистов. Самая ранняя доска начиналась с 1812 года; впоследствии на такой доске оказался и я в 1911 г.

Вдоль всего здания посреди его тянулся широкий коридор, в который выходили классы. На другой стороне здание опять-таки расширялось. Тут были рекреационные залы, дортуары, а внизу — обширная столовая. Существовал еще подвальный этаж, в котором жили так называемые „дьяки" — служители и прочий технический персонал» (л. 68—69).

Далее — о структуре Коммерческого училища. «В нем училось несколько сот учеников и существовали параллельные классы: пансионеров, с одной стороны, и приходящих — с другой. Стоимость содержания пансионеров была очень высокой, примерно 540 рублей в год, т. е. содержание, которое получал средний служащий на государственной службе. За эту сумму полагалось учить, кормить и одевать. Плата за учение в приходящих классах тоже была высокой. В целом же, несмотря на высокую плату за учение и за пансионат, училище едва могло просуществовать, спасали дотации и большие капиталы, с которых шли проценты. Объясняется это тем, что штат закрытого учебного заведения был в достаточной мере большим».

Когда отец Тихомирова подал прошение о зачислении мальчика в училище, он был принят директором. «Как большинство директоров тогдашних среднеучебных заведений, он держался гордо и неприступно. Ведь он был статским генералом, то бишь действительным статским советником и носил красную аннинскую ленту через плечо» (л. 66). Мемуарист признает, что «очень плохо» помнит этого директора Колмакова, но замечает при этом: «Мне предствляется что-то очень страшное и очень тяжелое». Его сменил Владимир Александрович Вагнер (1849—1931), основоположник сравнительной психологии в России. М. Н. Тихомиров так пишет о нем: «...известный биолог профессор Вагнер, автор многих книг — человек про-

грессивных взглядов, умный, но по директорскому обыкновению точно так же стоявший весьма далеко от учеников» (л. 69).

И далее он вспоминает — иногда с подробностями — о тех, кого действительно мог наблюдать и с кем приходилось постоянно общаться.

«Кроме директора существовал еще инспектор и старший воспитатель. Затем следовали классные воспитатели или, как их обычно называли, классные наставники и технический персонал («дядьки»). Существовал „эконом"» (л. 69—70).

«В учебное время настоящим распорядителем наших судеб был инспектор Николай Федорович Нестеров, небольшой лысый человек, неизменно ходивший в форменной тужурке, как и большинство остальных преподавателей, за исключением табельных дней, когда они являлись в мундирах и с орденами. В просторечье ученики называли инспектора одним именем — „бобка", вероятно, отдавая дань его солидной лысине, точнее — полному отсутствию волос на голове. Человек он был не злой, но въедливый.

В старших классах „бобка" преподавал бухгалтерию. Это был один из немногих учителей, который меня не любил, особливо видя, и не без основания, во мне человека острого, способного даже бухгалтерию написать не вполне по закону, но так, что придраться было нельзя...

Старший воспитатель Александр Иванович Чевакинский, человек очень добродушный и в то же время основательный. В должность старшего воспитателя входило руководство классными наставниками и наблюдение за нашим поведением. Другой, более недальновидный и плохой человек, вероятно превратился бы на этой должности в грозу учеников. Александр же Иванович Чевакинский был любимцем всех учеников. К тому же он был прекраснейшим, даровитейшим преподавателем. Его уроки экономической географии в старших классах сделали меня на всю жизнь любителем географии, да и не меня одного. Чевакинский был зажиточным человеком, ему принадлежало большое имение поблизости от Боровичей, куда наши ученики ездили летом на побывку. Как они рассказывали, Александр Иванович был охотником и рыболовом, имел хорошее хозяйство. Он, видимо, принадлежал к тому дворянскому роду Чевакинских, который известен по документам уже в XVI—XVII веках. Ничего кроме светлой памяти к Александру Ивановичу у меня и у учеников не осталось. Он принадлежал к числу людей, которые умели как-то сочетать разумную строгость с пониманием шалостей и даже проступков молодежи» (л. 70—72).

М. Н. Тихомиров отмечает, что «в то время почему-то в таких училищах, как Коммерческое, любили подбирать штат из иностранцев. Это впоследствии стало выходить из моды, но в год моего поступления в училище, по крайней мере первые три года до событий 1905 года, таких иностранцев было много» (л. 74).

М. Н. Тихомиров полагает, что «в жизни училища в то время, когда» он «в нем пребывал, можно наметить два периода: до 1905 года и после. Училище, основанное в 1774 году, представляло собою в начале нашего века уже некоторое реликтовое учреждение — остаток давнего прошлого с традициями, восходящими к давнему времени. Оно состояло в „Ведомстве императрицы Марии Федоровны", учрежденном еще в начале XIX века и состоявшем при императрицах. Супруга Павла Первого создала некото-

рые учебные и благотворительные заведения». «В мое время, — пишет мемуарист, — это были институты благородных девиц, Гатчинское Сиротское училище (для детей военных), наше Коммерческое училище. Прямым его начальником являлся чиновник, заведовавший „Ведомством императрицы Марии"».

«Училище сохраняло некоторые традиции старого времени, выражавшиеся прежде всего в большом количестве панихид по разным особам царского дома начиная с Петра I. Панихиды обычно занимали один час. Тогда все ученики попарно по классам входили в церковь. Против этих панихид ученики не возражали, в особенности тогда, когда они падали на трудные уроки. Сохранился обычай также приносить присягу императору, что делалось после окончания училища.

Отличившиеся ученики получали золотые и серебряные медали. Для того чтобы получить золотую медаль или право на нее, надо было иметь 4.75 отметки из 5 в целом, т. е. около пятерки за все предметы. Обычно давали две золотые медали, а остальные получали только право на золотые медали» (л. 75—76).

«Сохранились некоторые очень странные обычаи, в частности дворяне, окончившие Коммерческое училище, при поступлении на службу получали больший чин, чем остальные. Это бросилось мне в глаза при выпуске в 1911 году, когда мой товарищ, ленивый Адамович, получил право на больший чин, чем я при поступлении на службу, хотя я и был золотым медалистом». (Об этом эпизоде академик М. Н. Тихомиров вспоминал и в отзыве официального оппонента на докторскую диссертацию М. Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Пугачева». Показательно, что отзыв датирован временем сочинения мемуаров — 16 ноября 1963 г.).[5]

«Ученики, имевшие по коммерческим предметам 4.75 в среднем, получали звание кандидатов коммерции. Это звание давало личное потомственное гражданство, а в те времена такое гражданство выводило человека от податных сословий (мещанства, крестьянства)» (л. 76—77).

М. Н. Тихомиров далее пишет: «Училище состояло из 8 классов — шести общеобразовательных и двух специальных. Общеобразовательные предметы, за исключением истории, русского языка и иностранных языков, оканчивались в шестом классе, причем за математику выводилась общая оценка, средняя из оценок за арифметику, алгебру и тригонометрию. Кроме того, как и всюду в тогдашних учебных заведениях, преподавался закон божий. Языки изучались следующие: с первого класса — немецкий, со второго — французский, с третьего — английский. Изучение этих языков продолжалось весь курс по два или три часа в неделю.

Общеобразовательные предметы, естественно, изучались более сокращенно, чем в гимназиях, зато два специальных класса наполнены были коммерческими или связанными с коммерческим образованием предметами. К их числу принадлежала коммерческая арифметика, где особое внимание обращалось на быстрое счисление денежных сумм устно, бухгалтерия и коммерческая корреспонденция. Кроме этого, преподавалось товароведе-

---

[5] Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова. С. 173 (Приложение).

ние, политическая экономия, законоведение, в том числе торговое морское право, а также история торговли.

В целом следует признать, что программа специальных классов была интересной и в сущности полезной, потому что предметы сами по себе имели интерес для учащихся. Таким образом, проиграв в знании греческого и латинского языка, я получил некоторый возмещающий эквивалент в виде законоведения, политической экономии и прочих предметов, которые не изучались в гимназиях и реальных училищах» (л. 77—78).

В седьмом классе было 18 учеников (л. 71). «И „для преподавания в специальных классах" приглашались особо видные люди» (л. 78). О некоторых из них М. Н. Тихомиров полагал нужным написать. Двое из них еще в сравнительно молодые годы удостоились помещения статей о них в энциклопедии Брокгауза и Ефрона — Владимир Владимирович Святловский (1871 года рождения) и Александр Георгиевич Тимофеев (1867 года рождения).

Вспоминая тех, «о которых здесь стоит вспомнить», М. Н. Тихомиров первыми характеризует троих:

«Среди них выделялся, например, профессор Святловский, известный экономист того времени, преподававший политическую экономию. Занятия он вел очень интересно и несколько по-университетски, как, впрочем, и большинство других преподавателей специальных классов.

Законоведение преподавал профессор Тимофеев, автор книги „История наказаний в России". Это был почтенный человек с большой черной бородой. Как выяснилось позже, он занимался гипнотизмом, в частности, таким способом хотел излечить моего товарища Сергея Дмитриевича Воронова, что окончилось, впрочем, полной неудачей. Воронов после его сеансов стал говорить еще хуже, чем раньше.[6]

Историю преподавал молодой доцент Петербургского университета, впоследствии знаменитый ученый Борис Дмитриевич Греков. Это был стройный, высокий человек с прекрасной шевелюрой, вообще образец мужской красоты, как говорят, кумир женщин. Преподавал он очень просто и с большим достоинством, в силу чего ученики никогда на его уроках не баловались. Впрочем, дисциплина в специальных классах была вообще хорошей» (л. 78—79).

К воспоминаниям о Б. Д. Грекове автор возвращается и в дальнейшем изложении. «Из всех моих учителей самым дорогим для меня был Борис Дмитриевич Греков. Он заметил мой интерес к истории и однажды даже пригласил меня к себе домой. Я запомнил это посещение его квартиры навсегда. Он рассказывал мне о своих магистрантских экзаменах. Тогда он особенно восхищался реформацией в Германии и Лютером. Тогда впервые у него я увидел и снимки русских рукописей (учебник Беляева), даже не думая о том, что впоследствии я сам буду считаться знатоком русских рукописей. Памятью его отношения ко мне как ученику осталась фотография Бориса Дмитриевича. Он подарил ее мне при окончании училища в 1911 г.» (л. 80—81).

---

[6] С. Д. Воронов оставался близким ему человеком. Его не раз мы видели в московских квартирах М. Н. Тихомирова.

Эта вставка, как проследила Е. В. Чистякова, появилась на отдельном листе во второй редакции «Воспоминаний», «а в третьей она органически вошла в текст».[7] Фотографию красивого молодого человека с бородкой с расположенной слева надписью: «Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову на добрую память. Б. Греков» — и датой «28.V.911»[8] мы видели на стене комнаты Михаила Николаевича везде, где он проживал в Москве.

Еще в 1958 г. в статье «К пятилетию со дня смерти академика Бориса Дмитриевича Грекова» академик М. Н. Тихомиров счел необходимым написать: «Борис Дмитриевич Греков был не только ученым, но и педагогом. Этой стороне своей деятельности он придавал большое значение, умея привлечь и заинтересовать своих учеников. И ученики платили ему привязанностью, называя его не иначе, как просто „Борис Дмитриевич"; в этом простом обращении звучали любовь и уважение. Его преподавание было безыскусственным, но некоторые слова Бориса Дмитриевича оставались в памяти на всю жизнь. И я сам помню, какое впечатление на меня, тогда семнадцатилетнего юношу, произвели его слова о древнерусской письменности. Он показал мне, и с какой любовью, альбом древнерусской скорописи, зародив во мне навсегда интерес к русской письменности. В это время Борис Дмитриевич готовился к магистратским экзаменам и с большим воодушевлением говорил о Реформации в Германии. Счастливы те люди, которые могут вызвать в молодых душах интерес к науке, к знанию. Таким был покойный Борис Дмитриевич».[9] Статью на такую тему, помнится, Михаил Николаевич вызвался написать сам, когда на заседании в редакции журнала «История СССР», где он был членом редколлегии, а я заместителем главного редактора, обсуждался план нашей дальнейшей работы.

О начальном периоде их общения и о Коммерческом училище вспоминал на склоне лет и Б. Д. Греков. 27 января 1950 г. он писал М. Н. Тихомирову из больницы: «О Коммерческом училище думаю часто. Были там предметы схоластического характера, были недостаточно современные (история торговли не отражала действительности), но было и много необходимого... Учителя, за отдельными исключениями, были солидными, учили добросовестно... Благоустройство внутреннее, насколько я знаю, удовлетворительное, даже вполне. Это — начало моей трудовой деятельности (служебной точнее). Ваше же — начало ученья».[10] (Кстати, по данным книги «Весь Санкт-Петербург» на 1913 г. Б. Д. Греков преподавал «историю торговли»).

---

[7] *Чистякова Е. В.* 1) Материалы Б. Д. Грекова в рукописном наследии М. Н. Тихомирова // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 55; 2) Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). М., 1987. С. 11. (Сер. «Научные биографии»).

[8] Фото это, хранящееся ныне в фонде М. Н. Тихомирова в АРАН (в изданном научном описании № 636), воспроизведено в книге «Исследования по истории и историографии феодализма» (между с. 48 и 49).

[9] История СССР. 1958. № 5. С. 57. — Перепечатано в книгах: *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 295—296; Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. С. 35.

[10] *Чистякова Е. В.* 1) Материалы Б. Д. Грекова в рукописном наследии М. Н. Тихомирова. С. 57. 2) Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). С. 13.

Небезынтересны сведения и о других преподавателях (Феликсе Эдмундовиче Кукеле, Сергее Васильевиче Мыльникове, Владимире Федоровиче Мушникове, Николае Петровиче Бауере и других), о восприятии их учащимися.

«Товароведение преподавал Кукель, человек средних лет, занимавшийся с большим рвением своей работой. Он был видный ученый и чиновник, которого приглашали по вопросам товароведения. Говорил он интересно. Я запомнил рассказ Кукеля о том, как он боролся с петербургским генерал-губернатором, желавшим в голодное время пустить зерно, зараженное спорыньей.

Бухгалтерию преподавал вышеупомянутый „Бобка" (т. е. Ф. Н. Нестеров. — *С. Ш.*), один из немногих преподавателей, как я говорил, который меня недолюбливал. Этому педантичному и скучному человеку справедливо не нравились некоторые мои бухгалтерские кляузы. Мы вели журнал, как полагалось в бухгалтерии, и воображаемые счета. Так вот иногда в моем журнале появлялся неожиданно такой товар, как ящик помидоров, явный намек на одного из классных воспитателей по фамилии Яковлев, которого звали „помидором" за его красный цвет лица.

Коммерческую корреспонденцию преподавал Мыльников[11] — молодой и, видимо, преуспевающий человек, хорошо знавший иностранные языки.

Все наши учителя отличались высокими качествами. Лично я не ладил, кроме „Бобки", только с учителем русского языка Мушниковым. Это был большой солидный человек профессорского вида, но, кажется, ничем особенно не отличившийся на поприще учености. Он принадлежал к числу людей, которые любили, чтобы в сочинениях учеников высказывались довольно заезженные мысли либерального толка, а я имел глупость сочинять от своей головы, что подобному солидному учителю весьма не нравилось. Однажды он распек меня в пух и прах перед всем классом, обвинив в самых низменных чувствах. Сочинение писалось на тему о „Горе от ума". Я написал искренне и вопреки всем канонам, что Чацкий настоящий болтун, в чем глубоко уверен и в настоящее время, как и в том, что какую бы карету ему ни подали, никуда он далеко уехать не может. Это, конечно, нарушало общепринятые либеральные каноны. Но самое страшное заключалось в том, что я написал, будто Молчалин прекрасно понял, что от трудов праведных не наживешь палат каменных. Здесь не было никакого намерения сказать, что я хочу также наживать таким путем каменные палаты, о чем я вообще и не думал. Но какую же бурю возмущения вызвало мое сочинение у Мушникова, как он срамил меня перед всем классом, почему я посмел написать такую вещь. С точки зрения „кадетских" канонов того времени это было великое преступление, потому что именно либералы не прочь были считать трудами праведными компромиссы различного характера, к которым прибегали довольно часто, приобретая капиталы и сохраняя невинность» (л. 59—60). Можно полагать, что М. Н. Тихомирову пришлась бы по душе

---

[11] Видимо, о нем (род. в 1878 г.) есть сведения в издании «Научные работники Ленинграда» (Л., 1934). Тогда он был заведующим кафедрой Финансовой академии Наркомфина и доцентом Ленинградского химико-технологического и Ленинградского инженерно-экономического институтов. С. В. Мыльников — отец видного ленинградского (петербургского) ученого-гуманитария Александра Сергеевича Мыльникова.

трактовка образа Чацкого в знаменитой постановке «Горе от ума» Г. А. Товстоногова в Большом драматическом театре.

По мнению мемуариста, «преподавателем общеобразовательных классов, заслуживающим особое внимание, был Бауер. Представьте себе сухого высокого старика, ходившего в форменной тужурке, на которой висели две звезды. Бауер был не просто генерал, а кажется даже тайный советник. Впоследствии в мемуарах одного дипломата (Соловьева[12]) я прочел об этом незаурядном человеке. Оказывается, Бауер был заведующий департаментом герольдии.[13] Он был из кантонистов, евреем по происхождению.

Бауер выдвинулся тем, что он писал „верющие грамоты" иностранным государям. Писались они прекрасным почерком, так как подписывались самим государем. Вероятно обладал он и другими незаурядными чиновными талантами. Он преподавал у нас один раз в неделю чистописание в пятом классе. В классе он священнодействовал, напоминая самого настоящего Акакия Акакиевича, добиваясь исключительного совершенства почерка. Написать большую букву Д так, как писал Бауер, и я, и многие из других учеников не были в состоянии. На поприще чистописания выдавался лишь Новиков, большой красивый молодой человек.

Бауер не был особенно строгим педагогом. В конечном итоге все получали пятерки, да и он сам понимал, что достигнуть вершин его искусства для ученика столь же невозможно, как простому скрипачу сравняться с Паганини. Иногда, впрочем, он сердился и в этом случае брал тетрадку провинившегося ученика, свертывал ее так, что первая испорченная страница оказывалась вверху, совал ее под нос провинившегося и говорил: „Чем пишешь, ж... пишешь?" Тут он добавлял такое слово, которое не поддается печати. Это приводило нас в колоссальное восхищение, так как остальные учителя ни в коем случае не могли бы позволить себе такую вольность» (л. 86—87).

Написано о преподавателях иностранных языков, о шалостях учеников на их уроках, особенно подробно о преподавателе французского языка. Описание немало помогает составить представление о каждодневном обиходе в училище. Приведем некоторые подробности, тем более что сам автор мемуаров начинает так: «Месье Кюрц[14] заслуживает особого рассказа... Как и когда месье Кюрц появился на наше несчастье — точно установить не могу. Кажется, это было примерно в пятом классе. Это был маленький горбоносый человечек с несколько выдававшимся животиком. Краснощекий, полный жизни, одним словом, настоящий французик из Бордо. Впрочем, он не был французом, а был лотарингцем, да и фамилия Кюрц соответствовала немецкому слову „курц" (короткий).

Месье Кюрц пользовался некоторым почетом, потому что он носил орден Почетного легиона, красная ленточка всегда торчала в его петлице.

---

[12] См.: *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 30. — Указание это — свидетельство того, что пожилой уже специалист по истории допетровской Руси знакомился и с самыми недавними изданиями о России нового времени.

[13] В книге «Весь Петербург на 1908 год» о Н. П. Баусре говорится, что он был действительным статским советником, служащим по 2-му департаменту Министерства иностранных дел и в Коммерческом училище.

[14] Кюрц Илья Ромуальдович — преподаватель французского языка.

Наши преподаватели смотрели на эту ленточку с великим почтением, наивно полагая, что орден Почетного легиона во Франции чем-то лучше нашего Станислава и Анны. Это убеждение я тоже долгое время сохранял в своей голове, пока не познакомился с достаточной полнотой с почетными легионерами.

...Преподавание месье Кюрца велось весьма своеобразно. В сущности говоря, он русского языка не знал совершенно, и кто кому преподавал язык — толком неизвестно, думаю, что мы, скорее, преподавали месье Кюрцу начатки русского языка, чем он нам французский. Поэтому уроки были иногда чрезвычайно своеобразными. Возникали большие диспуты при переводе какого-нибудь слова, о чем долго дебатировалось, конечно, на русском языке, что очень нравилось месье Кюрцу, так как это было дополнительным занятием по русскому языку, за которое ему платили деньги.

Один из таких диспутов мне запомнился. Возник он по следующему поводу: кто-то из учеников прочел французский рассказик, где встречалось слово „козел". Он это слово так и перевел. Кюрц остался недоволен и сказал, что „мужской род от коза не козел", апеллируя к лингвистическим знаниям всего класса. Посыпалось много предложений, как перевести это трудное слово: „козлик", „козленок", „козлюшка". Один ученик даже предложил слово „козак". Но что другое, а слово „козак" для французов известно было в достаточной мере. Кюрц остался очень недовольным этим предложением, погрозил пальцем и сказал: „нэт, не козак, не говори так, не козак". Тогда один из самых лукавых учеников, его любимец Чистяков, предложил слово „козел" переводить как „казачек". Месье Кюрц поверил своему любимцу и удовлетворенно сказал: „да, да, мужский род от коза — козачек". На этом диспут закончился к общему удовольствию.

Однажды на уроке Кюрца произошло следующее. На первом уроке всегда читалась молитва перед учением, читалась она скороговоркой, так как всем давно надоела, да и сама молитва не отличалась от других многих молитв ни особой красотой, ни какой-либо мыслью, будучи синодальным изобретением XIX века. Дежурным в этот день был ученик Авилов, он вышел вперед, перекрестился на образ и начал нараспев, как полагалось, читать молитву: „Паки, паки, съели попа собаки, кабы не дьячки, разорвали бы на клочки". Мы чинно перекрестились и сели за парты; начался урок. На следующем уроке Авилов опять читал молитву, хотя и не был дежурным, но выступал в порядке примы-балерины. На этот раз в классе происходило что-то странное: учащиеся усердно крестились на образ и почему-то хохотали. Молитва была повторена дважды. На третий и четвертый раз в классе царило смятение: ученики становились на колени, воздевали руки к небесам; били себя в грудь и неудержимо смеялись. Месье Кюрц прекрасно знал, что русский народ — это народ благочестивый, что русские ученики молятся богу с усердием, но что они неудержимо хохочут — это было подозрительно.

На пятый урок явился сам инспектор. Ни жив, ни мертв Авилов чинно прочитал молитву, все сели на места при гробовом молчании. Бобка спросил: „А какую молитву вы раньше читали?" Мы отвечали: „Ту же самую". — „Ну так знайте, — сказал он, — если вы еще раз прочитаете ту самую молитву, то на месяц все останетесь без отпуска". Перспектива эта не

понравилась никому, и молитва перед учением была восстановлена в своих правах...

Куда потом делся месье Кюрц, не знаю, но часто спрашиваю себя, чем же руководствовались власти Коммерческого училища, когда пускали месье Кюрца преподавать французский язык, во всяком случае не педагогическими соображениями, а чьей-то, попросту говоря, протекцией» (л. 82—87).

После того как М. Н. Тихомиров поведал с неостывшим ощущением о переживаниях ученика приготовительного класса, не имевшего в отличие от одноклассников родственников, а первоначально и близких знакомых и остававшегося в училище в дни «отпуска» («...сидеть одному или вдвоем под надзором нянюшки, будучи девяти лет от роду, это совсем не соблазнительное житье» — л. 88), он счел важным «рассказать о внутренних порядках» в училище. Порядки эти «очень резко различались на 2 периода: 1) до 1905 года, 2) после 1905 г.» (л. 87).

«Училище, как я сказал, состояло из восьми классов. Училище после 1905 г. делилось на три возраста: младший — первые три класса, средний — 4, 5 и 6-й классы и 2 специальных класса, или старшие.

Каждый из этих возрастов отличался и по одежде. Ученики первых трех классов носили черные куртки с высокими воротниками, на шею надевались черные суконные галстуки. Парадной одеждой считался мундирчик, который малышам полагалось носить только в праздничные дни. В училище его иногда называли „полупердинчиком". Эти куртки доходили до пояса и заканчивались маленьким хвостиком позади так, как это можно видеть на мундирах Николаевского времени. Воротник был высокий, брюки синие, штиблеты во всех классах полагались одного типа, ни в коем случае не со шнурками, что являлось явным вольнодумством. Шинель была черной с синим лацканом. Особенностью мундира и шинели были девять посеребренных пуговиц с изображением на них пеликана, терзающего свою грудь. Это была марка ведомства императрицы Марии. Пуговиц на мундирчике было девять. Это имело тоже свое значение: девять пуговиц обозначали слово „Екатерина", как основательницы Училища.

С 4-го класса форменная курточка с 9 пуговицами превращалась в обыкновенное будничное одеяние, а по праздникам полагалось носить мундир, также с 9 пуговицами. По первоначальному заданию такой мундир был долгополым, причем длина полы от последней нижней пуговицы должна была быть равной верхней части мундира от нижней пуговицы до воротника. Но изобретательные молодые люди сочинили какое-то подобие военного мундира; 9 пуговиц ставились так близко друг к другу, что составляли как бы единый ряд. Вследствие этого и мундирные полы укорачивались вопреки первоначальному замыслу. Пуговицы оканчивались ровно на талии, и это создавало действительно красивый мундир. На плечах полагалось носить погоны с замысловатым посеребренным вензелем в виде буквы, в которую вплетена была цифра II, что обозначало Екатерина II.

Но на этом мундирные изменения для учеников не кончались. Старшие или специальные классы получали к мундиру следующие добавления: на воротник нашивались серебряные полосы, выраставшие у некоторых честолюбивых молодых людей в шитые серебряные поэмы на воротниках.

Кроме того, на рукава насаживались катушки: две серебряные вышивки, соединенные вместе.

Последний 8-й класс получал еще одно отличие — на обыкновенный будничный мундирчик, который носили ученики с 4-го класса, нашивались узенькие серебряные полоски. Это обозначало, что носитель оных является „старшим". Так и называли учеников 8-го класса.

Это название вовсе не обозначало только почетное звание. „Старшие" обладали большой властью над младшими. Во-первых, они торжественно восседали за столом, за которым обедали младшие. В столовой стояли длинные столы, по бокам которых сидели, примерно, по 6 персон с каждой стороны, не считая двух водружавшихся в конце стола, как раз напротив старшего. Обязанностью старшего было смотреть за порядком и раздавать кушанья, что иногда, впрочем, поручалось доверенным младшим ученикам.

В те годы, когда я поступил в Училище, старшие пользовались большой властью за столом и могли наказывать непокорных и непослушных или просто нелюбимых учеников, конфисковывая у них второе блюдо или еще чаще третье. Первое блюдо и хлеб никогда не отнимались, а вторые и третьи довольно часто пополняли голодное чрево „старшего", который тут же, на глазах пострадавшего, преспокойно его уплетал. Конечно, это делалось не каждый день, но были и очень скверные старшие, злоупотреблявшие своей властью.

Кроме того, старшие обычно размещались в дортуарах, их постель стояла рядом с постелями младших учеников. Старший смотрел за порядком в дортуаре. Наконец, старшие обладали общей властью над младшими учениками, нередко били и издевались над младшими, в особенности если старшим был властный или жестокий по природе человек» (л. 87—90).

«„Старшие", впрочем, действовали только до 1905 года, когда был сменен старый директор Колмаков и появился новый директор Вагнер. Реформой явилось деление всего училища на три возраста. Каждый из этих возрастов был отделен от другого, и сносились эти возрасты друг с другом только через лестничную площадку. Разделены были также и дортуары, и классы, и даже рекреационный зал. Самые старшие классы рекреационного зала не получили, так как они помещались в нижнем этаже, где вместо зала находилась общая училищная столовая.

Вообще говоря, революция внесла немало нового и хорошего в эту поистине тяжкую и затхлую жизнь Коммерческого училища. До реформы наше Училище напоминало тот кадетский корпус, который описан Куприным в его замечательной полуавтобиографической повести „Кадеты".

Конечно, в жизни таких закрытых учебных заведений были и свои положительные черты, сказавшиеся впоследствии во всех моих поступках. Строжайшим образом запрещалось наушничать и даже жаловаться начальству. Это считалось низким, чем и пользовались сильные и жестокие ученики. Но такое правило закаляло характер, и всю свою жизнь я никогда не жаловался на поступки, совершенные лично против меня, а тем более не занимался какими-либо доносами или наушничеством. Бросить в дороге своего спутника, оставить его без помощи или просто расстаться

с ним в опасном месте было для меня и моих товарищей делом невозможным, хотя я знаю многих молодых людей, которые преспокойно удирают в случае какой-либо опасности и оставляют товарищей без помощи.

Чувство товарищества, того товарищества, которое хорошо известно нам по гоголевской „Запорожской сечи", плотно входило во всякого человека, который кончал закрытое учебное заведение.

Однако все эти плюсы едва ли возмещали те минусы, которые приносила жизнь закрытого учебного заведения» (л. 90—92). Такими словами завершается «петербургская глава» «Воспоминаний» академика М. Н. Тихомирова.

И. П. Медведев, М. Б. Свердлов

ГРАФ Н. П. РУМЯНЦЕВ О ДРЕВНЕРУССКОЙ НУМИЗМАТИКЕ И ИСТОРИИ

О том, что с именем выдающегося государственного деятеля графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826), столь много сделавшего для русской исторической науки, создателя выдающегося по своему значению для отечественной исторической науки так называемого Румянцевского кружка, связано открытие, обретение и систематизация как крупных нумизматических коллекций (русских, греко-византийских, куфических, татарских, персидских, арабских, турецких и других монет и медалей), так и отдельных выдающихся нумизматических артефактов (черниговская гривна, серебряные гривны из Новгорода, один из златников Владимира Святославича, серебряная дидрахма Боспорского царя Спартока и т. д.), в науке было известно давно.[1] Менее известным было, пожалуй, отношение самого графа Н. П. Румянцева к своим приобретениям, а также к интерпретации им основных проблем отечественной истории. Не считая себя профессионалом в этих областях знания, трудов своих, им посвященных, он не оставил.

Тем не менее какая-то возможность восполнить этот пробел имеется, так как сохранилась достаточно обширная и еще не опубликованная переписка Румянцева с одним из его главных экспертов — академиком Филиппом Ивановичем (Иоганном Филиппом) Кругом (1764—1844), который, став доверенным лицом графа во многих научно-археографических предприятиях последнего, «взял на себя роль консультанта, рецензента и редактора, выполняя свои обязанности с большим старанием и знанием дела».[2] Именно среди 195 писем графа к Кругу за 1808—1825 гг., писанных им по-французски, хранящихся ныне в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН[3] и

---

[1] См., например: *Koehler H. K. E.* Description d'une médaille de Spartocus roi du Bosphore-Cimmérien du cabinet de Mr. le Chancelier de l'empire Comte de Romanzoff. Avec un supplément, contenant la description de plusieurs médailles grecques, rares et inédites, qui se trouvent dans le même cabinet // Serapis. SPb., 1824. Th. 2. P. 45—70 (= Idem. Gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd. 2. S. 45—70). Ср. также: *Медведев И. П.* Нумизматическое путешествие графа Н. П. Румянцева по Кавказу и Крыму (1823 г.) // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 62—65.

[2] *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 25.

[3] СПб. филиал Архива РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 74 и 115 (243 л.).

© И. П. Медведев, М. Б. Свердлов, 2007

содержащих зачастую трактовку автором приобретенных им нумизматических сокровищ (и все же чаще — просьбы «разобраться» с ними), нам и встретилось весьма, на наш взгляд, любопытное письмо, писанное рукой самого графа, отправленное им из его поместья в Гомеле и датированное 27 июня 1821 г. (получено Кругом 7 июля 1821 г.).[4] В этом письме Румянцев сообщает об одной нумизматической находке в Новгороде, об обстоятельствах, при которых эта находка состоялась, а далее излагает свои соображения по этому поводу, небезынтересные, как нам кажется, для истории изучения новгородской гривны, для анализа его взглядов на историю России. Итак, вот текст письма (в нашем весьма несовершенном переводе с французского, который, кстати, у графа Н. П. Румянцева также не выглядит совершенным).

«Гомель, 27 июня 1821.

Месье,

только что один случай дал возможность с точностью установить, что же представляла собою древнейшая „серебряная гривна", упоминаемая в наших летописях, и просто „гривна" — в „Русской Правде". Одной из них (и отличной сохранности) я располагаю. Итак, вот этот случай.

В Новгороде собрались разрушить старинный земляной вал, датирующийся еще временем ранее 1383 г. Дело в том, что должны были прорыть небольшой канал для протока вод. Играя на его берегу, (местные) детишки уронили в него одну из своих игрушек. С целью достать ее оттуда они спустились вниз, но кроме нее принесли с собой и другие предметы (autres pièces), значения которых они не знали и которые, по высказанному сперва мнению людей более пожилых, были не чем иным, как кусками свинца. Часть из них пошла по рукам детей в качестве игрушечных монет с разменной стоимостью в 2 гроша (à 2 sols pièce), но в процессе хождения по рукам стало весьма быстро ясным, что они из серебра 88-й и даже 93-й пробы. Некоторые из них были цельными брусками (barres entières), другие своей длиной и весом постоянно доказывали, что речь шла всегда о рассеченном пополам бруске или цельном слитке (sections prises toujours, par moitié, sur la barre ou le lingot entier). Их у меня 4 штуки. Это по форме, величине и весу как раз и есть то, что мы называем старинными рублями и чем мы располагаем в наших кабинетах, с тем единственным отличием, что на недавно откопанных в Новгороде рублях нет никаких следов клейма (timbre) какого-либо из наших князей и что они лишены блеска (elles ne sont pas luisantes), как и те, впрочем, что, будучи отчеканенными при разных царствованиях разными клеймами или штемпелями (ayant été marqués sous différents règnes par différents timbres ou coins), приобрели, как кажется, этот блеск в результате долгого хождения. Это обстоятельство, а также полное отсутствие клейма выдают, как кажется, гораздо бóльшую древность в том, что недавно найдено.

Кусок, слиток или отдельный брусок, которым я располагаю и половина которого как раз составляет рубль, имеет почти тот же вес, что и, по сло-

---

[4] Там же. Д. 115. Л. 114—115.

вам г-на Карамзина (см. примечание 78 ко второму тому второго издания его труда), имели некие монеты марки серебра (quelques sous des marcs d'argent) у скандинавских народов. Этот историограф в том же самом примечании уже сделал любопытное сравнение, согласно которому „Закон" (la Loi) Ярослава осуждал за кражу на 3 гривны штрафа, а Датский Закон (la Loi Danoise) за то же преступление осуждал на 3 марки. Убийца осуждался на 40 гривен штрафа Правдой Русской (par la Pravda des Russes) и точно на такое же число марок — Шведским Законом (par la Loi en Suède).

Ныне, стало быть, представляется доказанным, что древнейшая гривна — это не что иное, как современная ей серебряная марка скандинавов, что это был просто слиток серебра определенного веса и что тот цельный кусок, которым я располагаю, а несколько ему подобных только что были найдены в Новгороде, — это древнейшая серебряная гривна Новгорода.

Мне могли бы возразить, что ныне найденные слитки — не что иное, как скандинавские марки, привезенные в Новгород из-за рубежа, но подобное возражение ничего бы не изменило. Я убежден, что новгородская металлическая гривна в этом городе не изготавливалась, а всегда привозилась туда и запускалась в оборот господствующим народом (par le peuple dominateur) — Варягами, причем запускались в оборот всегда как следствие их торговли и их последующего дополняющего появления в России (? toujours additionélement mis en cours par leur commerce et leur successive et additionel [sic!] apparition en Russie). Иначе как понять то, что от подобного знака обмена, предполагающего уже известный прогресс в цивилизованности и [нрзб.], Руссы, не испытав какого-либо потрясения в сфере монеты или знаков их обмена (sans avoir éprouvé bouleversement quelconque pour monnoye ou signes de leurs échanges), возвращаются к тому, чтобы располагать лишь небольшими кусочками из кожи или пушнины (des petites pièces de pelleteries ou de cuirs). Никогда не один народ не делал столь попятного движения (un pas aussi rétrograde) в сфере обмена и монетных знаков. Но если гривна была чужеземной и поступала от чужеземцев, она (в конце концов) смогла исчезнуть, и рынок наших предков в сфере их торговых сделок снова вернулся к тем знакам, которые для них были привычны; (для них, то есть для) конфедерации славян, мери, кривичей и многих других народностей, которые в IX в. согласились встать под владычество (consentirent à se placer sous la domination) трех варяжских братьев, которые мало-помалу наводнили их (т. е. эти народности. — *Авт.*) Варягами до такой степени, что все слилось в некую единую массу, принявшую единое наименование, да почти что и единый характер под названием Руссы, смесь, в которой славянам удалось сохранить главенство (jusqu'à ce que le tout fut fondu en une seule masse qui prit une seule dénomination et à peu prés un seul caractère sous le nom des Russes, amalgame dans laquelle [sic!] les Slaves conservèrent la primauté).

Я злоупотребляю, месье, Вашим терпением. Мне следовало бы ограничиться рассказом о самом факте, освободив его от моих размышлений. Какую цену могут они иметь для такого ученого как Вы, для Вас, месье, который по данному предмету для всех нас является и Законом, и Пророком?

Позвольте мне прибегнуть к Вашим познаниям с целью узнать, не пользовались ли в IX, X, XI, XII и XIII веках город Любек и немецкие города, задолго до Ганзейской лиги составлявшие с ним ассоциацию для ведения тор-

говли, вместо монеты серебряной маркой или металлическим слитком весом в 45 или 46 золот[ников], как и тот, что я только что получил из Новгорода, и какими почти что были слитки Скандинавов, о которых г-н Карамзин упомянул в своем примечании. Будьте добры показать ему это письмо и попросить его от моего имени (с целью удовлетворить мое любопытство) сообщить Вам, знал ли он уже (до прочтения этого письма) о монетах, недавно найденных в Новгороде ⟨...⟩.

Граф Румянцев».

Письмо Н. П. Румянцева чрезвычайно информативно. Гривны, о которых граф сообщал Ф. И. Кругу, вероятно, первоначально входили в состав новгородского клада, весом около пуда. Он был найден 15 мая 1821 г. на берегу Волхова в новгородском валу на Софийской стороне, что совпадает по месту и времени обнаружения гривен, о которых сообщал Румянцев. Анализ обстоятельств их находки может составить тему специальных разысканий. Этот клад содержал гривны и рубли новгородского типа. Вес гривен 42 1/2—46 золотников, рублей — 21 1/2—23 золотника. Проба серебра — 76 1/3—93 1/3.[5] Как следует из письма Румянцева, в его распоряжении оказались гривны весом 45—46 золотников и 88—93-й пробы. Отсюда следует, что для коллекции графа были отобраны лучшие образцы.

Таким образом, можно предположить, что вскоре после открытия клада четыре лучших экземпляра гривен были отправлены Н. П. Румянцеву, влиятельному политику и деятелю российской науки, известному нумизмату и коллекционеру. Когда граф получил их в своем дворце в Гомеле, он был крайне заинтересован таким замечательным пополнением своей коллекции. Уже 27 июня он написал о полученных новгородских гривнах академику Кругу. Особое внимание к ним стало причиной размышлений графа о древнерусской нумизматике и истории.

Первая половина XIX в. — героический период в изучении средневековой русской нумизматики, время первоначального активного накопления и анализа древнерусских нумизматических материалов. Поэтому столь важно их исследование Н. П. Румянцевым в контексте исторических и философских идей того времени.

Определяя исторические истоки происхождения новгородских гривен, Н. П. Румянцев, естественно, обратился за разъяснениями к наиболее популярному в то время и наиболее насыщенному источниковой информацией труду Н. М. Карамзина «История государства Российского», к его второму, дополненному, изданию 1818—1821 гг. первых восьми томов. Оно стало каноническим и позднее лишь переиздавалось. В примеч. 78-м к третьей главе второго тома Румянцев увидел, что в древней Руси и Дании за воровство штраф совпадал — 3 (соответственно) гривны или марки, а на Руси и в древней Швеции совпадала вира за убийство — 40 (соответственно) гривен или марок. Карамзин ссылался при этом на наблюдения Струбе де Пирмонта в его опубликованной речи, произнесенной в 1756 г. в публичном

---

[5] *Шодуар Ст. де, барон.* Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. СПб., 1837. Ч. I. С. 96—97; *Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пб., 1921. С. 37.

собрании Санкт-Петербургской императорской Академии наук. При этом Карамзин отметил существование у скандинавских народов разных марок, весовых и счетных. Отсюда он сделал осторожный вывод, согласно которому «здесь марка и гривна означают одно». Такой вывод являлся также следствием просветительской в своих основах исторической концепции Карамзина о единстве исторического развития России и других европейских стран.[6]

Из этих наблюдений Н. П. Румянцев сделал два вывода. Один — обобщающий и в основном содержании верный — новое пополнение его коллекции представляет собой новгородские серебряные гривны. Другой вывод — в основном содержании ошибочный — древнейшая русская гривна является скандинавской маркой. Развивая эту идею, он написал, что на Русь гривны привозились господствовавшими там варягами-скандинавами. Теоретическим доказательством Румянцева стала мысль, свойственная просветительской историко-философской концепции, о постоянном прогрессивном эволюционном историческом развитии, о прогрессивном воздействии германцев, включая скандинавов, на историческое воздействие древних европейских народов. Фактическим основанием идеи Румянцева стали накопленные к этому времени сведения исторических источников об использовании в древней Руси меховых или кожаных денег. В те годы мнение о таких деньгах в древней Руси активно поддерживал профессор Московского университета М. Т. Каченовский (1775—1842).[7]

Отсюда Н. П. Румянцев сделал логический, но не подтвержденный последующим изучением истории денежного обращения вывод (в свойственных нашему времени категориях): после прогресса в использовании серебра в качестве всеобщего денежного эквивалента в древней Руси было невозможно регрессивное возвращение к мехам пушных зверей в качестве денег.[8] Далее Румянцев продолжил эту мысль. Привезенные варягами серебряные гривны использовались на Руси ограниченный период, тогда как местные народы Восточной Европы, включая «конфедерацию» словен, кривичей и мери, постоянно использовали меховые и кожаные деньги. Когда варяги были интегрированы славянами и новый этнос стал называться «руссами», сохранившими преобладание славянских этнокультурных свойств, использование этих гривен прекратилось.

Если мнение Н. П. Румянцева о скандинавской этнической принадлежности варягов, об этнополитических процессах в Восточной Европе и особом значении в них восточных славян было свойственно российской литературе 10-х гг. XIX в. и в основном продолжало наблюдения Н. М. Карамзина, то его суждение об архаическом состоянии народов Восточной Европы X—XII вв., включая славян и русских, представляет собой особое

---

[6] См.: *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб., 1996. С. 54—57.

[7] См. обобщающее исследование: *Каченовский М. Т.* О кожаных деньгах // Ученые записки Московского университета. 1835. Ч. 8.

[8] Историографические обзоры проблемы см.: *Черепнин А. И.* О гривенной денежной системе по древним кладам. М., 1900. С. 5–49; *Янин В. Л.* Денежновесовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 15–25; *Свердлов М. Б.* Деньги и денежное обращение // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

явление в отечественной историографии того времени. Оно стало следствием многих причин, которые надлежит рассмотреть особо.

Просветительская историко-философская концепция утверждала, как отмечено ранее, единство исторического прогресса. Армии революционной Франции стремились осуществить эту идею, свергая средневековые по происхождению монархические режимы. Наполеоновские армии распространяли ее, утверждая «Кодекс Наполеона», насыщенный новыми для Европы началами равенства граждан перед законом, частной собственности, свободы предпринимательства и т. д. Но эти идеи осуществлялись преимущественно посредством войн и других форм подчинения Французской республике, а с 1804 г. — империи.

В таких политических обстоятельствах в Германии И. Г. Фихте (1762—1814) создал философскую концепцию, одной из основ которой стало внимание не к общему, но к особенному, национальному. Ему принадлежала также идея федерации народов как предыстории единого немецкого государства, тогда как сама Германия в средние века и новое время была раздроблена на десятки самостоятельных государственных образований. Ученик и продолжатель Фихте Ф. В. Й. Шеллинг (1775—1854) в своей философской концепции особое значение придавал искусству как проявлению Абсолюта — тождества идеального и реального, категории «поэтического существования» как посредника между всеобщим и единым. Эти и многие другие положения данных концепций легли в основу немецкой романтической школы, одной из целей которой стало изучение «народного духа», народной жизни и творчества как выражения истинного и особенного в истории народа и страны.

Французская романтическая школа, которая следовала в конце 10-х—начале 20-х гг. XIX в. за идеями О. Тьерри, Ф. Гизо, обращала особое внимание на всеобщее, историческое развитие народа в борьбе классов как выражение единства исторического процесса в его конкретном прогрессивном содержании.

В России идеи французской романтической школы в начале 20-х гг. поддержал руководитель наиболее радикального направления в движении декабристов П. И. Пестель, немецкой романтической школы — консерваторы, а в 30—40-е гг. славянофилы как особый вид либеральной оппозиции николаевскому режиму.

Такой контекст философских и исторических идей 10-х—начала 20-х гг. XIX в. позволяет предположить, что архаизирующие характеристики Н. П. Румянцевым древнерусского периода отечественной истории явились следствием распространения среди российских интеллектуалов идей немецкой романтической школы, восходивших к концепции не только Шеллинга, но и Фихте. В сопоставлении раннесредневековых западноевропейских стран и Руси его более интересовали их различия, чем содержательно единые составляющие, при этом он еще более увеличил эти различия посредством архаизации древнерусского общества и культуры.

В таком сопоставлении еще скрыто присутствовало свойственное романтической школе сравнение культурно-исторических моделей, в данном случае — средневековой западной и русской. При этом на культурологическом уровне высшие составляющие древнерусской действительности при-

знавались западного происхождения, низшие — местного, славянского и русского.

Данный подтекст анализируемого письма Н. П. Румянцева дополняется и во многом разъясняется размышлениями о древнерусской денежной системе и древней отечественной истории в целом в связи с гривнами и рублями того же новгородского клада 1821 г. другого столь же просвещенного деятеля русской общественной и культурной жизни Н. Н. Муравьева. Он являлся историком, изучал древности, был избран почетным членом Общества истории и древностей российских, так что его взгляды, как и Румянцева, также отражали состояние философских и исторических представлений в интеллектуальной среде 20-х гг.

Анализируя состояние древнерусского общества, в котором использовались найденные в Новгороде гривны и рубли, Н. Н. Муравьев писал в опубликованных в 1826 г. разысканиях, что они, «ведомо, литья иностранного, понеже Русские в веках 11, 12, 13, конечно, не умели плавить серебра, а, может быть, и вообще металлов (прежде же и того менее): ибо видим, что они вместо разлития массы серебра в половину менее гривны разрубали гривну самым грубым образом надвое иногда даже и без надлежащей точности и называли их рублями».[9]

Переиздавая эти разыскания два года спустя, Н. Н. Муравьев дополнил их публикацией двух писем, датированных 1826 г., которым автор явно придавал особое научное значение. В одном из них, от 15 октября, он писал своему корреспонденту, продолжая свои размышления над происхождением гривен: «⟨...⟩ когда торгаши Ганзейских городов приближались чрез Польшу к пределам нашим, в странах Смоленских, Новгородских, и, встречаючи кочующих звероловов, им, вероятно, прежде знакомых, предлагали им в горстях слитки серебра, говоря: *гриф* (griff ‘хватай, бери’ — нем. — *Авт.*), не умеючи лучше объясниться за обоюдным незнанием взаимных языков, наречий, впечатлевали простоте сих звероловов слово *гривна*. Звероловы сии равномерно хватали в горсть свое излишество, звериные шкуры, и так предлагали: *гриф на* (т. е. ‘гриф’ и русское ‘на’ — ‘бери, возьми’ — *Авт.*). Немец к своему гриф также приложил *на*, и вот с обеих сторон *гриф на*, наконец, гривна» (курсив Н. Н. Муравьева; авторские графика и синтаксис сохранены).

Эти наблюдения над историей и этимологией Н. Н. Муравьев распространил на состояние древнерусской экономики и культуры: «Отсюда некоторое понятие о нашем древнем быте и нашей древней торговле».[10]

Таким образом, рассмотренное ранее письмо Н. П. Румянцева имеет существенное историографическое значение. В контексте философских и исторических идей оно позволило не только определить его взгляды на древнерусскую историю и нумизматику уже в новый исторический период 10—20-х гг. XIX в., но также более обстоятельно проследить процесс формирования идейной среды, в которой сложилась в Москве так называемая

---

[9] *Муравьев Н. Н.* Описание древней новгородской серебряной гривны и ея рублей, с некоторыми понятиями о древности, величии и богатстве Новагорода. М., 1826. С. 6.

[10] *Муравьев Н. Н.* Исторические исследования о древностях Новагорода. СПб., 1828. С. 18.

«скептическая школа». В ее продолжение и развитие во второй половине 20-х—30-е гг. М. Т. Каченовский и его ученики, сопоставляя раннесредневековые страны Западной Европы и Русь как культурно-исторические модели, пришли к ошибочным мнениям, отрицавшим древнейшие исторические события на Руси, достоверность летописей, возможность появления Русской Правды в XI в. Но данное научное направление стало одним из начал критического изучения в отечественной исторической науке исторических источников и фактов, хотя и в особым образом понимаемых началах романтической школы посредством архаизации древнерусской исторической действительности.[11]

---

[11] О «скептической школе» и восприятии ее идей современниками см.: *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40-х годов XIX в. // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 281—291.

Т. В. Андреева, В. Г. Вовина-Лебедева

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ: ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО А. А. ШАХМАТОВА

Алексей Александрович Шахматов, выдающийся лингвист и историк русского летописания, родился в 1864 г. Он окончил Московский университет, был учеником Ф. Ф. Фортунатова, главы московской лингвистической школы. Фортунатов и его ученики, в том числе Шахматов, изучали общие корни восточной ветви индоевропейских языков, используя метод компаративистики. Именно Фортунатов был создателем в России школы сравнительного языкознания. Шахматов как лингвист всецело следовал этому направлению, занимаясь выяснением происхождения русского языка. Для этого он уже в первых научных работах стал пользоваться древнерусскими письменными текстами. Из таких занятий вырос интерес к русскому летописанию, в изучении которого Шахматов совершил настоящий переворот. Переворот этот заключался в том, что Шахматов применил к летописям тот метод, каким лингвисты изучают происхождение языков. Он увидел в летописях единую семью, подобную языковой семье, все члены которой происхождением связаны друг с другом. Эту сложную систему родственных связей он и исследовал, добираясь до родоначальников известных нам текстов.

Шахматовский метод дал блестящие результаты. Были открыты гипотетические летописные своды — протографы сохранившихся летописей. Древнерусская культура явила новую, доселе неизвестную страницу. Труды Шахматова произвели глубокое впечатление на всех историков и филологов, изучающих русскую древность. У него появились ученики и последователи, хотя некоторые выводы воспринимались как современниками, так и потомками критически. Шахматов занимался летописями параллельно с исследованиями в области языкознания до самой смерти. Ему удалось изучить практически все известные на то время списки и определить место в общей схеме летописания для каждого из них, хотя бы предположительно. Такая работа под силу лишь незаурядному, прекрасно организованному уму. После смерти Шахматова на протяжении всего XX в. построенную им схему истории летописания продолжали изучать, уточнять или критиковать поколения историков и филологов. Ни один серьезный исследователь не мог, да и не сможет в дальнейшем, пройти мимо работ Шахматова, как бы он к ним ни относился.

Трагедия заключается в том, что этот замечательный талант погиб, как и многие другие, в расцвете сил. Шахматов скоропостижно скончался 16 авгу-

© Т. В. Андреева, В. Г. Вовина-Лебедева, 2007

ста 1920 г. от болезни, вызванной последствиями голода и лишений, сопровождавших жизнь интеллигенции в послереволюционном Петрограде. Шахматов был либералом, членом кадетской партии, приветствовал февральскую революцию, связывал с ней надежды на установление в России демократического строя. Октябрьский переворот воспринимался этими людьми как конец революции и крушение всех надежд. Однако людям такого типа, как Шахматов, предаваться унынию было не свойственно. Его предсмертное письмо дочери Софье Алексеевне Шахматовой (Шахматовой-Коплан), публикуемое ниже, показывает, что до последних дней он сохранил не только ясность мысли и строгую логику рассуждений, но и бодрость духа.

Это письмо — предсмертная исповедь, обращенная к дочери. Но комментировать моральную и учительную его сторону публикаторы не стали. Пусть текст говорит сам за себя.

В С.-Петербургском филиале Архива РАН в фонде А. А. Шахматова хранится его автограф с архивной датировкой «1920 г. VI—VII» (СПб. филиал Архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 592. Л. 1—2). На титульном листе — помета заведующего Архивом АН СССР Г. А. Князева: «Может быть предоставлена для использования только с особого разрешения Непременного секретаря АН и по согласованию всех других пожеланий семьи покойного академика. Завед. Архивом. Г. Князев. 1931. II. 23». Очевидно, автограф А. А. Шахматова был передан в Архив кем-то из членов семьи в феврале 1931 г. На первом листе документа, вероятно, рукой дочери А. А. Шахматова, написано: «Рукопись акад. А. А. Шахматова „О смысле жизни"». Формальные признаки начала письма отсутствуют. На верхнем поле перед публикуемым текстом — маргиналии А. А. Шахматова. «Но часть... (неразб.) челов. знаний явл. знание... без которой оно погибло бы в совр. или... (неразб.) своих...»

В Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, в фонде А. А. Шахматова, хранится сборник-конволют (на 300 л.), являющийся подборкой печатного, машинописного и рукописного материала, касающегося жизни и трудов А. А. Шахматова. В этом сборнике находится машинописный вариант того же текста (ОР РНБ. Ф. 846. Оп. 1. Д. 12. Л. 255—260) с другим названием «Последнее письмо А. А. Шахматова, написанное им во время своей предсмертной болезни 8—10 августа н. ст. 1920 г. дочери своей С. А. ко дню ее рождения, 7 августа н. ст». Можно предположить, что дочь А. А. Шахматова, Софья Алексеевна Шахматова-Коплан, перепечатала на машинке адресованную ей рукопись отца и включила ее в состав конволюта.

Машинописный вариант в некоторых местах сокращен, а в других существенно дополнен и изменен по сравнению с автографом. Мы полагаем, что правка была сделана С. А. Шахматовой-Коплан. Что касается дополнений, то тут возможны два варианта объяснений. Во-первых, С. А. Шахматова-Коплан могла иметь какие-то наброски письма, сделанные отцом, но не вошедшие в тот текст, который хранится сейчас в С.-Петербургском филиале Архива РАН. Во-вторых, она могла соединить текст этого письма и каких-то других писем или заметок отца, написанных в то же время. Так или иначе, мы полагаем, что автором избыточного по сравнению с автографом текста машинописи является сам А. А. Шахматов, а не его дочь. Основанием служит стиль дополнений и их содержание.

В основу настоящей публикации положен автограф А. А. Шахматова с учетом вариантов по машинописному тексту. Варианты обозначены буквами латинского алфавита и даются в подстрочных примечаниях. Текст приведен в соответствие с существующими ныне правилами орфографии и пунктуации. Слово «Бог» дается, за исключением одного случая, со строчной буквы, как и в автографе. Сокращенные автором слова раскрываются в квадратных скобках.

Примечания публикаторов даны в конце статьи.

* * *

Сов[ершено] случ[айно] встал между нами вопрос о смысле жизни. Отв[ет] на него обещал[a] дать в публ[ичной] л[екции] молодой фил[ософ] Зусман-Гарт,[1] но почему-то его сообщ[ение] не состоялось. [b]—Среди обсуж[давших] вопрос в нашем домашнем кругу близких знакомых—[b] высказался и я, заявив, что смысл жизни вижу во всестор[оннем] развитии[c] — умств[енном] и эмоциональном. Я хочу [d]—нес[колько] подр[обнее] остановиться—[d] на этом положении и [e]—при этом случае высказать тебе, моя дорогая,—[e] неск[олько] мыслей, которыми [f]—дорожу, полагая, что и ты, б[ыть] м[ожет], сроднишься с ними и укрепишь себя таким путем морально.—[f]

[g]—Природа человека, а именно ее всестор[оннее] разв[итие], я имею в виду духов[ную] его природу, как ты знаешь, весьма сложна.—[g] Она проявляется в псих[ологических] яв[лениях], которые позв[оляют] различать три [h]—источника их: одним из них является ум, другим чувство, третьим воля.—[h] Здесь не место останавливаться на науч[ном] опред[елении] соответст[вующих] понятий и взаимных их отношений. Мы в жит[ейском] обиходе умеем различать их, и я буду говорить о них, применяясь к житейск[ому][i] нашему словоупотр[еблению]. Итак, я[j]— говорю о необходимости всестор[оннего] разв[ития] для каждого лица, желающего использовать смысл жизни, ума, чувства, воли.—[j] Под разв[итием] ума я разум[ею], конечно, прежде всего приобретение научных знаний, углубл[енное] отношение к научным явлениям, но также и стремление к ясности мысленных выводов, к умелому подбору аргументов и умелому извлеч[ению] из них результатов.[k] [l]—К элементам—[l] знания надо относиться с высоким уважением: истинное знание

---

[a] *В машинописном варианте* (*далее — маш.*): хотел (л. 1).

[b—b] *маш.*: Потом этот вопрос обсуждался как-то в нашем домашнем кругу в присутствии близких знакомых; при этом в числе других (л. 1).

[c] *маш. далее*: личности (л. 1).

[d—d] *маш.*: остановиться несколько подробнее (л. 1).

[e—e] *маш.*: или, вернее, — придравшись к случаю, высказать... (л. 1) (*здесь и далее воспроизводится отточие маш. — Т. А., В. В.*).

[f—f] *маш.*: всегда дорожил (л. 1).

[g—g] *маш.*: Духовная природа человека... весьма сложна (л. 1).

[h—h] *в маш.*: вида явлений, три источника их: ум, чувство и волю (л. 1).

[i] *маш.*: обычному (л. 1).

[j—j] *маш.*: исхожу от мысли о необходимости для каждого лица, желающего понять и использовать смысл жизни, всесторонне развить в себе ум, чувство и волю (л. 1).

[k] *маш. далее*: трезвому пониманию связи между явлением и породившей его причиной (л. 1).

[l—l] *маш.*: Ко всем вообще элементам (л. 1).

м[ожет] привести только к достижению[m] истины;[n—] возможно, что человеку придется во м[ногих] случаях остан[авливаться] на полпути, строить гипотезы, еще очень далекие от истины, если каждая истина представляется результатом умствен[ных] напряжений и при этом напр[яжений] не одного ч[елове]ка, а многих людей, нескольких поколений, то эти умств[енные] усилия приобретают для нас сов[ершенно] особ[ое] значение: они вместе с чувств[ами] или эмоциями ведут нас к познанию истины. Т[аким] о[бразом], истина (подч. автором письма. — *Т. А., В. В.*) — это ключевое с точки зрения человека понятие, приобретенное что ли не извне, а в силу напряж[енной] самодеятельности человека.[—n]

Чувства представляются вообще [o—]более сложными явлениями, чем умственные.[—o] Под чувствами разумеем ряд таких [p—]психич[еских] явлений, как радость, гнев, любовь, злобу, ощущение красоты, понимание жив[отных], поним[ание] музыки и т. д.[—p] Гамма наших чувств довольно обширна, и [q—]перед нами встает прежде всего вопрос, идет ли дело о развитии всех вообще чувств или о возмож[ности] некого крит[ического] отношения к нашим чувствам, которое опред[еляет]ся их субъект[ивной] природой. Во всяком случае, обращаясь к чувствам, мы тотчас же увидим, что часть их яв[ляет]ся с полож[ительной] хар[актеристикой] дел ч[елове]ка, а другая часть — с хар[актеристикой] отр[ицательной]; к отр[ицательным] чувствам отнесем, напр[имер], чувства зав[исти], гнева, злобы, мести, подозрительности, уныния, славолюбия (зачеркн., сверху неразб. — *Т. А., В. В.*) и т. д. Эти все чувства, котор[ые] в особенности при сколько-нибудь значит[ельном] развитии могут погубить человека, вредят ему и физ[ически], и нравств[енно], а поэтому самому не т[олько] не подл[ежат] развитию, но д[олжны] быть предметом борьбы со стороны ч[елове]ка. Человеку необх[одимо] развивать только положительные чувства. В области этих чувств выделяются особенно две группы: 1) группа чувств, имеющих центром, главным побудит[ельным] началом индив[идуальную] личность самого человека, не выводящих его за пределы этой личности; 2) группа чувств, имеющих центром нечто стоящее вне ч[елове]ка, выше его, приводящих ч[елове]ка к познанию этого, так же как мысль, работа ума дала ч[елове]ку возможность достигать нечто вне его стоящее (истину). Что касается первой группы чувств, то человек м[ожет] относиться к ним довольно покойно, как они тесно связаны с его личностью и инстинктом: извест[ное] урегулирование таких чувств полезно и необ[ходимо], но об особом их развитии едва ли надо ему заботиться; т[ем] б[олее] что ненорм[альное] развитие м[ожет],

---

[m] *маш. далее*: познанию (л. 1).

[n—n] *в маш. вместо этого*: Истина же — это высочайшее с точки зрения человека понятие, которое неизменно ведет его к добру. Прикладное значение знаний, научных истин ясно само по себе, ясно также, что именно на них основывается в своем происхождении и развитии вся человеческая культура, следовательно, все благосостояние человека. Стремясь к достижению знаний, развивая для этого наши умственные способности, мы участвуем в той великой работе человечества, без которой **оно** (*здесь и далее выделены слова, вставленные от руки. — Т. А., В. В.*) бы погибло в современных или ближайших нам поколениях (л. 1—2).

[o—o] *маш.*: явлениями более сложными, чем явления познавательные, умственные.

[p—p] *маш.*: явлений, как любовь, радость, понимание красоты в различных ее проявлениях, гнев, злобу, мстительность и т. д.

конечно, привести к извест[ному] вреду для данной личности (говорю, напр[имер], о самолюбии, славолюбии, осторожности). Нас м[ожет] интересовать только вторая группа чувств как, во-первых, потому что она ставит человека дальше всего от инстинкта, от непосред[ственных] его побуждений, так и потому, во-вторых, что она открывает человеку нечто вне его стоящее, роднясь с элементами ума. Об особ[ом] развитии этих чувств человеку и необходимо подумать и позаботиться. Я определил бы их общим термином альтруист[ические] чувства, причем отмечая, что все они в к[онце] концов приводят человека к представлению о чем-то, что выше его, вне его. Я различаю тот ряд чувств, которые св[оим] объектом м[огут] иметь непоср[едственно] подобных нам людей — братьев, и тот ряд чувств, которые, устанавливая сочувствие человека к ближ[нему], имеют объектом нечто, стоящее вне человека. Первый ряд чувств обнимает такие, как любовь, самопож[ертвование], нежность, заботливость, и т. д.; второй ряд чувств обнимает чувство красоты во всех ее проявлениях.

Обращаясь к этим обоим чувствам: любви и красоты, человек понимает, что оба они наиболее независимы от его ума; чувство страха м[ожет] б[ыть] и развито, и побеждено рассуждением, также чувство самолюбия, осторожности, бережливости. Но едва ли какой-нибудь поток рассужд[ений] (если в него незаметно не проскальзыв[ает] элемента чувства) может победить или возбудить в нас чувство любви или красоты. Это побуждает нас к более тщательному изучению псих[ической] природы обоих этих чувств: на них основ[ывается] мировоззрение многих людей, охватывающих их терминами религия и вера, на них основ[ывается] посвящение себя красоте в том или друг[ом] ее виде, в том или другом ее проявлении. Т[аким] о[бразом], рядом с жи[тейской] действительностью в жизни нашего общества, как вообще человечества, возникают великие дисциплины, охватыв[ающие] чувства человека и по этим чувствам группирующие челов[ечество] на приверженцев того или иного отвлеченного начала (любви и красоты). Когда я говорю о развитии ч[е]л[ове]ком своих чувств, то имею в виду развитие именно этих альтр[уистических] чувств. Отвечая же, почему так необх[одимо] заботиться об их развитии, я остановлюсь прежде всего на том, что человек одним из своих назначений д[олжен] считать увеличение добра на земле. Несомненно, что нас окружает здесь и добро, и зло, добрые и злые условия; добро содействует прежде всего сохр[анению] человека на земле, зло ведет к его гибели и страданию; доказать это нетрудно; вспомним, с одной стороны, благодетельный гражд[анский] и гос[ударственный] порядок, сохран[явший] жизни граждан, гарантирующий их питание, — мы назовем такой порядок добром; с другой стороны, вспомним войну, анархию, неизб[ежно] ведущие за собой ги//бель тысячи жизней, и смерть как от боли, так и от истощения — это мы назовем злом. Мы инстинктивно д[олжны] стремиться к увелич[ению] добра на земле, понимая, что добро сохранит и охранит также и нас, между тем как зло неминуемо потопит нас с нашими ближними. И вот нетрудно понять, что источником добра на земле являются те добрые чувства, о к[оторых] мы говорили выше. Прежде всего чувство любви порождает те условия, в которых протекает сколько-нибудь обеспеченное сущ[ествова]ние чел[ове]ка: любовь семьи, соседей, а теоретически любовь управляющих нами создаст столь необ[ходимые] для инд[ивидуума] ценности, спа-

сающие его сущ[ествова]ние. Что до чувства красоты, то оно и полож[ительно], и отриц[ательно] тесным образом связано к[освенно] с чувством любви, а прямо и непосредственно с добром. Все красивое, все, что находит наше сочувствие, совпадая с требованиями нашими, мы назовем добром; напротив, все некрасивое, гадкое яв[ляется] синонимом зла. Высокий подвиг пред[ставляет]ся нам красивым, низкая измена — гадким и уродливым явлением; красивое благород[ное] лицо (другой вопр[ос] — пр[авильное] или неправ[ильное]) вызывает в нас представление о добре; между тем как безобразное лицо, отталкивающая наружность как будто предостерегают от[носитель]но возможного со стороны его зла. Человек отлично сознает великое созидательное значение чувств добра и красоты. С тревогой, сомнением он ост[анавливается] на вопросе о генезисе этих чувств. Конечно, чувства эти лежат в нашей природе, они глубоко туда заложены. Вопрос в том, м[ожно] ли объясн[ить] их из более простых элементарных чувств, эволюционировавших в течение многотысячной жизни человечества; наука о чел[ове]ке доказывает, что чел[ове]к развился из б[олее] простого вида животного во всей совокупности своих физических и психических особенностей. Или, б[ыть] м[ожет], эти чувства внушены человеку нечто высоким, вне его стоящим, причем духов[ное] развитие чел[ове]ка не м[ожет] б[ыть] поставлено в зависимость от его развития физического. Считаю этот вопрос, научно весьма интер[есный], безразличным для той цели, которая заставила меня говорить об этом. Дело в том, что никакая наука не в сост[оянии] восстановить в основ[ных] его элементах генезис жизни на земле. Если бы даже признать монизм научно доказанным и выводить физ[ическое] и дух[овное] начало чел[ове]ка из одного общего начала, останется сов[ершено] открытым вопрос о начале самой жизни, о моменте ее возникновения, вопрос о мироздании.

Но существен[ным] для меня представляется другой вывод. Те религиозные учения, к[отор]ые исходят из чувств любви и красоты, представляются близко соответств[ующими] духов[ной] природе человека. Сюда относится прежде всего хр[истианст]во, требующее от ч[елове]ка активной любви к ближ[нему] и к богу. Все учение Христово основа[но], как это ясно выр[ажено] в Ев[ангелии], на учении о любви. Самое познание бога постав[лено] в прямую зависимость от деятельной любви: вера без дел мертва есть.¬ᵠ И вот мне приходится спросить себя: целесообразно ли чело-

---

ᵠ—ᵠ *в маш. вместо этого* (л. 2—6): мне прежде всего предстоит ответить на вопрос, о развитии каких именно чувств должен позаботиться стремящийся к совершенствованию человек. Принимая во внимание, что внешним объектом, главной движущею причиной для одних чувств является сам человек, их носитель, между тем как другие чувства имеют своим объектом и притом объектом сочувственным нечто, стоящее вне человека, каковыми являются, например, его ближние или то или иное воплощение красоты, добра, разума. Первый ряд чувств назову чувствами эгоистическими, второй ряд чувств — альтруистическими, условно суживая и расширяя наши обычные, связанные с этими терминами представления. Среди эгоистических чувств многие содействуют нормальному, здоровому развитию человека, напр[имер], самолюбие, осторожность, бережливость; другие могут стать источником его несчастий и гибели: злость, ненависть, месть, подозрительность, тщеславие. Важно отметить, что положительный характер имеют только те чувства, которые не ставят человека в острый конфликт с его ближними, отрицательный — именно те, которые могут оказаться вредными для окружаю-

веку, сознающему высокое значение хр[истианст]ва, отходить от него по тем или иным соображениям? Я говорю, что человек для своего счастия, для вып[олнения] своего назначения на земле, для осмысления своей жизни д[олжен] стремиться к развитию в себе альтр[уистических] чувств. Раз-

---

щей человека среды. Но те и другие чувства объединяются общим свойством элементарности, простоты, близости к инстинктам. Счастье, благосостояние человека отнюдь не требует нарочитого их развития, напротив, подавление отрицательных чувств является для него существенно важною задачей, так как может привести его в согласие и равновесие с окружающей средой. Об этих эгоистических чувствах мы больше не будем говорить и перейдем к разряду чувств более сложных, чувств альтруистических.

Это, как мы уже говорили, чувство любви, чувство красоты в ее проявлениях, чувство долга и др. Границу между ними и только что рассмотренными, простыми, элементарными чувствами установить не так легко, несмотря на предложенное выше определение; здесь важен момент отрешения от своей личности, от непосредственных своих интересов. Любовь к брату или другу, привязанность к животному или неодушевленному предмету,// восторг перед красивым видом, увлечение мелодией являются сами по себе довольно безразличными проявлениями психики человека. Совершенно иной характер получают эти чувства при своем развитии, направленном волей человека. Тогда они становятся источником новых отношений человека к окружающей среде, тогда они вносят в нее деятельное изменение и в останавливаемом при этом взаимодействии самым решительным образом влияют на духовную личность человека. Человеческая воля может получить соответствующее направление под влиянием тех или иных умственных факторов, но в данном **случае** развитие и устремление может быть вызвано самою интенсивностью рассматриваемых чувств, заложенных в зародышевом состоянии в природе человека. Я не могу останавливаться на эволюции альтруистических (в особом выше указанном смысле) чувств, хорошо понимая, что многими исследователями она ставится в прямую связь с общим культурным развитием человеческих обществ.

Исхожу из факта их развития до чувства активного, до перехода их под влиянием воли из пассивных в активные начала. И прежде всего ставлю вопрос: полезно ли для человеческой личности и человечества развитие названных чувств, нет ли объективных данных, которые бы свидетельствовали о действительной целесообразности и необходимости такого развития. Отвечая на этот вопрос, отмечаю прежде всего, что активные чувство любви, чувство долга, сочувствие красоте дают в своих проявлениях такие результаты, которые мы называем благом, добром; эти блага могут оказаться в отношении как к самому носителю таких чувств, так и к его ближним. Сочувствие красоте облагораживает человека и удерживает его от злых, гнусных поступков; чувство долга содействует его нормальному положению как работника в обществе; чувство любви, активно проявленное в отношении к ближнему, нередко спасает ближнего от гибели, поддерживает его в борьбе за существование, помогает ему совладать со страстями и другими отрицательными свойствами его природы. Человечество нуждается в увеличении добра на земле, оно жаждет добра, оно инстинктивно стремится к нему, ибо разрастание зла грозит утопить человечество и отдельные человеческие личности в пучине зла. Я нисколько не придаю понятиям добра и зла какого-нибудь мистического смысла; я говорю о голых реально//стях; факты красноречиво разъясняют их значение; бывали моменты в жизни человечества, когда все приобретенные упорными усилиями, продолжительною борьбой учреждения, физические и духовные организации оказывались бессильными сдержать потоки зла, насилия, ненависти, и человечество как будто возвращалось к тем первобытным временам, которые в воображении некоторых поэтов были веком детского счастья распускающейся жизни, а на самом деле оказываются поприщем борьбы животных страстей и инстинктов, представленных людьми, еще слишком недавно отошедших (*так в тексте! — Т. А., В. В.*) от своих нечеловеческих предков. Всякий, кто сознательно относится к судьбам человечества в их прошлом и настоящем, должен от всей души ценить те культурные условия, которых оно уже достигло, и должен приложить усилия к дальнейшему их развитию, а это возможно только путем сознательного и система-

вивая по этим основаниям чувство любви, он несомненно постепенно расширит свое чувство до познания в[ечного] источника любви, а таковым религия считает Бога: у человека живого, рассужд[ающего] и чувств[ующего]

тического увеличения добра на земле, следовательно, путем развития в себе и в своих ближних тех чувств, которые одни могут стать источником блага.

Человеку открывается таким образом самый широкий путь для созидания тех ценностей, в которых так нуждается человечество; путь этот, согласно предыдущему, двоякий — это, с одной стороны, развитие познавательного ума, увеличение знаний, а с другой — деятельная активная любовь. Доброе слово ближнему, сердечное участие в его горе, радушные прием, нежная ласка, не говоря уже о действительной помощи, о самопожертвовании, увеличивают сумму добра на земле. Кто знает, быть может, та или иная приветливая улыбка удержит озлобившегося на нас или на других человека от совершения злого поступка. Кто знает, дав приют и пищу нуждающемуся в них человеку, мы, быть может, побудим его в будущем к великому акту милосердия. Кто знает, удержавшись от грубого слова и выговора, мы, быть может, заставим зазвенеть в нашем ближнем самые нежные струны его души. Для нас весьма ценна возможность утверждать, что умственное наше развитие и эмоциональное (чувственное) приводят к одному и тому же результату — к увеличению добра на земле. Между обоими развитиями нет противоречия; они идут согласованно к одной цели. И вот наш вывод заставляет нас обратиться к вопросу о религии, об отношении ее к науке.

Пока я нарочно не говорил о религиозном чувстве: мне хоте//лось, с одной стороны, показать, что не оно одно является источником положительных ценностей в области духовной, а с другой — предыдущие соображения приводят меня к убеждению в тесной связи религиозного чувства с рассмотренными выше альтруистическими чувствами. Эта связь так велика, что известное развитие их порождает самое религиозное чувство. В лице своих философов, поэтов, а также всех нас, рядовых мыслителей, мы неоднократно убеждались в том, что созерцание красоты природы, красоты великого произведения искусства, красоты великого в духовном смысле подвига пробуждает в нас религиозное чувство («Когда волнуется желтеющая нива», Мадонна Рафаэля и т. д.). Можно безошибочно утверждать, что проведенная в жизни деятельная любовь быстро отвлечет нас от частностей и, не остановив нашего внимания на таком коллективе, как человечество, прямо вызовет в нас представление о Боге любви, о любви к Богу. Религия всех стран и народов в той или другой степени приобщила к активным своим элементам человеческие чувства: страх, самосохранение, искание невидимого, но могущественного сочувствия, наконец, благодарность и любовь примешиваются к каждому религиозному чувству даже в наиболее грубых и элементарных формах его проявления. Доминирующим во всяком религиозном чувстве является сознание человеком начала, выше и вне его стоящего; к этому-то началу влекут его чувства, причем именно таким путем происходит подчинение чувств человека религиозному чувству, что ведет дальше к созданию религии, развитию культа. Как именно зарождается в человеке представление о таком начале, для хода дальнейших моих мыслей безразлично; напомню только, что я выше указал один из путей такого зарождения. Охотно соглашусь с утверждением, что эволюция религиозного чувства идет параллельно и в зависимости с общей эволюцией духовной жизни человека. При этом я не считал бы существенным для себя рассуждать в настоящую минуту о дуализме и монизме человеческой природы, хорошо понимая, что учение о монизме остановится в самом конечном итоге перед вопросом о мироздании.

Для меня важно установить, что развитые религии близко под//ходят к той оценке чувств человека в их относительном значении, которую мы, пользуясь небольшим своим опытом, предложили выше; чувства альтруистические признаются угодными Богу, противоположные чувства возводятся иногда к общему злому началу. Но я не знаю другой религии, кроме христианской, которая бы так глубоко проникла в духовную природу человека и выдвинула на такую высоту чувство любви. Христос устами ап[осто]ла Иоанна определил основания своего учения, созданной им религии. Это религия любви по преимуществу. Высшим законом в ней является любовь к Богу и любовь к ближнему, как к самому себе. И, конечно, именно из этих законов

в этой области не теоретически, а всем внутр[енним] своим сущ[еств]ом, должна явиться альтернатива: или создать себе свою, новую религию, или примкнуть к старой, к религии Христа. Обойтись без религии при сильно развит[ой] любви к ближнему, любви деятельной, не пассивной, мне предст[авляется] совершенно невозможным. (Думаю, что ист[инная] любовь[r] подскажет человеку второе [s]—решение:—[s] он останется христианином, ибо в семье верующих он найдет то сочувствие, в котором так нуждается, сочувствие в [t]—глубочай[шем] движущем человека начале — в чувстве любви).—[t] [u]—Как много можно привести примеров того, что чувство красоты возбуж[дает] мысль о боге; наблюдения над величием и красотой природы, восторг перед прояв[лением] красоты в предметах и живых существах постоянно наводит мысль о боге. Тем более открывается человеку пр[е]д[ставле]ние о боге, если только он вступит в атмосферу любви к ближнему, любви высокой, бескорыстной.[2] —[u] Впрочем, против хр[истианст]ва, как религии любви, могут быть выдвинуты два возражения: [v]—возражения эти выдвигаются постоянно, и в изв[естном] смысле способны подточить приверженность к этой религии.—[v] Оба возражения идут, однако, со стороны, которая, казалось бы, меньше всего д[олжна] была бы быть принимаема во внимание в вопросах // чувства, со стороны нашего ума, рассудка. [w]—Во-первых, это—[w] обрядность, играющая такую б[ольшую] роль в обиходе[x] каждого христианина, а во-вторых, это непримир[им]ое противоречие нек[оторых] христ[ианских] догматов [y]—с наукой.—[y] Что касается первого возражения, то оно исходит из рацион[ального] взгляда на религию, требуя согласования ее предписаний, в частности ее проявлений и культа, с предписаниями разума, упуская при этом из виду, что религия как в ее основании, так и во всем развитии представляется областью чувства, где элементам разума в сущности не место, где все иррационально. Подобно тому как нелепо поставить вопрос, разумна ли любовь матери к сыну, также нелепо было бы критиковать отдельные формы проявления этой любви — нежные слова матери, ее заботливость, ее радости и скорби; источниками их является то здоровое чувство, которое связало мать со своим сыном, они неотделимы от чувства, вместе с тем, [z]—однако, по самому сущ[ест]ву св[оему]—[z] являясь

вытекает все то, что Христос требует от верующего: он требует от него прежде всего активной любви («вера без дела мертва есть»; «не всяк глаголяй ми: Господи, Господи» и т. д.); он требует от него внутренней красоты и борьбы с теми душевными изъязвлениями, которые могут ее затемнить; он рисует в идеале полное самоотречение человека и самопожертвование за други своя; но эти требования не навязываются ч[е]л[ове]ку насильно; к соответств[ующему] настроению и подвигу человек придет в результате развития чувства любви к себе и к своим ближним.

[r] *в маш.далее*: неизменно

[s—s] *маш.*: из приведенных возможных решений:

[t—t] *маш.*: котором так нуждастся самое чувство любви, ибо в семье верующих он найдет себе подобных.

[u—u] *в маш. данный фрагмент отсутствует.*

[v—v] *маш.*: способных подточить и действительно подтачивающих приверженность к этой религии.

[w—w] *маш.*: Это, во-первых,

[x] *в маш. далее*: религиозной жизни.

[y—y] *маш.*: науке, положительным знаниям человека.

[z—z] *в маш. этот фрагмент отсутствует.*

чем-то второстепенным, внешним. Сообразив, что в данном примере дело идет об индивидуальной привязанности, м[ежду] т[ем] как любовь, заповедываемая религией, принадлежит целым народам, всему человечеству, и не в один наст[оящий] момент их жизни, а в течение многовекового периода; понятно, что обрядность, проявляющая религ[иозное] чувство, становится по традиции устойчивой, как бы неотделимой от веры, как бы обязательной для верующего. Но смешать эту обрядность с религией также невозможно, как смешать нежные слова матери к сыну с самим чувством ее к нему. Христ[ианскую] религию нетрудно освоб[одить] от обрядности, нетрудно вернуться к чистым и основным источникам ее, сохраненным в Писании, но несомненно, что, став началом живой веры, сильного религ[иозного] чувства, эти источники тотчас же создадут для проявления своего новые формы, новую обрядность. Подчинить религию чувства контролю ума, как это пыт[аются] сделать рацион[алистические] учения, это то же, что убить религию в ее основаниях, это то же, что задушить ее в тисках.[aa]— В изв[естном] смысле свобода религии—[aa] необх[одима] и неизбежна, но это д[олжна] б[ыть] свобода чувства:[bb] можно[cc] сов[ершенно] отрешиться[dd] от христ[ианской] обрядности и оставаться при этом убежд[енным][ee] христианином. Правда, человек религ[иозный] [ff]—подвергает свое чувство великой опасности, не давая своб[одного] для него выхода, не указывая путей для его проявления,—[ff] он может оказаться верующим в теории, иначе потерять веру, подобно тому как перестает любить мать своего сына, когда проникается мыслью, что любит его и должна любить только по принципу или в принципе. Но живой человек [gg]—проявления своего религ[иозного] чувства сумеет поставить на путь иного деятельного начала, если почему-либо вр[еменно] или случайно отошел от обрядности.—[gg] Возражая евр[ейским] учителям, хр[анителя]м субботы, Христос заявил, что в субботу можно и д[олжно] работать на пользу, на спасение своего ближнего. Вера [hh]—без дел мертва:—[hh] заменив обрядность велик[ими] делами хр[истианской] любви и милосердия, человек не отойдет от Христа, [ii]—не потеряет своей религии.—[ii] Второе возражение[jj] касается противоречия религиозному учению хр[истиа]н многих научных истин и обоснованных гипотез; но эти противоречия едва ли касаются сути хр[истианст]ва даже в сколько-нибудь замет-н[ом] отношении. Все христ[ианское] учение основано на заповеди о люб-

---

[aa—aa] *маш.*: Свобода в религии, в исповедании ее и культе

[bb] *в маш. далее*: а не подчинение его разуму

[cc] *в маш. далее*: по велению чувства

[dd] *в маш. далее*: по крайней мере на время

[ee] *в маш. далее*: глубоко верующим

[ff—ff] *маш.*: не давая свободного для чувства выхода, подвергает самое чувство великой опасности

[gg—gg] *маш.*: временно отошедший почему-либо от обрядности, сумеет поставить проявление своего религиозного чувства на путь иного деятельного начала, которое в конце концов неминуемо помирит его с обрядностью, ибо живой не утративший веры человек не может не стремиться к общей молитве в церкви и к иному молитв[енному] общению с верующими.

[hh—hh] *маш.*: мертва без дел, а не без обрядов.

[ii—ii] *в маш. этот фрагмент отсутствует.*

[jj] *в маш. далее*: делаемое христианству,

ви, а эта заповедь не м[ожет] стать предметом научного анализа или рассуждения. Если в [kk]—нек[оторых]—[kk] книгах, признаваемых хри[стиана]ми сво[ими,] находятся положения, не согласуемые с наукой, то ставить эти положения как исходные во взгляде на хр[истиан]скую веру было бы крайне неостор[ожно] и легкомысленно; между заповедью Христовой о любви и учением Моисея о ходе мироздания нет органической, неразрывной связи; между запов[едью] Хр[истовой] о любви и [ll]—сказаниями евр[ейского] народа о древн[их] своих судьбах—[ll] нет вообще никакой связи; между запов[едью] Христовой о любви и чудесами, где проявляется сила веры, подвергающейся сомнению того, кто ее не имеет, также нет необходимой связи.[mm] Чувству и уму не следует входить ни в конфликты, ни в соглашения. Доказать удобоприемлемость наук естествен[но]-исторических для вер[ующего] хр[истиани]на предст[авляет]ся совершенно бесполезным: такими доказательствами в человеке не зажжется источник любви к ближн[ему] и к богу; в лучшем случае получится христ[ианство] по принципу, но как указано выше, рационалист[ическое] отношение к религ[иозному] чувству исключает самое чувство, заглушает его. Любовь к ближ[нему] д[олжна] заставить нас радоваться тем успехам, которыми увенч[али]сь и увенчив[аются] труды человека в его искании истины; каждое приобрет[ение] науки служит к украшению того объекта любви, который принадлежит нам; устремив все старание [nn]—к увеличению—[nn] добра на земле, полагая, что той же цели служат или хотят служить и др[угие] люди, мы к таким приобрет[ениям] ума человека можем относиться с верой в то, что они т[ак] или иначе могут стать новым могущ[ественным] средством для развития человека и для укрепления на земле добра.[oo]

[pp]—Мы подошли еще раз к задаче чел[ове]ка. Он д[олжен] стремиться к всестор[оннему] развитию. Напряжение ума, научная работа, приобретение знаний ведет и его, и его ближних к тому совершенству, которое так необходимо для водворения и укрепления добра на земле. С другой стороны, развитие альтр[уистического] чувства и прежде всего деят[ельной] любви открывает путь непосредственного насаждения добра и увеличения его на земле. Каждое доброе слово к ближ[нему], каждая ласка, каждое нежное движение вызывают в наших ближних сочувств[енный] отзвук, иногда незаметный, скрытный, но обыкновенно в к[онце] концов дающий заметные плоды, смягчающий их душу, побужд[ающий] их к доброму примеру, порождающий в них элементы любви. Вера без дел мертва есть: но возможность делать, возможность прояв[лять] свое чувство любви безгранична.

[kk—kk] *маш.*: некоторых

[ll—ll] *маш.*: сохранившимися в Библии сказаниями о древнейших судьбах еврейского народа

[mm] *в маш. далее:* Психологическая подкладка чудес может быть обоснована научно; Христос не задавался целью отменить законы, управляющие миром и психикой человека, но нашел в глубоких основаниях этой психики фундамент для новых отношений человека к его ближним и к Богу. Едва ли любящий сын посмеется над рассказами старой матери о прошлом их страны и народа: быть может, любовь подскажет ему бережную их передачу своим детям.

[nn—nn] *маш.*: к увеличению

[oo] *в маш. далее*: Сообразив все вышесказаннос, я на вопрос: в чем смысл жизни? отвечаю: во всестороннем развитии духовной жизни человека, его воли, его ума и чувства.

И назначением человека является умелое, гармоничное сочетание усилий ума и чувства для великого служ[ения] человечеству, изнывающему от зла, рвущемуся к свету и добру. Это гармоничное сочетание м[ожет] б[ыть] достигнуто усилиями нашей воли, целесообразно направленной к использованию тех способностей, к[о]т[о]р[ые] лежат в глубине нашей природы. Трудная задача на жизн[енном] пути человека должна начинаться с воспитания его воли, с направл[ения] ее на пользу самого человека и его окружающих. Вот почему на вопрос: в чем смысл жизни? Я отвечаю: во всестор[оннем] развитии его дух[овной] жизни.

Прими во вним[ание], моя дорогая Соня, что сказанное мною — это крик набол[евшей] души; я прожил жизнь совершенно ненормально; я развива[л] в себе только умств[енные] интересы; область чувства не была мне, правда, чужда, но я не сумел внести в ее развитие деят[е]льн[ые] начала, а потому как личность заглох и поблек очень рано. От души желаю тебе избежать той дух[овной] смерти, которую я д[олжен] б[ыл] видеть очень рано. Пусть прим[ер] отца не соблазнит тебя: у тебя крепкий ум и золотое сердце. Ты можешь, если сочтешь нужным, показать эту рукопись нежной и способной к акт[ивной] любви Кате;[3] также дорогой маме, полной самоотвержения и развившей в себе так напряженно чувство долга;[4] также дорогой т[ете] Жене,[5] всю жизнь свою не отходившей от церкви. После моей смерти можешь показать и другим, если надо, но пусть мои жалкие рассуждения не послужат для насмешки и осуждения. Я отнюдь не хочу выступать с публичным покаянием!—pp

---

pp—pp *в маш. этот фрагмент отсутствует.*

[1] Зусман Самуил Соломонович (1880—не ранее 1939 г., литературный псевдоним — Гарт) — философ, публицист, автор книг: «Революция и наши партии» (М., 1907), «Почему зашаталась Россия: бывшая русская правда и будущая» (СПб., 1910), «Человеческое Я перед лицом истины, свободы и смерти» (Пг., 1917). С 1917 г. — сотрудник Государственной публичной библиотеки (далее ГПБ (ныне — РНБ)), уволен в 1933 г. В октябре 1919 г. служил в Отделении философии и педагогики ГПБ. Читал лекции по введению в философию студентам университета и медицинского института летом 1918 г. Возможно, А. А. Шахматов имел в виду одну из его лекций в университете этого времени. Кроме того, С. С. Зусман с 1919 г. преподавал в профсоюзной школе Центрального района и общеобразовательной школе Политического управления Балтийского флота. См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Т. 1. Императорская публичная библиотека. 1795—1917. СПб., 1995. С. 226—227. Из дневника В. И. Вернадского явствует, что С. С. Зусман был еще жив в 1939 г. Из того же источника следует, что С. С. Зусман возглавлял Отдел инкунабул и эльзевиров ГПБ «при Радлове» (т. е. в период директорства Э. Л. Радлова в 1918—1924 гг.), а в 1939 г. работал учителем математики и немецкого языка в одной из школ Вологодской области. См. электронную версию неопубликованного дневника В. И. Вернадского за 1939 г.: srcc.msu.su/uni-persona/vernadsky/1939.htm-844k.

[2] В рукописи здесь стоит знак //, возможно указывающий на абзац.

[3] Младшая дочь А. А. Шахматова Е. А. Шахматова.

[4] Жена А. А. Шахматова Наталья Александровна Шахматова (в девичестве Градовская).

[5] Старшая сестра А. А. Шахматова Е. А. Масальская.

ПРИЛОЖЕНИЯ*

1. МАТЕРИАЛЫ ДОКТОРСКОЙ ЗАЩИТЫ Н. Е. НОСОВА

В октябре 1968 г. на Ученом совете истфака Ленинградского государственного университета состоялась защита докторской диссертации Н. Е. Носова, которая составила основу вышедшей вскоре монографии «Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного» (Л., 1969). Оппонентами выступили крупнейшие отечественные специалисты по истории феодальной России — Л. В. Черепнин, В. В. Мавродин, А. Л. Шапиро.[1] Хотя со времени защиты прошло уже почти сорок лет, затронутые в дискуссии вопросы не потеряли своей актуальности и в наши дни. В отзывах оппонентов показаны наиболее сильные стороны научного таланта Н. Е. Носова.

Отзывы официальных оппонентов.

Доктор исторических наук, профессор Л. В. Черепнин.

О диссертации Н. Е. Носова «Становление сословно-представительных учреждений в России: (Изыскания о земской реформе Ивана Грозного)». Л., 1968, 1117 машинописных стр.

Работы, подобные монографии Н. Е. Носова, появляются нечасто. Для их написания необходимы и многолетний труд, и многолетние творческие раздумья. Рассматриваемая книга отмечена обеими этими чертами. К сказанному хочется добавить, что в более ранней монографии Н. Е. Носова, посвященной совсем другой теме — городовым приказчикам и губной реформе, содержались некоторые идеи, которые сейчас нашли дальнейшее развитие: например, близость к русской действительности отдельных явлений, ха-

---

* Публикуемые в «Приложениях» материалы представлены сыном Н. Е. Носова Евгением Николаевичем Носовым.

[1] На защите присутствовали и принимали участие в дискуссии ведущие ленинградские историки, а также приехавшие из Москвы видные специалисты по истории России XVI в. — А. А. Зимин и С. О. Шмидт. Выступление С. О. Шмидта на защите получило отражение в его рецензии на монографию Н. Е. Носова «Становление сословно-представительных учреждений в России» (Л., 1968), опубликованной в журнале «История СССР» (1971. № 1. С. 180—183) и перепечатанной в книге: *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 201—206.

Выступление на защите докторской диссертации на историческом факультете ЛГУ 17 октября 1968 г.

рактерных для эпохи первоначального накопления на Западе. Это указывает на последовательность творческой мысли исследователя и зрелость его выводов.

Мне думается, что труд Н. Е. Носова очень своевременно делается достоянием научной общественности, ибо изыскания о земской реформе Грозного он связывает с постановкой двух больших проблем: о зарождении буржуазных (или предбуржуазных) явлений на русском Севере и о характере русской сословно-представительной и абсолютной монархии. А обе эти проблемы являются сейчас предметом дискуссии, часть участников которой выступает с обоснованием теории, которая мне не представляется убедительной. Это теория контраста исторического развития России и ряда стран Запада в XVI—XVII вв. — именно контраста, а не своеобразия. Так, А. Н. Чистозвонов доказывает наличие особого, русско-испанского, крепостнического, варианта абсолютизма, который возникает «не из спонтанного буржуазного... развития», а насаждается господствующим классом феодалов и при котором структура государственных учреждений нередко «рецептируется с западно-европейских образцов», наполняясь крепостническим содержанием (*Чистозвонов А. Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // ВИ. 1968. № 5. С. 62). По мнению другого автора — М. П. Павловой-Сильванской, «неограниченная монархия в России складывается в виде „азиатских форм правления” — деспотии, централизованной неограниченной монархии, которая формируется в борьбе с монгольской империей и ее наследниками на базе натурального хозяйства и общинной организации деревни, а затем укрепляется в процессе создания поместной системы, закрепощения крестьянства и перехода к внешней экспан-

сии» (*Павлова-Сильванская М. П.* К вопросу об особенностях абсолютизма в России — История СССР. 1968. № 4. С. 83).

Эти схемы представляются мне весьма упрощенными. Конечно, бесспорно, что в конце XVI в. в России установилось крепостничество, а в XVII в. его роль усилилась. Несомненно, что русскому самодержавию были присущи черты деспотизма. Но свести лишь к этому процесс исторического развития — значит, по-моему, очень его обеднить. Диссертация Н. Е. Носова привлекает как раз широтой и разносторонностью постановки проблемы. Автор говорит, что в конце XV—XVI в., в переломный период в жизни ряда западноевропейских государств, и Россия переживала экономический подъем, и в ней наблюдались симптомы новых явлений предбуржуазного характера. Они не были достаточно сильны, их приглушало надвигавшееся крепостничество. Но они накладывали определенный отпечаток и на социально-экономическую действительность, и на политический строй.

Такой угол зрения представляется мне весьма перспективным. Единственное замечание, которое я позволил бы себе сделать в этой связи, заключается в том, что Н. Е. Носов, касаясь двух возможных для России путей развития, мне думается, несколько злоупотребляет сослагательным наклонением. По-моему, лучше говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было и почему было так, а не иначе.

Я считаю весьма плодотворными и другие методологические предпосылки исследования Н. Е. Носова. Так, мне кажется, он правильно рассматривает боярство как среду далеко не однородную и не занимающую единой позиции в политической борьбе.

Наряду с достоинствами методологического порядка хотелось бы отметить в работе и достижения в области источниковедения. Автор был лишен возможности воспользоваться документами архивов местных земских и приказных изб XVI в., ибо они утрачены. Ему пришлось провести сплошное обследование источников изучаемого времени, по крупицам собирая материал. Построить целостное здание из отдельных разрозненных частиц — дело сложное и требующее мастерства. Н. Е. Носов, думается, с этим делом справился очень успешно. Говоря о его методике, прежде всего следует, я считаю, отметить историко-генеалогические изыскания, давшие ему возможность, например, проследить непрерывность развития ряда фамилий нарождающегося купечества.

Диссертация состоит из нескольких очерков, каждый из которых по существу представляет отдельное монографическое исследование. Первый очерк посвящен анализу Собора «примирения» 1549 г., Судебника 1550 г., земской «уставной грамоты» 1551 г. Здесь дается очень тонкий, детальный, скрупулезный анализ источников, в результате которого автор приходит к ряду новых выводов. Так, по моему, убедительно доказывается (хотя, вероятно, по этому вопросу еще и будут споры), что был один «собор примирения», который состоялся в феврале—марте 1549 г., и он положил начало введению на местах органов земского самоуправления. Обстоятельно обследованы Судебник, Стоглав, уставная грамота Плесской волости.

Второй очерк — «Генеральная ревизия тарханов», подобно первому, по-моему, интересен не только как глава диссертации, но и как этюд, имеющий самостоятельное научное значение. Меня прежде всего очень при-

влекает общий подход к проблеме, характерный вообще для представления Н. Е. Носова о России XVI в. как стране, находящейся на перепутье: «Земство и феодальный иммунитет как бы противостояли друг другу, точно так же как противостояли друг другу те общественные силы, интересы которых они представляли, а именно посадские люди и крестьяне, стремящиеся к утверждению общего (в конечном счете) буржуазного права, порядка равенства, и бояре и дворяне, отстаивающие свои привилегии и свое право на феодальную эксплуатацию. Это была классовая борьба, борьба за разные пути развития России». Это основная идея, положенная в основу исследования, дала возможность Н. Е. Носову сделать целый ряд важных конкретных наблюдений и выводов, чему немало способствовали умелые источниковедческие приемы анализа жалованных грамот.

В данной главе большое место занимает полемика Н. Е. Носова с С. М. Каштановым. Я не буду касаться расхождения этих двух ученых по поводу интерпретации отдельных актов, событий, явлений. Такие расхождения неизбежны, а неясность, отрывочность, бедность многих источников часто мешают с уверенностью примкнуть к тому или иному толкованию. Я коснусь расхождений общеметодологического (а может быть, методологического) порядка. Их два.

Во-первых, Н. Е. Носов пишет: «...мы совершенно не согласны с его (т. е. С. М. Каштанова) общей презумпцией о непосредственной связи той или иной политической конъюнктуры в правительственных кругах с характером выдаваемых правительством иммунитетных грамот, а именно, что „выдача каждой иммунитетной грамоты обусловливалась прежде всего конъюнктурными соображениями" „великокняжеской или удельно-княжеской политики" — „каждый акт подобного рода преследовал цели несомненно политические"».

Чем же мотивирует свое «несогласие» Н. Е. Носов? Во-первых, он считает, что точка зрения С. М. Каштанова «явно не вяжется с марксистским положением об иммунитете» как «атрибуте» «феодальной земельной собственности» (К. Маркс), возникшем на определенном этапе развития и отнюдь не могущем быть регулируемым «прежде всего политическими соображениями». Во-вторых, по мнению Н. Е. Носова, «получение феодалами, в данном случае монастырями, иммунитетных грамот определялось прежде всего и, как правило, не конъюнктурными соображениями правительственной политики (они имеют место лишь в особых случаях, и это исключение, а не правило), а потребностями самого характера феодального землевладения и хозяйства...». В-третьих, формуляр иммунитетных грамот устойчив, архаичен и отнюдь не подвержен «синхронным» изменениям в зависимости от тех или иных явлений политической жизни.

Возражения Н. Е. Носова С. М. Каштанову меня не убеждают. Скажу более: они, мне кажется, уводят с той дороги, идя по которой, можно подойти к правильному решению вопроса. В заявлениях С. М. Каштанова чувствуется несомненное увлечение. Отсюда стремление в «каждом акте» и «прежде всего» усмотреть соображения «политической конъюнктуры» (термин, по-моему, не очень удачный). Но ведь суть-то не в этом, а в том, что жалованная грамота — это политический документ, а ее выдача — акт государственной политики, который не может быть не связанным с обще-

политическим курсом правительства. Вот в чем существо и, я бы сказал, сила концепции С. М. Каштанова (если отрешиться от всех ее издержек и крайностей).

Я не понимаю: в чем здесь отступление от марксизма? Бесспорно, что иммунитет был атрибутом земельной собственности (кстати, если быть точным, Маркс пишет — не «иммунитет», а «высшая власть в военном деле и в суде») (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 344). Но ведь речь идет об отношении к этому «атрибуту» государственной власти, проявляющемся через жалованную грамоту. Это же особый вопрос. Ничего не дает и ссылка на «потребности самого характера феодального землевладения и хозяйства». Это глубинная подоснова процессов, совершающихся в общественной жизни. Но как только мы вступим в область конкретной борьбы политических группировок, партий, правительственных курсов, так для объяснения всего этого нам потребуется не только базисные (это — первопричина), но и надстроечные (и иногда — главным образом надстроечные) явления.

Что касается «архаичности» и «устойчивости» формуляра жалованных грамот, то, во-первых, это не всегда так, а, во-вторых, сама архаика требует объяснения.

Мне думается, что действенность той или иной методики, убедительность той или иной концепции проверяется практикой. По-моему, методика С. М. Каштанова (кстати, применяемая не только им и не только в отношении грамот XVI в.) дала небезынтересные результаты.

С меньшей уверенностью я высказываюсь по поводу другого пункта расхождения между Н. Е. Носовым и М. М. Каштановым — о возможности и полезности статистического обследования (в плане хронологическом или монографическом) сохранившихся жалованных грамот. Н. Е. Носов считает, что дошедший до нас материал отрывочен и случаен и поэтому «всякие статистические подсчеты и опосредствования» могут быть применены к нему «лишь крайне дифференцированно». По мнению С. М. Каштанова, напротив, «мы имеем... не случайный отрывочный материал, а основной комплекс выданных в изучаемое время жалованных грамот», поэтому их статистическое изучение вполне правомерно. Думаю, что исследовательская осторожность заставляет пока склониться к позиции Н. Е. Носова. Но я не ограничился бы только скепсисом. Мне все же представляется, что сопоставление сохранившихся грамот из разных фондов, копийных книг и описей актов, ссылок одних актов на другие поможет установить, каково было их реальное наличие. Во всяком случае, поставить такую задачу надо.

Третья глава диссертации «Земская реформа на черносошном Севере» на меня произвела особенно сильное впечатление. По-моему, это блестящий очерк. Проблема зарождения среди черносошного крестьянства и посажан Подвинья «новых социальных отношений, отношений в известной мере уже предбуржуазных», получила здесь убедительное разрешение на конкретном материале. Большой творческой удачей автора является то, что ему удалось проследить судьбы целого ряда поколений фамилий местных богатеев, «лучших» людей, «торговых мужиков» промышленников, в руки которых перешло местное управление на севере в результате земской реформы. А благодаря своим генеалогическим изысканиям автор сумел рас-

крыть и социальный смысл земской реформы: двинские богатеи «откупились» от феодального государства и его органов, получив за это широкую судебно-административную автономию, и это открыло широкие просторы их торговой и промышленной деятельности и облегчило возможности эксплуатации двинской бедноты.

Затрагивая литературу по интересующему его вопросу, Н. Е. Носов касается книги Д. П. Маковского «Развитие торгово-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке» (Смоленск, 1963), оценивая ее довольно положительно. По словам Н. Е. Носова, Маковский прав «в главном и основном», а именно в том, «что общеевропейские процессы (зарождение буржуазных отношений) затронули и территорию Русского государства, где как раз в этот период и возникают первые „зачатки" капиталистического уклада в ее феодальном хозяйстве». Недостаток же исследования Маковского Н. Е. Носов видит в известной модернизации и нивелировке экономической жизни России XVI в.

Мне думается, сказанного недостаточно. Я так же, как и Н. Е. Носов, считаю, что у Маковского имеются и интересные материалы, и верные наблюдения. Но следует отметить большое несовершенство его источниковедческой методики, заставляющее критически воспринимать ряд его положений.

С большим мастерством проведен в главе четвертой анализ «Уложения о кормлениях и службе» 1555—1556 гг. и боярской книги 1556 г. Мне нравится характеристика второго этапа земской реформы как проявления политического компромисса трех социальных сил (боярства, дворянства и купечества) — компромисса, давшего возможность русскому самодержавию превратиться в «особую самодовлеющую над всеми слоями русского общества политическую силу».

Чрезвычайно насыщена материалом глава пятая, в которой поуездно рассматривается, как проходили отмена кормлений и введение откупной системы на территории России в 1555—1556 гг. Проведенное автором исследование дает ему право сделать обоснованный вывод, что земская реформа не только на севере, но и в центре совершалась в два этапа. Данные о более чем 200 кормленщиках рисуют правящую верхушку московского общества, которая отнюдь не выступала против государственной централизации. Вывод этот вносит существенные коррективы в распространенные представления о политической истории России в XVI в.

Последний очерк (небольшой по размерам, но ярко написанный) посвящен деятельности губных старост, которым земские старосты все больше должны были отдавать свои позиции. Это борьба земского и приказного начал.

Диссертации явно не хватает заключения. Я имею в виду не формальное заключение, в котором коротко бы повторялись выводы, ранее суммированные по отдельным главам. Это как раз не обязательно. Я имею в виду другое. Мне хотелось бы, чтобы автор монографии, дающей так много нового для понимания развития Русского государства XVI в. в связи с социально-экономическими сдвигами, тогда происходившими, подводя итоги своему исследованию, поставил бы свои наблюдения и выводы в рамки мировой и русской истории. Мне хотелось бы, чтобы была дана историческая

перспектива: Россия до земской реформы и после нее, на пути к опричнине и крепостному режиму; общие закономерности и своеобразие ее исторических судеб. Частично все то, о чем я говорю, нашло свое отражение в виде разбросанных по диссертации мыслей, характеристик, замечаний, иногда очень ярких и запоминающихся. Но мне думается, что они все же не восполняют итога, завершающего исследование. Если бы Н. Е. Носов счел возможным дать его в готовящейся к изданию книге, это книгу очень украсило бы. Особенно это важно, по-моему, потому, что сейчас идут большие дискуссии о генезисе капитализма, о сословно-представительной монархии, об абсолютизме, а для решения поднимаемых вопросов монография Н. Е. Носова дает богатый материал.

Я резюмирую: диссертация Н. Е. Носова — оригинальный творческий труд. Материал собран огромный, препарирован он умело, рукой опытного исследователя. Источниковедческие приемы автора отличаются большой доброкачественностью и мастерством. Его методологические посылки плодотворны, основные выводы аргументированы убедительно. Это зрелое исследование, представляющее собой вклад в науку. Автор обсуждаемой диссертации вполне заслужил присуждения ему ученой степени доктора исторических наук.

Доктор исторических наук, профессор В. В. Мавродин.

В течение довольно длительного времени советских исследователей интересуют важнейшие проблемы развития феодализма в России. И среди них далеко не последнее место занимают такие проблемы, как генезис капитализма и сословно-представительная монархия в России.

Не случайно и генезис капитализма ab ovo, от зарождения буржуазных элементов в стране, и складывание сословно-представительной монархии, и становление абсолютизма являлись и являются предметом дискуссий.

Дискутируется вопрос о начале буржуазных элементов в России, о характере ремесла и рыночных связей, денежного обращения и наемного труда, об имущественном и социальном расслоении в деревне, о времени зарождения и развития всех этих явлений, о соотношении феодального и буржуазного начал в народном хозяйстве страны, о так называемой «восходящей» и «нисходящей» фазе или стадии развития феодализма в России. Нет сомнения в том, что обсуждение этих проблем, длящееся не один год и вовлекшее много исследователей, является убедительным доказательством важности и актуальности перечисленных вопросов.

Исследование Н. Е. Носова, казалось бы, судя по названию, посвященное только одной из сторон развития государственного строя России XVI в., на самом деле затрагивает все эти проблемы. Оно не только разрешает одну из важнейших проблем становления сословно-представительных учреждений в России, а именно проблему земской реформы Ивана Грозного, но и ставит важнейшие спорные вопросы экономического развития и государственного строя России XVI в. in corporae.

Поэтому, говоря о диссертации Н. Е. Носова, я прежде всего хочу подчеркнуть охват ею больших теоретических проблем отечественной истории, а это первое и основное требование, предъявляемое к диссертациям,

защищаемым на предмет соискания ученой степени доктора исторических наук.

На каком материале строится исследование Н. Е. Носова?

Следует в первую очередь отметить крайнюю скудость источников. В отличие от М. М. Богословского, имевшего в своем распоряжении большое число источников по истории земского управления на Севере в XVII в., Н. Е. Носов столкнулся с большими трудностями в области разыскания материалов по земским учреждениям XVI в. Так, например, от XVI в. до нас дошло всего 12 уставных грамот. Такую лакуну не могут восполнить немногочисленные документы, отложившиеся в результате деятельности земского самоуправления: челобитья, разрубы, отписки, тяглые выписи и т.п. Н. Е. Носов указывает на основную причину бедности источников. Она заключается в том, что земская реформа Ивана Грозного просуществовала недолго. Сметенная опричниной в центре и на юге, земская реформа пустила глубокие корни в почву только на севере, на черных землях. Бедность материала побудила Н. Е. Носова проделать огромную работу по выявлению источников, имеющих прямое или косвенное отношение к реформе Грозного. Н. Е. Носов провел сплошное обследование всех актовых материалов XVI в., писцовых книг, разрядов и летописей. Он изучил более 1000 жалованных грамот. Такая работа, требующая большого исследовательского мастерства и огромного времени, проделывается впервые. Весьма результативным для исследования явился проделанный Н. Е. Носовым анализ Боярской книги 1556 г. и сопоставление ее с актовым материалом и писцовыми книгами. Этот анализ дал возможность установить время проведения земской реформы более чем в 30 уездах.

Очень интересно и оригинально интерпретируется такой своеобразный материал, как генеалогия.

В этом отношении (о социальном содержании процесса я скажу несколько дальше) представляет большой интерес генеалогия Амосовых. В свое время, в 1958 г., подвергнув на страницах «Известий Всероссийского географического общества» (т. 90. № 1) критике книги К. С. Бадигина «Путь на Грумант», «По студеным корням» и другие его работы, я отбрасывал версию о знатоках «Уставца море-окияна» Корове и Амосе Коровиниче. Не имея никаких материалов, побуждающих меня отказаться от характеристики «Уставца» как подделки, на что указали также В. П. Андрианова-Перетц и Д. С. Лихачев, я склонен, учитывая материалы, введенные в научное обращение Н. Е. Носовым, в легенде о начале рода Амосовых найти зерно исторической действительности.

Большой заслугой Н. Е. Носова является то обстоятельство, что, располагая ничтожным числом материалов, прямо отражающих земскую реформу Ивана Грозного, он привлек такое громадное число источников, имеющих к ней то или иное касательство, что необычайно расширил базу своего исследования и тем самым создал условия для успешного его завершения.

Итак, второй вывод, который следует сделать, — диссертация Н. Е. Носова являет собой образец источниковедческого мастерства зрелого исследователя.

Предшественников у Н. Е. Носова по сути дела нет. М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, С. О. Шмидт, И. И. Смирнов, занимаясь зем-

скими соборами, уложением о кормлении и другими вопросами, оставляли в стороне земскую реформу.

Н. Е. Носов полагает, что вопрос о земской реформе всплыл на Соборе «примирения» 1549 г. Стоглавый собор наряду с Новым Судебником («царским») принял специальную «уставную грамоту», в которой речь шла об основных обязанностях и функциях земских органов.

Все эти события Н. Е. Носов совершенно справедливо связывает с обострением классовой борьбы в стране. Социальные стремления торговых и посадских ремесленных людей и крестьянства черных волостей в определенной степени нашли отражение в реформах 1549—1550 гг. Судебник 1550 г. предусматривал ограничение деятельности наместников и волостелей местными земскими властями — «судными мужами», старостами и целовальниками, избираемыми из числа «лучших» посадских людей и крестьян. «Судные мужи» участвовали в суде наместников и волостелей, следили за из деятельностью, блюли интересы посадских и черносошных крестьян. «Лучшие люди», составлявшие земские власти, стремились взять в свои руки все «мирские» дела, творить суд и расправу, собирать налоги и т. п. Это стремление встречало отпор со стороны бояр и центральных властей, и поэтому реформа, как и многие другие реформы той поры, носила половинчатый характер.

Н. Е. Носов полагает, что общее решение о начале проведения земской реформы было санкционировано Стоглавым собором 1551 г. Текст «уставной грамоты», принятый Стоглавым собором, до нас не дошел. Используя материалы Стоглавого собора и более поздние земские уставные грамоты, Н. Е. Носов реставрирует подлинный текст «уставной грамоты», принятой собором.

Наибольший для меня интерес представляет глава третья, посвященная земской реформе на черносошном Севере.

Н. Е. Носов убедительно доказывает, почему на Севере ни Новгород, ни даже Москва не могли создать прочное и долговечное феодальное землевладение. Там, где русский крестьянин не попадал в железные объятия феодальной системы — идет ли речь о Севере, или о других землях, — социальная эволюция шла в одном определенном направлении.

Н. Е. Носов убедительно доказал, что в среде черносошного крестьянства Подвинья социальная дифференциация обусловливалась в первую очередь неравенством в пользовании землями и угодьями. Используя труд половников и наемную рабочую силу, что по сути дела мало чем отличалось друг от друга, двинские «торговые мужики» с течением времени выходили в купцы гостиной сотни, в купечество первой гильдии. Чрезвычайно важным для понимания экономического развития Севера является установленный Н. Е. Носовым процесс дефеодализации и окрестьянивания бывших двинских «бояр» и «своеземцев». Богатейшие владельцы деревень, солеварниц, рыболовных участков и т. п. — все эти Амосовы, Кобелевы, Босые, Савины, Барсины, Кустовы, Москвины и другие — были доподлинной посадско-крестьянской буржуазией. Именно буржуазией, а не предбуржуазией, как пишет Н. Е. Носов. Но об этом несколько слов дальше.

Н. Е. Носов совершенно прав, когда отмечает большое значение процесса зарождения посадско-крестьянской буржуазии на Севере, в Поморье,

еще в XVI в. Прослеживая историю этих семей, Н. Е. Носов находит предков «торговых мужиков» XVI в. в «своеземцах» и «бояришках», а потомков — в гильдейском купечестве XVIII в., во владельцах судостроительных верфей, металлургических заводов и т. п. Таков путь Амосовых и Поповых, Баженовых и Савиных, Звягиных и Шуйгиных, Дудиных и Портновых. Из этой социальной среды выходили земские старосты. Эта социальная среда взяла в свои руки земское самоуправление. Выводы, к которым приходит Н. Е. Носов в своем исследовании, являются чрезвычайно важными.

Нельзя отказать советским историкам в отсутствии внимания к России XVI в. Но их внимание привлекали главным образом политические события, яркая и противоречивая фигура самого Ивана Грозного и, конечно, опричнина. Опричнина заслонила многое из русской истории XVI в. Исследование Н. Е. Носова выпадает из этого общего плана и в некотором роде сближается с трудами С. В. Бахрушина. Н. Е. Носов ставит большую и важную проблему социально-экономического развития России в XVI в., проблему буржуазных элементов. Я считаю такую постановку вопроса очень важной, вытекающей из многочисленных источников.

Н. Е. Носов считает возможным говорить о двух путях развития России — крепостническом и буржуазном. Я бы сформулировал этот тезис иначе: речь должна идти не о двух путях, а о формах, степени и темпах развития буржуазных элементов в феодальном обществе России XVI в. Эти элементы зарождались, развивались, гибли в процессе неравной борьбы с феодальной системой, гибли для того, чтобы через некоторое время вновь возникнуть в другой форме, в другой сфере, а порой, и нередко, в той же социально-экономической среде, в той же ипостаси. И снова гибли, и вновь возрождались. И так было до второй половины XVIII в., когда в стране сложился капиталистический уклад. Он не погиб, а развился в формацию. Н. Е. Носов показал, что политическая борьба вокруг земской реформы замедлила проведение ее в жизнь и ограничила определенной траекторией. Фактически земскую реформу провели только на Севере, в Поморье, так как опричнина сопровождалась массовой раздачей в поместья черных волостей в центре страны. Здесь, в центре России, земские власти были заменены дворянскими выборными — губными старостами и городовыми приказчиками. Эта замена, которую Н. Е. Носов называет «новым политическим компромиссом», имела место еще до опричнины, но опричнина довела процесс до логического завершения, сохранив лишь «то куцее земское крестьянско-посадское самоуправление, которое было угодно феодалам и правительству». На этот раз в данной области в центре победило феодальное начало. И лишь Север, Поморье и часть Северо-Восточного Поволжья, а также некоторые города являли собой картину более или менее завершенной земской реформы.

Я согласен с Н. Е. Носовым, считающим, что земская реформа — это «известная уступка поднимающемуся третьему сословию — „лучшим" посадским и волостным людям, которые теперь могли не только более свободно и активно участвовать в экономической жизни страны, но и более широко эксплуатировать крестьянско-посадскую бедноту». Таков результат исследования Н. Е. Носова, которое несомненно является ценным вкладом в советскую историческую науку. Представляют большой интерес и «побоч-

ные» выводы Н. Е. Носова. К ним я бы отнес в первую очередь наблюдения Н. Е. Носова о социальном составе волостелей и наместников. Ставшее традиционным в нашей литературе, особенно учебной и научно-популярной, представление о кормленщиках как о реакционном боярстве, боровшемся против централизации государственного управления, после работ Н. Е. Носова следует отбросить. Среди кормленщиков были и бояре, и дворяне. Именно на эти слои опиралось правительство, проводя реформы 1550-х гг. Среди этого дворянства преобладали «тысячники» — дворяне, испомещенные под Москвой «для царских посылок» осенью 1550 г. Деление и размежевание помещичьих сил внутри класса феодалов нельзя укладывать в прокрустово ложе «боярство—дворянство». Все было гораздо сложнее.

Заслуживает внимания предложение Н. Е. Носова о том, что Судебник 1589 г. представляет собой объединение и переработку для нужд Земского суда в Поморье Судебника 1550 г. и «Уставной грамоты». Через всю работу Н. Е. Носова проходит красной нитью мысль о том, что боярское хозяйство было более связано с рынком, более приспособлено к развивающимся товарно-денежным отношениям, чем дворянское, и эти его качества отнюдь не обусловливали стремление боярства к полному закрепощению крестьян. Иное дело дворянство, стремившееся получить от правительства максимум привилегий, закрепостить крестьян и организовать барщинное хозяйство.

Последнее время все более и более подвергается критике довольно распространенное и привычное представление о том, что дворянство являлось и в экономическом, и в политическом отношении социальной силой более прогрессивной, чем боярство. Диссертация Н. Е. Носова убедительно доказывает, что настала пора пересмотреть это традиционное представление.

Исследование Н. Е. Носова является результатом его многолетних разысканий, нашедших отражение в хорошо известных многочисленных, интересных и оригинальных работах. Еще раз повторяю, что диссертация Н. Е. Носова является ценным вкладом в науку отечественной истории.

В то же самое время диссертация Н. Е. Носова дает материал для диспута, для дискуссии. Ни у кого не вызывает, конечно, никакого сомнения, что таким и должно быть подлинное исследование.

Во-первых, мне кажется, что нет необходимости применять термин «предбуржуазные» для определения самых ранних форм буржуазных отношений. Буржуазный и есть буржуазный. Думаю, что применять термин «предбуржуазный» по аналогии с «дофеодальным периодом» нецелесообразно. Как известно, в термин «дофеодальный период» вкладывали самое различное содержание («дофеодальный период» — варварство, вернее высшая его стадия, так называемая «военная демократия», ранний феодализм, феодализм до эпохи феодальной раздробленности). Что будут вкладывать в понятие «предбуржуазный», неизвестно. Мне кажется, что Н. Е. Носов пошел на уступки тем исследователям, которые считают ересью признание буржуазных элементов в недрах феодального общества отнюдь не только в период его разложение и кризиса. Позволим себе напомнить слова В. И. Ленина. В «Лекции о государстве» В. И. Ленин подчеркивал, что «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму» (*Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 76). Более того,

говоря об эволюции самодержавия в своей статье «Наши упразднители», написанной в 1911 г., В. И. Ленин отмечал: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении» (там же. Т. 20. С. 121).

В каком направлении эволюционировало русское самодержавие? В. И. Ленин поясняет свою мысль: «Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничье-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии» (там же).

Характерно, что все исследователи, занимавшиеся в той или иной степени изменениями государственного строя в России, приводили эту мысль В. И. Ленина для доказательства эволюции самодержавия, но обрывали ее в том месте, где В. И. Ленин указывал на характер этой эволюции, а именно — в сторону буржуазной монархии.

Видимо, такое отношение к мыслям, высказанным В. И. Лениным, было обусловлено тем, что начинать эту эволюцию в XVII в. (а В. И. Ленин говорил об изменениях государственного строя в России «за последние три века», имея в виду в качестве начала данного процесса эволюции именно XVII в.) считалось модернизацией. Поэтому, обычно цитируя эти определения В. И. Ленина, опускали первую часть, в которой говорилось об эволюции русского государственного строя в течение трехсот лет в определенном направлении, и последнюю, где давалась характеристика этого направления — буржуазной монархии.

Известно, что, когда в февральские дни 1917 г. был свергнут царизм, он не был буржуазной монархией, ибо эволюция самодержавного строя в России в направлении буржуазной монархии была не завершена, но не отметить ее нельзя. Нет сомнения в том, что эволюцию самодержавия в России мы должны изучать исходя из работ В. И. Ленина.

Второй момент, на котором я бы хотел остановиться, — это вопрос о месте самодержавия в историческом развитии феодальной России XVI—XVII вв. Е. Н. Носов полагает, что в условиях русской действительности XVI в. самодержавие не было явлением прогрессивного порядка.

Но какой другой политический, государственный строй мог сложиться в России XVI в.? И в какой мере он должен рассматриваться как более прогрессивный, чем самодержавие?

Строй дворянской республики типа Речи Посполитой? Но, как известно, это самая реакционная форма организации господствующих классов в период феодализма, а к чему она приводит страну, народ может судить по примеру все той же Речи Посполитой.

Господство феодальной олигархии? Но оно привело бы к неминуемой борьбе между отдельными группировками знати, отдельными аристократическими фамилиями, что неизбежно поставило бы под удар само существование Русского государства.

Боярские феодальные вечевые республики уже сошли с исторической сцены, и возврат к ним был бы шагом назад. Поэтому, как мне кажется, расценивать самодержавие в России XVI—XVII вв. надо с исторической сце-

ны. Расценивать его в России XVI—XVII вв. надо с позиций того, что дало самодержавие для укрепления государства и национальной независимости русского народа. Конечно, самодержавие являлось формой организации государственной власти господствующего класса феодалов и осуществляло главную, основную, функцию, заключающуюся в том, чтобы держать в повиновении эксплуатируемые массы, т. е. огромное большинство населения. Были и другие формы феодального государства. Возможны ли были они в России? Что они дали бы стране? И возможно ли вообще историку заниматься не тем, что было, а тем, что могло бы быть? И сравнивать историческую действительность с исторической возможностью?

Другое дело — отношение исследователя к неосуществившейся в действительности исторической возможности.

Подводя итог анализу исследования Н. Е. Носова, я считаю необходимым подчеркнуть, что оно дает все основания нашему Ученому совету присвоить Н. Е. Носову вполне заслуженную им ученую степень доктора исторических наук.

Доктор исторических наук, профессор А. Л. Шапиро.

Докторская диссертация должна вносить что-то новое в науку. Это обязательное требование, быть может, иногда не выполняется при защитах, но от этого оно не перестает, конечно, быть обязательным. Однако твердого масштаба, которым можно было бы пользоваться для измерения вклада в науку, конечно, нет и не может быть. Поскольку речь идет об исторической науке, мы только можем сказать, что в одних случаях это новые материалы, вовлекаемые в научный оборот, в других случаях это новые источниковедческие приемы их изучения, в третьих — это новая трактовка той или иной проблемы, новые авторские идеи и соображения.

В подавляющем большинстве случаев эти новые трактовки, идеи и соображения касаются частных, узких проблем исторической науки. Это вовсе не означает, что такие частные решения или гипотезы можно как-то недооценивать и третировать. Без новых решений частных, иногда даже «очень частных» проблем никакая наука двигаться вперед не может.

Но наука также не может двигаться вперед только на основе частных достижений по узким проблемам. От времени до времени должны появляться работы более общего характера, позволяющие по-новому осветить существенные проблемы экономического, социального, политического или культурного развития народа или народов.

Такие исследования, естественно, составляют ничтожно малый процент от всех книг и статей по историческим дисциплинам. Редко они появляются в форме диссертаций. Рассматриваемый нами сегодня труд Н. Е. Носова как раз представляет собой такое редкое и отрадное явление.

Сразу замечу, что книга Н. Е. Носова — это не простое обобщение частных исследований других авторов. По истории земской реформы и земских учреждений он сам собрал доступный в настоящее время исследователю материал. При этом он разыскивал его буквально по крохам, производя для этого сплошное обследование актового материала XVI в. и привлекая писцовые книги, летописи и другие источники.

Но большой и тщательно источниковедчески изученный материал — это не единственное и даже не главное, что привлекает читательский интерес к работе Н. Е. Носова.

Весьма существенна постановка на очень значительном и тщательно проверенном материале важного вопроса о земской реформе и земских учреждениях XVI в., о причинах, вызвавших их к жизни, об их функционировании и судьбах, а главное — о классовой природе этих учреждений.

Главное же в представленной диссертации заключается в том, что углубленное изучение истории земских учреждений позволило Н. Е. Носову поставить общий большой вопрос о закономерностях эволюции политического строя России, большой вопрос о борьбе классовых сил за ту или иную форму управления на местах и о соотношении сословно-представительных начал и самодержавия в XVI в.

В русской дореволюционной историографии Н. П. Павловым-Сильванским была выдвинута схема развития России от феодализма (до Ивана IV и опричнины) через сословную монархию (до Петра Великого) к абсолютизму. Это построение являлось переносом на русскую почву широко распространенной среди историков схемы исторического развития Западной Европы. Поскольку построение Н. П. Павлова-Сильванского игнорировало закономерную смену общественно-экономических формаций и искало закономерности развития только в сфере политической надстройки, оно не было, конечно, принято советскими историками в неизменном виде.

Однако в ходе дискуссий 1940-х гг. и особенно в работах крупного советского историка права С. В. Юшкова разработана концепция политического развития, имеющая кое-какие пункты соприкосновения со схемой Н. П. Павлова-Сильванского. В противоположность этому буржуазному ученому С. В. Юшков и некоторые другие советские историки усматривали в сословной монархии или в абсолютизме не общие, не зависящие от законов общественно-экономического развития ступени исторического развития, а лишь политические формы развития феодального общества. Именно на разных ступенях феодализма и зарождения капитализма они обнаружили три этапа политического развития: раннефеодальную монархию, сословно-представительную монархию и абсолютизм.

Как известно, в ряде стран Западной Европы абсолютизм пришел на смену сословно-представительной монархии и сделал ряд шагов к ликвидации сословно-представительных учреждений. Можно ли считать эти шаги прогрессом? Да, можно. Но только там и в той степени, где и в какой степени сословно-представительные учреждения препятствовали развитию производительных сил, развитию более высоких буржуазных производственных отношений; только в той мере, в какой абсолютизм открывал более благоприятные условия для роста производства и обмена, для социально-экономического прогресса, только там и в такой степени, в какой он сдерживал феодально-крепостнический произвол господствующего класса.

Иного критерия оценки сословно-представительных учреждений и абсолютизма, иной оценки их столкновений и смены одних другими основоположники марксизма-ленинизма не давали.

Как же обстояло дело в России? Можно ли расценивать ослабление едва зародившихся сословно-представительных учреждений в центре и на мес-

тах и их ущемление дворянством и бюрократией в XVI в. как процессы прогрессивные?

Для ответа на этот вопрос необходимо конкретное исследование, предпринятое Н. Е. Носовым.

Н. Е. Носов выясняет, какие классовые силы были заинтересованы в появлении земского самоуправления на посадах и в черных волостях, и устанавливает, что это в первую очередь была богатая верхушка посада и черной волости — слой, который автор характеризует как предбуржуазный, нефеодальный и некрепостнический. Я дальше остановлюсь на расхождениях, которые у меня имеются с Н. Е. Носовым по вопросу о социальной характеристике верхушки посада и северной черносошной деревни XVI в. Сейчас же только отмечу, что несомненный интерес представляют кропотливые исследования, показывающие классовый характер земских учреждений. Учреждения эти несомненно создавали относительно более благоприятные условия для обогащения верхушки города и черной волости и в то же время способствовали усилению централизованного государства. Н. Е. Носов показал, как велик был посошный окуп на Двинских и Важских землях и как он помогал накоплению средств центральным правительством.

А вот хилость земских учреждений и то, что они были почти сразу после создания задавлены повсеместно, кроме черносошного Севера и некоторых посадов, Н. Е. Носов не считает прогрессивным. И он безусловно прав.

Мне представляется правильным и плодотворным раскрытие автором диссертации противоречивого пути политического развития России XVI в. и показ им существенных различий между 1550-ми гг., когда закреплялись устои сословно-представительной монархии и укреплялось централизованное государство на базе сравнительно широкого учета требований третьего сословия, и 60-ми гг., когда был сделан первый шаг по пути эволюции сословной монархии к абсолютизму.

На местах этот поворот сопровождался массовой раздачей черных и дворцовых земель помещикам и все более частой при решении дел сменой земского старосты губным старостой и тесно связанным с этим последним городовым приказчиком.

Это наступление феодалов и тесно связанной с ними бюрократии на черную волость и земские учреждения было проявлением продвижения страны по самодержавно-крепостническому пути.

Огромный материал, проанализированный Н. Е. Носовым, и то правильное, с моей точки зрения, освещение, которое автор дает этому материалу, заставляет еще решительнее отвергнуть все попытки отыскать прогрессивные начала в опричнине. Благодаря диссертации Н. Е. Носова выясняется, какой тяжелый удар опричнина нанесла по тем социальным (черная волость) и политическим (земские учреждения) институтам, в которых заложены были наиболее передовые в те времена основы развития России. Опричнина ломала слабые ростки некрепостнических отношений, которые повсеместно в XVI в. выступали как более прогрессивные, чем становление крепостничества.

Диссертация Н. Е. Носова свидетельствует и о том, что тезис о большей прогрессивности абсолютизма (равно самодержавия, неограниченной мо-

нархии) по сравнению с сословно-представительной монархией не применим к России XVI в. На первых этапах своего развития абсолютизм был самым тесным образом связан с крепостничеством. Конечно, в земских соборах тоже очень слабо было представлено третье сословие, а губные учреждения были в основном дворянскими. Но земские учреждения отражали интересы третьего сословия, и их ослабление и ликвидация в основных центрах страны затруднили поступательное движение по пути социально-экономического прогресса.

Мне представляется, что в XVI в. в России сталкивались силы, стремившиеся к разным путям развития феодального общества: к закрепощению крестьянства и к строю, при котором крепостного права могло не быть.

Известно, что феодальная зависимость колебалась от простого оброчного обязательства до полного закрепощения. Известно, что при прочих равных условиях отсутствие крепостного права открывало более широкий простор для хозяйственной инициативы крестьянина и создавало возможности для более быстрого и успешного продвижения к капитализму.

Установление жестких крепостнических форм феодальной зависимости на большей части России являлось главной предпосылкой экономической отсталости страны и в XVII, и XVIII, и XIX вв. На Севере России, где поместное землевладение и крепостное право не получили широкого распространения в XVII в., экономическая жизнь развивалась гораздо интенсивнее, чем в крепостнических районах. Ослабление же экономического развития Севера в XVIII—XIX вв. имело свои причины, не подрывающие выводы о большой прогрессивности некрепостнического пути развития.

Но чем была черносошная некрепостная деревня и связанный с ней посад на Севере России? Был ли это организм капиталистический, предкапиталистический или феодальный? Господствовал ли здесь торговый капитал, ростовщический капитал, буржуа или предбуржуа?

Н. Е. Носов собрал и обработал значительный материал и высказал на сей счет ряд интересных соображений. Однако не вся его аргументация представляется мне убедительной.

Можно с несомненностью говорить о большой активности торгового и ростовщического капитала в черной деревне и на посаде Севера XVI в. Можно с несомненностью говорить о значительной земельной мобилизации и концентрации богатств в руках сравнительно немногочисленной деревенской верхушки. Можно говорить о большом ее влиянии в черной волости и о сравнительной устойчивости ее богатств и влияния (Н. Е. Носов прослеживает генеалогию многих богатых фамилий с XVI до XIX в.).

Обо всем этом не только можно, но и нужно говорить. Но если мы хотим понять экономическую сущность всего того, что делалось в черной деревне XVI в., мы должны также самым внимательным образом проанализировать, каков был характер производственных отношений, характер эксплуатации в северной деревне XVI в.

Н. Е. Носов отмечает, что основной формой эксплуатации в сельском хозяйстве на Севере было половничество. При этом он отличает половников, живущих на землях феодалов, от половничества на крестьянских землях, считая последнее формой наемного сельскохозяйственного труда.

В подтверждение приводится свидетельство устюжского купца Кирилла Босого, говорившего в 1646 г., что в «деревнишках живут государевы люди вольностью на урочные лета, кто на сколько лет уговорится жить», «а живут, что наймиты, а хлеб пашут на своих конях исполу, нам половина, а им другая».

Нужно сказать, что таких свидетельств от конца XVI—XVII в. дошло немало. Они, в частности, приведены в труде Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси». Однако они отнюдь не позволяют рассматривать половников на крестьянских или купеческих землях как батраков. Ясно, что применен-ный к половникам термин «наймит» (кстати, он фигурирует только в свидетельстве Босого) не может быть истолкован как синоним батрака. Под наймом Босый понимал такие отношения, когда половник формально добровольно, а «не сильно» порядился на участок земли. При этом половник пашет на своем коне, а батрак тем и отличается от крестьянина-испольщика, что он работает инвентарем господина. Наконец, нужно учитывать, что работа исполу — это наиболее жесткая форма эксплуатации землевладельцем сидящего на земле крестьянина. Эта форма применялась в Новгородской земле и в других землях в XV—XVI вв., хотя сравнительно редко, и вытекала, видимо, из кабальных обязательств.

Конечно, половничество — не крепостничество. Но это стародавняя и очень жесткая форма феодальной эксплуатации крестьян, которой присущи основные черты феодализма: наделенность производителя средствами производства и какая-то степень несвободы (в данном случае кабальный договор).

Справедливо отмечая живучесть половничества-исполья, Н. Е. Носов заканчивает примечание, посвященное этой форме эксплуатации, такими словами: «О широком использовании половничества не только в XVIII, но и в XIX в. в различных промыслах... см.: *Попов К.* Половники // Журнал Министерства государственных имуществ. 1862. № 1—4. Разве это не свидетельство того, что в России XVI—XVIII вв. половничество на крестьянских и купеческих землях порождало не реставрацию в их среде феодальных связей, а, наоборот, их распадение и вызревание в сельском хозяйстве Поморья связей предбуржуазных? Ведь не случайно же в конце концов половничество чуть ли не возродилось в России в пореформенный период и как раз в кулацком хозяйстве».

Половничество-исполье в действительности было особенно широко распространено в пореформенный период не в кулацком, а в помещичьем хозяйстве (хотя и кулак не брезговал обращаться к нему). И являлось это половничество одной из разновидностей не капиталистической, а отработочной системы сельского хозяйства. И в этом смысле испольщина была прямым пережитком крепостнической системы, а не возрождением ее.

Напомню ленинскую характеристику испольщины: «Известная под именем испольщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства необходим наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохонький инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, вла-

деющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева» (*Ленин В. И.* ПСС. Т. 17. С. 72).

Не может быть сомнения в том, что исполье в разное время приобретало разные частные особенности, как и в том, что были особенности на помещечьих и крестьянских землях. Но есть такие коренные черты исполья-половничества, которые мы увидим в XV, XVI, XVIII и XX вв. Это работа инвентарем крестьянина и кабальный характер труда. Уже в XV в., когда доминировала феодальная рента продуктом в размере пятины, четверти и иногда трети «ис хлеба», на половье крестьянин, очевидно, соглашался лишь при особых обстоятельствах, лишь тогда, когда нужда загоняла его в кабалу. То же было и в XVI в. на Севере и в XIX в. в районах с преобладанием отработочной системы.

В то же время необходимо учитывать, что половник мог при известных обстоятельствах перерасти в батрака. Наемные работники несомненно использовались богатеями-северянами в XVI в. Использовались они на всем протяжении феодализма. В крупной торговле, в крупном рыбном и морском промыслах, в солеварении наемный труд фигурировал сравнительно часто, как в целом и в средневековом ремесле. Остается пока недостаточно выясненным, какие количественные и качественные сдвиги произошли тут в XVI в.

Похоже на то, что в XVI в. в Поморье увеличилось количество наемных работников и несомненно возросла роль торгового и ростовщического капитала. Роль этих характерных еще для средневекового феодального строя явлений стала в изучаемое Н. Е. Носовым время более заметной.

Купеческий и ростовщический капитал эксплуатировал разоренных крестьян и голытьбу разными смешанными полуфеодальными, полуростовщическими методами. Быть может, их можно характеризовать как средневековый капитализм. По всей вероятности, термин «предбуржуазный», употребляемый Н. Е. Носовым, не очень удачен. Нужно продумать вопрос о том, в какой мере к изученным диссертантом явлениям можно применить ленинский термин «средневековый капитализм» (*Ленин В. И.* ПСС. Т. 1. С. 333).

К ленинскому определению «средневековый капитализм» пока еще редко обращаются историки (исключение составляет П. Г. Рындзюнский, посвятивший ему несколько страниц книги «Крестьянская промышленность в пореформенной России»).

Дважды автор употребляет термин «первоначальные накопления» в смысле накопления богатств деревенской верхушкой. Термин, как известно, имеет более широкое значение и вряд ли уместен, когда речь идет о хозяйственных процессах России в XVI в.

Думаю, что труд Н. Е. Носова вызовет в дальнейшем значительно больше споров. Это судьба всякой по-настоящему новаторской и прокладывающей новые пути в науке книги. Уверен, что дискуссии эти будут плодотворны. И несомненно плодотворным и заслуживающим присуждения докторской степени является труд Н. Е. Носова.

2. Н. Е. НОСОВ. ПОСЛЕДНИЕ БОИ[1]

Весна 1945 г. принесла нам и солнце, и победу. Наш 2-й дивизион 787-го артиллерийского полка, начальником штаба которого я был в это время, в результате исключительно тяжелых боев под Будапештом потерял более половины личного состава, а из орудий сохранились только гаубицы, поскольку две пушечные батареи, стоящие на прямой наводке, были полностью уничтожены. Из взвода управления остались живы только я да два связиста, даже штабной писарь и тот получил тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь. Но уже в конце марта, после переформирования и получения новой матчасти, мы вновь вступили в бои, участвовали в прорыве сильно укрепленной немецкой обороны под г. Эстергомом, который 25 марта был взят штурмом нашей дивизии. 28 марта пал г. Дьер, 30 марта дивизия форсировала реки Горн и Нитру и сходу вышла к словацкой границе в районе Братиславы. Бои были тяжелые и упорные — перед нами стояли отборные венгерские хортистские части вперемежку с немецкими моторизованными дивизиями. Немцы уже явно не доверяли венграм. И действительно, как только мы перешли венгерскую границу, все венгерские соединения немедленно капитулировали. На чужой территории венгры уже не хотели воевать. Помню идущие в тыл огромные колонны пленных венгров, брошенное на обочинах дороги оружие, белые флаги, веселые лица солдат, хмурые у офицеров.

Братислава была взята быстро, почти без боя. 4 апреля наши пушки стояли уже на ее юго-западной окраине и вели огонь по немецким частям, отступавшим к Вене. Вслед за ними двинулись и мы. Сперва быстрее, а потом все медленнее и медленнее. Переход по нижней Австрии занял почти месяц, приходилось штурмом брать каждый город, каждую деревню. Не доходя до Вены примерно 20 км наша дивизия получила приказ резко повернуть на север и двигаться к чешской границе в район г. Зноймо, где немцы создали мощный оборонительный плацдарм. В ночь на 8 мая наша дивизия при поддержке крупной танковой группировки прорвала немецкую оборону у г. Зноймо и вступила на территорию Чехословакии. Утром 9 мая мы узнали, что Германия капитулировала. Война кончилась. Но у нас она продолжалась, немцы пытались преградить нам путь на Прагу, взрывали мосты, минировали дороги.

Наша дивизия получила приказ вместе с танковыми соединениями прорвать немецкие заслоны и двигаться в основном проселочными дорогами к Праге. И это действительно был «бросок» победы. Мы продвигались со скоростью до 100 км в сутки, и это не техчасти, а простая пехота, посаженная на трофейные телеги, коляски и даже барские экипажи австрийских помещиков. Население встречало нас цветами, девушки и женщины обнимали нас, садились на машины, в повозки, пели песни. Из лесов к нам навстречу выходили чешские партизаны. Все и всюду ловили запрятавшихся немцев. Но «мирный путь» сменялся иногда и ожесточенными схватками с отдель-

---

[1] Короткие воспоминания Н. Е. Носова были написаны им в 1980 г. для стенда в ЛОИИ АН СССР, посвященного 35-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Чехословакия. Весна 1945 г.

ными немецкими отрядами, уцелевшими от идущих впереди наших танков. В ночь с 9 на 10 мая я должен был двигаться с нашей гаубичной батареей, но неожиданно получил приказ двигаться вместе с нашими пушечными батареями, на конной тяге, вместе с пехотным полком. Нам нужно было пройти за ночь около 20 км. Все страшно устали, буквально валились с ног. Я два дня не вылезал из седла. Ночью я не раз завидовал гаубичникам, которые, наверное, уже на месте и давно спят. Но когда на рассвете мы подошли к месту дислокации, то на шоссе увидели страшную картину. На перекрестке шоссе, на обочине стоят наши машины с гаубицами, но в каком состоянии. Две передние машины разорваны на куски, гаубицы перевернуты. Оказывается, наши машины нарвались на мины на шоссе, танки же, идущие по полю, прошли спокойно. У заместителя командира дивизиона, который ехал в головной машине (именно в ней должен был ехать и я), оторвало ногу. Остался ли он жив — я не знаю. Его увезли в тяжелом состоянии. Больше я его уже не видел. Всего в батарее погибли 6 человек, 5 — были тяжело ранены. Мы все были потрясены. Погибнуть на второй день после войны! Война действительно еще продолжалась. Мне был тогда 21 год, и мне повезло — я остался жив. Но какой ценой досталось нам — советским людям право на жизнь и счастье.

Н. Е. Носов среди боевых друзей. Весна 1945 г.

3. ИЗ ПИСЕМ НИКОЛАЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА НОСОВА (1942—1946 гг.)[1]

Николай Носов окончил в г. Ленинграде школу в июне 1941 г., когда ему только исполнилось 17 лет (20 мая). Пережив первую тяжелейшую блокадную зиму (похоронив на Смоленском кладбище в братской могиле бабушку, вернее, оставив завернутое бережно дома в простыню тело среди груды других перед будущей могилой),[2] в феврале 1942 г. он вместе с семьями сотрудников Юридического института Ленинградского университета, где преподавал его отец Евгений Иванович Носов, по Дороге жизни был вывезен в тыл. В 1942 г. из г. Балашова, где семья оказалась в эвакуации, Николай был призван в ряды Советской армии и стал курсантом артиллерийского

---

[1] Предисловие, выдержки из писем и короткие комментарии к ним подготовил к печати сын Н. Е. Носова — Е. Н. Носов.

[2] Бабушка по материнской линии — Зинаида Валериановна Коростелева (в девичестве Раевская). Жила в семье Носовых (в семье старшей дочери Ольги Николаевны — матери Николая Евгеньевича). Умерла в блокадном городе от голода. Смоленское кладбище — основное место для жителей Васильевского острова, куда свозили умерших близких ленинградцы, которые еще могли сделать это сами.

училища на станции Разбойщина под г. Саратовом, а потом 1-го Ленинградского артиллерийского училища в г. Энгельсе, по окончании которого был направлен в действующую армию, где его судьба до конца войны оказалась связанной с 252-й стрелковой дивизией. Степной и 2-й Украинский фронты, 53-я и 4-я гвардейская армии, 787-й артиллерийский полк, путь от Дона до Вены, от командира топографического взвода до начальника штаба артиллерийского дивизиона, боевые награды, тяжелое ранение в голову 8 сентября 1943 г. — такой путь довелось пройти совсем молодому человеку в 18—21 год. Весной 1946 г. ему удалось демобилизоваться, чего он настойчиво добивался с самого окончания войны, несмотря на то что был представлен к очередному воинскому званию — капитана и военное начальство настойчиво его хотело оставить в армии, как подающего надежды молодого офицера. Карьера военного Н. Носова явно не прельщала, он вернулся в г. Ленинград, стал студентом истфака университета. Отец (мой дед) бережно подшивал абсолютно все письма молодого артиллериста (несколько сотен), и они сохранились. Николай писал родным регулярно, если позволяла обстановка, старался ежедневно выговориться, поскольку сделать это было не с кем, а вернее, хотел писать родным людям. Это ощущение себя, желание быть постоянно в кругу семьи, всегда сообщать о себе все, сохранилось за ним на всю жизнь. Это отнюдь не была примитивная сентиментальность. Для Н. Е. родные, близкие люди были фундаментальной опорой, на которую он, эмоциональный, неравнодушный к другим человек, мог всегда опереться и почувствовать свое спокойствие. Дом и семья — для него это были не простые слова. Так он был воспитан, такими он видел своих родителей и их отношения. Впоследствии, уезжая в командировки, даже на короткий срок, он писал домой каждые несколько дней, а если мог звонить, звонил постоянно.

Письма с фронта — это в основном свернутые треугольники, со штампом полевой почты и военной цензуры, иногда с густыми черными полосами на предложениях или отдельных словах — верный знак «добросовестной» деятельности тыловых вояк, отрабатывавших свою безопасность подальше от линии фронта. При этом Николай Носов не был наивен и понимал, что писать полную правду нельзя, особенно относительно оценки обстановки в училищах, действий Красной Армии, состояния в войсках, хотя мне он рассказывал и о проезде через места ужасного танкового сражения под Прохоровкой, почти сразу после боя, когда еще не были убраны трупы русских и немцев и в воздухе витал сладковатый запах разложения, и о расстреле прямо перед строем офицеров без суда старшего командира за неудачное выполнение боевого задания, хотя тот умолял направить его в штрафбат, ссылаясь на наличие семьи и двух дочерей, и о дорожке из убитых бойцов от окопчиков на правом берегу Днепра до воды и многое другое, чем страшна война. Письма поэтому отражают только часть правды военной поры. В них практически нет географических названий, а там, где они попадались, их вымарывали. Вообще часто непонятно, где происходят события. Письма — это личные ощущения жизни, описание боев без места и времени, но несомненно отражение реальных эпизодов, отношения к фашистам. Именно поэтому я не согласился зачитывать письма отца на заседании Ученого совета ЛОИИ СССР в 1980-е гг., как предлагала мне секретарь парторганизации института Л. Н. Семенова. Это была бы слащавая полуправда.

Я попытался сейчас выбрать некоторые отрывки из писем Николая Евгеньевича военных лет, которые, как мне кажется, помогают понять не только те испытания и ужасы, через которые прошел он в юности, но и те черты характера и отношения к людям, долгу и принципам, которых он старался придерживаться в науке и жизни, будучи многие годы Ученым секретарем и руководителем ЛОИИ АН СССР и одного из его подразделений. Мне представляется, что даже выдержки из этих писем, ограниченных цензурой, дают возможность понять и объяснить многие поступки и черты характера Н. Е., которые, как мне кажется, даже хорошо знавшие его люди до конца не всегда осознавали. Сохранившиеся письма в основном адресованы родителям, некоторые — младшему брату Владимиру. Часто в один день Николай писал и папе, и маме отдельно, а после очень ранней смерти мамы в 1943 г. — отцу. В некоторых из писем иногда немножко чувствуется юношеская бравада, но это и не мудрено для молодого парня, попавшего из любящей, дружной семьи в мясорубку войны, всегда стремившегося успокоить близких и переживавшего за них больше, чем за себя. По письмам видно, как за годы пребывания на передовой юноша из интеллигентной среды превратился в зрелого, умудренного опытом человека, претерпевшего многое и многое осознавшего в жизни. Таким он вступил в университет, и отнюдь в не простую жизнь, таким он оставался всегда. Мне было нелегко собрать эту подборку из писем, так как поскольку реально это почти ежедневные записи (почти дневник, только проверенный цензурой), то пришлось «прожить» папиной жизнью тех лет, окунуться в его ежедневные заботы, мысли и хлопоты. А поскольку это родной и любимый мной человек, все и всем прощавший, мне было это сделать весьма не просто.

Кстати, чувствуется, как после первых ярких описаний боев их характеристика тускнеет, превращается в обыденность, которую вряд ли стоило бы лишний раз пересказывать отцу, и уступает место общим мыслям о судьбе, описаниям природы и вновь встреченного быта. После майских дней Победы в письмах проскальзывает все больше пессимизма, появляются жалобы отцу на недомогание, простуду, чего никогда не было в письмах с фронта. Я не сразу осознал, с чем связано это расслабление, и только постепенно понял. Во-первых, спало колоссальное напряжение войны, боев, постоянной угрозы смерти; во-вторых, сам Н. Е. вдруг пришел к неожиданному для себя выводу, что конец войны для него, очень молодого перспективного офицера, в сравнении с очень многими пришедшими с гражданской службы — это еще не возвращение домой, а продолжение пребывания в армии и «борьба» за демобилизацию для продолжения учебы в вузе.

Осенью 1945 г. из армии в Венгрии, где стояла его дивизия, и весной 1946 г. из Северо-Кавказского военного округа, куда она была переведена в январе, отец писал так же часто, как с фронта, но эта особая часть его личной жизни, которую я решил не включать в данную подборку отрывков из писем, за исключением нескольких фрагментов и большей части письма от 14 марта 1946 г. с воспоминаниями о матери и детстве. Все это требует иных комментариев. Приказ о демобилизации Н. Е. Носова был отдан по войскам СКВО № 0241 от 16.04.1946 г. 10 мая 1946 г. он был демобилизован, а 27.05.1946 г. от него на имя ректора Ленинградского государственного университета поступило заявление: «Прошу восстановить меня студен-

том 1-го курса исторического факультета... с представлением мне возможности немедленно приступить к сдаче экзаменов за первый курс».

26.08.42.

«Дорогие мои!... Вот уже второй день, как я в училище, но еще не устроился.... Спим пока на полу. Первую ночь в сарае, а сейчас в зале...»

26.08.42.

«Дорогая мамочка!.. Училище вообще очень хорошее — кормят хорошо — сыт... Вчера усиленно ел масло и мед, я их берег в дороге, но как узнал, что отбирают, пришлось срочно уничтожить (чертовски было жалко мед — лучше бы я оставил его Вовочке)».

04.09.42.

«Дорогие мои!.. Я чувствую себя хорошо. Скучаю. Очень хочу вестей от Вас. Работаю много. Устаю, но ничего, привыкаю. Очень устаешь от строевой подготовки. Довольно тяжело ходить в английских сапогах с обмотками. Мне страшно хочется писем от Вас. Пишите, пишите, какие письма получили. Пишу часто, очень часто. В каждую свободную минуту письмо... Вещи сдал. Носки украли — жалко».

04.09.1942.

«Дорогой папа!.. Устаю здорово, но все же я крепок, силен по-прежнему. Надеюсь даже закалиться и стать настоящим военным. Вообще отдыхаю на классных занятиях, где уже получил 2 отлично — по тактике и артиллерии. Вообще занимаюсь очень хорошо. Тяжело, что я в сущности один, все ребята, хотя и хорошие парни, но не моего склада, большинство из 10 кл. саратовских деревень».

24.09.1942.

«Дорогие мои!.. Вы пишите, что завтра уезжаете. Да, вот и остаюсь я один далеко, далеко от вас — дорогие мои. До боли хочется писать вам, но куда... А мне так хочется ответить вам подробнее о своей жизни, особенно успокоить мамочку, ведь я понимаю ее, я же далеко от вас, но знаю каждую ее мысль, каждое чувство. Пусть только не мучает она себя, ведь не одно счастливое семейство разрушил Гитлер, не одна мать проводила своих детей на фронт. Но не падайте духом, скоро, очень скоро мы снова увидимся, снова заживем счастливой жизнью, но только тогда уже не будет этого изверга, не будет и следа кровавого фашизма. О, какая это будет жизнь — жизнь после разлуки, жизнь новых людей, строителей нового счастья. Эта вера крепит меня, дает мне силы в борьбе... Меня сильно пугает зима. Хотя тут гораздо южнее, чем в нашем родном Ленинграде, от которого веет то радостью и счастьем прошлой жизни, то холодом и страхом голода. Я часто думаю, как все это мы будем вспоминать, когда война кончится. Вы, наверное, помните, как мы говорили то же самое, когда сидели на плите в кухне нашей опустелой ленинградской квартиры. Тогда мы мечтали о хлебе, каше и т. д. А за окном свистел ветер, шелестя поломанной крышей соседнего дома,[3] 30-градусный мороз жутко цокает зубами за окном, холодно, го-

[3] Носовы жили в Ленинграде по адресу — Васильевский остров, 6-я линия, д. 47, 4-й этаж. Соседний, более низкий дом, был разрушен во время немецких бомбардировок.

лодно, как хочется есть. Теснее прижимаешься друг к другу... Недавно я во время перерыва присел на бревна вдалеке от всех, было холодно, противный ветер пронизывал гимнастерку и даже шинель, но небо было такое хорошее, нежно-голубое, с мелкими облачками-всадниками. Но я видел эту красоту, но не чувствовал ее, как далеко была она от меня, во мне были только материальные чувства — только телесные ощущения. То же я испытывал в Токсово,[4] когда идешь по снежным холмам, покрытым веселенькими зелено-белыми елочками, а над тобой сине-голубое зовуще-могучее небо, и вдали на холмах в морозном небе мягко таят дымки еле видимой деревушки, там варится картошка, есть хлеб, мясо — а у тебя в животе от голода, тоски и усталости сам черт не разберется. И нет тебе дела до елок, до неба, ни до кого, кроме своего живота, и в больном воображении мерещится картошка и хлеб, хлеб, много-много. Да, то уж дела былых времен... Довольно сильно простудился, т. к. мы живем здесь на таком ветру, что чуть холодно — продувает всего. Очень страдаю без перчаток, да и носок... Спим мы на улице, т.е. имеем только крышу — так как это летнее помещение...»

14.10.1942.

«Дорогая мамочка!.. Как видишь, вот и точное описание моего дня, свободного времени совсем нет. Но это и понятно, ведь теперь надо все силы напрягать на борьбу с врагом. Мне не особенно повезло с койкой. Я сплю

---

[4] Евгений Иванович Носов, мой дедушка, выходец из мещан, окончивший с медалью гимназию в г. Царицыне, оставленный при Санкт-Петербургском университете после его окончания для преподавательской деятельности, высокообразованный человек, свободно владевший европейскими языками, специалист по гражданскому праву Франции. Он был полностью лишен какого-либо житейского прагматизма, но не любви к Отечеству. С объявлением войны он сразу, не говоря ничего дома, подал заявление в народное ополчение — Родину защищать. Через несколько дней его вернули из района Пулкова за непригодностью к строевой службе и с направлением читать лекции перед бойцами и т. д. Семья же к зиме оказалась без всяких запасов (продуктов, дров и т. д.) с четырьмя иждивенческими карточками из пяти.

Топили плиту мебелью, книгами. 17-летний Николай, как самый здоровый и крепкий, в декабре—январе 1941—1942 гг. несколько раз ходил в пригородный поселок Токсово за 35 км в одну сторону от Васильевского острова, где менял вещи на картошку. Насколько был эквивалентен этот обмен, я в полной мере могу себе представить, зная папу как человека абсолютно неспособного торговаться или что-то выменивать и выпрашивать, да еще в его 17 лет. Наследственность. Однако несколько килограммов картошки он, пройдя 70 км, всегда приносил домой. Однажды он так замерз, что буквально влез в каптерку каких-то сторожей на станции. Они его гнали, но не выгнали, в конечном счете он согрелся, но у него забрали половину картошки. Трагедия. Другой раз он возвращался по улицам в районе станции Пискаревка. Он мне рассказывал, что попадались на улицах люди упитанные, со здоровым румянцем. Когда папа вышел где-то у кинотеатра «Гигант», то ему сказали, что, мол, ты, парень, ничего не соображаешь где бродишь — там же обычны случаи людосдства. Этот «самый крепкий в семье» молодой человек к февралю так ослаб, что не мог сам дойти до Финляндского вокзала, откуда отходили поезда к Ладоге при эвакуации. На саночках его дотащил младший брат. За Ладогой их посадили в товарные вагоны, в которых возили муку. Что-то просыпалось, и женщины в кружки ложками соскребали с пола смерзшиеся с грязью кусочки мерзлой муки. Папа неоднократно в письмах из училища сообщает своей маме, как их кормят, сколько граммов белого хлеба, сколько черного, какой суп, каша. Это волнует ее, но и он сам еще не может отойти от пережитого. Синдром блокады.

вдвоем на одной кровати, да и сосед не особенно приятный — курсант Грачев, маленький, плюгавенький, напоминающий какого-то ободранного, только что из гнезда галчонка, какой-то гаденький. Всю ночь ворочается, чешется да бегает в уборную. Особенно меня злит тем, что у нас с ним одно одеяло, а когда он вылезает, то холодно».

16.10.1942.

«Дорогой Вовочка! „Молодой человек, вы не сошли с ума! Шестое письмо!" — охают молодые артиллеристы, а я все строчу и строчу письма. За сегодняшний вечер пишу 6-е письмо».

04.11.1942.

«Дорогие мои!.. Новая жизнь не особенно легко мне дается — очень уж я филолог для нее. Никак не могу научиться хорошенько рапортовать, приветствовать командиров и точно соблюдать некоторые мелочи, как они мне кажутся, из уставов... Вообще очень скучаю и от того, что хочется читать, тянет и к худлитературе, к театру, музыке, но времени совершенно нет. Драмкружок тут есть, но в нем участвуют в основном командиры. Я редактор боевого листка, что сильно радует меня. Это дает мне возможность поближе быть с литературой, конечно, в относительном ее понимании. Сейчас начинаю готовиться к концерту по праздникам, хочу прочесть чего-нибудь из Пушкина («Медный всадник», «Полтавский бой»). Учить заново нет времени, хотя желание огромное».

06.11.1942.

«Дорогие мои! Вот скоро и зима. Сегодня выпал первый снег... Нам уже выдали ушанки и шерстяные брюки, скоро дадут и гимнастерки. Но, конечно, этого недостаточно, так как зимы тут бывают лютые, злые, не то что в Ленинграде, хотя и там холода порядочные, от одного воспоминания о которых у меня дрожат руки. Как сейчас, помню я переезд через Ладожское озеро и похороны бабушки, вернее, не похороны, а ..... да что говорить! Ведь от этого не легче ни вам, ни мне — только тяжелее и тоскливее на душе».

23.12.1942.

«Дорогой папа! Совершенно неожиданно наш взвод перевели в I Краснознаменное Ленинградское артиллерийское училище в г. Энгельсе. Сперва я здорово расстроился, а теперь страшно рад. Мне даже кажется, что сама судьба решила дать ленинградцу возможность окончить ленинградское училище. Тут нас встретили очень хорошо...»

09.01.1943.

«Дорогой Вовочка!.. Как грустно жить так далеко от вас... Ссгодня 9 января — мамино рождение. Незабываемый для меня день. Дорогой Вовулька, поцелуй от меня маму крепко, крепко и обязательно 3 раза — я так всегда любил. Для меня поцеловать 3 раза — был какой-то символ счастья. Когда я шел на экзамен, я всегда старался с каждым поцеловаться 3 раза... У нас с 11 января начинаются переводные экзамены за 1-й курс. Так что скоро я стану старичком-второкурсником. Как-никак, а уже артиллеристом наполовину. Вообще наш выпуск, по-видимому, будет к 1 мая,

так что свое рождение буду праздновать уже лейтенантом, да еще с погонами... Ты, наверное, очень внимательно следишь за последними известиями? Здорово бьют наши герои-фронтовики гада. Каждый день все новые станции и города освобождаются от врага. Как хочется скорее, скорее уничтожить немца и снова начать счастливую жизнь... Дорогой Вовулька, пожалуйста, береги маму и папу. Ведь ты у них остался один. Живите дружно, не ссорьтесь. Ведь вас осталось только трое среди чужих людей».

23.04.1943.

«Дорогой папа! Вот и желанная весна. Солнце светит, и его золотистые лучи весело играют на звездочках фронтовых погон. Завтра я уезжаю в новую жизнь, вперед на запад, мимо родного Балашова под Воронеж... Какое радостное чувство, что ты стал молодым красным офицером!»

6.05.1943.

«Дорогая мама! Вот опять два дня не писал никому. Ну, кажется, завтра я наконец-то уезжаю. Отдохнул я за эти полмесяца неплохо, отоспался за всю дорогу. Ну, а теперь можно и за работу... Милая мама, зачем так отчаиваться. Не надо, не надо так падать духом. Ведь твоя болезнь так связана с нервами. Крепись, крепись мамулька.[5] К чему такие глупые разговоры, что мы больше не увидимся? Зачем это, зачем? Все это ерунда. Скоро, скоро мы снова встретимся и поживем еще так, как никогда не жили… Последнее время я очень много читаю. С громадным интересом прочел Шолом-Алейхема „Падающие звезды". Замечательная книга. С большим интересом перечитывал и читал заново рассказы Станюковича. Вчера вечером как раз читал „Пассажирку"... Пусть Вова нажмет на огород. Кроме совета, я вам пока ничем не могу помочь. Но как только приеду в часть, сразу же вышлю аттестат и справки. Как-никак, а лишние 800 рублей вам не помешают, а мне они совсем будут ни к чему».

17.06.1943.

«Дорогая мама! Вот я и на месте... Живу я хорошо, но страшно волнуюсь о вас. Особенно о тебе и Вовочке... Нахожусь я в Курской области, чувствую себя великолепно. Дела мои пока устраиваются замечательно. Работа интересная и, пожалуй, наиболее для меня увлекательная...»

20.06.1943.

«Дорогой папа! У нас сегодня ветреный, но очень хороший день. Только сейчас бросил перечитывать „Мужики" и „В овраге" А. Чехова — хорошие, сильные, но тяжелые вещи. Чувствую себя хорошо. Все жду ваших писем...»

30.07.1943.

«Дорогой папа! Наконец-то после долгого перерыва снова начал писать вам... Я находился в командировке, так что путевые условия и работа не давали возможности писать вам... Вот я и на фронте, началась моя боевая

---

[5] О неизлечимой болезни мамы, спровоцированной блокадой, Николаю ни папа, ни брат не сообщали.

жизнь. Работаю командиром топовзвода. Работа интересная. Топография меня всегда интересовала. Подготовкой исходных данных для стрельбы по карте я еще в училище очень увлекался и неплохо знал. Ребята у меня все боевые — топографы. Живем дружно. Работать приходится, правда, много. Целые ночи просиживаешь над картой. Но все это ерунда. Главное, что немец драпает от нас, бежит, бежит гадина. Он, папа, совсем другой стал теперь немец, куда слабее и трусливее... Берегите себя. Завидую вашим фруктам. Идет дождь, так и дребезжит по плащ-палатке, уверенно и спокойно бьют наши батареи».

15.08.1943.

«Дорогой папа! Пишу вам очень редко, так как очень, очень занят. Чувствую себя хорошо. Выслал на тебя аттестат на 400 рублей и перевод на 1500 рублей. В конце августа вышлю еще рублей 800—1000. Очень волнуюсь о вашей жизни. Особенно беспокоит мамина операция... Высылаю вам справку на получение льгот, как семье военнослужащего. Ну, пока спешу бить гада, бить и гнать его на запад!»

17.08.1943.

«Дорогая мама!.. Только сейчас получил Вовино письмо. Он пишет, что операция у тебя уже была, но с поправкой дело пока идет медленно. Ничего, скоро ты поправишься, а я, дядя Кока и все, все наши мужья, сыновья, отцы разобьем немца, и тогда снова вспыхнут радость и счастье. Терпи, крепись, мамулька... Дни у нас жаркие, но ночью уже прохладно. Красивые места. Вот она — наша родная Украина! Уже темнеет, сижу на облучке огромного немецкого фургона и пишу письмо, а кругом бесконечные поля кукурузы, подсолнуха, вдали белеют домики, играет гармонь. Да, драпал тут гад, все бросал».

20.08.1943.

«Дорогая мама! Снова долгое время не писал вам, так как уже скоро вторая неделя, как нахожусь в упорных боях. Гоним немца мы здорово, но и он пытается напрячь все силы, чтобы задержать наш напор. Сегодня утром наконец-то вышвырнули его из леса, где он пытался укрепиться, наводнив его автоматчиками и танками. Приходилось вычесывать весь лес. Много потеряли мы боевых друзей, но и немец немало побросал, отступая. Самому мне с группой моих топографов удалось захватить фрица, который забрался к нам в расположение. Но жалкий фриц, хотя он и выполнял боевое задание, но когда понял, что обнаружен, то сразу стал до противности слезливым. „Капут Гитлер, капут Берлин". Сейчас сижу в кустах на опушке леса и пишу письмо. Хотя бой еще идет с незатухающей силой, но настроение уже праздничное — лес наш! Дьявольская западня врага лопнула! Еще рвутся снаряды, а уже достали воды, и идет усиленное бритье, смех, анекдоты смешиваются с грохотом разрывов... Все натираются отбитым у немцев одеколоном, мылом, вазелином. Ну, вот она боевая жизнь, трудная и страшная, но в то же время безумно живуче-кипучая, зовущая вперед! Жизнь, когда можно и ненавидеть, и любить, смеяться в мгновение».

24.08.1943.

«Дорогой папа! Вот уже скоро месяц, как я нахожусь в непрерывных боях. Правда, мне удалось немного отдохнуть после взятия Белгорода... Я сижу сейчас на наблюдательном пункте, только сейчас пришлось испытать такую бомбежку, что даже удивляюсь, как остались все целы. Но зато и наши самолеты дали и ему жизни. Как чувствуешь теперь свое превосходство в воздухе, артиллерии. Какое-то эстетичсское наслаждение доставляет всем рокот катюши. Ее рокот означает нашу силу, отступление врага, радость скорой победы... Конечно, сильно устаешь, не столько от работы, у меня ее не так много последнее время, сколько от постоянного напряжения. Но вообще я очень спокойный, так что мне это гораздо легче, чем другим, хотя последнис дни бсспрерывно нахожусь на переднем крае, так как наши орудия огнем и колесами сопровождают пехоту. Ну, мне как топографу работы почти нет. Но на фронте без дела никто не сидит. Помогаю товарищам. Ведь многие из них уже ушли от нас навеки... Обо мне не беспокойся. Странная эта фронтовая жизнь, эта бсспрерывная игра жизни и смерти. По-моему, ни одна обстановка не возбуждает так в человеке стремленис к счастью, к свободе, к новой полной жизни. Даже смешно, что за народ славяне! Свистят пули, рвутся снаряды, а люди поют, смеются. Вчера я все утро читал Обломова, нашел в развалинах дома. Можно подумать, что это своего рода геройство. Нет, такая уж жизнь. Не все же охать и гнуться. Эх, дьявол! Опять начал к нам пристреливаться... Мимо».

26.08.1943.

«Дорогой Вова!.. Постепенно свыкся с новой жизнью. Живешь все время в окопе, порой головы нельзя высунуть из него. А иногда и спокойно бывает. Вообще отдыхаешь от канонады и тому подобного удовольствия ночью — с захода до восхода солнца. В это время наступает период обоюдного затишья, отбоя, изредка прерываемого пулеметными очередями и артиллерийскими налетами... Недавно, когда после долгих боев мы вышибли немца из одного села, мне довелось войти в него вместе с нашими аванпостами, разведкой, т. к. немец, видя бесполезность сопротивления, неожиданно ночью побросал все и дал драпу. Я был одним из первых наших бойцов, которых встретили селяне, которые, измученные долгим боем, бесконечным отсиживанием в подвалах, повылезали нам навстречу. Одна украинка все старалась объяснить мне, как она жила, и до комизма размахивала руками, стараясь сделать это на корявом немецком языке, величая меня паном. Но вдруг спохватилась, засмеялась, обняла меня и расплакалась. Как-никак, а почти два года пробыли они у немца. Угостили меня немецким вином, которое немцы в панике бросали, наварили всякой всячины и т. д. Да, как много, много на нашей земле хороших, чудных людей. Вот уже вечерест. Пишу, сидя в окопчике. Как красиво кругом, холмы, сады, речушка...»

09.09.1943.

«Дорогой папа! Наконец-то и на мою долю выпал небольшой отдых. Вчера, когда я шел с передовым разъездом полка, немец, видимо, заметил нас. И сделал огневой налет — четырех человек убило, а пять ранило, в том числе и меня. Но ранило очень лсгко. Я даже удивляюсь, как мне дураку везет. Осколок попал в висок, в голову, но совсем немного царапнул. Обидно

только, что потерял много крови. Сейчас нахожусь в санчасти...[6] Мамы больше нет, нет. Господи, как страшно об этом думать. Только окружающая обстановка как-то спасает тебя. Милый папа, крепись, будь стойким... Наше прощание было последним. Никогда я не забуду ее на вокзале в сером пальто и шляпе. Нет, сейчас я не могу понять свое горе, жизнь давит меня».

10.09.1943.

«Дорогой Вова!.. Многие рассказывают, что фронт — это сущий ад, быть на фронте значит испытать все. Частично это верно. Но я, например, совершенно не испытываю этого страха, тут умирают, но совсем просто, и, значит, и на это смотрят просто, как на обыденную необходимую вещь, и удивляться тут нечему и нечего бояться. И совсем неудивительно, когда в 20 м рвутся снаряды, а люди смеются. Я немного ранен в голову. Лежу в санчасти...»

Все дальнейшие сохранившиеся письма адресованы отцу.

28.09.1943.

«...Сам я пишу вам очень, очень редко, так как совсем не имею времени... в беспрерывных упорных боях, все время на передовой. На моем счету уже Белгород, Харьков, Полтава... За последние дни я сильно измотался, так как гадина порой отступает так поспешно, что приходится в день проходить 25—30 км и более. Это не просто идти, а идти боем, выбивая его с рубежей, отбивая контратаки и попытки задержаться. Меня удивляет ваша наивность, когда ты пишешь о фотографии, а дядя Кока[7] — о моей артистической деятельности. Хорошо, если успеваю поспать 3—4 часа да вымыться и побриться. Правда, бывают минуты передышки, когда можно отдохнуть. Эх, много, много я увидел и узнал. Немец, отступая, сжигает все на своем пути, хлеба, деревни, сено и т. д. Только новые посевы не в силах он сжечь, а то занялся бы и этим... Довелось мне видеть и сожженных людей, которые защищали свои дома. Жуткое впечатление производят вереницы возвращающихся в свои дома жителей, которые прятались от немца по лесам и балкам (ведь он силой пытается уводить людей, скот и т. д.). Особенно триумфальным и радостным был наш путь от Полтавы к Днепру. Мы двигались по пятам врага. Наши орудия врывались в деревни вместе с первыми батальонами, а порой и впереди них. Не раз нам удавалось разрушить замыслы врага о поджогах. Вчера наша батарея двигалась вперед вместе с наступающим батальном... Вдруг неожиданно из села, к которому мы подходили, застрочил пулемет, ударила немецкая батарея. Пехота залегла. Оказалось, что противник не ожидал так близко встретиться с нами и занялся поджогами и грабежами деревни. Мы быстро развернули батарею. С небольшого бугорка, который мы выбрали для НП, было видно, как группы немцев на машинах ко-

---

[6] Это «легкое» ранение было «легким» в письмах родным. Осколок застрял в костной ткани черепа у виска. В полевом госпитале не решились его изъять, чтобы не затронуть мозг. Посчитали лучше не трогать. Впоследствии, когда в 1960-е гг. появилась возможность ездить в заграничные командировки, отец брал с собой снимок черепа с осколком, чтобы легче было объяснять перед посадкой в самолет, почему контрольная рамка часто реагирует на металл. Врачи опять же не рекомендовали пытаться извлечь осколок.

[7] Родной дядя Николая Евгеньевича — Николай Иванович Носов. Во время войны служил капитан-лейтенантом на Балтийском флоте.

пошились у домов, а на бугорке в саду была их батарея и пулеметы, прикрывавшие отход. Мы открыли огонь. С 3-го снаряда попали в батарею. Противник не ожидал, что у нас уже подброшена артиллерия. Батарея замолчала, немцы врассыпную побежали. Орудия они так и бросили, не успев увезти. Мы подцепили орудия и двинулись вперед. Наши машины обогнали батальон и помчались по улицам села. Население со слезами радости встречало нас, цветы, арбузы, дыни, яблоки — все летело к нам в машины. Село было цело, несколько домов загорелось, но их быстро потушили. Ну, хватит о себе...»

02.10.1943.

«...Вот я и на берегах великого Днепра... Спокойно бегут его волны, нет им дела до людей, которые копошатся по его берегам, до грохота орудий... Я лежу на песке в прибрежных дюнах и пишу письмо. Песок такой чистый, белый, настоящий речной, а солнце такое жаркое, как в июле. Впереди чернеют холмы правобережья. Тихо. Но эта тишина иногда переходит в такой грохот, начинается целая симфония автоматчиков, пулеметов, орудий, мин. В полуметре от меня окопчик, куда я моментально скатываюсь для выслушивания симфонии... Можете меня поздравить — я награжден правительственной наградой — орденом Красной Звезды — за работу и боевые дела под Харьковом (вернее, при взятии Старого Люботина). Не буду хвастаться, но я не на плохом счету среди наших артиллеристов. Даже получил предложение — командовать батареей, но просил пока оставить на старом месте, так как боюсь, что мне еще будет трудновато на этой ответственной работе... Прямо удивляюсь, как я пока отделался от всех переделок, в которых пришлось побывать, одной ерундовой царапиной на моей великой башке... Чувствую себя хорошо... Но все же сильно издергался. Ведь вот уже 3 месяца, как беспрерывно на передовой. Моего товарища по училищу Скорняжникова убило. Мы вместе с ним воевали. Но ничего, ничего. За все это мы еще отомстим гаду, за грабежи, за пожары, за смерть друзей... В последние дни я как-то наиболее часто стал видеть во сне маму, тебя, Вову. Мы снова вместе. Ленинград. Наша квартира, цветы, книги, а на люстре сидит чижик и два клеста, такие надутые».

05.10.1943.

«...Я так привык к жизни, в которой ты не знаешь, что будет с тобой через десять минут, то никакие перемены тебя не могут смутить. Я так отвык спать в помещении, что когда мне приходится ночевать в избе, то совершенно не могу спать — то жарко, то душно; привык целыми неделями не вылезать из окопов, привык к свисту пуль и снарядов (хотя к последним особенно не привыкнешь). Привык я ко многому, но и отвык от многого. Забыл я тишину и жизнь наших городов, радио, кино, театры, забыл, что можно и живут по-другому, что живут в домах, спят в постелях, обедают за столами и с тарелками... Очень много ем овощей, фруктов, арбузов. Как-никак, а все же встречает нас Украина, Золотая Украина. И как она ни пожжена, как ни пограблена и помята, но все же это плодороднейший и богатейший край нашей родины. Иногда идешь или едешь черсз все эти чудные места и все выбираешь себе местечко — куда можно после войны на отдых приехать. И все так хорошо, что не знаешь, что выбрать... А впереди серебрится Днепр. Скоро, скоро эта водная преграда будет наша. Лживые немец-

кие слова о его непреступности. Ложь. Я уже был ночью на правой стороне, ходил выбирать будущий наблюдательный пункт, так как начальник разведки был ранен...»

10.10.1943.

«...Я лежу на свежей охапке сена в небольшом, еще не отстроенном блиндаже. В прибрежном днепровском песке, правда, очень трудно устроиться хорошенько — страшно осыпаются песчаные стены. Над головой натянули плащ-палатку, а сквозь щели ласково улыбается лазурное небо. Хорошо, но хорошо, пока тихо. Но вот что-то грохнуло, и началась игра стальными арабскими мячиками, и лазурное небо постепенно одернулось серой пороховой дымкой... Сегодня наши артиллеристы получили благодарность от командования. Ночью пьяные гитлеровцы решили выбить нас с только что занятых позиций на правой стороне Днепра, отрезать нас от переправы. При поддержке танков им удалось отрезать 1-ю нашу батарею. Положение стало угрожающим. Но наши ребята не растерялись, организовали круговую оборону и не только отбили атаку, но далеко отбросили врага, уничтожив 4 танка. Я в это время находился на переправе с группой моих топографов и автоматчиков. Мы поспешили на помощь, но враг был уже отбит. Бешеные попытки врага сбросить нас с правого берега бесполезны».

27.10.1943.

«...Я страшно рад, что наконец-то мы выбрались из песков, и вот мы уже далеко, далеко на правой стороне Днепра, гоним немца. Вы не можете представить, как надоели мне эти пески. В них невозможно было не только сделать блиндаж, но даже окопаться, а когда начинался ветер, то песчинки лезли всюду — в голову, в нос, в уши, оружие засорялось и плохо работало... Я по-прежнему работаю топографом, привязываю батареи и наблюдательные пункты, организую засечку целей, главным образом батарей противника, готовлю данные и чертежи для стрельбы. Как видишь, работа очень интересная и нужная. Но, правда... я целый месяц занимал должность начальника разведки, который был ранен...»

01.11.1943.

«...Живу я в небольшой, но очень теплой и уютной землянке вместе с нашим начальником штаба, моим непосредственным руководителем и другом лейтенантом Русаковым. Он тоже ленинградец, довольно крупный архитектор... В землянке у нас стоит небольшая буржуйка, столик и телефон, а в крыше над столом сделано небольшое оконце, но самое главное — это настоящая дверь (по нашему заказу старшина привез ее из деревни). Вечерами зажигаем самодельную „катюшу” из гильзы и читаем или вспоминаем родной Ленинград... Работы пока у меня немного, но зато, главным образом ночью, засекаем батареи. В моем доме сейчас прямо жарко, и кажется он мне дворцом, великолепным, чудным домом...»

27.10.1943.

«...Сегодня какой-то особенный день, настроение прекрасное и хочется поделиться этой радостью с вами. Гнать врага, идти по освобожденным деревням и селам — это одно, а окружать противника, неожиданно на его пле-

чах врываться в укрепленные населенные пункты — это называется по-другому. Так было и сегодня. Мы нагрянули в гости к фрицу так неожиданно, что он бедненький еле успел удрать. Но, о ужас, он еще не в Германии, а на матушке Руси, и наша великолепнейшая, родовитая грязь, о который писал еще Гоголь, очень вежливо обняла все его орудия, машины, повозки, так что бедный фриц пустился наутек нагишом. Мы захватили более 80 машин, много орудий, повозок, несколько совершенно целых танков, я уж не говорю о прочем барахле. Да, дорогой папа, ты не представляешь мое самочувствие, когда сидишь в избе, среди людей, которые были больше 2 лет в немецкой оккупации, да еще вдобавок окруженный трофейным барахлом. Ну, я уже не говорю об угощении и тому подобное».

10.12.1943.

«...Я по-прежнему бью немцев, гоню их на запад. Только последнее время мы воюем совсем по-другому, так как вошли в связь с нашими — братьями-партизанами. Замечательные люди партизаны. Вчера, например, привезли нам целую повозку продуктов, отбитых у немцев. Сегодня обещают пригнать еще подвод. Действуют они исключительно смело и дерзко. У большинства местных жителей ушли в партизаны сыновья, дочери, мужья. С какой радостью встречает нас население. Один раз мы вышли в район, где уже немцы были выгнаны партизанами с неделю. Немец ничего не успел вывезти, побросал много имущества».

12.12.1943.

«...Порой пытаюсь заглянуть в свое будущее, и страшно становится. Удастся ли мне снова учиться тому, к чему я стремился в своей короткой и глупой жизни. Порой кажется, что ты постепенно так и затихнешь, примиришься с жизнью. Будешь жить, как живут все, — так тихо, так хорошо. И все бывшие желания станут для тебя такой наивной детской мечтой, такой ерундой. Только странно, что я за человек, что до сих пор остаюсь ребенком в жизни, а кажется, пережить мне пришлось немало, а все дурак. Ну, и черт с ним, что дурак. Но все же останусь дураком, но самим собой».

03.01.1944.

«...Поздравляю вас с прошедшим Новым годом. Надеюсь, что вы встретили его повеселее, чем я. Я даже и позабыл, что существует такой веселый, прекрасный праздник, когда покупают елку, устраивают маскарады, танцы и т. д. ... Последнее время было для меня очень тяжелым. За какую-то неделю я пережил столько, сколько не переживал за все мое пребывание на фронте. Правда, в последние два дня я постепенно оправился. Сказать по правде, я чуть-чуть не попался в лапы к немцу. Находился я в лесу, замечательный дубовый лес. И вот гадина решила подстроить для нас ловушку. Неожиданно рано утром немец пошел в контру и опушкой двинулся на нас так, чтобы отрезать нашу группу от основных сил. Маневр был задуман неплохо. Кроме этого, он по лесной балке обошел нас кольцом. Положение становилось очень опасным. Тем более что нас было немного — человек шестьдесят пехоты и нас артиллеристов — человек двенадцать. Правда, ребята собрались боевые. Целых два дня мы отбивали беспрерывные

атаки врага... Особенно была страшной последняя ночь. Мы чувствовали, что на рассвете враг приложит все силы, чтобы раздавить нас. Всю ночь мы были настороже, вражеские автоматчики подползали метров на 40—50. Пули свистели у самого носа. Но черт с ними с пулями, самое паршивое было то, что выбираться было почти некуда, а главное — нельзя было оставлять рубеж до подхода своих, т. к. своей борьбой мы не давали врагу возможности развернуться. Начинало светать, нерадостное это было время. Какая-то жуткая тишина неожиданно окутала нас, даже пули перестали щелкать о ветки. Тихо и жутко от этой пустой, зловещей тишины. Но все были спокойны, хотя страшно измучились за последнее время, мол-
ча осматривали автоматы, гранаты, набивали карманы патронами. Становилось все светлее и светлее, весело искрился снег, над вершинами дубов пробивалось в туманной дымке солнце. И вот неожиданно заговорил пулемет, затрещали автоматы — немцы рванулись в атаку... Наши славяне идут в атаку, причем стреляют мало, а немцы открывают ураганный огонь, правда, не прицельный, рассчитывая напугать противника... Три раза бросался немец на нас, но каждый раз мы отбивали его. Многие из нас были ранены, но мы держались. Наконец, сообщили по рации, что наши главные силы двинулись вперед. Задача наша была выполнена. Мы могли пробиваться к своим. Но как? Враг еще не знал, что сам попал в ловушку... И вот мы рванулись в атаку, сами пошли вперед, но вперед в тыл к немцу. Это было так неожиданно, что он, растерявшись, пропустил нас... А когда опомнился, мы были уже в чаще леса. И вот по тропам и чащам в тылу у врага мы пробрались к своим... Таковы были дела, но сколько пережили мы. Эх, черт
возьми...»

18.02.1944.

«...Наверное, ты сильно волнуешься, что так долго нет от меня писем. Знаешь, получается как-то по-дурацкому. Пишу тебе много, но никак не могу отослать письма. Все нахожусь вдалеке от нашего почтальона. Даже обидно... Да, я теперь командир батареи. Можешь поздравить с повышением...»

21.03.1944.

«...Никогда я не видел столько грязи, как тут на Украине, грязь глубиною в метр. По таким дорогам не только машины, но и танки еле идут. Особенно эта грязь досаждает отступающему фрицу... Последние несколько дней я отдыхаю. Забрался в хатенку, сплю, пью, ем, читаю. Но завтра снова в дальний путь боев. Читать, правда, нечего. Извлек откуда-то „Героя нашего времени" Лермонтова и весь вечер наслаждался перечитыванием отдельных мест. Особенно восторгался музыкальностью языка, чувством ритма, звучанием слов и букв даже в прозе. А вторым занятием было дело более серьезное, а главное, нс в мою пользу — сопоставлял свои мысли, похождения и дела с Печориным. Правда, похождения и жизнь Печорина весьма романтична и великолепна, а в моей жизни, кроме грубого реализма, ничего нет... Вообще ерунда. Получается глупо. Когда я размышлял наедине, было как-то умнее. Ведь дело не в Печорине — черт с ним. Ведь он только толчок, чтобы подумать над основной проблемой — что такое есть субъект вроде меня...»

28.03.1944.

«...За последнее время я немного отдохнул. Даже странно, как быстро восстанавливаются освобожденные районы, города. Кажется, совсем недавно тут шли упорные бои, а сейчас город снова начинает жить прежней бойкой жизнью.[8] Шумят базары, работает кино, театр. По вечерам на бульваре гуляют пары. Все спешат жить. Радостно видеть это, но на душе как-то мучительно больно. Ты чувствуешь, что ты не у места — ты должен быть там, где рвутся снаряды, где бьют врага, где твои братья гибнут, но освобождают отчизну. Твое место там, в бою. А тут... Для этого есть другие люди, которые могут смеяться, петь, они войну торчат в тылу. Зато они очень умны, элегантны и имеют поистине восхитительную выправку. И конечно, твои солдатские сапожищи весьма нетактично шагают рядом с ними. Но, нет, я не завидую им. Настанет и для нас — фронтовиков счастье — счастье, завоеванное своей кровью. Его не вырвешь из наших рук. Живу я хорошо... В кино я так и не был, а в театр не тянет. Читать, правда, читаем мы — но больше белиберду, так как книги все на украинском, хотя удалось достать роман Пруса „Фараон". Ничего особенного нет, но интересно...»

10.04.1944

«...Все дальше и дальше уезжаю я от тебя... Жизнь берет свое, постепенно затягивает в свое русло. Я немножко научился воевать, работать, но только совсем немного, вернее, я просто вошел в колею военной жизни, чувствую некоторые ее мускулы... Но, увы, рожденный ползать летать не может. Так и я. Я создан или, вернее, создал себя для другой жизни, весь мой характер, весь я создан для гражданской жизни. Конечно, в этом повинно мое воспитание, жизнь дома, книги, но я рад, что я такой... Весь мой облик, все во мне никак не может принять в себя военные законы. Я не могу командовать, приказывать, я слишком много рассуждаю о правильности суждения, справедливости, счастье людей... Порой я бываю очень энергичен, деятелен, но у меня нет основного умения заставить человека выполнять, бояться... Мой метод — это приказ в форме предложения, в основе которого является сознательное понимание цели, необходимости его выполнения...»

16.04.1944.

«...Вот уже месяц, как я обитаюсь в тылу. Правда, работы много. Удалось даже проехать на поезде, правда, недалеко... Мне удалось попасть на первый поезд в Котовск — на многих станциях нас встречали с музыкой. От музыки, солнца, весны настроение было замечательное. Сидишь на крыше вагона, кругом военные — на буферах, платформах, везде, как муравьи, облепили поезд. А поезд попыхивает, свистит, кипятится, солнце играет на людях, блестит на орудиях, штыках винтовок. Все улыбаются, смеются. А кругом поля, безбрежные украинские степи, а на них копошатся, словно козявки, люди, когда поезд идет к ним, они бросают работу, машут платка-

---

[8] Неясно, о каком городе на западе Украины идет речь. В письмах молчание. Очевидно только, что молодой офицер получил некий отпуск для отдыха, но не для поездки домой и т. д. В городах, только что освобожденных, он видит других офицеров, чем те, которые были на передовой, и это вызывает вполне понятное раздражение.

ми и смеются. Все смеются! Я тоже смеюсь, мне так весело, так хорошо. И люди такие интересные кругом меня и природа. Вот недалеко от меня примостился какой-то майор, страшный весельчак и балагур. Все ест яйца (их тут в изобилии) и рассказывает свои похождения какой-то весьма миловидной медичке, которая от смеха вот уже третий раз чуть не скатилась с крыши. Вот уж эти медички! Сколько их тут. А напротив меня восседают два капитана, инженеры. Один маленький, щупленький, страшно не чист на язык, а второй, повыше ростом, белокур и даже немного романтичен. Оба увлеченно рассказывают о восстановлении железнодорожных мостов. А вот, позвольте представить помощника начальника эшелона — старший лейтенант... Только известно, что у него чирей на ноге, и он ходит, немножко хромая и быстро. Вообще он человек очень общительный — успел облазить все крыши, и теперь, кажется, все знают, что он служил в кадровой армии на персидской границе, был отчаянный кавалерист и заведующий складом, потом воевал на Волховском и Северо-Западном фронте, только трудно разобраться, с кем воевал — с немцами или с бабами. Но затем был контужен, кажется, от бомбежек в Ленинграде. Имеет большие заслуги и огромное влияние, особенно на медичек. Ну, а я, кажется, самый тихий и незаметный пассажир, все еще больше слушаю и ем, т. е. не вру и не ем, так как ничего нет — лишь лень слезть с крыши. Да, кроме того, я вчера великолепно поужинал. Но зато я чувствую себя героем — вот эти места, села, которые ты брал собственными руками. Вот они все радуются, смеются, а не знают, что с ними едет человек, который месяц тому назад сам в первых рядах брал эти села (вот она разбитая мельница, где я двое суток сидел и наблюдал за немцем...). Боже мой, какой я герой... Я боюсь, как бы от такого героизма не слететь с крыши... Вот с первых вагонов понеслась наша фронтовая песня, сильно, мощно несется ее могучий зов. Запели ее раненые из первых вагонов. Это только они имеют право так ее петь — только они. И понеслась эта песня вперед к врагу, вперед к победе!»

29.04.1944.

«...Наконец-то я добрался до своих. Сразу получил кучу писем — штук 15—20. Правда, многие очень старые. Высылаю тебе 700 рублей... А вчера получил письмо от Вовульки. И так жалко его стало... Я сам испытал все это, так что мне все, все понятно... Ведь я помню, как в Разбойщине так исковеркали, поломали жизнь, стремления многих. А какие хорошие были ребята![9] Ну, ничего — будем надеяться на лучшее... Только сейчас читал статью „Весна в Молдавии" из „Правды". Описываются Сороки, а они мне очень хорошо знакомы, когда форсировали Днестр. Действительно, очень красивый городок. Очень живописно раскинулся у подножия прибрежных

---

[9] Младший брат Николая Евгеньевича Владимир весной 1944 г. был призван в ряды Советской армии и направлен в одну из учебных команд Балтийского флота. Сам Н. Е. никогда, находясь в училище, не писал домой о тех армейских порядках, которые реально там царили, а если говорить откровенно, офицеры, преподававшие там, изо всех сил старались выслужиться, закрепиться в должности, чтобы не попасть на фронт. Отсюда предельно суровое отношение к новобранцам, муштра. В письмах Н. Е. уже с фронта эта реальность курсантского быта иногда невольно проскальзывает, но армейским цензорам это непонятно, так как написано завуалированно.

гор на берегу Днестра, куда красивее Бельцев. Корреспондент описывает молдавскую деревню — ее радушие, гостеприимство. Рассказывает, что молодежь не знает русского языка, но зато в деревне есть старик, георгиевский кавалер, герой четырнадцатого года, вот он и знает русский язык. Вообще все это верно. Действительно, русский язык знают только старики, служившие в Русской армии. Правда, георгиевских кавалеров я не встречал (хотя ошибся, если бы я писал статью, то обязательно встретил бы не только с тремя георгиевскими крестами, а с целым десятком). Ну, а вообще народ добрый, но не знаю, как-то все, кто хотел поесть, заходят к украинцам, которых тут мало, но есть. А то они (молдаване. — *Е. Н.*) очень гостеприимны и могут угостить тебя чем-нибудь чересчур очень вкусным — вроде водички с сухариками. Но а мы люди неизбалованные и удовлетворяемся хлебом, яйцами да самым простым молоком (конечно, если его нельзя заменить вином). Вообще с телесным питанием дело обстоит великолепно, но зато с душевным весьма паршиво... Честное слово, за эту проклятую войну, из-за этого немецкого гада, совсем одуреешь. Ну, ничего. Береги себя. Авось кончится война, и мы снова будем вместе».

20.05.1944 (отправлено этим числом).

«...Завтра мой день рождения — 20 мая. Исполняется 20 лет. Старею, старею. Уже вечер, тихо, тихо, только внизу в лощине квакают лягушки. Днем был ветер, но к вечеру все затихло. В моей обители, землянке, очень уютно. Отрыта она на вершине большого холма, скаты которого, отлогие в сторону противника, круто обрываются с северо-восточной стороны. Так что я живу на шестом этаже, если не выше. Внизу в лощине раскинулись великолепные луга, на скатах густой сетью сплелись виноградные лозы, цветут абрикосы, яблони, сирень, а дальше белеют хаты. Мой дом состоит из одной кельи, вырытой в песчанике, вход заменяет мне окно, посредине небольшой проход, а по бортам земляные нары-диваны. Украшением всего является стол, принесенный мне от какого-то молдаванина, а на столе огромный букет сирени. Для украшения глаз стены и нары застелены ковриком и циновками. Телефон я поставил у самой головы, чтобы удобнее пользоваться ночью. Но самое великолепное — это свет, так называемая „катюша" (гильза от снаряда с сжатыми краями, куда вставляем фитиль) свет дает очень сильный, как лампа-молния, и без копоти. Последнее время я много занимаюсь топографией. И с гордостью могу сказать, что вполне освоил работу на планшете, причем могу работать на нем очень быстро. Это очень интересная работа — добиться, чтобы снаряд падал в ту точку, куда нужно, без пристрелки... Вчера делал проверку. Со второго снаряда прямо угодил в вершину высоты (в тригопункт)...»

23.05.1944.

«...Не думал я, что стану военным, а стал, стал и вот уже два года воюю. Много я видел за это время. Если останусь жив, то будет, что рассказать. Был на передовой, в ближнем и дальнем тылу, ходил, ездил, ползал. Как-никак, а в моей голове почти у виска так и сидит осколок снаряда. Но пока он откровенно не беспокоит, только иногда болит голова, и страшно больно, когда дотрагиваешься до этого места (легкое ранение (!) в первых письмах родным. — *Е. Н.*). А в остальном все в порядке...»

02.06.1944.

«...Сегодня прочел статью В. Гроссмана „Наступление". Не столько понравилась сама статья, сколько описание весенней распутицы... Трудно себе представить эту борьбу во время наступления с грязью. Ветер, дождь, трудно разобрать, где дорога, так как по обеим сторонам от нее на полкилометра пробили колеи, ища объездов. Люди, машины. Машины ревут, люди кричат, а кругом грязь, грязь. Я помню дни, когда весь день таскали на себе машины и орудия, стелили дорогу, а продвинуться удавалось на 500—600 метров. Иногда отчаяние охватывало меня, бессонные, мучительные дни и ночи совершенно ломали меня, но ведь они идут, идут без тебя, бьют, гонят врага, а ты тут в тылу, когда орудия должны быть с ними, охранять их, бить, бить врага. И снова начиналась работа, рвались тросы, ломались бревна, но мы шли, шли. Я помню свою гордость и радость, когда мне удалось вывезти свои машины на железнодорожную насыпь и первому прибыть на место. Это был рискованный, но единственный путь, по которому за нами двинулись тысячи машин. Да, это была радость победы над грязью, чтобы бить и уничтожать другую еще большую немецко-фашистскую грязь. Да, я ругаю грязь, но и она сделала свое дело в борьбе с врагом. Одно дело наступать, другое отступать. Сотни, тысячи немецких машин, орудий затянула она в свои объятья...»

07.06.1944.

«...Вчера узнали о высадке англо-американских войск в Северной Франции. Открылся второй фронт. Да, это великое событие, великое наступление на фашистскую Германию начинается. Скорее бы, скорее начать окончательно громить врага. Все взволнованы, все ждут известий о ходе операций. Это у нас на передовой, а что делается в тылу, ведь там, наверное, целый триумф в честь 2-го фронта. Да, вот теперь-то обидно погибать, когда недалеко победа... Я первый из вас побывал за границей. Ведь никогда я не думал, что придется побывать на Карпатах. Места довольно красивые, только воевать в горах трудно, особенно нам, артиллеристам...»

16.06.1944.

«...Как хорошо чувствовать, что ты полностью понимаешь меня. Да, наш характер труден в жизни, особенно в борьбе за счастье. Но пока ты можешь только гордиться мной. Ведь я в сущности еще совсем молодой командир, имеющий только один год практики на фронте, правда, практики, которую не заменят десятки лет учебы. Еще год тому назад я, совсем неопытный, молоденький лейтенант, пробирался из училища на фронт. Что меня ожидает в будущем, я не знал. Я боялся, не верил в свои силы, в свои знания. Прошел год. Да, теперь я совсем другой. Ведь еще над Днепром был я топографом, потом начальником разведки, командиром батареи, а вот теперь перехожу на новую работу, буду довольно большим начальником. Я, правда, не ожидал этого повышения. Ведь в двадцать лет быть на моей новой должности лестно.

Я пишу тебе это потому, чтобы ты знал, что воспитание, которое я получил, все же создало из меня человека... В моей части ко мне относятся, несмотря на мои лета, с уважением. Недавно меня выбрали заместителем председателя офицерского суда чести нашей части. Я был удивлен, когда

моя кандидатура получила наибольшее число голосов. Когда меня попросили встать, чтобы все видели своего великого кандидата, то оказалось, что все меня давно знают. Удивительно. Почему меня всегда быстро запоминают? Когда я был в гражданке, причиной были мои волосы, а теперь? И главное, что все знают, что я ленинградец, любитель театра... А в довершение всего — очень скромный, тихий и исключительно исполнительный молодой командир. Честное слово, я никому не проповедовал своих стремлений. Никому не рассказывал своей биографии, тем более что большинства я не знаю. Правда, ленинградца во мне не трудно признать, так как нас собралась целая компания поклонников своего родного города... Пора кончать, а то я скоро возведу себя до Наполеона...»

18.06.1944.

«...Я понимаю, как тебе очень тяжело одному. Как порой мучительно оттого, что нет рядом человека, с которым мог бы поделиться радостью и горем. У меня порой такое же настроение, но я молодой, и мне значительно легче. Иногда хочется излить свои мысли и чувства в письме, но я не мастер писать, и все так смешно и глупо на бумаге. Как надоела эта чертова жизнь. Как хочется увидеть всех вас, мои милые дорогие! Скорее бы, скорее разбить немецкую свору и вернуться в родные края. Береги себя, милый, дорогой папулька. Мы скоро вернемся, вернемся, неся на своих знаменах счастье и победу. У нас страшная жара... Кругом цветут розы... Вчера читал Куприна. Хорошо. Хорошо, когда тихо кругом и светит солнце, летают птицы и ты летаешь в своих лазурных детских мечтах... P. S. Скоро буду старшим лейтенантом. На днях должен прийти приказ о присвоении звания».

22.06.1944.

«...Вот я и на новой должности. Работа интересная, только много приходится писать, зато по душе. Сейчас уже вечер. Тихо. Мое жилище расположено в прекрасном вишневом саду. Вишни уже поспели, так что я наслаждаюсь ими. Кругом горы, обросшие густой сетью виноградников, в некоторых местах текут ручейки. Хорошо. Землянка моя состоит из двух комнат — рабочая, где стоит телефон, чертежный стол и т. д., и спальня. Крыша свита из вишневых веток и сверху обтянута брезентом — очень красиво и удобно... У меня есть замечательный покровитель — подполковник Попов. Звать его почти как тебя — Евгений Николаевич... Он последнее время работал редактором журнала „Знание — сила”. Он мне страшно напоминает тебя. Я его очень уважаю и, честное слово, почти люблю. Носит он большую черную бороду, ходит всегда с палкой. Такого скромного, вежливого, интеллигентного и вместе с тем мужественного человека я никогда не встречал. Я помню, как один раз мы попали под страшную бомбежку, и он нас, как детей, уговаривал ложиться и, главное, не волноваться, а сам стоял с палочкой и в бинокль смотрел на немецких стервятников, а бомбы рвались рядом. Я помню, как однажды мы сидели вечером, кто-то достал Чехова. Стали читать, кажется, „Дядю Ваню”. Когда кончили читать, Евгений Николаевич сказал: „Когда я слушаю Чехова, мне хочется закрыть глаза и плакать”. Прямо удивительно, как в таком человеке соединяется жслезная воля в бою и романтизм в жизни. Он часто уверяет, что все

люди хорошие, добрые, мужественные. Ко мне он относится исключительно хорошо...»

12.07.1944.

«...Твое письмо, где ты пишешь, что он (брат Н. Е. — Владимир. — *Е. Н.*) уходит из училища, взволновало меня. Конечно, все зависит от места, куда его забросит судьба. От этого зависит его счастье и горе — его жизнь. Да, ему тяжело пришлось. Ведь армия, армейская жизнь имеет свои законы, трудные, суровые. Но их надо понять, прочувствовать, и тогда тебе будет легче, невольно все твои поступки станут на правильный путь, путь, который требует от тебя армия. Все это по-разному воспринимают!.. Каждый вечер слушаю последние известия и не дождусь дня, когда мы вместе с войсками Белорусских фронтов прорвем вражескую оборону немцев и погоним немцев и румын на запад... Сегодня читал указ Президиума Верховного Совета СССР об охране материнства, о браке, семье и т.д. Указ очень интересный. Много обсуждали, спорили, но еще больше смеялись. И решили, что с фронта уезжать нам, молодежи, пока не следует, а то сразу наложат на наши бедные головы налог за бездетность. А жениться теперь рискованно. Ведь теперь с женой не распутаешься...»

23. 07.1944.

«...Мне присвоено звание старший лейтенант. Но все же я все чаще и чаще думаю о своей дальнейшей судьбе... Ведь когда подумаешь, какой ты еще неуч... Конечно, поверхностно я нахватался порядочно знаний, а в сущности ничего не знаю. Некоторых это удовлетворяет, но мне стыдно, противно самого себя. Не оттого, что я какой-то идеальный человек, нет... Просто хочется стать человеком — настоящим членом общества, приносить людям пользу трудом, а не болтовней. Вот сейчас. Я работаю на новой специальности и работаю неплохо, не потому, что мне так кажется, нет... Ведь за год пребывания в части я вырос от командира взвода до начальника штаба. Довольно большой скачок. Но все же я чувствую, что не люблю эту специальность, как должен. Я честно выполняю свои обязанности, неплохо справляюсь с работой, но... но все это не то, чего бы я желал. Я хотел бы отдаться работе всей душой, чтобы в ней я находил самого себя, свою жизнь, свои мечты...»

24.07.1944.

«...17 июля по Москве печально промаршировали тысячи немцев, бывшие завоеватели Европы и Востока, во главе со своими тоже завоевавшимися генералами. Когда я читал про это великое нашествие немчуры на Москву, я не знал, что ты уже там. Опиши мне это поистине достопримечательное шествие чистокровных арийцев. Я тоже много видел пленных, но, конечно, такого потока мне бедному грешнику не приходилось созерцать... Обязательно сходи в театр, только обязательно. Вообрази, что с тобою я и Вовулька, а потом в письме вместе поспорим о виденной тобой пьесе...»

10.08.1944.

«...Моя жизнь такая однообразная, что совершенно не знаю, о чем тебе написать. Проходит лето. Порой кажется, что это один томительный, странный, скучный день, до того однообразно. Когда находишься в боях — меч-

таешь о минутах отдыха, а сейчас, наоборот, стремишься в бой. Человек довольно странен. Трудно ему угодить, трудно понять его... Сегодня я проснулся от неожиданно близкой стрельбы. Стреляли прямой наводкой, потому что звук выстрела и разрыва сливались воедино. Танки?.. Я выскочил из землянки. Солнце еще не взошло, только на востоке тоненькой полоской засветилось небо, и испуганная луна побледнела и растерянно замерла в далекой синеве. Било немецкое орудие, ночью подвезенное немцами и поставленное в кустах у переднего края. Я бросился к телефону: „По местам! По орудию противника дальнобойной гранатой, взрыватель фугасный, заряд, прицел, уровень... Огонь!". Вдруг немцы словно услышали мои слова, неожиданно прекратили огонь. Из оврага медленно подполз бронетранспортер, зацепил пушку и... Неужели уйдет? Уйдет? Секунды казались минутами, в душе я уже трижды проклял всех огневиков. Но вот где-то далеко, далеко заговорила батарея. Даже снаряды и те, казалось мне, летели сегодня исключительно медленно. Бронетранспортер развернулся и быстро покатил к балке, еще двести, сто метров и он ускользнет. Тяжелый густой дым заволок балку, слышно было, как рвались снаряды, еще, еще... Все молчали. Дым медленно рассеивался — ни орудия, ни машины не было видно, только задранное кверху жерло говорило о произошедшем. А радужная полоска все росла и росла, смеялась над нами. Последнее время я сильно увлекаюсь верховой ездой. Хочется научиться хорошо ездить. Конечно, нужен опыт, но пока мне везет. Конь у нас хороший, но горячий. Вообще я очень люблю лошадей. Пробовал учиться прыгать через рвы и эскарпы, но, хотя мне на первый раз и повезло, это развлечение не по душе...»

11.08.1944.

«...Последнее время я все чаще и чаще задумываюсь над своей будущей жизнью. Пока она мне не особенно улыбается... самое главное для меня — это окончить образование, вернее сказать, начать по-настоящему учиться. Когда смотришь на людей, то чувствуешь, как много значит иметь знания, быть специалистом своего дела. Все это, конечно, неново, а только никогда я так сильно не чувствовал необходимость учиться, учиться... Ты, конечно, знаешь, что оставаться на военной службе я не хочу. Как удастся мне уйти после войны в гражданку, я тоже не знаю, только уверен, что удастся, удастся, потому что я этого хочу, ведь для меня это вопрос всей жизни... Но мне очень хочется, чтобы ты написал мне свои взгляды, ведь опыт у меня такой небольшой, что многое, многое я еще не понимаю... Мне хочется получить такую специальность, где бы я чувствовал себя на месте, работа составляла для меня не труд, а радость. Вполне ясно, что это не математика, химия, физика... Твои советы для меня основные... Работы немного, но зато страшно скучно. Книг совершенно нет, а о другом и говорить не приходится. А с каким бы удовольствием я бы побывал в театре!..»

01.09.1944.

«...Ты знаешь, что теперь мы тоже начали наступать, и как видишь, не подкачали. Наступали так стремительно, что не было ни минуты свободного времени. Спать приходилось какие-нибудь 2—3 часа в сутки, но и это было счастье. Вот уже вторая неделя, как я почти не слезаю с седла. С непривычки к таким длительным персездам верхом сильно устаешь. Да, те-

перь немец уже не тот, да и наступление уже не то. Немецкие разбитые дивизии окружены и систематически уничтожаются и берутся в плен. По дорогам тянутся бесконечные вереницы пленных немцев и румын. Я сам лично взял в плен более десяти человек. Оставшиеся группы немцев до того растеряны и запутались в обстановке, что порой сами идут на верную гибель. Это поистине страшное зрелище, когда движешься по городам и дорогам, где прошли наши танки. Тысячи разбитых, сгоревших немецких машин, танков, обозов, лошадей, сотни, тысячи немецких трупов. Многое он побросал совершенно целым. Но над всем этим, как страшный предвестник гибели Германии, царит густой трупный запах...»

02.09.1944.

«...С самого начала нашего наступления я не писал тебе... Первые дни враг отчаянно сопротивлялся, но наши удары были до того стремительны и многочисленны, что он в панике бросился бежать. Да, это было не былое планомерное отступление — это было бегство пойманного в ловушку зверя. Каждый день приносил новые победы, число пленных росло с колоссальной быстротой. Несколько бойцов захватывали до сотни немцев... Погода стоит жаркая. Знойно. Над дорогами — застывшие густые клубы пыли. Пыль лезет в рот, нос, под обмундирование. А кругом — тысячеголосый рокот движущихся людей. Громыхают повозки, гудят машины, с ревом проносятся самолеты. Села, города пробегают мимо так быстро, что не веришь, что ты побывал в них. Ну, пора кончать. Близится конец войны! Но почему мне так чертовски лень думать? Хочется хоть часок отдохнуть. Ведь нервы напряжены до предела...»

03.09.1944.

«...Вот и пал Бухарест. Здорово. События последних дней разворачиваются с исключительной быстротой, и хочется верить, что конец войны совсем, совсем близок... Вот второй день, как я отдыхаю после тяжелых наступательных боев, так великолепно завершившихся взятием Плоешти, Бухареста. Снова гремит и салютует победам Москва. Чувствую я себя хорошо — вполне здоров. Отдохнул немного — готов к новым боям...»

06.09.1944.

«...События последнего времени развиваются так быстро, что хочется верить в близость конца войны. Недавно в журнале „Комсомолец" читал статью о кинофильме „В шесть часов после войны". Черт возьми, как здорово звучат эти слова! „В шесть часов... после в..о..й..н..ы!". Я не могу представить свою жизнь вне войны. Былое кажется мне чем-то очень, очень далеким, каким-то сказочным, книжным благополучием. Когда-то я мечтал побывать за границей, и исполнились мои мечты. Я в Румынии. И ни радости, ни интереса не испытал я, шагая по румынской земле. Я бил врага, бил его на Украине, в Бессарабии, теперь бью в Румынии. Приятно только то, что бью немцев на чужой земле, я не топчу родных полей, не слышу стонов родного народа. Я мщу. Пылятся дороги, сотни, тысячи людей, танков, машин неудержимой лавиной рвутся на запад, рвутся к сердцу Германии, чтобы вырвать из него яд гитлеризма. А навстречу как предвестники грядущих побед, уныло опустив взлохмаченные головы, плетутся бывшие победители

вселенной, идут чистокровные арийцы, носители благих идей о сотворении нового мира. Идут колонна за колонной, толпа за толпой. Тощие, жирные, высокие, низкие, окруженные маревом дорожной пыли...»

Вторая половина сентября 1944.

«...Он все читает, читает — набирается ума-разума (о младшем брате Владимире. — *Е. Н.*). Молодец. А вот я все дальше и дальше отделяюсь от всего этого. Книги для меня — таблицы стрельб, карты, карты. Тоже вещь интересная. Зато театр я не забываю, и всегда там не простой зритель. Иногда у тебя перед носом и над головой развертываются такие великолепнейшие трагедии. Тут есть и стоны раненых и умирающих, торжество победы, вдохновение, молнии и громы, танки и снаряды, русские, украинцы и проклятые миром немцы. Если все это перенести на пленку и потом показывать в кино, то это будет весьма сумасшедшая вещь, и кто не был на этой мировой сцене, тот никогда не поймет и не почувствует этого творения рук человеческих. Да, не побывав на фронте, невозможно понять его. Только надо побывать именно на фронте, на передовой, а не в тылу, даже, скажем, на глубине 3—4 километров от передовой. Вот когда ты сидишь метрах в 500— 600 от фронта, вот тогда ты понимаешь, что такое война и как надо воевать. И какими хорошими люди становятся здесь, плохих тут нет, они исчезают раньше. Милый папа, как хочется, чтобы ты понял меня, понял мою новую жизнь... Сегодняшнее сообщение о Финляндии великолепно. Ох, ты черт возьми! Неужели все это может кончиться? Ведь жить хочется, батюшки, как хочется. Кажется, я и человек неплохой — жизнь бы прожить мог...»

18.10.1944.

«...Я очень смеялся над твоими словами: „Изучай иностранный язык". Ты прав, прав. Я сам знаю, что язык в моей специальности основное. Но, увы, в таких условиях, в которых я нахожусь, некогда думать об этом. Ведь я не только не имею ни минуты свободного времени, но порой не успеваю даже поесть. Вчера приехал из дома отдыха офицерского состава один мой сослуживец, Егоров. Отдохнул замечательно. И когда он рассказывал о своем отдыхе, то даже не верилось, что ты тоже когда-то так жил. Ведь я уже и забыл, что такое электрический свет, ванна, настоящая постель. Для меня хорошая большая землянка кажется раем. Читать я ничего не читаю, да и нечего при нашей бедности. Егоров много рассказывал о постановках, которые им показывали. Особенно понравился отдыхающим Ровенский джаз. Да, а я ведь и забыл, что такое джаз, что такое театр. Ведь даже гражданская одежда как-то поражает, когда ее видишь...»

13.12.1944.

«...Ты, конечно, страшно волнуешься обо мне, но, увы, я не виновен, что почти два месяца не мог тебе писать. О, если бы я имел время описать тебе все свои странствования! Где я только не был. Сперва я попал в Румынию, потом в Польшу, затем снова в Румынию, Венгрию, Югославию. А теперь я снова воюю в Венгрии. Ты, наверное, много читал о нашем форсировании Дуная. Я тебе называю страны, где я воевал, где ездил на поездах, ходил, скакал. Но если бы я задался целью дать перечень всех городов, где

я был, то в письме не хватило бы места. В общем я снова в боях... Надеюсь скоро бить немца в Австрии. Но, черт возьми, еще сильно сопротивляется гадина...»

14.12.1944. Венгрия.

«...Война в чужих краях тоже страшная, дрянная вещь. Правда, не обидно тут, что враг топчет твои земли. Венгры воюют плохо, большинство сдается в плен, но немцы сопротивляются отчаянно. Недавно мы выбили врага с небольшой станции, он, видимо, был так уверен, что удержит ее в своих руках, что пришел в совершенную растерянность. Я был свидетелем этого, так как находился почти в самых передовых группах пехоты. На поле боя осталось более 70 трупов немецко-венгерских солдат и офицеров, минометная батарея (15 штук 80-мм минометов), 2 орудия и более 6 станковых пулеметов. Здорово!..»

16.12.1944. Венгрия.

«...Только сейчас пришел с нашего НП — вот уже вволю нагляделся на фрица. Сегодня у нас первый раз выпал снег, вернее, не снег, а крупный град. Все же чувствуется, что находишься в Южной Европе, а не в матушке России... В Восточной Румынии поразили меня огромные фуражки румын, румынская колбаса, изобилие магазинов, торговцев и главным образом чистильщиков сапог. Население довольно бедное, но верхушка одевается и держит себя, как истинные европейцы, живет богато. Югославия встретила нас вином, радушием и радостью, Венгрия — молчанием и боязнью. Венгры живут гораздо богаче румын и югославов. Много хуторов, церквей — лютеранских, католических, православных. Живут чисто. Страшно много вина. Я помню, когда мы форсировали Дунай, то я уже на правой стороне случайно забрел в брошенный помещичий дом. Огромные шикарные залы и комнаты поразили меня. Масса мебели, картин и прочей утвари. Все цело и никого нет, кроме дряхлого мадьяра, видимо сторожа. Славяне еще не успели побывать тут и навести российский порядок. Заглянул я в погреб — низкий сводчатый потолок, сыро, темно, а по стенам стоят сотни бочек, сколько десятилетий покоились они под сим могучим сводом, я, право, не могу сказать. Но, наверное, не один прапрадед этого бежавшего господина стряхивал с них вековую пыль. Бывал я и в других богатых имениях, только те уже были прибраны нашими солдатами и имели весьма печальный вид. Да, Венгрия должна почувствовать, что такое война и как она приятна для здоровья. Проездом заехал я в Сегед. Не ожидал я, что это такой красивый и большой город. Правда, я был в нем еще в тот период, когда население только что начало приподнимать ставни и, как притаившиеся зверьки, вылезать из домов. Русский солдат казался в их глазах каким-то чудовищем, и они были очень удивлены, что русские так спокойно вошли в город... Живу я хорошо, но разве это жизнь. Сегодня похоронил приятеля. Ночью напоролся на мину. Хороший парень. Сегодня ты, а завтра я, так бросьте же игру, ловите миг удачи, пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу...»

24.12.1944.

«...Я очень редко и мало стал писать тебе. Прости меня, но я, честное слово, очень замучился за последнее время. Вот уже почти неделя, как я

совершенно не сплю. Работы очень много. Нахожусь все время на передовой.

Я, право, не ожидал, что в Венгрии могут развернуться такие упорные и тяжелые бои. Черт знает, почему ты еще остаешься жив. Сейчас сижу в большом старом графском доме. Огромные старые стены увешаны гравюрами, средневековым оружием. Первое время я долго путался в этих огромных комнатных лабиринтах. На полу валяется битая посуда, портреты былых хозяев. Холодный ветер носится по опустелым коридорам. Где-то невдалеке рвутся снаряды, слева, захлебываясь в бессильной злобе, трещит немецкий пулемет. Пули звонко стучат в стену, но старый камень прочен. Я забрался в одну из небольших комнат во флигеле и устроил там свое штабное хозяйство. Ночью жарко вытопили маленькую печурку — стало тепло и уютно. Минутами забываешь обо всем. Как хочется спать! Но телефон, о боже, как я его возненавидел, беспрерывно ночью и днем зовет меня к себе. Связь постоянно рвется. Сегодня выбрал свободную минуту и решил написать тебе хоть несколько строк, чтобы ты знал, что я еще жив, что я еще бью немца на границе его берлоги. Наверное, скоро падет Будапешт, наше стальное кольцо все теснее и теснее сжимается вокруг него. Вчера наконец-то был полностью очищен Секешфехервар. Здорово. Это были страшные бои, когда мы, прорвав немецко-венгерскую оборону, ворвались в него. Город сильно разрушен. Сегодня я наконец побрился. Мы все не брились, пока не возьмем города...»

30.12.1944.

«...Вечером ко мне приехали неожиданные гости из политотдела и корреспондент одной военной газеты. Корреспондент все выспрашивал меня о наших героях, много восторгался, суетился и писал. Я ему предложил самому сходить на наблюдательный пункт и ознакомиться с нашим житьем-бытьем, но он оказался так занят и перегружен творческой работой, что мне пришлось вызвать с НП двух наиболее отличившихся в последнем бою разведчиков. Корреспондент подробно расспросил их о боевой жизни, о их подвиге, исписал всю свою объемистую тетрадь и, предложив им участвовать в газете, спешно уехал. Чему я был очень рад, так как, сказать по правде, меня здорово злила вся эта комедия в поисках героя...»

06.01.1945.

«...Когда я был командиром батареи, я могу честно сказать, что не один немецкий танк веселил матушку пехоту своим пожаром, сотни гитлеровцев легли от моих снарядов. Да, я хвалю себя. Хвалю. Но это правда. И вот сейчас на полях Венгрии я гоню немцев к Берлину. Ведь почти все мои товарищи, с которыми я вступил в бои под Белгородом, или убиты, или ранены. Некоторые говорят о зверстве, когда расстреливают или бьют пленных. Это правильно, когда издеваются над пленными, которых везут в вагонах в глубокий тыл. Но когда ты врываешься в траншею и тот рыжий фриц, который несколько минут перед этим стрелял в тебя, заискивающе поднимает руки и лепечет „Гитлер капут", невольно тебя охватывает такая ненависть к этим гадам, что хочется бить, терзать их. У меня в батарее был разведчик Архипенко, огромный, широкоплечий парень. Когда он пришел ко мне в батарею, у него на груди красовался орден Красного Знамени — он пер-

вым из полка достал языка под Сталинградом. Шли упорные бои в районе Звенигородки. Необходимо было достать языка. Артиллерийские разведчики не ходят за языками, но на этот раз ком. дивизии приказал именно артиллеристам достать языка (он знал, что артиллерийская разведка значительно опытнее пехотной). Архипенко со своим другом ушли в тыл к немцам и больше не вернулись. Через два дня мы взяли село. На огромном подбитом «тигре» был повешен Архипенко, лицо его было изрезано ножем, в грудь воткнут штык. Мне стало страшно, когда я приблизился к нему, неужели это сделали люди. Синее лицо мертвеца медленно повернулось ко мне. На его губах была презрительная улыбка. Он презирал смерть. Он смеялся им в лицо...»

07.01.1945.

«...Последнее время работы у меня значительно меньше, так что немного отдохнул. Только сплю я мало и плохо. Ночью обязательно раз двадцать, а то и больше поднимают к телефону. Я даже приказал поставить телефонный аппарат у самого изголовья, но от этого не легче. Получается это оттого, что в больших штабах всегда масса дежурных и бодрствующих офицеров, и вот каждый считает своим долгом узнать обстановку, проявить бдительность. Вообще-то, конечно, они правы, но спать мешают крепко... На днях мне принесли небольшой саквояж патефонных пластинок, главным образом отдельные романсы и арии в исполнении итальянских и немецких солистов. Как замечательно поют итальянцы, какая исключительная вибрация голоса, легкость и красота. Вчера ходил в баню. Знаешь, мне кажется, что если кончится война и я буду жив, то самым большим счастьем для меня будет мыться в бане, читать и слушать музыку. А главное — спокойствие и тишина. Вспоминаются слова Ломоносова: „Царей и царств земных отрада, возлюбленная тишина". Работа моя до того нервная, что я порой удивляюсь, как в мои годы я могу спокойно работать (спокойствие, правда, весьма относительное)...»

06.02.1945.

«...Уже 12 часов ночи. Все спят. В комнате весело потрескивают дрова в камине. Яркие языки пламени бросают таинственные тени на стены, и порой кажется, что кто-нибудь сидит в кресле вон там в углу. Тихо. Да, когда-то в этом небольшом особняке жил какой-нибудь будапештский буржуа. Вернее, он приезжал сюда временами, чтобы отдохнуть от многолюдного шумного города, полюбоваться на холодные в своей величественной красе горы, на веселые домики, примостившиеся на их скатах. Огромная стеклянная веранда висит над самым обрывом. Красота изумительная. Мне все не верится, что после паршивой землянки я сижу в великолепном ореховом кресле, смотрю великолепные журналы и пью великолепное вино. Ведь я сам не верю, как я остался жив. Жив, да, я жив! Дня три тому назад я уже и не надеялся, что когда-нибудь снова буду писать вам. От того, что я пережил, можно не только поседеть, но и... Да что говорить. Почти пять суток я сидел и ждал веселой развязки весьма интересной комедии. Я много работал, много писал. Особенно были тяжелы ночи. Ночью атаки всегда усиливались, нередко немецкие автоматчики подходили почти вплотную к моему дому. То и дело сообщали о погибших товарищах. Не смолкала артиллерия.

Наши батареи за эти дни подбили и сожгли 12 немецких танков, из них 8 — в ночных боях. Да, когда-нибудь я буду вспоминать эти дни... Книг совершенно нет, зато журналов с модами масса...»

16.02.1945.

«...Недалеко от меня есть небольшой женский монастырь. Несколько дней тому назад я случайно зашел в него. Ведь я никогда ранее не бывал в сих духовных обителях. И, представляешь, я был поражен. Встретили меня очень приветливо. Оказалось, что монахини (большинство довольно молодые) работают преподавательницами в женском институте в Будапеште. Очень культурные и симпатичные люди. Я играл с ними в шахматы и, разумеется, проиграл все партии. Когда я пришел домой, то все не мог прийти в себя. У меня в уме как-то не укладывались черные монахини с бледными, восковыми лицами, с четками и крестами с игрой в шахматы, с математикой, химией, литературой (кстати, одна из монахинь оказалась доктором физико-математических наук). Когда я уходил, то на прощанье они спели мне какую-то молитву. Поют они прекрасно, исключительно музыкально и ритмично...»

24.02.1945.

«...Вчера отпраздновали 27-ю годовщину Красной Армии. Праздник, правда, был не весьма веселый — на улице страшный ветер, в землянке холодно и неуютно. Ты не можешь себе представить, как надоедает жить в земле. Сегодня было кино, но я не пошел, хотя и была возможность. Ставили „Котовского". До чего все это глупо. Почему на фронт никогда не привезут хорошего веселого фильма, а обязательно какую-нибудь ерунду, да при том обязательно что-нибудь военное. Пусть уж смотрят фильмы про войну в тылу, а у нас тут и так ее по горло. Меня это так злит... Как много говорят о кино и театре на передовой, а я, сказать по правде, не только сих великих вещей не видел в километрах пяти от фронта, но даже жалкой книги не могу достать. Пожалуй, скоро отучусь понимать и читать русскую литературу. Время бежит, бежит, ты живешь и глупеешь...»

28.03.45.

«...Давно я не писал тебе. Не было никакой возможности. Ты, наверное, знаешь, что мы воюем довольно крепко. Я прямо удивляюсь, что до сих пор пока жив. Можешь меня поздравить — за бои в районе Будапешта и Секешфехервара я награжден орденом Отечественной войны II степени. Чувствую себя хорошо, только сильно устал, ведь я почти трое суток не спал... Сижу я сейчас в небольшом разрушенном доме, в комнате все побито и разбросано. Война. Везде война, только где-нибудь в глубоком тылу люди не чувствуют ее, только в газетах читают о боях, радуются победам...»

06.04.1945. Австрия.

«...За какие-то несколько дней я пересек Западную Венгрию, затем Чехословакию, и вот я на австрийской земле. Поистине замечательный удар. Немецкие войска отступали так поспешно, что на дорогах и в городах оставалось огромное количество орудий, машин и прочей военной техники.

Венгры вообще наконец-то признали, что войне „капут" и пачками направляются домой. Многие переодеваются в гражданское платье. По дороге то и дело встречаются колонны сих великих вояк, у большинства на плечах огромные мешки с барахлом, подарки домой, идут, смеются, охраны никакой нет. Вчера был в Братиславе — красивый город. Совершенно целый. Население встречает радостно, приятно слышать родной язык. Я зашел в один двор, где еще не были русские солдаты, пусто, хотел уже выйти, как вдруг из всех дверей, окон появились испуганные, но радостные лица жителей. „Русский солдат, русский". Огромная толпа окружила меня. Расспрашивали наперебой обо всем, большинство интересовалось, где действует чехословацкий корпус, придет ли он в город, где находится чехословацкое правительство и много других вопросов, на которые я не успевал отвечать. Какая-то мамаша вытащила мне целую корзинку пирожных, угощают. Особенно рассмешила меня какая-то домовая санитарка, она выскочила откуда-то из парадной с сумкой, бинтами и сразу набросилась на меня. Бедняжке так хотелось что-нибудь забинтовать мне, она все уверяла, что я, наверное, ранен и скрываю... Когда я выехал из города, бой уже кончился, на улицах стало многолюдно...»

13.05.1945. Чехословакия.

«...Ну, вот и кончилась война! До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что началось мирное время. Мир. Победа. Как триумфально звучат эти слова... О конце войны я узнал только в 12 часов 9.05.45 г. Всю ночь мы были на марше. На нашем участке противник уже несколько дней не появлялся — он исчез. Мы двигались исключительно быстро, но не могли его догнать. Минули Австрию и вошли в Чехословакию. Как нас встречали чехи! В каждом селе, городе, поселке дома разукрашены флагами, у въездов в селения сделаны арки из цветов с надписями „Слава освободителям". Женщины, дети, мужчины — все в праздничной одежде, кидают цветы, поют, кричат „ура". Народ ликует. Еще никогда в жизни я не видел такой неподдельной искренней радости в народе. Местные партизаны вылавливают немцев. Эти сволочи напоследок творили безобразия. В Праге они давили танками мирных жителей, во многих селах расстреливали и убивали даже после 9 числа. Чехословакия произвела на меня огромное впечатление — замечательная страна. Природа исключительно красивая, небольшие холмы, леса, луга, изредка горы. Населенные пункты очень живописны. Но сам народ красивый, здоровый, очень культурный. Одеваются великолепно. Никогда и нигде не видал я столько красивых девушек и юношей. Трудно описать свой восторг — наше триумфальное шествие. После конца войны я ни минуты не отдыхал. Устаю страшно. Все время в движении...»

03.06.1945. Чехословакия.

«...Как хочется скорее в Россию. Все надоело до безумия. Видимо, оттого что я болею, настроение последнее время у меня убийственное. Какое-то безразличие ко всему, все кажется каким-то чужим. Меня не интересуют ни жизнь, ни люди. Со мной этого никогда не бывало. Возможно, это результат одиночества, так как в доме, где я нахожусь, никто не говорит по-русски. Три раза заходит сестра делать уколы, три раза приносят еду. Но есть не хочется. Вчера вечером, чтобы хоть немного рассеяться, пошел побро-

дить по поселку, зашел к знакомому инженеру — наш полковой автомобильный бог. Просидел у него почти весь вечер — говорили о том, о сем. Вспоминали военные эпизоды. Особенно памятен Секешфехервар... Я его никогда не забуду, так как по чистой случайности я не закончил в нем свою жизнь. Мне кажется, что вот именно в такие дни люди седеют, сходят с ума и тому подобное. Сколько надо было силы воли, энергии, чтобы вынести весь этот кошмар. Бои шли за каждый дом, за каждый клочок земли, так как уходить было некуда, все пути были перехвачены немецкими танками. Кончались боеприпасы, продовольствие. Мой штаб был в небольшом домике в центре города. Три дня я не отходил от телефона, спать я не мог, нервы были до того напряжены, что сидеть спокойно было невозможно. Говорили мало, больше работали. Первые два дня шли большие бои, затем все затихло. Эта тишина была самой мучительной, давящей на тебя своей безысходностью. Казалось, что мы очутились в глубоком тылу... Да, это было тяжелое время. Нам повезло, видимо, фортуна берегла нас. Вспомнили Белгородский прорыв, Харьков, Старый Люботин. Мне вспомнился наш НП на бугре среди снопов, мучительная жара и, наконец, страшное письмо о смерти мамы, которое я получил там. Я сам был близок к смерти, но это известие... Знаешь, мне до сих пор не верится, что мама умерла. Неужели я никогда не попаду на ее могилу! Вся наша жизнь разбита, исковеркана войной. Кончилась война. Но дальше, что дальше?..»

20.06.1945.

«...Последнее время... веду кочующую жизнь. Писать нет никакой возможности. Правда, последнее время стало немного меньше работы. Увлекаюсь ловлей рыбы. В Чехословакии да и тут очень много ставков — небольших искусственных прудов с заведенной рыбой — золотистые карпы. Ставки частные, так что местное население не имеет права ловить рыбу, ну а мы пользуемся правом победителей. Вчера поймал на удочку 12 карпов — каждый весом в 500—600 г. Вспоминаю тебя... Команда уже подана к маршу. Спешу. Опять целые сутки болтаться в седле...»

22.06.1945. Австрия.

«...Вот исполнилось четыре года, как началась война. Я помню утро 22 июня, радио, речь Молотова. Один ты понял тогда, что это означает, я и Вова не могли себе представить по-настоящему тот перелом, ту страшную рану, которую нанесет нашей семье война. Хочется думать, что все будет хорошо. Но пока ничего хорошего на жизненном горизонте не предвидится. Ты не можешь себе представить, как надоела мне эта тупоголовая жизнь... Меня пугает эта умственная вялость, которая так часто просыпается во мне. Только временами какая-нибудь интересная статья в газете, брошюра (о книгах я и не смею мечтать) зажжет в душе огонек борьбы и разума. Но моментально действительность душит его. Многие завидуют нам — заграничным скитальцам. Да, я побывал за границей, но я был, как раб, которого прогнали по различным странам. Спроси его, что он видел, он ответит, что временами было страшно холодно, временами жарко, что встречал много людей, был во многих городах, но что это за люди, что это за города, он не знает. Если начнешь его расспрашивать подробнее, то он ответит, что так уставал, что предпочитал спать, а не изучать обычаи и нравы,

от которых не станет сытнее. И он совершенно прав. Так и я, что я видел? Меня боялись допустить в села — мой дом лес. Я рад, когда тепло и сухо, печален, когда холод и дождь. Мои мысли не уходят дальше обыденной жизни. Я ругаю других, чтобы они не ругали меня. Я ем для того, чтобы есть. Я постепенно отвык от людей (я не говорю о военных), так как вижу их страшно редко, только в пути... Единственное приятное для меня занятие — это писать письма...

Вчера я встретил знакомого командира с ординарцем, едущих верхом в соседнее местечко. Я сел на лошадь его ординарца, и мы отправились вместе. Лошади оказались прекрасными, так что через час мы уже подъезжали к небольшому австрийскому городку. На узких довольно грязных улочках толпился народ. Видимо, рабочий день кончился, и жители вышли на воздух Лучи заходящего солнца ласково скользили по серым фасадам домов. Окна были раскрыты. Я давно не был в таких отдаленных городках. Военных тут, видимо, не было уже давно. По мере нашего приближения к городу на улицах началась какая-то спешная перегруппировка — женщины, дети и особенно молодые девушки поспешно скрывались в подворотни, ставни закрывались. На улицах остались одни старики да мужчины. Я привык к этому во время войны, но сейчас меня это поразило. Стало как-то стыдно (особенно после Чехословакии). Мы поехали шагом, стараясь громче говорить и смеяться, чтобы скрыть свое дурацкое смущение. Неожиданно я поднял голову — у окна высокого белого дома стояла молодая хорошенькая девушка, увидев, что я заметил ее, она моментально скрылась. На лице ее выразился такой испуг, что мне стало до тошноты больно. Я скривил какую-то милосердную улыбку, великое великодушие. Но забыть это молоденькое лицо, эту испуганную, забитую улыбку и ужас, выразившийся в ее глазах при виде меня... Казалось, она молила меня не трогать, оставить ее. Где-то играла музыка. Тошно. Вот они — плоды величайшего великодушия. А отчасти тут много правды. Мне вспомнилась шляхта. Точно так при шуме копыт скачущих всадников пустели улицы, затухала жизнь. Не правда ли, смешно? Я как бы посмотрел на себя в зеркало. Уже стемнело, когда мы вернулись домой. Австрия значительно беднее Чехословакии. Даже небольшие поселки в Чехословакии полностью электрифицированы, большинство строений — небольшие комфортабельные виллы. Улицы широкие. Только в очень отдаленных районах попадаются небольшие глухие деревни, крестьяне в деревянных башмаках, овины и т. д. Австрийские селения и небольшие города значительно беднее. Дома менее благоустроены, часто встречаются низкие здания с множеством пристроек и маленьких окон. Улицы у́же и грязнее. Мне почему-то вспомнился Шиллер, когда я шел по небольшой кривой улице на окраине одного городка. Что-то тоскливое и странное навеяла на меня она. Возможно, вот именно тут, в одном из домов жила Луиза с отцом. Странно, но эта печаль рождала любовь, странную, сильную и мучительно безвыходную...»

29.06.1945. Венгрия.

«...Проездом, совершенно случайно, мне удалось провести полтора дня в небольшом венгерском курортном городке Кестель, расположенном на юго-западном берегу озера Балатон. Два дня, всего два дня пробыл я там,

а как много интересного и нового внесли они в мою скитальческую жизнь. Городок маленький, но очень живописный, дома чаще всего двух- или трехэтажные. Много отдельных вилл. На берегу озера хороший пляж, пристань, лодочная станция. Боев здесь почти не было, так что город уже вступил в нормальную жизненную колею. Работают кино, рестораны (в последних, кроме вина, ничего нет), магазины. Что я делал эти два дня? Да ничего — болтался по городу. Но вот именно в этом болтании была самая прелесть. Я снова почувствовал себя свободным, кругом были люди, была кипучая, незнакомая жизнь. Вот уже второй год, как я за границей, но почти не знаю ее. Ведь леса, поля да земли — во всех странах одинаковы. Холод везде одинаковый, дождь везде мокрый. А нас, бедных грешников, так тщательно оберегают от домашнего уюта, от всего, что пахнет мирной жизнью. Приходится только благоговеть перед такой отеческой заботой и, воздымая очи к небесам, ждать сотворения чуда. В магазинах все дорого, вернее, с русских дерут втридорога... С моей демобилизацией дело весьма печально. Никаких ближайших перспектив...»

06.07.1945. Венгрия.

«...Ты не можешь себе представить, как надоела мне лесная лагерная жизнь, чувствуешь, как постепенно дичаешь, не видя людей. Именно самое дурацкое, что в сущности работы почти нет, так как весь день расходится на разные мелочи и пустяки — непоколебимые основы военной жизни...»

04.08.1945. Венгрия.

«...На меня временами находит какая-то страшная апатия к жизни. Надоела бесцельная, однообразная жизнь лагеря. Когда была война, я чувствовал себя куда лучше, работа увлекала меня, и все лишения переносились гораздо лучше. А теперь мне кажется, что если я пробуду тут еще несколько месяцев, то прямо сойду с ума. Ведь живешь, как сурок, кругом лес, в населенные пункты не пускают. Беспрерывно получаешь „ценные указания" по оборудованию лагеря, никогда я не сталкивался с таким глупым, бесцельным делом, как теперь. Все построено на одних условностях, нигде не чувствуется ни капли здравого смысла. Прямо поразительно, до чего отупели людские головы. Одно время я надеялся, что поедем на зимние квартиры, но, кажется, все напрасно... Пришли мне бандеролью какую-нибудь литературу...»

09.08.1945. Венгрия.

«...Снова война — война с Японией. Только три месяца прожили мы без войны. Хочется надеяться, что это последняя битва, вслед за которой на долгие годы настанет мир. Я узнал об объявлении войны вчера вечером, возвращаясь из кино. Это было неожиданно, но все восприняли это известие очень спокойно, так как еще так недавно мы были в боях и это было для нас привычным делом... Неплохо было бы, если ты послал бы вдобавок к худ. литературе какой-нибудь учебник по экономической географии и по русской истории...»

08.12.1945. Венгрия.

«...Как обидно читать, что ты ждешь меня, а я не смогу так долго увидеть тебя. Видимо, раньше марта я не попаду в отпуск. У нас тоже наступи-

ла настоящая зима. Ветры, снег. Я по-прежнему живу в землянке, никуда не хожу, да и куда пойдешь. Ты не можешь себе представить, как мне хочется учиться, и это уже не детские порывы, нет... К сожалению, читать и заниматься не по чему...»

23.12.1945. Венгрия.

«...Вот уже третий день стоим в сорока километрах от Будапешта. Надоело. Почему стоим, никто не знает. Говорят, испорчен мост через Дунай... Только что прошел пассажирский поезд из Будапешта, весь облеплен мадьярами, висят на ступеньках, буферах, восседают на крышах. Народ измученный, худой, большинство едет за продуктами. Видимо, в Будапеште голод. Вспоминаю Ленинград. Как все же похожа жизнь. Страдания народа везде одинаковы. Я не чувствую к мадьярам никакой ненависти, кроме жалости. Неприятно смотреть на молодых девушек, женщин в штанах с дорожными рюкзаками, усталых, бледных и жалких в своих хлопотах, не понятных нам. Ехать на крыше вагона, ночью, зимой!..»

Из личной записной книжки Н. Е. Носова.

«17.01.1946. 18 часов 10 мин. Переехали границу. 19.01.—20.01. Ст. Ренни, Раздельная, Кировоград, Первомайск, Днепропетровск и т. д. Не такой ожидал я увидеть Россию. Цены дорогие. Народ одет плохо. Масса нищих. Некоторые говорили, что в России чувствуется жизнь, работа, страна строится, восстанавливается. Ничего подобного нет. Масса бедных, худых, замученных женщин и т.д. В Румынии и то больше деловитости. Или это мои первые впечатления? Черт его знает. Много гадалок. Грубость. Здравствуй, матушка Русь».

14.03.1946. Г. Прохладный.

«Дорогой папа! Сегодня весь день думал о маме. Знаешь, мне порой кажется, что только по возвращении домой я пойму, что она навсегда покинула нас. Я стараюсь не думать об этом. Как пусто... как тяжело на душе. Ведь она всю свою жизнь посвятила семье, нам детям. И вот она не дождалась дня, когда увидит нас взрослыми. Сегодня читал хозяйской девочке книгу, и вспомнилось мне далекое чудное время, когда мама читала мне Диккенса. Ведь мне было всего 7 лет, а мы прочли тогда почти все его произведения. Странно, ведь я был тогда совсем ребенок, но до сих пор помню мельчайшие события сюжета, действующих лиц, их имена, да и само понимание, впечатление от книг так глубоко вошло в мое сознание, что порой кажется, что все это было совсем недавно. Вспомнились мне наши семейные праздники, приезды дедушки, его колючая бородка и традиционные пятьдесят рублей.[10] Наши походы в театр. Пожалуй, это единственные счастливые годы моей хотя и небольшой, но дурацкой жизни. Повторится ли это вновь? Вряд ли. Каким-то кошмаром вспоминается блокада, эвакуация... Но ярче всего вспоминается Балашовский вокзал. Я стою и смотрю вслед удаляющимся трем фигурам — это ты, мама и Вовулька. Мама в

---

[10] Дедушка по материнской линии Николай Аркадьевич Коростелев, профессор, доктор физико-математических наук, являлся известным специалистом по метеорологии.

своем сером пальто и шляпе, которая так шла к ней, ты в сером костюме с тросточкой и Вовулька — худенький, в белой рубашке и серых брюках. Вот вы обернулись и машете мне рукой, мама что-то кричит... Далеко... Я не слышу... Все дальше и дальше уходят три фигуры... И мне показалось, что в это мгновенье что-то оборвалось в моей душе и унеслось к вам. А я остался, но остался другим, чужим самому себе и вам. О смерти мамы я узнал под Харьковом, были тяжелые бои. Я лежал в окопе на наблюдательном пункте. На заходе солнца принесли твое письмо. Ты сообщал, что мама умерла. Я долго держал его в руках, прочел, но странно — я даже не заплакал, мне было как-то безразлично... Я не поверил, не поверил, но не умом, весь мой организм, все протестовало против этого. Нет, я не могу описать тебе моего состояния. Ночь прошла тихо, я долго не спал. Наутро меня ранило. Я помню, что мне было страшно обидно, что я пережил маму, жизнь в эти дни как-то мало меня интересовала. Я устал, измучился от бесконечных обстрелов, перемещений. Ну, хватит... Живу я ничего. Жду решения вопроса о своей демобилизации...»

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Н. Е. НОСОВА[1]

1954

Рец.: Новый труд по истории феодализма (Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв.: В 2-х ч. Ч. 1. IX—XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. 984 с.; ч. 2. XIV—XV вв. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование Русского централизованного государства. 812 с. М., 1953) // Вопросы истории. № 8. С. 122—128. Совместно с А. И. Копаневым, А. Г. Маньковым, Л. В. Строевой.

1955

Городовые прикащики и губные старосты Русского государства первой половины XVI века: (Очерки по истории местного управления). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 17 с.

Работа историков на местах. Ленинград: (О создании Ленинградского отделения Института истории АН СССР) // Вопросы истории. № 11. С. 167, 168.

1956

Губная реформа и центральное правительство конца 30-х—начала 40-х годов XVI в. // Исторические записки. М. Т. 56. С. 206—234.

Подгот. к печати коммент.: Крестоцеловальная запись губных старост. 50-е годы XVI века // Памятники русского права. М. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVII вв. С. 186—188, 209, 210.

1957

Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л. 408 с.

Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII в. Л. 254 с. Совместно с А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым.

Авт. разд.: Завершение объединения Руси и свержение татаро-монгольского ига // Там же. С. 7—78.

1958

Солигалицкая губная грамота // Проблемы источниковедения. М. Вып. 6. С. 220—235.

Б. А. Романов как педагог: Доклад на совместном заседании ЛОИИ АН СССР и Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом) 16 ноября 1957 г.: Краткое изложение // Исторические записки. М. Т. 62. С. 288—289.

Выступление в дискуссии по докладу И. И. Смирнова «Спорные вопросы борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. (по поводу статьи А. А. Зимина)» на расширенном заседании группы истории СССР ЛОИИ АН СССР. Ленинград, сентябрь 1958 г.: Краткое изложение // ВИ. № 12. С. 207—208.

---

[1] В основу «Списка» положен «Список печатных трудов Н. Е. Носова», составленный Е. Н. Носовым (Исторические записки. М., 1987. Т. 115. С. 184—192), в который внесены некоторые дополнения.

1959

Губной наказ Новгородской земле 1559 г. // Исторический архив. № 4. С. 212—217.

Нариси з історії СРСР, кінець XV—початок XVII століття. Київ. 256 с. Совместно с А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым.

Авт. разд.: Завершення об`єднання Русі і повалення татаро-монгольського іга. С. 7—78.

50-летие И. И. Смирнова // История СССР. № 4. С. 228. Подпись — Н. Н.

1960

Боярская книга 1556 г.: (Из истории происхождения четвертчиков) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.; Л. С. 191—227.

Рец.: Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л. Т. 26. 413 с. // История СССР. № 5. С. 189—190.

Ред.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.; Л. 498 с. Совместно с другими.

1961

Белозерская губная изба в начале XVII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. к 70-летию А. А. Новосельского. М. С. 50—53.

1962

«Новое» направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. М. Вып. 10. С. 261—348.

О статистическом методе в актовом источниковедении (по поводу статьи А. А. Зимина) // Вопросы архивоведения. № 4. С. 41—55.

Член редколлегии: Исторические записки. М., 1962—1982. Т. 71—108.

1963

Образование централизованного государства. Русское государство во второй половине XV—XVI в. // Краткая история СССР. 2-е изд. М.; Л. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л. С. 108—153.

Губные старосты как агенты правительства Ивана Грозного по земельным делам // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М. С. 191—198.

Рец.: Новый труд по истории феодальной России (М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962. 583 с.) // Вопросы истории. № 3. С. 140—145.

Губная реформа // СИЭ. Т. 4. С. 874—875.

Губные грамоты // Там же. С. 875.

Ред.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л. 656 с. Совместно с С. Н. Валком и В. А. Петровым.

От редакции // Там же. С. 4—6. Совместно с С. Н. Валком и В. А. Петровым.

Ред.: Краткая история СССР. 2-е изд. М.; Л. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 536 с. Совместно с другими.

1964

Губные наказы селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549—1550 гг. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л. С. 397—404.

Советская литература по истории русского феодализма (до XIX в.) в 1963 году // История СССР. № 3. С. 150—169. Совместно с А. И. Копаневым.

Очерки истории Ленинграда. М.; Л. Т. 4. Период Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма в СССР, 1917—1941 гг. 944 с. Совместно с другими. Авт. разд.: Народное образование (1918—1929 гг.). С. 545—570; Внешкольное образование и культурно-просветительные учреждения (1918—1941 гг.).

С. 582—605. Совместно с Ю. С. Токаревым; Высшая школа (1918—1929 гг.). С. 674—689.

Земская реформа Ивана IV // СИЭ. Т. 5. С. 670—671.

Земские грамоты // Там же. С. 672—673. Без подписи.

Земская изба // Там же. С. 669. Без подписи.

Выступление в прениях по докладу М. П. Кима и И. А. Федосова // Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва, 18—21 декабря. 1962 г. М. С. 342—344.

Отв. ред.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л. 520 с.

1965

The Centralised Russian State. Russia 1451—1600 // A short history of the USSR. M. Part 1. P. 77—109.

Кормление // СИЭ. Т. 7. С. 961.

Отв. ред.: *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М.* Пугачев и его сподвижники. Л. 140 с.

Ред.: A short history of the USSR. M. Part 1. 336 p. In collaboration with others.

1966

Formación del Estado centralizado. El Estado ruso en la segunda mitad del siglo XV y en el XVI // Compendio de historia de la USSR. Primera parte. Desde la antiguedad hasta la Gran revolucion socialista de octubre de 1917. M. P. 79—112.

Отв. ред.: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. 2-е изд. М.; Л. 240 с.

О книге и ее авторе // Там же. С. 3—6.

Ред.: *Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л. 328 с. Совместно с другими.

Ред.: Compendio de historia de la USSR. Parte 1. Desde la antiguedad hasta la Gran revolution socialista de octubre de 1917. M. 352 p. En collaboration avec les autres.

1967

Собор «примирения» 1549 года и вопросы местного управления (на перепутье к земским реформам) // Внутренняя политика царизма (середина XVI—начало XX в.). Л. С. 5—68.

Земская реформа на Русском Севере XVI в.: (Об отмене кормлений и введении земских учреждений) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. ст. памяти И. И. Смирнова. Л. С. 131—156.

La formation d'un état centralisé. La Russie dans la seconde moitié du XVe et au XVIe siècle // Histoire de l'URSS de l'antiquité à nos jours. M. P. 64—89.

Отв. ред.: *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л. 160 с.

Отв. ред.: Внутренняя политика царизма (середина XVI—начало XX в.). Л. 404 с.

От редакции // Там же. С. 3, 4. Совместно с другими.

Отв. ред.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. ст. памяти И. И. Смирнова. Л. 456 с.

От редакции // Там же. С. 3, 4. Совместно с другими.

Ред.: Очерки истории Ленинграда. Л. Т. 5. Период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг. 748 с. Совместно с другими.

От редакции // Там же. С. 7—10. Совместно с другими.

Ред.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2-х кн. Л. Кн. 1. На путях к социалистической революции. Двоевластие. 456 с.; кн. 2. Вооруженное восстание. Победа социалистической революции. 612 с. Совместно с другими.

От редакции // Там же. Кн. 1. С. 5—8. Совместно с другими.

Ред.: Histoire de l'URSS de l'antiquité à nos jours. Partie 1. De l'Antiquité à la Révolution d'Octobre. M. 280 p. En collaboration avec I. Smirnov, M. Viatkine.

1968

Становление сословно-представительных учреждений в России: (Изыскания о земской реформе Ивана Грозного): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л. 32 с.

Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («Лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.) // ВИД. Л. Т. 1. С. 227—269.

Рец.: Многотомная «История СССР». Сер. 1. М. Т. 2. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XVII вв. Образование единого Русского государства. 631 с. // ВИ. № 3. С. 136—144.

Член редколлегии: ВИД. Л., 1968—1985. Т. I—VIII, XVI, XVII.

1969

Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л. 604 с.

Земская «уставная грамота» 1551 г. // ВИД. Л. Т. II. С. 199—213.

La città Russa nel secolo XVI (Politica e tendenze economiche) // IV convegno degli storici italiani e sovietici. Roma, 25—26 oktobre 1969. Roma. P. 3—24.

1970

О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. // V Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970 г. М. 14 с.

Two tendencies in the development of the feudal landownership in North-Eastern Russia in the XV-th and XVI-th cc. // V International congress of economic history. Leningrad, 10—14 August, 1970. M. 18 p.

Отв. ред.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л. 436 с.

Ред.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л. 404 с. Совместно с И. П. Шаскольским.

Ред.: Материалы по истории европейского Севера: Северный археографический сборник. Вологда. Вып. 1. 544 с. Совместно с другими.

Ред.: Очерки истории Ленинграда. Л. Т. 6. 692 с. Совместно с другими.

От редакции // Там же. С. 5—8. Совместно с другими.

Ред.: Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л. 416 с. Совместно с другими.

1971

Русский город и русское купечество в XVI столетии: (К постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Б. А. Романова. Л. С. 152—177.

Романов как педагог: Доклад на совместном заседании ЛОИИ АН СССР и Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), посвященном памяти Б. А. Романова, 16 ноября 1957 г. // Там же. С. 394—397.

«Торговый мужик» XVI века: (Историко-бытовые заметки) // Проблемы истории феодальной России: Сб. ст. к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л. С. 118—121.

Travaux relatifs à l'histoire urbaine en URSS // Cahiers Bruxellois, Revue tri-mestrielle d'histoire urbaine. Bruxelles. T. XV—XVI (1970—1971). Fasc. 3. P. 324—339. En collaboration avec V. I. Rutenburg.

Отв. ред.: Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Б. А. Романова. Л. 400 с. Предисловие // Там же. С. 3—7.

1972

О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв.: (К постановке вопроса) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л. С. 44—71.

Образование централизованного государства. Русское государство во второй половине XV—XVI в. // Краткая история СССР. 2-е изд. Л. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. С. 84—122.

Русский город в XVI столетии // Россия и Италия: Материалы IV конференции советских и итальянских историков. Рим, 1969. М. С. 41—68.

Выступления по докладам на IV конференции советских и итальянских историков // Там же. С. 265—269, 348—350.

Из воспоминаний об академике Евгении Викторовиче Тарле // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л. С. 51—55.

К итогам III «исследовательской недели» Международного экономического института в Прато // ВИ. № 3. С. 188—193. Совместно с В. И. Рутенбургом.

IV «исследовательская неделя» Международного экономического института им. Франческо Датини // Вестник АН СССР. № 9. С. 90—92. Совместно с В. И. Рутенбургом.

О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв.: Доклад на V Международном конгрессе экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970 г. Краткое изложение // Hispania. Madrid. T. XXX—XXXI. 1970—1971. P. 29, 30.

Отв. ред.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л. 368 с.

От редакции // Там же. С. 3, 4. Совместно с другими.

Отв. ред.: Краткая история СССР. 2-е изд. Л. Ч. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 440 с.

Ред.: Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти Е. В. Тарле. Л. 428 с. Совместно с другими.

Ред.: История рабочих Ленинграда: В 2-х т. Л. Т. 1. 1703—февраль 1917 г. 556 с.; т. 2. 1917—1965 гг. 460 с. Совместно с другими.

От редакции // Там же. Т. 1. С. 5—10. Совместно с другими.

От редакции // Там же. Т. 2. С. 5—9. Совместно с другими.

1973

Рец.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Л. В. Черепнину. М. 1972. 439 с. // ВИ. № 12. С. 149—153.

Ред.: Проблемы государственного строительства в первые годы советской власти: Сб. ст. Л. 364 с. Совместно с другими.

От редакции // Там же. С. 3—6. Совместно с другими.

1974

Рец.: Новый капитальный труд советских историков: (История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. Л., 1968—1969) // Коммунист. № 4. С. 112—118. Совместно с В. С. Дякиным и Г. Л. Соболевым.

Отв. ред.: *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М.* Пугачев и пугачевцы. Л. 188 с.

Ред.: Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. 2-е изд., перераб. и доп. Л. 504 с. Совместно с другими.

Notizen zum Vortrag der A. Wyczanski und J. Topolski «Bauernwirtschaft vor und während des ersten Stadiums der Industrialisation» // Materials of the Sixth International congress on economic history. Copenhagen.

1975

Рец.: *Edward L. Keenan.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. With an appendix by Daniel C. Waugh. Cambridge; Mass. Harvard University Press. 1971. P. Xi. 241 // American Historical Review. June issue. P. 690—692.

Отв. ред.: Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике. Материалы II Советско-финского симпозиума по социально-экономической истории. Ленинград, 13—14 декабря 1972 г. Л. 200 с.

Выступления на открытии и при подведении итогов работы II Советско-финского симпозиума по социально-экономической истории. Ленинград, декабрь 1972 г. // Там же. С. 7, 182—184.

Отв. ред.: *Панеях В. М.* Холопство в XVI—начале XVII в. Л. 268 с.

Ред.: Рабочие Ленинграда: Краткий исторический очерк, 1703—1975. Л. 360 с. Совместно с другими.

1976

О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. // V Международный конгресс по экономической истории. Ленинград, 1970 г.: Доклады. Т. 5. М.: ИНИОН АН СССР.

Рец.: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. Формирование бюрократии. М. 1974. 394 с. // История СССР. № 2. С. 163—166.

Ред.: Критика новейшей буржуазной историографии. Л. 268 с. Совместно с другими.

От редакции // Там же. С. 3, 4. Совместно с другими.

Отв. ред.: ВИД. Л., 1976—1983. Т. VIII—XV.

1977

Russie (X^e^—XVIIe siècles) // Guide international d'histoire urbaine. I. Europe. Paris. P. 429—452.

Die Bildung des Zentralisierten Staates. Der russische Nationalstaat in der zweiten Hälfte des 15. und im 16. Jh. // Geschichte der UdSSR in drei Teilen. Teil 1. Von der Urzeit bis zur Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution, M. S. 78—114.

The Centralised Russian state. Russia in the second half of the fifteenth and sixteenth century // History of the USSR. In three parts. Part 1. From the earliest times to the Great October Socialist Revolution. M.

Formaciŏn del Estado centralizado. El Estado ruso en la segunda mitad del siglo XV y en el XVI // Historia de la URSS. En tres partes. Parte 1. Desde la antiguendad hasta la Gran revolucion socialista de octubre de 1917. M.

Отв. ред.: Революционный Петроград. Год 1917-й. Л. 440 с.

От редакции // Там же. С. 5—7. Совместно с другими.

Ред.: История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М. 288 с. Совместно с другими.

1978

К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле // Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л. С. 60—76.

Образование централизованного государства. Русское государство во второй половине XV—XVI в. // Краткая история СССР. 3-е изд., переработ. и доп. Л. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. С. 85—123.

Мелкокрестьянская собственность при развитом феодализме // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Ростов н/Д, 21—25 сентября 1978 г. М. С. 193—196. Совместно с Ю. Г. Алексеевым и А. И. Копаневым.

A propos du problème de la «corvee» paysanne et du servage en Russie // Materials of the Seventh International congress on economic history. Edinburgh.

Talonpoikaisen maanomistuksen ongelmia Pohjois—Venäjällä 1400-ja 1500-luvuilla // Turun historiallinen Arkisto, 32. Turku. S. 29—43; резюме на русск.: Проблемы истории крестьянского землевладения на Севере России XV—XVI вв. С. 44—46.

Проблемы истории крестьянского землевладения на Севере России XV—XVI вв. // Там же. С. 44—46.

Отв. ред.: *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л. 246 с.

Отв. ред.: Краткая история СССР. 3-е изд., перераб. и доп. Л. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 456 с.

Ред.: Советская историография Кисвской Руси. Л. 280 с. Совместно с другими.

1979

Образование централизованного государства. Русское государство во второй половине XV—XVI в. // Краткая история СССР. Таллин. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. На эст. яз.

Отв. ред.: *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л. 464 с.

Ред.: *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. Л. 224 с.

Ред.: Советское источниковедение Киевской Руси. Л. 264 с. Совместно с другими.

1980

A központositott orosz állam kialakulása. Az orosz állam a XV. század második felében és a XVI századbar // A szovjetunió története. Elsö rész. Budapest. S. 87—124.

Ред.: *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л. 244 с.

1981

Основные научные направления и проблематика ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» // ВИД. Л. Т. XII. С. 3—12.

Le rendement du travail paysan en Russie au XVe et XVIe siècles (D'aprés les recherches soviétiques les plus récentes) // Productivitä e technologie nei secoli XII—XVII. Istituto internazionale di storia economica «F. Datini». Prato, Serie 2, Atti della «Terza settimana di studio» (23 aprile—29 aprile 1971). Firenze. P. 157—161.

[La Ville russe aux XVe—XVIe siècles. Les tendences économiques et la politique. The account of the report to the annual meeting of the International Commission for the History of Towns. Varna, 1977] // Scandinavian economic history review. Vol. 19. N 1. P. 33, 36—39, 42—43.

Отв. ред.: Россия и Финляндия: торговля, промыслы, крупная промышленность. Материалы V Советско-финляндского симпозиума по социально-экономической истории 9—11 октября 1978 г. Л. 160 с. Совместно с И. П. Шаскольским.

Выступления на открытии и при подведении итогов работы V Советско-финляндского симпозиума по социально-экономической истории. Ленинград, октябрь 1978 г. // Там же. С. 8, 9, 138—140.

1982

Актовые источники по истории русского Севера и некоторые вопросы изучения социального расслоения крестьянства XVI в. // ВИД. Л. Т. XIII. С. 22—42.

Новый труд по истории феодализма в России // Советское славяноведение. № 4. С. 52—60.

Vytvořeni centralizovaného stätu. Ryský stät ve druhě polovine 15. stoleti a v 16. stoleti // Stručně dějiny SSSR (1). Od nejstaršich dob do velkě Řijnove socialistickě revoluce. Praha. S. 83—119.

Die soziale Differenzierung der Bauernschaft Nordrusslands im 16.—Anfang des 17. Jh. // VI Suomalais-neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi turussa 22—25.10.1980. Turun historiallisen yhdistyksen julkaisuja. Vammala. 36. S. 125—152.

Социальное расслоение крестьянства Северной России в XVI—начале XVII в. // Там же. С. 153—155.

Отв. ред.: *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Л. 296 с.

Ред.: Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 1 (11). 292 с. Совместно с другими.

1983

Академик Борис Дмитриевич Греков — исследователь-источниковед // ВИД. Л. Т. XV. С. 3—30.

Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг. // Там же. Т. XIV. С. 23—49.

Образование централизованного государства. Русское государство во второй половине XV—XVI в. // Краткая история СССР. 4-е изд., перераб. и доп. М. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. С. 84—121.

Централизация и сословное представительство в России XVI в. (закон и действительность) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой фсодализм: Чтения, посвященные памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 25—27 октября 1983 г. М. С. 51—57.

Utworzenie państwa scentralizowanego. Państwo Ruskie w drugiej polowie XV i w XVI wieku // Historia ZSRR w dwóch tomach. Tom pierwszy. Od czasów najdawniejszych do Wielkiej Socjalistycznej Rewolucji Październikowej. Warszawa. S. 81—118.

Отв. ред.: Краткая история СССР. 4-е изд., перераб. и доп. М. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 432 с.

1984

La Communauté paysanne et la féodalisme dans le Nord de la Russie aux XVe—XVIe siècles // Les Communautes Rurales. Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des Institutions. Paris. T. XLV. P. 635—648.

Рец.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. 333 с. // История СССР. № 2. С. 177—181.

Ред.: *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л. 244 с.

Ред.: Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 2 (12). 296 с. Совместно с другими.

1985

Социальная борьба и «земское устроение» в России в 30—40-х годах XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л. С. 131—145.

История феодальной России в трудах И. И. Смирнова: К 75-летию со дня рождения // История СССР. № 5. С. 117—131. Совместно с Ю. Г. Алексеевым.

Уложение о кормлениях и службе 1555—1556 гг. // ВИД. Л. Т. XVII. С. 58—87.

Академик Б. Д. Греков — исследователь и источниковед // Изучение и преподавание историографии в высшей школе: Межвузовский сборник. Петрозаводск. С. 25—28.

Les villes russes aux XVe et XVIe siècles tendances économiques et politiques // Le pouvoir central et les villes en Europe de l'Est et du Sud-Est du XVe siècle au début de la révolution industrielle. Sofia. P. 13—32.

Рец.: *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII в. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. 223 с. // ВИ. № 6. С. 109—111.

Рец.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв.: (Главные тенденции политических взаимоотношений). М., 1984. 300 с. // Советское славяноведение. № 4. С. 114—117.

Отв. ред.: *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л. 272 с.

1986

Отв. ред.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века: Тексты. Л. 264 с.

Предисловие // Там же. С. 5—10.

Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. М. Т. 114. С. 148—179.

Русская историческая повесть первой половины XIX века // Русская историческая повесть первой половины XIX века. М. С. 5—17.

Комментарии // Там же. С. 754—766. Совместно с С. Н. Носовым.

1987

Отв. ред. (другой отв. ред. — В. М. Панеях): Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века.: Комментарии. Л. 263 с.

Комментарии к актам № 2, 6, 7, 10, 11 и другим (всего комментарии к 56 актам) // Там же. С. 9, 10, 11, 12 и др.

1988

Отв. ред. (другой отв. ред. — А. И. Копанев): Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. Л. 275 с.

Предисловие // Там же. С. 3—7.

1989

Город и деревня в России в XVI—середине XVII в. // Город, деревня и детерминация культуры в Северо-Восточной Европе (XIV—XX вв.): Материалы VII Советско-финского семинара по сравнительной социально-экономической истории. Таллинн. С. 73—102. Совместно с Ю. Г. Алексеевым и А. И. Копаневым.[2]

1990

Отв. ред. (другой отв. ред. — А. И. Копанев): Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. Л. 328 с.

1991

Русский город феодальной эпохи: проблемы и пути изучения // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. Л. С. 63—71.[3]

О Н. Е. НОСОВЕ

Николай Евгеньевич Носов. Некролог // ВИ. 1985. № 9. С. 189.

Сербина К. Н. Николай Евгеньевич Носов (1924—1985) //АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 342—343.

Алексеев Ю. Г. История Русского централизованного государства в трудах Н. Е. Носова // Исторические записки. 1987. Т. 115. С. 172—184.

Simmons J. S. G. Two Russian scholars: T. N. Kameneva + N. E. Nosov: Portreits and few references / J. S. G. Simmons. Oxford: All Souls College. 1987.

Алексеев Ю. Г., Павлов А. П. Николай Евгеньевич Носов (1924—1985) // ВИД. СПб., 1998. Т. XXVI. С. 317—327.

Носов Н. Е. // Чернобаев А. А. Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории. Саратов, 2000. С. 370.

---

[2] VII Советско-финский семинар по социально-экономической истории Северо-Восточной Европы проходил в Таллине с 31 августа по 5 сентября 1982 г.

[3] Основу настоящей статьи составляет доклад, прочитанный автором на заседании методологического семинара ЛОИИ СССР АН СССР 26 февраля 1984 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук.
АЕ	— Археографический ежегодник.
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
АРАН	— Архив Российской академии наук.
Архив СПб. ИИ РАН	— Архив С.-Петербургского института истории РАН.
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси.
ВГИАХМЗ	— Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
ВИ	— «Вопросы истории».
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины.
ГАВО	— Государственный архив Вологодской области.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области.
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГКЭ	— Грамоты Коллегии экономии.
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I—II.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
Доклады и приговоры	— Доклады и приговоры, состоящиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1880—1901. Т. 1—6.
ДРВ	— Древняя российская вивлиофика.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии.
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси. М.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (ранее ЦГАДА).
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА	— Российский государственный исторический архив.

РИБ	— Русская историческая библиотека.
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества.
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия.
СПб. ДА	— Собрание Санкт-Петербургской духовной академии (ОР РНБ).
ТКДТ	— Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А. А. Зимин. М.; Л., 1950.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы.
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 3

I. О Николае Евгеньевиче Носове

Б. В. Ананьич, А. А. Фурсенко. Николай Евгеньевич Носов 7
Р. Ш. Ганелин. Из воспоминаний о Н. Е. Носове 10
Г. Л. Соболев. Это была яркая личность 13
Д. Н. Альшиц Вспоминая Николая Евгеньевича Носова 16
Е. К. Пиотровская. Поздняя благодарность Николаю Евгеньевичу 18
А. Н. Цамутали. Н. Е. Носов и его суждения о русской историографии . . . 22
А. П. Павлов. Н. Е. Носов как исследователь проблем русской истории XVI в. 33
М. М. Кром. Творческое наследие Н. Е. Носова и проблемы изучения губной формы XVI в. 45

II. XV—XVI вв.

В. Л. Янин (Москва). Падение Новгорода 58
Ю. Г. Алексеев (Санкт-Петербург). К вопросу о сословиях в России XV—XVI вв. Некоторые черты сословной политики Ивана III 65
В. Д. Назаров (Москва). Между Москвой и Вильно: «дворяне» на листах посольских документов (конец XV—первая треть XVI в.) 82
П. В. Чеченков (Нижний Новгород). Пути московской политики в Нижегородском княжестве (первая половина XV в.) 94
К. В. Петров (Санкт-Петербург). Процедура судебного «доклада» в русском праве XV—первой половины XVI в.: К истории формирования судебных органов в России 106
А. В. Кузьмин (Москва). О происхождении рода Аминевых (К изучению истории киличеев в средневековой Руси) 116
Ю. Д. Рыков (Москва). Еще раз к вопросу о городском статусе Александровской слободы в эпоху Ивана Грозного 122
А. И. Филюшкин (Санкт-Петербург). Дискурсы Нарвского взятия 159
А. Л. Хорошкевич (Москва). Новгородский путь к Студеному (Ледовому) морю: из комментариев к «Запискам о Московии» Г. Штадена 173
Ю. В. Анхимюк (Москва). Росписи Казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ. Q.IV.53 180
Б. Н. Флоря (Москва). Центр и провинция в системе управления России (XVI—XVII вв.) 189
С. Н. Кистерев (Москва). Таможенные правила в Белозерском крае в середине XVI—начале XVII в. 195

М. С. Черкасова (Вологда). К изучению церковно-административных и территориальных структур на Русском Севере в XVI—начале XVIII в. 206
В. В. Шапошник (Санкт-Петербург). Иван Грозный и духовенство после отмены опричнины (1572—1575 гг.) 224

III. XVII—XVIII вв.

Морин Перри (Великобритания, Бирмингем). Избранный царь и прирожденные государи: Михаил Романов и его соперники 233
А. В. Морохин (Нижний Новгород). К истории первого брака царя Михаила Федоровича 247
И. О. Тюменцев (Волгоград). Зарождение земского движения в Замосковье и Поморье в 1608—1609 гг. 259
Н. В. Рыбалко (Волгоград). Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского 277
З. А. Тимошенкова (Псков). Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. 308
В. А. Аракчеев (Псков). Дворовые и задворные люди: к исследованию терминологии переписных книг 1640—1670-х гг. 316
Л. А. Тимошина (Москва). К вопросу о применении XVI и XVII глав Соборного Уложения в приказной практике 80-х гг. XVII в. 324
М. О. Акишин (Новосибирск). Государственная реформа Петра Великого и борьба с разбоями в России 340
С. В. Черников (Липецк). Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура 366
А. И. Раздорский (Санкт-Петербург). Из истории областной реформы Петра Великого (Административно-территориальный статус Курска и Обояни в 1708—1719 гг.) 387
С. Н. Искюль (Санкт-Петербург). На пути к сословному раскрепощению (манифест от 18 февраля 1762 г.) 395

IV. XIX—начало XX в.

М. М. Сафонов (Санкт-Петербург). Вокруг Михайловского замка (К истории дворцового переворота 1801 г.) 407
В. Г. Чернуха (Санкт-Петербург). Проблема местной реформы: Записка П. А. Валуева «О губернском управлении» (февраль 1868 г.) 416
Н. С. Андреева (Санкт-Петербург). Из истории Государственной думы Российской империи: «Остзейский вопрос» 421
В. Н. Гинев (Санкт-Петербург). Вопрос о волостном земстве в IV Государственной думе. (Разработка законопроекта в думской комиссии по местному самоуправлению) 431
Т. М. Китанина (Санкт-Петербург). Земские традиции в инфраструктурной реконструкции российской деревни накануне первой мировой войны . . . 442
В. А. Нардова (Санкт-Петербург). Проблема общероссийской городской реформы (законодательное предположение 37 депутатов Государственной думы и власть). 1913—1916 гг. 450

V. Историография

В. М. Панеях (Санкт-Петербург). Борис Дмитриевич Греков и Борис Александрович Романов 471
А. М. Дубровский, С. И. Науменко (Брянск). И. И. Любименко: новые материалы о жизни и деятельности 489
С. О. Шмидт (Москва). Санкт-Петербургское коммерческое училище в «Воспоминаниях» академика М. Н. Тихомирова 504

И. П. Медведев, М. Б. Свердлов (Санкт-Петербург). Граф Н. П. Румянцев о древнерусской нумизматике и истории 517
Т. В. Андреева, В. Г. Вовина-Лебедева (Санкт-Петербург). О смысле жизни: Предсмертное письмо А. А. Шахматова 525

Приложения

1. Материалы докторской защиты Н. Е. Носова . 537
2. Н. Е. Носов. Последние бои 555
3. Из писем Николая Евгеньевича Носова (1942—1946 гг.) 557

Список научных трудов Н. Е. Носова 590

Список сокращений 599

Родители Н. Е. Носова — Евгений Иванович и Ольга Николаевна Носовы (1920-е гг.).

Н. Е. Носов в детские годы.

Н. Е. Носов с одноклассниками. Июль 1941 г.

Николай Евгеньевич и Мария Сергеевна Носовы.
Свадебная фотография (31 октября 1948 г.).

Н. Е. Носов среди студентов IV курса исторического факультета Ленинградского университета — учеников Б. А. Романова (июнь 1950 г.).

Н. Е. Носов в своем директорском кабинете.

Сотрудники ЛОИИ (1970-е гг.).

Сотрудники Сектора истории СССР периода феодализма и архива ЛОИИ (1970-е гг.).

Заседание в конференц-зале ЛОИИ (1970-е гг.).
На переднем плане К. Н. Сербина, А. Л. Шапиро, Н. Е. Носов и В. М. Панеях.

Выступление Н. Е. Носова на юбилее А. Д. Люблинской (1972 г.).

Н. Е. Носов в президиуме советско-финского симпозиума. Ленинград (1972 г.).

Н. Е. Носов и В. И. Рутенбург среди участников конференции историков-экономистов в Прато. Италия (1972 г.).

Н. Е. Носов с женой Марией Сергеевной и внуком Андреем. Май 1981 г.

Научное издание

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В РОССИИ
XV—НАЧАЛА XX ВЕКА

Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским институтом истории
Российской академии наук

Редактор издательства *Г. А. Альбова*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *О. В. Гусихина, Ф. Я. Петрова, А. К. Рудзик* и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *О. В. Никитиной*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 30.11.07.
Подписано к печати 28.12.07. Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 50.5. Уч.-изд. л. 48.2. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. № 3107. С 52

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-026465-6